ПАМЯТНИКИ
ЛИТЕРАТУРЫ
ДРЕВНЕЙ
РУСИ
Конец XV - первая половина XVI века

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

ПАМЯТНИКИ

ЛИТЕРАТУРЫ

ДРЕВНЕЙ

РУСИ

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1984

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Конец XV –
первая половина
XVI века

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1984

Р1
П15

Вступительная статья
Д. С. ЛИХАЧЕВА

Составление
и общая редакция
Л. А. ДМИТРИЕВА
Д. С. ЛИХАЧЕВА

Оформление
художника
В. ВАГИНА

П $\frac{4702010100\text{-}406}{028(01)\text{-}84}$ без объявл.

ЭПОХА РЕШИТЕЛЬНОГО ПОДЪЕМА ОБЩЕСТВЕННОГО ЗНАЧЕНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Первая половина XVI века — эпоха, когда развивается вера в социальное переустройство общества на основе принципов «правды», то есть «истины-справедливости».

На первый план начинает выступать новое сословие — сословие дворян — служилых людей, выдвигаемых не по родовитости и заслугам предков, а по личным достоинствам, и стремящихся укрепить свое положение различными проявлениями преданности государству и его главе — великому князю московскому.

Как и всякий новый общественный слой, дворянство стремится идеологически обосновать свои права и притязания, верит в силу разума. Впрочем, вера в доводы разума — характерна не для одного дворянства. Во всем русском обществе поднимается вера не только в рассудок, логику, разумную целесообразность, но и в силу человеческого слова, в книгу. Роль и значение литературы поднимается необыкновенно. Сама литература меняет свой характер, становясь все более и более философичной, и проникается духом публицистической полемики.

Никогда прежде не спорили так много в Древней Руси, как в первой половине XVI века. Развитие публицистики — политической и философской — идет на гребне общего подъема веры в разум, характерной и для ренессансной Европы XVI века. О значении книжного слова неоднократно пишется в сочинениях, приписываемых приехавшему с Запада дворянину Ивану Пересветову. В «Сказании о царе Константине» Пересветов считает, что основной причиной неудач Константина было то, что вельможи его — «ленивыя богатины» — дали ему прочесть неправильные книги, в которых проводилась мысль, что царь не должен ходить войной «на иноплеменническую землю», в результате чего «царь книги прочел, да укротел». С другой стороны, успехи султана Магмета Пересветов объясняет опять-таки влиянием книг — на этот раз правильных и мудрых: «Царь турской Магмет-салтан сам был философ мудрый по своим книгам по турским, а се греческия книги прочел, и написав слово в слово по-турски, ино виликия мудрости прибыло у царя». Рассказав о той «правде», которую ввел Магмет в своем царстве, Пересветов заключает: «А ту мудрость царь снял з греческих книг, образец — таковым было греком быти»; «А то царь Махмет списал со християнских книг ту мудрость»; «Махмет списал со християнских книг ту мудрость и праведный суд»; «А все то Магмет-салтан, турской царь, снял образец жития света сего со християнских книг».

Пересветов придает исключительное значение «речам» волошского воеводы Петра. Он стремится пересказать их царю; сообщает царю то, что пишут

о нем в Литве «философи греческия и дохтуры латынския». Наконец, в особом «Сказании о книгах» Пересветов рассказывает, как Магмет-султан повелел у константинопольского патриарха Анастасия взять и перевести на турецкий язык христианские книги, с которых «снял образец жития света сего», то есть заимствовал образец общественного устройства.

Вера в возможность установить социальную справедливость с помощью убеждения и доброй воли просвещенного законодателя-князя отличает и сочинения другого замечательного писателя — протопопа кремлевского Благовещенского собора Ермолая-Еразма. Ермолай-Еразм предназначал свои сочинения для государя. К государю обращена его «Правительница» и «Моление к царю», его «челобитные», а отчасти сочиненные им на основе местных сказаний жития — «Повесть о Петре и Февронии Муромских» и «Повесть о Василии Рязанском», в которых он в косвенной форме поучает государя социальной справедливости и выступает против своеволия и спеси боярства.

В связи с этой верой в силу личного убеждения следует поставить и общее Пересветову и Ермолаю-Еразму желание, чтобы царь лично прочел их писания. Об этом Пересветов просит царя в первой своей челобитной; об этом же просит Грозного Ермолай-Еразм в своем «Молении к царю».

Вера в силу книжного слова была характерна в это время не только для представителей дворянской литературы. Однако эта вера имела свои оттенки в каждом из сословий. Представители церкви, обращавшиеся к государю со своими посланиями, надеялись в основном не только на силу своих доводов (как Пересветов и Ермолай-Еразм), но и на авторитет церкви. Митрополит Даниил самое свое слово считал как бы данным ему богом: «даде нам господь бог от слова помощь». Представители же боярства редко предназначают свои сочинения непосредственно для царя. Они излагают свои взгляды не только для того, чтобы кого-то убедить, но и чтобы просто выразить свое негодование окружающими непорядками. Впоследствии Вассиан Патрикеев говорил, что его называли «дерзким языком». Он жаловался, изливал свои недовольства. «Что убо безмилостивно и спротивно святым Писанием сътворяю, аще о сицевых беседую с боголюбивыми князи, *плачася и рыдая* (выделено мною. — *Д. Л.*) церковное нестроение».

Вера в книги была присуща и оппозиционному кружку, собиравшемуся вокруг приехавшего на Русь ученого-гуманиста Максима Грека. Участник кружка Берсень-Беклемишев спрашивал Максима, «как устроить государю землю свою, и как людей жаловати, и как митрополиту жити». Максим отвечал ему: «у вас *книги* и правила есть,— можете устроится» (выделено мною. — *Д. Л.*).

Мировоззрение дворянских публицистов проникнуто максимально действенным началом. Это сказывается не только в обращениях к царю и воинству с «коня не сседати», «на инопленники ходити воевати», в призывах к коренным преобразованиям в социальной и государственной сфере, но и в общефилософских посылках всей их публицистической деятельности. В этом отношении особенное значение имеет учение Ивана Пересветова о превосходстве «правды» над «верою». «Правда» — это исполнение веры, это

практика, действительность, справедливость, устроенная самими людьми — волей государя в первую очередь. Одной веры, по представлениям Пересветова, недостаточно. Необходимо воплощение этой веры в «правде», то есть «истине-справедливости». Без «правды» вера не нужна. «Коли правды нѣтъ, ино то и всего нѣту»; «правда богу сердечная радость»; «бог не веру любит — правду»; «бог любит правду лутчи всего» и т. д. Следовательно, только практическое осуществление добра есть ценность. Это резко противостоит лютеранским представлениям о примате над всем именно веры, которая одна якобы спасает человека.

Идя по пути признания первенства практики над «верою», Пересветов дошел до крайних границ отрицания «веры». Он высказывает чрезвычайно смелую мысль о том, что православные греки, которые «Евангилие чли, а иные слушали, а воли божии не творили», оказались менее угодны богу, чем магометане турки, которые хотя и не имели истинной веры, но «правду» осуществляли. С изящной смелостью формулируя свои мысли, Иван Пересветов заявляет о русском царстве: «Есть ли к той истинной вере християнской да правда турская, ино бы с ними ангели беседовали!» Бог отдал греческое царство в руки магометан за то, что в нем власть императора оказалась ограниченной вельможами, за то, что вельможи творили неправый суд, томили народ рабством. «Обленивевшиеся» вельможи своею леностью «богу лжут и государю». Отсюда требования Пересветова самой сильной, самой неограниченной и самой деятельной власти: «Царь — кроток и смирен на царстве своем — и царство его оскудеет, и слава его низится. Царь на царстве грозен и мудр — царство его ширеет, и имя его славно по всем землям».

Чтобы ввести в царстве своем «правду», нужна «гроза»: государь должен быть грозен для своих подданных. Без грозы «правды в царство не мощно ввести. Правда ввести царю в царство свое, ино любимаго не пощадити, нашедши виноватаго. Как конь под царем без узды, так царство без грозы». Здесь почти что обоснование будущих жестокостей Ивана Грозного.

Таким образом, максимальная собранность всех сил государства для введения «правды», наибольшая активность, отрицание «веры» без «правды», неуклонное до беспощадности проведение в жизнь всех мероприятий государственной власти — таково деятельное и бескомпромиссное мировоззрение поднимающегося сословия — дворянства, заинтересованного в реформах, во внедрении нового и в искоренении старых порядков феодальной раздробленности и самого боярства как сословия, опирающегося на заслуги предков, а не на собственные способности и дела.

Культ разума, деятельного проведения разумных начал в жизни фактически ведет в мировоззрении Пересветова к требованию последовательной и постепенной секуляризации, обмирщению всей жизни. Пересветов выступает против церковного провиденциализма. Не бог, но сам человек творит свою судьбу, а бог только «помогает» тем, кто стремится ввести в жизнь «правду» — справедливость и разумность. «Богъ помогает не ленивым, но кто труды приимает и бога на помощь призывает, да кто правду любит и праведный суд судит. Правда богу сердечная радость, а царю великая мудрость».

Мировоззрение дворянских публицистов проникнуто духом реформаторства, стремлением активно преобразовать общество на «разумных» или казавшихся разумными основаниях, не считаясь ни с чем.

Литература приобретает публицистический характер. Публицистика же требует немедленного вмешательства в жизнь, немедленного ее «исправления». Публицистика в XVI веке с ее челобитными, ставшими своеобразным литературным жанром, с ее проектами, была наиболее действенной формой литературы. Она не только поучала и убеждала,— она порой как бы приказывала, распоряжалась (так стало вскоре с произведениями Грозного, так было и в посланиях митрополитов), вносила на рассмотрение общества разработанные до мелочей деловые проекты (Ермолай-Еразм и Иван Пересветов).

Однако Пересветов выступает и за свободу страны. Он пишет: «Которая страна порабощена, те люди не храбры». Против чьего же насильства выступает Пересветов и чью свободу он отстаивает? Из всего контекста его сочинений ясно: против насильства и притеснения «вельмож», бояр.

Итак, с одной стороны — убежденность, что только от одного человека, государя, от его ума и просвещенности зависит благосостояние страны, а с другой — проповедь свободы и «добровольного» начала даже в военной службе. Противоречие это характерно для идеологии так называемого «просвещенного абсолютизма», в разных формах и вариантах проявившего себя в XVI веке по всей Европе.

* * *

Противоречие между требованиями абсолютной власти монарха и стремлением к свободе сказывается прежде всего в вопросе об организации вооруженных сил Русского государства. Вопрос о свободе возник в сочинениях Пересветова в связи с необходимостью заменить феодальное ополчение регулярным войском. Первое собиралось по принуждению, второе находилось на жалованье (денежное жалованье, пожалование поместьем, натуральное довольствие). Иван Пересветов постоянно подчеркивает, что воевать нужно за награду, а не по принуждению: «Воинника держати, как сокола чредити: и всегда сердца имъ веселити». Авторы публицистических произведений связывают свои предложения социальных реформ с необходимостью укрепить русское войско, реорганизовать его. Авторы аргументируют необходимость этих реформ тем, что они сделают русское войско более мощным, позволят быстрее созывать ратников во время военной опасности, укрепят их дух и т. д. Образование централизованного государства на востоке Европы было ускорено интересами обороны. Следовательно, интересы обороны диктовали многие государственные реформы. Войны на востоке, юге и западе России создавали необходимость в такой государственной системе, которая отвечала бы нуждам военным.

Как рассказывает о себе сам Иван Пересветов в своей «Малой челобитной», он выехал в Россию из-за границы «на царское имя» и вывез с собой образец гусарского щита, который хотел распространить в русском войске. Это не было безделкой, мелким военным изобретением. От такого рода

изобретений зависел исход сражений. Гусарский же щит Пересветова представлял собой серьезную защиту пешего войска от атак степной конницы. Щит был одобрен, и через боярина Михаила Юрьевича Захарьина Пересветов получил крупный заказ на такие щиты. «И Михайло Юрьевич образцы посмотрив, и тебѣ, государю, службу мою похвалил и обо мнѣ тебѣ, государю, печаловался. Дѣлати было, государь, мнѣ щиты гусарския добраго мужа косая сажень, с клеем и с кожею сырицею, и с ыскрами, и с рожны желѣзными,— а тѣ, государь, щиты макидонсково оброзца. А дѣлати их в ветляном древе, легко, добрѣ и крѣпко: один человѣк с щитом, гдѣ хощет, тут течет и на конѣ мчит. И тѣ щиты в поле заборона: из ближняго мѣста стрела немет, а пищаль из дальные цѣли неймет ручныя. А из-за тѣхъ щитов в поле с недругом добро битися огненною стрельбою из пищалей и из затинных, з города».

Эти сведения о себе Ивана Пересветова, сообщаемые им в «Малой челобитной», чрезвычайно существенны для понимания его публицистической деятельности. Иван Пересветов был военным. Он заботился об укреплении военного могущества Русского государства в первую очередь. История с гусарскими щитами очень показательна. Иван Пересветов как писатель делал то же, что он делал как профессионал военный: он и делом и словом стремился к переустройству русского войска. Его вооружение он пытался улучшить, создавая производство нового типа щитов; его организацию он пытался усовершенствовать, предлагая реформы в своих публицистических сочинениях.

Заканчивая свою «Большую челобитную», Пересветов подчеркивал, что приехал он служить царю «с тѣми речми и з дѣлы с воинскими» потому, что услышал, что русский царь имеет «от бога мудрое прирожение и счастливое к воинству». Ради этого Пересветов оставил «службы богатыя и безкручинныя». Публицистические сочинения Ивана Пересветова далеко перешагнули основную волновавшую его тему устройства русского воинства и имели гораздо более широкое значение, но об исходной теме всей деловой и публицистической деятельности Пересветова не следует забывать. Забота о военных силах Русского государства не раз сказывается в его сочинениях. О «воинской мудрости» царя, раньше чем об «управѣ во царствѣ своем» и «уставе жития царського», говорит Пересветов в «Большой челобитной». Богатство и знатность ослабляют воинов. «Хотя и богатырь обогатѣетъ и обленивѣстъ. Богатый любит упокой». Мысль эту Пересветов повторяет дважды, настойчиво подчеркивая, что вельможи плохие воины. Он приводит в пример греческое царство, в котором вельможи царством «обладали... и изменяли и царьство измытарили своими неправедными суды», собирали богатства «от слез и от крови християнския», а сами «обленивели, за вѣру християнскую крѣпко не стояли», царя отвлекли от военных дел и тем погубили страну. Он советует царю приближать к себе тех воинов, которые «люто» могут «против недруга государева смертною игрою играти», возвышать их имена, раздавать награды, выслушивать жалобы и любить их, как отец любит своих детей. Пересветов предлагает огнем жечь и иными «лютыми смертями» истреблять тех, кто отвращает царя от его воинских дел. «А царю без воинства не мочно быти,— говорит

Пересветов,— ангели божии, небесныя силы, и тѣ ни на един час пламенного оружия из рукъ своих не выпущают, стрегут рода християнского от Адама и до сего часа, да и тѣ службою своею не скучают. А царю как без воинъства бысти? Воинником царь силенъ и славен. Царю быти благодатию божиею и мудростию великою на царьстве своем, а до воинников быти аки отцу до детей своих щедру. Что царьская щедрость до воинников, то его и мудрость. Щедрая рука николи же не оскужает и славу себѣ великую збирает». Пересветов не только предлагает царю укрепить свое воинство, но и поощряет его к завоеванию Казанского царства. Он передает слова, сказанные Петром, волошским воеводой: «Да тому велми дивимся, что та земля (речь идет о Казанском царстве. — *Д. Л.*) не велика и угодна велми у таково у великово у силново царя под пазухою в недружбе, а онъ ей долго терпит и кручину от них великую приимает».

Те или иные наставления о «воинской мудрости» заключают в себе и «Сказание о царе Константине», и «Сказание о Магмете-салтане», и «Предсказание философов и докторов», и «Малая челобитная», и «Сказание о книгах», то есть все те произведения, которые традиционно приписываются Пересветову. В сущности, предложения Пересветова можно рассматривать как предложения воинских реформ в первую очередь. Они соответствовали интересам дворянства и не случайно частично осуществлялись впоследствии Иваном Грозным при содействии Адашева. Это объясняется тем, что воинские реформы мыслятся Пересветовым с необычной для своего времени широтой, как реформы всего государственного и социального строя, исходящие из интересов и идеологии дворянства.

Но не только Пересветов занят идеями этих воинских преобразований. Стремлением к укреплению армии отмечена и «Правительница» Ермолая-Еразма. Он предлагает регламентировать ратные повинности помещиков количеством отводимой им земли. С каждой территориальной единицы — «четверогранного поприща» — выходит на военную службу сам помещик и его слуга в бронях. Помещик и слуга живут в городе, чтобы в случае нужды немедленно явиться по призыву. И самые размеры «четверогранного поприща», устанавливаемые Ермолаем-Еразмом, и повинности крестьян в отношении помещиков определяются в известной мере этой воинской организацией.

Сочетание строжайшей дисциплины и добровольности, личной заинтересованности представляются обоим реформаторам — Пересветову и Ермолаю-Еразму — наиболее разумным решением вопроса. Жизнь, однако, показала, что такое сочетание не всегда бывает возможным: в феодальной Руси либо одно, либо другое берет верх, и тогда возникает или деспотизм вместо дисциплины, или же бунт вместо свободы.

* * *

Стремление найти «вечные», разумные, логические, незыблемые основания в самой жизни, провозгласить общие принципы, которые устанавливали бы основы социальной справедливости, в широкой степени характерны не только для воинских проектов Ермолая-Еразма. Он говорит об обязанностях царя заботиться о благе своих подданных, исходя из воззрений на

Русское государство, как на единственное православное государство во всем мире. Благо подданных Ермолай-Еразм понимает, стремясь найти общие принципы его в самом мироздании. И в этом отношении огромный философский интерес представляет созданная им концепция. Он утверждает: в основе всего социального порядка находятся крестьяне, так как производимый ими хлеб — главный источник жизни. «В начале же всего потребни суть ратаеве (пахари. — *Д. Л.*); от их бо трудов есть хлеб...» Хлебом питаются все — от царя и до крестьянина; хлеб — свят, он возносится в таинстве евхаристии. Хлеб — основа благосостояния людей и государства. Следовательно, крестьяне, непосредственные производители хлеба,— главный слой населения. И он называет крестьян необычно и торжественно — «ратаи».

Как и Пересветов, Ермолай-Еразм выступает против знатности. Неравенство может основываться только на неравном труде. Бо́льший надел должен соответствовать бо́льшим обязанностям. «Аще же будет гдѣ поприще по поприщу землею неравно, есть бо тако и людие: суть вь едином удобствии, сирѣчь равенствѣ, имут же нѣкая отстояния, межю себе суще неравна, по человеку убо разсмотряй, и поприще раздѣляет лучешим лучешая». Дворянский характер этого внешне демократического принципа ясен. По существу, он обосновывает право на представляемые поместья и отрицает право на наследственные вотчины. Ермолай-Еразм пишет про вельмож, что они «ни от коих же своих трудов доволствующе», и противопоставляет им служилое дворянство, которое, по его мнению, несет службу не бездельно и за эту службу получает землю и крестьян. О награждении последних землею Ермолай-Еразм умалчивает.

Ермолай-Еразм заявляет в «Молении к царю», что он ставит себе целью своими предложениями достигнуть «благоугодия земли и умаления насильства». Однако Ермолай-Еразм озабочен по преимуществу тем, чтобы владение крестьянами передать из рук боярства целиком в руки дворянства. Он стремится также упорядочить эксплуатацию крестьян.

* * *

Наставлять подданным царя, а царю подданных стало одним из важнейших дел культа разума, столь характерного для европейского XVI века. К этому же роду наставительных произведений принадлежат и сочинения Максима Грека, обращенные к игуменам и простым инокам. Наконец, и обычные исторические сочинения и повести клонились к этому наставительному пафосу, пафосу исправления нравов, привычек, поведения и управления начальников и монархов. «Повесть о царице Динаре» — это произведение о мудрой управительнице. И мудрости своей сама царица Динара учится из опыта истории и исторических книг: «Первѣе — показа любовь ко властодержавцем своимъ, и милость к народомъ, и праведный суд. И паче всего имѣаше прилежание к божественому Писанию, и о преднихъ царѣх и властодержавцех, како бѣ пребывание в нихъ и временное прехождение, и от того навыче воиньской храбрости. Якоже пчела събираетъ от цвѣтов медъ, тако и сиа Динара от памятных книгъ».

Не случайно и увеличение значения переводных произведений, обращенных с наставлениями именно к главам государств. Таковы, например, нравоучения Аристотеля Александру Македонскому, собранные в замечательном памятнике «Тайная тайных». В наставлениях Аристотеля звучит тот же призыв выбирать людей не по их происхождению, а по их способностям. В главе «Об управлении слугами своими, и боярами, и витязями (глава 6. Пятница)» Аристотель говорит Александру: «А не смотри на отчину (происхождение. — *Д. Л.*) их, но на дела их» и о том же напоминает в связи с советами стеречь правду, справедливость и закон: «И досмотряй достоиньства каждого человека к службе своей, ни земли его, ни роду его». «Тайная тайных» внимательно читал и Иван Грозный, как это видно из многих рассуждений в его посланиях.

На несколько иных позициях стоит философ и публицист XVI века Федор Карпов. С общеморальных позиций Федор Карпов протестует против «терпения», то есть безусловного подчинения подданных царской власти. Он утверждает, что «терпение» приводит к неограниченному произволу властителей, что покорность развращает власти, и постоянно сетует на современность, на безнравственность современного ему общества. Мировоззрение Федора Карпова в сущности пессимистично. Его идеал покой, и он ищет этот покой в потустороннем мире. В конце своего послания к митрополиту Даниилу Федор Карпов пишет об обетованной земле живых, о рае, в котором «часы не начинають дней, восхода и захода не имѣють, годоваго предѣла не стяжут, старость младеньства не пременяеть, немощъ здравиа не озлобляеть, смерть живота не скончеваеть; времена несчастиа тамо не чаются, тамо вся красна, ничто неблаго, вся добра, ничто спротивно, нѣсть труда телеснаго или мысленаго, но всегда бес конца тихий покой, никоего неразумиа, но всевѣчна премудрость».

* * *

Огромная роль, которая отводилась в мечтах и чаяних людей первой половины XVI века Русскому государству, побуждала к созданию особой теории его национального и мирового значения, которая обосновывала бы право этих надежд. Русское государство становится «идеологическим государством» — со своей теорией общемировых обязанностей и права на эти обязанности.

Чем решительнее и чаще обращались публицисты и проповедники к государям всея Руси с требованиями внутренних реформ и укрепления власти, тем больше возрастала убежденность самого государства в своем общерусском и мировом значении. Это было решительное изменение во взглядах русских государей и князей отдельных княжеств на самих себя. Ничего подобного не было в предшествующие века. В предшествующие века главы отдельных русских княжеств ощущали свои права, как права владельцев, обязанности же свои ограничивали самозащитой и защитой населения своих княжеств от внешних вторжений. Объединив отдельные русские княжества под своей властью, московские государи стали воспринимать свои обязанности прежде всего как

некое служение — служение православию во всем мире, а себя — как единственных после падения Византии защитников православия во всем мире.

Права и обязанности в средние века были прежде всего правами по наследованию и удостоверялись определенными знаками, пророчествами, регалиями, генеалогическими «свидетельствами» — родословными и «сказаниями». Поэтому все теории власти, которые начали возникать в XV и XVI веках о мировой роли Русского государства, строились прежде всего на обоснованиях права по наследству — от Рима Восточного и Рима Западного, или Первого.

Три теории привлекли к себе внимание русских государей и были ими восприняты для обоснования своих неограниченных прав на вмешательства в судьбы мира: теория, изложенная в «Повести о Вавилонском царстве» (см. «Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века». М., 1982) и обоснованная там обретением царских регалий, теория, высказанная «попутно», как сама собой разумеющаяся, в посланиях старца псковского Елеазарова монастыря Филофея о Москве — Третьем и последнем Риме, и третья теория, основная часть которой была создана бывшим московским митрополитом Спиридоном-Саввой и изложенная им в «Послании о Мономаховом венце», а затем переработанная и официально принятая в «Сказании о князьях владимирских», где власть московских государей рассматривалась как унаследованная от римских цезарей.

Что было между ними общего и в чем они различались?

«Сказание о Вавилоне-граде» — наиболее ранняя из попыток заявить и обосновать права Русского государства. Она относилась к XV веку и рассказывала легенду о том, как равные права получают одновременно для своих царств грек, грузин и русский. Они проникают в заколдованное и таинственно охраняемое Вавилонское царство, где и получают венцы царя Навуходоносора, драгоценные камни и кубки.

Важно отметить, что, несмотря на весь свой сказочный характер, «Сказание» было включено в XVI веке в официальный сборник.

Сказочный характер «Сказания о Вавилоне-граде» не мог, однако, удовлетворить читателей, искавших более деловитых и бесспорных исторических оправданий прав русских государей на власть. Сказка не претендует на достоверность — скорее на занимательность. Поэтому вскоре рядом со «Сказанием о Вавилоне-граде» появляется другая легенда — «Сказание о князьях владимирских».

«Сказание о князьях владимирских», ставшее в конце концов официальной концепцией исторических прав Русского государства в XVI веке, прошло несколько стадий в своем развитии. Создал историческую легенду тверской монах Спиридон-Савва, посвященный в XV веке в Царьграде в митрополиты всея Руси, но не признанный в Москве и сосланный московским великим князем в Ферапонтов монастырь. Ему первому принадлежит идея связать родословие московских князей с римскими цесарями. Он составил «Послание о Мономаховом венце», в котором утверждал, что от Августа-кесаря его потомок Прус получил свою часть на востоке Европы. Это

его наследство перешло затем к его потомку Рюрику, а от него к русским князьям рюриковичам. Вторая часть того же послания излагает историю получения в Царьграде «шапки (венца) Мономаха» Владимиром Мономахом, а с ним вместе и других даров, удостоверяющих его царское достоинство. Третья часть послания — родословие литовских князей гедиминовичей, свидетельствующее о том, что Спиридон-Савва, создавая свою легенду, не собирался непременно связать ее лишь с московскими князьями и их правами на царский венец. Этому послужило уже другое произведение, сохранившее тот же легендарный характер,— «Сказание о князьях владимирских». Неизвестный нам автор специально приспособил легенду, изложенную Спиридоном-Саввой в его послании для доказательства правомерности притязаний потомков Даниила Александровича московского через его сына Юрия Даниловича на возглавление Руси. Примечательно, что заканчивалось оно упоминанием победы Дмитрия Донского на Куликовом поле, как бы закреплявшим окончательно его права.

Именно это «Сказание» и было принято в качестве официального обоснования прав московских великих князей на возглавление всех русских княжеств, а затем и Русского царства. В 1547 году Иван Васильевич IV был коронован «шапкой Мономаха» на русский престол. На основе «Сказания» был составлен и самый «Чин венчания» московских государей. Идеи «Сказания» излагались в дипломатических документах, в официальных летописях, в «Степенной книге царского родословия». Отдельные сцены из него и самый текст «Сказания» был вырезан на дверцах царского трона, стоявшего в московском Успенском соборе.

Более же широкое историческое обоснование прав Москвы на первенствующее положение в мире было изложено в неофициальных посланиях псковского старца Филофея. Сперва в «Послании на звездочетцев» 1524 года, а затем еще в двух посланиях, адресованных, судя по относительно поздним спискам, Василию III и Ивану IV, Филофей упоминает о Москве как о Третьем и последнем Риме. Но в официальную мысль представления о том, что Москва является третьим и последним мировым государством — Третьим Римом, вошли не ранее XVII века и то как бы под сурдинку — без помпезного провозглашения своих прав. Согласно этой теории старца Филофея, не представлявшей ничего исключительного для средневековой Европы, где большинство царствующих династий связывали свое происхождение либо с римскими императорами, либо с участниками Троянской войны, мировая история представляет собой последовательную смену мировых держав. Первой мировой державой был Рим Древний (основателями которого иногда выступали герои Троянской войны). Второй мировой державой, пришедшей на смену первому, являлся Рим Второй, или Византия. После же отпадения Второго Рима от православной веры в результате Флорентийской унии и захвата Константинополя магометанами, Третьим Римом, защитницей и центром истинного православия стала являться Москва. «Четвертому же Риму не быть» — утверждала легенда, пока еще, в XVI веке, утвердившаяся в среде сторонников Москвы в Пскове.

* * *

Самостоятельная русская общественно-политическая и философская мысль несомненно отражала знакомство с переводными философскими произведениями общемирового значения. К таким принадлежали, например, сочинения ранневизантийского богослова Дионисия Ареопагита или «Диоптра» инока Филиппа, из которой в нашем сборнике мы печатаем одну ее самостоятельную часть — «Разговор Души и Плоти». Произведение это принадлежит к жанру так называемого «сократического диалога», известного в мировой литературе со времен античности. Поразительна в этом диалоге та роль, которая отводится в нем телу. Тело хотя и признается «служанкой» души, но именно оно учит душу, ибо оно познает мир, познает Писание и сочинения отцов церкви. Без тела душа слепа, нема и бездеятельна. Тело читает, переворачивает листы книг, вникает в суть дела, рассуждает, ибо обладает органами памяти, мысли и восприятия (три части мозга). И хотя душа бессмертна, а тело смертно, но именно оно умеет утвердить свое значение как познающего начала. Душа же слепа и во всем сомневается. Тело разъясняет душе и чисто богословские понятия, учение церкви и, может быть, помимо воли самого автора, утверждает свое превосходство над душой. Спор души и тела создает и своеобразную средневековую гносеологию, в которой чувствам задолго до возникновения философского сенсуализма отводится роль познающего и определяющего познание начала.

Значение «Диоптры», как и сочинений Дионисия Ареопагита, состояло еще и в выработке многих отвлеченных понятий и философской терминологии.

Большое место в «Разговоре Души и Плоти» уделено вопросам воскресения мертвых. Из этих сомнений, одолевающих душу, мы узнаем о том, в чем были главные сомнения средневековых людей, в чем видели они противоречия церковного учения и как стремились ответить на естественно возникающие вопросы и недоумения. Любопытно, что в роли сомневающегося выступает душа, а в роли утверждающего церковную истину — тело, которое признается основным познающим и размышляющим началом. «Разговор Души и Плоти» явился таким образом как бы философским обоснованием той веры в разум, о которой мы говорили в начале этой статьи.

Своеобразным философским произведением была и переводная повесть «Стефанит и Ихнилат». Повесть «Стефанит и Ихнилат» представляет собой собрание басенных поучений глупому царю Льву, объединяемых общим сюжетом. Смысл этих басенных рассказов в том, что одолевать врагов следует не силой, но умом и хитростью: «мудрость больше, чем сила». Опять-таки на первый план выступает разум, мудрость, а порой и простой обман, но обман хитро обдуманный. Повесть «Стефанит и Ихнилат» пришла на Русь с Востока через Византию, по-видимому, еще в XV веке. Не все в этой повести, особенно в ее басенной, нравоучительной части, соответствовало тому, что хотелось русским читателям. Восточная хитрость и обман были явно не по душе русским читателям, озабоченным желанием иметь сильного, мудрого, прямодушного и справедливого царя. Этим

объясняется сложная судьба ее текста на русской почве: русские переписчики переделывали ее текст, перетолковывали смысл отдельных рассказов, пропускали некоторые и даже вносили новые.

* * *

Развитие публицистической мысли вызвало появление новых форм литературы, новых жанров. Первая половина XVI века отмечена сложными и разносторонними исканиями в области художественной формы. Устойчивость средневековых жанров нарушена. В литературу проникают деловые формы, а в деловую письменность — элементы художественности. Мы видели уже, что темы литературы XVI века близки к публицистике,— это темы живой, конкретной политической борьбы. Многие из тем, прежде чем проникнуть в литературу, служили содержанием деловой письменности. Вот почему формы деловой письменности становятся и литературными формами — это прежде всего касается введения в литературу формы челобитных и писем.

Пересветов пишет челобитные. Их содержание близко к содержанию обычных, деловых челобитен. В них, как и во всяких челобитных, есть конкретный адресат (у Пересветова — великий князь, царь). Есть в них и обычные личные просьбы: о допущении его «речей и дел перед государя», о своей защите от сильных людей и о заказе ему изделий (щитов). Однако наряду с обычными для челобитных просьб есть и необычные. Основная тема челобитных Пересветова — отнюдь не личная. Личная — лишь прикрытие, дань деловой условности. Он обращается не с просьбами, а предлагает государственные проекты. При этом в челобитных Пересветова имеются элементы легенды, развитой рассказ. Перед нами очень важный процесс претворения деловой литературы в литературу художественно-публицистическую, обогащение жанровой системы древнерусской литературы за счет деловых жанров. Процесс этот способствовал секуляризации литературы, протянувшись на целые полтора-два века.

В литературе XVI века часто трудно решить — где кончается литература и начинается деловая письменность. Трудно решить: в деловую ли письменность проникают элементы художественности, или в литературе используются приемы деловой письменности. Литература широко обращается к формам устной, ораторской речи, к формам диалога, философской прозы. Литература не столько показывает, сколько рассуждает, размышляет, спорит, доказывает, приводит широкую аргументацию. В форме диалога написано «Того же инока пустынника Васьяна (Вассиана Патрикеева. — *Д. Л.*) на Иосифа, игумена Волоцкаго, собрание от святых правил и от многих книг собрано, и на его ученики и различныя межь собя ответы от книг». Произведение построено как диалог между Вассианом и Иосифом. Поддержку этой диалогической форме русская оригинальная литература находит в переводной (см. «Разговор Души и Плоти» или «Стефанит и Ихнилат»).

Многие приемы церковной литературы используются в литературе светской и частично изменяют ее характер. Так, например, широкое развитие

в литературе XVI века приобретает аллегория, в прошлом теснейшим образом связанная с традиционной церковной символикой и с жанром притчи. В публицистической литературе первой половины XVI века аллегория используется очень часто, но характер ее становится светским. В форме аллегории написана «Повесть некоего боголюбивого мужа». Характерно, что и в этой повести, как и во многих произведениях XVI века, исторические события служат основой для назиданий и рассуждений. Между тем в предшествующее время, в XI—XV веках, на первом месте всегда стояла историческая сторона, а назидательная была как бы дополнительной. В повести действует «некий» (этим словом подчеркивается, что не важно, кто именно, какое историческое лицо) «благоверный, боголюбивый и милостивый царь». Отсутствие имен исторических действующих лиц облегчает возможность применений этой повести к тогдашней действительности. Освобождение аллегории от церковности было связано с обращением ее к сказочности,— на месте церковной аллегории появляется аллегория, пользующаяся сказочными, басенными формами. И снова поддержку этому явлению русские авторы находили в переводной литературе, в частности, в уже упоминавшейся замечательной повести «Стефанит и Ихнилат». Характер средневекового мировоззрения требовал и в светских сочинениях обращения к авторитету древних изречений. Эти изречения и давались в светских полемических и философских произведениях, но они приводились без ссылок на авторитетных авторов: сама форма афоризмов, изречений подкрепляла их убедительность. Афористической формой пользуются Пересветов, Ермолай-Еразм и многие другие авторы первой половины XVI века. Авторы облекают свою мысль в форму, близкую народным пословицам и поговоркам. Перед нами любопытная деталь секуляризации, поисков новых форм убедительного изложения аргументации.

* * *

Литература первой половины XVI века опережает свое время. Она не следует слепо за действительностью, а исходя из нужд и забот своего времени указывает и подсказывает пути, по которым эта действительность станет развиваться, неся в себе добрые тенденции, но отчасти и зародыши будущих злоупотреблений властью, когда государь утвердится в своих идеях вседозволенности для него.

Перед нами в первой половине XVI века один из высших подъемов сознания литературой своей ответственности перед судьбой страны и народа. Многое в этом подъеме опережало свое время, многое было и правильного и ошибочного, ибо писатели судили на уровне своего времени, исходя из его представлений и ошибаясь в пределах опять-таки своего времени, однако вместе с тем они постоянно поднимались над своей эпохой, стремились не только заглянуть в будущее, но и предопределить ход истории. Одно положительное явление совершенно несомненно и бесспорно: в литературу вошли новые общественные и отвлеченные темы, новые мысли, новая терминология —особенно политическая и философская, множество новых понятий, расширилась жанровая система,— в сторону ее обмирщения,

Уже в первой половине XVI века мы можем заметить многие явления, которым суждено было стать типичными для литературы второй половины XVI века и всего XVII века. Одним из таких новых явлений было появление в литературе имен светских писателей. Как правило, до XVI века литература светского характера была в основном безымянной. Мы не знаем имени даже автора «Слова о полку Игореве». По именам мы знаем по преимуществу писателей церковного направления — авторов проповедей, поучений, житий святых, изредка летописцев. Сейчас, в первой половине и середине XVI века, в связи с ростом личностного начала, становятся известными и значимыми имена авторов светских публицистических произведений.

Д. С. Лихачев

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Конец XV – первая половина XVI века

ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ, ЦАРЕВИЧЕ ОРДЫНСКОМ

МЕСЯЦА ИЮНЯ, В 29 ДЕНЬ. ЖИТИЕ БЛАЖЕННАГО ПЕТРА, БРАТАНИЧА ЦАРЯ БЕРКИ, КАКО ПРИИДѢ ВЪ СТРАХ БОЖИЙ И УМИЛИСЯ ДУШЕЮ, И, ПРИШЕД ИЗЪ ОРЬДЫ В РОСТОВЪ В ЛѢТО *6761* И КРЕСТИСЯ, И КАКО ВИДѢНИЕ ВИДѢ СВЯТЫХ АПОСТОЛЪ ПЕТРА И ПАВЛА НА ПОЛИ, ИДѢ ЖЕ НЫНѢ ЦЕРКОВЬ СТОИТ СВЯТЫХЪ АПОСТОЛЪ ПЕТРА И ПАВЛА И МОНАСТЫРЬ СОТВОРЕН. БЛАГОСЛОВИ, ОТЧЕ

Святому епископу ростовьскому Кирилу ходящу в татары с честию къ царю Берькѣ за дом святыа Богородица. Царь же слышавъ от него о святѣм Леонтии, еже от Гречьскиа земля родомъ, како крести град Ростовъ, како увѣри люди, како благословением патриарха приидѣ, и како честь приа *от* русских князий и от гречьскаго царя и патриарха и от всего вселеньскаго събора, и како по преставлении его сдѣваются чюдѣса от ракы мощий его и до сего дни. И ина многа поучениа от *евангельских* святых указаний.

И, слышавъ царь Берка от епископа, възрадовася и почти и его и вдасть ему, его же требует, и отпусти и его. Да смѣю рѣщи, царь Берка *повеле* по его бо животѣ князи ярославьстии годовнии оброкы носят над гробъ его.

В то же лѣто разболѣся сынъ его, единъ бо бѣ у него. Царь же от врачевъ не обрѣте никоеа ползы, но умысли сице: пославъ в Ростовъ по святаго владыку и обѣща ему дары многы, да исцѣлит сына его. Владыка же повѣлевъ пѣти мльбены в Ростовѣ по всему граду, освятивъ воду и, пришед в татары, исцели сына царева. Царь же възрадовася съ всѣм домомъ и съ *всею* Ордою своею и повѣлѣ давати владыцѣ оброкы годовнии в домъ святыа Богородица.

Нѣкто же отрокъ, брата царева сынъ, юнъ сый, предстоя пред царемъ всегда, слыша поучениа святаго владыкы, умилися

ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ, ЦАРЕВИЧЕ ОРДЫНСКОМ

МЕСЯЦА ИЮНЯ, В ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ. ЖИТИЕ БЛАЖЕННОГО ПЕТРА, ПЛЕМЯННИКА ХАНА БЕРКЕ, КАК ОХВАТИЛ ЕГО СТРАХ БОЖИЙ, И УМИЛИЛСЯ ОН ДУШОЮ, И, ПРИЙДЯ ИЗ ОРДЫ В РОСТОВ В ГОД 6761 (1253), КРЕСТИЛСЯ, И КАК ВИДЕЛ В ВИДЕНИИ СВЯТЫХ АПОСТОЛОВ ПЕТРА И ПАВЛА НА ТОМ ПОЛЕ, ГДЕ НЫНЕ ЦЕРКОВЬ СТОИТ СВЯТЫХ АПОСТОЛОВ ПЕТРА И ПАВЛА И МОНАСТЫРЬ ПОСТРОЕН. БЛАГОСЛОВИ, ОТЧЕ

Святейший епископ ростовский Кирилл ходил в Орду на поклон к хану Берке, радея о храме святой Богородицы. И хан услышал от него о святом Леонтии, который родом был из Греческой земли, как пришел тот в Ростов по благословению патриарха, и как крестил город Ростов и привел в веру православную людей, и как удостоен был похвалы за это от русских князей, и от греческого царя и патриарха, и от всего вселенского собора, и о том, как после преставления Леонтия и до сих пор свершаются чудеса от раки с мощами его. И о многом другом беседовал епископ от евангельских наставлений.

И, услышав это от епископа, хан Берке полюбил его, и оказал ему почет, и пожаловал ему все, чего тот просил, и отпустил его. Напомню о том, что хан Берке велел, чтобы после смерти святого князья ярославские ежегодными дарами чтили гробницу его.

В то время разболелся сын хана, а был он у него один. Хан же, видя, что нет никакой пользы от врачей, сделал так: послал в Ростов за святейшим владыкой и обещал ему много даров, если исцелит сына его. Владыка же, повелев служить молебны по всем церквам в Ростове, освятил воду и, придя в Орду, исцелил той водой ханского сына. Хан возрадовался со всем домом своим, и вся Орда радовалась, и повелел хан давать владыке ростовскому ежегодную дань в храм святой Богородицы.

Некий же отрок, ханова брата сын, еще юный, который постоянно находился в свите хана, слышав поучения святейшего

душею и прослезися. Выходя на полѣ уединяяся и размышляа: «Како си вѣруют цари наши солнцу сему и месяцу, и звѣздамъ и огневи? И кто сей есть истинный богъ?» Размышляа, акы древний Аврамъ. От благаго корене и лѣторасль блага, а съй отрокъ — от злаго корене лѣторасль блага. И умысли сице — ити съ святымъ владыкою и видѣти божницу русскиа земля и чюдеса, бываема от святых, и глаголаше: «В наших странах от солнца сего, и от месяца, и от звѣздъ, и от огня чюдеса не бывают».

Бѣ бо тъгда отцю его, брату цареву, умръшу, а матери его дръжащи многа имениа ему. Он же вся та ни во что же мняше душею своею, развѣ единоа вѣры. Мати же его, слезящи о размысле отрока, и показа ему имѣниа многа отца его. Онъ же вся та разда нищим татарьскым требующимъ и многа имѣниа владыцѣ вдавъ.

И утаився всѣх, акы древний Мелхиседекъ, сынъ царевъ, избежа, велию себѣ благодать прежде крещениа приобрете, иерей саномъ почтеся, тако и съй отрокъ приа прежде крещениа сице в разумъ. О таковых богъ в Еуангелии рече: «Мнози будут прьвии послѣднии, а послѣднии — прьвии». И прииде съ владыкою в Ростовъ, видѣ церковь, украшену златомъ и жемчюгомъ и драгым камениемъ, акы невѣсту украшену. В ней пѣниа доброгласная, яко же аггельска: бѣ бо тогда въ церкви святыа Богородица лѣвый клиросъ гречески пояху, а правый русскый.

Слышав же сиа строкъ, сый в невѣрии, и огнь възгорѣся въ сердци его, взыде луна въ умѣ его, възсиа солнце въ души его, припаде к ногама святаго владыкы и рече: «Господи, святче божий, азъ размышлях о бозех царевых и о родительскых, и о солнци, и о луне, и о огни — яко тварь суть, а ваша вѣра права и добра, вашь богъ истинный. Молю тя, да бых и азъ приялъ святое крещение». Владыка же почти и его и повѣле ждати, бѣ бо размышляа о искании отрока.

И по малѣ времени царю Беркѣ умръшу. Ордѣ мятущися и искания отроку не бѣ, крести сего отрока святый владыка и нарече имя ему Петръ. И бѣ Петръ в учении господни по вся дни въ святилище у владыкы. И преставися святый владыка Кирилъ, и погребоша его честно съ пѣсньми; *вѣчная* ему память! И приа престолъ святый владыка Игнатий; и нача крыти оловомъ и дно мостити мраморомъ храмъ святыа Богородица ростовскиа, въ Орду ходя, емля оброкы царьскиа. Петръ же, яко навыче у владыкы, молитвы плачевныа дневныа и нощныа приносити къ богу и непристаннаго поста не оставаяся.

владыки, умилился душою и пролил слезы. Стал уходить он в степь, уединялся там и размышлял: «Как это веруют ханы наши в солнце и месяц, в звезды и огонь? А кто же истинный бог?» Так размышлял он, словно древний Авраам. От благого корня отрасль благая бывает, а сей отрок — благая отрасль от злого корня. И надумал он уйти со святейшим владыкой, чтобы увидеть храм Русской земли и чудеса, свершаемые святыми, так говоря: «В наших землях от солнца, и от месяца, и от звезд, и от огня чудес не бывает».

Отец его, брат хана, в то время уже умер, а мать его владела большим богатством, которое хранила для него. Он же все это ни во что ставил, а размышлял лишь о боге. Мать же отрока, удрученная помыслами его, показала ему все богатства отца. А он все раздал нищим татарам и много золота владыке вручил.

И, утаившись ото всех, подобно древнему Мельхиседеку, сыну цареву, решил уйти,— как тот великой благодатью до крещения преисполнен был и саном иерея от бога наречен, так этот отрок благодать в душу свою восприял до крещения. Это о таких бог в Евангелии сказал: «Многие из первых станут последними, а из последних — первыми». И пришел он с владыкою в Ростов и увидел церковь, украшенную золотом, и жемчугом, и драгоценными каменьями, словно невесту нарядную. И пение в ней услыхал дивное, подобное ангельскому: ведь тогда было в церкви святой Богородицы так, что левый клирос пел по-гречески, а правый — по-русски.

Когда услышал это отрок, пребывавший еще в язычестве, то разгорелся огонь в сердце его, взошла луна в мыслях его, засияло солнце в душе его, и пал он в ноги святейшего владыки и воскликнул: «Господин мой, праведник божий, я размышлял о богах хана и родителей моих, и о солнце, и о луне, и об огне,— ведь все это сотворено богом, а ваша вера правая и благая, ваш бог истинный. Молю тебя — сделай так, чтобы и я принял святое крещение». Владыка внял его просьбе и велел ждать, ибо был он в раздумье — не ищут ли отрока.

Прошло немного времени, и хан Берке умер. В Орде начались раздоры и никто отрока не искал; тогда святейший владыка крестил отрока, дав ему имя — Петр. Все дни проводил Петр в храме у владыки, учась слову господнему. Потом святейший владыка Кирилл преставился, и погребли его честно с песнопениями; вечная ему память! На владычный престол вступил святейший владыка Игнатий; в ростовском храме святой Богородицы он начал крыть купола оловом и пол мостить мрамором, стал ходить в Орду, собирая оброки ханские. Петр же, как научил его владыка Кирилл, слезные молитвы днем и ночью возносил к богу и строго соблюдал пост.

И царьскиа своеа не преставая утехы: бѣ выѣздя при езерѣ Ростовстем птицами ловя. И единою же, ему при езере ловящу, по обычнѣй молитвѣ усну. И вечеру глубоку сущу, и приидоста к нему два мужа свѣтла, сущу акы солнце, и възбудиста и, глаголюще: «Друже Петре, услышана бысть молитва твоа и милостыня твоя взыдоша пред *богом*».

Оле чюдо, братие! Како не удивимся милостивней силѣ: в невѣрии раздаяннѣ, а в вѣре услышанно быти. Аки древний Еустафий Плакыда в невѣрии милостыня дая бѣ, а в вѣрѣ, како сий, сугубы и здѣ приа мзды и по трудѣ — царствие небесное. О сей бо милостыни господь рече своими усты: «Не 5 ли птиць на единой цениста цатѣ, ни едина их не забвена есть пред богом». Тако ти и сего блаженаго Петра милостыни в неверии раздаянна, а в вѣре и молитвѣ услышана бысть.

Петрь же, възбнувъ, видѣ два сиа мужа, паче възраста человечя, мнѣти ему от ужасти — *акы до облак, а светлостию* акы весь миръ осиающи. Въ ужасти въставъ и падеся дващи, въста и падеся и въ третий такожде. Сиа же свѣтлаа мужа яста и за руку и глаголаста ему: «Друже Петре, не бойся, вѣ ествѣ послани к тебѣ богомъ, въ н же вѣрова, крестися, *укрѣпит* род твой и племя и внуци твои до скончаниа мира, и въздати тебѣ мьзду милостыня твоеа, а противу трудом твоимъ вѣчная благая примеши».

И вдаста ему два мешца и глаголаста: «Възми сия мѣшца, въ едином ти злато, а въ другомъ — сребро. Утро да идеши въ град, вымени три иконы — икону святыа богородица съ младенцемъ, икону святаго Дмитриа и святаго Николы — и вдаси на них, еже просят мѣнящии». Петрь же възревъ на ня и видѣ акы человека, и взя мешца, и мнѣв, акы в татарех племя его укрепляета, не разумѣ глаголемаго ими.

И, събра ума, рече има: «Господиа моя, аще въспросят мѣнящи из мѣшець от иконъ, что сътворю? А вы кто есть?» И рѣста ему два свѣтлая мужа: «Мѣшца сиа дръжиши у собѣ в запазусѣ, инѣми и невѣдоми, а въпросят мѣнящии 9 сребряных, а 10-тый златъ. И ты даждь по единому, и, взем иконы, да иди ко владыцѣ и рци ему: «Петръ и Павелъ, Христова апостола, посласта мя к тобѣ, да устроиши церковь, иде же азъ спах при езере. А се знамение ею иконы сиа вымѣних, а мѣшца сиа въдаста ми. Да что ми велиши сътворити?» И елико ти речеть сътворити, сътвори. А вѣ есвѣ Христова апостола Петръ и Павелъ». И невидима быста.

Однако не оставил он и своей царской утехи: ездил охотиться с ловчими птицами на Ростовское озеро. Однажды после охоты, как всегда помолившись, он уснул на берегу озера. И когда наступил поздний вечер, то подошли к нему два мужа, сияющие словно солнце, и разбудили его, говоря: «Друг Петр, услышана молитва твоя и милостыня твоя угодна богу».

О чудо, братия! Как не подивиться силе милостыни: подана была неверным, а когда уверовал в бога, то услышан был им. Как в древности Евстафий Плакида милостыню творил язычником, а уверовав в бога, и на земле получил великое вознаграждение, и после мученической смерти — царство небесное. О такой ведь милостыне сам господь сказал своими устами: «Не пять ли птиц продаете за одну монетку, а ведь ни одна из них не забыта у бога». Так же и этого блаженного Петра милостыня, розданная им до крещения, после крещения и молитв была богом услышана.

Петр же, проснувшись, увидел этих двух мужей, ростом выше человеческого, так что от страха почудилось ему, что они до самых облаков и светлостию своей словно весь мир освещали. В ужасе дважды пытался подняться он и падал, в третий раз встал и снова упал. Эти же светлые мужи взяли его за руку и сказали ему: «Друг Петр, не бойся, оба мы посланы к тебе богом, в которого ты уверовал и крестился; укрепит он род, и племя твое, и внуков твоих до скончания мира, и вознаградит тебя за милостыню твою, а за труды свои ты вечных благ удостоишься».

Потом дали ему два кошелька и сказали: «Возьми эти кошельки, в одном из них золото, а в другом — серебро. Утром пойди в город и выменяй три иконы — святой Богородицы с младенцем, святого Дмитрия и святого Николы — и дай за них столько, сколько спросят меняющие». Петр же взглянул на незнакомцев, и теперь показались они ему обычными людьми, и взял кошельки, и подумал, что кто-то из татарского племени хочет его поддержать, ибо не уразумел смысла их слов.

И, набравшись смелости, спросил у них: «Господа мои, если спросят у меня кто иконы выменивает о кошельках этих, то что отвечать? И кто вы такие?» Тогда сказали ему два светлых мужа: «Кошельки эти спрячь за пазуху, чтобы их никто не видел, и попросят обменщики девять монет серебряных, а десятую — золотую. И ты отсчитай по одной, и, взяв иконы, иди к владыке, и скажи ему: «Петр и Павел, Христовы апостолы, послали меня к тебе, чтобы ты поставил церковь в том месте, где я уснул около озера. А эти иконы, которые я выменял,— их знамение, а кошельки эти они мне дали. Что велишь мне с ними делать?» И что тебе повелит сделать, то и сделай. А мы — Христовы апостолы, Петр и Павел». И стали они невидимы.

Смотрите, братие, не ложъ есть рекый: «Прославляюща мя,— рече — прославлю»; како ти сего Петра богъ прослави милостыня его ради!

Тъй же нощи и владыцѣ явистася страшна свята апостола и рѣста ему: «Да устроиши церковь изъ епископиа слузѣ нашему Петру, много бо владыцѣ злата въ епископию вда, и освятиши ю в наше имя. Аще ли сего не сътвориши, то смертию умориве тя». И, се рекша, невидима быста. И святый Игнатий въставъ от сна и размышляа о видѣнии. Злата и сребра многа въ епископии бѣ.

Призва князя и рече ему: «Что сътворю, не ведѣ. Явиста ми ся Петръ и Павелъ, акы на иконѣ зракъ ею, устраши мя, а глаголы ею: устроити церковь свою. Не вѣмъ — где, камо?» Княз же рече ему: «Вижду тя, господи, ужасна суща».

Сиа же имъ бѣседующимъ въ епископии, и узрѣ князь Петра идуща от церкви святыа Богородица въ епископию, и свѣт сиающе от иконъ его выше церкви, паче огня, и ужасеся и рече: «О владыко, что есть сий огнь?» Сии мнѣти им человека горяща, инъ же никто же не видяще огня.

Петръ же утро иде въ град, взем иконы по повелѣнию святыхъ апостолъ и, иде въ епископию, поставль иконы пред князем и пред владыкою, и поклонися до земли и рече: «О, владыко, Петръ и Павелъ, Христова апостола, посласта мя к тебѣ, да устроиши церковь, идѣ же азъ спах при езере, а се ти есть знамение их. А мѣшца сиа вдаста ми, и да что ми велиши сътворити?»

Бѣ же в то время пред службою. Княз же и владыка въстаста и поклонистася святым иконамъ, и не ведяху откуду суть: писца въ градѣ не бысть их, Петра *знаяху* уна суща и от тотаръ. И въпрашахут его: «Кто суть менящий иконы сиа?» Петръ же рече: «На торгу выменихъ *аз,* господи». И размышляху о видѣние, *аще сему быти.* Свѣтъ же въ храмине от иконъ, иде же беаху, акы солнце, и вси предстоащи ужасошася.

И по службѣ певъ молебны владыка Игнатей святѣй госпожи богородици, и святому Димитрею, и святому Николѣ. И почти святый Игнатей Петра и повелѣ *взыти на колѣсницу съ иконами и повѣле* ити до места, иде же спа Петръ. Владыка же и князь и весь град проводиста съ пѣсньми иконы до места Петрова, и на месте спаниа его пояста молебны святым апостолъмъ. Княз же и владыка на молебене съ слезами и радостию призываста имя святых апостолъ Петра и Павла и обрекоста им домы и села. Сий молебенъ пояху, и людие

Смотрите, братья, не обманул сказавший: «Прославляющего меня,— сказал,— прославлю»; ведь вот как этого Петра бог прославил милостыни его ради!

В ту же ночь и к владыке, приведя его в трепет, явились святые апостолы и сказали ему: «Построй церковь на деньги епископии слуге нашему Петру, ибо много он владыке Кириллу золота в епископию дал, и освяти ее нашим именем. Если этого не сделаешь, то смертью погубим тебя». И, сказав это, стали невидимы. И святой Игнатий, проснувшись, начал размышлять о ночном видении. Золота же и серебра в епископской казне много было.

Позвал Игнатий князя и сказал ему: «Что делать, не знаю. Явились мне Петр и Павел, обликом как на иконе, так что устрашен был я, и сказали мне, чтобы построил я церковь в их имя. А я не знаю — где и как?» Князь же ответил ему: «Вижу, господин, что в смятении ты великом».

И когда они так разговаривали в доме епископа, то увидел князь Петра, который шел от церкви святой Богородицы в дом епископский, а от икон, которые он нес, свет сиял ярче, чем от огня, и поднимался выше церкви, и ужаснулся князь и воскликнул: «О, владыка, что это за огонь?» Им показалось, что Петр охвачен пламенем, а никто другой огня не видел.

Петр же утром сходил в город, выменял иконы, как повелели ему святые апостолы, и, придя в дом епископа, поставил те иконы пред князем и владыкой, поклонился до земли и сказал: «Владыка, Христовы апостолы Петр и Павел послали меня к тебе и велели сказать, чтобы построил ты церковь в том месте, где я спал у озера, а иконы — знамение их. А эти кошельки они дали мне, что велишь мне с ними сделать?»

Было же тогда время перед службой. Князь и владыка встали и поклонились святым иконам, хотя и не ведали, откуда они: иконописцев в их городе не было, а Петр был еще юн и из татар. И спросили они его: «Кто был обменщиком икон этих?» Петр тогда ответил: «Я их на торгу выменял, господа мои». И думали они о видении владыки,— что так и будет. Свет же исходил от икон в горнице, где они стояли, словно сияние солнца, и все находившиеся там были в ужасе.

После службы владыка Игнатий отпел молебны святой госпоже богородице, святому Дмитрию и святому Николе. И почтил владыка Игнатий перед всеми Петра; повелел ему взойти на колесницу с иконами, а всем велел идти на то место, где спал Петр. Владыка, и князь, и все горожане провожали с песнопениями иконы до места Петрова, и на том месте, где спал он, отпели молебны святым апостолам. Во время молебна князь и владыка со слезами и радостью призывали имена святых апостолов Петра и Павла и пожертвовали их храму дома и села. Отпев молебен, люди, по велению князя,

клѣть соградиша повелениемъ князя, привезши из града, и оплотомъ оградивше, и възвратишася, и ту Петръ иконы постави.

Князь же всѣд на конь и, глумяся, рече Петру: «Владыка тебѣ церковь устроит, а язъ мѣста не дамъ! Что сътвориши?» Петръ же рече: «Повелениемъ, княже, святых апостолъ азъ куплю у тебя, елико отлучить благодать твоя от земля сиа». Князь же, яко видѣ мешца Петровы въ епископии, помолча, помысли: «У тебѣ колико отлучит от ужасти владыкы, от святых апостолъ». И рече к себѣ: «Аще мощно сему быти, яко при Ильи бысть: «Горьсть мукы не оскудѣеть, водоносъ воды не погибнеть, чванець масла не умалится»?» И рече, играя, Петру: «Петре, въпрошу тя: яко же вдалъ еси на иконах, тако же по моей земли кладеши ли 9 литръ сребра, а 10 злата? Сътвориши ли тако?» Петръ же рече: «Святии апостоли рекоша ми, яко же владыка ми повелит сътворити, сътворю. Да въпрашаю, господи». И въпроси владыкы. Владыка же,討 вземъ крестъ, благослови Петра и рече: «Чадо Петре, господь рече своими усты: «Всякому просящему у тебѣ, дай»,— и ты убо, чадо, не пощади имениа родитель, пишет бо ся: «Чванець масла не умалится, горсть мукы не оскудееть». Молитвою, чадо, святых апостолъ род твой благословенъ будеть, дай же князю волю, яко же хощеть». Петръ же поклонися владыцѣ до земли и, вѣрова глаголомъ его, пришед къ князю и рече ему: «Да будеть, княже, воля святых апостолъ и твоя повелениа, княже».

И повелѣ князь изврещи вервь от воды до ворот и от ворот до угла, от угла возле езеро — се мѣсто великое. Петръ же рече: «Да повелиши, князь, ровъ копати, яко же *в* Ордѣ биваеть, да не будет погибениа мѣсту тому». И бысть тако: и гражане, иже провожааху иконы, в той час ископаша ровъ, иже есть донынѣ. Петръ же нача от воды класти, емля из мешець по единому, 9 литръ сребра, а 10-й злата. Наполниша възила Петровых кунъ, и ты колесници, на них же клѣть възили, едва можаху како двизатися им.

Видѣв же князь и владыка множество злата и сребра, еже бы 10 выход дати, а мѣшца цѣлы, и реша к себѣ: «Что се есть, господи? Не по нашимъ грехомъ сеа сътвори! Велию бо благодать человекъ си обрете пред богом, дивимся милости твоей и силѣ святых апостолъ». И поставиша стражы у двора Петрова обѣщанныа люди, иже на молбене, и повелѣша Петру ити на конь. И бысть радость велика въ градѣ, почтиша Петра великою честью и многими дары,

соорудили часовню, привезенную из города, и тыном ее оградили, и там Петр иконы поставил, и стали собираться в город. Когда князь садился на коня, то в шутку сказал Петру: «Владыка тебе церковь построит, а я земли не дам! Что ты тогда будешь делать?» Петр же ответил: «По повелению, княже, святых апостолов я куплю у тебя из земли этой, сколько пожалует благодать твоя». Князь же, который видел кошельки Петровы в доме у епископа, подумал: «Владыка из-за страха перед святыми апостолами едва ли много у тебя возьмет». И сказал сам себе: «А что, если случится так, как при Илье, когда он сказал: «Горсть муки не истощится, сосуд с водой полным останется, в кувшине масло не убудет?» И сказал он Петру с усмешкой: «Петр, вот что спрошу у тебя — как дал за иконы, так за мою землю выложишь ли по меже девять гривен серебра, а десятую — золотую? Сделаешь так?» Петр ответил: «Святые апостолы сказали мне — как тебе владыка велит сделать, сделай. Спрошу его, господин». И спросил у владыки. Владыка же, взяв крест, благословил Петра и сказал: «Чадо Петр, господь сказал своими устами: «Каждому, просящему у тебя, дай»,— и ты, чадо, не пожалел же богатств родителей своих; ведь написано: «В кувшине масло не убудет, горсть муки не истощится». Молитвой, чадо, святых апостолов род твой благословен будет, заплати князю за землю, как он просит». Тогда Петр поклонился владыке до земли, и, уверовав словам его, подошел к князю, и сказал ему: «Да будет, князь, по воле святых апостолов и по твоему повелению».

И велел князь отмерить мерной веревкой от озера до ворот и от ворот до угла, а от угла снова к озеру — место очень большое. Петр же сказал: «Вели, князь, рвом окопать, как в Орде делают, чтобы было обозначено место это». И так сделали: горожане, провожавшие иконы, сразу же выкопали ров, который сохранился доныне. Петр же начал от самой воды, вынимая из кошельков по одной деньге, выкладывать девять гривен серебряных, а десятую — золотую. И наполнили потом Петровыми деньгами повозки и те колесницы, на которых часовню везли, и кони едва смогли тронуться с места. И видев такое множество золота и серебра, которого хватило бы, чтобы вдесятеро больше купить земли,— а кошельки все оставались полными,— князь и владыка подумали: «Что же это такое, господи? Не по нашим грехам сие свершилось! Великую, видно, благодать обрел человек этот пред богом, дивимся мы милости твоей, господи, и могуществу святых апостолов». И поставили стражей у двора Петрова из назначенных людей, бывших на молебне, и определили, чтобы Петр ездил на коне. И была в городе радость великая, славили Петра с великой честью и многими дарами одаривали,

и на многи дни поюще молбны, прославляху бога и святых и апостолъ о чудеси, бывшим в наша дни, и многу даянию бывшу милостыня и кръмление нищим.

Не вѣдяше же Петръ, что ся се сътворися о чюдеси семъ и бѣ молча, уединяася. И видев же владыка и князь Петра умлъкающи и рѣша к себѣ: «Аще сей мужь, царево племя, идеть в Орду, и будет спона граду нашему». Бѣ бо Петръ възрастом великъ, а лицемъ красенъ. И реша ему: «Петре, хощеши ли, поимем за тя невѣсту?» Петръ же, прослезися, отвѣща князю и владыцѣ: «Аз, господи, възлюбих вашу вѣру и оставих родительскую вѣру, приидох к вам. Воля господня да ваша буди». Княз же поя ему от великих велможъ невѣсту, бѣша бо тогда в Ростовѣ ординьстии велможа. Владыка же вѣнча Петра и устрои церковь ему и святи ю по заповѣди святыхъ апостолъ.

Князь же поимаше Петра на царьскую утеху, около озера съ ястребы тѣшаше его, дабы ся в нашей вѣрѣ удръжалъ. И рече ему князь: «Велию бо ты благодать обрете пред богомъ и граду нашему. Писано бо есть, что «Въздамъ господеви от всех, яже въздасть намъ». Приими, Петре малое се земли нашея вътчины противу дома святых апостолъ от езера сего. Азъ *тебе* грамоты *испишу»*. Отвѣщав же Петръ: «Аз, княже, от отца и от матери не знаю землею владѣти, и грамоты сиа чему суть?» Князь же рече: «Азъ тебѣ все уряжу, Петре. А грамоты суть на се: да не отъимают *тех* земель мои дѣти и мои внуци у твоих дѣтей и внуковъ по нас». Петръ же рече: «Да буди, княже, воля господня». И повеле князь пред владыкою писати грамоты множество земель от езера, воды и лесы, яже суть и донынѣ; и урядиша Петру домы по его землямъ. Орда же тогда тиха бѣ и на многа лѣта.

Бяху бо Петрови сладци отвѣти и добрыа обычая въ всемъ. И толми любляше князь Петра, яко и хлеба без него не ясть, яко владыцѣ братати Петра въ церкви съ княземъ. И прозвася Петръ братъ князю. И родишася Петру сынове в него мъсто.

И по малых летех святый епископъ Игнатей преставися и приат царство небесное. И вѣчнаа ему память!

Старый же князь по владыцѣ не по мнозех днех преставися. И сего князя дѣти зваху Петра дядею и до старости. И мирна лѣта много живша, преставися Петръ же въ глубоцѣ старости, въ мнишьском чину къ господу отъиде, его же възлюби. И положиша у святаго Петра и Павла, у его спалища. И от того дне уставися монастырь сей.

и много дней пели молебны, прославляя бога и святых его апостолов за чудо, свершившееся в нынешнее время, и нищим много милостыни раздали и кормили их.

Не понимая,— как же свершилось чудо такое,—Петр задумался и пребывал в молчании и уединении. И владыка и князь, видя, что Петр затосковал, решили между собой: «Если этот юноша ханского рода уйдет в Орду, то беда большая может быть городу нашему». А был Петр высок ростом и красив лицом. И сказали они ему: «Петр, хочешь — сосватаем тебе невесту?» Петр же, прослезившись, ответил князю и владыке: «Я, господа мои, возлюбил вашу веру и, оставив веру отцов своих, пришел к вам. Воля господня и ваша да будет». Князь же сосватал за него невесту из рода великих вельмож — жили еще тогда в Ростове ордынские вельможи. Владыка обвенчал Петра, и построил церковь, и освятил ее по заповеди святых апостолов.

Князь брал с собой Петра на царскую утеху, около озера тешил его ястребиной охотой, чтобы его в нашей вере удержать. И как-то сказал князь Петру: «Великую ведь ты благодать обрел от бога и сам, и городу нашему. А ведь написано: «Воздам богу от всех благ, как он дал нам». Прими от меня, Петр, этот небольшой надел земли нашей вотчины, что напротив храма святых апостолов подле озера этого. Я тебе и грамоты напишу». Ответил ему Петр: «Я, княже, ни отцом, ни матерью не обучен землею владеть, и грамоты к чему эти?» Князь же сказал: «Я все сделаю как нужно, Петр. А грамоты вот для чего: чтобы не отнимали те земли дети мои и мои внуки у твоих детей и внуков после нас». Тогда Петр сказал: «Пусть будет, княже, воля господня». И велел князь при владыке написать грамоты на владение многими землями вдоль озера, и водами, и лесами, и сохранились те грамоты доныне, и переписали на Петра усадьбы, расположенные по его землям. Орда же тогда набегов не совершала, и прошло много лет, и было тихо.

Был у Петра нрав спокойный и покладистый и добрый обычай во всем. И так полюбил князь Петра, что и за трапезу без него не садился, и владыка побратал Петра с князем в церкви. И стал Петр названым братом князя. И родились у Петра сыновья — его наследники.

В скором времени скончался святейший епископ Игнатий и обрел царство небесное. Вечная ему память!

Через несколько дней после владыки умер старый князь. И дети князя звали Петра дядей до самой его кончины. И, много лет прожив в мире и спокойствии, в глубокой старости приняв монашество, преставился Петр, отошел к господу, которого он так возлюбил. И погребли его на том месте, где спал он, возле церкви святых Петра и Павла. И с того времени возник монастырь сей.

Внуци же стараго князя забыша Петра и добродѣтель его и начаша отъимати лузи и украины земли у Петровых детей. Сынъ же Петровъ шед въ Орду, сказася брата царева внукъ. Възрадовашася дяди, и почтиша его, и многы дары даша ему, и посолъ у царя исправиша ему. Пришед же посолъ царевъ в Ростов и, възревъ грамоты Петровы и стараго князя, и суди их. И положи рубежы землям по грамотамъ стараго князя и оправи Петрова сына и давъ ему грамоту съ златою печатию, еже у младых князей — внукъ стараго князя, по цареву слову. И оттоиде.

И младыи же князи к собѣ и къ своимъ бояромъ начаша глаголати: «Слышахомъ, еже родители наши зваху дядею сего отца Петра, дедъ бо нашь много у него сребра взя и братася с ним въ церкви, а родъ татарьскы, кость не наша, что се есть намъ за племя? Сребра нам не остави ни сей, ни родители наши». И такими бѣседами беседующимъ им и не искаху чюдотворениа святых апостолъ, а прародитель забыша любовь. И тако пожиша *лета* многа, зазирающим Петровым дѣтемъ, еже въ Ордѣ *выше их* честь приимаху. Сыну же Петрову родишася сынове и дщери, и въ глубоцѣ старости къ господу отьиде.

Внукъ же Петров, именемъ Юрие, яко же навыче у родитель своих честь творити святей госпоже Богородице в Ростовѣ, и гривны на ню възлагати, и пированиа владыкамъ и клиросу и собору церковному и праздникомъ святых апостолъ Петра и Павла и памяти ради, и творити родитель и прародитель и вѣчнаа их память по вся лѣта.

Ловцем же их задѣвахутся рыбы паче градскых ловцемъ. Аще бы играя, петровстии ловци въвръгли сѣть, то множество рыбъ, а градстии ловци, тружающеся много, оскудѣваху.

И рѣша же ловци князем: «Господине княже, аще петровьстии ловци не престануть ловити, то езеро наше будеть пусто. Они бо вся рыбы поимаху». *Правнуци же стараго князя глаголаша* Юрию: «Слышахом исперва, еже дѣдъ вашь грамоты взя у прародитель наших на мѣсто монастыря вашего и рубежи землям его, а езеро есть наше, грамоты на нь не взясте, да уже не ловят ловци ваши». И събыстся пророчество стараго князя, брата царева Петра, иже рече о обидѣ внук пред *грамотою*.

Слышавше сиа Юрие, внукъ Петров, и поиде въ Орду, сказася правнукъ брата царева. Дяди же его честьми многими почтиша его и дары многы *даша* и посолъ у царя исправиша ему. Прииде же посолъ в Ростов и съде при езере у святаго Петра и Павла. И бысть боязнь княземъ

Внуки же старого князя забыли Петра и его благие дела и начали отнимать луга и окраинные земли у Петровых детей. Тогда сын Петра пошел в Орду и сказал, что он ханова брата внук. Обрадовались его дядья, с почетом приняли его, одарили многими подарками и ханского посла выхлопотали для него. Пришел посол хана в Ростов и, рассмотрев грамоты Петра и старого князя, рассудил тяжущихся. И определил и утвердил рубежи владений Петрова сына по грамотам старого князя, и дал ему от имени хана грамоту с золотой печатью, которая есть и у молодых князей, внуков старого князя. После этого посол ушел.

И молодые князья меж собой и своим боярам стали говорить: «Слыхали мы, что родители наши звали дядей его отца — Петра, что дед наш много у него серебра взял и братался с ним в церкви, а все равно — род татарский, не наша кость, какая это нам родня? Серебра нам ни от них не досталось, ни от родителей наших». И вот такие разговоры вели они, и не вспоминали уже о чудесах святых апостолов, а про любовь прародителей своих забыли. И так вот прожили они много лет, завидуя детям Петра, потому что те в Орде бо́льшим почетом пользовались. У сына же Петрова родились сыновья и дочери, и в глубокой старости отошел он к господу.

Внук же Петра, Юрий, по завету родителей своих с почитанием относился к храму госпожи святой Богородицы в Ростове — много гривен жертвовал и пиры учреждал священникам, и клирикам, и всему собору церковному, и отмечал праздники и память святых апостолов Петра и Павла, и каждый год поминал родителей и прародителей своих.

И рыбаки их всегда больше вылавливали рыбы, чем городские рыболовы. Словно бы играя, петровские рыбаки бросят сеть и богатый улов извлекают, а городские рыболовы как ни трудятся, а улова почти нет.

И пожаловались они князю: «Князь наш, господин, если петровские рыбаки не перестанут ловить, то озеро наше Ростовское будет пусто. Они всю рыбу выловят». Тогда правнуки старого князя сказали Юрию: «Слышали мы изначала, что дед ваш получил грамоты от прародителей наших на место под монастырь ваш и на земли, рубежи которых обозначены, а озеро наше,— грамот на него нет; так пусть ваши рыбаки больше в озере не ловят». Так сбылось предсказание старого князя, побратима Петрова, который говорил, что грамоты нужны, чтобы не нарушили договора внуки.

Услышав такое, Юрий, внук Петра, пошел в Орду и объявил, что он правнук ханова брата. Дядья же Юрия приняли его с почетом, одарили многими подарками и ханского посла выхлопотали для него. Вот пришел посол в Ростов и остановился в монастыре Петра и Павла, возле озера. Испугались князья

царева посла, суди их съ внукомъ Петровым. Юрий же пред посломъ положи вся грамоты, и посолъ възрѣв на грамоты и рече княземъ: «Не лож ли суть грамоты сия купля? Ваша ли есть вода, есть ли под нею земля? Можете ли воду сняти съ земли тоя?» И отвѣщаша князи: «Ей, господи, не ложъ грамоты сиа. А земля под нею есть; вода наша есть отчина, господи. А съняти ея не можем, господи». И рече посолъ царевъ, судиа: «И аще не можете сняти воду съ земля, то почто своею именуете? А *се творение* есть вышьняго бога на службу всем человеком». И присуди по землѣ и воду Юрию, внуку Петрову, посолъ царевъ: «Како есть купля землям, тако и водамъ». И вдаст Юрию грамоту съ златою печатию по цареву слову и отъиде. Князи же ростовстии и не можаху зла сътворити ничто же Юрию. И утишися житие их и на многа лѣта. И славяху бога, яко же навыкоша у родитель и творити память святым апостоломъ съ слезами и радостию, поминающе съ въздыханиемъ чюдеса их, и памяти поминати годовнии родители съ великыми милостынями.

И *възрасте* же правнукъ Петровъ — у Юрия сынъ Игнатъ. И при его животѣ съдѣяся *сия*.

И прииде Ахмылъ на Рускую землю и пожже град Ярославль и поиде к Ростову съ всею силою своею, и устрашися его вся земля, и бѣжаша князи ростовьстии, и владыка побеже Прохоръ. Игнат же извлекъ мечь и согони владыку и рече ему: «*Аще* не идеши со мною противу Ахмыла, то самъ посеку тя. Наше есть племя, сродничи». И послуша и его владыка съ всѣм клиросом, в ризах, веземъ крестъ и хоруговь, поиде противу Ахмыла. А Игнатъ пред кресты съ гражаны и, веземь тѣшь царьскую,— кречеты, шубы и питие, край поля и езера ста на колену пред Ахмыломъ и сказася ему древняго брата царева племя: «А се есть село царево и твое, господи, купля прадѣда нашего, идѣже чюдеса сътворяхуся, господи».

Страшно же видѣти рать его вооружену. И рече Ахмылъ: «Ты тѣшь подаеши, а си кто суть в белах ризах и хоруговь сиа, егда сѣщися с нами хотят?» Игнат же отвѣща: «То богомолци царевы и твои суть, и да благословять тя, а се ношаху божницу по закону нашему».

В то же время у Ярославля *в* тяжцѣ недузе бысть сынъ Ахмыловъ, въжахут его на возилѣх. И повелѣ привести сына, да благословит и. Владыка же Прохоръ святивъ воду и вда ему пити, и благослови его крестомъ. И бысть здравъ. Ахмыл же видѣвъ сына здрава, и сниде с коня противу крестовъ, и въздѣвъ руце на небо, и рече: «Благословенъ бог вышний,

ханского посла, стал он судить их с внуком Петровым. Юрий положил перед послом все грамоты, и посол, рассмотрев те грамоты, говорит князьям: «Не ложны ли эти грамоты на земли? Ваша ли вода в озере и есть ли под ней земля? Можете вы воду снять с земли той?» Ответили князья: «Да, господин, не ложны грамоты эти. А земля под водою есть; озеро — наша вотчина, господин. А снять воду с земли не можем, господин». И сказал посол ханский, судья: «А если не можете снять воду с земли, то почему своей называете? Это сотворено всевышним богом на благо всем людям». И присудил по земле и воду Юрию, внуку Петрову, ханский посол: «Как куплена земля, так и вода, прилегающая к ней». И дал он Юрию от имени хана грамоту с золотой печатью и ушел. И не смогли князья ростовские никакого зла сотворить Юрию. И установилась мирная жизнь на долгие годы. И славили бога, как повелось еще от родителей, и чтили память святых апостолов со слезами и с радостью, вспоминали с умилением чудеса их, и каждый год поминали своих родителей, раздавая щедрую милостыню.

И уже вырос правнук Петров — сын Юрия Игнат. При его жизни вот что произошло.

Пришел Ахмыл на Русскую землю, и сжег город Ярославль, и двинулся на Ростов со всей силою своею, и устрашилась его вся земля, и бежали князья ростовские, и владыка Прохор побежал. Игнат же нагнал владыку, извлек меч и сказал ему: «Если не пойдешь со мной навстречу Ахмылу, то я сам зарублю тебя. Наше это племя, там есть мои сродники». И владыка послушался его, и со всем клиром, облачившись в ризы и взяв крест и хоругвь, пошел навстречу Ахмылу. А перед крестным ходом шел Игнат с горожанами, взяв дары для забавы ханской — ловчих кречетов, шубы и пития разные, остановился он на краю поля около озера, преклонил колени пред Ахмылом и, назвавшись потомком ханского рода, сказал: «А это село хана и твое, господин, купля прадеда нашего, где чудеса происходили, господин».

Страшно было видеть грозную рать татарскую. И говорит Ахмыл: «Ты меня утехой ханской даришь, а кто эти такие в белых ризах и с хоругвью, наверное, биться с нами хотят?» А Игнат ответил: «То богомольцы хана и твои, пришли благословить тебя, а это несут божницу — так полагается по закону христианскому».

А в это время под Ярославлем находился сын Ахмыла, охваченный тяжким недугом, везли его на повозке. И велел Ахмыл привезти сына своего, чтобы благословил его владыка. И владыка Прохор, освятив воду, дал ему выпить ее и благословил его крестом. И тот выздоровел. Ахмыл же, увидев, что сын его здоров, сошел с коня, остановился против крестов, поднял руки к небу и сказал: «Благословен бог вышний,

иже вложи ми въ сердци ити до здѣ. Праведенъ еси, господи епископъ Прохоръ, яко молитва твоя въскреси сына моего. Благословен же и ты, Игнатъ, иже упасе люди своя и съблюде град сей. Царева кость, наше племя; еже ти здѣ будеть обида, да не лѣнися ити до нас». Ахмыл же,埋емъ 40 литръ сребра, вдасть владыцѣ, а 30 литръ вдасть клиросу его, и взя тѣшь у Игната, цѣлова Игната, и поклонися владыцѣ, и взыде на конь и отъиде въсвояси. Игнат же проводи Ахмыла и възвратися съ владыкою и съ гражаны, възрадовася и, пѣвъ молбены, прославиша бога.

Дай же, господи, утѣху почитающимъ и пишущимъ древнимъ с их прародитель дѣание, и здѣ и въ будущемъ вѣцѣ покой, а Петрову всему роду съблюдение и умножение животу. И не оскудеет *радость* бес печали, вечная ихъ памяти до скончаниа мира.

И о Христѣ Исусе господе нашем, ему же слава, дръжава, честь и поклонение и нынѣ и присно, и въ векы вѣком. Аминь.

который внушил мне мысль идти сюда. Праведен ты, господин епископ Прохор, так как молитва твоя воскресила сына моего. Благословен и ты, Игнат, ибо спас людей своих и сохранил город этот. Ханская кость, наше племя; если тебе будет здесь какая-нибудь обида, не поленись прийти к нам». Взял Ахмыл сорок гривен серебра и дал их владыке, а тридцать гривен дал клиру его, и принял подарки у Игната, и целовал его, и поклонился владыке, потом сел на коня своего и пошел восвояси. Игнат же проводил Ахмыла, потом вернулся с владыкой и горожанами в город, и возрадовались все, и, отпев молебны, прославили бога.

Пошли, господи, утешение читающим и пишущим о делах давних прародителей наших, дай им здесь покой и в будущей жизни, а всему роду Петрову здоровья и многих лет жизни. Пусть не оскудеет радость без печали и будет о них вечная память до скончания мира.

Господу нашему Иисусу Христу слава, держава, честь и поклонение ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

ПОВЕСТЬ О ЦАРИЦЕ ДИНАРЕ

ДИВНА ПОВѢСТЬ МУЖЕСТВЕНА *О* ХРАБРОСТИ И *МУДРОСТИ* ЦЕЛОМУДРЕНЫЯ ДЕВИЦА, ДИНАРЫ ЦАРИЦЫ, ДЩЕРИ ИВЕРСКОГО ЦАРЯ АЛЕКСАНДРА

Умршу иверьскому властодержавцу Александру Мелеку и не имѣющу дѣтища мужеска полу, но едина дщерь остася 15 лѣт, зело разумна и мужествена, и не посягну присовокупитися мужеви, и предаде ей отець ея властодержавство свое. Она же бѣ мудра и разумна, и нача владѣти по преданью отца своего, въ дни перскаго царя.

Царство царици Динары. Первѣе — показа любовь ко властодержавцем своимъ, и милость к народомъ, и праведный суд. И паче всего имѣаше прилежание к божественому Писанию и о предниxъ царѣх и властодержавцех, како бѣ пребывание в нихъ и временное прехождение, и от того навыче воиньской храбрости. Якоже пчела събираетъ от цвѣтов медъ, тако и сиа Динара от памятных книгъ. И со многою кротостию правяше державу свою, и попечение велие имяше о своем властодержавъствѣ. Яко добрый кормъчий преплавати корабль чрез морскую пучину, и госпожа же сия печашеся, како бы ей быти в тихости.

И доиде слух прьскому царю, яко умре Александръ и приа власть Иверьскую дщи его, царевна Динара. И умысли персинъ приати Иверию и попрати вѣру их, еже въ Христа, и посла к ней, сице рек: «Аще хощеши от мене милости и державъствовати, да сугубыя дары подаси нашему величеству. Аще ли не тако — не повелѣваю ти власти держати, но отъиди. Аще ли невъскоре послушаеши — и величество мое възяриши на ся, и милости не имам дати ти!»

ПОВЕСТЬ О ЦАРИЦЕ ДИНАРЕ

ДИВНАЯ И МУЖЕСТВЕННАЯ ПОВЕСТЬ О ХРАБРОСТИ И МУДРОСТИ ЦЕЛОМУДРЕННОЙ ДЕВИЦЫ ДИНАРЫ ЦАРИЦЫ, ДОЧЕРИ ИВЕРСКОГО ЦАРЯ АЛЕКСАНДРА

Когда умер иверский государь Александр Мелек, у него не было детей мужского пола, но только одна дочь осталась, пятнадцати лет, очень разумная и мужественная, и решила она не выходить замуж, и передал ей отец управление государством. Она же была мудрой и разумной правительницей, и начала править по заветам отца своего, и было это во времена персидского царя.

Царство царицы Динары. С самого начала правления показала она любовь к управителям своим, милость к народу и праведный суд. И больше всего любила она божественное Писание, читала о прежних царях и государях, какими они были и как они правили, и от этого чтения научилась она воинской храбрости. Как пчела собирает мед с цветов, так и эта Динара собирала мудрость из исторических книг. И со многой кротостью правила она государством своим и имела о нем великую заботу. Как хороший кормчий заботится о том, чтобы провести корабль через морскую пучину, так и она заботилась, чтобы государство ее жило в мире.

И дошел слух до персидского царя, что умер Александр и что власть в Иверии перешла в руки дочери его, царевны Динары. И задумал перс захватить Иверию и унизить веру их — веру в Христа,— и послал к ней посольство с такими словами: «Если хочешь милость от меня получить и править своим государством, то вдвое больше прежних дары приноси нашему величеству. Если же так не сделаешь — не разрешу тебе править, но изгоню. Если же ты быстро не послушаешься меня, тогда и величество мое на себя разъяришь, и милости никакой от меня не получишь».

Динара же царица, видѣвъ посланникы перскиа, с таковыми глаголы пришедшая, и посла к персину свои послы и дары свыше отца своего, и глаголя: «Еже ми повелѣваеши не дрьжати власти, но не от тебя бо прияхъ ю́, но от бога ми дано свыше. И ты како имаши часть въ жребии богоматере? Но не того ради да послахъ сиа дары к тебѣ. Вы убо бесерменскый законъ, мы же истинный законъ имамы. И како глаголеши и величаешися, яко тлѣненъ еси, не дано ти будет свыше!»

И видѣ перьсинъ посланники ея с таковыми глаголы пришедша, и не въсприа даров ея, но съ звѣрозлобиемъ своим отпусти посланникы ея бездѣлны, глаголя имъ: «Милость даю вам: аще хощете царствовати, но въ единых срачицах повелѣваю вам остатися; аще же не тако — иду на васъ с величеством воиньства моего и въсприиму тя и вся велможа твоя с тобою!»

Динара же царица, слышавъ таковыя глаголы от персьскаго царя посланниковъ, отосла посланникы его, и рече: «С таковым ополчениемъ вооружаешися на мя, противу немощной чади, девици! Аще и побѣдиши мя,— не получиши чести, яко немощную чадь побѣдилъ еси. Аще ли въсприму от Христа, бога моего, побѣду на тя и от богоматере его помощь, и женскою възступлю ногою на царское тѣло, и отъиму главу твою, тогда каковой чести сподоблюся, яко царя перскаго побѣдивъ женскою храбростию; иверьским женам нанесу похвалу, а перским царемъ наведу срамъ!»

И слышав персинъ, и възъярися лютѣ, и поиде со многым ополчениемъ на страну еа.

И начя Динара царица посылати велможа своя противу перскаго воиньства. Они же рекоша к ней: «Како можем стати съпротивне многаго воиньства и таковаго перскаго ополчениа?» Динара же царица отвеща к ним: «Въспомяните Девору и Гедеона, како побѣдиша множество вои мадиамляны! Не богъ ли дарова им побѣду? И нынѣ той же богъ нашь и наша заступница пречистая богородица! Не отягчяите! Аще ли нынѣ не въоружимся противъ иновѣрных и за свою вѣру не умрем? Умрем же всяко! И предамы себе в работъство? И кою славу воздадим своему благочестию, посрамлени и беспамятни погибнем! Въсприимите себѣ мужество, и отверзите от себе женочревство! Егда убо наполнившимся долинам от дождевныя туча воды и преизлишнюю мокроту имущим, и во днех от великаго жжениа *солнечьнаго* иссушит мокроту, и много время пребудет земля суха, но и бесплодна, и нужно собрание плодовъ еа. Тако же и в державѣ земля

Царица же Динара, приняв посольство персидское, пришедшее к ней с такими словами, послала к персу своих послов и дары послала бо́льшие, чем отец ее посылал, и так ему ответила: «Ты не разрешаешь мне государством управлять, но власть я приняла не от тебя, от бога она дана мне, свыше. Разве ты владеешь частью жребия богоматери? Но не поэтому я послала эти дары к тебе. Вы, персы, соблюдаете басурманский закон, у нас же закон истинный. Почему же ты держишь такие речи и так величаешься, хотя ты тленен и нет тебе на это соизволения свыше!»

И увидел перс посольство ее, пришедшее с таким ответом, и не принял даров ее, но со звериной злобой своей отпустил посланников ее обратно без чести, сказав им: «Милость даю вам: если хотите царствовать, то повелеваю вам остаться в одних исподних рубашках, если же не согласны — иду на вас со всем своим многочисленным войском, захвачу тебя и всех вельмож твоих с тобою!»

Динара же царица, услышав такие речи от посланников персидского царя, отправила их назад, сказав: «Со столь сильным ополчением ты собираешься идти против меня, немощного подростка, девицы! Если и победишь меня — чести не получишь, так как окажется, что победил ты слабого ребенка. Если же я приму от Христа, бога моего, победу на тебя и получу помощь божьей матери, и женской ногой наступлю на твое царское тело, и отсеку голову твою, тогда неслыханной сподоблюсь чести, царя персидского победив женской храбростью; иверским женам буду в похвалу, а персидским царям будет позор».

И, услышав это, перс разъярился люто и пошел со многим ополчением на страну ее.

И стала царица Динара вельмож своих посылать против персидского войска. Они же сказали ей: «Как можем мы сопротивляться многочисленному войску и выступить против таких персидских полков?» Динара же царица ответила им: «Вспомните Девору и Гедеона, как они победили множество воинов мадианитянских! Не бог ли даровал им победу? И теперь тот же бог наш и наша заступница пречистая богородица! Не сокрушайтесь! Неужели теперь не вооружимся мы против иноверных и за свою веру не умрем? Умрем же с честью! Неужели предадим себя в рабство? Какую худую славу разнесем мы о своем благочестии, посрамленные и всеми забытые погибнем! Станьте мужественными, отбросьте женскую слабость! Если долины наполняются водой во время дождей и имеют излишнюю влагу, а потом вдруг через некоторое время от сильного солнечного зноя влага высыхает, то долгое время земля будет не только сухой, но и бесплодной, и трудно будет получить плоды с нее. Так и в державе

нашеа: умножившимся народом и распространшимся; егда же ли возмут ны персы и распленят, како можемъ собрани быти и коей чести достоини будемъ, аще не въсприимем храбрости и дадимъ себе въ страхование, поверзем свое благочестие! Отженем от себе женочревъство, и въсприимем попечение о своих сокровищех. *Егда убо жена зача въ чревѣ, и нача готова ей быти; тако же и вамъ,* богатство и честь въсприимшим, и гордости наполньшимся; поверзаете народ единоверных своих, и оставляете любы къ единородным своим! Последи же и сами възрыдаете и повержени будете, яко худый рубъ, на землю, и потоптаем ногами, никим же не брегом. Отложите гордость, и отверзете от себе страхование, и облецѣтеся въ храбръство, еда же не пленят вы перси, и расточат васъ, и расхитят богатство ваше! Но что ради тако закосняем? Ускоримъ противъ варваръ, якоже и азъ иду, девица; и восприиму мужескую храбрость, и отложю женьскую немощь, и облекуся в мужеумную крѣпость, и препояшу чресла своя оружиемъ, и возложю броня и шлемъ на женьскую главу, и восприиму копие в девичю длань, и въступлю въ стремя воиньскаго ополчениа, но не хощу слышати враговъ своих, пленующых жребий богоматери и данныя от нея нам державы! Та бо царица подастъ намъ храбрость и помощь о своем събытии. Они же убо, персы, борзящеся и без сна пребывающе, и конемъ их томящеся день и нощь, и в великомъ трудѣ пребывающим. Яко болящиа *жене* приближается родити, и пребываетъ в великом разстоянии тѣла своего, тако же и персом в великомъ истомлении. Но ускорим противу ихъ и не дадимъ внити имъ во свою страну, и идемъ на них богоматере помощию, аще въсхощет владычица подати нам побѣду над врагы своими, вся убо ей возможна. Но не отягчайтеся! Своего ради благочестиа идемъ и начнем, да богомати совершит ны. Аз же преди васъ начну съ врагы братися!»

Велможи же слышаше таковая от устъ ея, и охрабившеся, и собравшеся вси, и рекошя: «Дерзай, госпоже, дерзай!»

И повелѣ Динара собрати вся воя своя, и поиде самодержателница к Тевризи в Шарбеньский монастырь, к пречистей Богоматери, помолитися о дарованней помощи, пѣша и необувеныма ногама по острому камению и жестскому пути. И пришед въ пречистой Богородицы храм, и паде пред образомъ ея и рече: «Владычице-дево, госпоже богородице! Въ твоем жребии державствую по твоему преданию, еже ми еси предала своем милосердиемъ, отца моего приала еси, мнѣ же, немощной чяди, власть вручила еси над своим достояниемъ державствовати. Но виждь, госпоже, гордаго сего

нашей: народ умножился и расселился всюду; когда же победят нас персы и захватят в плен, как сможем вновь соединиться и какой чести достойны будем, если не проявим храбрости и дадим себя запугать, предадим свое благочестие! Отбросим же от себя женскую немощь и позаботимся о своих сокровищах. Если жена зачнет дитя во чреве, то с этих пор она постоянно готова; так и вам, богатство и честь получившим, надлежит быть готовыми; вы же гордости наполнились, предаете народ единоверный свой и забыли о любви к своим единородным! После же сами возрыдаете и будете повержены, как последняя ветошь, брошенная на землю, которую топчут ногами и которая никому не нужна. Забудьте о гордыне, и отбросьте страх, и укрепитесь мужеством, чтобы не пленили вас персы, и не рассеяли вас, и не расхитили богатство ваше! Почему так долго медлим? Быстро выступим против варваров, ведь и я, девица, иду против них; я восприму мужскую храбрость, забуду про женскую немощь, укреплюсь мужским разумом, препояшу бедра свои оружием, возложу на себя броню и шлем на женскую голову, возьму копье в девическую руку, вступлю в стремя воинского ополчения, но не хочу слышать угрозы врагов своих пленить жребий богоматери — державу, врученную нам от нее! Эта царица подаст нам храбрость и помощь в защиту своего достояния. Персы торопятся и даже ночи без сна проводят; и кони их устали от великих трудов днем и ночью. Когда роженице приближается время родить, находится она в постоянном напряжении тела своего; так и персы находятся в великой усталости. Но быстро выступим против них и не дадим им войти в страну нашу, идем на них — с помощью богоматери; если владычица захочет, то даст нам победу над врагами нашими, ведь ей все возможно. Не сокрушайтесь! Защищая свое благочестие, идем против врага и начнем бой, а богоматерь закончит наше начинание. Я же впереди вас начну сражаться с врагами!»

Вельможи, услышав это из уст ее, исполнились мужества, собрались все и сказали: «Дерзай, госпожа, дерзай!»

И велела Динара собрать всех воинов своих, и пошла самодержица к Тевризу, в Шарбенский монастырь, к храму пречистой Богоматери, помолиться о даровании помощи, пошла пешком и босыми ногами по острым камням и твердой дороге. И, придя в храм пречистой Богородицы, упала перед образом ее, и сказала: «Владычица-дева, госпожа богородица! В твоем жребии управляю я государством по твоему завету, в той стране, что ты передала мне своим милосердием после того, как призвала к себе отца моего; мне же, слабому ребенку, вручила власть над своим достоянием, править государством. Но посмотри, госпожа, на этого гордого

и свирѣпаго персина, надѣющася на ся и уповающаго на множество воиньства своего. Аз же, царице, надѣюся на тя, и уповаю на милосердие твое, и помощи от тебе прошу. Не дай, госпоже, своего достояниа в попрание врагом своимъ, но стани в помощь нашу, и не возвыси *надѣющихся* на ся, и не уничижи *уповающих* на тя! Но, о владычице, потщися на враги, и ускори на помощь нашу, и даруй храбръство немощьной чади, и сокруши врагы своя, и покори под ногы вѣрующим в тя. Аще, госпоже, твоимъ посѣщениемъ и непобѣдимым воеводством богоматере побѣжду враги твоя, и вся нам *преданая* тобою от перских сокровищь да не восприиму на расхищение, но дамъ, госпоже, в домы твоя, на украшение церквам твоим, и на воспоминание твоеа помощи и заступлениа, еже покажеши милость во своемъ жребии!»

И изыде из церквѣ, и сѣде на конь свой, и *рече* къ всѣм воеводам своимъ: «Друзи и братиа! Азъ главу свою положити наперед васъ хощу за достояние богоматере, и за наше благочестие, и за все православие нашея дръжавы. Аще ли и вы тако ж сътворите, богъ да поспѣшит намъ и пречистая богомати его да подастъ нам помощь. Аще ли не сотворите, богъ да съкрушит васъ, и пречистая богомати его да предасть васъ в работу и в расхищение, якоже израильтеских иереовъ!»

И поиде из своея державы въ срѣтение персина.

И приближися къ перским полком, и somewhat

И от гласа таковаго побѣгоша персы. Она же и вся воя еа погнаша ихъ и сѣчяху без милости; ятъ царя перскаго, и отъятъ главу его Динара царица, и въньзе на копие свое, и несе ю́ въ град Тевриз перский. И прият *град,* и пленивъ, и взя вся сокровища предних царей: камение многоценное и блюдо, с него же, глаголють, Навходоносоръ царь яде, и бисеру драгаго, злата же множество много. И возложи дань на Тевризъ, на свою потребу — на масти драги, а с Шамахии повелѣ на своя воя конскиа подковы имати. А прочая грады раздаде вельможамъ своим.

И возвратися во свою страну показавыи славную побѣду богоматерию, непобѣдимою побѣдителницею, враги гордыя победи.

Такову бо пречистая дарова помощь немощьной чяди, и такову храбрость показа женьскимъ ополчениемъ, и от таковаго гласа девици толикое множество перских вои

и свирепого перса, самонадеянного и уповающего на многочисленность своего войска. Я же, царица, надеюсь на тебя, и уповаю на милосердие твое, и помощи от тебя прошу. Не дай, госпожа, попрать врагам твое достояние, но приди к нам на помощь, не возвысь тех, кто надеется сам на себя, и не унизь тех, кто уповает на тебя! Устремись, владычица, на врагов, приди скорее на помощь к нам, даруй мужество слабому ребенку, сокруши врагов своих и покори их под ноги тех, кто верует в тебя. Если, госпожа, твоим участием и непобедимым воеводством я одержу победу над врагами твоими, то все персидские сокровища, преданные нам по твоей воле, не расхищу, но дам, госпожа, в дома твои, на украшение храмов твоих, на память о твоей помощи и заступничестве, если ты покажешь милость к нашей стране — к твоему достоянию по жребию!»

И вышла Динара из церкви, и села на коня своего, и обратилась ко всем воеводам своим: «Друзья и братия! Я голову свою положить прежде вас хочу за достояние богоматери, за наше благочестие и за все православие нашего государства. Если и вы также поступать будете, бог поспешит к нам на помощь и пречистая его богоматерь помощь нам свою подаст. Если же не поступите так, пусть бог сокрушит вас и пречистая его богоматерь пусть предаст вас в рабство и в разграбление, как некогда иереев израильских».

И пошла Динара из своей страны навстречу персу.

И приблизилась она к полкам персидским, взяла копье в руку и бросилась быстро на персидские полки, воскликнула громким голосом так, что услышали оба войска: «Силою господа нашего Иисуса Христа и помощью пречистой его матери пусть бегут персы!» И ударила перса копьем, и пронзила его.

И от такого сильного возгласа побежали персы. Она же и все воины ее гнали их и секли без милости; захватила Динара царя персов и отсекла ему голову, и надела ее на копье свое, и понесла так в Тевриз, персидский город. И захватила город, и большой полон, и взяла все сокровища прежних царей: драгоценные камни и блюдо, с которого, как говорят, сам царь Навуходоносор ел, и жемчуг драгоценный, и великое множество золота. И возложила дань: с Тевриза стала брать дань для себя — драгоценные благовония, а с Шемахи — дань для своих воинов стала брать — конские подковы. А остальные города раздала своим вельможам.

И возвратилась в страну свою со славною победой, одержанной с помощью богоматери, непобедимой победительницы, врагов гордых победила.

Такую помощь пречистая богородица даровала слабому ребенку, такую храбрость показала она женским ополчением, от такого сильного воинского клича девицы такое множество воинов

устрашися, и таковымъ девица пронзениемъ копиа смути, и таковою скоростию девичью и от гласа ея перси вси от страха омертвѣша, и таково дерзновенье девици дарова в чюждую страну, и такову державу немощной чяди вручи, и таковъ разумъ дарова богомати!

И пришед Динара царица въ свою страну, и преданное ей богоматерию сокровища царская, обещание свое исполни: блюдо златое, и камение, и бисеръ, и злато, и вся царскиа потребы, еже от перских имѣний, раздаде в домы божии въ своей области, и не прикоснуся ни ко единому от царских сокровищъ.

И начя дръжавъство свое тихо и немятежно, и от персъ имаше дань и до преставлениа своего. И никто же не смѣаше от того времени дръзнути на ню от окрестныхъ еа странъ, и повсегда пречистые заступлениемъ пребывают, ником же обладаеми.

И правяше власть свою 38 лѣт и шесть месяць. И по преставлении своем предаде власть сродником своимъ. И погребена бысть в Шарбенскомъ монастыри.

Дажь до днесь нераздѣлно дръжавьство Иверьское пребываетъ.

Глаголет же ся о них, яко быти от рода Давыдова, царя еврѣйскаго, от колѣна Июдина.

Богу нашему слава и пречистѣй его матери в вѣкы. Аминь.

персидских устрашилось, и в смятение пришло от такого девического уменья пронзить копьем, и от такой быстроты девушки-военачальника, и от голоса ее персы все от страха помертвели, и такую дерзость даровала она девице — идти войной в чужую страну, и такое государство вручила ей, слабому ребенку, в управление, и такой разум ей даровала богоматерь!

И пришла Динара царица в свою страну, и выполнила свое обещание о персидских сокровищах, данных ей богоматерью: блюдо золотое, и камни, и жемчуг, и золото, и все царские украшения, которые взяла у персов, раздала в храмы божии в своей стране и не прикоснулась ни к одному из царских сокровищ.

И начала править тихо и немятежно, и брала она дань с персов до самой своей смерти. И с тех пор никто из окрестных стран не смел напасть на нее, и навсегда ее страна находится под покровительством пречистой богоматери, никто из врагов ее не захватил.

И правила Динара тридцать восемь лет и шесть месяцев. И после смерти своей передала власть над страной родственникам своим. И погребена она была в Шарбенском монастыре.

И до наших дней государство Иверское не разделено.

Говорят же о правителях Иверии, что они происходят от рода Давида, царя еврейского, от колена Иудина.

Богу нашему слава и пречистой его матери вовеки. Аминь.

ПОВЕСТЬ О СТАРЦЕ, ПРОСИВШЕМ ЦАРСКУЮ ДОЧЬ СЕБЕ В ЖЕНЫ

ОТ ЕВАНГЕЛИА, ГЛАВЫ ОТ МАТФЕА. СЛОВО О СТАРЦѢ, ПРОСИЛ У ЦАРЯ ДЩЕРИ ЗА СОБЯ, ЯЛСЯ ЦАРЬ ДАТЬ

Некый старець, живый в пустыни, томляху его три *строкы* от Евангелиа: «Толцете — отврьзется вамъ, просите — дастъся вамъ, ищете — обрящете». И взятъ посохъ свой, поиде въ град.

И прииде ко цареве полате, и толъкнувшу ему во двери полаты, идеже царь сѣдитъ. Таже царь повеле пустити его к себѣ въ палату. Царь же рад ему бысть.

И вопроси его царь: «Что ради, старче, прииде к нашей дръжавѣ?» Старець же рече: «Сѣдѣхъ, царю, в пустыни многыа лѣта и молихъ бога. И прииде ми помыслъ таковъ. Господь рече во Евангелие: «Толцете — отврьзется вамъ». Ино ми, царю, первое слово его, господарево, збылося: пришелъ есми к твоей полатѣ, и ты ми велелъ, царю, двери отврьсти; то ми и прьвое збылося». Таже глаголеть старець ко царю: «Царю господине! Есть у тебе дщи, дай ми ее!» Царь же помыслил совѣтъ благъ, рече старцу: «Наутрие отвѣтъ дам ти, старче».

Наутрие прииде старець ко царю в полату; царь же помысли нѣчто божию промыслу быти не просто, рече старцу: «Калугере! Мочно ли добыти мнѣ камень драгый самоцвѣтной?» Рече старець: «Господине царю! Добуду ти камень драгый самоцвѣтный». Рече царь: «Аз ти, старче, дарую свою дщерь, аще ты мнѣ камень такый добудешь».

Старцу же второе прошение слово збылося Христово: «Просите — и дасться вамъ».

Абие старець, благословя царя, поиде ко морю; и обрѣте в лукомории печеру, помысли старца в ней живуща, рад бысть

ПОВЕСТЬ О СТАРЦЕ, ПРОСИВШЕМ ЦАРСКУЮ ДОЧЬ СЕБЕ В ЖЕНЫ

ИЗ ЕВАНГЕЛИЯ, ГЛАВЫ ОТ МАТФЕЯ. СЛОВО О СТАРЦЕ, КАК ОН ПРОСИЛ У ЦАРЯ ДОЧЬ СЕБЕ В ЖЕНЫ И ЦАРЬ СОГЛАСИЛСЯ ДАТЬ

Жил некий старец отшельник, долго и мучительно раздумывал он над тремя евангельскими строками: «Стучите — и отворят вам, просите — и дано будет вам, ищите — и найдете». И, взяв посох свой, пошел в город.

И пришел старец к царскому дворцу, и постучал в двери той палаты, где царь сидит. Царь велел пустить его к себе в палату. И рад был царь ему.

И спросил его царь: «Зачем, старец, ты пришел к нашей державе?» Старец же ответил: «Я, царь, много лет жил пустынником и молился богу. И пришла мне такая мысль. Господь сказал в Евангелии: «Стучите — и отворят вам». И на мне первое это слово господне сбылось: пришел я к твоей палате, и ты, царь, велел мне двери отворить; так на мне сбылось первое изречение». Затем говорит старец царю: «Царь-господин! Есть у тебя дочь — дай мне ее в жены!» Царь же хотел хорошо подумать и сказал старцу: «Завтра утром я тебе дам ответ, старец».

На другой день утром пришел старец к царю в палату; царь же решил, что просьба старца не простая и сделана она не без божьего промысла, и сказал старцу: «Монах! Можешь ли ты добыть мне камень драгоценный самоцветный?» Ответил старец: «Господин царь! Добуду я тебе камень драгоценный самоцветный». Сказал царь: «Я тебе, старец, отдам свою дочь, если ты мне камень такой добудешь».

Так сбылось и второе прошение старца по слову Христову: «Просите — и дано будет вам».

Затем старец, благословив царя, пошел к морю; и нашел он на берегу моря пещеру, подумал, что отшельник в ней живет,

зѣло; прииде в печеру, и влезе, и обрѣте старца уже преставльшася, и благодари бога, господа вседръжителя, и старца, живущаго о бозѣ и скончавшася. Абие и слышитъ во единомъ углѣ печеры нечто борчитъ, акы муха, и зритъ сосудъ сцлянъ, а в немъ акы муха, а покрыто крестомъ спроста. И глаголеть к нему старець: «Что ты здѣ живешь, и кто тя покрылъ знамениемъ симъ крестнымъ?» В сосудѣ же отрече старцу: «Сей старец, лежаи в печере сей, *запечатал* в сей сосуд». Абие молитъ старца: «Испусти мя ис сосуда». Старец рече: «Дай же ми слово таково, что ти мнѣ добыти камень драгый самоцьвѣтной». Бѣс же далъ ему слово таково, воскоро добыти камень драгый свѣтлый. Старець же сложи с сосуда крестъ, бѣс же искочи ис печеры и ста пред печерою, акы великый дубъ, рече старцу: «Пожди мене на семь мѣсте, старче». Абие бѣсъ искочи в море и возмути вѣтры великыми и волнами силными, и изнесѣ бѣсъ камень драгый самоцвѣтный, и дасть старцу. Старець же подивися божию милосердию, рече Христос: «Ищете и обрящете».

Рече старець бѣсу, что: «Яко дивлюся вашему величесьтву: овогда велики есте, овогда мали есте?» Бѣсъ рече: «Наше существо таково, яко хотимъ: и малъ, и великъ, и свѣтелъ, и мраченъ, и скоръ, якоже молниа». Рече старець: «Аще можеши таковъ быти, якоже и в сосудѣ видѣх тя?» Он же воскочи к нему на длань, якоже и в сосудѣ былъ. Старец же словомъ божиимъ запѣчатлѣ, тѣм же крестомъ, бог вѣсть, в той же сосуд, и двери печере загради, и отъиде во град ко царю, и дасть ему камень драгый.

Царь почюдися, и взял, и преставль ему свою дщерь. Старець рече царю: «Господине! Дивлюся божию милосердию, исполнилъ есми свой помыслъ уже: «Толцете — отврьзется вамъ, просите — и дасться вамъ, ищете — и обрящете»; ино, господине царю, тѣ словѣса всѣ збылися». Рече старець царю: «Дщи твоа тебѣ, и камень драгый тебѣ».

Абие старець благослови царя и возвратися во свою пустыню, идѣ прьвое былъ.

Богу нашему слава ныне и присно и в вѣкы вѣком, аминь.

и обрадовался; он вошел в пещеру, прошел в глубь нее и нашел отшельника, уже умершего, и возблагодарил бога, господа-вседержителя, и помолился о старце, жившем во славу божью и скончавшемся. И слышит он, как в одном из углов пещеры нечто жужжит, словно муха, и видит сосуд стеклянный, а в нем находится что-то, похожее на муху, а сосуд покрыт крестом. И спрашивает у него старец: «Зачем ты здесь находишься, и кто тебя покрыл крестом этим?» Из сосуда же кто-то ответил старцу: «Тот старец, что лежит в этой пещере, заключил меня в этом сосуде». И затем стал молить старца: «Выпусти меня из сосуда!» Старец же сказал: «Дай мне слово, что ты мне добудешь камень драгоценный самоцветный». Бес же дал ему слово, что добудет быстро драгоценный светящийся камень. Старец снял с сосуда крест, бес же выскочил из пещеры и стал перед пещерою, громадный, как великий дуб, и сказал старцу: «Подожди меня на этом месте, старец!» Затем бес бросился в море, поднял на нем сильные волны и ветер, и вынес драгоценный камень, самоцветный, и дал его старцу. Старец же удивился божию милосердию — сказал Христос: «Ищите — и найдете».

Сказал старец бесу: «Удивляюсь я вашей — бесов — величине: в чем причина того, что иногда вы так велики, а иногда малы?» Бес же сказал: «Наше существо таково; мы такие, какими хотим быть: я могу быть и мал, и велик, и светел, и темен, и скор, как молния». Сказал старец: «Можешь ли стать таким, каким я в сосуде видел тебя?» Бес же вскочил ему на ладонь и стал таким, каким он был в сосуде. Старец же запечатал его в сосуде словом божиим, по божию изволению, и тем же крестом, что на сосуде был, и двери пещеры завалил, и пошел оттуда в город к царю, и отдал ему камень драгоценный.

Царь изумился, взял камень и вручил старцу свою дочь. Старец же сказал царю: «Господин, удивляюсь я божьему милосердию: уже выполнил я свое желание, постиг смысл этих слов: «Стучите — и отворят вам, просите — и дано будет вам, ищите — и найдете»; ведь все слова эти, господин царь, сбылись». И сказал старец царю: «Дочь твоя тебе, и камень драгоценный тебе».

Затем старец благословил царя и вернулся в свою пустыню, где и раньше был.

Богу нашему слава ныне, и всегда, и во веки веков, аминь.

ПОВЕСТЬ О ЛУКЕ КОЛОЧСКОМ

Того же лѣта от Можайска за пятнадцать верстъ во отчине князя Ондрѣя Дмитрѣевича, внука Иванова, правнука Иванова ж, праправнука Данила Московскаго, явися знамѣние в Колочи. Некий чѣловекъ, имѣнемъ Лука, простых людей, ратаев убогих, в последней нисщете сый, на некоемъ древе в нѣкоемъ мѣсте обрете икону пречистыя Богородицы, держашу на руку младенець господа нашего Исуса Христа. Со единыя страны иконы тоя на затворце образ Николы чюдотворца, а з другую Илии пророка. И веземъ ю и целова с верою многою и постави ея у нивы своея на мѣсте простѣ на дрѣве. И придие инъ нѣкий чѣловекъ и взять ю у него. Лука ж моливъ его, давъ ему хлѣбъ овсянъ, и взять к себе паки икону, и поиде с нѣю в дом свой.

И бысть в дому его разслабленъ чѣловекъ лѣжаща многа леть. Лука же показа ему икону, и како наидѣ ея и повѣда ему вса. Человекъ же инъ разслабленый удивися и моляшѣ Луку, да принѣсеть к нѣму икону тую; Лука же принѣсе к нѣму. Разслабленый же приложи чело и очи и уснѣ ко святей иконѣ божия матери и в той час воста весь здравъ, яко ж никогда же болев.

И сие слышано бысть от всих, тамо живущих, и стекошася мнозии, приносоша болящия и недужныя, и вси здравии быша. И начаша приходити оттовсюду людей множество, приношаху нѣдужныя, и разслабленныя изсцелѣвахуся. И многа чюдеса безсчислѣна бываху, и начаша чтити Луку вси люди, яко же пророка Ильи, апостола его имѣяху вѣликой чти и славѣ. Лука же поиде со иконою из с Колочи к Можайску. И яко же приближашася ко граду, изыде во стрѣтение

ПОВЕСТЬ О ЛУКЕ КОЛОЧСКОМ

В том же году в пятнадцати верстах от Можайска, в вотчине князя Андрея Дмитриевича, внука Иванова, правнука Иванова и праправнука Даниила Московского, свершилось знамение на Колоче.

Некий человек, по имени Лука, из простых людей, бедных земледельцев, на одном дереве в некоем месте нашел икону пречистой Богородицы, на которой изображена она держащей на руках младенца господа нашего Иисуса Христа. С одной стороны на створке той иконы написан образ Николы-чудотворца, а на другой Ильи-пророка. Взял ее Лука, с верою поцеловал и поставил ее у поля своего на неприметном месте, на дереве. Но пришел другой человек и забрал ее у него. Лука же умолил его, дав ему хлеб овсяный, и снова вернул себе икону, и с нею возвратился в дом свой.

А в доме его много лет лежал расслабленный больной. Лука показал ему икону и рассказал, как нашел ее. Человек больной удивился и просил Луку, чтобы он принес к нему ту икону, Лука же принес ее к нему. Больной приложился челом, глазами и устами к святой иконе божьей матери и тут же стал здравым, как будто никогда и не болел.

И услышали эту весть от всех, там живущих, и стекались многие люди, приносили больных и недужных, и все выздоравливали. И начало приходить множество людей отовсюду, приносили недужных, и больные исцелялись. И бесчисленное множество чудес было, и начали все люди почитать Луку, как пророка Илью, за апостола его принимали в великой чести и славе. И Лука пошел с иконой из Колочи к Можайску. И когда приблизился он к городу, навстречу вышел

князь Ондрей Дмитреевичь з боляры своими и весь град от вѣликих и до малых да иже до сущихъ млѣко. И быша знамѣния и чюдеса многа от ыконы божия матѣри.

Таже оттуду поиде Лука со иконою к Москвѣ, и стрѣтоша ея со крѣсты митрополит со епископы и со всем свещеннымъ соборомъ. Тако же и князи и княгини з детми своими, и бояре, и воеводы и вси велможи и все православное крѣстьянство множество. И быша чюдеса безчисла многа: слепии прозираху, хромии хожаху, разслаблены востаху, нѣмии глаголаху, глусии слышаху, во всяком недузе сущии здравии бываху. И что много глаголати, елико нѣ может умъ человечь зрещи безпрестани тогда бываемых тмы тмами безчисленных неизреченных чюдес.

И хожашѣ Лука от града во градъ со иконою божия матери, и везде чюдеса безчисленная и нѣизреченна бываху от то иконы божия матѣри. И вси даяху Луке: князи, и боярѣ, и вси православные крѣстьянѣ,— имѣния многа в милостыню, и в честь, и в дары, и чествоваху Луку, яко апостола.

Лука же бысть отнюд простъ человекъ, яко от последних поселянъ, но и добродетель законную имѣющѣ в себе. И возвратися паки в первое мѣсто своею иконою с чюдотворною на Колочю и со всем своим богатством, а богатства много безчислено собра. И постави двор себе, яко нѣкий князь, храмы светлыи и вѣлици, и слуг много собра, престоящих и предтекущих ему отроков много имѣяще, во утварех украшени. И трапеза его много брашна имѣеши, тучных и драгих и питий благовонных много, и ядяшѣ и упивашѣся со и сущими его служатѣли. И на ловы ездяшѣ съ ястрѣбы, и соколы, и з крѣчаты, и псов множество имѣяшѣ, и мѣдвѣди имашѣ, и сими тешашѣся.

От то иконы же пречистыя Богородицы чюдеса многи бывашѣ, ея же Лука во церкви постави, создании от нѣго, идеже нынѣ манастырь стоит Колочцкий. И приходящии оттовсюду одержими всякими нѣдуги, изсцелѣни приимаху.

Сотвори же ся Лука напрасен и безстуден. Егда убо ловцы князя Ондрѣя Дмитрѣевича съ ястребы и соколы повѣлениемъ князя своего на лов выезжаху, он же соколников бияшѣ и грабяшѣ и ястрѣбы и соколы себе взимашѣ. И се ни единою, ни дважды, но многажды и всегда бывашѣ.

Князь же Ондрей Дмитрѣевич тѣрпяшѣ вса сия, иногда же посылашѣ к нему, он же к нѣму жестоко и сурово отвѣщевашѣ. Князь Ондрей же Дмитрѣевичь смирѣниемъ и тѣрпениемъ смолчевашѣ. Та ж нача ловчих княже Ондрѣевых бити и грабити, и мѣдведи и с ларми взимашѣ к себе, и с ними вѣселяшѣся и утѣшашеся.

По сем же нѣкий жесток был ловчей у князя Ондрея Дмитриевича, и приготовив врѣмя, и улови мѣдведя зла и люта суща

князь Андрей Дмитриевич с боярами своими и весь город от мала до велика, и даже до младенцев. И были знамения и чудеса многие от иконы божьей матери.

Затем пошел Лука оттуда с иконой к Москве, и встретили ее с крестами митрополит с епископами и со всем священным собором. Также князья и княгини со своими детьми, бояре, и воеводы, и все вельможи, и множество православных христиан. И было чудес бесчисленное множество: слепые прозревали, хромые начинали ходить, расслабленные вставали, немые говорили, глухие слышали, и все, бывшие больными, здоровыми становились. И что много говорить, если не может человеческий разум постичь тьмы тем бывших тогда непостижимых чудес.

И ходил Лука из города в город с иконой Божьей матери, и везде бесчисленные и непостижимые чудеса были от той иконы божьей матери. И все — князья, и бояре, и все православные христиане — давали Луке большие богатства в милостыню, в честь и в дар, и чествовали Луку как апостола.

Лука же, хотя и простой был человек, из бедных крестьян, но добродетель настоящую в себе имел. И возвратился на прежнее место свое на Колочь с чудотворной иконой и со всем своим богатством,— а богатства очень много собрал. И устроил себе усадьбу, как некий князь, со светлыми и большими хоромами, слуг много набрал, и юношей завел, украшенных в нарядные одежды, прислуживающих и шествующих перед ним. И трапеза его была богата кушаньями и дорогими благовонными винами, и много ел и пил он со своими приспешниками. И на охоту ездил он с ястребами, с соколами и с кречетами, и псов много имел, и медведей, и с ними тешился.

От той иконы же пречистой Богородицы много чудес было. Лука же ее в церкви поставил, которую он сам построил, где ныне стоит монастырь Колочский. И больные, мучимые всякими недугами, приходили и исцелялись.

Лука же возгордился и потерял стыд. Когда охотники князя Андрея Дмитриевича по его повелению с ястребами и соколами на охоту выезжали, он сокольников бил и грабил, а ястребов и соколов себе забирал. И это не один, не два, но много раз и постоянно бывало.

Князь же Андрей Дмитриевич терпел все это, но иногда посылал к нему, он же отвечал сурово и жестоко. Князь же Андрей Дмитриевич со смирением и терпением молчал. Тот же начал ловчих князя Андрея бить и грабить, медведей вместе с клетками себе забирал, с ними веселился и тешился.

У князя же Андрея Дмитриевича был один ловчий жестокого нрава; однажды поймал он злого и лютого медведя и велел

и повѣлѣ его вѣсти близ двора Лукина. Лука же видев из хором своих и выидѣ сам к мѣдведю со служащими его и повѣле ловчему князе Ондрѣеву пустити его у себя во дворѣ. Ловчей же княж Ондрѣев лукавство сотвори над Лукою: той час пусти мѣдвѣдя, и придѣ мѣдведь на Луку, а Лука не успе вскорѣ отоити, и взаша мѣдведь Луку, едва отняша Луку от мѣдведя, точию дышуща.

И в той час пригна к Луке князь Ондрѣй Дмитреевич, и видев Луку в последних дышуща, и рѣче к нѣму: «Почто еси бесовское позорище и пласание возлюбил и пьянству совокупилса, како тя бог прославил своея матери, пречисты богородицы образомъ чюдотворнымъ, ты ж сия ни во что положи, но к нѣполезному мирскому житию сшел еси, тако тебе и случися».

Он же плакашѣ и слѣзы точа и моляшѣся ему, полезное устроити по нѣмъ. Князь же Ондрей Дмитрѣевич многим его безсчислѣным имѣниемъ на том мѣсте манастырь постави во имя прѣчистыя Богородицы и глаголемы Колочский, и чюдотворную икону божия матѣри в нем постави, иже чюдеса творит и до сего дни с верою приходящим.

Лука же в немъ и пострижеса и поживѣ в нѣмъ нѣколико лѣт и во умилении и в слезах, дондеже и прѣставися и положен в нем.

вести его мимо двора Луки. Лука, увидев это из своих хором, вышел к медведю со своими слугами и приказал ловчему князя Андрея выпустить медведя на своем дворе. Ловчий же князя Андрея подстроил Луке хитрость: тут же выпустил медведя, и кинулся медведь на Луку, а Лука не успел отойти, и схватил его медведь; едва живого отняли Луку у медведя.

Тотчас пришел к Луке князь Андрей Дмитриевич и, видя его чуть живого, сказал ему: «Зачем бесовские игрища и пляски полюбил, пьянству предался,— ведь бог прославил тебя чудотворным образом матери своей, пречистой богородицы, ты же не оценил этого, а к грешной мирской жизни отошел, поэтому и случилось с тобой такое».

Лука же плакал, слезы проливая и умоляя князя, чтобы тот с пользой распорядился его достоянием. Князь Андрей Дмитриевич на бесчисленные его богатства в том месте поставил монастырь во имя пречистой Богородицы, именуемый Колочским, и чудотворную икону божьей матери в нем поставил, которая творит чудеса и до сего дня всем, с верою приходящим.

Лука же в нем постригся, прожил несколько лет в умилении и в слезах, пока не преставился, и положен в нем.

ПОВЕСТЬ О ТИМОФЕЕ ВЛАДИМИРСКОМ

ПОВЕСТЬ О ПРЕЗВИТЕРЕ, ВПАДШЕМ В ВЕЛИКИЙ ГРЕХ ТЯЖКИЙ, ИЖЕ БЫСТЬ В РУСКОЙ ЗЕМЛИ В КНЯЖЕНИЕ ГОСУДАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИИ, И ПРИ МИТРОПОЛИТЕ ФИЛИППЕ

Бѣ во градѣ Владимерѣ презвитеръ нѣкий живыи, именемъ Тимофей. Случи же ся ему быти, по божию попущению, искусъ сицевъ на пагубу души его.

В первую убо неделю святаго и великаго поста обычай имутъ православнии христиане, боголюбивии людие — мужие и жены, и младые дети — поститися во всю неделю. Постивше же ся, в пятокъ вечера ко отцемъ духовным на покаяние приходити и о грѣсѣхь своихь очищатися, и в суботу на литоргии приимати святое тѣло и кровь Христа, бога нашего. Тако же и к сему попу Тимофею прииде на исповѣдание грѣховъ своих девица нѣкая, красна зѣло, дщи славных града того. Бысть же има наединѣ в церкви двѣма, и начатъ презвитера дияволъ на неутолимую похоть разжигати. Презвитер же, не могий терпѣти разгорѣния плоти своея, и падеся з девицею в церкви, не убояся божия суда и вѣчнаго мучения лютаго.

И сотворивъ грѣхь з девицею, и убояся изымания, и бѣжа ис церкви вонъ в домъ свой, и утаяся всѣх людей, да не явленъ будетъ властелемъ града того, и про то бы ему злою смертию не умрети. И осѣдла конь свой, и пременив образ свой поповский, и облечеся в воинскую одежду, и не явися, и не сказася женѣ своей, ни дѣтемъ своимъ, и всѣд на конь, скоро погна из дому своего и из града своего, бѣжа на чюждую страну, в поганую землю татарскую, в Казань.

И тако в Орду прибѣжавъ, и вдадеся царю казанскому служити, и отвержеся вѣры християнския, и священнический чинъ попра, и бусарманскую срацынскую злую вѣру приятъ, и взятъ себѣ двѣ жены.

ПОВЕСТЬ О ТИМОФЕЕ ВЛАДИМИРСКОМ

ПОВЕСТЬ О СВЯЩЕННИКЕ, ВПАВШЕМ В ВЕЛИКИЙ ГРЕХ ТЯЖКИЙ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ В РУССКОЙ ЗЕМЛЕ ВО ВРЕМЯ КНЯЖЕНИЯ ГОСУДАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА И ПРИ МИТРОПОЛИТЕ ФИЛИППЕ

Жил в городе Владимире некий священник, по имени Тимофей. Случилось ему, по божьему попущению, в такое искушение впасть на пагубу своей души.

В первую неделю святого и Великого поста есть обычай у православных христиан и боголюбивых людей, чтобы и мужчины, и женщины, и малые дети постились всю неделю. После же поста в пятницу вечером они приходят к духовным отцам для покаяния и очищаются от своих грехов, а в субботу на литургии причащаются: принимают святое тело и кровь Христа, бога нашего. Так и к этому попу Тимофею пришла на исповедь грехов своих некая девица, очень красивая, дочь известных в городе родителей. Остались они вдвоем в церкви наедине, и начал дьявол разжигать неутолимое плотское желание священника. Священник же не смог выдержать своего столь сильного желания и согрешил с девицею в церкви, не убоялся ни божьего суда, ни вечного мучения лютого.

И совершив грех с девицей, и испугавшись, что его схватят, он бежал из церкви вон, в дом свой, и спрятался там от всех людей, чтобы утаиться от правителей города и чтобы не пришлось ему умереть злой смертью. Оседлал он своего коня, изменил свой облик поповский, оделся в воинскую одежду, не появился и не сказался ни жене своей, ни детям своим, но сел на коня и быстро поскакал из дома своего и из города своего, бежал в чужую страну, в поганую землю татарскую, в Казань.

И, прибежав в Орду, стал служить казанскому царю и отрекся от веры христианской, пренебрег своим священническим саном, принял басурманскую сарацинскую злую веру и взял себе две жены.

Охъ, увы! Первие бѣ чиститель, и говѣин священникъ, и предстатель престолу божию, и поручник грѣшных душъ, потом же — золъ гонитель бысть, и лютъ кровопийца христианескъ, и воевода в Казани храбръ. И часто его посылаше царь с татары своими воевати отечество его, Русския земли християнъ. Живяше же он 30 лѣтъ в Казани, царю служилъ, и разботѣлъ вельми.

Богъ же, не хотя смерти грѣшнику, но еже обратитися ему, и живу быти, восхотѣ же и сего преступника в первое благочестие привести.

По времени же посла его царь на то же обычное и беззаконное дѣло, якоже и прежде,— пролияти кровь неповинных руских людей. Он же иде по словеси царя и возвратися в Казань с руским полономъ. Идущу же ему чистым и великимъ полемъ к Казани, и пусти полкъ свой напреди себя, сам же единъ остася назади, *ездяше, некоего* ради орудия. Ѣдущу же ему на конѣ своемъ в полудни после полка своего, далече остася и пояше умилно красный стих любимый пресвятѣи богородицѣ: «О тебе радуется, обрадованная, всякая тварь».

Тогда же по случаю бѣжа плѣнникъ ис Казани, некий отрок русинъ, и западше, лежаще, утаяся в дубровѣ по страну путя того, ждущий, докуду минетъ весь полкъ татарский, чтобы востати от места того, и паки бы побѣжать не блюдяся, к Руси.

И егда отрокъ слыша поюща стихь, и, воставъ от лежания своего, и мнѣвъ поюща его стихь быти русина, не бояся, радостен изыде оттуду, и потече из дубровы на путь свой, и явися тому, окаянному варвару, прежде бывшему попу. Он же, видя отрока ярыма своима очима звѣриныма, и похватив мечь нагъ, и хотѣ отроку главу отсѣщи. Пленник же паде на землю з горкими слезами, милости прося у него, чтобы не убиенъ былъ от него. И сказа ему о себѣ, яко «Плѣнникъ есмь, русинъ, бѣжа ис Казани на Русь, и слышах тебя, по-руски поюща великий стихь богоматере, еже любезнейши есть той стихь всѣх стиховъ богородичных, и у нас его на Руси честно поють, славяще пресвятую богородицу, молитвенницу и заступницу нашу, и чаяхъ тебя русина быти и явихся, господине, лицу твоему, не бояся». Преступник же то слыша, и жестокое и каменное свое сердце во умилении положи и нача великим гласом жалостно плакати и рыдати, и сшед с коня о землю убивашеся, яко устрашитися отроку тому, и вмалѣ не побѣжа от него, дивяся в себѣ, что се таково сотворилося; бѣ бо и отрокъ той грамотен же. И плакася от полудне того до вечера, донелѣ гортань его премолча и слезы исчезосте от очию его.

Ох, увы! Вначале был очистителем душ, благочестивым священником, предстателем за души грешных у престола божия, потом — стал злым гонителем, и лютым кровопийцей христиан, и храбрым воеводой в Казани. И часто посылал его царь с татарами своими воевать его отечество, христиан Русской земли. Жил же он тридцать лет в Казани, царю служил и очень разбогател.

Бог же не хочет смерти грешника, но хочет, чтобы исправился он и был живым, захотел он и этого преступника в прежнее благочестие привести.

Через некоторое время послал его царь на то же обычное и беззаконное дело, что и прежде,— проливать кровь неповинных русских людей. Он же пошел по повелению царя и вернулся в Казань с русскими пленными. Когда он шел чистым и великим полем к Казани, то пустил отряд свой впереди себя, сам же отстал и ехал один — ради какого-то дела — сзади. Когда же ехал он на коне своем в полдень далеко позади полка своего, запел жалостно свой любимый красивый стих пресвятой богородице: «О тебе радуется, обрадованная, всякая тварь».

Тогда же случилось так, что бежал пленник из Казани, некий юноша русский, и лежал он, прижавшись к земле, укрываясь в дубраве, в стороне от дороги, ожидая, пока пройдет все войско татарское, чтобы подняться из своего укрытия и опять побежать, не опасаясь погони, на Русь.

И когда отрок услышал пение стиха, он встал с места, где лежал, без страха, так как думал, что человек, поющий стих,— русский, и, радостный, вышел оттуда, и побежал из дубравы на дорогу, и появился перед окаянным варваром, бывшим попом. Тот же с яростью взглянул на отрока своими звериными глазами, выхватил меч обнаженный и хотел отроку голову отсечь. Пленник же упал на землю с горькими слезами, милости прося у него, чтобы тот его не убил. И рассказал ему про себя: «Пленник я, русский, бежал из Казани на Русь, и, услышав тебя, поющего по-русски великий стих богоматери,— тот стих, что приятнее для души всех других стихов богородичных, и у нас на Руси его с благоговением поют, почитая и славя пресвятую богородицу, молитвенницу и заступницу нашу,— подумал я, что ты русский, и поэтому показался, господин, перед лицом твоим без страха». Когда преступник услышал это, умилилось его жестокое и каменное сердце, и начал он громко и жалостно плакать и рыдать, и сошел с коня, упал на землю с рыданием, так что напугался отрок и чуть не побежал от него, недоумевая, что такое случилось; отрок тот был образованным человеком. И плакал Тимофей от полудня того до вечера, до тех пор, пока гортань его не замолчала и слез в глазах его не осталось.

И обозреся со отроком ту, и спа до утра на травѣ, давъ отроку нѣчто мало снѣсти, сам же ничего не вкуси.

Плѣнник же нача прилѣжно вопрошати, глаголя: «Что се, господине, есть, и что плачь твоя, и почто горко плачеши? Повѣждь ми, рабу своему». Он же устранися от плача и мало пришед в себѣ, все отроку вышеписанное повѣда, яко попъ на Руси былъ. Плѣнник же увѣщеваше его на покаяние обратитися, яко богъ нашъ милостив есть и кающихся от греховъ очищаетъ. Он же рече отроку: «Молю же тя, отроча, и заклинаю тя богом вашим Исусом Христом, пришедшим в миръ грѣшники спасти, да сотвориши ми любовъ духовную; иди нынѣ от мене без боязни к Москвѣ на Русь, и пришед, возвѣсти о мнѣ вся митрополиту вашему, еже сказа ти. Аще есть такому грѣшнику покаяние, и они бы меня восприяли, и запретили, и простили, како подобаетъ по заповѣди господа нашего Исуса Христа; дабы и попечаловался о мнѣ великому князю московскому, дабы и онъ простилъ во всем моемъ злѣ, еже много лѣтъ воевах землю его и христианство губя. Да рукописание бы прощения мнѣ во всемъ написалъ, и двѣма печатми запечатавъ, великаго князя печатью да своею другою печатью, да тогда веру иму, и поехалъ бы к Москвѣ без боязни. Да по двою месяцу прислал бы ми с тобою на сие же мѣсто, и азъ бы с радостию и без сумнѣния к Москвѣ ис Казани приѣхалъ, и вдался бы я в монастырь, плакатися грѣховъ своих. Ты же, брате, потрудися бога ради о мнѣ всѣмъ сердцемъ своим без лѣности, господь же ради труда твоего мзду воздастъ ти во царствии небеснѣм». И одари отрока сребром немало. И обѣща ему отрок истинно и неложно повелѣнное имъ сотворити.

И воставше заутра, и тако же много плакався бусурманъ той, и цѣловавшеся оба, и разъѣхавшеся. Отрока отпусти к Руси, а сам х Казани за полком своимъ скоро погна.

Отрок же к Москве пришед, и скоро сказа вещь сию митрополиту Филиппу. Истинный же пастырь церкви Христовѣ в той же час скоро шед в полату, и возвѣсти сыну своему духовному, великому князю, все по ряду и подробну, еже что ему отрокъ сказа. Князь же великий и митрополитъ умилишася зѣло, и в размышлении оба надолзѣ быша, и призваше отрока паки пред себя, вопрошающе его, истинно ли тако бысть. Отрок же паки то же сказа имъ истинну подробну. И помянуша они евангельское слово, реченное: «Аще изведеши честное от недостоинства, яко уста моя будеши». И совѣтовавше между себѣ князь же и митрополитъ, и написавше грамоту, и запечатавше своими печатми, и послаша со отроком к бусорману тому, и прощение ему, покаявшемуся и возвратившемуся от тмы во свѣтъ, сказаша,

И осмотрелись они с отроком вокруг, и спал он до утра на траве, дав отроку немного поесть, сам же ничего не ел. Пленник же начал подробно расспрашивать его: «Что случилось, господин, и что значит плач твой, и почему горько плачешь? Расскажи мне, рабу своему». Он же перестал плакать и, придя в себя, рассказал отроку все то, что уже было написано выше,— что он попом был на Руси. Пленник же увещевал его покаяться, ибо бог наш милостив и тех, кто кается, от грехов очищает. Он же ответил отроку: «Молю тебя, отрок, и заклинаю богом вашим Иисусом Христом, пришедшим в мир спасти грешников, покажи мне свою любовь духовную: иди сейчас от меня без боязни к Москве, на Русь, и, придя, возвести обо мне митрополиту вашему, расскажи ему все, что я сказал тебе. Если есть такому грешнику покаяние, пусть бы они меня приняли обратно, и дали отпущение грехов, и простили, как подобает по заповеди господа нашего Иисуса Христа; пусть попросит он за меня великого князя московского, чтобы и он простил меня за мое зло, ведь много лет воевал я землю его и христиан губил. Пусть бы он прощение мне во всех моих грехах в грамоте написал и двумя печатями бы запечатал — печатью великого князя да своею другой печатью, митрополита, тогда я поверю в прощение и поеду к Москве без страха. Да пусть бы он прислал через два месяца грамоту с тобой на это же самое место, и я бы с радостью и без сомнения к Москве из Казани поехал, и пошел бы я в монастырь оплакивать свои грехи. Ты же, брат, потрудись бога ради обо мне всем сердцем своим, без лености, господь же за труд твой воздаст тебе мзду в царстве небесном». И одарил отрока серебром богато. И обещал ему отрок истинно и без обмана выполнить его повеления. И когда встали утром, снова так же много плакал басурман тот, и поцеловались оба и разъехались. Отрока он отпустил на Русь, а сам быстро в Казань погнал вслед за полком своим. Отрок же пришел в Москву и сразу же рассказал об этом митрополиту Филиппу. Истинный же пастырь церкви Христовой в тот же час, не замедлив, пошел во дворец и возвестил сыну своему духовному, великому князю, все подробно и последовательно, о чем ему отрок сказал. Князь же великий и митрополит очень разжалобились, и оба долго размышляли, и позвали отрока к себе, и расспрашивали его, действительно ли так все было. Отрок же опять то же самое рассказал им, всю истину подробно. И помянули они евангельское слово: «Если выведешь честное из нечистоты, то будешь как будто бы уста мои». И, посоветовавшись между собой, князь и митрополит написали грамоту, запечатали ее своими печатями и послали с отроком к тому басурману, и прощение ему, покаявшемуся и возвратившемуся из тьмы в свет, написали,

и во всемъ его простиша, и наказавше звати его, чтобы ѣхалъ к Москвѣ безо всякия боязни, и да будетъ честенъ в службѣ великому князю.

Наставшу же третиему месяцу, плѣнникъ, отрокъ той, тщашеся безо лжи любовь божию сотворити и тамо итти; то бо есть любовь истинная, кто положитъ душу свою за брата своего. И иде отрокъ полем многия дни до уреченного мѣста того. И поспѣ на срокъ свой, и ту пришед, ждаше бусормана два дни и мнѣвъ, якоже не быти ему.

В третий же день зряше отрокъ прилѣжно х Казани прямо, на горѣ высоцѣ на древо возлѣзе, узрѣ: и се гнаше полемъ единъ человѣкъ от Казани путем на дву скорых драгих конехъ своихъ к мѣсту тому, вельми спѣшася. Отрок же позна, яко той есть другъ его, бусорман, и вмалѣ скрыся от него, искушая его. Он же прискочи на мѣсто то, и не видѣ отрока, чаяше, яко солгахъ ему, и не пришедша во уреченний час и день. И свержеся с конех своихъ долу на землю, и плакася вельми горко, яко могущу что и самое камение с собою на плачь подвигнути, и не можаше от плача утѣшитися, верстою бы онъ в пятьдесят лѣтъ бывъ. Тако же скоро отрокъ явися ему. Он же видѣвъ его борзо з горы идуща к себѣ, и тако же позна его, и потече скоро к нему, противу его, и объемъ, паде на выю отроку, и целуя его и плакася з горкими слезами, глаголя ему: «Что ти воздамъ, любимый мой брате, и нелестный друже, и вѣрный посланниче, и великотрудниче, еже о мнѣ, поганомъ, сотворилъ еси!» Отрок же веземъ влагалище из-за *пазухи* своея, и развергъ, и вынялъ из нея грамоту, и даде ему. Бусорман же приимъ, и прочте со многими слезами, и вопияше непрестанно гласомъ мытаревымъ: «Боже, милостивъ буди мнѣ, грѣшному, беззаконному преступнику! Боже, очисти грѣхи моя и помилуй мя!» И простеръ руцѣ свои на небо и рече: «Боже щедрый, благодарю тя, человеколюбче, грѣшнымъ милостиве, яко сподобилъ мя еси, окаяннаго, от начальнаго пастыря моего беззаконию моему прощение прияти». И абие внезапу падъ на землю тихо, и нозѣ свои, яко живъ, простре, и обрѣтеся мертвъ.

Отрок же во ужасѣ надолзѣ бывъ, и разумѣ истинно, яко умре. И сня с него драгия ризы и всю коньскую зъбрую, и облече на него смиренныя свои одежды, ископа землю, и погребе его ту со слезами, и нощь ту преспа у гроба его. Тимофей же явися ему *во сне* у гроба своего, благодарение воздавая ему: «Яко тебе ради прияхъ от бога прощение грѣхъ своихъ, да возми кони мои со всѣмъ, еже на них, за труды своя, и иди отсюду на Русъ, и поминай меня до живота своего молениемъ и милостынею и прощениемъ».

Отрок же наутрие простився у гроба его, и взя кони оба драгия Тимофеевы, *со* збруею, и обрѣте на них басманы

и во всем его простили, и велели звать его, чтобы ехал он к Москве безо всякой боязни и честно бы служил великому князю.

Когда настал третий месяц, бывший пленник, отрок тот, стремился безо лжи сотворить любовь божию и идти туда, ибо это и есть любовь истинная, если кто положит душу свою за брата своего. И шел отрок полем много дней до назначенного места того. И поспел в срок, и, придя туда, ждал басурмана два дня, и думал уже, что тот не придет.

В третий же день увидел отрок, пристально глядя в сторону Казани — он на высокой горе влез на дерево: вот едет полем один человек со стороны Казани на двух быстрых дорогих конях, едет к месту тому и очень торопится. Отрок же узнал друга своего, басурмана, и спрятался от него, чтобы его проверить. Басурман же прискакал на место то и, не увидев отрока, подумал, что тот солгал ему и не пришел в назначенный день и час. И бросился с коней своих ниц на землю, и плакал так горько, что мог бы и камень заставить плакать вместе с собой, и не мог от плача утешиться, хотя по возрасту было ему уже пятьдесят лет. Тогда быстро отрок вышел к нему. Он же, увидев отрока, бегущего к нему с горы, узнал его и побежал к нему навстречу, и, обняв, упал ему на шею, и целовал его, и плакал горькими слезами, и говорил ему: «Чем я отплачу тебе, любимый мой брат, не обманувший меня друг и верный посланник мой, много потрудившийся для меня, за все, что ты для меня, поганого, сделал!» Отрок же, взяв некую суму из-за пазухи, раскрыл ее, и вынул из нее грамоту, и дал ему. Басурман же принял ее, и прочел со многими слезами, и вопил непрестанно голосом мытаря: «Боже, милостив будь ко мне, грешному, беззаконному преступнику! Боже, очисти меня от грехов и помилуй меня!» И простер руки свои к небу и сказал: «Боже щедрый, благодарю тебя, человеколюбца, милостивого к грешникам, что сподобил меня, окаянного, получить прощение моему беззаконию от первого из пастырей!» И затем внезапно тихо упал на землю, и ноги свои, как живой, протянул, и умер.

Отрок же долго был в ужасе и убедился, что тот умер. И снял с него дорогие одежды, и всю сбрую с коней, и одел его в свои смиренные одежды, выкопал могилу и предал его погребению со слезами, и ночь ту спал у могилы его. Тимофей же явился ему во сне у своей могилы и благодарил его: «Так как благодаря тебе принял я от бога прощение грехов своих, то возьми моих коней со всем, что есть на них, за труды свои и иди отсюда на Русь, и поминай меня до конца своей жизни в молитвах, и милостыню и прощение твори».

Отрок же утром попрощался с могилой его, взял обоих дорогих коней Тимофеевых со сбруей и нашел на них сумки

великие, полны насыпаны злата и сребра и драгихъ каменей, и всѣдъ на конь, и поѣде на Русь, радуяся и веселяся.

И приѣхавъ к Москвѣ, и *подробну* повѣда о Тимофѣи, еже случися ему, великому московскому князю и митрополиту, и како погребе его, и како его видѣ во сне, и оставльшаяся вся показа имъ. Князь же и митрополитъ удивишася о семъ и прославиша бога, како покаяниемъ и слезами очистився, и простишася грѣси его, и душа его спасена бысть. Князь же и митрополитъ все имѣние Тимофеево повелѣста отроку тому отдати. Еще же к тому князь и земли удѣлъ даде ему.

Сия ж повѣсть многа лѣтъ не написана бысть, но тако в людехъ в повѣстехъ ношашеся. Аз же слышахъ от многихъ сие и написахъ ползы ради прочитающимъ, да не отчаются согрѣшившии спасения своего, но притекутъ ко всемилостивому богу истиннымъ покаяниемъ, и отпущение грѣховъ получатъ, и жизнѣ вѣчную сподобятся прияти, и в безконечныя вѣки на небеси с преподобными имутъ царьствовати. Аминь.

большие, доверху насыпанные золотом, серебром и драгоценными камнями, сел на коня и поехал на Русь, радуясь и веселясь душой.

И приехал к Москве, и подробно рассказал то, что случилось с Тимофеем, великому московскому князю и митрополиту, и то, как он похоронил его и как видел во сне, и все, что привез, показал им. Князь же и митрополит дивились случившемуся, тому, как Тимофей покаянием и слезами очистился от грехов, и простились ему грехи его, и душа его была спасена, и прославили бога. Князь и митрополит все имение Тимофеево повелели отроку тому отдать. Еще к этому князь и земли в удел ему дал.

Эта повесть много лет была не записана, но в рассказах была известна людям. Я же слышал от многих эту историю и записал ее пользы ради всех читающих, чтобы не отчаивались согрешившие в спасении своем, но обращались к всемилостивому богу с истинным покаянием; и отпущение грехов они получат, и сподобятся жизнь вечную принять, и в бесконечные времена на небе с преподобными будут царствовать. Аминь.

ИЗ «ДИОПТРЫ» ФИЛИППА ПУСТЫННИКА. РАЗГОВОР ДУШИ И ПЛОТИ

ТРЕТЬЯГО СЛОВА СУТЬ СТИХОВЕ ВСИ 1654
СЛОВО 3

1. Яко ничтоже творит душа или дѣйствует кромѣ тѣла, но его всѣми уды дѣйствует и познаваеться, какова єсть и колика.
2. Яко аще не въ свершенъ възрастъ приидут уди и части телесныя, дѣйства душевная неявлена суть.
3. Яко аще что от удовъ телесных погибнет или инако вредиться, бездѣльствуеть душа к служенью его.
4. Убо в коей части тѣла пребыванье уму мнѣти достоить.
5. Яко сраслена есть душа телеси и вкупѣ душа и вкупѣ и тѣло, не бо прежнѣйше есть единъ другаго.
6. Яко, тѣлу разрушаему, не сраздрушаеться с ним и душа, и како бесмертное и славное с мертвым и неславным создано бысть, и которое котораго первозданно бысть.
7. Убо кто согрешивы въо Адамѣ изначала — душа или тѣло, и яко смерть не мука есть, но врачеванье и смотренье добрѣйшее, и яко душа, дондеже привязана есть сей плоти, мысленая видѣти *не* может.
8. Иже по образу и по подобью кое есть, и кто от обою имат то — душа или тѣло.
9. Убо тлѣнна ли Адамова плоть или нетлѣнна создана бысть.
10. И гдѣ хощем глаголати преже отшедш*ие сущиа* душа; яко в последний день хощем вси от вѣка усопшеи вскреснути и какови.
11. Христосъ, сшед въ адъ, вся ли иже от вѣка тамо сущая душа свободи, по Писанию, или ни, и како и ким образом познают душа каяждо свое тѣло в въскресении.

ИЗ «ДИОПТРЫ» ФИЛИППА ПУСТЫННИКА. РАЗГОВОР ДУШИ И ПЛОТИ

ВСЕГО В ТРЕТЬЕМ СЛОВЕ 1654 СТИХА

СЛОВО 3

1. Что душа ничего не совершает и не делает помимо тела, но действует только с помощью всех его членов, а через это и познается, какова она и какая.
2. Что если не полностью разовьются члены и части тела, действия душевные останутся непроявленными.
3. Что если какой-нибудь из членов тела погибнет или иначе повредится, душа окажется не в состоянии действовать присущим этому члену образом.
4. В какой части тела следует считать пребывающим ум.
5. Что сращена душа с телом и одновременно появились душа и тело, а не одно прежде другого.
6. Что с разрушением тела не разрушается с ним и душа; и о том, как бессмертное и славное было создано со смертным и бесславным, и что чего первозданней.
7. Кто согрешил в Адаме сначала — душа или тело, и — что смерть не мука, но врачевание и прекрасное предусмотрение, и что душа, пока привязана к этой плоти, мысленного видеть не способна.
8. Что у человека по образу и что по подобию, и кто из обеих обладает этим — душа или тело.
9. Тленной или нетленной была создана Адамова плоть.
10. Где следует считать пребывающими души прежде отошедших, и — что в последний день все от начала веков умершие воскреснем и какими.
11. Христос, сойдя в ад, все ли от века там находящиеся души освободил, по Писанию, или нет, и как и каким образом каждая душа опознает свое тело при воскресении.

12. Яко обещно тогда быти и познанье на всѣх, дондеже ови от десныя, ови же ошююю разлучаються, и тако будет паки праведным познание, грѣшным же ни.
13. Яко на воскресение всячьская тварь обновиться в нетлѣние к лучше добротѣ и видѣнию,— подобнѣ и человѣчьская телеса, с ними же и душа, но не тричастны будут тогда, яко же нынѣ, но отимуться двѣ части от них — ярость и желание.
14. И еще о въскресении.

НАЧАЛО ТРЕТЬЯГО СЛОВА

Душа: Се другое взискание, се и другое впрошенье. От них же впросих тя вчера и во втором словѣ, многа ми явила еси и многа сказала ми еси. Хотѣх же увѣдѣти, гдѣ хощем глаголати преже умершихъ душа быти: аще въ адѣ речеши ми,— да гдѣ есть адъ? Рци ми се явственѣ, рци и не облѣнися.

Плоть: Невнимателна о мнозѣ еси, о душе моя. Аще бо бы внимала, смѣреная, от их же прочитаеши и от их же поеши многажды на который же день, хотяше многая навыкнути и разумети вся си, учителя не бы требовала, ни же сказателя. Слышано ли бысть се, владычице, да не знаеши сия, но впрашаеши рабу свою, мене оканную!

Душа: Аще убо не навыкну от тебе, от кого научюся? От Писания слышах, еже впрашати убо лучше есть и еже свѣтовати мьногых спасително есть.

Плоть: Да что есть и каково дѣло, еже имаши, и где скытаеться умъ, и где обьходит, скажи.

Душа: Кое убо дѣло — еже испытовати божественое: и отнуду же придох, и еже ради вины, и кто есть зижитель мой, и како честнѣйшю всѣх иже в мирѣ створи мя тварей и под руку далъ есть скоты же и звѣря, и гад, и птица, и ина глаголю вся, небо с своими ему, земля и иная паки,— и како мя затворилъ есть в тебѣ смраднѣй, и иде же паки поиду, отлучився тебе конечнѣй.

Плоть: Право убо отвѣща ми, и добрѣ *отглагола;* сия поучайся всегда; сия тебѣ да суть дѣло; да навыкнеши от них лучшая, божественая.

Душа: Азъ убо се желаю воину и хощю — поучение незабытно имѣти ми в сѣхъ. Но яко же вепрь калу радуеться и сквернѣ и на кождо день, валяеться, услажаяся в немь, тако и ты, всезлая плоти, всяко с сими плотьскыми своими страстми и сластьми студными и скверными дѣянми съкверниши мя на каждо день, валяющися в них без боязни, яко же свинья, и низъвлачиши мя долѣ, и никаго же оставляеши мя горняя зрѣти

12. Что все тогда будут узнавать всех, пока не разделятся на стоящих справа и слева, после чего одни только праведные будут узнавать друг друга, а грешные нет.
13. Что с воскресением всяческая тварь обновится, сделавшись нетленной и став лучше и красивей, также и человеческие тела, а с ними и души, но не трехчастны, как теперь, они тогда будут, ибо отнимутся две части у них — способности ярости и влечения.
14. И еще о воскресении.

НАЧАЛО ТРЕТЬЕГО СЛОВА

Душа: Вот новая тема, вот и новый вопрос. Из того, о чем я спросила тебя вчера, во втором слове, ты многое мне раскрыла и много мне сказала. А теперь я захотела разузнать, что надлежит нам думать о том, где пребывают души прежде умерших. Если «в аду» скажешь мне,— где ад? Ответь мне на это ясно, ответь, не поленись.

Плоть: Ты очень невнимательна, о душа моя. Ведь если бты внимала смиренно тому, что читаешь и что многократно каждый день поешь, то очень много узнала бы, и поняла все это, и не имела бы потребности ни в учителе, ни в толкователе. И слыхано ли это, владычица, не знать этого и спрашивать свою рабу, меня, окаянную!

Душа: Коль от тебя не узнаю, у кого научусь? А из Писания я слышала, что спрашивать полезно и советоваться со многими спасительно.

Плоть: Да какое же дело теперь тебя занимает, и где, скажи, твой ум скитается и блуждает.

Душа: Такое дело — постигать божественное: откуда я пришла, и по какой причине, и кто создатель мой, и почему, создав меня высшей всех сущих в мире тварей и подчинив мне животных, зверей, и гадов, и птиц, и прочее, можно сказать, все: небо вместе с тем, что в нем, и землю, и иное,— при этом он поместил меня в тебе, смрадной, и куда потом я пойду, с тобой, наконец, расставшись?

Плоть: Ты правильно ответила и хорошо сказала; и это постигай всегда; пусть это будет твоим делом, чтобы ты научилась лучшему и божественному.

Душа: Я ведь того и желаю всегда и хочу хорошее поучение об этом услышать. Но как свинья, что нечистотам радуется и скверне и каждый день валяется в них, наслаждаясь, так и ты, презлая Плоть, вечно этими своими плотскими страстями, и усладами постыдными, и скверными деяниями оскверняешь меня каждый день, валяясь в них безбоязненно, словно свинья, и вниз меня влечешь, и никак не позволяешь мне взглянуть ввысь, о горнем помышлять

и мудрьствовати, и в горняя входити. Зрительное угасила еси — еже есть умъ мой. И како взмогу навыкнути, помрачена сущи и ослѣплена всячесьскы, зрѣти не имущи!

Плоть: Да вѣдѣ ты водиши мя и ты всяко носиши! Да вѣде ты обращаеши мя, яко же снузнець коня. Азъ убо кромѣ тебе ничто же отнуд творю: ни же доброе, ни же злое, ни посреднее спроста. Да что мя укаряеши много и что мя бесчестиши? Или убо добрѣ, или злѣ живемъ — твое еже хотѣти.

Душа: Непщюеши, злѣйшая, благословленѣ противится мнѣ? Но нѣсть, ты яко же рече, нѣсть, яко же глаголеши! Но — яко же конь сверѣпъ, его же глаголють Етиарь, неудержим, зловидень и непокоренъ зѣло, внегда хопит узду, стища зубы своими, и въздвигъ выю яростнѣ и к брегом устремиться и в пропасть, и рассѣлины, и ровища калная и самъ себе низъринет вкупѣ со всадникомъ; аще ли въспящаеться, то паки горше есть,— сицевому подобно стражем обѣ вкупѣ. Сверѣпѣеши, яко же онъ предреченъ мною конь, враждедная, и тогда не могу повести тя, яко же хощю, но ямо же ты хощеши, водиши мя нехотящю. Аще убо ураню тя жезлом и умучю тебе, или гладом озлобя тя и жестоцѣм житием, аще труды тебѣ наведу многы и великы и подвиги нанесу ти, яко да постражеши — да некако буяеши, и играеши, и скачеши отнуд,— и положю долу тя мертву, полумрщвену паки,— въ еже показати тя паки покориву быти, и не имамъ служащаго ми, ни же помагающаго, не имам с ким добродѣтели сдѣяти! И како сию да стяжю и како сию створю?

Аще ли же упокою тя и угожю ти, паки на мя въстаеши злѣ и ратуеши мя бѣснѣ, и низълагаеши мя долѣ в дѣяния неправедна. Обаче помагаеши ми нѣкогда створити любимая к богу, пособьствуеши мя *во многая, но и ратуеши мя; и помощника имам те,* и съперника паки, и ратника нещадна, и врага же сверѣпа. Горе, горе мне! Како: враг — и друг любы мнѣ! И что сдѣяти, недоумѣю, и что створю, не вѣмъ. Аще убо створилъ бы богъ, да свобожюся тебе, изъшла бы твою темницю и зловонья смраде, изъшла бых убо, наставлена от ангела, вскорѣ в моя си, в мое отечество, и, яже в мирѣ оставлыши, в премирных жила бых.

Плоть: Много възвысися, о душе, много вознеслася еси — яко невеществена и добра и яко превышши, яко мыслена и словесна, и бесмертна сущи, и яко от вышняго и небеснаго мира, сей миръ убо нѣсть достоинъ тебѣ, азъ есмь злородна, азъ есмь раба от сего мира тлѣньнаго, премѣннаго и сквернаго, от четырех его всѣх ставъ вся есмь — и мерзка, и скверна-ва, и нечиста, яко же глаголеши. И глаголи еже хощеши,

и к горнему стремиться. Способность видеть, то есть ум мой, во мне ты угасила. И как смогу я понимать, будучи помраченной и ослепленной во всем и видеть неспособной?

Плоть: Да ведь ты руководишь мною, ты меня повсюду носишь! Ты ведь управляешь мною, как всадник конем. Я без тебя вовсе ничего не совершаю: ни добрых дел, ни злых, ни тех, что между злым и добрым. Так за что же ты меня укоряешь и за что бесчестишь? Хорошо ли, дурно ли мы живем — зависит от твоей воли.

Душа: Полагаешь, злейшая, что разумно мне перечишь? Но не так обстоит дело, как ты сказала, не так, как говоришь! Но словно конь свирепый, что зовется Сиртиарий, неудержимый, страшный и весьма непокорный, когда грызет узду, стиснув ее зубами, и, шею яростно задрав, к берегам устремляется, и в пропасти, и в ямы, в рвы, наполненные грязью, сам себя повергает вместе со всадником; если же попятится, то будет еще хуже,— подобно этому и мы страдаем обе вместе. Ты, враждебная, свирепеешь, как этот названный мной конь, и тогда я не могу вести тебя, куда хочу, но ты, куда хочешь, несешь меня против моей воли. Если же я побью тебя палкой и помучу тебя или голодом накажу тебя и суровой жизнью, если трудами нагружу тебя многими и тяжелыми и работы возложу на тебя такие, чтобы пострадала ты — чтоб не буйствовала больше, не озоровала, не скакала совсем,— умерщвленной и полумертвой низложу тебя, чтобы заставить тебя быть покорной, то лишаюсь тогда своего слуги и помощника, и не с кем мне будет добрых дел сделать! Как добродетель тогда стяжать и сотворить мне?

А если же дам тебе покой и угожу тебе, вновь на меня восстаешь со злобой и бешено воюешь со мной, и низвергаешь меня вниз, в деяния неправедные. Однако же иногда ты помогаешь мне совершить любимое богом, способствуешь мне во многом, но и воюешь со мной; и помощник ты мне, и соперник разом, противник беспощадный и враг свирепый. Горе, горе мне! Как это: враг — и друг мой любимый! Как мне поступить, не знаю, и что сделать, не ведаю. Если бы дал бог от тебя освободиться, вышла бы я из твоей зловонной и смрадной темницы, быстро пошла бы, наставляемая ангелом, в мое отечество и, оставив все мирское, в надмирном мире жила бы.

Плоть: Слишком возвысилась ты, о душа, и чрезмерно вознеслась: и невещественна ты, и добра, и все-то ты превосходишь, и осмысленна ты, и словесна, и бессмертна, и происходишь из вышнего небесного мира, а этот мир недостоин тебя, а я злородна, я раба из этого изменчивого и скверного мира, из всех его четырех стихий вся состою, и мерзка я, и скверна, и нечиста, как ты говоришь. И говори, что хочешь,

госпожа бо ми еси. Но убо яже укаряеши злую мене, ю же бесчестиши,— аще мя не бы имѣла, владычице, не бы достойна мѣдницю.

Душа: Да како обесрамися, и како обесчестиши мя, и како охуди мя? Хощу навыкнути, еже рече.

Плоть: Вонми, прочее, и слыши, и не огорчевайся отнуд, ни же гнѣвайся на мя всуе туне тако, елма обезчивихся тебѣ, елма обесрамихся и стыдение отложих от моего лица. Рьку тебѣ истину, или хощеши, или не хощеши. И вонми здѣ смысленѣ и разумѣй яже глаголю.

Кромѣ ссуд моих удовъ, госпоже, творца своего и бога славословити не можеши,— аще не имаши сдѣлницю мене и помощницю свою. Но ни же благодарити яко творенье создателя, ни о них же согрѣшила еси сама покаятися можеши кромѣ слезъ и въздыхания, яко же она блудница и Петръ. Внегда убо мене отлучишися, разумѣеши, кто еси?

Душа: Да како отнуд глаголеши и како имаши уста и всяко противь глаголеши ми и не срамляешися?!

Плоть: Да почто да не глаголю и почто и престану, елма предана бых тебѣ, яко да мя имаши рабу? Вину же не свѣм и како рещи не вѣдаю. Не бо преже мене еси, но вкупѣ ты же и азъ. Еда бо мене скудѣлник созда, богъ же тебе? И что еси кромѣ мене и кая еси, скажи? Невидима и незнаема всѣм вся еси, никто же познаваяй тя, никто же видяй тя, или добра, или зла, не вѣсть какова еси — или мудра, или буя, или смыслена же, или разумна и препроста паки.

Душа: Да како есть еже глагола? Реченое не разумѣх.

Плоть: Слыши убо и вѣруй и покорись им же глаголю. Сущая убо вся познаваема суть чювством, умная же умнѣ постизаема суть. Яже убо чювьствена суть чювство чювственѣ познаваем, а яже паки мыслена — мыслена, яко же рѣх. Показанье чювство чювственѣе имат, постизаемое же мысленѣ, о страстная, не от того самаго познаваеться, но от дѣйства. Невѣдома сущи, о душе, и невидима вся, вправду убо познаваешися от дѣйствъ, яко же и богъ от своих ему твари. Бога никто же видѣ никогда же отнуд, невидимо бо есть сущьством и естествомъ, но убо познаваеться нѣколико от глаголаных. Невидимая бо его,— рече божественый Павелъ,— и от тварей разумѣваема, зрящи, от еже въ тварех,— рече,— премудрости бывшая творець и создатель познаваеться яковъ. Яже тѣмъ бываемая на всяк день сдѣтеля поравеньству проповѣдають. Доброта тварем, величьство сим бывают, творца их явьственѣ сказует. Азъ оживляюся с тобою и движюся, госпоже, от их же всяко мною дѣйствуеши же и твориши

ведь госпожа ты мне. Но хотя ты меня и называешь, укоряя, злой и бесчестишь, но если бы ты меня не имела, владычица, не стоила бы ты и медяка.

Душа: С чего ты потеряла стыд, с чего бесчестишь ты меня, что унижаешь? Хочу понять твои слова.

Плоть: Тогда внимай и, слыша, не огорчайся и не гневайся на меня понапрасну, как если бы я бесчестила тебя, как если бы я обнаглела и стыд отложила от лица моего. Скажу тебе правду, хочешь ты того или не хочешь. Послушай теперь осмысленно и разумей, что я буду говорить.

Без помощи моих органов, госпожа, творца своего и бога не можешь ты славословить,— если ты не имеешь меня своей сотрудницей и помощницей. Без меня не можешь ты ни возблагодарить своего создателя как его творенье, ни покаяться в согрешениях со слезами и воздыханиями, как это сделали блудница оная и Петр. Со мной расставшись, разумеешь ли, кто ты есть?

Душа: Да как только вообще язык твой поворачивается говорить мне такое, и при этом ты не стыдишься?!

Плоть: А почему бы мне не говорить и отчего умолкнуть, если я отдана тебе, чтобы ты имела меня своей рабою? Вины своей я не знаю и, что сказать, не ведаю. Ведь ты не прежде меня возникла, но вместе со мной. Неужто горшечник меня создал, а тебя бог? Что ты такое без меня и какая, скажи-ка. Невидима, неведома для всех ты вся, и никто не может знать тебя, никто и не увидит тебя, добра ли ты или же зла, никто не распознает, какая ты — мудра, или безумна, или смышлена, или разумна и притом простодушна.

Душа: Да что такое ты говоришь? Я не понимаю сказанного.

Плоть: Так слушай же и верь, и соглашайся с тем, что говорю. Все существующее познаваемо чувством, а умственное умом постигается. Итак, все чувственное мы познаем чувством ведь, а мысленное — мыслью, как я уже сказала. Чувственное способно давать показания чувству, а постигаемое мысленно, о страстная, не прямо само по себе познается, но по действиям. Неведомою будучи, о душа, и полностью невидимой, ты правильно познаешься от собственных действий, как познается бог по им сотворенному. Ведь бога никто никогда не видел, ибо он невидим существом и природой, но отчасти познается так, как сказано. Ведь что невидимо в нем, то, сказал божественный Павел, путем наблюдения по тварям уразумевается, от заключенной в тварях премудрости творец-создатель бывает познаваем, каков он. Все, чему он дает бытие, равно всякий день своего создателя проповедует. Красота творения и его величественность ясно свидетельствуют о своем творце. Я тобою, госпожа, оживляема и движима, и от того, как ты мною действуешь и что делаешь,

познаваема еси от мене, якова и колика еси. *Аз* показую тя ныне всѣм, якова же еси и како еси дѣлателна и дѣйствена в житьи. Имаши бо уды моя и ссуды вся и тѣми дѣйствуеши и с сими дѣлаеши, скрыта сущи во мнѣ и затворена. Невидима, яко невещественна вся всегда еси, помышленье и разумѣнье все же, аще имаши, скровена суть, о госпоже. Яже в тебѣ ни вѣтий, ни любомудрець, ни земовѣрьник пакы, но ни же волхвъ враг,— никто же знает та, дондеже приимеши от мене шестострунная уста и къ голосу подобному органскыя моя уды: горло же и душник, гортань же и языкъ, зубы и устны с ними,— и глас вершиши. И тако тогда бывают скровенная вѣдома и явлена, яко же рѣхом, разумѣнья твоя. Приничеши очима моима и блюдеши убо вся, и глаголеши языком моимъ, и слышиши ушима, обонѣваеши ноздрема моима, и рукама дѣлаеши хытрости паки обои и художьства вся от малых и худых даже и до великых. Мене бо кромѣ никако же твориши что отнудь житийско и телесно, и духовное весма. Азъ тя обнявих, азъ прославих тя. Не хвалися в моих, ни взносися толико. Аще ли хощеши увѣдѣти, яко истинно еже глаголю, и сдѣ вонми разумно и навыкнеши удобно.

Вѣ*дѣ еси* велика и *добра,* яко же мниши, устроена во мнѣ и свершена вся всяко абье от самоя утробы. Аз же, внегда рожюся, несвершен младенець есмь, малѣйше отнудь отрочя, яко же рѣх. Как абие не дѣйствуеши что-либо всяко, не глаголеши бо явѣ, ходиши же никако, рукама же спроста не дѣлаеши никако, но вся недѣйствена всегда *бываеши.* И ждеши, владычице, мене, твою рабу,— дондеже удове мои, части тѣла, вся взрастут помалу и одебелѣют сия и доспѣют, яко же рѣх, в мѣру взраста. И тако тогда тѣми дѣйствуеши, яже хощеши. И по сих же паки аще что от удовъ моих случиться и погибнет, яко же не хощеши, любимая, к дѣланью его и паки забавляешися, не могущи его навершити дѣло. Аще же мозгъ мой уязвенъ будет мечем, или инако паки врeженъ будет, ослѣплена бываеши, не зрящи спроста ни добро, ни не таково, несмыслена и скудоумна вся всегда еси и вся недѣйствена, яко же преди рекохъ. Яко же очи азъ погублю, вся помрачена бываю, ничто же дѣлающи, яко же рече и Христосъ в Благовѣствованьихъ, и *вѣдѣ* имам прочая уды моя вся цѣлы. Тако и ты, прелюбезная, умъ аще погубиши. Ума же потребнѣйше паче всѣх удовъ и органъ добрѣйши вглавны мъзлъ есть. И живут в немь 3 силы умныя: памятное, мечтанье и размысленое же. Мечтанное убо спреди, памятное же сзади, размысленое же посреди чрева вглавнаго, явѣ яко.

через меня ты познаешься, какая ты и что ты есть. Я ныне показываю тебя всем, что ты собой являешь, какова ты на деле, что совершаешь в жизни. Ведь ты владеешь всеми моими частями и органами, ими действуешь и с их помощью все делаешь, сокрыта будучи во мне и заперта. Ты невидима, ибо ты вся и всегда невещественна. Помышления и все рассуждения, какие ты имеешь, сокрыты, о госпожа. То, что в тебе, ни ритор, ни философ, ни также геометр, ни враг-колдун,— никто не знает то, доколе ты не воспримешь от меня шестиструнные уста и потребные для голоса мои приспособленья: горло с легкими, гортань с языком, зубы и губы с ними,— и произведешь голос. И лишь тогда становится сокровенное открытым, и известными делаются твои рассуждения. Глядишь ты моими глазами и все видишь, говоришь моим языком, слышишь ушами, обоняешь моими ноздрями, а руками занимаешься ремеслами и всякими художествами от малых и незначительных до самых великих. И без меня никак не можешь ты ничего сделать ни из житейских и телесных дел, ни из духовных. Я всем тебя явила, я прославила тебя. Не хвались моим и столь не заносись. А если хочешь убедиться в том, что правдива моя речь, внимай теперь с умом, и ты легко все постигнешь.

Тебе ведь кажется, что ты большою и красивой помещена во мне и совершенна от самой утробы. Я же, когда рождаюсь, как известно, несовершенным младенцем пребываю, из детей малейшим. И ты тогда сразу ничего не можешь делать: явственно не говоришь, совсем не ходишь, и руками вообще не владеешь, но во всем бездейственной оказываешься. И ждешь ты меня, владычица, твою рабу,— пока мои члены, все части тела, понемногу вырастут, окрепнут и станут, как я сказала, зрелыми в соответствии с моим возрастом. И лишь тогда ты ими можешь действовать как хочешь. А после этого, опять же, если какому-либо из моих членов случится погибнуть, то и против желания, любимая, ты в деле его снова становишься бессильной, не будучи способной то дело делать. Если же мозг мой поражен будет мечом или как-нибудь иначе поврежден будет, слепою ты делаешься, не различающей доброе от недоброго, становясь навсегда полностью бессмысленной и скудоумной, во всем бездельной, как прежде я сказала. Так же, если я потеряю глаза, во мраке пребываю и в бездействии, как и Христос в Евангелиях сказал, хоть и прочие мои все члены целы. Так и ты, прелюбезная, коль скоро ум погубишь. А для ума нужнейшим изо всех прочих членов и наилучшим из органов является головной мозг. В нем обитают три умственные силы: память, воображение и мышление. Воображение находит себе место впереди, а память сзади, мышление же в середине головы, конечно же.

Разумѣвай добрѣ яже глаголю: тричастное твое не потребно кромѣ сего бывают, и вѣдѣ пребываеши сдраво и цѣло все то: помысленое и яростное, глаголю, с третиимъ, еже есть, владычице моя, похотное, ими же бытие души исперва и еже быти прияти и бысть со мною создана бысть, 3-ми сими умными твоими сставы. Мозгу бо моему сущу сдраву, и цѣлы, 3 силы, о душе, ражают тебѣ 4-ри родныя *добродетели,* и колесницю 4-роконечну: правду и мудрованье ражает помысленое твое, цѣломудреное же пакы похотное твое, с сими и яростное ражаеть тебѣ мужьство... вкупѣ же и умныя силы, о господыне: памятное, мечтанное и размысленое же, с сими и *пять* твоих чювствъ, любимая: умъ и мысль, славу и мечьтание, и чювство послѣднее; и моя же тако же; зрѣнье, обонѣнье, слух и вкушение, и осазанье, вселюбимая — отходят вся отнуд — умная, и чювственая, и мысленая с сими.

И *вѣдѣ* имаши тричастное твое вся здраво — словесное и яростное и желательное же,— но обаче недейственa и непотребна суть 3 та, не сущу тому сдраву — мозгу, глаголю. Аще ли продолжаться живота моего днье и доспѣют 80-мъ лѣтомъ быти или вяще, и ослабѣют вси уди мои, части тѣла, с чювствы моими, ими же украсуешися, ни же тако имаши сдраво мудрованье и цѣло, ни же егда от огня жгомъ есмь зѣлнѣ, яко же убо раздрушаеться сила моя, нынѣ сраздрушаеться и умное мудрованье и разумъ. Не имѣю бо органъ крѣпок же и цѣлъ, не может хитростное дѣйство гдѣ показати. Егда бо расту, растеть, и егда бо престану, престанет. Аще бо *слабъ* есть органъ, слабо есть и пѣнье. Азъ зрю очима, ты же умомъ. Не сущу убо тому сдраву, погубила еси вся. Разумѣй, о душе, еже преже мала ти рѣх, яко без мене сама не бы достойна цатѣ?

Душа: Разумѣх и домыслихся и удивихся отнуд. Ей, воистину, яко же рече, тако есть, служителнице. Кто есть научивый тя и откуду сия навыче, и откуду сия вѣси?

Плоть: Удивляюся и чюжюся, и что рещи не имам: како впрашаеши, яко поселянынн! И слышай дивиться. От чрева матере моея ничто же отнудь свѣм. Отнели же родихся и в житие приведен бых слышах глаголющаго: «Просяй примет и ищай прилѣжнѣ, еже хощет, обрѣтает». Тѣм же и азъ, о нудная, ищю и навыкнуя. Но услыши мя, владычице, и вонми сде.

Аристотель мудрый и с нимъ Пократ в сердци глаголют уму пребыванье имѣти. Галин же не тако, не в главнѣм моззѣ.

Старайся хорошо уразуметь, что я говорю: три твои части, ума лишившись, ни на что не нужны, хотя бы все это пребывало здоровым и целым,— я имею в виду способности мышления, ярости и третью, каковой является, владычица моя, влеченье, ради которых изначально душа существование приняла, быв со мной создана,— эти твои три умственные стихии. А если мой мозг здоров и цел, то три твои умственные силы, о душа, рождают в тебе четыре родственные им добродетели, четвероконную их упряжку: мышление порождает справедливость и мудрость, влечение — целомудрие, а ярость рождает в тебе мужество. *Но стоит головному мозгу стать хромым, теряешь все: и справедливость, и мудрость, и мужество, и целомудрие,* а с ними и умственные силы, о госпожа,— память, воображение и мышление, а с ними и пять твоих чувств, любимая: ум и мысль, представление и воображение, и, наконец, понимание; а также и мои все: зрение, обоняние, слух, вкус и осязание, вселюбимая,— отходят все полностью — и умственное, и чувственное, и мысленное с ними.

И пусть твои три части совершенно здоровы — разум, ярость и влечение, но, однако, бездейственны и неприменимы все три, коль скоро тот не будет здрав,— я о мозге говорю. И если так продлятся дни моей жизни, что восьми десятков лет достигнут или больше, и ослабеют все мои составы, части тела, вместе с чувствами моими, какими ты гордишься, не будет тогда и мышление твое здравым и ясным, и то же — если я буду сильно обожжена огнем, потому что разрушится моя сила, а с нею и способность ума мыслить и рассуждать. Ибо если не имеет ум в своем распоряжении здоровый и неповрежденный орган, то ни в чем не сможет показать свое искусное действие. Когда я расту — он растет, я перестану — и он перестает. Ведь если слаб орга́н, слабо и звучание. Я зрю глазами, ты же умом. Коль тот нездрав, погубила ты все. Уразумела ли ты, о душа, то, что немного раньше я тебе сказала,— что без меня ты сама и гроша не стоишь?

Душа: Уразумела, и поняла, и весьма удивилась. В самом деле, как ты сказала, так оно и есть, служанка. Кто же тебя научил, где ты это постигла и откуда это знаешь?

Плоть: Удивляюсь и изумляюсь и, что сказать, не знаю: ты спрашиваешь, как деревенщина. И слышать странно. От чрева матери моей я совсем ничего не знаю. Но с той поры как родилась и в жизнь приведена была, я слышала, что сказано: «Просящий получит, и прилежно ищущий, что хочет, обретает». Вот так и я, о нудная, ищу и постигаю. Теперь слушай меня, владычица, и внимай.

Аристотель мудрый и с ним Гиппократ говорят, что ум пребывает в сердце. Гален же не соглашается и говорит, что он

Нисьскый же Григорий не согласует к сим, но спротивь глаголеть к ним и инако научает, глаголеть бо бестелесному неописану быти: не мѣстным описаньем бестелесное естество и телесными нѣкими частми умъ не держиться. Но всем убо телеси проходя, на сущих сдравых органѣх телеси, удѣх всѣх телесных, дѣйствует свое. На немощных же недѣйственъ пребывает и не может хитростное движенье створити.

Яко же кузнець, различная держа орудья к дѣянию своему и хитрости своей, и с ними дѣлает яже любит и хощет, но убо два потребьнѣйшая от всѣх яже имат, нужнѣйшая, душе, наковальна и омлат есть, кромѣ бо сих никако же отнуд делает. Сице ми разумѣй умъ: аще сия не имат, сердце и главный мозгъ, сдрава же и цѣла сия два уда, недѣйствен пребывает.

И глаголю ти, о владычице, величайшее и болшее. То, еже быти тобѣ, душе, свѣтоявленѣ таковѣ и умнѣ, и невещественѣ, и божественѣйши же, еже сущи и быти тебѣ во мнѣ; не в себѣ же прияла еси начало, но во мнѣ сставися. Аще бых не создана азъ, не бы создана ты со мною. Еда бо особнѣ бысть и азъ паки особнѣ? Ни, окаянная, ни, не непщюй се отнуд. Но въедино сзидаеть создатель и обѣ. Ни бо тѣло преже душа, ни же душа преже тѣла сзидася или бысть, яко же мнози мнят, но обѣ въедино, кромѣ первозданаго, не пребываеть едино другаго, яко же рѣх. Купнолетна купносъзрастна ми еси по всему. Ни бестелесна душа, ни же безъдушно тѣло ни бысть, ни бывает исперва, разумѣй. Но от одушевленных — одушевлено, от живых же паки живо,— тѣло убо живо и одушевлено ражаеться. Человѣк, яко же показах, тлѣньно животное.

Душа: Неудобьпостижно нѣкое реченое бывает о мнозѣ; преславенъ соузъ обѣма есть. Но скажи ми обьявленье и силу слову: елма зижитель созда обѣ наю вкупѣ и спряже и съедини нас обѣю вкупѣ, рабыне, как убо напрасно отбѣгаеши от мене, смраде, и растичешися абье и бываеши персть и прах, аз же не разрушаюся, но присноживотна пребываю? И ты нѣси безъ мене, аз же есмь тебе кромѣ. Еже жити ти без мене не имаши, азъ же живу бес тебе.

Плоть: Слыши убо, вселюбезная, и како есть еже рече. От Писания еже навыкох, она и реку тебе.

Еже от некотораго движимое все еже аще есть, а не от себе, прочее, животно имат, но от иного яве убо и иже подвижающаго то; на толице есть и живет, и пребывает, дондеже силы действующая, глаголю, в себе имат, дондеже здержится. Внегда же престанет, прочее, действующее, тогда исчезает движимое, не сущу движащему.

в головном мозгу. Григорий Нисский не согласен с ними и иначе, чем они, учит, так как называет бестелесное нелокализуемым: нельзя пространством очертить бесплотную природу, и никакими частями тела ум не содержится. Но по всему телу проходя, на всех здоровых органах тела, частях телесных, он осуществляет свое действие. В немощных же остается бездейственным и не может никакого искусного действия произвести.

Как кузнец, что различные орудия для дела и искусства своего ремесленного держит и с ними делает, что ему нравится и что он хочет,— но среди тех, что он имеет, есть два, что всех других потребней, о душа: это наковальня и молот,— без них он ничего не делает. То же и про ум уразумей: если он не имеет сердца и головного мозга, двух этих органов, здоровых и неповрежденных, бездействен пребывает.

Скажу тебе, владычица, и нечто большее и важнейшее. Тем, что ты, душа,— такая светоявленная, и умная, и невещественная, и божественная, обязана тому, что ты во мне бываешь сущей; ведь не в себе ты зачалась, но во мне образовалась. Не будь я создана, не была бы создана и ты со мной. Или ты отдельно и я также отдельно появились? Нет, окаянная, нет, не думай того вовсе. Ведь в единстве создает создатель нас обеих. Ни тело раньше души и ни душа прежде тела создались и возникли, как то многие считают, но обе разом, ни одна не будучи первозданной и другой не опережая, как я уже сказала. Единовозрастная, ты ровесница мне во всем. Бестелесною душа и бездушным тело не были и не бывают с самого начала, пойми. От одушевленных — одушевленное и от живых — живое,— живым и одушевленным рождается тело. Вот и оказывается, что человек есть тленное животное.

Душа: Довольно непросто постичь сказанное: невероятен союз нас двоих. Так разъясни же мне значение и смысл речи: если творец создал обеих нас одновременно, сопряг нас, рабыня, двоих и соединил, почему же ты, смрадная, вдруг отбегаешь от меня, и тотчас разлагаешься, и становишься пылью и прахом, а я не разрушаюсь, но пребываю вечно живой? И тебя без меня нет, я же существую и помимо тебя. Ты без меня жить не можешь, а я без тебя живу.

Плоть: Так послушай, любезная, как обстоит то, о чем ты говоришь. Что я поняла из Писания, то тебе и скажу.

Все, что ни есть, чем-либо движется; и, стало быть, не от самого себя жизнь получает, но явно от чего-то иного, движущего его; и дотоле существует, и живет, и пребывает, доколе имеет в себе действующую силу,— я разумею — ему сопутствующую. Когда же действующее перестает действовать, тогда исчезает и движимое,— по причине отсутствия движущего.

Ты сама, госпоже моя, самодвижимаа сущи, еже быти имаши неспрестанно, никогда же исчезаеши; последует бо в том же, еже приснодвижне тебе, самодвижне вкупе всегда сице быти; а еже пакы приснодвижное и непрестанно есть; непрестанное же, вселюбимая, и бесконечно некако; бесконечное же бесмертно и приснодвижно всяко. Аз же тленна и текущи и мертва вся есмь, но оживляюсь тобою и движусь абие. Внегда оставиши мя, к тому не пребываю, но, прочее, отходу в та и от них же съставлена бых. И бес тебе ничто же есмь, но зловонный смрад.

Душа: И како азь, яко славна, не сь славнымь быхь и не прьвѣе быхь яко велика и болши, ты же послѣди яко менша сьздана бысть, о рабыне? И какое бесьмертное мрьтвеному сьпрежено бысть?

Плоть: Хоще ли навыкнути еже выпрашаеши? Вьнми, госпоже, здѣ.

Мирь душу ради сьздань бысть убо весь, а не душа его ради сьздана бысть, любимая. И обыче маншее прьвѣе творити зиждитель, болшее же непослѣдокь, тако бо есть подобно. Вьнегда же душа чьстнѣйши, о любимаа, всего мира, яко же Христос рекль есть, достоаше вьселение тое прѣжде быти и жилище все, и тако тои убо. И два мира сьздаль есть: горнѣго и долнѣго. Горнѣго убо — мысльная, долнѣго же — чювьствна. И аггелы сьздал есть вь вышнемь мирѣ умны же и невеществены и духь огненосный. Вь нижнем же пакы различна животная земная же и водная, и птица же такожде. Ибо подобнѣ сьзда и вь лѣпоту вса: вь мысленых — мысльнная, аггелы глаголю все; вь нижнии же чювствнаа, яко чювьствены и сь, всѣми видимая и явлена вса. И от тѣхь человѣка сугуба стварѣеть: небесна и земна, животно смѣшено, госпожде,— и вещестьна, и невещественa, словесна и бесловесна же, мрьтвна и бесьмрьтна, видима и невидима,— лучьшее от вышнаго, от нижнѣго же тѣло, примѣсивь душу божественую кь земному. И посрѣде ту положи одушевленыхь и бездушныхь, чювствных и мысльных, яко же нѣкый образь, яко да свойствнѣ кь тѣмь от обоихь сихъ яко сьродникь наслаждение котороеждо имать: божие убо душею, яко сущи божественѣйши, благых же на земли пльтию бренною приносити то и без боязни потрѣбу яко же дань. Естьство бо мысльное, такожде и аггельское, хранит же и щедить сих спасение. Божественный бо апостоль учит ме сему: «Не все ли суть служьбнии дуси посилаеми,— рече,— на служения ради хотещихь, прочее, наслѣдовати царствие». Нь убо и господь вь Еуангелихь: «Да не прѣобидите,— рече,— единого от малыхь сихь, яко аггелы ихь зреть на всакь день лице

А ты, госпожа моя, будучи самодвижущейся, имеешь непрестанное бытие, никогда не исчезаешь; ибо вместе со способностью самодвижения тебе свойственно вечное движение; а тому, чему свойственно вечное движение, свойственна и непрерывность; непрерывное же, вселюбимая, некоторым образом и бесконечно; бесконечное же всегда бессмертно и вечно живо. Я же тленна, и изменчива, и смертна вся; лишь благодаря тебе я и живу, и движусь. После того как оставляешь ты меня, я уже не пребываю, но отхожу тогда в то, из чего была составлена. Так что без тебя я ничто, один зловонный смрад.

Душа: Как же, будучи столь знатной, я была создана вместе с презренным, а не прежде, как великая и бóльшая, а ты была создана не после меня, как меньшая, о рабыня? И каким образом бессмертное было сопряжено со смертным?

Плоть: Хочешь уразуметь то, о чем спрашиваешь? Тогда, госпожа, послушай.

Весь мир был создан ради души, а не душа ради него была создана, любимая. И обычно зиждителю творить сначала меньшее, большее же напоследок, ибо так и подобает. Поскольку же душа драгоценней всего мира, как сказал Христос, надлежало, чтобы сначала появились поселение ее и жилище, а потом — она сама. Бог создал два мира: вышний и нижний. Вышнему принадлежит мысленное, нижнему же — чувственное. И в вышнем мире создал он ангелов, умных и бесплотных, дух огненосный. В нижнем же — различных животных земных и водных, а также птиц. Подобающим образом и прекрасно создал он все: в мысленном мире — мысленное, я имею в виду всех ангелов; в нижнем же — чувственное, поскольку чувствен и он, всеми видимое и все явленное. И из того и другого сотворил он человека двойственным: небесным и земным, животным смешанным, госпожа,— и вещественным, и невещественным, словесным и одновременно бессловесным, смертным и бессмертным, видимым и невидимым, взяв лучшее из вышнего, из нижнего же — тело, примесив божественную душу к земному. И поместил ее посреди одушевленного и бездушного, как некий образ чувственно-мысленного, чтобы, будучи тому и другому родственным, человек мог наслаждаться всем: божественным — благодаря душе, каковая более божественна, земными же благами — благодаря бренной плоти, чтобы те приносили потребное ей словно дань. Природа же умственная, точно так, как и ангельская, охраняет его и заботится о его спасении. Божественный ведь апостол учит меня этому: «Не все ли они суть служебные духи, посылаемые,— говорит,— на служение тем, кто имеет наследовать царствие?» Подобным образом говорит и господь в евангелиях: «Не презрите,— сказал,— ни одного из малых сих, ибо ангелы их видят каждый день лицо

отца моего, иже есть на небесехь». Тѣм же и прежде създа мирь и яже вь немь посрѣднѣя вса, явѣ елика зриши, господыне.

Мирь имать четыри стихия великая, яже испрьва зиждитель приведе всячьскымь, от не сущих прьвѣе вь бытие сьставивь: вьздухь глаголю и огнь, землю же и воду. И иная же вса, о душе, яже посрѣди сих якова и елика суть, мала и велика всако, звѣре, скоты, и гады, и садовные роды, и сѣме иже всѣхь, и былий всачьскыхь вины приеть убо от четырехь сих. И яко прѣмудрь сьдятель сьтварѣеть вся не от не сущихь, ни убо яко же и стихия. И егда сьврьши всего сего мира, створи человѣка вь еже обладати и мирь и царьствовати над нимь, яко же волить и хощеть. Ни бо бѣше подобно от обладающаго явитисе обладаемымь прьвѣе, нь напослѣдокь убо, уготовленѣ бывши прѣжде многа власти явѣ, яко явити же се послѣжде цару его; яко же убо благьгоститель нѣкый сый не прѣжде уготовления сьнедныхь всахь гостимаго, душе, вьводить вьнутрь, нь благоляпнь обѣд устроивь всь и еже кь пищи все виды прѣуготовавь, вьведена послѣжде творить обѣдника. Нь паства прьвѣе, послѣди же скоти; прочее, понеже бысть, яко же прѣдрекохь выше, тварь душу ради, тѣм же убо и тѣло кь послужению бываеть и службѣ ее, яко же отци глаголють и учителе вси. Еже нѣчьсого ради бываемое все, аще есть, безчьстнѣише есть оного, его же ради бываеть, яко учить и Христос вь Еуангелихь: «Вещьши есть душа пищу», и в лѣпоту, и пакы: «Одежде тѣло болше есть». Не бысть бо душа сньди ради, любимая, ни же тѣло пакы одежду ради, нь обоя убо ради — душу и тѣла. Тѣм же, яко же показасе, тое ради и сей, глаголю же тѣло колесницу души быти. Нь слыши, владычице, и вьнми мое слово.

Понеже сугуба вьсхотѣ створити того — от душе и тѣлесе — прьвое тѣло сьздаваеть от четырехь, любимая, стихий мира великыихь: топлаго и студенаго же, мокра и сухаго, — и крьвь, и хракотину, и слузь, и жльчь створаеть, и от тѣхь вину яко хытрець вьземлеть, и пльть устрои на служение ее. Душу же потомь вьдьхну, яко же вьсть, и отнуду же вѣсть самь, и якову, вѣсть единь, не от сьставь имуще бытие, яко же иная, нь от бога, яко же рѣхомь, и от вышнѣго мира, невещественну сию, и разумну, и бесьмрьтну всу, причюстну сущу вышнѣго и божествнаго благосрьдия и кь нему вьсѣчьски присно ведущесе; или кь горшему привезавшесе тѣлу, яко подвигомь и борбою же иже кь нижнимь симь вышнюю славу и пищу наследуеть всако. И страдание имать, добродѣтѣли, подвигы и труды, а не уповаемая тьчию божий будеть дар, и яко да и горшее нѣкако к себѣ привлѣчеть и выше положить, раздрѣшивши помалу и се от тежести и дебельства

Отца моего небесного». Потому-то прежде он создал мир и все то, что в нем, то есть то, что ты видишь, госпожа.

Мир состоит из четырех стихий великих, которые прежде всего создатель всего ввел в бытие, из небытия составив; я имею в виду воздух, огонь, землю и воду. Остальное же все, о душа, что посреди них, какое бы оно ни было, малое и великое все, звери и скоты, и змеи, и виды растений, и семена все, и травы всяческие — основание получило в этих четырех. И, как мудрый мастер, он создал все уже из сущего, не как стихии. А когда завершил весь этот мир, сотворил человека, чтобы он обладал миром и царствовал в нем по своей воле и усмотрению. Ведь подобает владеющему являться не раньше владеемого, но позже, чтобы сначала было подготовлено владение, а затем явился и его царь; так же и гостеприимный хозяин приводит приглашенного, душа, не раньше, чем заготовит все снеди, но благолепно весь обед снарядив и все виды пищи приготовив, напоследок вводит гостя. Ведь пастбище — сначала, затем — скоты; стало быть, поскольку, как я сказала выше, сотворенное появилось ради души, так же и тело,— для того, чтобы помогать и служить ей, как отцы говорят и учителя все. Ведь ради чего-то существующее все, что ни есть, менее важно, чем то, ради чего оно существует, как и Христос в евангелиях учит: «Душа больше пищи»,— и справедливо, и опять же: «И тело важнее одежды». Ибо душа появилась не пищи ради, любимая, ни опять же тело одежды ради, но и то и другое — ради души и тела. Стало быть, как ясно из этого, я могу назвать тело колесницей души. Послушай еще, владычица, и будь внимательна к моим словам.

Поскольку двойственным бог пожелал сотворить человека — из души и тела,— сначала создал он тело из четырех, любимая, стихий мира великих: теплого и холодного, влажного и сухого,— и кровь, и мокроту, и слизь, и желчь сотворил, и взял их, как мастер, за основание, и устроил плоть для служения душе. Душу же потом вдохнул, как и откуда — знает только он сам, и какую — знает он один,— не из стихий этих составленную, как остальное, но от бога, как мы сказали, и из вышнего мира, совершенно невещественную, разумную и бессмертную, причастную высшему и божественному благородию и к нему всячески всегда стремящуюся; с худшим, чем она, связанная телом, подвигом и борьбой с низменным вышнюю славу и пищу наследует она непременно. Ведь испытание добродетели сопряжено с подвигами и трудами,— чтобы то, на что она уповает, не было только божьим даром, чтобы она и худшее к себе привлекла и возвысила, избавив понемногу его от тяжести и грузности,

тѣло земное, накажеть же добрѣ служительницу вещь и присвоить богови купноработное тое. Пльть глаголю веществну и от нижнѣго мира, душю убо яко владычицу, пльть же яко рабу кь послужению души и угождению ее.

Се, госпожде, рѣхь тебѣ, како не сьздана бысть прѣжде яко славна и велика и зѣло высочайши, и како, сущи бесьмрьтна, мрьтьвному сьпрежесе.

Душа: Вѣрно слово есть, и вса приемлю ти, вса ти вѣровахь, развѣ единого точию сего, от них же ныня рекла еси, льжно есть, рабыне. Прѣжде мала бо научи сьрасльна обоя, и ныня глаголеши послѣжде души быти, прьвѣе же тѣло ее. И како есть еже глаголеши?

Плоть: Како убо есть, ныня слыши, добрая, еже глаголю. И яко же не сльгахь вь инѣхь, ни же вь сихь.

Прѣотечьская, о душе, Адама же и Евы богозданна благотворна тѣлеса тѣхь без сѣмене сьздашесе и кромѣ смѣшения. Мужу убо от прьсти, женѣ же от его ребра сьзидашу. Разумѣй, душе моя, разумѣй: недвижима и безъдушна Адамова пльть прьвѣе сьздана бысть и послѣжде одушевлена. Елма же не сьхранищу повелѣние сьздателѣ прѣльстию зьмииною и завистию диаволею, погубише еже испрьва сьздание оно и вь сие одѣашьсе кожное, увы мнѣ, мертвное и тлѣнное и текущее и пльное смрада. Тѣм же изселени быша из рая и клетву приемлють яко же прѣступници. Ева убо слыша, еже: «Вь печелех родиши чеда». Раждаемое же, прочее, вь утробѣ есть вѣдѣ, а еже в ней раждаемое без сѣмене нѣсть. Се сѣме и зачетие — оттолѣ и доныня — и смѣшение мрьзко вь еже быти глаголю одушевлена тѣлеса мужьска же и женска. Адам же, сый одушевлень, одушевлень сѣеть сѣме вь утробѣ прѣматерни, и той одушевленѣ, Каина убо роди одушевлена всего, пльть и душу вькупѣ рождьши, господыне. Подобнѣ и прочии человеци и доныня: одушевлень человек одушевлено сѣеть сѣме въ утробѣ глаголю, женьстѣй, яко же прѣжде мала рѣх ти, и растуть обоя и множутсе сия — душе же и тѣлеса — даже и до кончания вь роды и роды, яко же видиши, госпожде.

Душа: Раздрешила еси невѣрное. К тому же сумнюсе, рци ми, о служителнице, и научи ме и се. Елма, яко же показала еси душю убо госпожду, пльт же рабыню и подручиницу тое, бывшее грѣхопадание, прьвозданныхь глаголю, еже нѣкогда злѣ сьдѣяше вь раи, убо кто есть повинень о семь, рци ми: словесное души или бесловесное тѣла? Хотѣла бих навыкнути, кто есть прѣжде сьгрѣшивый.

Плоть: Вьзыскание твое, владычице, выше мене есть, неудобь достежно, неудобь разумно, непостижимо всако. Но

тело земное, и научила хорошо служанку-материю, и присвоила богу товарищей той по рабству. Я имею в виду вещественную плоть, происходящую из нижнего мира, и душу уподобляю владычице, плоть же — рабе для прислуживания душе и угождения ей.

Вот, госпожа, я сказала тебе, почему ты, славная и великая, ни с чем не сравнимая, не была создана первой и почему, будучи бессмертной, ты сопряжена со смертным.

Душа: Истинны твои слова, и все их я приемлю, во всем тебе поверила, разве только одно, из того, что ты сказала, неверно, о рабыня. Ибо чуть раньше ты сказала, что сращены мы обе, а сейчас говоришь, что душа после появилась, а сначала тело. Так как же было в действительности то, о чем ты говоришь?

Плоть: О том, как было в действительности, послушай теперь, добрая, что я скажу. И как в ином не лгала, так и в этом не солгу.

Тела праотцев наших, о душа, Адама и Евы, богозданные, богосотворенные, без семени были созданы и помимо соития. Мужское — из праха, женское же — из его ребра. Разумей, душа моя, разумей: недвижимой и бездушной Адамова плоть сначала была создана и лишь после одушевлена. Поскольку же не сохранил он заповедь создателя из-за обмана и зависти дьявола, потерял то, что было создано сначала, и оделся в это кожаное,— увы мне,— смертное, тленное, изменчивое и полное смрада. Потому выселены они были из рая и прокляты как преступники. И Ева услышала: «В печалях будешь рожать детей». И после того рождаемое обязательно пребывает во чреве и без семени не зарождается. И вот семя и зачатие с тех пор и доныне, и соитие мерзкое — для того именно, чтобы появились одушевленные тела, мужские и женские. И Адам, будучи одушевлен, одушевленное посеял семя во чреве праматери, тоже одушевленной, и зачал целиком одушевленного Каина, плоть и душу разом зачав, госпожа. Подобным образом и прочие люди доныне: одушевленный человек одушевленное сеет семя в утробе женской, как незадолго до этого я сказала тебе, и растут и те и другие и множатся — души и тела — вплоть до конца света, из рода в род, как видишь, госпожа.

Душа: Непонятное ты мне объяснила. Чтобы я не сомневалась больше, скажи мне, служительница, и научи меня вот чему. Поскольку ты уподобила душу госпоже, плоть же рабыне, и подручнице ее, кто повинен, скажи мне, в грехопадении первозданных людей, которое некогда они совершили в раю: словесная способность души или бессловесная сила тела? Хотела бы я понять, кто первый согрешил.

Плоть: Интересующее тебя, владычица, выше меня, трудно для постижения, трудно для уразумения, непостижимо совершенно,

обаче от Писания маль искусь яко имущи, яже навыкох, та и вьзвещю ти, госпожде, и слыши, любьзная моя, мала от их же ищеши.

Словеснѣйшая душа от бога испрьва вьоружена бысть оружми силными кь помощи ее двѣма вькупѣ: яростнымь и похотным же. И сия, ими же вьоружена бѣ кь помощи ее, злѣ потрѣбова та вь час онь, внегда начелникь злобѣ змиею глагола прѣлестные глаголы и льсти испьлнены: «Бози будете абие, аще снѣсте от дрѣва». Слыша убо жена обожение, усладисе, и помысльнимь злѣ расуди, яко добро обожение помышлѣеть абие. Такожде и другое,— похотное глаголю,— прѣвращьсе и се: вьжелѣваеть дрѣву — сласть убо прьвѣе и потомь тьщеславие, ова бо показае и дрѣво яко добро и краснѣйше то вь снѣдь есть, любимая, ово же обожение самое, яко быти лучьшу всехъ. Двѣ сии, владычице, прѣльстише Еву, и Адама прѣльсти подобно, яко и ону. Усладишесе злѣ вь разсуждении сих, прѣдаше истиное, прѣльстившесе, увы! Нь убо и другое, глаголю же яростное, добрѣ не потрѣбова, нь зѣло блазннѣ: не бо прогнѣвасе на врага и мужьскы исьпротивисе, еже не покоритесе тому и послушати его. Слышаных явѣ, яко радость и чаание умь ее ослѣпи, душевное глаголю око, и упованиемь падесе обожения внезаяпу. Здѣ вьнми, о душе, и виждь страсть велику пагубную и лютую, и силу, юже имать. На небеси како възможе! Ужаснисе, душе моя, ужаснисе: оттуду бо сьврьже иже иногда денницу, тьщеславие глаголю родителницу, увы мне, и доилицу, яко же писано есть, грьдости, ее же ради онь отпаде. Поругасе симь. И зри здѣ, владычице, стрьпьтную страсть, како бога сьпротивоборца имать, иже сее рабь, сьпротивника же — и лукаваго сьпричестника и друга. Понеже грьдымь сьпротивльетсе, яко же и сих прьвому вьспротивисе вьскорь.

Душа: Се, прочее, яко же глагола, тѣло обидимо бысть: елма сьгрѣшение душевно бысть, как казнь — тѣлѣ? Сие бо бысть текуще и страдателно абие, многострастно же и гнило, и многоболѣзнно зѣло, тлѣнно и мрьтвно же, яко же зриши, и охуждено зѣло. Душа же прѣбысть якова же бѣ и прѣжде того — невеществена вსѣ, умна и бесмрьтна, рабыне, ничто же бо пострада люто, яко смерти достойна.

Плоть: Да слыши, о владычице, и разумьй, сьлучшаасе. Мучение, добрѣишая, яко же подобитсе, все не прикоснусе тьлу, нь той самой души, аще и васнь явлѣется та ничто же зла пострадавши. И слыши притчю и от сее увѣришисе.

Но однако, поскольку я немного знаю Писание, что сама поняла, то и расскажу тебе, госпожа, а ты послушай, любезная моя, немного о том, что тебя интересует.

Словесная душа была с самого начала вооружена богом для содействия ей двумя видами сильного оружия: яростностью и влечением. Она же, будучи вооружена ими для содействия ей, во зло использовала их в тот час, когда начинатель зла, змей, сказал обманные слова, ложью исполненные: «Богами станете тотчас, если вкусите от дерева». Ведь услышав про обожение, женщина прельстилась и, помыслив, дурно рассудила, что о хорошем обожении идет здесь речь. Также и другая способность — имею в виду влечение — извратилась и та: вожделела плода дерева,— сладости, во-первых, и затем тщеславия, ибо дерево показалось ей красивым, а плоды его в высшей степени пригодными для еды, а обожение — наилучшим из всего. Эти две причины, владычица, способствовав обману Евы, и Адама ввели в обман так же, как и ее. Так они, насладившись дурно, предали истинное, обманувшись, увы! Но ведь и другое — я имею в виду способность к ярости, не использовал он подобающим образом, ибо не прогневался на врага и не воспротивился ему мужественно, чтобы не покориться ему и не послушаться его. Ясно, что радость и надежда от услышанного ослепили его ум, имею в виду душевное око, и, надеясь на обожение, он внезапно пал. Здесь внимай, душа, и увидь страдание великое, пагубное и тяжелое, и силу, какую оно имеет. Как можно посягать на небо! Ужаснись, душа моя, ужаснись! Оттуда ведь бог сверг некогда люцифера, тщеславия я имею в виду прародителя,— увы мне,— и питателя, как написано, гордости, из-за которой он и отпал. Посмеялся тот и над ними. И обрати здесь внимание, владычица, на пагубность страсти — ведь ее раб восстает на бога, божьего же супостата имеет лукавым союзником и другом. Поскольку бог гордым противится, и этому первому из них он быстро воспротивился.

Душа: Из того, что ты сказала, следует, что тело было обижено: раз согрешение было душевным, почему наказание — телу? Оно ведь тотчас стало изменчивым и подверженным страданиям, многострастным и гниющим, многоболезненным весьма, тленным и смертным, и, как видишь, гораздо худшим. Душа же пребывает какой была и прежде того — совершенно невещественной, умственной и бессмертной, рабыня, ибо никак не пострадала, хотя и была смерти достойна.

Плоть: Так слушай, владычица, и разумей, что тогда случилось. Вся кара, добрейшая, как и подобало, коснулась не тела, но именно души, хотя на первый взгляд и кажется, что она ничего плохого не претерпела. Послушай притчу, и ты поймешь.

Внегда бо нѣкый царь некый искупить раба от жестока, и стрьптива, и лукава владыкы, убога же и нага и зловида зрѣнием, сухотна же и истьнена, и охудевша зѣло, страстна же и окаянна, и непотрѣбна отнудь, всего струпива, всего крастава и измьждала от рань, и гладе же, и злострадания; и очистить тогожде от всякое скврьны, облѣчет же его вь свѣтлу и мекку одежду, сотворит же и кнеза велика же и явлена, дарует же и имѣния, и стежания, и богатьство, и прьваго устроить и вь всей полатѣ. Он же, злѣйший неблагодарественый рабь, вьскоре вьздвигнеть ковь на цара, и на царство его вовьступити вьсхотѣвь. Царь же вьзмлеть от него имѣния и богатьство, сьвлѣчет же и одѣяния, поясь же и вса цвѣтная одеяния окааннаго оного, и рубище прѣветхое и растрьзано все, худо и непотрѣбно, и истлѣвъше всако облѣчеть навѣтника и страстнаго оного и ижденеть его далече от полаты вь пусто и невьселено и непроходно мѣсто, еже быти тому в нем дажь до конца жизни. И пребудет ему рубище оно ветхое или 7, или 8, или 10 лѣт, и тако распадъся погибнет до конца, оттолѣ убо ходит нагъ, яко же родися, дажь до конца жизни, и раздрушиться нужнѣ.

Въпрашаю тя, превысокая, на коем есть мученье и кто казнь приятъ о оном согрѣшении убо: рабъ ли лукавый — яко повиненъ сый — обнаженый и лишивыйся богатства же и славы, яко самовластенъ, прочее, и словесенъ сый, или имѣнья та и богатство оного, яко безъдушьна и нечювствена и недвижима вещь?

Душа: Яко же обьявися, рабыне моя,— человѣкъ всяко, аще и того никако же царь тогдашни не ранит отнудь, ни же паки раны нанесе, но то есть пострадавы лютое мученье.

Плоть: Въпрашаю тя, отвещай же ми, госпоже моя, к сему: суд убо царевъ праведенъ ли бысть или не тако, яко абье изрину того от царскых дворовъ?

Душа: Ни, рабыне, но праведенъ зѣло. Аще бо не бы былъ благъ царь онъ и кроток, очи убо ему от него изял бы, а не бы на имѣнья токмо излиялъ гнѣвъ, и казнь отпустилъ навѣтному рабу.

Плоть: Добрѣ оглагола ми, о господыне моя, о сем. Сице ми разумѣй, любимая, и о души и о тѣлѣ. Понеже не въсхотѣ пребывати яко же создана бысть, но забы абье благородие свое и вънутрь предѣлъ своихъ не въсхотѣ пребывати и миро сь, его же зриши, имѣти в жребии собѣ, но наслаженье, радость и веселие, но обоженье самое всхотѣ похитити, равночестна, равна богу по оному быти, вправду убо богъ възнесе суд и тѣло богозданное, еже исперва ону оболче обрадованную, и чюдное, совлече яко согрѣшшю: да некако и паки согрѣшит.

Аще ли хощеши увѣдѣти естество и доброту тѣла оного якова и колика,— звѣздам точно являеться и лунѣ, яко наго не

Некогда один царь купил себе у жестокого, строптивого и лукавого хозяина раба — убогого и нагого, безобразного на вид, высохшего и отощавшего, весьма исхудалого, страдальца и горемыку, совершенно непотребного, всего в струпьях, в коросте, обессиленного от ран, голода и тяжких страданий; и очистил его от всяческой скверны, облек его в светлую и мягкую одежду, сделал его князем великим и славным, подарил ему и имения, и имущество, и богатство, и сделал его первым в своем дворце. Тот же, злейший неблагодарный раб, вскоре устроил заговор против царя, на царство его вступить захотев. Царь же лишил его имения и богатства, снял и одеяния, пояс и все цветные одежды окаянного того, и в рубище преветхое и рваное все, худое, и непотребное, и истлевшее совершенно облек наветника несчастного этого, и прогнал его далеко от дворца в пустое, и ненаселенное, и непрохожее место, чтобы был тот там до конца жизни. И продержится его рубище то ветхое или семь, или восемь, или десять лет, а затем рассыплется окончательно, и с тех пор будет ходить он нагим, как и родился, до самого конца жизни, пока не вынужден будет с нею расстаться.

Спрашиваю тебя, превысокая, кто претерпел мучения и казнь принял за то согрешение: раб ли лукавый, как виновный, будучи обнажен и лишившись богатства и славы, как существо самовластвующее собой и словесное, или же имения те и богатство его, бездушная, бесчувственная и неподвижная материя?

Душа: Ясно, рабыня моя,— конечно, человек, хотя царь тот вовсе его не поранил, ни страданий ему не причинил; однако же перенес он тяжелое мучение.

Плоть: Спрашиваю тебя,— ты же ответь мне, госпожа моя, на это: суд царев праведным ли был или нет, когда изгнал он того из царских дворцов?

Душа: Конечно, рабыня, вполне праведным. Если бы не был тот царь добрым и кротким, он лишил бы его глаз, а не только на имения излил бы гнев, и казни предал бы заговорщика-раба.

Плоть: Хорошо ты ответила мне, госпожа моя, на это. То же разумей, любимая, и о душе и теле. Поскольку не захотела душа пребывать такой, какой была создана, но тут же забыла о благородстве своем и внутри пределов своих не пожелала оставаться, и мир этот, который ты видишь, иметь как свою долю, но наслаждение, радость и веселие, даже обожение самое захотела получить и равной в чести быть богу; справедливо бог совершил суд, и то тело, каким он сначала облек ту, обрадованную, богозданное и чудесное, совлек, как с согрешившей: чтобы как-нибудь вновь не согрешила.

Хочешь узнать о природе и красоте тела того — каковы и какой меры? Звездам подобным было оно и луне, ибо нагое не

требоваше одежа ни покрова, но яко же солнце само своею наготою украшаеться ныне, тако же и оно оставлено бысть естественным. От того совлече ту и облече и в мерзкое и гнусное и скверное се; обаче не измѣни перстнаго существа, но премѣни ему естества, еже испервa, и от Едема изрину его тогда абие, и взбрани ему причаститися древу и плоду жизньному, милуя его, не завидя же, да не будет, животу бесмертьному, но удержавая добрѣе устремленье *грѣховное. Смерть бо, прочее,* не мученье бывает, но врачеванье добрейше и спасенье паче, и смотренье, державная, премудрости исполнено, удерживает бо яко намнозѣ греха устремленье, умры бо, рече, оправдися от нея. Прочее, работаеть души елико силу имат: или 10, или 20, или 50 лет, или много убо дващи толико глаголю,— и тако разрушаеться, растлѣвает же и в четыри сия отходит сставы, от них же сставленье от бога прият: яко от земля — паки в землю, по глаголу его.

Ты же, госпоже моя, нага оставлена бывъши, уединена всячьскы, не имущи тѣла и еже тя здѣ сдержащаго яко съжителя имѣя,— паче же та сдержит то, и стяжет, и имат,— абье убо всходить в своя ея: аще схранила есть добро еже по образу ея неблазньно и чисто и настоящем житии, яко умна — ко умным, яко и невеществена — невеществеными,— тоя, глаголю, сродником, ангелом святымь свѣтозарным же свѣтлым в горний миръ. Аще свѣтла, къ свѣтлым сочтаваеться абие, яко от вышних — горѣ, и радости исполняеться. Аще ли очернися и помрачися вся въ страстехъ пагубьных и нечистых паки, к темным и мрачным ангеламъ сочтаваеться, яко темна — темным и мрачным лицем, яко тѣх сдѣлавши хотѣния и дѣла. От дѣяньи своих душа въображаються и каяждо являеться, якова есть и колика убо: дѣла свѣта светлы и свѣтоносны, дѣла же тмы черны и мрачны творят. Душа бо, господыни моя, с тѣлом въспитана, къ видимым симъ и чювственым попущьшися, ничто же бестелесно когда видѣвши спроста, дондеже привязана есть сей земньй плоти; внегда же совлечеться, видит невъзбранно.

Се тебѣ притча конець сдѣ въсприятъ. Аще ли не мнить ти ся подобнѣ реченая рещися, яже рѣхом притча нынѣ въ словѣ, испытай, что ни что есть притча,— ни всячьскы имат, притча позънавай, госпоже, равное въсприемлет, зане и не бывала притча, яко же рѣхом, но тождьство паче.

Д у ш а: Да коего глаголеши человека, рабыне, рци ми, имущаго яко же мощно еже по образу божию и по подобию его,— сам бо реклъ еси — тѣло се тлѣнное или душю самую? Моусии

нуждалось ни в одеждах, ни в покрове, но как солнце само своей наготой украшается ныне, так же и оно оставлено было естественным *благообразием украшаться*. Совлек он с нее то тело и облек ее в мерзкое, и гнусное, и скверное это; не изменил он, однако, самой его земной сущности, но переменил изначальную природу и из эдема изгнал его тотчас, и запретил ему прикасаться к дереву жизни и его плоду,— жалея его, не отказывая, ни в коем случае, в жизни бессмертной, но наилучшим образом удерживая устремленность ко греху. Смерть, таким образом, не местью оказывается, но врачеванием наилучшим и скорее спасением, устроением, державная, премудрости исполненным, так как в большой мере удерживает устремление ко греху, ибо умерший, говорят, уже за него наказан. Итак, рабствует оно душе, насколько силу имеет: или десять, или двадцать, или пятьдесят лет, или, если долго, дважды столько,— а затем разрушается, подвергается тлению и распадается на четыре те составные части, из которых богом было составлено; из земли исшедшее снова уходит в землю, по слову его.

Ты же, госпожа моя, нагой оставлена будучи, одинокой совершенно, не имея тела, которое тебя здесь содержало и сожителем имело,— а скорее ты содержишь его, и образуешь, и имеешь — тотчас восходишь в свою область: если хорошо сохранила то, что у тебя по образу божию, неоскверненным и чистым в настоящей жизни, то как умственная — к умственным, как и нематериальная — к нематериальным, к своим, имею в виду, родственникам, ангелам святым, светозарным и светлым, в вышний мир. Если душа светла, со светлыми сочетается тут же; будучи от вышних, восходит вверх и радости исполняется. Если же она погрязла и помрачилась вся в страстях пагубных и нечистых, то к темным и мрачным ангелам причисляется; будучи темной — к темным и лицами мрачным, так как их она выполняла желания и дела. От дел своих душа получает образ и каждая является такой, какова она есть: дела света делают светлыми и светоносными, дела же тьмы черными и мрачными. Душа ведь, госпожа моя, с телом воспитана, ко всему видимому и чувственному прилепившись, ничего бестелесного никогда не видит, пока привязана к этой земной плоти; когда же она совлечет ее, видит без помех.

Вот тебе смысл этой притчи. Если же тебе кажется, что нами здесь сказанное выражено неподобающим образом, ибо я говорила притчей, поинтересуйся тем, что такое притча, и знай, госпожа, что притча не во всем в равной мере точна; иначе она и не была бы притчей, но скорее тождеством.

Душа: А что в человеке, рабыня, скажи мне, имеет, насколько это возможно, образ божий и подобие его, ты говоришь? Что он имел в виду — тело это тленное или же душу? Моисей

человѣка рече по образу божию еже изначала первозданнаго быти. И како наречеться человѣкъ безъдушное тѣло? И пакы же словесное души како наречеться, не сущу телу человѣка отнуд? Рече бо нѣгдѣ Моисий в Бытии тако: «И созда Богъ человѣка персть от земля». Се тѣло человѣка нарече, о рабыне. «И тако дуну на лице его дыханье животно,— яко же пишет,— словесно и божествено, и бысть человѣкъ въ душу живу тогда». Еже по образу, рабыне моя, в чьсом отдамы — и в плоти ли, служителнице, или въ души самой?

Плоть: Слыши, господыне моя, сдѣ речение Павлово и разумѣеши искомое удобь от сего: «Елико внѣшний нашь человѣкъ растлѣваеть, толико внутрений обнавляеться вящe». И два убо человѣка наречена съединена, внутреняго и внѣшняго, человѣкы именует, си рѣх душа и тѣло — обоих тако. Но убо воистину человѣкъ душа глаголеться. Не смотряй, господыне моя, внешняго человѣка, ни же сумнися отнуд о создании его, то бо покрывало есть и одѣвало тоя. Еже по образу же — душа, и по подобию его. Не мни же, господыне моя, человѣка глаголитися тѣло се тлѣнное и человѣка внѣшняго. Но егда убо Писание услышиши, глаголющее: «Створим человѣка по образу своему»,— и внутреняго разумѣвай человѣка, душевное существо, не явлено се, но скровеное, си невидимое и незримое естеством. Истиннѣе же яко внутрь паче есмы. По внутренему бо человѣку «азъ» паче есмь, внѣшняя же не «азъ», но «моя» разумѣвай. Не рука бо «азъ», прочее, или нога «азъ» паки, но «азъ» — словесное души в лѣпоту. Рука же убо, и нога, и прочая части человѣчьскаго тѣла суть уди. Тѣло бо ссуд есть васнь, и колесница, и соузъ души человечестѣй. Воистину же человѣкъ душа глаголеться. А помыслъ убо — властник страстемъ и владыка. По властному убо бывати ту вѣмы и паки в помысленѣм стяжаньи быти ради истиннѣйшая части быти ума ея и премудрости, яже богъ дарова тому.

Подражаваеть бо нѣкако умъ человѣчьскы бога, во мъгновеньи бо обтичет вся, и сообращаеться,— и вечерняя, вкупѣ и всточная, паки и ужная, и сѣверная, и яже под землею, и небесная же убо и невходимая она,— не сущьством своим, не непщюй се отнуд,— мечтаньем же единѣм помысленым, госпоже. Единъ бо богъ существом и естеством, сице и премудростью своею, и силою же паки, имат неописаное выше всякого естества. Еже по образу, владычице, обладателно знаменуеть. Яко же никто же вышши на небеси есть бога, всех творца — видимых и невидимых, сице никто же на земли вышши от человѣкъ есть. Но яко же имат богъ всѣх владычьство, сице

сказал, что человек первозданный был создан по образу божию. А можно ли назвать человеком бездушное тело? И опять же, можно ли назвать так словесную силу души, если не будет тела у человека совершенно? Сказал ведь, кажется, Моисей в Книге Бытия так: «И создал бог человека из праха земного». Это он о теле человеческом сказал, рабыня. «И затем вдунул в лицо ему дыхание жизни,— как он пишет,— словесное и божественное, и стал человек душою живою тогда». То, что по образу, рабыня моя, в чем оно находится — в плоти ли, служительница, или в самой душе?

Плоть: Послушай, госпожа моя, здесь изречение Павлово и уразумеешь искомое из него: «Насколько внешний наш человек истлевает, настолько внутренний больше обновляется». Двух соединенных человек упоминая, он называет так, внутренним и внешним человеком, душу и тело, обеих. Но ведь по-настоящему-то человеком душа называется. Не смотри, душа моя, на внешнего человека и не обманывайся относительно его сути, ибо это лишь покрывало и одежда той. А что касается образа и подобия, относится к душе. Не думай, госпожа моя, что человеком называется это тленное тело, человек внешний. Но когда слышишь Писание, говорящее: «Сотворим человека по образу своему»,— то внутреннего подразумевай человека, душевное существо, которое не явленно, но сокровенно, и невидимо, и незримо по природе. Больше правды в том, что мы преимущественно внутренней жизнью живем. Ибо ко внутреннему человеку более «я» относится, под внешним же — не «я», но «мое» подразумевай. Не рука ведь «я», стало быть, и не нога «я», опять же, но «я»— это, конечно же, разумность души. Рука же, и нога, и прочие части человеческого тела суть члены. В соответствии с этим, тело есть орудие, колесница и союзник души человеческой. Воистину же человеком душа называется. А разум — господин страстей и владыка. Мы знаем, что она должна быть покорной владыке и пребывать в стяжании смысла, при помощи истиннейшей части ума ее и посредством мудрости, которую бог тому даровал.

Походит ведь некоторым образом ум человеческий на бога, ибо во мгновение обходит он все и охватывает — и запад, и восток, и юг, и север, и то, что под землей, и что на небесах, и то, куда нет входа,— но не существом своим — вовсе этого не подумай,— а представлением только мысленным, госпожа. Одному ведь богу с его существом и естеством, а также премудростью и силой свойственна неописуемость, превышающая всякую природу. То, что по образу, владычица, обозначает властвующее. Как никого нет на небесах выше бога, творца всех, видимых и невидимых, так никого на земле нет выше человека. И как бог владычествует всем, так и тебе

далъ есть и тебѣ бесловесных и животных, всѣми убо владем вкупѣ, скоты же и звѣрми, и всѣми господьствуем — птицами, и гады, и рыбами, всѣми и животными, их же положилъ есть богъ в сем мирѣ. Сим есмы, яко же показася, по образу божию.

А еже по подобию — мы исправляемъ от хотѣния нашего и произволенья же, на подобительное взводимся тому. Подобны быти тому далъ есть власть нам, вложивъ, прочее остави повелѣнию нас дѣлателя быти свѣтом и хотѣнием — еже к нему, госпоже моя, подобна глаголю — и яко да конець, прочее, будеть нашему труду, дѣланья мзда. Вонми, душе, и разумѣй, яко да всяко будет исправление твое, а не чюжо то, тебѣ остави се, еже по подобию быти, яко же рече: «Будите свершени, яко же свершенъ есть наш небесный отець» же и владыка, яко солнце свое сияеть на вся, злыя же и благыя, и дождить паки сице. Аще же и ты, госпоже моя, злобоненавистна будешь, и непамятозлобна, и кротка, братолюбива и милостива, богу поподобишися тѣм. Еже по образу убо богъ дарова тебе — еже имѣти словесное, и обладателное тако же, и самовластное же в себѣ, господыне. Бываеши и по подобию — благостию, аще хощеши. Аще бо и по подобию тя бы богъ створилъ, где ть благодать, страстна? Чесого ради венчалася бы? Царство небесное како отверзло ти ся бы? Добро есть душе спастися от подвигъ и от трудовъ, яко долж ы въздание, а не дар ы благодать, еже есть неразумѣва и лениваго раба.

Д у ш а: Добрѣ и сия рекла еси и к тому не сумняся. Обаче и еще ми сие скажи, о рабыне: тѣло праотца Адама, рци ми, како создано бысть убо — тлѣнно ли, или нетлѣнно, мертвено или не тако?

П л о т ь: И о сем, владычице, речем ти яже вѣмы: ни же тлѣнно, ни нетлѣнно, ни бесмертно паки. Посред бо то создателя и нетлѣнна, посред мертвости, глаголю, и бесъмертия. Яко да аще изволит душа добрая и сладкая, бесмертна будет от дѣлъ лучьших, яко же убо и выше научило есть слово. Аще ли паки телесным страстемъ поведеться, тлѣненъ и мертвенъ будет, еже и пострада. Аще бо бы смертна богъ створилъ того, не бы осудилъ есть смертью согрѣшша, смертному бо мертвость никто же осужаеть. Аще ли паки бесмертьна, не бы пища требовал телесныя же и тлѣнныя и погибающая, ни аще покаялся бы о нихъ же сдѣя, ни же паки бесмертное мертвено тѣм створилъ бы. Ни же бо являет о согрѣшших ангелѣх се створивъ богъ же и владыка, но естество имут еже исперва, паки бесмертни пребыша, обаче не свѣтоносни, и нужди ждут, прочее, о согрьшьши казнь.

подчинил бессловесных животных, чтобы мы вкупе всеми владели и над всеми скотами и зверями господствовали — над птицами также, и змеями, и рыбами, и всем живым, что поместил бог в этот мир. Вот что у нас, как показано, по образу божию.

А то, что по подобию,— то мы осуществляем в зависимости от желания нашего и произволения, путем уподобления возводясь к нему. Дал он нам, вложив, возможность уподобиться ему. И оставил нашему произволению, быть ли нам по своей воле и желанию создателями его, госпожа моя, подобия, чтобы это и было венцом нашего труда, платой за работу. Внимай, душа, и разумей: чтобы именно твоим был успех, а не чужим, тебе предоставил он это, быть по его подобию, о чем и сказал: «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш небесный» и владыка, ибо солнце его сияет на всех, на злых и на добрых, и мочит дождь тоже так же. И если ты, госпожа моя, ненавистницей зла будешь, незлопамятной, кроткой, братолюбивой и милостивой, то богу уподобишься. То, что по образу, бог даровал тебе — иметь разум и власть, а также свободу своей воли, госпожа. Бываешь и подобной — благостью, если захочешь. Ведь если бы по подобию тебя бог сотворил, на что тебе благодать, о страстная? За что венчалась бы? Царство небесное как открылось бы тебе? Прекрасно для души спастись за подвиги и труды, получив спасение как долг и награду, а не как подарок и милостыню, подобно неразумному и ленивому рабу.

Душа: Хорошо и это ты сказала, и больше я не сомневаюсь. Однако вот что еще скажи мне, рабыня: тело праотца Адама, объясни мне, каким было создано — тленным или нетленным, смертным или же нет?

Плоть: И об этом, владычица, скажем тебе, что знаем: ни тленным, ни нетленным, и не бессмертным. Ибо он создал его между тлением и нетлением, между смертностью и бессмертием. Чтобы, если решит душа его добрая и сладкая, бессмертным оно стало через добрые дела, как и разъяснено уже в сказанном выше слове. А если же телесным страстям предастся, тленным и смертным будет, как с ним и случилось. Ведь если бы смертным бог сотворил его, не осудил бы на смерть согрешившего, ибо смертному смертность никто не присуждает. А если бы бессмертным, не нуждался бы он в пище телесной, тленной и погибающей и не покаялся бы в содеянном, и смертным не сделал бы тем самым бессмертное. Ибо не видно, чтобы так поступил бог и владыка с согрешившими ангелами, ведь имеют они первоначальную свою природу, оставшись бессмертными, хотя и не светоносными, и вынужденными, стало быть, ожидать за согрешение наказания.

Душа: Надолго прострохом бесѣду, о рабыне, сирѣчь любопрѣние, еже любезнѣ речеся, не вражебнѣ — да не будет,— приятелна же паче. Прочее, и взисканья разрѣшила ми еси абье. Нынѣ же убо скажи ми, иже исперва впрашах, да некако и забытие будет и не въспомяну се. Обаче вся прости ми, яже преже глаголаная.

Плоть: Да убо что есть впрошенье твое, забыла есмъ.

Душа: Въпросих, о рабыне моя, и суприжница, и другине, гдѣ препочивают душа праведных, подобнѣ и грѣшьных, и кое есть мѣсто их даже до вскресенья и Христова пришествия.

Плоть: Аще убо хощеши навыкнути еже впрашаеши, госпоже, и зде вонми разумно и навыкнеши сия.

Яко же Писание учить мя, на небеси есть иде же препочивает всяка душа праведная. Но и имены многознаменито есть, страна бо живых наречеся, и земля кроткых, паки празднующихъ глас же и сѣнь праведных, пищи поток, исполненъ бесмертья. И слыши и увѣрися от глаголъ Павловых, их же в Коринфѣ написа, таже и в Филиписих: «Вѣмы бо, вѣмы,— рече,— тѣла нашего сия храмина земная аще разориться, храмину имамъ нерукотворену же на небесѣхъ от бога, вѣчную и лучшюю». Тьм же, от тѣла исходяще, надѣемся еже внити къ Христу. Се есть любочестье. Добрѣ убо взываше Павелъ с дерзновеньем: «Желание ми есть,— рече,— отрѣшитися и со Христом моим и богомъ на небесѣх быти». И преже Павла Соломон вопиет сице: «Душа праведных в руцѣ бога же и владыкы на небесѣхъ пребывают и суть в мирѣ убо». И Иоанъ Дамаскынъ подобная сим глаголеть: «Душа убо имате,— рече,— на небесѣх в руку бога жива и того поите от земля, яко со ангелы преставистеся на небеса с славою». Имам ины свѣдѣтеля, душе моя, вѣрнѣйша равно согласующим трием предреченым зѣло.

Душа: Да како си зовими суть и коея страны, глаголи.

Плоть: Назианзу Григорие, Василие Великый и Златый во всем языкомъ Иоанъ, и всебожественый ликъ отеческы — вси на небесих быти душамъ праведным глаголють: и мѣсто и число наполняют оно, отнуду же отпаде злѣ ангельское множьство вкупѣ и с первым тѣх отступником злѣйшим,— яко да исполнится вышьний миръ, *любимая. Яко же Григорие Богословесный пишеть: «Внегда бо испльниться вышний мирь,* глаголя, ожидай скончанья настоящего вѣка». Вси бо явственѣ о сем свѣдѣтельствуют. Елма же убо глава всѣм нам есть и глаголеться, и первы же от мертвыхъ вскреснути, но убо и первѣнець из мертвых вскресе, и первѣнець, душе, или перворofficeодны многых иных братей есть и первый — Христосъ, 2 Адам, конечнаго ради благоутробия и «предтеча о нас», по гласу Павлову, на небеса убо взиде к своему отцю и того убо сѣде одесную, господыне. Иде же убо глава,

Душа: Долго мы беседуем, рабыня, спорим, но в хорошем смысле слова, можно сказать, по-дружески, не враждебно нисколько, скорее приятельски. Итак, вопросы мои ты хорошо разрешила. А теперь скажи-ка мне о том, о чем вначале я тебя спрашивала, чтобы не забыть нам как-нибудь и не упустить этого. А кроме того, прости мне прежде сказанное.

Плоть: А о чем вопрос твой — я забыла.

Душа: Я спрашивала, рабыня моя, соупряжница и подруга, где почивают души праведных, а также и грешных, и где пребывают они до всеобщего воскресения и Христова пришествия.

Плоть: Если хочешь узнать то, о чем, госпожа, спросила, слушай меня теперь вдумчиво, узнаешь и это.

Как Писание учит меня, на небе находится место, где покоится всякая душа праведная. Названий же у него много, ибо и страной живых оно называется, и землей кротких, и празднующих воспеванием, и сенью праведных, и пищи потоком, наполненным бессмертия. Послушай и убедись словами Павловыми, написанными им в Коринфе и в Филиппах: «Ибо знаем, знаем,— сказал,— что, когда тела нашего этот земной дом разрушится, мы имеем дом нерукотворный на небесах от бога, вечный и лучший». Потому, от тела отходя, мы надеемся войти к Христу. Это и есть любочестие. Хорошо взывал Павел, с дерзновением: «Желание у меня есть,— сказал,— разрешиться и со Христом моим и богом на небесах быть». И раньше Павла так сказал Соломон: «Души праведных в руке бога и владыки на небесах пребывают и находятся в мире». И Иоанн Дамаскин подобное же говорит: «Души ваши,— сказал,— на небесах в руке бога живого и его воспевайте с ангелами, потому что с земли преставитесь на небеса со славою». Имею и других свидетелей, душа моя, вернейших и вполне согласных с тремя уже приведенными.

Душа: А как они зовутся и из какой страны, скажи.

Плоть: Назианзин Григорий, Василий Великий, Златоустый во всем Иоанн и всебожественный лик отеческий — все говорят, что на небесах находятся души праведных и что место они занимают и число восполняют, погибельно отпавшего ангельского множества во главе с первым из них злейшим отступником — чтобы наполнился вышний мир. Как и Григорий Богослов говорит: «Когда наполнится вышний мир, ожидай окончания настоящего века». Все ведь явственно об этом свидетельствуют. Главой же всех нас является и именуется, и первым из мертвых воскрес, и первенцем, душа, или первородным и первым среди других братьев является Христос, второй Адам; по причине крайней доброты и «предтеча за нас», по выражению Павла, на небеса он взошел к своему отцу и сел от него по правую руку, госпожа. А ведь где голова,

вмалѣ елико послѣдует и прочее все тѣло. Исполненье бо главѣ бывает тѣло, исполненье тѣлу глава бывает. Ни бо тѣлу мощно есть без главы быти, ни же паки главѣ, тѣлу не сущу.

Нынѣ же убо всходять вся душа точью спасаемых, владычице, святыхъ и праведных к своей убо главѣ, рекъше Христу. О чюдо! По воскресении же и с телесы убо. Дивство славы Христовы и чьсти, душе моя, и человеколюбия его и благыхъ всѣх, их же всприяхомъ вкупѣ исперва, создани бывше, и паки же напослѣдок по благости его! Прочее, душе моя, вѣруй: сих свѣдѣтельство истиньно и извѣстно в вѣру сущее. И сия убо рекошася о душах праведных, еже от сея лютыя злобы очищешихся.

Аще же и грѣшных душа увѣдѣти хощеши, и кдѣ затворяються и суть, о душе моя, и о сих от Писания отвѣщаю тебѣ. Подо всею земьлею долу суть, господыне. И слыши, и рыдай преже конца зде: сѣнь смертную, преисподнии ровъ ада сего нарече, тѣм же и взывает: «Взвелъ еси от ада душю мою», на мнозѣ не оставилъ еси тамо пребывати. О адѣ убо и Иовъ, плачася, глаголаше: «Земля темьная, и мрачная, и вѣчьная тма, животъ человѣчьскы не видѣти, свѣта бо тамо нѣсть». Адъ мѣсто убо есть долнѣйшее долних преисподних мрачных, болѣзнено естеством, во н же сниде Христосъ и, душа исхитивъ, их же держаше исперва от первосozданаго, изиде яко побѣдитель. Благо же, Христе мой блаже!

Но будущее слыши и встрепещи преже конца: во вторый приход и Христово пришествие и общее вскресенье исходят изъ ада; каяждо убо свое всприемлет тѣло и паки възвращается къ аду,— увы мнѣ,— яко же рече Пѣснопѣвець, яже о них: «Тогда да възвратяться,— рече,— грѣшници въ адъ». А еже «да възвратяться» являеть, отнуду же изидоша. Оттолѣ лютѣйше перваго и горше, горчайше и зѣлнѣйше, болѣзнуют и рыдают, сѣтуют же и плачют без успѣха, душе моя, бесконечнѣ и вѣчьнѣи. Пощади, Христе мой, пощади!

Тогда, душе, отходиши убо к своему тѣлу, его же преже мала отлучися, бернныя плоти, яко да внидеши в не, яко же Писанье учить. И видиши то смердящее все и осквернено, гнусно и мерьско и сгнившее до конца. И, тако то видящи, отвращаешися, ненавидяще, но от ангелъ страшных биема, увы мнѣ, немилостивно, нещадно, с лютостию многою, входиши паки в то, душе, и нехотящи.

Но не таковая телеса суть яже праведных, но яко блещайся бисеръ сияют с славою и яко же солнце, рече, но и множае сего. Аще ли не вѣруеши ми, о душе, воскресенье повѣдующи, приведу ти свѣдѣтеля вѣрны, им же не невѣруй.

Д у ш а: Да кто си суть, котораго племене и языка?

туда вскоре последует и прочее все тело. Ибо завершение головы — тело, завершение тела — голова. И ни телу невозможно без головы быть, ни также голове без тела.

Ныне же возносятся лишь души всех спасаемых, владычица, святых и праведных, к своей голове, то есть ко Христу. О чудо! По воскресении же — взойдут и с телами. О чудо славы Христовой и чести, душа моя, и человеколюбия его и благ всех, которые все мы восприняли и с самого начала, будучи созданы, и напоследок вновь по благости его получили! Итак, душа моя, веруй: свидетельства эти истинны, надежны и заслуживают доверия. Сказано же это было о душах праведных, очистившихся от всей лютой злобы.

Если же и о грешных душах узнать хочешь и где они затворяются и находятся, о душа моя, и о них от Писания отвечу тебе. Под всей землей внизу они пребывают, госпожа. Слушай и рыдай, пока не кончилась здешняя жизнь: сенью смертною *Давид,* преисподним рвом, адом то место назвал, почему и взывает: «Ты вывел из ада душу мою», надолго не оставил ее там пребывать. Об аде ведь и Иов, плача, говорил: «Земля темная и мрачная, и вечная тьма, жизни человеческой там не видно, ибо света там нет». Ад ведь есть место нижайшее из нижних преисподних мрачных и мучительных по природе мест, куда сошел Христос и, захватив души, содержавшиеся там изначально, начиная с первозданного, вышел победителем. Прекрасно, Христос мой благой!

Но о будущем слушай и вострепещи прежде конца: во второе пришествие Христово и явление при общем воскресении выйдут все они из ада; каждый свое восприимет тело и вновь возвратится в ад, увы мне, как сказал Песнопевец о них: «Тогда да возвратятся,— сказал,— грешники в ад». Слова «да возвратятся» показывают, откуда они вышли. И с тех пор будет им еще хуже и горше, тяжелее и больнее, будут мучиться и рыдать, сетовать и плакать безнадежно, душа моя, вечно и бесконечно. Пощади, Христос мой, пощади!

Тогда ты, душа, отойдешь к своему телу, с которым незадолго до того рассталась, к бренной плоти, чтобы войти в нее, как учит Писание. И ты видишь его все смердящим и скверным, гнусным и мерзким и сгнившим до конца. И, таким его видя, отвращаешься с неприязнью, но под ударами грозных ангелов, увы мне, немилосердными, беспощадными, наносимыми с большой суровостью, вновь в него входишь, душа, поневоле.

Но не таковы суть тела праведных, но как сверкающий бисер сияют они со славой, словно солнце, и даже ярче него. Если же ты, о душа, не веришь моему рассказу о воскресении, я приведу тебе надежных свидетелей, которым поверь.

Душа: А кто они, какого племени и народа?

Плоть: В первых, Иезикил и Исайя, паки и Давидъ праотець и Пѣснопѣвець подобнѣ, иже преже Христа изрядни и велиции пророци; и по тѣх паки Христосъ от дѣлъ увѣряет, но убо и первороденъ от мертвых воскресе, яко же и Писание учит мя и Еуангельское; и Павелъ учит вселеную всю, о воскресении сущим в Коринфѣ пишет: «Падъ убо въ землю, сие вещестное тѣло в немощи и тлѣнии и безъдушно в гробѣ сгнивающе и разрушаемо, и в ничто же бывшее, встает нетлѣнно и духовно в славѣ, бесмертно, и присноживотно, и обрадованно». Да реку ти и притча, ю же самъ реклъ есть: яко зерно наго, в земную боку пад убо и сгнивъ, не наго въстает, яково же наго паде зерно, едино паки, но и зѣло благороднѣ и одѣяно бывает: стебль, листвие, колѣнца, осилия,— и иная зерна приносит многосугубна и красна видѣньем,— сице ми разумѣвай и воскресенье еже тогда человѣком всѣмъ убо, малымъ же и великымъ.

И слыши и почюдися божию смотренью: тогда ни долгъ, ни короток бывает, ни же чернъ, ни бѣлъ, ни тонок, ни же дебелъ паки, ни русъ, ни черменъ, ни же кудрявъ тамо есть; хром, сухорукъ не бывает, ни же бѣснуя кто; единоног, единоокъ, единорукъ, ни же прокаженъ, слукъ же, ни слеп, ни горбав, ни горковъ, ни гугнив, ни травлуяй, ни премудръ, ни же буй, ни старець, ни отроча, ни рабъ, ни свободь, ни варваръ, ни же скифинъ. Ни мни, яковъ же бѣ умрый, таков и воскреснеть, но яков же первозданый от бога созданъ бысть и яковъ же бѣ исперва преже ослушания. Тамо нѣсть мужьска полу, ни женьскаго естества, ни дѣтородни уди мужстии и женстии к смѣшенью блудному и скверному, ни убо! Но ино, странно ино, еже вѣсть богъ единъ, бесмертно и присноживотно и нетлѣнно отнуд, непричастно суще печали же и скорби, попеченья всякого и тщания, к жизни сдѣлующаго. Бракъ никако же бывает отнеле же воскреснем; ни посагают, прочее, не сущу ражженью тогда; естество женско никако, но ни же скопець есть; желанье телесное нѣсть, ни помыслъ блудный; но ни же бѣси тамо, ни же брань, ни свары, но яко аньгѣли божии суть вси. Христосъ бо се рече нѣкогда к садукеим.

И еще же не умершеи и погребеньем скрытии, но въ житии обращаються — мали же и велиции — и вси в мегновении изменяться тогда. Будуть же вси въ едином взрастѣ, яко же предрекох преже мала в словѣ, нази же вси вкупѣ и обьвленѣ. Нагое же, господыне моя, и обьявленое, яко от предложенья овчатъ разумѣвай, еже на жертву богу приводимых всѣх. Яко же она кожа одираема тогда во испытанья всякоя кости же и мозга, являхуся внутрь скровеная явѣ, сице котораго же дѣяния являються. Различье слышащи, сице ми разумый: се нѣсть отъятье самого существа, но убо мертвости иждие же и престание и тли изнурение.

Плоть: Во-первых, Иезекииль и Исайя, затем Давид-праотец и Песнопевец он же, прежде Христа бывшие избранные и великие пророки; а после них также и Христос делами уверяет, ведь он первый из мертвых воскрес, как учит меня евангельское Писание; и Павел учит всю вселенную, и коринфянам о воскресении пишет: «Пав в землю, это вещественное тело в немощи и тлении и бездушным в гробе сгнивая и разрушаясь и в ничто превращаясь, встает нетленным и духовным в славе, бессмертным, вечно живущим и обрадованным». Скажу тебе и притчу, которую он сказал: как одно зерно, нагое, в землю упав и сгнив, не нагим встает, каким оно пало, и одним лишь зерном, но весьма благородно одетым в стебель, листья, коленца, колосья и иное, и приносит зерна во множестве и прекрасные видом,— подобным тому представляй себе и тогдашнее воскресение всех людей, малых и великих.

Послушай и удивись божьему устроению: тогда ни высоких, ни низких не будет, ни черных, ни белых, ни тонких, ни толстых, ни русых, ни рыжих, ни кудрявых там не будет, ни хромых, ни сухоруких, ни бесноватых, ни одноногих, одноглазых, одноруких, ни также прокаженных, согбенных, слепых, горбатых, картавых, косноязычных, шепелявых, ни мудрых, ни глупых, ни старых, ни юных, ни рабов, ни свободных, ни варваров, ни скифов. Не думай, что каким умер, таким и воскреснет человек, но — каким первозданный богом был создан и каким был изначально, прежде ослушания. Там не будет ни мужчин, ни женщин, ни детородных органов мужских и женских для соития блудного и скверного, никаких! Но — иное все, совсем иное, что знает один бог, бессмертное, вечно живое и нетленное, непричастное печали и скорби, всяких хлопот и забот, с жизнью связанных. Брака вовсе не будет по воскресении; не будут тогда выходить замуж по причине отсутствия влечения; естества женского не будет никакого, но также и скопцов не будет; ни желания телесного, ни помысла блудного; и ни бесов там, ни брани, ни свары, но все — словно ангелы божии. Христос ведь это некогда сказал саддукеям.

И также еще не умершие и погребеньем не скрытые, но в жизни вращающиеся, малые и великие, все мгновенно изменятся тогда. Будут же все в одном возрасте, как прежде я сказала тебе, совершенно нагими и открытыми. Наготу же их, госпожа моя, и открытость по подобию жертвенных ягнят разумей, приводимых на заклание богу. Ведь как с тех кожа сдирается для испытания сокрытых внутри них костей и мозга, так же и деяния каждого объявляются. Что касается различья, пойми следующее: это не будет отъятием самого существа, но смертности утратой и прекращением и от тления избавлением.

Смерть бо сия тѣло не погубляет, но тля разоряет. Существо же, добрѣйшая, пребывает же и есть, славою множайшею встающее тогда. Но не о всѣх, владычице, *глаголахъ азъ*. Се въскресение убо общее всѣм будет; вскресение же, душе, еже с славою, будет иже правѣ поживших, въскресение бо животу сии; злая же сдѣлавшеи — в судъ мученья.

Душа: Несуменно слово твое, и вся приемлю ти, вся ти вѣровах, развѣ точью сего единого, его же слышыши Писание явѣ вопиющее. Внегда убо Христосъ сниде въ адъ душа вся исхитити еже тамо сѣдящая, от Адама и прочая по ряду свободи вся. Ты же рече нынѣ быти душамъ тамо всѣм грѣшником и нечьстивым, о рабыне. Аще убо изятъ тыя от утробы адовы, и кая благодать будет, аще и еще оны паки яко осуженици суть подъ адом. Прочая, не согласна к Писанью твоя обрѣтаю и непщюю, яко ты не истинствуеши, рабыне.

Плоть: Слыши убо мя, владычице, и вонми нынѣ сде и Писание и истину, с нею и азъ глаголю, и разумѣй глаголемое от притча.

Нѣкако положи быти нѣкоему мучителю, злодѣю и отступнику, отбѣгнувъшу ему нѣкогда от царя и отшедшю далече в не же вжелѣ место, и тамо град создавшю высокъ же и великъ столпьем отвсюду утверженъ зѣло. Посреди же его ископаша ровъ глубок и велик — глубину дажь до дна земьнаго и вяще, в широту же широкъ паче всѣх широтъ, злосмраденъ и мрачнѣиши и теменъ зѣло, и стража всячьскыя тамо устраяет, смраднѣйша, увы мнѣ, тыя же и зловонны зѣло. И по сих, разумѣй ми, вражий гнѣвъ во вся земля протече; и собра многы звѣря и ядовитыя гады, змия же и смоквы, скорпия и ехидны, и прочая от всѣх по ряду, и сия убо затвори въ мрачнѣйшем рвѣ на мученье явѣ яко же тамо человекомъ с нужею хотящим затворятися от него. Луна и звѣзды никако же, ни солнце нѣсть тамо, глаголю, в градѣ вражьи, но мгла часта. Близь града же оного путь бяше народный, и инуду не бѣ пути еже ити в весь миръ. Им же путем прохожаху вся племена и языци, цесаревы вси врази и друзи вкупѣ. Прочее, приходяще в руцѣ, и не хотяще, вси отступнику и врагу, мали же и велици, и всѣх превзмагаше, и всѣх держаше. Силою убо ручною, нужею и областию связуя руцѣ же и нозѣ, лютѣ страстоваше и затвореныя вся воряше, и темницю исполни темныя она вся. Не терпяше убо царь неправды сия, намнозѣ не остави люди озлоблятися, но посла тамо сына своего, глаголя: «Поиди и исхити люди наши вся от руку лукаваго и отступника вскорѣ». Он же, пришед и ем спротивника, вся ему сломи и кости и жилы и с полумертва створи

Ведь эта смерть тела не губит, но тление его разоряет. Существо же, добрейшая, пребывает и остается, со славой множайшей вставая тогда. Но не обо всех, владычица, я говорила. Это воскресение общее для всех будет; воскресение же, душа, со славой будет лишь для праведно поживших, ибо они пробудятся для воскресения жизни; зло же соделавшие — для суда мучительного.

Душа: Не вызывает сомнений речь твоя, всю ее принимаю, во всем тебе поверила, кроме одного только того, о чем, как ты слышишь, Писание ясно гласит. Ведь когда Христос сошел в ад, чтобы души все освободить, там пребывающие, он освободил всех, начиная с Адама, и прочих по порядку. Ты же, о рабыня, сказала теперь, что там находятся души всех грешников и нечестивых. Но если он тех изъял из утробы адовой, то где же тут благодать, если они вновь, как осужденные, находятся под адом? Значит, несогласие с Писанием я нахожу у тебя и предполагаю, что ты, рабыня, неправа.

Плоть: Послушай же меня, владычица, и пойми теперь и Писание и истину, которую я тебе скажу с помощью притчи.

Существует, положим, некий мучитель, злодей и отступник, бежавший некогда от царя и ушедший далеко, в какое ему понравилось место, и там выстроил город высокий и великий, стенами отовсюду хорошо защищенный. Посреди же его он выкопал глубокую и великую яму, глубиной даже до дна земного и больше, в ширину же шире всех широт, злосмрадную, мрачнейшую и очень темную, и сторожей всяческих там он поставил смраднейших, увы мне, весьма зловонных. И после этого, правильно пойми меня, злобная враждебность на все земли распространилась; собрал он многих зверей и ядовитых гадов, змей, пресмыкающихся, скорпионов и ехидн и прочих всех тварей такого рода, и запер их в мрачнейшей яме, чтобы мучить, конечно, людей, которых он хотел туда заключать. Ни луны, ни звезд, ни солнца там нет, я имею в виду в городе вражьем, лишь мгла густая. Вблизи же этого города путь был торный, и иной дороги не было, какой можно было бы пройти в весь мир. Этим путем шли все племена и народы, как враги царя, так и его друзья. И вот все они приходили, того не желая, в руки отступника и врага, и малые и великие, и он всех их одолевал и всеми овладевал. Пользуясь силой рук, мощью и своим могуществом, связывая руки и ноги им, он страшно лютовал и обращал их в заключенных и темницу наполнил темную ту всю. Не стерпев же несправедливости этой, царь не оставил надолго людей выносить страдания и послал туда сына своего, говоря: «Пойди и скорее освободи людей наших всех из рук обманщика и отступника». Тот же, придя и схватив противника, все ему сокрушил — и кости, и жилы и оставил его полумертвым

и недѣйствена того, ископа очи его и зѣница очныя; верея и врата низложивъ и затворы скрушив, изять всѣх яко побѣдник и удолник,— врагы и другы вкупѣ,— от преисподних и възведе въ горняя всѣх от глубины, и от узъ убо разрѣши твердых вся, и на лици земнѣм ходити остави. И по сих зри ми разсужение добрѣйшее: другы избра отца своего присныя и, поим сих, отиде к своему отцю въ красную полату и чюдную ону — еже быти тѣм всегда съ цесаремъ и веселитися имъ купно с ним в вѣк. Врагы же и нечестивыя остави убо тамо, дондеже изволиться отцю о них подобное, и изречет отвѣт праведны о них.

Къ сим ты, госпоже моя, како непщюеши: убо прияша ли и ти нѣкоего благодѣтельства — нечестивии же и врази глаголю цесаревы,— или не мниться благодати быти? Како любо се? Азъ убо се непщюю спасенье велие еже бо мучителя яти и связати спротивника узами нерѣшимами, тому же и очи изяти, и от безднъ земных възвести сих, и темница мрачныя, и узы, и затворы, и злосмрадныя воня же, и гады ядовитыя — сих всѣх злых свободны створити и ходити сѣмо и онамо свободни въ ослабѣ, не сущю темничнику, не сущим слугам, враг бо погибе со всѣмъ воиньством крѣпцѣ.

Аще бо и быти слышала еси, душе, убо быти въ адѣ, но не суть, яко же первѣе в болѣзнех тяжкых, ни же в нужах, ни убо, ни въ узах нерѣшимых, но въ ослабѣ отчасти и в малѣ покои Мнѣ убо велико являеться се благодѣтельстово. Разумѣ ли всяко реченое, или сумнишися и еще?

Душа: Разумѣх и домыслихся, и являешися истиньствовати. Всѣх облагодѣтель есть по праведному суду: врагы убо мнее, другы же большее. И благодѣть сия велика глаголеться от всѣх добрѣ смыслящих, и есть велика паче зѣло.

Плоть: Госпоже моя, како разумѣ реченое гаданье мое? Хощю увѣдѣти, аще добрѣ реченая разумѣ.

Душа: Да слыши, служителнице, раздрѣшение сих сдѣ. Отступникъ есть спадый денница, град же, его же созда, ад; яко же мню, ровъ глубочайший и темницю его — суть, служителнице, чрево адово, народны же путь — житие се есть, им же ходим мали и велици вкупѣ; мучительство же вражье и разбойничьство его — смерть, яко же подобиться, яже въсхищает всѣх, къ аду лютому отпущает абье; а иже во рвѣ гади и лютии звѣрье, яко же мню,— нестерпимая болѣзнь, яже тамо есть; царь же — богъ, и сынъ его паки избавитель есть Христосъ роду человечьскому; друзи — иже праведнии, нечестиви же паки врази его, вкупѣ грешники непщюю;

и бездейственным, вырвал глаза у него и глазницы; запоры и ворота поверг, и засовы сломал, и освободил всех как победитель и хозяин добычи,— разом и врагов и друзей,— из преисподни их всех вывел наверх из глубины, и от крепких уз освободил всех, и по лицу земли ходить им предоставил. А после этого, смотри, он принял прекраснейшее решение: избрал верных друзей отца своего и, взяв их, ушел к своему отцу в прекрасный и чудесный его дворец,— чтобы те были всегда с цесарем и веселились вместе с ним вовеки. Врагов же и нечестивцев он оставил там, пока отец не решит, что им подобает, и не вынесет он суд справедливый о них.

Как ты на это смотришь, госпожа моя: не получили ли и те тогда некоторого благодеяния,— нечестивых я имею в виду и врагов цесаревых, или же ты не думаешь, что было для них совершено благодеяние? Как тебе кажется? Я же считаю, что благом великим было то, что мучитель был схвачен и связан противник узами нерасторжимыми, и что глаз был лишен, а из бездн земных были выведены те, и из темниц мрачных, из уз и запоров, от смрадного зловония и гадов ядовитых,— от всех этих зол освобождены и что было им предоставлено свободно ходить повсюду, ибо не стало тюремщика и его слуг, так как враг погиб со всем своим воинством, быв побежден.

Хоть и слышала ты, что в аду находятся души, но они не так пребывают, как прежде, не в страданиях тяжелых, не в нуждах, ведь нет, не в узах нерасторжимых, но в частичном послаблении и в некотором покое. Мне это представляется великим благодеянием. Все ли ты поняла из сказанного или и еще сомневаешься?

Душа: Уразумела и поняла я, правду ты говоришь. Всех он облагодетельствовал по правому суду: врагов меньше, друзей больше. И благодать эту великой называют все добромыслящие, и она весьма велика.

Плоть: Госпожа моя, как же ты поняла рассказанную мной загадку? Хочу узнать, хорошо ли ты сказанное уразумела.

Душа: Слушай, служительница, теперь ее отгадку. Отступник — это падший люцифер, город же, который он построил,— ад; как я думаю, яма глубочайшая и темница его — это, служительница, чрево адово, торный же путь — эта жизнь, которой мы идем, малые и великие вместе; мучительство же вражеское и разбойничество его — смерть, как представляется, которая похищает всех и в лютый ад посылает тотчас же; а находящиеся во рву гады и лютые звери, как я думаю,— тамошнее нестерпимое страдание; царь же — бог, а сын его, избавитель рода человеческого,— это Христос; друзья — праведники, а нечестивые — враги его и грешники, полагаю;

красная же полата, и веселие его, и радость непрестанная небесное царство есть.

Плоть: Добрѣ и зѣло и благоумьнѣ разумѣла еси реченое мною, госпоже моя и владычице, и благодѣть Христу моему! Но вѣжь, яко притча не по всему имат равное и приемлеться. Елма не бы была притча, яко же рѣхом, но тожьдство паче. «Взлегъ, почи, яко же левъ»,— слышала еси патриарха, глаголяще о Христѣ, господыне. И пакы убо в другом: «Сряшю тѣх же,— рѣче,— яко медвѣдь страшнѣйши гладенъ зѣло». Убо приуподобим ли яже звѣрем сущая вся сдѣ Христови? Ни убо, владычице моя. Но подобает потребное избравшим от сих въ еже приято есть, то прочее убо все оставлено творяще удобь, мимоидѣмъ сия. Страшное убо лвово и цесарское всприимем, медвѣдя же паки точью мучительное, а не ино что, их же имат. Тако же и о прочихъ притчах творити. И слыши, господыне моя, яко имам и еще сдѣ мужа свята и премудра — Иоана зѣлнаго Дамаскина и Мансура — и множае увѣришися. Той бо опаснѣйше яже тамо бывшая научаеть добрѣ и явственѣ всѣх. И навыкни, яже рече здѣ нѣкако на стихи:

«Не просто бо спаслъ есть жизнодавець Христосъ, сшедъ въ адъ, всѣхъ, но рѣчеся, яко тамо вѣровавъшихъ, иже суть отци и пророци, судья и царье, с ними и мѣстни князи, и инии нѣции от людей жидовеских бесчислени и предъявлени всѣм. Мы же сия противо *речемъ* сдѣ сущим, яко: ни даръ или богатство, слава, ни же чюдно и славно сие, еже спасти Христу преже вѣровавшая, елма ссуди праведенъ есть единъ, и всяк иже тому вѣровавый не погибнет. Достояше бо сим спастися всѣм и от адьскых узъ избавитися схожениемь бога и владыкы, еже и бысть того промышленьемь. А *иже* паки человеколюбия ради спасъшеся суть, яко же и *сии*, житие честнѣйше имяху и дѣяние добро всяко свершаху, тонцѣ живуще, въздержателнѣ и цѣломудрьнѣ, вѣру же истинную и божественую не достигоша, не объучени быша всяко, но ненаучени пребывше отнуд. Сих всепромысленик владыка всѣх привлече и улови мрежами божествеными, и тѣх преклони вѣровати ему, восиявъ на ня божественыя луча и показавъ имъ истинны свѣт; не бо суди, милостивенъ сы естеством, втоще тѣх труды быти, стяжаша бо труднѣйшее житие, болѣзньно же и тѣсно паче слова, самодержьци страстемъ бывше и сласти отплевавше, вкупѣ нестяжанье же всяко исправлеше, вздеръжанье же со бдѣниемь паки, и всяко просто изрядно жителство, не благочестивнѣ убо, но обаче прошедше, вышнии промыслъ, яко же мняху, изряднѣ чтуще, обаче погрѣшнѣ. Сут же нѣции

прекрасный же дворец и веселье в нем, и радость непрестанная — это царство небесное.

Плоть: Хорошо и весьма разумно поняла ты сказанное мною, госпожа моя и владычица, слава Христу моему! Но знай, что притча не во всем точна и не должна восприниматься буквально. Иначе это не притча была бы, как мы сказали, но скорее тождество. «Возлегши, уснул, как лев»,— слышала ты патриарха, говорящего о Христе, госпожа. И еще в другом месте: «Встречу их,— сказал,— как медведь страшнейший, голодный весьма». Разве применимо зверям присущее все здесь ко Христу? Нет ведь, владычица моя. Но подобает, нужное взяв, что подходит, прочее все оставить, пройдя мимо него. Выберем здесь страх, который внушает лев, его царственность, и только мучение от медведя, а не что-либо иное из того, что им свойственно. Так же и к другим притчам относись. Послушай, госпожа моя: у меня здесь есть и еще один муж святой и премудрый — знаменитый Иоанн Мансур Дамаскин,— и ты еще больше уверишься. Ибо он более точно о том, что там будет, учит прекрасно и открыто для всех. И послушай, что он сказал здесь некоторым образом в стихах:

«Не просто ведь всех спас живодавец Христос, сойдя в ад, но сказано, что и там — уверовавших, каковы суть отцы, пророки, судьи, цари, а с ними и поместные князья, и некоторые другие бесчисленные из народа еврейского и известные всем. Мы же вот что скажем по этому поводу тем, кто находится здесь: не дар, не богатство, не слава, и не нечто удивительное и невероятное — то, что Христос спас прежде уверовавших, потому что он один судия праведный, и всякий, в него поверивший, не погибнет. Подобало ведь всем им спастись и от адовых уз разрешиться схождением бога и владыки, что и произошло по его промыслу. А кто по причине его человеколюбия спасся при этом, те, как и те, провели честную жизнь и всякие добрые дела совершали, строго живя, воздержанно и целомудренно, веры же истинной и божественной не достигли, не просвещены будучи вовсе, и совершенно ненаученными оставшись. Этих всех людей обо всех заботящийся владыка привлек, и уловил мережами божественными, и склонил их веровать в него, воссияв на них божественными лучами и показав им свет истины; не захотел он, милостивый по естеству, чтобы вотще их труды были, ибо они избрали труднейшую жизнь, мучительную и невыразимо скудную, быв самодержцами своих страстей и сласти выплевав, вместе с тем и к нестяжанию всякому прилежа, воздержанию со бдением также, и всякому вообще доблестному жительству, хотя и не будучи благочестивыми, но тем не менее высший промысел, как им казалось, наилучшим образом почитая, пусть ошибочно. Есть же некоторые,

иже божественую славу всемощныя достигоша Троица тонцѣ и темнѣ, но не прославиша обаче. Ини же воплощенье рекоша Слова, страсти честныя и встанье его. Друзии же рожество, еже от девы, имя же тоя пронарекъше, Мария бо, рече, имя нѣкое отроковици. Паки нѣции предначтоша вся преестественая Христова чюдотворенья, мерътвых же и слѣпых, и гугнивых, прокаженых, и глухых, и огничавых, трудоватых, вкупѣ и сухорукых, и морское хоженье, отсюду хлѣбом благословенье и рыбам, преложенье водѣ в вино паки, кровоточивыя и слукыя вкупѣ здравье предрекъше со инѣми многими. Сих божественая слова сила не стерпѣ презрѣти погибающихъ, ни же погубити дѣлания изрядных. Заимствованый бо тѣмъ слова конець, яко же рѣхом, не помрачаеться, но схраненъ одѣваеться всѣмъ иже добрѣ пожившимъ с прилогом. А иже не живши право житие, сѣмя или плод никако же стяжавше, и ни же дождя божественаго, съ небесе излиявшася на них, възраствивша всяко, ни бо, яко же варивъ рѣх, вложиша сѣмя, ни же, восиявшю солнцю славы, съзрѣяша яко бесплодни отнудь. Сих не ползова Христосъ спроста, совъздвигъ яко же, мню, падшихъ, яко недостойны всячьскы спасенью, ни же бо вѣроваша ему, мниться мнѣ. Ослѣпи бо тѣх помыслы и, увы мнѣ, и очи сердца тмы взятие, первый змий, ему же служителе испервa, яко да, видяще, не видят вправду и разумѣют отнуд. Ини же вси, сѣмя имуще, и съзрѣяше, солнцю явлешюся, и взрастоша же, дождю бывшю. Сих спаслъ есть, яко же мню, Христосъ мой, егда сниде въ адъ хотѣньем».

Душа: Вся добрѣ сказала ми еси, учителнице и рабыне, и истинна и извѣстъна. И не прерѣкую отнуд, но имам еще възыскание, недоумѣнье велико. Рци и се явленѣ, аще можеши рещи.

Плоть: Да что есть и каково и которое есть, скажи.

Душа: Како, оставльши убо тлѣнно и нетлѣнно же обрѣтши, тѣло убо свое душа како познает? Ова бо оставила есть слѣпо и безъ очью то, ова же глухо и нѣмо, скудоумна же другая, скопьца же и иная, и тонко, и сухонаво, дебело, полно и тучно же, чревато другая, другая же безъ брады, космато же ти о другая; иная паки женьско, черно иная и смядо, бѣло же пакы другая; без руку и безъ ногу остави паки иная, и младенца иная несвершена и малѣйша зѣло, и старца, и иная съгнивша зѣло, и черно власы другая, бѣло же иная паки. Во вскресенье убо, яко же глаголеши и учиши мя, рабыне, ино от иного бывъшее, яко же варивъ рекла еси, по подобию Адамову,— како убо познает то и не имящее знаменья, ни образы, ни мѣры?

кто поверхностно и смутно постигли божественную славу всемогущей Троицы, но не прославили ее, однако. Иные же предсказали воплощение Слова, страсти его честные и воскресение. Другие же — рождество от девы, имя ее предсказав,— Мария, ибо, сказали, имя отроковицы. Опять же некоторые предначертали все сверхъестественные Христовы чудотворения с мертвыми и слепыми, косноязычными, прокаженными, глухими, лихорадочными, водяночными, а также сухорукими, и по морю хождение, затем хлебов благословение и рыб, превращение также воды в вино, кровоточивой и согбенной выздоровление предсказав со многим иным. Божественная сила Слова не сдержалась, чтобы пройти мимо таковых погибающих и дать погибнуть делам наилучших. Ибо занятое у них, как мы сказали, с окончанием времени не уничтожается, но, будучи сохранено, возвращается всем хорошо пожившим с лихвою. А те, кто не жил праведной жизнью, семени или плода никакого не стяжали, от дождя божественного, с неба на них пролившегося, вовсе не возросли, ибо, как я прежде говорила, не посеяли они семя и, когда воссияло солнце славы, не созрели, будучи совершенно бесплодными. Таковым не принес Христос пользы вовсе, не совоздвиг их, думаю, видя падшими, потому что они вовсе недостойны спасения, так как не поверили ему, как мне кажется. Ибо ослепил их помыслы и очи сердечные, увы мне, тьмы сгусток, первый змей, которому они служили с самого начала, чтобы, видя, они не видели по правде и не понимали ее ничуть. Другие же все, семя имеющие, созрели, когда появилось солнце, и выросли, когда прошел дождь. Тех спас, как мне кажется, Христос мой, когда сошел в ад добровольно».

Душа: Все хорошо сказала ты мне, учительница и рабыня, и правильно, и ясно. И не противоречу я совершенно, но имею еще вопрос, недоумение большое. Скажи мне и об этом ясно, если можешь сказать.

Плоть: Да что это такое и каково, скажи.

Душа: Как, оставив тленным, а найдя нетленным, тело свое душа узнает? Ибо то, что она оставила, или слепо и без глаз, или же глухо и немо, другое же скудоумно, оскоплено же иное, и тонко, и сухощаво, и толсто, полно и тучно же, брюхато другое, другое же без бороды, космато опять же другое; иное также женского пола, черно иное и мрачно, бело опять же другое; без рук и без ног остались также иные, и младенцы иные несовершенные и маленькие очень, и старцы; и иные — сгнившие сильно, и черноволосы другие, иные же светлы. При воскресении же, как ты говоришь и учишь меня, рабыня, тело одно от другого происшедшее, как прежде сказала мне, по подобию Адамову,— как опознается то, не имеющее ни прежних признаков, ни вида, ни размера?

Плоть: Да слыши, господыни моя, вещи сея дивное. Тогда не ищи естественаго послѣдования чинъ, но выше естества вся и мъчтайся и разумѣвай. В сем бо житии суть сия вся, в будущем же ничто же от сих будет тамо. Но промыслом божиимъ и хотѣньем его знаменье убо дасться, и познаваеть вся едина каяждо совлече ея тѣло, яко же овьца познавает своя агница и младенци доими своим материмъ не от иного чего, ни же от видѣния, но обоняньа точью от единого познавают. Много убо сличная въ агньцѣх бывают, и множайша и ты суща. Видѣх азъ многажды всхожаше и низъхожаше многажды множицею мати, въ агньцехъ свое агня ищющи, и к ней прихожаху много от агнець, никое же не прият, ни накорми ни едино, обонявающи вся, мимоходящи вся, дондеже обрящеть сама свое ея агня. Подобно сему познанье душамъ и тѣлом, еже тогда и будет. Промыслом Христа моего будущее датися от него знамение. Азъ убо не то знаю, — онъ точью един вѣсть. *Умнѣ* сущи души, умно же и оно, безътелесна же сущи, безътелесно и се, не чювьствено, не вещно, якова суть яже сдѣ. Подобнѣ убо и сродници, и друзи к другом, невѣжде же познают другъ друга тогда, яко ти притча показа, господыне. Да не мнить же никако никто же, яко еда нѣсть комуждо познание комуждо тогда на страшном сборѣ оном, душе моя: ей, кождо познает тамо искреняго си,— не образом телесным, ни же от знамени, но оком душевнымъ презрительнымъ.

Душа: Да откуду се вѣдомо? Впрашаю тя, о рабыне, еже представити свѣдѣтеля о словеси сем. Тебѣ бо яко рабынѣ не вѣрую и сумнюся о нихъ же глаголеши.

Плоть: Слыши убо, госпоже моя, въ-первых, Христа моего, явственѣ учаща въ Благовѣстованиих, яко позна богаты Лазаря оного в надрех Аврамовых сѣдяща посреди, тако же и Аврама, великаго патриарха; и пакы же другоици рѣче къ июдѣом, яко: «Аврама узрите, и Исака тогда, и Якова, и вся пророкы такоже в царствии Божии, вас же вънѣ его изганяемъ далече». *И* да нѣ кто непщюет и рчеть, яко притчею рѣчена бысть убо вещь и разум неприятенъ быти о сих, божественыя бо притча Спасовы, любимая, суть образи истиннии вещем настоящим, възможным, непрелестным и показаным.

Душа: Вѣрнѣйши и добрѣйши свѣдѣтел сея есть. Имаши ли к сему и иного кого, соглашающа и подобная вѣщающа о глаголаныхъ?

Плоть: Имам, господыне моя, многы, но не могу всѣх нынѣ приносити реченья, лѣню бо ся сия писати. Обаче 3, и 4, и 5 представля ти и глаголание коегождо сдѣ напишю.

Иоанъ Златы языком сице глаголеть: «Не токмо бо яже здѣ знаемыя познаем, но и их же никогда же видѣхом в лице:

Плоть: Послушай, госпожа моя, об этом странном деле. Тогда не ищи обычного порядка естественного соответствия, но выше естества все вообрази и представь. В этой ведь жизни все такое, какого в будущем ничего не будет. Но промыслом божиим и желанием его знамение будет дано, и опознают все до одной души свои тела, с них совлеченные,— как овца узнает своих ягнят, и сосунки-детеныши своих матерей не по виду и не по иному чему-нибудь, но обонянием только одним опознают их. А ведь много схожих ягнят бывает, и множество их существует. Видел я многократно, как мать взбиралась и спускалась многое множество раз, своего ягненка среди ягнят разыскивая, и к ней подходили многие из ягнят,— но она никого не подпускала и не кормила ни одного, всех обнюхивая, проходя мимо всех, пока сама не найдет своего собственного ягненка. Подобно этому произойдет опознание душами своих тел, которое будет тогда. Промыслом Христа моего в будущем будет дано от него знамение. Я же его не знаю,— он один только знает. Поскольку душа умственна, умственным будет и то; поскольку ж она бестелесна, и оно бестелесно, не чувственно, не материально, каково все сущее здесь. Подобным ведь образом и родные, и друзья своих друзей, и незнакомые друг друга узнают тогда, как притча тебе, госпожа, показала. И пусть никто не думает вовсе, что не все и не всех узнают тогда на страшном этом соборе, душа моя; да, каждый узнает там близкого своего,— не по телесным образу и признакам, но оком душевным проницательным.

Душа: Да откуда это известно? Прошу тебя, рабыня, представить свидетеля в подтверждение этих слов. Ибо я тебе как рабыне не верю и сомневаюсь в том, о чем ты говоришь.

Плоть: Послушай же, госпожа моя, во-первых, Христа моего, ясно учащего в Евангелиях, что узнал богатый Лазаря оного на ложе Авраамовом сидящего, также и Авраама, великого патриарха; а кроме того, в другом месте он сказал иудеям: Авраама увидите, и Исаака тогда, и Иакова, и всех пророков также в царствии божием, себя же — изгнанными далеко вне его. И пусть никто не думает и не говорит, что это только притча и что смысл ее нельзя понимать буквально, ибо божественные притчи Спасовы, любимая, заключают истинные образы вещей настоящих, возможных, необманчивых и явных.

Душа: Это — наивернейший и наилучший свидетель. Есть ли и иной кто-нибудь, с ним согласный и то же говорящий об этом?

Плоть: Есть, госпожа моя, многие, но не могу всех их теперь приводить изречения, ибо ленюсь их все писать. Однако три, и четыре, и пять могу представить тебе и высказывание каждого здесь напишу.

Иоанн Златоуст так говорит: «Не только ведь здесь знакомых нам мы узнаем, но и тех, кого никогда не видели в лицо:

Аврама, Исака, и Якова, и вся праотца, отца же и дѣдъ и прадѣдъ, пророкы, и апостолы же, и мученикы». Душе моя, сих видѣвши, познаеши всѣх абие на торжищи оном велицѣм. И пакы к сим подобна Василие Великый, бесѣдуя к лихоимцем, рѣче сице: «Не приимеши ли пред очима своима Христово судище, внегда тя обидут, представше внезапу, и ближни, и дални, и мали же, и велиции, обидѣнии тобою, взопьють на тя. Ямо же бо аще възведеши око тогда, узриши убо явѣ озлобленых образы: отосюду убо сирия, отонуду же убо вдовыя, на иномъ же нищая, их же обидѣлъ еси всѣх,— сусѣды же вся, яже прогнѣвалъ еси здѣ». Но убо и Григорие Богословный пишет: «Тогда, рече, Кесария узрю свѣтлоносна, яковъ же ми во снѣ явился еси, брате любезнѣйши». Ефрѣмъ же блаженый сице учит, глаголя: «Тогда,— рече,— своя родителя осудять чада своя имъ, увы, осуженья, яко дѣла благая нынѣ не сдѣявшю. И знаемых видят в час онъ. И внегда от них узрят нѣкыя, увы мнѣ, в десных частех причтеных бывша, тогда рыдают убо разлученья и расъпряженья сих». Афанасий Великый чюдный, церковьное основанье и поборьник ея, и се: «Богъ,— рече,— праведником всѣм даровалъ есть познанье общаго и сборнаго, душе моя, вскресенья, еже быти другъ с другом, веселитися и радоватися в вѣки вѣком. Лишени же суть грѣшници утѣшения сего: не имуть познания еже друг с другомъ тогда... Яко же дѣяния вся откровена суть, сице,— рече,— и лица всѣмъ знаема бывают, дондеже всѣх послѣднее разлученье конець приимет и кождо посланъ будет въ свое ему мѣсто: праведьници с богомъ, тако же и друг с другом, грѣшници же паки в далних мѣстѣхъ. Аще бо и друг с другом будет, но обаче незнаемѣ. Яко же бо предречеся, лишени будут и сего утѣшенья, рекше и благодѣти, таковыя. Аще бо не явѣ будут,— рече,— всѣмъ тогда студъ, которы будет повинным всѣмъ. Тогда бо,— рече,—лютъ есть срам и великъ, внегда кто познавает и познаваем бывает. Всякъ бо стыдяйся знаемых стыдиться, невѣдомых же никако, сущю ему невѣдому. Страм же не бывает никако незазорному». Се убо не невѣрно и не отречено есть, яко явѣ вси другъ друга познаваемъ. Приял ли ми свѣдѣтеля, о них же рѣх всяко, или еще паки, яко же и мнѣ, не вѣрова и симъ?

Душа: Ни, служителнице, ни. Не к тому сомняся, яко зѣло ми благоразумнѣ недоумѣнье се сказала и разрѣшила еси. И благодарствую тя: вѣрнѣйше и извѣстно и истинно есть свѣдѣтельство многих,— от Христа навыкнуя. Нынѣ же имам желанье научитися и сему.

Авраама, Исаака, Иакова и всех праотцев, отцов, и дедов, и прадедов, пророков, апостолов и мучеников». Душа моя, увидев их, узнаешь ты всех их тотчас же на торжище том великом. Также и Василий Великий, обращаясь к лихоимцам, сказал подобное этому: «Не представишь ли пред глазами своими Христово судище, когда тебя окружат, представ внезапно, и близкие, и далекие, и малые, и великие, обиженные тобою, и будут громко тебя обвинять. Куда только не возведешь глаза ты тогда, увидишь лишь озлобленные лица: с одной стороны — сирые, с иной — вдовые, с другой — нищие, которых ты всех обидел, соседей всех, которых ты здесь прогневил». Также и Григорий Богослов пишет: «Тогда,— говорит,— Кесаря я увижу светоносного, который мне во сне явился, брат любезнейший». Ефрем же блаженный учит, так говоря: «Тогда,— говорит,— своих родителей осудят дети их собственные за то, что дел благих они ныне не сделали. И знакомых увидят в тот час. И когда увидят некоторых из них, увы мне, к правым причисленными, тогда возрыдают они по причине разлуки и расставания с ними». Афанасий Великий, чудный, основание и поборник церкви, и он сказал: «Бог праведникам всем даровал возможность познания при общем и соборном, душа моя, воскресении, быть друг с другом, веселиться и радоваться во веки веков. Лишены же грешники утешения этого: не смогут они узнать друг друга тогда — *с того момента, как произойдет разлучение их с праведными.* Как дела все открыты тогда, так,— сказал,— и лица всех узнаваемы будут, пока окончательно разлучение всех не свершится и каждый не будет послан в свое место: праведники — с богом и друг с другом, грешники же — в дальние места. Хоть друг и окажется с другом, не узнает один другого. Как уже сказано, будут они лишены и этого утешения, или же и такой благодати. Ведь в противном случае явно всем будет,— сказал он,— то стыдное, в чем они все виноваты. Ибо тогда,— он сказал,— будет лютый и великий стыд, когда кто-нибудь узнает кого-нибудь или узнан окажется. Всякий ведь стыдящийся знакомых стыдится, а тех, кого не знает,— нисколько,— ведь и его не знают. От незазорного же не бывает никакого срама». И это верно и потому бесспорно, что ясно мы все друг друга узнаем. Приняла ли ты моих свидетелей, о которых я говорила, или по-прежнему, как и мне, не веришь и им?

Душа: Нет, служительница, нет. Больше я не сомневаюсь, потому что весьма благоразумно ты объяснила и недоумение мое разрешила. И я благодарю тебя: более верно, надежно и истинно свидетельство многих, как я от Христа узнала. Теперь же я имею желание уразуметь вот что.

Предрече бо ми ваше в словѣ, рабыне, яко убо измѣнятся на вскресенье небо же и земля в созданье божественѣйше, тако же и телеса человекомъ всѣм — в нетлѣнье и та измѣнятся тогда. Убо и азъ ли, служителнице, измѣнюся тогда, или паки бу̑ду та же, яко же есмь нынѣ, тричастное неразлучно имущи тогда: помысленое, желательное и яростное же? Убо и тогда ли в самом тождьстоит пребуду, тричастна с тобою буду в вѣкы? И паки которое же дѣйствуют своя, желанье же глаголю и ярость? Тако же во мнѣ зрима суть, окаянно ми и страстно восъкресенье будет, яко паки страстна, и сквернава, и паки нечиста буду сих ради. Аще ли не будут со мною двѣ части сия, цѣла како буду, отъята бывъши сих? Еже бо всяко скудно есть, цѣло како и будет? И аще надво раздѣлюся, не азъ есмь вся, но нѣкаа и несвершена, и скудна, яко же вѣси. Но убо како несѣкомое сѣкомо покажеться. На части же и рассѣченье раздѣляемо тогда? Аще бо, яко же предрекла еси, весь миръ мене ради создася и бысть видимый сей, аще бо в лучшее то премѣниться зданье и естество добрѣйшее и божественѣйшее воистину, свѣтей, краснейше и въобразитися тогда Зижителя и Здѣтеля свѣтомъ и волею, прочее, азъ, рабыне, обидима зѣло, аще и тогда буду якова же есмь и нынѣ, и възращение не прииму, и почтена буду болше, яко же и ты, рабыне, прославишися, яко же рекла еси. Тля бо и мертвости будеши тогда тужда, и нетлѣнна, присноживущи и бесъмертна будешь. Аще убо плоть, рабыне моя, паче естества почтет создатель, яко же обѣщася, богъ и владыка, владычицю же самую бещестну оставит, долѣ горняя будут, яко же и горняя долняя. Назданѣ бо бывши той назданьем и странным, не подобаеть владычици мнѣ тако презрѣнѣ быти, но воистину чюдным изъмѣненьем и странным измѣнитися и мнѣ хотѣньемь владычним яко царици всего здѣшняго мира сущи,— премѣнитися и самой, яко всѣх вышши. И понеже хощет обновити безъдушьныя стихия и нечювьственая же, и служителная мнѣ, рабыне, мене паче яко словесну и чювствену достояше. Рци к сим, рабыне моя, и что ми подобает надѣятися?

П л о т ь: Госпоже моя и владычице, в глубину разумѣний и пучину непроходную въвергла мя еси нынѣ. Неудобьдостижно, неудобьразумно взысканье твое есть. И недоумѣю и боюся неудобьно, все суще недовѣдя, стыдящеся, готовападежна явитися. Иного нѣкоего впроси от разумных се, мене же прости, яко невѣжю всяко.

Д у ш а: И иного убо не хощю се увѣдѣти, рабыне. Тебе бо сущи близь, далече ити не подобает, и впрашати безнадежнѣ,

Ты раньше в своей речи сказала мне, рабыня, что при воскресении небо и земля примут более божественный вид, тоже и тела всех людей — и те в нетленные переменятся. А я, служительница, изменюсь тогда, или буду такой же, какой являюсь ныне, три свои части сохранив неразлучными: способности к мысли, влечению и ярости? Буду ли я и тогда тождественной себе? Тричастной с тобой вовеки пребуду? И каждая часть опять будет делать свое дело,— я имею в виду влечение и ярость? Если такими же они останутся во мне, тяжелым и мучительным для меня воскресение будет, потому что вновь подверженной страстям, и скверной, и вновь нечистой буду я из-за них. Если же не будет со мной двух этих частей, невредимой как я останусь, будучи их лишена? Ибо то, что как-то оскудеет, может ли быть невредимым? И если я разделюсь надвое, то не буду цельной, но буду в чем-то несовершенной и оскудевшей, сама понимаешь. Да и как неделимое окажется делимым, на различные части будучи тогда разделяемо? Ведь если, как ты прежде сказала, весь мир этот видимый ради меня был создан и появился, и если он в лучшее переменится создание и преобразится тогда в естество воистину прекраснейшее и божественнейшее, более светлое, более красивое, Зиждителя и Создателя желанием и волей, то, значит, я, рабыня, окажусь весьма обойденной, если и тогда останусь такой, какова сейчас, и приращения не получу и не почтена буду, как и ты, рабыня, когда ты прославишься, как ты сказала. Ибо тления и смертности будешь ты тогда чуждой, нетленной, вечно живущей и бессмертною станешь. Если плоть, рабыня моя, сверхъестественно создатель почтит, как он обещал, бог и владыка, владычицу же саму в бесчестии оставит, внизу окажется вышнее, дольнее же вверху. Созданной таким необычайным образом, не подобает мне, владычице, в таком презрении пребывать, но надлежит воистину чудным и странным изменением перемениться и мне по желанию владыки как царице всего здешнего мира,— перемениться и мне самой, как всех вышней. Ведь поскольку он собирается обновить бездушные стихии и бесчувственные и мне, рабыня, служащие, подобало бы обновить и меня — и как словесную, и как чувственную. Ответь мне на это, рабыня моя: на что мне подобает надеяться?

Плоть: Госпожа моя и владычица, в глубину раздумий и пучину непроходимую ввергла меня ты теперь. Трудно для постижения, трудно для уразумения то, что ты спрашиваешь. Я недоумеваю и боюсь, смущенная, не обо всем на свете зная, к стыду своему, оказаться близкой к падению. Другого кого-нибудь это спроси из разумных, меня же прости, так как я вовсе не знаю.

Душа: От другого я не хочу это узнать, рабыня. Раз ты поблизости, далеко идти мне не подобает, а спрашивать безнадежно,

и трудитися всуе. Прочее, начьни, рабыни моя, покажи, яже вѣси. Аще ли непокоритися мнѣ хощеши, не надѣйся ясти, ни снѣдь бо или питие оставлю тя пряти, нъ ни же песъ изѣлъ есть, яко же мниши, жезла.

Плоть: Да слыши, госпоже моя, сде мало и вонми. И видѣ и преже рѣх тебѣ, и нынѣ паки глаголю.

Миръ убо видимый, и мысленый тако же, и явлена сия, елика якова суть, зиждитель и сдѣтель тебе ради привелъ есть. И паки тогда тебе ради обновит всячская к благоугожению твоему и чести же и славѣ в веселие и радость и красное наслаженье. Обновлеши бо ся и азъ, твоя похвала будет, честь бо и слава моя тебѣ будет тогда, яко же и безчестье мое тебѣ и нынѣ есть.

От сих же всѣх ни одино же требует богъ сущих сдѣ, ни солнечное сиянье, ни небесную доброту, ни земное благолѣпие и приношение всяко: нескуден бо всѣх сый, сих никако же требует. Тебѣ бо дарована быша та нынѣ и в будущий. Прочее, елма яже о тебѣ сице прославит тогда, кольми паче тебѣ, душе, иже и владычицю сим. Желания и ярости, спитателникъ твои, глаголю, съотъемлет абье вся искорене яко же от них ражаемыя прозябающая страсти. Аще страсти всяко глаголати подобает, или ни, господыни, и именовати та, еже нѣсть сице, егда добрѣ направляет помыслъ сия. Требование сих добро есть, добродѣтель глаголемъ быти, недоброе же паки — злобу створяти. Тогда наглость, ни гнѣвъ, ни ярость приидет ти, но ни же вражда будеть в тобѣ, ни памятозлобие, ни боязнь же, ни страх; ни потреба тогда мужьству; ревность и зависть престанеть от тебе, госпоже; похоть бесловесная и сласть такоже. Матерь же всѣм сим — предреченѣи две. Но ни же мнѣние в тебѣ, ни же тщеславие; но ни же вѣра; надежда съотидеть ти, другине; тако же память престанет, не требуеши бо ея. Пять сия отроди помыслу суть, а не яростному, ни желателному. Сия бо вся отходят, яко же рѣх, от тебе. Желателно послѣднее отнели же кто постигнет, не требует ни единого же от предреченых отнуд, ветхаго бо человѣка совлекшеся всего, с ним совлечеши его студы тогда и скверны и къ животу бесстрастьному паки встечеши. Любовь едина будет тобѣ тогда и ни что же ино, от их же имам вкупѣ или особь нынѣ. Ни бо сия являються тобѣ существена, не сут бо словеснаго естества сия, ни и убо, бесловеснаго же паче свойствена видяться. Ибо лстиваго зря врага и яраго и брань, ю же на тя, ущедривъ зижитель и въоружи и облече къ отмщенью его обѣма сима, владычице, де некако, нагу обрѣт тя,

и стараться напрасно. Так что начни, рабыня моя, покажи, что знаешь. Если же покориться мне не хочешь, не надейся есть, ибо ни пищи, ни питья не позволю тебе принять; и, как ты знаешь, дубинку не съела собака.

Плоть: Послушай теперь немного, госпожа моя, и пойми. Я ведь и прежде тебе говорила и сейчас опять говорю следующее.

Мир, как видимый, так и мысленный, и явления все, сколько их и какие только ни есть, творец и создатель тебя ради привел в бытие. И опять же, тогда ради тебя обновит он все — для благоугождения тебе, для чести и славы, для веселия, радости и для прекрасного наслаждения. Мое обновление станет твоей похвалой, ибо мои честь и слава твоими будут тогда, как и бесчестье мое твоим является ныне.

Ведь в том, что здесь, ни в чем не нуждается бог,— ни в солнечном сиянии, ни в небесной красоте, ни в земном благолепии и приношении всяческом: изобилуя всем, он этого вовсе не требует. Тебе ведь дарованы они в настоящем и в будущем. Так что, если то, что существует ради тебя, так он прославит тогда, куда больше — тебя, душа, прославит, владычицу того. Вместе с влечением и яростью, твоими, так сказать, совоспитанниками, он вырвет с корнем и от них рождающиеся и возрастающие страсти. Если только можно вообще, госпожа, называть страстью то, что не является таковым, когда им хорошо управляет разум. Добрый плод таковых мы зовем добродетелью, недобрый творит зло. Тогда ни раздражение, ни гнев, ни ярость не придут к тебе, ни враждебности не будет в тебе, ни злопамятства, ни боязни, ни страха; не потребно тогда мужество; ревность и зависть прекратятся в тебе, госпожа; похоть бессловесная и сластолюбие также. Матери же всего этого — вышеназванные две. И ни самодовольства не будет в тебе, ни тщеславия, но не будет и веры; надежда тоже отойдет от тебя, подруга; также и память действовать перестанет, ибо не будет потребности в ней. Эти пять дети разумности суть, а не ярости и не вожделения. Ведь это все покидает, как я сказала, тебя. С той поры и предела желаний достигнув, никто не будет нуждаться ни в чем из вышеназванного совершенно, потому что ветхого человека совлекши полностью, с ним ты совлечешь и его постыдные дела и скверны и к жизни бесстрастной вновь возвратишься. Одна любовь будет у тебя тогда и ничего другого, из того, чем теперь мы совместно владеем или порознь. Ведь то не является для тебя существенным, так как не принадлежит оно к разумной природе, нет ведь, бессловесной скорее свойством видится. Ибо коварного и яростного врага нападение на тебя увидав, расщедрился творец и вооружил тебя и снарядил для отпора ему теми двумя, владычица,— чтобы не застал он нагою тебя,

язвит же и ранить тя елижды аще хощет. Брани же, госпоже моя, тамо яко не сущи, но смѣрению тверду, кая потреба оружию? Врази бо твои погибоша со всѣмъ воинствомъ крѣпцѣ. Здѣ бо есть все: и борбы и побѣды,— тамо же сихъ престанет держава и помощь. Их же бо съде боишися посмѣешися тогда, въ огнь геоньскый видяще ввержены. Ты же имѣти хощеши тогда несмѣсное и особное все: словесное, госпоже моя, и помысленое же,— боговидно и зрително и богоподобно. Тогда еже по образу чисто первое, яко же и первѣе, яково же исперва прияла еси и пакы въсприимеши божественое вдуновение, аще что се разумѣется. Благороднѣйши бо ты и славнѣйши пакы паче всѣх воиньствъ, глаголя, явишися тогда. О душе, дивно еже слышати, страшнѣйше и преславно еже видѣтися паче: еже по образу его бывше, господыне, имать к первообразному по всему всяко сего ради подобие началообразнаго все: умное убо — умнаго и бестелесное пакы бесмертно, вселюбезно, по всему подобно, яко премѣнено доблества всякого оно и всего убѣгая убо растоятелнаго; сего ради по измѣрению — подобнѣ, яко же и оно, по естѣственому же подобью убо ино что от оного,— глаголю же началодобраго,— разумѣваемъ по Писанию и сущьство, и естьство. Не к тому есть образъ, аще во всѣхъ будеть то же оно, владычице. Но в них же видится в несозданнѣмь естьствѣ оно, добрѣиша мнѣ, в тѣх же убо и создано естьство показуеть се. И аще се истинно, яко же се истинно есть, убо да что бы хотѣла болшее сея славы, или ино что бы хотѣла лучшее сего быти?

Разумѣ ли нынѣ, владычице, добрѣ глаголанная? Вѣрова ли и приятъ яко истинна сия, или яко ложна являють ти ся вся глаголанная и бляди сия тебѣ мнятся? Азъ убо не мня. Рци к симъ, владычице, и како вмьниша ти ся.

Душа: Ни, рабыне моя, ни, но сладцѣ и усредно, радостно и весело же и любезнѣ сия и прияхъ и прииму глаголанная вся, обрадованнѣ, яко недоумѣние мое раздрѣшися! Служителнице, невѣруяй велѣнию сему отнуд христианинъ нѣсть, ни же православен тъ, ни части имать никако же съ Христомь моимъ имать и царствия его не прииметь тогда, но есть весь невѣренъ и от садукей горѣй. Аз же благодатью божиею вѣрую сия тако и суща и быти хотяща, яко же научи мя. Не невѣрую словесѣмъ твоимъ, не буди ми се. Обаче о семь и еще молюся тебѣ, яко да принесеши ми Писание, да слышю и то. И аще принесеть и то повелѣние согласно тобѣ, тогда паче будеть извѣстнѣйше се, неколѣблемо, недвижимо и добрѣ утвержено. Но убо глаголы Писания да не размѣниши отнудь и на стихы речеши ми тѣхъ силу, но убо тако, яко же суть, сице ми скажи сихъ.

и не уязвил тебя, и не поранил, как только захочет. Поскольку же, госпожа моя, там брани нет, но мир твердый, какая потребность в оружии? Враги ведь твои со всем воинством погибнут окончательно. Здесь ведь все это: и борьба, и победа,— там же прекратятся их власть и мощь. Над теми, кого здесь боишься, ты посмеешься тогда, в огнь геенский видя их вверженными. У тебя же будет тогда беспримесное и особое все — и разум, госпожа моя, и мышление,— боговидным, проницательным и богоподобным, по образу божию, как в самом начале, когда ты получила божие вдуновение. И вновь ты воспримешь его, что бы под ним ни разумелось. Благороднее, а также славнее всех ангельских воинств, говорю, явишься ты тогда. О душа, дивно и слышать это, и более страшно и странно видеть: ведь то, что создано по чьему-то образу, госпожа, непременно бывает во всем прототипу подобно: разумностью — как разумному, а бестелесному — бессмертностью, вселюбезная, по всему подобно, как лишенное всякой плотности и всей пространственности; поэтому мерою оно — как и то, по природным же свойствам оно представляет собой нечто отличное от того,— я говорю об архетипе,— имею в виду по форме, по природе и по существу. Это уже не образ, если во всем будет таким же, владычица, как и тот. Но что в несозданном естестве видится, добрейшая моя, то же и в созном естестве обнаруживается. И если это истинно, а это и есть истинно, что хотела бы ты большее этой славы? Или иного чего-нибудь захотела бы ты как лучшего, чем это?

Хорошо ли теперь, владычица, поняла ты сказанное? Поверила ли и восприняла ли ты как истинное это, или ложным кажется все, что я говорила, и вздором тебе представляется? Я ведь не знаю. Скажи, владычица, как ты это уразумела?

Душа: Нет, рабыня моя, нет, сладостно и с охотой, радостно и весело, с удовольствием восприняла и восприму все сказанное, радуясь, что недоумение мое разрешилось! Служительница, неверующий учению этому вовсе не христианин, и не православен таковой, и общего ничего с Христом моим не имеет, и царствия его не наследует, но весь он неверен и саддукеев хуже. Я же по благодати божией верую, что это так и есть, и будет, как ты научила меня. Не сомневаюсь в словах твоих, да не будет со мною этого. Однако еще об одном молю тебя,— приведи мне свидетельство Писания об этом, чтобы мне и его услышать. И если окажется, что и то учит согласно с тобой, тогда все это будет более ясным, непоколебимым, надежным и крепко утвержденным. Но слов Писания ты не изменяй совершенно и не в стихах передавай мне их смысл, но именно такими, каковы они суть, мне их и прочти.

Плоть: Слыши убо, госпоже моя зде, прочее, и вонми. Мужъ мудръ, и святъ, и благороден сугубо иного нѣкоего премудра еже о Христѣ премудростию впрашаше сице, их же ты ищеши, тричастное души како есть, увидѣти хотя. И нынѣ вонми разумно того впрошение сдѣ.

ГРИГОРИЯ НИСЬСКАГО ВОПРОС ОТ МАКРИИНИХ

Умно глаголють быти сущьство душа и телесну сушу ссуду животную силу къ чювьственѣй силѣ въдваряти. Не бо точью о художьственѣй же и зрителнѣй мысли и дѣйства есть наша душа, въ умнѣмь сущьствѣ таковое дѣлающи, ни же чювьства едина къ еже по естьству дѣйству устраяеть, но много убо еже по желанию, много же еже по ярости движение видимо есть въ естьствѣ. Коемуждо сихъ обоих роднѣ в насъ сущу, на многа же и различна разньства видимъ происходящее дѣйствы обоихъ движенье. Многа убо есть видѣти, ими же дѣлателное обладаеть, многажды от яростьныя вины прозябають. И никое же сихъ тѣло есть; бестелесное же умно всяко; умную же нѣкую вещь душю уставъ нарече. Яко убо двѣма безмѣстныма другое от послѣдования възникнути слову: или ярость и желание ины в насъ быти душа и множьство душь вмѣсто едины видѣтися, или ни же смысленое еже в насъ душа мнѣти, умное бо равно всѣмъ приуподобляемо. Или вся сия душа покажеть, или котороеждо сихъ от равнаго собьства души изметь.

ОТВѢТ МАКРИНИН

Многымъ убо инѣмъ ищющимъ словесе по ряду сам поискалъ еси, яко: что убо подобаеть непщевати быти желателное же и яростное — или ссущьствена души и от перва абие устроения с нею суща, или что ино у нея быти и послѣ же намъ прибывъша. Еже бо зрѣтися въ души симъ, от всѣхъ равнѣ исповѣдуеть; а еже что подобаеть от тѣхъ мнѣти, не у опаснѣ обрѣло есть слово яко извѣстно еже о сихъ имѣти мнѣние. Но и еще мнози различными еже о сихъ славами съмнятся. Мы же, оставлеше внѣшнее любомудрьство, различно сущее, свѣдѣтеля божественое и боговдохновеное. Писание сътворимъ, еже ничто же изряднѣе душа быти възаконѣвати, еже в ней божественаго естьства свойствено. Яко подобие божие душа быти, сице все, еже *чюжее* быти есть бога, кромѣ быти устава душевнаго отрече. Ни бо в размѣненыхъ спасеться подобное. Тѣм же елма таково ничто же съ божественнымъ видится естьствомь,

Плоть: Тогда послушай, госпожа моя, теперь и понимай. Некий мудрый, святой и сугубо благородный муж иного некоего премудрого Христовой премудростью человека спрашивал именно то, чем ты интересуешься, трехчастность души в чем состоит, желая узнать. А теперь внимательно выслушай этот его вопрос.

ГРИГОРИЯ НИССКОГО ВОПРОС К МАКРИНЕ

Умным называют существо души и говорят, что к чувственным свойствам телесного организма оно добавляет жизненную силу. Ибо наша душа действует не только в сфере познавательной и теоретической мысли, осуществляя таковую деятельность умственной частью своего существа; и органы чувств не сами по себе прилежат свойственной им по природе деятельности; но ведь, как можно заметить, многое в нашей природе движимо влечением, а многое и яростью. Поскольку и то и другое нам родственно, мы видим во многих различных видах движение, совершаемое энергиями обоих родов. Ведь многое можно опознать, чем вожделение управляет, и многое также, что от порыва ярости произрастает. И ничто из этого не является телом; бестелесное же обязательно принадлежит к сфере ума. Умственной некоей вещью определение называет и душу. Следуя логике речи, приходим, таким образом, к одной из двух нелепиц: либо влечение и ярость составляют в нас иные души, и тогда различаем множество душ вместо одной, либо и присущий нам смысл нельзя считать душой, ибо к умственному относится равным образом все. Либо все это — души, либо все эти свойства нельзя считать равным образом присущими душе.

ОТВЕТ МАКРИНЫ

Пришел и твой черед задать этот интересующий многих вопрос: чем надлежит считать влечение и ярость — чем-то присущим душе и с момента первого ее устроения с ней пребывающим или посторонним для нее и позже у нас появившимся. Все равно полагают, что они свойственны душе, но я еще не нашла убедительного ответа, позволяющего составить твердое мнение о том, чем они являются. И до сих пор многие расходятся в своих о них предположениях. Но мы, оставив пеструю внешнюю философию, сделаем свидетелем божественное и боговдохновенное Писание, которое учит, что ничто нельзя считать свойством души, что не свойственно божественной природе. Поскольку душа является подобием божиим, все чуждое богу оказывается за границей души. Ведь в изменившемся не сохранилось бы подобия. А поскольку ничто такого рода не может считаться свойственным божественной природе,

ни же души ссущна быти сия по слову убо кто помыслит. Что убо есть, иже глаголемъ? Словесное се животное, человѣкъ, ума же, художьства приятно быти и от внѣшнихъ слова, еже на насъ свѣдѣтельствовася. Не убо сице уставу естьство наше написующю, аще зрѣлъ бы ярости и желание и яже от нихъ прозябающая ссущьствена естѣству, ни бо о иномъ нѣкотором уставъ кто отдасть подлежащимъ, общее вмѣсто особнаго глаголю. Елма убо желателное же и яростное по равности и в бесловеснѣм же и словеснѣмь естьстве видится. Никто же благословнѣ от общаго въображаеть особное. А еже и къ естьственому написанию лихо есть и отвержено, како мощно есть *яко часть* естьства на взбранение устава крѣпость имѣти? Всякъ бо уставъ сущьства къ особному подлежащаго зрить, яко аще внѣ особящагося будеть, яко чюже призираеться уставу. Но убо еже по ярости и желании дѣйство общее, всего быти бесловеснаго исповѣдуется естьства. Все же общее не то же есть со особнымъ. Нужда убо сихъ ради есть не в сих быти та помышляти, в них же по изрядному человѣческое въображаеться естьство. Но яко же ощютителное, и напитателное, и растителное в насъ кто видѣвъ, не възвращаеть ради сихъ отъдаанаго от души устава. Не бо понеже се есть въ души нѣсть онъ. Сице и яже от ярости и желани поразумѣвъ естьства нашего движения не к тому благословнѣ со уставомь свариться, яко скудно показавшю естьству. Явѣ убо яко отвнѣуду видимыхъ суть сия, страсти естьственыя сущая, а не сущьствомь обое. Еже есть ярость же, възрѣние окрестъ сердечныя крови мнозѣ быти мнится; индѣ же — желание же въозопечалити преже наченшаго, яко же мы непщуемъ или ярость есть устремление озлобити раздражившаго. Их же ничто же еже о душе уставу случается. И аще желание о себѣ уставимъ, похотѣние речемъ потребнаго, или любовь сладостных наслажения, или печаль о еже не въ области сущему в помыслѣ, или нѣкое къ сладкому любление, ему же настоить вприятие. Сия убо вся и таковая желание убо и показують, уставу же душевному не прикасаются, но елика ина о души зрятся, яже от спротивныхъ другъ къ другу видимая, рекше страхование и дерзость, болѣзнь и небрежение, и елика таковая, их же коеждо сроднѣи убо имѣти мнится к желателному или яростному, особящему же ся уставу свое написуеть естьство, яже вся о души суть, душа не суть, но яко же мравия нѣкыя от помысленыя части души прозябающе;

постольку нельзя считать это и соприсущим душе. Что означают наши слова? Человек — это словесное животное и людьми внешними по отношению к нашему Слову определяется как существо, восприимчивое к уму и науке. Если бы определение не так описывало нашу природу, если бы оно рассматривало ярость и влечение и то, что из них произрастает, как соприсущее ей, то не иначе как такое определение отдало бы предпочтение общему вместо частного. Ведь влечение и ярость равным образом свойственны природе и бессловесных и словесных существ. А никто в здравом разуме не определяет по общему частное. А что не годится и отбрасывается при определении природы, как может, будучи ее частью, служить помехой для определения? Ведь всякое определение указывает на особенность подлежащего определению существа, и если оно упустит особенное, рассматривается как чуждое определению. Но ведь связанная с влечением и яростью деятельность признается общей для всей бессловесной природы. Все же общее не совпадает с особенным. Поэтому следует думать, что они не принадлежат к тому, что способно служить для определения особенности человеческой природы. Подобным образом, видя у нас способность чувствовать, необходимость питаться, возможность роста, из-за них не отменяют данное душе определение. Ведь дело не меняется оттого, что все это не принадлежит душе. Подобным образом неразумно и указывая на связанные с влечением и яростью движения нашей природы, отвергать определение как якобы ограниченно ее раскрывающее. Ясно ведь, что те находятся за пределами рассмотрения, будучи свойственными природе страстями, а не ее существом. Что же касается того, что представляет собой ярость, то многим она представляется кипением околосердечной крови, другому — стремлением доставить ответную неприятность напавшему первым, мы же предполагаем, что это — побуждение причинить зло раздражающему. А из этого ничего к определению души не относится. И если мы станем давать определение влечению самому по себе, то назовем его или тягой к недостающему, или стремлением к чувственному наслаждению, или печалью по причине необладания желанным, или своего рода предчувствием сладости, каковую предстоит вкусить. Все это и тому подобное показывает, чем является влечение, определения же души не касается, но представляется чем-то посторонним душе и противоположным друг другу, как-то: страх и отвага, печаль и *радость,* и тому подобное,— все это родственно влечению и ярости и подмешивает к отличительной особенности души свою природу, и все это около души находится, душою же не является, но как некие муравьи из помыслительной части души вырастает;

яже части убо быти, заеже с нею быти мняться, а не оно быти, иже есть душа по сущьству.

Глаголем бо души видѣтелную же и судителную и сущихъ назирателную силу своя быти по естьству ей, боговидныя благодѣти сих ради в себѣ навершати образъ. Елма и божественое еже что по естьству есть в сих быти помыслъ сматряеть, внегда назирати всячьская и расъсужати доброе от горшаго. Елика же души в предѣлѣ лежат, к коемуждо от спротивных приклонно по своему естьству, их же сущьственая потреба, или на доброе, или не спротивное ведет сбытие, рекше ярость, или страх, или аще чьто таково от еже в души движение есть, их же кромѣ нѣсть видѣтися естьству. Сия отвнѣ пребывати вмѣняемъ, заеже в началообразнѣй добротѣ ни единому же такову видѣнию быти начертанию, яже не всяко на зло нѣкое человѣчьскому отдѣлена быша животу. Ибо бы содѣтел злым вину имѣлъ, аще отонуд прегрѣшением быша были нужа вложенъ естьству. Но сущною потребою произволенья или добродѣтели, или злобѣ ссуди таковая души двизания бывають. Яко же желѣзо по свѣту хитреца воображаемо, к коему же аще хощет хитрьствующаго помышление, к сему и въображается — или мечь, или нѣкое земнодѣлное орудие бывает, страху убо послушателное вотваряющю, ярости же мужьственое, боязни же утвержение, желателному же устремленью божественую же и нетлѣнную сладость ходатайствующю. Аще ли отвержеть воженья слово и, яко же нѣкый яздець обьятъ бывъ колесницею, вспят от нея влеком есть, тамо ведом, иде бесловесное устремленье въпраженых несется. Яково жь и в бесловесных есть видѣти, понеже не настоятельствуеть помыслъ естьственѣ в тѣх лежащему движению. Но егда убо к лучшему тѣх движенье будет, похваламъ быти та, яко Данилу желание, и Финеесу ярость, и доброплачющему слеза, рекше печаль. Аще ли к горшему уклонение будет, тогда въ страсти устремления совращается, и бывають, и именуются.

Зрителное же и разсудителное свойствено, есть благовидному души, елма и божественое в сих достижемъ. Аще убо всякую злобу душа чистотьствует, доброму всяко будеть. Добро же своим естьствомъ божественое. К нему же ради чистоты совокупление имѣти имат своему совокупляющюся. Аще убо се будет, не к тому потреба есть еже по пожеланию движения, аще на добро нам владычьствует. Иже бо во *тмѣ* пребыванье имѣяй, то в желание свѣта будеть, желание приимет наслаженье. Область же

и кажется — по причине сопребывания — ей принадлежащим, но это не то же, чем душа является по существу.

Ведь мы говорим, что способность души созерцать, различать и воспринимать сущее свойственна ей по природе и что именно в ней она сохранила в себе боговидный и благодатный образ. Когда же делается умозаключение, что что-то из такового является по природе божественным, то имеется в виду способность, все воспринимая, отличать доброе от худшего. А то, что лежит в пограничной области души, обнаруживает по своей собственной природе склонность к каждому из противоположного и ведет — в зависимости от использования — либо к хорошему или к противоположному результату; таковы ярость и страх или какое-нибудь такое из душевных движений, без каких невозможна природа. Таковые мы считаем извне присоединившимися, потому что в первоначальном совершенстве ни одна из этих черт не различима; и они не все на какое-то зло выпали жребием человеческой жизни. Ибо оказался бы создатель ответственным за зло, если бы с тех пор необходимость греха была вложена в природу. Но таковые движения души оказываются — в соответствии с использованием их по свободному выбору — орудиями либо добродетели, либо зла. Как железо, по мысли мастера формируемое, в зависимости от того, что захочет мастер сделать, тем и становится, обращаясь либо в меч, либо в какое-нибудь земледельческое орудие, так и страх способен быть обращен в послушание, ярость — в мужество, робость в уверенность, порыв же вожделения в божественную и нетленную радость. Если же разум отбросит вожжи и, как некий ездок, зацепленный колесницею, окажется ею влекомым, то туда будет направляем, куда устремится бессмысленное движение упряжки. Что и можно видеть у бессловесных, если не руководствует смысл свойственным их природе движением. Но когда их движение направляемо к лучшему, оно оказывается причиной похвал, как Даниилу — возжелание, Финеесу — ярость, а имеющему причину плакать — слезы и печаль. При уклонении же к худшему устремления обращаются в страсти, и становятся ими, и называются.

Созерцающая же и различающая способности принадлежат богоподобному в душе, поскольку с их помощью мы и божественного достигаем. И если душа очистится от всякого зла, непременно будет принадлежать добру. Добро же по своей природе божественное. И что по причине чистоты имеет с ним соприкосновение, непременно оказывается и с тем соединенным. А когда это происходит, исчезает необходимость направлять к добру порождаемое влечением движение. Ибо стремиться к свету может тот, кто пребывает во тьме, а когда он оказывается на свету, желание его получает удовлетворение. Изобилие

наслажениа праздно и суетно желание сдѣлает, яко ни едино же имущии скуднѣ от еже на благое разумѣваемых, та благыхъ сущи исполнение, ни же по причастию добра нѣкоего в добрѣм бывающи, но сама сущи добраго естьство.

Еже что и быти доброе ум наказует, ни же уповательное движение в себѣ приемлет, к несущему убо упование дѣйствуеть точью. «А еже имать кто, что и уповает?» — рече апостолъ.

Но ни же поминателнаго дѣйства сущих в художьству потребѣ есть, видящее бо ся вспоминатися не требуеть. Понеже убо всякого блага вышши есть божественое естьство, благое же благому любимо всяко, сего ради и, в себѣ видящи, и еже имати хощет, и еже хощет имат, ничто от внѣшних приемлющи в собѣ. Внѣ же ея ничто же, развѣ злоба едина точью, яже — аще и преславно есть рещи — в небытьи бытье имать. Не бо но ино нѣкое есть злобѣ бытье — точью сущаго лишенья. А еже воистину сущее — благо естьство есть. Еже убо в сущемъ нѣсть, вне же не быти всяко есть.

Внегда убо и душа, различная вся отвергши естьственая движения, боговидна будет и, превъзшедши желание, въ оном будет, к нему же от желания подвизашеся, не к тому нѣкое упражнение вдавает в собѣ, ни же упованию, ни же памяти, уповаемо бо имать, о наслажение благыхъ упражнением и память отмѣтает от мысли, и тако преизящную подражаваеть жизнь, свойствы божественаго естьства въображьшися, яко ничто же той остати от инѣхъ всѣх, развѣ любовнаго ея устроения, естьственѣ доброму прозябающаго. Се бо есть любовь еже къ благому вжелѣнному вседушное любление.

Егда убо проста, и единовидьна, и опасно богоподобна душа бывши, обрящеть еже по истиннѣ простое же и невещественое благое оно едино любовное и вжелѣнное, приплѣтается убо ему и срастваряется любовным движением же и дѣйствомь къ еже присно достизаемому же и обрѣтаемому себе въображающи, и то бывши благаго подобием, еже ей приемлемаго естьство есть. Желанию же во оном не сущю, заеже никоего же блага скудости в немь быти, послѣдованно убо есть и души, въ блазѣм бывши, отложити от себе желателное движение же и устроение.

Таковаго же велѣния и божественый апостолъ взнепщева, всѣх сущихъ нынѣ в насъ и от лучьшемъ чюдимых престание нѣкое и утоление провзвѣстивъ, любови единой не обрѣте устава. «Пророчьствия бо,— рече,— упразнятся и разуми престануть, любовь же николи же не отпадает», еже равно есть еже присно тако же имьти;

удовлетворения сделает влечение праздным и суетным, так как ни в чем оно не будет иметь недостатка, о чем только можно помыслить как о ведущем к добру, само будучи полнотой благ, не по причастности к какому-либо добру к добру принадлежа, но само являясь природой добра.

Не все то, что кажется уму добром, привлекает к себе устремление надежды, ибо надежда действует только по отношению к не имеющемуся в наличии. «Если же кто имеет, то чего ему и надеяться?»— говорит апостол.

И также в действии памяти для познания мира не будет потребности, ибо то, что видишь, в припоминании не нуждается. Поскольку же выше божественная природа всякого добра, благое же благим всегда любимо, постольку и она, в себя глядя, что имеет, того и хочет и что хочет, то и имеет, ничего внешнего в себя не приемля. Вне же ее ничего нет, за исключением только зла, каковое, если можно столь парадоксально выразиться, в небытии бытие имеет. Ибо происхождение зла есть не что иное, как лишение сущего. По-настоящему же сущее — это природа добра. То, чего нет в сущем, того нет, конечно же, и вне его.

И когда душа, отвергнув все многообразные естественные движения, станет боговидной и, превзойдя влечение, в том пребудет, к чему была влечением подвигаема, с тех пор уже не будет предаваться ни упражнениям, ни надежде, ни воспоминаниям, ибо то, на что она надеялась, она будет иметь, и, беззаботно наслаждаясь, она изгонит из помысла память о благах и будет так подражать возвышенной жизни, проникшись свойствами божественной природы, что совершенно ничего другого у нее не останется, кроме состояния любви, по природе с добром сращенного. Это ведь и есть любовь — связь всей душой с вожделенным благом.

Став же простой, однородной и совершенно богоподобной, душа находит то поистине простое и невещественное благо, единственное возлюбленное и вожделенное, с каковым и срастается и сливается в любовном движении и действии, формируя себя в соответствии с вечно достигаемым и обретаемым и тем же становясь по причине уподобления добру, каковое является природой ею приемлемого. Влечение при этом отсутствует, поскольку в никаком из благ там недостатка нет, да и естественно для души, оказавшись среди блага, отложить от себя движение и состояние влечения.

Такое учение и божественный апостол нам проповедал, провозвестив прекращение и конец всего ныне в нас сущего и лучшим почитаемого и одной любви не найдя предела. «Пророчества,— говорит он,— прекратятся, и разумения упразднятся, любовь же никогда не перестанет»,— а это равносильно тому, что иметь ее всегда одной и той же,—

не вѣру и упование пребыти любовь глаголю, пакы от сихъ ту выше полагает в лѣпоту. Упование бо даже дотолѣ движется, дондеже не приидеть уповаемым восприятие. И вѣра тако же утвержение уповаемых безъвѣстья бывает. Сице бо и ту устави, глаголя «Вѣра же уповаемых съставъ». Всегда же приидет уповаемое, инѣмъ всѣм утѣшеном, еже по любви дѣйство пребывает, приемлющее ту не обрѣтающи. Тѣм же и первьствует еже по добродѣтели исправным всѣмъ и законным завѣщанием. Аще убо в сий нѣкогда конець доспѣет душа, неоскуднѣ имат инѣх, яко исполнению емшюся сущих.

В настоящем убо жизни различнѣ же и многовиднѣ намъ дѣйствующи, многа убо суть, их же требуем и приемлем, рекше лѣта, въздуха и мѣста, пищю и питья же, и покрывала, и солнца, и свѣтилника, и инѣ к потребѣ жития многых. Чаемое же блаженьство сих убо нѣ коего же скудно есть. Вся же нам и вмѣсто всѣх божественое естьство будеть ко всякой потребѣ жизни оноя, себе подобнѣ раздѣляющи. И се явѣ от божественых словесъ духовныхъ, яко и мѣсто бывает Богъ достойнымъ, и домъ, и одежа, и пища, и питие, и свѣтъ, и богатьство, и всяко имя же и разумѣние к благым нашея свершающимся жизни.

Плоть: Се ти заповѣдание исполних, господыне, и приведох, прочее, от Писания свѣдѣтелство, яко же рекла еси, яко же заповѣда и яко же просила еси. Но вѣжь: претрудихся много зѣло, суду и онуду испытуя, изыскуя съ трудомъ и книгы осязуя, и кожица превращая, яко да обрящю, яко же зриши, сие свѣдѣтельство. И ни же глаголы премѣних по прошению твоему, но сущая та, яко же обрѣтохъ я, сице и положих та и написах сде. Рци и симъ, владычице, и како прияла еси се? Еда что наглосно азъ рѣх паче сих?

Душа: Ни, служителнице, ни, не непщюй се отнуд. Суть бо зѣло подобна и свойствена во всѣх. Нынѣ есть извѣстно и нынѣ утвержено велѣние твое, яко показася, и твердо во всемь, и не прерѣкованно се к людем непокорнымъ. Но с трудолюбным, кто-либо есть, елма тако взискание высоко же и велико взиска еже увѣдѣти, тричастное убо глаголю души како есть, и наученъ бысть о сем, непщуя, яко впрашалъ есть и ино что оного премудраго от Писания нѣчто к сему. Рци и то, рабыне моя, рци и не укрый. Много бо мя ползова с предглаголанными. Аще ли не всхощеши, рабыни моя, рещи ми и се, суд весь будеть на главѣ твоей.

Плоть: Много убо впраша его о души, господыне, полезная, подобная и зело потребная, но да оставятся та. Едино

не говорит при этом он, что вера и надежда пребудут с любовью, но выше тех ее справедливо полагает. Ведь надежда дотоле только действенна, доколе не наступит наслаждение тем, на что надеются. Также и вера бывает опорой при неясности того, на что надеются. Так ведь ее определил он, говоря: «Вера есть основа ожидаемого». Когда же приходит то, что ожидают, и все остальное успокаивается, только любовь продолжает действовать, наследника себе не обретая. Потому она и первенствует среди всего, чего требует добродетель, и среди заповедей закона. Когда достигает такой цели душа, она уже не имеет нужды ни в чем другом, так как охватывает полноту сущего.

В настоящей же жизни у нас много ведь того, в чем мы, различно и многообразно действующие, нуждаемся и что получаем, как-то: время, воздух, пространство, пища, питье, одежда, солнце, лампа и множество другого необходимого для жизни. В чаемом блаженстве ни в чем из этого нет нужды. Всем для нас и вместо всего, что нужно для удовлетворения всякой потребности, в той будущей жизни явится божественная природа, надлежащим образом себя разделяя. Как это ясно из божественных слов духовных, и местом будет бог для достойных, и домом, и одеждой, и пищей, и питием, и светом, и богатством, и всем, что только можно помыслить и назвать, что может быть нужно для исполнения нашей жизни благами.

Плоть: Вот я твое повеление исполнила, госпожа, и привела свидетельство из Писания, как ты сказала, как ты приказывала и как ты просила меня. И знай: я очень сильно утомилась, там и тут проверяя, изыскивая с трудом, доставая книги и пергаменные листы переворачивая, дабы отыскать, как видишь, это свидетельство. И ни слова я не изменила, как ты просила, но какими их нашла, точно такими и включила их, вписав сюда. Ответь, владычица, как ты это восприняла? Разве что-нибудь несогласное с этим я говорила?

Душа: Нет, служительница, нет, вовсе так не думай. Все это очень схоже и близко во всем. Теперь удостоверено и подтверждено твое учение, как выясняется, незыблемо во всем и неопровержимо для людей непокорных. Но тот трудолюбивый, буде такой найдется, кто захочет вникнуть в такой высокий и великий вопрос, как трехчастность души,— понять, в чем она состоит, услышав это, тут же, я полагаю, попросит привести к этому и еще что-нибудь другое столь же премудрое из Писания. Прочти еще, рабыня моя, прочти, не укрой. Большую ведь пользу ты мне принесла уже сказанным. Если не захочешь, рабыня моя, почитать мне еще, суд весь будет на твоей голове.

Плоть: Много тот человек спрашивал другого о душе, госпожа, полезного, подобающего и очень нужного, но уже хватит

же ти точью реку — еже впраша его послѣ же всѣхъ, другыне, еже о въскресении велѣнии увидѣти въсхотѣвъ. И слыши, госпоже моя, того впрошение здѣ. Не размѣню же глаголъ ни мал, ни великъ. Имать глаголание сихъ в началѣ сице: «Увидѣти аще всхотѣл еси, якови и колици въсхощем вси человѣци въсъскреснути тогда, во второй приход и Христово пришествие, яже здѣ вниимателнѣ прочти и разумѣеши».

О ВСКРЕСЕНИ ВПРОС ОТ МАКРИНИНЫХ

Иже убо быти нѣкогда воскресению и еже привестися к немздоприемному суду человѣку, еже от Писания показанми и от уже предистязанныхъ мнози от слышащих сложатся. Прочее убо буди смотрити, аще нынѣшнее суще и уповаемое будеть.

Еже аще таково будеть, ненавистно бых реклъ человѣком упование вскресения быти. Аще бо, якова бывают престающа от жития человѣческая телеса, такова к животу паки устроятся, убо кая некончаемая бѣда вскресения ради уповается! Что умиленѣйши будет видѣние, еда в послѣдней старости обетшавшаа телеса претваряють на грозное же и безъобразно есть, плоти их изнурени бывше временѣх, враскавѣм же костем опавшися кожи, жилам же всѣм изърваным, заеже не к тому естественою влагою разботѣвати, и сего ради всему сгноену телеси, без силы же! И умиленъ позоръ бывает: главѣ убо колѣнома преклоненѣ, руцѣ же отсюду и отонуду, къ естественому убо дѣйству бездѣлнѣ сущи и трепетом же поневолному трясущих! Якова же пакы иже лѣтьними недугы искаявшим телеса, яже толико разлучается от обнаженых костей, елико прикрыватися мнят тонкою измождалою кожею. Яко же иже в водотрудовитыхъ болѣзнех отекших! А иже священнымъ недугомъ одержимых, нелѣпую проказу глаголя, кое убо на лице приведе слово, яко помалу тѣх вся уды ссуда телеснаго и чювства проходяще сгнитье поядаеть! А иже в трусѣх и в бранех или от иныя нѣкыя вины руцѣ и нозѣ отсѣчены имущих и преже смерти время нѣкое в бѣдѣ сих положивших! Или иже от роженья съ вредом нѣкым погибших в развращеных удовыхъ! И что убо рчет си кто о преже мало роженых младенцех и о изметаемыхъ или удавляемых и о еже самом о собѣ погибших,— что есть смышляти, аще таковаа пакы животу възведутся? Убо остану та и въ младенчествѣ? И что окааннѣйшее! Но ли в мѣру придут взраста? И которымъ млеком пакы та вздоятся?

Тѣм аще всѣм то же нам тѣло оживет пакы, бѣда есть чаемое. Аще ли не то же, ин нѣкы въстаяй будет паче лежащаго:

об этом. Одно только тебе скажу — о чем он спросил его в последнюю очередь, подруга, захотев узнать учение о воскресении. Ну, послушай, госпожа моя, теперь его вопрос. Не изменю ни малого слова, ни большого. В начале этого Слова написано так: «Коль скоро ты захотел узнать, каковыми и коликими воскреснут тогда все люди, во второй приход Христов, или пришествие, внимательно прочти написанное здесь, и уразумеешь».

О ВОСКРЕСЕНИИ ВОПРОС У МАКРИНЫ

Благодаря показаниям Писания и тому, что было рассмотрено выше, многие из слушающих согласятся, что некогда будет воскресение и что человек будет привлечен к неподкупному суду. Остается рассмотреть, окажется ли сущее сейчас тем, что ожидается.

Если бы это было так, то ненавистной, я бы сказал, была бы для людей надежда на воскресение. Ведь если такими же, какими бывают, уходя из жизни, составятся человеческие тела для новой жизни, какая тогда нескончаемая беда нас ожидает по воскресении! Ибо что может быть более жалким, чем вид в крайней старости обветшавших тел, превратившихся в нечто отвратительное и безобразное, когда плоть их погубило время, дряхлость костей обнажилась опавшей кожей, все жилы *стянулись,* не будучи насыщаемы естественной влагой, и потому все тело *согнулось* и не имеет силы! Какое жалкое зрелище предстанет: голова склонилась к коленям, руки висят по сторонам, неспособные к естественному для них делу, постоянно невольно трясущиеся! А тела изъеденных хроническими болезнями, отличающиеся от обнаженных костей лишь постольку, поскольку они прикрыты тонкой изможденной кожей! А в водяночных болезнях отекшие! А вид священным недугом страдающих — я о безобразной проказе говорю — какое может передать слово, когда все члены и чувства их сосуда телесного, понемногу поражая, гниение поедает! А те, кто при землетрясениях, в битвах или по какой-то другой причине руки и ноги потеряли и до смерти некоторое время в этом бедствии прожили! Или в родах от травм с поврежденными членами погибшие! А о прежде срока рожденных младенцах, о выкидышах, об удавленных и самих по себе погибших — что и думать, если они такими вновь к жизни восстанут? Пребудут ли они в младенчестве? Что может быть более жестоким! Или же они станут взрослыми? А каким молоком тогда они будут вскормлены?

Так что если во всем то же наше тело оживет, беда нас ожидает. А если не то же, значит, некто другой восстанет вместо

аще паде убо отроча, въстает же свершен, или спротивно есть. Како есть рещи тому исправитися лежащему възрастнай тли, падшему измѣнену сущю? И вмѣсто старца уношю кто зря, иного вмѣсто ина възнепщюеть: вмѣсто прокаженаго — цѣла и вмѣсто истаявшася — иже в плоти и иная вся та, яко же яко да не, по единому кто глаголя, молбу приводить слову.

Аще не таково оживеть тѣло пакы, яково же бѣ, егда земли примѣсися, не умершее въстаеть, но иного человѣка, земля пакы познана будеть. Что убо есть мнѣ вскресение, аще вмѣсто мене ин живет? Како бо познаюся сам себѣ, не видя себе в себѣ? Ни бо буду поистиннѣ «азъ», аще не всѣ ми будет та же в себѣ, яко же бо в настоящом житьи. Аще ни чье имамъ в памяти начертание, да есть же по таковому словеси, травливъ таковый, уст нѣстъ, тупоносъ, бѣлузливъ, благооченъ, сѣдина въ власы и врасковою кожею, таже ищющи таковаго, налучаю нарастом долгоноса, черноплотна, и прочая вся еже по образу начертанья инаго имуща, убо сего видѣвъ, оного ли вмѣню быти?

Паче же аще потребно есть менших от съпротивлении пребыти, крѣпчайших оставль. Кто не вѣсть, яко теченью нѣкоему уподобилося есть человѣческое естьство, от рожьства въ смерть нѣкым движеньемь преходяще, тогда от движенья престающе, егда и от еже быти престанет. Движение се не мѣстно нѣкое есть преставление, не бо исходить от себе естьство, но измѣнениемь имать происхожение. Измѣнение же, дондеже есть се еже глаголеться, никогда же в том же пребывает. Како бо в тожьствѣ пребудет, измѣнующеся? Но яко же сущи в кандилѣ огнь, еже убо мнѣтися присно то, свѣтити имат частым бо движением, не отторжено, но и совъкуплено к себѣ показует, истинною же всегда то приемля себе, никогда то же пребываеть. Извлечена бо теплотою влага вкупѣ же и сполѣ... и въ плытость собою измѣни подлежащее. Яко же убо, дващи по тому же пламеню прикасающемусе, нѣсть того же дващи вжеши. Острое бо измѣненье не ждеть еже второе пакы прикасающагося, аще скорѣйше се творить, но при*сно* движется, и новъ есть пламень, всегда ражаяся и присно себе примеляя, и никогда же в том же пребывая.

Таково нѣкое и от тѣла нашего естьствѣ есть. Пребывающее бо естьства нашего, ради измѣннаго присноходяще же и движимо, тогда стоить, егда от живота престанет. А дондеже въ животѣ есть, стояния не имать и любо исполняется, или издыхает или обоими всяко производится.

умершего: лег отрок, встанет взрослый или наоборот. Можно ли сказать, что у того лежащего, разрушившегося и изменившегося, восстановится то, что истлело с возрастом? Да и вместо старца юношу видя, сочтут его иным, а не им: вместо прокаженного — здоровый, вместо высохшего — плотный, и все остальное подобным образом, чтобы не перечислять все, удлиняя речь, по порядку.

А если не таким будет вновь жить тело, каким оно с землей смешалось, не умершее встанет, но другого человека, только землю тогда опознают. Для чего мне воскресение, если вместо меня другой станет жить? Да и как я узнаю сам себя, не видя в себе себя? Ведь я не буду поистине «я», если не все будет у меня таким же, как в настоящей жизни. Если, скажем, в памяти у меня образ человека косноязычного, губастого, тупоносого, белокожего, голубоглазого, с сединой в волосах и морщинистой кожей, а затем, отыскивая такового, я встречаю молодого, долгоносого, темнокожего и все остальные черты образа иные имеющего, неужели же, этого увидев, я сочту его тем?

Если так рассуждать, то даже малейшим из особенностей необходимо сохраниться, не говоря уж о более крупных. Но кто не знает, что своего рода потоку подобно человеческое естество, от рождения к смерти своего рода течением приходящее и тогда лишь течь перестающее, когда и быть перестает. Течение же это представляет собой не пространственное перемещение, ибо из себя естество не выходит, но происходит путем изменения. Изменение же, пока оно является тем, чем называется, никогда на том же самом не останавливается. Ибо как в тождестве пребудет изменяющееся? Так, например, огонь в лампаде, представляющийся всегда одним и тем же, потому что благодаря непрерывности движения он кажется неотторжимым от себя и единым с самим собой, на деле, всегда сам будучи себе преемником, никогда тем же самым не пребывает. Ибо извлеченная жаром влага, оказавшись тут же воспламененной и сожженной, *в дым обращается. И всегда движение пламени происходит в силу изменения,* в дым через себя обращая основу. Так что дважды к тому же пламени прикасающегося не может то же самое дважды обжечь. Ибо стремительность изменения не ждет второго прикосновения, как бы скоро оно ни делалось, но всегда движется и всегда ново пламя, постоянно рождающееся и всегда себе наследующее и никогда на одном и том же не останавливающееся.

Нечто подобное свойственно и природе нашего тела. Ведь течение нашей природы, всегда вследствие ее изменяемости идущее и движущееся, лишь тогда останавливается, когда уходит из жизни. А пока в жизни пребывает, остановки не имеет, ибо или наполняется, или опорожняется, или и то и другое делает разом.

Аще убо, кто ни рождься, кто животно тъже есть, но другый премѣнением бывает, егда възведет паки тѣло наше к животу въскресение, скоръ нѣкый человѣкъ всяко единъ будет, яко да ничто же скудно есть въстающему,— отроча ражаемо, младенець, отрочишь, уноша, мужь, старець и яже посредѣ вся.

Цѣломудрию же и блужению плоть дѣйствуему, и терпящим же о благочестьи болѣзная мукам, и ослабающимся пакы к сим ради телеснаго чювьства, обоим симъ показуемом, како есть на судѣ спастися праведному или тому же прегрѣшившю, паки же ради раскаяния очищьщюся, и, аще сице случится, пакы на прегрѣшенье поползишися, премѣнившю же ся послѣдованию естьства и оскверненому телеси и не сы, и инѣм от сихъ до конца пребывшю. Котораго блуднаго тѣло мучимо будет: обетшавшее в старости къ смерти? Но другое бѣ се от сдѣлавшего грѣх. Но ли еже осквернися страстию? И где старое? Или бо не вскреснеть, сы недѣйственое въскресение, или се встанет, и убѣгнеть мукы подлежай.

Реку ти что и ино — от произносимых намъ от неприемлющих Слово. Ничто же глаголють造 бездѣлно от сущих в телеси удовъ естьство створило есть. Ова бо животнаго вину и силу в насъ имат, их же кромѣ стояти иже в плоти животу невзможно есть, рекше сердце, ятро, мозгь главный, душникъ, утроба и прочая вся утробная. Ова убо чювстьвеному движенью отдѣлена быша, ова же дѣйства суть, ина же к приятию пребывающих художнѣ имат. Аще убо в тѣх же еще потом житье намъ будет, ничтому же преставление бывает. Аще ли истинно есть,— яко же убо истинно есть — еже ни браку жителствовати в житии же по въскресении повелѣвающее, ни же снѣдью питаем тогдашнему сдержатися животу, кая будет потреба удом телесным? Не к тому тѣмъ, их же ради нынѣ суть уди, в животѣ оном уповаемом. Аще бо яже брака ради къ браку суть, егда то не будет, ничто же от сущих к нему требуем. Сице и к дѣлу руцѣ, и к течению нозѣ, и к приятию брашному уста, и къ пищнѣй пищи зубы, и к отсланию утроба, и къ отложению непотребствуемых исходнии проходи. Егда убо она не будеть, яже тѣх ради бываемае, како или коего ради будет? Яко же нужи быти? Аще убо не суть о тѣлѣ, яже ничсому же есть к жизни оной сдѣловати хотящая, не быти ни еже нынѣ исполняющим наше тѣло. Въ обоих бо жизнь есть. И не к тому убо что таковое въскресение именует: коемуждо бо от удовъ заеже во ономъ жизни непотребьства не съвъстающимъ телеси.

Если, стало быть, кто бы ни родился, живя, одним бывает, а когда воскресение возведет наше тело к новой жизни, он обратится в другого, то появится некий совершенно новый единый вид человека, в котором восстающему ничего не будет недоставать, был ли он утробным плодом, младенцем, отроком, юношей, мужем, старцем или кем-то промежуточным.

Целомудрие и распущенность действуют через плоть, и люди то претерпевают ради благочестия болезненные муки, то вновь расслабляются, уступая телесному чувству, так вот, когда то и другое будет открыто, как возможно на суде сохранить справедливость, если человек сначала согрешил, затем покаянием очистился, а при случае снова на грехе поскользнулся, и сменили естественным порядком друг друга и оскверненное тело, и неоскверненное, и ни одно из них до конца не пребыло тем же. Которое блудника тело мучимо будет — сморщившееся в старости перед смертью? Но другое оно по сравненью с соделавшим грех. Или же то, что осквернилось страстью? А где старческое? Либо оно не воскреснет, и тогда не действует воскресение, либо оно восстанет, и тогда избегнет муки заслужившее ее.

Скажу тебе и нечто иное — из того, что возражают нам неприемлющие Слово. Природа, говорят они, ничего не сотворила ненужным из имеющихся в теле членов. Они содержат в нас основу и силу процесса жизни, и без них жизнь плоти поддерживаться не может; таковы сердце, печень, головной мозг, легкие, желудок и все прочие внутренности. Одни из них призваны обслуживать чувственное движение, другие — практическую деятельность, третьи — подобающее восприятие необходимого. Если в том же и следующая наша жизнь состоять будет, то ни к чему перемена. А если истинно то,— а это истинно,— что и брак по воскресении не будет существовать, будучи изгнан за пределы жизни, и не пищей и питием станет тогда поддерживаться жизнь, какая же тогда будет нужда в телесных членах? Ни к чему в той ожидаемой жизни органы, благодаря которым сейчас человек существует. Если то, что нужно для брака, существует ради брака, то когда его не будет, ничего из нужного для него нам не потребуется. Так же и руки — для работы, ноги — для ходьбы, рот — для приема пищи, зубы — для ее пережевывания, утроба — для пищеварения, выводящие проходы — для извержения ставшего бесполезным. Когда того не будет, тогда существующее ради того,— для чего? На что оно нужно? Как сейчас у тела нет ничего из того, что будет содействовать той жизни, так и там не будет того, что ныне наполняет наше тело. А и тут, и там — жизнь. Значит, не стоит таковое называть воскресением, ибо по причине бесполезности для той жизни каждого из органов не воскреснут с нами тела.

Аще ли всѣми сими будет дѣйствено въскрсение, *суетнѣ намь и непотрѣбнѣ кь жизни оной сдѣтельствуеть дѣйствуей вьскресение.* Но убо и *быти ли* потребно есть вѣровати вскресению и не суетно быти? Тѣмже да внимаем Слову, яко да нам всячскым*и* в велѣнии подобное свершитися.

СИЯ УБО ВПРАШАЙ, СЛЫШИ ЖЕ И ОТВѢТ

Не недоблествено, по глаголе*мѣй* риторикии, еже о въскресении догматом начинание, препирателнѣ новотворьными словесы окрестъ обтекы истинну. Яко иже не велми расмотрившим истинно таиньство пострадати что по-лѣпотѣ противу слову и мьнѣти не внѣ подобающаго отводитися реченых недоумѣнием. Имат же и сице рече истинна, аще и немощно имамы от подьбных противу вѣщати слову. Но убо истинное слово о сих въ таиных премудрости скровище хранимо есть, тогда въ явление прияти хотя, внегда дѣлом въскресения таиньству научимся, егда не к тому требѣ будет намъ глаголъ къ уповаемых явлению. Но яко же в нощи пребъдѣвающим мнозѣмъ движимом словесѣмъ о солнечном сияньи, каково есть, празно творит словеса прописание явлешися точью лучьная благодать, сице всяко промысль смотрьнѣ, будущаго въскресания прикасающися, ни во что же показуеть, егда будет намъ въ искусѣ чаемое. Елма же потребно есть не всячьскы неистязана оставити принесеная нам спротивления, сице от сих слово всприимемъ.

Помыслити же подобает первѣе, который разум есть еже о вскресении велѣния и что ради от святаго Писания речено бысть и вѣруется. Тѣм же убо яко же кто уставом нѣкым такое обоемъ пропишет, сице речем, яко: въскресение есть еже древле естьства наше то устроение. В первѣй бо жизни, и еже самъ бысть сдѣтель богъ, ни старость бѣ, яко же подобаше, ни младенчьство, ни яже по многонравных болѣзнех страсти, ни же ино что от телесных страданий ничто же. Ни бо лѣпо бяше таковая створити богу. Но божествена нѣкая вещь бяше человѣчьское естьство преже дажь не во устремлении быти злаго человѣчьскому. Сия бо вся входом злобным нам совнидоша. Тѣм же ни едину нужю имѣти хощет еже кромѣ злобы житие, во н же тоя ради случившимся быти. Яко же послѣдует иже в зиму путьствующему померзати тѣло, или еже погоряще и лучи ходящему почернѣвает видѣнием, аще ли кромѣ обоих сихъ будет, избавляется всяко и почернѣния, и померзновения,— и ничьто же благословнѣ взищет, еже о нѣкыя вины прилучающееся, винѣ не сущи,— тако и естьство наше *страстно* бывше,

Если же и для всех них окажется действенным воскресение, то напрасным, неподходящим для той жизни сделает нам Действующий воскресение. Но тогда надо ли и веровать, что воскресение будет и что оно не напрасно? Так что давай послушаем Слово, чтобы нам во всем подобающим образом в учении усовершенствоваться.

ВОПРОСИВШИЙ ОБ ЭТОМ, ПОСЛУШАЙ И ОТВЕТ

Мужественно, руководствуясь так называемой риторикой, напал ты на учение о воскресении, ловко опровергающими словами кругом обойдя истину. Боюсь, как бы те, кто не слишком внимательно рассмотрели таинство истины, не пострадали как-нибудь по заслугам из-за этой речи и не были сбиты с толку высказанным недоумением. Истина же говорит, что это не так, пусть даже мы не сможем подобающим образом ответить на эту речь. Но ведь истинное об этом слово в скрытых сокровищницах премудрости сохраняется и лишь тогда явным сделается, когда мы на деле узнаем воскресения таинство, когда не нужны нам будут больше слова для разъяснения нашей надежды. И подобно тому как бодрствующим среди ночи после многих слов о солнечном сиянии, каково оно, ясным делает предмет речи только красота показавшегося луча, так и всякое гадательное суждение, будущего воскресения касающееся, ни во что обратится, когда явится нам на опыте ожидаемое. Поскольку же не следует совершенно неисследованными оставить выставленные нам возражения, мы об этом скажем так.

Помыслить подобает, во-первых, какой смысл в догмате о воскресении и чего ради в святом Писании говорится о нем и в него веруют. Для этого, как будто кто-то его определением неким охватив, описал его, скажем так: воскресение есть восстановление нашей природы в древнем виде. Ведь в прежней жизни, каковою ее создал бог, ни старости не было, как и подобает, ни младенчества, ни бедствий, вызываемых многообразными болезнями, ни каких-либо других телесных страданий. Нелепо ведь было бы таковое сотворить богу. Но чем-то божественным была человеческая природа, прежде чем явилось у человека устремление ко злу. Ведь все это вместе со злом к нам пришло. Так что в лишенной зла жизни никакой нужды не будет терпеть тот, кому доведется в ней быть. Как, бывает, зимой путешественник мерзнет, а если под знойными лучами ходит, то у него темнеет кожа, а когда вне и того и другого оказывается, и согревается, и от загара избавляется, и уже никому не сыскать того, что по какой-то из этих причин получается, поскольку нет причины, — так и природа наша, став подверженной страстям,

нужнѣми послѣдованми страдателной жизни принесено бысть, к бестрастному же блаженьству паки встекше, не к тому злобными бесѣдованми сприведется. Елма убо елика от бесловесныя жизни человѣчьскому примѣсишася естьству, не первѣе быша в нас — преже дажь в страсть злобы ради впаднути человѣчьскому, нужа убо есть оставлешим страсти *и вся, елика с нею видима суть, оставим.* Тъм же никто же благословнѣ в житьи ономъ яже о страсти оноя прилучьшаяся взыщет. Яко же бо аще кто, на себѣ скверназу имѣя ризу, обнажится таковаго одѣния: не к тому отверженаго нелѣпоту на себѣ видить, тако нам, совкупльшим мертвую ону и гнусную одежю, от бесловесных кожей намъ наложную. Кожю же слыша, образъ безсловеснаго естьства разумѣвати ми мня, яже къ страсти присвоивъшеся, одѣяни быхом. И вся, елика безсловесныя кожа о нас суть, во отложении одежнѣмъ съотглагаемъ. От бесловесныя же кожа смѣшение, зачатие, рожество, скверна, доение, пища, гною извергь, еже по-малу къ свершенью ращенье, упостьство, старость, недугъ, смерть. Аще она убо на насъ не будут, како намъ яже от онѣх останут? Тѣм же суетно есть иного нѣкоего устроения в будущюю жизнь уповаемаго, заеже никако той с причащающимся к велѣнию воскресения. Что бо общее имат изможданье и многоплотие, истаянье и добелство, и аще что ино тлѣнному естьству телесному прилучается — противу жизни оной, яже текущаго же и мимоходящаго житийскаго пребывания очюждена есть?

Едино ищет точью въскресения слово — еже родитися рожением человѣку, паче же, яко же рече Еуаггелие, яко: «Родися человѣкъ в миръ». Долгожителное же или скоросмертное, или смертный образъ аще сицевъ или инаковъ случится, суетно есть въскресения славу истязовати. Како бо се дамы поставу имѣти, в подобнѣ всяко есть: ни же неудобьству, ни нерažденью от таковаго различья о воскресении сущю. Еже убо жити начинающее, пожити потребно есть всяко; еже посредѣ ради смерть случшемуся ему раздрѣшению, на вскресение исправлешюся, а еже како или когда разрѣшение бывает, что се къ вскресению? К другому бо разуму блюдет.

Иже о семь свѣтѣ, рекше по сласти, иже в житьи, или печалуя по добрѣ ли, или по злобѣ, похвалнѣ или повинни, окаанѣ, или блаженнѣ преиде житие,— сия бо вся таковая от мѣры животныя и от вида, иже в житии обрѣтаются. И яко противу суду положившим, нужа убо будет судии страсть и проказу, и недуга, и старость, и възраст, и юность, и богатьство,

неизбежными последствиями была приведена к страдательной жизни, будучи же вновь возведена к бесстрастному блаженству, последствиям зла подверженной больше не будет. Раз того, что примесилось к человеческому естеству от бессловесной жизни, первоначально — прежде, чем в страсть по причине зла впал человек, — у нас не было, по необходимости, когда мы оставим страсть, с нею вместе мы оставим и все, что с нею связано. Так что неразумно искать в жизни оной то, что мы приобрели из-за страсти. Как если кто-нибудь, одетый в грязную одежду, снимет таковое одеяние, то в безобразии изгнанника больше себя не увидит, также и мы,— совлекши мертвое и гнусное это облачение, из кож бессловесных существ на нас наложенное. О коже слыша, мне кажется правильным разуметь природу бессловесных, в которую, предавшись страсти, мы были облечены. А все, что у нас связано с кожей бессловесных, при совлечении одежды мы вместе с ней отложим. От кожи бессловесных также — соитие, зачатие, рождение, нечистота, кормление грудью, пища, испускание семени, медленное к совершенству возрастание, юность, *зрелость,* старость, болезнь, смерть. Если того, что на нас наложено, не будет, как же то, что из этого следует, будет нам оставлено? Потому тщетно ожидание иного некоего устроения в будущей жизни, так как ничего нет общего у того, что к нему относится, с учением о воскресении. Ибо что общего имеет изможденность и многоплотие, худоба и тучность, и все иное, что бывает свойственно изменчивой телесной природе, с жизнью оной, чуждой текущего и преходящего житейского пребывания?

К одному только стремится учение о воскресении — породив, вырастить человека или, как говорит Евангелие, чтобы «родился человек в мир». А долгожителем или недолговечным он будет, и смерть к нему в том или ином виде придет,— напрасно вместе с учением о воскресении распытывать. Что бы мы ни предположили, все едино: ни трудности, ни легкости из-за различий в этом при воскресении не будет. Ибо жить начавшее обязательно должно пожить, а поскольку среди жизни по причине смерти приходит ему конец, при воскресении оно восстанавливается; а то, как и когда конец наступит,— что в этом для воскресения? Ведь иное имеет в виду это исследование.

Наслаждаясь ли в этой жизни сладостью житейской или страдая за добро или из-за злодеяния, достойно ли похвал или обвинений, преступно или блаженно провел время жизни — все это и таковое в зависимости от меры жизни и от вида того, что с ней связано, рассматривается. И когда на суд привлекут, нужно будет судье учитывать и страдание, и проказу, и недуги, и старость, и возраст, и юность, и богатство,

и нищету испытовати: како кто, в коемждо сих бывъ,— добрѣ или злѣ отдѣленое ему житие мимотечет, и аще многых бысть приятенъ добрых или злых, и в долзѣм времени, или ни же началу кождо сих отинудь прикоснуся, в несвершенѣ съмыслѣ еже жити престав. Егда же к первому устроению человѣка воскресениемь Богъ възведет естьство, празных убо будет еже таковая глаголати и еже ради таковых спротивления мнѣти силѣ Божии и къ разуму забавлятися. Разум же ему въ скончавшагося уже в которыхждо человѣкох всего естьства нашего исполнения: овѣмь убо абье в житьи семь от злобы очищеном, овѣмъ же по сих огню вѣчному осуженом, овѣм же равно и добраго и злаго искусъ в ныньшнем житьи не познавшемъ... в себѣ добрых, яже рече Писание, «ни же оку видѣти, ни же слуху яти, ни же помыслу достиже быти». Благое бо, еже выше ока, и слуха, и помысла, то убо будеть се, еже всего превыше сущее. А еже по добродѣтели или злобѣ житью различье в нынѣшнее время по сему покажется добрѣе, внегда скорѣе или коснѣйше прияти уповаемаго блаженьства. По мѣрѣ бо бывшаа комуждо злобы изравнится всяко и врачения протяжение. Врачевание же убо будет души — еже от злобы очищение. Сие кромѣ болѣзнина устроение исправитися невъзможно есть, яко же в предваршем истязано бысть.

Вяще же убо разумѣет спротивление лихо и неистовственое, въ глубину приникъ апостольскыя премудрости, Коринфѣном бо о семь обьявляя таинство,— таяже равно вѣщающимъ и онѣмъ к нему, яже и нынѣ от еже на велѣние въстающих къ възбранению вѣрованнымъ приносятся,— своимъ саномъ благоучения тѣх въздражая дерзость, сице глаголеть: «Речеши же ми убо, како встают мертви? Коим же тѣломъ приходят? Безумне,— рече,— ты еже сѣеши не оживет, аще не умреть. И еже сѣеши — не тѣло сущее сѣеши, но и голо зерно, аще ли случится, пшеницы или етеру прочих. Богъ же даеть ему тѣло, яко же всхотѣ, и коемуждо сѣмени свое тѣло». Сдѣ убо възущати· мнѣ мнится неразумѣющих своего естества мѣры и противу своей крѣпости божественую въизъстязующих силу и мнящих толико быти възможно Богу, елико вмѣщает человѣчьское постиженье. А еже выше нас сущее и Божию проходити силу. Впросивый бо апостола, како въстают мертви, яко невозможно суще расыпаное телесьныхъ съставъ въединo стекутся паки приити отрицает. И пакы сему немогущю, иному же тѣлу на сочтание съставом неостанущю, сие рече по лютых от спирающихся сочьтавъ нѣкымъ послѣдованиемь, яже глагола: аще тѣло есть сочтание съставом, сим же невзможно есть второе собратися, которое приимут тѣло, встающе? И сие убо мнящися тѣм нѣкоею хитростною премудростью сплетено безумие

и нищету: как кто, в чем-то из этого побывав,— достойно или дурно прошел отведенную ему жизнь, и много ли благ или несчастий получал, и в течение долгого ли времени, или даже и к началу всего этого вовсе не прикоснулся, в несовершенном возрасте с жизнью расставшись. Пустое дело — говорить и думать, что такие помехи смогут воспрепятствовать силе божией в достижении цели, когда бог станет к первоначальному устроению возводить, воскрешая естество человека. Ведь его цель состоит в достижении каждым человеком полноты всего нашего бытия: и теми, кто уже тут, в течение этой жизни, от зла очистился, и теми, кто после нее подлежат вечному огню, и теми, кто равным образом добра и зла искуса в нынешней жизни не познали,— *всем предлагается причастие* свойственных ему благ, каковых, как говорит Писание, «ни око не видит, ни слух не воспринимает, ни помыслами достигнуть невозможно». Ведь то добро, что выше ока, и слуха, и помысла, оно будет все превосходящим. И различие в добрых или злых делах нынешней жизни будет лучше видно по тому, как, быстрее или медленнее, воспримут люди ожидаемое блаженство. Ибо мере привившегося каждому порока точно соответствует протяженность лечения. Врачеванием же души будет от зла очищение. А это безболезненно не совершается, как прежде было показано.

Лучше же уразумеет излишество и неразумие возражений всякий, кто заглянет в глубину апостольской премудрости. Разъясняя коринфянам связанное с этим таинство — причем те отвечали ему, как и ныне старающиеся опровергнуть этот догмат возражают уверовавшим,— смиряя достоинством своей просвещенности дерзость их невежества, он так говорит: «Скажи мне, как восстанут мертвые? И в каком теле придут? Безрассудный,— говорит,— то, что ты сеешь, не оживет, если не умрет. И когда ты сеешь, то сеешь не тело будущее, а голое зерно, какое случится, пшеничное или другое какое. Но бог дает ему тело, какое хочет, и каждому семени свое тело». Мне представляется, что здесь он обуздывает тех, кто не осознает пределов собственной природы и, со своей силой сопоставляя божественную мощь, полагает, что для бога возможно только то, что вмещает человеческое постижение. Но это выше нас — превзойти божью силу. Ведь тот, кто спросил апостола, как восстают мертвые, отрицал как невозможное новое соединение рассыпанных телесных составов. А раз это невозможно, иного же тела для сочетания составов не остается, то и говорит, делая из важнейших возражений своего рода вывод: если тело есть сочетание составов, а во второй раз им собраться невозможно, какое же тело воспримут воскресающие? Именно это, казалось бы, с некоторым философским искусством теми сплетенное, он

именова не сматряющим в прочей твари преимущее божественыя силы, оставив высочайшая Божиих чюдес, ими же в недоумѣнье бѣ привести слышащаго, яково, что есть небесно тѣло и откуду, что же ли солнечное сияние и лунное, или же въ звѣздахъ являемо, ефирь, вздухъ, вода, земля. Но от обычных намъ и обещьнѣйшихся *обличает съпротивляющихся* не смотриливое. Ни земледѣлание ли тя научаеть, рече, яко же суетенъ еси иже противу своей мѣрѣ божественыя силы сматряяй преимущее. Откуду сѣменемъ прерастающая телеса? Что же обладает отраслию? Не смерть ли? Аще смерть есть съставлешагося разрѣшения, сѣмя бо не приидет в прозябенье, не раздрѣшився в браздѣ и быв рѣдко и многоразботѣвше, яко примѣситися предлежащей влазѣ мастию, и тако в корень и отрасль, и не в сих пребыти, но преложитися в стебль и сущими посреде колѣнци, яко нѣкыми соузы, препоясанъ въ еже мощи носити правѣм образомъ класъ, плодом отягчаем. Кдѣ убо сия на пшеници бѣша преже еже в браздѣ ея раздрушения? Но убо отинуд се есть. Аще бы не бы первѣе оно было, не бы клас былъ. Яко же убо еже о класѣ тѣло от сѣмене прозябает, божественѣй силѣ от самого оного се любохитрьствующи и ни же всѣми тоже есть сѣмени, ни же всячскы другое, сице, рече, таиньство воскресения уже тебѣ от еже в сѣменех чюдотворимых предсказуется,— яко силѣ божествнѣ в преимущи области, не точию оно раздрушившееся пакы отдающи, но тебѣ и другая велика же и добра прилагающи, ими же ти к великолѣпному естьству устраяеться. «Сѣет бо ся,— рече,— во тлю, и встает в нетлѣние; сѣется в бещестии, и встает в славѣ; сѣется в немощи, и встает в силѣ; сѣется тѣло душевно, встает тѣло духовно».

Яко же бо оставлеши в браздѣ пшеница еже в количьствѣ малости и еже в *кач*ьствѣ образа своего *свойство* себе не остави, но, в себѣ пребывая, клас пребывает, премного разньствуя сам себе величьствомь и добротою, и быстротою, и образом, и по тому же образу и человѣчьское естьство оставлеше в смерти вся иже о немь свойства, елика ради страстьнаго устроения притяжа,— бещестие глаголя, тля, немощь, еже *по* взрастох различье, себѣ не оставляеть, но яко же в класѣ нѣкыи, к нетлѣнию преставляет, в честь, и в славу, и еже во всем свершение, и еже не к тому жизнь самая съсматряти естествеными свойствы, но духовно нѣкое и бестрастное проити устроение. Сие бо есть душевнаго тѣла свойство, еже присно нѣкым течением и движениемь от еже в нем же есть

наименовал безумием их, не предусматривающих превосходства божественной силы в будущей твари, не говоря уж о невнимании к высочайшим из божьих чудес, какими можно было бы в недоумение привести слышащего, как, например, то, что представляет собой небесное тело и откуда оно, что такое солнечный свет, или лунный, или у звезд наблюдаемый, эфир, воздух, вода, земля. Но с помощью обычного у нас и для всех хорошо знакомого он обличает слепоту сопротивляющихся. Не научает ли тебя земледелие, говорит он, что безумен ты, по своей мере о превосходстве божественной силы судящий? Откуда берутся произрастающие из семян тела? Что влечет их прорастание? Не смерть ли их? Если смерть есть распад составленного, то ведь семя не прорастет, если не распадется в борозде, став достаточно рыхлым и многопористым, чтобы, напитавшись окружающей влагой, выпустить корень и росток и на этом не остановиться, но перемениться в стебель, словно некими скрепами препоясанный посредине коленцами, чтобы мог, стоя прямо, держать колос, плодами отягченный. Где было все то, что свойственно пшенице, до разрушения в борозде семени? А ведь оттуда все это. Если бы его сначала не было, и колос бы не появился. И по тому как тело колоса из семени произрастает, поскольку божественная сила одно в другое искусно преобразует, и он оказывается совершенно не тождественным семени, но и не вовсе чем-то иным, и таинство воскресения растолковывается тебе в его словах по чудесам, происходящим с семенем,— а именно, что божественная сила в превосходстве своего могущества не только то распавшееся тело снова тебе подаст, но и другое великое и прекрасное приложит, благодаря которому к большему великолепию наше естество снарядится. «Сеется ведь,— говорит он,— в тлении, восстает в нетлении; сеется в бесчестии, восстает в славе; сеется в немощи, восстает в силе; сеется тело душевное, восстает тело духовное».

Подобно тому как упавшая в борозду пшеница количественной малости и свойственной ей качественной особенности не сохраняет, но, оставаясь собою, становится колосом, существенно отличаясь от самой себя величиной, красотой, устройством и обликом, и человеческое естество, оставив со смертью все свои свойства, какие оно приобрело, подчинившись страстям,— я имею в виду уничиженность, тленность, слабость, возрастные различия,— собою быть не перестает, но словно некий колос восходит к бессмертию, к чести, к славе, к совершенству во всем и к такому состоянию, при котором жизнь не зависит от физических свойств, но к некоторому духовному и бесстрастному устроению переходит. Ведь это свойство душевного тела — постоянно своего рода течением и движением из того состояния, в каком находится,

измѣнитися и прелагати в другое, яже бо нынѣ не въ человѣцѣ точью зримъ добрая, но и в садовох и пасътвах. Ничто же в тогдашнем житьи останет.

Мнить же ми ся и всѣми съглаголовати апостольское слово нашему непщевании о вскресении, и се показует еже и наше уставление обдержит, глаголя ничто же ино быти вскресение...

Понеже убо в первѣм бытии мирстѣм — сия от Писаниа навыкохом,— яко «прозябе земля былье травное», яко же слово рече, таже от проращения сѣмя бысть, ему же на землю низъпадшю, то же пакы видѣ, иже испервa прозябшаго, встече, рече божественый апостолъ и о вскресении бывати. Не точью же сему от него научаемся на великолѣпное преставлятися человѣчьству, но яко уповаемое ничто же ино есть, развѣ еже в первых бяше. Понеже бо испервa не клас от сѣмене, но от класа сѣмя, по сих же се от сѣмене прозябает, яко же и приточное послѣдование явѣ показует, нужа убо всему еже вскресения ради възрастающему нам блаженьству к сущей испервa въсходити благодати. Клас бо суще испервa образом нѣкымъ, понеже зноем злобным исхохом; въсприемши *же* землѣ смертью разрѣшихся, пакы в весну вскресения клас пожатное се зерно телесное велик же и часть и правъ и на небесную высоту протяжен, вмѣсто стеблия и осилья нетлѣнием и прочими от боголѣпных позваний украшен. «Подобает бо,— рече,— мертвеному сему облещися в бесмертьство и тлѣнному сему облещися в нетлѣние». Нетлѣние же, и слава, и честь, и сила естьства ради быти исповѣдается. Яко же первѣе въ еже по образу бѣша и пакы уповаема суть.

Первый бо клас — первый человѣкъ Адам; понеже злобным входом естьства на множьство раздѣлися, яко же бывает плодъ в класѣ. Сице и кождо насъ, облажшеся класнаго оного вида и земли примѣсившеся, пакы въскресение на первобытную доброту възрастающе, и вмѣсто единого перваго класа безъчистъни от нивь бывающи.

А еже по добродьтели житье в сѣм к злобѣ различье имать, яко ови и здѣ в житьи добродѣтелью себе въздѣлавше, абие в нивѣ клас възрастают. А иже злобою измо́жданна и вѣтротлѣнна бысть в житьи сем яже въ душевнѣмь сѣмени сила, яко же глаголемая бесплодная, иже таковых художнии глаголють бывают, сице и сии, аще прорастуть вскресением, многою наглость от судия приимуть, яко не могуще въстещи въ класа видъ и быти оно, еже бѣхом преже еже в землю низъпадения. Служение же настоящаго житом

изменяясь, перелагаться в другое, что мы ныне прекрасно видим не только у людей, но и у растений, и у животных. Ничего подобного в тогдашней жизни не останется.

Представляется мне, что апостольское слово во всем соответствует нашему мнению о воскресении и показывает как раз то, что и наше определение содержит, говоря, что воскресение — это не что иное, *как восстановление природы в прежнем виде.*

Поскольку же в первоначальном бытии мира — о чем мы из Писания узнали — сначала, как сказано, «произвела земля растение травяное», а потом из ростка появилось семя и оно, упав на землю, выпустило из себя росток того же изначально созданного вида, апостол и говорит, что то же будет при воскресении. И не только тому мы от него научаемся, что к большему великолепию человечество переменится, но и что ожидается не что иное, как то, что было прежде. Раз не колос поначалу появился от семени, но семя от колоса, а после этого снова он произрастает из семени, согласно ясной последовательности событий в этой притче, непременно должно все по воскресении расцветающее для нас блаженство восходить к первоначальной благодати. Ведь мы, колосом своего рода сначала явившись, зноем зла были иссушены; земля же, воспринявшая нас, по причине смерти разрушившихся, в весну воскресения вновь нас явит, возведя колосом,— нагое это зерно телесное — великим и развесистым, прямым и к небесной выси вытянутым колосом, вместо стебля и остий украшенным нетлением и остальными из богоподобных признаков. «Ибо надлежит,— говорит,— смертному сему облечься в бессмертие, и тленному сему облечься в нетление». Нетление же, и слава, и честь, и сила признаются свойствами *божественной* природы. Что первоначально было по образу божию, то и вновь ожидается.

Первый колос — первый человек, Адам; из-за проникновения в него зла его природа разделилась на множество, как это бывает с плодом в колосе. Подобно этому каждый из нас, будучи лишен, как колос, своего вида и с землей смешавшись, вновь по воскресении возрастет в первоначальной красоте, вместо одного колоса бесчисленные нивы образуя.

А добродетельная жизнь в том с порочной различье имеет, что те, кто в здешней жизни добродетелью себя возделали, сразу на ниве колосьями произрастут. А у кого по причине порока пропала всхожесть и сила душевного семени оказалась за время этой жизни поврежденной ветром, как у так называемых керасвол, которые, как говорят знающие люди, бывают бесплодными,— те хотя и прорастут при воскресении, но большую суровость со стороны судьи встретят за то, что не смогут подняться в виде колоса и стать тем, чем мы были прежде, чем пали в землю. Служение же пекущегося о жите

плевелом же и тернию есть сбирание совзрастъшими сѣмены. Всяцѣй питающий корень силѣ к лучшему притекши, их же ради ненапитано же и несвершено плодом присное же пребысть сѣмя, с прирастъшим прозябением подавлено. Елма убо здѣ елико лестно же и чюжее истачается от питомаго въ ищезновение приидеть, божественому и невещественому огню, яже чрес естьства *поядшу*, тогда въ благопищно естьство и плодъ обратится, ради таковаго прилежанья же и тщания общи видъ, иже изначала нам от Бога въсприложены, всприимше. Блажени же, им же абие свершеная доброта класовная совосияет спрозябающими въскресения ради.

Сия же глаголемъ не яко телесному нѣкоторому различью, во иже по добродѣтели или злобѣ поживших на вскресение явитися хотящю, яковаго убо несвершена тѣлом непщевати, ового же мнѣти свершено имѣти. Но яко же в житьи ужникы же и свободны имут убо обои приближена телеса, много же посредѣ обоих есть в сладости же и печали различье, сице мню приимати благых же и злых, въ еже по сих времени въмьняти, различье. Свершение бо иже от сѣтвы възрастающимъ сѣменем въ *не*тлѣньи же, и славѣ, и чести, и силѣ бывати, апостоломъ глаголет. Таковых же умление не телесно нѣкое прозябшаго назнаменует скрушенье, но коемуждо же въ благых разумѣваемых лишение же и чюжденье. Елма убо едино нѣкое потребно есть быти о насъ всяко еже по спротивлению разумѣваемых — или благыхъ, или злыхъ, явѣ яко, яко еже въ блазѣх глаголати не быти, указание бывает въ злых всяко быти. Но убо о злобѣ ни честь, ни слава, ни нетлѣние. Нужа же вся о них же не суть сия, сим яже от съпротивных бываемая и разумѣваемая приходити не невѣровати — немощь, безчестье, тля и елика таковаго рода суть... страсти всячскы тѣм размѣшшася и совзрастоша и едино къ оной бывающа. Таковымъ убо с подобным прилежанием изчищеным же здѣ *и* без *вѣ*сти бывшим, котороеждо от еже с лучьшему разумѣваемых вмѣсто ихъ внидеть — нетлѣние, животъ, честь, благодать, слава, сила и аще что ино таково самому же богу видѣтися непщюемъ и образу его, еже есть человѣчьское естьство.

Плоть: Се впрошение слыша, вкупѣ же и сказание о велѣни въскресения, господыне, премудрыхъ мужий святыхъ онѣхъ. Прочее, рци мнящая ти ся о реченыхъ.

Душа: Слыши, служителнице, истинное, яко же есть многых многая слышах, многая же и прочтохъ о велѣнии сем, даже

состоит в том, чтобы выбрать плевелы и терния, выросшие вместе с семенами. Ибо если вся питающая корень сила утечет к инородному, чахлым и недозрелым останется благородное семя, будучи привнесенными ростками подавлено. Когда же все, что здесь есть инородного и чуждого, будет вырвано хозяином и истребится, пожженное божественным невещественным огнем как враждебное природе, тогда хорошо разовьется природа и станет способной к плодоношению, восприняв, по причине такого прилежания и ухода, общий вид, изначально нам богом приданный. Блаженны те из произращенных воскресением, кому сразу совершенная красота колосьев воссияет.

Мы говорим это не оттого, что по воскресении обнаружится какое-то телесное различие у тех, кто, следуя добродетели, и у тех, кто, следуя пороку, пожил, так что у одного, скажем, тело окажется несовершенным, а у другого совершенным. Но как при жизни узники и свободные имеют схожие тела, но громадное между ними различье в радости и в печали, так, думаю, надо понимать и различье в благах и бедствиях, которое будет после этого времени. Ведь совершенство посеянных и взошедших семян состоит в том, чтобы родиться в нетлении, славе, чести и силе, как говорит апостол. Умаление таковых означает не какое-либо телесное сокрушение проросшего, но лишение и отчуждение от всего того, что мы считаем благом. Поскольку же лишь одному чему-то надлежит быть у нас из считающегося противоположным — либо хорошему, либо плохому, ясно, что если о ком-то нельзя сказать, что он окажется в хорошем, отсюда следует, что он окажется в плохом. А плохому не свойственны ни честь, ни слава, ни нетление. И по необходимости к тем, кому не будет свойственно таковое, придет, вне сомнений, то, что является и представляется противоположным,— немощь, бесчестие, тленность и тому подобное, *о чем говорится в предыдущих словах: потому что окажутся трудноустранимыми из души происходящие из порочности* страсти, всю ее захватившие, со всею нею сросшиеся и чем-то единым с ней ставшие. Но когда таковые с подобающим прилежанием будут вычищены из нее и забыты, вместо этого придет к ним все то, что почитается наилучшим,— нетление, жизнь, честь, радость, слава, сила и все прочее тому подобное, что мы считаем свойственным богу и его образу, каковым является человеческая природа.

Плоть: Вот ты слышала и вопрос и ответ этих мудрейших и святых мужей о догмате воскресения. Теперь скажи мне, каким тебе показалось высказанное.

Душа: Послушай, служительница, поистине от многих многое я слышала и много читала об этом догмате, но до сих

убо и донынѣ таковая не слышах, ни же писания обрѣтохъ. Впроошение убо добро, *но убо* и сказание. И кто суть сии, скажи ми, коего племени и рода сия вѣтийствовавшеи и сказавшеи сице.

Плоть: Кто убо суть, не глаголю ти. Но аще хощеши увидѣти, яко же поискахъ азъ прилѣжно и обрѣтохъ, тако и ты поищи болѣзни и обрящеши имена их и родъ, и очьство, и прочих же и прочее якова и колика. Не хощю быти ти лѣнивѣ и низълежащей, искателнѣ паче и трудолюбнѣ зѣло. И егда хощеши навыкнути от Писания чисто и божественно, испытуй и обрѣтай искомое все. Мене же остави, ссустах бо, яко да почию и славу вослю господеви моему,

пор такого не слышала и среди написанного не находила. Вопрос хорош, но и ответ тоже. А кто они такие, скажи мне, какого они племени и рода, говорившие и высказавшие это?

Плоть: Кто они, не скажу тебе. Но если хочешь узнать то, как я старательно поискала и отыскала, так и ты поищи трудолюбиво и найдешь и имена их, и род, и отечество, и прочее, и прочее, что да как. Хочу, чтобы ты была не ленивой и валяющейся, а ищущей и трудолюбивой. И когда хочешь узнать из Писания что-то божественное, изыскивай и находи все, что нужно. Меня же оставь, ибо я устала, дай поспать и славу восслать господу моему.

СТЕФАНИТ И ИХНИЛАТ

СПИСАНИЕ СИФА АНТИОХА,—ДРУЗИИ ЖЕ МНѢША, ЯКО ИОАНА ДАМАСКИНА, ЗѢЛО ПѢСНОТВОРЦА,— ЕЖЕ О ЗВѢРЕХ, НАРИЦАЕМЫХ СТЕФАНИТА, ИХНИЛАТА

Притча пръваа. Въпрос царевъ. Царь индѣйский въпрашаше нѣкоего от своих философ, глаголя: «Хощу, яко да притчею покажеши ми, како лукавый муж льстивый, посредѣ себѣ вложивъ, въ вражду предлагаеть, еже посредѣ нѣкых составленную любовъ же и дружбу».

Онъ же, въсприемъ, рече:

Глаголется, яко купець нѣкый, многославенъ сы и житье доброволно по сотворению имы, и дѣти имы умовредны, не хотяше лѣности ради художство нѣкоего рукодѣлиа навыкнути. И наказателными отец к ним бесѣдоваше словесы, глаголя: «О чада, иже в житии сем възращаемы, 3 вещи требуем: доволно богатьство и славу от человѣкъ и получение благым онѣм, еже съ праведными. Си же 3 вещи инако не пребывають никомуже, точию 4-ми вещми: еже събирати богатьство мѣрами праведными и благословенными, и еже стяжаемая добрѣ разстваряти и сматряти, таже раздаати от стяжаемых требующим, еже ползует в будущем житии, ⟨...⟩ и еще же укланятися от приключающих падений, елико по силѣ. Иже бо в коем от 3-хъ сих мимотечеть, никтоже ползуеть. Аще бо ни богатьство приобрящет, не возможет убо развращатися в житьи, ни же благодѣйствовати кого. Аще убо богат будеть, не добрѣ же житье растваряеть, скорѣе убо нищим сый причастенъ будет; аще бо и малоястие творить, не пребывающу им нѣкоему приложению, по малу все богатьство его изнурится. ⟨...⟩. Аще бо и богатьство притяжится,

СТЕФАНИТ И ИХНИЛАТ

СОЧИНЕНИЕ СИФА АНТИОХА (ИНЫЕ ЖЕ ПОЛАГАЛИ, ЧТО ИОАННА ДАМАСКИНА, ВЕЛИКОГО ГИМНОСЛАГАТЕЛЯ), А ОНО О ЗВЕРЯХ, НАЗЫВАЕМЫХ СТЕФАНИТ, ИХНИЛАТ

Притча первая. Вопрос царя. Спрашивал царь индийский одного из своих философов, говоря: «Хочу я, чтобы ты показал мне в притче, как хитрый и коварный человек, став посредником, превращает во вражду любовь и дружбу, которые между кем-нибудь установились».

И вот что тот сказал в ответ:

Рассказывают, что был один весьма известный купец, который вел положенным образом добросовестную жизнь, но имел злоумных детей, которые по лени не хотели научиться никакому искусству ремесла. И отец обращался к ним с поучительными словами, говоря: «О дети! Когда в эту жизнь мы вступаем, то нуждаемся в трех вещах: достаточном состоянии, почете от людей и справедливом приобретении того, что благо. А эти три вещи никому не даются иначе, чем через четыре другие: чтобы богатство составлять путями справедливыми и благословенными, чтобы приобретенное правильно употреблять и сохранять, чтобы из приобретенного подавать нуждающимся, а это полезно для жизни будущей, ⟨...⟩ и еще чтобы, насколько можно, избегать случающихся напастей. И если кто упустит что-нибудь из тех трех вещей,— никто не поможет. Ведь если он не приобретет богатство, то и сам в жизни не сможет развернуться, ни другого кого облагодетельствовать. А если и богат станет, но неправильно жизнь свою устроит, то скоро окажется среди нищих. Даже если и скромно питаться будет, а к богатству ничего не прибавит, истощится оно постепенно. Если же и скопится состояние, но

и в худо будет попечение его (не от сих же подасться, идѣже подобаеть) нищь и имѣя таковае богатьство во истинну вмѣняется и повиненъ есть всякой погибели. Якоже сопусы разсыпаються, егда же и в них вода умножаема бываше и исхожению путь не обрящеть».

Сих слышавше отроци наказание и покоришяся отеческому совѣту. И пръвый убо их на куплю посланъ бысть, имяше же съ собою кола, двоими телци влекома. И приключися на пути в тинѣ единому от телець углебнути. На него же устремися купець вкупѣ съ своими, възведошя и от кала, и нужи ради, яже подъят влеком, и изнемог и оставленъ бысть, ниякоже ⟨...⟩ могий ходити. И недоумѣниемъ одержим бывъ, и тихо походивъ семо и овамо, поле обрѣте травоносно и водно, в нем же *пребысть* питаяся. Немьного *еже посредѣ* и зѣло отолстѣ и отучнѣ Телець и нача ргъма земьля рыти и велми рыкати ⟨...⟩.

Пребываше же близ оного мѣста царь нѣкий Левъ. Бяху же у него животнии различнии родове: лвове же и медвѣди, волци же и лисици, и инии друзи. Левъ же бѣ вознесливъ и гръдъ и скуденъ мудростию. Слышав телчее рыкание и убояся зѣло; и не хотяще боязни свое явити сущим под нимъ, сего ради стояше на едином мѣсте, не проходя ⟨...⟩. Бяху же тамо звѣря два: единъ убо Стефанитъ нарицаемый, другий же Ихнилат. Обои различнии мудроумнии *обычаи,* Ихнилатъ же лукавенъ бяше нѣкако душею и много разумѣ вещем достизание ⟨...⟩.

Онъ же рече Стефаниту: «Что се, друже, зрим Лва непреходна, яко леду померзьшу, и по обычаю нѣкому же насиляющу?» Стефанит же рече: «Что тебѣ обещно таковым въпросом неподобным? Ничтоже нам прискорбно есть, ни тяготно, но вратом присѣдящие царя нашего, катадневную пищу приемлюще, но нѣсмы достоини о царех бесѣдовати, ниже о них сматряти. Престани убо от таковых и познай, яко всяк ⟨...⟩ влагаяй себе в неподобнаа словеса и дѣла, постражет пификово.

Глаголеть бо ся, яко пифик нѣкый, видѣвъ древодѣля древо цѣпяща двѣма клинома, яко потребы ради нѣкыа древодѣлю отшедшю, уподобися пифик древодѣлю и на древо всѣде и цѣпити е начинаше. Мудомъ же его въ древняа цѣпины вшедшим и клинъ невидѣнием извлекшу, *съключися* древо, и мудом его ятым бывшим. Малодушьствоваше же пифик, и древодѣлю дошедшу, и *мучен* бысть велми». ⟨...⟩

Ихнилат же рече: «Разумѣхъ, яже предложил еси. Но познай, яко всяк, приближайся царю, не за ради житейскыа пища приступает, но славы желает, еже възвеселити други, враги же опечалити. Худых бо мужии нижних любовно есть еже доволном быти, и еже обрящут, и обыкнути; зане и пес, кость обрѣт, гложет ю. ⟨...⟩ Высокоумный же муж не до нижних стоит и худых, но горняа ищет и достойнаа им гонит.

употреблено будет худо (не будут подавать от него, когда нужно), то справедливо счесть нищим того, кто богат таким образом, всякой гибели он сам причина. Так и трубы разрываются, когда вода в них прибывает, а пути для выхода не находит».

Услышали юноши это поучение и послушались отеческого наказа. И вот первый из них послан торговать, а с собой имел повозку, которую тянули два быка. По дороге же случилось одному быку увязнуть в болоте. Бросился к нему купец со своими людьми, вытащили его из грязи, да пришлось его оставить: ведь пока его тянули, он выбился из сил, так что и ⟨...⟩ передвигаться не мог. И вот, в полной растерянности, он тихо ходил тут и там, пока не набрел на влажное, богатое травой поле, где и остался, кормясь. Вскоре весьма растолстел и раздобрел Бык, начал рыть землю рогами и громко реветь ⟨...⟩.

А близко от этого места находился царь Лев. Были у него животные разного рода: и львы, и медведи, волки и лисы, и многие другие. Лев же был заносчив, горд, скудоумен. Услышал он рев Быка и очень испугался. Показать своим подданным страх он не хотел и потому неподвижно стоял на месте ⟨...⟩. Были там еще два зверя: один по имени Стефанит, а другой Ихнилат. Оба они различались складом ума, и Ихнилат был довольно лукав душою и хорошо знал, как достичь желаемого ⟨...⟩.

И сказал он Стефаниту: «Почему это мы видим, друг, что Лев неподвижен, словно застывший лед, не творя никому насилия, как это обычно бывает?» И сказал Стефанит: «Что тебе до таких неподобающих вопросов? Нет нам ни в чем скорби или тягости: недостойны мы о царях рассуждать или разбирать их, сидя у ворот нашего царя и принимая от него насущную пищу. Оставь это и знай, что со всяким ⟨...⟩, кто занят неподобающими словами и делами, будет то же, что с павианом.

Рассказывают, что один павиан, увидев, как дровосек расщепляет дерево двумя клиньями и что тот за каким-то делом отошел, уподобился дровосеку, уселся на дерево и взялся его расщеплять. Вот срамные части его попали в щель, а он по незнанию вытащил клин, дерево сжалось и защемило его. Павиан обезумел от боли, а когда пришел дровосек, еще и наказан был сильно». ⟨...⟩

И сказал Ихнилат: «Понял я то, что ты изложил. Но знай, что всякий, приблизившийся к царю, приходит не за жизненным пропитанием, а хочет славы, чтобы друзей порадовать и врагов посрамить. Людям бедным и низким любезен достаток: что найдут, то им и ладно; так и собака — найдет кость и гложет ее ⟨...⟩. Но человек одухотворенный не мирится с низким и дурным, он ищет высшего и стремится к достойному,

Якоже и лев, аще заеца дръжит и видит велъблюда, оставляет заеца и вльблюда гонит. Или нѣсть си, яко пес опаш виет, дондеже пищу приимет, ⟨...⟩ великому же елефанду отвращающуся и не приемлющу пища, едва укрощениемъ ядуща? ⟨...⟩ Аще бо великоумный мужъ и благоподателный не на дльго житие проводить, но длъгоживотенъ вмѣняется, а иже житейскою тѣснотою живяй, не моги ни себе, ни иныа плъзовати, маложивотенъ есть сый и страстенъ, поне аще и въ глубоку достигнеть старость». ⟨...⟩

Стефанит же, въсприим, рече: «Разумѣхъ, яже глаголеши, но разсмотряй, яко всякъ жало имать. И егда есть кто в равночестных честенъ, достоит ему доволну быти о своем степени. Таци бо есмы и мы, ⟨...⟩ и тѣм же лобзаим наше число».

Ихнилат же рече: «Обще есть житейское достояние. И великоумный муж присно творить достоание своему въсхожению, скудоумный же присно сходить. Тяготно бо есть, еже от нижних горѣ въскацати, удобно же от горних сходити, едва же въсходить. ⟨...⟩ Подобает убо и нам горняя искати, елико по силѣ, и не точию о своем степени стояти, но и на другии преходити. Хощу бо Лвова сумнѣниа присвоение обрѣсти, еже к нему бесѣдованием. Зрю бо его ужасна и всюду недоумѣющася вкупѣ съ своими воины и мню, яко получу достоание нѣкое от него».

Стефанит же рече: «Како разумѣлъ еси, яко Лев недоумѣет?» Ихнилат же рече: «Разумѣх моимъ помышлениемъ. ⟨...⟩ Разумный бо мужь может разумѣти и ближняго своего помышлениа, сматряа его по преложению и по образу». Стефанит же рече: «И како благодать възможеши обрѣсти от Лва, николиже царемъ поработав, ни художства имы бесѣдованиа их и наказованиа?» Он же, отвѣщавъ, рече: «Мудроумный мужь вѣсть ходити, в нем же и искушения не имать: ⟨...⟩ безумный же, в нем же ся есть научилъ, и в том погрѣшаеть». Стефанит же рече: «Царь не обыклъ есть блъша приимати что от себе, но ближняго прочим. Подобит бо ся *лозѣ,* та бо не бльшим древесем, но ближним приплетается. Како убо възможеши присвоитися Лвови, не сый с ним?» ⟨...⟩

Ихнилат же: «Разумѣх, елика глаголеши, и истинна суть. Но знай дружины наша, яко не бяху преже таковии, но взидоша от нижних. Хощу убо и азъ таковым начати. ⟨...⟩

Глаголет бо ся, яко отрок нѣкый, присѣдя царскымъ вратом, грьдость отложив и ярость умякчив, и досажение трьпя, и всѣм покоряяся, скорѣе убо къ цареви присвоиться. Тако и аз, егда приближуся къ цареви и разумѣю обычаи его

Вот так и лев — если держит зайца, но видит верблюда, оставит зайца, а преследует верблюда. Разве тебе не известно, что собака машет хвостом, прежде чем дадут ей есть, а великий слон отказывается и не берет пищи и ест лишь после уговоров? ⟨...⟩ Одухотворенный и щедрый муж хоть и не долго проживет, но к долгожителям причисляется, а тот, кто житейской суетою и убогостью существует, кто не способен ни себе, ни другим пользы принести, тот кратковечен и несчастен будет, даже если и до глубокой доживет старости» ⟨...⟩.

Услышал это Стефанит и сказал: «Я понял, что ты имеешь в виду, но примечай, что у каждого свой предел. И если кто почтен от равных по чести, тот должен быть доволен своим положением. И поскольку мы таковы, ⟨...⟩ то примем с любовью нашу меру».

И сказал Ихнилат: «Всякое жизненное назначение одинаково. Потому одухотворенный муж назначен к тому, чтобы восходить, а ничтожный — всегда опускаться. Ведь очень трудно снизу забраться наверх, но сверху спускаться легко, не то что восходить. ⟨...⟩ Вот и нам подобает искать, сколько возможно, высшего, не только оставаться в теперешнем состоянии, но и переходить в другие. Поэтому я и хочу через беседу со Львом сделать себе приобретение из его затруднений. Я вижу, что он в страхе и растерянности вместе со своими воинами, и надеюсь, что сделаю себе из этого какое-нибудь приобретение».

И сказал Стефанит: «Как ты догадался, что Лев растерян?» И сказал Ихнилат: «Это я понял путем размышления. ⟨...⟩ Ведь умный способен понимать даже мысли ближнего, наблюдая за его поведением и обликом». И сказал Стефанит: «А как же ты получишь от Льва вознаграждение, никогда не служив царям, не обладая искусством беседовать с ними и поучать их?» И тот сказал в ответ: «Мудрый знает, как поступать и там, где не имеет опыта; ⟨...⟩ глупый ошибается и в том, чему учился». И сказал Стефанит: «Царь принимает что-нибудь не от того, кто его больше, но от того, кто к нему ближе. Этим он похож на виноград, который оплетает не самые большие, а самые ближние деревья. Не находясь при царе, как сможешь ты приблизиться к нему?» ⟨...⟩

И сказал Ихнилат: «Я понял; это справедливо, что ты говоришь. Но вспомни некоторых из нашего круга, которые не были такими раньше, а поднялись снизу. Вот и я начну, как они. ⟨...⟩

Ведь рассказывают, что один юноша сидел у царских ворот, отбросив гордость, сдерживая гнев, терпя неудобства, всякому повинуясь, только чтобы поскорее приблизиться к царю. Так и я — когда приближусь к царю, узнаю его привычки

и нравы его и угодя ему хитростью о всем, и мнит ми ся, яко таковым образом възлюбит мя Лев и болша от иных покажет мя. Мудрый бо муж и разумный может истинну приложити и лжу составити, якоже изрядный писець презнаменает истинну и влагаеть бесѣды нѣкыа приличны времени». Стефанит же рече: «Аще таковая совѣтуеши, не подобает ти еже у царя присвоение. ⟨...⟩ Писано бо есть, яко никтоже от мудроумных дрързает на три сиа вещи, аще ли дрързаеть, едва от них спасеться: сирѣчь еже къ царемъ приближение, и еже яд пити за искушение, и еже вывѣрити женам таины. Подобенъ есть царь горѣ бреговитѣй, едва преходнѣй и всякими овощми и водами умножаему, на ню же въсхожение удобно и пребывание бѣдно».

Ихнилат же рече: «Истинну реклъ еси. Но иже на бѣды не дрързает, не получает желание, ниже всякоа вещи бояся, *бесчестен* от всѣх пребывает. ⟨...⟩ Глаголеть бо ся, ⟨...⟩ яко три сиа вещи никтоже от страшливых любит, сирѣчь царьскаа служениа, и морьское плавание, и скорое къ врагом противление. Двѣ бо мѣсте отлучишася великоумному мужу: царстии двори и еже в пустынни от пустынник пребывание, якоже и елефанду — пустыни же и царстии двори». ⟨...⟩ Стефанит же рече: «Не престати о сих. Но поиди и твори, яже хощеши».

Ихнилат же шед ко Лву и поклонися ему. Он же въпроси его: «Гдѣ пребыл еси толико врѣмя?» Ихнилат же рече: «Неотступно присѣдя царьскым вратом, надѣявся потребенъ быти в нѣкоей работѣ царству ти. Знаю бо, яко многажды в нѣкых вещех потребни бываюгь и худии мужие, множицею и въ великых потребах ползуют. Якоже древо повержено на земли потребно есть нѣкогда к чесанию уху». Якоже убо услыша Левъ таковаа словеса, ⟨...⟩ и рек своим: «Си благоразумный и словесный муж многажды *не познавается* до бесѣдования его, якоже сокровенный огнь в терние, егда въ свет изыдеть, въздушный пламень творит».

Якоже разумѣ Ихнилат, яко угоденъ явися Лвови, и рече: «О царю, подобает рабом царевом бесѣдовати ему вся подобнаа и полезнаа, и потом въсприимати от него достоинаа вся почести. Якоже бо различнаа сѣмена, в земли лежащие, не познаваються, какова суть, аще не от земля въсиают, ⟨...⟩ тако и всяк человѣкъ от своих словес познавается. Подобает убо цареви ниже главныа красоты примѣшати к ногама, ниже ножныа къ главѣ. И иже камение честное и бисеръ со оловом соплетаа, себе паче бесчестит, нежели бисер. Подобает убо князем разсматряти сущих под ним, воеводе же воины, царю же словесныа мужа и мудрыа. Не множьством бо владалци исправляють начинанья своа, но изрядным совѣтом. ⟨...⟩ Достоит убо владыкамъ не презирати менших, яже под ним: малии убо и не малии, егда въ великых ползуют.

и нрав, искусно угождая ему во всем, то надеюсь, что полюбит меня вследствие этого Лев и возвысит над другими. Умный и мудрый муж может исказить правду и сочинить неправду, как искусный писатель перетолковывает правду и составляет рассуждения, подходящие ко времени». И сказал Стефанит: «Если ты так думаешь, не подобает тебе приближаться к царю. ⟨...⟩ Ведь написано, что из мудрых никто не осмелится на следующие три вещи, но если осмелится, то едва ли спасется, а именно: к царям приближаться, пить яд для пробы, вверять тайну женщине. Царь подобен крутой горе, труднодоступной, плодами и источниками покрытой; восходить на нее легко, но пребывать на ней бедственно».

И сказал Ихнилат: «Верно сказал. Но кто не осмелится на опасное, не получит желаемого, подобно же и тот, кто всего боится, никем не уважаем. ⟨...⟩ Ведь сказано, ⟨...⟩ что из трусливых ни один не любит трех вещей, а именно: царскую службу, мореплавание и быстрый отпор врагу. Но два места предназначены великому мужу: царский двор и пребывание в пустыне с пустынниками, точно так и для слона — пустыня и царский двор». ⟨...⟩ И сказал Стефанит: «Об этом не кончить разговор. Иди и делай, что хочешь».

Пошел Ихнилат ко Льву и поклонился ему. А тот спросил его: «Где ты был так долго?» И сказал Ихнилат: «Сидел я неотступно у царских ворот, надеясь пригодиться твоему царству в каком-нибудь деле. Я ведь знаю, что порою и ничтожные для чего-нибудь бывают пригодны, а часто они полезны и в важных делах. Так вот и дерево, сваленное на землю, вдруг пригодится, чтобы почесать ухо». Услышал эти слова Лев, ⟨...⟩ и сказал своим: «Вот благоразумного и красноречивого мужа до беседы с ним не всегда и заметишь; как и огонь, скрытый в терне, лишь когда выйдет наружу, производит на воздухе пламя».

Как только понял Ихнилат, что угодил Льву, так сказал: «О царь, подобает, чтобы царские рабы говорили царю только подходящие и полезные вещи, а потом принимали от него только достойные вознаграждения. Ведь вот как разные лежащие в земле семена не узнать, какие они, пока не взойдут от земли, ⟨...⟩ так и каждого человека можно узнать лишь по его словам. Царю не подобает головные украшения привешивать к ногам или ножные украшения к голове. Тот, кто смешивает драгоценные камни и жемчуг с оловом, больше бесчестит себя, чем жемчуг. Князю подобает рассматривать тех, кто ниже его: военачальнику — воинов, царю — красноречивых и мудрых людей. Не количеством, а добротным замыслом воплощает владыка свои предприятия. ⟨...⟩ Нужно, чтобы владыки не презирали малых, которые под ними: ведь малые уже и не малые, когда полезны великим.

Подобаеть убо властелину не точию доброродныа и явленыа почитати, но достойно и словесныа мужа, и не точию о своих людех доволну быти, но и издалеча призывати. Нѣсть бо никомуже ближнейше, точию свое тѣло, ⟨...⟩ и егда время призоветь и сие презирати, но егда болѣзнь приключиться ему, далече на врачеваниа ищет. ⟨...⟩ И мышев бо множицею в домовех царских суть, но непотребни пребывают, аще и близ суть; птици же, нарицаемии фалкон, аще дивии есть, но за потребы своа призываються и приемлются и на царских руках сѣдят».

Сия словеса слышав, Левъ ужасенъ бывъ и глагола ко околником своим: «Не подобает властелину презирати разумныа мужа, аще от долняа части суть, но коемуждо по достоанию даяти, аще и нѣции *негодуют»*. ⟨...⟩

Видѣ убо Ихнилат Лвово еже к нему любезное усердие, бесѣдова ему наединѣ, глаголя: ⟨...⟩ «Что се, о царю, иже въ мнозѣ времени пребысть непоколѣбим и не преходя на мѣсто ино?» Съвѣтова убо Левъ сумнѣние свое утаити ему, приключися ему, дондеже бесѣдоваху, рыкание Телчее и пристрашенъ быв зѣло, рече: «Боюся от сего звѣри: да не противу гласу и тѣло его будеть, а противу тѣлу и сила, а противу силе мудрость? Тѣмъ же аще таковъ будет, бѣжим отсуду». Ихнилат же, восприем, рече: «Не боися, о царю: излихиа гласы праздны бо суть, аще и велми слышятся.

Глаголеть бо ся, яко лисица нѣкаа, алчющи и пища ищущи, и приключися ей вещь нѣкаа обрѣсти — тимпан, зовомый бубенъ, на древѣ висящь и вѣтром колѣблем, глас испущати. Си же видѣвши лисица и убоавшися приближитися, тимпанову видѣнию дивящися, ово же и гласнаго величия боащися, ⟨...⟩ обаче гладом и желанием побѣжена бывши, всу силу свою подвигши, и растръза его и, празно видѣвши, рече: «Оле, како худѣйшаа телеса величайша и гласна являються!» ⟨...⟩ Тако бо и мы нынѣ, о царю, стражем, таковаго звѣря гласом прельщаеми. Аще хощеши, поиду к нему и вижу, каков есть, скорѣ възращуся к тебѣ». ⟨...⟩ Посла его Левъ, зане угодно явися ему слово. Оному же отшедшу, много раскаяся Лев о послании его и в себѣ помышляше, глаголя: «Что се створих, еже и къ Хнилату своа словеса вълвѣрих? ⟨...⟩ Не подобает властелину въвѣрити своа словеса и своа тайны, емуже есть когда презрѣние створил или емуже богатство отъят и славу, или несыту мужу и лукаву, и прочим таковым. Ибо Ихнилат испръва мудрѣйши сый, пред моими враты поверженъ бысть, и сего ради невѣрно работает ми. Или обрѣт велегласнаго сего звѣря болша онем силою, к нему присвоиться и възвѣстит неможениа моа». Сия и таковая помышляющу Лву, и се явися единъ Ихнилат грядый. Яко видѣ его Левъ и радостенъ бысть, рече к нему: «Что сътворил еси?» ⟨...⟩ Он же рече: «Видѣх велегласного сего звѣря, и Телець есть. И приближихся

Почитать подобает властителю не только благородных и славных, но достойных и красноречивых, довольствоваться не только своими людьми, но приглашать издалека. Ничего нет нам ближе собственного тела 〈...〉 и заботы о нем, когда приходит пора, но если случается с ним болезнь, далеко за лечением ходим. 〈...〉 Хоть и много в царском дому мышей, но нет в них нужды, пусть и близко они; птица же по имени сокол хоть и дика, но за свойства свои призывается, принимается и на царской руке сидит».

Услышал эти слова Лев, изумился и сказал своим приближенным: «Не подобает властелину презирать разумного мужа, если даже он из низов, но каждого награждать по достоинству, пусть и недовольны этим иные». 〈...〉

Увидел Ихнилат, что Лев к нему сердечно расположен, и сказал ему наедине, говоря так: 〈...〉 «Отчего это, о царь, так долго ты недвижим, не пойдешь на другое какое место?» Лев же хотел скрыть свою растерянность, но пока они разговаривали, снова услышал он Быка и, сильно испугавшись, сказал: «Боюсь я этого зверя: что, как по голосу и тело у него, а по телу и сила, а по силе и мудрость? Потому, если он таков, уйдем отсюда». Услышал Ихнилат и сказал: «Не бойся, царь: пусты могучие голоса, хоть и громко слышатся.

Рассказывают, что голодной лисице в поисках пищи случилось найти одну вещь — тимпан, называемый бубен; висит он на дереве, качает его ветром, издает он звуки. Видев такое, лисица боялась подойти, удивляясь и виду тимпана, да и громкого звука боясь, 〈...〉 однако голоду и алчности поддавшись и с силою собравшись, растерзала тимпан, а увидев пустоту, сказала: «Увы! Так самое худое тело выглядит самым большим и звучным!» 〈...〉 Теперь это случилось и с нами, царь, что нас обманывает голос такого зверя. Хочешь ли, я подойду к нему и посмотрю, каков он, и быстро вернусь к тебе?» Льву понравилось предложение, и он послал его. Лишь тот отправился, а Лев уже сильно раскаивался, что послал его, и размышлял с собой, так говоря: «Что я наделал! Зачем доверил свои слова Ихнилату! 〈...〉 Не подобает, чтобы властелин доверял слова свои и тайны тому, кого когда-нибудь подверг презрению или же у кого отнял имущество и честь, или же жадному и лукавому и подобным таким. Ведь Ихнилат, являясь самым мудрым изначально, был повержен у моих ворот, и потому служит мне неверно. А то еще найдет он, что этот мощноголосый зверь больше и силою, сблизится с ним и сообщит о моем бессилии». Пока так и подобно размышлял Лев, появился Ихнилат, возвращаясь один. Как увидел его Лев, обрадовался, говорит ему: «Что ты делал?» 〈...〉 И тот сказал: «Видел я мощноголосого этого зверя, Бык это. Я подходил

ему и бѣседовах, и ни едино врежение ми бысть от него». Лев же рече: «Да не мниши, яко немощенъ есть, зане тебе ничимже повредил есть Телец. Великый бо вѣтръ и буря малаа древеса не повержаеть, высокая же, сломив, искореневаеть». ⟨...⟩

Ихнилат же рече: «Да ти ся не мнит, о царю, яко таковое животное силнейше есть. Аще хощеши представлю его пред тобою и в послушании твоем будет и под областию». Възвесели же ся Левъ, повелѣ сътворити ему обѣщанное. ⟨...⟩

Он же шед к Телцу, дрързостнѣ рече к нему: «Левъ мя посла к тебѣ повести тя к нему. И аще потщишися поити к нему, простыню получиши, зане доселѣ укоснѣл еси стрѣсти его, якоже и вси. Аще ли же не ускориши, скажу ему, яже о тебѣ». Телец же рече: «И кто есть Лев, пославый тя ко мнѣ, и гдѣ пребываеть?» Ихнилат же рече: «Царь есть звѣрем и на сем мѣсте пребывает со всѣми воиньствы своими, идѣже аще ти покажу. Тѣм же послѣдствуй ми». Телець же послѣдова ему до Лва, убоявся. И се видѣ его Левъ, якоже слыша по гласу и тѣло, прият его усердно, и въпрашаа его о всем. Он же възвѣсти ему вся, яже о себѣ. И обѣщася ему Лев о всем и въ все благо, и наложи на него всяку область и паче всѣх почте и. ⟨...⟩

Ихнилат же, се видѣвъ, позавидѣ ему. И не могий терпѣти завистью, объяви другу своему Стефаниту и рече: «Не дивиши ли ся, еже сьдѣях на себе — полезнаа бо Лвови съвръших, а себе улиших? И приведох ему Телца, и бысть мнѣ изящен почестию». Стефанит же рече: «Что хощеши сътворити?» ⟨...⟩ Он же рече: «Хощу убо на первое достоание доити и настати. Подобает бо мудрому 3 сиа вещи дръжати: прьвое, убо пострада добра же и зла, разсматряти, яже суть повинна — *добрым да гонит,* злая же отбѣгати, таже настоащая *добраа* или злаа разсматряти, что хощет потом быти. Смыслих убо и азъ на прьвое свое достоание доити и настати. Но не обрѣтох подобна пути такова, точию Телца убити: се бо мнѣ полезно есть, обаче же и Лвови». ⟨...⟩

Стефанит же рече: «Се видѣхом никое зло, прибывающе от Телчияго присвоения». Он же рече: «Левъ всь его есть, о прочих не радить. *Шестьми бо* вещми царь небрегом есть и ниизлагаеться: еже не искати полезнаа времени, но лютостью умякчатися; а идѣже подобает кротѣти, ту сверѣпети; и еже не имѣти разумныа и вѣрныа своа совѣтникы; и еже страшити и крамолити своа люди; и еже побѣжену быти в безсловесных похотех; и побѣжену быти яростью; — к сим же разсматряти временнаа приложениа».

Стефанит же рече: «И како възможеши повредити Лва, много суща от тебе силнѣйша, многыа другы имуща и послушникы?»

к нему и разговаривал, и никакого вреда не было мне от него». И Лев сказал: «Не думай, что Бык бессилен, раз ничем не повредил тебе. Ведь большой ветер и буря не повреждают маленькие деревья, а высокие, сломав, вырывают с корнем».

И сказал Ихнилат: «Пусть тебе не кажется, о царь, что это самое сильное животное. Если хочешь, я приведу его к тебе, и будет оно тебе послушно и в твоей власти». Лев обрадовался и велел исполнить это предложение.

Тот пошел к Быку и дерзко сказал ему: «Послал меня к тебе Лев, чтобы отвести тебя к нему. Если послушаешься и пойдешь к нему, получишь прощение за то, что до сих пор уклонялся и не встречал его, как все. Но если не поспешишь, я все расскажу ему о тебе». И сказал Бык: «А кто этот Лев, приславший тебя ко мне, и где он находится?» И сказал Ихнилат: «Он царь зверей и находится на этом месте со своим войском,— там, где я тебе покажу. Так что следуй за мною». Бык испугался и последовал за ним ко Льву. И вот увидел его Лев, что тело у него по голосу, как он и слышал, сердечно принял его, расспрашивая обо всем. А тот сообщил ему все о себе. Обещал ему Лев всякие и всяческие блага, возложил на него великую власть и вознес его выше всех. ⟨...⟩

Увидев это, Ихнилат позавидовал ему. Не в силах побороть зависть, он открылся другу своему Стефаниту и сказал: «Не удивлен ли ты, что я себе устроил — Льву принес добро, а себе лихо? Я привел к нему Быка, а тот превзошел меня по чести». И сказал Стефанит: «Что же ты хочешь сделать?» ⟨...⟩ И сказал тот: «Хочу в прежнее достоинство взойти и остаться в нем. Мудрому подобает держаться таких трех вещей: прежде всего, когда претерпел зло и добро, рассмотреть, что было причиной, чтобы к добру стремиться, от зла же убегать, а потому рассматривать наличное добро и зло, и будущее. Вот я и решил в прежнее свое достоинство взойти и остаться в нем. Но не нашел я другого подходящего пути, как только Быка убить: это и мне полезно, да и Льву тоже». ⟨...⟩

И сказал Стефанит: «Не вижу я, чтобы какой вред происходил от присутствия Быка». И сказал тот: «Лев весь принадлежит ему и пренебрегает остальными. Из-за шести вещей царь оказывается в опасности и низлагается: когда он не ищет подходящего случая, но действует грозою; когда подобает быть кротким, а он свиреп; когда не имеет разумных и верных себе советников; когда наводит страх и преследует своих людей; когда побежден бывает безрассудными желаниями; когда побежден бывает яростью,— этими обстоятельствами нужно пользоваться применительно ко времени».

И сказал Стефанит: «Но как ты сможешь повредить Льву, который гораздо сильнее тебя, имеет много друзей и приспешников?»

Ихнилат же рече: «Не взирай на мое неможение и смирение, 〈...〉 мнози бо от силных немощными побѣдишяся. 〈...〉

Глаголеть бо ся, яко вранъ нѣкый въгнѣждашеся в нѣкоем древѣ в горѣ и от нѣкоего змиа на всяко время обидим бываше и птенца его снѣдаше. Яко убо множицею таковаа змию творяща. И шед вранъ к нѣкоему другу своему звѣрю и рече: «Хощу тебе совѣтника сътворити: вѣси бо, каковая стражу от змиа. И мнит ми ся полезно быти мнѣ приближитися ему спящу и очи его извертѣти». Звѣр же рече: «Не добрѣ совѣтовал еси. Но промысли хитрость ину, ею же оного погубиши, ты же невредим пребудеши. Да не подобна постражеши жеравъв».

Глаголеть бо ся, яко жерав нѣкый, при блатѣ пребывая исполнену рыб и от них питаяся, състарѣвся и на лов не може подвизатися. 〈...〉 И гладом одръжим, достужи си. И поиде в нѣкую гору, и въсходя обрѣте ежа въ своей скръби. И еж же рече: «Почто печален еси и скорбенъ?» Он же, въсприем, рече: «И како не скорбя? Пръвое пребывах при блатѣ нѣкоем и от рыб его питаяхся, многим и обильным сущим. Днесь же узрѣх два рыбаря приходяща на мѣсто то 〈...〉 и друг другу бесѣдууще, како вся ту сущаа рыбы изловят». И еж же, се слышавъ от жерава, приде къ рыбамъ и повѣда им, яже слыша. Они же, шедше к жераву, рѣша: «Нынѣ хощем совѣтника сотворити тя. Услышахом бо, яко рыбари нѣции хотяху изловити нас». Жерав же рече: «Ни едино предлежит художство, точию еже преити от сего мѣста во ино мѣсто пресѣнно и водно». Рыбы убо рекоша: «Пренеси убь ты нас на таковое мѣсто, идѣже доволну пищу обрѣтше, избавитися предлежащеа бѣды». 〈...〉 Он же рече: «Боюся, да не преже преложения вашего доидут рыбаре. Обаче елико ми есть мощно, се сотворю». И начат с таковою притчею преносити по малу рыбы в нѣкой горный брегъ и тамо ядяше их, другим рыбам мнящим, яко в порученное мѣсто преносить их. Въ един убо от дни умоли и еж жерава пренести того, якоже и рыбы. Приим его жерав и отнесе его на гору, идѣже и рыбы снѣдаше, и совѣтоваше и того снѣсти. 〈...〉 Видѣвъ же ежъ кости рыбныа, тамо лежащаа, и разумѣ лесть, и в себѣ помышляше, яко: «Нужно смертен буду, аще противяся жераву или аще покоряся. Нынѣ смыслих, да не бесчестную смерть постражу: но или добрѣ жити ми, или добрѣ умрети, тако благоумному подобаеть». И напрасно обзинув устнами жерававу шиу и нужно его удави.

Сего ради таковаа сказах ти, о вранѣ, яко да увѣси, яко враждууще нѣции нѣкыа своими сѣтми яти бывают. Но подобает ти тако змиеву погыбель помыслити, яко да того погубиши, а сам без вреда пребудеши: и смотри долу женьскыа красоты честнѣйшиа и похоти ю, и, отнесъ в гнездѣ змиевѣ положи ю.

И сказал Ихнилат: «Не гляди, что я немощен и мал: ⟨...⟩ многие сильные побеждены бывают немощными. ⟨...⟩

Рассказывают, что на дереве в горах ворон устроил гнездо, но здесь он постоянно терпел обиды от змеи, она съедала его птенцов. И много раз делала это змея. Тогда отправился ворон к одному зверю, своему другу, и сказал: «Будь моим советчиком: ведь знаешь ты, как я страдаю от змеи. Я думаю, что лучше всего мне будет подобраться к ней, когда она спит, и выклевать ей глаза». И ответил зверь: «Неладно ты задумал. Изобрети другую хитрость, чтобы ее погубить, а самому невредимым остаться. Не то будет с тобою то же, что с журавлем».

Рассказывают, что один журавль, живя при озере, богатом рыбой, ею питался, но состарелся и не мог выходить на ловлю. ⟨...⟩ Страдал он, охваченный голодом. В скорби своей пошел он на гору, а восходя, набрел на ежа. И сказал тут еж: «Почему ты в печали и скорби?» Услышал тот и сказал: «И как не быть мне скорбну? Раньше жил я у озера и кормился рыбой из него, многой и обильной. А нынче я увидел, как пришли на это место два рыбака ⟨...⟩ и говорили друг другу, что выловят всю здешнюю рыбу». И вот еж, услышав это от журавля, пришел к рыбам и рассказал им, что слышал. А те, явившись к журавлю, сказали: «Будь теперь нам советчик: слышали мы, что какие-то рыбаки хотят нас выловить». И сказал журавль: «Иного не имеется способа, только чтобы перебраться с этого места на другое, водное и пресное». И сказали рыбы: «Так перенеси нас на такое место, где найдем мы достаточную пищу и избавимся от надвигающейся беды». ⟨...⟩ И тот сказал: «Боюсь, что еще до вашего переселения прибудут рыбаки. Но что смогу, то сделаю». И с этими словами начал понемногу переносить рыб на крутой берег, и там их съедал, а другие рыбы думали, что он их переносит в назначенное место. Однажды и еж упросил журавля перенести его, как и рыб. Взял его журавль, отнес на кручу, где съедал рыб, и вознамерился и того съесть. ⟨...⟩ Увидев, что лежат там рыбьи кости, понял еж хитрость и подумал про себя: «Хоть противясь журавлю, хоть покорясь, все насильственной смертью умру. Решил я теперь, что бесчестную смерть не приму: или достойно жить, или достойно умереть, как добродетельному подобает». Схватил он внезапно челюстями шею журавля и насильственно удавил его.

Я сказал для того тебе это, ворон, чтобы ты знал, что затевающие войну сами попадают в свои сети. А нужно тебе так подстроить гибель змее, чтобы ее погубить, а самому невредимым остаться: поищи внизу драгоценное женское украшение, укради его и, отнеся в змеиное гнездо, положи его там.

Его же ради по ней послѣдствуют нѣции, и обрѣтше змиа, и убьют его». Еже и бысть. Тако бо сотвори вран и избавлен бысть от змиа».

Рече же Ихнилат Стефаниту: «Сиа ти сказах, да разумѣеши, яко мудрость есть болши крѣпости». ⟨...⟩

Стефанит же рече: «Аще не бы противу мужеству мудръ, оставил убо бых тебѣ таковаа бесѣдовати, но вкупѣ съ храбростью и разумен есть». Ихнилат же рече: «Истинну реклъ еси, яко таков есть. Но имам его ниизложити по искушению. Дръзаю бо и вѣруу многым вещем еже быша въ многых. Ибо заець лва ниизложил есть.

Глаголеть бо ся, яко левъ нѣкый обиташе травоносно поле и водоносно, в нем же родове звѣремъ различни пребываху и обилно от оного поля насыщахуся и веселяхуся. Точию же от страха лвова ужасаеми, совѣт съвѣщавше, приидоша ко лву, ркуще ему: «Совѣщахом вси вкупѣ, о царю, яко да тебе трудов избавим и болѣзней, себѣ же самѣм безпечалие сотворим. Ты убо со многым трудом и потом единого ловиши от нас на коиждо день, мы же пакы, боящеся твоего лова, трепетни пребываем. Достоит убо нам, яко на всяк день украшаемъ твоа трапезы кромѣ трудов». Еже угодно явися лвови. И проводишя дни многи, жребиа творяще другъ къ другу: и на кождо их жребий бяше, посылаху его къ лву. И якоже жребий доиде до заица, и рече к ловцем: «Аще послушаете мене, о ловци, избавлю вас от тяготы сеа, яже стражем». Они же рѣша: «Еже хощеши, сотворим». «Рцѣте к ведущему мя нескоро вести мя к нему; егда близ будет, да скрыються, аз же да отвѣщевау». Они же тако сотворишя. И шед заець медлено ходом, якоже лву разъяритися гладом, и яко явися заець единъ, и глагола к нему: «Почто доселѣ укоснѣл еси, а не яко и прочии скоро пришел еси?» Онъ же рече: «Заеца друга своего влечах к тебѣ, и нѣкый левъ стрѣте мя и похоти его. Много же ему пригласих и засвидѣтельствовах, яко лвовъ есть, и не послушав мя. ⟨...⟩ Аще убо хощеши, веду тя к нему». Лев же разъярився, рече заецу: «Послѣдую ти, гдѣ есть». И поведе его заець в нѣкый кладенець глубок зѣло, и створи его приникнути, яко да лва оного видит. И приниче с ним и заець, и рече: «Видиши ли лва, иже похыти твоего заеца? И сей заець у него есть». И показа ему свою сѣнь въ водѣ и лвову. Иже видѣв левъ и мнѣвъ, яко тако есть, въверже себе въ кладець и удавися».

Стефанит же рече: «Аще разумѣеши, яко неприятель Лву Телець, и можеши погубити его, дѣло начни». Онъ же рече: «Ибо ты и аз и инии мнози от нас презрѣни бышя Телчияго ради присвоения. Аще ли се не можеши сотворити, отчасти таковаго начинания, препинание бо се есть и преступление». ⟨...⟩

Тогда пойдут по следу украшения, а найдя змею, убьют ее». Так и стало. Сделал это ворон и избавился от змеи».

И сказал Ихнилат Стефаниту: «Я рассказал тебе это, чтобы ты понял, что мудрость больше, чем сила». 〈...〉

И сказал Стефанит: «Если бы не был Бык мудр соответственно мужеству, я бы согласился с твоими словами, но вместе с храбростью он и умен». И сказал Ихнилат: «Верно говоришь, он точно таков. Но я низвергну его хитростью. Я осмеливаюсь на это и полагаюсь на многие случаи, которые часто бывали. Ведь и заяц льва низвергнул.

Рассказывают, что один лев жил на поле, богатом водой и травой, где обитали различные роды зверей, и это поле щедро их насыщало и радовало. Они, однако, в страхе трепетали льва и, собрав совет, пришли ко льву, говоря ему: «Мы совещались все вместе, о царь, как бы избавить тебя от усилий и забот, а себе обеспечить безбедную жизнь. Ты ведь каждодневно тратишь много трудов и пота, когда охотишься на одного из нас, а мы, опять же, трепещем, боясь твоей охоты. Нужно, чтобы без затраты трудов мы ежедневно украшали твой стол». Это понравилось льву. Долго жили так звери и метали жребий друг о друге: на кого выпадал жребий, того посылали ко льву. А когда выпал жребий на зайца, он сказал зверям: «Если послушаете меня, звери, я избавлю вас от этой повинности, которую мы терпим». И сказали они: «Сделаем что хочешь». — «Скажите тому, кто поведет меня, чтоб не быстро вел меня к нему. А когда близко к нему будем, пусть все скроются, а я отвечу». Так и сделали. И заяц шел тихим ходом, а когда уже лев разъярился от голода, заяц один появился перед ним, и тот проговорил: «Почему ты тянул до сих пор, а не пришел, как другие, быстро?» И этот сказал: «Вел я к тебе зайца, друга своего, а какой-то лев встретил меня и схватил его. Сколько ни призывал я его и ни клялся, что этот заяц уже принадлежит льву, он не послушал меня. 〈...〉 Если хочешь, я отведу тебя к нему». Разъярившись, лев сказал зайцу: «Иду за тобой туда, где он». И заяц повел его к одному глубокому колодцу и велел ему склониться над ним, чтобы увидеть того льва. Заяц тоже склонился с ним и сказал: «Видишь льва, который похитил твоего зайца? И заяц этот у него». И показал ему в воде отражение льва и свое. Увидев это и решив, что так оно и есть, лев бросился в колодец и захлебнулся».

И сказал Стефанит: «Если ты думаешь, что Бык враг Льву и что ты можешь его погубить, начинай дело». И сказал тот: «Ведь ты и я, и многие другие из нас оказались в презрении из-за возвышения Быка. Если же ты не можешь этого сделать, отступи от такой затеи, ибо она позор и преступление». 〈...〉

Таже единою от дни вниде Ихнилат ко Лву скорби исполненъ. И въпроси его Левъ о скръби, и рече: «Егда нѣчто ново приключися?» ⟨...⟩

«Приключися вещь нѣкаа неполезна тебѣ же и мнѣ. Но егда бесѣдуют кто и разумѣет, яко бесѣды его не угодно суть послушающему, к тому же, еже глаголати не смѣет, аще и за ползу будет послушающаго, аще же познает, яко приятна суть словеса его, тогда благоразумнѣ и усрьдно бесѣдует Увидѣв убо тебе, о царю, разумом и мудростью украшена, и дрьзах, еже бесѣдовати царству ти, о них же слышати не хощеши. Добрѣ бо знаеши извѣстнаа истинаа работа моа и надѣюся, яко истинна явит ти ся глаголи мои. Наша бо душа по тебѣ суть до смерти, и нужно ми есть полезная и удобная не утаити тебе. Не подабаеть бо ни рабу от своего господина утаити, ни болящему от врача достоит болѣзнь свою скрыти, ни убогому нищету свою пред другы своими прикрыти. Увидѣх бо от нѣкоего достоиновѣрна, яко Телець к боляром твоим бесѣдова им и рече им: «Искусих Лва и разумѣх извѣстно мужество его и разум и обрѣтох его въ всих неполезна». И от таковых словес, о царю, познах безстудье его и препинание: како толико превознеслъ еси его паче всѣх и равночестна ся того себѣ сотворил еси, тѣмже не токмо же се, но и на убьение твое уготовися, и сему непрестанно поучаеться и помыслил есть твою похытити власть. И подобаеть церемъ, егда каковаго когда исправят кого, смертию его преже ниизлагати, дондеже хотѣние свое не свръшить. Сему же бывшу, вси в тишинѣ пребудем. Доволнии бо мудростию человѣци всяким образом тщаться не впаднути въ злаа падения, а меншии разумом и страшливии впадауть убо когда, промышляут же свое избавление, а иже до конца неполезни мудростиу, аще и впаднут, никогда же избавления обрящут. И се подобно есть трем рыбам.

Глаголеть бо ся, яко в нѣкоем блатѣ близ рѣкы три пребываху рыбы. От них же едина бо бяше мудрѣйши, другая же маломудра, третьая же никакоже. ⟨...⟩ И приключи же ся нѣкая вещь в нѣкый день мимоити два рыбаря при таковѣм блатци, совѣщаста другъ къ другу, яко егда възратяться, уловят рыбы оны. Мудрѣйшая убо рыба, егда услыша таковое слово, избѣже из блата и поиде к рецѣ, а прочии двѣ рыбы, нерадивыше о своем спасении, осташа въ блатѣ. Рыбари убо, дошедше, заградиша блато от рѣкы со утврьжениемъ. Еже видѣвши, средоумнаа рыба раскаяся, како преже не избѣже, и рече к себѣ: «Такова есть нерадящихся кончина! Которая убо хитрость моему спасению? Но аще и будет всуе потщася, обаче елико мощно ми есть, да хитрствуу о своем спасении полезнаа». Таже створи себе и мертву, и та мертвая рыба по водѣ носима бяше. Ей же вѣровавше, рыбаре, своима рукама явше у,

В один из дней после того пришел ко Льву Ихнилат, исполненный скорби. Спросил его Лев о скорби и сказал: «Разве что случилось?» ⟨...⟩

«Случилось кое-что вредное и тебе, и мне. Впрочем, когда высказывается кто и понимает, что высказывания его неприятны слушателю, больше уже говорить не решится, хотя бы было это на пользу слушателю, но когда он видит, что воспринимают его слова, тогда высказывается с усердием и рассудительностью. О царь, когда я увидел тебя, украшенного разумом и мудростью, то осмелился высказаться твоему царскому величеству о том, о чем ты слышать не хочешь. Ты хорошо знаешь, что служба моя известна и праведна, и я надеюсь, что правда откроется тебе в моих словах. А души наши до смерти принадлежат тебе, так что должно, чтобы полезное и нужное я не скрывал от тебя. Ведь не подобает рабу скрывать от своего господина, как и больному не следует скрывать свою болезнь от врача, а бедняку прикрывать нищету свою перед друзьями. А я узнал от достоверного лица, что Бык обращался к вельможам твоим и сказал им: «Испытал я Льва, и тщательно рассмотрел его мужество и ум, и обнаружил, что в этих вещах он ни на что не годен». По этим словам, о царь, я понял его бесстыдство и коварство: ты так вознес его надо всеми, сравнял его по чести с самим собой, но мало ему этого, он и убить тебя готов, к чему непрерывно себя побуждает, и захватить замыслил твою власть. Когда такого разоблачают, нужно, чтобы царь предал его смерти раньше, чем тот исполнит свое намерение. Если так произойдет, мы все пребудем в мире. Ведь люди, достаточно мудрые, всячески стараются избегать несчастных случаев, менее умные и робкие, если оступаются, то изыскивают себе спасение, но совершенно бестолковые, если оступятся, спасения уже никогда не находят. И это похоже на то, что было с тремя рыбами.

Рассказывают, что в одном озере у реки жили три рыбы. Одна из них была мудра, другая — лишь отчасти, третья — ничуть. ⟨...⟩ И случилось однажды такое дело, что шли мимо озера два рыбака и говорили они друг другу, что когда вернутся, выловят этих рыб. И когда мудрая рыба услышала эти слова, покинула озеро и вошла в реку, две другие рыбы, не заботясь о своем спасении, остались в озере. И вот рыбаки пришли и накрепко отгородили озеро от реки. Увидев это, средняя по уму рыба пожалела, что не выплыла раньше, и сказала себе: «Таков конец нерадивых! Какой теперь хитростью спасусь? Пусть окажется тщетным старанье, все же измыслю я, сколько могу, полезное что-нибудь на свое спасение». Тут она притворилась мертвой, и словно мертвую ее носило по воде. Поверив этому, рыбаки своими руками взяли ее

и положиша посредѣ блата и рѣкы. Абие скочивше рыба она в рѣку спасена бысть. Безумнаа же рыба, бѣгавши много сѣмо и овамо, нужно уловлена бысть» 〈...〉.

Левъ же рече: «Разумѣх притчю твою, но мнит ми ся, яко нѣсть льсти никоеа въ Телци, зане никое зло пострадал есть от мене». Хнилат же рече: «Зане нѣсть никое зло от тебе, того дѣля на тя лукавьствует. Толико бо его възнеслъ еси, яко ни на един степень взирати, точию на твой. Истовный бо муж смирение показает, дондеже и санъ нѣкый достигнет, ему же нѣсть достоинъ, и егда достигнет, мыслит и на другий санъ с лестию предоити. И за ничто ино работает царю, точию еже получити истинное желание. И твориться кроток, дондеже достигнет упование, и, егда получит, пакы лукавый свой обычай обращаеться. Якоже и песия опашь естьствомъ крива сущи и неисправлена, егда же ужем свяжется и протягнеться, тогда права, и егда развязана, абие крива сущи и развращенна по своему обычау бывает. Сия разумѣй, о царю, яко не приемля от своих приятель словеса приятелна, подобно есть болному мужу, иже врачевнаа былиа полезнаа горчины ради отвращающася и не хотяща пити, но преслушающа врача. Глаголеть бо ся, яко болши есть по огню и по змиям ходити, нежели жити съ злосъвѣтными мужми».

Левъ же рече: «Благоумне глаголеши, аще и сверѣпе. Но убо вмѣним Телца, яко врагъ мой есть, не возможет бо повредити мя, траву бо ясть, а не мяса. Паче аз, кровоядець сый, того бых снѣлъ».

И псира корида и пилое. Ихнилат же рече: «Да ся не прельстиши таковым помысломъ. Глаголеть бо ся, яко аще кто тя учредит, не въвѣри ему своа таины, дондеже видиши вѣру его и друголюбие, да не подобно постражеши, еже и вошка. Вошка нѣкаа у нѣкоего велможи в тѣле в мало время крыяшеся, питающися крови его и тихо ползаущи, невѣдома бяше. Въ едину же от нощи приде гостиа ея блоха, яже напрасно и без разума уязви спяща мужа и пробуди его. И въскорѣ въстав с постеля своея и взискавъ, обрѣте вошку и уби ю. Блоха же, отскочивъ, спасеся. Аще убо ты не убоишися Телца, но егда въстанут на тя, иже суть у тебя, тогда убоишися».

Левъ же, таковым словесемъ вѣровав, рече: «Что подобает о сих творити?» Хнилат же, въсприим, рече: «Гнилый зуб инако не исцѣлѣет, точию да извлечется, и злаго ястия яд блеванием отгонится». Лев же рече: «Отселе да реку ему, да идет, аможе хощет. И тако избавлюся поношениа и печали, ничтоже зла въздавъ ему против службѣ и любве его, якоже мнѣ показа». Ихнилат же рече, знаяше бо добрѣ, яко, аще побѣседуеть Телець со Львом, уразумѣеть лесть его, того ради рече ко Лву: «Мнит ми ся, яко неполезно тако быти. Аще

и положили между рекой и озером. Тотчас же прыгнула рыба в реку и спаслась. А глупая рыба хоть и много плавала туда и сюда, все же была выловлена». 〈...〉

И сказал Лев: «Я понял твою притчу, но мне не кажется, что Бык коварен, он ведь не видел ничего дурного от меня». И сказал Ихнилат: «Потому-то он и строит козни против тебя, что не видел от тебя ничего дурного. Ты так вознес его, что ему и завидовать нечему, как только твоему положению. Такого рода особа держится смирно, пока не достигнет такой ступени, какой недостойна, а когда достигнет, с коварством замышляет перейти на другую ступень. Он служит царю не за что другое, как только чтобы заполучить то, что в действительности хочет. Он притворяется кротким, пока не достигнет желаемого, а когда заполучит это, снова обращается к своим скверным привычкам. Так и собачий хвост, кривой от природы и невыпрямленный, тогда прям, когда привяжешь к нему веревку и натянешь, а когда веревка отвязана, он тут же будет крив и изогнут, как обычно. Пойми, о царь, что тот, кто не принимает дружеские слова своих друзей, похож на больного, который отворачивается от полезных лекарств из-за их горечи, пить их не хочет, не слушает врача. Говорят ведь, что лучше по огню и по змеям ходить, чем жить со злыми советчиками».

И сказал Лев: «Разумно ты говоришь, хотя и жестоко. Но хоть и признаем, что Бык мне враг, повредить он мне не сможет: он ест траву, а не мясо. Скорее уж я, будучи хищником, съел бы его».

И сказал Ихнилат: «Не ласкайся такими мыслями. Ведь говорят: не вверяй свои тайны тому, кто угощает тебя, прежде чем не узнаешь его верность и дружбу, чтобы не было с тобою того, что было с вошкой.

На теле у одного вельможи пряталась некоторое время вошка и оставалась незаметна, тихо ползая и питаясь его кровью. Но однажды ночью пришла к ней в гости блоха, внезапно и бессмысленно она укусила спящего и разбудила его. Тотчас встав с постели, он начал поиски, нашел вошку и убил ее, а блоха прыгнула и спаслась. Пусть ты не боишься Быка, но когда поднимутся против тебя те, кто под тобой, тогда забоишься».

Поверил Лев этим словам и сказал: «Что же теперь делать?» И сказал Ихнилат в ответ: «Гнилой зуб иначе не вылечить, только что вырвать, а яд от дурной еды извергают рвотой». И сказал Лев: «Пожалуй, я скажу ему теперь, пусть идет куда хочет. Этим я избавлюсь от позора и горя и не заплачу ему злом за его службу и любовь, как он их проявил». И сказал Ихнилат — ведь он хорошо знал, что если поговорит Лев с Быком, то поймет его коварство,— и потому сказал он Льву: «Кажется мне, что так будет нехорошо. Ведь

бо разумѣет Телець, яко ненавидим есть от тебе, на противление и на брань оплъчится. Мудрии бо царие явѣ мучат *явѣ согрѣшающаго,* таино мучити таино согрѣшаущаго». Лев же рече: «Егда по навадѣ царь нанесет нѣкоему муку, а не со истинною и судом, себе паче бесчестит зѣло, и срам *велий* от люди сих ради будет ему». Инилат же рече: «Егда придет к тебѣ Телець, готовъ буди и разсматряй: прьвѣе у очиу разумѣеши, яко совѣтник есть. Узриши бо измѣнение лица его и трепет удов его, и на десно и на лѣво колебящася, и рогъма зѣло бости хотяща». ⟨...⟩ Левъ же рече: «Аще таковаа знамениа вижу на нем, вѣрую глаголомъ твоим».

Въсхотѣ Ихнилат ити таи к Телцу и въздвигнути его на Лва. Но смыслив, яко аще бес повелѣния Лвова бесѣдуеть с Телцем, и уразумѣет лесть, Ихнилат же рече: «Аще повелиши ми, о царю, поиду к Телцю и видя его совѣсть, и не утаиться съвѣтъ его от бесѣды его». И повелѣ ему Лев поити. Вшед же Ихнилат к Телцу и вниде к нему, дряхлъ и скръби исполненъ. Телець же с радостию приимъ его и о коснѣнии въспроси его, глаголя: «Что бысть вина, еже не приходиши к нам?» Ихнилат же рече: «И кое добро есть, еже не владѣти собою и ходити после господина неистинна и нетверда въ вѣре!» Телець же рече: «Егда приключися вещь нѣкаа нова?» Ихнилат же рече: «И кто может отрѣчи убѣжати? Или кто царемъ работая или приступая без вреда будет? Подобни бо суть владящии дурным блудным женам, иже многим мужем примѣшаються. Или егда учаться дѣти писменем и приходят и отходят присно, друг друга варяющи. Не веси ли убо дружбу и любовь нашу, яже имѣхом посредѣ нас? И како бых азъ повиненъ тебѣ, зане тя ко Лву приведох, того ради хощу благоразумнѣ бесѣдовати ти. Рече бо нынѣ от вѣрных ми истинных, яко Левъ бесѣдоваше къ своим си, яко: «Хощу Телца снѣсти, одебелѣ бо и отолъстѣ». И сих слышав, придох сказати тебѣ, яко да промыслиши о себѣ».

Яко бы слыша *Телець* таковаа словеса, изоумѣвся и смысли на длъзѣ, и рече: «Что зло сотворих Лву или боляром его, яко да таковаа смыслять о мнѣ? Но иже около его позавидѣшя ми и нѣчто ложно изрекошя на мя. Лукавии убо и завистливии мужие никогда убо добра за добрых бесѣдують». ⟨...⟩

Ихнилат же, въсприим, рече: «Нѣсть ти ни от когоже вина, точию от Лва, присно бо той есть нелюбовенъ и нетвердъ въ вѣре, и неразумливъ: первѣе сладокъ, а потом горек». Телець же рече: «Добрѣ реклъ еси. Вкусих бо сладости его пръвѣе и доспѣх нынѣ до горкаго яда. Ибо не подобает ми быти со Лвом, симь кровоядцем, травоядець сый яз. Несытый мой обычай таковому мя падению приплете. Подобно пострадах безумным пчелам: им же добро

когда Бык увидит, что ты его не любишь, приготовится он к сопротивлению и борьбе. Мудрый царь открыто казнит открытого преступителя, тайно казнит преступителя тайного». И сказал Лев: «Если по наговору предаст царь кого казни, а не по правде и суду, то более себя обесчестит, из-за этого будет ему великий стыд перед людьми». И сказал Ихнилат: «Когда придет к тебе Бык, будь наготове и смотри: воочию сразу увидишь, что он злоумыслитель. Заметишь ты, что лик его изменился и члены его дрожат, раскачивается он вправо и влево и рогами сильно бодать намерен». ⟨...⟩ И сказал Лев: «Если увижу такие признаки, поверю твоим словам».

Задумал Ихнилат тайно пойти к Быку и поднять его против Льва. Он сообразил, однако, что если вступит в разговоры с Быком без повеления, то Лев разгадает его ложь, и сказал тогда: «Если велишь, царь, я пойду к Быку, чтобы увидеть его расположение, и в беседе с ним не укроется его замысел». И велел ему Лев пойти. Пошел Ихнилат к Быку и вошел к нему, мрачен, полон скорби. А Бык с радостью встретил его, спрашивал об отсутствии, говоря: «Какая же причина, что не ходишь ты к нам?» И сказал Ихнилат: «А что хорошего в том, чтоб не распоряжаться собою, но быть под господином несправедливым и ненадежным!» И спросил Бык: «Разве что случилось?» И сказал Ихнилат: «А кто убежит от судьбы? Кто останется невредим, служа царям и приближаясь к ним? Властители похожи на скверную блудницу, которая сходится со многими мужчинами. Или как вот дети, когда учатся грамоте, и приходят, и уходят, вечно опережая друг друга. Разве не известны тебе наша любовь и дружба, которые между нами? И все же я в долгу перед тобой, поскольку я привел тебя ко Льву, потому и хочу с благими намерениями обратиться к тебе. Один из честных и верных мне сообщил сейчас, что Лев так говорил своим: «Хочу я съесть Быка, он раздобрел и растолстел». Услышав это, я пришел тебе сказать, чтобы ты позаботился о себе».

Как услышал Бык такие слова, долго думал в удивлении и сказал: «Какое зло причинил я Льву или его вельможам, что такое задумали против меня? Позавидовали мне те, кто близок к нему, и что-нибудь лживое на меня наговорили. Коварные и завистливые никогда не скажут хорошего о хороших». ⟨...⟩

И сказал Ихнилат в ответ: «Ни в ком другом причина, как во Льве: нет у него любви, всегда он ненадежен и неразумен; сперва сладок, а после горек». И сказал Бык: «Ты верно сказал. Отведал вначале я сладости его, а теперь вот добрался до горького яда. Ведь не подобало мне быть вместе со Львом, этим хищником, когда я травоядный. Жадность моя впутала меня в это несчастье. И страдаю я как глупая пчела: хорошо

мнится сѣсти на нимфеевъ цвѣт, и не въстають, дондеже листвие, собравшеся, удавит их. Иже нѣсть достоинъ о малѣ имании, но простираа очи свои на многаа и далечнаа, и не промышляет о предних и задних, постражет, яко и мухи: тѣм бо не доволно есть лѣтати по цвѣтох и по древесѣх, но множицею во уши елефандовы влетѣвше, удавлены бывают». Хнилат же рече: «Остави многаа и нынѣшняя сматряй. Изообрящи совѣтъ, да избавишися от смерти».

Телецъ же рече: «Вѣм, яко Лвово помышление благо есть, но околнии его, лукавни суще, развраждают его. И таковое творяще соборище, аще и немощни суть, творят и неповиннаго погибнути, якоже волкъ и лисица и гавран сотвориша лву.

Глаголеть бо ся, яко лев нѣкый пребываше в нѣкоем мѣсте, идѣже бяше путь нѣкый близ. Бяху же тамо три животнаа, любяще друг друга: волкъ и лисица и гавранъ. Купци же нѣции, мимошедше путем мимо пути оного, оставиша велблуда на пути и отъидоша. Велблюд же пришед ко лву, сказа ему, яже о себе. Лев же рече к нему: «Аще любиши со мною жити, отпущаю тя, и пребудеши у мене в беспечалии и обилии и покои во вся дни живота твоего». И пребысть тамо немало днии велблуд. И единою от дни изыде лев на лов, и стрѣтеся съ елефандом. И сразившеся, побѣжен бысть левъ, и едва възратися ранен и острупленъ и окровавлен. И леже болѣзнию отяготен, ниже ловити уже могий, ни на ловъ поити. Оскудѣша бо пища, и не имяху околни его, что ясти. И разумѣ о сем левъ, и рече им, яко: «Мнит ми ся, бѣжати хощете от мене». «Мы о себѣ попещися имамы и сыти быти, но о тебѣ скръбим. И аще быхом могли тебѣ пльзу обрѣсти нѣкую, со усръдием содѣяли быхом». Он же рече: «Не утаи ми ся ваше усръдие. Но разыдѣтеся отсуду, яко да обрящете пищу себѣ же и мнѣ». Они же шедше близ нѣгдѣ, совѣщаста друг къ другу, глаголюще: «Что нам обещно с вельблюдом симъ, травоядцемъ инородным? Но аще годѣ, да сотворим лва снѣсти его». Лисица же рече: «Се не мощно намъ изрещи къ лву о сем явѣ, зане обѣщанье имат любезна к нему лев». Гавран же рече: «Будите здѣ на мѣсте сем и оставите мене единаго поити къ лву». И тако бо поиде. Яко видѣ его левъ и рече к нему: «Что пришел еси? Еда нѣчто приклучися?» Он же рече: «Како нам хощет добро быти со иноплеменнымъ сим велблюдом? Но аще хощеши, слушай нас». Лев же прогнѣвався и рече: «Оле, дръзости и сверѣпьства! Не веси ли, яко обѣщаниа любезна и согласиа к нему сотворих? Не подобаше ти ко мнѣ таковыа бесѣды глаголати, не подобаше мнѣ се сотворити». ⟨...⟩ Гавран же рече: «Добрѣ судилъ еси, о царю. Но едина душа за всего дома предаеться,

ей кажется сидеть на цветке нимфее, она и не покидает его, пока лепестки не соберутся и ее не удавят. Кто не довольствуется малым, а устремляет свои взоры на многое и дальнее, не задумываясь о причинах и следствиях, добьется того же, что мухи: им ведь недостаточно, чтобы летать на цветы и деревья, вот и оказываются они задавлены, влетев порою в слоновые уши». И сказал Ихнилат: «Оставь постороннее и рассмотрим предстоящее. Поищи способ, чтобы спастись от смерти».

И сказал Бык: «Я знаю, что мысли Льва праведны, но ближние его, будучи коварны, делают его подозрительным. Хоть они и бессильны, но, соединяясь в такие союзы, приведут к гибели и невинного, как это сделали со львом волк, лиса и ворон.

Рассказывают, что в одном месте, поблизости от дороги, обитал лев. И были там трое животных, друживших друг с другом: волк, лиса и ворон. И какие-то купцы, двигаясь по этой дороге, оставили на ней верблюда и ушли. А верблюд, придя ко льву, рассказал ему о себе. И сказал ему лев: «Если хочешь быть со мной, позволяю тебе, и заживешь ты у меня в веселии, довольстве и покое до конца дней твоих». И верблюд провел там немало времени. Но однажды пошел лев на охоту и встретился со слоном. Они вступили в бой, и лев был побежден, так что, раненный, едва вернулся в язвах и крови. И лег он, отягощенный болезнью, не в силах охотиться и даже пойти на охоту. Иссякла пища, и у ближних его не было чем питаться. Подумал про это лев и так сказал им: «Кажется мне, что убежите вы от меня». «Мы в состоянии позаботиться о себе и быть сытыми, мы о тебе скорбим. Если бы мы могли принести тебе какую пользу, мы бы охотно все сделали». И сказал он: «Ваша заботливость не укрылась от меня. Разойдитесь по сторонам, чтобы найти пропитание себе да и мне». И они отошли недалеко и рассуждали друг с другом, говоря: «Что у нас общего с этим верблюдом, травоядным инородцем? И если получится, устроим так, чтобы лев его съел». И сказала лиса: «Мы не можем открыто предложить это льву, поскольку лев связан с ним дружеским обетом». И сказал ворон: «Оставайтесь на этом месте и дайте мне одному пойти ко льву». И с этим он пошел. Как увидел его лев, сказал ему: «Зачем ты пришел? Или что-нибудь случилось?» И сказал тот: «Разве будет нам что-нибудь хорошее с чужеродным этим верблюдом? Ты послушай нас, если хочешь». Разгневался лев и сказал: «Увы, какая дерзость и свирепость! Известно ли тебе, что я положил с ним дружеский договор и обет? Не пристало тебе говорить мне такие слова, не пристало мне такое делать». 〈...〉 И сказал ворон: «Правильно судишь, царь. Но одна душа отдается за весь дом,

и дом о градѣ, и град о всей странѣ, и страна вся о цари. И мы нынѣ о тебѣ стражем и скръбим о лишении брашен, и не обращем ти плъзы, да избудеши поношения». И сия рек, възратися къ своему и дружинѣ, и сказа им, елика слыша от лва и елика к нему бесѣдова. Они же смыслиша вещъ таковую, яко вси вкупѣ приступят ко лву и коиждо себе дати лвови въ снѣдение. И егда един о себѣ речет, тогда другий да отвѣщает: «Нѣси потребенъ», дондеже слово и до велблуда доидет. Се смыслиша и придоша ко лву, имуще съ собою и велблюда. Прьвѣе убо гавран рече: «Зрю тя, о царю, зѣло немощию отяготена и несытием посрамлена. И много быша благодѣаниа твоа на мнѣ, но не имам что принести ти, точию себе. Си прочее без омышления снѣжь мя». Они же рѣша: «Престани блядити, мал бо еси тѣлом и худ». Лисица же рече: «Да аз убо, о царю, доволнаа пища будеть ти днесь». Волкъ же рече: «Пристани и ты, смрадно бо есть твое тѣло и на пищу непотребно. Паче аз на пищу угоденъ есмь и готовъ и усръденъ». Гавран же и лисица вкупѣ отвѣщеваху: «Иже нѣсть вкусил песья мяса твоа, да вкусит, и в недугъ впасти имать чревный». Мняшеся бо и велблюд, яко и о нем имут отложити, и рече: «Аще и вси непотребни суть, но и азъ плоти многи имам и на пищу сладок есмь». Они же вкупѣ велми рекоша: «Истинну реклъ еси, о велблуде!» И нападше на нь растръгоша и напрасно.

Боюся убо, да не и азъ тако же постражу от слуг Лвовых. Аще бо и Лев моеа погыбели не хощет, но околнии его поучают его на таковое дѣло. Капля бо часто каплущи измывает камень. Тѣм же *уготовлюся* на противление его. Нѣсть бо такова плъза и похвала ни постнику, ни милостиву, ни молящемуся, елика есть тому, еже избавити себе от смерти, аще и на единъ час». 〈...〉

Ихнилат рече: «Не подобаеть никому о своемъ спасении не радати, но преже хитрити и потом въ брань уготовитися. Мудрый бо муж не покоряться, дондеже ниизложит их. Послушай убо мене, полезная ти бесѣдую. Иже убо от друга своего не приемля приятелна словеса, постражет, яко и желва.

Глаголеть бо ся, яко в нѣкоем источницѣ пребываху два норца и желва, и любяху друг друга. Нѣкогда же по днех мнозѣх оскудѣ вода от источника. И достуживше си норци, восхотѣша бѣжати от мѣста оного. И рече им желва: «Вам убо нѣсть печали о оскудѣнии воды. Вѣм бо, яко лѣтающе крилы своими обрѣсти имате воду. 〈...〉 Но мнѣ, оканнѣй, горѣ! Камо заползѣти или гдѣ? Молю вы ся убо, возмите и мене съ собою и принесите аможе хощете». Норци же рекоша: «Аще не преже обѣщаешися намъ, яко да не проглаголеши, дондеже отнесем тя, не имаши поити с нами». Она же съ клятвою обѣщася им не проглаголати на пути. И вземше норци

а дом за город, а город за страну, а вся страна за царя. А мы теперь страдаем за тебя и скорбим об отсутствии пищи, но не находим ничего пригодного, чтобы избавиться тебе от беды». Сказав это, он возвратился к своим друзьям и рассказал им все, что услышал от льва и что сказал ему. И они придумали так, чтобы всем вместе прийти ко льву и каждый предложил бы себя льву на съедение. И когда один скажет на себя, то другой кто-нибудь ответит: «Ты не подходишь»,— пока не дойдет черед верблюда. Придумали они это и пришли ко льву, взяв с собой и верблюда. Вот вначале сказал ворон: «Вижу, царь, что ты очень отягощен болезнью и опозорен голодом. Много было мне от тебя благодеяний, но кроме самого себя нет у меня ничего, чтобы принести тебе. Теперь же без колебаний съешь меня». И сказали другие: «Перестань пустословить, ведь мал ты и худ телом». И сказала лиса: «Так уж я, о царь, буду тебе сегодня достойной пищей». И сказал волк: «Перестань и ты, ведь зловонно тело твое и в еду не годится. Лучше я с готовностью и усердием послужу едой». Но ворон с лисой вместе отвечали: «Кто не едал твоего собачьего мяса и съест, тот обязательно заболеет животом». Тут верблюд решил, что и его отвергнут, и сказал: «Раз уж все негодны, так вот я много мяса имею и вкусен в пищу». А они все вместе вскричали: «Правду говоришь, верблюд!» И, набросившись на него, немедленно его растерзали.

Вот и я боюсь, что также пострадаю от Львовых слуг. Если даже Лев моей гибели не желает, то его ближние наущают его на такое дело. Ведь и капля, часто капая, источит камень. Поэтому я изготовлюсь к борьбе с ним. Нет такой пользы и похвалы ни постнику, ни милосердному, ни молящемуся, как тому, кто спасет себя от смерти, хотя бы на одно мгновенье». 〈...〉

Сказал Ихнилат: «Каждому нужно заботиться о своем спасении, но сперва хитрить, а уж потом готовиться к войне. Мудрый человек не покорится, пока не свергнет их. Вот послушай меня, я скажу полезное тебе. А тот, кто не принимает дружеских слов своего друга, пострадает, как черепаха.

Рассказывают, что в одном водоеме жили два нырка и черепаха, и жили они в дружбе. И вот по прошествии времени иссякла в водоеме вода. Загрустили нырки и захотели покинуть это место. А черепаха сказала им: «Нет вам горя, что иссякла вода. Уж я знаю, что, летая на крыльях своих, вы обязательно найдете воду. 〈...〉 Но горе мне, несчастной! Куда мне пристроиться, где? Умоляю вас, возьмите и меня с собой и перенесите куда хотите». И сказали нырки: «Ты не отправишься с нами, если прежде не пообещаешь, что не произнесешь ничего, пока мы не перенесем тебя». И она клятвенно обещала им не говорить в пути. Взяли нырки прямое

древо право, повелѣша ей древо ухапати в половине. И егда ухапа желва древо, тогда норци краа древу вземше, въздвигоша на въздух съ собою и желву. Случи же ся нѣкоим человѣком путем онѣм мимоити, ⟨...⟩ възрѣша горѣ и видѣша желву межу норець висящу, удивишася, глаголюще: «Видѣти чюдо и знаменье, желва бо посредѣ двою норець на въздусѣ летит». Желва же, слышавши се, отврьзе уста своа проглаголати противу бесѣде имъ, и тако отвръзши уста своа проглаголати, паде на землю и сокрушися. Тако збудется, иже не съвръшает обѣщание».

Телець же рече: «Не тако безстудно начну о Лвовѣ погыбели». Ихнилат же рече: «Аще видиши на Лвѣ знамение таково, вѣруй моим словесем: сирѣчь очи дивнии кровавыи, устрѣмление неодръженно и колѣбание часто опаши его, тогда разумѣй, яко на тя готовится».

Таже вниде Телец ко Лву, видѣвъ его измѣнена образом и знамениа вся, яже рече ему Ихнилат показающа, и ярости наполнився и рече: «Болши есть въ гнездѣ змиевѣ пребывати, нежели у царя». И сия рек, на противление Лву ста. Видѣв же Левъ таковая, приплетеся с ним на брань.

Бяше же тамо Стефанит; призва своего друга Ихнилата и рече: «Вижь и лесть, юже еси сшил, и кончину сматряй. Лва бо посрамил еси и Телца погубил еси. Не вѣси ли, яко мудрый пръвосовѣтник царевъ не оставляет его на брань устремитися, аще миром мощно есть уткмение быти, аще и врази немощни будут? Мудрость бо многосилныя побѣжает. Аз же отнелиже видѣх твою гордость и лакомство и разумом познах, яко не имаши добро сотворити. Ничтоже бо ино не погубляет владалца, точию еже приимати словеса от таковых, якоже еси ты. ⟨...⟩ Украшает словеса разумом, а разум правдою, подаяние — тихость, благозрачие образа — душевнаа красота, богатьство же — и милостыни, еже къ требующим, а животу — здравие и веселие. Разумѣй о сих, яко разумом бодръ есть мудрый, и упивается неразумиемь безумный. Тако бо стражут и лиинаковии очи, зане праздныи не могут видѣти, того ради в нощи лѣтают. Всяк бо царь, иже таковы рабы имат, подобенъ есть водѣ чистѣ и краснѣ, исплъненѣ же внутрь ядовитых звѣрей, и еже водѣ не смѣет приближитися, аще и зѣло безводием опаляется. Ты бо никого же въсхотѣл еси присвоитися, паче тебе у Лва. Но царство съ множьством люди *состоится,* якоже море со своими волнами, и тако бо страшно плавающим являеться. Безумно бо есть, еже временно любити кого, и радоватися погибели дружнѣй, а себѣ пльзы искати. Совѣта блага ничтоже крѣпчайши, и дѣла прогадлива ничтоже пакостнѣйши. К сим же вѣм, яко зане ти таковая бесѣдую и поучаю тя, тяжек ти являюся. Рече бо от мудрыих: не обличай безумна, да не возненавидит тебе.

деревце и велели ей закусить деревце посредине. А когда черепаха закусила деревце, нырки взялись за концы его и подняли с собой на воздух черепаху. Случилось, что проходили какие-то люди, взглянули вверх, увидели, что черепаха висит между нырками, и удивились они, говоря: «Глядите на чудо и знаменье: ведь черепаха между двумя нырками по воздуху летит». Услышала это черепаха, открыла рот, чтобы ответить на их слова, и так вот — открыв рот, чтобы ответить,— упала на землю и разбилась. Так будет с тем, кто не исполняет обещание».

И сказал Бык: «Так бесстыдно я не возьмусь за погубление Льва». И сказал Ихнилат: «Верь слову моему: если увидишь у Льва такие признаки, а именно: взор странный и кровавый, неудержимая страсть и частое биение хвоста,— тогда знай, что на тебя напасть он готовится».

Когда вошел Бык ко Льву и увидел, что тот изменился и проявляет все признаки, о которых говорил Ихнилат, наполнился он ярости и сказал: «Лучше находиться в змеином гнезде, чем у царя». Сказал так и приготовился к битве со Львом. А Лев увидел это и вступил с ним в бой.

Там был и Стефанит; призвал он своего друга Ихнилата и сказал: «Гляди на козни, которые ты устроил, и рассмотри конец. Льва ты опозорил, а Быка погубил. Разве ты не знаешь, что даже когда враг бессилен, мудрый царский первосоветник не позволяет царю идти на бой, если можно миром уладить? Мудрость и многомощных побеждает. Теперь увидел я твою гордость и алчность и понял, что не можешь ты творить добро. Ничто другое не губит властителя, как принимать советы от таких, каков ты. 〈...〉 Слова украшены разумом, а разум — правдою, подаяние — кротостью, привлекательность внешности — душевной красотой, богатство же — милостыней нуждающимся, а жизнь — здоровьем и радостью. Пойми и то, что мудрый от разума бодр, а безумный от неумия пьян. Также страдают глаза летучих мышей: пустые, они не видят, потому мыши ночью и летают. Всякий царь, у которого такие слуги, похож на чистый прекрасный водоем, полный в глубине ядовитых животных, так что не решишься подойти к воде, даже если тебя сжигает жажда. Ты вот не захотел, чтобы кто-нибудь приблизился ко Льву ближе, чем ты. Но царство состоит из множества людей, как море из волн, поэтому-то оно и кажется страшным тем, кто плывет. Безрассудно, если любишь кого-нибудь ради выгоды, радуешься гибели ближнего, а себе ищешь пользы. Нет ничего сильнее хорошего совета и ничего вреднее скверного дела. Впрочем, знаю, что я в тягость тебе, говоря тебе это и поучая тебя. Сказал ведь один мудрец: не обличай безумного, чтобы не возненавидел он тебя.

Глаголеть бо ся, яко нѣции пифици в нѣкоей горѣ пребываху в зимно время преступденно и обрѣтоша ту сокровище злата, яко отшед оттуду, сокрыша в земли и совѣщаша совѣт: «Елико есть требѣ, возмем от злата, а прочее в земли да скрыем. И егда требуем, да вземлем по малу, дондеже все изнурим». И сим образомъ дружба их на длъго врѣмя пребысть, вѣрова бо препростый лукавому оному. И погребоша злато оно под древом нѣкоим, велием дубом, и съкрывше възвратишася въ своя. По нѣкыих же днех изыде таи лукавый и прекраде злато все. И по времени нѣкоемъ рече препростый лукавому: «Поидем, аще ти есть годѣ, и возмем нѣкую часть от злата, еже имамы в земли». И шедше и землю раскопавше, ничтоже обрѣтоша. Начат убо лукавый власы своа трьзати и прьси своа бити и въпити на препростаго, яко: «Съкровище украл еси». Препростый же тмами клятвами того утвержаше, яко: «Ничтоже тако сотворих», конѣчнее же к нѣкоему судьѣ приведе его. Судья же рече: «Аще тако на препростаго оклеветаеши, даждь и поличие». Он же рече: «Дуб сам свидетельствует истинну, аще и безгласен есть». И шед ко отцу своему лукавый, сказа ему, яже о себѣ, и умоли его, да внидет в дубъ, бяше бо дубъ он дупленъ, и да проглаголеть из дуба, яко препростый взял есть съкровище. Отець же его сие рече: «Азъ убо сие створю, но блюди, да не въ своих сѣтех ятъ будеши». И шед отець его вниде в дубъ. ⟨...⟩ И судьи пришедшу и въпросившу дуба, и глас изыде из дуба, яко препростый взялъ есть сокровище. ⟨...⟩ Се убо слыша судья и разумѣ лукавьство, и повелѣ дуб запалити огнем. И яко разгорѣся огнь, и взыде дым на скрытаго оного, и напрасно възпи, и извлеченъ бысть. И лесть исповѣда, и зѣло мучен бысть и съ сыномъ своим. И отъяша им злато, тако бо повелѣ судьа быти, и възратиша все препростому. Таковая бо есть лукаваго человѣка и льстиваго кончина. Аз бо всегда твоего языка бояхся, яко и зубъ змиевъ. И добрѣ бо рече, рекый: «Бѣгайте лукавыа мужа, аще и сродници и ближнии суть». Подобно сотворил еси купеческое.

Глаголеть бо ся, яко купець нѣкый, хотя поити на купиу, положи полог у нѣкоего желѣзо за 100 сребреникъ. И егда възратиться от купия, приде к тому, у него же бяше полог, и рече ему: «Дай же ми желѣзо, еже положих у тебе». Он же рече: «В нѣкоем кутѣ дома моего погребох твое желѣзо и изъѣдоша е мышкы. И не жали си о том, понеже к намъ здравъ пришелъ еси. Но приди к нам днесь, да обѣдуемъ и порадуемся о твоем прибытцѣ и доходе». Он же, послушавъ его, обѣдова у него. И по обѣде, изыде поити в дом свой, и стрѣте сына человѣка того, ему же бяше предал желѣзо, и ят его, отведе в домъ свой и скрывъ его в кущи. И възратися, обрѣте человѣка оного въпрашающа всѣх

Рассказывают, что в студеную зимнюю пору оказались на одной горе две обезьяны и нашли там золотой клад и, спустившись оттуда, зарыли его в земле и думали думу: «Возьмем золота, сколько нужно, а остальное в земле спрячем. И когда потребуется нам, будем брать понемногу, пока все не израсходуем». И таким вот образом их дружба продолжалась много времени, ведь простак верил тому лукавцу. И зарыли они золото под деревом, большим дубом, а спрятав, вернулись восвояси. А лукавец через несколько дней отправился тайно и выкрал все золото. Через какое-то время простак сказал лукавцу: «Пойдем, если хочешь, и возьмем немного из золота, которое у нас в земле». Пошли, раскопали землю, и ничего не нашли. Стал тут лукавец рвать на себе волосы, бить себя в грудь и кричать на простака, что сокровище, дескать, он украл. С тысячами клятв утверждал простак, что не сделал, дескать, ничего такого, но тот в конце концов привел его к судье. И сказал судья: «Раз ты возводишь на простака обвинение, приведи улики». И сказал тот: «Сам дуб засвидетельствует истину, хотя и безгласен». Отправился лукавец к своему отцу, рассказал ему все и упросил его влезть в дуб — а дуб был с дуплом — и проговорить из дуба, что простак взял сокровище. И сказал его отец так: «Я-то сделаю это, но смотри не попадись в свои сети». Пошел отец и влез в дуб. ⟨...⟩ И когда пришел судья и обратился к дубу с вопросом, то из дуба раздался голос, что простак взял сокровище. ⟨...⟩ Услышал это судья и разгадал коварство, и велел он зажечь дуб огнем. Как разгорелся огонь и подступил дым к укрывшемуся там, сразу же тот завопил и был вытащен оттуда. Раскрыл он обман и был жестоко наказан вместе со своим сыном. А золото отняли у них, как велел сделать судья, и все вернули простаку. Таков конец коварного и хитрого человека. Я же всегда боялся твоего языка, как змеиных зубов. Верно сказал сказавший: «Удаляйтесь от коварного человека, даже если вы в родстве или близки с ним». Ты сделал похожее на то, что было с купцом.

Рассказывают, что один купец, отправляясь на торг, за сто серебреников положил железо в заклад одному человеку. А когда вернулся с торга, пришел к тому, у кого был заклад, и сказал ему: «Дай-ка мне железо, которое я у тебя положил». И сказал тот: «Зарыл я твое железо дома в одном углу, и изъели его мыши. Да ты не жалей об этом, ведь ты возвратился в здоровье. Приходи же к нам сегодня, мы отобедаем и порадуемся твоей прибыли и доходу». Послушался он и отобедал у того. Вышел он после обеда, чтобы идти к себе домой, и встретил сына того человека, которому заложил железо. Взял он его, отвел к себе домой и спрятал в сенях. Возвратившись, он увидел, что тот человек спрашивает всех

о сынѣ своем, и рече к нему: «Аще сына своего ищеши, видѣх его на въздусѣ носима от орла». Он же възгласив и рече: «Видѣсте ли орла человѣкы носяща по высотѣ?» Он же рече: «Ей! Идѣже мышевѣ желѣзо ядят, ту и орли человѣкы въсхыщають на высоту». Он же позна уме не бывшее, възврати желѣзо, елико бяше приялъ, а сына своего взят.

Тако и ты посрамишися, о Ихнилате, зане ложнаа словеса плетеши. Но злый ничтоже не обрѣтает, точию да ся зовет зол. Горкый бо плод, аще и множицею помажется медом, не отлагает своея горчины въ сладость. Похвално бо еже с мудрыми мужми любитися и бесѣдовати с ними, от лукавых же и злых отбѣгати. Якоже бе вѣтръ смрад вземлет и носит повсуду и просмражает всѣх, тако иже с лукавыми человѣкы бесѣдовати, просмражается от него. Тѣм же и еще мнит ми ся, яко тяжек ти ся являю, зане тя тако поучаю. Ненавидят бо безумнии людие мудрыхъ присно, а ненаказаннии наказанных, и злии незлобивых, и развращенныа благых».

И сия бесѣдующим им посредѣ себе, и уби Телца Лев. И по убьении его раскаяся Лев о убьении его. Ихнилат же шед ко Лву и видѣ его дряхла и рече: «Почто раскаялся еси о Телци? Не веси ли, яко укълоснувши непрьтка перстъ нѣчий, напрасно перъстъ отсѣкаеться, да не все тѣло обоимет и погубит, и не милует своего пръста за ради всего тѣла своего».

Тако убо, рече философ, злый и лукавый муж, аще себе примѣсит посрѣди друговъ, любовь и дружбу имущих, во вражду и въ мятеж претворить любовь их.

Царь же рече к философу: «Извѣсти ми о Ихнилатѣ по убьении Телчи».

Философ же, восприим, рече:

По убьении Телца изыде вонъ Леонтопардос, иже бяше учитель Лвовъ и вѣрный совѣтник, и приступи ко вратом Ихнилатовѣм, и услыша Стефанита крамоляща и поношающа Ихнилата, о них же сотвори на Телца, яко: «Не убѣжиши, рече, от Лвовых рукъ, и аще таковаа увѣсть». Сия слышав, Леонтопардос уразумѣ все подробну и, вшед к матери Лвовѣ, и сказа ей вся, елика слыша.

И егда бысть утро, приде мати Лвова къ сыну своему. Видѣвши его дряхла и скръбна, и кающася о смерти Телца, и рече к нему: «О чадо, раскаяние и печаль ничтоже ино творит человѣку, точию тѣлу искушение и уму омрачение, но бодръ буди и не жали си. Вѣм бо и без рѣча твоего, яко и за Телца жалиши и малодушьствуеши, егоже без вины погубил еси. Аще бы ты праведенъ царь, подобаше ти разсудити о нем. Глаголеть бо ся, яко отдавай друг другу сердца. Рци ми убо, яко имѣлъ еси у себе Телца?» Лев же рече: «Присно убо Телець любовен ми бяше, и вѣровах ему о всем, и наказаниа его приемлях, и не бяше ми от поучения его никое зло.

о своем сыне, и сказал ему: «Если ищешь сына своего, видел я, как нес его орел по воздуху». А тот вскричал и говорит: «Видано ли, чтобы орел поднимал людей на воздух?» И сказал купец: «Конечно: где мыши едят железо, там и орлы уносят людей вверх». И тот сообразил, что произошло, возвратил все железо, сколько принял, а сына своего забрал.

Так и ты, Ихнилат, опозоришься тем, что сплетаешь лживые слова. Ничего не приобретает дурной, только что назовут его дурным. Хоть сколько мажь медом горький плод, не переменит он своей горечи в сладость. Похвально дружить и общаться с мудрыми людьми, а от коварных и дурных удаляться. Вот как ветер подхватит зловоние, носит его повсюду и заражает зловонием все, так и с коварными людьми водиться,— заразишься зловонием от них. И снова мне кажется, что в тягость я тебе, раз так тебя поучаю. Всегда ведь ненавидят безумные мудрых, а неучи ученых, скверные нескверных и испорченные хороших».

Так беседовали они между собой, а Лев убил Быка. Но после этого раскаялся Лев в его убийстве. И пришел ко Льву Ихнилат, увидел, что он печален, и сказал: «Зачем раскаялся ты из-за Быка? Разве не знаешь, что когда змея укусит в палец, тут же отсекают палец, чтобы все тело не охватило и не сгубило; ради всего тела не жалеют палец».

Вот так, сказал философ, дурной и коварный человек превратит любовь во вражду и смуту, если пристроится к друзьям, поддерживающим дружбу и любовь.

И сказал царь философу: «Сообщи мне про Ихнилата после гибели Быка».

В ответ философ сказал:

После гибели Быка Леопард, а он был учитель и верный советчик Льву, вышел и приблизился к Ихнилатовым воротам и услышал, как Стефанит корил и попрекал Ихнилата за то, что тот сделал с Быком, и как раз говорил: «Не спасешься от рук Льва, если он все это узнает». Услышав такое, Леопард понял все до конца, пришел он к матери Льва и сказал ей все, что услышал.

А когда настало утро, мать Льва пришла к своему сыну. Видела она, что он в унынии и скорби и в раскаянии об убийстве Быка, и сказала ему: «О дитя, раскаяние и печаль ничего другого не дают, лишь тело изнуряют и дух помрачают, а ты будь бодр и не скорби. И без слов твоих знаю, что скорбишь ты и страдаешь за Быка, которого безвинно погубил. Если был ты справедливый царь, должен был ты думать о нем. Ведь говорится, что нужно воздавать друг другу сердцем. Скажи-ка мне, как обходился ты с Быком?» И сказал Лев: «Всегда любезен был мне Бык, во всем я доверял ему, принимал его уроки, и не было мне ничего худого от его поучений,

Нынѣ же пакы каюся и оскръбляюся о смерти его, зане познаваю, яко неповинен ми бяше, но прельстихся словесы ложными льстиваго Ихнилата». Лвова же мати рече: «Услышах нѣ от коего достоиновѣрного, яко зависти ради облъга у тебе Ихнилатъ Телца». Лев же рече: «Кто есть сказавый тебѣ?» Она же рече: «Подобает тайны своих любовных соблюдати. Не храняй бо тайны обесчестивает свою съвѣсть и свою вѣру посрамляет». Лев же рече: «Во иныхъ притчах соблюдати таковаа, а инде же явлена суть словеса подобает да ся явить истинна. Яко да обидимым мщение обрящет, тѣм же подобает согрѣшение прикрывати. Праведенъ царь не клеветами мучит, ни облыганиемь томит, но истинною иправдою. Боюся, да не такоже раскаюся о Ихнилате, якоже и о Телци». Мати же Лвова рече: «Не надѣяхся да ся боиши от моих словесъ». Левъ же рече: «Не боюся словес твоих, но хощу истинну на съвѣт извѣсти». Она же рече: «Боюся да створиши, и безчеловѣчна явлюся».

Сия убо слышав Левъ от матери своея, призва вся околныа своя. Призва же Ихнилата. Видѣв же Ихнилат Лва дряхла, рече къ ближним своим: «Что се зрю бо Лва скръбна и жалости исполнена?» Отвещавши же мати Лвова и рече: «Не за ино что жалует, точию зане тя есть оставил доселе с живыми ходити. Претворил бо еси лестью оканного Телца убити».

Ихнилат же рече: «Вижь, яко всякъ, тщаяйся на благое, готовъ есть да зло постражет. Того бо ради оставиша пустынницы, еже съ человѣкы пребывание, и изволиша пустыня. Аз бо, яко приятель Лвовъ, сказах ему, яже о Телци. Огнь бо съкровенный въ кремыцѣ желѣзом изгонится, и согрешениа елико испытаются и исправятся, толико паче исправятся и открываются. Аще бых вѣдалъ, яко согрѣшил есмь, не бых убо здѣ был, но в нѣкоем мѣсте сокровеннѣ пребывал бых. Молюся царскому величествию, яко да испытает извѣстно, еже о мнѣ, или самъ, или иному повелит праведному испытателю, иже не имать истинну в лъжу претворити, ниже на лица судити, ниже имат послушати моя завистникы. Многы бо таковыа клеветникы приобрѣтох нынѣ за любовь, яже имяше ко мнѣ царь. Аще ли се не сотворится о мнѣ, не имам къ кому прибѣгнути, точию къ божию благоутробию, иже испытает сердца и утробы. И к сим же не боюся смерти, зане оставлена есть всякому смерть. И аще бых имѣл тмами душь, не бых пощадѣл их царева ради угожения». И отвѣщав нѣкто от боляръ, рече: «Не бесѣдуй таковаа о царевѣ любови или о своей работѣ, но о них же беззаконновалъ еси, отвѣщай». Ихнилат же рече: «Не вѣси ли, о безумне, яко нѣсть

И теперь еще раскаиваюсь я и скорблю о его смерти, потому что вижу, что был он невиновен предо мной, а я поддался на лживые слова хитрого Ихнилата». И сказала мать Льва: «Я слышала от достойного доверия, что Ихнилат по зависти оклеветал перед тобой Быка». И сказал Лев: «Кто это сказал тебе?» И сказала она: «Должно хранить тайны своих друзей. Не хранящий тайну бесчестит свою совесть и посрамляет доверие к себе». И сказал Лев: «Этого нужно держаться в других случаях, но там, где объявлены слова, следует, чтобы и истина объявилась. Чтобы исполнилась месть за пострадавших — вот чем следует покрывать проступки. Справедливый царь не по клевете казнит, не по наушничанью теснит, но по правде и истине. Боюсь, что и об Ихнилате буду также раскаиваться, как о Быке». И сказала мать Льва: «Не думала я, что усомнишься ты в моих словах». И сказал Лев: «В словах твоих не сомневаюсь, но хочу я правду вывести на свет». И сказала она: «Я боюсь, что если ты сделаешь это, я окажусь бессовестной».

Услышал это от матери своей Лев и призвал всех своих приближенных. И Ихнилата призвал. Ихнилат увидел, что Лев в унынии, и сказал окружающим: «Что же это я вижу, что Лев в скорби и печалью охвачен?» А мать Льва сказала в ответ: «Печалится он ни о чем другом, лишь о том, что позволил тебе до сих пор быть среди живых. Ты же ведь хитростью добился, чтобы погубить несчастного Быка».

И сказал Ихнилат: «Заметь, что всякий, кто стремится к добру, должен быть готов терпеть зло. Потому-то отказались пустынники от того, чтобы быть с людьми, и предпочли пустыню. Ведь я, как друг Льва, все про Быка ему сказал. Огонь, скрытый в кремне, извлекается железом, а преступления чем больше расследованы, тем больше выявлены, а чем больше выявлены, тем больше открыты. Если бы знал я, что совершил преступление, не был бы здесь, но был бы в тайном каком-нибудь месте. Я прошу у царственного величества, чтобы все, что касается меня, он внимательно расследовал — сам ли, или другому поручил справедливому следователю, кто бы мог не превращать правду в ложь, судить нелицеприятно, не слушать моих завистников. Много теперь против меня таких клеветников из-за любви, которую питает ко мне царь. Если не исполнят это в отношении меня, не будет у меня к кому прибегнуть, только к милосердию бога, который «испытует сердца и утробы». К тому же я не боюсь смерти, ведь смерть назначена каждому. И пусть бы у меня были тысячи душ, не пожалел бы я их, чтобы угодить царю». И один из вельмож сказал в ответ: «Не рассуждай о царской любви или о своей службе, отвечай о том, в чем нарушил закон». И сказал Ихнилат: «О безрассудный, разве ты не знаешь, что нет ничего

ничтоже в живых честнѣйше, паче душа их? И аще азъ о себѣ не отвѣщеваю, кому печаль отвѣщевати о мнѣ? Но проявил еси пред всѣми зависть, яже еси имѣлъ в себѣ, и показалъся еси, яко не друголюбенъ и не твердъ въ вѣре. Остави же предстояти цареви, не достоит бо ти такову завистливу предстояти цареви». Сия слышавъ, он изыде уныл.

Львова же мати рече ко Ихнилату: «Дивлюся твоему сверѣпству, о Ихнилате: яко таковаа дръзну беззаконна сотворити, безсрамныа глаголы к намъ бесѣдуеши». Ихнилат же, восприем, рече: «Почто мя единѣмъ оком зриши? Не веси ли, яко изначала двѣ оцѣ имаши? Но яко по пророку вси уклонишася вкупѣ и непотребни быша, нѣсть ни единъ, иже правду любит и истинну. Царь бо за излихиа своа благодати не обличает мя, ни страшит». Она же рече: «Видите лукаваго сего и неистовнаго, како толика беззаконнаа содѣлавъ и въ великаа впад согрѣшениа, превратити начинает истинну и хощет нас словесы своего лукавьства прельстити!» Он же рече: «Нѣсть лѣпо женам в мужская вещи входити, ни мужу в женьскаа. О горе мужу и дому тому, идѣже жена владѣет! Безуменъ есть, иже пред царемъ отвѣщевает без вопрошениа. Иже злая творит, неприятенъ никомуже, ниже отражает приходящаа злаа». Мати же Львова рече: «Да ти ся не мнит, о невѣрниче, яко убѣжати хощеши от осудителнаго мучениа, аще и многословия плетеши». Ихнилат же рече: «Таковии суть, иже ложнаа творят, и от правды укланяющеся, и ни въ словесѣх своихъ, ни в дѣлех утвержени». Видѣв же мати Львова Льва ничтоже о сих глаголюща и рече: «Солгаша, елика глаголаша на Ихнилата, яко истинну бесѣдует, иже пред царемъ съ дръзновением глаголеть, и ни от когоже възбраняемь».

Тогда повелѣ царь в темницу въврещи Ихнилата и оковати его, дондеже о нем испытает. И по оковании его исповѣда Льву мати его, яко: «Леонтопардос сказа ми яже о Ихнилатѣ». Лев же рече: «Остани его. Узрит бо, что хощет пострадати».

Нощию же Стефанит ко Ихнилату пришед и оковании его видѣвъ, и проплакася, и рече: «Си суть, яже ти преже глаголах, но гордостию и высокоумиемь побежен бывъ, не приемляше моя словеса. Зри убо съвръшенье». Ихнилат же рече: «Истинну реклъ еси. Непрестанно наказавалъ мя еси полезнаа, но азъ не послушах тебѣ: несытием бо одръжим бых оканный. Подобно пострадах болных, иже знают, яко неполезна им есть от нѣкоего ястья, но лакомъством своим вкушающе, поврьжают себе. Нынѣ же точию о себѣ боюся, но омышляю о тебѣ — да не за ради дружбу и любовь, яже имѣхом, ят будеши и ты и нужею исповѣси, яже о мнѣ, и смерть исходатаиши себѣ и мнѣ».

дороже для живущих, чем душа? И если я за себя не отвечу, кому забота отвечать за меня? А ты перед всеми открыл зависть, которая скрыта в тебе, и оказалось, что ты недружелюбен и ненадежен. Не смей находиться при царе, такой завистник не достоин находиться при царе». И тот в унынии удалился, услышав такое.

И сказала мать Льва Ихнилату: «Удивляюсь я, Ихнилат, твоей необузданности: ты осмелился совершить этакое беззаконие, и еще обращаешься к нам с бесстыдными словами». И сказал Ихнилат в ответ: «Почему глядишь ты на меня одним глазом? Разве ты не знаешь, что от рождения у тебя два глаза? Ведь, согласно пророку, все без исключения уклонились и сделались непотребными, нет ни одного, кто любит правду и истину. Царь вот по безграничной своей доброте не обличает меня и не угрожает мне». И сказала она: «Глядите на этого коварного и нечестивого, как он, впав в такое беззаконие и совершив великое преступление, начинает искажать правду и хочет обольстить нас речами своего коварства». И сказал тот: «Нехорошо, чтобы женщины вмешивались в мужские дела, а мужчины в женские. Горе тому мужу и тому дому, где правит жена! Безрассуден тот, кто отвечает царю, когда его не спрашивают. Кто творит зло, тот ни к кому не дружествен и не защитится от будущего зла». И сказала мать Льва: «Пусть тебе не кажется, о нечестивец, что избегнешь ты судебной казни, хоть и сплетаешь многословия». И сказал Ихнилат: «Таков тот, кто составляет клеветы, уклоняясь от правды,— изменчив и в словах, и в делах». Увидела мать Льва, что Лев ничего не говорит обо всем этом, и сказала: «Солгали, когда говорили, что Ихнилат высказывает правду, если продерзостно разглагольствует перед царем, и никто ему не препятствует».

Тогда велел царь бросить Ихнилата в темницу и заковать его, пока будет расследование. А когда сковали его, призналась Льву его мать, что Леопард, дескать, сказал ей все про Ихнилата. И сказал Лев: «Оставь его. Он увидит, что с ним будет».

А ночью пришел к Ихнилату Стефанит и, видя оковы его, заплакал и сказал: «Случилось то, о чем я тебя предупреждал, но ты не слушал моих слов и тебя победили гордость и самонадеянность. Гляди же теперь, что получилось». И сказал Ихнилат: «Верно ты сказал. Всегда учил ты меня полезному, а я не слушал тебя: охвачен жадностью был я, несчастный. Со мной произошло, как с больным: он знает, что нельзя ему есть какую-нибудь еду, но, чтобы полакомиться, отведает и причинит себе вред. Теперь я боюсь не только за себя, но тревожусь и о тебе, что из-за дружбы и любви, которые были у нас, схватят и тебя, и ты признаешься против воли во всем, что относится ко мне, и навлечешь смерть на нас обоих».

Стефанит же рече: «И азъ таковаа смыслих, но поучаю тя, яко да исповѣси съгрѣшеине свое. Болши бо есть здѣ мучену быти, нежели во оном вѣце». «Да трьпя, дондеже видя, что хощет быти». Стефанит же *прискръбенъ* бывъ и пристрашен и шед напои себе яда и издше.

Наутриа же Левъ призва судья и Леонтопардоса, Ихнилата, яко да вкупѣ будет суд. И сшедшимся всѣм, и рече Леонтопардос: «Нашь царь, о воини и дружино, непрестанно печеться о убьении Телца и о Хнилатовѣ злосъвѣтии. Рече убо, аще кто нѣчто знает о нем, да глаголеть. Не хощет бо царь без суда муку нанести». Судья же рече: «Сый да еже вѣсть кто о таковѣй вещи, да исповѣсть. *Зол бо муж,* аще убьенъ будет, погубление зло бывает и на ползу прочии поучятся». Ихнилат же рече: «То молчите? Овый же знает нѣчто мнѣ, да глаголеть, азъ о себѣ да отвѣщеваю. И аще никто не вѣсть ничтоже и глаголеть лжу, подобно постражет неумѣтелна врача.

Глаголеть бо ся, яко врач нѣкый приде в нѣкый град. Приключи же ся дщери властелина того в недуг впасти. И повелѣ нѣкый врач премудръ, но слѣпъ, яко да былием уврачует ону. Призванъ бо бысть и странный он врач, яко да разсудит о былии оном, еже рече слѣпый он врач. Он же, невидѣнием *ино былие подобно* разстворив, дасть ей пити. Она же, испивши таковое, въ чревѣболѣзненый недугъ впадши и умрет. И принудиша родители ея у врача оного испити от оного зелиа и была. И пив, смертнаа страждаше. Тако убо стражет, иже бесѣдует и творит, яже не вѣсть».

Въстав же пръвый магеръ и рече: «Послушайте мое слово, о дружино. Являет бо ми ся Ихнилат льстивъ и лукавъ. Глаголеть бо ся, яко иже имат лѣвое око мало и мългиво и вѣжди возвышенѣ и, егда ходит, долу главу прекланяет, тои клеветник есть и лукав. Зрим же убо оканнаго сего, яко таковъ есть». Ихнилат же рече: «Вси есмы под небесемъ и никтоже взыде превыше небесъ. А сый бѣсѣдуай таковаа, мнит ся, яко мудръ есть, но мниши ся безумне, яко иже во очию твоею берьвно не видиши, а иже во очеси ближняго си сучець видиши, подобнѣе стражеши безумныа оны жены.

Глаголеть бо ся, яко женѣ двѣ, от плѣна избѣгши с мужем, нази ходяху. Едина же от них нѣкыя рубы обрѣтши и свой студ покрываше, възвративши же ся другаа жена и рече: «Не стыдиши ли ся нага ходящи?» К ней же муж он рече: «Не блюдеши ли, о безумнаа, свою наготу, но туждая наготы поносиши?» Таков и ты, о протомагере, явился еси. Не видиши ли себе, каковы смрадныа струпы на себѣ имаши, дръзаеши предстояти цареви и того работу рукама осязаеши?»

Сия слышавъ, протомагер раскаявся, о нихже реклъ есть, и проплакася. И исправив от нѣкоего Лев, яко истинна есть,

И сказал Стефанит: «И я думаю так, но учу тебя тому, чтобы ты признался в своем преступлении. Лучше здесь перенести наказание, чем в будущей жизни». — «Подожду, пока не увижу, что будет». В печали и страхе пошел Стефанит, выпил яд и умер.

Наутро Лев призвал судью, Леопарда и Ихнилата, чтобы устроить суд. И когда все сошлись, Леопард сказал: «О воины и друзья, наш царь беспрестанно думает об убийстве Быка и о злых советах Ихнилата. И вот он сказал: «Если кто-нибудь знает что-нибудь об этом, пусть скажет». Ведь царь не хочет без суда предавать казни». И сказал судья: «Если есть кто, кто знает об этом деле, пусть расскажет. Если убит будет злой человек, с ним погибнет зло, а другие извлекут полезный урок». И сказал Ихнилат: «Что молчите? Кто знает что-нибудь обо мне, пусть скажет, а я отвечу. А если кто ничего не знает, но произнесет ложь, пострадает как неискусный врач.

Рассказывают, что в один город пришел врач. А случилось так, что дочь властелина города заболела. И один мудрый, но слепой врач велел, чтобы лечили ее травами. Тогда призвали чужеземного врача, чтобы он разобрался с этой травой, о которой сказал слепой врач. А тот по незнанию приготовил другую похожую траву и дал пить больной. Та выпила ее, заболела брюшной болезнью и умерла. А родители ее заставили того врача пить это лекарство и траву. И, выпив, он принял смерть. Так бывает с тем, кто советует и делает то, чего не понимает».

Тогда встал главный повар и сказал: «Выслушайте, друзья, мое мнение. Мне кажется, что Ихнилат лжив и коварен. Ведь говорят, что если у кого левый глаз маленький и мутный, а брови подняты и когда идет, голову долу держит, тот клеветник и коварен. Смотрите же на этого несчастного, что он таков и есть». И сказал Ихнилат: «Все мы под небом, и никто выше неба не поднимется. Тот, кто говорит такие вещи, представляет себе, что он мудр, но представляется безумным: ведь ты не видишь бревна, которое в твоем глазу, а сучец, который в глазу у ближнего, ты видишь, так что будет с тобою то же, что и с той неразумной женщиной.

Рассказывают, что две женщины и мужчина убежали из плена и шли голые. Одна из женщин нашла какой-то лоскут и прикрыла им срамное место, а другая, обратившись к ней, сказала: «Не стыдно тебе ходить голой?» А мужчина сказал той: «Не видишь разве, безумная, своей наготы, что поносишь чужую наготу?» Таков и ты кажешься, главный повар. Разве не видишь, какие на тебе зловонные струпья, а еще смеешь стоять перед царем и руками касаться изделий для него?»

Услышал это главный повар, раскаялся в том, что сказал, и заплакал. А Лев разузнал кое от кого, что о главном поваре

яже о протомагерѣ, и отпуди его от себе. И назнаменася в писании той суд, и пакы затворенъ бысть в темници Ихнилат.

Нѣкто же друг Ихналатовъ приде к нему в темницу и сказа ему Стефанитову смерть. Горко же плакав: «Не подобает ми, рече, уже живот днесь, зане такова друга вѣрна и любовна лишихся. Добрѣ бо рече рекый, яко во время искушениа стичаются вся лютаа».

Потом предста судищу. И видѣв его, воевода рече: «Разумѣх, о Ихнилате, дѣла твоа и нѣсть утаилося ни едино от них. И аще не бы царево благоутробие велие и неисчетенно, не бы оставил тебе доселѣ в живых». Хнилат же рече: «Аще неизреченно есть оного благоутробие, но и твое сердце проклято есть и жестосердо. Видя бо твоих похотей желание, како преже осужениа моего смерти осужаеши мя. Не порицаю ти о сей вещи, присно бо лукавии и злии добрым противятся и ненавидят их». И судья рече: «*Но* достоит боляром истинну бесѣдовати и обличати и запрѣщати ненаказанныа мужа. Поучаю тя, о Ихнилате, яко изволи здѣ мученъ быти, нежели в будущем вѣце. И исповѣжь истинну пред всѣми нами». Ихнилат же рече: «Истинну реклъ еси. Подобает убо всякому избрати мудрому от временных приснотребущая. Но неповиненъ есмь от сего прегрешениа и не подобает ми причастнику быти с вами о пролитии моеа крови. Аще бо иже нѣкое солжет, мерзок и безуменъ является. Колми паче, иже себе лжет? Кою ми приобрящет похвалу? Блюдѣте убо, да не потом раскаетеся, егда ничтоже возможете успѣти. И блюдѣтеся, да не постражете, якоже и лжесвидѣтелие.

Глаголеть бо ся, яко нѣкый крагуарь вжелѣ жену господина на своего, яко лещи с нею. Она же не обращашеся к нему. Прогнѣвав же ся о семъ красуарь, улови в нѣкый день двѣ сои и научи едину бесѣдовати перьскым языком, яко: «Видѣх госпожу свою со вратарем»; другую учи глаголати, яко: «Не глаголи ничтоже». Въ единъ убо от дни приключися господину с персы обѣдовати, и слышаша соя перьсскым языком глаголюща и бесѣдующа, и полюбиша ихъ. Таже и слов, еже бесѣдоваху соя, исповѣдаша персяне они. Крагуяр же внѣ стоа и рече: «И азъ свѣдѣтельствую, яко таковое дѣло видѣх». Господинъ же его разьярився, хотяше свою жену убити. Она же яже о крагуяри сказа мужу своему, яже: «Лесть на мя сшил есть, зане не послушах его на скверно дѣло. И ину бесѣда не знаят соя перьсскыи, кромѣ слова, иже их научи крагуарь». Въпроша же соа персяне о нѣкых рѣчех, и обрѣтоша их, яко ино ничтоже не вѣдят, точию лукавое оно и ложное слово. Пришедши убо крагуарю госпожа его и рече: «Не боиши ли ся бога, яко таковая на мя свѣдѣтельствуеши? Тако ли есть было дѣло?» Он же рече: «Тако есть было». И сия рекши ему, напрасно въскочи

сказана была правда, и прогнал его от себя. Суд этот был занесен в документы, а Ихнилат снова заключен в темницу. Кто-то из друзей Ихнилата пришел к нему в темницу и рассказал о смерти Стефанита. И тот, заплакав горько, сказал: «Не нужна мне теперь жизнь, когда лишился я верного и любимого такого друга. Хорошо сказал сказавший, что во время испытания стекаются все беды».

Потом предстал он перед судом. И сказал военачальник, увидев его: «Я знаю дела твои, Ихнилат, и ни одно из них не укрылось. И если бы не великая и неисчислимая милость царя, не оставался бы ты до сих пор в живых». И сказал Ихнилат: «Хоть неизреченна его милость, да твое сердце злодейственно и жестоко. Вижу я желание твоих устремлений, как еще до приговора приговариваешь меня к смерти. Я не осуждаю тебя за это, ведь всегда коварные и злые борются с добрыми и их ненавидят». И сказал судья: «Достойно вельможи говорить истину, обличать и наставлять невоспитанного мужа. Я учу тебя, Ихнилат, чтобы ты здесь выбрал казнь, а не в будущей жизни. Расскажи правду всем нам». И сказал Ихнилат: «Верно сказал. Должен ведь всякий мудрый выбирать из временного вечное. Но я не виновен в этом преступлении, так что нельзя мне быть вашим соучастником в пролитии моей крови. Если кто на кого наговорит, тот будет мерзок и неразумен. Каков же тот, кто наговорит на себя? Какую это прибавит мне славу? Смотрите же, как бы потом не раскаяться, когда не сможете ничего достичь. И смотрите, чтобы не пострадать вам, как лжесвидетелям.

Рассказывают, что один сокольничий пожелал жену господина своего, чтобы с нею возлечь. А она не склонялась на это. Разозлился из-за этого сокольничий, поймал однажды двух соек и научил одну говорить по-персидски: «Видела я госпожу свою с привратником», а другую: «Ничего не говори». В один из дней случились у господина за обедом персы, они услышали, что сойки говорят и беседуют по-персидски, и полюбили их. Эти персы передали также и слова, которые произносили сойки. А сокольничий был снаружи и сказал: «И я свидетельствую, что видел это». Разъярившись, господин хотел убить свою жену. Тогда она все рассказала мужу своему о сокольничем, а именно: «Строит он козни против меня, потому что я не согласилась на дурное дело. Кроме слов, которым научил их сокольничий, ничего больше говорить не умеют сойки по-персидски». Персы спросили у соек другие слова и обнаружили, что те ничего не знают, кроме коварных и лживых этих речей. И сказала госпожа, придя к сокольничему: «Разве не боишься ты бога, что свидетельствуешь такое на меня? Разве было такое?» И сказал тот: «Так и было». И стоило сказать ему это, как внезапно сокол

крагуй и извертѣ ему очи. Тако и ты постражеши съ дружиною своею, аще лжесвѣдѣтелствуеши на мя».

Никомуже бо возмогшу Ихнилата осудити, паки затворенъ бысть в темници дни 7. Мати же Львова Льву рече: «Аще нечьстиваго сего от осужениа отпустиши, познай, яко вси, иже под тобою, еже хотят сотворити, без печали сотворят, извѣстие бо прииметь, аще и зло сотворить, не постражет ничтоже.» Видѣ убо Левъ насилие матери своея, повелѣ, да убьют Ихнилата.

Таже рече философ: «Разумѣйте таковаа и познайте, яко всяк мужь, иже сшивает лесть на друга своего, впадет в ровъ, иже содѣла».

Притча третья. По убьении Ихнилатовѣ въпрос царевъ. *Царь же рече: «Разумѣхъ таковую притчю. Но еще скажи ми другую притчю о друзех, иже любятца и в любви присно пребываютъ».* Философ же восприим, рече:

Друга вѣрна нѣсть измѣнениа сущих ничтоже. Да скажу се явѣ. Глаголеть бо ся, яко нѣ в коем градѣ мѣсто бяше на ловъ угодно. На нем же мѣсте бяше дубъ высокъ и дупенъ, в немже вгнездашеся гавран. Въ един убо от дни видѣ ловца оба люта, на рамѣ убо мрежу носящю, в руку же жезлъ дръжаща. И того видѣвъ устрашися и смысли в себѣ пребыти на том дубѣ, идѣже гнездо его бяше, яко да узрит, что хощет сотворити. Ловець же мрежу простеръ и поврьже в ня зерна пшенична. Голубь же нѣкый болший от иных видѣвъ зерна пшенична, мрежи же не узрѣ, впаде в ня с прочими голубы. Ловець же, видѣв се, возвеселися велми. Начаша голуби во мрежи смущатися. Пръвый же над ними голубь рече: «Не боитеся, но вкупѣ друг другу помозѣм, яко да возможем крилы своими мрежу двигнути». Они же тако сътвориша и въздвигоша на въздух мрежу. Се видѣв, ловець удивися убо, но не остави их, послѣдовав же по них, мня, яко не много имуть лѣтати. Гавран же все соблюдаше, яже о них. Болший же голубь, видѣ ловца по них идуща, рече къ прочиим голубем: «Ловец сый послѣдуеть нам. Да аще по полню мѣсту лѣтание сотворим, не оставит же гонити нас. Аще ли же по горних и непроходных мѣстех лѣтание сотворим, скорѣ убо оставит нас. Еще имам на том пути мыша гостя, и аще до него доидем, скорѣе узы наша разстръгнеть и нас свободит». Видѣ убо ловец в недоумѣнии начинание их и возвратися.

Гавран же послѣдоваше по них, яко да узрит дѣло спасения их, вкупѣ же и любимаго им мыша узрѣти. Яко идоша до гнѣзда его и снидоша землю. Мышь же изшед видѣ голубя, с радостию

налетел на него и выклевал ему глаза. Так и ты пострадаешь со своими друзьями, если будешь лжесвидетельствовать на меня».

И поскольку никто не мог обличить Ихнилата, был он снова заключен в темницу на семь дней. И сказала Льву мать Льва: «Если ты освободишь без осуждения этого нечестивца, то знай, что все, кто под тобой, все, что захотят сделать, сделают без боязни, ибо будут знать, что хоть и совершат зло, ничуть не поплатятся». Убедился Лев в настойчивости своей матери и велел, чтобы убили Ихнилата.

И сказал в заключение философ: «Размышляйте об этом и усвойте, что всякий, кто строит козни против ближнего своего, упадет в ров, который вырыл».

Третья притча. Вопрос царя после убийства Ихнилата. И сказал царь: «Я понял твою притчу. Но расскажи мне другую притчу о друзьях, которые любят друг друга и всегда пребывают в любви». И сказал философ в ответ:

Из существующего ничто не заменит верного друга. Изложу это яснее. Рассказывают, что в одном городе было место, удобное для охоты. Стоял на этом месте высокий и дуплистый дуб, на котором гнездился ворон. В один из дней увидел он, что очень свирепый охотник несет на плече сеть и палку держит в руке. Увидел он охотника, испугался и подумал про себя, что останется на дубе, где было его гнездо, и увидит, что же сделает охотник. А охотник растянул сеть и посыпал на нее пшеничных зерен. И один голубь — а он был старше других — увидел пшеничные зерна, а сети не заметил, и попал в нее с другими голубями. Очень обрадовался охотник, видя это. Стали голуби биться в сети. И сказал голубь, старший над ними: «Не бойтесь и давайте вместе поможем друг другу, чтобы смогли мы на своих крыльях поднять сеть». Сделали они так и подняли сеть на воздух. Удивился охотник, увидев это, но не оставил их и пошел за ними, думая, что не долго они смогут лететь. А ворон все это наблюдал. Увидел старший голубь, что охотник идет за ними, и сказал другим голубям: «Нас преследует охотник. И если над полями мы полетим, он не оставит погоню за нами. Если же мы полетим над горами и непроходимыми местами, он скоро от нас отстанет. На этом пути есть еще у меня приятель мышонок; если мы доберемся до него, он быстро разорвет наши узы и освободит нас». Понял охотник в замешательстве их затею и повернул назад.

А ворон последовал за ними, чтобы увидеть, как совершится их спасение, к тому же и посмотреть на дружественного им мышонка. Вот добрались они до его гнезда и опустились на землю. Вышел мышонок, увидел голубя, радушно

прият его и рече: «Кто тя таковым узамъ, о любимиче, приплете?» Он же рече: «Часть мя таковым лютым приплете, яко ослѣпѣл бѣх и на зерна пшенична облакомихся, и во мрежи ят бых. Нѣсть убо дивно о сем, зане впадох аз в таковое падение, болшии бо от мене и в горшаа впадають. Солнце бо луною омрачаемо исчезает, луна же сѣнию *земною* покрывается, и рыба морьскаа из глубины извлачится, и птица небесныа от въздух сводятся, егда будет им повѣлѣно». Сия рекъ, нача мышь глодати узы мрежныа. Голуб же рече: «Начни преже ослобожати сущая под мною, потом же разрѣши и мене». Мышь же не послушаше я разрѣшити всѣх, точию друга своего единого. Яко на длъго простираше слово голубь, и не послушаше его мышь. И рече ему голубь: «Не порочи ми, о мышу, о них же ти бесѣдую, понеже ми есть дал богъ область над тѣми голубы всѣми, достоит ми, яко да промышляю о них. Вѣрно бо и приятелно поработаша ми, и за пособьствие их и поспѣшенье богъ освободи нас от сѣтей сих ловчихъ. Молю же ся, да не мене преже разрѣзав, о сих облѣнишися. Болши бо ми, еже азъ буду во узах, неже едина от сих». Мышь же рече: «Сия твоа словеса творят и сущаа под тобою, яко люби тебя и приняти тебѣ». Сия же рекъ, разрѣши всѣх от юз, и разрѣшени быша и отъидоша.

Видѣв же гавран бывшее, сниде к мышьему гнѣзду и пригласивъ его. Он же рече: «Кто ты еси, любимиче?» Сей же рече: «Азъ есми гавран, и видѣв твое усрѣдие, еже има къ другом си, въсхотѣх дружбу имѣти с тобою, и о сем придох к тебѣ». Мышь же рече: «Коя есть община и тебѣ и мнѣ? Подобает убо мудрому силная искати, а немощных небрещи. Иже бо таковая начинаай, уподобился есть мужу, иже по водѣ возит кола, а по суху корабль. Како буду тебѣ друг, пища тебѣ сый?» Гавран же рече: «Разсуди своим помыслом полезная себѣ. Нѣсть бо никаа полза, аще зъм тебе, паче же полезно ми есть, аще ты в живых будеши и поспѣшьствуеши ми о всем. Не подобает ти тща пустити мя от чаания моего, извѣстие бо имам о любви твоей, еже имаши къ другом си, аще ты сам показал еси мнѣ. Мудраго бо мужа добродетѣли телчи уподобися благоуханию, иже наречется греческым языком мосхос, иже, покрываемо, является своим благоуханием». Мышь же рече: «Велиа есть обычнаа вражда. Лев бо со елефандом присно враждуються, якоже и мышь с коткою. И не подобаеть врагу вѣровати. Вода бо аще и огнем согрѣвается, но свои обычаи не отлагает: възливаема на огнь погашает его, аще укропъ есть». Гавран же рече: «Разумѣх, яже глаголеши. Но моа любовь не тако будет, яже имяхом створити с тобою, но тверда и извѣстна. Якоже бо златый съсуд с трудом ковется и съвръшается, и к тому

принял его и сказал: «Кто тебя, дружок, опутал такими узами?» И сказал тот: «Судьба опутала меня свирепыми этими узами: нашло на меня ослепление, позарился я на пшеничные зерна и в сеть попал. Неудивительно это, что попал я в такое несчастье, и с лучшими, чем я, бывает еще хуже. Солнце и то исчезает, когда затмит его луна, а луна покрывается земной тенью; морских рыб извлекают из глубины, а птиц небесных совлекут с воздуха, когда будет им так суждено». Сказал так голубь, и стал мышонок грызть тенета. И сказал голубь: «Начни вперед освобождать моих подданных, а меня потом развяжешь». Но мышонок не соглашался, чтобы освободить всех, а не своего только друга. Как долго ни убеждал его голубь, не соглашался мышонок. И сказал ему голубь: «Не ругай меня, мышонок, что говорю я за них перед тобой: ведь дал мне бог власть над всеми этими голубями, необходимо, чтобы я заботился о них. Они верой и дружбой послужили мне, и с их помощью и соучастием освободил нас бог из охотничьей сети. И прошу я, чтобы не пренебрег ты ими, если бы распутал меня вперед. Лучше мне самому остаться в узах, чем одному из них». И сказал мышонок: «И подданные твои говорят эти слова — из любви и приязни к тебе». Сказав это, он всех освободил от уз, и, свободные, они улетели.

Увидел это ворон, спустился к гнезду мышонка и позвал его. И сказал тот: «Кто ты, дружок?» А он ответил: «Я ворон, я видел твое добросердечие, которое у тебя к твоим друзьям, и хочу вступить с тобою в дружбу, и за этим пришел к тебе». И сказал мышонок: «Что общего у нас с тобой? Мудрый должен сближаться с сильными, а слабыми пренебрегать. Кто начинает такое, похож на человека, который возит по воде телегу, а посуху корабль. Как буду я тебе другом, являясь твоей пищей?» И сказал ворон: «Раскинь своим умом о полезном для тебя. Нет никакой мне пользы, чтобы съесть тебя, но зато полезно мне, если будешь ты жить и во всем помогать мне. Не должно, чтобы ты оставил меня без удовлетворения в моей надежде, ведь есть у меня сведения о твоей любви, которая у тебя к твоим друзьям, как это ты сам мне показал. Добродетели мудрого мужа подобны бычьему благовонию, которое по-гречески называется мускус: оно, хоть и невидимо, выдает себя запахом». И сказал мышонок: «Велика вражда по природе. Всегда враждуют лев со слоном, как и мышь с кошкой. Нельзя верить врагу. Вода хоть и нагреется огнем, не изменит своей природы: пролитая на огонь, она гасит его, хоть и горяча». И сказал ворон: «Я понимаю, о чем ты говоришь. Но моя любовь не будет такой; та, что будет между нами, будет крепка и надежна. Ведь так и золотой сосуд трудно выковать и сделать, но он уж

не съкрушается, скуделничи ниже удобнѣ творятся и удобнѣ разсыпаеться. Тако истинная сущая любовь едва съвершается, но нерушима пребываеть, нечистая же и неистовнаа любовь скорѣе и удобнее составляется и скорѣе разсыпается». И мышь, отвѣщав, рече: «Приемлю ти любовь, зане никогда кого от молящих ми ся тща отпустих. Аще бо и вѣру свою не соблюдеши, но аз твоим словесем вѣрую. Вѣм бо, яко и похвалишься когда и речеши, яко: «Обрѣтох мыша безумна и прельстив его снѣдох»,— бесчестие ти будет». И сия рек, мышь изыде из гнѣзда своего, но не весь изыде. Гавран же рече: «Почто весь не исходиши?» Мышь же рече: «Иже в житии сем пребывающеи двоими вещми любяться: овии бо заповѣди ради любовь творят, друзии же телесныа ради потребы. Подобни суть ловцу, иже помѣтает пшеницу во лщение птицам: не птицам бо ползу творит, но себѣ. Аз же не за ино что любовь творю с тобою, точию молениа твоего ради, и ничтоже ино возбраняет ми изыти к тебѣ, точию зане боюся единомысленыя ти гавраны: видѣнием бо подобни суть тебѣ, обычаем же не подобни». Гавран же рече: «Не боися сих ради. Истиннаго бо *любления* увѣрение си есть, еже и любити любовныа и враждовати враги. И аз зане тя люблю и моя дружина любити тя имят». Сия рекши гаврану, изыде мышь из гнѣзда своего весь. И любовь посреди их съвръшися.

Въ единъ убо от дни рече гавранъ к мышу: «Зрю домъ твой, яко близ пути есть, и боюся, да не мене ради познанъ будеши и погибнеши. Но вѣм мѣсто нѣгде отлученно от человѣкъ, на немже суть рыбы доволны и прочая различная пища. Имам же на том мѣсте желву гостию и хощу, яко да и ты поидеши тамо питатися и пребывати с нами». Мышь же рече: «Поиду с тобою! Аз возненавидѣх бо здѣшнее пребывание вины ради, о ней же скажу ти, егда до мѣста оного доидем».

Взем же гавран мыша за опашь и отнесе его до источника, в нем же пребываше желва. Она же, видѣвше гавранъ мыша носяща, мняше, яко туждь есть, и убоявшися скрыся въ воду. Гавран же положи мыша на земли, на имя желву призва. Она же глас его познавши, изыде к нему и въпроси его, откуду приде. Он же сказа си вся бывшаа.

Гавран же рече къ мышу: «Обѣщал ми ся еси, яже о себѣ, яко да егда доидем до сего мѣста, скажеши ми нѣкаа». Он же рече: «Аз пребывание имѣх прьвие у нѣкоего мниха и ядях, яже имяше угодная снедения. И егда насыщахся и приемлях прочаа останкы моя и прочим мышем представлях. И множицею разсыпа мних кѣлию, яко да обрящет мя, и не возможе обрѣсти мя. Иногда же повѣшаше пищу свою, яко да убѣжит врежениа моего, и не возможе убѣжати. Въ единъ убо от дни странник нѣкый мних приде к нему, и начаша

и не ломается, а глиняный легко делается, легко и рассыпается. Так и настоящая любовь: с трудом возникает, но остается нерушимой, нечистая и неистинная любовь скоро и легко возникает и скоро распадается». И сказал в ответ мышонок: «Принимаю твою любовь, никого из просивших не оставлял ведь я никогда без удовлетворения. Пусть и не сохранишь ты верность,— я верю словам твоим. Я знаю, что если ты и похвалишься когда и скажешь, что, дескать, нашел глупого мышонка и, обманув, съел его, не будет тебе в этом чести». Сказав это, мышонок появился из своего гнезда, но не весь. И сказал ворон: «Почему ты совсем не выйдешь?» И сказал мышонок: «Те, кто живут на этом свете, любят двояко: одни любят по заповеди, другие по телесной нужде. Они подобны ловцу, который разбрасывает пшеницу, чтобы прельстить птиц: не птицам он делает пользу, а себе. Я же вступаю в дружбу с тобою не по другому чему, как по твоей просьбе, и ничто другое не мешает мне выйти к тебе, только что боюсь я сходных с тобою воронов: они ведь похожи на тебя обликом, но не похожи нравом». И сказал ворон: «Из-за них не бойся. Доказательство истинной любви состоит в том, чтобы любить любимых и враждовать с врагами: и поскольку я люблю тебя, мои друзья должны полюбить тебя». Сказал это ворон, и вышел мышонок из своего гнезда. И установилась между ними дружба.

В один из дней сказал ворон мышонку: «Вижу, что дом твой близко от дороги, и боюсь я, что из-за меня обнаружат тебя, и ты погибнешь. Я знаю место, удаленное от людей, где в изобилии рыбы и разной другой пищи. Есть там у меня приятельница черепаха, и я хочу, чтобы ты пришел туда кормиться и жить с нами». И сказал мышонок: «Я пойду с тобой. Мне не нравится жить здесь по одной причине, о которой я скажу тебе, когда мы прибудем на место».

Взял ворон мышонка за хвост и отнес его к источнику, в котором жила черепаха. Она же, увидев, что ворон несет мышь, подумала, что это чужой какой-нибудь, и из осторожности скрылась в воде. Положил ворон мышонка на землю и позвал по имени черепаху. Узнала она его голос, вышла к нему и спросила, откуда он прибыл. И рассказал он о происшедшем.

И сказал ворон мышонку: «Обещал ты мне, что когда мы доберемся до места, расскажешь кое-что о себе». И сказал тот: «Жил я вначале у одного монаха и питался всем, что было пригодного для еды. А когда наедался, собирал разные остатки и давал другим мышам. Не раз разбирал монах келью, чтобы найти меня, но найти не мог. Иной раз он подвешивал свои припасы, чтобы спасти от меня, и не мог спасти. В один из дней пришел к нему странник-монах, стали монахи

друг съ другом бесѣдовати мниси и рукама плещаху, нас страшаще. Въпроси же и странный он мних вину, о ней же плещаху. Сказа ему, яко: «Мышев ради плещем. Есть бо мышь безсрамен и безстрашив, иже многы пакости творит намъ. Молю тя, поищем входа гнѣзда его и раскопаим пребывание его». Случих же ся аз тогда въ гнѣзде моем, и егда услышах таковыа глаголы и избѣгох оттуду и во ину дуплину внидох. Имѣх же в моемь гнездѣ златникы тысяща, яже подстилах под собою и великомудрѣх о них. И раскопавше убо мниси землю, и обрѣтоша гнѣздо мое и златникы, и вземше злато с радостью, и рекоша: «Сие злато разпалаше мыша и пакости нам творяше, но отселе убо смиренъ и сраменъ и некрѣпок будет». От того часа, якоже и мниси рекоша, *съложи* ми ся крѣпость и низложи ми ся высокоумие, и преобиденъ бых от мышев. И въ утрешний день въсхотѣх въскочити въ хранилницу мнишьскаго ястиа и не възмогох. И се видѣвше, прочии мышеве въсташа на мя и врази ми быша. Аз же удивихся о том, яко злата ради и друзи и сродници составляются, ибо благаа свѣсть и мудрость злата ради пребывают. Не имый же богатства скорбенъ есть всегда и мерзок всѣм является, и безумен, и непотребенъ. Аще бо нищий и убогий муж храберъ обрящется, богатии того наричут безумна и буя, аще ли кроток и смиренъ будет, немощенъ нарицается, аще ли бесѣдует, блудник именуеться, аще ли млъчалив кто, безуменъ нарицаеться. И болше есть преже от сего житиа отъити, нежели солнце имѣти сраму свидѣтеля. ⟨...⟩ Сия убо помышляю видѣх страннаго оного мниха, яко раздѣли злато и свою часть в нѣкое влагалище вложшу, и сие под главу свою положившу и скрывшу. И въсхотѣх таи отвлещи злато, мнях бо, яко сном одръжим есть. Он же пробуденъ сый, взят рукою своею, яже обрѣте рукою своею близ себѣ вѣйку и удари мя по главѣ, и *поболѣвъ* зѣло возвратихся. Таже пакы на влагалище злата дръзнух и видѣв мя, пакы мних он и удари мя сей вѣйкою зѣло по главѣ, и напрасно кровь из ноздри моих истече и малодушие ми бысть, и едва влекый себе, доидох до дуплины оноа, и безгласенъ лежах часы доволны. Возненавидѣх толико злато, яко ни в памяти ми имѣти его, ниже слышети о златѣ, и разумѣх, яко всѣм злым винам лакомаа съвѣсть есть и начало. Иже лакомьство имать не может от злата убѣжати ни на земли, ни на мори. Вѣровах же, яко нѣсть ничтоже болшее, кромѣ доволнаго имания. Сего ради убо премених житье свое и пустынное въсприях житье. И имѣх же и любовнаго голуба, иже преже гавран возлюбися со мною. Ибо нѣсть никоя красота в мире, кромѣ бесѣдования дружняго. Познах бо искушеньем, яко не подобает мудрому мужу ино ничтоже множайшее искати, точию довольнаго имания.

беседовать друг с другом и в ладоши хлопали, пугая нас. И спросил пришелец-монах, по какой причине они хлопают. А монах сказал: «Из-за мышей хлопаем. Есть здесь бессовестный и бесстрашный мышонок, который много вреда приносит нам. Прошу тебя, поищем вход в его гнездо и раскопаем место его пребывания». Я находился тогда в своем гнезде, а когда услышал такие слова, выбежал оттуда и забрался в другую нору. А была у меня в гнезде тысяча золотых, которые я подостлал под себя и которыми гордился. И вот монахи раскопали землю, нашли мое гнездо и золотые и, забрав радостно золото, сказали: «Это золото распаляло мышонка, и он приносил нам вред, но теперь-то он будет тихий, робкий и слабый». И с того часа, как и сказали монахи, оставила меня сила и покинула меня отвага и стали обижать меня другие мыши. На другой день хотел забраться я в кладовую с припасами монаха и не смог. Увидев это, поднялись против меня другие мыши и сделались мне врагами. И удивился я тому, что друзья и родственники собираются ради золота, ведь и доброе знание и мудрость ради золота пребывают. Не имеющий богатства всегда находится в скорбях и кажется всем мерзким, глупым и негодным. Ведь если нищий и убогий человек окажется храбрым, богачи назовут его безумным и буйным, если кроткий и смирный будет, назовут его немощным, если рассуждает, назовут пустословом, если же он молчалив, скажут, что глуп. Лучше уж раньше оставить эту жизнь, чем видеть солнце свидетелем позора. 〈...〉 Так размышляя, увидел я, что тот монах-пришелец разделил золото и свою часть положил в суму, а ее положил и скрыл в головах. И захотел я тайно извлечь золото, ибо решил, что он спит. А он проснулся, взял в руки прут, который нащупал рукой близ себя, и ударил меня по голове, и вернулся я к себе в страшных страданиях. Потом снова покусился я на суму с золотом, и, увидев меня, снова этот монах сильно ударил меня тем прутом по голове, и тут же кровь из носа у меня потекла, и было мне плохо, едва волочась добрался я до той норы и без чувств пролежал долгое время. Так я возненавидел золото, что ни думать о нем, ни слышать не мог, и понял, что алчная душа всем злым делам начало. Тот, кто алчен, не может от золота спастись ни на земле, ни на море. И увидел я, что лучше самого необходимого ничего нет. Вот почему изменил я свою жизнь и повел жизнь отшельника. А был у меня любимый голубь, с которым мы подружились еще до ворона. Ведь нет большего удовольствия в мире, чем дружеская беседа. По опыту я знаю, что не должен мудрый желать ничего другого сверх самого необходимого.

Доволно же ино ничтоже нѣсть, развѣе хлѣб и вода. Аще бо и речем, яко онсица владыка бысть всему миру, но не тъи равенъ есть от единому менших, иже беспечално живот свой провожает. И си помысливъ азъ в себѣ, послѣдовах тебѣ, о гавране, и се напрасно дружка тебе приобретох, о желво».

Желва же, въсприемши, рече: «Разумѣх, елика изреклъ еси добрѣ же и премудре, но видя тя, яко непрестанно имаши память в себѣ, о нихже еси пострадал. Того ради подобает ти видѣти, яко словеса украшают дѣло. И болный аще не врачевнаа былиа обрящет, всуе ему есть разумъ, зане не может себѣ легчину сътворити. Не пецися убо о богатствѣ, великоумный бо муж и без богатства почитаеться. И лев аще сном спит, но страшенъ есть. Такоже и безумный богат бесчестенъ есть. Ниже о своем странствии помышляй: никтоже бо от мудрыхъ страненъ есть. Не поминай предняя и не глаголи, яко: бѣх иногда славен и нынѣ же не славенъ. Елика бо суть в житьи сем, въ тлѣнии и в мимохожении суть. Глаголеть бо ся, яко сия суть от иных *не ставная:* облачнаа сѣнь, и безумных людии любовь, и женское рачение, и ложное хваление, и богатство. Мудрий мужие ни о обилии богатства радуються, ни о умоленьи скръбят».

Яко гавран услыша бесѣды желвины, возвеселися о них и рече: «Воистинну нѣсть ино ничтоже в житьи болшее, точию дружнее пособьствие и срадование. Никтоже мудрому пособьствует, точию пакы мудръ, якоже и елефанта падшася не въздвижет инъ никтоже, точию пакы елефантъ».

Таковаа и сим подобна бесѣдующи гаврану, серна нѣкаа напрасно приде. Якоже видѣ, гавранъ на древо възлетѣ, и *желва* въ воду скрыся, и мышь вниде в дуплину. Серна же мало воды напившися, ста пристрашна, *семо и овамо* очи обращающи. Гавран же на высоту възлетѣ и сматряше, егда нѣкый звѣрь гонит серну. И всюду смотривъ, и сниде на землю, и призва желва и мыша, и сказа им, яже о сернѣ. Серну же видѣвши желва, яко не смѣет пити воды, и рече: «Пии, любимаа, яко никтоже бо сѣмо не приходит. Скажи ми, откуду идеши?» Серна же рече: «Гонима бѣх от ловець до нынѣ от мѣста въ мѣсто бѣгающи, и здѣ доидох». Желва же рече: «Дръзай, любимаа, никогда бо ловець сѣмо приходит и вкупѣ с нами живи. Се бо предлежат ти пища обилныи, воды чисты». Изволи бо серна пребывати с ними, и творяху бесѣды своа у нѣкоего дуба всяк день.

Въ единъ убо от дни събрахуся по обычаю на бесѣду гавран и желва и мышь, и серну ожидавше. И не дождавше ея, уразумѣвше, яко в сѣтех ловчих ята бысть. Възлетѣ гавранъ высоко и видѣв сплетену в сѣтех ловчих; възвратися, сказа дружинѣ своей, еже видѣ. Желва же се мышу

А самое необходимое — это не что иное, как хлеб и вода. Хоть и скажем, что такой-то — властелин всего мира, но не будет он равен ни одному из малых, кто беспечально проводит жизнь свою. И, решив так про себя, последовал я за тобою, о ворон, и вот неожиданно нашел в тебе друга, о черепаха».

И сказала черепаха в ответ: «Понимаю я: все хорошо и умно ты сказал, и вижу также, что постоянно помнишь ты о том, из-за чего вытерпел страдания. Поэтому нужно тебе знать, что слова украшают дело. Так и больной, если не разыщет лекарственных трав, то без толку ему и знание, ведь облегчение себе сделать не может. Не заботься о богатстве, человек многоумный почтен и без богатства. Так и лев — хоть и спит сном, все равно страшен. Равно и глупый богач не заслужит чести. Не думай также о своей жизни на чужбине: среди мудрых нет чужаков. Не вспоминай о прошлом и не говори, что был, дескать, некогда прославлен, а теперь бесславен. Все, что принадлежит этой жизни, тлению и изменчивости принадлежит. Ведь говорится, что ненадежнее всего тень облака, дружба дурных людей, любовь женщины, лживая хвала и богатство. Мудрые люди не радуются прибавлению богатства, не скорбят о его умалении».

Как услышал ворон речи черепахи, порадовался им и сказал: «Поистине нет в жизни ничего лучше, чем помощь друга и взаимная радость. Мудрому никто не поможет, как только мудрый. Так и упавшего слона не поднимет никто другой, как только слон».

Пока ворон говорил это и тому подобное, внезапно появилась серна. Увидев ее, ворон взлетел на дерево, черепаха скрылась в воде, а мышонок влез в нору. А серна, чуть попив воды, встала в испуге, обращая взоры туда и сюда. Взлетел ворон на высоту и посмотрел, не преследует ли серну какой зверь. Осмотревшись, спустился он на землю, позвал черепаху и мышонка и рассказал им о серне. Увидела черепаха, что серна боится пить воду, и сказала: «Пей, милая, никто сюда не идет. Скажи мне, откуда ты?» И сказала серна: «Гнались до сих пор за мной охотники, а я бежала с места на место и сюда добралась». И сказала черепаха: «Не бойся, милая, и живи с нами вместе, никогда охотник сюда не приходит. Вот перед тобою обильная пища, чистая вода». Захотела серна остаться с ними, и собирались на беседы свои у дуба они каждый день.

В один из дней собрались, как обычно, на беседу ворон, черепаха и мышонок и серну поджидали. А не дождавшись ее, поняли, что попала она в охотничью сеть. Поднялся ворон высоко и увидел, что запуталась она в охотничьей сети; возвратился он и рассказал друзьям своим, что увидел.

рече: «На тебѣ лежит нашея серны спасение, о мышу!» Он же, елико мощно ему бяше, тече и серну достиже, и рече к ней: «И како мудраа сущи и, любимаа, таковым лютым себе соплела еси?» Она же рече: «И кто может умудрити, егда реченное хощет исполнитися?» Сия бесѣдующим имъ, доиде гавран вкупѣ и желва. Серна же к желвѣ рече: «Почто пришла еси сѣмо? Аз бо, егда разрѣшена буду от мыша, побѣгну и убѣжу, такоже и гавран на въздух отлетит, и мышь обрящет дуплину и внидет, ты же едина останешися ловцу на снедение». Желва же рече: «Болши ми есть умрети, нежели дружины своеа лишатися». И сия бесѣдующим им, и разрѣши мышь серну от юз. И се напрасно наиде ловець, и серна убо отбѣже, гавран же отлетѣ, мышь же вниде в дуплину. И удивися ловець о бывшем, видѣв едину желву, и взем ю, связа.

Гавран же, и серна, и мышь, видѣвше бывшее, зѣло печалнии бывше. Гавран же рече: «О како въ скорби всегда непрестанно впадау! Не довляше бо ми еже от отчьства своего лишитися и от сродник, и от богатства отпаднути, но лишихся нынѣ любимыя моеа желвы, якоже добрѣ храняше любовныа уставы! Болши ми есть, да не бы было смертное мое тѣло, многыми бѣдами составлено!» Серна же, въсприемши, рече: «Наша нынѣ печаль и твоя прискорбнаа словеса, аще и разумна суть, но желвѣ не ползуют никакоже. Но остави сия бесѣды, изообрящи хитрость о ней спасения. Глаголеть бо ся, яко храбрый во время скрѣби искушаеться, вѣрнии же друзи — в бѣдах».

Мышь же, въсприемши, рече: «Судя убо нынѣ быти полезно,— яко да поидеши ты, серно и да легнеши яко и мертва ловцу на пути, и да сядет на тебѣ гавран, и да ясть плоти твоеа хитростию. И мнит ми ся, яко аще таковая видит ловець, вмѣнит, яко мертва еси по истиннѣ. И отложит тул свои и лук к тебѣ поидет. И егда узриши приближающася его, въставше побѣгни мудномъ ходом, да надѣется ловець, яко постигнути тя имать. И егда достигнеть тя, и абие отскочи быстростию своих ногъ. Дондеже ты бѣгаеши гонима, а аз разрѣшу от юз желву». Серна же повелѣнное сотвори, и симъ образом разрѣшися от мыша желва. Исцѣлѣвше, вси в домы своя возратишяся. Тако убо иже право любящеся своим другом пособьствуют».

«Разумѣх притчю сию, еже о истинной любви. Прочее убо скажи ми притчю, како подобает блюстися от врага, иже лицемѣрием приятель являеться».

«Иже врагу вѣрует, постражет, еже пострадаша выплеве. Глаголеть бо ся, яко в нѣкоей горѣ бяше древо превелие и высоко

И сказала черепаха мышонку: «От тебя, о мышонок, зависит спасение нашей серны!» И он, как только мог, побежал, добрался до серны и сказал ей: «Как же ты, милая, такая мудрая, а запуталась в ужасных этих сетях?» И сказала та: «У кого хватит мудрости, когда свершается предопределение?» Пока они так говорили, появились ворон и черепаха. И сказала серна черепахе: «Зачем ты пришла сюда? Когда освободит меня мышонок, я ведь побегу и убегу, а ворон в воздух подымется, мышонок найдет норку и влезет в нее, а ты одна останешься на съедение охотнику». И сказала черепаха: «Лучше мне умереть, чем оставаться без друзей». Пока говорили они это, мышонок освободил серну от уз. И вот внезапно появился охотник — серна убежала, ворон улетел, мышонок влез в норку. Охотник был в недоумении о случившемся, видя одну черепаху: взял он ее и связал.

Очень опечалились ворон, серна и мышонок, видя это. И сказал ворон: «И как это всегда оказываюсь я в несчастье! Мало мне было того, что остался я без родины и родни, потерял богатство,— а теперь вот остался и без моей любимой черепахи,— как хорошо хранила она законы дружбы! Пусть бы лучше не было моего бренного тела, которое соткано из множества бед!» И сказала серна в ответ: «Теперь наша печаль и скорбные слова твои хоть и разумны, да бесполезны для черепахи. Прекрати эти речи, придумай что-нибудь, чтобы спасти ее. Ведь говорится, что храбрый испытывается в скорбное время, а верные друзья — в беде».

И сказал мышонок в ответ: «Вот что, я думаю, полезно теперь: ты, серна, пойдешь и ляжешь у охотника на дороге как мертвая, а ворон сядет на тебя и будто бы клевать будет твое тело. И думаю я, что когда увидит это охотник, он решит, что ты действительно мертва. Тогда отложит он суму свою и лук и пойдет к тебе. А ты, когда увидишь, что он к тебе подходит, встань и нетвердой поступью перебегай, чтобы охотник верил, что сможет нагнать тебя. И только он настигает тебя, ты тут же отскакивай со всей быстротой своих ног. Пока ты будешь убегать от погони, я освобожу черепаху от пут». Исполнила серна наказ, и так вот была освобождена черепаха мышонком. Целые и невредимые вернулись все в свои дела. Вот так помогает своим друзьям тот, кто любит по-настоящему».

«Я понял эту притчу, которая о истинной любви. Теперь же расскажи мне притчу о том, как нужно уберегаться от врага, который лицемерно выдает себя за друга».

«С тем, кто верит врагу, будет то же, что было с совами. Рассказывают, что на одной горе было большое и высокое дерево,

нѣкое, в нем же гавране пребываху тысяща, им же бѣ старѣй гавран единъ. Бяху же близ того мѣста выплеве тысяща, имяху же и тии единого выпля старѣйшаго себе, и всегда вражду имяху з гавраны. Единою убо нападоша на гавраны нощию и много убиша от них, другия же раниша, а инѣм перия истръгоша. Достужив же ся гавраном царь, и зборъ сотвориша, и рече: «Видѣсте ли, елика род выплеве нам содѣяша, и како нашу силу побѣдиша, колики убиша и колики уязвишя, и колицѣм перия истръгоша? И се есть горшее и укорно нам, еже дръзнути на ны, преобидѣти нас. Разсмотрите убо послѣдняа».

Бяху же у того царя пръвосовѣтници 5, от нихже един рече: «Ничтоже ино спасеть нас от таковаго нахожения, точию еже остави здѣшнее пребывание, зане не можем противитися врагом». Другий же рече: «Неполезно есть тако быти, еже о единой победѣ смиритися и отечество свое оставити и в туждей земли быти и жити. Но в мужство облецѣмся и уготовимся на брань, и аще когда врази наши нападут на ны, да сразимся с ними. Аще побѣдим их, богу благодать, аще ли же пакы победят нас, без срама пръвый совѣт да съвръшим». Третий же рече: «Не добрѣ, о царю, сии глаголють. Но подобаеть нам добрѣ увѣдати, аще хощут врази наши любитися с нами, и сотворим мирныя почести, и дары послем к нимъ. И сего ради безпечално житье поживем. Присно бо царие о своей земли пекуться и златом съблюдают сущаа под ними». Четвертый же рече: «Недобрѣ совѣт даеши, но болши есть в теснотѣ и в бѣдѣ жити, нежели колико врагом *не* противитися и подложитися, от нихже болши есми мы и честнѣйши. Но аще и дары принесем имъ, недоволнии будут о сих, но и выше силы нашея взыщуть. Глаголеть бо ся, яко преже рати подобает *укрощати* враги дарми, аще ли оплъчатся на тя, не укланятися. Подобает убо смирение и трьпѣние имѣти, *и на любовь, и на брань»*. Пятый рече: «Не мощно есть противитися, силнѣйши бо суть от нас. Иже бо на болшая своа противляеться, себе вредит. Безумнии бо всегда врагы своа немощны наричют; аз же всегда и преже врага боюся. Ибо не подобает мудрому мужу врага своего не боятися, аще и далече пребываеть. Всякой бо вещи ястье и питье и богатство ищется, а въ брани ни о чем же, точию о души своей коиждо». Царь же рече: «Аще брань не даеши быти, что ино повелеваеши?» Он же рече: «Подобает ти, о царю, от своих совѣтник имѣти разумныа, добрый совѣт лучши есть тмы воинъ, ибо воспоминает смотрения полезнаа, о царю. Познавает бо муж вражию силу и немощь, и мудрымъ совѣтом и начинанием ниизлагаи.

Начало вражды, яже имамы к выплем, сии есть Яко нѣкогда собрася всь род птицам и избраху себѣ выпля царя,

а на нем жила тысяча воронов, и был у них один ворон старейший. Близко оттуда жила также тысяча сов, и у них была старейшая сова, и всегда они враждовали с воронами. Как-то раз напали они на воронов ночью, многих из них убили, других ранили, а иным перья повыдергали. Удручен был царь воронов, собрались они на совет, и сказал он: «Видели вы, что сделал нам совиный род: как победил нашу мощь, скольких убил и скольких ранил и скольким перья повыдергал? Но самое горькое и стыдное для нас, что осмелились они выйти на нас и опозорить нас. Подумайте теперь, что будет».

А было у того царя пять главных советников, и сказал один из них: «Ничто другое не избавит нас от таких набегов, как только покинуть это место, ибо не можем мы сопротивляться врагам». И сказал другой: «Не годится, чтобы смириться из-за одного поражения, оставить свое отечество и поселиться в чужой земле. Но вооружимся мужеством и приготовимся к войне, и если нападут враги на нас, сразимся с ними. Если победим мы, слава богу, если же снова нас победят, без позора последуем первому совету». И сказал третий: «О царь, нехорошо они говорят. Нужно нам как следует узнать, хотят ли враги наши помириться с нами; тогда окажем им мирные почести и пошлем им дары. Благодаря этому заживем мы безбедной жизнью. Ведь всегда цари заботятся о своей земле и тех, кто под ними, охраняют золотом». И сказал четвертый: «Неладный даешь совет; лучше уже в угнетении и несчастии жить, чем так покоряться и не сопротивляться врагам, которых мы лучше и славнее. Ведь если даже и принесем им дары, не удовольствуются они ими, но запросят с нас больше наших возможностей. Сказано ведь, что пока нет войны, усмирять врагов нужно дарами, если же ополчились они на тебя, нельзя уклоняться. Терпенье и смиренье нужно иметь и для мира, и для войны». Пятый сказал: «Сопротивляться невозможно, ведь они сильнее нас. Вредит себе тот, кто сопротивляется более сильному. А бессильными врагов своих всегда называют глупые; я всегда и заранее боюсь врага. Не подобает мудрому не бояться своего врага, хоть и находится тот далеко. В других случаях дело касается еды, питья или богатства, на войне же ничего другого, как души каждого». И сказал царь: «Если ты не допускаешь, чтобы была война, что предлагаешь другое?» И сказал тот: «Нужно тебе, царь, иметь разумных советников, ведь хороший совет лучше, чем тысячи воинов, ибо предлагает, о царь, полезные меры. Если знает кто и силу и слабость врага, то ниспровергнет его мудрым советом и начинанием.

Таково есть начало вражды, которая у нас с совами. Раз когда-то собрался весь птичий род, избрал себе сову царем

и поставиша его царствовати над ними. Гавран же тамо приключися нѣкый, рече: «Почто остависте честныя птица и не постависте от них на царство, но избрасте смрадныя сия птица, иже и душевную доброту погуби? К сим же безумна есть и немудра, и гнѣвлива, и несоставна, и льстива, и еще же горше есть всѣх». Сия слышавше, птичий всь род ниизложиша выплеву власть. И яко ниизложен бысть выпль, и рече к гаврану: «Не вѣм, о гавране, аще сотворих тебѣ нѣкогда зло нѣкое, яко да таковое воздание на мя покажеши. Но познай, яко древо, аще посечено будет секырою, пакы срастается, и язва стрѣлнаа исцелѣваеть и заглажается. Но язычнаа стрѣла неисцѣлена есть, яко косаеться посреди самого сердца. Ибо вода погашает огнь, и яд врачевным былиемъ отгониться. Но злобный огнь присно животенъ есть. Иже ся есть всѣял посредѣ вас и нас, о гаврани, дуб велий будет никогда же искореневаемъ». Сия рек, выпль отъиде, ярости наполнен сый. И раскаяся гавран, и опечалися зѣло. И оттолѣ и до нынѣ вражда пребываеть посредѣ нас».

Царь же рече: «Разумѣх о сих. Прочее убо рци о предлежащих, что подобает нынѣ творити». Он же рече: «Хощу убо на единѣ бесѣдовати ти». И повѣлѣ ему абие наединѣ глаголати, он же рече: «Еже о рати, не престаю ти, ни повелеваю быти. Но инако можем успѣти хитрости нѣкыа, много бо может и хитрость. Судя убо полезно быти, яко да прогнѣвается на мя величество твое всѣм зрящим. И повели бити мя пред всѣми немилостивно, яко окровавити ми ся от множества ран, таже и перия моя да извлекут и опаш, и да поверженъ буду близ древа сего. И егда сие будет на мнѣ, тогда ты отъиди отсуду со всѣми своими вкупѣ, мене же оставите лежати здѣ». Еже сотворив, царь съ своими отъиде.

Нощию же выплеве къ древу дошедше, не обрѣтоша никогоже, точию бьенаго гаврана лежаща, и сказаша о нем своему царю. Он же приближися к нему и въпроси его: «Откуду еси?» Гавран же рече: «Аз есми онсица». «Гдѣ же суть гаврани?» «Не свѣм. Како бо могу в таковых бѣдах разумѣти онѣх тайны?» Царь же рече: «Воистинну сей първосовѣтник гавраном. Въпросите убо его, коея ради вины таковаа лютаа пострадал есть». Гавран же рече к нему: «Мое злосовѣтие таковы лютым приплете мя. Егда побежени быша от вас гаврани, совѣт составиша, и коиждо, елико их разумѣ, совѣтоваше. Аз же дръзнух о вас и рекох, яко силнѣйши суть от гавранъ выплеве и благородни, и того ради не подобает противитися им, но миръ искати и дани даяти им. И аще приимуть, о таковых миряться с нами, богу слава о том. Сия слышавше, гаврани мнѣша, яко о вашей ползѣ бесѣдую таковаа, ярости наполнишяся, таковым осужением мене осудишя».

и поставил ее царствовать над всеми. Оказался там ворон и сказал он: «Почему забыли вы о славных птицах и ни одну из них не возвели на царство, но избрали эту смрадную птицу, которая погубила доброту души? К тому же она глупа и неразумна, вспыльчива и беспорядочна, лукава и вообще всех хуже». Услышал это птичий род и низложил власть совы. А когда низложена была сова, сказала она ворону: «Не знаю я, о ворон, чтобы сделала я тебе какое зло, что воздаешь мне так. Помни же, что дерево, даже и подрубленное топором, снова срастается, и рана от стрелы излечивается и зарастает. Но стрела словесная неисцелима, ведь она попадает в самое сердце. Вода вот гасит огонь, а яд изгоняется лекарственными травами. Но огонь злобы живет всегда. И то, что посеяно между нами и вами, вороны, как большой дуб — никогда не искоренится». Сказала это сова и удалилась, полна ярости. Раскаялся ворон и очень опечалился. И с той поры и доныне существует вражда между нами».

И сказал царь: «Я понял это. Но скажи также о предстоящем: что нужно делать теперь?» И сказал тот: «Я хочу наедине поговорить с тобой». И тотчас позволил ему царь говорить наедине, и сказал тот: «Что касается войны, то я не возражаю и не призываю к ней. Мы можем, однако, достичь успеха изобретательностью, ведь изобретательность способна на многое. Я думаю, будет полезно, чтобы все видели, что ты разгневан на меня. Вели бить меня без жалости перед всеми, чтобы был я в крови от множества ран, чтобы перья и хвост мои были вырваны, пусть бросят меня у этого дерева. А когда исполнишь это со мною, уйди отсюда вместе со всеми своими, меня же оставьте лежать здесь». Сделал так царь и удалился со своими.

А ночью пришли к дереву совы и никого не нашли, только избитый лежал ворон. Сказали они о нем своему царю. Приблизился к нему царь и спросил: «Откуда ты?» И сказал ворон: «Я такой-то». — «Где же вороны?» — «Не знаю. Как в таком несчастье знать мне их тайны?» И сказал царь: «Поистине это главный советник воронам. Расспросите-ка его, по какой причине вынес он такие мученья». И сказал ему ворон: «Дурные мои советы привели меня к этой беде. Вороны, когда вы их разбили, собрали совет, и каждый, как понимал, советовал. Я же посмел сказать о вас, что совы сильней воронов и благородны, потому не следует сопротивляться им, а нужно искать мира с ними и дани им давать. И если примут, помирятся на этом с нами, то богу за то слава. Услышав это, решили вороны, что говорю я это для вашей пользы, наполнились они ярости и осудили меня таким вот судом».

Сия слышав, царь рече к нѣкоему от пръвосовѣтник своих: «Что подобает о сем творити?» Он же рече: «Скорѣе да убьенъ будеть. Избавимся от лукавьства и хитрости его, еже всегда хитрит о нас. Пособие бо нам будет велие убьение его. Глаголеть бо ся, яко иже не радить о своей ползѣ, егда время получить, иногда бо не возможет получити».

Другий же от пръвосъвѣтник царевѣх рече: «Не подобает того убити. Писано бо есть, трость сокрушен да не ниизложиши. Паче же праведенъ есть миловати и щедрити его, зане таковыа пострада бѣды и заушениа. Подобает убо того хранити, еже бо питати враги велиа есть похвала». Повѣлѣ убо царь с честию и говѣнием пребывати гаврану. Пръвосовѣтникъ он, иже убити его повелѣвый, рече: «Понеже того не убисте, поне да будет въ сохранении и да пребывает у насъ, яко враг назираем. Аз бо вѣм, яко лютъ есть гавранъ сей и льстивъ, и мнит ми ся, яко прелщениа ради пришел есть здѣ». Начат убо гавранъ бесѣдовати с выпли наединѣ и любитися с ними. Во един убо от дни рече к ним гавранъ: «Услышах от древних муж, глаголющих, яко аще хто себе во огнь въвръжет, скорѣе, еже просит у бога, прииметь. Хощу убо и азъ таковое сотворити и умолити бога, яко да преложит естество мое на выплевьско видѣние, яко да с вами на гавраны брань сотворю и въздам имъ о нихже, они мене содѣлавше». Бяше же ту, иже на убиение его совѣтовавый, и рече: «Подобна суть сия твоа словеса питию, исплънену яду. Аще бо не сожжемъ тобе, не можем естьство твое преложити».

Пребысть убо гавран тамо, сматряа начинаниа выплем вся. И толстѣ и утучнѣ, и возрастоша ему перия, и нѣкогда время обрѣте и отбѣже. И ко гавраном пришед, рече къ царю их: «Радуйся, о царю, се бо желание съвръших. Уже бо вси выплеве въ древѣ нѣкоем скрышяся. Въстанем убо вси, поидем убо вземше коиждо нас сучиа, елико можем понести, и положим на устѣх язвины и огнь вложим, и крилы и раздуим, яко быти пламыку въздушну. И сим образом овии внутрь дымом удавлени будут, овии же исходяще опалени будут». Иже и сотворше, гаврани до конца враги своа побѣдиша, и возвратися гавраном царь въ своа си обители победоносець. И рече ко гаврану оному: «Како трьпѣл еси выплем бесѣдования неподобнаа?» Гавран же рече: «Мудроумен муж, аще и в бѣды нѣкыа впаднет, покоряеться и худым, дондеже съвръшит желание свое». Царь же рече: «Скажи ми, разум выплем каковъ есть?» Гавран же рече: «Не видѣх имъ единого выпля разумна, точию рекша совѣт на мое убьение. Прочии же далече бяху от мудрости. Подобает бо царемъ своа съблюдати тайны и не оставляти тужда нѣкоего къ писанием приникнути, или к водѣ, с неюже хощет мытися,

Услышав это, сказал царь одному из главных своих советников: «Что нам с ним делать?» И сказал тот: «Пусть будет он убит поскорее. Мы избавимся от коварства и умыслов его, которые он всегда замышляет на нас. Убийство его будет нам великой помощью. Ведь сказано, что, если кто не заботится о своей пользе, когда представится случай, тому другого случая не будет».

Но другой из главных советников царя сказал: «Не следует его убивать. Ведь писано: трости надломленной не переломишь. Скорее справедливо будет помиловать и вознаградить его за то, что вытерпел он такие несчастья и побои. Следует беречь его, потому что кормить врагов весьма похвально». И велел царь содержать ворона в чести и уважении. Главный советник, который хотел, чтобы убили ворона, сказал: «Раз не убили его, пусть находится под охраной и живет у нас под надзором как враг. Знаю я, что жесток этот ворон и хитер, и кажется мне, что пришел он сюда для обмана». И ворон стал беседовать с совами наедине и подружился с ними. В один из дней сказал им ворон: «Слышал я от стариков, как они говорили, что если кто бросится в огонь, легко получит то, что просит у бога. Хочу теперь и я сделать это и вымолить у бога, чтобы переменил природу мою в совиное обличие, чтобы мог я с вами пойти на воронов войной и отплатить им за то, что сделали они со мною». Был тут и тот, кто советовал его убить, и сказал он: «Эти твои слова подобны напитку, полному яда. И если не сожжем мы тебя, не сможем изменить твою природу».

А ворон находился там, наблюдая все обычаи сов. Стал он толст и дебел, отросли у него перья, и, найдя однажды случай, он убежал. Вернувшись к воронам, сказал он царю их: «Радуйся, о царь, достиг я желаемого. Все совы укрылись в одном дереве. Поднимемся теперь все и полетим, а каждый возьмет сук, какой сможет поднять, и сложим их у входа в дупло, поднесем огонь и раздуем крыльями, чтобы пламя поднялось на воздух. И таким образом одни задохнутся внутри от дыма, другие же, вылетая, будут опалены». И, сделав так, вороны вконец разбили своих врагов. И царь воронов победоносцем вернулся на место своего обитания. И сказал он этому ворону: «Как переносил ты непотребные беседы с совами?» И сказал ворон: «Если мудрый человек оказывается в несчастье, он бывает покорен даже ничтожным, пока не достигнет желаемого». И сказал царь: «Скажи мне, каковы совы по уму?» И сказал ворон: «Не видел я у них ни одной умной совы, кроме той, что советовала убить меня. Другие же далеко находились от мудрости. Следует царю хранить свои тайны и не позволять никому чужому прикасаться к записям или к воде, которой он будет мыться,

или къ постели, или ко одежи, или оружью, или къ ястию и питью. Нѣсть мощно с гордостию своя враги побѣдити. Малу бо побѣду съставляет гордьливый, иже совѣтникы творит безумныа, *не удобнѣ* от погибели спасается. Аз же смирихся и покорихся врагом, яко да *получю* таково исправление, якоже змий, подложивыйся жабѣ.

Глаголеть бо ся, яко змий нѣкый, заматерѣвъ, състарѣвся, и не возможе ловити и о пищи недоумѣашеся. И ползавъ, доиде блата нѣкоего, исплънена жабъ, идѣже пръвие ловяше, уныл и скръбен себе тамо близь простре. Жаба же нѣкаа рече к нему: «Почто се, о змию, скръбиши?» Он же рече: «И како да не скръбя? Присно бо от сего блата пищу себѣ взимах, нынѣ же прокля мя нѣкто от постник и не могу ловити. Уже бо хощу, да буду яко и конь яздялный царю вашему». Се слышав жабам царь и прият его, яздяше на нем, и даваше ему на всяк день на пищу двѣ жабѣ. Тако и аз таковыя работы ради и съвръшения временнаа злаа пострадах».

Царь же рече: «Разсмотрих и видѣх, яко хитрость и разумом болши есть побежати, нежели противлениемъ. Огнь бо горящь есть и сух, но точию, яже суть на земли, погубляет, вода же есть студена и тиха, и *вънутрь* под землею входит, искореневает, яже на ней. Глаголеть бо ся, яко не подобает не радити о четырех сих вещех, сирѣчь о огнѣ, болѣзни, врага, длъга». Гавран же рече: «Велика нынѣ исправлениа быша нароком твоим, царю, богу благодать о том».

Царь же рече: «Обрѣтох тя словом и дѣлом приятеля своего. Прочии же словесы безумными хваляться. Тебе бо ради велика благодать нам бысть, сон бо сладкый и пища тобою дасться нам. Глаголеть бо ся, яко отраду велику имат, иже от огница избавится, и еже бремя *тяжко* отложивый, иже от враг своих избѣгни. Обаче скажи ми, выплевьскаго царя пребывание како видѣл еси?» Он же рече: «Скотцко есть и лукаво, и несладко, и бесчинно. И иже подобни суть ему, развѣе единаго, на мое убьение совѣтовавшаго. Той бо от всѣх, мнит ми ся, мудрѣйши».

Царь же рече к философу: «Разумѣх речению притча. Прочее скажи ми, како кто достигий желание своего и не могий добрѣ съдръжати его, абие погуби пакы».

Притча о пифицѣ. 5.

Философ же рече:

Глаголеться, яко пифици нѣции царя имуще состарѣвшася и заматерѣвша лѣты многими. С того и старости ради ото власти

или к постели, или к одежде, или к оружию, или к еде и питью. Победить своих врагов невозможно с гордостью. Гордец, который действует с глупыми советниками, одержит лишь небольшую победу, трудно ему спастись от гибели. Я же смирился и покорился врагам, чтобы достичь такого свершения, какого достигла змея, покорившаяся жабе.

Рассказывают, что одна змея пришла в возраст и состарилась и не могла уже охотиться, так что трудно ей было с едой. И вот, ползая, добралась она до болота, полного жаб, где прежде охотилась, и простерлась поблизости от него в унынии и скорби. А одна жаба сказала ей: «О чем ты, змея, скорбишь?» И сказала та: «И как мне не скорбеть? Ведь в этом болоте всегда добывала я себе пищу, а теперь один аскет запретил мне это, так что я не могу охотиться. Хочу теперь, чтобы была я как ездовой конь вашему царю». Услышал это царь жаб и принял змею, ездил на ней и всякий день на пропитание давал ей двух жаб. Так вот и я ради такой службы и итога вытерпел преходящее зло».

И сказал царь: «Рассмотрел я и увидел, что изобретательностью и умом побеждать лучше, чем сопротивлением. Огонь горяч и сух, но губит лишь то, что на земле, а вода холодна и тиха, но проникает под землю и с корнем уничтожает все, что на ней. Сказано ведь, что не следует пренебрегать четырьмя вещами, а именно: огнем, болезнью, врагом, долгом». И сказал ворон: «Великие свершения, о царь, выпали тебе ныне на долю, слава за то богу».

И сказал царь: «Понял я, что ты и на словах, и на деле мне друг. Другие лишь хвалятся глупыми словами. Так что ради тебя была нам великая эта благодать, сладкий сон и пища тобою даны нам. Сказано ведь, что великую отраду приобретает тот, кто спасется от лихорадки, кто сложит тяжкую ношу, кто избавится от своих врагов. Скажи наконец мне: каков показался тебе образ жизни совиного царя?» И сказал тот: «Скотский он и коварный, горький и беззаконный. И другие совы подобны ему, кроме одной, советовавшей убить меня. Мне кажется, она всех умней».

И сказал царь философу: «Я понял рассказанную притчу. Расскажи мне теперь, как достигший своего желания и не способный хорошо удержать достигнутое, тотчас все опять губит».

Притча об обезьяне. Пятая.

И сказал философ:

«Рассказывают, что был у обезьян царь, старый, поживший много лет. Поэтому-то, из-за старости его, отрешили они его

его изгнаша. Он же, всякым недоумѣньем одеръжим быв, к нѣкоей смоковницѣ при брезѣ морьстѣм приде, и пребываше у нея, и ядяше от плода ея. Въ един же от дни, ядущу ему, паде из руку его едина смоква, иже приемше, дивия желва изъяде. О нем же пифик посмѣявся, не престаяше желва питающися смоквами; она же, сладку пищу обрѣтши, дома своего забы. И сего ради подруг ей малодушьствоваше велми, искаше притчю, како бы пифика погубил и подруга своего възмет. Единою убо отшедши желва в дом свой, и скръбна видѣвши своего подруга и рече к нему: «Почто вижу тя дряхла и болна?» Он же рече: «В болѣзнь лютую впал есмь и нѣсть ми исцѣлениа обрѣсти, аще не получю сердце пификово». Она же недоумѣвшися о семъ и помышляше в себѣ, яко: «Ино сердце не имам обрѣсти, точию гостя своего, еже преступление быти». Разумѣвше, дивляшеся помышленми и пришедши к пифику, и пригласивъ его; он же въпроси его о коснѣнии. И желва же отвѣща: «Ни о часѣм же укоснѣх, точию зане срамляюся тебе и не имам достойно воздание о благодѣянии воздати тебѣ». Пифик же рече. «Не помышляй таковаа, нѣсмь аз такый, еже от своих любовных искати воздание. Паче же ты мнѣ благодѣтелница была еси, таковыми бѣдами обьдръжима и изгнана, сущи утѣшающи мя». Желва же, отвѣщавъ, рече: «Хощу еже утвердити любовь посредѣ нас сущих. Утверьжают бо ся треми вещми, сирѣчь еже в дом дружний вхожение и сродникъ зрѣние и посѣщение, и еже вкупѣ пребывание». Пифик же рече: «Тако составляют любовь, о дружко, и в слабости житья своего живущеи». Желва же рече: «Истину реклъ еси, достоит бо другомъ совръшенную любовь истиннуу имѣти от своих другов, а иже за нѣкых ради житейскых потреб любо составляет, на нетврьдѣмъ основании зиждеть. Яко не подобаеть от любовных ино ничтоже искати, точью сердца проста и чиста, и вѣры правы, и истинны. Телець же а и без млека матерь свою ссет, прогнѣвается, яко прогнану быти от неа. Аз же хощу, яко да приидеши в дом мой. Живу же азъ въ островѣ травоноснѣм, тмами исплънену плодов. Аз бо на рамѣ отнесу тя».

И вѣровав, пифик взыде на желву и ношашеся по пучинѣ от неа. Егда быша посредѣ пучины, ста помышляущи, како бы погубити пифика. Видѣвъ пифик коснѣние желвино, уразумѣл есть лесть, и в себѣ глаголаше: «Егда на мя нѣчто зло помыслит желва?» И рече тако: «Вижу тя в попечении и размышлении велице и боуся тебя о том, что убо есть попечение твое?» Она же рече: «Печаль ми есть велика, да не дошедше в дом мой и не обрящеши вся достойная, якоже хощу аз.

от власти. И вот эта обезьяна, удрученная всякими трудностями, нашла на берегу моря смоковницу и зажила на ней, питаясь ее плодами. В один из дней, когда она ела, выпала из ее рук смоква, которую подобрала и съела дикая черепаха. Засмеялась на это обезьяна, а черепаха не переставала есть смоквы. Найдя вкусную еду, она даже дом свой забыла. Поэтому супруг ее очень мучился и искал способ, как бы погубить обезьяну и вернуть свою супругу. Однажды черепаха пришла домой и увидела, что супруг ее в скорби, и сказала ему: «Почему мне кажется, что ты мрачен и болен?» И тот сказал: «Заболел я жестокой болезнью, и не найти мне исцеления, если только не приму обезьянье сердце». А та в колебании размышляла про себя об этом так: «Другого сердца мне не найти, кроме как друга моего, а это будет преступление». Размышляя об этом, смущалась она разными мыслями и вот, придя на берег, позвала обезьяну, а та спросила ее о долгом отсутствии. И ответила черепаха: «Не из-за другого чего я отсутствовала, только что стыжусь тебя, что нет у меня достойного воздаяния, чтобы отблагодарить тебя за твои благодеяния». И сказала обезьяна: «Не думай об этом, я не такая, чтобы требовать воздаяния от близких мне. Скорее ты мне была благодетельница, когда, изгнанную и окруженную бедами, меня утешала». И сказала черепаха в ответ: «Хочу я закрепить дружбу, которая между нами. А закрепляют ведь тремя путями, то есть приходом в дом друга, знакомством и посещением родственников и совместным пребыванием». И сказала обезьяна: «Дружок, так заключают дружбу и те, кто живет распущенной жизнью». И сказала черепаха: «Верно ты сказала: достойно друзьям заключать истинную и совершенную любовь со своими друзьями, а тот, кто заключает любовь ради житейских нужд, строит на непрочном основании. Так что не нужно требовать от любимых ничего другого, кроме как доброго и чистого сердца, прямой и истинной веры. Теленок сосет свою мать, хоть она и без молока, и сердится, когда отгоняют его от нее. Я же хочу, чтобы ты посетила мой дом. Живу я на острове, обильном травой, наполненном множеством плодов. Я на плечах понесу тебя».

Поверила обезьяна, забралась на черепаху, и понесла ее та по пучине. А когда были они посреди пучины, остановилась черепаха в раздумье, как бы ей погубить обезьяну. Заметив черепахино промедление, заподозрила обезьяна хитрость и сказала про себя: «Уж не замыслила ли черепаха какое зло против меня?» И сказала так: «Вижу я, что ты в заботах и размышлении великом, и боюсь поэтому тебя,— чем ты озабочена?» И сказала та: «Печаль у меня большая, что, придя в мой дом, ты не все найдешь достойным, как это мне хочется.

На одрѣ бо лежит подруг мой». Пифик же рече: «Не пецися о сем, ничтоже бо пльзует печаль. Но попецися паче о врачевных былиях». Желва же рече: «Глаголють врачевьстии отроци, яко пификово сердце может исцѣлити болѣзнь ону». И се слышавъ пифик и в себѣ свою погыбель рыдаше, глаголя: «Оле, моего безумия! Како нѣсмь узналъ тамо? Паче и стару ми сущу, в таковых злых мене вложи. Иже в малых пребывают, беспечално житье живут». Такоже се желвѣ рече: «Въскую, любимаа, не сказа мнѣ таковое слово, преже даже не изыдох из дому моего, яко да и сердце свое съ собою возму? Закон бо имам, да егда к любовному идемъ, сердце свое дома оставливаемъ, да нѣчто о друзѣ помыслити лукавое». И сиа слышавши, желва въспять радующися плуяше и пифика на брегъ донесе. Он же на сушу наступив, тощно на смоковницю взыде. Желва же долѣ въпияше: «Сниди скоро, друже, яко да поидем». Пифик же, отвещавъ, рече: «Аще сниду к тебѣ, до конца сердце свое не приобрящу». Тако иже время обрѣтше благо, не исплънивше свое хотѣние, и времени мимотекшу, и не получают».

Царь же рече: «Разумѣх таковыа притча. И прочее убо скажи ми, иже тщиться на нѣкое любо дѣло оно, *а не искусит его преже начинания»*.

Философ же рече:

«Глаголеться, яко мужь нѣкый вкупѣ съ своею женою наединѣ живяше и в нѣкой день рече к ней: «Благонадеженъ есми, о жено, яко мужскый пол отроч родится нам, иже со усрьдием поработает намъ. Смотри, како имя наречемъ ему». Она же рече: «Престани, мужь, блядити. Подобен еси оному мужу, пролиявшему мед и масло.

Глаголеть бо ся, яко мужь нѣкый от убогых мед и масло в нѣкоем сосудѣ имяше, идѣже бѣ ложище его. И во едину убо нощь в себѣ помышляше, глаголя: «Хощу масло сие и мед продати за пѣнязя и купити коз 10, еже родят толико козлищь за 5 месець, и пятыми лѣты составлю 400, от нихже куплу волов 100, и с ними посѣю нивы, от плода жита того и от прочих плодовъ напрасно пребогат буду, и домы въздвигну четверокровныи златоверхи, и рабы различны искуплу, и женѣ припрягуся, яже родить ми отроча, и нареку имя ему Пангале, сирѣч Вседобрѣ, накажу его, якоже подобаеть. Аще нерадяща его вижу, сим жезлом бью его сице». И взем прилежащу ему жезлѣ, сосуд с ним ударив и разби его, и пролияся мед и масло по брадѣ его.

Таже роди отрока жена его, и по нѣкых днехъ рече жена к мужу своему: «Приди, сѣди здѣ у отрока». И той отшедши,

Ведь супруг мой лежит в постели». И сказала обезьяна: «Не заботься об этом, печаль не приносит пользы. Позаботься лучше о лекарственных травах». И сказала черепаха: «Врачи говорят, что обезьянье сердце может вылечить эту болезнь». Услышала это обезьяна и оплакала про себя свою смерть, говоря: «Увы, безумная! Как не поняла я этого раньше? Хоть и старая я, а в такое несчастье попала. Кто довольствуется малым, живет беззаботной жизнью». Но черепахе она сказала так: «Почему же, милая, ты не сказала мне этого, пока не вышли мы из моего дома, чтобы я сердце свое с собою взяла? Ведь есть у нас обычай, когда идем к другу, сердце свое оставляем дома, чтобы не подумало оно чего дурного о друге». Услышав это, черепаха, радуясь, поплыла обратно и вынесла обезьяну на берег. Та же, лишь ступив на сушу, быстро забралась на смоковницу. А черепаха закричала снизу: «Сойди скорее, друг, и отправимся». И сказала обезьяна в ответ: «Если сойду к тебе, совсем не найду своего сердца». Так вот те, кто не исполнил своего намерения, когда располагал случаем, упустив время, ничего не получают».

И сказал царь: «Я понял эту притчу. А теперь расскажи мне о том, кто хватается за какое-нибудь дело, не разобравшись в нем, прежде чем начнет».

И сказал философ:

Рассказывают, что жил муж со своею женой и однажды сказал он ей: «Я уверен, жена, что родится у нас младенец мужского пола, и он с усердием будет служить нам. Рассуди, какое имя мы дадим ему». И сказала она: «Прекрати, муж, пустословить. Ты подобен человеку, пролившему мед и масло».

Рассказывают, что у одного человека из бедных были в сосуде мед и масло рядом с постелью его. Однажды ночью думал он про себя, так говоря: «Продам я за деньги масло и мед и куплю десять коз, а они народят столько же козлят через пять месяцев, а через пять лет у меня будет их четыреста, на них я куплю сто волов и с их помощью засею поля, плодами того урожая и другими плодами безмерно я обогащусь, построю четырехскатные златоверхие дома, накуплю множество рабов, возьму себе жену, которая родит мне дитя, и дам я ему имя Панкалос, то есть Вседобр, воспитаю его как следует. Но если увижу я, что он нерадив, я вот так побью его вот этой палкой». И, взяв лежащую поблизости палку, он ударил по сосуду и разбил его, и полились по бороде его мед и масло.

Родила потом жена мальчика и сказала однажды своему мужу: «Поди посиди с мальчиком». А когда ушла она, супруга

призван бысть от властелина мужь еа, и оста дѣтищь единь. И приключися абие присмакатися змии на дѣтища. И видѣвши его невѣстка, въскочивши, зубы всече его. Дошедши муж и видѣв невѣстка окровавленна змииною кровию, и мняше, яко отроча его снѣла есть. И не потрьпѣвъ, дондеже видит отрока, по главѣ сию немилостивно ударивъ, уби. Вшедше же, отрока цѣла обрѣте и змиа здробленна зѣло и раскаявся, плакася горко. И тако убо тщашеся на многиа вещи без разсужениа согрѣшают».

Царь же рече: «Разумѣх таковое, прочее убо скажи ми, како подобает царю свое царство съблюдати невреженно, и в кых паче незлобивымъ ли нравомъ и благою совѣстью и поданиемъ».

Философ же, восприимъ, рече:

«От всего болши есть мудрость и трьпѣние, и к сим добрых совѣтник поспѣшенье, таже изряднаа и мудраа жена. Есть же ему и приточно, еже царю индийскому приключшееся есть.

Глаголеть бо ся сице, яко той царь въ едину нощь видѣ 8 сновъ страшных. И убояся, пробудися, и призва своа философы, и яже видѣ во снѣ сказа имъ. Они же рѣша: «Видѣние, еже видѣл еси, досточюдно есть, и подобаеть нам 7 дни, еже о нем смотрити». Исшед бесѣдоваше друг с другомъ и рѣша: «Не много мимоиде время, отниже царь тму от нас изби, и нынѣ убо божественое промышление вложи е в руках наших, и подобает нам подвизатися, да погубим его. Сия убо достоить совѣтовати ему, яко да сына своего погубит и жену свою, въ сим же и присненика своего, и пръвосовѣтника, еже есть старѣй книжником, еще же и бѣлаго елефанта, еже яздит на нем, и другаа два елефанта великаа, и коня, и велблуда, и кровь их в сосудѣ събрати, яко да с нею умыем его и припоим врачевныа пѣсни, яко да избавится от всего зла». И приступиша къ царю и рѣша: «Испытахом в писаниох и обрѣтохом сиа и она, и нѣсть ти инъ путь спасениа, точию еже сотворити сиа». Царь убо рече: «Хощу убо аз сиа цѣлы быти и мнѣ единому погибнути». Они же рѣша: «Ничтоже болше душа своеа творити». Слышав же сиа, царь прискръбенъ бысть и на своем одрѣ лежа ниць, и помышляше, что сътворити. И слышано бысть по всѣх о царевѣ печали.

И се увѣдѣв пръвосовѣтник его и лесть уразумѣвъ, не възможе о сих бесѣдовати цареви, но къ царици, приступив, рече: «Зрю царя прискорбна суща и боюся, еда како лживии философи лесть створиша злобы ради, еже потребити его до конца совѣтууще. Но въпроси его, что есть вина, еяже ради толико скръбиши. Егда скажет ти, тогда повѣжь мнѣ». Она

ее призвал к себе властелин, и дитя осталось одно. И случилось вдруг, что змея подползла к ребенку. Увидела ее ласка, прыгнула и вонзила в нее свои зубы. Супруг вернулся, увидел, что ласка окровавлена кровью змеи, и решил, что съела она младенца. Не дожидаясь, пока увидит он мальчика, безжалостно ударил он ее по голове и убил. А войдя, нашел он младенца целым и змею, разорванную на части, и, раскаявшись, горько заплакал. Так ошибаются те, кто на многие дела устремляется без осмотрительности».

И сказал царь: «Понял я это, расскажи теперь мне, как следует царю сохранять невредимым свое царство, в каком случае кротостью, доброю совестью или наградами».

И сказал философ в ответ:

«Лучше всего мудрость и терпение, а к этому помощь добрых советников, затем честная и мудрая жена. К этому будет притчей то, что случилось с индийским царем.

Рассказывают так, что царь этот за одну ночь видел восемь страшных снов. Он проснулся в испуге, призвал своих мудрецов и рассказал им, что видел во сне. И сказали они: «Видение, которое ты увидел, заслуживает удивления; нужно нам семь дней, чтобы рассудить о нем». Вышли они и, беседуя друг с другом, говорили: «Немного прошло времени с тех пор, как царь убил многих из нас, а теперь божественный промысел отдал его нам в руки, так что нужно нам постараться сгубить его. Нужно посоветовать ему, чтобы убил он сына и жену свою, а с ними и родственника своего и главного советника, который старейшина книжников, а к тому же и белого слона, на котором он ездит, и других двух больших слонов, и коня, и верблюда, а кровь всех их собрать в сосуд, чтобы мы умыли его ею и воспели над ним врачебные песни, так чтобы избавился он от всякой беды». И пришли они к царю и сказали: «Смотрели мы в писаниях и нашли то-то и то-то, и нет у тебя другого пути к спасению, только чтобы исполнить это». Тогда сказал царь: «Хочу я, чтобы все они остались целы, а погиб я один». И сказали они: «Нет ничего важнее, как спасать свою душу». Услышав это, опечалился царь, лег ничком на ложе свое и думал, что делать. И повсеместно стало известно о печали царя.

Узнал про это главный советник и понял хитрость, но не мог об этом говорить он с царем и, придя к царице, сказал ей: «Вижу я, что царь в скорби, и боюсь, что лживые мудрецы из злобы затеяли козни, давая такие советы, чтобы совершенно погубить его. Спроси его, какова причина, что он так скорбит. Если скажет тебе, то поведай мне». Пошла она

же шедши къ царю и сѣдши при главѣ его и рече: «Възвести ми, о царю, что ти совѣтоваша философи». Царь же рече: «Не прилагай къ язвам язвы, не подобает бо ти о таковых въпрашати мене, ибо не можеши таковую злобу разрѣшити». Она же рече: «Не надѣяхся, яко да утаиши таину никогода от мене. Аще мнѣ не открыеши таковое, не вѣде, како инѣм открыеши». Он же рече: «Что мя въпрашаеши о своей погыбели, о жено, и всѣх любезных моих!» Она же рече: «Аз убо и прочии не убѣжим, еже быти о тебѣ измѣнение. Что бо нам честнѣйше, паче тебе? Но молю ти ся, о царю, по моей смерти никому от своих философ не вѣруй, ниже убивай никогоже, дондеже своим приятелем проявиши совѣт. Не вѣси ли, яко враждуут тя философи, зане доволно толико множство от них преже мала времени погубил еси? И не мни, яко забыли суть о убьении; не подобаше ти ни начало сну сказати им, но аще послушаеши мя, въпроси сущаго у нас постника старца о снѣх». ⟨...⟩

Царь же абие на конь всѣд и поиде к постнику оному, и яже видѣ сказа ему царь. Постник же рече: «Да не убоишися, о царю, ничтоже бо тебѣ зло будет. Повѣдаеть бо двѣ рыбѣ, еже видѣ на опашех ходящих, яко посланници приидут к тебѣ от великых царей и два елефанта приведут ти. А два норца, яже видѣ лѣтауща окрестъ тебе, назнаменует, яко персьстии посланници два коня изрядна приводяще. Пресмыкаемый же змий по тебѣ сказует, мечь приносят ти, якоже никтоже ин видѣ. А иже кровию тебѣ крещатися, являет, послет ти ся даръ риза багряна, сиаущи въ тмѣ. А еже водою омытися, провѣщает, я различнаа одѣаниа принесут ти ся. А иже на гору бѣлу взыти увѣрение истинно есть, яко на бѣла елефанта всядеши. А иже на главѣ твоей огнь прописует, яко вѣнець многоцѣнный приимеши от царя нѣкоего велика. А глава твоя яко птищь, нынѣ не проявит ти ся. Сказают бо малую нѣкою скорбь и отвѣщание любимаго образа. ⟨...⟩ И сия вся забудет ти ся по седми дни».

Яже и по седми днех бысть: и приидоша посланници, носяще вся, яже прорече постник. Яже видѣв, царь от любовных своих словеса обѣщася приимати точну. Таже видѣвъ дары и рече: «Не подобает ми от сих взяти ничтоже, но вы, приятелие мои, възмите сиа вкупѣ съ благоумною моею съжителницею, свою бо душу за мя положисте». Прървосовѣтник же рече: «Не подобает нам, рабом, таковыа дары приемати, но паче праведно есть сродником твоим». Царь же рече: «Ты моему спасению повинник еси, и тмами достоинъ еси благодѣаниа». Таже взят царь бѣлаго елефанта, сыну же своему дасть единаго коня, и пръвосовѣтнику многоцѣнный мечь. Прочаа же повелѣ прьвосовѣтнику принести,

к царю, села в изголовье его и сказала: «Поведай мне, царь, что посоветовали тебе мудрецы». И сказал царь: «Не прибавляй к ранам раны, не следует тебе расспрашивать меня об этом, потому что не сможешь ты справиться с этим злом». И сказала она: «Не думала я, что будешь когда-нибудь таить ты от меня тайну. Если не откроешь ты это мне, не знаю, как откроешь другим». И сказал он: «Что спрашиваешь меня, жена, о своей гибели и гибели всех моих любимых!» И сказала она: «И я, и другие не избежим, чтобы быть заменой тебе. Что дороже нам, чем ты? Но умоляю тебя, царь, по смерти моей не верь никому из мудрецов, не убивай также никого, прежде чем близким своим не объявишь свое намерение. Разве не знаешь ты, что мудрецы враждебны к тебе, потому что совсем недавно довольно многих из них ты убил? Не думай, что забыли они об этом убийстве. Не следовало тебе ничего из снов рассказывать им, но если доверяешь мне, спроси о снах находящегося у нас старца аскета».

Тотчас сел царь на коня, поехал к тому аскету, и рассказал ему царь все, что видел. И сказал аскет: «Не бойся, царь, никакого зла тебе не будет. Ведь две рыбы, которых ты видел, что они ходят на хвостах, означают, что придут к тебе посланцы от великих царей и приведут к тебе двух слонов. А две утки, которых ты видел, что они пролетели около тебя, означают, что два персидских посланника приведут двух благородных коней. Ползущая за тобою змея говорит, что тебе принесут такой меч, какого никто не видал. А то, что ты крестился кровью, означает, что пришлют тебе в дар багряную ризу, светящуюся во тьме. А водою умывание предвещает, что принесут тебе различные одежды. А взойти на белую гору верный есть знак, что воссядешь на белого слона. А то, что огонь у тебя на голове, предсказывает, что примешь от великого царя драгоценный венец. А то, что голова у тебя, как птица, сейчас не откроется тебе. Это говорит о небольшой печали и отвержении от любимого лица. 〈...〉 И все это сбудется тебе после семи дней».

Так и стало по прошествии семи дней: пришли посланцы, неся все, что предсказал аскет. Увидев это, поклялся царь принимать советы только от своих близких. Потом взглянул он на дары и сказал: «Не следует мне ничего брать из них, но вы возьмите их, друзья мои, вместе с моею благоразумною супругою, ибо вы положили за меня свою душу». И сказал главный советник: «Не годится нам, рабам твоим, принимать такие дары, скорее это справедливо будет твоим родственникам». И сказал царь: «Ты виновник моего спасения и достоин ты тысячи благодеяний». Потом взял себе царь белого слона, своему сыну дал одного из коней, а главному советнику драгоценный меч. Остальное же велел он главному советнику

принести по немъ къ женам. Бяху же ему двѣ женѣ любимѣ: едина, совѣтовавши о постницѣ, и другаа. И пришед царь к ним, предложи пред ними вѣнець и багряницу и рече *първо* къ совѣтници: «Избери себѣ от обою, еже хощеши, или вѣнець, или багръ, и оставшее да возмет другаа». Она же недоумѣвши, кое взяти, и възрѣ къ первосъвѣтнику. Он же помава оком, еже взяти багръ. Случи же ся тогда царю въздвигнути очи свои и видѣ пръвосовѣтника, помавающа женѣ его о багряници. Она же разумѣвши, яко не утаися царю помавание, и не взят багръ, но вѣнець. Пръвосовѣтник же оттоле преклони око свое до четыридесят лѣтъ, яко да не мнится царю, яко око его страсть таковую имать. И аще не бы тако сотворил, живот свой погубил бы. Въ един же убо от днии, яже вѣнець вземши...

Нѣкоторымъ списателемъ мудраа сия притча *не* дописана. И уже время, възлюбленне, и мѣ сладкую отеческихъ сократити бесѣду. Богъ человѣколюбивый да покрыстъ насъ своею благодатию, молитвами святых своихъ, яко благословенъ еси в вѣки, аминь.

А писана сиа притча послѣдняго сего ста седмыя тысяща 87 г., октоврия. Триас и агиа, докса си! З греческих книгъ на руский языкъ переведено.

доставить за собой к женам. А были у него две любимых жены: одна, которая давала совет об аскете, и другая. Пришел царь к ним, положил перед ними венец и багряницу и сказал сначала советчице: «Выбери себе из двух, что хочешь,— или венец, или багряницу, а оставшееся возьмет другая». А она колебалась, что взять, и посмотрела на главного советника. И показал тот взглядом, чтобы взяла багряницу. Случилось же тогда, что царь поднял глаза и увидел, как главный советник указывает его жене на багряницу. А та догадалась, что не скрылось от царя это движение, и не взяла багряницу, а взяла венец. А главный советник с того времени сорок лет держал очи долу, чтобы не подумал царь, что во взгляде его была страсть. И если бы не поступил он так, потерял бы жизнь свою. В один из дней та, которая взяла венец...

Какой-то писец не дописал этой мудрой притчи. Но пора, любезные, и мне окончить сладкое отеческое поучение. Да покроет нас человеколюбивый бог своею благодатью, молитвами своих святых, ибо в веках благословен Ты. Аминь.

Написана же сия притча в октябре восемьдесят седьмого года последнего века седьмого тысячелетия. Святая Троица, слава тебе! Переведено на русский язык из греческих книг.

ИЗ «ТРОЯНСКОЙ ИСТОРИИ»

НАЧИНАЕТ КНИГА ПЕРВАЯ О ПЕЛЕИ, ЦАРѢ ТЕФСАЛИЙСКОМЪ, ПРИВОДЯЩАЯ АЗОНА, ДА СЯ ПОШЛЕТ ДОБЫТИ ЗЛАТОЕ РУНО

В царствѣ Тефсалоникийскомъ, от предреченныхъ пристоящихъ к Раманникиѣ его же жители мирмидоняне нарекошася, еже мы днесь общимъ именованиемъ Салонисию нарицаемъ, царствова тогда царь некий, праведенъ и благороденъ, именем Пелеусъ, съ его супругою, Фетидою нарицаемою. От ихъ же супружества изыде мужъ толико силенъ, толико смѣлъ, толико храбръ, именемъ Ахиллесъ. Тѣхъ мирмидонянъ хотящии именовати Великую Гресию, сирѣчь Италию, на троянское раззорение пришедшихъ, апрузинян быти рекоша, языкъ нѣкий, иже на границах царства Киликийскаго живяше. Сего ради страна та Апрузия наречеся, а град Фетисъ, в той странѣ поставленный, от предреченныя Фетиды имя, глаголютъ, восприявше. Но глаголющие сице — блудятъ, зане мирмидоняне обитатели Тефсалинские наричутся, ихъ же господинъ по смерти царя Пелея, отца своего, родимый Ахиллесъ на троянской брани многая с ними чудеса бранная содѣя. Яко же *о* них свидѣтелствуетъ Овидѣй Мoненисъ, начало баснословнѣ списуя. Глаголетъ бо тѣхъ мирмидонянъ въ 14 бывших мравиев, по молению царя тесалийскаго, данному богомъ, в человѣки преобразованных, поне во дни тѣ вси людие царства Тесалийскаго смертною немощию конечнѣ низпадоша, единому оному царю оставшу. Иже егда нѣ в коем лѣсе при корени нѣкоего древа прилѣпися, воззрѣв туто, видѣв безчисленно мравиевъ собрание рыщущих, в человѣки *обратити* молебнѣ проси. И во чтении блаженнаго Матвѣя апостола мирмидонесъ обитатели суть тесалинские, в ней же самъ апостолъ нѣколико поживе, явнѣ покажется.

ИЗ «ТРОЯНСКОЙ ИСТОРИИ»

НАЧИНАЕТСЯ КНИГА ПЕРВАЯ, ПОВЕСТВУЮЩАЯ О ПЕЛЕЕ, ЦАРЕ ФЕССАЛИЙСКОМ, И ЯЗОНЕ, КАК БУДЕТ ОН ПОСЛАН ДОБЫТЬ ЗОЛОТОЕ РУНО

В царстве Фессалийском, жителей которого упомянутые выше римляне называют мирмидонянами, а мы ту страну именуем теперь общепринятым названием Салоники, царствовал в те времена некий царь, справедливый и благородный, по имени Пелей, со своей супругой, звавшейся Фетида. От их брака родился муж, бывший, как никто другой, могучим, смелым и храбрым, по имени Ахиллес. Те, кто утверждает, что Великая Греция, то есть Италия, участвовала в разорении Трои, именуют мирмидонян апрузинянами, а это некий народ, обитающий по соседству с царством Сицилийским. Поэтому страна та Апрузией называется, а город Фетис, в той стране основанный, получил имя, как говорят, от упомянутой выше Фетиды. Но говорящие так заблуждаются, ибо мирмидонянами называют жителей Фессалии, и Ахиллес, ставший их властителем после смерти своего отца, царя Пелея, в Троянской войне не раз показал с ними чудеса храбрости. О них повествует Овидий Монесис, рассказывая небылицы об их происхождении. Говорит он о тех мирмидонянах в четырнадцатой книге, будто бы были они муравьями, по мольбе царя фессалийского и по воле богов превращенными в людей, так как в то время весь народ царства Фессалийского поголовно скосила смертельная болезнь, и остался в живых один тот царь. Он в некоем лесу приник как-то к корням дерева и, вглядевшись, увидел бесчисленное множество ползающих муравьев и в мольбе попросил, чтобы были они обращены в людей. И в книге блаженного апостола Матфея ясно сказано, что мирмидоняне — это жители Фессалии, в которой сам апостол прожил некоторое время.

Сего же царя Пелея пишет история нѣкая имѣвше брата, Азона именемъ, ему от обою родителю союзна и его в лѣтѣхъ болшаго. Иже егда долгодневнаго вѣка старостию отягчашеся, самъ себе едва пасти можаше. И сего ради царства Тесалинскаго правителству неключимъ и велиею старостию сокрушенъ отдастъ и ступись царскаго правъления Пелею бо, брату своему. После коего Пелея пасения Азонъ, чтется, долго *времена* жив сице, да многою *старостию* ему оскудѣвающу, очи ему померкоша и пребывании его ради зелныя старости разслабися. Его же глаголетъ той же предреченный Овидий в той же книгѣ послѣ въ юношеские цвѣты и отроческие силы преновлена, да яко от старые сѣни сотворися единолѣтен врачебнымъ прилѣжанием, хитростною силою Медеи, о коей Медеи воисподи близъ имѣется слово.

От сего убо Азона остася сын нѣкий родим, Азонъ именемъ, муж силенъ, и храбръ, и отрокъ зѣло красенъ, цѣломудръ, щедръ, доброрѣченъ и милостивъ, и во всякой лѣпотѣ обычаев свѣтелъ. Сего тесалинские велможи и честнородные сего народи велиимъ любви и желаниемъ за высоту сил его объяша, не менши, якоже царя Пелея, чествующе. И бѣ той же Азонъ *не* менши послушлив царю дяди, аки бы был отцу, аще бы царствовал, ниже бѣ докученъ ему, но всякимъ повиновениемъ благоговѣинъ, и аще и Пелей скипетръ тесалиский держа.

Но царь Пелей не тако ему помышляше, его же аще знамении внѣшнии себе любима быти показаше, но горяще и колебащеся внутрь, да не како силою своею и толикимъ желаниемъ от своихъ, еже к нему имяху, Язонь его царства Тесалийскаго власти лишитъ. Долго убо во умѣ храняше разжения, еже разумнымъ смысломъ покрываше, да не действомъ нѣкоимъ изъявленъ пронестися возможетъ, внѣшнѣе долготрудебнымъ терпѣниемъ понудись. Сего ради многая поискав въ сердцѣ своемъ пути, ими же бы моглъ Язона погубити без срамоты своего познания.

По сем о вещи чудной во дни тѣ по многимъ мира мѣстомъ многорѣчный слух изыде и во уши многых возгремѣ, да яко в нѣкоем островѣ, глаголемомъ Колкосѣ, за границами царства Троянскаго на восточную страну, нѣкий овенъ имяшеся, его же бѣ руно злато, да яко убо проповѣд слуха даяше. В том убо островѣ царствовати глаголаху царя нѣкоего, Оета имянемъ, муж убо силенъ и богат, но лѣты стар. Сего златоруннаго овна пишет история стрѣгома бывша чуднымъ попечением и прилѣжаниемъ бога Арриса; кь его же стрежению волы нѣкие приставлены бѣша, горящие пламени изо устъ испущающе. И аще сего златоруннаго овна похощетъ имѣти, с тѣми волы имат братися, и аще их побѣдит, подобаетъ ему волы тѣ побѣжденныя игу повинити и понудити ихъ ралом землю вскопати, на ней же бѣша. И аки побѣдив

Об этом царе Пелее рассказывает некое предание, что имел он брата, по имени Эсон, единокровного ему по обоим родителям и старшего годами. Он же, отягощенный глубокой старостью, сам собою едва мог управлять. И поэтому, угнетаемый глубокой старостью, отступился от управления царством Фессалийским и передал царскую власть брату своему, Пелею. После царствования этого Пелея Эсон еще долгое время прожил, окруженный почетом, пока очи его не померкли и тело его в долгой глубокой старости не ослабело. О нем же говорит тот же упоминавшийся выше Овидий в той же книге, что впоследствии были ему возвращены цвет юношеский и силы отроческие, так что из старца превратился он в годовалого младенца, благодаря целительной силе и волшебному искусству Медеи, о каковой речь пойдет далее.

У этого Эсона был родной сын, по имени Язон, воин могучий и храбрый, юноша красивейший, целомудренный, щедрый, красноречивый, приветливый и сияющий всеми достоинствами. И вельможи фессалийские и знатные люди прониклись к нему большой любовью за величие доблести его и чтили его не меньше, чем царя Пелея. И тот Язон повиновался царю, дяде своему, словно отцу, если бы тот царствовал, не докучал ему, но благоговейно ему подчинялся, дозволяя Пелею держать скипетр царства Фессалийского.

Но царь Пелей иначе о нем думал, и хотя внешне проявлял знаки любви, но в душе горел и терзался, страшась, как бы благодаря доблести своей и опираясь на любовь окружающих, которую те к нему питали, не отнял бы у него Язон Фессалийское царство. Долго таил Пелей в душе это пламя, скрывая его изощренным умом своим, чтобы не обнаружить себя в каких-либо поступках, и долго принуждал себя к мучительному терпению. И поэтому постоянно раздумывал, ища различные пути, как бы погубить Язона, незапятнав самого себя позором.

Некоторое время спустя многоустая молва о дивной вещи разнеслась по всему миру и у всех в ушах загремела, что будто бы на некоем острове по названию Колкос, за пределами царства Троянского, еще далее от него к востоку, есть некий овен, у которого, по слухам,— золотое руно. На острове том царствует, как говорили, некий царь, по имени Оетес, муж сильный и богатый, но старый годами. О златорунном этом овне вещает предание, что хранят его чудные чары и покровительство бога Ареса; для охраны его приставлены некие быки, испускающие из пастей жаркое пламя. И если кто хочет овладеть этим златорунным овном, то должен будет сразиться с теми быками, и если одолеет их, то должен принудить побежденных тех быков стать в упряжку и заставить их вскопать плугом землю, на которой они стоят. И, победив

волы тѣ и орати понудивъ, еще имат на нѣкоего змиа, чешуею грозна и пламени огненныя дышуща, напасти на того, брань с нимъ учинив, убити, и убив его, зубы от челюстей его извлещи, и извлекши, посѣяти на предреченной землѣ, от воловъ изоранной. От сего селняго сѣмени семя чудно возрастетъ, поне от змиевых зубов скоро нѣкие вооруженныя воини родятся, братскую брань промеж себе скору учинятъ, иже ся особными язвами погубят. Сими убо бѣдными пагубами, а не иными стезями можашесь предреченное златое руно имѣти. И *всем* хотящимъ в предъреченных братися царь Оетес свободен даяшеся приходъ. Но яко убо сице о овнѣ златаго руна сложи история, глаголютъ паки истинну о немъ инако свидѣтелствующе. Рекоша бо царя Оета собрание сокровища велика стяжавша, и, стяжавъ, стрежению предастъ преждереченному, но чародейственными дѣлы и хитростьми волшебными учини. Сего бо сокровища собрание мирскимъ поглощением и скупым хотѣниемъ, еже всѣмъ злымъ есть мати, многи храбрии себѣ искати восхотѣша, но, возбраняющимъ чародѣйскимъ злобамъ, не сокровищное угодие, *но* конечное себѣ убийства претыкание взыскаша.

Да яко убо о златом рунѣ ко царю Пелею слух прииде, толика живота погубления искавшу, скоро прилѣжно на то воздвиже сердце, любезнѣ внемля, да яко опаснѣе и без срамоты своего поползновения не можетъ предати Язона на погубление. Восприя убо помыслъ, како Азона понудит, да во храбрости своея силы юношески надѣясь ко златорунному поисканию охотнѣ себе предастъ. Умысли бо в торжественнѣмъ граде Тесалиском праздничный двор собрати, в нем же множеству велможъ и воинъ не малу, сошедшусь двору и по три дни *пребы*. В третий день царь Пелей призва к себѣ Язона пред предреченными честнородными сице глагола рекъ: «Добрѣ хвалюсь, драгий сродниче, о владѣнии царства Тесалийскаго толь высока, но множае паче непщую мене славна о толицѣй храбрости и добротѣ сродичнѣ, зане твоея силы высоту ближние страны того дѣла свидѣтелствомъ познавают, и тѣм слухомъ истиннорѣчнымъ сказаниемъ всегдашнимъ проповѣсть в далеких. Еси бо Тесалискаго царства и моего паче честь и слава, егда тя соблюду, царства Тесалискаго боятся всѣ и тебѣ пребывающу, и ни един врагъ явитися смѣеть. Но паки силы твоя славы в вышних мя поставит, аще златое руно, еже Оета царя власть держитъ заключенно, тебѣ могущу в заключение царства моего возможетъ принестися, еже не сумнюсь тобою велми легко можетъ быти, аще труда сердце смѣло восприимеши и вѣщания

быков тех и принудив их пахать, еще должен он выйти против некоего змея, покрытого устрашающей чешуей и дышащего жарким пламенем, сразившись с ним, убить и, убив его, вырвать зубы из его челюстей, а вырвав, посеять на упомянутой выше земле, вспаханной быками. Из этих семян всходы невиданные взойдут, ибо из змеиных зубов тотчас же родятся некие вооруженные воины, тут же завяжут братоубийственную брань и погибнут от ран, нанесенных друг другу. И только свершив такие опасные подвиги, а никакими иными путями, можно добыть упомянутое золотое руно. И всем желающим испытать то, о чем рассказано выше, царь Оетес не чинит препятствий. Однако все это о златорунном овне рассказывается лишь в преданиях, но говорят также и правду о нем, иначе все объясняя. Говорят, что царь Оетес собрал великое множество сокровищ и, собрав, передал стражам, о которых шла речь выше, но все это устроил с помощью чародейства и искусного волшебства. Многие храбрецы пытались добыть эти собранные сокровища, обуреваемые мирской ненасытностью и жадностью, что является источником всяческих бед, но воспротивилось им зло, устроенное с помощью волшебства, и добыли они не сокровища себе, а смертельный гибельный конец.

Как только слух о золотом руне дошел до царя Пелея, искавшего какого-либо способа погубить Язона, он тут же радостно заключил в сердце свое все услышанное, ибо более надежным способом, не рискуя обнаружить свой замысел, не смог бы он обречь Язона на смерть. Загорелся он мыслью, как бы побудить Язона, чтобы тот, рассчитывая на храбрость свою и юношескую доблесть, охотно бы отправился за золотым руном. И задумал Пелей устроить торжества в городе Фессалийском и собрать на празднество множество вельмож и воинов немало, и длилось оно три дня. На третий же день царь Пелей призвал к себе Язона и перед упомянутыми выше высокородными сказал ему так: «Очень горжусь я тем, дорогой мой сородич, что владею столь славным царством Фессалийским, но еще более прославляет меня храбрость и доблесть сродника моего, ибо величие силы твоей ближние страны узнали по свидетельствам подвигов твоих, а правдивой молве о них, возвещаемой постоянно, предвещано достигнуть и дальних. Ты ведь честь и слава царства Фессалийского и особенно — моя; если тебя сберегу, все будут бояться царства Фессалийского, и пока ты в нем, ни один враг не посмеет напасть. Но слава о силе твоей еще больше меня возвеличит, если златое руно, скрываемое в державе царя Оетеса, с твоей помощью будет перенесено в сокровищницы царства моего, что — не сомневаюсь — с легкостью будет тобою содеяно, если смело отдашься душою на подвиг и не

моего заповѣди не загладиши изслѣдити. Кая иже аще совершити умыслиши, тебѣ вся путъная потребы уготовятся в приготовлении велице, спутники многими, ихъ же от лутчих царства возможеши избрати. Повинися убо словесем моимъ и повелѣний сих дѣлателя покажи блага, да предо мною вперед болшие любве явишися и о слухѣ храбрости твоея возвеселишися, на болшия высоты вознестися. Ниже будет безчастенъ от великаго твоего угоднаго пригожества силный трудъ твой, зане истинными обѣщании, а не лицемѣрными тебя извѣстна творю, да яко *мнѣ* оскудѣвшу, тебе наслѣдника будуща в царствѣ Тесалиском поставлю, мнѣ живущу, мене не менши царством обладаеши».

Уразумѣвъ убо Азон вся, кояждо яко толико *пред* предстоящими царь Пелей изрече, радостию возвеселися многою, не внимая лаятелныхъ царя коварствъ и его льсти, помрачений не разумѣя, утвердись от реченных от сердца чистые совѣсти царские изшедше, паче возвращения своея чести высока, а неже во свою пагубу уклонися. Надѣясь убо о смѣлствѣ своея храбрости, ниже непщуя немощна себѣ быти, еже царское лестное хотѣние искаше, царскому повелѣнию себѣ бодренна любезнѣ подастъ и себе неизреченно совершити со всякимъ благоговѣинством обеща.

Возвеселись убо Пелей о любезномъ его отвѣтѣ, сродича своего, повелѣнному двору конецъ положи, желая совершити хотѣние его по обѣщании предреченному, коему хотѣнию счасътие помогати предощущание. Разумѣя убо, яже Колкосъ осътровъ моремъ обшелъ, приитись не может, токмо с пригожествы плавательными подняти морския беды, повелѣ к себѣ призвати нѣкоего кузнеца от стран царства Тесалискаго, мужа мудра в хитрости своей, Арха именемъ, в хитрости древодѣлной со многимъ разсуждениемъ бывающа. Кой же по царскому повелѣнию дивнаго величества нѣкий корабль во многом собрании древесъ сооружи, иже от своего творца имени сущаго наречеся «Аргонъ». Се и нѣцыи есть восхотѣша рещи первый корабль быти, иже первое, парусы уставив, даходити мѣста далекая дерзнулъ, и сего ради коиждо корабль великой, коиже преходит море, парусы поды, глаголется аргон, право глаголаше нарекоша.

Уготовленну же кораблю предреченному, и вложенно в него всему обилнѣ, яже вина плавания прошаше, мнози честнороднии многою храбростию красновидны с тѣмъ Язоном входят в него. В них же бѣ онъ муж истинно силный и крѣпкий, Еркулесъ именуем, родись, якоже пишутъ мудрецы, от Зевеса и Алмены, Амфитрионовы жены. Се и есть он Еркулес, о его же невѣроименных дѣйство по многимъ странамъ слово простирается, иже своею силою безчисленных исполинов во

пренебрежешь словами советов моих. Когда же надумаешь это совершить, для тебя будет приготовлено в изобилии все необходимое в пути, и многих спутников ты сможешь избрать из числа достойнейших в царстве моем. Прислушайся к словам моим и покажи, что ты усердный исполнитель велений этих, и тогда впредь будешь мною еще больше любим, и сам возрадуешься молве о храбрости твоей, и прославишься еще более. И не останется безвозмездным и принесет тебе великие блага великий подвиг твой, ибо обещаю тебе искренне, а не лицемерно, что когда я состарюсь, то оставлю тебя наследником в царстве Фессалийском, а пока я жив, вместе со мной будешь править царством».

Язон же, выслушав все, что только что перед всеми возвестил царь Пелей, обрадовался радостью великой, не заметив хитрости и коварства царя и не догадываясь о тайном его замысле, поверив, что все это сказано царем от чистого сердца, и возмечтал о высокой чести своей, не помышляя о гибели. Надеясь на доблесть свою и смелость и не думая, что может оказаться слабым в том, что требовал от него коварный царский замысел, с решимостью и радостью откликнулся он на царское повеление и благоговейно пообещал беспрекословно его исполнить.

Пелей, обрадовавшись, что сродник его ответил согласием, приказал разойтись собравшимся, чтобы, получив обещание, осуществить замысел свой, и уже предвкушал удовольствие способствовать его осуществлению. Зная, что достичь острова Колкоса, омываемого морем, можно только с помощью средств, предназначенных к преодолению морских тягот, велел Пелей прислать к нему некоего мастерового из пределов царства Фессалийского, мужа искусного в ремесле своем, по имени Аргус, весьма опытного в плотничьем деле. Тот же по царскому повелению построил из многих деревьев корабль невиданных размеров, который по имени создателя своего получил название «Арго». Кое-кто решается утверждать, что это был первый корабль, который под парусами решился достичь дальних земель, и поэтому считают, что всякий большой корабль, бороздящий море под поднятыми парусами, следует называть арго.

Когда же был построен вышеназванный корабль и все, потребное для плавания, было погружено в него в изобилии, вошли в корабль Язон и с ним многие из высокородных, прославленных безмерной храбростью. Среди них был и некий муж, поистине могучий и крепкий, именем Геркулес, родившийся, как пишут мудрецы, от Зевса и Алкмены, жены Амфитриона. Это и есть тот Геркулес, слава о необыкновенных подвигах которого распространилась по многим странам, тот, кто благодаря своей силе победил в те времена многих

свое время изгуби и, на руках своих подывъ, нестерпимаго величества крѣпчайшаго сокруши Антефыума. Сей, аще вѣрити достойно есть, нетрепетен врат доиде адовых и стража их, пса триглавнаго, силною рукою от них извлече. Его же толиким биением укроти, да яко во потѣ весь своего яда пѣною изноенною иже изблеванием многие страны страстоносным опорочи. И яко его дѣйствъ долго извещение нъкиих долгимъ пожданием мысли слышащих отвлече, сия о немъ довлѣет коснувша, зане и вещи истинно в толике от его побѣды бывше и по свѣту чуднѣ изъявляется, да яко до сего дни докудѣ побѣдникъ явися *столпы* Еркулови свидѣтелствуется в Гадеи. Сим столпомъ великий Александръ Македонский, царя Филиппа сынъ, ниже той от корени царей тесалинских, яже Македония также глаголется, изыде, повинуя себѣ мир рукою крѣпкою, дошед. Далеко их мѣсто живущее, зане тамо есть море великое, Окиянъ сирѣчь, яже тѣсное мѣсто туто срединою нѣдръ живущее земли нашея себе вливая в Средиземное. Намъ оно море положи, по внутреннимъ мира частем, от насъ плавателно, якоже видимъ. Яже аще от того мѣсто влияние и приемлят излиянное в брезехъ сирийских заключается, в них же градъ Аконъ наших велми приемлетъ плавающих. Сие мѣсто тѣсное, от него же первое сие Средиземное море исходитъ, наши плавающие «Стѣсненно свистателно» именуют. И мѣсто то, в немъ же предреченныя столпи Ираклиеви вонъзенни, глаголет срацынским языком Сависъ, от него же не довлѣетъ дале иттить.

Восприявъ убо от царя Пелея Язонъ отплыти отпущение новая проходит моря со Еркуломъ и со своими спутники. В кораблѣ новѣмъ, его же парусы егда поспѣшный вѣтръ напряже и его вѣянием возведе, мѣста тесалинския знаемыя остави зѣло скоро и къ незнаемым морскимъ мѣстомъ скорѣе прибѣже борзѣйшимъ течением своимъ. И тако многи дни и нощи плавающимъ имъ, вождениемъ тесаликѣянина Филота, имъ разсуднѣ сматряющи звѣздъ течения видимыхъ, пребывающих близ звѣзды, Болшаго Медвѣдя сирѣчь и Менъшаго, иже никогда не заходят со звѣздою, Ангвин именуемою, положению нѣкоему, яко звѣзду туюжде плавающие Трамонтана именуют. Нѣкии рекоша быти звѣзду послѣднюю положенну на хоботѣ Лося Медвѣдя Меншаго, и Болшаго Медвѣдя плавающие они хриесе именуют, а Ангвин, сирѣчь змию, глаголютъ быти велику. О коих Медвѣдех, Болших сирѣчь и Меншем, Овидий во второй книзѣ баснословнѣ пиша глаголет Калистона и Аркада, сына его, тѣх премѣненых в Медвѣди. Именуются также те звѣзды сѣверныя, зане суть седмь близ черты, Аксисъ именуемом. О них же Юнонъ тако глаголет:

исполинов и, на руках своих подняв, одолел Антея, непобедимого и могучего великана. Он, если верить, бесстрашно дошел до врат ада и стража их, трехглавого пса, извел оттуда могучей рукою. И так его побоями укротил, что тот, весь взмокший и покрытый ядовитой пеной, осквернил многие страны, обрызгав своей смертоносной слюной. Но так как составленное другими подробное описание его подвигов нас могло бы занять надолго и отвлечь мысли слушающих, то коснемся в рассказе о нем лишь одной истины, которая чудным образом возвещает о прошлых победах Геркулеса во всем мире: и в наше время свидетельствуют Геркулесовы столпы в Гадесе о том, до каких мест дошел он с победами. До этих же столпов дошел и великий Александр Македонский, сын Филиппа-царя, принадлежащий к роду тех же царей фессалийских, чья страна также именуется Македонией, повинуя себе мир могучей рукою. Далеко расположено то место, и находится там огромное море, именуемое Океан, которое вливается через пролив в середину земли нашей — Средиземное море. Создано это море для нас во внутренних частях мира и пригодно, как видим, для плаванья. И то, что вливается в этом месте, приемлется и ограждается берегами сирийскими, на которых стоит город Акка, дающий приют многим нашим мореплавателям. А это узкое место, из которого проистекает Средиземное море, наши мореплаватели называют «Тесным свистанием». И место то, где воздвигнуты упомянутые ранее Геркулесовы столпы, по-арабски именуется Савис, и не следует выходить за его пределы.

Язон же, получив от царя Пелея разрешение отплыть, бороздит незнакомые моря вместе с Геркулесом и своими спутниками. Когда же попутный ветер напряг паруса нового корабля и погнал его своим дуновением, быстро отдалился он от знакомых берегов фессалийских и еще быстрее, в стремительном беге своем, достиг неведомых морских просторов. И так плыли они много ночей и дней, направляемые фессалийцем Филотом, который со знанием дела следил за движением видимых на небе созвездий, находящихся возле полюса, то есть подле Большой Медведицы и Малой, которые никогда не заходят вместе со звездой, именуемой Ангвин; мореплаватели же ту звезду называют Трамонтана. Некие называют так крайнюю звезду, расположенную на хвосте Малой Медведицы, и созвездие Большой Медведицы мореплаватели называют греческим, а звезду Ангвин, что значит Дракон, считают главной. Об этих Медведях, Большом и Малом, Овидий пишет во второй книге баснословия в рассказе о Каллисто и Аркаде, сыне ее, обращенных в медведей. Именуют также те звезды северными, ибо их семь, возле черты, называемой аксис. О них же Юнона так говорила:

И нечествованныи на вышнем небеси чревеса мои.
Видите — звѣзды тамо, идѣже круг Аксием.
Послѣдний облегаетъ и отстояниемъ кратчайший обходит.

Знаше бо Филот звѣздное течение и двизание, аще нѣкое есть о нем, аки и он искусный и во плавании бѣ. И сего ради, вѣтру поспѣшну вѣющу, и путь долгъ правымъ путемъ плы, донелѣ ко странѣ Фригийской, царства Троянскаго сирѣчь пристоящей, новый корабль пристав во пристанище, сирѣчь иже тогда именовашеся от жителей Симеоста.

О ГРЕКѢХ, ПРИСТАВШИХ В ДЕРЖАВУ ТРОИ И ЛАОМЕДОНТѢ, ОТПУСТИВШЕМ ЯЗОНА И ЕРКУЛА ОТ МѢСТЪ ТѢХЪ

Греки же морскимъ трудомъ отягчении, да яко приидоша до земли, на землю ту снити покоя ради жаждущею душею понудишася. И, сшедше, туто свѣжие воды от источникъ почерпаху и туто, болшаго ради прохлаждения, пребывание дни нѣкия умыслиша, не яко да живущим докуку нанести учинятъ, ниже шкотными протравы вредити нѣкако покусятся. Но завидное бо умнымъ двѣровство, яже всегда покою живущих преткновенно: от неумыслимых лаятелствъ без вины враждебной сей соблазна вину привлече. Коея ради толика убивства излияся пагуба, вселенную окропи, да яко толико царей и князей избранныхъ убивством низпадоша, и толикъ и таков град, яко бѣ он Троя, превратись, во Гресию толико овдовѣвшим женам от мужей своих, лишенным родителей толико отроком и отроковицам, и послѣднии игу работѣ покоренных. Аще бо Гресия и в тол тяжкихъ тѣснотах учинена вѣны, ея побѣды проповѣд чрез времена многия заглади неправда, сирѣчь языка ея и убивствомъ и искоренениемъ того от лутших. Воистинну сирѣчь греческимъ толика злая благоприятна бѣша, напервоначалная вина нѣкая толь легка сердца человѣческие без вины не возмущаютъ, да за вину толикие жестости мука сподобила бысть нанести, токмо добролюбезнѣ нѣчторечется, яко исходящаго зла собрание бѣ созидание добра последователнаго, зане о сихъ злых падениемъ Трои толика блага изыдоша, да яко та Троя загладися воста, вина его же Римский град, иже бысть глава градомъ, троянскими изгнанными бысть поставленъ или воздвиженъ, от Енея сирѣчь и Аскания, рожденнаго его, глаголемаго Юлия. И нѣкие иные того ради страны вѣчное от троян восприяша население. Якова бысть Англия, иже от Брата троянина, откуду Вритания наречена и чтется уселись. Паки якова Францыя по троянском падении от

И нечестивые на вышнем небе лоно мое.
Видите — звезды там, где круг аксис.
Последний окружает и на кратчайшем расстоянии
обходит.

Разбирался Филот в восходе и заходе звезд, во всем, что известно о них, и искусен был в мореплавании. И поэтому они, подгоняемые попутным ветром, в дальнем плавании не сбились с пути, пока не достигли страны Фригийской, принадлежащей царству Троянскому, и новый корабль их пристал к пристани, которую живущие там именуют Симеонта.

О ГРЕКАХ, ПРИСТАВШИХ К БЕРЕГАМ ТРОЯНСКОЙ ДЕРЖАВЫ, И О ЦАРЕ ЛАОМЕДОНТЕ, ПРОГНАВШЕМ ЯЗОНА И ГЕРКУЛЕСА ИЗ ЭТИХ МЕСТ

Когда греки, утомленные тяготами морского пути, достигли суши, то всей душой стремились они сойти на ту землю для отдыха. Высадившись, набрали в источниках свежей воды и, чтобы получше отдохнуть, решили пробыть здесь несколько дней, но не с тем, чтобы докучать местным жителям или тем более пытаться как-либо навредить им дерзкими злоумышлениями. Но такова уж природа злого рока — всегда вредит он покою всех живущих; из-за вздорных оскорблений, без какой-либо действительной угрозы, возник повод для раздора. Из-за всего этого бедствие неисчислимых жертв, разлившись, залило всю вселенную, ибо пало в битвах столько царей и достойнейших князей, и такой город, каким была Троя, разрушен, в Греции осталось столько овдовевших женщин, лишившихся родителей отроков и отроковиц и, наконец,— попавших под иго рабства. Хотя Греция после этих столь тяжких испытаний добилась победы, славу ее победы со временем затмили бедствия, ибо погибло много людей, и утратила она свое первенство. Но поистине эти беды, выпавшие на долю греков, привели впоследствии к благу, первопричина же их была настолько невесомой, что людские сердца по такому поводу обычно не ожесточаются настолько, чтобы из-за этого пришлось бы претерпевать такие тяжкие бедствия; и верно говорится, что череда миновавших бед бывает источником грядущего блага, ибо какое благо свершилось из-за злосчастного падения Трои: сама Троя, разрушенная, возродилась и явилась причиной того, что Рим, глава всех городов, основан и построен троянскими изгнанниками, Энеем и Асканием, сыном его, именуемым также Юлием. И некие другие страны при тех же обстоятельствах из Трои обрели своих будущих жителей. Такова Англия, заселенная троянцем Брутом, отчего, как пишут, и называется она Британией. Такова также и Франция, заселенная, как говорят,

Франка царя, Енеева обещника, яже близ Рима великъ соОружи град, его же Франъсею своимъ именемъ, такожде и всю его страну, нарече сказуется населись. А Венецейский град насели онъ троянин Антенор. Обитания паки и сицеваго Киликию чтохом не безчастну, яже первое от царя Сикаона пришедшаго в Киликию от Трои града великаго населись пишется, откуду Сикания наречеся. И посемъ, отшедшу ему от Киликии, оставив в Киликии Сикула, брата своего, того ради после Киликия наречеся. Прииде в *Тукию,* южскаго языка обитанием наполни. И в царствѣ Киликиском по морскимъ границам вышереченный Енеа грады многие, чтется, сооруживъ, яковъ есть Неополис, толикь град языка непобѣдимаго земля Гаетская. Диомедесъ такожде, аще и се грекъ родом на троянской брани многая дивная сотвори, Трои разореннѣ, егда въ царство свое восприняти не можашеся, обита в Калабрии. Его же обещников, *повествует* Овидий, Сиренъ, дщи Солнца, в пътицы преобрази, в Калабрию от Диомида принесенъных. От коихъ птицъ рода глаголетъ Исидор многих бывша произшедших, кои птицы Деомедевы нарекошася, сие урождение имуще, да яко знают человѣка латынянина от грека разлучити. Сего ради грековъ в Калабрии живущих любятъ, а латынян бѣгаютъ, аще суть нѣкие. Но аще толикия предания вина бѣ послѣдовательнаго блага вина конечная, да яко человѣческий умъ имать в сумнѣнии.

Поне возслѣдователнѣ пишет история, яко ко Язону и Еркулу со своими во пристанище почивающимъ Симеонтѣ, к Лаомедонту, троянскому царю, о них слух прииде, иже языкъ нѣкий, трояномъ незнаемъ, сирѣчь языкъ греческий, новым плаванием ко фригийским странамъ прииде разсмотрити нѣчто тайная Трои или паче Троянскую страну разорити хотя. Бѣ бо во дни тѣ Троя не толикаго величества, каков бѣ после, изнова утвержденъ, и в немъ царствова тогда царь предреченный, Лаомедонтъ именемъ, иже, восприа совѣт охотенъ — иже онъ дабы не былъ! — посла своего во мнозѣ къ Язону послалъ. Ему же ко Азону пришедшу, посолство свое повѣдает сими словесы: «Царь Лаомедонтъ, сего царства государь, о пришествии вашемъ зѣло чудится, почто в землю его внидосте, от него свободы не восприявъ. Его же есть мысль в тихом мирѣ тое защищати, сие настоятелнѣ повелѣвает вамъ, да не задержнѣ имати из земли его изыти, сице да явѣ приходящу дни послѣдующему, да увѣсть васъ от всѣх земли своея границѣ отшедшихъ. Яко аще повелѣние его ощутит васъ прозорливых, извѣстно да увѣсте, повелит своимъ на вреждение ваше напасти и разорение вещей и вас самихъ на конечное невзгодие».

царем Франком, сподвижником Энея, построившим на берегу Рейна большой город и назвавший своим именем и его и всю страну. А город Венецию заселил троянец Антенор. Из-за подобных же переселенцев и Сицилию считаем ко всему этому причастной, ибо впервые она, как пишут, была заселена царем Сикаоном, пришедшим в Сицилию из великого города Трои, почему она и именовалась Сикания. И после этого, когда он покинул Сицилию, то оставил в ней Сикула, брата своего, и поэтому впоследствии назвали ее Сицилией, а он сам отправился в Тоскану и населил ее народом южным. И по побережью царства Сицилийского вышеназванный Эней построил, как пишут, много городов; таков, например, Неаполь, город народа непобедимого земли Гаетской. Диомед, хотя и был грек по происхождению, также совершил в Троянской войне множество дивных подвигов, а после разрушения Трои, когда не смог вернуть себе свое царство, поселился в Калабрии. А его соратников, по словам Овидия, Цирцея, дочь Солнца, превратила в птиц, которых Диомед привез затем в Калабрию. От рода этих птиц, по словам Исидора, произошло множество других, и называются они Диомедовыми птицами и, имея такое происхождение, умеют они отличать людей итальянцев от греков. Поэтому греков, живущих в Калабрии, любят, а итальянцев избегают. Но если причина этих переселений стала впоследствии причиной благоденствия, то есть от чего смутиться человеческому уму.

Предание, следуя за событиями, сообщает, что когда Язон и Геркулес со своими спутниками отдыхали в гавани Симеонта, дошел до Лаомедонта, троянского царя, слух о том, что некие люди, неведомые троянцам, а именно люди греческие, впервые приплыли к Фригийской земле, чтобы высмотреть что-либо тайное в Трое или, более того, разорить Троянскую страну. Была ведь в то время Троя не столь велика, каковой стала впоследствии, заново построенная, и царствовал в ней тогда упомянутый выше царь, по имени Лаомедонт, который, с готовностью вняв совету (лучше бы совета того и не было!), отправил к Язону своего посла со многими спутниками. Он же, придя к Язону, возвещает о цели своего посольства такими словами: «Царь Лаомедонт, царства этого государь, весьма удивлен прибытием вашим, зачем на землю его вступили, разрешения у него не спросив. А он хочет в тишине и мире ее блюсти, и поэтому настоятельно требует от вас: без промедленья покиньте его землю, и когда наступит следующий день, он должен узнать о вашем отплытии из пределов своей земли. Если же узнает, что вы пренебрегли его повелением, то — да будет ведомо вам — прикажет он своим напасть на вас, вам самим урон причинить, и имущество ваше отобрать, и вас истребить до последнего человека».

Егда же Азон все посолство слыша, весь гнѣвомъ и болѣзнию сердца разъярися внутрь, прежде *даже* к рѣченному посолству отвѣща, обратись к своимъ, сице глагола имъ: «Лаомедонтъ царь, сего царства государь, дивнаго безлѣпия обиду намъ наносит и без нѣкоея преткновенныя вины намъ изыти от своей земли повелѣ. И аще бы его царское благородствие украшашеся, нас бы повелѣти подобаше чествовати. Зане аще бы случай подобный его в греки привелъ, вѣдал бы себѣ учиненно от греков не безлѣпие, но честь. Но поне ему паче безлѣпие, неже честь восплеска, мы такоже восплещемъ, якоже они, и от его царства границе отидемъ, зане можетъ случитися и легко есть, яко его суетный совѣтъ буди дражайшею цѣною искуплен». И по сем продолживъ словеса, обращъся к посланнику, рече: «Друже! Посолства твоего рѣчи добрѣ слышахом и дары, яже царем твоим намъ обычаем благородных суть посланныи, восприяхомъ, якоже лѣпо. Боги наша и божиею истинною засвидѣтелствуемъ: не нароком в землю царя твоего внидохомъ, да преткновение нанесемъ нѣкому ограблениемъ, насилство творя. Но зане в далныя страны ѣхати мышляхомъ, нужда в сие мѣсто уклонити нас понуди. Рцы убо царю твоему: мы от его земли без всякаго косновения отходимъ, да весть он извѣстно, да аще не нами, возможетъ нѣкако иными, иже настоящую обиду, намъ нанесенную, услышатъ, не прибытки, но уничижение и шкоты неизреченно имѣти».

Еркулесъ же, словесы Язоновыми не удовлишя, цареву посланнику изливает сия словеса: «Друже, кто еси ни буди, опаснѣ донеси царю твоему, да наипаче в день завтрешний от земли его отнюд снидемъ, но будущаго третьяго лѣта день не проидетъ, рцы ему, во нь же насъ узритъ, аще живъ будетъ, в землю его, хощет и не хощетъ, и якори вметавше и в данной намъ тогда отхождения свободе не будетъ ему совершенна воля, яко сицевые брани *ныне* нача раздору, да яко прежде даже уготовится о немъ побѣда, бременемъ безчестныя срамоты погнетется».

Тогда царевъ посол, отвѣщевая, сице рече: «Срамно есть велми благородному и наипаче храброму прещателные стрѣлы посылати, ниже мнѣ посланному приказано от царя, да противу вас бранными словесы настою. Рѣх вамъ, яже ми приказана бѣша, и аще разумно учинити годѣ, вам даю совѣтъ добрый, да от сее земли отити не буди тяжко, прежде даже впадете в тяжчайшая, зане нѣсть легко погубитись, егда мощно защититися совѣтом здравым». И по семъ, от греков восприяв отпущение, возвратися ко царю своему.

Язонъ же и Еркулесъ, без закоснѣния Филота призвавъ, поповелѣвает якори из моря влещи и вся собрати привезенная на

Когда же Язон услышал это обращение, то вскипело сердце его от ярости и гнева, и, прежде чем ответить на слова, сказанные послом, обратился он к своим и так им сказал: «Царь Лаомедонт, этого царства государь, наносит нам неслыханное по дерзости оскорбление и велит без какого-либо основательного повода покинуть его землю. И если бы украшало его царское благородство, то подобало бы ему принять нас с честью. Ибо если подобный случай привел бы его к грекам, то увидел бы он оказанную ему греками честь, а не поношение. Но так как, по его мнению, лучше оскорбить, чем встретить приветственными рукоплесканиями, то мы также восплещем, как и они, и от границ его царства отойдем, но легко может случиться, что за свое неумное пожелание он заплатит дорогой ценой». И после этого продолжил речь, обратившись к послу, и сказал ему: «Друг! Посольские речи твои мы выслушали со вниманием и дары, которые по обычаю благородных нам царем твоим посланы, приняли как подобает. Богами нашими и истиной божественной клянемся, что случайно оказались мы на земле царя твоего и не хотим причинить кому-либо зло оскорблением или насилием. Но так как задумали мы плыть в далекие страны, необходимость вынудила нас сюда зайти. Скажи же царю своему: мы покинем его землю без малейшего промедления, и да будет ему известно, что если не от нас, то от других, которые услышат об этом, нанесенном нам оскорблении, приобретет он не блага, а уничижение и неописуемые бедствия».

Геркулес же, не удовлетворившись словами Язона, обратился к царскому послу с такой речью: «Друг, кто бы ты ни был, без колебаний доложи царю своему, что завтра же покинем его землю, но через три года наступит день — скажи ему,— когда он нас увидит, если будет жив; придем в землю его, хочет он того или не хочет, и якори бросим, и тогда уже будет не в его воле приказать нам уйти, и так как этому раздору он сам положил начало, то прежде, чем он смог бы извлечь из него пользу, сам будет погребен под бременем позорного бесчестия».

Тогда царский посол так сказал в ответ: «Весьма недостойно, чтобы благородный, и тем более храбрый, метал стрелы поношений, как это приказано мне царем — осыпать вас бранными словами. Сказал вам, что было велено мне, и если хотите поступить разумно, то дам вам добрый совет: от этих берегов будет вам отойти не трудно, пока не обрушились на вас тягчайшие беды, ибо зачем безрассудно погибать, если можно, по здравом размышлении, спасти себя». И после этого, отпущенный греками, возвратился посол к царю своему.

Язон же и Геркулес поспешно призвали Филота и приказали ему поднимать якоря и собирать все, что было снесено на

землю покоя ради. Вѣдяху бо, аще бы восхотѣли на фригиян напасти, не быти имъ на снитие равнымъ или в силах равных, ниже мощию крѣпчайшихъ. Сего ради восходятъ и, воздвигъ парусы, богомъ поспѣшствующим, фригийские оставляют бреги. Проходяше моря, вѣтру вѣющу поспѣшну, не по многзѣхъ днех в Колкосъ остров здравы приходятъ и желаемое благочестнѣ во пристанище входят.

Во островѣ Колкосѣ тогда нѣкий градъ, именемъ Яконитес, глава царству. За тое величество поставленъ град зѣло красенъ, стѣнами и стрѣлницами огражденъ, сооруженъ многими полаты нарочитыми, полнъ людми многими нарочитыми, многих честнородныхъ населением. В сем убо градѣ живяше царь Оетес во множествѣ своемъ, зане недалеко от града того лѣсы многие растяху, угодны ловитвамъ, ради множества звѣрей, туто питающихся. Около же града бѣ широко поле, прохлажением и цвѣты украшенно, зане источники вод на немъ безчисленни протекаху и кол многие рѣки непрестанными волнами текоша потоки и то поле напояху. Сего ради многих ловимых птицъ изобильство пребываху на немъ и многих птицъ пѣния непрестанно ту сладцѣ гласяху.

К сему же граду Азонъ и Еркулесъ со своими, царски и лѣпотнѣ нарядися, стезею правою себѣ приносят. Иже егда улицами того града посредѣ являющеся цѣломудренны стопы, хвалимым украшением *спешаху, чудятся* людие на них, просвѣщатися толикимъ царскимъ явлением, толь благообразну цвѣтостию юношеству, сице цѣломудренных во своем хождении и во явлении толикими нравъными цвѣты украшатися. Жаждущимъ убо сердцемъ испытуютъ людие, кто есть и откуду суть, и что вина пришествия их. Совопрошающимся имъ, нѣсть кто вину их пришествия имъ открыетъ, донелѣ царские полаты врат доходятъ. Царь же Оетес, уроженнаго ему благородия не забы, скоро ему зане пришествие греков возгремѣ, со престола царскаго воста, грекомъ встрѣчю со множеством своих изыде, ихъ же веселым лицем и тихимъ образомъ восприяв, утѣшаетъ обниманием, знамении поздравленными веселитъ и в началѣ сладкихъ словесъ благоволные приятелства имъ обѣщевает. Иже по сем по степенемъ мраморнымъ на высокая мѣста входят, в полатные каморы входятъ, подписми разными украшенными со златоналожениемъ, чуднымъ блистанием свѣтяще. Егда же имъ повелѣ сѣсти, Язонъ многимъ дерзновением исполнися, кроткимъ дерзновением и извѣщениемъ словесъ пришествия своего вину Оету царю сказуетъ и златаго руна уставленный труд по уставу законному умилнѣ искусити желаетъ. Оетесъ же царь, благодатнѣ желанию повинуяся, совершити хотѣния Язоновы не отрекается.

берег для отдыха. Ибо поняли, что если бы решились напасть на фригийцев, то не сравняться им с ними ни в бою, ни в силе, ни в мощи. И поэтому взошли на корабли и, подняв паруса, с помощью богов покинули фригийские берега. Подгоняемые попутным ветром, пересекли море, и вскоре благополучно прибыли на остров Колкос, и с честью вошли в желанную пристань.

На острове Колкосе столицей царства был тогда некий город, именуемый Яконит. Так как занимал тот город столь высокое положение, был застроен он очень красиво, окружен стенами и башнями, было в нем воздвигнуто много роскошных палат, населен он был людьми именитыми и многими достойными жителями. В городе этом жил царь Оетес со множеством приближенных, ибо возле города находились обширные леса, удобные для охоты, так как водилось в них множество зверей. Поблизости от города простиралась широкая прохладная долина, вся в цветах, ибо протекали по ней бесчисленные ручьи и немало текло рек полноводных, орошающих ту долину. И поэтому обитало там множество дичи, и стаи птиц непрестанно оглашали ее звонким пением.

Язон и Геркулес в сопровождении спутников своих, по-царски и красиво одевшись, направились прямиком к этому городу. Когда же они быстро, но с достоинством шествовали по городским улицам, вызывая восхищение своим видом, то дивились люди, глядя на них, сияющих таким царским великолепием, столь прекрасных в расцвете юности, так украшенных всяческими красивыми вещами и так скромно шествующих. Сгорая от нетерпения, расспрашивали люди: кто это и откуда, и какая причина привела их сюда. Но как ни расспрашивали они, никто не мог дознаться о цели приезда греков, пока не достигли те ворот царского дворца. Царь же Оетес, как подсказало ему прирожденное его благородство, встал с престола царского, как только доложили ему о приходе греков, и вышел им навстречу в окружении своих приближенных, встретил с приветливой улыбкой и радушно обнял прибывших, изъявляя тем свою радость, и с первых же слов приветливой речи обещает им свою искреннюю дружбу. Тогда греки, поднявшись по мраморным ступеням, входят в дворцовые палаты, украшенные разнообразными росписями с позолотой и сияющие дивным блеском. Когда же царь пригласил их сесть, Язон с полной откровенностью и с достоинством поведал царю Оетесу о цели своего прибытия и о том, что хочет он свершить подвиг, без которого, как известно, невозможно овладеть золотым руном. Оетес же, благосклонно уступая его желанию, не отказывается исполнить просьбу Язона.

О МЕДЕИ, КАКО ЛЮБОВИЮ АЗОНОВОЮ ПЛѢНИСЬ

Уготовлену же во мнозѣ вещей гобзования брашну, настилаются столы, и поставленнымъ чарамъ златым и сребряным многимъ, и належащу времени ясти, царь, хотя *всю* благородия своего милость греком показати, по нѣкую дщерь свою посла посылает, да приидет весела праздновати бракъ с новыми гостьми, ихъ же онъ царь со многою радостию восприят. Бѣ бо Оету царю дщи, Медея именем, дѣвица зѣло красна, отцу единородна и едина будущая наслѣдница в царствѣ. Яже и в лѣта браку прииде и бысть уже чертогу достойна, но отроческих лѣтъ себе всее *воздастъ* хитростей свободныхъ прилѣжнѣ учению, сице всѣм сердечнымъ прилежаниемъ хитрости научит, да яко никто ея учение можаше в тѣ времена обрѣстись. Но ея бисеръ вѣдения, от него же паче цвѣтяше, бѣ хитрость астрономская, яже силами и чинми заклинаний чародѣйными *свѣт* обращаше во тьму, и вскорѣ вѣтры изводяше и дожди, и блистания и гради, и страшная земля трясения, рѣчная же течения, кривыми мѣсты текущие, в верхъ излиятись и наводнятись понуждаше. Зимнею бранею паки от древес *ветвие* отнимаше, в непогодие бурное цвести, младых творя старых, а старых къ юношеской славѣ приводя. Сию вѣрова древне елинство свѣтила болшая, сирѣчь солнце и луну, многажды понудив противу естественнаго чина гибнути. Зане по астрологийской истиннѣ, о ней же и та учиннѣйшая быти пишется, солнце, текущи под гибелнымъ течением, всегда гибнути не имат, токмо егда будет в соединении луны, бывая в хоботѣ или во главѣ — яже суть нѣкая раздѣления нѣкоего круга небеснаго — и нѣ в коемъ иномъ от планит. Зане тогда противу полагаяся луна промеж зрака нашего и солнца, плоть солничную намъ видѣти видѣниемъ обычным не оставляетъ, якоже о семъ сказуетъ великаго разсуждения египтянинъ Птоломей. Но она по своимъ силамъ волшебнымъ сие прилучившись сотворив сказуется и егда солнце бѣ с луною в соединении — еже мы обще глаголемъ: «егда луна обращается»,— но егда бѣ в его противустоянии отстоят от него седьмью задей, и тогда егда луну обще полну нарицаемъ. Но онъ баснословъ сулмоненский Овидий сице о Медеи, и Оета царя дщери, лживо написуя, предастъ быти вѣримо, се же да не буди православнымъ! Зане вышний и вѣчный творецъ богъ, иже мудростию своею, рѣче Сыном, вся созда, небесная плоти планитъ под закономъ устрои, и та поставляя вѣчную заповѣдь имъ наложи, еже не приидет. Но еже солничная гибель противу естества уставленнаго никогда чтется, токмо егда во плоти сынъ божий и себе умилнѣ за ны предастъ страданию, иже егда на крестѣ предастъ духъ, гибну солнце,

О МЕДЕЕ, КАК ПЛЕНИЛАСЬ ОНА ЯЗОНОМ

Когда же были приготовлены разнообразные яства, застланы столы, расставлены многочисленные золотые и серебряные чары и пришло время для пира, царь, желая показать грекам все радушие свое и гостеприимство, послал за своей дочерью, веля ей прийти и в веселье пировать с новоприбывшими гостями, которых царь в радости принимает. Была же у Оетеса дочь, по имени Медея, очень красивая девушка, единственная дочь у отца и в будущем единственная наследница царства. Она уже достигла возраста невесты и созрела для брачного чертога, но с юных лет она с усердием отдалась обучению свободным искусствам и благодаря душевной склонности к ним настолько освоила все науки, что не было в те времена никого, кто бы мог превзойти ее в познаниях. Но жемчужиной в знаниях ее, принесшей ей славу, было искусство астрологии, как силами и чарами волшебных заклинаний день обращать в ночь, и внезапно вызывать ветер, и дождь, и молнию, и град, и страшное землетрясение, извилистые реки заставлять течь вверх и разливаться. Зимней стужей она ⟨ломала ветви⟩ деревьев, а в бурную непогоду заставляла их цвести; молодых превращала в старцев, а старикам даровала блеск юности. Верили в древности язычники, что она не раз заставляла — вопреки природе их — гаснуть великие светила, то есть солнце и луну. На самом же деле, согласно науке астрономической, в которой заключена наивысшая премудрость, солнце, двигаясь по эклиптике, никогда не исчезает, кроме тех случаев, когда встречается с луной, бывая в хвосте ее или в голове (а это суть разные деления круга небесного), и больше ни с какой иной из планет. Если же луна оказывается между глазом нашим и солнцем, то не можем мы видеть, как обычно, тело солнечное; вещает же об этом великий разумом египтянин Птолемей. Но Медея, случалось, своими чарами волшебными творила это и тогда, когда солнце сходится с луной (как говорят обычно «в новолунье») и когда солнце и луна находятся в противостоянии, на расстоянии семи созвездий (обычно мы называем это полнолунием). Но такие небылицы о Медее, дочери царя Оетеса, сочинил баснословец сульмоненский Овидий и выдал все это за правду (но да не будет такого у православных!). Ибо верховный и вечный творец бог, который в мудрости своей, каковая в сыне его, создал все, узаконил и расположение небесных тел и положил заповедь на века, чтобы не изменяли они своих мест. И никогда не слыхано было о затмении солнца вопреки установленной природе его, кроме того случая, когда воплощенный сын божий покорно предал себя за нас на муки и на кресте испустил дух — тогда померкло солнце,

лунѣ не сущи тогда в *соединении* его. Тогда запона церковная раздрася быша, землѣ трясение грозно, и многая тогда святых тѣлеса от гробовъ восташа. Сего ради егда во дни тѣ Дионисий Ареопагитский, вышший философъ въ естествѣх, живяше во Афинѣхъ и бѣ во училищѣх прилѣженъ, аще бѣ и опороченъ еллинскимъ заблуждениемъ, но видя во страдании Христовѣ солнце гибнути, ужасенъ, сице рече: «Или богъ естества страждетъ, или тварь мира разрушится». Сей убо истинный и предвѣчный бог, ему же мощно естественная кояждо разрушити и понудити в законѣ естества погрѣшити, иже единою единаго себѣ вѣрнаго молитвою течение солнца противу естественнаго устава его в Гаваонѣ вонзитись и стати повелѣ. Сие же о Медеи по баснословию того ради полагается, зане сице о ней баснословнѣ бывше настоящая история не оставляет, и тое бывшу во астрологии и в чародѣйствѣ искуснѣйшу не отрекается.

Медея же, повеление отцево слышав, аще бѣ и дѣвица зѣло красна, понудися, якоже намъ есть обычай, красоту прилагая красотѣ *украшением,* сиречь уряжением. Сего ради урядився доброобразными красотами и царскимъ явлением украшена, к *возлежащим* трапезѣ прииде. Ей же сѣсти близ Азона скоро повелѣваетъ отецъ.

Но о бѣдное и безумное благородие! Что сановством являешися в низвержение своея чести и твоея лѣпоты про честь низпадение? Егда мудраго есть себе вѣрити крѣпости отроковичной или полу женскому, иже нѣкоими лѣтними круги вѣсть приняти крѣпости? Ея же мысль всегда состоится во двизании и наипаче в растущих непостоянствѣх, прежде даже мужу жена бысть мужней мощи примѣшается. Вѣмы бо жены мысль всегда *мужа хотети, якоже хощет существо всегда* обрасца. О дабы существо, прешед единою во образецъ, могло рещися своимъ доволно образованиемъ! Но яко же во образецъ от обрасца исходити существо вѣмы, тако женское хотѣние слабое исходити от мужа к мужу, но паки быти вѣруется без конца, зане есть нѣкая глубина безо дна, токмо нѣкако срамота нѣкоимъ воздержаниемъ хвалимым заключит за благочинство. Коимъ убо, *о царь* Оетесъ, ведомъ дерзновением напраснѣ страну отроковицы чуждаго мужа страннѣ совокупил? Аще бы немощъ, сиречь женская, мыслю испытателною *возвѣсилъ* еси, наследницу едину царства твоего безчестным плаванием в чуждая царства отвезенну в толице невзгодии, не плакался бы еси, да дщери вкупѣ единою и сокровища твоего неизглаголаннаго множества лишился еси. Что ти ползова Аррисово стрежение противу льсти женские?

хотя и не было луны возле него. Тогда пелена церковная разорвалась, грозно зашаталась земля, и множество святых встало тогда из могил. И поэтому во времена те Дионисий Ареопагит, величайший из философов, живший тогда в Афинах и усердно учившийся, хотя и был он совращен эллинскими заблуждениями, но увидев, как из-за страданий Христа померкло солнце, ужаснулся и воскликнул: «Или бог всего сущего страдает, или все сотворенное в мире рушится». Этот истинный и вечный бог, который лишь один может нарушить естественный ход вещей и повелеть переступить закон природы, только однажды по молитве одного из веровавших в него задержал движение солнца вопреки его естественной природе и повелел ему, словно пригвожденному, остановиться в Гаваоне. А все эти баснословные россказни о Медее излагаются лишь потому, что от подобного баснословия данное повествование не отрекается и не отказывается утверждать, что она была искуснейшей в астрологии и чародействе.

Медея же, услышав повеление отца, хотя и была девушкой очень красивой, постаралась, как это у нас в обычае, красоту приложить к красоте украшением, то есть принарядиться. Поэтому в красивых одеждах и украшениях, достойных царевны, сошла она к возлежащим на пиру. И отец тотчас же повелел ей сесть рядом с Язоном.

О жалкое и безрассудное благородство! Зачем же учтивость привела к поруганию твоей чести и ниспровержению величия твоего достоинства? Разве мудрый станет вверять себя стойкости девушки или женщины, которые ни в один год не являли собой пример постоянства? Мысли их всегда пребывают в суете, и особенно присуще непостоянство приходящим в брачный возраст — раньше, чем мужу станет женой, такая уже познает мужчину. Известно, что мысль женская всегда устремлена на вожделение к мужчине, подобно тому как вещество всегда стремится принять форму. О, если бы вещество, единожды приняв форму, могло бы удовлетвориться формой своей! Но как веществу свойственно из одной формы переходить в другую, так и женщин их беспутное вожделение влечет менять мужчину на мужчину, и всякий раз она обещается хранить верность, и так будет всегда, ибо это подобно бездонной пучине, и только стыд достойным похвал воздержанием укрепляет женщин в благопристойности. Каким же, о царь Оетес, был движим ты безрассудством, если необдуманно сблизил слабую отроковицу с чужим мужчиной? Если бы, взвесив все, ты бы вспомнил о слабости женской, над тем, что единственная наследница царства твоего будет в бесчестии и в горести увезена в чужое царство, не плакал бы, лишившись и дочери единственной, и бессчетного множества сокровищ своих. Смогла ли помочь тебе стража бога Ареса против женского обмана?

Воистинну еже бѣ будуще речеши нѣчто устрещися никакоже моглъ еси, повелѣл еси дщери твоей со Азономъ сообщити бракъ и Азона учинилъ еси причастна дщери твоей и во праздновании брашна. Поне что ти за то воистинну случися, прилагаетъ история, прилучае во свойственных и *несвойственных* не оставляет.

И пребывающих Медеи промежъ царя, отца, и Азона, аще и многою бѣ срамотою постыжденна, но уняти не возможе зрака своихъ очей, токмо, егда можашеся, видѣнии ихъ на Азона сладкими взирании обращаше, сице лице его и обличие, и власы, тѣло и уды тѣлесные зрителными смыслы разсматряя, да яко абие в похотѣнии его разгорѣся и теплыя любве в мысли себѣ зача разжизание. Нѣсть бо ей попечения питатися брашна сладостию, ниже вкушати пития медоточнаго. Есть бо ей тогда брашно и питие Азонов сладкий зракъ, его же всего носит в сердцѣ заключенна, и его же любовию блудною наполнись стомах насыщенъ. Егда же взирашесь от иных, иже глядаху на неѣ брашенънаго вкушения тако преставшу, непщеваху еѣ не любве ради сие в ней быти, но нѣчто токмо срамоты ради. Медея же толикия теплоты разъярись похотию зачатый порокъ велми нудится покрыти, да не токмо о сих, от них же зряшеся увѣдати нѣчто возможетъ, но паки от себе самое искуснаго безвинства обличение износит, ими же тое же срамно быти может в дѣвицѣ в безвинную обращает лѣпоту. По семь же *тонкимь* гласомъ во устѣх своих износит сия словеса: «Ох, дабы сей варваръ, толь красенъ, толь честенъ, мнѣ мужни союзомъ приединился»,— дабы ему от себѣ дала разумѣти безвинным желанием того хотѣти, еже вины и грѣха не лишашесь. Всѣх женъ всегда есть обычай, да егда безчестным желанием мужа нѣкоего хотятъ, под покровениемъ нѣкоея чести своея оправдания умышляютъ.

Браку же скончавшуся, Медея свобождениемъ отца своего в каморы своя входитъ, а Азонъ и Еркулесъ в коюея полаты камору приемлются повелѣниемъ царевым. Медея же, во своей тайной ложнице пребывая, от зачатаго любве пламени утружденна, тѣснотою многою мучашеся и многимъ утрудися воздыханиемъ, велми попеченнѣ помышлает в себѣ, како своего разжизания пламени *может* противитися удовлѣниемъ своего насыщения. Но дѣвственныя срамоты малодушством побѣжденна, уклонися от дерзновения, зане брася в ней любовь и срамота. Настоитъ любы, да дерзнетъ, но ради безчестия студъ претитъ. Сице сугубымъ мучашеся сражениемъ своего студа *невзгоды* чрез всю недѣлю в молчании плака, аки и в себѣ глаголаше: «Охъ, яко под такимъ небеснымъ созвѣздиемъ родихся, да сего мнѣ нынѣ приятные Азоновы красоты, наипаче мужния чести лѣпотою не насыщаюся в супружествѣ».

Воистину, если, как ты говоришь, ведаешь будущее, никак бы не допустил, чтобы дочь твоя встретилась на пиру с Язоном, и не разрешил бы Язону вместе с ней за столом вкушать яства. А о том, что с тобой в действительности случилось по этой причине, поведает история, следуя подобающему и неподобающее не опуская.

Медея, сидя между царем, отцом своим, и Язоном, хотя и очень смущалась, не могла сдержаться и не смотреть, и всякий раз, когда было можно, бросала на Язона нежные взгляды, жадно разглядывая лицо его, и весь облик, и волосы, и фигуру, и вскоре вспыхнуло в ней вожделение, и в сердце ее начала разгораться жаркая страсть. И не думала она о том, чтобы вкушать сладкие яства или пить напитки медовые. Был для нее тогда яством и питьем прекрасный облик Язона, который она целиком заключила в свое сердце, и насытилась она наполнившей ее чувственной страстью. Когда же смотрели на нее другие, то, видя, что она перестала вкушать яства, полагали, что это не от любовного чувства, а от стыдливости. Медея же, распалившись таким горячим желанием, очень хотела бы скрыть возникшее в ней греховное вожделение, и не только от тех, кто, глядя на нее, мог бы о чем-то догадаться, но еще более от себя самой, и ищет она возможное оправдание, чтобы постыдное для девицы обратить в благопристойное. Затем нежным голосом из уст своих изрекает такие слова: «О, если бы этот чужеземец, столь прекрасный, столь высокородный, стал бы моим мужем»,— чтобы тем самым дать Язону знать о своем целомудренном желании, лишенном порочности и греха. У всех женщин это в обычае: всегда, когда испытывают постыдное влечение к какому-либо мужчине, исполняют свои желания под покровом благопристойности.

Когда же окончился пир, Медея, с разрешения отца своего, ушла в свои чертоги, а Язону и Геркулесу по велению царскому были отведены другие покои. Медея же, оставшись в своей уединенной спальне, страдала от вспыхнувшего в ней любовного огня, терзалась в непрестанной тревоге, томилась, часто вздыхая, и напряженно раздумывала над тем, как сможет погасить разгоревшееся в ней пламя, удовлетворив свою страсть. Но победило в ней малодушие девичьей скромности, отступилась она от дерзких желаний, ибо боролись в ней любовь и стыд. Побуждает ее любовь к решительности, а скромность запрещает, страшась бесчестия. Так вдвойне страдала она, борясь с препятствиями, порожденными ее стыдливостью, всю неделю тихо проплакала и в душе своей восклицала: «Ох, почему я под таким небесным созвездием родилась, что не могу насладиться в браке милой красотой Язоновой и всего более красотой его мужской доблести».

На сие себѣ чин послѣдователный быти глубокимъ ума умышляя попечениемъ.

Бысть же, да яже по счастию, яже скоряше концу, случися за хотѣние Медеино, яже в нѣкий день, егда царь Оетес в тайных своихъ со Азономъ и Еркуломъ о многих многая глаголаше в полатѣ, по Медею, дщерь свою, посла, да приидетъ к нему. Ей же во уготовлении царскомъ пришедши, близ отца своего, повелѣвшу ему, сѣде, еже отецъ ея веселым словомъ прощение дастъ, да со Азономъ и Еркуломъ чиномъ дѣвическимъ словеса потѣшнаа глаголетъ. Яже срамляяся нѣкако, от отца своего востав, подле Азона себе избра сѣсти. Азонъ же, видѣвъ Медею при немъ сѣдшу, возвеселись и, малу оставлену промежку, отдвинуся мало от Еркула, паче к Медеи приближися. Царь же Оетесъ и предстоящие многие прочее многою бесѣдование ея свѣтлостию день провождаютъ, и Еркулесъ со предстоящими пред нимъ многими рѣчьми о многих глаголаше. И тако промеж Азона и Медеи не бѣ никоего посредства, имъ же может, аще вкупѣ глаголати нѣчто восхотят, мѣшати.

Медея же аки и восприятие единства глаголати со Азоном угоднымъ приключениемъ прият, видя прочих промеж себе иные рѣчи разные глаголати, боязненнаго студа бремя чинно отложив, в первомъ словесном исхождении сице глаголаше Азону: «Друже Азоне! Да непъщуетъ твое благородствие безчинно, ниже *худости* женские слабости, да не пишет нѣчто, аще с тобою, яко *незнаема,* глаголати дерзну. И мнѣ неблагочиннымъ помысломъ тебе к знатию предпозвати. Достойно убо есть да чужу благородну и благодарну спасения совѣт да подастъся от благородныя, поне позывати благородный благороднаго нѣкоимъ совокупным вѣжеством должен̂ъ. Вѣмъ *тя б*лагородна и вѣдсма смѣлством юношеским в царство сие имѣти златое руно просил еси, про тое прошение *вѣм* тя пагубѣ явной вдатися и неложные смерти бедѣ поврещи живот свой. Сего ради твоему благородию и юношеской теплотѣ спострaжду и тебѣ желаю спасенный совѣт и помощь угодну спослужити, ею же невреждeнъ от толиких бѣдъ измешися и в желаемые твоего отечества домы здрав возможеши в блазѣ цѣлости доити. И на сие меня тебѣ будущу познаеши, аще приятнымъ сердцем моя воспоминания обымеши и мощнымъ соблюдением восхощеши *изслѣдити».*

Поклонным лицем и пригнеши мышцы, Азон же к реченным словесемъ сице умилнымъ гласом отвѣща: «О, благороднѣйшаа жено и госпоже! Тебѣ говѣйнишим сердцемъ моим умилныя благодарения воздаю, яже трудомъ моим сострадати честным *изъявлениемъ* показуешися. Ея же ради вещи благоволению твоему всего мя излагаю, зане множае паче суть дары *благодатныя,* яже не просимы,

И постоянно раздумывала она о том, как же ей поступить в дальнейшем.

Но на счастье, торопя развязку, в один из дней осуществилось желание Медеи, ибо царь Оетес, беседуя как-то в сокровенных своих покоях с Язоном и Геркулесом, о многом многое говоря, послал за Медеей, дочерью своей, чтобы та явилась к нему. Когда же пришла она, в облачении, достойном царевны, и по царскому повелению села возле отца своего, приветливо разрешил он ей развлечь Язона и Геркулеса беседой, подобающей для девушки. Она же, смущаясь немало, встала с места возле отца своего и решилась сесть рядом с Язоном. Язон, увидев, что Медея села подле него, обрадовался, и так как было еще расстояние между ними, то несколько отодвинулся от Геркулеса и подсел поближе к Медее. Царь же Оетес и приближенные его тем временем вели долгую оживленную беседу, и Геркулес со спутниками своими многое поведал о многом. И так между Язоном и Медеей не было никого, кто бы мешал им говорить друг с другом, о чем захотят.

Медея же, получив удобную возможность говорить с Язоном наедине и видя, что все остальные ведут между собой свою беседу, с достоинством сложила с себя бремя робкой стыдливости и в первых словах своих так сказала Язону: «Друг мой, Язон! Пусть не покажется твоему благородству нескромным и тем более пусть не будет приписано пороку женской слабости, что я, будучи с тобой незнакома, сама начну беседу. И этим путем, для меня нескромным, сообщу тебе о важном. Подобает, чтобы высокородному чужестранцу, находящемуся в затруднительном положении, был дан спасительный совет столь же высокородной. Ибо должны высокородные относиться друг к другу со взаимной предупредительностью. Знаю, что из высокого рода ты и что, побуждаемый юношеской отвагой, хочешь в царстве нашем добыть золотое руно. И предвижу я, что из-за этого желания твоего грозит тебе неминуемая гибель и обрекаешь ты себя на неизбежную смерть. Поэтому я, сострадая доблести твоей и юношеской горячности, хочу дать тебе спасительный совет и оказать необходимую помощь, чтобы смог ты избежать бесчисленных опасностей, благополучно и невредимым смог бы вернуться в желанный дом свой в твоем отечестве. И поэтому ты сможешь узнать, что ждет тебя, если с открытой душой примешь мои советы и захочешь им точно следовать».

Склонившись к ней, Язон на слова ее так ответил ласковым голосом: «О благороднейшая из женщин и госпожа моя! Воздаю тебе от преданного сердца моего нижайшую благодарность, за то что благородно выражаешь желание помочь в моих делах. Поэтому тебе, ко мне благоволящей, я всего себя отдаю, ибо особенно ценны дары, которые приносятся не по просьбе

ниже предшедшими благотворении сподоблени подаются». Ему же рече Медея: «Друже Азоне! Вѣси, колика суть в златорунномъ искании учинена пагубы или нѣчто слух истинный не вѣдомь ти вина тѣх истинная не прииде въяво? Воистинну его же возможение или воздержание едва или никако смертному человѣку мощно, зане божие есть стрежение его и нѣсть в чловѣкѣ паче мощъ, якоже можетъ сила его необоримая въ величествѣ богов. Хто бо невредимъ избудетъ от волов, пламени отрыгающих огненные, кого счасливые прилучаи противу их напасти жаломъ дерзновения наведетъ, зане противу тѣх наскакая скоро обратится в *прах,* изгоримъ дымною погибает искрою? Яко аще толь легкою душею поискусити юношески дерзнулъ еси, велиимъ безумиемъ низводишися, зане цѣна толикия вещи смерть едина состоится. Престани убо, Азоне, аще хощеши чинити мудрѣ, от такова несчастия, не приступай к смертному предѣлу, иже живста твоего свѣт конечнѣ отиметъ».

Азонъ же, яко не терпя, к Медеинымъ словесемъ подвижеся, да не множайшая симъ подобная словеса излиет, еѣ рѣчь пресѣче и словеса еѣ расторгнувъ, сице рече: «О благороднѣйшая госпоже, *егда* страхомъ словесъ твоих ужасиши мя, вѣруеши, да жестокими прещении ужасся, престану от начатаго? Еда аще будетъ имѣти мощно нѣкую славу болшую во всей жизни моей, *воздержуся.* Аще ли ни, воистинну жив живою укоризною растаю во языцех и всякия лишенъ честныя хвалы вѣчною нечестию уничижуся. Есть же умышления моего извѣстно смерти мя предати, аще смерти есть цѣна толикия вещи. Зане разумнаго мужа сущее быти имать, егда нѣкоего начатаго умышления изъявит въ дѣйство, предположити убивство живота, прежде даже от начатаго безчестнѣ пристанет».

Ему же рече Медея: «Есть убо, Азоне, умышления твоего тои извѣстие, да смерть желаеши предложити животу твоему в толь явномъ погублении ближние пагубы. Поистиннѣ благочестию твоему болѣзную, и на тебе, дерзнувша зѣло неразсуднѣ, подвижуся утробою милости. Сего ради умышляю, сболѣзнуя тебѣ, благаго твоего спасения и исцѣления предложити, чести отца моего и моей срамоте не щадѣти, ниже спасению. Но сего благотворения послѣди от мене милость наслѣдиши, аще воспоминаниям моимъ повинитися обещаешися и совершити реченная не измениши». И к сему Азонъ рече: «Благороднѣйшая госпоже! Все, елико повелиши творити, не ложная исполнити тебе обѣщаваю и боги засвидѣтельствую».

Ему же Медея рече, пиша перстомъ на шиде червленымъ вином сице: «Аще мя себѣ присвоиши въ жену и аще мя от сего отча царства, Азоне, отвезеши в твое отчесътво, аще мя вѣренъ не оставиши доколѣ живу, воистинну сотворю

и не в ответ на предшествовавшие им благодеяния». Ему же отвечала Медея: «Друг мой, Язон! Знаешь ли, сколько опасностей таит добывание золотого руна, или же правдивые сведения о том тебе неведомы и истинная причина тех опасностей не предстала перед тобой въяве? Ибо, в действительности, никак не может смертный человек рассчитывать на возможность победы, ибо стражи руна поставлены богами и нет в человеке такой силы, которая сравнялась бы с необоримой силой и могуществом богов. Кто сможет невредимым устоять перед волами, извергающими пламя, кого счастливая случайность спасет от их нападения в порыве ярости, ибо выходящий против них тотчас же обратится в пепел и, сожжен, дымом станет и искрами? Если же с такой легкой душой дерзаешь по-юношески рисковать, то, значит, овладело тобою великое безрассудство, ибо только жизнью можешь заплатить за свою попытку. Постарайся, Язон, если хочешь поступить мудро, избежать этих бед, не приближайся к роковой черте, за которой померкнет свет жизни твоей».

Язон же нетерпеливо, чтобы не продолжала она подобных речей, прервал ее слова, сказав так: «О благороднейшая госпожа! Неужели ты, пугая меня своими устрашающими словами, надеешься, что, убоявшись сурового запрета, я отступлюсь от начатого дела? Если будет иная возможность за всю мою жизнь достичь большей славы, то воздержусь. Если же нет, то поистине, оставшись в живых, живым примером для укоризны стану я для людей и, лишившись всякой чести и славы, покрою себя позором. Видно уж, заключена в намерении моем неизбежная гибель, если только ценой жизни можно свершить этот подвиг. Однако мудрому мужу следует, объявив о задуманном деянии своем, предвидеть расставание с жизнью, но не отказываться с позором от начатого».

Ему же сказала Медея: «О Язон, верю я сказанному тобой о своем замысле, что предпочитаешь ты смерть в явном равнодушии к возможности близкой гибели. Поистине сочувствую благородным помыслам твоим и всей душой тянусь к тебе, дерзающему столь безрассудно. И поэтому, сочувствуя тебе, решаюсь я, ради спасения твоего и здоровья, пожертвовать честью отца своего и своим стыдом пренебречь и благом. Но получишь ты от меня благодатную помощь не ранее, чем пообещаешь последовать моим советам и не откажешься совершить обещанное». На это Язон ей ответил: «Благороднейшая госпожа! Все, что повелишь ты сделать, честно обещаю тебе исполнить и клянусь в этом перед богами».

Медея же написала ему на скатерти, обмакнув палец в красное вино, так: «Если сделаешь меня своей женой, и если меня увезешь, Язон, из отцовского царства в свое отечество, и если останешься мне верен, пока я живу, поистине сделаю

и учиню, да яко златаго руна достанеши, конечнѣ обѣт твой исполниши, вся претителная бѣды уничижив. Есмь бо в смертныхъ едина, яже могу силы Аррисовы повредити и его власти уставленным противною хитростию власти совѣтъ *встрѣчати*». Къ ней же Азон рече: «О коль велия и недомыслима воистинну суть то, яже ми, честная дѣвице, обѣщеваеши дати тебѣ мнѣ, сиирѣчь, яже промеж прочиих красных *избранные* красоты наилутшая блистаяши, аки рожа красная, яже во время весны цвѣтовъ прочиих, ихъ же на полех безстудно естество прозябаетъ, своими шипки нарочитыми превосходит! И мене обещеваеши избавити кромѣ того от толиких лихих злоб, ища златаго руна! Но вѣмъ *себя* праведна быти не мощно цѣну получити толикия вещи. И иже дары толь драги благи приносящу счастие отринетъ, подобнѣ нарещися может болшим безумия буйством отнюд колебатися. Сего ради, честнѣйшая в женах, и мене в мужа тебе смиреннаго, благоговѣина жениха предаю и творити вся, елика твое разсудит избрание чистое, и чистою вѣрою обѣщеваю».

Медея же таковаго приношения возрадовася словесемъ, сице к приносящему словеса отвѣща паки: «Друже Азоне! От твоих обѣщаниих извѣстну сотворитися и отнюдъ опасну, несуетным сердцемъ желаю и в сих умъ мой твердѣйшаго *опаства* сотвори крѣпчайший, прошу убо, тобою вся елика реклъ еси, клятвою укрѣпити. Но зане нынѣ намъ мѣсто непригодно продолжити сие, непщюю, егда покрыется земля нощнымь помрачением, яже сотворити тайная подастъ желающимъ пригодну и от вѣдания чловѣческаго многих оправдаетъ, и тайну бо намъ себе пригодно подающи, моимъ тайнымъ посланником взысканъ к моей каморе без страха приступити, в ней же опасну мя сотвориши о предреченных клятвою боговъ. Зане и мене извѣстну такожде потомь имѣти возможеши, яко твою, и ту о происхожении действъ твоихъ и тѣхъ свершений конечном мною полнѣе накажешися».

Ей же Азон скоро сего пригодия краткословием сице заключи: «Честнѣйшая госпоже, якоже глаголеши, буди тебѣ и мнѣ». Оба же уклонишася от множества словес. Медея, у Азона приемъ отпущение, царю-отцу тако же поклонився и Еркулу, во множествѣ своемъ восвояси прииде.

О МЕДЕИ, НАКАЗУЮЩЕЙ АЗОНА О ЗЛАТОРУННОЙ БРАНИ И О ВРАЧЕВАНИИ ИХ И НА БРАНЬ ТВОРИМУЮ С ВОЛЫ И СО ЗМИЕМЪ ДѢЛАЕМЫХЪ

Уже половину дни солнце прииде и коней своих бразды направи к частем уже обращашеся западнымъ, егда Медея, едина пребывая в полатѣ, что глаголааше Азону и коя отвѣты

и устрою так, что добудешь золотое руно и в конце концов обещание свое исполнишь, преодолев все грозные препоны. Ибо я единственная из смертных, кто может одолеть могущество Ареса и всему, устроенному его силой, противопоставить силу благодаря своему искусству». Отвечал ей Язон: «О, насколько, поистине, велико и не поддается разуму то, что ты мне обещаешь даровать, благородная девица, ибо среди других красавиц блистаешь ты изысканнейшей красотой, подобно розе пунцовой, которая весной своими прекрасными цветами затмевает все прочие цветы, растущие свободно в полях! И обещаешь меня спасти при этом от стольких опасностей в добывании золотого руна! Но думаю, что я полностью сознаю бесценность этой вещи. И тот, кто откажется от столь ценных и благих даров, несущих счастье, уподобиться может безумцу, мечущемуся в буйном приступе. А поэтому, досточтимейшая из женщин, я себя отдаю тебе как мужа и смиренного, благоговейного жениха и искренне обещаю поступать так, как укажет мне твое высокое решение».

Медея же обрадовалась обращенным к ней словам и произнесшему речь эту ответила так: «Друг мой, Язон! Я бестрепетным сердцем желаю стать уверенной и совершенно спокойной после того, что ты обещал, и укрепи в этом ум мой, избавив его от страха, ибо прошу тебя все сказанное мне подтвердить клятвой. Но так как здесь неподходящее место для продолжения нашей беседы, подожду, пока земля не покроется мраком, который даст возможность желающим творить тайное и многих защитит от людского любопытства, и тогда будем спокойны за сохранение нашей тайны, и будешь ты позван моим тайным посланцем без страха прийти в мои покои, и там успокоишь меня, поклявшись обо всем, сказанном ранее, перед богами. И потом от меня, ставшей твоей, сможешь все узнать о том, как поступать тебе и чем все должно завершиться».

Ее же слова Язон тотчас же с уместной краткостью заключил: «Досточтимая госпожа, как сказала ты, так и будет с тобой и со мной». И оба прервали свою долгую беседу. Медея же, попрощавшись с Язоном и поклонившись царю, отцу своему, и Геркулесу, ушла к себе с многочисленными приближенными своими.

О ТОМ, КАК МЕДЕЯ НАСТАВЛЯЛА ЯЗОНА ПЕРЕД БИТВОЙ ЗА ЗОЛОТОЕ РУНО И О ВРАЧЕВАНИИ ПЕРЕД БРАНЬЮ С БЫКАМИ И СО ЗМЕЕМ

Уже прошло солнце половину дневного пути и коней своих направило к западным пределам, когда Медея, одна оставшись в палате, стала перебирать в мыслях все то, что она говорила Язону

от него многия в себѣ помышлениемъ обрати. И егда рѣчи промеж ими прилѣжно разсуждаетъ, разширенну веселию, но смѣшенному желанию превозмогающу, радости ея омрачается, зане завидный часъ нощный для многаго хотѣния горитъ. Сего ради, яко теплоты не терпя, егда желанием колебашеся похотнымъ, внутренними взирании скончавает течение солнце. Толиким хотѣниемъ мучашеся о солнычном захождении, яко той останок дни, еже бѣ средина промеж свѣта и тмы, ея продолжашеся имѣвше аки два дни. Но пришедшу вечеру, и бысть запад, извѣстныи наведе тмы, егда промеж зрака человѣческаго и солничаго вниде сѣнь земная. Воставшу убо тоя нощи смерканию, многим разнствомъ колеблется мысль в Медеи, кояждо степени солнца, донелѣ заиде, и попечением тягчайшимъ примечаше, и желает нападения нощнаго и потом восхода луннаго, зане нощи тоя при часѣ перваго сна восхождаше от восхода. И сице тоя нощи от пребывающих в полатѣ скончанну бдѣнию, всѣ покоя спати восхотятъ, имъ же ея хотѣния желаемая свобода совершися.

Но о коль жаждущей душе краткое долго видяшеся, еже ничто доволно тщашеся к похотѣнию! Толикими убо стѣсняется мучащимися тѣснотами тогда Медея, егда ощути отцевых слугъ в полатѣ долгим бдѣниемъ нощъ *проводити* и спати никакоже хотящих, многим жданием, яко не терпя, нынѣ сѣмо и овамо ходит по каморѣ без покоя, нынѣ к дверемъ *коморнымъ* приходит слушати, аще нѣчто бдящие покушаются спати, ино отворяетъ вокна, смотря, колко проиде ночи течение. Но дотолѣ сицевыми мучашеся тѣснотами, донелѣ пѣтеловъ пѣние, нощнаго проповѣдника, вездѣ быша глас его, по его же воспомяновению бдящие настоящаго покоя спати желают. Возлегшу убо всему царскому дому и в покое нощнѣм на всѣхъ излиянну тиху молчанию, Медея, возвеселися вельми, нѣкую стару жену домашнюю свою и зѣло коварственну ко Азону брежно посылает. Его же егда увѣда Азонъ, скоро востает отъ ложа и со женою тихими стопами в темнотѣ идяше, к Медеинѣ полатѣ прииде, въ его же внитии предстоящи Медеи, Азонъ любезными словесы поздравления глаголетъ, Медея же подобнѣ ему отвѣща, весел во двери вниде.

Скоро же отиде баба, Азона и Медею единых остави в каморѣ. И утверженным дверемъ полатнымъ от Медеи, у постели чуднаго приготовления в каморѣ Азонъ сѣде, Медеи устраяющи. Отверзе убо сокровище свое, нѣкий образ злат, освящен во имя Зевеса, якоже языком обычай бѣ, Медея изнесе, показа его Азону; многу свѣту от свѣщъ горящих, ими же вся камора блистанием велиимъ просвѣщашеся, сия словеса рече: «Прошу от тебе, Азоне, на сем образѣ вышшаго Зевеса клятву мнѣ вѣрну подати, да егда мя всею

и что он отвечал ей. И когда припомнила все в подробностях, о чем они беседовали, стало весело ей, но радость ее омрачилась возобладавшим желанием близости, ибо счастливый час ночной сулит исполнение многих желаний. И поэтому, не в силах сдержать душевный жар, в мыслях она торопит движение солнца. И так ждала она, чтобы скорее зашло солнце, что остаток дня — часы между днем и ночью — тянулись для нее словно бы два дня. Но наступил вечер, и начался закат, предшествующий, как известно, сумеркам, когда тень земная падет между очами людскими и солнцем. Когда же покрыл все мрак ночной, пришли в смятение мысли Медеи, ибо каждое движение солнца, пока оно не зашло, отмечала она в нетерпеливом томлении и жаждала наступления ночи и потом восхода луны, ибо в ту ночь она всходила в первый час сна. И вот уже в ту ночь стали расходиться пребывавшие в палате, все захотели покоя и сна, а вместе с этим близится и долгожданная свобода для ее желаний.

Насколько жаждущей душе краткое долгим кажется, ибо недостаточно быстро приближается желанное! Какой охвачена была тогда Медея мучительной тревогой, когда услышала, что отцовы слуги проводят ночь, бодрствуя в палате, и вовсе не собираются спать; от долгого ожидания и нетерпения взад и вперед ходит она по комнате, не находя себе покоя, то к дверям чертога подходит, прислушиваясь, не собираются ли бодрствующие спать, то окна отворяет и смотрит, сколь много уже протекло ночного времени. И до той поры терзалась в такой тревоге, пока не раздалось повсюду пение петухов, глашатаев ночи, и по их напоминанию все бодрствующие захотели предаться отдыху и сну. Когда же улеглись все в царском дворце и в спокойствии ночном пролились на всех тишина и безмолвие, Медея, обрадовавшись, некую старую служанку свою, очень искусную в подобных делах, посылает с осторожностью к Язону. Узнав об этом, Язон тотчас же вскочил с ложа и вслед за женщиной, крадучись в темноте, пришел к чертогам Медеи, и когда та встретила его, входящего, Язон нежно приветствовал ее, а Медея ответила ему тем же, и весело вошел он в двери.

Служанка тотчас же ушла, оставив Язона и Медею одних в палате. И когда Медея заперла дверь покоя, Язон по ее приглашению сел возле постели чудного великолепия. Медея же открыла сокровищницу свою и, достав некий золотой талисман, освященный во имя Зевса, как это принято у язычников, поднесла его Язону в сиянии света от свечей горящих, от чего вся палата сверкала ярким блеском, и сказала такие слова: «Прошу тебя, Язон, на этом образе верховного бога Зевса поклянись мне с верой, что когда я всю себя отдам

твоея воли издамъ непщеванию и исполнити вся обѣщанная тебе, не напрасныя вѣры чистотою тебя мнѣ вѣчным чистым сердцемъ соблюсти да кленешися силою божия и чловѣческия правды от сего *часа* мене в супругу восприимеши и да во вся дни живота твоего мене оставити нѣ с кимь умышлениемъ не дерзнеши». К сему же Азонъ говѣинымъ лицемъ *себѣ* принося, коснувся образу рукою, соблюсти исполнити предреченная *вся* Медеи клятся.

Но о прелестная мужеская лъжа! Рцы, Азоне, что ти Медея послѣди сотворити множае возможе, яже своея лѣпоты всю честь отложи, тебѣ свое тѣло и духъ единодушно преда, единыя ради вѣры обѣщанные падеся, не внимая своего благородия, ни своего царскаго достоинства величествъ разсматряя, зане твоея ради любве себе наслѣдия скипетра лиши и старца отца *безчестна* остави, сокровищнаго его собрания ограбивъ, и отчая мѣста оставль, тебѣ ради избра заточение, предполагая страны чуждия рожденныя земли сладости? Ни ли тя от смертныя пагубы спасе, здрава из вѣчныя срамоты изня, их же нѣчто бы здравъ от случая бѣднаго избыл бы еси, златаго руна не обрѣтъ, возвратитись в Тесалию, студа ради дерзнул бы еси? Отступи бо от своихъ и дастъ тебѣ и твоим. Иже убо срамъ отринув, клятвы твоея завѣщание испоругати дерзнулъ еси, да безблагодарнымъ срамомъ оскверненъ, вѣрующую прелстиши дѣвицу, от дому отца отвезши и страха боговъ не брегши, ихъ же избралъ еси кленяся презрѣти, и ей вѣру изменити не усрамился еси, от нея же толика блага величие тебѣ восприявшу. Воистинну тебѣ, безсрамному, посреди прелстивши Медею, повѣдает историа. Но сие прииде от твоея прелести безлѣпие, да яко тое же истории чинъ не оставляетъ, яже виною твоего клятвопреступления и ненавидѣниемъ вѣры разрушимые твоее, богов нанесшимъ, живот свой безстуднымъ прилучаемъ глаголешися скончавъ, о немъ же здѣ нынѣ многая сказати оставляется сего ради, яже настоящие бесѣды существо не соединят.

Но ты, Медея, яже толикихъ хитростей сказуешися просвѣщением украшенна, рцы, что ти ползова знатие закона звѣзднаго, имъ же глаголется будущая мощно преднаписати? Аще предвидѣние будущих бывает в них, почто себѣ толь суетнѣ, толь нечестивѣ предвидѣла еси? Нѣчто, речеши, тебѣ, много разъяреннѣ любовию будущаго твоего мужа, злых належащих в законех звѣздных нерадѣниемъ оставльших? Но извѣстно есть: астрономские суждения безвѣстны суть, о нем же явный образецъ мощнѣ и явнѣ на тебѣ показуется, яже тебѣ предвидѣти тѣмъ никако могла еси. Сия бо суть безвѣстная яже легкихъ вѣрити истина, поистиннѣ прелщаютъ ложнымъ блуждением, в нихъ же никое постизаетъся будущих действо, токмо нѣчто

в твою власть и исполню все обещанное тебе, поклянись, непорочной веры чистотою, себя для меня сохранить навеки в чистом сердце и поклянись силами божественной и человеческой правды, что с этого часа возьмешь меня в супруги и до конца дней своих никогда не помыслишь меня оставить». В ответ на эти слова Язон с благоговением на лице прикоснулся к образку рукою и поклялся соблюсти и исполнить все, о чем было сказано.

О коварный обман мужской! Ответь, Язон, что бы могла больше сделать для тебя Медея, если она забыла о чести и достоинстве своем, от всей души тебе тело свое отдала и сердце, поверив лишь твоим обещаниям, пала, забыв о высоком роде своем, невзирая на величие своего царского сана, ибо из-за любви к тебе лишилась она права наследовать скипетр царский и старца отца покинула в бесчестии, ограбив сокровищницы с его богатствами и отчизну оставив, ради тебя решилась предпочесть одиночество на чужбине сладости жизни на родине? Не ею ли ты был спасен от смертельной опасности и, невредимого, избавила тебя от вечного позора, а иначе разве избежал бы ты невредимым опасностей и, золотого руна не добыв, разве решился бы с позором вернуться в Фессалию? Изменила она своим и все отдала тебе и твоим. Ты же, стыд забыв, дерзнул надругаться над словами клятвы своей, ибо, осквернен позором неблагодарности, прельстил доверившуюся тебе девушку, увезя ее из отцовского дома, презрев гнев богов, избранных тобой в свидетели твоей клятвы, не постыдился обмануть доверие той, от кого принял столько великих благодеяний. Поистине о тебе, бесстыдно обманувшем Медею, возвестит история. Такой позор принес твой обман, что не остается подобное всуе в течении истории, и за свое клятвопреступление и из-за ненависти богов за нарушение твоей клятвы жизнь свою окончил ты, как говорят, в позоре, о чем здесь не станем подробно рассказывать, так как это не имеет отношения к нашему повествованию.

Но ты, о Медея, про которую говорили, что сияешь ты светом такой премудрости, скажи, помогло ли тебе знание законов звездных, дающих возможность предвидеть будущее? Если можно предвидеть будущее по звездам, то почему же так неверно и ошибочно предсказала ты свою судьбу? Или скажешь, что, объятая страстью к будущему своему мужу, неразумно пренебрегла опасностями, предвещанными тебе звездными законами? Но мы знаем, что астрологические предсказания ничего не значат, и яркий пример тому — твоя судьба, ибо ничего не смогла ты предвидеть. Все они лживы и кажутся истинными лишь легковерным, в действительности же прельщают ложным заблуждением, и с их помощью нельзя предсказать никаких будущих событий, если это

по случаю приидет, зане единаго бога есть, въ его же руцѣ суть положена вѣдати времена и временем лѣта.

Что паче? Воспріявъ Медея от Азона клятву, оба входятъ в чертогъ, в неизреченной лѣпотѣ их, сложивъ ризы и пребывающимъ обоимъ нагимъ, дѣвственныя заклѣпы Азонъ отверзе у Медеи. И сице всю нощъ скончавъ веселою потѣхою услаждения, но Медея, аще своея похоти доволство *исполнив* мужескимъ обниманием и дѣйства блудные, хотимые от Азона, сего ради не отиде искра похоти в ней, но искусными дѣйствы послѣ *тягчайшая* зача зажигания, неже прежде грѣх содѣянный. Сие есть то вкушение толикою прелщая сладостию бѣдных любителей, иже егда от них болѣ приемлется, паче желается, его же ненавидѣти не может стомах насыщенный, зане сердечная похоть и желание наслаждения беспрестанно в немъ, егда горит сладкое его утѣснение питает похотѣние.

Уже бо тоя нощи зори приходящи и звѣздамъ просвѣщающимся утренняя, егда *Медее* сими словесы *глагола* Азон: «Час есть, сладкая госпоже, намъ от ложа востати, да не како нас внезапу объимет свѣт дневный. Но не вѣм, любимѣйшая, аще о моем дѣлѣ усътроила еси нѣчто творити. Или аще тобою посем нѣчто есть строимо, молю любезнѣ, да твоего тайнаго совѣта мнѣ двери отверзеши, да, тобою наученъ, сие совершу. Зане во отвожении тебѣ от сего острова, в немъ же еси нынѣ, и во привождении тебе в мое отчество, в немъ же могу, всяка скорость мнѣ законснѣние». Ему же Медея сице рече: «Друже, любезнѣе мнѣ себе о твоем дѣлѣ, еже мое сущеѣ дѣло есть. Полный убо восприях совѣт избрания в пещи испеченъ и зажженъ во мнѣ. Се убо востанем от чертога, да мнѣ и тебѣ изообильство буди пригоднѣе навыкати *на* сия вся, яже тебѣ видится, *отрядити»*. Воставше убо от ложа и ризы во мнозѣ торжествѣ воспріявъ, Медея, отверзши своих сокровищь ларцы, многая из них изнят, яже Азону симъ чином предастъ блюсти.

СИЯ СУТЬ, ЯЖЕ МЕДЕЯ ДАДЕ АЗОНУ

Первое предастъ ему образъ нѣкий сребрянъ, его же быти рече волшебнымъ чином и силою многия хитрости содѣлан, иже противу волшебства сотвореннаго есть зѣло силенъ, разрушая сущая сотворимая и ихъ повреждения отриновением отгоняетъ. О семъ убо Азона сице наказана, да его бреженѣ на себеноситъ, зане противу волшебствъ коиждо превозмогати вѣсть, вредимыя силы волшебныя уничижая. Второе дастъ ему нѣкоея масти благовонныя лечбу, имъ же мазатись повелѣ, глаголя в немъ силу быти, да яко

не случайные совпадения, ибо единому только богу, в руках которого — все, дано знать будущее на годы и на века.

Что же далее? Когда Язон поклялся Медее, оба вошли в чертог несказанной красоты, и когда, сняв одежды, остались оба нагими, Язон отворил врата девственности Медеи. И так всю ночь провели они в веселых радостях наслаждений. Но Медея, хотя и удовлетворила свою страсть в объятиях мужчины и чувственных деяниях, которых жаждала от Язона, не смогла угасить в себе искру похоти и искусством своим продолжала возбуждать страсть, превосходящую уже бывшие греховные дела. Это и есть то вкушение, влекущее сладостью своей несчастных любовников, когда чем больше получают они, тем больше возрастают их желания, которых не может не жаждать тело, ибо в нем беспрестанно живет чувственность сердца и желание наслаждений, и сладкое томление, распаляясь, питает вожделение.

Уже стало светать и зажглись утренние звезды, когда Язон обратился к Медее с такими словами: «Настал час, милая госпожа моя, подняться нам с ложа, чтобы не застал нас врасплох дневной свет. Но я еще не знаю, любимейшая, что ты придумала, чтобы помочь мне в деяниях моих. Если же тобою что-либо уже устроено, то с нежностью молю тебя открыть врата в сокровищницы твоих советов, чтобы я по твоим наставлениям смог бы свершить задуманное. Ибо когда представлю я, как увезу тебя с этого острова, где мы теперь находимся, в мое отечество, где я всесилен, то и все быстротекущее кажется мне медлительным». Ему же Медея так отвечала: «Друг мой, мне самой себя дороже дело твое, ибо дело это и — мое. И я уже полностью обдумала свое решение, в горне закалено оно и зажжено во мне. Так выйдем же из чертога, чтобы мне и тебе было бы удобнее разобраться в изобилии всего того, что, как видишь, приготовлено». Когда они встали с ложа и быстро облеклись в одежды, Медея, открыв ларцы со своими сокровищами, достала многие из них и в таком порядке вручила их Язону.

О ТОМ, ЧТО ВРУЧИЛА МЕДЕЯ ЯЗОНУ

Прежде всего вручила ему серебряный талисман, сказав о нем, что изготовлен он, как предписано магией, и с большим мастерством и обладает могучей силой против волшебных чар: разрушает творимое ими и избавляет от приносимого ими зла. О талисмане этом так наказывала она Язону: пусть он бережно носит его на себе, ибо тот способен противостоять любому волшебству и обезвредить злые волшебные чары. Затем дала ему некую благовонную целебную мазь, которой велела намазать тело, пояснив, что у той мази есть свойство

противу пламене зѣло преодолѣвает, погасает зажигаемая, и все, *еже* имать силу сожещи, приединив дымокурение разрушает.

По семъ нѣкий перстень дастъ ему, в немъ же сицевыя силы камень бѣ вложенъ, да яко всякий *ядъ* расторгает, ихъ шъкоты отрѣвает, и его же яда неистовство уязвитъ нѣчто, аки от воды уязвеннаго невредимо своею силою спасет. И бѣ в том же камени иная сила — да аще кто сей камень заключенъ носитъ в горсти, да яко тот камень носящаго к тѣлу добрѣ прилѣпится, невидимъ скоро будетъ, да егда носит в горсти, никому видится. Сей камень мудрыя асхате нарицают, во островѣ Киликийском первое обрѣтенъ. И сего Енея носивша Виргилий пишетъ, егда первое невидимо доиде х концем Картагненскимъ. По семь дастъ ему написано словы и знаемого паки разума, о немъ же Медея Азона велми прилѣжнѣ наказа, да егда к руну златому доидетъ, предкновение преждереченные поправ, не скоро на нь напасти, но помоляся молитвою поне трожды, да прочтет по подобию жертвы, *благоволити* богомь сподобится. Конечнѣ нѣкую тыкву, мокротою чудною исполненну, предастъ ему, о ней же наказа, да егда первое приидетъ к волом, мокроту ту во уста их волиет и окроплением частым намочит. В той бо мокротѣ сию силу быти рече, да егда во уста волом волиется, от того аки нѣкоимъ клеемъ склеятся вмѣсто, да яко их отверзение не токмо тяжко, но не мощно будетъ имъ. И сице по ряду Медея Азона прелѣжнѣ наказа, ими же прохождение или чимъ можетъ к желаемые побѣды славѣ доити. Медея же своему наказанию и учению сице послѣ конецъ наложи и давъ Азону отпущение прежде дневнаго свѣта. Азонъ во свою камору тайными стопами прииде.

КАКО АЗОН ПРИСТУПИ КО ЗЛАТОМУ РУНУ

Восходящи зори красными лучами и солнцу златому свѣтом малымъ холмы горъ просвѣщающим, Азонъ тайнѣ востаетъ от ложа, вмѣсте со Еркуломъ и иными и Оета царя полатѣ приходит, в ней же сам царь живяше со многими предстоящими, вѣнцемъ украшенъ. Его же узрѣл царь, веселымъ лицемъ восприя, у него вины пришествия его честнѣ пытает. Ему же Азон тако рече: «Молю тя, господине царю, да яко закоснѣние мнѣ отнынѣ есть зѣло досадъно, хощу, аще угодно, вашею волною свободою к златоруннаго бранному покушению приступити». Ему же царь рече: «Друже Азоне! Боюся, да не како твоего юношества смѣлство безрассудное введет тя хотѣти тебѣ смерть скоро нанесут и мнѣ учинят безславие о пагубѣ прилучая твоего. Воспоминаю убо тѣбе благоговѣине, да здравъ

отлично защищать от пламени, гасить горящее и все, что имеет силу зажигать, обращать в безвредный дым.

После этого вручила ему некий перстень, в который был вправлен камень, обладающий свойством разрушать силу любого яда, избавлять от приносимого им вреда, а если кто-либо будет все же отравлен, то силой своей сохранит его невредимым так же, как пользуют целебные настои. И было у того камня другое свойство: если кто-либо носит его, зажав в руке, то, когда будет камень к телу крепко прижат, станет носящий его невидимым и невидим будет, пока носит его в руке. Этот камень мудрецы называют ахат, и был он впервые найден на острове Сицилия. Вергилий же пишет, что этот камень носил при себе Эней, когда впервые невидимым прибыл в Карфагенскую землю. Затем дала Медея Язону написанный текст, имеющий сокровенный смысл, и при этом обстоятельно напутствовала Язона, чтобы он, когда, преодолев все описанные выше препятствия, подойдет к золотому руну, то пусть прежде, чем до него дотронуться, помолится и по крайней мере трижды прочтет этот текст, подобно молитве, чтобы сподобиться благоволения богов. И после всего этого вручила ему тыкву, наполненную чудодейственной жидкостью, о которой сказала, что как только он подойдет к быкам, пусть вольет ту жидкость им в пасти и обильно ею их окропит. У жидкости этой, сказала, есть такое свойство, что едва вольется она в пасти быков, как они, словно от клея, склеятся, так что открыть их будет не только трудно, но и невозможно. И так по порядку Медея подробно обо всем рассказала Язону, с помощью чего он сможет добыть славу в желанной победе. Затем кончила Медея свои советы и наставления и отпустила Язона прежде, чем рассвело. Язон же, крадучись, добрался до своих покоев.

КАК ЯЗОН ПРИСТУПИЛ К ЗОЛОТОМУ РУНУ

Когда взошла в розовых лучах заря и солнце золотое едва осветило вершины гор, Язон, незаметно покинув ложе, вместе с Геркулесом и спутниками своими отправился в покои царя Оетеса, где жил венценосный царь со множеством своих приближенных. Увидев Язона, царь встретил его с веселым лицом и учтиво спросил о причине прихода. Ему же Язон отвечал так: «Прошу тебя, господин мой царь: так как промедление мне теперь очень тягостно, хочу, если тебе угодно и по разрешению твоему, попытаться в борьбе овладеть златорунным». Ему же ответил царь: «Друг мой, Язон! Боюсь, что твоя безрассудная юношеская смелость приведет тебя к скорой гибели, а мне принесет бесславие из-за пагубного исхода твоей попытки. С благоговением прошу тебя: лучше согласись

возвратишися изволи, прежде даже толиким злым дашся погибнути». Ему же Азон рече: «Благороднѣйший царю! Нѣсть ми смѣлство без рассуждения совѣта. И ты без сумнѣния пред всѣми будеши неповиненъ, аще нѣчто — да не буди! — на мнѣ зло случится, ему же ся охотною». Ему же рече царь: «Друже Азоне, *не* хотя хощу твое хотѣние разрѣшити. Бози на помощь, да от толикия беды здрав избудеши».

И тако Азонъ, желаемую получив свободу, препоясася на путь. Бѣ близ острова Колкоса нѣкий малый остров, малою быстростию водною отстоя, в немъ же златое руно предреченно бѣ в страже бѣднѣ, уже реченной. К нему же малыми судны и гребью обычай имяху преходити. К ближнему убо брегу Азон пришед, входитъ в лодию, оружие защищениа взяв, и единъ, за надежду побѣды, яростию в быстротѣ, греблением своимъ в реченный малый островъ прииде. В немъ же егда к землѣ приста, абие от лодии изскочив и, от неѣ уготовль оружиа и вещи, от Медеи данные на спасение, вскорѣ оружие облачитъ и опасным итием ко овну златорунному приходит.

Медея же трепетнаго сердца воздыхании боязненно восходит в верхъ своея полаты и к далным мѣстомъ зря от вышние стрѣлницы, от нея же любимаго своего любезнѣ зритъ преход, *но* любезнѣе схождение его на землю. Его же яко узрѣ восприявша оружие и боязненное, якоже мнит, препоясание на путь, рѣчныя испусти слезы, в них же знамения являются любве. Ниже можаше унятися от воздыханиа и словес, въ сия словеса уста своя, слезами очи наводненна, болѣзненым воплемъ разрѣши: «О друже Азоне! Толикими за тя мучася тѣснотами, *коликими* болѣзньми сътѣсняюся внутрь и внѣ, зане боюсь, да некако ты страхом *ужасеся,* моя воспоминания забудеши да твоего спасения оставиши данные мною тебѣ потребныя наказаниа! Еже аще сотвориши, не без вины боюся, да *нѣкако* же тебѣ и мнѣ паче *навышшее* ошуюю возможет случитися, сего ради от твоих обниманий буду во вѣки лишенна. Но богомъ умилнѣ молюся, да тебѣ возвращшуся, здрава очи мои воистинну узрят и о твоем происхожении *всю* мя возвеселят».

Промежь сими Язонъ, озрѣвся, ко стражбѣ овна путь восприя. И еже егда прииде к мѣсту Арриса и первое на волы воззрѣ, толь горящие пламени на воздухъ испускаемыя дыхати, яко небо належащее и все огненным разжизанием блисташе. И разгарание паки теплоты сице все мѣсто то обнимаше, да яко Азону не бѣ никако мощно приступити ради зѣлныя теплоты страха. Но любимые своея дѣйства не забы и спасеных наказаний, лице свое, и шию, и руки, и всѣ тѣ мѣста, яже возможе, тѣлесные данною от Медеи мастию помаза. Образ бо ему данный от нея, на шею повѣсив,

вернуться невредимым, чем навлекать на себя такую страшную смерть». Язон же ему сказал: «Благороднейший царь! Нет во мне бездумной смелости. И ты, разумеется, перед всеми явишься неповинным, если какая-либо беда (да не будь этого!) со мною случится, ибо я сам себя на нее обрекаю». Царь же ответил ему: «Друг мой, Язон, против своей воли уступаю твоему желанию. Да помогут боги тебе остаться невредимым и избежать стольких опасностей!»

И так, получив желанное разрешение, Язон собрался в путь. Возле острова Колкоса расположен был некий небольшой островок, отделенный нешироким проливом, на котором и находилось упомянутое золотое руно с грозной стражей своей, о которой уже было сказано. На островок тот обычно переправлялись в лодке на веслах. Придя на берег, Язон вошел в лодку, взяв все необходимое для своей защиты, и один, в пылкой надежде на победу, быстро достиг на веслах упомянутого выше островка. Когда же он пристал к берегу, то немедля выскочил из ладьи, достал из нее оружие и все, что было вручено ему Медеей для его защиты, быстро облекся в доспехи и осторожно направился к златорунному овну.

Медея же, вздыхая, с трепещущим сердцем, в страхе, всходит на верх своего дворца и смотрит вдаль с высокой башни, откуда с тревогой следит, как отправился ее возлюбленный и — с еще большей тревогой — как сходит он на берег. Когда же увидела она, что он взял оружие и со страхом — как ей показалось — двинулся в путь, то вся залилась слезами, этими верными приметами любви. И не в силах она сдержать вздохов и жалобных стенаний, с очами, полными слез, печально устами своими произносит такие слова: «О друг мой, Язон! Как тревожусь я за тебя, как сжимается в груди мое сердце, ибо боюсь, что ты от ужаса и страха забудешь мои наставления и не воспользуешься данными тебе мною спасительными советами! А если не сделаешь этого, то не без причины боюсь, что может случиться наихудшее для тебя и для меня, и тогда навеки я лишусь твоих объятий. Но молю покорно богов, чтобы, когда ты вернешься, было бы суждено очам моим видеть тебя в добром здравии, и порадовалась бы я твоему успеху».

Тем временем Язон, осмотревшись, направился к стражам овна, и когда приблизился к святилищу Ареса, то прежде всего увидел быков, извергающих в воздух столь яркое пламя, что все небо над ними побагровело от огня. И все вокруг того места было так разогрето тем огнем, что Язон никак не мог приблизиться к быкам, опасаясь испепеляющего жара. Но не забыл он советов и наставлений своей любимой: лицо свое, и шею, и руки, и все тело, где только мог, помазал полученной от нее мазью. А талисман, врученный ему Медеей, повесил на шею,

пламени предложи, прочетъ писание *трижды,* да якоже *рекохомъ,* дерзнувъ к волом приступити и с ними смѣло начати брань. И тако на Азона пламенем *дышущии* непрестанно, изгорѣ щит его от пламени и копие его огнем скончася. И воистинну Азонъ живот свой скончал бы от огня, аще не бы данную мокроту во уста волом частыми окроплении влиял. Ему же влиянну дышущих волов уста, аки желѣзными чепми, сцѣпляются, аки клѣемъ слипателнымъ неразлучнѣ соединяются. Тогда скоро преста пламенное испущение из воловъ смертоносный огнь, изблевание скоро скончась. Наведену же воздуху, преставшим пламенемъ, от его мокротъ естества превосходимых, превозможе Азонъ и, многимъ смѣлством наполнись, х крѣпким ужасныхъ волов рогом руки простирает. И тако, восхитив рога, сѣмо и овамо покушается преводити волы тѣ, да увѣсть, аще противоборютъ или его повелѣнию не повинуются, иже аки бездушни его повинующися непщеванию, сопротиво бранию востати не покушахуся.

Сего ради Язонъ и рало на плещах опаснымъ прилѣжаниемъ налагаетъ и привязаетъ, жалы волы тѣ орати понуждает, но не повинующеся повелѣнию ратая. И сице, обращенну *дерну,* широкое поле воскоповается частыми браздами, горѣ долу приходящими воскопание то. Волы оставив на поле, Язон скоро и *смѣло* приходит ко змию. Его же егда змей к себѣ приходяща воззрѣ, многим свистанием и велиимъ гласомъ и грознымъ поражаа воздухъ, шумъ сотвори и испущая дымные пламени, ближний воздухъ теплым и разжигаемым очервлениемъ красит, и егда *языкъ* легкими обращении влечетъ и отвлекает, дождными окроплении смертоносныя яды изливаетъ.

Азонъ же без страха ко устроенным Медеиным обращъся скоро *наказаниям,* зеленаго камени перстень, его же восприя у Медеи, к свѣту змиинну преповерже. Его же блистания ужасеся змий, преста пламени испущати и обращая главу и шию сѣмо и овамо, аки во изступлении, и блистания каменя ради многаго ужаса отринути непщеваше. Сей камень обрѣтается во Индѣи, якоже пишет Исидор, его же измарагда общеименуем. Сего камени сила без сумнѣния такова есть, да яко предположен на свѣт коегождо ядовитаго животна, змиеваго или ему подобнаго, или того иже «буфо» в Киликии обще именуется, аще зраку его с нѣкиим желѣзом или тростию неизмѣнно предложится, не чрез многъ час возможетъ ядовитое животно терпѣти, да яко въ его зрѣнии... не оскудѣетъ угашение. Но камень тот не отимется невредимъ от шкоты, зане, угашенну ядовитому животну, ему же предложится, весь в дробныя разсторгнется разсѣдания, сего лучем зеленым змея оного смертнѣ устраши. Но храбрый Азон скоро желает мечемъ голымъ частымъ поражениемъ губити, ихъ

обратив его к пламени и трижды прочитав то написанное, о котором мы говорили, решился подойти к быкам и смело вступить с ними в бой. И так обжигали они Язона непрерывно огненным дыханием, что сгорели в пламени и щит его и копье. И, без сомнения, лишился бы Язон жизни в огне, если бы несколько раз не плеснул в пасти быков данной ему жидкостью. Как только плеснул он, тотчас же огнедышащие пасти их стянуло, словно железными цепями, и будто бы от липкого клея сомкнулись они намертво. И тогда мгновенно прекратилось извержение огня, и тотчас же быки перестали изрыгать смертоносное пламя. После того как подавленное силой жидкости угасло пламя и остыл воздух, Язон, набравшись смелости, простирает руки к могучим и страшным рогам быков. И, схватив их за рога, пробует повести туда и сюда, чтобы узнать, сопротивляются ли они ему и повинуются ли его воле, но те, словно бездушные, подчинились его желанию и не пытались оказать сопротивление.

Тогда Язон осторожно надевает на них ярмо и впрягает в плуг и, погоняя острой палкой, заставляет быков тех пахать, покорных воле пахаря. И таким образом, когда был выворочен весь дерн, перекопано было все широкое поле частыми бороздами, и из конца в конец взрыхлено было то поле. Оставив на нем быков, Язон не медля, решительно направился ко змею. Змей же, увидев подходившего к нему Язона, сотряс воздух своим громким шипением и страшным угрожающим воем, и стал изрыгать дымное пламя, и весь воздух вокруг раскалил и окрасил багровым отблеском огня, и когда, легко вращая языком, змей то высовывал его, то убирал,— словно дождем брызгал смертоносным ядом.

Но Язон без страха, припомнив данные ему Медеей наставления, показал змею перстень с зеленым камнем, полученный от Медеи. Испугался змей блистания того камня, и перестал испускать пламя, и, вертя головой и шеей во все стороны, словно обезумев, в великом ужасе пытался уберечься от блеска камня. Камень этот, как пишет Исидор, добывают в Индии, и обычно мы называем его измарагдом. Сила этого камня без сомнения состоит в том, что если его поднести к глазам какого-либо ядовитого существа, змееобразного, или ему подобного, или же такого, каких в Сицилии в народе называют «буфо», и если перед глазами его положат неподвижно на жезле либо на трости, то в скором времени ядовитое животное, не в силах этого перенести, потеряет зрение. Но и камень тот не остается неизменным после такого противоборства, ибо, когда ослепнет ядовитое существо, перед которым был положен этот камень, тот сам раздробится на мелкие кусочки, устрашив змею до смерти своими зелеными лучами. Но храбрый Язон спешит погубить змея, обнаженным мечом нанося

же аки невредимых жестокие чешуи змиевы отражаютъ. Но безтрудный Азон того ради не престает от поражения, аки жестокий млат в наковално. И толь долго поражением борящесь со змием, яко змей терпѣти не могий частых и жестоких браней, на долгомъ поле протягся, смертоносный испусти дух, и выше належащий воздухъ смертоносными яды опорочи.

Его же егда Азон видѣ угашенна Медеиным мастерствомъ, во свою память внутрь приводя, без лѣности желаетъ и главу его от шеи мечемъ отдели, от его же челюстей исторже зубы, скоро по браздамъ сотворенным посѣя на взоранном полѣ от воловъ. От их же сѣмени раждаются абие воини неслыхаемые. Егда от такова сѣмени воини исходятъ, скоро ко оружию востаютъ и, нападше сами на себѣ, смертными язвами бранятся. Жестоко убо творится ополчение промеж братиею земною и *мрачною,* зане раздѣлными полки на брань не наподают, ниже хотят да яко раздѣльшеся, *но* смѣшнѣ единъ другаго убивает, зане иже и после от нихъ остась *никто* побѣдникъ, поне многими ранами промеж себе падоша погублении.

Волшебныя убо хитрости *чародѣйствы противными* хитростьми тайными всѣми протечении, и змею предреченному смерти преданну, такожде от его зубнаго сѣмени рожденнымъ братиям умершимъ, воломъ тѣмъ учиненным едва живым, Азон от пагубныя беды избы, прилѣжным попечением своим испытует в мысли, что творити или еще нѣчто творимо в скончании дѣла того прилѣжнѣ разсмотряет. И егда вся разумѣ уже быти совершенна, смѣл и весел на златоруннаго овна себе направляет. В немъ же егда не обрѣтъ никоего противства, восхитив за рога, удавлением смерти предастъ и сня одежду его златую, благодарив по семъ боги, ими же со славою побѣдною и бес пагубы своего телеси предреченное руно златое наслѣди.

Обогащенъ убо Азонъ златым ограблением, ко брегу острова весел ускоряет, в лодию входитъ и гребию привозится к болшему острову, на его же брезѣ предреченный Еркулес и его обещники желателнѣ ждаху. Его же убо по сем *сошедша* на землю, со многою радостию приемлют и о его здравии умилнѣ благодаряще боги, зане никако здрава его имѣти чаяху. Азон же с *ними* къ царской полате приходит. И егда прииде к нему, царь Оетесъ лицемѣрнымъ веселием его восприя, поне завидитъ ему о толицѣ побѣде и боляше *о* себѣ, толика богатства лишенна. Ему же яко близ себе сѣсти повелѣ Оетесъ. Что се чудо златаго руна видѣнием чудится народ, зря его, но паче дивуется о толицѣ побѣде, како возможе устав побѣдити бога Арриса.

удар за ударом, которые, словно не ощущая их, отражает его чешуя. Но неутомимый Язон, видя это, не перестает рубить, словно тяжелый молот бьет по наковальне. И до тех пор, нанося удары, бился он со змеем, пока тот не смог уже переносить бесчисленных могучих ударов, простерся на широком поле и испустил смертоносный дух свой, пропитав весь воздух над собой несущим смерть ядовитым смрадом.

Когда увидел Язон, что благодаря помощи Медеи змей погиб, то, вспомнив, что следует делать далее, в стремительном порыве отделил голову его от шеи, из челюстей же его вырвав зубы, не медля разбросал их в сделанные борозды на вспаханном волами поле. Из этих семян тут же явились воины невиданные. Едва появившись из семян, тут же хватаются они за оружие и, напав друг на друга, наносят смертельные раны. Разгорелась яростная битва между сыновьями земли и мрака, ибо не нападают они один на другого, разделившись на два полка, и не хотят так разделиться, но, смешавшись в толпу, убивают друг друга, так что не осталось среди них ни одного победителя, ибо все погибли от бесчисленных ран, нанесенных в междоусобной схватке.

Когда же волшебные премудрости чародейства были преодолены с помощью противоборствующего им искусства таинств, преждеупомянутый змей смерти был предан, братья, рожденные из семян — зубов его,— также погибли, быки стояли, после всего случившегося с ними, едва живы, Язон избавился от смертельной опасности и настойчиво вопрошает себя, что должен еще сделать, и усердно вспоминает, что же еще должно быть свершено для окончания дела. И когда убедился, что все уже он совершил, смело и весело направляется к златорунному овну. И, не встретив у него никакого сопротивления, Язон, схватив его за рога, удушил и снял с него шкуру золотую, после чего вознес благодарение богам, с чьей помощью в славе победы и без горя для себя добыл золотое руно.

Обогатившись похищенным золотом, Язон весело спешит к берегу острова, входит в лодку и на веслах доплывает до большого острова, на берегу которого его с нетерпением ждали прежденазванный Геркулес и остальные спутники. Когда сходит Язон на землю, с великой радостью встречают они его и в умилении благодарят богов, что остался он невредим, ибо никак не рассчитывали увидеть его в добром здравии. Язон же направляется с ними к царскому дворцу. И когда пришел туда, царь Оетес приветствовал его с притворной радостью, ибо завидовал его победе и печалился, что утратил теперь такое богатство. И велит ему царь Оетес сесть подле себя. Дивится народ, взирая на чудесный вид золотого руна, но еще больше дивится этой победе,— как смог Язон преодолеть препоны, воздвигнутые богом Аресом.

Медея же весела, радостными стопами видѣти Азона послѣ приходитъ, ей же, аще бы лѣпо, пред *множеством* многа цѣлования подала бы, и, царю повелѣвшу, подлѣ Азона, аки стыдяся, сѣде. Ему же Медеа тихимъ гласомъ тайными словесы глаголетъ, да к ней, приходящи нощи, опасенъ приидет. Еже Азонъ себѣ желателнѣ исполнити умилнымъ и смиреннымъ гласом отвѣщевает. Сѣни же нощной по всему свѣту излиянънѣ, Азонъ к Медеинѣ приходитъ полатѣ и, ей посредствующи, в ложницу входитъ, и обеим в ложницѣ охотнѣ прѣбывающимъ, по мнозѣ услажденномъ потѣшении послѣ о отхождении своемъ и уготовлении ко отшествию многа промеж себе единодушно изрекоша. И тако по Мединину научению Азонъ в Колкосѣ един мѣсяць пребысть. По семъ же, временное благоугодие прием, Азон и обещники его с Медеею от того острова татебно отходятъ, у царя Оета отпущения не просивъ.

Но, о Медея, вѣтровъ поспѣшныхъ много сказуешись желавъ, дабы свое оставила отечество и отча скипетра отбѣгла бы, и море прешла бы без страха, горкия своея пагубы не разсмотряя. Поистиннѣ сказуешись дошедше в Тесалию, идѣже тесалонѣяниномъ Азономъ, *от гражданъ* безчестная тесалоникойскых, утаена, ниже по многихъ мерзкихъ пагубахъ животъ чтешись скончав. Но яко отмщениемъ боговъ Азонъ мукѣ многой бѣ преданъ, прежде даже онъ изшелъ, и его исхождение, аки осужденно от боговъ, бѣ, осужденною смертию заключенъ, рцы, что ти ползова на Азоне тяжкое отмщение и месть боговъ после сотворимая? Поистиннѣ во послѣвицѣ глаголется: «Скоту умершу, не угоднѣ ползуетъ врачебныхъ травъ ноздрямъ прилагати лечбы». Токмо нѣчто богомъ благоволитъ не по велицѣ воздания обиды, но да от смертных познается, богомъ не хотѣти тяжкихъ винъ, паки в лицѣ живыхъ без отмщения муки приити.

Что множае? Приста Азон со Еркуломъ и *иными* ихъ спутники *и* с Медеею во пристанище тесалийском здрав и веселъ. Ихъ же всех спроси царь Пелей и о Азоновѣ здравии и, смутися внутренно, своего сердца тая тѣсноты, веселымъ лицемъ восприя, и предпоставити Азона в царствии своемъ по обѣщанию ему *данному* от него, аще и не хотя, щедре не отвержеся.

Потом и Медея, весела и радостна, спешит увидеть Язона, и если бы было можно, то перед всем множеством народа расцеловала бы его; но, по повелению царя, словно бы в смущении, садится рядом с Язоном. Шепчет ему Медея украдкой, чтобы он незаметно пробрался к ней, едва наступит ночь. Язон же нежным и тихим голосом радостно обещает исполнить ее желание. Когда ночная тень разлилась по всей земле, Язон пришел в покои Медеи и вместе с ней вошел в ее ложницу, и оба в радостях проводят здесь время, а после всяческих наслаждений в полном согласии стали они обсуждать свой отъезд и приготовления к нему. И так, по совету Медеи, Язон пробыл на Колкосе еще целый месяц. Потом же в подходящий момент Язон, спутники его и Медея тайно покинули тот остров, не испросив разрешения у царя Оетеса.

Но говорят, о Медея, что ты всей душой ждала попутных ветров, чтобы скорее оставить свое отечество, и бежать от скипетра отцовского, и без страха пересечь море, не предвидя горькой своей судьбы. Поистине говорят, что когда ты прибыла в Фессалию, то, поносимая гражданами фессалийскими, была скрыта фессалийцем Язоном и после многих тяжких страданий окончила, как пишут, жизнь свою. Но когда по божественному возмездию Язон был обречен на многие страдания, до самой смерти своей, которая была божественной карой, и был он предан заслуженной им смерти, скажи, разве помогло тебе суровое божественное возмездие и обрушившаяся на Язона в конце концов кара богов? Верно говорится в пословице: «Если околело животное, то не поможешь ему, прикладывая к ноздрям целебные травы». Лишь по счастливому случаю богам не суждено бывает наказывать сурово за причиненные обиды, да будет известно смертным, что боги не терпят тяжких проступков, и таким образом смертные не могут без возмездия совершать преступления.

Что же далее? Язон с Геркулесом и другими своими спутниками и с Медеей весел и невредим прибыл в пристань фессалийскую. Царь Пелей, расспросив всех о том, жив ли Язон, огорчился в душе, но скрыл муки своего сердца, весело встретил Язона и не отказался, хотя и против воли своей, почтить его царской властью, как и было им ему обещано.

ИЗ «ХРОНИКИ КОНСТАНТИНА МАНАССИИ»

I

ЗАЧАЛО. ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Божие всесовершенное и мирожиждителное слово небо безвездное приведе в началѣ, безчисленою добротою сияющи лучами божественными, и землю всепитателницу, и с ними свѣтъ. Земля же неукрашена и невидима бѣ, и тма належаще на тою плещу глубока. Свѣту же восиявшу и повсюду пролиявшусе, и свѣтлостию исполненому и свѣтозарну дню бывшу, явишася преже невидимая, и мрачная тьма прогнана бысть сияниемъ свѣтлых луч. В сѣхъ убо претече первый днем.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Оку же восиявшу дне втораго, небо второе утверди премудре, егоже земный всекровен содѣлав покров, нарече твердь богъ доброхудожный, паче первыя безвездныя, вторую, другу твердь. Тогда и вселѣтное естество водное и бездны разделив, ово убо горѣ к высоте недовидимый легцы вознесъ, ово же на земли оставль, постави по средѣ сихъ небо яко преграду и яко тверду стѣну. Зеница же убо захождаше дню второму, а третий паки восияваше.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

И паки художникъ всезиждитель премудрый и другимъ внимаше дѣломъ. И понеже убо проливашеся по земли всей елико от небесных вод остала бѣ вода и все лице ея покрываше езерьствие, все пролитие воедино совокупи внезапу, якоже нѣкто млека бела влагу сладкопролитну,

ИЗ «ХРОНИКИ КОНСТАНТИНА МАНАССИИ»

I

НАЧАЛО. ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Всесовершенное и мир созидающее божественное слово сотворило вначале небо беззвездное, неизмеримой красотой сияющее лучами божественными, и землю, всех питающую, и с ними свет. Земля же была неукрашена и невидима, и тьма глубокая лежала на плечах ее. Когда же воссиял свет и разлился повсюду и настал день, полный света и светозарный, явилось прежде невидимое, и мрачная темнота была прогнана сиянием светлых лучей. Вот так прошел первый день.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Когда же засветилось око дня второго, второе небо создал бог премудро, сделав его всей земли покровом, и нарек его твердью бог преискусный: создал он вторую, другую твердь совершеннее первой, беззвездной. Тогда же и разлившуюся повсюду стихию водную и бездну разделив, часть ее вверх легко вознес, в высоту необозримую, а часть на земле оставил, воздвиг между ними небо словно преграду и словно твердую стену. Зеница скрылась дня второго, а третий за ним воссиял.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

И снова искусный и премудрый созидатель всего к другим обратился делам. И так как разлилась по всей земле вода, оставшаяся после отделения небесных вод, и весь лик земной испещрен был озерами, все разлившееся собрал мгновенно вместе, словно бы некто — сладкую влагу молока белую,

яко да *усырить* и сырный кругъ сотворитъ. Отделившу же ся убо первие належащему, явися лице земленое, и красота восия каменю, и горамъ, и брегомъ глубокодолнимъ. От сего убо состав водный и моря нарече; сушное же естество, елико каменемъ составлено и елико толстобраздно, земли хитрецъ нарече богъ вседѣтель. Премногую же свою силу являя, не восиявши *еще* зари *исполина* солнца, многоразличному повелѣ былию прозябнути, ово убо на сладость токмо красоту очима, ово же и живопытно и сущимъ на земли потребно. Тогда первие красотами земля украсися, паче отроковица младе внове уневещаемее, златоносящую и сияющую пестротами бисерными. Сияще яко благоуханный *щипокъ*. Якоже шар многоразличный всюду смияшеся, белозрачная и всебагрена, червлена же инюду. Ово убо багрено паче шипокъ зрима бяху, ово же беляхуся сладце сияху. Бяше кринъ снѣгообразне, бяху агалиды. Иакинфъ восхождаше, бяше наркису доброта и все первоносие пролѣтных даров. Возращаху класы отягчени пшеницею. Бяше просо мудролиствино стеблиемъ колиблемъ. Добра вся и росна и доброты лучами богатящися и землю облагоухающи растворенными благоуханми. Распростерта бѣ трава мякка, зеленящися и говедо кормящии, коня питающия и воловы росная пажить. Таковую красоту *преиспещрена* земля ношаше, таковою одеждою доброцветущее и добротканною одияна. Бяху и множество садовиямъ, прозебаху и древеса добролиственная и доброцветуща и овощноносная веия. Бяху и яблони доброрастныя, и свѣтлоплоднии стебле, маслены тукоточныя и услажающия смокви, тополие толстостебленое, елие, дубие, брестие. Приложися никий тополеву вѣтръ листвие и сладокъ шепет творяше листвиемъ. Тамо бѣ и чрешна добрая, и финикъ медовный, гроздная мати виноград, и состави лознии, гроздъ, месть точащии, растиша на лозахъ. Все совершенаплодна и пресовершена вся; ничтоже бо неодарованно и несовершено приведено бысть. В сих же убо заиде и свѣтъ дне третяго.

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

Восияваше же лице четвертаго дне, и паки дѣломъ начатокъ, и повелѣние зиждителево небу добровенчану звездами быти. Тогда звѣздное небо добротою просветися, яко одежда, бисериемъ обнизана, и златотканная риза, и яко тканица, украшенная сияющимъ камениемъ. Тогда первие восия зѣница дневная, великий исполин Солнце, иже живопитателный свѣтилникъ, источникъ свѣту неиздаемый, дом огня бездровнаго. Тогда первие начат свѣтити нощъ лунный белосвѣтлый и светоносный кругъ, скорообходный, и всесвѣтлый, и многоразличный,

чтобы в сыр превратить ее и сделать сырный круг. Когда же отделилось то, что прежде покрывало землю, явился лик земной, и засверкали красотой своей камни, и горы, и склоны крутые долин. И с той поры собрание вод морем нарек, а сушу, все, что из камня сложено и что почвой покрыто, нарек землею премудрый бог-всесоздатель. Великую же свою силу являя, еще когда не воссиял свет исполина солнца, разнообразнейшим травам повелел прорасти, одним лишь для услаждения очей красотою своей, другим же на пропитание живого и на нужды сущим на земле. Тогда впервые земля красотою украсилась, словно отроковица юная, вступившая в возраст невесты, вся в золоте и сверкающая переливающимся жемчугом. Сияла она словно благоуханная роза. Словно разнообразие красок отовсюду смеялось белозрачное, и багровое, червленое и иное. Одно казалось алее розы, другое сияло чудесной белизной. Были лилии снегу подобны, цвели ирисы. Гиацинт взошел, был прекрасен нарцисс и все первые дары весны. Поднялись колосья, отягченные зернами пшеницы. Колыхало стеблями просо темнолистое. Прекрасно было все, омытое росой и залитое благостными лучами и землю наполняющее разлитым повсюду благоуханием. Расстилалась трава, мягкая и зеленеющая и тельцов кормящая; коней и волов питали росистые луга. Такую многоцветную красоту земля на себе носила, в такую одежду яркоцветную и добротканую была она облечена. Повсюду в рощах произрастали деревья с пышной листвой и цветами, с ветвями, отягощенными плодами. Были и яблони густолистые со светлоплодными ветвями, маслины, источающие масло и услаждающие вкус смоквы, тополя толстоствольные, ели, дубы и березы. Пробегал ветер по листве тополей и нежный шепот будил в листьях. Росли там и черешня прекрасная, и финик медовый, виноград, рождающий грозди: сила лоз растила на них грозди, истекающие соком. Все плоды были совершенством и все совершеннейшим было, ничего не осталось неодаренным и несовершенным. Тогда померк и свет дня третьего.

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

Засиял лик четвертого дня, и снова делам начало, и повелено созидателем — небу быть звездами увенчану. Тогда звездное небо засияло красотой, словно одежда, жемчугом расшитая, и златотканая риза и словно ткань, украшенная сияющими камнями. Тогда впервые засияло око дневное, великий исполин солнце, живопитательное светило, неисчерпаемый источник света, вместилище огня бездровного. Тогда впервые начал светить в ночи лунный белосветный и светоносный круг, быстро бегущий по небу, и пресветлый, и разноликий,

и совершенный. Тогда первие небо звѣзды великие доброокруглы виде предъспевающе другъ друга и украшающе его, яко цвѣтия юдолия.

ИМЕНА ЗВЕЗДЪ ВЕЛИКИХЪ

Крон бяше мудръ и оловен образомъ; блещашеся Завсе, яко сребро; Ар *же* пламенем зряшеся. Сияше Солнце, яко доброкоренно злато. Светяше же ся, яко касытер, кругъ Афродитин; яко мѣдь чермнозрачная, Ермие сияше; свѣтло, яко иел, *сиааше* Луна. Сице одежда небесная *преиспещрена* зрима бѣ. Крон мудряшеся, яко акинфов зракъ; яко кринъ бѣлияшеся Завсе. Ар же яко огнь, яко щипокъ червленый Солнце сияше; яко бѣлоцвѣтная агалидо сияшеся денница. Яко свѣт чермнозрачнь, Ермие блещашеся. Наркис добролиственный являшеся Луна. Таковая нѣкая цвѣтная пестрота небо украшаше, таковая нѣкая належаше небесному лицу многоразлична и радостна и доброзрачная красота. И вертоград новосажден небо творяше, емуже вертоградарь богъ, яко садовия же и отрасли, и яко цвѣтия многоразличная звѣздные светлости. Тогда первие Солнцу восиявшу и просветившуся, явльши же ся красотѣ небесней и добротѣ дневной, послужиша повелѣнию сотворшаго и преклонив свершеный день четвертый. Сице убо свершися яже о звездахъ и учинено бысть Солнце, звезда день здержащия, лунное же бревно просвещаше нощь.

ДЕНЬ ПЯТЫЙ

Животное же ни едино живяше на земляных широтах, ни по водѣ пловущее, ни по суху ходящее, ниже по аеру летящее. Но всесвершеный богъ водному естеству крѣпость вложив одушевленую и силу рождественную, живи души оттуле повелѣ произыти, яко из чрева внове зачатымъ младенцемъ болящаго и обременена рожествомъ свершена отрочате, яко сѣмя бо божие повелѣния спадши, водоточныя струя творяше многоплодны. От сего простокрилнии птице аеропарнии, имѣяху свободно перо, на летании борзаа, и легцы возвышахуся к ширинамъ воздушнымъ, обтичюще пролития его тонкопролитная. Ово убо великокрилни и *великобедри,* и *ключатаноктии,* и яко стрѣлы нокте протяжуще, остри клюнове имуще паче ножев, имъже хотяше снѣдь мяса быти и дружина быти на снидение плотемъ, птицами владущи орел, ястребы суровоядцы, и всѣ, имъже *и нѣсть* потребен огнь, плоть ядущимъ. От сего птица пѣснивыя и былия ядущия, малоперие и худотрупие, различно возглашаху дрозгове, славие, бригорие, синице, скворцы и всяко перо, селная былие обходящее

и совершенный по форме. Тогда впервые увидело небо звезды, огромные и круглые, соперничающие друг с другом и украшающие его, словно цветы долину.

ИМЕНА ЗВЕЗД ВЕЛИКИХ

Кронос был темен, видом подобен олову, сверкал Зевс как серебро, Арей же виделся пламенным. Сияло Солнце подобно чистому золоту. Светился оловянным блеском диск Афродиты, словно темная медь Гермес сиял, ярко, как кристалл, сияла Луна. Таким разноцветным виделось одеяние небесное. Кронос синевой напоминал гиацинт, подобно лилии белел Зевс, Арей же был словно огонь, как алая роза сияло Солнце, как белоцветный ирис сияла Денница. Словно огонек красный Гермес блестел. Нарциссом прекраснолиственным казалась Луна. Такая разноцветная пестрота украшала небо, таковой была лица небесного многообразная, и радостная, и доброзрачная красота. И саду новонасажденному уподобилось небо, в нем же садовник — бог, словно сады и рощи и цветы различные были светлые звезды. Тогда впервые Солнце засияло и засветило, явилась и красота небесная и красота дня, послужив повелению создателя, и склонился к концу день четвертый. Таковое свершено было со звездами, и создано было Солнце,— звезда, днем сияющая, лунное же око освещало ночь.

ДЕНЬ ПЯТЫЙ

Живое же ничто не обитало на шири земной,— ни в воде плавающее, ни по суше ходящее, ни по воздуху летающее. Но, исполненный всех совершенств, бог наделил водную стихию способностью давать жизнь и силой рождать, повелел из нее выйти живым существам, как из чрева, носящего вновь зачатого младенца и ожидающего рождения отрока, и словно семя пало божественное повеление, и струи водоточные стали плодоносящими. И поэтому обрели способность к полету легкокрылые птицы, на летание быстрые и легко возносящиеся к небосводу, купаясь в легких воздушных струях. Одни — сильнокрылые, с могучими лапами и острыми когтями, которые они вонзали словно стрелы, с клювами острее, чем ножи, им же мясо служило пищею; и стаями слетались терзать плоть и птицами повелевающий орел, и ястребы-сыроядцы, и все, поедающие мясо, которым не потребен огонь. Есть еще и птицы певчие, кормящиеся травами, с маленькими крылышками и щуплые; по-своему поют дрозды, соловьи, жаворонки, синицы, скворцы и всякие пернатые, летающие по травам сельским

и оттуду нетрудную снѣдь и красную збирающе. Тогда и звѣрие на земли явишася страшнии: львове частогривии, медвѣди, пардуси, тигры, *кози* стремозубые, птищонозеи заецы, и пси острозубии, твердоперсий елифантинъ, и всяка птица, и всяко ползающее, елико в водах живет, и елико в мори, и в горах вкупе елико. Толикими же животными мокрую исполнив и сушу, еще же и нерукотканную и одежду, аер, егоже божественых испрядоша перстъ тонкодѣлания, яко град твердонырен и простран распространив плотоснидным птицамъ и былия ядущимъ, дне соверши течения пятого.

ДЕНЬ ШЕСТЫЙ

Шестый же день паки облистоваше шипкозрачен, и вертоград добродревен богъ насаждаше, не мотыками раскопав, ни рылми, ни разорав доброту прекрасные земля, ниже дланми насадителными, но словомъ единым. И древо всяко прозябаше доброплодно тамо, благовонно, добросѣнно, листвено, добровѣтвено и сладкоуханно. И кто убо доброту едемскую пред лицемъ представит? Ово бо стеблия садовиямь бѣху овощноноснымъ, ово же множество древес, благоуханнымъ и присноцветущих, ово медоточныя прозябаху овощия, ово же на красоту изращаху небесемъ точныя высотою древеса: елешия водами питаемая, и островерхое елие, превысокая тополия, и кипарисия, и брестия. Листвия сражахуся вкупе древняя, вѣия смешахуся и соединяхуся стеблия. Подоблягхуся якоже самохотне древняя листвия пригренующася друг со другомъ сплетенми любезнейшими. Солнце восияваше и к садовию приближашеся, сметаше долу тихо листвие их кротко, елико же частина отверзашеся листвию. Восиявагу шипкими доброты, и крином святяшеся бѣлость. Небодливии же и бес трении шипцы они, елико багро и белозрачно в нихъ, яко звѣзда луча испущающи сияющи от земля. Ово же земленое лице зеленяшеся травами, ово же мудрияшеся росокаплеными цвѣтовы. И многоразличными доброзрачии зефир тиходыходателнии подыховаше отвсюду, и цвѣтными вонями наполняше воздух. ⟨...⟩

II

ЗДѢ ПОВѢДАЕТ, КАКО ВЕЧЕРНЫИ ЕЛЛИНЕ И ВОСТОЧНЫЕ МЕЖДУСОБНУЮ РАТЬ СОТВОРШЕ ВЕЛИКУЮ НѢКОГДА

Давыду же обладующу еще иноплеменными, яже кь троям брань составлена бысть ради Еллини, жени Менелаови. Сию аз восхотѣв брань списати, якоже писавшими прежде пишетца о ней, и хотя глаголати о ней, не якоже Омирь списует,

и там без труда обретающие пищу. Тогда и звери страшные явились на земле: львы густогривые, медведи, пардусы, тигры, козлы большезубые, быстроногие зайцы и псы острозубые, мощногрудый слон, и всякие птицы, и всякие пресмыкающиеся, которые в воде живут и которые в море, и в горах. Такими животными воду морскую наполнив и сушу, а также и нерукотканую одежду — воздух, спряденный искусством божественных перстов, словно город крепкобашенный и обширный распростер бог птицам хищным и злаками питающимся и окончил течение дня пятого.

ДЕНЬ ШЕСТОЙ

Шестой же день снова засиял, подобно розе, и сад дивных деревьев насадил бог, ни мотыгами землю вскопав, ни лопатами не вспахав красоту прекрасной земли, ни дланями сеятеля засеяв, но одним только словом. И дерево всякое произрастало там доброплодное, благовонное, с красивой кроной и ветвями, источающее сладкий запах. И кто может представить себе красоту эдема? Там стволы деревьев плодовых, там множество деревьев, благоуханных и вечно цветущих, там растут вкуснейшие плоды, там, красуясь, растут, достигая небес, высокие деревья: платаны водолюбивые и островерхие ели, превысокие тополя, и кипарисы, и березы. Сливается вместе листва деревьев, сплетаются ветви и тянутся друг к другу стволы. И кажется, что листья деревьев по собственной воле обнимают друг друга, нежно сплетаясь. Солнце сияло и, струя лучи свои на сад, осторожно и бережно сметало на землю листья, чтобы реже была густота тени от крон. Сияла красота роз, и светилась белизна лилий. Не кололись еще, лишенные шипов, розы, и так алели и белели они, словно это звезды испускали лучи с земли. Где лицо земное зеленело травой, где темнело, а где смеялось орошенными росой цветами. И нежно веяли повсюду чудесные зефиры, подобные легкому дыханию, и наполняли воздух запахами цветов. ⟨...⟩

II

ЗДЕСЬ ПОВЕСТВУЕТСЯ О ТОМ, КАК ЗАПАДНЫЕ ЭЛЛИНЫ И ВОСТОЧНЫЕ НАРОДЫ ВЕЛИ НЕКОГДА МЕЖДУ СОБОЮ ВЕЛИКУЮ ВОЙНУ

Когда Давид еще повелевал иноплеменниками, произошла война с троянцами из-за Елены, жены Менелаевой. Я же, моля о снисхождении мудрых, хочу поведать о той войне, следуя описаниям древних авторов, и думаю рассказать о ней не

прощения прося от благоразумных. Омир бо, сладкий языком и доброумный, различными шарови премудрости украшает словеса, инужду многая обращает и прелагает. Но се убо прочее сиа да сповѣмыи.

Цареву сыну, обладающу Троем, Приаму, супружница бѣше Екава, дщи Киссова, и мати бысть от сего многим дѣтем. Имущи убо в чреве и близ рожества сущии, страхованми устрашися ношьных снов; видети бо мняшеся главню горящую огнем из чрева ея проничющу и попаляющу град весь вкупе. Услыша же Приамъ сиа и волхвом предложи; разумѣ, яко полезно есть ему и граду, аще раждаемое звѣрем дано будет или во огнь палящий на погибель ввержено будет. По мале же Александръ изыде на свѣтъ, младенец радостен, благообразен, добролѣпен. Подобаше убо Приаму не розложити никако, но абие проникшее из чрева отроча погубити. Он же естеством побежден быв, пощаде рождьшеася: мню же прѣмудрити дръзость добрыя чясти, иныимъ на вьспитание пометну е на селѣ, еже от самого Парида Париемъ прозванное. Повръжено убо бѣ небрѣгомо, обрѣтошу же е пастырие, и ущедришу, и вьзяшу, и пощудѣшу отрочя, и яко младенца вьскръмишу е, Париемъ нарекше.

Приближившу же ся ему юношьскаго вьзраста, Приамь съобѣдника его приемъ, мня, яко избѣгнулъ есть яже от него пакости. Ну бѣху нерассукана прядена добрыя чясти, и единою реченому не мощно бѣ погыбнути. Александръ бо, нѣкого от сътродник си убивъ неволними убо стръмленми, ну обаче съдѣла убийство, отиде къ Менелаю от Троа въ Спартъ. Прият же сего добрѣ онъ, яко друга, почьте его и угости, и вьсѣчьскыи полюби. Зде твоа игра, мучителю вьсѣхъ, рекь, зде твоа игра и враждное сѣмя, тѣмже въжеглъ еси великуя пещь брани! Отиде же Менелае, а оста единъ Парие, и видѣ Менелаову вь клѣти жену. Бѣ же жена прѣкрасна, добровѣждна, доброзрачна, добролична, и доброобразна, голѣмоока и, якы снѣгъ, бѣла, и даровъ испльнена множьствомъ сущи. Видѣ убо сию Александръ и вьсхитися добротою ея. И что много дльгословити и писати — вьсхыти я хотящу и бѣгася ятъ. И бѣганиа инако не могы утолити, въ корабь вьшедъ морскый, отиде вь Финикъ, от ведущаго уклонився шествиа въ Трои, гонение бо ожидааше от обидѣныихъ. Объят же бывъ вѣтры крѣпкыми и многомутными, едва въ нѣкое приста устие Нилово, Кановикъ нарицаемое въ лѣтѣх послѣднихъ, идеже създанъ бѣ храмъ ироа Ираклеа, потрѣбу подавая чловѣкомъ нескудную. Въ сей убо храмъ прибѣгше от нужду бежавшей с ним путници *и съплававшей* многими его облагаху досадами и поношенми, обличающе злая, сътворенная от него, поругание и нечестие еже к страннприемодавшему его, показа о восхищени жене, паче же о имѣние.

так, как рассказывал Гомер. Ибо Гомер, изящный в слоге и премудрый, различными цветами красноречия украшает рассказ, а между тем многое изменяет и искажает. Но теперь обо всем этом поведаем.

У царского сына Приама, владевшего Троей, была супруга Гекаба, дочь Киссеева, родившая ему много детей. Когда носила она в чреве и уже приближался срок родов, устрашили ее зловещие сны ночные: привиделась ей головня, охваченная пламенем, извергнутая из чрева ее, от которой сгорел в огне весь город. Услышал об этом Приам, и поведал волхвам, и узнал, что благом будет ему и городу, если новорожденный будет отдан зверям или вовержен будет на смерть в огонь горящий. Вскоре после того родился на свет Александр, младенец веселый, милый и красивый с виду. Следовало бы Приаму не раздумывать, тотчас же погубить рожденного отрока. Но одолел голос природы, и пощадил он младенца, надеясь перехитрить решение судьбы, отдал его некиим на воспитание в село, которое самим Парисом было названо Парие. Был брошен младенец без присмотра, и нашел его некий пастух, и смилостивился, и взял к себе, и пожалел ребенка, и воспитал его как своего сына, и назвал его Парисом.

Когда вступил Парис в пору юношескую, сделал Приам его своим сотрапезником, думая, что избежал грозящей от него беды. Но запутаны нити судьбы, и предвещанному однажды не суждено измениться. Ибо Александр нечаянно убил одного из своих родственников, и так как этим совершил преступление, то покинул Трою и отправился в Спарту к Менелаю. Тот, благородный, принял его как друга, окружил его почестями, и угощал, и полюбил от всего сердца. Вот твоя прихоть, мучитель всех Эрос, вот твоя забава и семена горя, ибо ты разжег великую печь войны! Уехал Менелай, и остался Парис один, и увидел в палатах Менелаеву жену. Была та прекрасна, с красивыми ресницами, дивна лицом и телом, большеокая, белая как снег и исполнена всяческих прелестей. Увидел ее Александр и пришел в восторг от красоты ее. И что долго говорить и расписывать — похитил ее, на то согласную, и бежал с ней. И не имея другой возможности к бегству, вошел в корабль морской, направился в Финикию, отклонившись от обычного пути в Трою, ибо ждал погони от обманутых им. Оказавшись во власти бурных и грозных ветров, с трудом пристал к устью Нила, к месту, впоследствии названному Кановик, где был построен храм героя Геракла, оказывавшего щедрую помощь людям. К этому храму и явились в горести своей его товарищи по бегству и плаванию, излив на него много укоров и поношений, обличая содеянное им зло, поругание и бесчестие, нанесенное тому, кто принял его как гостя — ибо похитил он жену его и богатство.

Услыша же сиа воевода обладаяи мѣсто, услышав же и Протевсъ, царь египетский, и бывает приведен к нему Парие со женою и со имѣнием, и с путники. И он убо вопрашааше, кто есть жена и чиа есть, и откуду, вземъ ю, сюду блудиши; Александръ же составляаше ложная словеса. Протевсь же увидѣв яже о Елене, сицевая ко Александру изрече словеса: «Аще ся не бы прежде обещал и проуставил, еже ни единаго странна убивати от буря тужаемых лютыя и здѣ приметаемых, великими тя убо бых и лютыми муками обложил, неблагодѣтну о благодѣтели и устав поправша и дружнюю любовь. Ныне же ти имѣния и жену сию не дамъ, аще и многими мя обидеши подхибами, елену же тобою напаствованнаму соблюду, ты же от нее останися и от Египта бежи». Протевес убо сь прещенми отгна Париа. Он же тщами руками возратися ко отечеству, сласти вкусивъ краемъ прьста тъкмо, и къ воздуху досяжющи пламянь вьжег. Ибо по отшествии его от Спарта и по Еленинѣ восхищении сицевая приключившисе.

Возвратися Менелае от ошьствиа, и увидѣв бывшее, растерза ризы своя, и с ним Дарие, отець Еленинъ. По среди же приведоша еллинския первие, одрани лици суща и почернѣла и клятву помянует страшных онѣх, имиже заклинахуся еллини вси, яко аще прилучитца от некоего Еленѣ въсхищенѣ быти, вси своими телесы о ней да поборетца. Много убо молився и припадавше, увещаша елени воевати на трояни. И убо мнози стекошася от остров и от суша, воскраи сущии моря и далече отстоящее, от Афин и тоземцы, от всякого мѣста: от Феталие и от Архие, и от всее Еллади. Бѣху же имъ поборници Родь, Ифакь, Скирь и Салам, с ними великий Крит; коринтинѣ *увѣдеше,* и аргиане *съпособьствоваху,* и столъ тьмаме сьставленъ тѣм сьставльшеся.

Бѣше Менесфес от Афен, Нестор от Пила, от Итака Дисевсь, от Саламина Еа, от Крита же бѣ Идоменевсь, Тлиполемъ же от Рода. Вси роди имуще от благородных кровий, мужолѣпни, добродни, храбри, добли, добри и яроььвни, мужие кровии вси. Ефиянин же Ахиллей сияше паче всѣх, человѣкъ ратем побѣдник, силен и крѣпкорук. И, собравше многочисленую рать, царя поставиша ратиначалника и военачалника, мужа храбра и добра, *ироя* крѣпкаго, и добротою сиаю и мышьцею силы. От отечествь убо своих исходят и другов и сродникъ, яростию же ополчаютца на брань. И убо вси свещавшася расудиша быти добро, еже пленовати и расиповати сущая под областию Трою, яко да и симъ будет на потребу и трояном ослабеет помощь. Послан убо бывает Ахиллей

Услышал же об этом наместник тамошний, узнал и Протей, царь египетский, и был приведен к нему Парис с женой, со всем имуществом и со спутниками. И спросил тот, кто жена его и чьей была и где добыл ее, прежде чем достиг их земли. Александр же сочинил в ответ лживую историю. Но Протей узнал все о Елене и ответил Александру, сказав так: «Если бы раньше не поклялся я и не установил, что ни единый чужеземец, изнуренный бурным морем и приставший к этим берегам, не будет убит, то принял бы ты от меня великие и страшные муки, ибо неблагодарностью ответил на благодеяние, переступил закон и братскую любовь. Ныне же тебе женщины этой и имущества не отдам, что бы ты ни измышлял, сохраню их для эллина, тобой обманутого, ты же с ней разлучен будешь и покинешь Египет». И Протей с угрозами изгнал Париса. Он же вернулся на родину с пустыми руками, только кончиком пальца дотронувшись до желанного, и возжег пламя, достигшее самого неба, ибо после того, как он покинул Спарту, похитив Елену, вот что случилось.

Возвратился Менелай из похода и, узнав о произошедшем, в отчаянии разорвал на себе одежды, так же и Тиндарей, отец Елены. И в кругу сошедшихся к нему знатнейших из эллинов, стоявших с расцарапанными в знак скорби лицами и почерневших от горя, вспомнил Менелай о клятве страшной, провозглашенной всеми эллинами: если приведется быть похищенной Елене, то все пожертвуют собою в борьбе за нее. И настойчиво молил Менелай и просил, уговаривая эллинов пойти войной на троянцев. И собрались многие с островов, и с прибрежных земель, и из отстоящих от моря стран, из Афин и из земли той, и из всех стран: из Фессалии, из Ахайи, и из всей Эллады. Были же им союзниками Родос, Итака, Скирос и Саламин, и с ними великий Крит; коринфяне о том узнали, и аригвяне пришли на помощь, собралось много тысяч кораблей.

Были там Менесфей из Афин, Нестор с Пилоса, с Итаки Одиссей, с Саламина Эант, с Крита же был Идоменей, а Тлеполем с Родоса. Все они происходили из благородных родов, отличались мужеством, благородством, храбростью, доблестью, были исполнены достоинств, а яростью подобны львам, воины, готовые на кровопролитие. Фтиянин же Ахиллес выделялся среди всех людей, непобедим в бою, могучий и крепкорукий. И, собрав огромное войско, поставили они царя над ним, и полководца, и военачальника, мужа храброго и без порока, могучего героя, сияющего благородством и силою мышц. Оставив отечество свое, покинув друзей и сородичей, движимые гневом, собираются они на войну. И, посоветовавшись, решили, что хорошо бы захватить и покорить подвластные Трое земли, ибо тогда и эллины обретут добычу, и троянцы лишатся поддержки. И был послан Ахиллес

и от храбрых друзи, и на острови нападоша, и поплениша сушю, и до конца затерше еллика бѣху супостатная. Услышано же бысть еллини яже о Еленѣ, яко Протевсь царь отъят ю от Пара, и яко у него хранится во градѣ Мемфѣ. Нь *тьщахуся* окрестъ напасти Троа, слышаще о нем, яко сокровищи златыми исполнен есть и многим богатством кипит. Хотѣху же и отмстити оскорбившим их, нехрабрость бо, и смирение, и слабость непщеваху, еже не отдати поношенню своему мук достойных.

Якоже убо трояне вѣдѣша толикую рать и множество смотриша вои пришедших, отвсюду себѣ собраша пособники: кари, ликиани, миси, и меони, и фриги, и предруживши весь асийски род и язык, елико на суши и елико в примори, противу изведоша число вой безчисленое. И время проводиша многобранно. Града же того жителие Троя бѣху же вещьшеи 50 тысущь мужей. И спрьва убо крѣпко ополчахуся на брань и храбросрьдыми сплетаньми полки разбивающе, да якоже искусиша до конца Ахиллеово стремление и искусное и теплое видѣша подвизание, и храбрость, и мужественую дръзость, седяху при стенах заключившися и *никакоже* еллином сопротивитися смѣюще, дондеже вся возвращающая и вся возмущающия и всѣмъ мати злым, зависти глаголю, *Ахилеово* притупи стремление дръзостное и трояны дръзостны сотвори, оному ослабѣвшу. Скорби же вина сего прогнѣвавшой Паламидово убивство бысть, без правды погибшу. Како же бысть, и кто створивы е, скажу.

Нисиотянин Дисев сохраняше на Паламида враждъную ненависть и *злобу* в сердци, зане еллином бѣ Паламед слава и вси, аки богу, внимающе оному, сердечную к нему внимаху любовь. И убо провидѣ гладни огненосий лук и всѣмъ провозвести еллинским воеводам, и всѣмъ от тоѣ злобы горце погибающимъ, тои соблюде еллини невреждени, ово предлагая и словеси разстроая, ово же и вещьми наказуа их полезному. От сего убо Дисевсь разставаше завистью, видѣ прелюбима всѣми Пиламида, того же непщуема, яко единаго от народа. Тѣмъже и льсти растраяше и злокозньна соплетания, и составляше совѣти полни клевет. И убо крѣпкорукому Ахиллеови сушу ту, бездѣлни бѣху совѣти сына Лаертиина, и *въсе* составляемое на Паламида и сошиваемое бѣше аки паучинное прядено, да якоже Ахилеи послан бысть со другими храбрыми составити брань со пособники Троя града, спутшествующа со собою Палимида *имѣше* — желаше бо присно с ним быти,— от сего убо *предерзый* он муж обрѣтъ отраду, и *царево* украдает слабоуме заперва, и являяся, яко прелюбити его: «Хощеши ли,— рече,— о царю, власти еллинстѣй крѣпкоруки Ахилей бодет бо юность. И Паламида, якоже есть зло рещи,

и другие храбрейшие, и напали они на острова, и захватили земли на суше, и наголову разбили своих противников. Дошли до эллинов вести о Елене, что царь Протей отнял ее у Париса и она находится у него в городе Мемфисе. Но жаждали они со всех сторон напасть на Трою, зная, что в ней много золотых сокровищ и изобилен город богатством. Хотели также отомстить оскорбившим их, ибо считали признаком трусости, покорности и слабости уйти, не воздав должным образом за поношение.

Когда же троянцы увидели такое войско и множество собравшихся воинов, то созвали отовсюду своих союзников: карийцев, ликийцев, мизийцев, и меонов, и фригийцев, и объединили все азиатские племена и народы, жившие вдали от моря и на побережье, и выставили против эллинов бесчисленное войско. И день за днем проходил в боях. В городе же в том, в Трое, из жителей было более пятидесяти тысяч мужей-воинов. И сначала яростно вступали они в битву и, храбросердые, в бою полки разбивали, но когда поняли, как жаждет боя Ахиллес, и как искусен он в битве, и как горяч, и увидели храбрость и мужественную дерзость его, засели в стенах крепости и не решались биться с эллинами, пока все переворачивающая и все разрушающая, источник всех зол — я говорю о зависти — не угасила доблесть Ахиллесову и не придала троянцам дерзости, когда он ослабел. А причиной скорби его и гнева явилось убийство Паламеда, погибшего понапрасну. Как все случилось и кто совершил это, расскажу.

Нисиотянин Одиссей питал к Паламеду лютую ненависть и таил злобу в сердце, ибо Паламед был славнейшим из эллинов и все, словно богу, ему внимали и сердечно его любили. Ибо он предвидел чумы огненосные стрелы и сообщил всем эллинским воеводам и всем, кто погибал от этого бедствия, он помог эллинам остаться невредимыми, советуя и словом успокаивая или же примером уча их полезному. Поэтому Одиссей и пылал завистью, видя, как сильно любим всеми Паламед, а на него, Одиссея, смотрели как на одного из многих. Потому-то замышлял он ловушки, и злые козни плел, и распускал слухи, полные клеветы. И пока был тут крепкорукий Ахиллес, бесплодными оставались происки сына Лаертина, и все, что городил он против Паламеда и что сшивал, не прочнее оказывалось паутины, но когда Ахиллеса послали вместе с другими храбрецами на битву с союзниками троянцев, взял тот с собою Паламеда (ибо всегда желал быть вместе с ним), тогда и обрел коварный тот муж Одиссей свободу и прежде всего воспользовался царским простодушием, явившись к нему с показным сочувствием: «Хочет, о царь, власти эллинской крепкорукий Ахиллес: раззадоривает на то его юность. И Паламеда, о чем горько говорить,

обольсти и привѣтника и споспѣшника на сие приемлетъ. По мале же приидут, брани совершени бывши, и тебѣ *убо* волови приведут и стада овча, сами же удержат имѣнием сокровища, имиже елленские силники премогут же, и на тя подвигнуть, яко да от власти отпаднеши». Услыша же сия царь, и вѣрова, и совосхитися, и льсти росстроителю приобщается на совѣтъ. И абие призван бысть Паламид, и уединен бысть в сѣти впадает вражние. И оболган бысть, яко трояном хощет еллини предати, и бывает камением побьен — о горе, какова твориши зависти! — ино ничто рек, развѣ глаголъ сей: «О убогая истинно, тебѣ плачюся и стеню: ты бо первие мене погибе и умретъ».

Взыде убо Фетид съ свѣтлыми побѣдами, увидѣ же бывшее, и ущедри Паламида, и тяжце проплака и поскорбѣ, а еллином поручи, да оставят братися и способствовати им. От сего бысть дръзость Ектору и того пособником, и составляют со еллины *брани* крѣпкоратние: оттолѣ бывше убивства, и заклания, и пролитя кровемъ, мужеубивства, и воплеве, и езера кровавая. И падают, якоже класия, еллинская телеса, и смиряютца, и лютыми многими объяти бывше, в раскаяни бывша о прегрешениеих. Иже первие высокоумнии словесы молебными моляху Фетида смилитися на них, но не внят Ахилей симъ, ни приклонися, дондеже пад Патраклие, егоже вельми любляше, из руку крѣпкую и доблою Екторовою, того принуди потещы на трояни. Изыде убо Ахилей на брань огнемъ дыхая; и разбивает полки, и побивает первоборца и с ними Ектора, столпа тройскаго, мужа тяжка и храбра, во оружих воспитана, язвы ношаща на персех безчисление, имиже соплеташася сь юнцы дивими, преже даже не бяху еллини пришли и составили брань.

Убьену же бывшу Ектору дръзосръдому, призва Приям на помощь амазони, и паки брань крѣпка, и умирают вси. От всѣх убо пустъ бысть окаянный старець, къ Давыду, царю иудѣйскому, посылает, руку прося помощи от него. Но Давыдъ не дасть ему, или от сего спротивляяся языком иноплеменномъ, или ненавидя еллини и варвари, яко не вѣдущих бога, но идолом служащих, и бояся, яко да не впаднуть в прелесть жидовѣ, аще послани будут от него на помощь сущимъ в Трои, на злобу имуще доброволная естества. Тавьтантия же, индѣйскаго царя, Приамъ умоли, и со множеством посылаетца Мемнон бесчисльнаго числа. Войска же бѣ индѣяне все чернообразни, ихже видѣвше еллини во странных зрацех, и убоявшеся от зрака их и оружия, и от звѣри устрашившеся, ихже индѣя кормит, нощию бежати мысляху и оставити Трои. Но обаче ополчишася противу

совратил и сделал своим союзником и поспешником. Вскоре вернутся они, окончив поход, и тебе быков пригонят и стада овец, а у себя скроют бесценные сокровища, которыми подкупят влиятельнейших из эллинов и против тебя их поднимут, чтобы лишить тебя власти». Услышал все это царь и поверил, и дал себя убедить, и последовал советам создателя этой лжи. И тут призван был Паламед, и, оставшись один, попал он в сети вражеские. И оклеветан был, будто бы он троянцам хочет предать эллинов, и был забит насмерть камнями (о горе, что зависть творит!), и ничего не успел сказать, кроме таких слов: «О бедная истина, к тебе взываю с плачем: ты раньше меня погибла и умерла!»

И вот явился Фетид, овеянный славой победы, и узнал о случившемся, пожалел Паламеда, и горько оплакал его, скорбя, а эллинам заповедал, чтобы не выходили они биться и помогать. И с той поры преисполнились дерзостью Гектор и его союзники, и сходились они в жарких схватках с эллинами, и много было тогда убито и пало в бою, и кровопролитие было, и гибель мужей, и вопли, и озера крови. И падали как колосья эллины, и ослабели духом, и под градом напастей раскаивались в своих прегрешениях. И лучшие из высокоумных с мольбой обратились к Фетиду, чтобы простил он их, но не внимал им Ахиллес, не склонялся к мольбам до тех пор, пока не пал любимый им безмерно Патрокл от руки могучего и доблестного Гектора, и это побудило Ахиллеса выйти на бой с троянцами. Вышел Ахиллес на битву словно огнем распален; и разгромил полки и перебил лучших из воинов и с ними Гектора, бывшего опорой троянцев, мужа могучего и храброго, выросшего в доспехах, носящего на груди шрамы бесчисленные с тех еще времен, когда до нашествия эллинов боролся он с дикими быками.

Когда же был убит храбросердый Гектор, дерзкий сердцем, Приам обратился за помощью к амазонкам, и снова разгорелись ожесточенные бои, и многие погибли. Всеми оставлен был несчастный старец, и к Давиду, царю иудейскому, посылает, прося у него помощи. Но Давид не дал ему либо потому что воевал с иноплеменниками, либо сторонясь эллинов и варваров, ибо они не знали бога и поклонялись идолам, и опасаясь, как бы не впали в тот же грех евреи, если будут посланы на помощь к осажденным троянцам, имеющим естественную склонность к пороку. Тавтания же, индийского царя, Приам умолил, и Мемнон явился с бесчисленным войском. Воины-индиане все были темнолики, так что эллины, увидев их необычный вид, испугались облика их и оружия, и испугались зверей, которых кормят индийцы, и задумали бежать под покровом ночи и снять осаду Трои. Но, однако, выступили против

чермнообразным, и индийскими кровми очервишася нивиа, и скамандови струя оброщися кровми.

В сих же наста жертовное еллином трьжество, паче же и варваром, и всѣмъ бѣ покой от ратей и трудов. И убо вои еллинстии и тройское множество въедино смешахуся, сьдѣяти ничтоже смѣяху. Бѣ же храмъ при *станах* добронырнаго Троя, идѣже часто приходя Ахилей видѣ Поликсению. Он же увещеватися отаи творяшеся и сия лестию дѣяху Диифов и Парие. Якоже убо внидоша в церковь Аполона Алсеанина, клятвами связующе яже о Полискении; Диифов убо приснѣе любляше Пилея, филея жениха сестрѣ своей нарицая его, близ же став, Александръ прободе его, и отскочив избеже з *Диифовомъ*. Ахилей же паки на издыхании бѣ послѣднем. Ощюти же сиа, Дисевес, яздяше бо с нимъ, и с нимъ диоген Еа Теламонянин. Вкупѣ же убо в церковь въскочивше, обрѣтоша ироа лежаще, кровми облиянна и угасша, дыхающа едва, и движуща языкъ, и хотящима очима его покрытися тмою. Якоже убо видѣста его, проплакаста, и нападь на перси его, Еа великий с плачем к Пилеу рече: «О ратем разрушителю и исполине крѣпкорукий, кто погубити тя возможе львояростънаго»! Он же едва прогласив рече: «Убиста мя Диифов и Парие лестию». И сия рек, и издыше толикий ирое. Ее же на рамо возложити тѣло Ахилеово горце, войску принесе плачася.

Абие же принесе Пира Ахилеова, новаго Птоломѣя, сущаго от Диидамие. И паки бѣша убивства и заклания, паки мужоубиения, и паки кровми облияся земля и тройска поля, и паки кровавлени быша скамандрови струя, дондеже волхви им пророчеством изрекоша, яко нѣсть мощно по рати взяти Трои, ни руками, ни по мечю, но токмо лестию единою. И абие содѣяше коня древяна, и затворени в немъ мужа вложивше, отити творяхуся ко отечеству своему. И коня убо оставиша ту у пристанища, сами же творяхуся в Тенедский *остров*. Видѣвше же трояне приключившееся, видѣша пристанища пуста. Коня же единаго видяще, недоумѣюще дивляхуся. И сперва убо мняще быти все прелесть, погубити коня покушающеся и огневи предати, или поврещи низ стѣну, или в глубину морскую. Та же, понеже приспѣло бѣ Трою взяти тогда, в дом увещаше внести коня, яко образ и корысть от супротивных. И ови убо внесоша его, и питием и играм себе вдавше, усыпаху глубоким сном. Мужие же крыющеися и на сие ловяще, изшед молкомъ, пламянь воздвигоша велик, иже видѣвше еллине проотплувшеи воскоре пловущеи придоша ко Трою, и вратом отверстом бывшу

темноликих, и индийскою кровью обагрились поля, и струи Скамандра побагровели от крови.

Вскоре после этого настало время, когда эллины и тем более варвары торжественно приносили жертвы, и все отдыхали от ратного труда. И воины эллинские, и бесчисленное множество троянцев сошлись все вместе, не смея ничего злоумышлять. Был храм подле стен крепкобашенной Трои, где Ахиллес, не раз туда приходя, увидел Поликсену. Собрался он тайно с ней сговориться, а все хитростью подстроили Деифоб и Парис. Когда вошли они все в храм Аполлона Алсеанина, чтобы клятвами подтвердить все задуманное о Поликсене, Деифоб стал клясться в любви к Пелееву сыну, называя его милым женихом своей сестры, а Александр Парис, подойдя ближе, пронзил его и, отскочив в сторону, выбежал вместе с Деифобом. Ахиллес же остался при последнем издыхании. Почувствовал недоброе Одиссей, приехавший с Ахиллесом, и с ним бывший благородный Аякс Теламонид. Вместе вбежали они в храм и увидели, что герой лежит, залитый кровью, угасает, и едва может дышать и пошевелить языком, и очи его вот-вот уже покроет тьма. Когда увидели это, то зарыдали, и упал ему на грудь Аякс Великий и с плачем обратился к Пелеиду: «О, завершитель сражений и исполин крепкорукий, кто смог одолеть тебя, яростью равного льву!» Тот же едва прошептал и сказал: «Убили меня обманом Деифоб и Парис». И только это успел сказать герой, и умер. Аякс же, в горе положив на плечо тело Ахиллеса, с плачем принес его к войску.

Тогда послали за Пирром, сыном Ахиллесовым, новым Птолемеем, рожденным от Деидамии. И снова начались убийства и гибель, снова истребление мужей, и снова кровь орошала землю и троянские поля, и снова обагрялись струи Скамандра, пока волхвы не изрекли, пророчествуя, что невозможно взять Трою в битве ни руками, ни оружием, но только одной хитростью. И тогда изготовили коня деревянного и поместили в нем воинов, а сами сделали вид, будто вернулись в отечество свое. Коня же оставили возле стана, а сами будто бы отплыли к острову Тенедону. Троянцы увидели все это и оставшийся пустым стан. Заметив там только одного коня, недоумевали они и дивились. И первоначально полагали, что все это обман, и собрались уничтожить коня, и предать его огню, или сбросить со стены, или погрузить в глубину моря. Однако же — так как настало уже время падения Трои — порешили ввезти коня в город на память как трофей от врагов. И ввезли его, и стали пировать и играть, а потом уснули глубоким сном. Мужи же, спрятавшиеся и того ожидавшие, тихо вышли и разожгли большое пламя, увидев которое отплывшие в море эллины тотчас же подошли к Трое,

от предвшедших, яко вода вольяшеся зело нѣкако наводнившияся.

Твердонирьному же сице приято бывшу Трою, жены восхищаеми бѣху ис чертогъ новонасажденных, земля наводняема бѣ кровми падающих, младенцы наперстни ударими бѣху о стену. И спроста рещи, яко вмале плачь вся содержаше, и все лютое и горкое изполняше град. Руце кровми капляху, и червляняхуся мечи, земля же оброщися, и попираеми бяху младенцы. И якоже убо нѣкогда насытившеся, восхищающе и убивающи, огневи предают и попаляют от основание еже во градовох прекраснаго и преизряднаго, якоже убо о рати си имяще образ.

Честь же претыкнувшися единою от Менелаа, другими новыми истает окаяннаго болѣзньми. И паки плавание должайшее, воевание морско другое, и болѣзни приемлют ветхи новии, корабли елиспонские египетские глубины. Отходит убо къ Египту, и лютая измѣряет море, и обурен быв и оволнен вѣтры крѣпкими и страшными *едва* приспѣ к нему. Възыде же кь Протеу царю и обрете и супружницу тамо въ Мѣмфе, и угощен и почьтен бысть, поемлет Елену, и с трудом довольнымъ приспевает ко отечеству си, и по тройсцем пленение осмому лѣту текущу по заблуждению еже къ Протеу. Обретает и сродника сии окаянне погибша лестию злыя жены, ехидны прелукавые, обретает братова си сына Ореста растаявша отчий посрамившаго род и сродство, и с ним безстудную матерь нареченную обручницу. ⟨...⟩

III

ЦАРСТВО ФЕОДОСИЯ МАЛОВО

Якоже убо персть Аркадие отдастъ телесную, на восточных странах Феодосѣе посаждаетца, егоже царь Аркадие зачат от Евдоксии. Феодосие же убо свою дщерь посылает к Валентияну на приобщение брака. Нъ сластолюбивое сего юноши и слабость неудръжаннаа плотолюбию и жизни лиши его и царства, и блуду обещьника низведе в поругание. Како же сеи бысть, сказати иматца вскоре.

Максим нѣкто бѣ ипать в Римѣ прьвый сьй. Сьй имѣшь жену прекрасну зраком, доброту безчислинну имущу, врьтограду супротивна добротою, украшаше же жену целомудрие наипаче. Юже видѣв, царь восхитися добротою и всяку кознь воздвизает, еже получити желание. И убо с мужем жены оное совозвращаася и превышьши явлься, не нося злата, взимает перстень златый его, на извещение *быти* ему хотению. Посылает же перстень к женѣ

и когда проникшие в город отворили им ворота, влились в Трою, как вода во время половодья.

Когда таким образом была взята крепкобашенная Троя, женщин выволакивали из домов, недавно возведенных, земля напиталась кровью убитых, младенцев грудных разбивали о стены. И, иначе говоря, тотчас же раздались повсюду рыдания, и страшные беды и горе наполнили город. С рук капала кровь, обагрились мечи, землю кровь оросила, и потоптаны были тела младенцев. И когда пресытились эллины грабежом и убийством, предали огню и сожгли дотла все, что было в городе прекрасного и дорогого.

Как это уже проявилось в войне, судьба, отвернувшаяся раз от Менелая, подвергла несчастного другим, новым испытаниям. И снова — долгое плавание, снова борьба с морской стихией, и снова встретились со старыми бедами новые, и направляются Геллеспонтом в Египетское море. Отплывает он к Египту, и пересекает жестокое море, и, терзаем бурями и волнами и ветрами сильными и страшными, едва достигает берегов. Явился же к Протею-царю и нашел супругу свою там, в Мемфисе, и, приняв угощение и почести, взял Елену и не без трудностей достигает отечества, когда шел уже восьмой год после пленения Трои и после плавания к Протею. И узнает он, что родич его погиб страшной смертью по наущению злой жены, ехидны коварной, и что сын брата его, Орест, убил осквернителя отчего рода и родственных уз и с ним бесстыдную мать обручницу. 〈...〉

III

ЦАРСТВО ФЕОДОСИЯ МАЛОГО

Когда Аркадий вернул земле прах тела своего, в восточных провинциях сел на престол Феодосий, рожденный царем Аркадием от Евдокии. Феодосий дочь свою выдал замуж за Валентиниана. Но сластолюбие этого юноши и неудержимое пристрастие к плотскому и жизни его лишили и царства и обрекли на поругание как прелюбодея. Как же это случилось, будет сейчас рассказано.

Был в Риме некий вельможа Максим — один из знатнейших патрициев. Была у него жена прекрасная лицом и украшенная многими добродетелями, саду подобная достоинствами своими, и всего более украшало ту женщину целомудрие. Увидев ее, пришел царь в восхищение от красоты ее и на всякую хитрость решил пойти, лишь бы добиться желаемого. Как-то, играя в кости с мужем этой женщины и выиграв, он попросил у не имевшего с собой золота Максима его перстень золотой в залог проигрыша. Посылает же тот перстень к жене Максима,

знамением, приити веля ей кь царици. Вѣрова же симъ жена, познавши знамение, и приде въ царскаа. Что же по сих: поем ю царь, осрамоти нуждою. Увѣдѣв же сиа Максим и уязвися сердцем, на вражду вооружися, и лукавства всякаа сшиваше, и конечнѣе уморяет мечем царя, от стражи и добрых вой того лишив, осрамоти же и жену его Евдоксию. Царица же зжалиси о срамотѣ, и поскорбѣ, и посылает кь Гизериху уандалскому ризѣ, на Рим приити устремляет. Прииде убо Гизерих, и приат Рим, поработѣ горце, и пороби самую царицю и тое дѣвицю.

И убо Рим, вмале ещо царствовав, дръжавы царьские до конца лишися, и варварскимъ ригамъ повинуся и языконачалником, дланми их люте смѣрися. Въцари бо ся Максимъ, иже тогда *враждевавый;* а по том Анфем, Олимврие великий, а по Олимврие дръжа Майоръ, а по том Клекерие, а по том паки Непотиан, таже Орестъ, и по Оресте сынъ его Ромил власти причастися послѣдний сий. И град великий во градох Рим, Ромила имѣв в начале узаконена царя, и паки приставльши дръжаву в Ромила, к тому правлениа не имѣ от царей, варваром же подклонився и попран бысть, и сих лютѣ оружием прѣетъ бывъ, риги видѣ князя в себѣ, странам владыки и сатрапи. И лишевсе злѣ ипать же, и дръжатель, и правитель, и совѣтник, еще же и патрикий, на рамо взем ярем варварский. И бысть первѣе вол чрѣдний невпражен, в покорѣ бысть силным орачем и земляными браздами мучитися осужден бысть.

И сиа убо приключишася старому Риму, нашь же новий Цариград доить и растить, крѣпится и омлаждается, буди же ему и до конца расти, еи царю всѣми царьствуя и сицеваго приемшу свѣтла и свѣтоносца царя, великаго владыку и изрядного побѣдоносца, корене суща Иоанна, прѣизящнаго царя болгаром Асаня, Александра, глаголю, прекроткаго и милостиваго, и мнихолюбиваго, и нищим кормителя, и великаго царя болгаром, егоже дръжаву солнца бесчисльнаа да исьчтет!

Но и паки слово на путь наставлено буди, и да скончаетца оставшее слово списанию.

Новому Феодосию ещо младу сущу, провождающу же юный прьвый возрастъ, Аркадиа посади на царских *престолех* и хранителя пристави егову царству, еже въ синклите прьвие и мудрѣйшее, и с ними князя перскаго Издигерда; иже увѣдѣв навѣть на Феодосиа, от нѣкоих сшиваем мужии любомучитель, запрѣти им наити даже до Византиа со многими ратники крѣпкими и оружноносци. И убо навѣтовавше на царя сътресшеся душами своими от страха варварова, злоумие отвергоше

в знак того, что должна она явиться к царице. Поверила этому женщина, узнав перстень, и пришла в царские палаты. Что же далее: опозорил ее царь, насильно овладев ею. Узнав об этом, Максим был ранен в самое сердце, возненавидел царя и, плетя против него нити заговора, в конце концов убил его, когда остался тот без стражей и верных воинов, и осквернил жену царя Евдокию. Царица же, оплакивая свой позор, посылает к Гейзериху, вандальскому королю, призывая его прийти на Рим. Пришел Гейзерих, захватил Рим, покорил его и пленил саму царицу и дочь ее.

С той поры недолго еще просуществовало Римское царство, а затем вышло оно из-под власти царской и стало повиноваться варварским королям и вождям, грубой рукою их принуждаемо к покорности. Стал царем Максим, который тогда властвовал, за ним Авит, потом Олибрий Великий, а после Олибрия держал власть Майориан, а потом Глицерий, и потом еще Непот, затем Орест, и после Ореста сын его Ромул, последний, кто причастился власти. И город Рим, величайший из городов, имевший Ромула первым законным царем, снова с Ромулом же окончил свое существование, с тех пор уже не имев царского правления, подчинился варварам, и покорен был ими, и, оружием их терзаем, видел у себя королей их, наместников и сатрапов. И лишился на горе свое консулов и сенаторов, и правителей и советников, и даже на плечи патрициев легло ярмо варварское. И тот, кто в прошлом был подобен быку свободному, не знающему ярма, ныне стал покорен сильному пахарю и обречен страдать на пашне.

И все это случилось со старым Римом, наш же новый Царьград цветет и растет, крепнет и молодеет, и да будет он вечно расти, о царь, всеми царствующий. И такого получил светлого и светом сияющего царя, великого владыку и славного победоносца из рода Иоаннова, достойного царя болгарского, Асеня,— говорю я об Александре, кротком и милосердном, и мнихолюбивом, и нищих кормителе, великом царе болгарском, в его же царство утратят счет бесчисленным восходам солнца!

Но пусть снова слово вернется на стезю свою, и да будет окончено наше повествование.

Когда Феодосий Новый был еще молод и находился еще в юношеском возрасте, Аркадий посадил его на царском престоле и хранителем царства сделал тех, кто были знатнейшими и мудрейшими в синклите, а кроме них, князя персидского Йездегерда, который, узнав о заговоре против Феодосия, сплетенном некиими мужами, жаждущими злодеяний, со многими сильными вооруженными воинами не дал им даже приблизиться к Византии. И выступавшие против царя затрепетали в страхе перед варваром, отреклись от злоумышления своего

и злонравие, и от совѣта отставшесе злаго и начинания. Яко же убо благообразное да би понѣ въ поганых, и дружство невреждено и междусобную любовь вѣсть муж иноазычен без смущениа хранити, доброе бо от естества всѣмъ *всѣяно* бысть.

Бѣше же сестра сему Феодосию чистообразна и чиста житием, именем Пулхѣриа, добротою сиающе телеси доброобразнаго и совьтещися се дарми внутренего благолѣпиа, яже дѣвою соблюсти себе произволивши и чистотѣ некрадомо хранити сокровище, мужскаго отречеся всячески бесѣдованиа, чистому же радовашеся и красному житию, и теплоту являше на всяко благое дѣла. Не токмо же свое сице украшаше житие, но и брата своего всякими козньми на всяку добродѣтель и нрави добрие привлачаше, яже и приведе ему на приобщение браку добротами светящуюся всякими Евдокию, яже обилие имущи доброти личнии. Бѣше же от Атин великих, к византийскому же красному прииде граду, яко да опадает свою присную братию, яко от отчаа имѣниа не дающим ей ничесоже, много же паче користное безприкладное, обрете. А еже како сие бысть, словеси малими скажу.

Биаше во Афинѣх нѣкто муж, Леонтие нарицаем, въ конец достиг всякие философие, и словесным, и естьствные, и звездочьтные. Сему от единие жены родишася три дѣти: двѣ же бѣста мужский пол, а третие дщи, дщи свѣтообразна и весела, Атина же наречена бысть отцем своим отроковица. Яко же убо житие хотяаше оставити всѣяви я, смертное оставль и конечное писание, отроком убо остави стяжаниа свое, елико в ризах и елико во злате, в домовох же и въ скотех, и в сосудех, и в рабѣх — бѣше бо вельми богат и от многоимѣнниих. Дщери же повелѣ, и сие от любови, токмо единѣх 100 златник даровати в наслѣдие, часть прекрасну рек довольно ей быти, всяку превосходящую женскую доброту. И он убо, рек, испив смертную чашу; отроковице, братиа, злонравни явльшеся, все приаша отчее достоание и всячески без ждребиа оставиша юнотку. О них же сожаливши-ся и душею уязвившися, к матере своей сестрѣ приступи Афина отроковица, сказает аже о себе, и беду авляет, болѣзньними воздыханми обличает страсть. Ущедри же отроковицу лелѣ ею плачющуся, о сестрине же дщере уазвися сердцемъ, и с нею, востав, отиде во град прьвий градом и град дръжавный. Къ Пулхерии же приступиста благодѣтми украшенѣй, посещениа от *нея* просита и помощи отроковици, от своих неправедно лишеной. Удиви же ся отроковичнѣй царица добротѣ, почюдися свѣтоносным даром лица еа, удивися благоразумию и великоумию еа, и вопроси, еда кто разтлил есть двъство еа. И увѣдѣвшу, яко неискусна есть ложу отроковица и доброту нескверниу сохранила есть чистотѣ, абие банею очищает ю честною, сиречь крещаех,

и злонравия, и от замыслов отступили злых и намерений. Вот если бы добродетель всегда была бы среди иноверцев и нерушимую дружбу и взаимную любовь неколебимо хранили бы люди иноязычные: ведь добро от природы всем присуще.

Была у того Феодосия сестра непорочна и чиста в жизни своей, по имени Пульхерия, сияющая телесной красотой и светящаяся дарами внутренней красоты, решившаяся свое девичество и сокровище чистоты сохранить нетронутым, всячески избегала она бесед с мужчинами, радуясь целомудренной и тихой жизни и ревностно посвящая себя всяким благим делам. Не только свою так украшала жизнь, но и брата своего всякими способами побуждала к всякой добродетели и добронравию. Она же и привела к нему на сочетание брака всякими добродетелями светящуюся Евдоксию, отличавшуюся необыкновенной красотой лица. Происходила она из великих Афин и пришла в византийский город с жалобой на своих родных братьев, которые не оставили ей ничего из отцовского наследства, но много более ценное здесь обрела. А как это случилось, расскажу вкратце.

Жил в Афинах некий муж по имени Леонтий, в совершенстве постигший философию, и словесную, и естественную, и звездочетную науку. Было у него от одной жены трое детей: двое мужского пола, а третья дочь, дочь светлоликая и веселая, Афиной назвал отец свою отроковицу. Когда же собрался он уйти из жизни, то составил свое посмертное завещание: отрокам даровал имущество свое — все одежды, и все золото, и весь скот, и все сосуды, и всех рабов — был он богат и немалым владел имуществом. Дочери же завещал, любя ее, только сто золотых монет, ибо, — сказал, — есть у нее все превосходящая женская прелесть. И, сказав так, испил он смертную чашу; братья же поступили с девушкой жестоко, забрав себе все отцовское богатство, доли ее лишили. Опечалившись и огорчившись в душе, обратилась Афина к сестре матери своей, рассказала ей о себе и своей беде, тяжелыми вздохами выражая свое горе. Утешила тетка плачущую девушку и, болея всем сердцем о дочери сестры своей, отправилась с нею в первый из городов и царствующий град. Обратилась она к Пульхерии, украшенной добродетелями, испрашивая разрешения прийти к ней и прося помочь девушке. Поразилась царица красоте девушки, удивилась светлости ее лица, восхитилась благоразумием и умом ее и спросила, не нарушил ли кто ее девственности. Узнав же, что неискушена в любви отроковица и неоскверненным сохранила благой дар чистоты, омывает ее в бане честной — то есть крестит ее

и имя ей прѣлагает, нарицает добрую отроковицу Евдокиа, припрязает же ю цареви и причитает на брак, способствовавшу наипаче о сем и Павлину, иже в прьвых вочинен бысть царских другох. От сие убо Феодосие роди Евдоксию, юже Уалентиниану, скипетра дръжащу Рима старого, посла на припряжение житию.

Но ничто же есть доброчестно въ житии, бури и части непричастно, ниже есть добро кое овощие, не имуще с собою растеще тръние, ибо и шипькъ благоуханний творит трьние частое, солнечное же брьвно помрачают облацы, и вражда возращает на творящих доброе, и всяко доброчестие честное и все красное в житии имат злочество размѣшено с собою.

Но убо чему хощет проглашение слова сего: царица убо плаваше в мори житейсцем, ясными и тихими вѣтри носима, безмолвно провождаше плавание добраго житиа, якоже корабль отоварен, прилежним вѣтром плавае. Но напрасно дохну, яко буря, вражда, и вѣтръ смути море и буря: облак разсѣдеся мутен и низведе буря, смути и сотрясе ладию, яко листъ, и мльвы воздвиже лютые и смущениа тяжкаа, и лодию убо сокруши, на възещее же уста люта отверзе зианиа злоплавнаго. От сего убо царици горясти наполнися и со искушенми брася тяжкобѣдными. Что же бѣ нападшее на ню слово *скажет*.

Феодосию царю, живущу с нею, яблоку добру и превелику принесе нѣкто. Он же доброзрачию удивлься овощному же, красотѣ почюдився, паче же и величеству, яко нѣчто ново дар царици посилает,— еже *великим* бысть начаткъ злобам, горшее бо бысть зависти враждѣние яблока, еже принесе на зло нѣкто, тогда разсѣцающее брачные соузы Фетида и Пилея. Каковаа бо и приключишася за яблоку сию? Удиви же ся царица взору овощному, паче естества вмени доброту яблочину, и любочестную имуще къ свѣтлому Павлину, яко споспѣвшовавшу ей взити на высоту царствиа, яблокою *горкотворивою* мужа почте. Он же цареви дар воспущаех, не вѣдый, якоже достоит, откуду принесена бысть. Случи бо ся не быти съ царем тогда окаанному, егда Феодосие приемаше яблоку, адово горкое, аще речет кто, овощие смертно, емуже насадитель смерть и садодѣлатель адъ. Видѣ же яблоку дръжей и позна овощие, скрый убо яблоку у себе и мльчанием удръжа, вопроси жену свою, гдѣ есть яблока. Оной же рекши, яко изѣдох ю, клятвами объятъ ю. Она же чьсти горцей, яко же подобает, погрешивше заклятся, яко изѣдох ю. Что же по сих? В помысли царь недобрии впадает, показа абие сокровеное и обличи ю лжущу, разъярися и прогнѣвася, и омрази, и возненавиди царицю. От сего возмутися

и имя ей дает — называет прекрасную девицу Евдоксией, приближает ее к царю и сочетает их браком; особенно же содействовал тому Павлин, один из ближайших друзей царя. От нее же родилась у Феодосия Евдоксия, которую он сочетал браком с Валентинианом, державшим скипетр Рима старого.

Но нет ничего хорошего в жизни, что бы не было подвержено невзгодам и злому року, как нет ни одного полезного овоща, рядом с которым не произрастал бы сорняк, ибо даже роза благоухающая усыпана бывает шипами, солнечный же лик закрывают облака, и зависть поднимается против добродетельных, и всякое честное доброчестие и все лучшее в жизни смешано бывает со злом.

Но вот к чему приведены слова эти: царица плавала в море житейском, ясными и тихими ветрами носима, в тишине плывя по волнам счастливой жизни, словно корабль, груженный товарами, с попутным ветром плывет. Но внезапно дохнуло, как бурный ветер, зло, и от ветра помутилось море и началась буря, туча мутная все затмила и ниспослала бурю, и сотрясла ладью, точно листок, и наговоры возбудила злые и смуты тяжкие, и ладью потопила, а на плывшую раскрыла пасть злой бездны, гибельной для плавающих. С той поры горе обрушилось на царицу, и вступила она в борьбу с тяжкобедными испытаниями. Что же за напасть приключилась с ней, слово дальнейшее скажет.

Так жили они с царем Феодосием, но вот кто-то принес яблоко, очень крупное и красивое. Поразился царь чудесному виду плода, и красоте его, и величине и как новый подарок послал царице, что явилось началом великих бед, вред от яблока того оказался бóльшим, чем зависть, с которой принес некто яблоко на зло, чтобы омрачить брачный пир Фетиды и Пелея. Что же случилось из-за яблока этого? Удивилась царица виду плода, невиданной в природе красоте яблока и, приязнь питая к светлому Павлину, который споспешествовал ее восхождению на высоту царского престола, яблоком тем, зло таящим, мужа того почтила. Он же этот дар царю поднес, не зная, как видно, откуда оно принесено было. Не привелось тогда ему, несчастному, быть подле царя, когда Феодосий получил это яблоко адское, горькое — как бы мы сказали — смертоносный плод с древа, посаженного смертью и садовником адом. Увидев же яблоко, узнал его державный и спрятал у себя и, утаив это, спросил жену: «Где яблоко?» Когда же она ответила, что съела его, то заставил ее в том поклясться. Она же, как бывает на беду, не остереглась и поклялась, что съела его. Что же далее? Закралось в душу царя недоброе подозрение, показал ей спрятанное и обличил во лжи, рассердился на нее и разгневался и неприязнь и ненависть стал питать к царице. От того поднялись

страсти влъна, и бѣдам море, и злобам буря влъна. От сего нестерпимую видѣв солнце страсть, и убо Павлин смерть обра от сего, и мечь кровопийца опоися убийством. Царица же, ненависть увидѣвши цареву, во град Иерусалимъ вскоре отходих и тамо, прочее скончавше житие, естества отдастъ долгъ земльнаго.

Сьй Феодосие во других убо бѣ благоразумен, радостен, великодаровитец, в книгах присно упражняася, но сей прѣдспѣании сими имѣше и нѣкий зол плевел, яко житейскую часть. Аще кто какову любо принесше ему хартию, чрьвеними шармы сию назнаменоваше, не расмотрив, ни увидѣв, какова суть писаниа. Сице ничтоже цело въ человѣчи естествѣ, ничтоже проказу непричастно отпадением. И убо благодѣтми вѣнчанная и божественаа Пулхериа много показоваше тыщание о цари, избавитися хотяще тому от прегрѣшениа того; якоже убо многаа и честаа соплетши наказаниа и словеси вразумивши цѣломудреными, вещьше ничтоже ползова, умышляет нѣчто таково, улавляет же брата козннми умышлении. И списа бо писание, яко от самого царя, рабу дарующу тои царицу свою, дасть же сие брату своему и умоли царя, яко да знаменует писание слови царскими. И он убо прекленися ей, о семъ молящися, и трость убо бысть в царевѣ руку, и чрьвленообразними шарми хартию увѣряше. Она же писание назнаменано, яко же приобретение въземши, яко рабу, сребром куплену, имяше царицу. Оному же ругаему рекшу о семъ, сия царское изношаше писание, и от того глаголаша ей право глаголати. Разумѣвъ же царь и устыдися, и оставися прочее таковаго безумиа. И сие убо въ благую постиже кончину, якоже убо благоговѣнием и часть добраго житиа доброумным человѣком и чистѣ жите любящим, а не оскверняющем друголюбие.

Еще же хоругви дръжащу сему цареви, пробудившеся, явишеся от сна долголѣтнаго, крѣпчайшие мученици юноше. От бесовъства бо бѣжеще злочьстиваго Декиа, въ врьтоп самоисѣчен въкупѣ свышедше во *прѣдѣлех* прилежащих града Ефескаго, глубоким и долгоусопным сном бѣху спящу. Пробудивше же ся тогды, и вѣрными увидѣвшися, и почтени бывше от них и царем, совершениим успоше и послѣдним сном.

Трусу же лютому землю подвизающу ис корѣне и сотрясающу душе человѣчьские и колѣблющу, и множеству благочьстивых бога молящу, внезаапу отроча восхищено бысть до самых воздух горе, пѣснь трисвятую услыша от аггелъ. Паки же *съведено* бывшее, оле страшныя крѣпости, по срѣдѣ возупи, како подобает пѣснь плести. Бѣху бо не прежде сево многаа погрѣшивше.

волны страстей и бедами исполнилось море и злой бурей. От того нестерпимые горести увидело солнце, ибо Павлин смерть принял и меч кровопийцы насытился убийством. Царица же, поняв, что возненавидел ее царь, вскоре отправилась в город Иерусалим и, проведя там остаток дней своих, отдала долг естества бренного.

Тот Феодосий во всем другом был благоразумен, весел, щедр на дары, никогда не расставался с книгами, но было угодно судьбе, чтобы, наряду с достоинствами этими, имел он в душе и злой плевел. Если кто-либо приносил ему хартию, то подписывал ее пурпуром, не прочитав и не вникнув в ее содержание. Вот так ничто не совершенно в человеческой природе, все подвластно греховному заблуждению. Добродетелями украшенная и божественная Пульхерия усердно пыталась избавить царя от его дурной привычки, постоянно обращалась к нему с советами и стыдила его словами благочестивыми, но так как все шло не на пользу, то придумала нечто такое, чтобы поймать брата на хитрой выдумке. Написала она грамоту, будто бы от имени царя, в которой он дарил ей жену свою как рабыню, и дала грамоту брату своему, и попросила царя, чтобы он заверил ее подписью царской. Он же, уступая ее просьбе, благо и стило было в руке его, пурпурной подписью хартию ту подтвердил. Она же приняла как ценный дар подписанную им грамоту и как рабыню, купленную за деньги, приобрела царицу. Когда же возмутился царь, то принесла царскую грамоту, и тогда увидел царь ее правоту. Понял он все, и устыдился, и, посрамленный, навсегда отвык от такого безрассудства. И все это разрешилось благополучно, как бывает у доброумных людей, с благоговением стремящихся праведно жить, а не нарушать узы дружбы.

Когда еще держал скипетр этот царь, проснулись, восстав от сна многолетнего, стойкие мученики юноши. Спасаясь от неистовства злочестивого Декия, вошли они все вместе в пещеру, природой высеченную в окрестностях города Эфеса, и заснули глубоким и долгим сном. Проснулись же в то время и правоверным явились, почести приняли у них и от царя и снова уснули настоящим и последним сном.

Когда земля потряслась до самых глубин и содрогнулись души человеческие и заколебался дух и благочестивые во множестве бога молили, внезапно отрок был вознесен ввысь до самого неба и там песнь тресвятую услышал от ангелов. Снова возвращен был — о сила предивная! — и людям возгласил, как следует песнь петь. Прежде же того во многом ошибались.

Сей Феодосие от Хрисафиа прѣльщен быв и прогнѣвався на Пулхирию и многимн многащи сию уязви трьнии всѣми украшенную добродѣтелными образы. Скопець же бѣ Хрисафие, нечестив, злообычаен, лукавен и убийца и мрьзок нравы; егоже злобу послѣжде яко увѣдѣ самодръжць, опленив проклятаго и нища сотворив, и во изгнание лютое послав осуждена. И убо длъгъ опщи Феодосию давшу и телесный кал в землю отложившу, въ Пулхерию добраа дръжава приходит. ⟨...⟩

IV

ЦАРСТВО РАМАНА ЛАКАПИНА

Сия убо царь к Роману творяше, оного привлача, якоже можаше, в любовь. Глубокоумный же Роман, многокозньствовав и укрепив себе повся дръжаву, яко царевн и яко владыцѣ припрягъ дщерь свою, от высоты властны лютѣ отчее и дѣднее багренородную отрасль — зятя своего — на землю сьврьже и токма даровав имя царствиа, еже убо злочастому и злочасте того присвоившому, самъ приемлет скипетродръжаниа и царь нарицашеся Роман всѣми языки, а Констянтин никакоже; честь бо възбраняше и покрываше его, якоже звѣзду облак. И убо в сытость прием таковую пищу, не до сего състави ласкосрьдьство разума своего, нь, весь чюжди хлѣб восхитив, насыти свое, имущаго хлѣб — остави алчюща, ибо дѣти своа и Христофорова сына, сына своего прьвороднаго, самодръжца проповѣда и царя самовластны. И еже печалнийшее и вещьшее в горесть и костии касаамое самых и срдца — прьвѣйшее пологаше всю от Констянтина въ проповѣданих, въ писаних и на прѣстолех. ⟨...⟩

Бѣ же убо многоглавень въ царствех змий, и нива въсхождаше сьпрѣмо царская, яко приповѣсти земленые прича сьставляет прозябающую от змиа муже зубонасаждени, а посредѣ бяше злостpar страстны багряничный клас, яко шипок подавляем трьнием островрьхим.

Нь егда вся Роман имяше утверждена, и стѣну Семирамидѣ тьчна основа или столпъ исполины създан Халански утверди, тогда пад ниц, лице сокруши си, и, от власти отпад, окаанне пострада. Ибо Багренородные царь Констянтин юже юнотьскаго дошед и мужскаго возраста, егда мудростьнаа заря человѣком облиставает, прьвосъвѣтники приемъ мужа добронравны, змиины главы ехиднины пожат и к себѣ скипетром препасти творит, дебели же и мутни отгнав облак, чистѣйшее властные луча облиставает.

Прьвое бо Роман, уже в старости достигъ, и престар быв долгою старостию, и многою проводив власти време, всѣх же наполнив даров и тѣмъ добро сотвор, от сынов своих

Феодосий этот был Хрисанфом совращен и разгневался на Пульхерию и много раз многими терниями уязвлял ее, украшенную всякими добродетелями. Скопец же Хрисанф был нечестив, жесток, коварен, убийца и мерзок душой; о его злодеяниях позднее узнал самодержец, схватил проклятого и, всего лишив и осудив, отправил в изгнание. И долг всех отдал Феодосий и тело бренное в землю положил, к Пульхерии же благая власть перешла. ⟨...⟩

IV

ЦАРСТВО РОМАНА ЛАКАПИНА

Все царь делал для Романа, чтобы завоевать, насколько возможно, его любовь. Хитроумный же Роман козни многие плел и, подчинив себе всю державу, царю и владыке отдал в жены дочь свою и с высоты власти безжалостно сверг отчую и дедовскую багрянородную отрасль — зятя своего — и оставил ему только одно имя царское, горемыке, на горе себе его носящему, сам же принял скипетры власти и называем всеми царем Роман, а Константин — никак, ибо Роман честь его отнял и скрыл, словно звезду облако. И досыта напитался таковой пищей, но и на этом не остановил ненасытности своих вожделений, но весь чужой хлеб отняв, насытился сам, а владельца хлеба оставил голодным, ибо детей своих и внука (от сына своего старшего — Христофора) провозгласил самодержцами и самовластными царями. И что всего печальнее и горше, что проникает до костей самых и до сердца,— все первостепенное провозглашал от имени Константина в речах, в писаниях и с престола.

Был Роман как многоглавый змей на царстве, и нива царская возрастала вопреки ему, как говорит миф о мужах, выросших из земли из зубов драконовых, а посередине был бедами снедаемый багряничный колос, словно розовый куст, заглушаемый терннем островерхим.

Но когда Роман все воздвиг, словно сложил основу стены Семирамидовой или построил башню Халанскую, исполинами созданную, тогда ниспровергнут был, и лик свой разбил, и, власти лишившись, пострадал жестоко. Ибо багрянородный царь Константин, возмужав и вступив в юношеский возраст, когда свет мудрости озаряет человека, взял себе в советники мужей добронравных, змеиные и ехиднины головы отрубил и добился, что к нему перешли скипетры, и, темные прогнав тучи, засиял чистыми лучами самовластия.

Прежде всего Роман, уже бывший в преклонных летах и доживший до глубокой старости и много лет пребывавший у власти, облагодетельствованными им же сыновьями своими

извръжен бысть от прѣстола, и власи остризает, прьвѣе венцем украшение, якоже аще кто речетъ, заходя старородный Крон.

ЦАРСТВО КОНСТЯНТИНА БАГРЯНОРОДНАГО, СЫНА ЛВОВА

Таже чада Романова злокозньная багрянородный ухватив царь Констянтин, измѣтну их, сьтворъ внезаапу острьвѣни, сиречь въ островѣ отслав их. И тогда прьвие видѣ старицу царство, яко отроковицу златоутворну и аки бисероносную, и яко новоодеждну и красну и яко младящуся и смеющуся тихо, и бесѣдующу с ним, и примешающуся невѣстъски на дѣтородие.

Сьй Варду Фоку военачальника постави, егоже схолом доместика нарицают грѣци, скопца же Василиа, единаго от изрѣзаных, родившагося Лакапину из рабыни, паракимумена и хранителя царской постели. А понеже Вардѣ угасѣ аже на бранех теплота и скорострьмное нападение, увѣну старостию, в Никифора Фоку военачалие прелагает, якоже аще кто речет, от лва на тогова щенца. Сына же видети получив от своею чреслу, иже из Елены, Романовы дщери, прозябе ему, нарече его Романа. Достигша же его до возраста и женѣ припряже, и видѣвъ от сына своего чадо Василиа, великаго в побѣдах, и младенца на руку поносив толикаго, и хотя отрешитися от естьственых соуз, грѣком царя поставляет Романа, сына своего.

ЦАРСТВО РАМАНА, КОНСТЯНТИНОВА СЫНА БАГРЯНОРОДНАГО

Нь сей всю крѣпость и всю силу злиимъ и худоумным евнухом предав, самъ о ловленыих печашеся и бѣсовски внима на пьсиа течениа. Тогда *Крит* злочестивыим аровом приемшим, и *крѣпко* убѣжище положившим остров, и озлобляющим сушу и все пленующим, Никифор Фока, си лют въ бранѣх, и стремлением искуснъ, и крѣпок рукама, ратиначальник показася, и предана ему бысть брань. Тѣмь и исполняет море кораблей доброратных и добропловных, и на звѣри посылается сие водусушные, и рать сьставль крѣпку, победи супостаты ⟨...⟩, и погрузи разбойнические насади аравом, ухвати же разбоюначальника прѣдрьзаго оного и исполинорукаго, яко младенца, объят. Оттуду възвратись свѣтлыми побѣдами многочестными и *свѣтлыми позорищи* обличает.

Тогда прекрасный град Антиохов, благородный, и благолѣпный, и яко невѣста украшеный, исмаильтяне убийственый оружием вземше, яко прерабу посрамиша и яко напутную

свергнут был с престола, и постригли ему волосы, прежде венцом украшенные, как сказал бы кто — склонился первородный Кронос.

ЦАРСТВО КОНСТАНТИНА БАГРЯНОРОДНОГО, СЫНА ЛЬВОВА

Также и детей Романовых злонравных приказал схватить багрянородный царь Константин, изгнал их, превратив немедля в островитян, то есть на остров сослал их. И тогда впервые увидел он, как подобное старухе царство предстало вдруг девушкой, одетой в золото и бисер, и в одеяниях новых, и прекрасной, и молодой, и смеющейся звонко и болтающей с ним и жаждущей, как невеста, чадородия.

Этот Константин Варду Фоку поставил военачальником, которого греки именуют доместик схол, а скопца Василия, одного из евнухов, рожденного Лакапину рабыней, поставил паракимоменом и хранителем царской постели. А так как в Варде угас бранный пыл и стремительность в бою и увял он в старости, то на Никифора Фоку военачалие переложил, как сказал бы кто — со льва на его львенка. И удостоился сына своего увидеть, рожденного ему Еленой, дочерью Романа, и назвал его Романом. Когда же тот возмужал, женил его и увидел сына своего чадо — Василия, великого в победах, и, только поносив на руках младенца того, собрался отрешиться от бренных уз и грекам царем поставил Романа, сына своего.

ЦАРСТВО РОМАНА, СЫНА КОНСТАНТИНА БАГРЯНОРОДНОГО

Но этот всю власть и всю силу злым и недалеким евнухам передал, сам же заботился лишь об охотах и по бесовскому наущению любовался на собачьи бега. Когда Крит захватили злочестивые арабы и, превратив остров в укрепленный лагерь, стали совершать нападения на окрестные земли и захватывать там пленных, Никифор Фока — был он яростен в битве, и в нападении искусен, и крепок руками — назначен был полководцем, и поручено ему было ведение войны. И наполнил он море кораблями, лучшими в бою и плавании, и послал их на зверей водосушных, и в жестоком сражении победил врагов, и потопил разбойнические корабли арабские, захватил словно младенца предводителя разбоев их, дерзкого и сильнорукого. Возвратившись оттуда со светлыми и многочестными победами, удостаивается он триумфа.

Тогда прекрасный град Антиохов, благородный, и благолепный, и словно невеста украшенный, измаильтяне смертоносным оружием покорили, посрамили, словно вечно бывшую рабыней

блудницу. И паки прехрабрый преемлет Фока оружие, паки подвизается на враги крови ради иноплеменние. И победи иноплеменники, а своаплеменником пособствуя, и паки доброзрачную и доброобразную отроковицу възвращает матери доброчаднѣй.

Еще же тогда Фоцѣ на брани борящуся, царя Романа смерть въсхити, женѣ своей Феофанѣ власть оставльша и дѣтем ее младородным и сущим. Увѣдѣ же сия и Фока, и оттуду востече и к великому граду въскоре достиже, и паки показася восточный чиноначальник, клятвами страшными увязан быв царицею, яко да не будет навѣтник Романовѣм дѣтем, и паки послан бывает в Сирию. Нь убо не почину люты звѣрь вражда, иже земльнородных сердцеснѣдий медвѣдь. Ибо нѣкый скопец от сущих въ царских, иже тогда вся власть горѣ и долу обращаи, трьнием враждным уязви вся на воеводу и толикий успѣхъ чести не трьпя зрѣти Никифору Фоцѣ, вь уриах воюющу, писание кь Цимисхиу доброперо начрьтвает,— Цимисхиеви же бѣ имя измлада Иоаннь,— дѣло оружию Фоку положити подвизающи, самому же въ Византию приити принуждающи, яко быти ему царю и дръжателю грѣком. Приат же послание оно Иоаннь Цимисхий и прочте написанию образы, и разум злоненавистен имы и благообычен, вьручает сиа Фоце и вещь исповѣдает. Омрази же убийствьном оного скопца. Бѣ же добръ Цимисхий, доброзрачен, доброобразен, доброкос, трьпелив, храбросрьдъ, мужеумен, ратник непобѣдим, и сьвѣтник непобедим, человѣкъ великодушен, не храня в себѣ вражду, цѣлоумен, храбрь, кроток, и копиемъ потрясати научен, и лук тяглити вь тятивах стрѣлам внушенам, муж простодушен, не храня в себѣ злобы, ниже злобе гнѣздо срьдци свое содѣвая, ниже желае лютѣйшее велбуда тяжцѣ храмящаго. Подобает же малыми долгаа и многаа явити: и душевлен бѣ рай благодѣтнаа садовна храня, ограда многих благъ насаждена овощиемъ, божиима напояема дланми садорастными, духовными наваждаема водами *златоструйнами,* в немже ликоваше добродѣтелей хоро, противным же вѣщаниемъ въспѣваше благодѣтное ликование.

Таков же сий Цимисхий, толико в мужствѣ, и тогда с Фокою приключився воюя и потребу сущих под рукою воин соврьшаему, бѣ же сродник Фоце и от тѣхже кровий. И убо вкупѣ рукою писание *имѣше откръвено и вь себѣ протече* умь, лежащих в немъ, и кь воеводѣ все обличает и «о горе,— рече,— о воеводо грѣчьские части, доколе царствиа корабль правити имут скопцы женосрьдии, стръмни на злобу, всѣмъ же злым обрѣтителие и всѣмъ злым дѣлателие, человѣци мяккодушьни и сосуди лукавству, неподобным проходи, сопоти злодѣланию». Услыша же сие воевода и воздвиже

или уличную блудницу. И снова прехрабрый Фока берется за оружие, снова поднимается на врагов, желая крови иноплеменников. И победил иноплеменников, а соплеменникам помог, и снова прекрасную и благородную отроковицу возвращает матери чадолюбивой.

Когда Фока еще находился в походе, смерть похитила царя Романа, и оставил он власть жене своей Феофане и малолетним детям ее. Услышал об этом Фока, и поспешил вернуться, и вскоре оказался в великом городе, и снова провозглашен восточным военачальником, и клятвами страшными клянется царице, что не будет злоумышлять против детей Романовых, и снова посылается он в Сирию. Но не дремала вражда, подобная лютому зверю медведю, пожирающему сердца земнородных. Ибо один из евнухов, которые пребывали во дворце царском и обладали всей силою власти, словно тернием злым был уязвлен против воеводы, не в силах видеть такой триумф Никифора и почести, ему воздаваемые, к Цимисхию, находившемуся в войсках, шлет быстрокрылое послание (Цимисхию же имя было с детства Иоанн), убеждая его оставить дело войны Фоке, а самому явиться в Константинополь, чтобы стать царем и властителем греков. Получил это послание Иоанн Цимисхий и прочитал написанное, но, будучи нравом злоненавистен и благороден, вручил его Фоке и все рассказал. И был убит этот евнух. Был же Цимисхий всем хорош, с красивыми глазами, с приятным лицом, пышноволосый, скромный, храбр сердцем, с умом, достойным мужа, непобедим в бою и мудрый советчик, человек великодушный, незлопамятный, целомудренный, храбрый, милосердный, прекрасно владел он копьем и из лука посылал без промаха стрелы, сердцем был открыт, не помнил зла, не давал ему свить гнезда в своем сердце, не уподоблялся разъяренному верблюду. Подобает же мне вкратце многое и важное поведать: был он словно одушевленный рай, хранящий блага садовые, ограда многих плодов прекрасных, напояемый божественными дланями, сад растящими, наполняемый духовными водами златоструйными, в саду том воспевал хор добродетелей, которому вторил хор благодеяний.

Таков был Цимисхий в своем мужестве, и когда случалось ему воевать вместе с Фокой, то оказывал помощь необходимую бывшим под их началом воинам, а был он родич Фоке и от той же крови. И, развернув писание то и поняв смысл написанного в нем, все рассказал воеводе: «О горе,— сказал,— о, воевода войска греческого! Доколе же кораблем царствования будут править скопцы с сердцем женщин, готовые на зло, всего злого искатели и всякого зла свершители, люди слабодушные и сосуды коварства, врата всему недостойному, сифоны, извергающие злодеяния». Услышал же об этом воевода, и охватило

ярости пламень, от сего спей и в горах крыяся лев отверзе око и рыкание испусти, и страх опътече удолиа, и лугови, и горы. Царь наречеся, и *постиже* Констянтин град, и без нужде вниде, и видѣн бысть, и *видѣ,* и возвеселися. Все множество просыпашеся, елико въ дворѣ и елико светлотою сиаше, елико под работою и елико свободных, прежде всѣх царица со священнослужители, разпростертома подъемаше дланма мужа, и съвѣтом бывает *опщиим* царь Никифор.

ЦАРСТВО НИКИФОРА ФОКѢ

Бѣ же воиничон, благодръзновенен, крѣпкорук, труды неумякченъ, камень твердъ в болѣзнех. И примесися къ Феофанѣ, прьвой царици, и к *дѣтем* Романовым любовь *отчюю* показует. Тогда Фока душевное объяви мужество, и дръзость срьдие, и еже въ бранех топлоту, имѣша бо 〈...〉 прѣдстояние душѣ *благородныя,* и крѣпкое терпеливое показоваше изначала, и хитраго конника издалеча обнажаше. Нь дѣланию силѣ прилежащним, той храбродушие таяше въ глубинѣ, яко главня в пепеле сѣмя огню храня. Да якоже прият время и дѣланию мощь и вся *съвращающае* коло злотекущего жития того самого постави на доброоружных колесницах, тогда убо и Фока, яко молние, разсѣдесе и вся оптече племена варварских язык, якоже огнь, аще речет кто, впад во угол многодревень, и духом гоним, и повсюду обходя, и весь сад поадаа, и холми попаляа. Убоявшеся его арави и поклонися Сирия, Киликѣя усумнѣся, и Финикиа повинуся, и приложишеся грѣкомъ грѣчскаа. Сице непобѣдим Фока бяше супротивным. Коло бо добродѣтелное венчаваше мужа, и все доброе просвѣщаше, все благо украшаше его: крѣпость, мужество, смыслъ, *кротость,* цѣломудрие. Но убо непорочен никтоже от земляных человѣкъ, аще на врьх добродѣтели постигнет? Ибо доброӗѣнчаны Фока толикии въ иных убо сиаше добротах телесных и душа являше благодѣтми *съвтящуся,* яко невѣсту новоукрашену и яко младящуся. Толико бо душевною печашеся красотою, яко притяжати тѣлоу своемоу трънию подобными остротою рубы, и одежду жестокую крыти багреницея, и трапезъ ошаатися мясоястныихъ. И убо вь прочиихъ свѣтилникъ бѣ свѣтозаренъ, вьсюду сиая. Ну, обаче, яко нося земную и пръстную пльть, имѣше и скврьны нѣкыихъ прѣткновений, яко на одежди чистѣ скврьны злоизмовение. Якоже бо рекоша написавшеи прѣжде времен дрьвнѣйшиих, еже по духу срьдьство имѣа къ царици, обаче и к ней примешатися и плотьски дрзнѣша. Си прьва скврьна, втораа

его пламя ярости, и словно в горах спавший лев открыл око и испустил рык, и ужас охватил долину, и поля, и горы. И провозгласил себя Фока царем, и прибыл в Константинополь и без препон вступил в него, и все увидели его, и сам всех увидел и возликовал. Множество людей собралось: кто был при дворе и кто мог гордиться знатностью рода, и кто был в рабстве и кто принадлежал к свободным. Впереди всех — царица со священнослужителями, с распростертыми объятиями встречают мужа, и по решению всеобщему провозглашается царем Никифор.

ЦАРСТВО НИКИФОРА ФОКИ

Был он воинствен, решителен на благие дела, крепкорук, в трудах несгибаем, в горестях тверд как камень. И сблизился с Феофаной, бывшей прежде царицей, и к детям Романовым отнесся с отцовской любовью. Тогда Фока проявил мужество души своей и дерзость сердца и боевой пыл, обладал он твердой душой и благородной и постоянно выдержку проявлял и издали узнавал коварного всадника. Но пока в руках иных была сила деяний, он таил в себе храбрость свою, подобно тому, как головня прячет в пепле искру, из которой вспыхнет огонь. Когда же настало время и явилась нужда и все меняющее колесо злотекущей жизни возвело его на боевые колесницы,— вот тогда Фока словно молния вспыхнул и охватил все племена варварских народов; вот так огонь, как сказал бы кто, занявшись в лесной долине, гонимый ветром, все охватит, и все растущее пожрет, и холмы опалит. Затрепетали перед ним арабы, и склонилась Сирия, Киликия задрожала, и Финикия изъявила покорность, и снова покорилось грекам все греческое. Так неодолим был Фока врагами своими. Колесо судьбы добродетельное увенчало мужа, и все благое осияло его, и все благородное украшало его: крепость, мужество, ум, сдержанность, целомудрие. Но кто из земных людей без порока, хотя и вершин добродетели достигнет? Ибо добровенчанный Фока уж так сиял многими достоинствами телесными и душу являл, добродетелями светящуюся, словно невесту новоукрашенную и блистающую молодостью. Столь заботился он о душевной чистоте, что носил на теле своем рубище, грубое и колючее как терновник, и такую одежду простую прикрывал багряницей, и трапезы избегал мясной. И во всем другом был он светочем светозарным, повсюду сияющим. Но при всем этом, как всякий, обладающий земной и тленной плотью, не лишен и он был некиих пороков, как на одежде чистой бывают пятна грязи. Как утверждают писавшие в прошлом о времени том, он не только духовную близость питал к царице, но дерзнул и плотски сойтись с нею. Это первый его порок, а второй

же абие сии. Недостойно цареви имѣша худословие, и даролюбное от разума его отостоаше, яки око нс тила и от *ревинфа* листъ. Тѣмъ и все Фочино начинание и доброта нелѣпотная явлѣашеся и злообразно видѣашеся. Ибо от тѣла истръгшися зеници, вьсь троупъ потемнѣлъ есть, и весь мраченъ съюзъ, якоже от слануткa младу листу откръшившуся, стъблие невесело естъ и корень дряхль.

Прѣдложено же ми буди и сказание худоразумию его. Ибо лютостия злобною народъ погыбааше, и вьси рыдааху от *гладные* язвы, на златици бо кобель един продавашеся. Взыды же сиа к Фоцѣ, он же *поскръбѣ,* услышав, и злое исцѣлити собою возревновав царские *исчрьпати* повѣлѣ житницы и по два на златице продавати кобля. Сице Фока худолѣпне о вещи радяше, паче же и многожитными богат сий житницами, отоваренными тяготою и пшеницами наполнеными, от нихже скрышася прьвая благодушиа, не вьзревновавъ великому Василиу вь сем, еже поистинѣ сущаго царе от Македония, иже видѣвъ страждущь византийскый народъ и глад вину сущь увѣдѣвъ печали, доброкьзньнѣ съпротивися страсти злоратнѣй, съпротивъ брався храбрѣ съ храбрыимъ и погубль звѣрѣ лютааго удавами нуждныими; 12 бо къбелъ на златицѣ продаати повелѣ продающимъ пшеницу.

И сиа убо, якоже кому воля да въменит, Фока же уязвився от нѣкоего зазора, яко убо к Цимисхию похотный соуз имат царица и творит с ним прелюбы. Увѣдѣвъ же Цимисхиа, теплѣ воцаритися желающа, всякое власти лишает его и силы, и особъ, якоже хощет, жити повелевает ему, ино ничтоже возрадовася муж сьтворь. Но царица тяшко прѣвменивши, еже Цимисхия не видѣти вь царскыихъ дворохъ, творитъ Фоку призвати мужа пакы и красоту вьдати ему прървую. И убо срьдцемь уязвеномъ възвратися онъ, и нося язвы вь души лукавыя, и образомь убо бестрастенъ и без печали сый, коваръствнѣ явлѣашеся и свѣтообразенъ показоваашеся, вьнятрьяду же имы и въ глубинѣ огнь, вься копааше злокъзньные навѣты. Фока же, не вѣды сѣти и ловитвы сьвѣтъ сьставляемых, яко орел ношашеся перием высокопарным и лѣгцѣ възношашеся кь добродѣтели *въздуху*. Тѣмъ въ устѣх его бѣ Давыдъ медовный и леганиа жестокопостла нии нужных долулегании, постяля же мякконастланы, и багряны одровя, и смѣшениа плотскаа, и яже въ смѣшениих, ни вь сьних видяше, по рекшему же, яко звѣздам подобляшеся всякымъ сладкодушиемъ. Удалѣя убо удалися и отбѣже бѣгая, и особяшиися на здѣ бысть птица и нощный вранъ безь сьна на зданиихъ. Ну бѣху неугодна сиа царици трѣбовааше бо пригръновении и пльтьскыихъ смѣшений.

вот каков был. Присуща ему была недостойная царя скупость, и щедрость была отделена от его души, как око от тела или от теребинта лист. Потому-то и все, что делал Фока, и добродетели его вызывали неприязнь и казались злообразными. Ибо если из тела исторгнута зеница, то весь труп темнеет и становится мрачным так же, как если у сланутка опадет молодая листва, то грустный стоит стебель и вянет корень.

Предложен же будет мною рассказ о скаредности его. Тогда в страшных бедствиях гибли люди и все стенали от голодных мук, так как за златницу продавали всего один кобел. Дошли вести о том до Фоки, опечалился он, услышав таковое, и решил помочь бедствию, царские велел открыть житницы и по два кобла велел продавать за златницу. Вот так скупо Фока порадел о той беде, а владел он амбарами, забитыми товарами и наполненными пшеницей, но не проявил присущей ему прежде щедрости, не возревновал он великому Василию Македонскому, который был поистине достоин царского сана, ибо увидев страдания византийского народа и узнав, что голод — причина его бедствий, ополчился разумом на страдания губительные, против них вышел храбро с храбрыми и погубил зверя лютого удушением тяжким: по двенадцать коблов за златницу повелел продавать пшеницу торгующим.

И как об этом всякий смог бы догадаться, Фока также стал терзаться некиими подозрениями, что с Цимисхием плотскую связь имеет царица и прелюбодействует с ним. Заподозрил он, что Цимисхий страстно возжелал царской власти, и всего положения его лишает и могущества, и повелевает ему проживать где захочет, но поодаль, но больше ничего не сделал тому мужу. Однако для царицы показалось слишком тяжким не видеть Цимисхия в царских покоях, и убеждает она Фоку снова вернуть этого мужа и возвратить ему прежнее положение. И возвращен тот, оскорбленный в душе, лелеющий в сердце коварные замыслы, но с виду был спокоен и весел, темен в душе, со светлым лицом перед всеми являлся, и таил в глубине души огонь, умыслы злокозненные вынашивая. Фока же не ведал о сетях, уготовленных на лов, которые вокруг него плелись, словно орел летал на крыльях высокопарящих и легко возносился к небосводу добродетели. Потому и был на устах его Давид медоточивый, и томил себя, лежа на земле на жестком одре,— постели же мягко постланной, и багряницей покрытого ложа, близости плотской и во сне не видел; как говорится — звездам уподобился своим сладкодушием. Удаляясь от всего, удалился, отбегая — отбежал, и пребывал в одиночестве, был как птица на здании и как ночной ворон, бодрствующий на башне. Все это нелюбо было царице, жаждавшей ласки и плотской близости.

Вьсприемьши же Цимисхиа благоврѣменнѣ и привязавшися ему любовия,— бѣ же и онъ зломысля на царѣ,— вьзводить того съ многыми отай оружноносци, и представляет ловца лвову ложу, и предает — о горе! — врагомъ супружника си, яко Сапсона Далида убийстьвнаа, яко Тиндарида сужителя своего, храбраго ироя! Каа убо щенца крьмящаа лвица дрьзну таковое, или кий тигропардус или злогнѣвнаа мечка? Вьтекоша же Фоку следящеи пси и обрѣтоша его на худѣ лежаща долулегании, и убивают его, имуща во устѣх божественаа. И кръвь убо течаше праведнааго по земли, яко Авелева древле от руку братоубийственою Каинову, и кь богу вьспущааше вепля плачевныя ⟨...⟩

V

САМОДРЪЖСТВО ЦАРЯ КОНСТЯНТИНА, БРАТА ВАСИЛИЮ

И понеже не щадит никогоже адъ всеядьца, и объяша и Василиа челюсти смертные и грѣческое утвержение смилаяше, яко пшеницу, но обаче въ глубоце, и мнозе, и долголѣтнѣй старостѣ. Царская же крѣпость и грѣчьские *хоругви* къ брату его Констянтину тече. Но бяше истинствующей всячески притча: поданиптиръ и кипел от тѣхжде прьстий. Житиа бо братенцю сию бѣста разнѣ, другъ друга отстоащи многочисльными числы. Елико бо Василие, сласти отринув, *поучение* о бранех творяше житие свое, присно прѣдпочитаа доброконники, и *оружноносцы,* и желѣзные щитники, и на брани уготовлени, толико же паки Констянтин ни трьпяше зрѣти листные оклопи, и желѣзнаа одежда, и сапоги, ни клопот оружных слышати понѣ въ снѣ, ни трубный вопль понѣ ратный, ни кричаний мужских, ни гласа злоратныплищьных; въ пищах упражняшеся присно и толстых трапезах, и о женах радовашеся присно безстудных и игрѣчевыих, любящих ликования, и свирѣли, и гусли, паче же и много времени сий, и сѣд, и прѣстар. Душу же страшливосрьду и трясущуюся ими, от худа помысла множайшее ослепляше, обльгующе их яко копающе лукавство отступлениа. О двою же колебля житие дщерю. И от нѣкого увѣдѣвъ, яко власть по нем на Романа приидет, на единаго от синклита, подреклом Аргыропула, принуждает мужа обручницу свою и жену отложити прьвую и припрящися Зои багренороднѣй. И сиа увещав, прѣходит от житиа, вмале самодрътсьвная насладився.

ЦАРСТВО РАМАНА АРГИРОПУЛА

Роман же всѣдает на царские прѣстоли, муж премудръ, благочестив, поучаяся въ божественых и о книгах радуется много и стояниих всенощьныих, иже зело великолѣпен богородицы

Привлекла она к себе Цимисхия, улучив к тому удобное время и привязав к себе своей любовью (да и он зло таил против царя!), ввела его тайно со многими вооруженными воинами, и привела ловца ко львову логову, и предает врагам (о, горе!) супруга своего, как Самсона Далила-убийца и как Тиндарида мужа своего, храброго героя! Какая детенышей кормящая львица поступила бы так же, или какой тигропардос, или разъяренная медведица? Врываются Фоку выследившие псы, и находят его на убогой постели, на полу лежащего, и убивают его, с застывшими на губах словами божественными. И кровь праведного потекла по земле, как в древности Авелева от братоубийственной руки Каиновой, и к богу вознес он вопль отчаяния. 〈...〉

V

ЦАРСТВО ЦАРЯ КОНСТАНТИНА, БРАТА ВАСИЛИЕВА

Так как не щадит никого ад всепожирающий, схватили и Василия челюсти смертные, и власть его над греками смололи как пшеницу, но произошло это, когда он был уже глубоким стариком и в самых преклонных годах. Царская же власть и греческие скипетры к брату его Константину перешли. Но справедливо говорится в пословице: из одной и той же глины таз для мытья ног и священный сосуд. Жили братья каждый по-своему, и во многом они отличались друг от друга. Если Василий, забыв о сладостях мира, жизнь свою посвятил браням, всем предпочитая добрых конников, и вооруженных воинов, и латников со щитами, готовых к битве, то Константин, напротив, не терпел и вида поножь, железных доспехов, и сапог, а звона оружия и во сне не хотел слышать, и звука труб, и боевых кличей, и воплей сражающихся, и возгласов злобных; вечно проводил он время в пирах и обильных трапезах, веселился с бесстыдными женщинами и танцовщицами, любящими песни, и свирели, и гусли, хотя был уже далеко не молод, сед и дряхл. Душу же имел трусливую и трепетную, по злым наветам многих присуждал к ослеплению, обвиняя их в том, что замышляют против него коварную измену. Имел он двух дочерей. И когда кто-то предсказал ему, что наследует престол один из синклитиков — Роман, по прозвищу Аргиропул, то принудил того развестись с прежней женой и обручиться с багрянородной Зоей. И так завещав, ушел из жизни, недолго самодержавной властью насладившись.

ЦАРСТВО РОМАНА АРГИРОПУЛА

Взошел Роман на царский престол, муж мудрый, благочестивый, взыскующий мудрости божественной и имеющий пристрастие к книгам и к молитвам ночным; он же построил

отроковицы сьзда храм, емуже звание Перивлептъ. И убо царица, юностию цвѣтущи, и *клокоти* плотными распалаемаа, и видяще Романа особнѣ живуща и *ни* помянующа, ако привязани есть женѣ, ниже яко живетъ съ женою, паче же и юно, лукавыми нѣкими и злыми помыслы уязвляшеся. Бѣ же нѣкто благообразен и доброзрачен юноша, имя же сему Михаил, родом от Пефлагон. Тому убо Михаилу радостнообразне во царских дворех живущу, царица похотный возложивше взор и личные его видѣвше доброты и заря — бяше бо младообразен, благозрачен, радостен, бѣлъ и румян,— похотными капле росами, похотнѣ же примешашеся, прилѣжне объимаше от лица Михаилова благодатнии цвѣти. И убо нѣкогда Роману царю плоть упокоающу банею и тѣшающу, мужие нѣции, радующуся злу, убийстьвнѣ нападшеи, удавивше и, яко змие обившеся о выи его, не вѣдѣ, како и откуду наведени бывше, или, якоже глаголятъ, и Зои царици на сие изволивши, ни ли не видящий никакоже, ибо не имам что рещи.

ЦАРСТВО МИХАИЛА ПЕФЛАГОНА

Роману же житие земленое оставльшу, Михаил воцарися и приятъ скипетра, иже прежде мала не явлен и смирен человѣкъ родом. Бѣ же добръ Михаил не токмо образом, но сиаше и благодатми, их же добродѣтели раждают, душевные красоты и умные светила. Разумѣаше бо, яко смыслен и в себѣ сматряше, от коковаго смирениа взыде на царство и от каковые худости на каковую высоту взятся. Тѣмъже бяше благоувѣтлив, негрьделив, смиреномудръ, прѣкланяяся вь милость и щедре злостраждущих, утешаа убогих и обогащаа нищиих, и увядше злобою неимѣния оживляя, и посѣщая, и грѣя, и златоструйными водами напаая жаждущиих. Никто же бо, того видѣв, отхождаше и слезы точа, никтоже бо, помолився, възвратися скорбя. Нь убо съдръзашеся недугом лютом, якоже Саулъ лукавою удавою бесовскою, и житие болѣзньно имѣша и бѣдно, или от болѣзньных времений омрачаяся и падаа, или *нуждныимъ* мучителем бѣсомъ борим. И множицею бо на землю без гласа пометашеся, пѣны теща из устъ и слины точа, устнѣ имѣя синѣ и очи развращенѣ, и гласи испущая злы и неподобны, яко овча. И аще не прикличахуся нѣции помагающе ему о страсти, биаше главу свою о стѣну, яко чюжду. От сицевые убо страсти многащи въспрянув, теплѣйши бываше добродѣтели дѣлатель и множае прилежаше, еже от сих здравию, и иноческое житие паче жедаше. Бяху же ему единокровницы и от тѣхжде

храм великолепнейший богородице-деве, именуемый Перивлепт. Но царица, цветущая юностью и желаниями плотскими распаляемая, видя, что Роман живет обособленно, и не вспоминает, что соединен браком с женой, и не приближается к ней, к тому же юной, коварными и жестокими помыслами распаляется. Был некий благообразный и красивый юноша, по имени Михаил, родом был он из Пафлагонии. Тот Михаил прекраснобровый жил в царском дворце, и царица чувственный взор на него устремила и, видя красоту и сияние лица его (был он юн с виду, с цветущим, веселым, свежим и румяным лицом, орошенным чувственной росой), соединилась с ним плотски, с радостью срывая цветы благодатные с лица Михаила. И как-то, когда царь Роман тело свое нежил и покоил в бане, мужи некие, радующиеся всему злому, напали на него и убили, удавив его, словно змеи, обвившись вокруг шеи его. И неведомо, как и кем они посланы были, или же — как говорили — Зоя-царица того пожелала, но, не бывший тому свидетелем, не знаю, что об этом сказать.

ЦАРСТВО МИХАИЛА ПАФЛАГОНЦА

Когда Роман оставил земную жизнь, Михаил воцарился и принял в руки скипетр царский, а ведь прежде был никому не ведом, человек смиренный и незнатного рода. Был же Михаил не только внешностью хорош, но сиял и достоинствами, рожденными добродетелями, красотой душевной и светом ума. Понимал он, ибо был неглуп и способен взглянуть на себя со стороны, из каких низов взошел на царский престол, из какого ничтожества на какую высоту вознесся. Поэтому был он приветлив, негорделив, скромен, склонен к милосердию и щедр к страждущим, утешал убогих и одаривал нищих, а страдающих от злой бедности возвращал к жизни, и посещал, и согревал, и златоструйными водами утолял жаждущих. Никто, будучи принят царем, не уходил со слезами, никто из обратившихся к нему с просьбой не возвращался печальный. Но страдал царь от недуга лютого, подобно Саулу, страдавшему от бесовского наваждения, и жизнь его протекала в болезни и муках, то от приступа болезни терял он сознание и падал, то страдал, одолеваемый бесовским недугом. И не раз безгласный падал на землю, пена текла из уст его и слюна, синели губы и закатывались глаза, и издавал он страшные и дикие крики, словно овца. Если же не случалось рядом никого, кто бы мог помочь ему в страданиях, то бился своей головой о стену, словно она чужая. Но придя в себя после такого приступа, еще ревностнее устремлялся он на добрые дела, надеясь заслужить ими исцеление, и жаждал стать иноком. Были у него единокровные, от того же

сѣмян, сиречь братиа, мужие злонрави нѣции, люти и хищници, мужие сластолюбиви, скътни, и злооблични, паче же и свиножителни, и говядопасци, говядаре, мужие овчаре, живущи въ безумии и *церовѣмъ* плодом пекущеся и дубовыим желудемъ. Таковѣмъ убо братиам сущим царевѣмъ и в злых прьвѣньствовавшаго, иже сродством бѣ прьвый, скоплен сий издалеча дѣтотворные уди, человѣкъ злодѣлатель, нравомъ лукав, скврьнноумен, иже прием попечение гирокомства и прочаа вся власти водяше горѣ и долу и дръжащому точен являшеся строитель. Съй убо увещевает Михаила присьненика сътворити братова си сына царици Зои. Бяху же сиа таковаа, а яже по сих кая? Царь убо Михаил анепсея своего, сице бо нарицашеся, женѣ своей присиняет и кесарским венцем скотнаго украшает, точнаго свини умом. Сам же придавляяся страстию обычною, во одежду облачитца лутшую багряницу, духовным чрьнилом ризы своя очрьнив, и к тишине притек *от* многомятежного житиа.

Оттоле убо царица прият попечение власти. ⟨...⟩

VI

ЦАРСТВО КОНСТЯНТИНА МОНОМАХА

Нь царица Зоя, грѣчьскую власть самодръца мужа трѣбовати умысливши, и дѣтемъ въсприятие и рождьства жаждущи, и желающе дѣтородна услышетися чадом мати,— от двѣю бо врьтоградарю, яко древо, напоившися, дряхла страждаше без племене цѣла быти,— тѣмъ и мужа нѣкоего красна, именемъ Констянтина из Лезве приводит корабли вѣтрилоперными, егоже Мономаха нарицаху отчим пореком. Ибо осужден бѣ в том острове жити от прьваго Михаила царствовавшаго, по иных убо, яко царство покушающься въсхитити,— обоюду бо удръжашеся яже о нем прослутия,— якоже друзии рекоша, имже неложен языкъ, зане примѣсися похотнѣ Зои царици. Въ Лезвъ убо осужден быв сьй Констянтин, и вмале не пострадав угашением очным, внезаапу падшу въспять колу чести и скодѣлю ее инако прѣврьгъшуся, царь показася и владыка, сий прьвий раб, самовладыка бысть *осуждены* и самодръжець сьвезаны, и царицю Зою уневѣщает на брак. Сице неисправлено есть земленородных житие, сице имѣниа коло, горѣ и долу текущи, валяет вся мертвная и размѣшена творит. Похвалы же въообразуют сего Мономаха на бранех убо неискусна и на оружноносие, а въ иных великаго лѣпна, даролюбива, весела, свѣтлодушна, красолюбива, милостива нравы, даролюбию море, езеро пиванию, из негоже восприемше мнозии потоки добракапелные, из негоже почрьпоша мнози воды живопитателные, пролитиа бо повсюду, източив, явися златопроходный

семени, братья его, мужи дурного нрава, злые хищники, сластолюбивы, скотоподобны и неприятны с виду, все они были скотоводами и пастухами, ходили за плугом, разводили овец, живя в хлевах и питаясь дубовыми желудями. Из этих братьев царя во всем злом первенствовал тот, кто был из них старшим, был он в детстве оскоплен, пристрастие имел к злодеяниям, был коварен нравом, низок умом, был опекуном старцев и правил всем сверху донизу и во всем уподоблялся самодержцу. Он уговорил Михаила, чтобы царица Зоя усыновила сына сестры его. Свершилось так, а что после того? Царь Михаил племянника своего (то же имя носящего) объявляет усыновленным женою своею и кесарским венцом его украшает, свинье подобного умом. Сам же, измученный своею болезнью, облачился в одежды, которые лучше багряницы — духовными чернилами ризы свои почернил и ушел в жизнь тихую из многострадальной жизни.

С той поры царица приняла всю полноту власти. ⟨...⟩

VI

ЦАРСТВОВАНИЕ КОНСТАНТИНА МОНОМАХА

Но царица Зоя, желая греческую власть передать мужу самодержцу и мечтая родить, и растить детей, и детородной стать матерью чадам (от двух садовников, словно дерево, напоенное влагой, страдала, оставаясь без плода), поэтому и мужа некоего достойного, именем Константин, с Лесбоса доставляет на кораблях, быстрых как птицы, его же Мономахом называли по отчему роду. Осужден он был жить на том острове еще первым Михаилом царствовавшим, по словам одних, потому, что собирался захватить власть (разные ходили о нем слухи), а другие, слывшие правдивыми, утверждали, что был он в плотской связи с царицей Зоей. Присужден был к ссылке на Лесбос сей Константин и едва не был ослеплен, но повернулось внезапно назад колесо судьбы, и жребий ему иной выпал — царем стал и владыкой этот недавний подданный, самовластцем стал осужденный и самодержцем связанный, и с царицей Зоей вступает в брак. Так вот непостоянна жизнь на земле рожденных, так колесо судьбы то вверх, то вниз устремляет, вертит всеми смертными и все может смешать. Молва же говорит, что Мономах этот был не искусен в бою и во владении оружием, а во всем остальном человек достойный, щедрый, веселый, светлодушный, любящий красоту, добрый по характеру, море даролюбия и озеро жаждущим, из которого проистекает множество потоков светлоструйных, и черпают из них воду живопитательную: источниками повсюду разлившийся, явился он как золотоносный

Пактолос, Нил среброструнный. Познаша сего и людие длани любодаровитие, увѣдяше сего и храми красолюбние руцѣ. Нищи напоишеся и почрьпоша в сытость, всяк храм восприят напояния златоточная. Сице обща рѣка, всюду наводняема, издаваше бо даром нескуднополитная излияния яко не вь тренныя проходи въ обидимые. Ибо Ксерьксь, грьдый он персом князь, под добрую тополу *въсклонився,* яко въ жатву красотами бездушными сад почитаяше. Овсего же и камениа, и садовиа, и острови, и пристаница дармин упоишася доброросными и приснотекущими. Сице богату душу, сице велику имѣша. И аще кто разумѣти хощет великодушие его, добросозданные храмъ увѣрит ему вещь, егоже от основаниа въздвиже и от корен прьвыих божественому мученику побѣдоносцу Георгию. Но убо добрыими цвѣти паче кедра, сице свьтеся добродѣтелми листвием яко финиксь, зело недужен бяше плотию прьстною, ногоболием бо тяжким стезашеся, ногама, яко желѣзы твердыми и яко нерешимыми оковы. И убо пребываше весь день в мягких постелях, упокоая свои недужнѣи нозѣ.

От сего рассѣдошася на нь многии влъны и напастем и бедамъ вѣтри бурнии. Слышится всячьскы он лютый Манияк, муж исполиноруки, бръзорук, мужоубийца, дрьзосрьдъй, добросрьдъ, дыхая стремлением усрьдьным. Той убо, собрав муже ратные, шлемоносца и копийники, мужа исполина тѣлом, *доброрастен* възрастъ имущем тѣла, паче тополий водных высоту имущих, яко облак ста над главою царю, дебель и мрачен, и мутен, и чрънѣйше смолы, тяжкими дожди прѣтя, не водными же дожди, но струями кровными, но кровными пролитии. Постиже убо убѣжища, постиже градови. Идѣше прѣте яростию и дыхаа паче кентаврь, яко Капаневь, велерѣчуя и гордяся, яко Антѣй. И кто убо надѣяшеся избѣгнути от злобы толикие? Но стрѣгомий божиима дланма не убоится исполин, ни звѣрие устрашится, ниже въстрепещет желѣза, ни каркиновѣх устъ, имат бо поборника бога паче всякого тяжка камене, паче тигрьскаго звѣрогонителя Минда. Тѣмь и въсия солнце свѣтлыя луча, и разори тму, и прогна облак, и видяше свѣтъ без облака царь и градове, бысть бо в ребра прободен злый звѣрь, и вси избѣгоша от звѣрояднных его челюстей. Паки же Торник другое зло проничe, други звѣрь, егоже Даниил провидѣ древле, попирая вся и развѣвая и ногами сьтирая, а оставшая съкрушает зубы. Нь и сего въсхитити суд, неизбѣжными стрѣлами того стрѣлявши и звѣря уязвивши язвами напастными. И тогда объятъ самодръжца тишина немутнаа, не имущи приражениа бурнаго.

Пактол и как Нил среброструйный. Узнали люди руки его, щедрые на дары, узнали и храмы руки его, красоту ценящие. Нищие напоены и накормлены досыта, всякий храм одарен потоками золотыми. Так являлся он всем, как река полноводная, неистощимая в дарах своих. ⟨...⟩ Ибо Ксеркс, гордый царь персидский, склонился под прекрасным тополем летним, за красоту неодушевленную сад почтил. Этого же дарами щедрыми и постоянными напоены и камни, и сады, и острова, и пристани. Такую богатую и щедрую душу имел он. И если кто хочет убедиться в великодушии его, то засвидетельствует это прекрасный храм, им созданный, воздвигнутый им от основания и от самой земли в честь божественного мученика Георгия Победоносца. Но хотя был царь прекрасен, как кедр, листвой добродетелей красовался, как финиковая пальма, тяжело было больно́ его тело бренное, тяжко страдал он от болезни ног — были они тверды словно железные, точно заключены в несокрушимые оковы. И поэтому пребывал он все дни в мягкой постели, покоя свои больные ноги.

Из-за того поднялись на него одна за другой волны напастей, и принесли беды ветры бурные. Услышан был всеми некий лютый Маниак, муж с руками исполина, быстрорукий, мужей убийца, бесстрашный и мужественный, исполненный бранного пыла. Тот собрал мужей ратных, шлемоносцев и копьеносцев, мужей, могучих телом, а ростом поднимающихся выше тополей прибрежных, словно туча встал над головой царской, туча тяжелая, и мрачная, и мутная, чернее смолы, гро́зящая сильными дождями, но не водными ливнями, а потоками крови и кровопролитием. Захватил он крепости, завладел и городами. Двигался, дыша яростью, словно кентавр, уподобясь Капанею, величаясь и гордясь собой, как Антей. И кто бы мог надеяться, что избежит такой беды? Но тот, кого хранят божественные длани, не убоится исполина, не устрашится зверя, не вострепещет перед железом и перед зевом огненным, ибо имеет он защитником бога, что сильнее самого тяжелого камня и тигрского зверогонителя Мидаса. Потому и воссияло солнце светлыми лучами, и разорвало тьму, и прогнало тучу, и увидели небо безоблачное и царь и города, в ребра же был пронзен злой зверь, и все избавлены были от зверояданых его челюстей. Но за ним Торник новое зло затеял, другой зверь явился, предсказанный еще в древности Даниилом, все круша, развевая по ветру и ногами топча, а оставшееся сокрушая зубами. Но и того постиг рок, неумолимыми стрелами его поразил и зверя уязвил ранами смертными. И тогда воцарилась вокруг самодержца тишина светлая, не нарушаемая тревогами бурными.

САМОДРЪЖЬСТВО ФЕОДОРЫ ЦАРИЦЫ

Да якоже притужаху ему лютии недузи, и брения телеснаго естьство прошаше, на багрянородную абие Феодору, Зоину сестру, царство прѣходит, ибо царица Зоя прежде умрьла бѣ. Яже на властную вмале всѣдше колесницу и исхождение свое разумѣвши еже ис тѣла, бяше же, якоже глаголять, неискусна плодскимъ скврьнам, мужа нѣкоего долгоживша, и сѣда, и трясущася възводит всадника на колесницу толикую, ему же имя Михаил.

ЦАРСТВО МИХАИЛА СТАРЪЦА

Иже лѣтными убо многожительными украшашеся врьхи долгостаростными, въспять убо достигших кь западом жития, и от служениа убо его рать погибе, вь иних же и добронравен и изящен бѣ. Но убо не возможе срьдечные отрасли на свѣтъ произвести и показати сущий въ глубинѣ клас, ибо обдержаху всю власть Феодорины сродници, прьвые царици, не брѣщи о Михаиле подобне, яко безвременную зелку безлистьвну, и стару, и уже увядшу, понеже и связан бѣ страшными клятвами, яко да предасть имъ вся: и словесы правити и вещьми. Бяше убо тьй яко сѣнь и словеси токмо царь, а прочаа вся руками онѣх правляху, ихже пѣстуны Михаилу остави Феодора и хранителя, и строителя, и власти его отца, двопѣстунны ибо суть старцы, по притчи. Тѣмъ и приходящей и приступающей к ним и по всему по воли их устроени суще почрьпаху обилия даров. Человѣци же воиньстьвнии, ратем искуснии, и от корени славныих прозябшеи и добровѣтьвныих, имже добра отечьства и прародителие и род от храбрых, яки сьсуд нѣкий скуделнич и безчестьнь премѣтахуся. Увѣрити же имать глаголемое Комнинь он, емуже имя Исакие, иже въ храбрънствѣих имяше и прослутие велико, имѣша бо руцѣ блази на добрая дѣла и прьсти доброуказани на рати. Иже приступль к Михаилу и плодние трудни богати от него же потяжати вознепщевавъ, и надеждъ не получив, ни пожав цвѣти, но и паче поругания обрѣтъ трьние от злых врьтоградар властные ограды. И гнѣвен быв, възрѣвъ на отметнутие, и придружив Дуку Констянтина и многие ини, великим богатьством кипящих и роду начала свѣтла имущих, и собрав воя из *Асие,* оружники, нападе на царя, хотя его съ *прѣстола* сврещи. Услыша же сиа Михаил, трясущийся старець, и, судив паче себе недостойна быти сану, яки гробна уже старца и гнила, готов бѣ слѣсти съ прѣстола и уступити.

ЦАРСТВО ФЕОДОРЫ-ЦАРИЦЫ

И когда одолели его тяжкие недуги и природа потребовала бренное его тело, к багрянородной Феодоре, Зоиной сестре, снова переходит царство, ибо царица Зоя уже умерла. Но и эта не надолго взошла на колесницу власти и, предвидя близкое расставание с телом (как говорят, не искушена она была плотской скверной), мужа некоего, долгую жизнь прожившего и седого, и трясущегося, возводит править колесницей этой, имя же ему Михаил.

ЦАРСТВО МИХАИЛА-СТАРЦА

Он, прожив много лет, украшен был достоинствами глубокой старости, находился на самом закате жизни, и стараниями его прекратились войны, в остальном же был добронравным и достойнейшим. Не мог он плода сердца своего на свет произвести и явить сущий в глубине колос, ибо держали всю власть родственники Феодоры, бывшей царицы, которые вовсе не считались с Михаилом, точно он был не вовремя выросшим кочаном капусты, без листвы, старым и уже увядшим: был он связан страшными клятвами, что отдаст им все: и право решения и власть над людьми. Был он поэтому словно тень и лишь по имени царь, вся же власть в их руках была, а тех пестунов приставила к Михаилу Феодора как хранителей, и советников, и отцов державы, ибо, как говорится, старики — это вдвойне дети. Поэтому все приходящие и являющиеся к ним и все совершающие по воле их получали обильные дары. Мужи же бранные, в бою искусные и принадлежавшие к славным родам и корням, имевшие происхождение благородное и предков храбрых, были в бесчестии, словно это дешевые глиняные горшки. Решил убедиться в справедливости слухов этих Комнин, ему же имя Исаакий, храбростью завоевавший великую славу, ибо руки его были готовы на всякие благие дела, а грудь словно создана была для битвы. Приступил он к Михаилу, рассчитывая получить от него богатые дары, но не оправдались его надежды, не обрел он цветов, а получил на поругание терние от злых садовников царского сада. И разгневался, претерпев такое унижение, и привлек на свою сторону Константина Дуку и многих других, прославленных великим богатством и происходящих из славных родов, и собрал воинов из Азии, оружие носящих, и напал на царя, решив свергнуть его с престола. Услышал об этом Михаил, трясущийся старец, и понял сам, что недостоин он царского сана и что на краю могилы уже стоит, хилый старец, и готов был сойти с престола и уступить его.

Но иже корабль властный устроеный, не хотяще спасении его, но потопити и погрузити богатѣйши влънами тяжко шумящими, на брань и не хотяща старца подвизают вмале не погребена на ополчение. От сего брани междусобные, и десница грѣчьскыя на грѣки сулица остряще и копиа, и омакаеми кровми междусобными, и серпь простирашеся, разделяа съединение, и друга на друга подвиже, яко во мрацѣ, и чада единаго отца друга на друга расверѣпие. Бывает же Комнин изящнѣй въ брани, и град прьвый градом постигъ *безперною* бръзостию, и, венець возложив на ся, самодръжец показася.

Но те, кто управляли кораблем царствования, не о спасении его помышляя, но готовые потопить и погрузить корабль богатейший в водах тяжкошумящих, сего старца против воли посылают — едва живого — на битву. И началась междоусобица, и десницы греческие на греков же сулицы острят и копья, и обагряют друг друга кровью междоусобий, и серп простирается, разделяя друзей и поднимая их друг против друга, словно в помрачении, и чада одного отца друг против друга свирепо борются. Но оказался Комнин удачливей в брани и города, первого среди городов, достиг быстрее, чем на крыльях, и, венец возложив на себя, объявил себя самодержцем.

ПОСЛАНИЕ ИГУМЕНА ПАМФИЛА

ОТ ПАНФИЛИА, ИГУМЕНА ЕЛИЗАРОВЫ ПУСТЫНИ СЛОВО УЧИТЕЛНО О ИВАНЕ ДНИ ПРЕДТЕЧИ КЪ БОЖИЮ ХРИСТОЛЮБИВАГО ГРАДА ПСКОВА И ВСЕМУ ПРАВОСЛАВНОМУ ХРИСТИЯНСТВУ

Благословление и послание изо обители пречистыя богоматере честнаго ея Рожества и Трех святитель — Василья, и Григорья, и Ивана Златаустаго; Елизарова монастыря божиею волею и того благодатию Панфилей, игуменъ о Христѣ з братьею, богомолець государей наших великых князей и царей и всея Русии, сице тако есмь вкупѣ и вашь богомолець, господей наших.

И о всем благословяю вас, и бью челом, и молю вашу власть, да с любовию господа ради послушайте словес грубости моея, вам бо есть держава и власть и въ граде сем по бозе и государей великых князей, и того ради явите боязнь вашу, яко православныя христиане сущеи, еже к богу.

Сице бо еще есть останокъ неприязни въ граде сем, и зело не престала здѣ еще лесть идолскаа, кумирское празнование, радость и веселие сотонинское, в нем есть ликование и величание диаволу и красование бесом его в людех сих, не ведущих истины. Но иже яве паче есть нечестие въ людех к богу предо очима вашима: си бо на *всяко* лѣто кумирослуженным обычаем сотона призывает во град сей, и тому, яже жертва, приносица всяка скверна и безаконное богомерское празнование.

Еда бо приходит велий празникъ, день Рожества Прдтечева, и тогда, во святую ту нощъ, мало не весь град възмятеца и възбѣсица бубны и сопѣли, и гудением струнным, и всякими неподобными играми сотонинскыми, плесканием и плясанием. И того ради двинеца и всяка въстанет неприязненая угодиа, яко в поругание и в бесчести Рожеству Предотечеву, и в посмѣх, и в поругание, и в коризну дни его. Въстучит бо град сей и возгремять в нем *людие* си безаконием и погибелью

ПОСЛАНИЕ ИГУМЕНА ПАМФИЛА

ИГУМЕНА ЕЛИАЗАРОВОЙ ПУСТЫНИ ПАМФИЛА СЛОВО ПОУЧИТЕЛЬНОЕ О ДНЕ ИОАННА ПРЕДТЕЧИ К НАМЕСТНИКУ ХРИСТОЛЮБИВОГО ГОРОДА ПСКОВА И ВСЕМУ ПРАВОСЛАВНОМУ ХРИСТИАНСТВУ

Благословение и послание из обители пречистой богоматери, честного ее Рождества и трех святителей — Василия, Григория и Иоанна Златоуста; божьей волею и благодатию игумен Елиазарова монастыря Памфил с братьею во Христе, богомолец за государей наших великих князей и царей всея Руси, а также ваш богомолец, господа наши.

Во всем благословляю вас, и бью челом, и молю вашу власть: господа ради с любовию выслушайте невежественные речи мои, ибо вам от бога и государей великих князей даны в этом городе правление и власть, и потому бойтесь бога, как истинные православные христиане.

Есть еще в городе этом остатки зла, и не исчезли еще здесь ложная вера идольская, праздники в честь кумиров, радость и веселие сатанинские; во всем этом — ликование и возвышение дьявола и торжество его бесов в людях, не знающих истины. И прямо перед вашими глазами бесчестят люди бога: так каждый год сатана призывает служить кумирам, и, словно в жертву ему, творятся в городе этом скверные дела и совершаются безобразные богомерзкие празднования.

Когда приходит великий праздник, день Рождества Предтечи, то тогда, в ту святую ночь, чуть ли не весь город впадает в неистовство, и бесится от бубнов, и сопелей, и гудения струн, и услаждается непотребными всевозможными игрищами сатанинскими, плесканием и плясками. Оттого и поднимаются и восстают все злые силы на поругание и бесчестие Рождества Предтечи, на осмеяние и поругание и поношение дня его. Зашумит город и возгремят в нем люди, охваченные беспутством, грехами постыдными,

лютою, злым прелщением пред богом; стучать бубны и глас сопѣлий, и гудут струны. Женам же и дѣвам плескание и плясание, и главам их накивание, устами их неприязненъ кличь и вопль, всескверненыя пѣсни, бесовская угодиа свершахуся, и хрептом ихъ вихляние и ногам ихъ скакание и топтание; ту же есть мужем же и отроком великое прелщение и падение, но яко же на женское и девическое шатание блудномъ и вьзрѣние, тако же и женам мужатым беззаконное оскверненне, то же и девам растлѣние.

Что же бысть въ граде сем в годину? Сотона красуетца, и печалуеть ими богъ, прогнѣвася на творяща безакония сия, егда совершивше нощь ту въ всяцѣх играх и дѣлесех неприязненых, в бесовских угодии, яко сущеи идолослужитилие, бесовски празникъ сей. Подобает же сей день Рожества великаго Ивана Предотечи в чистотѣ и целомудрии духовне и в молитвах празновати.

Пакы же о тѣх же плесковичи. В той святый день Рожества великаго Ивана Предотечи исходят обаврици мужи и жены чаровници по лугам и по болотамъ, в пусти же и в дубравы, ищуще смертныя травы и привѣта чревоотравнаго зелиа на пагубу человечеству и скотом; ту же и дивиа копают кореиа на потворение и на безумие мужем. Сиа вся творят с приговоры дѣйством дияволим в день Предотечевъ с приговоры сатанинскыми.

И сия ли Христосъ избра? И тако ли есть християном православным вѣра и чинъ? И сиа ли христианскаа лепота и законъ, играниемъ и плясанием, и блудом, и чародѣянием, и бесовскими пѣсньми, дудами же и бубны, веселием сотоны сомого день рожениа великаго Предотечи почитати и празновати, яко не крестьяном сущимъ, глумом безлѣпотным; но паче горше невѣрных прелстишася неведы и заблудиша от истины.

Вы же, господье мои, благочестивыи мужи, властели сущи и грозная держава града сего христолюбиваго! Уймите храбским мужеством вашим от таваго начинаниа идолскаго служениа богозданный народ сей, творящая злая бесовскаго угодия во Предотечевъ день, да молитвами великаго сего предстателя вселенныя Ивана Крестителя милостивъ нам будет и щедръ и оставит грѣхи наша в страшный день Суда праведнаго своего господь нашь Иисус Христосъ, ему же бо слава со отцем его и пресвятым и благым и животворящим духом нынѣ и присно и в вѣки вѣком. Аминь.

низким отступничеством от бога; стучат бубны, поют сопели, гудят струны. Плескание и плясание, тайные знаки головой, непристойные крики и вопли из уст, самые непристойные песни — так угождают бесам жены и девы, и телом вихляют, и скачут, и выплясывают; во всем этом великое искушение и грехопадение для мужей и отроков, когда они видят распущенность жен и девиц, равно как и замужним женщинам позорное бесчестие и девицам растление.

Что же происходит в городе в это время? Сатана красуется, и печалится бог, гневаясь на творящих эти безобразия, когда проводят они эту ночь во всяких играх и делах непотребных, бесовских удовольствиях, как настоящие идолослужители, празднуя этот бесовский праздник. Подобает же день Рождества великого Иоанна Предтечи праздновать в чистоте и целомудрии духовном и молитвах.

И еще о тех же псковичах. В тот святой день Рождества великого Иоанна Предтечи выходят волхвы-мужи и жены-чародейки на луга и болота, в степи и дубравы, ища смертной травы и отравного приворотного зелья на пагубу людям и скоту; тогда же копают дикие коренья, чтобы приворожить и свести с ума мужчин. Все это делают в день Предтечи с заклинаниями сатанинскими по дьявольским обычаям.

И это ли избрал Христос? И таковы ли у православных христиан вера и обряды? И это ли христианское благолепие и порядок — игрищами, и плясками, и блудом, и чародейством, и бесовскими песнями, дудами и бубнами, веселием сатаны самого почитать и праздновать день рождения великого Предтечи, глумлением безобразным, как будто и не христиане; но еще горше нечестивых прельстились невежды и позабыли истинную веру.

Вы же, господа мои, благочестивые мужи, истинные властители и грозная опора этого города христолюбивого! В храбром мужестве вашем остановите от таких начал идолопоклонства богом созданный народ, творящий злые бесовские дела в день Предтечи, чтобы молитвами великого наставника вселенной Иоанна Крестителя милостив был к нам и щедр и оставил грехи наши в страшный день Суда праведного своего господь наш Иисус Христос; ему же слава с отцом его и пресвятым и благим и животворящим духом ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

ЗАВЕЩАНИЕ НИЛА СОРСКОГО

Во имя Отца, и Сына, и святаго Духа. Завѣщаваю яже о себе моимъ приснымъ господиямъ и братиям, яже суть моего нрава: молю вас, повергните тѣло мое в пустыни сей, да изъядятъ е звѣрие и птица, понеже съгрѣшило есть къ богу много и недостойно есть погребения. Аще ли сице не сътворите, и вы, ископавше ровъ на мѣстѣ, идѣ же живемъ, съ всякимъ безчестиемь погребите мя. Бойте же ся слова, иже великий Арсений завѣща своимь ученикомъ, глаголя: на судѣ стану с вами, аще кому дадите тѣло мое. Мнѣ потщание, елико по силѣ моей, что бых не сподобленъ чести и славы вѣка сего никоторые, яко же в житии семъ, тако и по смерти. Молю же всѣх, да помолятся о души моей грѣшней, и прощения прошу от всѣх, и от мене прощение. Бъг да простит всѣх.

Крестъ болшей, что в нем камень страстей господних, тако ж и что писал есми сам книжки, то — господѣ моей и братии, кто учнетъ търпѣти на мѣстѣ семъ. Аще бы потщалися по мнѣ службу священную сотворити до 40 дней, о том велми челомъ бью. Малыа книжицы, Иоаннъ Дамаскинъ, «Потребникъ»,— и «Ермолой» тако ж здѣ,— Псалтирь в четверть, Игнатиева писма,— въ Кириловъ монастырь. И прочие книги и вещи Кирилова монастыря, что мнѣ давали за любовь божию, чие что есть — тому и отдати; или нищим; или монастыря коего; или отъинуду христолюбца коего, что въ лицѣх,— тому и отдати.

ЗАВЕЩАНИЕ НИЛА СОРСКОГО

Во имя Отца и Сына и святого Духа. Завещаю о себе моим вечным господам и братьям, людям моего нрава молю вас, бросьте тело мое в этой глуши, чтобы съели его звери и птицы, потому что грешило оно перед богом много и недостойно погребения. Если же этого не сделаете, тогда, выкопав яму глубокую на месте, на котором живем, со всяким бесчестием погребите меня. Бойтесь же слова, которое Арсений Великий завещал своим ученикам, говоря: на суде стану с вами, если кому-нибудь отдадите тело мое. Я стараюсь, насколько в моих силах, не быть сподобленным чести и славы века сего никакой — как в жизни этой, так и по смерти моей. Молю же всех, да помолятся о душе моей грешной, и прощения прошу у всех, и от меня — прощение. Бог да простит всех.

Крест большой, в котором камень страстей господних, а также книжки, которые я сам писал, то — господам моим и братьям, кто начнет терпеть на этом месте. И чтобы постарались по мне службу священную совершать в течение сорока дней,— об этом очень прошу. Маленькие книжицы, Иоанн Дамаскин, «Потребник» — и «Ирмологий» здесь также,— Псалтирь в четверть Игнатьева письма — в Кириллов монастырь. И прочие книги и вещи Кириллова монастыря, что мне давали по любви божией,— чье что есть, тому и отдать; или — нищим; или монастыря какого-нибудь; или откуда-то христолюбца какого-то лицевую книгу — тем и отдать.

СЛОВО ОБ ОСУЖДЕНИИ ЕРЕТИКОВ ИОСИФА ВОЛОЦКОГО

СЛОВО НА ЕРЕСЬ НОВГОРОДЦКИХ ЕРЕТИКОВЪ, ГЛАГОЛЮЩИХ, ЯКО НЕ ПОДОБАЕТЪ ОСУЖАТИ НИ ЕРЕТИКА, НИЖЕ ОТСТУПЪНИКА. ЗДѢ ЖЕ ИМАТЬ СКАЗАНИЕ ОТ БОЖЕСТВЕННЫХ ПИСАНИЙ, ЯКО ПОДОБАЕТЪ ЕРЕТИКА И ОТСТУПНИКА НЕ ТОКМО ОСУЖАТИ, НО И ПРОКЛИНАТИ, ЦАРЕМЪ ЖЕ, И КНЯЗЕМЪ, И СУДИЯМЪ ПОДОБАЕТ СИХ И В ЗАТОЧЕНИЕ ПОСЫЛАТИ, И КАЗНЕМЪ ЛЮТЫМ ПРЕДАВАТИ

Понеже убо нынѣ новоявльшиися новогородцкие еретицы, Алексѣй протопоп, и Денис поп, и Феодоръ Курицынъ, и инии мнози, иже тая же мудръствующеи, много зла содѣаша, яко язык не может изърещи, ниже слово сказати, ниже ум вмѣстити, елико хуление изрекоша на святую и животворящую Троицу, и на пречистую богородицу, и на великаго Иоана Предтечю, и на вся святыя, и колико сквернения содѣлаша на святыя божия церкви, и на честныя и животворящия кресты, и на всячестныя иконы, и толика и такова зла сотворше, убояшася православъных еже о благочестии ревности, яко да не увидѣвше толикая их зла, соборне осудят ихъ по божественнымъ правилом в конечьную погибель в нынешнем вѣце и в будущемъ, сего ради вседушьно подщашася, еже утаитися от православных и сими глаголы хотяще устрашити правовѣръныя, глаголаху, яко не подобает осужати не еретика ниже отступника, на свидѣтелъство же приносяще господня глаголы, еже *рече:* «Не осужайте, да не осужени будете»,— и святаго Иоана Златаустаго, еже глаголетъ, яко не достоит никого же ненавидѣти, или осужати, ниже невѣрнаго, ниже еретика, и не убо достоит убивати еретика,— аще ли же и судити подобаетъ еретика или отступника, от царьских и градских закон судитися, а не от инокъ, ниже от миръских человекъ, иже не присѣдящимъ судищным двором.

И о семь убо, еже рече господь: «Не осужайте, да не осужени будете», хотяй извѣстно разумѣти, да прочтетъ свидѣтельство

СЛОВО ОБ ОСУЖДЕНИИ ЕРЕТИКОВ ИОСИФА ВОЛОЦКОГО

СЛОВО ПРОТИВ ЕРЕСИ НОВГОРОДСКИХ ЕРЕТИКОВ, УТВЕРЖДАЮЩИХ, ЧТО НЕ СЛЕДУЕТ ОСУЖДАТЬ НИ ЕРЕТИКА, НИ ВЕРООТСТУПНИКА. ЗДЕСЬ ЖЕ ДАНО РАССУЖДЕНИЕ ПО БОЖЕСТВЕННОМУ ПИСАНИЮ О ТОМ, ЧТО ЕРЕТИКА И ВЕРООТСТУПНИКА НЕ ТОЛЬКО ОСУЖДАТЬ, НО И ПРОКЛИНАТЬ СЛЕДУЕТ, А ЦАРЯМ, КНЯЗЬЯМ И СУДЬЯМ СЛЕДУЕТ ОТПРАВЛЯТЬ ИХ В ЗАТОЧЕНИЕ И ПОДВЕРГАТЬ ЖЕСТОКИМ КАЗНЯМ

Поскольку теперь новоявленные новгородские еретики — протопоп Алексей, поп Денис, Федор Курицын и многие другие, рассуждающие подобным образом,— сотворили много зла, которого ни высказать устами, ни описать словом, ни объять умом, такую хулу изрекли они на святую животворную Троицу, на пречистую богородицу, на великого Иоанна Предтечу и на все святыни и столько осквернений нанесли они святым божьим церквам, честному и животворящему кресту, всечестным иконам,— и, сотворив столько такого зла, устрашились они ревности православных о благочестии, чтобы, увидев такое зло, не осудили те их на соборе в согласии с божественными установлениями на окончательную гибель в этой жизни и в будущей,— поэтому-то и приложили они все силы к тому, чтобы ввести в заблуждение православных, и в намерении запугать истинно верующих изрекали такие речи, что, дескать, не нужно осуждать ни вероотступника, ни еретика, ссылаясь в качестве свидетельства на слово господа, который сказал: «Не осуждайте, чтобы и вас не осуждали», и святого Иоанна Златоуста, который говорит, что никого не нужно ни ненавидеть, ни осуждать — ни неверного, ни еретика, и не нужно также еретика убивать, но если необходимо судить еретика или вероотступника, то пусть его судят по царским и гражданским законам, и не монахи, да и не миряне, если не имеют они отношения к суду.

Кто хочет точно уяснить себе слова господа: «Не осуждайте, чтобы и вас не осуждали», пусть прочтет свидетельства

божественных писаний, еже о семь написаша святии и преподобнии и богоноснии отцы наши, святый Иоанн Златаустый, и великий Василие, и божественный Афонасие Великий, и инии мнози святии отцы наши. И от сих убо писаний собра добрѣйши же и высочайший преподобный отець нашь Никонъ во своей велицей книзе, въ тридесять и девятомъ словѣ, положи.

Ныне же прочее о сем речемъ, еже глаголетъ божественный Иоан Златаустый. Глаголетъ, яко не достоит зло творити или ненавидѣти какова любо человека, или нечестива, или еретика. Сия глаголетъ великий Иоан и равноапосталный муж, показуетъ нѣкая повелѣния временна. Не бѣ же воля божия всегда тако быти, яко же самъ той свидѣтельствуетъ великий Златаустъ, сице глаголетъ, яко не достоит зло творити, или ненавидети какова любо человека, или нечестива, или еретика, егда не имам от них душевный вред. Тако бо и пастырие творят: дондеже убо ничто же забавляет имъ звѣрь, подъ дубомъ или под смерчиемъ себе повергъше, тростию свиряют, оставльше на власти всяцей овца пастися. Внегда же волькомъ нахождение ощутятъ бывшее, въскоре тросгь повергъше, прашьшу восхищаютъ и свирѣль оставльше, дреколми и камениемъ себе вооружают, и пред стадомъ ставше, и велми ужаснѣ воскликнувъше гласомъ, множицею преж верьжения звѣря отгнавъше. Тако убо и намъ подобаетъ творити, иже Христово стадо пасущимъ, пастыремъ же и учителемъ. Егда убо видят невѣрнаго или еретика, никоего же вреда душевънаго не творяше вѣрнымъ, тогда и они, в травницѣ нѣкоемъ книжных повестей поучающеся, смирениемъ же и кротостию да наказують невѣрьныя и еретики. Егда же видятъ иже всѣхъ вольковъ лютѣйших окаянныя еретики, хотящих Христово стадо погубити и растлити еретическими июдейскими учении, тогда подобает имъ всяко тщание и ревность показати, яко да ни едино овча *Христова стада* звѣрьми восхищено будетъ. Зри, яко о семь глаголетъ священный Златаустъ. Егда невѣрьнии еретицы *никого* же от православных прельщают, тогда не достоитъ имъ зло творити или ненавидети ихъ; егда же узритъ невѣрныя же и еретики, хотящих прельстити православныя, тогда подобаетъ не точию ненавидети их или осужати, но и проклинати и язвити, и симъ руку свою освятити.

Яко же повелеваетъ сам той священный Златаустъ, глаголя сице: «Понеже о хулении намъ слово бысть, иже на единороднаго сына божия, нынѣ же единаго от вас хощу просити дара, да хулящая вся иже во граде накажете. Аще услышиши нѣкоего на распутии или на торгу среди народа, владыку Христа хуляща, приступив, воспрети. Аще и язвы ему наложити подобает, не отмещися, зауши, сокруши его уста,

божественных сочинений, что об этом написали святые, преподобные и богоносные отцы наши — святой Иоанн Златоуст, Василий Великий, божественный Афанасий Великий и многие другие святые отцы наши. А достойнейший и превосходный преподобный отец наш Никон из этих сочинений сделал выборки и изложил в своей большой книге, в тридцать девятом слове.

Мы же теперь побеседуем о том, что говорит божественный Иоанн Златоуст. Говорит он, что нельзя творить зло или ненавидеть какого бы то ни было человека, хоть нечестивого, хоть еретика. Этот великий и равный апостолам муж говорит и указывает, что эти повеления связаны со временем. Не было божьей воли, чтобы так было всегда, как свидетельствует сам великий Иоанн Златоуст, говоря, что нельзя творить зло или ненавидеть какого бы то ни было человека, хоть нечестивого, хоть еретика, пока не приносит он вреда нашей душе. Ведь так поступают и пастухи: до тех пор, пока дикие звери не доставляют им забот, расположившись под дубом или под кедром, играют они на дудке, позволяя всякой овце пастись на воле. Но как только заметят они, что приближается волк, тотчас, отбросив дудку, хватают пращу и, забыв о свирели, вооружаются дрекольем и каменьями,— встав впереди стада и издавая угрожающие крики, зачастую еще до нападения отгоняют они зверей. Точно так и нам, пастырям и учителям, пасущим Христово стадо, следует поступать. Ведь если увидят они неверного или еретика, никакого вреда не приносящего душам верных, то, вбирая мудрость на лугах книжных сказаний, с миром и кротостью пусть поучают неверных и еретиков. Но если увидят они проклятых еретиков, более коварных, чем все волки, стремящихся погубить Христово стадо и растлить его еретическим иудейским вероучением, следует им тогда высказать ревность и старание, чтобы ни одна овца стада Христова не была похищена дикими зверьми. Вот так говорит об этом священный Иоанн Златоуст. Когда не обольщают никого из православных неверные и еретики, не следует тогда творить им зло или их ненавидеть, но когда мы видим, что неверные и еретики хотят обольстить православных, тогда следует не только ненавидеть их или осуждать, но и предавать проклятью, наносить им раны и тем освящать свои руки.

Как тот же святой Иоанн Златоуст сам указывает, так говоря: «Раз была у нас речь о хуле, что на единородного сына божия, хочу я просить у вас одного только подарка, чтобы наказывали вы всех в городе хулителей. Если услышишь, что кто-нибудь на перекрестке или на площади среди людей хулит Христа-господа, подойди и пресеки. Если и насилие над ним совершить придется, не избегай — ударь по лицу,

освяти си руку язвою. Аще и поемлют нѣцыи, и аще на судъ влекутъ, въслѣдуй. Аще и на судѣ воспросят, сирѣч судии истяжет, глаголи *с* дерзновениемъ, яко же царя аггельскаго похулилъ есть: аще бо хулящаго земнаго царя мучити подобаетъ, велми паче, иже хулящихъ небеснаго царя. Объщий есть грѣхъ, всѣх есть бесправдие. Подобаетъ же комуждо от хотящихъ оглаголавати, да увѣдятъ и жидове и поругании еретицы, яко спасители суть граду християне, и строители, и заступъници, и учители. Да увѣдятъ се не утомлении и развращении жидове и еретицы, яко божиих рабъ боятися тѣмъ подобаетъ, да, аще изволятъ когда извещати нѣчто таково, друг на друга взирают всюду, и стѣней трепещут, страхующеся, егда гдѣ християн услышатъ. Не слышали, что Иоан сотвори? Мучителя видѣ человека, брачныя законы отметающа, з дерзновениемъ посреди торъжища рече: «Неподобно ти есть имѣти жену Филипа брата своего». Аз же не о человѣцехъ приведох слово, ни о судии, ни о брацѣх безаконнующих, но о владычьней досаде. Аще убо и умрети подобаетъ, наказовати брата своего не обленися: мучительство убо и то есть за Христа. Понежь Иоан мученикъ есть, аще и пожрети не повелѣнъ бысть, ни поклонитись идоломъ, но егда видѣ божественныя законы попираеми, и того ради душу свою положи».

И паки той же глаголетъ: «Возлюбленнии, многажды вам глаголаху о безбожных еретицѣхъ, и нынѣ молю, не совокуплятися с ними ни въ ядении, ни в питии, ни въ дружбе, ни в любъви: творя бо сия, чюжа себе творят Христовы церкви. Аще кто и бесплотных житие поживетъ, еретиком же приобъщаяся в дружбе или въ любви, таковый *чюж* есть владыки Христа. Яко же убо сытости не имамы владыку Христа любити, такоже не имамы сытости враги его ненавидети. Глаголетъ бо самъ: «Иже нѣсть со мною, на мя есть». Сия убо глаголетъ и повелеваетъ священный Златаустъ, от святыхъ апостолъ вину прием.

Тако бо и святии апостоли творяху. Пишет бо ся в «Деяниих святыхъ апостолъ», яко, егда прииде в Самарию святый апостолъ Петръ, Иоан, тогда Симон волхвъ принесе имъ сребро, глаголя: «Дадите ми власть сию, да, на него же аще положю руцѣ, приимет духъ святъ»; тогда убо святии апостоли не осудиша его на смерть. Но егда прииде в конечное нечестие, еже развратити благочестивыя и прельстити вѣрующая, тогда смертию осужается.

Тако же и святый Иоан Богословъ сотвори. Егда убо Кунопъ в своем мѣсте живяше и никого же от вѣрныхъ не прелщаше, не осужен бысть. Егда же прииде во град, иский развратити вѣрующая, тогда осуженъ бысть на смерть.

дай пощечину, освяти свою руку раною. Если и схватят тебя, если и в суд поведут,— иди. Если спросят на суде, то есть допрашивать будет судья, отвечай не робея, что хулил тот ангельского царя: ведь если наказывать нужно тех, кто хулит земного царя, то тем более тех, кто хулит царя небесного. Общий грех всех, если нет правды. Каждый, кто может, должен высказаться за нее, чтобы знали иудеи и скверные еретики, что христиане спасители и создатели города, защитники и учителя. Пусть убедятся необузданные и развращенные иудеи и еретики, что божьих рабов остерегаться им нужно, и когда захотят они поделиться между собою чем-нибудь подобным, пусть повсюду следят друг за другом, трепещут и тени, опасаясь, чтобы не слышали христиане. Разве не знаете вы, как поступил Иоанн? Увидел он, что тиран, мучитель людей, пренебрег брачными законами, и сказал на площади без страха: «Нельзя жениться тебе на жене Филиппа, твоего брата». А я ведь не о людях держу речь, не о судьях, не о противозаконных браках, но об оскорблении господу. Хоть и придется умереть, не уклонись, чтоб наставить брата твоего: ведь мучение это будет за Христа. Так и Иоанн стал мучеником, хоть не принуждали его приносить жертвы или поклоняться идолам, но увидел он, что попираются божественные законы, и за это душу свою положил».

И далее он говорит: «Не раз говорил я вам, возлюбленные мои, про безбожных еретиков и снова умоляю, чтобы не объединялись вы с ними ни за едой, ни за питьем, ни дружбой, ни любовью: кто это делает, чужим делается Христовой церкви. Если кто и ангельской жизнью живет, но с еретиками связан любовью и дружбой,— чужд таковой господу Христу. Если не находим мы удовольствия в том, чтобы любить господа Христа, так не найдем удовольствия в том, чтобы ненавидеть врагов его. Но ведь он сам говорит: «Кто не со мною, тот против меня». Вот что говорит и на чем настаивает священный Иоанн Златоуст, подвигнутый святыми апостолами.

Ведь и святые апостолы так поступали. В «Деяниях святых апостолов» описывается, что, когда пришли в Самарию святые апостолы Петр и Иоанн, Симон-волхв принес им серебро и сказал: «Дайте мне эту способность, чтобы, на кого возложил я руку,— тот принял святого Духа»; и святые апостолы не осудили его тогда на смерть. Но когда дошел он до полного бесчестия, и стал развращать благочестивых, и обольщать верующих, тогда осуждают его на смерть.

Точно так поступил и святой Иоанн Богослов. До тех пор, пока Куноп жил у себя на месте и не обольщал никого из верных, он не был осужден. Но когда прибыл он в город, намереваясь развратить верующих, был осужден на смерть.

Тако же и святый апостолъ Филипъ: не прииде ко аръхиерѣю, ниже осуди его; но егда видѣ архиерѣа, пришедша не иного чего ради, но токмо благочестивыя развратити, тогда смеръ-тию осужен бысть.

Подобно же тому святый апостолъ Павел сотвори: не поискавъ Еллима волхва и не осуди и ниже уничижи. Но егда видѣ его ищуща развратити анъфипата от вѣры, тогда осуди его, иже слѣпу быти и не видети солнца.

Подобно жь тому святии и преподобнии и богоноснии отцы наши, священноначалницы и пастырие творяху.

Святый убо Иоан Златоустый, егда видѣ арианы, живуща в Костянтинеграде и никому же от православных пакости не творяше, тогда Иоан ничтоже зла сотвори имъ. Егда же видѣ ихъ, творящих прельщения, и нѣкоторая пѣния же и пѣсни сотвориша, яко да единосущныя смутятъ, тогда умоли царя, яко да ижденетъ их изъ града.

Тако же и святый Поръфирие, епископъ газский, видѣ в *Газе* еретики же живуща манихейская мудръствующе и никого же от православных прельщающе, тогда и он не осуди ихъ. Егда же видѣ их, сего ради пришедша к нему, яко да крестияны прельстят, тогда и онъ осужаетъ ихъ преже онемлениемъ, потом же смертию.

Тако же святый Лев, епископъ катаньский, Лиодора еретика преже не осуди на смерть. Но егда видѣ его пришедша къ церкви, нѣкоторыя мечтания творяше, яко да благочествующая прельститъ, онъ же изыде изъ церъкви и сотвори Лиодора огънемъ сожжена быти, и паки вниде въ церковь, и соверши божественную служьбу.

Тако же и святый Феодоръ, едесскый епископъ, егда видѣ множество еретик во Едесе, православнымъ не творяща многа зла, тогда и онъ не сотвори имъ ничто же зла. Егда же видѣ ихъ на толико зло пришедших, яко да православныя прельстят и церковная имѣния разграбят, тогда и въ Вавилонъ отиде, и царя умоли, яко да еретики потребит.

И многа суть такова въ божественном писании, яко егда еретицы суще в себѣ ереси имущая, православнымъ пакости не твориша, тогда и святии преподобнии отцы наши сих не осужаху. Егда узрятъ невѣръныя жь и еретики, хотящихъ прельстити православныя, тогда осужаху ихъ. Тако убо подобаетъ и намъ творити. И сиа убо о сихъ.

Прочее же речемъ и о семь, еже той же великий церковный учитель святый Иоан Златаустый глаголетъ, еже не достоит убивати еретики: «Аще быхомъ убивали еретики, рать несмирна была бы во вселенней». Сия глаголетъ о епископѣх, и о священницѣх, и о иноцѣх, и о всѣх церковныхъ причетницѣхъ, а не о царѣхъ, ниже о князех, ниже о *судиѣхъ* земных. Аще бы глаголалъ о царѣхъ, и о князех, и о судияхъ, реклъ бы, яко

Точно так и святой апостол Филипп: не пошел он к первосвященнику, не осудил его; но когда увидел, что первосвященник пришел только затем, чтобы развратить благочестивых, тогда на смерть осудил его.

Подобным же образом поступил апостол Павел: не стал разыскивать волхва Елиму, осуждать или уничтожать. Но когда увидел, что тот отвращает проконсула от веры, тогда осудил его на то, чтобы тот ослеп и не видел солнца.

Подобным же образом поступали святые и преподобные богоносные отцы наши, архиереи и пастыри.

Когда святой Иоанн Златоуст увидел, что ариане живут в Константинополе и никому из православных не чинят пакостей, он и сам не сделал им зла. Но когда увидел он, что занимаются они обольщением и составили ряд песнопений и гимнов, чтобы расшатать веру в единосущность, упросил цесаря, чтобы тот изгнал их из города.

Точно так и святой Порфирий, епископ газский, видя, что еретики манихейского толка живут в Газе и не обольщают никого из православных, не осуждал их. Но когда увидел, что пришли они туда затем, чтобы обольстить христиан, осудил он их вначале на немоту, потом и на смерть.

Так и святой Лев, епископ катанский, не осудил вначале Лиодора-еретика на смерть. Но когда увидел, что пришел тот к храму и рассеивает соблазны, чтобы обольстить тех, кто верен благочестию, вышел он из храма и сделал так, что пожжен Лиодор был огнем, потом вернулся он в храм и отслужил божественную службу.

Также и святой Феодор, эдесский епископ, когда нашел множество еретиков в Эдессе, не делающих особенного вреда православным, тогда и он не сделал им никакого зла. Но когда увидел, что собрались они на такое зло, чтобы обольстить православных и разграбить церковное имущество, тогда отправился он даже в Вавилон и упросил царя, чтобы тот истребил еретиков.

И много еще такого в божественных сочинениях, что когда еретики, держащиеся каких-либо ересей, не приносят православным вреда, тогда не судят их святые и преподобные отцы наши. Когда же видят они, что неверные и еретики намерены обольщать православных, то осуждают их. Так же должны и мы поступать. Но довольно об этом.

Теперь же поговорим о том, что тот же великий церковный учитель Иоанн Златоуст говорит, что нельзя убивать еретиков: «Если бы мы убивали еретиков, нескончаемая война была бы во всем мире». Это о епископах, священниках и монахах, о всем церковном причте говорит он, а не о царях, или князьях, или же правителях областей. Если бы говорил он о царях, князьях и о правителях, сказал бы, что

не подобаетъ царемъ, и княземъ, и судиямъ убивати еретики. Нынѣ же *глаголетъ:* «Аще быхом убивали еретики», се явъствено показуетъ, яко о епископѣх, и о священницѣх, и о иноцѣхъ, и о причетницѣх церковъныхъ глаголетъ; самъ бо той бяше преже причетникъ церковный и инок, потом же священникъ, таже и епископъ. Того ради, всѣх сих лице на себе восприимъ, глаголетъ: «Аще быхомъ убивали еретики мы, рать несмирна бы была», а не о царѣх, ни о князѣх, ни о судиях земъских сиа глаголеть.

О царѣхъ убо, и о князѣх, и о судиях и святии апостоли глаголютъ, яко они власть *прияше* от господа бога, во отмщение злодѣемъ, в похвалу же добротворящихъ. Глаголеть убо верховный апостолъ Петръ: «Повинитеся убо *всякому* человѣческому зданию господа ради, сиречь человеческой власти; аще царю, яко преобладающу; аще князем, яко посылаемом от него, во отмщение убо злодѣем, в похвалу же добротворящимъ. Тако бо есть воля божия, благотворящимъ обуздовати безумных человекъ неразумие». Подобно же тому и Павел глаголет: «Князи бо не суть боязнь благимъ дѣлом, но злым. Хощеши же ли не боятися власти? Благое твори, и имаши похвалу от нея: божий бо слуга есть ти в благое. Аще ли же злое твориши, бойся, не бо без ума меч носитъ. Божий бо служитель есть, отмститель въ гнѣвѣ злое творящему».

Подобно же тому и святии отцы глаголютъ. Священный убо Златаустъ сице рече: «На ползу убо людемъ земное начальство поставися от бога, а не от диявола, яко же нѣцыи *неподобъннии* глаголютъ, да боящеся человецы не поглащают другъ друга, яко же рыбы. Того бо ради глаголетъ святый апостолъ Петръ, яко: «Тако есть воля божия, благотворящимъ обуздовати безумныхъ человекъ неразумие». Тако же глаголетъ святый Григорие, акраганский епископъ, во своих правилных завѣщаниих: «Велие убо *есть* в человѣцех дарование божие свыше дано человеколюбне, священничество же и царство: ово убо божественным служа, ово же человѣчьскими обладая пекийся. Подобаше приемъшему от вышняго повелѣниа правление человѣчьсъкаго рода, не токмо о своих пещися, ни своего жития правити, но и все обладаемое от треволнения спасати, и многогрѣховнаго смятения потопляющимъ *отвсюду* лукавымъ духомъ, и тѣло смирения нашего смущающимъ».

Аще же кто речет, яко святии апостоли и преподобнии отцы повелѣша царемъ и княземъ и властелемъ во отмщение быти зло дѣлающим, еже есть убийцамъ и прелюбодѣемъ, татбу же и разбойничество и иная злая дѣла творящимъ, а не о еретицех, ниже отступницех, и аще убо о убийцах и о прелюбодѣях, и иже иная злая дѣла творящих,

нельзя царям, князьям и правителям убивать еретиков. Но он ведь говорит: «Если бы *мы* убивали еретиков», что ясно показывает, что говорит он о епископах, священниках, монахах и о церковном причте,— ведь сам он был вначале церковный причетник и монах, потом священник и, наконец, епископ. Потому-то, приняв на себя облик их всех, он и говорит: «Если бы мы убивали еретиков, нескончаемая война была бы»,— и не о царях, князьях или правителях областей говорит это.

О царях же, князьях и судьях говорят святые апостолы, что приняли они власть от господа бога для наказания преступников и поощрения добродетельных. Так, верховный апостол Петр говорит: «Ради господа будьте покорны всякому человеческому учреждению, то есть человеческой власти: царю ли, как верховной власти, князьям ли, как назначенным от него, чтобы наказывать преступников и поощрять добродетельных. Ибо такова есть божья воля, чтобы добродетельные обуздывали невежество неразумных людей». Согласно с ним говорит и Павел: «Князья ведь страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро и заслужишь похвалу от нее: ибо слуга бога и тебе во благо. Но бойся, если творишь зло,— не напрасно носит он меч, ибо служитель бога — гневный отмститель творящему зло».

В согласии с этим говорят и святые отцы. Вот что сказал священный Иоанн Златоуст: «Ведь поставлена гражданская власть на пользу людям богом, не дьяволом, как утверждают некоторые недостойные,— чтобы не поглотили люди друг друга, как рыбы. Поэтому и говорит святой апостол Петр, что «такова есть божья воля, чтобы добродетельные обуздывали невежество неразумных людей». Святой Григорий, епископ акраганский, то же говорит в своем законодательном наставлении: «Человеколюбиво дан людям свыше великий божий дар — священство и царство: одно служит божескому, другое, владычествуя, заботится о человеческом. Тот, кто принял по высшему повелению управление родом человеческим, должен не только заботиться о собственных делах и распоряжаться собственной жизнью, но и все, находящееся в его власти, защитить от треволнений и греховнейшего возмущения, которым лукавый дух затопляет нас повсюду и возмущает смирение тела».

Если же кто-нибудь скажет, что святые апостолы и преподобные отцы велели, чтобы цари, князья и владыки отмщали злодеям,— то есть убийцам, прелюбодеям,— воровство, разбой и другие преступления совершающим, но не еретикам и вероотступникам,— то ведь если велено это в отношении убийц, прелюбодеев и совершающих другие преступления,

повелѣно бысть сице, множае паче о еретицех и отступницехъ подобает тако же быти, яко же свидѣтельствуетъ божественное писание. Глаголеть бо ся въ божественных правилех, еже от градцких закон, о невѣрных и о еретицех сице: «Иже сподобившеися святаго крещения, и отступльше православныя вѣры, и еретицы бывше, или творяше еллинъския жеръгвы, конечне повинни суть муце. Аще жидовин деръзнетъ развратити христианскую вѣру, главней повиненъ есть казни. Манихеи же, или инии еретицы християне бывше, и потомъ начнут еретическая творити или мудрьствовати, мечемъ да посекается; иже таковы свѣдающе, и не предающе сих князем, конечьней муце повинни суть. Аще ли же кто воевода или воин, или сонмища началникъ, должни суть о семь пещися, егда кто еретическая творя или мудрьствуя, и аще увѣдавше не предадятъ его, аще и правовѣрнии сами суть, конечную муку подоимутъ».

Гдѣ суть глаголющеи, яко не подобаетъ осужати ни еретика, ниже отступъника? Се убо явъствено есть, яко не точию осужати подобаетъ, но и казнем лютымъ предавати, и не точию еретики и отступъники, но аще и правовѣрни будутъ сами, и увѣдавше же еретики или отступъники, и не предадятъ судиямъ, конечную муку подъимутъ.

Аще ли жь кто речетъ яко: «Се есть градстии закони, а не апостольская, ниже отеческая писания», таково си да слышитъ преподобнаго отца нашего Никона в своих богодухнов*ен*ных писаниих сице глаголюща о градцкихъ законех: «Сего ради святый и покланяемый духъ вдохну въ божественныя отца на святыхъ соборехъ, и учиниша божественная правила, яже от святаго духа, изложиша божественныя законы и словеса святыхъ отець и богоносныхъ, и от устъ же самого господа святыя его заповѣди глаголаны быша, и обаче и от древънихъ божественная правила со градскими размешена быша законы же и завещанми». Сице «Номоканонъ» книга сотворена бысть, сиречь закону правила. Множае паче божиимъ промысломъ божественая правила, съ заповѣдми господьними, и реченными святыхъ отець, и самѣми паки градскими законы *размешена* бывше, предреченная книга сотворися.

Аще убо святии отцы, иже на вселенъскихъ и на помѣстных соборех бывшеи, и от святаго и животворящаго духа наставляеми, и учиниша божественная правила и законы и словеса святыхъ отець, и яже от устъ самого господа святыя его заповѣди, со всѣми же сими и градстии законы сочеташа святии отцы древънии. И хто убо деръзнеть сихъ отложити или похулити, яже от святаго духа и святыхъ отець прията быша, и сочетана *со* всѣмъ божественым Писаниемъ?

Подобно же тому и Велики Афанасей глаголетъ, яко сии суть еретичестии отроцы, иже глаголют, иже яко не подобает

гораздо нужней, чтоб было так с еретиками и вероотступниками, как свидетельствуют об этом божественные тексты. Так, в тех божественных правилах, которые являются гражданскими законами, говорится о неверных и еретиках вот что: «Кто удостоился святого крещения и отступил от православной веры, стал еретиком или приносил языческие жертвы, тот подлежит смертной казни. Если иудей осмелится растлить христианскую веру, то подлежит смертной казни. Манихеи или иные еретики, бывшие христианами и ставшие затем на путь ересей и толков, будут казнены мечом,— кто знает таких и не доносит о них властям, подлежит смертной казни. Если какой военачальник, или воин, или начальник общины, обязанный заботиться об этом, узнает, что кто-либо уклоняется в ереси и толки, и не выдаст такого, примет смертную казнь, хоть и сам будет правоверный».

Где они, говорящие, что нельзя осуждать ни еретика, ни вероотступника? Ведь очевидно, что следует не только осуждать, но предавать жестоким казням, и не только еретиков и вероотступников: знающие про еретиков и вероотступников и не донесшие судьям, хоть и сами правоверны окажутся, смертную казнь примут.

А если кто скажет: «Это гражданские законы, а не апостольские, и не писания отцов», пусть послушает он, что преподобный отец наш Никон говорит о гражданских законах в своих боговдохновенных сочинениях: «Потому что поклоняемый дух святой наполнил божественных отцов на святых соборах, расположили они божественные правила, которые от духа святого, изложили божественные законы и слова святых и богоносных отцов,— а святые заповеди сказаны были устами самого господа,— так что уже в древности божественные правила перемешались с гражданскими законами и положениями». Так была создана книга «Номоканон», то есть правило законов. Весьма сильно перемешались по божьему промыслу божественные правила с заповедями господними и изложенными святыми отцами, а также с самими гражданскими законами,— так возникла вышеназванная книга.

Если святые отцы, бывшие на вселенских и поместных соборах и наставляемые святым и животворящим духом, расположили божественные правила, и законы, и слова святых отцов, и святые заповеди, которые от уст самого господа, то сами же святые отцы соединили в древности со всем этим и гражданские законы. И кто осмелится их устранить или похулить, когда приняты они были святым духом и святыми отцами и соединены со всем божественным Писанием?

В согласии с этим говорит и Афанасий Великий, что те, кто утверждает, что нельзя осуждать совершающих смертные

судити творящих смертныя грѣхи. И *аще* бы тако было, яко же они утвержаютъ, не бы праведный Ное судилъ Хама ругателя раба быти братиямъ своимъ. И Моисей же поклонившихся тельцу три тысущи повелѣ мечемъ исъсѣщи и собравшаго дрова в суботу повелѣ камениемъ побити его. Исус Наввинъ Ахара крадбы ради со всѣмъ домомъ потъреби. Финеес же блуда ради Замврия погуби, и Самоилъ Агага царя предъ господемъ уби, Илия же ложныя пророки, яко же свиния, в потоце искла, Елисей же осуди Гиезию приятия ради имѣния, прокаженна показа. Данилъ же, осуди блудъныя старца закономъ Моисеовымъ, погуби. И святый апостолъ Петръ, приемъ ключа царства небеснаго, Ананию со женою его, утаившая от своего стяжания, осудивъ, абие сотвори их издохнувша. И Павел Алексанъдра-ковача, Именея же и Филита предастъ сатанѣ, да накажются не хулити. Се убо вси праведънии судивше, не осуждени бывше, паче же избрани бывше, въ духовную служьбу избрашася.

Сиа глаголетъ и учитъ великий Афанасие о творящихъ смерътныя грѣхи: «Тяжчайши же и страшнѣйши всѣхъ смерътных грѣховъ грѣхъ, еже въ ересь впасти и Христа отврещися». Тако бо сказуетъ той же божественный Афонасие. И великий Иоан Златаустый в своих писаниихъ: «Царьскими же суди и градскими законы обуздовается безумных человекъ воля, иже смерътныя грѣхи творящих и душу с тѣлом губящихъ». Тако бо глаголютъ и священная правила святых отець: «Слышите, цари и князи, разумѣйте, яко от бога дана бысть держава вамъ, яко слуги божии есте. Сего ради поставил есть вас пастыря и стража людем своимъ, да соблюдете стадо его от волъковъ невредимо. Вас бо богъ в себе мѣсто избралъ на земли, и на свой престол вознеслъ посади, милость и животъ положи у вас, и меч вышняя божия десница вручи вамъ. Вы же убо да не здеръжите истинну в неправде, и убойтесь серпа небеснаго, и не давайте воля зло творящимъ человекомъ, и не напущайте на правовѣрныя человѣки, яко же псы бѣсныя. Или яко же аще кто меч дастъ человеку неистовящуся, и он не точию телеся, но и душа губитъ». Зри, что глаголетъ, иже не токмо телеса губит? Се глаголетъ *не* о убийцах, ниже разбойничества и обиды творящихъ, иже точию тѣло губятъ. А иже глаголетъ: «Не точию тѣло губят, но и душу губятъ», се глаголетъ о еретицехъ и о отступницехъ: сии бо с тѣломъ душу губят, еретическими учении прельщающе православныя.

И что убо, аще они сотворят зло, на попустившаго душу приходит грѣх, еже есть на царя или на князя и на судия земския. Аще власть дадут злочестивымъ человекомъ, о семь истязани будутъ от господа бога въ страшный день втораго пришествия Христова. И сего ради царемъ и властелемъ о семь

грехи,— еретики. И когда бы было так, как они утверждают, не осудил бы праведный Ной ругателя Хама быть рабом братьям его. И Моисей велел изрубить мечами три тысячи человек, поклонявшихся тельцу, а собиравшего в субботу дрова велел побить камнями. А Иисус Навин за воровство истребил Ахара со всем его домом. А Финеес за распутство уничтожил Замврия, а Самуил перед господом убил царя Агага, Илья же ложных пророков у ручья заколол, как свиней, Елисей же осудил Гиезия за мздоимство, проказой наказал его. А Даниил, осудив блудливых старцев по Моисееву закону, убил их. Принявший ключи царства небесного, святой апостол Петр осудил Анания и жену его, утаивших часть своего дохода, и сделал так, что они испустили дух. А Павел предал дьяволу кузнеца Александра и Именея с Филитом, чтобы они отучились от хулений. И все эти судившие, а сами не осужденные, были праведны, более того — избранники, избранные на духовное служение.

Вот что говорит и как поучает Афанасий Великий о совершающих смертные грехи: «Грех, который тяжелее и страшнее всех грехов смертных,— это впасть в ересь и отвратиться от Христа»,— так вот говорит этот божественный Афанасий. Да и великий Иоанн Златоуст в своих сочинениях говорит: «Царский суд и гражданские законы обуздывают произвол неразумных людей, творящих смертные грехи и губящих душу и тело. Это же говорят и священные правила святых отцов. Услышьте, цари и князья, и помните, что власть вам дал бог, что вы — слуги бога. Для того приставил он вас пастырями и сторожами к вашим народам, чтобы от волков сохранили вы в целости стадо его. На свое место избрал вас бог на земле, на свой престол, возведя, посадил, милость и жизнь доверил вам, и вручила вам меч высокая десница бога. Вы же не скрывайте в неправде истину, но остерегитесь серпа небесного, не давайте волю преступным людям, не натравливайте их, как бешеных собак, на людей правоверных. Или вот еще: если дать меч неистовому человеку, тот не только тела, но и души погубит». Почему говорит он, что не только тела погубит? Это говорится об убийцах и тех, кто творит обиды и разбои, что только тела погубят, но если говорится: «Те не только тело, но и душу губят»,— то говорится это о еретиках и вероотступниках: ведь они вместе с телом губят и душу, обольщая православных еретическими учениями.

И вот что: если они совершат зло, грех падет на душу того, кто допускает это, то есть на царя, на князя, на правителя области. Если недостойным людям дадут они власть, спросит с них за это господь бог в страшный день второго пришествия Христа. Вот почему цари и властители должны

попечение имѣти, яко да будутъ отмстители Христу на еретики. Подобно же тому наказуетъ и учитъ священный Златаустъ, сице глаголя: «Еже убо по воли божии бываемо, аще и озлобити мнится, всѣхъ есть добрѣйши. А еже чрез волю божию и не угодное оному, аще и изрядно быти мнимо, всѣх есть злѣйши и законопреступнейши. Аще убиетъ кто по воли божией, человеколюбиа всякого есть лучши убийство оно. Аще и пощадитъ кто, человеколюбъствуя чрез угодное оному, убийства всякого непреподобнѣйши будетъ то пощадѣние. Не естество бо вещемъ, но божии судове добра и зла сия быти творятъ».

Да навыкнеши, яко се истинно есть, послушай реченныхъ. Пощадѣ нѣкогда чрез божественную волю Агага царя амаликова Саулъ царь Израилевъ и за се пощадѣние прия от бога осужение, и не точию самъ, но и все сѣмя его. Тако же царя асирийска Адера емъ Ахав, паче угоднаго богови снабдѣ и со многою отпусти его честию, и пророка нѣкоего посла богъ ко Ахаву, глаголя: «Тако глаголетъ господь: яко отпустил есть ты мужа губителя от руки твоея, душа твоя вмѣсто душа его, и людие твои вмѣсто людий его».

Подобно же сему пророкъ нѣкий, пришед, рече ко искренему своему: «Словом господнимъ бий мя». И не восхотѣ человекъ он бити его, и рече к нему: «Занеже не послуша гласа господня, се ты отидеши от мене, и поразит тя левъ». И отиде от него, и обрѣтъ его левъ, и порази его. И обрѣтает человека иного и рече: «Бий мя». И бий его человекъ той, и сокруши лице его. Что убо будетъ сего преславнѣйши,— бивый пророка спасеся, а пощадѣвый мученъ бываше? Да навыкънеши, яко, богу повелевающю, не достоитъ испытовати естество бываемыхь, но повиноватися точию.

Тако же и вси святии преподобънии и богоноснии отцы наши, пастырие же и учителие, моляху благочестивыя царя же и князя, яко да еретики потребятъ, яко же свидѣтельствуютъ святии отцы святаго вселенъскаго Шестаго собора, глаголюще сице благочестивому царю Иустияну: «Ты же, о царю, потщися о сем, яко, аще нѣкакъ останокъ еллинский июдѣйский еретическия злобы во зрѣлую пшеницу вместился будетъ, искоренити яко плевелы. Да исторгнутся, и чиста явится церковная нива, теплотою к богу любве, царей же и властелей ревнителя Финееса преспѣвших, и грѣхъ прободшихъ копиемъ». Глаголют же святии отцы, иже во Иерусалимѣ собравшеися, тысяща и четыриста, иже многосложный свитокъ написаша к Феофилу, греческому царю: «Ты же, о царю, призри к молитвѣ смиренных, ущедри церковь свою, устави церковныя разъдоры, угаси перьвие зловѣрныхъ отметьникъ силою праведнаго своего царьства, мышцею благочестия своего».

заботиться о том, чтобы быть отмстителями еретикам за Христа. Согласно с этим наставляет и учит священный Иоанн Златоуст, говоря следующее: «То, что бывает по воле бога, хоть и покажется злым, добрее всего. А то, что против воли бога и не угодно ему, хоть и хорошим покажется, всего хуже и преступней. Если убьет кто по воле бога, убийство это лучше всякого человеколюбия. Если и помилует кто из человеколюбия вопреки тому, что угодно богу,— недостойнее всякого убийства будет это помилование. Не природа вещей, но божий суд делает их добрыми или дурными».

Выслушай примеры и сообрази, что так именно и бывает. Против божьей воли помиловал некогда Саул, царь Израиля, Агага, царя амаликитян, и за это помилование не только сам подвергся осуждению бога, но и весь род его. Так и Ахав, захватив Адера, ассирийского царя, сохранил его вопреки тому, что было угодно богу, отпустил его с великим почетом; тогда бог послал пророка к Ахаву, говоря: «Так говорит господь: раз выпустил ты этого губителя из рук своих, душа твоя будет за его душу и люди твои за его людей».

Точно так один пророк пришел и сказал ближнему своему: «По слову господа ударь меня». А тот человек не захотел ударить его, и сказал он: «Не подчинился ты голосу господа, за это, лишь расстанемся мы, растерзает тебя лев». Отошел тот, напал на него лев и растерзал его. И встречает пророк другого человека и говорит: «Ударь меня». Ударил его тот человек и разбил ему лицо. Ударивший пророка спасся, а пожалевший — пострадал; что удивительней этого? Так знай же, что, когда велит бог, нужно только повиноваться, а не размышлять о природе происходящего.

Вот так и все святые и преподобные богоносные отцы наши, пастыри и учители молили благочестивых царей и князей, чтобы истребляли еретиков, как свидетельствуют святые отцы святого Шестого вселенского собора, когда говорили они благочестивому цесарю Юстиниану: «А ты, царь, позаботься о том, чтобы, если в зрелую пшеницу попадут какие остатки языческого и иудейского еретического зла, искоренить их как сорняки. Да будут они исторгнуты и очистится нива церкви горячей любовью к богу царей и властителей, превзошедших ревнителя Финееса, поразившего копьем грехи». А собравшиеся в Иерусалиме святые отцы в числе тысячи четырехсот человек, написав для византийского цесаря Феофила многосложный свиток, сказали: «Снизойди, о царь, к смиренной молитве, будь щедр к церкви своей, прекрати церковные раздоры и прежде всего уйми зловерных отступников своей праведной царской властью, мышцею благочестия своего».

Яко же первый начатокъ християном православнымъ, иже въ царѣхъ апостолъ великий Костянътинъ праведный темнаго оного и богопротивнаго втораго Июду Арияя, гнѣву тезоименита, со проклятыми его учении до конца низложи и в заточение осуди, тако же и всѣхъ, иже тая же мудръствующихъ. По семь же пресвѣтлая звѣзда, царьский прииматель, Феодосие Великий, иже повелѣниемъ его божественъный соборъ Вторый святыхъ отець собра, на Македония духоборца, и на Евномая, и на арияны, и сихъ проклятъ, и в заточение с бесчестиемъ осуди. И сему суще преиматель умомъ и именемъ, Феодосие Малый, въ Ефесе святый соборъ собравъ и Нестория низложи. Великий же въ благочестии Маркиянъ Четвертый соборъ собра, Евтихия и Диоскора-суесловца прокляти повелѣ и в заточение осужаетъ. Великий же царь Устиниянъ пяты соборъ собра на Дидима и Евагрия, иже оригеонская мудръствующихъ, и сих по проклятии заточениемъ осужаетъ. По семь Костянътинъ, внукъ Ираклиевъ, на Маркияна и Стефана и Сергия и Пира и Павла и прочих зломудреныхъ Шестый собор собра святыхъ отець, от них же еретицы зелнѣ разбиени быша, достойно зловѣрию своему приимше осужение. Посем же паки благочестивая царица Ирина и сынъ ея благовѣрный царь Констянътин Седмый соборъ *собраша* на злочестивыя иконоборцы, все ихъ еретичество низложиша и до конца искорениша. Тако же вси благовѣрнии царие, иже градными оружии невѣрныхъ еретикъ крѣпость вконецъ низложиша, вселенъскими же святыми соборы многоглавныя змиемъ главы яко во ужасѣ осѣкше, честную же и правовѣрную вѣру яко столпъ непоколебимъ и утвержение благовѣри*а* церкви утвердиша. И сия убо слышаще благочестивии царие и святых отець молению и наказанию повинующеся, еретики и отступники повелеваху проклинати, и в заточение посылати, и казнемъ лютымъ предавати, еще же и навыкше ежь от божественных Писаний Ветъхих же и Новых.

Тако бо творяху пророцы же и праведницы, и благочестивии царие в Ветхомъ законе: егда видяху кого, отступивших от господа бога вседержителя, овѣхъ убо мечемъ убиваюше, овѣх же молитвою низлагающе. Великии убо Моисей отступивших от бога вседержителя и тельцу златому поклонившихся повелѣ мечемъ изъсѣщи. Великий въ пророцѣхъ Илия два пятьдесятника огнемъ небесным сожженымъ быти сотвори, отступивших от господа бога, и четыреста своею рукою мечемъ изсече. Июда Маккавей, яко видѣ люди отступившая от господа бога и идолом поклонившихся, повелѣ вся мечемъ изсѣщи. И благочестивый царь Иосѣя толико возревнова о благочестии, яко не токмо живыя уби, прельщающих люди отступити от господа бога, но и умеръших кости воскопа, и огнемъ сожже, и пепелъ на вѣтре развѣя.

Так, уже православный праведный Константин Великий, первоисточник христианства и апостол среди царей, окончательно низверг этого мрачного и враждебного богу Ария, второго Иуду, соименного гневу, и осудил его с проклятым его учением на заключение, а также и всех других, принадлежавших к этому толку. А вслед за ним — Феодосий Великий, звезда пресветлая, царственный преемник, по распоряжению которого собрался Второй божественный собор святых отцов и проклял духоборца Македония, Евномия, ариан и прочих, и осудил их на позорное заточение. А наследник его по имени и уму, Феодосий Малый, созвав в Ефесе святой собор, низложил Нестория. И Маркиан, великий по благочестию, созвал Четвертый собор, велел проклясть Евтихия и Диоскора-пустослова и осудил их на заключение. А великий цесарь Юстиниан созвал Пятый собор против Дидима и Евагрия, принадлежавших к толку Оригена, и после проклятия осудил их на заключение. Потом Константин, внук Ираклия, созвал Шестой собор святых отцов против Маркиона, Стефана, Сергия, Павла, Пира и других злонамеренных,— еретики тогда полностью были разбиты и приняли осуждение, достойное их извращенной веры. Потом опять благочестивая царица Ирина и сын ее, благоверный цесарь Константин, созвали Седьмой собор против недостойных иконоборцев, низвергли и полностью искоренили всю их ересь. Так вот все благоверные цесари, полностью разрушив осадными орудиями крепость безверных еретиков, отрубив святыми вселенскими соборами головы многоголовых устрашающих драконов, укрепили чистую и православную веру, неколебимый столп и утверждение благоверия. А благочестивые цари, зная это и повинуясь мольбам и поучениям святых отцов, распоряжались проклинать еретиков и вероотступников, отправлять в заключение и подвергать суровым наказаниям, к тому же были они научены Ветхим и Новым божественным Писанием.

Ведь так поступали и пророки, и праведники, и благочестивые цари в Ветхом завете: если видели они, что кто-нибудь отступил от господа бога вседержителя, то либо мечом убивали его, либо молитвой низвергали. Так, великий Моисей велел посечь мечом отступников от бога-вседержителя, поклонявшихся золотому тельцу. Величайший из пророков, Илия, сделал так, что небесный огонь спалил двух пятидесятников, отступивших от бога, а четыреста человек он собственноручно изрубил мечом. Когда увидел Иуда Маккавей, что отступились люди от господа бога и поклоняются идолам, всех велел мечами изрубить. А благочестивый царь Иосия столь ревностно защищал благочестие, что не только перебил тех, кто соблазнял людей отступать от господа бога, но выкопал кости мертвецов, сжег их на огне, а пепел развеял по ветру.

В Новѣм же законе святый апостолъ Петръ Симона волхъва, началника ересемь, молитвою смерти предастъ. Подобно же тому святый Иоан Богословъ Кунопа-волъхва молитвою в мори потопи. Тако же и святый апостолъ Филипъ архиерѣя, глаголавшаго хулы на господа нашего Исуса Христа, повелѣ земъли поглотити. И святый апостолъ Павелъ Еллиму-волхва словомъ ослѣпи, Именея же, и Филита, и Александра-ковача сатанѣ предастъ.

И паки той же святый апостолъ Павелъ глаголеть: «Аще убо кто отверъжется закона Моисеова при устѣхъ двою или триех свидѣтелей, без милости умираетъ. Колицей, мнится, горшей муцѣ сподобится, иже сына божия поправ». Се являетъ, яко нынѣ паче подобаетъ казнемъ лютымъ предаяти, иже сына божия похуливъшаго. И святый апостолъ Июда, брат Ияковль, глаголетъ: «Овѣхъ убо милуйте, разсужающе, овѣх же страхомъ спасайте».

Сим божественнымъ пророческимъ и апостольскимъ писаниемъ же и преданиемъ послѣдующе, благочестивийши и православъний царие и святителие еретики же и отступники в заточение посылаху и казнемъ лютымъ предаваху. Первый великий царь равноапостольный Костянътинъ заповѣдъ предложи во всемъ своемъ царствѣ, еже невѣрующих во святую и животворящую Троицу злым злѣ умърети и домъ его в разграбление быти. Святии же отцы Перваго собора не возбраниша сему быти. И святый Александръ, патриархъ Костянътина града, молитвою своею сотвори Арию разсѣстися. И великий чюдотворецъ Епифаний Кипръский Аетиа еретика словомъ нѣма сотвори и въ седмый день смерти предастъ. Благочестивый же царь Маркиянъ Диоскора-еретика, патриарха александрѣйскаго, на смерть осуди, и не уби сего мечемъ, но отосла во Асъ остров, в нем же никто же лѣто цѣло поживе, но, емлеми от смертотворных вѣтровъ, злѣ умираху. Тамо же и Диоскоръ со всѣми, иже тая же мудрствующими, злѣ душа своя извергоша. Святии же убо отцы Четвертаго собора не возбраниша сему быти. Благочестивый же царь Устинъ и Тивирие епарху Адъдусу и воеводе Елеуферию, поборником ереси, главы отсекоша, великий же чюдотворецъ Евътихие, патриархъ Цариграда, не возбрани имъ. Великий же царь Ираклий не хотящих креститись июдей повелѣ убивати, и мнози же бяху тогда патриарси жь и святителие и преподобнии не возбраниша сего творити. И святый Перфирие, епископъ газский, иже и манихейскую прелесть держащих молитвою нѣмы и безгласны сотвори, потом же и смерти предастъ. И святый Феодоръ, едеский епископъ, жидовина, хулу глаголавшаго на господа нашего Исуса Христа, словом нѣма сотвори и по семь умоли царя вавилоньскаго, он же посла

А в Новом завете святой апостол Петр силою молитвы предал смерти Симона-волхва, основателя ереси. Подобным же образом святой Иоанн Богослов молитвою утопил в море Кунопа-волхва. Точно так и святой апостол Филипп велел земле поглотить первосвященника, хулившего господа нашего Иисуса Христа. А святой апостол Павел ослепил словом Елиму-волхва, а Именея, Филита и кузнеца Александра предал сатане.

И далее, этот же святой апостол Павел говорит: «Если кто отступит от Моисеева закона, будет осужден на смерть без пощады по показанию двух или трех свидетелей. Насколько, надо думать, мучительней будет наказание тому, кто пренебрежет сыном божиим». Это показывает, что теперь в особенности сурово нужно наказывать того, кто хулит сына божия. Святой апостол Иуда, брат Иакова, говорит ведь: «Одних по рассмотрению милуйте, других спасайте страхом».

Следуя этим божественным пророческим и апостольским текстам и преданию, благочестивые и православные цари и иерархи отправляли в заключение и подвергали жестоким казням вероотступников и еретиков. Впервые великий цесарь, равный апостолам, Константин установил в своем государстве закон, чтобы предавать насильственной смерти того, кто не верит в святую и животворящую Троицу, а собственность его отдавать на разграбление. И святые отцы на Первом соборе не воспрепятствовали, чтобы так было. А святой Александр, константинопольский патриарх, добился своей молитвой, что Арий рассыпался. А великий чудотворец Епифаний Кипрский словом заставил еретика Аэция онеметь, а на седьмой день предал его смерти. И благочестивый царь Маркиан на смерть осудил еретика Диоскора, александрийского патриарха, но не мечом его убил, а сослал на остров Ас, где никто не может прожить и года, но мучительно умирает от губительных ветров. Там и Диоскор со всеми, разделявшими его заблуждение, в муках испустил дух. И святые отцы на Четвертом соборе не препятствовали тому, чтобы это случилось. Благочестивые цесари Юстин и Тиверий отрубили головы наместнику Адду и военачальнику Елевферию, защитникам ереси, и великий чудотворец Евтихий, константинопольский патриарх, не препятствовал им. Великий цесарь Ираклий велел убивать иудеев, не желавших креститься, и многие бывшие тогда патриархи, архиереи и преподобные не препятствовали ему это сделать. А святой Порфирий, епископ Газы, молитвою сделал немыми и безмолвными сторонников манихейской лжи, а потом и смерти их предал. А святой Феодор, эдесский епископ, словом лишил дара речи иудея, хулившего господа нашего Иисуса Христа, а затем обратился с просьбой к вавилонскому царю, и тот, послав

въ Едес, повелѣ еретиковъ всѣхъ из гради изгнати и богатество их взяти, овѣм же языки изрѣзывати. Святый же Феодоръ не возбрани сему быти. Тако же и святая Феодора царица и сынъ ея Михаилъ Анния еретика, патриарха Цариграда, в заточение отосла и тамо повелѣ, растягше его, бити ремениемъ. Блаженный же патриархъ Мефодие и мнози преподобнии отцы наши и исповѣдницы не возбраниша сему быти. И святый Левъ, епископъ катаньский, Илиодора еретика огнемъ сотвори сожжена быти.

Зри, яко святии пророцы и праведницы в Ветхомъ законе отступивших от господа бога овѣх молитвою и благодатию, данную имъ от бога, смерти предаваху, овѣх же оружиемъ убиваху и казнем лютымъ предаваху. В Новѣмъ же законѣ святии апостоли и божествении святителие и преподобнии и богоноснии отцы не убиваху еретики и отступники оружиемъ, но молитвами своими и силою, данъною имъ от всесилнаго и животворящаго духа, сихъ смерти и казънемъ лютымъ предаваху.

Аще ли же кто речеть, яко ино *убо,* еже молитвою смерти предавати, ино же, еже оружиемъ убивати повинных смерти, к нему жь сице речется, яко: едино убо и то же есть, еже молитвою смерти предати и еже оружиемъ погубити повинныхъ. Тако убо пишетъ великий Афонасие в Слове о творящихъ смертныя грѣхи. Преже убо воспомяну, иже в Ветхомъ законе сущих *пророкы* же и праведники, иже оружиемъ убивающих или казнемъ лютымъ предавающих повинныхъ, потом же святыхъ и верховных апостолъ Петра и Павла поминаетъ. Петръ убо Ананию и Самфиру словомъ и силою, данную имъ от святаго духа, смерти предастъ, Павел же Еллиму-*волхъва* и Александра-ковача, Именея и Филита словомъ казнемъ лютымъ предастъ. Зри, яко великии Афонасие никоего же разньствия сотвори, еже оружиемъ убивати и молитвою смерти или казнемъ предавати повинных. И аще не бы подобало еретики же и отступъники смертемъ и казнемъ предавати, не быша святители и апостоли и божественнии святителие, и преподобнии отцы наши молитвою и силою, данною имъ от бога, смерти предавали: горчайши бо смерть от молитвы, нежели от оружия. Еже бо от молитвы смерть, се явъствено извѣстно есть, яко от бога осужден бысть на смерть повинный — и страшно бо есть, еже впасти в руцѣ бога жива. А еже от оружия убо смерть многажды и от человечьскаго умышьления бываетъ, и не толико смерть страшна бываетъ от оружия, якоже от молитвы, иже умъ имущимъ: человекъ бо зритъ на лице, богъ же зритъ на сердце. Тѣм же преподобнии и богоноснии отцы наши и священноначалницы и пастырие не оружием, но молитвою и силою, от бога данъною имъ, еретики же и отступъники смерти и казнемъ лютым предаваху. Аще ли же кого еретика или отступника

в Эдессу войско, велел изгнать из города еретиков, имущество их захватить, а некоторым из них вырвать языки. Святой же Федор не препятствовал, чтобы так было. Так и святая царица Феодора с сыном своим Михаилом отправила в заточение еретика Анния, константинопольского патриарха, и там велела, привязав, бить его ремнями. И блаженный патриарх Мефодий и многие преподобные отцы наши и исповедники не препятствовали тому, чтобы так было. А святой Лев, епископ катанский, сделал так, что еретик Илиодор сгорел в огне.

Смотри же, как святые пророки и праведники Ветхого завета отступников от господа бога одних молитвой и полученной от бога благодатью предавали смерти, других оружием убивали и подвергали суровым наказаниям. Но святые апостолы, божественные святители и преподобные и богоносные отцы Нового завета оружием еретиков и вероотступников не убивали, а молитвами и силой, данной им всесильным и животворящим духом, жестоким наказаниям и смерти предавали.

Если же кто скажет, что молитвою предать смерти — это одно, а оружием убивать заслуживших смерть — это другое, тому будет так сказано: это одно и то же, что молитвой смерти предать, что оружием убить виновного. Именно так пишет Афанасий Великий в «Слове о совершающих смертные грехи». Вначале он напоминает о ветхозаветных пророках и праведниках, убивавших оружием или предававших казням виновных, потом называет святых и верховных апостолов Петра и Павла. Ведь Петр словом и силою, которую дал им святой дух, предал смерти Анания и Сапфиру, а Павел словом предал смерти Елиму-волхва, кузнеца Александра, Именея и Филита. Видишь, что Афанасий Великий не делает никакого различия между убийством оружием и преданием виновных казни или смерти с помощью молитвы. А если бы не следовало еретиков и отступников предавать казням и смерти, не предавали бы святые апостолы, божественные святители и преподобные наши отцы смерти молитвою и силою, данною им от бога: гораздо тяжелей смерть от молитвы, чем от оружия. Ведь если смерть по молитве, становится с очевидностью ясно, что бог осудил на смерть виновного — страшно попасть в руки бога живого. А та смерть, что от оружия, случается нередко по проискам людей, и тем, кто понимает, смерть от оружия не так страшна, как от молитвы: человек-то смотрит на лица, бог же видит сердца. Вот почему преподобные и богоносные отцы наши, священноначальники и пастыри еретиков и вероотступников предавали жестоким наказаниям и смерти не оружием, но молитвой и силой, которую дал им бог. Если же какого еретика или вероотступника

подобаше смерти и казнемъ предати, сами сего не творяху, но *благочестивыя* и православъныя царя, на се имуще в отмщение злодѣемъ, но апостольскому писанию, и по свидѣтельству священных правилъ, и градцких законъ, иже со священными правилы совокуплени и соединени быша преподобными и богоносными отцы нашими. И яже убо от сих до здѣ. Прочее же речемъ и о сих, еже еретицы глаголють,— яко аще и подобаетъ судити или осужати еретики или отступники, но царемь, и князем, и святителемъ, и судиямъ земъским, а не инокомъ, иже отрекошась мира и всѣхъ яже в мире, и подобаетъ имъ точию себѣ внимати, и никого же осужати, ни еретика, ниже отступника. К таковому убо сице речется, яко аще не подобаше инокомъ осужати ни еретика, ниже отступника, то како великий Анътоний осужаше ихъ? Глаголаше бо о еретицѣхъ, яко словеса ихъ лютѣйши яда змиина, ученики же своя всегда наказуя, яко да никоего же приобщения имуть с мелетианы, и со арианы, и с прочими еретики. И святый Пафнутие исповѣдник, на Перьвом соборе, со святыми отцы обрѣтесь и Ария в заточение осуди. Святый же Пахомие всегда осужаше еретики, глаголаше бо, яко приобщаяйся еретикомъ, и прочитая писания Аригенова, и Мелетиова, и Ариева, и прочих еретиковъ, во дно адово сходитъ. Тако же и Великии Макарие сего ради ис пустыня изыде, яко да еретика осудитъ и ересть его утолит, еже и сотвори. Святый же Ефрѣм, яко услышавъ Аполинариева еретическая мудрования умъножающася,— сего ради оставляеть пустыню, и в Костянътинъград входитъ, и не токмо осужаетъ Аполинария, но и смерти злѣй благокознымъ своим художеством предаетъ его. Дивный же Исакие Далъмацкий от самѣх пеленъ в пустыню вселись, и яко услыша Уалента ариеву ересь умножавшусь, приходит в Византию и не точию осужаетъ Уалента, но и огню предаетъ. Тако же и великии Еуфимие, аще и самъ не бысть на Третиемъ соборе, но ученики своя посылаше на соборъ и повелеваше еретики осужати и проклинати. Святый же Авъксентие, многия ради старости и великихъ трудовъ не могий ити на соборъ святыхъ отець, егда собрашась на Несториеву ересь, повелѣвъ супругъ воловъ привести, и себе повести на соборъ, еретики осужати и проклинати. Также и святый Данил столпник, не могий ходити на ногу своею многия ради немощи и повелѣ народомъ понести себе на соборъ святыхъ отець еретики осужати и проклинати. Тако же творяше и Сава Освященный, и яко видѣ ересь Севирову множащуся, от Иерусалима в Костянтинъ град отходитъ ко царю Анастасию, и сего молитъ, еже еретики осудати и проклинати. Великий же Феодосие, егда видѣ Севирову ересь,

следовало предать наказанию или смерти, они не делали этого сами, но имели для этого благочестивых и православных царей, чтобы отмщать преступникам — в согласии с апостольскими писаниями, свидетельствами священных правил и гражданских законов, которые преподобные и богоносные отцы наши соединили и увязали со священными правилами. Но довольно об этом.

Теперь скажем и о том, что говорят еретики,— что если и следует, дескать, судить и осуждать еретиков и вероотступников, то лишь царям, князьям, иерархам и правителям областей, а не монахам, которые отреклись от мира и всего, что в мире, а им следует только собой заниматься и не судить никого — ни еретика, ни вероотступника. Но вот что сказано будет такому: если не должны монахи осуждать ни еретика, ни вероотступника, то как Антоний Великий осуждал их? Говорил он о еретиках, что слова их страшнее змеиного яда, поучая всегда учеников своих, чтобы ни в какое общение ни с мелетианами, ни с арианами, ни с другими еретиками не вступали. А на Первом соборе среди святых отцов оказался святой Пафнутий-исповедник, и он осудил Ария на заключение. Всегда осуждал еретиков святой Пахомий, говоря, что тот, кто общается с еретиками и читает сочинения Оригена, Мелетия, Ария и других еретиков, в бездну ада сходит. Так и Макарий Великий: для того он вышел из пустыни, чтобы осудить еретика и пресечь его ересь, что и исполнил. А когда услышал святой Ефрем о распространении еретического лжеучения Аполлинария,— оставляет он по этой причине пустыню, входит в Константинополь, где не только осуждает Аполлинария, но хитроумным своим искусством предает его мучительной смерти. От самого младенчества жил в пустыне чудный Исаак Далматский, но когда слышит он, что Валент распространяет арианскую ересь, приходит в Византию и не только осуждает Валента, но и предает его огню. Так и великий Евфимий: хоть сам не был на Третьем соборе, но послал на собор учеников своих и велел им осудить и проклясть еретиков. Хоть не мог святой Авксентий из-за глубокой старости и великих своих трудов пойти на собор святых отцов, когда собрались они против ереси Нестория, но велел он запрячь упряжку волов и повезти себя на собор, чтобы проклясть и осудить еретиков. Святой Даниил-столпник точно так же из-за великой немощи не мог передвигать ноги, так что просил людей, чтобы привели его на собор святых отцов, чтобы осудить и проклясть еретиков. Поступил так и Савва Освященный: когда увидел он, что распространяется ересь Севира, из Иерусалима приходит к цесарю Анастасию в Константинополь и умоляет его осудить и проклясть еретиков. Когда великий Феодосий узнает,

множащуся по вселенней, тогда оставляетъ монастырь и исходитъ от пустыня, и объходитъ села и грады, яко да вѣръныя утвердитъ, и еретики осудитъ и посрамитъ. Потомъ же собра вся иноки, приходитъ въ Иерусалимъ съ Савою Освященнымъ, и входятъ въ церковъ, имуща послѣдствующа себѣ ученики своя иноческое множество, яко до десяти тысущ: и великии убо Феодосие и освященный Сава входятъ на амбонъ и осужаютъ и проклинаютъ Севира и всѣхъ, иже тая же мудръствующих. Тако же и на Шестом соборѣ, вмѣсто патъриаръха александрийскаго, Петръ мних прииде со святыми отцы, еретики осуди. Святая же мученица Феодосия-девица, иже родись по обещанию святыя мученица Анастасия, и седми лѣт пострижесь во иноческий образ, и оттоле пребываше неисходна от монастыря, и яко же услыша Лва царя, иже от Исаврия, пославша своего спафария, яко да иже на мѣдныхъ вратѣх градныхъ образъ владыки Христа, еже на иконе, низложити и сокрушити, святая же Феодосия притече на мѣсто, яко видѣ спафария, трищи ударивша секирою во образ спаса Христа, и абие поверже лѣствицу на землю, и спафария горцѣй смерти предастъ. И отшедша в патриаръхию камениемъ бияше патриарха Анастастия иконоборца, и на томъ мѣсте от злочестиваго царя убиена бысть за объраз господа нашего Исуса Христа. И яко да не начьнутъ нѣцыи глаголати, яко Христова мучьница Феодосия сие дѣло сотвори не по божественому повелѣнию, яко человека своима рукама смерти *предаст,*— сего ради преблагий владыка Христос и по смерти ея прослави ю многими чюдесы и страшными знаменьми, и тѣло ея цѣло и нетлѣнно соблюде, яко всѣмъ приходящим к гробу ея исцеления приимати от всякихъ недугъ. И святии же божествении отцы пѣсньми и похвалами и каноны и трепарми сию почтоша и равно с великими мученики и мученицами Христовыми повелѣша память ея празновати майя в 29 день. И со святою Феодорою царицею и с благочестивымъ царемъ Михаиломъ, собрашась святии велицыи постницы и чюдотворцы, великий Аникие, и Арсакие, и Исакие, и Феофан исповѣдникъ, и инии мнози, иже и манастыря и пустыня оставиша, и приидоша во град, яко да еретики осудят и прокленутъ. Но и всѣх вселенъских и помѣстныхъ соборехъ приходяще иноцы, манастыря же и пустыня презирающе, и ко градомъ притичище.

Тако же и князи и воеводы и простии людие мужие и жены и всякъ православный и со святители и со священники, еретики осужающе, и от святаго и животворящаго духа научени быша, и написаша божественная правила. Еще же и градъцкие законы сочетавъше божественым правиломъ, яко еже еретики не токмо осужати, но и проклинати и казнем лютым предавати.

что по всему миру распространяется ересь Севира, оставляет монастырь, уходит из пустыни, обходит города и веси, чтобы укрепить верных, еретиков же осудить и посрамить. Собрав потом всех монахов, приходит он вместе с Саввой Освященным в Иерусалим, входят они в церковь в сопровождении множества своих учеников-монахов, числом около десяти тысяч: поднимаются тут на амвон великий Феодосий и Савва Освященный, осуждают и предают проклятью Севира и всех, кто следует его лжеучению. На Шестой собор вместо александрийского патриарха также прибыл монах — Петр, и вместе со всеми осудил еретиков. Когда святая мученица, дева Феодосия, рожденная по предсказанию мученицы Анастасии, постриженная в монахини семи лет и после того безвыходно находившаяся в монастыре,— когда услышала она, что цесарь Лев, что из Исаврии, послал своего оруженосца сбросить и уничтожить образ Христа-господа, бывший на иконе на медных городских воротах, поспешила святая Феодосия на место и как увидела, что трижды ударил оруженосец секирой по образу Христа-спасителя, тут же опрокинула на землю лестницу и так предала оруженосца мучительной смерти. Потом, придя к патриаршим покоям, закидала она камнями Анастасия, патриарха-иконоборца, и тут на месте по приказу недостойного цесаря убили ее за образ господа нашего Иисуса Христа. И пусть никто не вздумает сказать, что Христова мученица Феодосия не по божьему повелению совершила этот поступок, собственноручно предав человека смерти,— именно за это предобрый владыка Христос прославил ее по смерти многими чудесами и грозными знаменьями, а тело сохранил в целости нетленным, так что все, приходящие к ее гробу, получают исцеление от различных болезней. А святые и божественные отцы почтили ее в гимнах, хвалах, канонах и тропарях и постановили праздновать ее память 29-го мая наравне с прославленными мучениками и мученицами Христовыми. И к святой царице Феодоре и благочестивому цесарю Михаилу собрались святые великие постники и чудотворцы: великий Аникий, Арсакий, Исаакий, Феофан-исповедник и многие другие, покинувшие монастыри и пустыни и пришедшие в город, чтобы проклясть и осудить еретиков. Да и на все вселенские и поместные соборы приходили монахи, забывая свои монастыри и пустыни и поспешая в города.

Таким образом, князья и военачальники, частные лица — мужчины и женщины — и каждый православный, осуждая вместе с архиереями и священниками еретиков, составили божественные правила, наставляемые живым и животворящим духом. К тому же и гражданские законы прибавили они к божественным правилам, по которым еретиков не только осуждают, но подвергают проклятиям и жестоким казням.

ПОСЛАНИЕ ИОСИФА ВОЛОЦКОГО КНЯГИНЕ ГОЛЕНИНОЙ

ПОСЛАНИЕ К НѢКОЕЙ КНЯГИНѢ ВДОВѢ, ДАВШЕЙ ПО СВОИХ ДѢТЕХ СОРОКОУСТЪ И ПОРОПТАВШЕЙ

Госпожѣ моей княинѣ Марии, княж Ондрѣеве Федоровичя грѣшный чернец... челом бью.

Писала еси к нам: «Коли у меня было, и яз милостиню давала». Ино, госпоже, коли у тебе не будет, и богъ на тебѣ не истяжет, а только у тебе будет, а не даеш по своих дѣтех участиа и наслѣдья их, ино писал о том великий Афонасие сице: «Отрочата вѣрных множицею убо к целомудрию родителей их умирают божественым промыслом, яко да се видѣвше родители их абие устрашаться и сего ради умилившеся уцеломудрятся». Глаголетъ бо богъ пророком Иеремѣем: «Якож преже времене убо наведох смерть на чада ваша, вы ж таковаго наказаниа не приясте; яко левъ всегубитель обыдоша вас злаа, вы ж видѣвше се не покаастеся, ни отвратитесь от злых своих дѣлъ». И паки той же пророкъ глаголеть: «Уязвил еси сих ранами, господи боже, и не поболѣша; скончал еси их, и не въсхотѣша прияти наказаниа, ожесточиша лица своя, якож камень». Тѣм же убо братья от сего увѣмы, яко богъ милосердъ и человеколюбив сый, неизреченными и различными судбами своими ищет како приводити насъ к себѣ и како спасти душа наша. Тѣм же и о смерти юнных сице есть. Аще убо младенци суще умроша, яко чисти и непорочни отшедша животу вѣчному сподобятся. Аще ли ж съвершени возрастом, юни же суще, сего ради прежде времени умираютъ, понеже вѣдущу богу яко хотяху житием злым и лукавым жити и сосуди лукаваго быти. Тѣм же богъ прежде сего вземлеть их к себѣ, да и сих родители уцеломудрется, и яже хотяху имъ стежания и имѣния уготовляти, сия к нищим и убогим и божественым церквамъ,

ПОСЛАНИЕ ИОСИФА ВОЛОЦКОГО КНЯГИНЕ ГОЛЕНИНОЙ

ПОСЛАНИЕ К НЕКОЕЙ КНЯГИНЕ-ВДОВЕ, ДАВШЕЙ НА СОРОКОУСТ В ПАМЯТЬ ПО СВОИМ ДЕТЯМ И ВОЗРОПТАВШЕЙ

Госпоже моей княгине Марии, супруге князя Андрея Федоровича, я, грешный чернец... челом бью.

Писала ты к нам: «Пока у меня были деньги, я давала милостыню». Но ведь, госпожа, когда у тебя не будет, то бог у тебя и не потребует, а только если у тебя будет, а ты не дашь в память детей их долю и наследие, то писал об этом великий Афанасий так: «Смерть детей верующих часто совершается ради вразумления их родителей по божьему промыслу, чтобы родители, увидев это, устрашились и, опечалившись, вразумились». Ибо сказал бог устами пророка Иеремии: «Я прежде времени послал смерть вашим детям, вы же этого наставления не уразумели; как лев-всегубитель навел на вас несчастья, вы же, и увидев это, не покаялись, не отказались от злых своих дел». И еще говорит тот же пророк: «Нанес ты им раны, господи боже, а они не почувствовали боли, истребил их, а они не захотели принять наказание, ожесточили свои лица, словно каменные». Итак, братья, мы узнаем, что бог милосерден и человеколюбив, непостижимыми и разнообразными путями своими он стремится привести нас к себе и спасти наши души. А смерть юных объясняется так. Если они умирают во младенчестве, то, отойдя чистыми и непорочными, обретают вечную жизнь. Если же умирают совершеннолетними, но молодыми, то потому, что бог предвидит их склонность жить злой и лукавой жизнью и быть созданиями дьявольскими. В этих случаях бог призывает их к себе прежде времени, чтобы их родители вразумились и те богатства и имения, которые хотели приготовить для них, раздали нищим и убогим, и божьим церквам,

еже о них да раздають, тако с чады своими царствия вѣчнаго получать. Аще ли же лихоимьствомъ и любостежаниемъ поработившесь лишат чад своих наслѣдия и участия, еже хотяху имѣти в житии семъ, яко жестоци и немилосердии осужденни бывають от бога, а въ страшьный день пришествия Христова от своих чад осужденни будуть по рекшему словеси: «Немиловавый не помилованъ будеть».

А что еси писала: по твоих дѣтех не бывала ни одна понафида у нас, ино, госпоже, у нас на всякой недѣли по три понафиды, да по девяти литѣй заупокойных, да повсядневная обѣдня, а поминают на обѣднѣ по трижда, а на понафиде по трижда же, а на литѣах по однова. Да опрочѣ того в синанику поминають тѣх же, а на болшихъ понафидах по четырьжда, ино имется всего того по десятья на день, коли болшаа понафида, а во всякую пятницу болшая понафида. А коли меншая понафида, ино по девятья на день. А коли нѣт понафиды в которыи дни, ино по шестья на день, а над проскурами ино поминание годовое чтуть и на господскии праздьники и Великъ день. А твой князь да и ваши дѣти писаны в том годовом поминании. А будеть то у тебя мысль, чтобы твои понофиды пѣти опрочѣ соборных понафид, ино уже надобе и обѣдни пѣти твои опришнии. И ты, госпоже, пошли посмотрити, гдѣ митропалитъ служитъ да и всѣ владыки, ино тамо писаны всѣ великии князи, и удѣлныя, а поютъ обѣдню и понафиду одну соборную по всѣх, да такъ, госпоже, поминають во всѣх соборных церквахъ и въ монастырех. А толко пѣти за всякого по понафидѣ да по обѣднѣ по опришней всегда, ино тому быти не мочно.

А что еси писала: «И четверть от того возмуть, что в синаник написати»,— ино, госпоже, у нас строевъ, которых в монастыри погрѣбают, ина тѣхъ и даром пишють в синаникъ да и в годовое поминание на год, и на нищих богъ не истязуеть, а богатий кождо по своей силѣ истязанъ будеть. Хотя хто и в черньцы пострижется богатой, а не дасть по своей силѣ, ино его не велѣно поминати в том монастыри.

А что еси писала о том, что «дати 20 рублевъ на семь лѣт, ино то грабежь, а не милостыня»,— то не грабеж, то мы с тобою чиним совѣт произволения, а на воле на твоей и на нашей, и будеть то любо тебѣ, и нам ино будеть, а не любо — ино не будеть. А такъ есмя чинили совѣт и съ прежними, которые писалися в годовое поминание. А грабежем того нихто не нарече, занеж вѣдомо всѣм, да и тобѣ вѣдомо: даром священник ни одное обѣдни, ни понафиды не служитъ. Да и своими бо проскурами, и вином, и темияном, и свечами, и кутьею, и кануном, а то в вѣчныи, доколе монастырь Пречистые стоить, надобе на всякь час попечение имѣти о том священиком и крылашаном и всей братии, да еще х тому

которые раздадут эти богатства для их спасения, и они вместе со своими детьми обретут царствие небесное. Если же, отдавшись лихоимству и корыстолюбию, родители лишат детей, принадлежащих им, наследия и имущества, которое должны они были получить при жизни, то, как жестокие и немилосердные, примут осуждение от бога, а в страшный день пришествия Христова будут осуждены своими детьми, ибо сказано: «Немилостивый не будет помилован».

А что ты писала, будто по твоим детям у нас не было ни одной панихиды, то, госпожа, у нас всякую неделю служат три панихиды, да по девять заупокойных литий, да ежедневно обедню, а поминают на обедне трижды, и на панихиде трижды же, а на литиях по одному разу. Да кроме того, в синодике поминают тех же, а в больших панихидах четырежды, а выходит всего десять раз в день, если большая панихида, а во всякую пятницу бывает большая панихида. А если малая панихида, то по девять раз в день. А если в какие-либо дни нет панихиды, то по шесть раз в день, и над просфорами также годовое поминание читают, и в господские праздники, и на Пасху. А твой князь и ваши дети записаны в том же годовом поминании. А если помышляешь, чтобы твои панихиды служили сверх соборных панихид, тогда уже и обедни для тебя надо служить особые. И ты, госпожа, пошли посмотреть службу, которую служат митрополит и все владыки: а ведь там писаны все великие князья и удельные, а служат панихиду одну соборную для всех и так же, госпожа, поминают во всех соборных церквах и монастырях. А служить за всякого всегда по панихиде и по соборной обедне невозможно.

А что ты писала: «И в четыре раза меньше берут, чтобы записать в синодик»,— так ведь, госпожа, у нас монастырских строителей, которых в монастыре погребают, тех и даром пишут в синодик и в годовое поминание на год, а с нищих бог не берет, а с каждого богатого будет взято по его средствам. А если богатый даже пострижется в чернецы, а по средствам не дает, то его не велено поминать в том монастыре.

А что ты писала: «Дать двадцать рублей за семь лет — то грабеж, а не милостыня»,— так это не грабеж, это мы с тобою заключаем добровольное соглашение, по воле твоей и по нашей, а если тебе угодно, то мы так и сделаем, а не угодно — не сделаем. Так мы заключали соглашения и прежде с теми, кто писались в годовое поминание. А грабежом этого никто не называл, ибо ведомо всем, и тебе ведомо: даром священник ни одной обедни, ни панихиды не служит. Да чтобы служить со своими просфорами, и вином, и тимьяном, и свечами, и кутьею, и кануном, и притом вечно, пока монастырь Пречистой стоит,— для этого священникам, клирошанам и всей братии нужно ежечасно иметь попечение, как и обо всем, что для этого

надобеть. Аще по одной дензе давати на обѣдню, ино на год мало, не толко поидеть, о чем есмя писали. Да опрочѣ того еще понафиды, да литѣи заупокойные, надобе еще мед, да воскъ, да просвиры, да фимианъ,— и только считати, ино не имется и по полудензе на обѣдню, а у нас иде священиком на всякой съборъ по четыре денги одному, а в простыи дни по двѣ деньги.

А по всѣм монастырем и по соборным церквам в годовое поминание пишуть в вѣк учинивше ряду. Того дѣля в манастырѣхъ и в соборных церквах и князи и бояре давали села на то, ино того ради въ всѣх монастырѣх земли много. А и в нашемъ манастыри хто написалься в прок в годовое поминание, ино по тому ж писали. По князе Борисе, да по княгинѣ Улиянѣ, да по князи по Иванѣ дали село Успенское да село Спаское, а село Покровское дал при себе князь Борис Васильевич, а велѣл молити о своем здравии и спасении, а после своего живота велѣл себе вписати в тож поминание в годовое в вѣк. А князь Иванъ Васильевич Хованьской далъ грамоту, велѣл давати по одном себѣ дѣтем своим по сту четвертей хлѣба на год. А владыка новогородской Генадей дал монастырю селцо Мечевьское, да двѣ деревни, да селцо Чемесово в Рузе, да колокол во сто рублев. А Григорей Собакинъ купил у Михаила у Коровы семь деревень, да у Никиты у Коньстентинова селцо да двѣ деревни, а дал двѣсте рублев. А князь Семен Ивановичь Бѣлской прислал двѣсте рублев, а велѣл пытати, гдѣ бы земля купити монастырю, а велѣл писати в годовое поминание отца, да матерь, да себя третиего. Да которые писалися в годовое поминание в вѣк, всѣ тѣ написаны в сенанику оприч тѣх, какъ их поминати и какъ по них кормъмъ быти, и что хто дал по себѣ от того поминания, чтоб было незабвенно в вѣкь.

А так не пишут в годовое поминание, как ты велѣла нынѣ, ни в соборных церквахъ, ни в манастырѣхъ. Князь Борис Васильевичь, да княгини Улиана, да князь Иванъ Борисовичь, вѣдомо тебѣ, как жаловали и милостыню давали, и на молебен, и на понафиды, и по родителех и по дѣтех кормили, и милостиню давали, и монастырь и что есть монастырей — всѣ божии да их, да того не считали, коли себя велѣли писати в годовое поминание, занеже вѣдомо имъ, что в нашем манастырѣ обычей: сколько бог пошлеть, столко и разаидется. Надобе церковные вещи строити, святыя иконы, и святыя сосуды, и книги, и ризы, и братство кормити, и поити, и одѣвати, и обувати, и иные всякии нужи исполняти, и нищимъ и странным и мимоходящим давати и кормити. А росходится на всякой год по полутораста рублей денгями, а иногда болѣ, да хлѣба по три тысечи четвертей на год розходится, занеж на всякъ день

понадобится. Даже если давать по одной деньге за обедню — на год выйдет мало, не хватит даже на то, о чем мы писали. А сверх того еще панихиды, да заупокойные литии, нужен еще мед, да воск, да просфоры, да фимиам — если их считать, то не хватит и по полуденьге на обедню, а у нас идет священникам за всякое богослужение по четыре деньги каждому, а в простые дни по две деньги.

А по всем монастырям и по соборным церквам вписывают в годовое поминание, заключив для этого договор. В монастырях и в соборных церквах и князья и бояре давали на это села — потому-то у всех монастырей земли много. И в нашем монастыре если кто вписывается навсегда в годовое поминание, то на тех же условиях. Для поминовения князя Бориса, да княгини Ульяны, да князя Ивана дали село Успенское да село Спасское, а село Покровское дал при жизни князь Борис Васильевич, а велел молиться о своем здоровье и спасении, а после смерти вписать себя в то же годовое поминание навеки. А князь Иван Васильевич Хованский дал грамоту, велел своим детям давать на свое поминовение по сто четвертей хлеба в год. А владыка новгородский Геннадий дал монастырю сельцо Мечевское, да две деревни, да сельцо Чемесово в Рузе, да колокол за сто рублей. А Григорий Собакин купил у Михаила Коровы семь деревень да у Никиты Константинова село и две деревни и дал двести рублей. А князь Семен Иванович Бельский прислал двести рублей и велел узнать, где монастырю можно купить землю, а велел писать в годовое поминание отца, мать, да себя третьим. Да и все, кто писались в годовое поминание, навеки записаны в синодике — как их поминать, и какая за них плата, и кто что дал на свое поминовение,— чтобы это никогда не было забыто.

А так, как ты велела ныне, в годовое поминание не записывают — ни в соборных церквах, ни в монастырях. Известно и тебе, как жаловали нас князь Борис Васильевич, да княгиня Ульяна, да князь Иван Борисович: и милостыню давали, и на молебен и на панихиды, давали корм и милостыню и по родителям и по детям; и наш монастырь, и сколько ни есть монастырей,— все божьи да их, но они этого не считали, когда просили вписать себя в годовое поминание, ибо им ведомо, что в нашем монастыре обычай: сколько бог пошлет, столько и разойдется. Надобно приготовлять церковные вещи, святые иконы, и святые сосуды, и книги, и ризы, братию кормить, и поить, и одевать, и обувать, и удовлетворять иные всякие нужды, опекать и кормить нищих, и странников, и путешествующих. А расходуется каждый год по полтораста рублей деньгами, а иногда и больше, да хлеба по три тысячи четвертей расходуется, потому что каждый день

в трапезѣ едять иногда шестьсотъ, а иногда семьсот душь: ино коли его бог пошлет, тогды ся и разойдеть. Ино того ради государи наши и иные, которые хотѣли писатись в годовое поминание на вѣкь, и давали по себе села. Ино как в годовое поминание, хто себя пишеть на вѣкь, так и села у манастыря на вѣк. Князь Иван Хаваньской давал намъ и хлѣба и денегь, а владыка Новагородской также давал, исчести не мощно его жалования. А Григорей Собакинъ рублев сорок дал дотоле, а князь Семенъ Ивановичь Бѣлской рублев с тритцать дал. Да как ся захотѣли писати в годовое поминание на вѣк, и они того в ряду не положили, а редились изнова о том.

А что еси писала: дала еси по своем князѣ и по своихъ дѣтех болѣ семидесят рублев, ино еси как уставила цѣну платию и конем, а мы на том с половину того взяли. А как взял бог твоего сына князя Ивана, тому уже лѣт с пятнатцать и болши того, и ты оттолѣ и до сѣх мѣсть сочла, что коли еси давала в пятнатцать лѣт или на обѣдню, или на понафиду, или на молебен, или на кормъ, или на погребение своих детей, да велиш нынѣ за то писати своего князя да и детей в годовое поминание в вѣк. А о том еси не писала ни однова во всю пятнатцать лѣт, что было твоего князя да и детей писати за то в годовое поминание в вѣкь. А чтоб еси писала о том, и мы б у тебя и того не имали.

А что еси писала: «Толко выпишете моего князя и моих детей из годовова поминания, ино судия вам богъ»,— ино, госпоже, сама еси себя обличила. Писала еси в своей грамоте нынѣ: коли бог взял твоего сына князя Ивана, и ты дала одиннацать рублев да мерин, а велѣла еси писати в сенаник князя Афонасиа да отца своего Ивана да сына своего Ивана. И ты писала о сенаникѣ, а не о годовом поминании в прок, ино тѣх тогда ж написали в сенаник, да и поминают в вѣкы. Да писала еси, как взял бог сына твоего князя Семена, и ты по нем дала шубу да два мерина, а велѣла еси писати его в сенаник и поминати его в вѣкы, а о том слово не было, что его поминают в годовом поминании в вѣк, и сама еси так написала в своей грамоте нынѣ, что еси ни оброчивалася, ни рядилась. А в то поминание не пишют без ряды. А кому в поминание писатися, и онѣ рядятся или на всякой год давати уроком денги, или хлѣб, или село по ком дадуть, ино его в вѣкы напишють, в годовое поминание.

Да чтобы еси, госпоже, на меня о том не бранилася, что есми написал к тебѣ подлинникомъ и о манастырьском обычаи, и как пишются в годовое поминание навѣкъ, занеже, госпоже, то вам не все вѣдомо.

А яз тобѣ, своей госпожѣ, челомъ бью.

в трапезной едят иногда шестьсот, а иногда семьсот душ: сколько бог пошлет, столько и расходуется. Потому-то государи наши и иные, которые хотели писаться в годовое поминание навеки, и давали по себе села. Ибо кто в годовое поминание вписывается навеки, тот и села дает монастырю навеки. Князь Иван Хованский давал нам и хлеба и денег, и владыка новгородский также давал — невозможно и исчислить его дары. А Григорий Собакин уже прежде дал рублей сорок, а князь Семен Иванович Бельский рублей с тридцать дал. А как захотели быть вписанными в годовое поминание навеки, они этого в договор не включили, а договаривались об этом заново.

А что ты писала: дала за поминовение своего князя и своих детей более семидесяти рублей,— то так ты оценила платье и коней, а мы за них выручили только половину этих денег. А как прибрал бог твоего сына, князя Ивана, прошло уже лет пятнадцать или более того, а ты с того времени и до сих пор сосчитала, что давала за пятнадцать лет на обедню, или на панихиду, или на молебен, или на корм, или на погребение своих детей, да велишь за это вписать своего князя и детей в годовое поминание навеки. А за все эти пятнадцать лет ты ни разу не писала, чтобы за эти даяния вписать твоего князя и детей в поминание навеки. А если бы ты писала о том, то мы бы у тебя этого не брали.

А что ты написала: «Если вы выпишете моего князя и детей из годового поминания, то судья вам бог»,— то этим, госпожа, ты сама себя обличила. Писала ты в своей грамоте ныне: когда бог взял твоего сына, князя Ивана, ты дала нам одиннадцать рублей и мерина, и велела вписать в синодик князя Афанасия, да отца своего Ивана, да сына своего Ивана. И ты писала о синодике, а не о годовом поминании на будущее,— вот мы и вписали тогда их в синодик, и там они и поминаются вечно. Писала ты еще, что когда бог взял сына твоего, князя Семена, ты по нем дала шубу и двух меринов и велела вписать его в синодик и поминать вечно,— а о том не было ни слова, чтобы его навеки поминали в годовом поминании; и сама ты так написала теперь в своей грамоте, что ты не договаривалась, не рядилась. А в то поминание не вписывают без договора. А если кого вписывают в поминание, то договариваются — или каждый год давать по уговору деньги, или хлеб, или село по ком-нибудь дадут, тогда его навек и вписывают в годовое поминание.

А ты бы, госпожа, меня не бранила за то, что я написал тебе по правилам о монастырском обычае и о том, как пишутся в годовое поминание навеки, ибо, госпожа, не всем вам это ведомо.

А я тебе, своей госпоже, челом бью.

ОТВЕТ КИРИЛЛОВСКИХ СТАРЦЕВ НА ПОСЛАНИЕ ИОСИФА ВОЛОЦКОГО ОБ ОСУЖДЕНИИ ЕРЕТИКОВ

Послание старца Иосифа, иже на Волоце, своего ему монастыря, *о Касиане архимандрите Юрьевском и о прочих еретицех, самодръжцу* Рускыа земли, государю, великому князю Василью Ивановичю о томъ, еже грѣшника или еретика руками убити или молитвою, едино есть: понеже Моисѣй скрижали руками разбил, Илиа пророкъ четыреста жрецъ закла, и Финеос братана, с мадиамлянынею блудяща, прободе, и апостолъ Петръ Симона волъхва молитвою разби при Неронѣ цари, и Павелъ апостолъ Елиму волхва молитвою ослепи, и Левъ епископъ катаньский Леодора вълъхва петрахилию связа и сожже, и донеже Леодоръ сгорѣ, а епископъ из огня не изыде, а другаго вълъхва Сидора той же епископъ молитвою сожже при гречестем цари; и сих ради свидѣтельствъ, аще грѣшника или еретика убити молитвою или руками, едино есть, и молимся тебѣ, государю, о томъ, чтоб ты, государь, своим государьским судом искоренил злый плевелъ еретический в конець.

Ис Кирилова монастыря старцы, да и всѣ заволжьские старцы положили тому посланию старца Иосифа свидѣтельства от божественаго Писаниа спротивно, что некающихся еретиковъ и непокаряющихся велѣно заточити, а кающихся еретиковъ и свою ересь проклинающих церковь божиа приемлеть прострътыма дланма, грешных ради сынъ божий воплотися, прииде бо възыскати и спасти погыбшых.

А что, господине, старець Иосиф, Моисѣй скрижали руками разбил, то тако и есть. Но егда богъ хотѣ погубити исраиля, поклоншася тельцу, тогда Моисѣй ста въпреки господеви и рече: «Господи, аще сих погубиши, то мене преже сих». И богъ не погуби исраиля Моисѣа ради. Видиши, господине, яко любовь

ОТВЕТ КИРИЛЛОВСКИХ СТАРЦЕВ НА ПОСЛАНИЕ ИОСИФА ВОЛОЦКОГО ОБ ОСУЖДЕНИИ ЕРЕТИКОВ

Послание старца Иосифа из собственного монастыря, что на Волоке, государю великому князю Василию Ивановичу о юрьевском архимандрите Касьяне и прочих еретиках, о том, что одно и то же — убить ли грешника либо еретика рукою или молитвой: потому как руками разбил скрижали Моисей, Илья-пророк четыреста жрецов заколол, Финеес пронзил родича, когда тот предавался блуду с мадианитянкой, а апостол Петр молитвой низверг Симона-волхва при цезаре Нероне, апостол Павел ослепил молитвой Елиму-волхва, Лев, епископ катанский, связал епитрахилью и сжег Илиодора-волхва, и пока Илиодор не сгорел, не вышел епископ из огня, а другого волхва, Исидора, тот же епископ сжег молитвою при византийском цесаре,— вот из-за каких доводов (что грешника или еретика молитвой ли убить, рукой ли — все одно) просим мы тебя, государя, о том, чтобы без остатка искоренил ты, государь, государским судом своим сорняк скверной ереси.

Старцы из Кириллова монастыря, а с ними все заволжские старцы привели на это послание старца Иосифа от божественного Писания обратное — что нераскаявшихся и непокорных еретиков предписано держать в заключении, а покаявшихся и проклявших свое заблуждение еретиков божья церковь принимает в распростертые объятия: ради грешников облекся плотью сын божий, и пришел он погибших сыскать и спасти.

А что, господин старец Иосиф, до того, что скрижали Моисей руками разбил, то так и есть. Но когда бог хотел уничтожить народ израильский, поклонявшийся тельцу, тогда Моисей возразил господу и сказал: «Если уничтожишь их, господи, то меня раньше их». И не уничтожил бог израильтян ради Моисея. Видишь, господин, как любовь

к согрѣшающимъ и злом превъзможе утолити гнѣвъ божий. Такоже, господине, Илиа пророкъ, ревнуа по господѣ бозѣ вседержители, закла четыреста жрець Валевых, понеже не покаяшася. А инии же покаашася, сих приа на покаяние, от них же бысть Авдѣй пророкъ, и пророческаго дара сподобленъ бысть. А Финеос, господине, пробол оружиимъ братана, блудяща с мадиамлянынею, понеже на всемъ тогда Исраиле грѣх той бысть, и того ради вмѣнися ему въправду.

Еще же Ветхый законъ тогда бысть, нам же в новѣй благодати яви владыка Христос любовный съуз, еже не осужати брату брата о томъ, но единому богу судити согрешениа человечя, рече: «Не судите, не осуждени будете». И егда приведоша к нему жену, яту в любодѣянии, тогда премилостивный судия рече: «Иже не имать греха, да връжеть на ню первѣе камень». Потом же самъ, преклонь главу и писа коєгождо их съгрѣшениа, тако възрази убийственую руку жидовъскую. Кождо ко своим дѣлом приметь от бога въ день судный. Аще же ты повелеваеши брата брату согрѣшивъша убити, то вскорѣ и суботство будеть, и вся Ветхаго закона ихъ же богъ ненавидить.

А Петръ апостолъ Симона вълхва молитвою разби, понеже прозвася прелукавый злодѣй сыном божиим при Нероне царѣ, и того ради достойны суд приатъ от бога за превеликую лесть и злобу. И ты, господине старець Иосиф, сотвори молитву, да иже не достойни еретици да грѣшници, то земля их пожреть. Аще же приемлеть богъ еретика да и грѣшника на покаяние, то не услышанъ будеши. Разумѣем бо разбойника, исповѣданиемъ спасена, и мытаря милостынею очищена, и блудницу плачющуся помним прощену, и дщерию владыка прозва ю; и Павел апостолъ Елиму вълхва молитвою ослепи, понеже искаше развратити антипата от вѣры, а сам апостолъ Павел пиша: «Аз бых был анафема от Христа моего, сиречь проклят; токмо бы братья моя спаслися исраильтяне». Видиши ли, господине, душу свою полагает за соблазнившуюся братью, дабы спаслися, а не молвил им, дабы их огнь пожегълъ, или земля пожерла, а могли сиа от бога приати. А Левъ, господине, катанский епископъ Леодора волхва петрахилью связа и сожже, и другаго вълхва Сидора такоже молитвою сожже при гречестемъ цари. И ты, господине Осифе, почто не испытаешь своей святости? Не связа Касиана архимандрита своею *мантиею,* донележе бы он сгорѣлъ, а ты бы въ пламяни его связана держалъ! И мы бы тебя, яко единого от трех отрок, из пламени, изшедша, приняли.

Поразумей, господине Иосифе, много розни промежь Моисѣа, Илии и Петра апостола и Павъла апостола, да и тебе от них. Кто бы от них, господине, вѣдал многое божие милосердие,

к грешникам и преступникам смогла утолить гнев божий. Так, господин, и пророк Илия, проявляя усердие к богу-вседержителю, заколол четыреста жрецов Ваала, потому что не покаялись они. Но другие покаялись, и он принял их покаяние, среди них был и пророк Авдей, удостоенный пророческого дара. Финеес же, господин, пронзил оружием родича, предавшегося блуду с мадианитянкой, ибо этот грех охватил тогда весь Израиль, потому и поставлено это ему в заслугу.

А ведь тогда еще был Ветхий завет; нам же, в благодати Нового завета, владыка Христос открыл союз любви, чтобы брат не осуждал брата, а только бог судил грехи людей, сказав: «Не судите и не будете осуждены». А когда привели к нему женщину, схваченную за блуд, сказал милосердный судья: «Кто без греха, пусть первый бросит в нее камень». Сам же, склонив голову, написал грехи каждого из них и так отразил поднятую на убийство руку иудеев. В Судный день каждый получит от бога по своим делам. Если же ты требуешь, чтобы брат убивал согрешившего брата, то скоро дойдет и до празднования субботы, и до всего, что в Ветхом завете, что ненавистно богу.

И апостол Петр низверг молитвой Симона-волхва, потому что при цезаре Нероне назвал себя сыном божьим коварный злодей, так что за большое коварство и зло принял он от бога заслуженный приговор. Сотвори и ты, господин старец Иосиф, молитву, и если есть недостойные еретики и грешники, то поглотит их земля. Но если принимает бог покаяние еретика и грешника, не будешь ты услышан. А мы имеем в виду разбойника, спасшегося покаянием, и мытаря, очистившегося милосердием, и помним, что рыдающая блудница прощена и господь назвал ее дочерью; апостол Павел ослепил молитвой Елиму-волхва, потому что стремился тот отвратить проконсула от веры, но сам же апостол Павел написал: «Пусть бы мне была анафема, то есть проклятье, от Христа моего, спаслись бы только мои братья-израильтяне». Видишь, господин, как душу свою кладет он за братьев заблудших, чтобы спаслись, и не сказал им, чтобы огнем сгорели или земля их поглотила, а могли они претерпеть от бога и это. Вот, господин, епископ катанский Лев связал епитрахилью и сжег Илиодора-волхва и другого волхва, Исидора, также сжег молитвой при византийском цесаре. А ты, господин Иосиф, почему не испытаешь своей святости? Связал бы архимандрита Касьяна своей мантией, и пока бы он не сгорел, ты бы связанного его в огне держал! А мы бы тебя, из пламени вышедшего, приняли как одного из трех отроков!

Пойми, господин Иосиф, велика разница между Моисеем, Илией и апостолом Петром, апостолом Павлом, да и между тобой и ими! Кто бы из них, господин, знал про великое милосердие

а еще не бы сам показалъ человеком, приемля грѣшника кающася, яко же блудницу и мытаря, яко же сквернаго оного Манасию, иже пятьдесят лѣт и два лѣта идоломъ служил, и весь Исраиль безаконствовати сотвори, и во един часъ покаяся, прощение получи? Видиши ли, господине, колико душь израильтеских людей въ пятьдесят летъ погыбе, имъ же повиненъ быв Манасиа царь? Но одолѣ человеколюбие божие злу Манасѣину: затворен бо быв в мѣди в Вавилонѣ и тамо покаяся господеви, и аггелъ господень развергъ мѣдь и принесе его в Иерусалимъ, и поживе прочая лѣта в покаании. И апостолу Петру въпрошшу господа, и рече: «Господи, аще брат в мя съгрѣшитъ до седмижды ли, прощу его днемъ?» И рече господь: «Не глаголю ти до седмижды, но седьмдесят седмерицею прости его». Оле милости твоея, человеколюбче! Слава неисчестнымъ твоимъ щедротамъ, господи, яко истинным судом милостивъ и длъготръпелив о злобах человеческых наречеся, праведных бо любиши, а грѣшных милуеши — ныне и въ вѣки бесконечныа!

бога, если бы сам он не открыл его людям, принимая раскаявшегося грешника, как, например, блудницу и мытаря, как того скверного Манассию, который пятьдесят два года поклонялся идолам и весь Израиль заставил жить в беззаконии, но в одно мгновенье покаялся и прощение получил? Представляешь ли, господин, сколько за пятьдесят лет погибло душ в народе израильском, чему виной был царь Манассия? Но человеколюбие бога превозмогло преступление Манассии: в Вавилоне был он заключен в медь и покаялся там перед господом, тогда разбил медь ангел господень, перенес его в Иерусалим, где и прожил он остаток лет в покаянии. А апостол Петр сказал, вопрошая господа: «Господи, если брат мой грешит, прощать ли его на дню по семи раз?» И сказал господь: «Не скажу тебе — по семи, но семьдесят раз по семи прости его!» Такова милость твоя, человеколюбец! Слава, господи, бессчетной щедрости твоей, по истинному приговору назван ты милостивым и бесконечно терпеливым к человеческим порокам, ведь праведных ты любишь, а грешных прощаешь — ныне и навечно!

ПОВЕСТЬ О ПСКОВСКОМ ВЗЯТИИ

Взятие Псковское. В лѣто 7018, месяца октября въ 26, на память святого Дмитрея, князь великий Василей Иванович приехал въ свою отчину, в Великий Новгород, и з своим братом, удѣлным со князем Ондрѣем, и с своими бояре.

И псковичи услышавше государя великого князя Василья Ивановича в Великом Новегороде и послаша послов своих в Великий Новгород: Юрья посадника Елисѣевича, и посадника Михаила Помазова, и бояр изо всѣх концов. И даша псковичи дару великому князю Василью Ивановичю полтораста рублев новгородцкую о жаловании и о печаловании своея отчины мужей псковичь добровольных людей, что: «Есмя приобижены от твоего намѣстника, а от нашего князя Ивана Михайловича Репни, и от его людей, и от его намѣстников от пригородцких и от ихъ людей».

И князь великий отвечал нашим посадником: «Язъ вас, свою отчину, хощу жаловати и боронити, яко же отец нашь и дѣды наши, великии князи. И что ми повѣстуете о намѣстники моем, а о своем князи Иване Михайловичи Репни, аже тольке станутъ на него мнози жалобы, и яз его обвиню пред вами». Да и посадников нашихъ и бояр отпустил.

И посадники наши сказываютъ псковичем на вечи, что князь великий дар их честно принял, а сердечныя никто же вѣсть, что князь великий здумал на свою отчину, и на мужей псковичь, и на град Псков.

Потом, тоя же зиме, по мале времени, поехал изо Пскова князь псковской Иван Михайлович Репня Оболенъских князей государю великому князю жаловатися на псковичь, что де его псковичи бесчествовали. А тот Репня не пошлиною

ПОВЕСТЬ О ПСКОВСКОМ ВЗЯТИИ

Взятие Пскова. В год 7018 (1510), месяца октября в 26 день, на память святого Дмитрия, великий князь Василий Иванович со своим братом, удельным князем Андреем, и со своими боярами приехал в свою вотчину, в Великий Новгород.

Псковичи услыхали, что государь великий князь Василий Иванович в Великом Новгороде, и послали послов своих в Великий Новгород: посадника Юрия Елисеевича, посадника Михаила Помазова и бояр от каждого из концов. И поднесли псковичи великому князю Василию Ивановичу в дар полтораста рублей новгородских, и просили о милости и заступничестве за свою вотчину, мужей-псковичей, добровольных людей: «Обижены мы твоим наместником, а нашим князем Иваном Михайловичем Репней и его наместниками в псковских городах и их людьми».

А великий князь отвечал нашим посадникам: «Я вас, свою вотчину, буду жаловать и оборонять, как отец наш и деды наши, великие князья. А что до наместника моего, а вашего князя Ивана Михайловича Репни, то как только поступят на него многие жалобы, я его призову к ответу перед вами». С тем и отпустил посадников наших и бояр.

И посадники наши сказали на вече псковичам, что князь великий, как подобает, дар их принял, а тайных мыслей никто не знает, что князь великий задумал против своей вотчины и мужей-псковичей и града Пскова.

Затем, этой же зимой, немного времени спустя, поехал из Пскова псковский князь Иван Михайлович Репня, из князей Оболенских, жаловаться государю великому князю на псковичей, что-де его псковичи бесчестили. А тот Репня не по старине

во Псков приѣхал да сѣл на княжении, а не по крестному целованию учал во Пскове жити, а не учал добра хотѣть святей Троицы, ни мужем псковичем. Да тот Репня много зла чинил дѣтем боярским и посадничим; и тыя дѣти боярские да и посадничи здумав себѣ, что тотъ Репня князь псковской много зла им чинил, да поѣхали к великому князю жаловатися на князя Ивана Михайловича на Репню.

Потом того же времени, посадники псковскиа здумав со псковичи такову думу, а не на пользю себѣ думаша, учаша грамоты писати по пригородом да и по волостем, а ркучи так: «Аще который человекъ, каков ни буди, а жаловался на князя, и вы бы ехали къ государю великому князю в Великий Новгород, противу его бити челом».

На той же недели поѣхал Левонтей посадникъ бити челом на посадника на Юрья на Копыла. И поѣхал Юрьи в Новгород противу его отвѣчивать и тамо тягалися. И Юрьи посадникъ прислал грамоту свою из Великого Новагорода ко Пскову, а у грамоте написано так: аще не поѣдут посадники изо Пскова говорити противу князя Ивана Репни, ино будетъ вся земля виновата. И у ту пору псковичем сердце уныло. А на четвертый день по той грамоте поехали к Новугороду 9 посадников да и купецкии старосты всѣх рядов. А князь великий управы им никакой не дасть, а говорит так: «Копитеся вы, жалобныя люди, на Крещение господне, и яз вам всѣм управы подаю». А управы никаковы нѣтъ.

Того же времени, месяца генваря въ 6 день, на Крещение господне, князь великий велѣл нашим посадником всѣм копитися да и бояром и купцем и купецким старостам велѣл ити на рѣку на водокрестие. А сам князь великий вышол со всѣми бояре своими на рѣку на Волхов, а священники и дьяконы выидоша со скресты, в той день приспѣл бо празникъ Крещениа господня. А владыка в то время не бысть на Новегороде, а крестил воду владыка смоленьской да священники; и, воду окрестив, да пошли ко святей Софеи.

И князь великий велѣл своим бояром по своей думе, как себѣ здумали. Да нашим посадником да и людем тѣм учали говорити: «Посадники псковские, и бояре, и жалобныя люди, государь велѣл всѣм вам копитися на государьской двор исполна; а кой не поидет, ино боялся бы государевы казни, занеже государь хочет всѣм управу дати».

И посадники псковьскиа и бояре с одного пошли с воды на владычень двор. И бояре посадников спросили: «Уже ли есте сполна скопилися?» И посадников, и бояр, и купцов увели в полату, а молодшиа люди на дворе стояли. И влѣзли в полату, и бояре *рекоша* посадником и бояром и купцом псковским: «Поимани де естя богом и великим князем Васильем Ивановичем всеа Русии». И туто посадники седѣша и до

приехал в Псков и сел на княжение не так, как исстари повелось, и начал править в Пскове не по крестному целованию, и не хотел добра ни дому святой Троицы, ни мужам-псковичам. Тот Репня много зла чинил детям боярским и посадничьим, и те дети боярские и посадничьи, вспомнив, сколько зла причинил им этот Репня, князь псковский, поехали к великому князю жаловаться на князя Ивана Михайловича Репню.

А в это время посадники псковские задумали с псковичами такое дело,— и не на пользу себе придумали,— начали писать грамоты в пригороды и в волости, говоря так: «Если кто из людей, кто бы ни был, обижен князем, то пусть едет к государю великому князю в Великий Новгород жаловаться на него».

На той же неделе посадник Леонтий поехал жаловаться на посадника Юрия Копыла. И Юрий поехал в Новгород отвечать на его обвинения, и там судились. И Юрий-посадник прислал грамоту из Великого Новгорода в Псков, а в грамоте было написано, что если не поедут посадники из Пскова свидетельствовать против князя Ивана Репни, то будет вся земля виновата. И уныли тогда сердца псковичей. А на четвертый день после получения той грамоты поехали в Новгород девять посадников и купеческие старосты всех рядов. Но князь великий дел их не разобрал, а сказал так: «Собирайтесь все, кто приехал с жалобами, ко дню Крещения господня, и я разберу ваши дела». А распоряжений никаких больше нет.

В то же время, месяца января в 6 день, на Крещение господне, великий князь велел собраться всем нашим посадникам, а также боярам, купцам и купеческим старостам и идти на реку на освящение воды. А сам великий князь вышел со всеми боярами своими на реку Волхов, и вышли священники и дьяконы с крестами, ибо в тот день был праздник Крещения господня. А владыки в то время не было в Новгороде, и святил воду владыка смоленский и священники. И, освятив воду, пошли все ко святой Софии.

А князь великий велел боярам своим делать все так, как они задумали. И те начали говорить нашим посадникам и остальным людям: «Посадники псковские, и бояре, и челобитчики, государь велел вам всем до единого собраться на государев двор; а если кто не пойдет, то пусть боится государева наказания, ибо государь хочет разобрать все ваши дела».

И псковские посадники и бояре, все до единого, пошли после освящения воды на двор владыки. И спросили бояре посадников: «Все ли уже собрались?» И увели посадников, и бояр, и купцов в палату, а младшие люди остались на дворе. И вошли все в палату, и сказали бояре посадникам, и боярам, и купцам псковским: «Задержаны вы богом и великим князем Василием Ивановичем всея Руси». И сидели тут посадники до

своих жон, а молодших людей переписав и подаваша наугородцом по улицам беречи и кормити до управы.

И переняше псковичи полоняную свою вѣсть от Филипа от Поповича от купчины от псковитина, а он ехал к Новугороду и стал у Веряжи, и услышав злу вѣсть, и оставя товар, и погонил ко Пскову, и сказал псковичам, что князь великий посадников наших и бояр и жалобных людей переимал. И нападе на них страх и трепет, и таковыя смяги пришли на их уста, и многажды приходили нѣмцы ко Пскову, а таковыя бѣды и сухоты не бывало.

И вечь поставя, начаша думати, ставит ли щитъ против государя, запиратися ли во граде? Ино помянуша крестное целование, что не мощно рука воздвигнути против государя, а посадники и бояре и лутчие люди вси у него. И послаша псковичи к великому князю гонца своего Еустафья соцкого бити челом великому князю со слезами, от мала и до велика, чтобы —«Ты, государь нашь князь великий Василей Ивановичь, жаловал свою отчину старинную». И у великого князя своя мысль, чего ради поехал с Москвы в Великий Новгород, что ему превратити Псков на свои пошлины.

И посла князь великий своего дьяка Третьяка Долматова, и псковичи обрадовалися от государя жалованья старины. Яже Третьяк имъ на вече и первую новую пошлину, поклон от великого князя: «Чтобы деи отчина моя посадники псковские и псковичи, тольке хотите еще въ старины прожить, и вы бы есте две воли мои изволили: ино бы у вас вечья не было да и колокол бы есте сняли долой вечной, а здѣся бы быти двем намѣстником, а по пригородам намѣснику же быти, и вы ещо проживете въ старине. А только тѣх дву воль государю не изволите и не сотворите, ино как государю богъ по сердцу положить, ино у него много силы готовой, ино тое кровопролитие на тѣх будет, хто государевы воли не сотворить. Да государь нашь князь великий хочеть побывати на поклон къ святей Троицы во Псков». Да тое отговорив да сѣл на степени.

И псковичи ударили челом в землю и не могли противу его отвечати, ано исполнися бяше очи слез, что в сесцу матере своея, но и токмо тыя слез не испустили, но не в разум и младе суще; толке ему отвечали: «Посол государев, дасть богъ заутра и мы себѣ подумаем, да тебѣ о всем откажем». А псковичи туто горко заплакали. Како ли не упали зеницы со слезами вкупе, како ти не урвалося сердце от корени!

Наутриа, свитающи дни недельну, и позвониша вечье, и вшол Третьякъ в вечье, и посадники псковскии и псковичи начаша ему говорити тако: «В нас написано в лѣтописцех с прадеды его и з дѣды и со отцем его крестное целование с великими князьми положоно, что нам псковичам от государя своего

прибытия своих жен, а младших людей переписали и распределили по улицам, приказав новгородцам стеречь и содержать их до суда.

Известие о пленении своих псковичи получили от Филиппа Поповича, псковского купца. Он ехал в Новгород и остановился у Веряжи, и, услышав злую весть, помчался в Псков, оставив товар, и сказал псковичам, что великий князь посадников наших, и бояр, и всех челобитчиков схватил. И нашел на всех страх и трепет, и губы пересохли от скорби: много раз немцы приходили к Пскову, но такой беды и напасти не бывало.

И, созвав вече, начали думать, выступить ли войной против государя или запереться в городе? Однако вспомнили крестное целование — нельзя поднимать руку на государя,— и то, что посадники и бояре и все лучшие люди у него. И послали псковичи к великому князю своего гонца, сотского Евстафия, со слезами бить челом великому князю от всех псковичей — от мала и до велика,— чтобы: «ты, государь наш великий князь Василий Иванович, помиловал свою вотчину старинную». А у великого князя своя мысль; ради того он и приехал из Москвы в Великий Новгород, чтобы установить в Пскове свои порядки.

И послал великий князь своего дьяка Третьяка Долматова, и псковичи обрадовались, ожидая подтверждения от государя старых порядков. А Третьяк им на вече передал просьбу великого князя, первое новое установление: «Если вы, вотчина моя, посадники псковские и псковичи, еще хотите по-старому пожить, то должны исполнить две мои воли: чтобы не было у вас веча, и колокол бы вечевой сняли долой, и чтобы в Пскове были два наместника, а в пригородах по наместнику,— и тогда вы еще поживете по-старому. А если этих двух повелений государя не примете и не исполните, то будет так, как государю бог на сердце положит; а у него много силы готовой, и тогда прольется кровь тех, кто государевой воли не исполнит. И еще государь наш великий князь хочет приехать на поклон к святой Троице в Псков». И, проговорив это, сел на ступени.

А псковичи поклонились до земли и не могли ничего ему ответить, ибо очи их полны были слез, как молоком грудь матери, и лишь те слез не пролили, кто был неразумен и молод; только ответили ему: «Посол государя, с божьей помощью, утром, подумав между собой, мы тебе ответим на все». И заплакали тут горько псковичи. Как не выплакали они глаз вместе со слезами, как не разорвалось их сердце!

Наутро, когда наступил день воскресный, позвонили на вече и пришел на вече Третьяк, и посадники псковские и псковичи начали ему говорить так: «Написано в наших летописцах, при прадедах его и дедах, и при отце его крест целовали великим князьям, что нам, псковичам, от государя своего великого

великого князя, кой ни будеть на Москве, и нам от него не ити ни в Литву, ни в Нѣмцы; а нам жити по старине в добровольи. А мы псковичи отъидем от великого князя в Литву или в Немцы, или о себѣ учнем жити без государя, ино на нас гнѣв божий, глад и огнь и потоп и нашествие поганых. А государь нашь князь великий тое крестное целование не учнеть на собѣ доржати, ино на него тот же обѣть, который на нас, коли нас не учнеть доржати в старине. А нынѣ богъ волен да государь въ своей вотчине, во граде Пскове, и в нас, и в колоколе нашем, а мы прежнего целованиа своего и проклятья не хотим изменити и на себѣ кроволитиа приняти, и мы на государя своего руки подняти и в городе заперетися не хотим. А государь нашь князь великий хочеть живоначальней Троицы помолитися, в своей отчине побывати во Пскове, и мы своего государя ради всѣм сердцем, чтобы нас не погубил до конца».

Месяца генваря въ 13, на память святых мученикъ Ермолы и Страстоника, спустиша вечной колокол святыя живоначальныя Троица, и начаша псковичи, на колокол смотря, плакати по своей старине и по своей воли. И повезоша его на Снетогорской двор к Ивану Богослову, гдѣ нонма намѣстнич двор; тоя же нощи повезоша Третьяк вѣчной колокол к великому князю в Новгород.

И того же месяца, за неделю приѣзда великого князя, приехаша воеводы великого князя с силою: князь Петръ Великой, Иван Васильевич Хабар, Иван Андрѣевич Челяднин,— и поведоша псковичь к целованью, а посадником сказаша, что князь великий будетъ в пятницу.

Поѣхаша посадники псковскиа, и бояре, и дѣти посадничьи, и купцы на Дубровно стречати государя великого князя.

Месяца генваря въ 24, на память преподобныя матере нашея Аксеньи, в день в четвергъ приѣхал государь нашь князь великий Василей Иванович всеа Русии во Псков. А того дни порану приехал владыка коломеньской Васьян Кривой, и хотяше великого князя встрѣтити священноиноки, и священники, и дьяконы у Образа святого в Поли; и владыка молвил, не велѣл деи собя князь великий стречати далече. А псковичи сретоша его за три версты, и вдариша псковичи государю своему в землю челом, и государь упросил в них здравия, и псковичи ему молвиша: «Ты государь нашь князь великий, царь всеа Русии, здрав был».

И поехал во Псков, и срѣтиша его владыка, кои с нимъ приѣхал, и священноиноки, и священники, и дьяконы на Торгу, гдѣ нынѣ площадь; а самъ князь великий слѣз с коня во всемилостиваго Спаса, туто же и благословил его владыка, и пошол ко святей живоначальней Троицы. И пѣша молебен

князя, какой ни будет на Москве, не отходить ни к Литве, ни к Неметчине, а жить нам по старине по своей воле. А если мы, псковичи, отойдем от великого князя к Литве или к Неметчине или начнем жить сами по себе, без государя, то будет на нас гнев божий, голод, и огонь, и потоп, и нашествие поганых. А если государь наш великий князь не сдержит то крестное целование и не станет нами править по старине, то и на него та же кара падет, что и на нас. А ныне богу и государю дана воля над их вотчиной, градом Псковом, нами и колоколом нашим, а мы прежнего обещания своего и клятвы не хотим изменить, и кровопролитие на себя взять, и не хотим на государя своего руки поднимать и в городе запираться. А если государь наш великий князь хочет помолиться в живоначальной Троице и побывать в своей вотчине Пскове, то мы своего государя рады принять всем сердцем, чтобы нас не погубил до конца».

Месяца января в 13 день, на память святых мучеников Ермолая и Стратоника, спустили вечевой колокол со святой живоначальной Троицы, и начали псковичи, глядя на колокол, плакать по своей старине и прежней воле. И повезли его на Снетогорский двор, к церкви Иоанна Богослова, где ныне двор наместника; в ту же ночь повез Третьяк вечевой колокол к великому князю в Новгород.

И в тот же месяц, за неделю до приезда великого князя, приехали воеводы великого князя с войском: князь Петр Великий, Иван Васильевич Хабаров, Иван Андреевич Челяднин — и повели псковичей к крестному целованию, а посадникам сказали, что великий князь будет в пятницу.

Поехали посадники псковские, и бояре, и дети посадничьи, и купцы на Дубровно встречать государя великого князя.

Месяца января в 24 день, на память преподобной матери нашей Аксиньи, в четверг, приехал государь наш великий Василий Иванович всея Руси в Псков. А утром того дня приехал коломенский владыка Вассиан Кривой, и хотели священноиноки, и священники, и дьяконы встретить великого князя у церкви Святого образа в Поле, но владыка сказал, что великий князь не велел встречать его далеко. И псковичи встретили его за три версты, и поклонились псковичи государю своему до земли, и государь поздоровался с ними, и псковичи ему молвили в ответ: «Ты, государь наш великий князь, царь всея Руси, здрав будь».

И поехал он во Псков; и владыка, что с ним приехал, и священноиноки, и священники, и дьяконы встретили его на Торгу, где ныне площадь; а сам великий князь слез с коня у церкви всемилостивого Спаса, тут и благословил его владыка, и пошел он к святой живоначальной Троице. И отслужили молебен,

и многолѣтьство кликаша государю; и благословляя владыка его: «Богъ деи, о государь, благословляетъ Псков вземши». И кои псковичи были у церкви и то слышели, и заплакали горко: «Богъ волен да государь, отчина есме его была изстари отцов его, и дѣдовь его, и прадѣдов его».

И велѣл в неделю быти у собя князь великий псковичем, псковским и старым посадником, и дѣтем посадничим, и бояром, и купцом, и житьим людем: «Яз вас хощу жаловати своим жалованием». И поидоша псковичи от малы и до велика на великого князя двор. И посадники и бояре придоша въ гридню, а инѣх на крыльце стоя князь Петръ Васильевич по переписи почал кликати бояр и копцов псковских. И кои вошли в гридню, то тѣх всѣх за приставы подаваша; а псковичем молощим людем, кои на дворѣ стояли, отвечаша: «До вас государю дѣла нѣт, а до которых государю дѣло есть, и он тѣх к себѣ емлетъ, а вас государь пожалуетъ грамотою своею жаловальною, как вам впредь прожити».

И подаваша тѣх за приставы, кои были в гридне, и поидоша за приставы по подворьям, и начаша скручатися к Москве тое нощи, з женами и з дѣтми, и животы легкие взяша с собою, а то все пометаша и поѣхаше вборзе с плачем и рыданием многим. Да и тѣх жены поѣхали, кои в Новегороде засажены. И взяша псковичь всѣх 300 семей.

И тогда отъятца слава псковская!

О славнѣйший во градех — великий Пскове! Почто бо сѣтуеши, почто бо плачеши? И отвѣща град Псков: «Како ми не сѣтовати, како ми не плакати! Прилетѣл на мене многокрильный орел, исполнь крыле нохтей, и взя от мене кедра древа ливанова. Попустившу богу за грѣхи наша, и землю нашу пусту сотвориша, и град нашь разорися, и люди наши плениша, и торжища наша раскопаша, а иные торжища калом коневым заметаша, а отца и братию нашу розведоша, где не бывали отцы наши и дѣды ни прадѣд наших, тамо отцы и братию нашу и други наша сведоша, а матери и сестры наша в поругание даша».

А иные во граде мнози постригахуся в черньцы, а жены у черницы, и в монастыри поидоша, не хотяще в полон поити от своего града во иные грады.

Нынѣ же се, братие, ведуще, убоимся прещениа сего страшнаго, припадем к господу своему, исповѣдающеся грѣхов своих, да не внидем в *большей* гнѣв господень, не наведем на ся казни горши первой. А еще ждеть нашего покаяниа и обращениа, а мы не покаяхомся, но на большой грѣх превратихомся, на злыя и лихия поклепы и у вѣчьи кричание, а не вѣдуще глава, что языкъ глаголеть, не умѣющу своего дому строити, а градом наряжати.

и пели многолетие государю, и, благословляя его, владыка сказал: «Бог, государь, благословляет тебя, взявшего Псков». И псковичи, которые были в церкви и это слышали, заплакали горько: «Бог волен и государь, мы были исстари вотчиной его отцов, и дедов, и прадедов его».

И велел великий князь быть у себя в воскресенье псковичам, старым псковским посадникам, и детям посадничьим, и боярам, и купцам, и житьим людям: «Я хочу пожаловать вас своим жалованьем». И пошли псковичи от мала и до велика на двор великого князя. Посадники и бояре пошли в гридницу, а других бояр и купцов псковских князь Петр Васильевич начал выкликать по переписи, стоя на крыльце. А тех, кто вошел в гридницу, взяли под стражу, а псковичам, младшим людям, кто стоял на дворе, сказали: «До вас государю дела нет, а до которых государю дело есть, он тех к себе позовет, а вам государь пожалует грамоту, где сказано, как вам впредь жить».

И взяли под стражу тех, кто был в гриднице, и под стражей пошли они в свои дворы, и в ту же ночь начали собираться с женами и детьми к отъезду в Москву, поклажу легкую взяв с собою, а остальное все бросили и поехали вскоре с плачем и рыданиями многими. И еще поехали жены тех, кто был посажен в Новгороде. И всего было взято триста псковских семей.

И так прошла слава псковская!

О славнейший среди городов — великий Псков! О чем сетуешь, о чем плачешь? И отвечал град Псков: «Как мне не сетовать, как мне не плакать! Налетел на меня многокрылый орел, а крылья полны когтей, и вырвал у меня кедры ливанские. Бог наказал нас за грехи наши — и вот землю нашу опустошили, и город наш разорили, и людей в плен взяли, и торги наши с землею сровняли, а иные навозом конским забросали, а отцов и братьев наших развезли; где не бывали наши отцы, и деды, и прадеды наши, туда увезли отцов, и братьев наших, и друзей, а матерей и сестер наших на поругание отдали».

А многие постриглись в монахи, а их жены в монахини, и ушли в монастыри, не желая идти в плен из своего города в чужие города.

Ныне, братья, зная об этом, убоимся этого страшного наказания, преклонимся перед господом своим и признаемся в грехах своих, чтобы не вызвать большего гнева господня, не навести на себя казни, горше первой. Ждет он нашего покаяния и исправления, а мы не покаялись, но в больший грех впали — в злые и лихие поклепы и кричание на вече, когда голова не знает, что язык говорит, не умея в своем доме распорядиться, хотели городом управлять.

И по сем князь великий нача давати деревни бояром сведеных псковичь, и посади намѣстники на Пскове: Григорья Федоровича да Ивана Ондрѣевича Челяднина, и дьяком Мисюра Мунохина, и другим дьяком ямским Ондрѣя Волосатого, и 12 городничих, и старостъ московских 12, и пскович 12, и деревни им даша; а велѣл им в суду седѣти с намѣсники и сь их тиуны, правды стеречи. И у намѣсников, и у их тиунов, и у дьяков великого князя правда их, крестное целование, взлетѣло на небо, и кривда начаша в них ходити; и быша немилостивы до пскович, а псковичи, бѣдныя, не вѣдаша правды московския. И даша князь великий свою грамоту жаловальную псковичам, и посла князь великий своих намѣсников по пригородом, и велѣл имъ пригорожан приводити к целованию; и начаша пригородцкие намѣсники пригорожаны торговати.

И посла князь великий к Москвы Петра Яковлевича Захарьина Москве всей здоровати, что князь великий Псков взял. И прислаша во Псков с Москвы добрых людей, гостей тамгу уставливати ново, занеже во Пскове тамга не бывала; и прислаша с Москвы пищальников казенных и воротников; и даша мѣсто, гдѣ торгъ ставити новой, вонъ стены, противу Лужьских ворот, за рвом, на Юшкове огороде Носохина, да на Григорьеве посадникове садники Кротова. Да и церковь постави князь великий святую Оксенью, которой день Псков взял, на Пустой улицы въ Ермолкине садники Хлѣбникове; а потому та улица Пустая слыла, что меж огородов, а дворов на ней не было. И жил князь великий 4 недели во Пскове, а поехал на другой недели поста в понедельникъ изо Пскова; и другой колокол с собою взяша; а оставил здѣсь детей боярских 1000, а пищальников новгородцких 500.

И начаша намѣсники над псковичами силу велику чинити, а приставы их начаша от поруки имати по 10 рублев, и по 7 рублев, и по 5 рублев. А псковитин хто молвит великого князя грамотою, а написано, что имъ от поруки имати, и они того убили, а говорили: «То де тобѣ, смердъ, великого князя грамота». И тые намѣсники, их тиуны и люди пиша изо псковичь крови много; а кои иноземцы жили во Пскове, и тѣ разыдошася во своя земля, ано не мочно во Пскове жити, только одны псковичи осташа: ано земля не раступитца, а уверхъ не взлетѣть.

После этого великий князь начал раздавать боярам деревни сведенных псковичей и посадил наместников в Пскове: Григория Федоровича и Ивана Андреевича Челядниных, а дьяком назначил Мисюря Мунехина, а другим дьяком ямским Андрея Волосатого, и двенадцать городничих, и московских старост двенадцать и двенадцать псковских, и деревни им дал, и велел им в суде сидеть с наместниками и их тиунами, хранить закон. А у наместников, и их тиунов, и у дьяков великого князя правда их, крестное целование, взлетела на небо, а кривда начала ходить в них; и были несправедливы к псковичам, а псковичи, бедные, не знали правосудия московского. И дал великий князь псковичам свою жалованную грамоту, и послал великий князь своих наместников по псковским городам, и велел им приводить жителей к крестному целованию. И начали наместники в псковских городах жителей притеснять.

И послал великий князь в Москву Петра Яковлевича Захарьина поздравить всю Москву по случаю взятия великим князем Пскова. И послали в Псков из Москвы знатных людей, купцов, устанавливать заново пошлины, потому что в Пскове не бывало пошлин; и прислали из Москвы казенных пищальников и караульных; и определили место, где быть новому торгу — за стеной, против Лужских ворот, за рвом, на огороде Юшкова-Насохина и на огороде посадника Григория Кротова. И церковь святой Аксиньи, в день памяти которой взял Псков, поставил великий князь на Пустой улице, на земле Ермолки Хлебникова, а потому та улица Пустой звалась, что шла меж огородов, а дворов на ней не было. И жил великий князь в Пскове четыре недели, а поехал из Пскова на второй неделе поста в понедельник, и взял с собою второй колокол, а оставил здесь тысячу детей боярских и пятьсот пищальников новгородских.

И начали наместники над псковичами чинить великие насилия, а приставы начали брать за поручительство по десять, семь и пять рублей. А если кто из псковичей скажет, что в грамоте великого князя написано, сколько им за поручительство, они того убивали и говорили: «Вот тебе, смерд, великого князя грамота». И те наместники и их тиуны и люди выпили из псковичей много крови; иноземцы же, которые жили в Пскове, разошлись по своим землям, ибо нельзя было в Пскове жить, только одни псковичи и остались: ведь земля не расступится, а вверх не взлететь.

ИЗ ХРОНОГРАФА 1512 ГОДА

ИЗ ГЛАВЫ 197

ПРИ СЕМ ЖЕ ЦАРСТВИИ ГРЕЧЕСТЕМ АНДРОНИКА ПАЛЕОЛОГА, В ЛѢТО 6790, БЫСТЬ ЦАРЬ ВЪ СЕРБЕХ МИЛУТИНЪ. ЦАРСТВО СЕРБСКОЕ

Святый Симионъ роди Стефана краля, и Стефанъ роди Стефана же, иже нареченъ бысть Урошь во имя прадѣда своего, сей есть храпавы краль. Сей роди Милутина краля, иже четвертый от святаго Симиона. Сему обладающу сербы, ражаеть убо сей Стефана, великаго, благочестиа столпа, и царьствиа вѣнець, и добродѣтели сокровище. И бѣ всѣм благъ, и приступенъ, и милостивъ. И по умертвии матери Стефановы Милутинъ краль приобщаеться второму браку, у греческаго царя *Андроника* Палеолога дщерь поят, и роди от нея сына Коньстянтина. Царица же, видящи Стефана от всѣх любима, ненавидяше его, нъ *приходит* ко отцу его, слезы испущая и дряхлым лицемъ, яко спасение его промышляа, и оклеветаеть праведнаго, яко к ней рачителнѣ прилежаща и на отца недобрая мыслить. Князи же совѣтоваху Стефану, собравъ вои, уклонитися во ину страну и избыти съшиваемыя льсти. Он же не восхотѣ, но на бога всю надежю положи. Что же по сих? О безмѣстна! Преможе женьская лесть и угаси родительную любовь: ят бываеть праведный и очию лишаеться. Бѣ же ту церкви святаго Николы, лѣжащу убо праведному и зѣло болѣзнующу, и мало воздремався, явися ему святый Николае и рече ему: «Не скорби, Стефане, се очи твои на моею дланию!» И показаваше ему.

Потом же посылается в заточение в Коньстянтинъ град и съ двоими его дѣтми, единъ убо Душмана нарицаемъ, другий же Душана Стефанъ. Андроникъ же Палеологъ, тесть

ИЗ ХРОНОГРАФА 1512 ГОДА

ИЗ ГЛАВЫ 197

ПРИ ТОМ ЖЕ ЦАРЕ ГРЕЧЕСКОМ АНДРОНИКЕ ПАЛЕОЛОГЕ, В ГОДУ 6790 (1282), БЫЛ У СЕРБОВ ЦАРЬ МИЛУТИН. ЦАРСТВО СЕРБСКОЕ

У святого Симеона родился Стефан краль, у Стефана — Стефан же, нареченный Урошем по имени прадеда своего, это был рябой краль. Он был отцом Милутину кралю, четвертому от святого Симеона. Когда правил он сербами, родился у него Стефан, великий столп благочестия, и венец царства, и средоточие добродетелей. И был ко всем благожелателен, и доступен, и милостив. И после смерти матери Стефановой краль Милутин вступил во второй брак, взяв за себя дочь греческого царя Андроника Палеолога, и родился у нее сын Константин. Царица же, видя, что всеми любим Стефан, возненавидела его, приходит к его отцу, обливаясь слезами и со скорбным лицом, словно бы в тревоге за судьбу его, и клевещет на праведного, будто он к ней льнет и против отца замышляет злое. Князья же советовали Стефану, собрав воинов, уйти в другую землю и так избежать зла от возводимой на него клеветы. Он же не захотел и возложил всю надежду на бога. Что же далее? О беззаконие! Превозмогло женское коварство и угасило родительскую любовь: схвачен был праведный и очей лишен. Когда же лежал праведный, тяжко страдая, близ церкви святого Николы, и немного вздремнул он, и явился ему святой Никола и сказал: «Не печалься, Стефан, вот очи твои на моих ладонях!» И показал их ему.

Потом же был сослан Стефан в заточение в Константинов-град с двумя своими сыновьями,— одного звали Душман, другого же Стефан Душан. Андроник же Палеолог, тесть

Милутиновъ, повелѣ ему пребывати неисходну во обители Вседръжителевѣ.

Доблий же терпяше съ благодарениемъ, паче добродѣтели прилѣжа и всѣмъ образ пользы бывая, и словом и дѣломъ, иже и самому царю въ слух прииде и патриарху, иже и к себѣ призываху праведнаго, и дивляхуся словесемъ его и разуму. Въ то же время патриархъ Афанасие дивный соборъ състави на нѣкоего Варлама, акиндиньскыя ереси началника, иже Ариева мысляща и Македониева и владычнее преображение глаголаше привидѣние быти и многи улови во свою ересь. Патриархъ же со всѣмъ соборомъ Варлама еретика от церкви отлучи и съ его единомысленики, и проклятию предаша. Он же не преста, пиша и возмущаа церковъ, и многи прельсти. Призванъ же бывъ Стефанъ къ царю по обычаю и по многих бесѣдах рече: «О боговѣнчанне царю, многих преже тебе бывших превзыде всякими нравы добродѣтелными и смирениемъ, но о едином не вѣмъ, како погрѣшаеши, еже есть глава всему и вѣнець царствию, о немже апостоли подвизашася и мученици плоти не пощадѣша, еже есть благочестие». Царь же рече к нему: «Како убо о благочестии насъ мниши погрѣшати, глаголи убо, о друговъ изряднѣйши!» И Стефанъ отвѣща: «Явлено есть, о царю, *призирающему* пастырю волчий въ стадо входъ и не отгонящу их, такову же быти и тому звѣрю, аще и пастыря носить имя, и аще злославныя не отгонить, и *той* зълославенъ судится ото иже умъ имущих. Нѣсть праведно, о царю, царствиа саномъ почтену тебѣ и толику стаду от Христа пастырю поставлену, того враги во своемъ стаде дръжати, но яко волкы душетлѣнныя отгонити далече и съ Давыдом пѣти: «*Ненавидящаа* тя, господи, възненавидѣх и о вразѣх твоих истаях, совершенною ненавистию возненавидѣх их, и въ врагы быша ми»,— и ото всѣго своего царствиа да повелиши их изгнати. Сице аще сотвориши, церковныа уставиши раздоры и миръ глубокъ даруеши православным, и царствиа скипетры возвеличиши, истиненъ царь истинным христианом будеши, истиненъ пастырь, и ото общаго владыкы мьзду приимеши — небесьное царствие». Сиа слышавъ самодръжець, премудрости и словесному разуму мужа удивляшеся, много того благодаривъ и похваливъ, рече къ сущимъ въ полате: «Вельми сей мужь в разумѣ великъ и умныма паче очима многозрительниийши, аще и телесныя сему затвориша». И абие царь повелѣ Варлама связана к себѣ привести. Возвѣсти же ему нѣкто от полаты еговы ереси, он же въскорѣ въ Рим отбѣже. Царь же повелѣ его единомысленики изгнати из града,

Милутинов, повелел Стефану пребывать безотлучно в монастыре Вседержителя.

Благой же все терпел со смирением, больше прежнего подвизаясь в добродеяниях и всем в словах и делах служа образцом, так что и до самого царя, и до патриарха дошел слух о нем, и они призывали к себе праведного и дивились речам его и мудрости. В то же время патриарх Афанасий дивный собор созвал против некоего Варлаама, главы акиндинской ереси, мыслящего подобно Арию и Македонию и утверждавшего, будто бы преображение господне было лишь видением: и многих увлек он в свою ересь. Патриарх же со всем собором отлучил еретика Варлаама и единомышленников его от церкви и предал проклятию. Тот же не успокоился, продолжал писать и смущать церковь и многих прельстил. Был как-то, по обычаю, призван Стефан к царю и после долгой беседы сказал: «О боговенчанный царь, многих до тебя бывших превзошел ты своими добродетелями и смирением, но не пойму, почему ты именно тем пренебрегаешь, что является всему вершиной и венцом царства, во имя чего апостолы совершили подвиг свой и мученики тела своего не пощадили — говорю я о благочестии». Царь же возразил ему: «Почему ты думаешь, что мы пренебрегаем благочестием, скажи, о достойнейший из друзей!» И Стефан отвечал: «Известно, о царь,— если пастух не оберегает стадо от набега волков и не отгоняет их, то и он такой же зверь, хотя и именуется пастухом, и тот, кто не отгонит известного злом своим, тот и сам будет осужден как злодей всеми, способными размышлять. Недостойно, о царь, тебе, пребывающему в чтимом царском сане и пастырем от Христа поставленному таковому стаду, врагов его в своем стаде терпеть, но следует отогнать их подальше как волков-душегубцев и с Давидом воспеть: «Ненавидящих тебя, господи, возненавидел и гнушаюсь врагами твоими, искренней ненавистью возненавидел их, и стали они врагами моими»,— и прикажи изгнать их из всего своего царства. Если так поступишь, то прекратишь церковные распри, и прочный мир даруешь православным, и царский скипетр возвеличишь, явишься истинным царем истинным христианам и истинным пастырем и от владыки всех дар получишь — царство небесное». Услышав это, поразился самодержец мудрости и разумным словам того мужа, горячо благодарил его и хвалил, и обратился к находившимся в палате: «Превелик разумом сей муж, а еще более — внутренним зрением, все видящим, хотя телесные очи ему закрыли». И тотчас же царь приказал Варлаама связать и привести к себе. Но предупредил того кто-то из окружавших его еретиков, и он поспешно бежал в Рим. Царь же приказал единомышленников его изгнать из столицы,

и изо всѣх градовъ и весей съ безщестиемъ изгоняти, изо всего своего царства.

Что же по сих? Пятое лѣто Стефану въ заточении совершашеся, и на праздникъ чюдотворца Николы бдѣнию всенощному совершаему, и запалению свѣщамъ много и кажению и чтению положену житие и чюдеса святаго, Стефанъ из глубины душевныа моление принося и ото многаго труда мало въздрѣмася, зрит очима сердца великаго Николу и к ногама его припад, милости прося. Милостивый же онъ рече: «Рѣх ти преже не скорбѣти и показах ти въ своей руцѣ твои зѣници, и нынѣ посланъ есмь исполнити». И воздвигъ его и крестное знамение на лици его сотвори, очию же его краи перъстными коснувся, рече: «Господь Исус Христос, иже слепаго от рожения воочивый, той и твоима очима первый даруеть зракъ». И овъ убо невидимь бысть, Стефанъ же, възбнувъ, трепетенъ бысть — о неизреченнаго ти милосердиа, Христе! — зряше якоже и преже. И много со слезами благодаривъ и никому же объяви до времени, но, по обычаю, убрусом закрывъ очи, хожаше съ жезлом. И по мале меньший сынъ его прѣиде от сеа жизни.

Образ же возвращениа его во свое отечество сице бысть. Посылаше самодръжець греком *къ* зятю своему серпьскому кралю, да послеть ему воиньство на помощь. И болгарене тогда южьная вся подъ собою сътворивше и со множествомъ вои на востокъ грядяху. Посла же с ними и настоятеля обители Вседръжителявы, идѣже Стефанъ заточенъ. Его же призвавъ наединѣ краль Милутинъ о сынѣ вопрошаше. Чюдный же онъ: «О многострадалномъ ли и вторѣмъ Иовѣ вопрошаеши мя, о владыко? Недостойна твоа держава вся, аще и тмами житиа твоего будутъ лѣта, противу Стефановыя нищеты; якоже многоцѣньное сокровище стяжа того обителъ и весь царствующи град!» И вся сказавъ ему и еже на еретики подвигъ его. Слышав же краль и отеческим милосердиемъ подвигъся, нача плакати, и посла къ царю греческому въскоре к нему послати Стефана. Царь же с радостию и многы дары давъ отпусти его, их же дастъ во обитель Вседръжителя. Пришедъ же ко отцу, он же со слезами лобзавъ его с радостию и проситъ у него прощениа о съгрѣшении, еже к нему. Христовъ же подражатель себе повинна сътвори, и рыдание отца утѣшивъ, и прозрѣниа своего не объяви ему, ни иному кому, такоже ни въ Царѣградѣ, но по обычаю, убрусом очи закрывъ, хожаше, яко да не паки завистию угасять ему богоданныа очи. Потом же повелѣ ему отець въ Диоклитийстемъ мѣсте пребывати. Он же паче добродѣтели прилежаше.

и изо всех городов и селений с бесчестием изгонять, из всего своего царства.

Что же после этого? Когда уже шел пятый год Стефанова заточения, как-то свершалась служба всенощная в честь праздника чудотворца Николы, и горело множество свечей, и кадили, и читали, как положено, житие и о чудесах святого, Стефан от всей души молился и, сильно утомленный, немного задремал, и увидел очами сердечными великого Николу, и, припав к ногам, попросил его о милости. Тот же, милосердный, сказал: «Поведал тебе еще ранее, чтобы не печалился, и показал тебе очи твои в своей руке, и ныне послан я все исполнить». И поднял его, и крестным знамением осенил лицо его, концами пальцев коснулся глаз его и сказал: «Господь Иисус Христос, даровавший зрение слепому от рождения, и твоим глазам дарует способность видеть, как и прежде». И стал невидим тот, Стефан же, проснувшись, вострепетал — о неизреченное милосердие твое, Христос! — ибо стал видеть, как прежде. И долго со слезами благодарил и никому о том не сказал до времени, но, как обычно, платом закрыв глаза, ходил с жезлом. И в скором времени младший сын его оставил этот свет.

Возвращение же его в свое отечество был таково. Послал както самодержец греческий к зятю своему, сербскому кралю, чтобы тот направил ему воинов в помощь. Болгары южные тогда все себе покорили и со множеством воинов двинулись на восток. С послами отправил и игумена монастыря Вседержителева, в котором был заточен Стефан. Его же призвал к себе краль Милутин и наедине стал расспрашивать о сыне. Чудный же тот: «О многострадальном втором Иове спрашиваешь меня, о владыка? Не достойна вся держава твоя, если даже будут долгими годы жизни твоей, Стефановой нищеты, обитель и сам царствующий град обрели его, словно многоценное сокровище!» И рассказал ему обо всем и о выступлении его против еретиков. Услышав же это, краль исполнился милосердием отцовским, заплакал и послал к царю греческому, чтобы скорее вернули ему Стефана. Царь же с радостью отпустил его, почтив дарами многими, которые тот передал в обитель Вседержителя. Когда пришел он к отцу, тот расцеловал его со слезами и с радостью и попросил прощения за грехи свои перед ним. Христу же подражающий себя виновным нарекал, и слезы отца своего утешил, и прозрения своего не открыл ни ему, ни кому-либо другому, ни в Царьграде, но, как обычно, ходил, прикрыв глаза платом, чтобы снова, позавидовав, не угасили ему богом данные очи. Потом же повелел ему отец пребывать в Диоклитийском граде. Он же более чем прежде стал предаваться добродеяниям.

ГЛАВА 198

ЦАРСТВО СЕРПЬСКОЕ СТЕФАНОВО

По сих же, отцу его скончавшуся, и погребенъ бысть во обители, иже от него създаннѣй — Баньско убо мѣсто именуемо, ради текущих теплых вод — въ церкви первомученика Стефана. По преставлении убо отца Стефанъ убрусъ ото очию отвергъ, свѣтелъ лицем, свѣтлѣйши же очима собравшимся является и на достойное тому серпьское царство препоясуется. И вси сущии въ власти к нему притицаху.

Коньстянтинъ же, иже того брат ото иныя матери, доволно воиньство собравъ и *посла* скоро, уступити царствиа веля: «Нѣсть,— рече,—слышано от вѣка, слѣпу быти царю». Сиа рече, укаряа его. Стефанъ же къ соборной церкви преже иде поклонитися, и тамо архиепископъ Никодимъ венцемъ царствиа украшает главу его и всѣмъ илирическым языком поставляеть царя. И оттуду въставъ, къ брани идяше. Да якоже близъ быша обои полци, и, милосердуя о брате, милостивая она душа посылаеть к нему таковая писаниа: «Стефанъ, милостию божиею царь сербом и отеческому наслѣдию, еже страхом божиимъ правити того люди, брату превожделѣнному Коньстянтину, радоватися! Престани, еже начинаеши ратовати со иноязычники своя люди, но усердно прииди, да узримъ другъ друга, и санъ вторый, яко сынъ царствиа, приимеши. Довлѣеть мнѣ и тебѣ в толицѣ ширинѣ земля жительствовати, не бо азъ есмь Каинъ-*братоубица,* но Иосифу другъ-братолюбець, его же слово к тебѣ глаголю: Не бойся, божий бо есмь азъ! Вы совѣщасте о мнѣ злая, богъ же совѣща о мнѣ благая, якоже нынѣ видиши». Он же ни мало слышати восхотѣвъ, но на брань устремися.

И сражению бывшу, многа убо трупиа падоша, и побѣженъ бываеть онеправдовати нашедый, и сам Коньстянтинъ падаеть умилено, таково приобрѣтение получивъ своего непокорениа, не вѣдый не точию царство, но и малыа вещи — аще богъ не благоволит, не можеть самосмышлениемъ человѣкъ получити. Того же убо людие уклоняются къ Стефану. Стефанъ же убо вся в руку имый, и елико царствиа простирашеся высота, толико смиряше себе, и землю, и пепелъ, червь, а не человѣкъ нарицаше себе, и не точию слезами постелю омакаше, но и на въсякъ день совесть слезами омываше, и архиерею и ереомъ выю преклоняше и почиташе их яко божиа слуги, такоже и иноки любляше зѣло, яко отлучивших себе богови, и почиташе их и потребными удовляше. Восхотѣ же обитель тѣмъ създати и велие желание имый о сих, и в ней храмъ во имя Вседръжителя и другий чюдотворца Николы, столпы и помостъ мраморием различным и всякыми красотами,

ГЛАВА 198

ЦАРСТВО СЕРБСКОЕ СТЕФАНОВО

Некоторое время спустя скончался его отец и погребен был в обители, им созданной,— место то именовалось Банским из-за протекавших здесь теплых вод — в церкви первомученика Стефана. После смерти отца Стефан сбросил повязку с глаз, и явился перед собравшимися светел лицом и светел взором, и на достойное его царство сербское препоясается. И все власть предержащие к нему поспешили.

Константин же, брат его от другой матери, собрав большое войско, в скором времени посылает к нему и требует уступить престол: «Неслыханно,— говорит,— от начала мира, чтобы слепец был царем». Сказал это, насмехаясь над ним. Стефан же прежде всего отправился помолиться в соборную церковь, и там архиепископ Никодим возлагает на голову его царский венец и провозглашает царем над всем иллирийским народом. И оттуда направляется Стефан на брань. И когда сошлись оба войска, Стефан, это доброе сердце, жалея брата, направляет к нему такое послание: «Стефан, милостью божьей царь сербам и отеческому наследию, в страхе божьем повелевающий его людьми, брату, желаннейшему Константину, радоваться! Прекрати ратоборствовать с иноязычниками против своих людей, но спеши прийти, и увидим друг друга, и второй сан, как сын царский, получишь. Следует нам с тобой на столь обширной земле нашей царствовать, ибо я не Каин-братоубийца, а Иосифу друг-братолюбец, его же слово тебе повторю: «Не бойся, ибо я с богом! Вы замыслили против меня зло, бог же пожелал мне добра, как ныне видишь». Тот же и слышать не захотел, но двинулся в бой.

И когда началось сражение, множество пало убитыми, и побежден был пришедший беззаконно, и сам Константин пал в сетовании, обретя таковое из-за строптивости своей, не способный не только царством править, но и простой вещи понять — если бог кому не благоволит, то не сможет человек исполнить своего замысла. И люди его переходят к Стефану. Стефан же, все в руках своих имея, несмотря на то что на высоту вознеслась власть его, сам пребывал в смирении, именуя себя прахом, пеплом, червем, а не человеком, и не только слезами постель орошал, но каждый день совесть свою слезами омывал, и перед архиереями и иереями голову склонял, и чтил их как божьих слуг, также и иноков любил безмерно, ибо отдались они богу, и чтил их, и одаривал всем необходимым. Решил он и обитель для них создать и много заботы тому уделял, и в обители той возвел храм во имя Вседержителя и другой — в честь чудотворца Николы, со столпами и помостом из разноцветного мрамора, со всякими украшениями,

его же не возможно изрещи, и кругъ оградъ каменъ, и въ стенах келиа мнихом, на мѣсте глаголемемъ *Деченя.* Не мощно же и красоту мѣста того изрещи. И сам ту пребываше, дондеже вся съверши. И удовли обитель всими потребными сосуды златыми и сребреными, и ризами многоцѣнными, и всѣми такоже телесными потребами доволно устроивъ, всякими доходы, еже есть нужно на строение обители и всѣм сущим в ней, и великому Николѣ другую церковъ близ обители въздвиже.

ЦАРСТВО БОЛГАРЬСКОЕ

По инѣх же царѣх бысть въ болгарех царь Михаилъ. Сей, покоривъ себѣ прилежащаа страны и собравъ многы языки, прииде и серпъское начальство хотя себѣ покорити. Повелѣ же Стефанъ сопротивных созрѣти, и бѣ по тысящи съпротивных противу пятимъ Стефановым. Христианьственѣйши же Стефанъ посылаеть о миру къ царю болгарьскому, «Почто,— глаголя,— тружаешися погубляти болгарьскиа и серпьскиа роды? Доволенъ буди своими и не приражайся Богу, не желай, яже онъ инѣм дарова. Аще ли силенъ еси, на варвары вооружайся, а не на Христовы люди, им же азъ пастырь по того благодати. Помысли, колико крови христианьския пролиятися имать и колики *матери обезчадятся!* Сих всѣх истязати имать богъ от тебе. Сих ради остави нас мировати и къ своим възвратися, иже бо чюжая желаяй и своя погубить». Слышавъ же онъ сиа, яко звѣрь рыкну, яко: «Аще не приидеть,— рече,— заутро и падъ, непобѣдимыя нашая дръжавы ногу на своей выи поставит, связана, пославъ, приведу сего и, умучивъ того, смерти предамъ». Стефан же слышавъ сиа —о блаженныя надежа! — из глубины въздохнувъ и «господь мнѣ помощникъ,— рече,— и не убоюся! Что сътворить мнѣ человѣкъ?» Урядивъ полки и сыну вручивъ их, сам же вшед в сѣнь, богу моляшеся со слезами. И изшед наутрие из сѣни, лице от молитвы *просвѣтлено,* имый, и сыну рече: «Иди, *глаголю,* чадо, и господь послеть ангела своего предъ вами, пишеть бо: гордымъ противляется, смиреным же даеть благодать». И сражению бывъшу, побѣженъ бысть и ятъ болгаромъ царь и убиенъ; еже инѣмъ готова, самъ пострада. Болгаре же студа исполньшеся и многи погубивше, Александра, того нетиа, царя поставльше, во своя возвратишася.

Стефан же съ побѣдою во своя возвратися и со всѣми прииде во обитель Вседръжителя и веселяшеся о красотѣ ея и побѣдительная написоваше Христу царю. Таже съзидаеть другую обитель недалече отъ тоя, келиа часты и добросоставны, одры и постелями и одежами и всякими

каких не описать словом, и стену возвел вокруг каменную и в стене кельи для монахов,— все это на месте, именуемом Дечаны. Невозможно описать красоту места того. И сам он пребывал тут, пока всего не свершил. И одарил обитель всеми потребными сосудами золотыми и серебряными и ризами бесценными, а также всем для нужд телесных полностью снабдив, всякими средствами на устройство обители и для всех, пребывающих в ней, и великому Николе воздвиг другую церковь близ обители.

ЦАРСТВО БОЛГАРСКОЕ

После иных царей был у болгар царь Михаил. Он, покорив соседние страны и собрав воинов иноплеменных, двинулся, вознамерившись сербское государство себе подчинить. Повелел же Стефан исчесть врагов, и оказалось по тысяче противников на пять воинов Стефановых. Христианнейший же Стефан посылает с предложением мира к царю болгарскому: «Почто,— говорит,— хочешь погубить болгарский и сербский народы? Довольствуйся своим, и не перечь богу, и не желай того, что он другим даровал. Если ты могуч, то обнажи оружие против варваров, а не против Христовых людей, которым я пастырь по его благодати. Подумай, сколько крови христианской прольется и сколько матерей лишится детей! ⟨...⟩Ради них дай же нам жить в мире и к своим домам возвратиться, ибо кто жаждет чужого, тот свое погубит». Тот же, услышав слова эти, словно зверь рыкнул: «Еще не настанет,— изрек,— утро, как Стефан падет и непобедимой нашей державы ногу себе на шею поставит, и пошлю я, чтобы связанным привели сего Стефана, и после мук смерти его предам». Стефан же, узнав об этом — о блаженная надежда! — вздохнул глубоко и сказал: «Господь мне помощник, и не устрашусь! Что сделает мне человек?» Построив полки и сыну вручив их, сам вошел в шатер и стал со слезами молиться богу. И наутро вышел оттуда с просветленным от молитвы лицом и сказал сыну: «Говорю тебе, чадо,— иди, и господь пошлет ангела своего перед вами, пишется ведь: гордым противится бог, а смиренным дает благодать». И когда разгорелась битва, побежден был, и пленен, и убит царь болгарский; что другим готовил, от того и сам пострадал. Болгары же, покрыв себя позором и множество в бою потеряв, Александра, племянника царского, царем поставили и возвратились восвояси.

Стефан же возвратился с победой в землю свою, и со всеми пришел в обитель Вседержителя, любуясь там красоте ее, и слова о победе написал в честь Христа-царя. Затем созидает другую обитель невдалеке от той, с многочисленными и добровидными кельями, снабдив ее одрами, и постелями, и одеждами, и всем

потребами удовливъ телесными, и собираеть во всем своем царстьвии много зѣло стражющих братий, различными недугы и старостию слячены, и изгнивша лица имуща и прочаа уды — позоръ умиленъ воистинну милостивых очима и слезам виновно зрѣние. Постави же тѣмъ строителя от полаты, мужа добра зѣло, и на всякъ день коегождо хотѣнию повелѣ упокоивати их пищею и питиемъ, вина и мира благоуханиа кь прохлажению восходящаго распалениа недуга и утолевати болѣзни, и во всемъ тѣмъ угожати повелѣ. Но и самъ тамо часто прихожаше во образѣ воина и пѣнязя подоваше, ово же и явно во дне сим покланяяся и плоти страдалныя цѣлуа со слезами, словеса утѣшная к нимъ бесѣдуя и сих похваляа, яко ради временьнаго страданиа царствию бесконечному сподобятся, многажды же и всю нощь с ними бесѣдуяше. И не мощно всѣх добродѣтелей его писанию предати. Но прочее повѣмъ мучениа его конець.

По утренемъ славословии Стефанъ успе мало на одрѣ, и предста ему великий Николае и рече: «Уготовися прочее, Стефане, ко исходу, господеви наскорѣ предстати имаши». О добраго възвѣщениа! Возбнув же и со слезами бога благодаривъ, такоже и вѣстника, святаго Николу, давъ же множество злата обоимъ обителемъ съхранити на потребу, прочая же сам раздоваше.

О СМЕРТИ СТЕФАНА

Стефанъ же, сынъ его, иже глаголемый Душана, многажды уязвленъ бывъ желаниемь царствиа и не могий терпѣти стремлениа пламень, много съ собою воиньство имѣя и от началных вельможь, во Аръванитскую приходить землю и тамо на все царствие опоясуется содръжание и ото отеческыя области сию отъемлеть. Увѣдѣв же сиа, кроткый Стефанъ, посылаеть к нему многажды неподобная оставити и въ единьстве жительствовати, и по малѣ благословению и царствию причастнику быти. Но не рачи послушати на зло уклонивъшаяся душа. Стефанъ же, божию суду сиа оставивъ, сам на болшая добродѣтели подвизашеся, и гонение сыновнее по Давиду терпяше, и яко Иовъ глаголаше: «Аще благая приахомъ от рукы господня, злых ли не терпим!» И воеводамъ, нудящим его послати на сына, да «страх,— рече,— поне въ душу его вложиши, еже не воевати на тебе»,— он же не послушаше, но ожидаше возвѣщеннаго ему конца и нищимъ и страннымъ прилежаше. Врѣмя же благополучно обрѣтъ, сынъ, купно и навѣтникъ, со многими силами пришед, отца ятъ и съ женою и с чады и во инъ градъ, в Вяченъ, повелѣ отвести и по малех днех удавлению, горчайшей смерти осужаеть.

необходимым для нужд телесных, собирает по всему царству множество страждущих, различными недугами и старостью угнетаемых, с гниющими лицами и иными частями тела — поистине трогательное зрелище для глаз милосердных и вызывающее слезы. Поставил же Стефан над всеми ими управителя из приближенных своих, мужа предостойного, и велел каждый день удовлетворять желания всякого из них пищей и питьем, вином и мирром благоуханным для ослабления жара от недугов, и лечить болезни, и во всем угождать им велел. И сам часто приходил туда в одежде воина и деньги раздавал или же открыто днем им кланялся и плоть их страждущую целовал со слезами, говоря им слова утешительные и хваля их, ибо за недолгое свое страдание царства бесконечного сподобятся; зачастую же и всю ночь с ними беседовал. И невозможно все добродетели его описать. Но поведаю о мученическом конце его.

Как-то после утренней молитвы Стефан задремал на одре, и предстал ему великий Николай и сказал: «Готовься теперь, Стефан, к близкой кончине, скоро господу ты предстанешь». О благая весть! Проснувшись, со слезами возблагодарил он бога, а также вестника, святого Николу, даровал много золота обеим обителям, чтобы хранили для нужд своих, остальное же сам роздал.

О СМЕРТИ СТЕФАНА

Стефан же, сын его, носивший также имя Душан, одолеваем был неутолимой жаждой царствовать, и когда не смог он угасить желания пламень, то в сопровождении большого войска и именитых вельмож вступил в Арванитскую землю и там препоясался властью на все царство и из-под власти отцовской землю эту отторг. Узнав об этом, кроткий Стефан не раз посылал к нему с просьбой отказаться от дела недостойного, и в единодушии жить, и в ближайшее время удостоиться благословения, и стать его соправителем. Но не хотела этого слышать на зло обратившаяся душа. Стефан же, предоставив все это божьему суду, сам еще усерднее стал подвизаться в добродетелях, и терпел притеснения от сына, как Давид, и говорил, как Иов: «Если благое принял от руки господней, то не стерпим ли злого». И не послушал он воевод, уговаривавших его послать их против сына, ибо, говорили они: «Страх в душу его вселишь, чтобы не воевал с тобой»,— но ждал возвещанной ему кончины и заботился о странниках и нищих. Выбрав удобное время, сын его, а вместе с тем и недруг, явился со многими силами, пленил отца, с женой его и с детьми, и приказал отвести в другой город, в Вячен, а через несколько дней осудил на жестокую казнь,— удушение,

Оле того немилосердию и безчеловѣчию! Како не помилова отеческую утробу? Како не ущедри родителную старость? Како не помяну рекшаго: «Чти отца и матерь»! Како же злыа слугы злаго владыкы смѣша бо зрѣти на священнолѣпное оно лице и того святѣй выи прикоснутися убиственыма рукама! Како не усхоша тѣмь скверненыя рукы и очи не ослепоша? Но како хотяше мученикъ быти, аще не сице? Единъ же жребий есть мученичества, а мнози же смертем образи. И тако блаженную душю господеви предастъ. И положенъ бысть во своемъ манастыри, многая чюдеса творя.

И по седми лѣт явися еклисиарху, повелеваеть изяти тѣло свое от земля. И обрѣтоша цѣло и благоухание испущая, чюдеса творя, вратаря же слѣпаго просвѣтивъ. И нѣкто от воевод, ему же порученъ манастырь святаго въ сохранение, оскоръбляше игумена и братию мучаше, сущую въ манастырѣ святаго мученика и царя Стефана, и манастырьскаа разграбляше. И грядущю ему въ манастырь съ буестию, явися святый и зъ коня низвергъ его и два гвоздя вонзе в гортань ему до грудей. И тако въ той день, мучим, умре.

Потом же брани межиусобной бывающи, посланъ бысть инъ от царстьвующих въ соблюдение святаго манастыря, именемъ Юнець. Сей паче прьваго оскорбляше и мучаше игумена и братию и ничтоже имъ на потребу даяше, но вся отъятъ и себѣ усвои. И братиа же со игуменомъ моляху святаго Стефана избавити их от одръжащаа бѣды. Юньцу же отшедшу на войну, зрить тамо во снѣ, яко быти ему въ манастыри, и въ церкви срѣтаеть его страшенъ нѣкий мужь, царскими одежами украшенъ, от мѣста изшедъ, идѣже рака святаго мученика стоит, брадою долгою и просѣдою, и удари его лампадою по лицу и по персех. И от зѣлнаго удареииа преломися лампада. Юнцу же бѣжати мнящуся, святый же, того постигнувъ, *оставшимъ* от лампады якоже копиемъ удари посреди лядвий и въ хребетъ и в десную мышцу, рекъ: «Се тебѣ мъзда, яко да навыкнеши не сверѣпитися на мою обитель и люди!» Он же, рыкнувъ якоже звѣрь и от сна въскочивъ, и зѣло болѣзноваше, исповѣда имъ бывшее и, не хотяй, принесенъ, въ манастыри лѣжа седмь седмиць, согнивающимъ плотем же и костемъ прободеных мѣстъ, яко и внутренимъ зрѣтися, языку отпадшу и зубом, и от смрада всему манастырю стужати. Многа же и ина знамениа творяше святый въ славу богу. 〈...〉

О немилосердие того и бесчеловечность! Как не пощадил плоть отца своего? Как не облагодетельствовал старость родителя? Как не вспомнил изрекшего: «Почитай отца и мать!» Как злые слуги злого властителя посмели воззреть на священнолепое лицо того и святой его выи коснуться руками убийц! Как не отсохли у них оскверненные их руки и не ослепли глаза! Но как же стать мучеником, если не так? Един жребий мученичества, только смерть бывает различна. И так предал он господу блаженную душу. И положен был в своем монастыре, и творил множество чудес.

И семь лет спустя явился еклесиарху, повелевая извлечь тело свое из земли. И оказалось оно нетленным и испускающим благоухание, и свершались от него чудеса — привратнику слепому вернулось зрение. И как-то воевода, которому было поручено управлять монастырем святого, принялся оскорблять игумена и мучить братию, жившую в монастыре святого мученика и царя Стефана, и расхищать сокровища монастырские. И когда он в озлоблении шел в монастырь, явился святой, и с коня сверг его, и два острия вонзил в гортань ему до самой груди. И так он в тот же день умер в муках.

Потом же во времена междоусобной брани послан был царствующими на охрану святого монастыря некто по имени Юнец. Он еще больше, чем предшественник его, оскорблял и мучил игумена и братию и не давал им ничего, в чем нуждались они, но все отбирал и присваивал себе. Братья же с игуменом молили святого Стефана избавить их от постигшей их беды. Когда отправился Юнец на войну, то там привиделось ему во сне, будто бы находится он в монастыре и в церкви вышел ему навстречу некий грозный муж, в царских одеяниях, вышел он оттуда, где расположена рака святого — с длинной седой бородой — и ударил его лампадой по лицу и по груди. И от сильного удара разломилась лампада. Юнец же хотел бежать, но святой, нагнав его, остатками лампады, словно копьем, ударил по пояснице, и по спине, и в правое плечо и произнес: «Вот тебе возмездие, теперь научишься не нападать на мою обитель и на людей моих!» Юнец же, рыкнув, словно зверь, и проснувшись, вскочил и, страдая от боли, рассказал всем о случившемся и против воли своей перенесен был в монастырь, где пролежал семь недель, и сгнило тело его и кости в месте удара, так что и внутренности его стало видно, язык отвалился, и зубы выпали, и все в монастыре страдали от исходившего от него смрада. Много и других чудес творил святой во славу божью. ⟨...⟩

ИЗ ГЛАВЫ 199

ЦАРСТВО СЕРПЪСКОЕ

При сих же царих греческых Андроницѣ и при сыне его Иване въ Серпьской земли деспот бысть Стефанъ Душана по *беззаконии,* еже сътвори отцу своему, святому кралю Стефану, убивъ того и сотвори мученика, себе же отцеубийцу и мученикаубийцу, и сего ради не много пребысть в жизни сей, а сынъ его Урошь бысть безчаденъ. И во дни их бысть нашествие безбожных агаренъ и церквам опустѣние и пленение и межюусобныа рати. ⟨...⟩

ИЗ ГЛАВЫ 200

ЦАРСТВО СЕРПЬСКОЕ

При сем цари Иване Палеолозѣ бысть краль в сербех Волкошинъ, да брат его деспотъ Углешь. Сей доблественый мужь деспотъ Углешь подвиже брата своего Волкошина краля и греческаго царя Ивана Палеолога, еже послати греческую войску с ними, и иныя подвигоша вельможа многыа нѣгдѣ до 61 000 избранна войска. И поидоша въ Макидонию на изгнание безбожных турокъ, не судивше, яко гнѣву божию никтоже можеть противу стати. И сего ради не изгнаша, но сами от них убиени быша, и тамо кости их падоша и не погрѣбени пребыша. И многое множество ово убо во острии меча умроша, ово же въ запленение ведени быша, нѣции же, гонъзнувше, приидоша. И толика нужа и злолютная облиа грады и страны западныя, и толика ниже очи видѣста, ниже уши слышаста. По *убьении* бо мужа храбраго деспота Углеша просыпашася измальтяне и полѣтѣша по всей земли якоже птица по воздуху и овѣх от христианъ мечемъ закалаху, овѣх же въ запленение отвожаху, а оставших смерть безгодная пожже, от смерти же оставшии гладом погублени быша. Таковый бо глад бысть по всѣх странах, яковы же не бысть от сложениа миру, ниже потом таковый, Христе милостивый, да будеть. А их же глад не погуби, сих попущениемь божиимъ нощию и днию волци нападающе снѣдаху.

Увы! Умиленъ позоръ бѣ видѣти: оста земьля всѣх добрых пуста: и людей, и скот, и инѣх плодовъ. Не бѣ бо князя, ни вожда, ни наставника в людех, ни избавляющаго, ни спасающаго, но вся исполнишася страха агаряньскаго, и сердца храбраа доблественых мужей въ женъ слабѣйшая преложишася. Въ то бо время и племя серпъскых господ, седми род мню, конець приатъ воистину. Тогда ублажаху живии преже умерших. Быша же сиа в лѣто 6879-е, въ 20-е лѣто царства Ивана Палеолога греческаго царя,

ИЗ ГЛАВЫ 199

ЦАРСТВО СЕРБСКОЕ

При этих царях греческих, Андронике и при сыне его Иоанне, стал в Сербской земле деспотом Стефан Душан после беззакония, которое совершил он против отца своего, святого краля Стефана, убив его и сотворив его мучеником, а себя — отцеубийцей и мученикоубийцей, и поэтому не долго прожил на свете этом, а сын его Урош был бездетен. И в дни их было нашествие безбожных агарян, и церквей запустение, и пленение, и войны междоусобные.〈...〉

ИЗ ГЛАВЫ 200

ЦАРСТВО СЕРБСКОЕ

При царе этом Иоанне Палеологе был краль в Сербии Вукашин и брат его — деспот Углеша. Этот доблестный муж деспот Углеша подвигнул брата своего краля Вукашина и греческого царя Иоанна Палеолога, убедил послать с ними греческое войско и иных многих вельмож — всего до шестидесяти одной тысячи отборных воинов. И двинулись в Македонию на изгнание безбожных турок, не подумав о том, что никто не может противиться гневу божьему. И поэтому не изгнали, а сами турками были перебиты, и там остались лежать непогребенными кости их. И великое множество погибло на острие меча, другие же в плен уведены были, а некоторые спаслись и вернулись. И такая злолютая невзгода охватила города и страны западные, равной которой ни очи не видели, ни уши не слышали. После гибели храброго мужа деспота Углеши воспрянули измаильтяне и полетели по всей земле, словно птицы по воздуху, и одних христиан мечами закалывали, других в плен уводили, а оставшихся смерть безвременная сгубила, а смерти избежавшие от голода погибли. Такой голод был во всех странах, какого не было от создания мира, ни потом — Христос милостивый! — да не будет. А кто от голода не умер, на тех, по воле божьей, по ночам и среди дня нападали волки и пожирали их.

Увы! Печальное было зрелище: осталась земля без всех благ своих, и без людей, и без скота, и без всяких плодов. Не было ни князя, ни вождя, ни наставника людям, ни избавителя, ни спасителя, но все исполнились страха перед агарянами, и сердца храбрые доблестных мужей уподобились слабым женским сердцам. В то время прекратился и род сербских государей, насчитывавший семь поколений. Тогда завидовали живые умершим. Случилось же все это в году 6879 (1371), на двадцатом году царствования греческого царя Иоанна Палеолога,

Потом же зьбирающимся людемъ, и призрѣвъ господь на воздыхание и слезы их, воздвизаеть въ Сербех великаго князя Лазаря, благочестива и добра, емуже жена Милица, дщи Вратка князя, от колѣна великаго князя Волкана, сына святаго Семиона, от неяже роди великаго князя Стефана, Волка и Добравоя, Стефан же последи добродѣтели ради и мужства и деспотскому сану съподобляеться от греческых царей. ‹...›

ГЛАВА 202

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕНИЕ СЕРПЪСКОЕ И О ТУРКОХ

При сем же цари гречестемъ Иванѣ Палеолозѣ великий князь Лазарь обновляа опустѣвшая скипетры серпьскыа ото измаилтъ, и церкви, и манастыри, и грады созидая, и се внезапу от Перскых странъ въ западныа страны серпьскыя преселяються измаильтяне. Повѣм же о них извѣстно, откуду начало приаша власти.

Бяше нѣкий царь, именемъ Хириданъ, христианинъ вѣрою, обладая странами, сущими посреди Перьсиды и Арམениею, нынѣ же преименована страна та Ачамиа. Бысть же во улишение царей греческых обрѣтеся царь странъ тѣхъ въ царствующемъ градѣ, иже, въцарився, приатъ греческыа скипетры, братъ же его въцарися во отечествии своем во Ачамии, сый христианинъ, въ Перьскых предѣлех. Нѣции же подвигоша греческаго царя во отечество свое ити на брата своего, иже и поиде со всѣми силами. Слышав же царь ачамийски, возложи на ся иноческый образ и срѣтает брата своего царя пѣшь. Увидѣв же царь греческий, кто есть, внезапу и той ис коня ссѣдаетъ и любезно цѣлование дастъ брату. Вопросив же, чесо ради сотвори се. Он же отвѣщавъ ему: «Кое мнѣ есть приобрѣтение и полза, еже толикимъ кровемъ пролитию виновнику быти? Отець нашь умре, по приатию же и дѣдъ и прародителие вси. Вѣде, яко и азъ умрети хощу, сынъ же мой единъ сый, и то изьмлада о власти не радить, но понеже юности ради инокъ не может быти, суть манастырие, иже отци наши създаша въ языцѣ нашем, дажь ему списаниемъ, еже окоръмлятися от них, прочее же дажь, ему же хощеши».

Царь же умилився и вся по воли его сътвори. Оттуле же сынъ его и сына его чада обладаху странами своими, служаще греческому скипетру. Превозмогающимъ же измаилътомъ и восточныа страны отъемшимъ, привлекоша страны оны, паче же дръжателя тѣх странъ въ скверную их вѣру, с ними же и всѣхъ покориша отступити от христианьства, увы! Правнукъ убо царя оного, иже облечеся во иноческый образ, въ той сый злой вѣре агаряньской, именемъ Арканъ,

Потом собрались люди, и смилостивился господь в ответ на вздохи и слезы их, и воздвиг в Сербии великого князя Лазаря, благочестивого и добродетельного. Жена же ему была Милица, дочь князя Вратка, из рода великого князя Вукана, сына святого Симеона. От нее же родились ему великий князь Стефан, Вук и Добровой. Стефан же впоследствии, за добродетели свои и мужество, удостоился у греческих царей деспотского сана.

ГЛАВА 202

О ВЕЛИКОМ КНЯЖЕНИИ В СЕРБИИ И О ТУРКАХ

При этом же царе греческом Иоанне Палеологе великий князь Лазарь возродил государство сербское, пострадавшее от измаилтян, и стал строить церкви, и монастыри, и города. И вот внезапно из Персии в западные страны сербские переселились измаилтяне. Поведаю же о них, что известно — откуда ведет начало их государство.

Был некий царь, по имени Хиридан, христианин верою, обладавший странами, расположенными между Персией и Арменией, ныне же эта страна именуется Ачамия. Случилось же, когда пресекся род царей греческих, что оказался выходец из стран этих в царствующем граде, и, воцарившись, обрел он греческий скипетр, а брат его воцарился в отечестве своем, в Ачамии, в персидских пределах, и был он христианином. Люди некие убедили греческого царя пойти войной на отечество свое и на брата своего, и он двинулся со всеми силами. Услышав же об этом, царь ачамийский постригся в монахи и пешим встретил брата своего. Узнал царь греческий, кто перед ним, тотчас же сошел с коня и сердечно приветствовал брата. И спросил его, зачем тот так поступил. Он же отвечал царю: «Какая мне выгода и польза, если явлюсь я виною кровопролития? Отец наш умер, поцарствовав, и дед, и прародители все. Знай, что и я умру, сын же мой единственный с юных лет не стремится к власти, но так как по молодости своей еще не может он стать монахом, то ты отдай ему по завещанию монастыри, которые предки наши создали в стране нашей, чтобы они вскормили его, остальное же раздай, кому хочешь».

Умилился царь и все исполнил по его желанию. С той поры сын царя ачамийского и дети сына его обладали землями своими, служа греческому скипетру. Когда же усилились измаилтяне и захватили восточные страны, обратили земли те и самих правителей стран тех в нечистую свою веру, с ними и весь народ принудили отступить от христианства, увы! Правнук же царя того, который облек себя в монашескую рясу, пребывал в той нечистой вере агарянской, имя ему было Орхан,

его же пръвый сынъ Сулимень. Сей Сулимень, приемъ скипетры его въ западная преведе, живу сущи отцу его Аркану, на Калиполи море преиде, отвори путь и прочим, при цари гречестем Андроницѣ, имущу рать со братомъ своим. Умершу же Аркану, умре же и сынъ его Сулимень, въздвизается сынъ юнѣйши Аркановъ, Амурат глаголемый, и покори множайших иже на востоцѣ и на западе и Турьчесъкую страну — и сего ради турьский царь нарицаем. Прочее же и на благочестиваго великаго князя серпьскаго Лазаря вооружается. Сей же не стерпѣ прочее ждати Христовы овца разсѣкаеми и попленяеми, но яко пастырь добрый устремися противу волковъ, яко да избавит порученное ему Христомъ стадо, или сам за них душу положивъ *сосвѣдельствовати* мучениемъ скончается.

Бывшу же сражению обоимъ полком на мѣстѣ, нарицаемѣмъ Косовѣ, бѣ же нѣкто благороденъ зѣло и верѣнъ сый великому князю Лазорю, именемъ Милошь, ему же завидяще, клеветаху на нь, яко не праве служить ему. Той же обрѣтъ подобно время, хотя показати вѣру и мужество, скоро устремися къ началнику агаряном Амурату, сътворивъ себе яко бѣжаща от великаго князя Лазаря, ему же разступишася агаряне и путь сотворше. Он же, близ бывъ гордаго началника агаряньска Амурата и ополчився, вонзе мечь въ того сердце и мертва показуеть, ту же и самъ от них убиенъ бысть, чюдный того слуга. И сих ради первѣе убо одолѣвають сущии с Лазоремъ, потом же сынъ того царя Амурата Баозит возьмогаеть пакы и въ той самой брани одолѣваеть, богу тако попустившу, яко да блажены сей князь велики Лазарь, мучениа вѣнцемъ увязется и сущии с ним. Повелѣваеть убо безаконный мечем того убити, Христа исповѣдающа, и сущии с ними моляхуся преже посѣчени быти, яко да не видять кончину его. Бысть же сиа брань в лѣто 6897 июня 15. Той же убо мученичества конець приатъ и видиться нынѣ яко живъ, в ней же сам създа великую обитель, глаголемую Равница.

Левъ же онъ, иже и Громъ нареченый по своему их языку, сынъ Амуратовъ, емуже имя Баозитъ, спѣшно възвращается къ востоком, еже сѣсти на престолѣ отчи и отовсюду царствиа утвердити, покорити же восточная и Турьческую страну. Сего ради турьский царь глаголеться.

СЕРПЬСКОЕ ВЕЛИКО КНЯЖЕНИЕ И О БАОЗИТЕ

Сынъ же первый великаго князя Лазаря, князь великий Стефанъ, остася с материю своею еще сый мълад и с братом своимъ Волком. И не точию ото изьмаилтъ, но и окрестъниии и единовѣрнии на брань вооружишася. Потом же присылаеть гордый онъ царь Баозит, сынъ Омуратовъ, въ Серпьскую землю, прося

а старший сын его был — Сулейман. Сулейман этот, получив от отца власть, направился в западные земли, еще при жизни отца своего Орхана, в Галлиполии море перешел, проложив путь и остальным, при царе греческом Андронике, когда тот воевал с братом своим. Когда же умерли Орхан и сын его Сулейман, выдвинулся младший сын Орхана, по имени Мурад, покорил он множество народов на востоке и на западе и Турецкую землю, и поэтому турецким царем именовался. А затем пошел войной и на благочестивого великого князя сербского Лазаря. Тот же не смог дальше ждать, как Христовых овец будут мечами рассекать и в плен вести, но, словно ревностный пастух, устремился на волков, чтобы или избавить порученное ему Христом стадо, или самому, душу за него положив, вместе с ним погибнуть в муках.

Когда же сошлись в бою оба войска на месте, именуемом Косово, то некто, благороден и верен великому князю Лазарю, по имени Милош, оклеветанный завистниками, будто бы он нечестно служит князю, выбрал удобный момент показать преданность свою и мужество, устремился к предводителю агарян Мураду, объявив себя перебежчиком от великого князя Лазаря. Агаряне же, расступившись, дали ему дорогу. Он же, оказавшись возле гордого предводителя агарян Мурада, бросился на него и, вонзив меч ему в сердце, убил, но и сам тут же был убит турками дивный слуга Лазаря. И поэтому на первых порах стали одолевать соратники Лазаря, но сын того царя Мурада, Баязид, переломил ход боя и победил в этом сражении, по воле божьей, так что блаженный великий князь Лазарь удостоился мученического венца, также и соратники его. Приказал беззаконный мечом убить того, исповедующего веру в Христа, соратники же его просили, чтобы их умертвили раньше, чем Лазаря, чтобы не видели они его кончины. Была же та битва в году 6897 (1389) 15 июня. Принял Лазарь мученическую смерть и поныне, словно живой, лежит в великой обители, им самим созданной, называемой Равница.

Тот же, льву подобный, которого Громом называют на родном ему языке, сын Мурада, по имени Баязид, поспешил возвратиться на восток, сесть на престоле отцовском, укрепить границы царства и подчинить себе восточные земли и Турецкую страну. Поэтому и именуется он царь турецкий.

О СЕРБСКОМ ВЕЛИКОМ КНЯЖЕНИИ И О БАЯЗИДЕ

Старший сын великого князя Лазаря, князь великий Стефан, остался еще малолетним с матерью своею и с братом своим Вуком. И не только измаилтяне, но и соседи его единоверные пошли на него войной. Потом же присылает гордый тот царь Баязид, сын Мурадов, в Сербскую землю, требуя

покорениа и службы, занеже многы страны приатъ и покори царя Срацимира болгарьскаго, и орбанашьскыя, и басаньскыя держателя. Приатъ же и Селунь и ины грады у греческаго царя. К сим же просить у великиа княгини серпьскыя меншую дщерь ея Оливеру въ жену, и сего ради обѣщавается сына еа, великаго князя Стефана, имѣти въ сына мѣсто и землю не воевати, но соблюдати. Они же с совѣтом патриарха и всего священаго собора и всего синьглита въдають сию въ жену великому амирѣ Баозиту, яко да спасено будеть христоименитое стадо от волкъ, губящих е. И оттуле порабощена бысть Серпьская земля измаильтьскому царю Баозиту, и на всяко лѣто самому Стефану и з братомъ Волком и со всѣми своими въ служение приходити ему.

О БРАНИ ВОЛОХИ И УГРЫ СЪ БАОЗИТОМ

По сих же гордый онъ царь Баозитъ, с ним же и великий князь серпьский Стефанъ неволею, поиде и прешед Дунавъ реку, умышляеть брань на угры и волохи. И брани бывъши с самодръжавным великим воеводою волошьскым Иваном Мирчомъ, и множество неизреченно кровемъ излитие, идѣже краль Марко и Коньстянтинъ погибаютъ. Глаголютъ же, яко блаженый Марко рече Коньстяньтину: «Азъ молю бога, еже христианом быти помощникъ и первый мертвець на рати сей буду». Потом же царь Баозитъ смирение сотвори с ними и отоиде во своя. И убо царь Баозитъ многы страны повоева, приходит и на царствующий град. Слышав же царь угорьский, иже и немеческый нарицается, и сарматийский, и германийскый, и вретанийский, и угорьский, со множеством вои преиде Дунавъ и борет Никополь. Слышав же царь Баозитъ, оставль царствующий град и съ яростию устремися на нь. И сражению бывшу, пръвѣе убо краль воспящаеть агарянъ, потом же царь Баозитъ, вся скипетры обътекъ, утвержаеть молениемъ и учением: «Аще,— рече,— нас побѣдять, будемъ мы и чада наша во острии меча, уне есть нам единою умрети или, побѣдивше, великая благая приобрѣсти». Они же, от сих глаголъ укрепившеся, побѣдиша кралево воиньство безчисленое: ови изсѣчени, ови въ Дунавѣ истопишася, инии же въ царствующий град бѣжаша. Баозит же приходить на Угры и много поплени и грады приатъ многи.

покорности и служения себе, ибо многие страны завоевал и подчинил себе Срацимира, царя болгарского, и властителей албанского и боснийского. Захватил же и Солунь и другие города греческие. Затем попросил у великой княгини сербской младшую дочь ее Оливеру себе в жены, и за это пообещал сына ее, великого князя Стефана, считать своим сыном и землю их не разорять, а беречь. Она же, посоветовавшись с патриархом, и со всем священным клиром, и со всеми вельможами, отдала ее в жены великому эмиру Баязиду, чтобы было спасено христоименитое стадо от волков, его губящих. И с той поры оказалась Сербская земля в подчинении у измаилского царя Баязида, и ежегодно сам Стефан с братом своим Вуком и со всеми подданными приходил к нему на службу.

О БИТВЕ ВАЛАХОВ И УГРОВ С БАЯЗИДОМ

После этого гордый царь тот Баязид, а с ним, по принуждению, и великий князь сербский Стефан двинулись в поход и перешли реку Дунай, ибо задумал он войну с уграми и валахами. И во время битвы с самодержавным великим воеводой валашским Иоанном Мирчем пролилось несказанно великое множество крови, тогда краль Марко и Константин погибли. Говорят же, что блаженный Марко сказал Константину: «Я молю бога, чтобы явиться защитником христиан и первым пасть в этой битве». Потом же царь Баязид заключил с ними мир и ушел восвояси. И многие страны царь Баязид завоевал, подошел он и под стены царствующего града. Узнав об этом, король угорский, который и немецким именуется, и сарматским, и германским, и британским, и угорским, со множеством воинов перешел Дунай и занял Никополь. Услышав это, царь Баязид снял осаду царствующего града и с яростью устремился на того. И разгорелась битва. Сначала король обратил вспять агарян, но потом царь Баязид обошел всех военачальников своих, укрепляя дух их просьбами и наставлениями: «Если,— говорил,— нас победят, будем и мы, и дети наши на острие меча. Лучше нам сейчас единожды умереть или, победив, великие блага приобрести». Они же от этих слов воспрянули духом и одолели бесчисленное королевское войско: одни были изрублены, другие утонули в Дунае, иные бежали в царствующий град. Баязид же двинулся на угров и большой полон взял и многие города захватил.

ГЛАВА 203

ЦАРСТВО ГРЕЧЕСКОЕ

В лѣто 6899 по Иване Палеолозѣ нача царствовати сынъ его Мануилъ въ Цариградѣ и царствова 33 лѣта. Утѣсняемомъ же скипетромъ греческым ото агарянъ предреченным турьскым царемъ Баозитом, царь Мануилъ остави въ Цариградѣ благочестиваго царя Ивана, анепсея своего, сам в Римъ отоиде, еже соединити церковъ и заедино подвизатися на агаряне, занеже многа тогда лютая содръжаху царствующий град, и отовсюду пути удержаваху агаряне и изгономъ и безвѣстно нахожаху. Благочестивыи же народи, повсегда затворени во градѣ, гладом погибаху, нищии же ко агареном нощию бѣгаху. Таковыа ради нужа сущю въ Римѣ Мануилу, царю греческому, прииде перскый царь Темирь, якоже левъ яростию дыша и, побѣдивъ, ят царя Баозита, хвалящагося расхитити царствующий град.

О ТЕМИРѢ, ИЖЕ ПОБѢДИ ЦАРЯ БАОЗИТА. ПОВѢМ ЖЕ, ОТКУДА ЕСТЬ СЕЙ ТЕМИРЬ

Страна нѣкая есть между яко быти Индѣи къ северным странам и восточным, именем Арарь, нарицаеть же ся Междорѣчие, занеже двоим источником окружающимь ю. В той странѣ сынъ нѣкоего мѣста старѣйшины именем Темирь, свѣрѣпъ зѣло, иже шедъ разбойническы, порази нѣкиа пастыря и взят овца их, идѣже устреленъ бысть в ногу и от того хром бяше и сего ради Аксакъ нарицаемъ. И от сего приобрѣте имѣние, стяжа же и тысящу мужей и с тѣми изгоном устремися на нѣкоего началника мѣсту, ему же имя Камарадинъ, иже имяше под собою десять тысящь мужей. Темирь же побѣдивъ и сего, приатъ страну ту, и с тѣми десятью тысящь ополчися такоже изгоном на самаго началника перъсом и, вшедъ в Персиду, ятъ и самаго началника, и всѣми персы облада, и бысть вой его сто и пятьдесятъ тысящь. По сих же окрестьныа страны вся покори, и стяжа множество богатства, и вся погубляа восточная, мало не всю Елладу обтече и о западѣ хваляшеся. Царь же Баозит восточна и западная поядая и царьствующий град хваляся восхитити. Темирь же посылаеть к нему, дани и послушная от него прося. Царь же Баозитъ *вознеистовися,* на брань готовляшеся. Ожесточи бо его богъ, якоже фараона, и совѣтникы своа не послуша; избраный бо его рече к нему: «Послушай мене, господи: елика требуеть, дажь, въскоре убо сей инуду уклонится». Он же рече: «Уне ми есть, побѣдивъ, вся приобрѣсти или въ мужествѣ умрети». Рече же ему совѣтникъ его: «Еда, господи мой,

ГЛАВА 203

ЦАРСТВО ГРЕЧЕСКОЕ

В 6899 (1391) году после Иоанна Палеолога начал царствовать в Царьграде сын его Мануил и царствовал тридцать три года. Так как государство греческое притесняли агаряне, упомянутый турецкий царь Баязид, царь Мануил оставил в Царьграде благочестивого царя Иоанна, племянника своего, а сам отправился в Рим, чтобы восстановить единство церкви и всем вместе выступить против агарян, ибо многие беды обрушились на царствующий град, и все пути в него были заняты агарянами, и город подвергался неожиданным набегам. Благочестивый же народ из-за длительной осады города страдал от голода, и неимущие по ночам перебегали к агарянам. В то время, когда Мануил, царь греческий, из-за всех бед этих находился в Риме, пришел персидский царь Тимур, словно лев, распаленный яростью, и, победив, взял в плен царя Баязида, похвалявшегося, что разорит царствующий град.

О ТИМУРЕ, ПОБЕДИВШЕМ ЦАРЯ БАЯЗИДА. ПОВЕДАЮ, ОТКУДА ПРОИЗОШЕЛ ЭТОТ ТИМУР

Есть страна некая к северо-востоку от Индии, называемая Арарь, именуется же она и Междуречье, ибо две реки обтекают ее. В той стране и явился Тимур, сын старейшины некоего селения, жестокий нравом; он, напав по-разбойничьи, перебил некиих пастухов и забрал овец их, и тогда ранили ему стрелой ногу, и от этого остался он хромым и получил прозвище Аксак. С той поры, разбогатев, собрал он тысячу мужей и с ними неожиданно напал на наместника, по имени Камарадин, командовавшего десятью тысячами воинов. Победив его, Тимур захватил страну ту, и с теми десятью тысячами напал, также внезапно, на самого властителя персов, и, вступив в Персию, пленил того властителя, и всеми персами стал повелевать, и было у него воинов сто и пятьдесят тысяч. После этого покорил он все окрестные страны, и захватил несметные богатства, и, все страны восточные разгромив, едва ли не всю Элладу обошел, и хвастался, что покорит западные. Царь же Баязид, покоряя себе восточные и западные земли, похвалялся захватить и царствующий град. Посылает к нему Тимур, дани и покорности от него требуя. Пришел в ярость царь Баязид и стал готовиться к войне. Ожесточил бог его, как фараона, и советников своих не послушал, хотя наперсник его и говорил ему: «Послушай меня, господин, что требует — отдай, скоро он в иную страну уйдет». Но тот сказал: «По мне лучше так — или все приобрести, или мужественно умереть». Возразил ему советник его: «А что, если, господин мой,

нѣкоим образомъ обое погрешиши?» Баозитъ же не послуша его. И убо персинъ возъярися, покрываа горы и поля воиньствы. Баозитъ же собра воя восточныя и западныя и серпьскаго князя Стефана, поиде противу Темиря. И сражению бывшу, побѣжаеть Темирь, и ухващенъ бываеть турьскый царь Баозитъ, егоже въ желѣзной клѣтке с собою возяше. И пришед совѣтникъ его, идеже держимъ бѣ Баозить, рече ему: «Вижь, господи, глаголы моа не сбыша ли ся?» И плакася несовѣтиа своего горко. Бысть же сиа брань в лѣто 6911.

Темирь же къ югу и Египту странами и мало не всю Елладу обътекъ, егда же стѣну Дамаска низложи, восхотѣ и на Иерусалимъ ити. Рѣша же ему, яко всякъ от вѣка озлобивый Иерусалима, от бога казнимъ бываше, сего ради къ Иерусалиму шествие оставляет, но обаче по востоку прошед. И колика злая от него приаша жителие странъ тѣх, иже не покоряхуся ему: въ ровы съ женами и дѣтми повелѣваше засыпывати, и звѣремъ въдаваша, и иныа различныя казни. Видѣ же много отрочатъ пометнуто и плачющихся, еда како на милость преложится, безбожный же Темирь множество отрочат узрѣвъ, повелѣ конми сих попирати; «Таковѣми,— рече,— свободих их от злобы и труда мира сего». И ина подобна симъ многа сътвори.

И нѣкое царствие въскрай моря непроходимо высокых ради горъ, прияти к нему единою стезею, и на той стези столпъ крѣпокъ създанъ есть, соблюдая стезю ту, и врата желѣзна. Приидоша же к нему послы от царя того. Темирь же питъ крови много зѣло. И пришедшим послом к нему, сътворися пред ними, яко боленъ зѣло до смерти, и творяше по воли их и глаголя с ними, нача кровъ ону блевати, яко уже умирая. По мале повелѣ послы отпустити, глаголюще, яко умре Темиръ. Они же с радостию поидоша, возвѣстити царю своему. Темирь же, въставъ нощию, устремися и обрѣте столпъ онъ неуторженъ и того взят. Во утрие же постигъ и страну разрушивъ, и началника ея ем.

И таковая творя, всюду обтече, якоже крилат, и держателя и царя нигдѣже оставляше, но вся изсѣцая и потребляа, и похваляяся, глаголаше: «Александръ Макидоньскый яко на поругание себѣ всю землю обтече, малы дары и поклонениа тому подаяху, он же и болша тѣх подаяше». Паки же Темирь глаголаше: «Сѣверьскыми странами на запад прийти, Индѣю же з западом и амазоны и вся конца воевати и тамо таковая сотворити»,— не вѣдый, яко изыдеть духъ его, и възъвратится в землю свою, в той день погибнуть вся помышлениа его. Възвращаеть же ся Темирь въ Персиду,

ни того ни другого не достигнешь?» Баязид же не послушал его. И разъярился персиянин, и по всем полям и горам двинулись его войска. Баязид же собрал воинов с востока и с запада, и сербского князя Стефана к себе призвал, и двинулся на Тимура. И одолел Тимур в битве, и был схвачен турецкий царь Баязид, и Тимур стал возить его с собою в железной клетке. Пришел советник Баязида туда, где находился пленный, и сказал ему: «Видишь, господин, разве не сбылись мои слова?» И горько оплакал тот свое упрямство. Случилась же битва эта в 6911 (1403) году.

Тимур же двинулся на юг, в сторону Египта, и едва не всю Элладу обошел, а когда и стены Дамаска сокрушил, то собрался пойти на Иерусалим. Но сказали ему, что с давних пор всякий, кто зло причинит Иерусалиму, богом наказан бывает, и поэтому не решился он идти к Иерусалиму, а снова двинулся на восточные страны. И сколько зла претерпели от него жители тех стран, которые не покорились ему: приказывал закапывать их во рвах вместе с женами и детьми, отдавал на растерзание зверям и на иные муки. Повсюду было много детей осиротевших и молящих о пощаде, безбожный же Тимур, толпы детей увидев, приказал растоптать их конскими копытами: «Этим,— говорил,— освободил я их от горя и бед мира сего». И многое совершал этому подобное.

Было некое царство на берегу моря, недоступное из-за окружавших его высоких гор, и вела к нему единственная дорога, и на дороге той была построена для ее охраны крепкая башня с железными воротами. Пришли к Тимуру послы от царя той страны. Тимур же выпил много крови. И когда явились послы, притворился перед ними тяжело больным, будто находится при смерти и готов сделать все по воле их, и во время беседы с ними начал кровью той блевать, словно бы уже умирает. Через некоторое время приказал послов тех отпустить, велев сказать им, что умер Тимур. Они пошли радостные и рассказали об этом своему царю. Тимур же, поднявшись ночью, напал на них и застал ту башню неготовой к обороне и захватил ее. Наутро же достиг и страны той, и ее разорил, и властителя ее полонил.

И так поступая, все страны словно на крыльях облетал, и нигде не оставлял властителей и царей, но всех убивал и истреблял, и говорил, похваляясь: «Александр Македонский себе на посмешище всю землю обошел: мало даров ему несли и мало почестей оказывали, он сам больше одаривал». И еще Тимур говорил: «Северными странами следует на запад пройти, Индию же, и западные страны, и амазонок, и все концы земные нужно покорить и там свершить то же, что и везде»,— не ведая, что покинет его душа и возвратится в землю свою, и в тот же день рухнут все замыслы его. Вернулся Тимур в Персию,

приятъ же и Асирию, и Вавилоньское царьство, и Севастию, и Арменію, и вси Орды поплени и прият и Синюю Орду, еже есть близ Индѣи, и Сарай Велики, и Чегадай, Тевризи, и Горзустани, Обези, и Гурзи, и оттуда поиде во Охтой, приатъ и Шамахию, и Китай, и Крим и, ополчися, поиде къ Великой Ордѣ. И сѣяше просо за шесть мѣсяць, еже прекормити толикое множество воиньства его по тѣх пустынях до предних странъ мира, бяше бо болши четырех сотъ тысящь.

И пришедъ в Великую Орду и царя Тахтамыша, побѣдивъ, прогна. И оттуле возгорѣся акаянный яростию на Русь поити и царя турьска Баозита в желѣзной клѣтькѣ с собою вожаше. И прииде близ предѣлъ Рязаньскиа земли во дни благочестиваго великаго князя Василиа Димитреевича и взя град Елечь и князя Елечскаго поималъ. Бѣ же страх на всей земли Руской. Князь же велики Василие Димитреевичь стояше на брезѣ Окы рѣкы, посла в Володимерь по икону пречистыя Богородица, ея же, глаголють, Лука еваньгилистъ написа. Принесоша же ея с Пирогощею во едином корабли из Царяграда. Князь же Андрей Боголюбьский принесе ея с Киева в Володимерь и вкова на ней злата болѣ 30 гривенъ наших руских, и камениемъ и бесером украси. И егда прииде образ Пречистыа, усрѣтають ея святители со всѣм народом, молящеся со слезами. Темирь же стояше 15 день на едином мѣсте, и егда прииде образъ пречистыа Богородица, прииде на него страх и трепетъ, и, гонимъ гнѣвом божиимъ, отоиде. Великий же князь и вси людие праздникъ свѣтелъ сотвориша, и церковъ воздвигоша, и празновати предаша чюдо пречистыа Богородица.

Темирь же во отечество свое возвратися, Орарь глаголемое. Таже паки воздвигся со всѣми воиньствы, прииде во Охтой, помысли паки ити ко Ординьским странам и к Руси, и в сих предѣлех озимѣ, и ото многиа зимы множество вой его изомроша. И возвѣстиша ему, яко 118 шатров осташа пусти, он же, 20-ю кожюхи одѣвся, иде сам видѣти. И не возможе видѣти всѣх студени ради и возвратися въ станъ. И от таковыа студени вредишася внутренеа его. Онь же, собравъ врачевъ, они же даша ему месть варенъ, и пивъ, расторже ютробу его. И шесть дни лежавъ, и потом кровъ поиде усты его и афедроном, и по трех днех умре. Воиньство же его разыдеся кождо во своя. Сынъ же сего Темиря удръжавъ персы, внукь же его и нынѣ обладаяй персы, именем Шарухъ.

завоевав Ассирию, и Вавилонское царство, и Себастию, и Арме-нию, и все Орды пленил, и завоевал Синюю Орду, расположенную близ Индии, и Сарай Великий, и Чегатай, Тевриз, и Гурзустан, и Абхазию, и Гурзов, и оттуда пошел в Охтой, захватил и Шамахию, и Китай, и Крым и, ополчившись, двинулся к Великой Орде. И сеял просо на шесть месяцев, чтобы прокормить такое множество воинов в пустынях, простирающихся до края мира, было же воинов у него более четырехсот тысяч.

И пришел Тимур в Великую Орду и царя Тохтамыша, победив, прогнал. И там загорелся, окаянный, желанием пойти на Русь. И царя турецкого Баязида в железной клетке с собою возил. И пришел к пределам земли Рязанской в дни благочестивого великого князя Василия Дмитриевича, и захватил город Елец, и князя елецкого полонил. Охватил страх всю землю Русскую. Князь же великий Василий Дмитриевич стал на берегу реки Оки и послал во Владимир за иконой пречистой Богородицы, которую, говорят, написал Лука-евангелист. Привезли ту икону с Пирогощею в одном корабле из Царьграда. Князь же Андрей Боголюбский перенес ее из Киева во Владимир и оковал ее золотом более чем на тридцать гривен наших русских и камнями драгоценными и жемчугом ее украсил. И когда прибыл образ Пречистой, встретили его священники со всем народом, молясь со слезами. Тимур же простоял пятнадцать дней на одном месте, и когда прибыл образ пречистой Богородицы, то напал на него страх и трепет, и отступил он, гоним божьим гневом. Великий же князь и все люди устроили праздник светлый, и церковь воздвигли, и заповедали праздновать чудо пречистой Богородицы.

Тимур же в отечество свое возвратился, Арарь именуемое. Затем снова отправился в путь со всем своим войском, пришел в Охтой и задумал снова пойти в земли Орды и на Русь, а пока остался зимовать в этой стране, и от лютых морозов погибло множество его воинов. Поведали ему, что сто восемнадцать шатров осталось пустыми, он же, двадцать шуб на себя напялив, пошел сам, чтобы в этом убедиться. Но из-за мороза не смог всего увидеть и возвратился в свой стан. И от такого холода повредились внутренности его. Собрал он врачей, и они дали ему мед вареный, но когда выпил он его, то разорвало ему утробу. И пролежал он шесть дней, и потом кровь пошла у него горлом и задним проходом, и три дня спустя он умер. Воины же его разошлись каждый в свою землю. Сын же этого Тимура остался править персами, внук же его, по имени Шарух, и доныне обладает персами.

О МУСУЛМАНѢ

Пленену же бывшу турскому царю Баозиту, дѣти его удръжаша восточнаа: первый сынъ — Мусулманъ,— утвердися в западных; 2 — Мисиа, иже прибѣгъ в Туркы; 3 —Асбѣгъ, нача жити во Анаталии, дондеже и Мусолманом убиенъ бысть; четвертый — Махамет султанъ,— в горней земли, иже после всѣх царствовати начатъ.

ЦАРСТВО ГРЕЧЕСКОЕ

По той же брани случися и греческому царю Мануилу от Рима приити к Калиполю, идѣже больший сынъ царя Баозита прииде от востока, царь Мусульманъ. И ту убо царь греческый Мануилъ с ним друголюбие сотвори крѣпко, яко же отець с сыном. Тогда убо Мусулманъ и Селунь возврати в рукы греком. Сему же Мусулману вся дѣла блага бяху, точию виномъ порабощенъ бѣ, имьже не по мънозѣ животъ и царство погуби. Приходит убо царь греческый Мануилъ въ Царьград, емуже яко отцу повинуся царь Иванъ, анепсей его, аще и понужаем от нѣкых, но не восхотѣ на блаженаго Мануила руки подвигнути, в Селунь уклоняеться, того бо тому дастъ тогда во окоръмление. Распространи же ся тогда власть греческаго скипетра дажь до Визы и по морю Черьмному выше, о Силиврискои же странѣ и прочее, еще же и Ахайскыми с Селуньскими. Царь же Мануилъ сѣде на престолѣ своем, благодаря бога, изводящего въсквозѣ огнь и воду в покой.

Потом же царь Мануилъ присла к великому князю Василию *Димитреевичю,* прося у него за себе тщерь Анну, ею же и отпусти со многою честию, и сотвори бракъ любочестенъ и всенароденъ на многи дни царь Мануилъ въ царьствующемъ градѣ и своим и посланьным *пирьшество* велико, и многотолъстотъны трапезы, и гостьбу велику. И посланных отпущает со *многими* дарми и поминки. Царствова же Мануилъ 33 лѣта и роди ото Анны царици сыновъ 6: Калуяна, Андроника, Феодора, Коньстянтина, Димитриа, Фому. ⟨...⟩

ГЛАВА 204

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕНИЕ СЕРПЬСКОЕ

По Анкирьской убо брани, егда Темирь побѣди и ятъ и отведе царя Баозита и вся его поплени, и сестру Стефанову, великаго князя серпьскаго, иже бѣ за Баозитомъ, князь же велики Стефанъ посылает къ Темирю послы и изводит ея от пленениа, сам же въ царствующий град приходить и с братом своим Волком и тамо от царя греческаго Мануила, еще

О СУЛЕЙМАНЕ

Когда попал в плен турецкий царь Баязид, сыновья его удержали за собой земли восточные: старший сын его Сулейман остался в западных землях, второй — Муса бежал в Турцию, третий — Асбег поселился в Анатолии, пока не был убит Сулейманом, четвертый — Мехмед-султан — в горной стране, он после всех стал царствовать.

ЦАРСТВО ГРЕЧЕСКОЕ

После той брани пришлось греческому царю Мануилу прибыть из Рима в Галлиполи, куда с востока пришел царь Сулейман, старший сын царя Баязида, и тут царь греческий Мануил договорился жить с ним в дружбе и любви, как отец с сыном. Тогда Сулейман и Солунь возвратил грекам. Сулейман тот во всем был благоразумен, только к вину был пристрастен, из-за чего в скором времени и погубил жизнь свою и царство. Прибыл царь греческий Мануил в Царьград, и ему, словно отцу, повиновался царь Иоанн, племянник его, хотя и подстрекали его некие, но не захотел поднять он руки на блаженного Мануила и уехал в Солунь, которую тот дал ему в управление. Распространились тогда греческие владения даже до Визы и выше по берегу Черного моря, на окрестности Силимврии, на Ахайю и Солунь. Царь же Мануил сел на престоле своем, благодаря бога, проводящего сквозь огонь и воду.

Потом же царь Мануил послал к великому князю Василию Дмитриевичу, прося у него за себя дочь его Анну, которую тот отпустил с великой честью. И устроен был царем Мануилом многодневный брачный пир, любочестный и всенародный, в царствующем граде и для своих и для приехавших — пиршество великое, и обильную трапезу, и обед пышный. И послов отпустил с большими дарами и с подарками. Царствовал же Мануил тридцать три года, и родила ему Анна-царица шесть сыновей: Калуяна, Андроника, Федора, Константина, Димитрия и Фому.⟨...⟩

ГЛАВА 204

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕНИЕ СЕРБСКОЕ

После Анкарской битвы, в которой Тимур победил, и пленил, и увел с собою царя Баязида, и все принадлежащее ему захватил, и сестру Стефанову, великого князя сербского, бывшую за Баязидом. Князь же великий Стефан посылает к Тимуру послов и выводит ее из плена, сам же с братом своим Вуком приходит в царствующий град и там от царя Мануила — еще

живу ему сущю, деспотскый санъ приемлеть, и, мього почтивъ его, отпусти.

Приходить же деспот Стефанъ и с братом своимъ во свой градъ Новоброд, град сребреный, воистину и златый. По убьении же Баозита царя свободися Серпьскаа земля от ярма и покорениа бесерменьска, и оттуле деспот Стефанъ самовластець и господарь всей земли серпьской бысть божиею милостию. И объходя землю отечества своего, инѣх смири, иная же себѣ покори, и елици въ прежнея времена гради и мѣста восхищени быша от серпьскиа власти, сих к себѣ приторже. Таже преходя, обрѣте Бѣлъград, егоже преже угри восхитиша, егоже ото Угорьскиа земля по смирению взят. Сей бо Бѣлъград аще и въ предѣлех серпьскых лежим есть, но яко на сердци и плещах Угорьскиа земля ляжа бяше. Таже и прочая грады своя, елици турки восхитиша самовластьно, взят.

Начат же множае пребывати въ Бѣлѣградѣ, занеже мѣсто града того зѣло красно, и морем и реками и пристанищи украшено, и отовсюду корабли к нему яко крилати со множеством благых прилетаху. Сего убо Стефан украсивъ стенами и царскыми полатами, паче же церковъю соборною, и архиепископию създа, и всѣми потребами удовли, и в ней жилище иноком сотвори. Архиепископъ же той бѣлоградскый, екъсархъ всей Серпьской земли. Създа же и церковъ во имя чюдотворца Николы, и яко манастырь всѣми добрыми храминами и одры, и всѣми потребными удовливъ. И собра в ню множество больных и прокаженых, насади же и сады многы на прохлажение тѣм. Потом же изобрѣт мѣсто красно, пустынно и потребно млъчанию и созидаеть храм во имя Живоначалныа Троица, и всякими добрыми украсивъ и живописателным художеством, и град около и въ стенах келиа. Собра же и множество инокъ боголюбезных и всели ту, и всякими потребными удовли и сокровище день ото дни пологаше ту. Сътвори же себѣ и гробницу ту, идѣже малом последи положися. Дасть же и иконы ту, златом и бесерием украшены, и множество книгъ, и сосуды, и ризы съ великим бесериемь и златом украшены, яко превосходити и Святыя Горы великую Лавру, и свѣтилники златыа. Призываетъ же и патриарха Кирила со всѣм Серпьскыя земля собором и сътворяеть освящениа храма въ день святыа Пятница. Нача же здати обитель в лѣто 6915. Приходит же и нищих множество, им же доволно милостыню подастъ, и повсегда сам нощию, по улицам града ходя, нищим одежа и златица подавая. И нѣхто единъ, многажды зашед, милостыню взят и, паки пришед,

был он в живых — удостаивается сана деспота, и многие почести воздал ему царь и отпустил его.

Пришел же Стефан с братом своим в город свой Новоброд, город серебряный, а по правде сказать — золотой. После убийства царя Баязида освободилась Сербская земля от ярма и подчинения басурманам, и с той поры деспот Стефан стал милостью божьей самодержавным господином всей земли Сербской. И, обойдя землю отечества своего, иных смирил, иных себе подчинил, а те города и селения, которые в прежние времена были отторгнуты от Сербской земли, себе возвратил. Приступив, возвратил и Белград, который прежде отторгли угры, и с миром получил его от Угорской земли. Этот Белград, хотя и лежит в пределах сербских, но словно бы на сердце и на плечах земли Угорской. Также и остальные города свои вернул, которые были дерзко захвачены турками.

И стал подолгу жить в Белграде, ибо место, где стоит тот город, очень красиво, и морем, и реками, и пристанями украшено, и отовсюду к нему корабли со множеством благ всяких словно на крыльях летят. Украсил Стефан город этот крепостными стенами и палатами царскими, а кроме того, и церковью соборной, и архиепископию создал, и всем необходимым ее снабдил, и в ней жилище инокам устроил. Архиепископ же тот белградский был экзархом всей Сербской земли. Построил же Стефан и церковь во имя чудотворца Николы, и, как монастырь, обстроил ее красивыми зданиями и постройками, и всем необходимым обеспечил. И собрал при ней множество больных и прокаженных, и насадил вокруг множество деревьев для прохлады. Потом обрел место красивое, пустынное и пригодное для пребывания в молчании, и создал там храм во имя живоначальной Троицы, и всем лучшим его украсил и живописью, и стену вокруг возвел, а в стене кельи. Собрал же множество иноков, любезных богу, и поселил их тут, и всем потребным обеспечил, и изо дня в день привозил сюда сокровища. Соорудил же здесь и гробницу себе, в которой в скором времени и был положен. Даровал сюда и иконы, украшенные золотом и жемчугом, и множество книг, и сосуды, и ризы, крупным жемчугом и золотом украшенные, каких не было и в великой Лавре Святой Горы, и светильники золотые. Призывает же и патриарха Кирилла со всеми святителями Сербской земли и освящает храм в день святой Пятницы. Начал же строить обитель в 6915 (1407) году. Собралось сюда множество нищих, которым он раздал щедрую милостыню. И постоянно сам ходил по ночам по улицам города и раздавал нищим одежду и золотые монеты. И один из них несколько раз подходил и получал милостыню и вновь подошел

просяше. Он же давъ ему и рече: «Возми, татю и хищниче!» Он же отвѣща ему: «Не азъ, но ты тать и хищникъ, со здешним царством и будущее царство крадеши и восхищаеши».

О МУСУЛМАНЕ

По сих же царь Мусульманъ, сынъ первый царя Баозита, присылаеть къ деспоту Стефану, во еже мирный завѣтъ сотворити, еже и сътвори. Самъ же Мусулманъ въздвизашеся къ востокомъ отеческыа власти взыскати и брата своего Асъбѣга, гоня, убиваеть и страны восточныа себѣ покори и Турьческую страну. Серпьская же земля по сложении мира с Мусулманом пребываше во смирении. Но не бяше терпѣти таковая лукавому: подвиже убо брата его Волка, и взят у царя Мусулмана множество воиньства, яко: «Да дастъ ми,— рече,— брат мой деспот Стефанъ половину отчины, и яз с нея тебѣ служю. Аще ли ни, и аз попленю и пусту сътворю ея». Деспот же Стефанъ не хотя стадо благочестивое, еже господь свободи, паки турком поработити. Волкъ же со агарены обътекоша всю землю, пленующе и пожизающе и изсѣцающе, яко дивии звѣрие; потом же второе приходить со множайшими. Стефанъ же не изыде противу им, да не крови братней причастникъ будеть, ово же и навѣта бояся оставших с ним, занеже всѣх Волкъ превещалъ бѣ къ себѣ ово обѣщаниемь даровъ, ово же и прещеньми, посылая послания къ сущим у деспота. Деспот же, держа послания его в руку в дому своем въ Бѣлъградѣ, плакаше пред образом Спасовымъ: «Вижь, Христе,— глаголаше,— яко неправедно на мя поучаются, и отроци мои быша мнѣ предатели, яко же иногда твой ученикъ Июда, и соблюди до конца малое число оставъших у мене». Волкъ же со агаряны всю землю растлиша. Видъв же Стефанъ сиа, раздѣляеть землю. Волкъ же служаше царю Мусолману с нетии своими, рекше с сестричичи, и тѣм отеческую землю дръжащим, Стефан же во отлученнѣй ему части живяше.

О МИСИИ

По сих же брата Мусулманова Мисию призывает угровлашьсъкый держатель, пребывающу ему в сѣвернем востоцѣ, и дает ему воиньство в помощь на брата его Мусулмана во отомщение свое. Посылаеть же Мисиа и к деспоту Стефану и къ брату его Волку, да поидуть с ним, такоже и къ нетиемъ его. Мусулманъ же сложися съ греческым царемъ Мануилом и со фруги. Увидѣв же Мисиа, яко хощеть Волкъ бѣжати къ Мусулману, восхотѣ его убити, деспот же изручаеть его, он же в той нощи побѣже. Бывши же

просить. Он же, дав ему, сказал: «Возьми, вор и хищник!» Тот же ответил ему: «Не я, а ты вор и хищник: владея здешним царством, и будущее крадешь и добываешь».

О СУЛЕЙМАНЕ

После этого царь Сулейман, старший сын царя Баязида, прислал к деспоту Стефану, желая заключить с ним договор о мире, что и сделал. Сам же Сулейман двинулся на восток, добиваясь земель отцовских, и брата своего Асбега, преследуя, убил, и земли восточные завоевал и Турецкую страну. Сербская же земля после заключения мира с Сулейманом жила в покое. Но не мог стерпеть того лукавый: побудил брата Стефанова, Вука, и тот, взяв у царя Сулеймана много воинов, сказал: «Пусть отдаст мне брат мой, деспот Стефан, половину отцовского наследия, и с ним я буду служить тебе, если же не даст, я завоюю его и опустошу». Деспот же Стефан не хотел стадо благочестивое, которому господь даровал свободу, снова отдать в турецкое рабство. Вук же и агаряне прошли, словно дикие звери, по всей земле, в полон забирая и предавая все огню и мечу, потом и вторично пришел Вук с еще большим войском. Стефан же не выступил против них, чтобы не быть виновным в пролитии крови брата, а также опасаясь наветов своих же сподвижников, ибо Вук, посылая послания к приближенным деспота, всех их переманил к себе то обещанием даров, то угрозами. Деспот же, держа в руках его послания, плакал во дворце своем в Белграде перед образом Спасовым: «Видишь, Христос,— говорил,— как несправедливо на меня ополчаются, и отроки мои меня предают, как некогда ученик твой Иуда, и сохрани до конца хоть малое число людей, оставшихся со мною». Вук же с агарянами всю землю опустошил. Видя это, разделил Стефан страну. Вук же стал служить Сулейману вместе с племянниками своими, то есть с сестричами, и все они отеческую землю держали, а Стефан жил в оставшейся у него части.

О МУСЕ

После этого Мусу, брата Сулейманова, призвал к себе властитель угров и валахов, пребывавший на северо-востоке, и вручил ему воинов в помощь, чтобы пошел тот войной на брата своего Сулеймана и отомстил за него. Посылает Муса и к деспоту Стефану, и к брату его Вуку, чтобы и они, и племянники Вуковы пошли с ним. А Сулейман заключил союз с греческим царем Мануилом и с фрягами. Узнал же Муса о намерении Вука бежать к Сулейману и решил его убить, но выручил того деспот, а Вук той же ночью бежал. Разгорелась

брани велицѣй, и побѣжаеть Мусулманъ Мисию. Мисиа же обрѣтает Волка в Филиповѣ градѣ и повелѣ его убити съ нетием его Лазаремъ. Таже ходя въслѣдъ брата своего разбойнически, и обрѣтаеть его вином упившася во Андриановѣ градѣ, повелѣ его удавити.

И начат Мисиа всѣми скипетры обладати и сотвори миръ с деспотом Стефаномъ, Стефан же пакы единъ самодержець бысть по всей земли Серпьской. Мисиа же царь многи страны поплени и вооружается на деспота Стефана, Серпьскую землю конечному потреблению предати. Расписа же и грады вельможамъ своимъ и прииде в лѣто 6921, и многи грады поплени и приатъ Больвинь, и Липовець, и Сталакъ, и Коприанъ. Сиа видѣвъ, деспот Стефанъ посылаеть восточному султану Махаметю, сыну Баозитову, меншему брату Мисиину, и сотвори с ним вѣру. И приходит Махаметь султанъ от востока, деспот же от запада, с ним же и угорьскыя воеводы и басаньскиа дръжателя. Мисиа же прииде в горы, хотя засѣщи путь, да нихто же убѣжить султановых и деспотовых вой. Деспот же Гурга, нетиа своего, отпусти с воиньством. И бывъши брани, побѣженъ бысть Мисиа и побѣже, и утопиша его в рецѣ.

О МАХАМЕТЕ

Бысть же Махамет восточный и западный царь и всѣм турком, бяше же благъ и кротокъ. Приходить же и господинъ Гургъ, деспотъ же Стефанъ почтивъ его зѣло многими дарми, и благодаривъ бога о всем. И тишинѣ велицѣ бывши. Он же милостыни по обычаю прилежа, странных и прокаженых питая, или ото инокъ кого слыша в млъчании живуща, обилно потребная посылаше ему. Устави же чинъ и служащих ему: ови убо въ внутрених ему предстояху, с ними же бѣсѣдоваше о устроении своего царства, и повѣсти дѣяше от писаниа и от слуха, и добрѣ царствовавших и власть правивших благочестивно подражати глаголаше, злых же уклонитися, яко: «Путь,— рече,— нечестивых погибнет». Вторый же чинъ устави въ внѣшней храмине, иже от внутрь сущих приимаху повелѣниа его. Третий же чинъ, иже внѣ предстояху, и от средних посылаеми творити повелѣниа его. Отрече же ся конечно всяких игръ тимпаньскых и мусикийскых: «Сиа,— рече,— во врѣмя брани прилична суть». Всѣм же служащим ему яко отець щедролюбивъ и елики убо неисправлениа ради смири и от начальства отстави, или кто невѣрьствиемъ своимъ погуби или неслужбою, или инѣм коимъ образом нищь бяше, сих отеческаго и дѣдняго и прадѣдняго мѣста не лишаше: «Ибо богъ,— глаголаше,—

жестокая битва, и победил Сулейман Мусу. Муса настиг Вука в Филиппове-граде и приказал убить его и племянника его Лазаря. А затем, словно разбойник, выследив своего брата, настиг его, вином упившегося, в Адрианове-граде и приказал его удушить.

И стал Муса обладать всеми скипетрами и заключил мир с деспотом Стефаном, а Стефан снова остался единственным самодержцем земли Сербской. Царь Муса, подчинив себе многие страны, напал затем и на деспота Стефана, чтобы вконец разорить Сербскую землю. Заранее пообещал все города вельможам своим и, напав, в 6921 (1413) году захватил много городов: Больвин, и Липовец, и Сталак, и Коприян. Видя это, посылает деспот Стефан к восточному султану Мехмеду, сыну Баязидову, младшему брату Мусы, и заключает с ним союз. И пришел Мехмед-султан с востока, деспот же с запада, а с ним угорские воеводы и боснийские властелины. Муса же отступил в горы, задумав устроить там засаду, чтобы не смог уйти никто из воинов султана и деспота. А деспот отправил с войском Георгия, племянника своего. И в завязавшейся битве побежден был Муса и побежал, и утопили его в реке.

О МЕХМЕДЕ

Воцарился Мехмед над востоком и западом и над всеми турками, и был он добродетелен и кроток. Пришел к Стефану и господин Георгий, и оказал почести ему деспот Стефан, и одарил богато, и бога восславил за все случившееся. И настала тишина великая. Стефан же, как всегда, был щедр на милостыню, кормил странников и прокаженных, а если слышал, что пребывает кто-либо из иноков в молчании, то щедро одарял его всем необходимым. Установил же и чин, как следует прислуживать ему. Одни во внутренних покоях ему предстояли, с ними советовался он об устроении своего царства, и беседовал о том, что прочел или услышал, и призывал подражать достойно царствовавшим и благочестиво власть державшим, а злых сторониться, ибо, говорил: «Путь нечестивых ведет к гибели». Другой чин пребывал во внешних покоях, они от находившихся во внутренних покоях получали распоряжения его. Третий же чин пребывал вне покоев, и их посылал средний чин исполнять повеления деспота. Полностью отрекся он от звука тимпанов и от всякой музыки: «Это,— говорил,— прилично лишь во время боя». Ко всем, кто служил ему, был он по-отцовски щедр, а тех, кто был наказан за свое ослушание и от власти отстранен, или изменой своей себя погубил, или дурной службой, или иным каким-либо образом все блага утратил, тех не лишал он отеческого, и дедовского, и прадедовского владений: «Ибо,— говорил,—

о согрѣшении двема отомъщении не казнить»,— и согрѣшьшаго, яко нища, Соломоньски милуа. Вси же предстоящии ему другъ къ другу благоговѣиньство сохраняху, паче же ближнии его, и вопль и хула и смѣх или одежь несопрятание и не именовашеся в них. К сим же и очи свои сохраниша от всякаго объзираниа, и никто же может ни от великих видѣти их. Се же чюднейше пръваго, яко и женьскою любовию не побѣжашеся.

Умре же нетий его Болша, арбанашьский господинъ, деспот же Стефан поиде и приатъ за себе арбанасы. И еще ему в той странѣ, прииде съ Угръ вь Бѣлъград Коньстянтинъ, сынъ Срацимира, царя балгарьскаго, и ту умирает в Белѣградѣ в лѣто 6930.

О МАХАМЕТЕ

Султанъ же Махаметь, сынъ Баозита царя послѣдний, поживе во смирении, с коими изначала любовь положи, и умирает во Андриановѣ градѣ. Понужаху же деспота Стефана мнозии от его области, еже взыти ратию и приати страны его, он же рече: «Клятву положих къ султану, еже дѣтем его добро сътворити». Сынъ же Махамета султана Амуратъ, менший же Мустофа, ему же греческый царь дасть помощь, и нѣкиа страны на востоцѣ приатъ. Посылаеть же на нь Амуратъ воиньство. Мустофа же изыде на брань из Никейскаго града и ту убиенъ бысть. И бысть царь восточным, и западным, и турком Амуратъ, и сего ради на греки брань дръжаше, яко брату его помощь даша, с деспотом же Стефаномъ велику любовъ сотвори.

Потом же деспот нача множае болѣти ногама своима. И призва нетиа своего Гурга, поставляет деспота всей Серпьской земли. По мале же и сам отходить сего свѣта, в лѣто 6935 июня 19. Бысть же в той день къ Бѣлуграду гром страшенъ, яков же никогда не бысть, и тма по всей нашей странѣ, яко нощь мнѣти, и на захожении солнца мало просвѣтлися. Плакавше зѣло, положиша деспота у Бѣлаграда въ манастыри живоначалныя Троица и въ гробници, еже сам създа. ‹...›

ГЛАВА 206

ЦАРСТВО СЕРПЬСКОЕ И О ЗАПУСТѢНИИ ЕГО

При сем же Калуяне, цари гречестем, по Стефане бысть въ Сербех деспот Гургъ, нетий его. Царь же турьский Амуратъ, увѣдевъ преставленье Стефаново, пришед ратью и приемлет град Крушевець, и инии гради предашеся ему, предастъ же ся

не казнит бог дважды за одно прегрешение»,— и провинившегося, подражая Соломону, благодетельствовал как нищего. Все же бывшие при дворе его относились друг к другу с благоговением, особенно приближенные его, и не слышно было среди них ни крика, ни ругани, ни смеха, и не видно неряшливости в одежде. К тому же воздерживались они от того, чтобы всуе смотреть на все, и никто даже из великих не мог видеть их. Что же было всего удивительнее, что и любовью к женщинам не был он побежден.

Умер племянник его Болша, властитель албанский, и пошел деспот Стефан в ту страну и принял под власть свою албанцев. Когда он еще находился в стране той, пришел в Белград из Венгрии Константин, сын Срацимира, царя болгарского, и тут же в Белграде и умер в году 6930 (1422).

О МЕХМЕДЕ

Султан же Мехмед, младший сын царя Баязида, жил в мире со всеми, с кем до того заключил союз, и умер в Адрианове-граде. Многие из единоплеменников побуждали деспота Стефана пойти войной и захватить земли Мехмеда, но он отвечал: «Поклялся я султану, что детям его буду добро творить». Сыновья же Мехмеда-султана были Мурад и младший — Мустафа, который с помощью греческого царя захватил ряд земель на востоке. Мурад же двинул против него войско. Вышел Мустафа на битву из Никейского-града и был тут убит. И стал Мурад царем над востоком, и западом, и над турками, с греками враждовал за то, что брату его помогали, а с деспотом Стефаном был в большой дружбе.

В то время стал деспот болеть ногами. И призвал племянника своего Георгия, и поставил его деспотом всей Сербской земли. Вскоре покинул он этот свет, в год 6935 (1427) 19 июня. Была в тот день в Белграде страшная гроза, какой никогда не бывало, и тьма распростерлась над всей нашей стороной, так что казалось, будто бы наступила ночь, и лишь при заходе солнца немного посветлело. Оплакав горько, положили деспота возле Белграда в монастыре живоначальной Троицы, в гробнице, которую он сам создал.〈...〉

ГЛАВА 206

О ЦАРСТВЕ СЕРБСКОМ И О ЗАПУСТЕНИИ ЕГО

При этом же Калуяне, царе греческом, наследовал в Сербии Стефану деспот Георгий, племянник его. Царь же турецкий Мурад, узнав о преставлении Стефанове, пришел войной и захватил город Крушевец, и другие города подчинились ему, сдался ему

и Голубецъ град. Приходить же и на Новоброд, сребреный град, идѣже сребро дѣлаху, но не успѣ ничтоже и отоиде Амурат царь, зимѣ належащи. К нему же посылает деспот, смирениа прося о оставших. Он же по смѣрении нѣкаа и возвращаеть деспоту.

И не точию о сих разрушение и бѣда належаше Серьпъской земли, но и западный угорьскый краль къ царскому граду прииде, глаголю же — преизящному и великому Бѣлуграду, его же по смирению сам деспотъ Гургь отдастъ, устрашився турокъ ради. Сим же сице бывшим, лѣпо и нам есть возгласити с пророком Захариемъ, якоже кь Иерусалиму: «Разверзи, Бѣлъграде, двери твоя, и поястъ огнь кедры твоя, сирѣчь высокиа и первожителя твоя!» Зде же прочее и съ Еремиемъ пророком рыдати, яко новаго Сиона — Бѣлаграда — запустѣние: «Гдѣ воистину внезапу быша вся свѣтлая и красная, яже внутрь и яже внѣ? Гдѣ лици веселящихся? Гдѣ церковная собраниа, торожества и молитвы и еже во окрестъная исхожениа? Внезапу вся в мерзость запустениа быша, вся горести исполнишася, храми разоряхуся и сожизахуся, людие изгоними бываху».

Бысть же и другое знамение, проявляа хотящая быти граду злая. В вечеръ суще глубокъ, нам еще не спящим, внезапу прихожаше со оноя страны рѣкама яко трубный гласъ и по малу возывашеся, дондеже в посадѣ мняшеся, таже предъ градом, таже по всему граду, пребысть же на три часы, и мнѣхомъ, яко воиньство нѣкое прииде на градъ, яко изыти намъ со огнем и видѣти бываемое. Бысть же и ино знамение, еже из града взятися в воздух иже в велицей церкьви образы божественыя. Бысть же по чину, яко на втором пришествии: Царица убо и Владычица, Иоаннъ Предтеча со обоих странъ образа Спасова, два же надесятных апостолъ по шести подобно со обоих странъ, еже мнѣхом въ славу и назирание града, се же бысть во оставление, увы! Преже же того яко искры пусти воздух на град, иже и возжизаху и паки погасоша; преже же сих вихоръ покровы церковныя, отъем, сверже на землю, и домы многи низложи, и дом сестры Стефана деспота. По сих же нѣкто от сьтраны Мисикиа пришед, юродива себе творя, егоже дѣла свѣдѣтельствоваху сокровена раба божиа, иже, ходя по граду день и нощь, горко плакаше, «О горе» и «Увы!» вопиаше, дондеже и деспоту Гургю вѣдомо бысть. Он же ему милостыню даяше, сей же, по своему обычаю, нищим сиа подаваше. Сие же знамение бысть не точию единаго Бѣлаграда ради, но и послѣдующаго ради запустѣниа всея земля Серпъскиа, еже не по мнозѣ бысть от безбожных турокъ, в них же царь бѣ Амуратъ, иже многи грады серпьскиа поплени и покори, богу тако попустившю грѣх ради наших.

и город Голубец. Пришел же и к Новоброду, серебряному городу, где серебро ковали, но не достиг ничего, и когда наступила зима, снял Мурад осаду. Послал к нему деспот и просит мира для оставшихся в живых. Тот же, заключив мир, некоторые города возвратил деспоту.

И не только от турок пришло разорение и беды на Сербскую землю, но и западный венгерский король подступил к царскому городу — так говорю я о прекрасном и великом Белграде, и отдал его с миром сам деспот Георгий, опасаясь турок. Когда свершилось это, подобает нам воскликнуть вместе с пророком Захарией, как некогда о Иерусалиме: «Раствори, Белград, врата свои, и пожрет огонь кедры твои — вельмож твоих и исконных жителей!» И дальше оплачем здесь вместе с пророком Иеремией запустение Белграда, нового Сиона: «Куда же въяве внезапно исчезло все светлое и все прекрасное, что было внутри и вне? Где лица веселые? Где переполненные церкви, торжества и молитвы и многолюдные окрестности? Внезапно все опустело, все исполнилось печали, храмы разорены и сожжены, люди изгнаны».

Было же и иное знамение, возвещавшее беды, ожидающие город. Поздним вечером, когда мы еще не спали, внезапно послышался с другой стороны реки словно бы звук трубы, и постепенно нарастал он, пока не усилился настолько, будто бы раздается он уже в посаде, и перед самыми стенами и уже по всему городу, и так продолжалось часа три, и думали, что какое-то войско подступило к городу, и все вышли с огнем посмотреть, что же случилось. Было же и другое знамение: вознеслись в городе в воздух божественные иконы из великого храма. Случилось же все это, как подобает при втором пришествии: Царица и Владычица, и Иоанн Предтеча с обеих сторон образа Спасова, и двенадцать апостолов, по шести с обеих сторон, которых чтили как славу и защиту города, а теперь это — знак того, что оставлен он ими, увы! Еще ранее того осыпал воздух город искрами, которые возгорались и снова гасли; а перед этим вихрь сорвал крыши с церквей и сбросил на землю, и дома многие разрушил, и дом сестры деспота Стефана. А затем пришел некто из страны Мисикии, юродивым представляясь, но поступки его выдавали в нем тайного раба божьего, и расхаживал он по городу день и ночь с горьким плачем, «О горе» и «Увы!» восклицая. И поведали о нем деспоту Георгию, и он милостыней того одаривал, а тот, по обыкновению своему, нищим ее раздавал. Это явилось знамением не одному только Белграду, но и предвещало грядущее разорение всей земли Сербской, на которое обрекли ее безбожные турки с царем своим Мурадом, захватившим и разорившим множество сербских городов; а бог допустил до этого за грехи наши.

ВИДЕНИЕ ХУТЫНСКОГО ПОНОМАРЯ ТАРАСИЯ

МОЛЕНИЕ ПРѢПОДОБНАГО ОТЦА ВАРЛААМА О ГРАДѢ И О ЛЮДЕХЪ

В лѣто 7013 бысть чюдо прѣславно и видѣние ужаса исполнено въ прѣчестней обители боголѣпнаго Преображения господа бога и спаса нашего Исуса Христа и прѣподобнаго и богоноснаго отца нашего Варлаама.

Бывшу пономарю в церкви святаго Спаса в полунощи нѣкия ради потребы церковныя, Тарасию именемъ. Видитъ на паникадилех и въ свѣтилницѣхъ свѣща вся вжегшася, и кадила возгорѣшася, и от благоухания благовоннаго фимиана и ливана церковь исполнену. И зритъ пономарь очима,— не во снѣ, но явѣ,— из гроба своего исходяща прѣподобнаго чюдотворца Варлаама и бывша в церкви святаго Спаса. И нача прѣподобный Варлаамъ молитися господу богу нашему Иисусу Христу и прѣчистѣй его матере, прѣсвятѣй богородицы, и всѣмъ святымъ со слезами и с великимъ умилениемъ, яко на три часы. Понамар же бысть во ужасѣ велицѣ.

И прииде к пономарю Тарасию самъ Варлаамъ чюдотворецъ и глагола ему: «Брате Тарасие, хощетъ господь богъ погубити Великий Новъград. Взыди, брате, на самый верхъ церковный и узриши пагубу Великому Нову-граду, что хощет ему господь богъ сотворити».

Понамар же Тарасие по глаголу преподобнаго Варлаама чюдотворца взыде на самый верхъ церковный и видит чюдо страшно и грозы исполнено: над самымъ Великимъ Новымъградомъ езеро Ильмерь воздвигшеся на высоту, хотя потопити Великий Новъградъ. Понамар же Тарасий, видѣвъ страшно видѣние, вельми ужасеся и бѣжа с церкви святаго Спаса, страхомъ велиимъ одержимъ, вниде в церковь.

ВИДЕНИЕ ХУТЫНСКОГО ПОНОМАРЯ ТАРАСИЯ

МОЛЕНИЕ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА ВАРЛААМА О ГОРОДЕ И О ЛЮДЯХ

В год 7013 (1505) было чудо удивительное и видение, полное ужаса, в пречестной обители божественного Преображения господа бога и спасителя нашего Иисуса Христа и преподобного и богоносного отца нашего Варлаама.

Случилось однажды, по церковной надобности некоей, пономарю, по имени Тарасий, быть в церкви в полночь. И вот видит он — в паникадилах и в светильниках все свечи зажглись, а кадила сами разгорелись, и наполнилась церковь неописуемым благоуханием фимиама и ладана. И увидел пономарь собственными глазами, наяву, а не во сне, как вышел из гробницы своей и встал в церкви святого Спаса преподобный чудотворец Варлаам. И начал преподобный Варлаам молиться господу богу нашему Иисусу Христу, и пречистой его матери, пресвятой богородице, и всем святым, и так молился со слезами и с глубокой скорбью целых три часа. Пономарь же пребывал в страхе великом.

И подошел к пономарю Тарасию сам Варлаам-чудотворец и говорит ему: «Брат Тарасий, хочет господь бог уничтожить Великий Новгород. Поднимись, брат, на самый верх церкви и увидишь, какую пагубу хочет господь бог наслать на Великий Новгород».

И пономарь Тарасий, вняв словам преподобного Варлаама-чудотворца, поднялся на самый верх церкви и увидел чудо страшное и ужаса преисполненное: высоко над самым Великим Новгородом нависло озеро Ильмень, готовое потопить Великий Новгород. Пономарь же Тарасий, увидев это страшное видение, ужаснулся, и побежал вниз с верха церкви святого Спаса, и, охваченный великим страхом, вошел в церковь.

Прииде к нему святый Варлаамъ и вопроси его, что видѣ над градомъ. Пономар же повѣда святому Варлааму чюдотворцу езеро Ильмерь воздвигнувшеся над Великимъ Новымъ-градомъ.

И рече понамарю святый Варлаамъ: «Господь богъ хощет Ильмеремъ езеромъ потопити Новъградъ за умножение грѣховъ людскихъ всенароднаго множества и за беззаконие *и* неправды ихъ». По семъ паки начат со умилениемъ и слезами молитися господу богу и пречистѣй богородицы на три часы. И посла *понамаря Тарасия ити* на церковь святаго Спаса видѣти, что ся творит над Великимъ Новымъ-градомъ.

По глаголу же чюдотворца Варлаама взыде второе пономарь Тарасий на церковь *святаго* Спаса вверхъ. И видит множество аггелъ стрѣляющих огнеными стрѣлами, яко дождь силный ис тучи на множества народа людскаго, на мужи, и жены, и на дѣти их. И колико бяше людий, мужей и женъ и дѣтей, пред всякимъ мужемъ или женою, или отрочатемъ, или пред дѣвою, пред всякимъ человѣкомъ стояща аггела хранителя, держаща книги и зряща в них повелѣния божия. И кий человѣкъ обрѣташеся написанъ в живых, того аггелъ хранитель помазовше кистию из сосуда, азъ же мню небеснаго мира, и абие той человѣкъ исцѣление приимаше и здравъ бываше от смертоносныя язя аггелъ немилостивых язвы. Егда же видяше аггелъ человѣка, ему же умрети написано в книзѣ судебъ божиихъ повелѣниемъ владыки Христа бога, абие, не помазавъ его миромъ, аггелъ хранитель унылъ отхожаше от человѣка, бояся преслушания своего владыки повелѣния. Аггели же хранители предстоящих пред всякимъ человѣкомъ, озрящих в книги, овѣх мазаху ис сосудовъ кистьми, а иныхъ не мажуще отхожаху. Он же, ужасеся страхомъ великимъ одержимъ, бѣжа с верху церковнаго святаго Спаса и вниде в церковь.

И вопроси его святый Варлаамъ чюдотворецъ, како видѣлъ видѣние над Великимъ Новымъ-градомъ. Пономарь же начат повѣдати святому Варлааму, еже видѣ множество безчисленое аггелъ божиих, с небесе стрѣлы огнены испущающихъ на множества людей.

Начатъ же прѣподобный Варлаамъ молитися господу богу и пречистѣй богородицы и всѣмъ святымъ со слезами и с великим умилениемъ. И глагола чюдотворецъ Варлаамъ к пономарю Тарасию: «Брате, за молитвы пречистыя богородицы и всѣхъ святыхъ ради молитвъ пощадилъ господь богъ людей своих, еже на погубилъ потопомъ града, но посылаетъ господь богъ на люди моръ — казнь, но с милостию, рекше

Тогда подошел к нему святой Варлаам и спросил его, что видел он над городом. И пономарь поведал святому Варлааму-чудотворцу, что нависло над Великим Новгородом озеро Ильмень.

И сказал пономарю святой Варлаам: «Господь бог хочет потопить Новгород озером Ильменем за то, что умножились грехи всего народа новгородского, за беззаконие и ложь новгородцев». После этого снова начал он с глубокой скорбью и со слезами молиться господу богу и пречистой богородице и молился три часа. И велел пономарю Тарасию опять подняться на церковь святого Спаса и смотреть, что происходит над Великим Новгородом.

И во второй раз, по повелению чудотворца Варлаама, поднялся пономарь Тарасий на верх церкви святого Спаса. И видит он, как множество ангелов стреляют огненными стрелами и летят эти стрелы словно сильный дождь из тучи, поражая всех жителей Новгорода — и мужчин, и женщин, и детей их. И сколько было людей — мужчин, и женщин, и детей,— перед каждым человеком — мужчиной ли, или женщиной, перед отроком или перед отроковицей, стоял ангел-хранитель, держа в руках книгу и читая в ней повеление божие. И если человек оказывался в книге этой записан в живых, то такого человека ангел-хранитель кропил кистью из сосуда, думаю я, наполненного миром небесным, и тотчас этот человек исцелялся от смертоносной язвы, нанесенной стрелами ангелов грозных, и становился здоровым. Если же видел ангел, что в Книге судеб божиим повелением владыки Христа-бога предначертана человеку смерть, то тотчас, не окропив его миром, отходил ангел-хранитель в печали от такого человека, боясь ослушаться повеления своего владыки. И так ангелы-хранители, стоящие перед каждым человеком, глядели в книги и одних кропили кистями из сосудов своих, а от других отходили, не окропив их. И Тарасий, охваченный ужасом и страхом великим, побежал вниз с верха церкви святого Спаса и вошел в церковь.

И спросил его святой Варлаам-чудотворец, какое он видел видение над Великим Новгородом. Пономарь же начал рассказывать святому Варлааму, что видел он бесчисленное множество ангелов божиих, стреляющих с небес огненными стрелами во всех новгородцев.

Тогда начал преподобный Варлаам молиться господу богу, и пречистой богородице, и всем святым со слезами и с великой скорбью. И сказал чудотворец Варлаам пономарю Тарасию: «Брат, за молитвы пречистой богородицы и ради молитв всех святых пощадил господь бог людей своих, поэтому не погубил потопом города, но насылает господь бог на людей мор — казнь за их грехи, но милостивую: простит

с покаяниемъ. Самъ рече господь во святѣм Евангелие: «В чемъ тя застану, в том тя и сужу». И будетъ моръ три лѣта». Еже и бысть в тѣ три лѣта божие посѣщение — моръ.

И паки помолися святый прѣподобный Варлаамъ на многъ часъ, и посла третие пономаря на церковь: «Что увидиши над градомъ?» По словеси же чюдотворца Варлаама взыде на церковь пономарь и видѣ тучю огнену над градомъ, и паки бысть в велицѣ ужасѣ. И сниде съ церкви пономарь, и вшед в церковь святаго Спаса и видитъ пономарь чюдотворца Варлаама молящася богу.

И вопроси прѣподобный Варлаамъ пономаря, что видѣлъ над градомъ. Пономарь же нача повѣдати святому прѣподобному Варлааму, еже видѣ над Великимъ Новымъ-градомъ тучю огненну. И чюдотворецъ Варлаамъ рече пономарю: «По трех лѣтехъ послѣ мору будет пожаръ силенъ в Великомъ Новѣграде, Торговая сторона вся погоритъ, и множество много людей згоритъ, понеже, брате понамарю Тарасии, пречистая богородица со всѣми святыми умолила сына своего и бога нашего Иисуса Христа и избавила град свой от потопа». И помолився преподобный Варлаамъ господу богу и пречистѣй богородицы и всѣмъ святымъ, вниде во гробъ свой. И свѣщи и кадила сами о себѣ погасошася.

раскаявшихся. Ведь сам говорит господь в Евангелии: «По делам твоим буду тебя судить». И будет мор в течение трех лет». Так и было божие посещение в те три года — мор.

И снова долго молился святой преподобный Варлаам, и в третий раз послал пономаря на верх церкви: «Посмотри, что делается над городом?» По повелению чудотворца Варлаама поднялся на церковь пономарь и увидел над городом тучу огненную, и снова охватил его великий ужас. И сошел с церкви пономарь и вошел в церковь святого Спаса и видит — молится чудотворец Варлаам богу.

И спросил преподобный Варлаам пономаря, что видел он над городом. Тогда начал пономарь рассказывать святому преподобному Варлааму, что видел он над Великим Новгородом тучу огненную. И сказал чудотворец Варлаам пономарю: «Через три года после мора будет сильный пожар в Великом Новгороде — вся Торговая сторона сгорит и великое множество людей сгорит, потому что, брат пономарь Тарасий, пречистая богородица со всеми святыми умолила сына своего и бога нашего Иисуса Христа и избавила город свой от потопа». И преподобный Варлаам, помолившись господу богу, и пречистой богородице, и всем святым, вернулся в гробницу свою. И свечи и кадила сами собой погасли.

СКАЗАНИЕ О КНЯЗЬЯХ ВЛАДИМИРСКИХ

СКАЗАНИЕ О ВЕЛИКИХ КНЯЗЕХ ВЛАДИМЕРСКИХ ВЕЛИКИА РУСИЯ

От история Ханаонава и предѣла рекома Арфаксадова, перваго сына Ноева рожьшагося по потопѣ. По отца своего Ноя благословению раздѣлися вся вселенная на три чясти тремъ сыномъ его: Симу, Хаму и Афету. Извержеся от нерадениа Хамъ от благословениа отца своего Ноя, зане не покры наготы отца своего Ноа, упившася виномъ. Егда истрезвися Ной от вина и вразумѣ, елико сътвори ему сынъ его меньший, и рече: «Проклят буди Хамъ, да будет рабъ братома своима». И благослови дву сыновъ своих Сима и Афета, иже покрыша наготу отца своего опаки зрящи, наготы же не видѣша. И благослови Симова сына Арфаксада, яко да вселится в предѣлех Ханаоновых. И родишася ему двѣ близняте: первому имя Мерсемъ, второму Хусъ,— сии начялницы Египту. И умножившимся от них родомъ по колѣномъ. Отлучися Хусъ во глубочайшая страны Иньдѣя и разпространися тамо на востоцѣ; Мерсу же умножишася племена даже до сей страны. Афету же излишая племена от северных стран даже и до полунощиа. И воста нѣкий началникъ того же рода именемъ Фарисъ в Калаврийских странах и созда град во имя свое именемъ Арфакса. Правнукъ же его именемъ Гайдуварий, сей первый написа астрологию въ Асирии в предѣлех Симовех, и по семъ Сеострь. Сей же Сеострь первѣе всѣхъ на земли въцарися въ Египтѣ, и по колѣну его многая лѣта преминушя. И от его роду нача царствовати Филиксъ, и тъй пообладa вселеньною. По Филиксѣ же, многимъ лѣтомъ минувшимъ, воста нѣкий царь въ Египте от того же рода

СКАЗАНИЕ О КНЯЗЬЯХ ВЛАДИМИРСКИХ

СКАЗАНИЕ О ВЕЛИКИХ КНЯЗЬЯХ ВЛАДИМИРСКИХ ВЕЛИКОЙ РУСИ

Из истории Ханаанской и Арфаксада, первого потомка Ноя, родившегося после потопа. По благословению отца Ноя вся вселенная была разделена на три части между тремя сыновьями его — Симом, Хамом и Иафетом. За нерадивость был Хам лишен отцовского благословения, потому что не покрыл наготы отца своего Ноя, упившегося вином. Когда отрезвел Ной от вина и узнал, что сделал над ним меньший сын его, то сказал: «Проклят будь Хам, да будешь рабом у братьев своих». И благословил он двух сыновей своих, Сима и Иафета, которые прикрыли отца своего, не глядя на него, чтобы не видеть наготы его. И благословил он Симова сына Арфаксада, чтобы поселился он в земле Ханаанской. И родились у Арфаксада два сына-близнеца: имя одного — Мерсем, другого — Хус, они были основателями Египта. И пошли от них многочисленные потомки по родам их. Хус ушел в дальние пределы Индийской страны, и его потомки оттуда распространились на восток; потомки же Мерса распространились вплоть до нас. Потомки Иафета населили северные страны до дальнего севера. И воцарился некто из того же рода, по имени Фарис, в Калаврийских странах и основал город во имя свое по названию Арфакс. Правнук же его, по имени Гайдуварий, был первым создателем астрологии в Ассирии, во владениях потомков Сима, а после него был Сеостр. Сей же Сеостр самым первым на земле воцарился в Египте, и по потомкам его прошло много лет. Из его рода происходил и Феликс, который обладал всей вселенной. После же Феликса, по прошествии многих лет, воцарился некий царь в Египте, происходивший из того же рода,

именемъ Нактанавъ влъхвъ, сей роди Александра Макидоньскаго от Алимъпияды, жены Филиповы. Сей вторый пооблада вселенною лѣт 12, и всѣх лѣтъ живота его 32, скончася и предаде Египетъ ряднику своему Птоломѣю. Мати же Александрова по смерти сына своего возвратися къ отцу своему Фолу, царю ефиопьскому. Фолъ же вдастъ ю ко второму браку за Виза, сродника Нектонавова. Виз же роди от нея дщерь и нарече ю Аньтия, и созда град в Сосвенех, и нарече имя граду в свое имя и в дщери своея Визаньтия, иже нынѣ именуемъ Царьград. От Александра Макидоньскаго до Птоломѣа Прокаженаго премину Птоломѣевъ 22.

Птоломѣй же Прокаженый имѣ дщерь премудру именемъ Клеопатру, и та правяше Египетьское царство под отцемъ своимъ Птоломѣемъ. И в то врѣмя Иулие, кесарь римъский, посла зятя своего Антонина, стратига римъскаго, на Египетъ воиньством. Антонину же пришедшу со многими вои по суху и по морю на брань Египту. Посла же Клеопатра ко Антонину, стратигу римскому, послы своя со многими дарми, глаголющи: «Вѣси ли, о стратиже, египетьское богатьство? Лутше ми есть с покоем царствовати, нежели с малоумьемъ излияти крови человеческиа». Умили же ся Антонинъ и прият Египетъ без крови, и посяже за нь царица Клеопатра премудраа; и въцарися Антонинъ въ Египтѣ. И услышавъ Иулие, кесарь римъский, Антониново презорство, и постави брата своего Августа стратигом над ипаты, и посла его с четыре браты своими и со всѣю областью римскою на Антонина. И пришед Августъ, взят Египетъ, и уби зятя своего Антонина, самъ седѣ вь Египте. Взят же и Клеопатру царицу, дщерь Птоломѣа Прокаженаго, и посла ю в Римъ в кораблехъ со многимъ богатством египетским и Клеопатру. Она же глаголющи: «Лутши ми есть царици египетьской смерть прияти, нежели пленьницею приведеной быти в Римъ»; и умори себѣ ядомъ аспидовым.

Восташа же на Улия ипаты: Врутосъ, и Помъплий, и Крас, и убиста его в Римѣ. И скоро прииде вѣсть къ Августу вь Египет о Улиеве смерти; и опечалися зѣло о братнѣ смерти. И скоро созва вся воеводы, и чиноначялники, и нумеры, и препоситы, и возвѣщает имъ смерть Иулия, кесаря римъскаго. Они же единогласно рѣша, римляне и египтяне: «О преславный стратиже, Улия кесаря брата твоего от смерти въставити не можем, а твое величество вѣньчяемъ венцемъ римъскаго царства». И облекоста его во одежду Сеострову, начялнаго царя Египту, в порфиру и висонъ, и припоясаста его поясомъ дерьмлидом, и возложиста на главу его митру Поря, царя иньдейскаго, юже принеслъ Александръ Макидоньский

по имени Нектанав, был он волхв, от него у Олимпиады, жены Филиппа, родился Александр Македонский. Александр был вторым властителем вселенной и обладал ею двенадцать лет, а всего он жил тридцать два года; перед кончиной он передал Египет своему полководцу Птолемею. Мать же Александрова после смерти сына своего возвратилась к отцу своему Фолу, царю ефиопскому. Фол же отдал ее во второй раз замуж за Виза, родственника Нектанава. Виз же родил от нее дочь и назвал ее Антией; он основал город в Сосвенах и назвал город этот, который теперь именуется Царьградом, по имени своему и своей дочери, Византия. От Александра Македонского до Птолемея Прокаженного насчитывается двадцать два Птолемея.

У Птолемея Прокаженного была дочь премудрая, по имени Клеопатра, она правила Египетским царством вместе с отцом своим Птолемеем. И в это время Юлий, кесарь римский, послал зятя своего Антония, стратига римского, воевать Египет. Когда Антоний пришел с огромным войском посуху и по морю, чтобы захватить Египет, то Клеопатра послала к Антонию, стратигу римскому, своих послов с богатыми дарами, говоря: «Ведаешь ли, о стратиг, о египетском богатстве? Лучше с миром царствовать, чем в безумье проливать кровь человеческую». Умилосердился Антоний и взял Египет без кровопролития, и вышла за него замуж премудрая царица Клеопатра; и воцарился Антоний в Египте. И Юлий, кесарь римский, услышав о своеволии Антония, поставил брата своего Августа стратигом над воеводами и послал его с четырьмя другими братьями своими и со всей силой римской на Антония. И, придя, Август покорил Египет и убил зятя своего Антония, а сам воцарился в Египте. Взял он и Клеопатру-царицу, дочь Птолемея Прокаженного, и отправил ее в Рим на кораблях вместе с захваченными великими богатствами египетскими. Она же сказала: «Лучше мне царицей египетской умереть, чем быть приведенной пленницей в Рим» — и уморила себя змеиным ядом.

На Юлия же восстали воеводы Брут, Помпей и Красс и убили его в Риме. И вскоре к Августу в Египет пришла весть о гибели Юлия, и сильно опечалился он при известии о смерти брата. И, не медля, созвал всех воевод, и военачальников, и нумеров, и препоситов и известил их о смерти Юлия, цезаря римского. Они же все, римляне и египтяне, единогласно воскликнули: «О преславный стратиг, Юлия-кесаря, брата твоего, воскресить не можем, а твое величество венчаем венцом римского царства». И облекли его в одеяния Сеостра, первого царя Египта: в порфиру и виссон, и препоясали его поясом дермлидовым, и возложили на голову его митру Пора, царя индийского, которую принес Александр Македонский

от Иньдиа, и приодѣша его по плещема окроиницею царя Филикса, владущаго вселенною, и рядостнѣ въскликнушя велиимъ гласомъ: «Радуйся, Августѣ, царю римъский и всеа вселенныа!»

В лето 5457 Августу, кесарю римъскому, грядущу въ Египетъ с своими ипаты, яже бѣ власть египетьская рода суща Птоломѣева. И срѣте его Иродъ Антипатров, творя ему велие послужение вои, и пищею, и дарми. Предаде же богъ Египетъ и Клеопатру в руцѣ Августу. Августъ же начятъ дань подкладати на вселенней. Постави брата своего Патрикиа царя Египту; Августалиа, другаго брата своего, постави Александрии властодержца; Ирода же Антипатрова асколонитянина за многия ради его почести постави царя надъ июдеи въ Иерусалимѣ; Асию же поручи Евлагерду, сроднику своему; Алирика же, брата своего, постави в поверъшии Истра; и Пиона постави во Отоцѣх Златых, иже нынѣ наричются Угрове; а Пруса, сродника своего, в брезѣ Вислы рѣце во градѣ Марборок, и Турнъ, и Хвоини, и пресловый Гданескъ, и ины многи грады по рѣку, глаголемую Немонъ, впадшую в море. И житъ Прусъ многа врѣмена лѣтъ и до четвертаго роду; и оттолѣ и до сего врѣмяни зоветься Прусьская земля.

И в то врѣмя некий воевода новгородьцкий именемъ Гостомыслъ скончеваетъ свое житье и созва вся владелца Новагорода и рече имъ: «О мужие новгородьстии, совѣтъ даю вамъ азъ, яко да пошлете в Прусьскую землю мужа мудры и призовите от тамо сущих родов к себѣ владелца». Они же шедше в Прусьскую землю и обрѣтоша тамо нѣкоего князя именемъ Рюрика, суща от рода римъскаго Августа царя. И молиша князя Рюрика посланьницы от всехъ новгородцовъ, дабы шелъ к нимъ княжити. Князь же Рюрикъ прииде в Новъгород, имѣя с собою два брата: единому имя Труворъ, а второму Синеусъ, а третий племенникъ его именемъ Олегъ. И оттолѣ нареченъ бысть Великий Новградъ; и начя княз великий Рюрикъ первый княжити в немъ.

А великого князя Рюрика четвертое колѣно великий княз Володимеръ, иже просвѣтилъ Русьскую землю святымъ крещеньемъ в лѣто 6496. А от великого князя Владимира четвертое колѣно княз великий Владимир Всеволодич Манамах, правнукъ. Егда седѣ в Киеве на великомъ княжении, совѣтъ начятъ творити съ князми своими и съ боляры и велможи, тако рекъ: «Егда азъ малъ есмь преже мене царствовавшихъ и хоругви правящих скипетра великиа Русиа, яко же князь великий Олегъ ходил и взял съ Цариграда великую дань на вся воа своа и здравъ въсвояси возвратися; и потомъ Всеславъ Игоревич, княз великий, ходил и взял на Коньстянтине градѣ

из Индии, и накинули ему на плечи мантию царя Феликса, обладавшего всей вселенной, и дружно воскликнули громким голосом: «Радуйся, Август, царь римский и всей вселенной!»

В год 5457 (51 до н. э.) Август, кесарь римский, пошел в Египет, где царствовали правители из египетского рода Птолемеев, со своими воеводами. И встретил его Ирод, сын Антипатра, помогая ему с великой охотой и воинами, и пищей, и дарами. И бог вручил Египет и Клеопатру в руки Августу. Август же начал собирать дань со всей вселенной. Брата своего Патрикия поставил царем Египта; Августалия, другого брата своего, поставил властелином Александрии, Ирода же, сына Антипатра, аскалонитянина, за то, что тот почтил его, поставил царем над иудеями в Иерусалиме; Азию же вручил Евлагерду, родичу своему; Илирика же, брата своего, поставил правителем в верховьях Истра; а Пиона учредил правителем в Золотых землях, которые ныне называются Угорской землей; а Пруса, родича своего, послал на берега Вислы-реки в города Мальборк, и Торунь, и Хвоини, и преславный Гданьск, и во многие другие города по реке, называемой Неманом и впадающей в море. И жил Прус очень много лет, до четвертого поколения; и с тех пор до нынешних времен зовется это место Прусской землей.

И вот в то время некий воевода новгородский по имени Гостомысл перед кончиной своей созвал всех правителей Новгорода и сказал им: «О мужи новгородские, советую я вам, чтобы послали вы в Прусскую землю мудрых мужей и призвали бы к себе из тамошних родов правителя». Они пошли в Прусскую землю и нашли там некоего князя по имени Рюрик, который был из римского рода Августа-царя. И умолили князя Рюрика посланцы от всех новгородцев, чтобы шел он к ним княжить. И князь Рюрик пришел в Новгород вместе с двумя братьями; один из них был именем Трувор, а второй — Синеус, а третий — племянник его по имени Олег. С тех пор стал называться Новгород Великим; и начал первым княжить в нем великий князь Рюрик.

А четвертое колено от великого князя Рюрика — великий князь Владимир, который просветил Русскую землю святым крещением в году 6496 (988). А от великого князя Владимира четвертое колено — правнук его Владимир Всеволодович Мономах. Когда сел он на великое княжение в Киеве, то начал советоваться с князьями своими, и с боярами, и с вельможами, так говоря: «Неужели я ничтожнее прежде меня царствовавших и управлявших знаменами царства великой Руси, таких, как князь великий Олег, который ходил и взял с Царьграда большую дань для всех воинов своих и благополучно домой возвратился, или как Всеслав Игоревич, князь великий, который тоже ходил на Константин-град

тяжьчайшую дань. А мы есмя божиею милостью настолницы своих прародителей и отца моего великого князя Всеволода Ярославичя и наслѣдницы тоя же чести от бога. Нынѣ съвѣта ищу от васъ, моея полаты князей, и боляр, и воеводъ, и всего христолюбиваго воиньства; да превознесется имя святыа живоначалныа Троици вашея храбрости могутьством божьею волею с нашимъ повелѣниемъ; и кий ми совѣтъ противъ воздаете?» Отвѣщаста же великому князю Владимиру Всеволодичю его князи, и болярє, и воеводы: «Сердце царево в руцѣ божьи, и мы вси есмо в твоей волѣ». Княз же великий Владимир събирает воеводы благоискусны и благоразумны и поставляет чиноначалники над различными воиньствы — тысущники, сотники, пятдесятники над различными чинми боренья; и съвокупи многия тысяща воиньства, и отпусти их на Фракию, Цариграда области; и плениша я доволно и возвратишася съ многимъ богатеством.

Тогда бѣ въ Цариградѣ благочестивый царь Констянтинъ Манамах, и в то врѣмя брань имѣя с персы и с латыною. И съставляетъ совѣтъ мудрѣ и царьски, отряжает послы к великому князю Владимиру Всеволодичю: Неофита митрополита ефесьскаго и с нимъ два епископа, милитиньска и митилиньска, и стратига Антипа антиохийскаго, игемона иерусалимъскаго Еустафия, и иных своих благородных. От своея же выя снемлет животворящий крестъ от самого животворящаго древа, на немъ же распятся владыка Христос. Снемлет же от своея главы венець царьский и поставляет его на блюдѣ злате. Повелеваетъ же принести крабьицу сердоликову, из нея же Августия, царь римъский, веселяшеся, и ожерелье, иже на плещу своею ношаше, и чепь от злата аравьска исковану, и ины многи дары царьскиа. И предаде их митрополиту Неофиту сь епископы и своимъ благороднымъ посланникомъ, и посла их к великому князю Владимиру Вселодичю, моля его и глаголя: «Прийми от насъ, о боголюбивый благоверный княже, сиа честныа дарове, иже от начатка вѣчных лѣтъ твоего родьства и поколѣнья царьский жребий, на славу и честь и на венчание твоего волнаго и самодержавнаго царствиа. И о нем же начнут тя молити наши посланницы, что мы от твоего благородиа просим мира и любвѣ, яко церкви божьа безмятежна будет, и все православие в покои пребудет под сущею властью нашего царства и твоего волнаго самодержавъства великиа Русиа, яко да нарицаешися отселе боговенчаньный царь, вѣнчанъ симъ царьскимъ венцѣмъ рукою святейшаго митрополита киръ Неофита съ епископы». И от того врѣмени княз великий Владимир Всеволодичь наречеся Манамах, царь великиа Русия. И пребысть потомъ прочаа врѣмена съ царемъ с Констянтином в смирении и любве.

и еще более тяжелой данью его обложил. А мы, божьей милостью, наследовали престол своих прародителей и отца своего великого князя Всеволода Ярославича, и наследники той же чести от бога. Ныне жду совета от вас, моего двора князей, и бояр, и воевод, и от всего христолюбивого воинства; да прославится имя святой живоначальной Троицы силой вашей храбрости с божьей помощью и нашим повелением; какой же вы мне совет дадите?» Так отвечали великому князю Владимиру Всеволодовичу его князья, и бояре, и воеводы: «Сердце царево в руке божьей, а мы все в твоей власти». Тогда великий князь Владимир собирает воевод умелых и мудрых и ставит начальников над воинскими отрядами — тысячников, сотников, пятидесятников; и, собрав многие тысячи воинов, отправляет их во Фракию, область Царьграда; и завоевали бóльшую часть ее, и возвратились с богатой добычей.

В то время правил в Царьграде благочестивый царь Константин Мономах и воевал он тогда с персами и латинянами. И принял он мудрое царское решение — отправил послов к великому князю Владимиру Всеволодовичу: Неофита, митрополита эфесского, и с ним двух епископов, милитинского и митилинского, и антиохийского стратига Антипа, иерусалимского наместника Евстафия и других своих знатных вельмож. С шеи своей снял он животворящий крест, сделанный из животворящего древа, на котором был распят сам владыка Христос. С головы же своей снял он венец царский и положил его на блюдо золотое. Повелел он принести сердоликовую чашу, из которой Август, царь римский, пил вино, и ожерелье, которое он на плечах своих носил, и цепь, скованную из аравийского золота, и много других даров царских. И передал он их митрополиту Неофиту с епископами и своим знатным посланникам, и послал их к великому князю Владимиру Всеволодовичу, так говоря с мольбой: «Прими от нас, о боголюбивый и благоверный князь, во славу твою и честь эти честные дары, которые с самого начала твоего рода и твоих предков являются царским жребием, чтобы венчаться ими на престол твоего свободного и самодержавного царства. Прими и то, о чем будут тебя молить наши посланцы — мы от твоего величия просим мира и любви: тогда церковь божия утвердится, и все православие в покое пребудет под властью нашего царства и твоего свободного самодержавства великой Руси; теперь будешь ты называться боговенчанным царем, увенчанный этим царским венцом рукою святейшего митрополита кир Неофита с епископами». И с тех пор великий князь Владимир Всеволодович стал именоваться Мономахом, царем великой Руси. И пребывал после того во все время с царем Константином в мире и любви.

И оттоле и донынѣ тѣмъ вѣнцемъ венчаются царскимъ велиции князи володимерьстии, его же прислал греческий царь Коньстянтинъ Манамах, егда ставятся на великое княжение русьское.

В царство же Констянтина Манамаха отлучися от Цариграда церкви, и от правыа вѣры отпаде римъский папа Формос и уклонися в латыньство. Царь же Коньстянтинъ и святѣйший патриархъ киръ Иларие повелѣ събратися собору в царствующий градъ — святѣйшии патриарси александръский, и антиохийский, иерусалимъский. И с ихъ совѣтомъ благочестивый царь Коньстянтин Манамах съ святымъ вселеньскимъ соборомъ четырми патриархы, митрополиты и епископы, иерѣи извергоша папино имя ис поминаней церковных и отлучишя его от четырех патриархъ. И от православныа вѣры отпадша, и от того врѣмене и донынѣ лытають, нарекошася латына. Мы же, православнии христиане, исповѣдаемъ святую Троицу безначялнаго Отца съ единородным Сыномъ и с пресвятымъ единосущнымъ и животворящимъ Духом въ единомъ божествѣ вѣруемъ и славимъ и покланяемся.

Родство великих князей литовъских. В лѣто 6830 по пленении безбожнаго Батыа избѣжал от плѣна его нѣкий князец именемъ Витянецъ, рода смоленьскихъ князей, и вселися в Жомоть у нѣкоего бортника. И поятъ у него дщерь в жену себе и пребысть с нею лѣтъ 30 бездѣтен. И убьенъ бысть громомъ. И послѣди князя Витенца поятъ жену его раб его конюшецъ именемъ Гигимениkъ. И роди от нея седмь сыновъ: 1. Нароминтикъ, 2. Евнутикъ, 3. Олгердикъ, 4. Кестутик, 5. Скиригайликъ, 6. Кориядикъ, 7. Мантоникъ.

Лета 6825 князь Юрьи Данилович московский и князь Михаилъ Ярославич тверьский поидоша во Орду о великомъ княженьи володимерском в спорѣ. И князь Михаил Ярославич Тверьский убьенъ бысть в Ордѣ. Князь Юрьи Данилович прииде из Орды на великое княжение. И видѣ многи грады запустѣвшая и людей мало събирающася, печалию одержимъ бѣ. По убьении бо князя Михаила Черниговъскаго разсыпашася измаилтянѣ по всей земли Русьской, яко птици полѣташа. И христианьский род овехъ мечемъ закалающе, других же в плѣнъ отвожаху, а оставшая смерть и глад погубляше. Сия случишася намъ грѣх ради наших.

Великий же князь начат разсылати по градомъ и мѣстомъ собрати оставшаа люди. Посла убо сего Гегименика на Волоскую землю и на Киевъскую и обь сю страну Меньска наполняти пленеными грады и вѣси, у воставших имати

С тех пор и доныне тем венцом царским, который прислал греческий царь Константин Мономах, венчаются великие князья владимирские, когда ставятся на великое княжение русское.

Во времена же царствования Константина Мономаха отлучился от Царьградской церкви и от истинной веры отошел римский папа Формоз и уклонился в латинство. Тогда царь Константин и святейший патриарх кир Иларий повелели собраться на собор в царствующем граде святейшим патриархам — александрийскому, антиохийскому и иерусалимскому. И по их совету благочестивый царь Константин Мономах со святым Вселенским собором из четырех патриархов, митрополитов, епископов и священников исключили имя папы из церковных поминаний и отлучили его от четырех патриархов. И от православной веры отпали и с тех времен и доныне лытают, потому и называются латинянами. Мы же, православные христиане, исповедуем святую Троицу — безначального Отца с единородным Сыном и с пресвятым единосущным и животворящим Духом в едином божестве, и веруем в нее, и славим, и поклоняемся.

Родословие великих князей литовских. В год 6830 (1322) некий князек, по имени Витянец, из рода смоленских князей, плененный безбожным Батыем, бежал из плена и поселился в Жмудской земле у бортника. И взял у него дочь в жены себе и прожил с нею тридцать лет, и были они бездетны. И убило его громом. И после князя Витенца взял жену его за себя раб его, конюх, по имени Гегименик. И родил от нее семь сыновей: первый — Наримантик, второй — Евнутик, третий — Ольгердик, четвертый — Кейстутик, пятый — Скиригайлик, шестой — Кориадик, седьмой — Мантоник.

В году 6825 (1317) князь московский Юрий Данилович и князь тверской Михаил Ярославич пошли разбираться в споре о великом княжении владимирском. И князь тверской Михаил Ярославич был убит в Орде. Князь Юрий Данилович пришел из Орды, получив великое княжение. И, видя многие города запустевшими и малочисленность людей, был он охвачен печалью. Ведь после убиения князя Михаила Черниговского рассыпались измаильтяне по всей Русской земле, словно стан птиц налетели. И христиан — одних мечами губили, других в плен уводили, а те, кто уцелел, от нужды и голода умирали. Разразилась над нами такая беда грехов ради наших.

Великий же князь начал рассылать по городам и селам, чтобы собрать уцелевших людей. Послал он этого Гегименика в Волошскую и в Киевскую земли и по эту сторону Минска, чтобы наводить порядок в плененных городах и селах, собирать

дани царьскиа. И с ним посла нѣкоего мужа славна именемъ Бореика и ины множайшихъ. Сей же реченный Гегименикъ бѣ мужь храбръ зѣло и велика разума, начятъ брати дани на людех и съкровища изыскивати и обогатися зѣло. И собра к себѣ множество людей, дая имъ потребная нескудно, и начят владѣти многими землями. Назвася от них князь великий Гедиманъ литовъский Первый великих государей русьских князей несъгласьемъ и междуусобными браньми.

В лето 6859 князь великий Семион Семионович седѣ на великомъ княжении володимерьскомъ и московском. В то же лѣто преставися Гедиман, князь великий литовъский Первый. И по немъ сѣде на великомъ княжении литовъскомъ сынъ его первый Наримантъ. И бысть ему брань съ иноплеменники, и впаде в руцѣ их. В то врѣмя бывшу великому князю Ивану Даниловичю в Ордѣ, и окупил князь великий Нариманта у татар и отпустил его к Литвѣ. Он же по своему обѣту, не дошед своея отчины, крестися, и нареченъ бысть въ святомъ крещении Глѣбъ. И того ради братья его не даша ему великого княжениа.

Но седѣ на великомъ княженьи брат его Олгердъ, а Наримантъ, брат его, отиде в Великий Новъградъ, Евнутъ же вселися, идѣже нынѣ Вильна, а Скиригайло з братом своимъ с Кестутьемъ вселишася при нѣкоем озерѣ за 20 поприщъ от Вилны. И въста Скиригайло на брата своего Кестутия и уби его. Сынъ же Кестутевъ Витовтъ бежа в нѣмцы и тамо собра себѣ друзи многи, и пришед оттуду, уби дядю своего Скиригайла и два сына его. И вселися на месте отца своего и дядѣ своего, и нарече имя мѣсту тому Троки, и совокупися любовою з дядею своимъ съ Олгердомъ. Той бо Олгердъ вина не пиаше и велик разум имяше, земля и княженья притяжа к себѣ многи и удержа велию власть.

В лето 6858 князь великий Олгердъ литовский присла послы своя к великому князю Семиону Ивановичю на Москву со многими дарми, прося мира и живота братьи своей. Князь же великий Семионъ пожаловал Олгерда и братью его, Корияда и иных отпустил к нему. И паки прислал Олгердъ к великому князю Семиону Ивановичю, прося за себя свѣсти его дочери великого князя Александра Михайловича тверскаго. И князь великий Семион по благословению отца своего Феогнаста, митрополита всеа Русии, вдастъ за него свѣсть свою великую княжну Иулиянию. И родишася от нея сыновъ седмь: первый Андрѣй Полътеский, 2. Володимер Бѣльский, 3. Иван Острожский, 4. Иаковъ, 5. Легбень Волыньский, 6. Василей Черторижьский, 7. Олерко Киевъский.

Посемъ врѣмя не мало преиде, князь великий Олгердъ в недугъ впаде и начят сыновомъ рядъ чинити: Иакова сына

дани царские с уцелевших жителей. И с ним послал он некоего славного мужа по имени Бореик и многих других. Этот же Гегименик был муж очень храбрый и великого ума, начал он собирать дань с людей и разыскивать утаенное и сильно обогатился. И набрал он множество людей, щедро давая им все необходимое, и стал владеть многими землями. И начали называть его великим князем литовским Гедимином Первым, без согласия великих государей русских князей и самовольно.

В году 6859 (1351) князь великий Семен Семенович сел на великом княжении владимирском и московском. В том же году преставился Гедимин Первый, великий князь литовский. После него сел на великом княжении литовском старший сын его Наримант. И было у него сражение с иноплеменниками, и попал он к ним в плен. В то время в Орду приезжал великий князь Иван Данилович, и выкупил князь великий Нариманта у татар и отпустил его в Литву. Он же, по данному обету, не дойдя до своей вотчины, крестился, и был назван в святом крещении Глебом. Из-за этого братья его не дали ему великого княжения.

На великом княжении сел брат его Ольгерд, а Наримант, брат его, ушел в Великий Новгород, Евнут же поселился там, где теперь Вильна, а Скиригайло с братом своим Кейстутом поселились около некоего озера за двадцать поприщ от Вильны. И поднялся Скиригайло на брата своего Кейстута и убил его. Сын же Кейстута бежал к немцам и, собрав там много друзей, пришел оттуда и убил дядю своего Скиригайло и двух сыновей его. Он поселился на месте отца своего и дяди своего, и назвал это место «Троки», и заключил союз с дядей своим Ольгердом. Этот Ольгерд вина не пил и был наделен великим разумом, присоединил к себе многие земли и княжения и обладал сильной властью.

В году 6858 (1350) великий князь литовский Ольгерд прислал послов своих к великому князю Семену Ивановичу в Москву со многими дарами, прося мира и жизни братьям своим. Великий князь Семен почтил Ольгерда и братьев его, Кориада и других, отпустил к нему. И снова прислал Ольгерд к великому князю Семену Ивановичу посольство, прося в жены его свояченицу — дочь великого князя тверского Александра Михайловича. И князь великий Семен по благословению духовного отца своего Феогноста, митрополита всея Руси, отдал за него свояченицу свою, великую княжну Ульяну. И родилось от нее семь сыновей: первый — Андрей Полоцкий, второй — Владимир Бельский, третий — Иван Острожский, четвертый — Яков, пятый — Лугвений Волынский, шестой — Василий Черторижский, седьмой — Олелько Киевский.

По прошествии немалого времени князь Ольгерд впал в тяжкий недуг и начал он распределять земли сыновьям: сына

своего возлюби паче всѣх и даде ему великое княжение и град Вильну, а прочих сыновъ своих по удѣломъ устроилъ. Благовѣрная же великая княгиня Иулианиа, видѣ своего мужа Олгерда послѣднее дышуща, и печаловашеся о спасении его, и созва сыны своа и отца своего духовнаго призва Давида, архимандрита печерьскаго. И увѣща своего мужа Олгерда съвѣтомъ благым и божьимъ поспѣшениемъ, сподоби его святаго крещения. И нареченъ бысть въ святомъ крещеньи Александръ. И послѣди того великим чиномъ иноческим одѣяся и святою схимою великимъ аггельскимъ образом украсився, и вмѣсто Александра Алексий нареченъ бысть; и по малех днех преставися, и положиша тѣло его в церкви святыа Богородици в Вильнѣ, юже самъ созда. По сем же супружница его, благовѣрная княгини Иульяния, немного врѣмя пожив, преставися, и в той же церкви погрѣбоша тѣло ея.

Иаковъ же, сын Олгердовъ, впаде в латыньскую прелесть — Ягайло великий князь литовъский, и бысть совѣтникъ и другъ безбожному Мамаю, его же побил за Дономъ благовѣрный великий князь Димитрие Ивановичь. Витовтъ же Кестутьевичь совокупися любовью съ Ягайлом. И по семъ Ягайло взят бысть в Краковъ и коруноваша его кралемъ польским в Кракове, а на Вильнѣ устави брата своего Витовта. Витовтъ же устроися на Вильнѣ князь великий литовъский и нача съзидати грады многи, заруби Киевъ и Черниговъ, и взятъ Брянескъ и Смоленескъ, и приступиша к нему вси князи пограничныа, с вотчинами от Киева даже и до Фоминьского приложишася к Витовту. Сия убо о сихъ извѣста суть.

своего Якова он любил больше всех и дал ему великое княжение и город Вильно, а остальных сыновей своих учредил по уделам. Благоверная же великая княгиня Ульяна, видя мужа своего Ольгерда при последнем издыхании и заботясь о спасении его, созвала сыновей своих и отца своего духовного призвала, архимандрита печерского. И уговорила своего мужа советом благим и с божьей помощью принять святое крещение. И назван был он в святом крещении Александром. После этого принял он великий иноческий чин и украсился святою схимою — великим ангельским образом и вместо Александра был назван Алексеем; через несколько дней преставился он, и погребли тело его в Вильне, в церкви святой Богородицы, которую он сам создал. После этого супруга его, благоверная княгиня Ульяна, недолгое время пожив, преставилась, и в той же церкви погребли тело ее.

Яков же, сын Ольгердов, впал в латинскую ересь — стал Ягайлом, великим князем литовским, и был он советником и другом Мамая, которого разбил за Доном благоверный великий князь Дмитрий Иванович. А Витовт Кейстутович заключил союз с Ягайлом. После этого Ягайло был позван в Краков, и короновали его в Кракове польским королем, а в Вильне он посадил брата своего Витовта. Витовт же, став в Вильне великим князем литовским, начал строить много новых городов, укрепил Киев и Чернигов и взял Брянск и Смоленск, и присоединились к Витовту все князья пограничные с вотчинами своими: от Киева до самого княжества Фоминского. Вот что известно о них.

ПОСЛАНИЯ СТАРЦА ФИЛОФЕЯ

ПОСЛАНИЕ К ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ ВАСИЛИЮ, В НЕМЪ Ж О ИСПРАВЛЕНИИ КРЕСТНАГО ЗНАМЕНИЯ И О СОДОМСКОМ БЛУДѢ

Иже от вышняа и от всемощныя вся содръжащиа десница божиа, имь же царие царствуют и имь ж велицыи величаются и силнии, пишут правду тебѣ, пресвѣтлѣйшему и высокостолнѣйшему государю великому князю, православному христианьскому царю и всѣх владыцѣ, броздодержателю святых божиих престолъ, святыа вселенскыя соборныя апостольскыя церкви Пречистыя Богородицы, честнаго и славнаго еа успения, иж вмѣсто римския и константинопольския просиавшу. Стараго убо Рима церкви падеся невѣрием аполинариевы ереси, втораго рима, Константинова града церкви, агаряне внуцы секирами и оскордъми разсѣкоша двери. Сиа же нынѣ триаго, новаго Рима, дръжавнаго твоего царствиа святая соборная апостольскаа церкви, иж в концых вселенныа в православной христианьстей вѣре во всей поднебесней паче солнца свѣтится.

И да вѣсть твоа держава, благочестивый царю, яко вся царства православныя христианьския вѣры снидошася въ твое едино царство: един ты во всей поднебесной христианом царь. Подобает тебѣ, царю, сие держати со страхом божиимъ, убойся бога, давшаго ти сия, не уповай на злато, и богатство, и славу: вся бо сиа здѣ собрана и на земли здѣ остают. Помяни, царю, оног блаженнаго, иж скипетръ в руцѣ и венец царствиа на своей главѣ нося, глаголаше: «Богатство, аще течет, не прилагайте сердца»; премудрый же Соломонъ реч: «Богатьство и злато не во скровищих знается, но егда помогаетъ требующим»; апостолъ же Павелъ, сим послѣдуа, глаголет: «Корень всѣм злым — сребролюбие»,— не не имѣти велит, но не прилагати упования

ПОСЛАНИЯ СТАРЦА ФИЛОФЕЯ

ПОСЛАНИЕ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ ВАСИЛИЮ ОБ ИСПРАВЛЕНИИ КРЕСТНОГО ЗНАМЕНИЯ И О СОДОМСКОМ БЛУДЕ

Даже от вышней и от всемогущей, все в себе содержащей, десницы божьей, которой цари царствуют и которой великие славятся и могучие, возвещают праведность твою, пресветлейшего и высокопрестольнейшего государя великого князя, православного христианского царя и владыки всех, браздодержателя святых божьих престолов, святой вселенской соборной апостольской церкви пречистой Богородицы, честного и славного ее Успения, который вместо римского и константинопольского владык воссиял. Ибо старого Рима церковь пала по неверию ереси Аполлинария, второго же Рима, Константинова-града, церковные двери внуки агарян секирами и оскордами рассекли. И вот теперь третьего, нового Рима, державного твоего царства святая соборная апостольская церковь во всех концах вселенной в православной христианской вере по всей поднебесной больше солнца светится. Так пусть знает твоя державность, благочестивый царь, что все православные царства христианской веры сошлись в едином твоем царстве: один ты во всей поднебесной христианам царь. И следует тебе, царь, это блюсти со страхом божьим, убойся бога, давшего тебе это, не надейся на золото, и богатство, и славу: все это здесь собирается и здесь, на земле, остается. Вспомни, царь, того праведного, который, скипетр в руке и царский венец на своей голове нося, говорил: «Богатству, что притекает, не отдавайте сердца», и сказал премудрый Соломон: «Богатство и золото не в сокровищнице познается, но когда помогает нуждающимся»; апостол же Павел, ему следуя, говорит: «Корень всякому злу — сребролюбие»,— и велит отказаться, не возлагать надежды

ниже сердца к нему, но уповати на все дающаго бога. Вся убо твоя к богу чистая вѣра и любовь — ко святым божиимъ церквам, но и еще, царю, исправи двѣ заповѣди, еже во твоем царствии не пологают человецы на себѣ право знамения честнаго креста. О нихъ ж издалеча провѣдый апостолъ Павел глаголаше: «Преже писах вам, нынѣ же плача глаголю о вразѣх креста Христова, им же конець пагуба».

Второе: да исполниши святыя соборныя церкви епископы, да не вдовьствует святая божиа церкви при твоемъ царствии! Не преступай, царю, заповѣди, еже положиша твои прадѣды, великий Константинъ, и блаженный святый Владимиръ, и великий богоизбранный Ярославъ и прочии блаженнии святии, ихь ж корень и до тебе. Не обиди, царю, святых божиих церквей и честныхъ монастырей, еже данное богови в наслѣдие вѣчных благъ на память послѣднему роду, о сем убо святый великий Пятый соборъ страшное запрещение положи.

О третьей же пишу и плача горцѣ глаголю, яко да искорениши из своего православнаго царствия сий горкий плевелъ, о немь ж и нынѣ *свидѣтельствуетъ* пламень жупелнаго горящаго огня в содомскыхъ стогнах, о нем же пророкъ Исаия рыдая глаголаше: «Слышите слово божие, князи содомстии, и внушите глаголъ божий, людие гоморьстии: «Что ми тукъ жертвъ ваших и приношений ваших, исполнен есмь всесожжений. Аще принесете ми кадило — мерзостно ми есть, и праздниковъ ваших ненавидит душа моя!» Да слыши, благочестивый царю, яко пророкъ не мертвым погибшимъ содомляном таковая глаголаше, но живым человеком, творящым дѣла их. Писано бо есть: «Преступаяй от своеа жены раздираетъ плоть свою, а творяй содомъская, убиваетъ плодъ своег чрева». Богъ сотворилъ человека и сѣмя в нем на чадородие, мы ж сами свои сѣмена даемъ во убийство и въ жрътву диаволу. Да сия мерзость умножися не токмо в миръскых, но и в прочих, о них же помолчю, чтый ж да разумѣетъ. Увы мнѣ, како долго терпит милостивый о нас не судя! Убо сия писахъ, но паче рыдая горцѣ самъ азъ окаянный о своих согрѣшениих, но боюся молчати, аки онъ рабъ, сокрывый талантъ.

Аз бо грѣшный и грубый во всѣх и невѣжа въ премудрости, яко ж валамово осля безсловесное словеснаго учаше, и скотина пророка наказоваше, яко да не зазриши о сих, благочестивый царю, яж дерзнух писати твоему величеству. И нынѣ молю тя и паки премолю: еж выше писах, внимай господа ради, яко вся христианскаа царства снидошася въ твое царство, посемъ чаем царства, ему ж нѣс конца.

Сия ж писах ти, любя, и взывая, и моля щедротами божиими, яко да премениши скупость на шедроты и немилосердие

и тем более сердца на него, но уповать на все дающего бога. Ибо вся твоя к богу чистая вера и любовь — к божьим святым церквам; да и еще, царь, соблюди две заповеди, ведь в твоем царстве не осеняют люди себя правильно знамением святого креста. И о них заранее провидевший это апостол Павел говорил: «Прежде писал вам, ныне же с плачем говорю о врагах креста Христова, им же конечная погибель».

Второе: наполни святые соборные церкви епископами, пусть не вдовствует святая божия церковь в твое царствование! Не преступай, царь, завета, что положили твои прадеды, великий Константин, и блаженный святой Владимир, и великий богоизбранный Ярослав, и другие блаженные святые, того же корня, что и ты. Не обижай, царь, святых божьих церквей и честных монастырей, как данных богу в наследство вечных благ на память последующим родам, на что и священный великий Пятый собор строжайший запрет наложил.

О третьей же заповеди пишу и с плачем горько говорю, чтобы искоренил ты в своем православном царстве сей горький плевел, о котором и ныне еще свидетельствует серный пламень горящего огня на площадях Содомских, о котором пророк Исайя, рыдая, повествовал: «Вслушайтесь в слово божие, князья Содомские, и воспримите божий глагол, люди Гоморры: «Что мне тук жертв ваших и подношений ваших, переполнен я всесожжениями. И если принесете мне кадило — мерзко мне это, и праздники ваши ненавидит душа моя!» Так пойми, благочестивый царь, что пророк не мертвым, уже погибшим содомлянам такое говорил, но живым, творящим злые дела. Ибо сказано: «Блудящий при живой жене разрывает плоть свою, но творящий содомский блуд убивает плод своего чрева». Бог сотворил человека и семя в нем для рождения детей, а мы сами свое семя убиваем и отдаем в жертву дьяволу. И мерзость такая преумножилась не только среди мирян, но и средь прочих, о коих я умолчу, но читающий да разумеет. Увы мне, как долго терпит милостивый, нас не судя! Все это я написал, много и горько рыдая, и сам я, окаянный, полон грехов, но боюсь и молчать, подобно тому рабу, что скрыл свой талант.

Ибо я грешен и недостоин во всем и невежда в премудрости, но ведь и бессловесная валаамова ослица разумного поучала, и скотина пророка наставляла, так и ты не зазри о том, благочестивый царь, что дерзнул я писать твоему величеству. И ныне молю тебя и вновь умоляю: все, что выше я написал, прими бога ради, ибо все христианские царства сошлись в твоем царстве, после же этого мы ожидаем царства, которому нет конца.

Это ж тебе написал, любя, и призывая, и моля благодатью божьей, что переменишь ты скупость на щедрость и немилосердие

на милость. Утѣши плачющых и вопиющых день и нощь, избави обидимых из руки обидящых. «Не обидите,— рече господь,— сих менших, вѣрующих в мя, ибо аггели их видятъ всегда лице отца моего, иж есть на небесѣх». «Блажен,— рече,— разумѣваяи на нища и убога, в день лют избавит его господь». Господь сохранит его и живит и, и ублажит его на земли, и не предастъ его в рукы врагомъ, господь *помощь* ти.

Да аще добро устроиши свое царство — будеши сынъ свѣта и гражанинъ вышняго Иерусалима, якоже выше писах ти и нынѣ глаголю: блюди и внемли, благочестивый царю, яко вся христианская црьства снидошас въ твое едино, яко два Рима падоша, а третей стоит, а четвертому не быти. Уже твое христианьское царство инѣм не останется, по великому Богослову, а христианской церкви исполнися блаженнаго Давыда глаголъ: «Се покой мой в вѣкъ вѣка, здѣ вселюся, яко изволих его». Святый Ипполит рече: «Егда узрим обстоим Римъ перскими вои, и перси на нас с скифаны сходящас на брани, тогда неблазнено познаем, яко той есть антихристъ». Богъ же мира, и любви, и долголѣтъства, и здравия, молитвами пречистыя богоматере и святых чюдотворьцевъ и всѣх святых — да исполнит твое державно царство!

на милость. Утешь плачущих и рыдающих день и ночь, избавь обиженных из рук обижающих. «Не обижайте,— сказал господь,— малых сих, верующих в меня, ибо ангелы их видят всегда лик отца моего, который на небесах». «Блажен,— сказал,— призревший нищего и убогого, в день страшный спасет его господь». Господь сохранит его, и оживит его, и ублажит его на земле, и не предаст его в руки врагов, господь тебе в помощь.

И если хорошо урядишь свое царство — будешь сыном света и жителем горнего Иерусалима, и как выше тебе написал, так и теперь говорю: храни и внимай, благочестивый царь, тому, что все христианские царства сошлись в одно твое, что два Рима пали, а третий стоит, четвертому же не бывать. И твое христианское царство другим не сменится, по слову великого Богослова, а для христианской церкви сбудется блаженного Давида слово: «Вот покой мой во веки веков, здесь поселюсь, как пожелал я того». Святой Ипполит сказал: «Когда увидим, что Рим осажден персидскими войсками и персы вместе со скифами идут на нас с боем, тогда несомненно поймем, что то Антихрист». Пусть же бог миром, любовью, многолетием и здоровьем, молитвами пречистой богоматери и святых чудотворцев и всех святых — преисполнит твое державное царствование!

ПОСЛАНИЕ О ЗЛЫХЪ ДНЕХЪ И ЧАСѢХЪ

Государя великого дьяку, господину *Михаилу Григорьевичу* твой нищей богомолец старец Филофей бога молит и челом бьет.

Прислал ты, государь мой, ко мнѣ свою грамоту, а в ней писано, чтобы мнѣ внутрь в неи твои список истолковати. И тебѣ, моему государю, вѣдомо, что яз селской человѣкъ, учился буквам, а еллинскых борзостей не текох, а риторских астроном не читах, ни с мудрыми философы в бесѣдѣ не бывал; учюся книгам благодатнаго Закона, аще бы мощно моя грѣшная душа очистити от грѣх, о сем молю милостиваго бога, господа нашего Иисуса Христа и пречистую Богоматерь и всѣхъ святых, богу угодивших, избавити мя вѣчнаго мучения. А еже писал ты о числах лѣтных, еже в Бытейскых книгах, Моисеом написаных, о «Шестодневникѣ», о миротворении, гронографы же, пять дней мимотекшеи начаша от перваго Адама и до нынѣ; латина же нынѣ вся мимотекше преже бывшая лѣта, начинают от рожества Христова, чтут лѣта; да в том нѣсть разньстваа никоего же. Глаголет бо апостолъ: «Бысть первый человѣкъ от земля перстен, вторый человѣкъ — господь с небесе». И пакы рече: «Бысть первый человѣкъ Адамъ в душю живу, вторый же — Адам в духъ животворящ».

И о сем тщатся философи, *о всем окружной премудрости, и вѣдомо же:* год есть сугуб солнечный и лунный, солнечный содержит 365 дней, лунный же 354; от сего является, яко год солнечный болши луннаго 11 дний, по тому *же* в то лѣто солнцу и лунѣ потемнение не узрится. И кто прилѣжнѣйше подщится, по «Шестокрылу» считают дробныа часы,

ПОСЛАНИЕ О НЕБЛАГОПРИЯТНЫХ ДНЯХ И ЧАСАХ

Государя великого дьяку, господину Михаилу Григорьевичу, твой нищий богомолец старец Филофей бога молит и челом бьет.

Прислал ты, государь мой, мне свою грамоту, а в ней писано, чтобы я смысл списанного тобой сочинения истолковал. Так тебе, моему государю, известно, что я деревенщина, учился лишь грамоте, а эллинским мудростям не учен, ораторских астрономов не читывал, да и с мудрыми философами в беседе не бывал; учусь лишь книгам благодатного Закона, и если бы можно было грешную мою душу очистить от грехов, о том молю милостивого бога, господа нашего Иисуса Христа, и пречистую богоматерь, и всех святых, угодивших богу, чтобы избавил меня от вечных мук. А то, что писал ты о годовых числах, что в бытийных книгах, Моисеем написанных, о «Шестодневе», о сотворении мира, о хронографе, исключая пять первых дней,— то начались с первого человека Адама и доныне; католики же, пропуская все эти прошлые годы, счет годам начинают с рождества Христова; но между счетом тем или этим нет никакого различия. Ибо говорит апостол: «Был первый человек из земли тленен, второй человек — господь небесный». И дальше сказал: «Был первый человек Адам с душою живою, второй же — Адам животворящего духа».

И над этим мудрят философы, над всем, что с тем связано, но хорошо известно: год бывает двояким, солнечным и лунным; солнечный содержит триста шестьдесят пять дней, а лунный триста пятьдесят четыре; из этого ясно, что солнечный год больше лунного на одиннадцать дней, так что в такое лето солнечного или лунного затмения не будет. Кто же прилежней займется этим и по «Шестокрылу» сосчитает части часов,

то обрящет, в который час быти потемнѣнию лунѣ и солнцу; но о сем подщание и подвиг великъ, а приобрѣтения мало. А што писал о преходных звѣздах, знамение водное наслѣдят, тогда всеа вселенныа градовом и царством и странам вкупѣ всѣм земнородным пременение; божественое же Писание о сем ясно глаголетъ: «Святым духом всяка твар обновляется»,— обращающеся на первое, равномощен бо есть Отцу и Слову, а не от звѣздъ сие бывает.

А звѣзды зодѣйные 12 и планит 7, не чювствены, ни животны сут, но точию невещественаго огня существо, в первый день богом сътворен есть, иже рече богъ: «Да будет свѣт»,— и ничтоже ино свѣт, токмо огнь. И егда въсхотѣ разлучити свѣт от тмы, тогда повелѣ спрятание тому огню быти, и бысть тма. И разлучи богъ межу свѣтом и межу тмою, и нарече богъ свѣт день, а тму нарече нощь, и ничтоже ино нощъ, токмо свѣта отъятие. Въ вторый день твердь, въ третий день сушу, моря, садовиа, траву, сѣмена, пол *воды* возводит на твердь. Того ради, еже хотяше сътворити свѣтилники, в четвертый же день от того огня, иже свѣт нарече, сътвори двѣ свѣтиле велицѣ: свѣтило великое въ освѣщение дни, еже есть солнце, свѣтило меншее въ просвѣщение нощи, еже есть луна, таже звѣзды. Яко мудрый златарь ово на сосуды, ово же на златици разсыпа и нарече 12 звѣздъ, иже глаголются от нас зодѣи, иже суть пути солнцу и лунѣ. Солнце же шествие *имѣетъ* во *единомъ* зодѣи днии 30 и часовъ 5 и пакы в другую зодѣю исходит, и тако в двунадесяти зодѣях сѣмо и овамо преходяг, сътворяет годъ. Луну же полну сътвори, яко 15 дний, аще бо лунѣ единаго дни сътворенѣ, то пакость бы велика была свѣтилником между собою, частаа отемнениа. Луна же обходит 12 зодѣи в двадесят и девять дней и в пол дни и пол часа и пятую часть часа. А о седми планитах и о двунадесят зодѣях, и о прочих звѣздах, и о злых часех, и о нарожении человѣчьстем въ которую звѣзду, или часъ золъ или добръ, и получаа с частком, и богатству и нищетѣ, и в нарожении добродѣтелем и злобам, и долголѣтству жития, и скращениа смертию,— сиа вся кощуны суть и басни. Первие от халдѣй сие написася, иже к суетѣ ума своего столпъ зиждуще и на высотѣ бывше, и о звѣздах съблазнишася. Богъ же, видя безумие ихъ..., съвѣт их разсыпа и дѣло раздруши, и писание их отверже. От них же еллини *сие их лестное писание* приаша *и книги,* и тыа планиты и прочаа звѣзды богы нарекоша, и отступиша от сътворшаго *вся* и твари поклонишася; о них же пророкъ Давидъ глаголаше, рече: «Безумен в сердци своем нѣсть бога, растлѣша и омрачишася в начинаниих своих».

то найдет, в какой час будет затмение луны и солнца; однако в этом труды и старание велики, а результат мал. А что писал о движущихся звездах, то им следуют предзнаменования вод, и тогда всей вселенной городам, и царствам, и странам, всем вместе на земле рожденным, настанет конец; божественное же Писание об этом ясно говорит: «Святым духом всякая тварь обновляется»,— возвращаясь же к прежнему, станет равным Отцу и Слову, но не от звезд так бывает.

Звезд же зодиака двенадцать, а планет семь, не чувствительны, не живые они, а просто невещественного огня суть, в первый день богом сотворенная, когда сказал бог: «Да будет свет»,— и ничего, кроме света, только огонь. И когда пожелал отделить свет от тьмы, повелел тому огню исчезнуть, и настала тьма. И разделил бог свет и тьму, и нарек бог свет днем, а тьму нарек ночью, и не что иное ночь, как только изъятие света. На второй день сотворил он твердь, на третий день сушу, моря, деревья, траву, семена, и половину тверди покрывает водой. И потому, когда пожелал сотворить светила, на четвертый день из того огня, что назвал он светом, сотворил два больших светила: светило большое, для освещения днем, и это есть солнце; светило поменьше, для освещения ночью, и это есть луна, а также и звезды, как мудрый мастер дел золотых золота часть на сосуды, а часть на монеты выделил. И нарек двенадцать звезд, что называем мы зодиаком, которые суть доро́ги солнцу и луне. И солнце движется по одной части зодиака тридцать дней и пять часов и затем переходит в другую часть зодиака, и так в двенадцати созвездиях зодиака туда и сюда переходит и образует год. Луну же полной создал каждые пятнадцать дней, ибо если бы она была полной всякий день, было бы плохо для обоих светил, друг друга часто они заслоняли бы. Луна же обходит двенадцать звезд зодиака в двадцать и девять дней, и в полдня, в полчаса и в пятую часть часа. А что касается веры в семь планет, и в двенадцать звезд зодиака, и в прочие звезды, и в плохие часы, и в рождение человека под какой-то звездой, или в час злой, или добрый, определяющий участь, богатство или нищету, порождающий добродетели или пороки, многолетнюю жизнь или быструю смерть,— все то кощунство и басни. Первыми халдеи это написали, которые в суете ума своего построили башню и, на высоту попав, соблазнились звездами. Бог же, видя безумие их... их рассеял, и дело разрушил, и писания их отверг. От них же и греки прельстительные писания эти восприняли и книги, и те планеты и прочие звезды богами назвали, и отошли от творца, и поклонились сотворенному им; о таких пророк Давид говорил, сказав: «Безумный в сердце своем не имеет бога, погибли и помрачились в начинаниях своих»,

По еллинѣхъ же еретицы прияша а насѣяша горкыа плевелы по срѣдѣ пшеницы в православной христианской вѣре, на прелщение малоумных человѣкъ, вѣрующе в злыа дни и часы, да о сем и покаания не приемлют, мнящеся, яко истина сутъ, *и* в день судный страшен отвѣт приимутъ и съ еретикы осужени будут, пременивше свѣт на тму и истину на лжу. Аще *бы* злыа дни и часы сътворил богъ, почто грѣшных мучити ему? Богъ имат винен быти, яко *злая человѣки* народил, *обаче же богъ содѣтель наш вѣрен и праведен и нѣсть злобе виненъ никоеяже.* А сие, честный человѣче, разумѣй, яко от царя царевич родится, а от князя князь, и аще и не достижет малым чим отчаа славы и чести, но землѣделец не бывает, ни за земледѣлцев царие дщерей не дают, ни у них за своа сынове дщерей взимают, но все то состоится по невѣдомым судбам вся строящаго бога. А о звѣздном течении и о солнци, и о лунѣ да вѣсть твоя честность, яко не самы тыа звѣзды двизаемы суть, ниже чювствены или животны и зрят ни на чтоже, но огнь невеществен ничтоже вѣсть, ниже знает, но преносимы суть от аггельских невидимых силъ; самовидец сему богоизбранный съсуд апостолъ Павел, иже третины тверди не дошед, посрѣдѣ самѣх звѣздъ быв, и тамо *видѣ* самыа тыа аггельскиа силы, како непрестанно служение имѣют человѣка ради: ови солнце носят, друзии луну, иныя звѣзды, овы въздуха правят вѣтры, облакы, громы, от послѣдних земля воды возносят облаком, и лице земли наляют на ращение плодом, на весну и жатву аггели, на есен и зиму. Сего ради показа господь апостолу како непрестанно служение имут аггели человѣка ради, да научит его непрестанно тещи на проповѣдь спасения ради человѣчскаго и не лениву быти; он же видѣв тамо неизреченнаа видѣниа, въ своих посланиих глаголет: «Не вси ли суть служебнии дуси, на службу посылаеми за хотящих наслѣдовати спасение?» — и пакы глаголет, яко сама тварь свободитца от работы тлѣниа въ свободу славы чад божиих. Видиши ли, любимиче, како тварию зовет аггелы, чада же божиа — человѣкы, свобожение аггелское глаголет, еже от службы своеа престанут в послѣднии день. О царствах же и о странах пременение — не от звѣздъ сие приходит, но от все дающаго бога; о сем пророкъ Исаия глаголет: «Аще послушаете мене — блага *земли* снѣсте, аще ли не послушаете — оружие вы поястъ!» — уста бо господня глаголаша сиа. И пакы въпросиша апостоли: «Господи, аще в лѣто се устраяеши царство Израилево?» Иисус же рече: «Нѣсть ваше разумѣти врѣмен и лѣт, яже Отецъ положи своею областию». Да внемли, господа ради, в которую звѣзду стали христианскаа царства, еже нынѣ вси попрани от невѣрных, яко же пророкъ глаголет:

После греков еретики приняли и насеяли горьких плевел посреди пшеницы православной христианской веры на прельщение малоумным людям, верящим в злые дни и часы, да в том и не каются, полагая, что это правда, но в день Страшного суда расплату получат и с еретиками вместе будут осуждены за то, что обратили свет на тьму и истину в ложь. Если бы злые дни и часы сотворил бог, зачем ему мучить грешных? Ведь бог бы и был повинен в том, что породил злого человека, однако же бог, наш творец, справедлив и праведен и никакому злу не повинен. Да и то, добрый человек, разумей, что от царя царевич родится, а от князя князь, и даже если не достигнет немного в чем-то отцовской славы и чести, но земледельцем не будет, и за земледельцев цари дочерей не дают, и у них за своих сыновей дочерей не берут, и все это правится по неведомым предначертаниям всесозидающего бога. А о звездном движении, и о солнце, и о луне пусть знает твое величество, что не сами те звезды движутся, ибо бесчувственны, и мертвы, и ничего не видят, но огонь невещественный, неведомый, переносимый ангельскими неведомыми силами; очевидец тому богоизбранный сосуд апостол Павел, который, лишь до трети тверди не дойдя, посреди самых звезд бывши, там и видел самые эти ангельские силы, как непрестанно они трудятся для человека: те солнце носят, другие луну, иные звезды, те управляют воздухом, ветрами, облаками, громами, кто от земли вóды возносит облаком, и лики земли направляют ангелы на произрастание плодов, на весну и на лето, на осень и зиму. Потому и показал господь апостолу, какую неустанную службу несут ангелы ради человека, чтобы научить его непрестанно служить проповеди ради спасения человека без лености; апостол же, увидев там невыразимые видения, в своих посланиях говорит: «Не все ли это служебные духи, служить посылаемые за тех, кто хочет получить спасение?» — и опять говорит, что само творение освободится от рабства тлена ради свободы во славу божьих чад. Понимаешь ли, милый, что творением называет ангелов, чадами божьими — людей, освобождение ангелов понимает как прекращение службы их в день последний. Что касается разрушения царств и стран — не от звезд оно происходит, но от все дающего бога; об этом пророк Исайя говорит: «Если послушаете меня — благами земными насытитесь, если же не послушаете — оружие вас поглотит!» — ибо уста господни так говорили. И вновь вопросили апостолы: «Господи, не в этот ли год ты готовишь царство Израилево?» Иисус же сказал: «Не ваше дело разуметь времена и годы, которые бог Отец положил в свое владение». Так пойми, господа ради, с какою звездой связаны христианские царства, ныне попранные неверными, как говорит пророк:

«Кто дастъ на расхыщение Израиля — не богъ ли, ему же съгрѣшиша?» Девятдесят лѣт, како греческое царство разорися и не созижется: сия вся случися грѣхъ ради наших, понеже они предаша православную гречскую вѣру в латынство. И не дивися, избранниче божий, яко латыни глаголют: наше царство ромейское недвижимо пребываетъ, аще быхом не правѣ вѣровали, не бы господь снабдѣл нас. Не подобает нам внимати прелестем их, воистину суть еретици, своею волею отпадше от православныа християнскиа вѣры; паче же опрѣсночнаго ради служениа бѣша с нами в соединении семсотъ лѣт и 70, а егда отпадоша правыа вѣры семсот и 35 лѣт, во аполинариеву ересь впадше, прелщени Карулом царем и папою Формосом. Глаголют о опрѣсноцѣ, яко за чистоту и безстрастие, но сие лжут, съкрывающе внутрь себе диавола. Аполинарий же своимъ учением повелѣ опрѣсночнаа служити за сию вину, глаголетъ бо сице, яко не приял плоти человѣчскиа от пречистыа дѣвы господь наш Иисус Христос, но з готовою небесною плотию, яко трубою, дѣвичьскою утробою прошед, ниже душа человѣчьскиа приат, но вмѣсто душа духъ святый в нем пребывает, до тѣм лстят незлобивых душа и неутверженых. Увы горкиа прелести и отпадения от бога жива, аще плоти человѣчскиа не приат Спасъ, то и падшаго Адама и всѣх от него рожденных человѣкъ плоть не обожися, и, аще ли душа человѣчскиа не приал господь, то и нынѣ душа человѣчскиа не изведены от адскых. Да хто не содрогнется, ниже въсплачется о таковых прелестей и отпадения, грьдостию буйства своего еретичьскым учением послѣдоваша и богоубийственѣи четѣ жидом, яко же и при распятии господни обѣщници бѣша с ними, о них же еуггелист глаголетъ: «Воини же гѣмонови ругающеся ему, прегыбающе колѣни свои и глаголюще: «Радуйся, царю июдѣйскыи!»». Воини гѣмонови — Пилатови слугы, понеже Пилат от латын бяше, от Понта града Римскиа области, тако и нынѣ в своем молении не прекланяют свою главу, токмо колѣни мало надгыбают латыни. О них же Давидъ *изначала* духом святым прозрѣв, яко от лица Иисусова рече: «В поношение безумному дал мя еси». Воистину людие буи, а не мудри, аще убо великаго Рима стѣны и столпове, и трекровныа полаты не пленены, но душа их от диавола пленены быша опрѣснок ради. Аще убо Агарины внуци греческое царство приаша, но вѣры не повредиша, ниже насилствуют греком от вѣры отступати, инако же ромейское царство неразрушимо, яко господь в римскую власть написася. Наша же християнскаа тайна сице съдержит о священнем причащении. Приступиша ученици ко Иисусу, глаголюще:

«Кто отдаст на разграбление Израиль — не бог ли, перед которым согрешили?» Девяносто лет, как греческое царство разорено и не возобновится: и все это случилось грехов ради наших, потому что они предали православную греческую веру в католичество. И не удивляйся, избранник божий, когда католики говорят: наше царство романское нерушимо пребывает, и если бы неправильно веровали, не позаботился бы о нас господь. Не следует нам внимать прельщениям их, воистину они еретики, по своему желанию отпавшие от православной христианской веры; еще до споров об опресноках были с нами воедино семьсот лет и семьдесят, а отпали от правой веры семьсот и тридцать пять лет тому назад, в ересь Аполлинария впали, прельщенные Карломцарем и папой Формозом. Говорят об опресноке, как о чистоте и беспристрастии, но лгут, скрывая в себе дьявола. Аполлинарий же своим лжеучением повелел службу служить с опресноками потому, что, как он говорил, не принял плоти человеческой от пречистой девы господь наш Иисус Христос, но с готовой небесною плотью, точно трубою, девственной утробой пройдя, появился, также и душу человеческую не принял, но вместо души дух святой в нем пребывает, вот чем прельщают незлобивых душ и неустойчивых. Увы нам в горестном прельщении и отпадении от бога живого, ибо если плоти человеческой не принял Спаситель, то и падшего Адама и всех от него рожденных людей плоть не приблизится к богу, и если не душу человеческую принял господь, то и теперь души людские не изведены из адских глубин. Да кто же не содрогнется, кто не восплачет от такового прельщения и падения, в гордости безумия своего еретическим учениям последовали и богоубийственной толпе евреев, что во время распятия Христа были сообщниками тех, о которых евангелист говорит: «Воины же прокуратора насмехались над ним, прегибая колени свои и говоря: «Радуйся, царь иудейский!» Воины прокуратора — слуги Пилата, но так как Пилат был из римлян, из города Понта в Римской державе, то также и ныне во время молитвы не склоняют своей головы, но только колени чуть прегибают католики. О таких Давид, изначала духом святым прозрев, словно от имени Иисуса сказал: «В поношение безумному дал ты меня». И воистину люди безумные, а не мудрые, ибо хотя великого Рима стены, и башни, и многокровельные хоромы и не захвачены, однако души их дьяволом пленены были из-за опресноков. Ибо хотя внуки Агари греческое царство покорили, но веры не повредили и ничем не заставляют греков от веры отступать, однако же романское царство неразрушимо, ибо господь в римской области поселился. Наше же христианское таинство вот что говорит о святом причастии. Приступили ученики к Иисусу, говоря:

«Господи, гдѣ хощеши уговаем ти ясти пасху?» Он жерече им: «Се входящема вама во град, срящет вы человѣк, в скудели воду нося; послѣдуйте ему и дому владыцѣ рцѣте: «Учитель глаголетъ, у тебе сътворю пасху со ученикы моими»». Дому есть владыка отецъ Ивана Богослова Зеведѣй, сему повелѣ Иисус надвое сътворити: едину по обычаю законному, еже опрѣснокъ, другую же тайную, иже хлѣб съвершен квасную. Сего ради тайная вечеря глаголется, понеже в жидох от 11 до 14 не обрѣтается квасной хлѣб в домѣх. Да первѣе законную пасху ядоша по обычаю, опрѣснок и агнец з горчицею, стояще опоясани и жезлы подпирающеся, клобукы на главах их. По ядении же сѣдъ, учаше их, еже не *старийшенствовати,* таже о предателствѣ вносит слово, и, по семъ волиа воду во умывалницу, и нача нозѣ умывати учеником, образ дасть им святого крещениа. По сих же пакы возлеже и повели представити хлѣб и вино точию, начат жалостнаа словеса простирати, възвед убо божественаа свои очи на небо и рече: «Отче, прииде час, прослави сына своего, да и сынъ твой прославит тя, яко дал еси ему власть всякой плоти, да все, еже дал ми еси, и аз дам им живот вѣчный, иже есть живот вѣчный да знают тебе единаго истиннаго бога, и его же посла Иисуса Христа; и аз прославих тебе на земли и дѣло съвръших, и нынѣ прослави мя, отче, славою, иже имѣх у тебе преже сложениа мира». И паки рече ко ученику: «Аз есмь виноград, вы же рождье, иже пребудет въ мнѣ и аз в нем». И паки возвед очи свои и рече: «Отче святый, *святи их во* имя твое, зане аз свящюся сам, да будут и сии освящени воистинну, и не о сих молю токмо, но и о вѣрующих словесем их в мя; да вси бо едино будут, яко же, отче, яз в тебѣ, и ты въ мнѣ, да и ти въ нас будут». Разумѣй же обое здѣ, еже молится о онѣх, освятив их во святых тайнах, да научит свящати архиереа и священики у святыа трапезы; идѣже чин дѣйства, ту и слуга поставляти подобает священнодѣйству. И ту, абие приим предложенный хлѣб на святых своих пречистых руках и воздвиг горѣ, показуя богу отцу, благодарив, преломив, дасть святым своим учеником и апостолом, рек: «Приимѣте и ядите, се есть тѣло мое, еже за вы ломимое и за многы во оставление грѣхов». По ядении же приим чашу от плода лознаго иже есть вино, и растворив с теплою водою, и сию дасть учеником глаголя: «Пиите от неа вси, се есть кровь моа Новаго Завѣта, еже за вы изливаема и за многы во оставление грѣхов». Обаче учеником дааше, тоже и сам ядяше и пиаше с ними. По сих же паки глаголеть: «Желанием въжделѣх ясти сию пасху с вами, прежде даже

«Господи, где ты желаешь, чтобы мы приготовили тебе пасху?» Он же ответил им: «Вот как войдете вы в город, встретит вас человек, в глиняном кувшине воду несущий; последуйте за ним и хозяину дома скажите: «Учитель говорит: у тебя сотворю пасху с учениками моими». Хозяин же дома был отец Иоанна Богослова Зеведей, которому повелел Иисус две пасхи приготовить: одну по обычаю прежнему, как велит Моисеев закон, и это был опреснок, другую же тайную, для которой хлеб испечен на дрожжах. Потому-то и тайной вечерей зовется, что у евреев с одиннадцатого до четырнадцатого нет пресного хлеба в домах. И сначала они законную пасху съели, как повелось, опреснок и ягненка с горчицей, стоя опоясанными и посохами подпираясь, с покрывалом на голове. После этого, сев, наставлял их, уча избегать начальствования, затем о предательстве говорит и после этого, набрав в умывальник воды, начал ноги мыть ученикам, дав им прообраз святого крещения. Потом же снова возлег и велел поставить только хлеб и вино, стал печальные слова излагать, возведя божественные очи свои к небу: «Отче, настал час, восславь своего сына, и сын твой восславит тебя за то, что дал ты ему власть над плотью, за все, что ты мне дал, и я передам им вечную жизнь (ибо есть вечная жизнь), чтобы знали тебя одного, почитая за истинного бога, пославшего им Иисуса Христа; и я восславил тебя на земле и дело исполнил, и ныне восславь же меня, отче, той славой, которую имел у тебя я еще до создания мира». И снова сказал ученикам: «Я виноград, вы же ветви, что пребудут во мне, и я в вас». И снова, возведя очи свои, сказал: «Отче святой, освяти их во имя твое, ибо я освятился сам, пусть будут и эти освящены праведно, но не об этих молюсь только, но и о тех, кто верует словам их обо мне; пусть будут все воедино, подобно тому, как, отче, я в тебе и ты во мне, пусть и эти в нас будут». Понимай же двоякое тут: когда молится об этих, уже научив их святым тайнам, просит научить архиереев и священников посвящать у святой трапезы; там, где порядок обряда, тут и слуг поставлять подобает священнодействию. И тут, тотчас взяв принесенный хлеб в святые свои и пречистые руки, поднял вверх, показав богу Отцу, благодаря, преломил, дал святым своим ученикам и апостолам, сказав: «Примите и ешьте, это тело мое, за вас преломленное и за многих во отпущение грехов». После еды же взял чашу от плода виноградного, то есть вино, и, разбавив теплой водою, дал ученикам, говоря: «Пейте из нее все, это кровь моя Нового завета, та, что за вас проливаю и за многих во отпущение грехов». И не только давал ученикам, но и сам ел и пил с ними. Затем же снова говорит: «С желанием я возжелал есть эту пасху с вами прежде, чем

не прииму мук; отселе уже не имам пити от плода винограда, но ново испию с вами въ царствии отца моего»,— и, по сем, въспѣвше, изыдоша в гору Елеонскую.

Видиши ли, христолюбче, какова есть священьства тайна и божественаго причастия начало, еже убо сам их освяти и научи священиадѣйствовати. Зри, любимиче, яко же испи вино, с водою растворив, такоже и на крестѣ от своих божественых ребръ два источника, кровь и воду, источи. Да и сие внемли, господа ради, како в тридесят лѣт възраста своего по всяко лѣто яде Спасъ законную пасху, а ни единою не рече: «Желанием вжелах ясти пасху сию», но токмо о сей новѣи благодатнѣи вечери тайнѣй, еже устрои смотрение нашему спасению.

О сих убо преуспокоивше слово, мала нѣкаа словеса изречем о нынѣшнем православном царствии пресвѣтлѣйшаго и высокостолнейшаго государя нашего, иже въ всей поднебесной единаго христианом царя и броздодръжателя святых божиихъ престолъ, святыа вселенскиа апостолскиа церкве, иже вмѣсто римской и костянтинополской, иже есть в богоспасном граде Москвѣ святого и славнаго Успения пречистыя Богородица, иже едина въ вселеннѣи паче солнца свѣтится. Да вѣси, христолюбче и боголюбче, яко вся христианская царства приидоша в конец и снидошася во едино царство нашего государя, по пророческим книгам, то есть росеское царство: два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти. Многажды и апостолъ Павел поминает Рима в посланиих, в толкованиих глаголет: «Рим — весь мир», уже бо христианской церкви исполнися блаженаго Давида глаголъ: «Се покой мой въ вѣк вѣка, зде вселюся, яко изволих и». По великому же Богослову: «Жена облъчена в солнце, и луна под ногама ея, и чадо въ руку еа, и абие изыде змий от бездны, имѣа глав 7 и сем вѣнец на главах ему, и хотяше чадо жены пожрети. И даны быша женѣ крилѣ великаго орла, да бѣжит въ пустыню, змий же изо устъ своих испусти воду, яко рѣку, да ю в рѣцѣ потопит». Воду же глаголют невѣрие, видиши, ли, избранниче божий, яко вся христианскаа царства потопишася от невѣрных, токмо единаго государя нашего царство едино благодатию Христовою стоит. Подобает царствующему дръжати сие с великым опасением и к богу обращением, не уповати на злато и богатство изчезновение, но уповати на все дающаго бога. А звѣзды, яко же и преже рекох, не помогут ничим, ни придадут ни уймут. Глаголет убо връховный апостолъ Петръ в соборномъ Послании: «Един день пред господомъ, яко тысяща лѣт, а тысяща лѣт, яко един день»,— не опоздит господь обѣта, еже обѣща,

приму мучение; с этих пор уже не смогу я пить от плода виноградного, но снова изопью с вами в царстве отца моего»,— и после того, восславив бога, взошел на гору Елеонскую.

Так видишь теперь, христолюбец, какова тайна освящения и происхождение божественного причастия, ведь сам Иисус их освятил и научил священнодействовать. Взгляни, милый, как испил вино, с водой смешав, также и на кресте из своего божественного тела два источника, кровь и воду, он источил. Да и то пойми, господа ради, что тридцать лет своей жизни каждый год ел Спаситель старозаветную пасху и никогда не сказал: «С желанием я возжелал есть пасху эту», и только об этой новой и благодатной вечери тайной, на которой устроил он оправдание нашему спасению.

Итак, о всем том прекратив речи, скажем несколько слов о нынешнем преславном царствовании пресветлейшего и высокопрестольнейшего государя нашего, который во всей поднебесной единый есть христианам царь и сохранитель святых божиих престолов, святой вселенской апостольской церкви, возникшей вместо римской и константинопольской и существующей в богоспасаемом граде Москве, церкви святого и славного Успения пречистой богородицы, что одна во вселенной краше солнца светится. Так знай, боголюбец и христолюбец, что все христианские царства пришли к концу и сошлись в едином царстве нашего государя, согласно пророческим книгам, и это — российское царство: ибо два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не бывать. Много раз и апостол Павел упоминает Рим в посланиях, в толкованиях говорит: «Рим — весь мир», ибо на христианской церкви уже совершилось блаженного Давида слово: «Вот покой мой во веки веков, здесь поселюсь, как возжелал я». Согласно же великому Богослову: «Жена, облаченная в солнце, и луна под ногами ее, и младенец на руках у нее, и тотчас вышел змей из бездны, имеющий семь голов и семь венцов на головах своих, и хотел младенца этой жены поглотить. И даны были жене крылья великого орла, чтобы бежала в пустыню, и тогда змей из всех своих уст источил воду, словно реку, чтобы в реке ее утопить». Водой называют неверие; видишь, избранник божий, как все христианские царства затоплены неверными, и только одного государя нашего царство одно благодатью Христовой стоит. Следует царствующему сохранять это с великою осторожностью и с обращением к богу, не надеяться на золото и на преходящее богатство, но уповать на все дающего бога. А звезды, как я и прежде сказал, не помогут ни в чем, не прибавят и не убавят. Ибо говорит верховный апостол Петр в соборном Послании: «Один день пред господом, как тысяча лет, а тысяча лет, как один день»,— не задержит господь награды, которую обещал,

но долго тръпит, не хотя нѣкиа погубити, хотя всѣх в покаание вмѣстити. Видиши ли, боголюбче, яко в руцѣ его дыхание всѣх сущих, глаголет бо, яко: «Еще единою потрясу не токмо землею, но и небом». Понеже и апостолом еще не свершенным, выше силы не велѣл пытати; благословенный же наперсник во «Откровении» своем глаголет: «В послѣднее врѣмя спасаа, спаси душу свою, да не умрем второю смертию, геонскою, но обратимся ко всемогущему спасти нас господу с молбами прилѣжными, и теплыми слезами приплачемся пред ним, яко да смилится обратити ярость свою от нас, и помилует нас, и сподобит нас услышати сладкый блаженый и въжделѣнный его глас». Приидите, благословленнии, отца моего наслѣдуйте уготованное вам царство преже сложениа миру». Буди, спасаяся и здравствуя о Христѣ. *Аминь.*

и долго терпит, никого не желая погубить, желая всех привести к покаянию. Видишь ли, боголюбец, что в руках его дыхание всех сущих, ибо говорит: «Еще однажды потрясу не только землей, но и небом». И так как и апостолы еще не были готовы, то сверх силы не велел вникать; благословенный же наперсник в своем «Откровении» говорит: «В последние времена спасаясь, спаси свою душу, да не умрем второю смертью, в геенне огненной, но обратимся ко всемогущему во спасении господу с мольбами искренними и усердными слезами восплачемся перед ним, чтобы смилостивился, отвратил ярость свою от нас, и помиловал нас, и сподобил нас услышать сладкий, блаженный и вожделенный его глас: «Приидите, благословенные, наследуйте уготованное вам царство отца моего прежде кончины мира». Живи же, спасаясь и здравствуя, во Христе. Аминь.

СОЧИНЕНИЯ МАКСИМА ГРЕКА

ТОГО ЖЕ ИНОКА МАКСИМА ГРЕКА ПОСЛАНИЕ К НѢКОЕМУ ИНОКУ, БЫВШЕМУ В ИГУМЕНѢХ, О НЕМЕЦКОЙ ПРЕЛЕСТИ, ГЛАГОЛЕМѢЙ ФОРТУНѢ, И О КОЛЕСѢ ЕЯ

Многымъ сущимъ считаемымъ от божественаго апостола свойством и дѣйствомъ неложныя и съвръшеныя любви, яже по бозѣ — еже не радоватися о неправдѣ, сърадовати же ся истинѣ показателнѣе азъ мню знамение ея. Съй бо въистину вѣренъ и истиннѣйши другъ, иже радуется убо от всея души о исправлениих и благопоспѣшениихъ друга своего, акы о своих си; скрьбитъ же пакы, егда узритъ его или о спасителных заблужающа благочестиа апостольскых догматъ и отечьскыхъ преданий, или в нѣкых житейскых бѣдахъ падша; иже и боля за друга своего, тщится всякымъ образом пособити ему и въ прьвое познание истины привести его. Сею убо и аз любовию связанъ къ твоему преподобъству, възлюблене ми брате, неправдуя явлюся въистину въ законы святыя любви, аще умлъчю, о них же слышу тя вслѣд идуща еллинскаго, и халдѣйскаго, и латынскаго, бѣсы обрѣтенаго учительства.

Глаголю же, о нем же мудръствуеши самъ и иныхъ увѣщаваешь,— колесомъ счастия глаголемыя по-латински фортуны Христа бога и спаса нашего правити же и строити человечьскыя вещи и овѣх убо тѣм на высоту властей възводити, овѣх же оттуду въ послѣднее низлагати безчестие и безславие. Дивлюся убо, како ты, таковъ сый и въ разумѣ богодухновеных писаний искуснѣйши болѣе иныхъ сверстникъ твоих, сице скоро въсхищенъ еси такымъ богомръзкым учительством прелестника Николаа Германа, ни въ едином божественом Писании дотолѣ ниже слышавъ е, ниже видѣвъ. Аще убо хощеши сложитися истинѣ, супротивно же паче обрящеши — не токмо отнудь отметаемо е от всѣх

СОЧИНЕНИЯ МАКСИМА ГРЕКА

ТОГО ЖЕ ИНОКА МАКСИМА ГРЕКА ПОСЛАНИЕ К НЕКОЕМУ ИНОКУ В САНЕ ИГУМЕНА О НЕМЕЦКОЙ ЛЖИ, ИМЕНУЕМОЙ ФОРТУНОЙ, И О КОЛЕСЕ ЕЕ

Многие называет божественный апостол свойства и проявления истинной и совершенной любви в боге — из них не радоваться неправде, а вместе радоваться истине я считаю наиболее показательным признаком. Тот воистину верный и истиннейший друг, кто от всей души радуется исправлению и преуспеянию друга своего, как своему собственному; и, напротив, скорбит, когда увидит, что он или уклоняется от спасительных апостольских догматов благочестия и отеческих преданий, или впал в какие-нибудь житейские беды; кто, соболезнуя другу своему, старается всяким способом помочь ему и к первоначальному пониманию истины вернуть его. Такою любовью и я, будучи привязан к твоему преподобию, возлюбленный мой брат, оказался бы воистину преступающим законы святой любви, если бы умолчал, слыша, что ты следуешь эллинскому, и халдейскому, и латинскому, бесами изобретенному учению.

Я говорю о том, о чем ты мудрствуешь сам и в чем убеждаешь других,— будто бы колесом счастья называемой по-латински фортуны Христос-бог и спаситель наш управляет человеческими делами и одних этим колесом на высоту власти возводит, других же оттуда низлагает в крайнее бесчестие и бесславие. Удивляюсь я, как ты, такой человек, в знании боговдохновенных писаний более искушенный, чем другие сверстники твои, так скоро увлекся таким богомерзким учением обманщика Николая Германца, ни в одном божественном Писании до сих пор не услышав об этом учении и не увидев его. Если хочешь последовать истине, то скорее найдешь противное — не только вполне отвержено это учение всеми

богодухновеныхъ отецъ и учителехъ, но и анафематѣ предаемо то самое и проходящихъ, и проповѣдующих е. Вѣмы бо, яко сицевая прелесть от Зороастра и Тана — древнихъ влъхвовъ, бывших у персянѣхъ, начяло имѣ, иже научишя небеснымъ и звѣздным движениемъ строятися человеческымъ всѣмъ вещемъ — аще исправления, аще бѣды житейскы; ея же прелесть приишя убо вседушно египтяне, а от них же еллини, иже и промыслишя и ина многа злочестива и хулна на самого съдѣтеля всѣх. Ими же мудръствуютъ и учатъ треокаянии, звѣздонужными силами и планитовъ къ зодиомъ снитии являюще его съвръшающа злых и благыхъ, славных же и неславных, ражаемых под тѣмъ или под тѣм планитом и звѣздѣ. Сии же умыслишя, от земля и чрева своего вѣщающе, баснословное имя счастиа или фортуны, ея же и слѣпу именуеть нѣкый мудрець еллинскый именемъ Кевисъ. И на камени сѣдящу оболом, и слѣпу убо наричет ея по своихъ прелестѣх, акы бесчинно, и безсловесно, и неравнѣ подающу человекомъ имѣния же и саны властелныя; на оболом же камени сѣдящу ея являеть, за еже дарованиемъ ея не бывати твръдымъ, но удобь препадающим и къ инымъ преходящимъ.

Таковыми убо еллини же и египтяне баснями играюще, играеми от бѣсовъ, и писашя и уставишя, акы непричястни бывше божественаго свѣта неблазненаго богопреданнаго разума пророчьскых богодухновеных писаний. Ими же зря злоначалный и злокозненый диаволъ просвѣщаемых благовѣрныхъ и сего ради не прилагающихся таковому его богомръзкому учительству, но паче ненавидящих и отвращающихся его, и инымъ путемъ тщася всескврьный удобь приятно сътворити то благочестивым: увѣщалъ латынях и германъ, погруженыхъ уже въ то сущих и всю душегубителную прелесть поглотивших, мало повыше богомръзкаго подобия лъжеименнаго разума, глаголю же басненыя фортуны, пречистый и покланяемый образ писати господа и спаса нашего Исуса Христа, чепию тонкою, от рукы святыя его висящею, правяща ея и писанное пред нею коло, — да тѣмъ образом благочестивии прелщаеми бываютъ богомръзкою прелестию звѣздочетскою, сматряюще фортуну правляему от пречистыя рукы Спасовы. Попущаеть нечестивый диаволъ мало что показание благочестиа приписати къ лукавому нечестия его умышлению, да сице тѣмъ въдрузить въ мыслех благочестивых прелесть лъжесловцовъ астрологъ. И ничто же дивно! Идѣ же многажды явися нечестивый не точию аггела свѣта и священника, святая носящаго, образъ подшедъ, да пустынника свята прелстить, но есть, егда и самого Спаса страшнымъ образом дѣйствовавъ, всескврьный.

боговдохновенными отцами и учителями, но и анафеме предано как самое это учение, так и последующие ему и проповедующие его. Мы знаем, что это ложное учение от Зороастра и Остана — древних волхвов, бывших в Персии, получило начало, которые учили, что движением неба и звезд определяются все человеческие дела — будут ли то добродетели или беды житейские; эту прелесть приняли всей душой египтяне, а от них — эллины, которые придумали и другое многое нечестивое про самого создателя всех и хулящие его. Об этом они, трижды окаянные, мудрствуют и учат этому, считая, что он насильственным влиянием звезд и приближением планет к знакам зодиака делает злыми и добрыми, славными и неславными людей, рождающихся под той или другой планетой и звездой. Они же выдумали, возвещая об этом от земли и чрева своего, баснословное название счастья или фортуны, которую некий мудрец эллинский, по имени Кебес, называет слепой. И сидящей на круглом камне, и слепой он назвал ее в своем заблуждении, так как она беспорядочно, и бессмысленно, и неравномерно распределяет между людьми богатства и власть; на круглом же камне сидящей он ее изображает, потому что дары ее не устойчивы, но легко исчезают и к другим переходят.

Забавляясь такими баснями, сами служа забавой для бесов, эллины и египтяне писали и утверждали свое учение, будучи чуждыми божественному просвещению неложного богом преданного разума пророческих боговдохновенных писаний. Злоначальный же и злокозненный дьявол, видя, что ими просвещаются благоверные и потому не следуют такому его богомерзкому учению, но, напротив, ненавидят и чуждаются его, иным способом постарался, наискверненший, удобоприемлемым сделать то учение для благочестивых: он убедил латинян и германцев, погруженных уже в это учение и поглотивших эту душепагубную ложь, изобразить немного выше богомерзкого подобия ложного разума, то есть баснословной фортуны, пречистый и достойный поклонения образ господа и спасителя нашего Иисуса Христа, который цепочкой тонкой, от руки святой его спускающейся, управляет фортуной и изображенным перед ней колесом,— чтобы благочестивые склонились к богомерзкой лжи звездочетской, видя, что фортуна управляется пречистой рукой Спасителя. Допускает нечестивый дьявол приписать малую долю показного благочестия к своему лукавому умышлению нечестия, чтобы таким образом утвердить в мыслях благочестивых обман лживых астрологов. И что в этом удивительного! Ведь многократно случалось, что нечестивый не только ангела светлого или священника, святыню носящего, принимал вид, чтобы пустынника святого прельстить, но случалось, что он, наискверненший, в великом обличии самого Спасителя действовал.

А яко убо еллиномъ есть умышление лукавое таковое мудрование — слыши внятно и уразумѣй прилѣжнѣ, что глаголетъ о фортунѣ басненѣй премудръ нѣкый христианскый философъ: «Счастие у еллинехъ,— рече,— есть же и мнима есть беспромысленое миру строение или движение от безвѣстных на безвѣстное и собою бываемое; мы же, благовѣрнии христиане, Христа бога исповѣдуем страяюща и правяща вся». И пакы тъй же: «Не человечьскыми помыслы и съвѣты, но божиимъ промысломъ и неиспытанными его судьбами устроятися вся человечьская, е же убо человеци несмыслени тихинь и имарменинь обыкошя нарицати, не разумѣюще, откуду и чего ради кому бываютъ случаема». Мы же, благовѣрнии христиане, вѣруемъ въ Христа, правяща вся. Примѣти прилѣжнѣ уставъ, иже по еллинех, фортунинъ: глаголютъ бо они счастию быти беспромыслену строению мира, сирѣчь не по премудрому и праведну промыслу божию бываему. Разумѣеши ли отселѣ, яко велми латыне и германе хулять на единого преблагаго, и преправеднаго, и премудраго творца и правителя всячьскых, приписующе къ пречистому образу Спасову богомръзкое подобие счастия, акы нѣкую съпоспѣшницу и състроителницу ему исповѣдующе ея, ниже от божественых писаней научившеся сему — ниже бо обрящеши нигдѣ же въ богодухновеных писаниих носимо сицево душегубително мудрование,— ниже убо от внѣшных всѣхъ философъ хваляемо слышавше е — понеже и нѣции от них слѣпу наричютъ ея и беспромысленое миру строение, сирѣчь не по божию промыслу и учению бываему? Тии же, осуждающе Епикура философа о них же злѣ мудрътвова и училъ есть, и симъ не хвалят и безбожника его наричютъ, сице глаголюще: «Епикурово злѣйше учение и сие есть, яко и вся тварь сия счастиемъ нѣкым, а не хотѣниемъ и судом божиимъ правится». Слышиши ли, чие сие учение безбожное и како от самѣх еллинех злѣ хулимо есть?

Како убо сице удобь и несмысленѣ сицевый ты въсхищаешися сицевыми безумными блядми немецкыми, и преслушаешь божественаго тайноглагольника, глаголющаго намъ епистолиемъ, еже къ коласаемъ: «Блюдитеся, да никто же вас будет прелщая философиею и суетною прелестию, по преданию человеческому, по стихиамъ мира сего, а не по Христѣ». И пакы тъй же въ послании, еже къ еврѣомъ: «Учении различными и чюжыми не скытайтеся». Како же не устрашился о ном того же богопроповѣдника, в них же глаголеть къ несмысленым галатом: «Аще кто благовѣствуетъ вам паче, еже приясте — сирѣчь от нас, апостол Христовыхъ,— анафема да есть»; аще и «аггелъ съ небеси» будет сицевый, «анафема да есть»,

А чтобы убедиться, что такое мудрствование есть лукавое изобретение эллинов — слушай внимательно и вникни прилежно, что говорит о фортуне баснословной премудрый некий христианский философ: «Счастье у эллинов,— говорит он,— это есть и называется чуждое промыслу управление миром или передвижение от неизвестного к неизвестному и случайному; мы же, благоверные христиане, исповедуем, что Христос-бог устраивает и управляет всем». И опять он же: «Не человеческими помыслами и рассуждениями, но божьим промыслом и недоступными его судьбами устраиваются все человеческие дела, люди же неразумные привыкли называть это случаем и судьбой, не понимая, откуда и по какой причине с кем-либо бывают известные случаи». Мы же, благоверные христиане, веруем во Христа, управляющего всем. Обрати должное внимание на определение эллинами фортуны: они говорят, что счастье есть чуждое промыслу управление миром, то есть происходящее не по премудрому и праведному промыслу божьему. Понятно ли тебе теперь, как латиняне и германцы весьма хулят единого преблагого, и праведнейшего, и премудрого творца и правителя всего, подрисовывая к пречистому образу Спасителя богомерзкое изображение счастья, некоей помощницей и споспешницей Спасителя считая его, не научившись этому из божественных писаний,— ибо нигде не найдешь включенным в боговдохновенные писания такого душепагубного мудрования,— и не услышав восхваляемым его всеми внешними философами — ведь некоторые и из них слепым называют его и говорят о чуждом промыслу управлении миром, то есть происходящем не по божьему промыслу и учению? Другие же, осуждая Эпикура-философа за то, что он неправильно мудрствовал и учил, за это его не хвалят и безбожником называют, говоря так: «Эпикурово злостное учение и в том заключается, что вся эта тварь счастьем каким-то, а не волей и судом божьим управляется». Слышишь ли, чье это учение безбожное и как самими эллинами оно резко порицается?

Как же ты, такой человек, так легко и безрассудно увлекаешься такими безумными обманами немецкими и не повинуешься божественному тайноучителю, говорящему нам в Послании к колоссянам: «Смотрите, чтобы кто не увлек вас философией и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира сего, а не по Христу». И опять он же в Послании к евреям: «Учениями различными и чуждыми не увлекайтесь». Как же не устрашился ты того же богопроповедника, который о том же говорит неразумным галатам: «Если кто благовествует вам не то, что вы приняли (то есть от нас, апостолов Христовых), анафема да будет»; если и «ангелом с неба» будет он, «анафема да будет»,

рекше проклят буди. Разумѣеши ли от сихъ, яко и нѣмци, и латыне под той же апостольстѣй анафемѣ суть акы чюжая учения влагающе въ мыслехъ благочестивых.

Потщися убо, бога ради потщися, отскочи таковыя немецкыя прелести и исповѣдуй прямѣ и чистѣ съ богодухновеными Давидомъ и пророчицею Анною, глаголющими сице, явѣ и без хитрословия всякого: «Господь убожитъ и богатит, смиряеть и высить, възставляеть от земля нища и от гноища въздвизаеть убога». Чесо ради, рци намъ, о священная пророчице? «Да посадитъ его,— рече,— съ силными людий и престолом славным наслѣдника сътворить его». Не фортуною басненою и вертѣнием колесненымъ, но пророкомъ святым преже убо Саула, послѣ же Давида помазавъ ихъ на царехъ, ового убо приемъ от паствы овець «и доилиць», яко же есть писано, ового же ищуща погыбшыя ослята отца своего. Такожде смыслено разсуждай и оно, како Иосиф блаженый прославися въ Египтѣ, яко и второму по фараонѣ познаватися властелю всего Египта; такожде како же и Моисей въ толику высоту вънесенъ бысть — строением и манием божиимъ, а не слѣпымъ счастиемъ и вертѣниемъ колесненым. Чюжо сие, чюжо есть отнудь и невѣдомо святым писаниомъ учение еже о фортунѣ латынстѣй, любезнѣйши ми брате и господине! Сего ради и далече мечеть православных събора прилагающихся сему богопротивному учению. Обрѣтають бо ся сицевии не съ Христомъ събирающе пшеницю чистую, сирѣчь вѣру пречисту и непорочну въ небесных его житницах, яже суть сердца и мысли православнѣ вѣрующихъ в него, но паче высыпають от себе и послушающих ихъ вложенное свыше въ мыслех своихъ божественое съкровище, еже о православных догматъ праведнѣйшаго промысла божиа. Яже не писана быша богодухновеными пророкы и апостолы, ниже мудръствовати подобаеть нам, завѣщаваеть крѣпцѣ великый всея вселеныя свѣтилникъ Иоаннъ Златоглаголивый.

Пребудемъ убо внутрь предѣлъ неблазненаго благоразумиа. Приимь беззлобиемь «словесное и нелестное млеко», акы неискусозлобнии младенци, да явимся прямѣ исправивше Спасово повелѣние, глаголющее: «Аще не обратитеся и будите яко же дѣти, не имате внити въ царствие небесное». И пакы: «Аще кто не прииметь царствие божие, акы дѣтищъ, не можеть внити в не». «Царство божие» нарицая Владыка здѣ евангельскую проповѣдь, сирѣчь елика, самъ услышавъ у отца своего, открылъ своимъ ученикомъ. Якова же суть: заповѣди, таиньственыя притчи, яже о неблазненом богоразумии догматы, елика о присносущьствѣ Отца, и Сына, и святаго Духа — единого божества, и господьства, и царства, елика о безсмертии душевнѣм и о будущемъ напослѣдокъ общемъ въскресении, и о въздаянии живших

то есть да будет проклят. Понимаешь ли из этого, что и немцы, и латиняне подлежат той же апостольской анафеме как чуждые учения вкладывающие в мысли благочестивых.

Постарайся же, бога ради постарайся, отрекись от такого немецкого обмана и исповедуй прямо и чисто с боговдохновенным Давидом и с пророчицей Анной, которые говорят так, открыто и без хитрости всякой: «Господь делает нищим и обогащает, унижает и возвышает, из праха подъемлет он нищего и из брения возвышает убогого». Для чего, скажи нам, о священная пророчица? «Чтобы посадить его,— говорит она,— с сильными среди людей и престол славы в наследие дать ему». Не фортуной баснословной и вращѐнием колеса, но пророком святым прежде Саула, а потом Давида помазал господь в цари, этого взяв от паствы овец, «от доилиц», как написано, а того, когда он искал пропавших ослят отца своего. Также разумно обдумай и то, как Иосиф блаженный прославился в Египте, так что признавался вторым после фараона властителем всего Египта; также о том, как Моисей на такую высоту был вознесен — по предначертанию и мановению божьему, а не слепым счастьем и вращением колеса. Чуждо это, вполне чуждо и неизвестно святым писаниям учение о фортуне латинской, возлюбленный мой брат и господин! По этой причине оно далеко отгоняет от собрания православных, придерживающихся этого богопротивного учения. Таковые оказываются не с Христом собирающими пшеницу чистую, то есть веру пречистую и непорочную в небесные его житницы, которые суть сердца и мысли православно верующих в него, а напротив, высыпают они из себя и слушающих их вложенное свыше в мысли их божественное сокровище, то есть православные догматы о праведнейшем промысле божьем. О том, что не было написано боговдохновенными пророками и апостолами, не подобает нам мудрствовать, строго заповедует великий всей вселенной светильник Иоанн Златоуст.

Будем же пребывать в пределах неложного благоразумия. Будем пить незлобиво «словесное и чистое молоко», как не знающие злобы младенцы, чтобы точно исполнить нам повеление Спасителя, сказавшего: «Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в царство небесное». И еще: «Кто не примет царство божие как дитя, не может войти в него». «Царством божиим» называет Владыка здесь евангельскую проповедь, то есть то, что, сам услышав от отца своего, открыл своим ученикам. Это суть: заповеди, таинственные притчи, догматы о неложном богопознании, то есть о вечном бытии Отца, и Сына, и святого Духа — единого божества, и господства, и царства, о бессмертии души и о грядущем в конце света общем воскресении, и о воздаянии жившим

благочестиво и богоугодно, и о бесконечном мучении не покоршихся апостольстѣй проповѣди, нечестиво живших. Сия вся и подобная симъ апостольскыя и пророчьскыя догмы же и предания единымъ словомъ Спасъ «царствие божие» нарече, яже и хощеть нас просто и съ всякою вѣрою и благоговѣиньством приимати и твердѣ въ себѣ въдрузити, им же образом и незлобивии дѣти без испытания приимають наказания своихъ учителехъ, иже и вѣрою, и благопокорьствомъ еже къ наказателемъ достизають съвръшенное познание священных писаний и словесных наказаний. Такожде подобаеть и намъ прилѣжати къ преданымъ намъ от самого Спаса нашего, и святыхъ его ученикъ, и апостолъ, и вселенскых съборъ догматом же и завѣщаниомъ, ниже приложити что к нимъ отнудь, ниже пакы уложити по правому уставу богоносных отецъ наших, их же святыми молитвами да сподобимся получити часть спасаемыхъ, аминь.

благочестиво и богоугодно, и о бесконечном мучении не покорившихся апостольской проповеди, нечестиво живших. Все эти и подобные им апостольские и пророческие догматы и предания Спаситель наименовал одним словом «царство божие» и желает, чтобы мы это просто и с полной верой и благоговением приняли и твердо себе усвоили, как незлобивые дети без рассуждения принимают наставления своих учителей, благодаря вере и покорности наставникам достигая совершенного знания священных писаний и словесных наук. Так следует и нам прилежно держаться данных нам самим Спасителем нашим, и святыми его учениками, и апостолами, и вселенскими соборами догматов и завещаний и отнюдь ничего к ним не прибавлять и не убавлять по правильному установлению богоносных отцов наших, святыми молитвами которых да сподобимся получить удел спасаемых, аминь.

ТОГО ЖЕ ИНОКА МАКСИМА ГРЕКА ПОВѢСТЬ СТРАШНА И ДОСТОПАМЯТНА И О СЪВРЪШЕНОМ ИНОЧЬСКОМЪ ЖИТЕЛЬСТВѢ

Повѣсть нѣкую страшную начиная писанию предати, молю прочитающих списание сие не мнѣти имъ мене чрез естественая лжущаго. Послухъ же имъ от мене тъй самъ богъ, иже вѣсть тайная, яко истину пишу, ю же самъ не точию писану видѣх и прочтохъ, но и слухом прияхъ от мужей достовѣрных, сирѣчь добродѣтелию жития и премудростию многою украшених, у них же азъ, зѣло юнъ сый, пожих лѣта доволна. Но ниже оно ихъ да в сумнѣние влагаеть, яко у мужех, латыньская учения любящихъ, сицево преславное учюдотворися хотящемъ «всякого человека спастися и въ разумъ истинный приити». Обычай бо есть божественѣй благости вездѣ всѣмъ человеком простирати неизреченная дарования и благотворения своих щедрот, всѣмъ вкупѣ сущимъ под небесемъ являя себе образом симъ и обращая къ себѣ все творение свое, иже «въсияеть солнца своего на злыя и благыя и дождить на праведныя и неправедныя». Но сия убо сице и дотолико, нынѣ же время начяти повѣсть.

Паризиа градъ есть нарочит и многочеловеченъ въ Галиехъ, яже нынѣ глаголются Франза — дръжава велия, и преславна, и богатящи бесчислеными благыми, их же пръвое и изрядно есть — еже о философьских и богословьских догматѣх наказание же и тщание, туне подаема всѣмъ вкупѣ рачителемъ сицевых изрядных учений. Казателемъ бо сицевыхъ учений оброкы обилны даются по вся лѣта от царскых съкровищъ, по многому любочестию царствующаго тамо и его же имать желанию о словесном художьствѣ. Тамо обрящеши всякое художьство не точию нашего благочестиваго богословия и философии

ТОГО ЖЕ ИНОКА МАКСИМА ГРЕКА ПОВЕСТЬ СТРАШНАЯ И ДОСТОПАМЯТНАЯ И О СОВЕРШЕННОЙ ИНОЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Приступая к написанию некоей страшной повести, прошу читающих сочинение это не подумать обо мне, что я лгу о небывалом. В свидетели им предлагаю самого бога, который знает тайное, что я об истинном пишу, что сам не только написанным видел и прочел, но и слышал от мужей правдивых, то есть добродетельной жизнью и мудростью многой украшенных, у которых я, будучи еще очень юным, прожил долгие годы. Пусть же у читателей сомнения не вызывает и то, что у людей, латинские учения любящих, свершилось такое славное чудо по воли хотящего, чтобы «все люди спаслись и достигли познания истины». Ибо в обычае божеской благости везде всем людям распространять неизреченные дары и блага от своих щедрот, являя себя таким образом всем вместе в поднебесной и обращая к себе все творение свое, так как бог «повелевает солнцу своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных». Но об этом достаточно, теперь же время начать повесть.

Париж — город славный и многолюдный в Галлии, которая ныне называется Францией — держава великая, и славная, и богатая бесчисленными благами, а из них первое и лучшее — забота и усердие относительно философских и богословских догматов, даром преподающихся всем, стремящимся к таким превосходным наукам. Ибо преподавателям этих наук плата значительная выдается ежегодно из царской казны, так как тамошний царь имеет великую ревность и заботу о словесных науках. Там преподаются всякие науки не только по части нашего благочестивого богословия и священной

священныя, но и внѣшняго наказания всячьская учения, въ совершенно достижение свое руководяща рачителя своя, их же множество многочислено зѣло, яко же слышах от нѣкых. Отвсюду бо западных странъ и сѣверьскых събираются въ предреченном великом градѣ Парисии желаниемъ словесных художествъ, не точию сынове простѣйших человекъ, но и самѣх иже въ царскую высоту и боярскаго и княжескаго сана: овѣх убо сынове, овѣх же братия, овѣх же внучята и инако сродникы. Их же кождо время доволно въ учениих прилѣжно упразднився, възвращается въ свою страну, преполонъ всякыя премудрости и разума. И есть сицевый украшение и похвала своему отечьству, съвѣтникъ бо ему есть предобръ, и предстатель искусенъ, и споспѣшникъ ему бодрѣйшый въ вся, елика потребна ему будут. Такымъ подобаеть быти же и бывати своим отечьствомъ, иже у нас о благородии и изобилии богатства зѣло хвалящеися, иже, от священнаго наказаниа словесных учений наставляеми и просвѣщаеми, възмогут не точию сами своимъ непохвалным страстем одолѣти, и о внѣшном женолѣпномъ украшении не радити, и внѣ сребролюбия и всякого лихоиманиа себе блюсти, но еще и иныхъ понудят подражателемъ ихъ бывати, любителемъ всякого богоугоднаго житльства. Но сия убо сице и дотолико.

Въ всечестномъ убо градѣ семъ бысть нѣкый мужь, многъ въ всякой премудрости внѣшнѣй, и еже по нас священномъ богословии учитель велик, и пръвый сущих тамо сказателей, его же имя не познах ниже бо слышах когда у кого. Сей сицевый и толь чюденъ и преименитъ мужъ, растлъкуя, яко же оному обычай, своимъ учеником блаженаго апостола Павла богословьскыя гласы, надменъ бывъ мыслию от вселшагося в немъ многоученаго разума, изыде «велерѣчие, — по Писанию рещи,— от устъ» его, и глагола, не обинуяся: «Сицево богословное речение ниже самъ Павелъ възможе достизати и изъяснити, яко же азъ». Оле безумнаго оного велерѣчия, и дръзости, и многолѣтнаго неразумия! Како не разумѣ Спасово спасително завѣщание, глаголющее: «Нѣсть ученикъ паче учителя своего»; и пакы: «Довлѣеть ученику, да будет яко же учитель его»? Но аще и онъ забы владычняго сего завѣщания, но божий суд, иже всегда гръдымъ противляется, не замедли, но абие его достиже, и мертва его абие показа, и безгласна сътвори бывшаго преже велегласна и велерѣчива; и онъ убо мертвъ уже и безгласенъ являшеся на учителнѣм своемъ сѣдалищи. Прилучившии же ся тогда ту мнози числом оного ученикы, ужасни и пристрашни бывше о случившемся по воли всяко неумытнаго судии, снемше его оттуду и на одрѣ преклонше, въ церковь его отнесошя

философии, но и о внешней мудрости всяческие науки, которые доводят ревнителей своих до совершенного познания, а этих ревнителей там великое множество, как я слышал от некоторых. Ибо со всех западных стран и северных собираются в упомянутый великий город Париж одержимые стремлением к словесным наукам не только дети простых людей, но и родственники достигших царского престола или боярского и княжеского сана: у одних там сыновья, у других братья, у иных же внуки и прочая родня. Каждый из них, достаточное время пробыв в учении прилежном, возвращается в свою страну, исполненный всякой премудрости и разума. И он служит украшением и предметом похвалы для своего отечества, для которого он становится советником прекрасным, и руководителем опытным, и помощником рьяным во всем, в чем потребность будет. Такими должны быть и становиться для своего отечества те, которые у нас благородством и обилием богатства весьма хвалятся и которые, священным учением словесных наук наставляемые и просвещаемые, смогут не только свои собственные непохвальные страсти одолеть, и о внешнем женоподобном украшении не заботиться, и свободными от сребролюбия и всякого лихоимства себя сохранять, но еще и других заставят подражать себе, любить всякую богоугодную жизнь. Но об этом достаточно.

Итак, в знаменитом городе том был некий муж, искушенный во всякой премудрости внешней, и нашего священного богословия учитель великий и первый из числа бывших там наставников, а имени его я не узнал и не слышал его никогда ни от кого. Этот-то, столь удивительный и знаменитый муж, объясняя, по обыкновению своему, своим ученикам богословские изречения блаженного апостола Павла, возгордился в мыслях по причине имевшихся у него многогранных познаний, и вырвалось, говоря словами Писания, «велеречие из уст» его, и он сказал, не устрашившись: «Это богословское изречение даже сам Павел не мог постигнуть и объяснить, как это сделал я». О, какое это безумное велеречие, и дерзость, и многолетнее неразумие! Как не понял он спасительного завета Спасителя, гласящего: «Ученик не выше учителя своего»; и еще: «Довольно для ученика, чтобы он был как учитель его»? Но если он и забыл этот завет владыки, то божий суд, который всегда гордым противится, не замедлил, но тотчас его настиг, и мертвым его тут же сделал, и безгласным сотворил бывшего прежде громогласным и хвастливым; и вот он уже мертв и безгласен на учительском своем месте. Оказавшиеся же тогда там многочисленные его ученики, ужасом и страхом охваченные из-за случившегося по воле ничем не подкупного судьи, сняв умершего оттуда и положив в гроб, в церковь его отнесли

и обычными пѣнии съвръшаемых над мертвыми скончявше. О страшнаго слышания: умерый оживе и, сѣд на одрѣ, възопи: «Поставленъ есмь предъ судиею». И, сие рекъ, пакы мертвъ възлеже без дыхания и без гласа. Предстоящим же и ужасающимся о бывшем необычномъ зрѣнии и слухѣ и еже «Господи помилуй» и съ страхом зѣлным въпиющим на много время, пакы умерый, оживъ, глагола: «Испытанъ есть». И пакы умерый възлеже на одрѣ, и пакы болши страхъ предстоящим, излишний ужасъ, и: «Погребание не спѣшим,— глаголютъ,— услышим, что конець необычнаго сего зрѣния». Пакы умерый, оживъ, послѣдний глас испусти, рекъ: «Осужен есм». И к тому не приложи ожити и глаголати. Таковъ бысть конець пресловутому оному казателю, и такова въздаания безумнаго оного възнесения, преслушавшаго божественаго проповѣдника, глаголющаго: «Разумъ убо кичить, а любви съзидаеть».

Оттолѣ убо ученици его, мнози суще числомъ, и благородни, и пребогати юноша, зазрѣвше маловременных красных суетнаго сего жития, и тщаниа излишняго еже о учениих, и славу суетную, прибываемую имъ от них — вся сия презрѣвше и оплювавше, отрекошася единомыслиемъ всѣх житейскых печалей, и, своя стяжания и имѣния убогым и нужным раздавше по евангельской заповѣди, устремишася единодушно на мѣсто далече, идѣ же манастырь съоруживше себѣ, и мала стяжанища монастырю отдѣливше на прокръмление себѣ, иночьское житие възлюбишя, правило и мѣру нову себѣ, не всякому удобь съвръшаему, уставивше такову: въ своей кѣлии комуждо ихъ жити единому, не происходящу выну и небесѣдна, молчание любяща съвръшено не токмо у себе, но и въ уставленых в церкви събраний, кротостию многою и млъчаниемъ съвръшати сих богови, ничто же отнудь житейско глаголющих меж себе; ясти же комуждо въ своей келии приносимая ему общимъ ихъ служебником, не дверию оного лазящим к нему — сие бо отречеся отнюдь, но въ еже подлѣ двери дѣланом окнѣ положити уставленая имъ брашна, не якова кождо въжделѣеть, но якова убо настоятель ихъ указалъ строителю обители; събирати же ся имъ въ трапезу по вся недели и по вся нарочиты праздникы. За кождую кѣлиею их садець малъ на мало имъ прохлажение, и кладезець малъ под самымъ окном, и черпало мѣдяно есть, в келиях же ихъ ничто же ино обрящеши, развѣ мало книгъ и яже носит рубища. Гдѣ у нихъ особно нѣкое желаемо брашно, или питие, или овощъ нѣкый, иил что ино, наслажающе грътань? Гдѣ у них стяжание сребра и злата? Гдѣ у них празднословие, или скврънословие, или смѣх безвременен и безчиненъ?

и совершили положенное над умершими обычное пение. Но, о страшный рассказ: мертвый ожил и, сев в гробе, воскликнул: «Я поставлен пред судьей». И, сказав это, опять мертвым опустился без дыхания и без гласа. В то время, как присутствующие были в ужасе от того, что они увидели и услышали и «Господи, помилуй» долго с великим страхом взывали, вновь мертвый, ожив, сказал: «Я испытан был». И вновь мертвый опустился в гроб, и вновь еще больший страх объял присутствующих, великий ужас, и «с погребением не будем спешить,— говорят они,— услышим, чем кончится необычное это явление». Вновь умерший ожил и последний звук издал, сказав: «Я осужден». И больше уже не оживал и не говорил. Таков был конец знаменитого этого наставника, и таково было возмездие за безумное превозношение того, кто ослушался божественного проповедника, говорящего: «Но знание делает гордым, а любовь назидает».

С тех пор ученики его, многие числом, и благородные и богатые юноши, презрев преходящие красоты суетной этой жизни, и усердие излишнее в науках, и славу суетную от этих наук,— все это презрев и отвергнув, отреклись дружно от всех житейских забот, и, свои богатства и имения нищим и нуждающимся раздав, согласно евангельской заповеди, устремились единодушно в отдаленное место, и там монастырь устроили себе, и, малую часть богатств монастырю отделив на пропитание себе, иноческое житие возлюбили, новое правило и порядок, не для всякого легко выполнимые, такие себе установили: каждый обязан жить один в своей келье, не выходя наружу и ни с кем не беседуя, возлюбив совершенное молчание не только у себя, но и во время установленных в церкви собраний, а эти собрания с великой кротостью и в молчании посвящать богу и ни о чем житейском ни в коем случае не говорить между собой; есть же каждый должен в своей келье то, что приносится ему общим слугой, причем этот слуга не через дверь входит к иноку,— что запрещено было строго,— но подает через окно, устроенное возле двери, положенную пищу, не ту, какую бы кто пожелал, но какую настоятель их указал строителю обители; а собираться в трапезную они должны каждое воскресенье и по всем большим праздникам. За каждой кельей был у них маленький садик на малую им утеху, и колодец маленький под самым окном, и ковш медный, а в кельях у них не найдешь ничего другого, кроме нескольких книг и рубища, которое они носят на себе. Где у них особая какая-нибудь вкусная пища, или напиток, или какие-нибудь овощи, или что-нибудь другое, услаждающее гортань? Где у них накопление серебра и золота? Где у них празднословие, или сквернословие, или смех несвоевременный и бесчинный?

Пияньство же и преизлишие сладкых ядений ниже слышится у них; сребролюбие же, лихоимание, и росты, и лукавый нравъ мрѣзко у них и проклято слышание; одѣяния же их власяна и вся бѣла, чистоту жития ихъ и пребывания образующа; лжа же, и ослушание, и прекословие исчезошя вся у них в конець. Гдѣ у них отметание обѣтъ, их же дашя богови, внегда стригошя влася? Никако же убо обрящиши, много трудився! Но ниже ину обитель по прехожению частому знають,— яко же мы преходимь бесчинно и кромѣ обѣтъ наших от обители нашея ко иной, легкостию ума нашего, преслушающе бога и Спаса нашего, повелѣвающаго намъ своимъ Евангелием: «В ню же аще храмину внидете, в той пребывайте, донде же изыдете», и не преходите от храмины въ храмину. Что к симъ отвѣщаимъ мы страшному и неумытному судии? Глаголеть бо сице явѣ и отрицателнѣ: «Всякъ, слышай словеса моя сия и не творит я, уподобится мужу бую», и прочая, явлена суть всякому. Безотвѣтни убо есме и буи у него възмнимся акы без ума преступающе святыя заповѣди его.

Услышим же ино ихъ строение, зѣло богу угодно и спасително възлюбившим иночьское житие. Усмотривше они премудрѣ, яко рѣткости для произволяющих равноаггельное иночьское жительство и за скоросмертное человеческаго роду сущая вездѣ страны онѣх обрѣтаеми обители честныя,— ови убо преплъни суть иноковъ, и священниковъ, и диаконовъ, ови же супротивно лишаются коегождо иноческаго чина настоятели и началникы. Различни бо иночьстии чинове суть у латынѣх, а не единъ, яко же у нас. Настоятель всякого чина, его же зенералемъ наричют, повелѣваеть въ онсица град събратися всѣмъ игуменом и началникомъ вездѣ сущих манастырех на разсмотрение и исправление поспѣшествующих къ спасению и пребыванию иноковъ и манастырей ихъ. И по повелѣнию его събираются вси без извѣта в он же аще град онъ уставить. И вси они исплънени всякыя философии и разума богодухновеных писаний, числом тысяща есть, егда и паче тысящи, и сихъ всѣхъ питаеть град, вън же събираются, въ елико время живут в нем. В нем же по вся дни събираеми вкупѣ, разсмотряють по бозѣ исправление манастырей, боголѣпное строение, и в коей обители аще услышать скудость быти священников, и диаконовъ, и простых иноковъ, приимше от иныя многолюдныя обители, посылають тамо с писаниемъ соборным. И ниже обитель, из нея же взяти бышя, не скорбит, ни противится, ниже к ней же послани бышя преслушають съборнаго устава, но и обоя съ всякою радостию и послушаниемъ повинуется

О пьянстве же и избытке вкусной еды даже и не слышно у них; сребролюбие же, и лихоимство, и ростовщичество, и лукавство почиталось у них мерзким и проклятым; одежда была у них власяная и вся белая, обозначающая чистоту их жизни и существования; а ложь, и ослушание, и пререкание исчезли у них окончательно. Где у них отвержение обетов, которые они дали богу, когда постригались? Ничего этого не найдешь, даже много потрудившись! Но и других обителей, как это бывает из-за переходов частых, они не знают,— не как мы переходим бесчинно вопреки обетам нашим из обители нашей в другую, по легкомыслию ума нашего, нарушая указания бога и Спасителя нашего, повелевающего нам в своем Евангелии: «В какой дом войдете, там оставайтесь, пока не выйдете», а не переходите из дома в дом. Что на это мы ответим страшному и неподкупному судье? Ибо он так говорит непреложно: «Всякий, кто слушает сии слова мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному», и прочее, что известно всякому. Нет у нас ответа, и мы будем признаны им безрассудными как безумно преступающие святые заповеди его.

Услышим и о другом их порядке, весьма угодном богу и спасительном для возлюбивших иноческую жизнь. Усмотрели они премудро, что по причине редкости избравших ангелоподобную иноческую жизнь и вследствие краткости человеческого существования имеющиеся всюду в стране их честные обители,— одни переполнены иноками, и священниками, и дьяконами, а в других, напротив, настоятели и наставники монашеских орденов терпят недостаток в них. Ибо у латинян существуют различные монашеские ордены, а не один, как у нас. Настоятель каждого ордена, которого называют генералом, повелевает в такой-то город собраться всем игуменам и начальникам из всех монастырей для рассмотрения и исправления того, что содействует спасению и существованию иноков и их монастырей. И по повелению его собираются все без отговорок в тот город, какой он назначит. И все они люди сведущие во всякой философии и в смысле боговдохновенных писаний, иногда их тысяча, а иногда и больше тысячи, и всех их кормит город, в который они собираются, пока они живут в нем. В этом городе во все дни собираясь вместе, они рассматривают по божьей воле порядок в монастырях, их богоугодное устройство и если узнают, что в какой-либо обители имеется недостаток в священниках, и дьяконах, и в простых иноках, то, взяв из другой многолюдной обители, посылают их туда с соборным посланием. И ни та обитель, из которой они взяты, не скорбит и не противится, ни та, куда они посланы, не ослушивается соборного постановления, но обе с большой радостью и послушанием повинуются

съборному уставу: ова убо обитель отпущающи братию с миром, ова же приимающи съ всякымъ братолюбиемъ акы своя уды. И сице обрѣтаются исполняюще глаголющее священное слово: «Пришлець азъ есмь и преселникъ, яко же вси отци мои». Таково у них съвръшено братолюбие есть и благопокорство къ настоятелем своимъ. Нѣсть у них ничто же свое, но вся обща, нестяжание же любят акы велие благо духовное, съблюдаетъ бо ихъ в тишинѣ, и всякой правдѣ, и неколебании помысловъ, и внѣ всякого сребролюбия и лихоимания.

Тако же събор ихъ сие расмотряеть и исправляет, яже о игуменѣх манастырскыхъ. И елико аще ихъ увѣдят бесчинно и не по преданому правилу и мѣрѣ строяющих братию, скинуть ихъ, и *епитимиамъ* приличным подлагают, и, иных избравше, отпущають съ грамотами събора въ порученых имъ манастырѣхъ. Сия же и ина нѣкая сицева добрѣ и богоугоднѣ вкупѣ разсмотривше и исправивше, расходятся, и кождо спѣшит къ своей обители. Предъизбранный же от събора зенераль, еже есть по-рускы съборный призиратель и посѣтитель, всѣх вкупѣ честных обителей своего чина беспрестани обьежжаеть, посѣщая игумены монастырскые, како убо кождо строитъ братская и манастырьская, и аще убо благочинно и яко же господеви угодно есть—похвала ему от него и утвръжение, аще же не таковъ—скинувъ его, *епитимиямъ* подлагает и иного вмѣсто его поставляет. И чиномъ симъ предобрѣйше строятся яже у них честныя обители о всяком благочинии и благоговѣиньствѣ иночьском, съузомъ священныя любве съдръжими же и утвръжаеми. Такоже подобаше и у нас, православных, строитися яже о нас, иноцѣх, и богоносных отець съборы избиратися игуменомъ священных манастырей, а не дары сребра и злата, приносимыми народнымъ писаремъ, игуменскыя власти искати хотящему, их же множайшии ненаказани отнюдь въ божественых суть и бесчинникы житиемъ, въ пиянствѣ всегда и пищи всякой упражняющеся сами, а сущии под рукою ихъ братия, презираеми тѣлеснѣ и небрегоми духовнѣ, скитаются безпутиемъ, яко же овци, не имуще пастыря. Увы, увы, пощади, господи, пощади!

Елма же нѣции, отъ самолюбия и славолюбия ослѣпляеми, глаголють: како и откуду питаются, любяще съвръшено нестяжание,— азъ и сие покажу имъ, поне же сами волею слѣпотуют къ евангельской истинѣ, от самолюбия и славолюбия побѣждаеми. Не слышасте ли, о предобрии, спаса нашего Исуса Христа, глаголющаго священным учеником своимъ: «Не пецѣтеся душею вашею, что ясте и что пиете, ниже тѣлом своимъ, въ что облечетеся. Взыскуйте же

соборному постановлению: одна обитель отпускает братию с миром, а другая принимает с великой братской любовью как свои члены. И таким образом оказываются они исполнителями священных слов: «Странник я и пришелец, как и все отцы мои». Таково их совершенное братолюбие и покорность настоятелям своим. Нет у них ничего своего, но все общее, нестяжательство они любят как великое благо духовное, ибо оно сохраняет их в спокойствии и во всякой правде, и в твердости помыслов, и вдали от всякого сребролюбия и лихоимства.

Таким же образом собор их рассматривает и исправляет и то, что касается игуменов монастырей. И если о каких из них узнают, что они бесчинно и не по установленному порядку и правилу управляют братией, таких смещают, и епитимию заслуженную на них налагают, и, других избрав на их место, посылают с грамотами от собора в порученные им монастыри. Все это и подобное этому правильно и богоугодно сообща рассмотрев и упорядочив, они расходятся, и каждый спешит в свою обитель. Избранный же собором генерал, что значит по-русски соборный наставник и надзиратель, все без исключения честные обители своего ордена постоянно объезжает, проверяя игуменов монастырей, как каждый из них управляет братьями и монастырскими делами, и если он делает это благочинно и как угодно господу — похвала такому от генерала и утверждение, если же игумен не таков — сместив его, генерал налагает на него епитимию и другого на его место ставит. Таким способом незыблемо укрепляются их честные обители во всяком благочинии и благоговении иноческом, в союзе священной любви содержась и утверждаясь. Так следовало бы и нам, православным, устраивать в отношении нас, иноков, и чтобы соборами богоносных отцов избирались игумены священных монастырей, а не так, чтобы дарами серебра и золота, даваемыми народным писарям, игуменские места достигались желающими, из числа которых многие совсем не обучены предметам божественным и ведут бесчинную жизнь, упражняясь всегда сами в пьянстве и во всяком чревоугодии, а находящиеся под их управлением братья, лишенные заботы об их телесных потребностях и в небрежении духовном, скитаются по бездорожью, как овцы, не имеющие пастыря. Увы, увы, пощади, господи, пощади!

Если же некоторые, самолюбием и славолюбием ослепляемые, спросят: как и чем они питаются, любя совершенное нестяжательство,— я и это покажу им, ибо они сами добровольно закрывают глаза перед евангельской истиной, самолюбием и славолюбием побеждаемые. Не слышали ли вы, добрейшие, спасителя нашего Иисуса Христа, говорящего священным ученикам своим: «Не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Ищите же

преже царствия божия и правды его, и сия вся приложатся вамъ». Сию владычнюю спасителную заповѣдь и поучение съблюдающе, они не пекутся, како пристяжут изъобилие имѣний, и стяжаний, и стада всячьскых скотовъ, ниже велия съкровища на земли, злата и сребра. Едино у них преизобилно стяжание и съкровище неистощаемо есть — прилѣжнейше съблюдение и скончание всѣхъ евангельскых заповѣдей, ими же скоро и удобь исправляется у них главизна добродѣтелей — любовь, яже къ богу и ближнему своему, ея же ради день и нощь тружаются въ святыхъ Писаниихъ, ими же просвѣщаеми паче и паче разжигають себѣ углие божественых желаний, от них же двизаеми и възставляеми млъчати не тръпять слово спасително и учително еже о славѣ божии, и учяще беспрестани въ церкви люди господня, и свѣдѣтелствующе всякому человеку неисчетное человеколюбие и благость яже къ живущимъ, яко же угодно есть богу, и свое спасение страхом его съвръшающим; такожде възвѣщающе и нестерпимый его гнѣвъ и ярость яже на прогнѣвающая безпрестани неизглаголанное его длъготрътѣние всякыми беззаконии, и неправдовании, и студодѣании. Таковых убо себе дающе беспрестани людем и акы чадолюбивии отцы пекущеся безпрестани о спасении многых, честни бывают всѣмъ вкупѣ и любими, его же ради съ всякым благодарениемъ и добрымъ изволениемъ прилагають имъ вседневную пищу и прочяя, елика къ житию потребна суть.

Но добро мнѣ повѣдати вамъ и образъ подаанию: есть бо не худаго смиреномудриа показание. По вся дни настоятель обители отпущаеть мниха два, имуща кождо мѣхъ лняной, на лѣвом плечѣ висящь, иже, вшедше въ град, обходят домы, сущыя въ единой улици, и просят о имени господни хлѣбы на братию, и, наплънивше мѣхы чистых пшеничных хлѣбовъ, возвращаются въ обитель свою. Симъ образом по вся дни добывают себѣ вседневную пищу, премѣняюще улици градскыя. И просящеи кыи и какыя? Иже дотолѣ благороднии и пребогатии, подражающе господне убожество, волею обнищаютъ и без стыда служат потребамъ своея обители, кромѣ роптания и размышлений. А смиреномудрие игуменъ ихъ и еже на обѣдѣ благочиние кто, слыша, не ужаснется? Нѣсть видѣти у них жезлъ, носимый в рукахъ,— ни внутрь манастыря, ни внѣ, ниже въ время божественых пѣний; ни лучшими одѣянии паче иных братия украшаемых. Въшедше же въ трапезу и «Отче нашь», яко же и у нас обычай есть, предрекше, сядут по ряду тихо и съ всякымъ благочиниемъ, предложеным уже хлѣбом имъ не на средѣ трапезы, яко же обычай у нас, но прямо их на край трапезы — единому комуждо

прежде царства божия и правды его, и это все приложится вам». Эту спасительную заповедь владыки и поучение соблюдая, они не пекутся о том, как приобрести в изобилии имения, и богатства, и стада разного скота или большие земные сокровища, золото и серебро. Одно у них в изобилии богатство и сокровище неистощимое — прилежнейшее хранение и исполнение всех евангельских заповедей, посредством которых скоро и удобно достигается ими самая главная добродетель — любовь к богу и ближнему своему, ради чего они день и ночь трудятся в изучении святых писаний, просвещаемые которыми они более и более разжигают в себе угли божественных желаний, движимые и руководимые которыми, они не могут умалчивать спасительное и учительное слово во славу божью и поучают непрестанно в церкви людей господних, доказывая всякому человеку неизмеримое человеколюбие и благость господню к тем, которые живут, как угодно богу, своего спасения страхом божьим достигают; также возвещают и нестерпимый его гнев и ярость против непрестанно вызывающих гнев неизреченного его долготерпения всякими беззакониями, и неправдами, и постыдными делами. Так непрестанно посвящая себя служению людям и как чадолюбивые отцы заботясь непрестанно о спасении многих, они у всех находятся в чести и всеми любимы, и потому все с великой благодарностью и с добрым расположением предлагают им ежедневно пищу и прочее, что для жизни необходимо.

Но следует мне рассказать вам и о способе подаяния: ибо он служит свидетельством немалого смирения. Каждый день настоятель обители отпускает двух монахов, у каждого из которых сума льняная, на левом плече висящая, и они, войдя в город, обходят дома, находящиеся на одной улице, и просят господа ради хлеба на братию, и, наполнив сумки чистым пшеничным хлебом, возвращаются в обитель свою. Таким способом они каждый день добывают себе пищу на день, переменяя городские улицы. Но кто и каковы эти просители? Это бывшие прежде благородные и богатейшие люди, которые, подражая господней нищете, добровольно делаются нищими и не стыдятся послужить нуждам своей обители, без ропота и раздумий. А кто, услышав о смирении игуменов их и благочинии во время обеда, не ужаснется? Не увидишь у них в руке жезла — ни внутри монастыря, ни вне его, ни во время божественного пения; не видно и чтобы они лучшими, чем другие братья, одеждами украшались. Войдя же в трапезную и прочитав предварительно «Отче наш», как и у нас принято, сядут они по порядку тихо и со всяким благочинием, а хлеб уже положен у них не посередине стола, как у нас принято, но напротив каждого на краю стола — каждому из них

колачь цѣлъ, и подлѣ ножь, и ложка, и стькляница празд-на. И никто же смѣеть преже игумена взяти свой хлѣбъ к себѣ, ниже урѣзавше, вкусити. Два же юны иноци входят, нося кождо на дщицѣ тонцѣ уготованое имъ брашно въ ставцѣхъ оловяных, и, наченше от послѣдних, простирають имъ ставченосну дщицу, и кождо своею рукою емлеть ставець, послѣ же всѣх игуменъ ихъ емлет и тъй ставець. И еще не смѣють коснутися хлѣбу, донде же учиненый инокъ чести начнеть чтения. И наченшу ему, ударяеть абие игуменъ трижды висящь предъ собою колоколець. Тогда сам же настоятель емлет к себѣ предложеный ему колачь, такожде и прочии. Ядущим же имъ, входить винолѣй и, наченъ от послѣдняго, наплъняеть вина по ряду стькляниця ихъ такожде. И аще ино что брашно внесено будет, от послѣдних начинаеть служай предложити даже до игумена. А по ядении стояще начинают благодарственыя пѣсни, и поюще исходят ис трапезы по два по два благочинно, и вшедше въ церковь, ту отдаваютъ благодарственыя пѣсни.

Услышим же и ино ихъ богоугодно и спасително умышление, его же умыслишя на съвръшено искоренение всякого злаго и худаго ихъ обычая. Заповѣдь дана бысть от игумена сущим у них священником и диаконом назирати другъ друга въ всю седмицу, гдѣ и въ чемъ кто съгрѣшилъ есть въ словѣ или въ ином нѣкоемъ бесчинии, и сицево прегрѣшение възвѣщати игумену. Вечеръ убо всякыя суботы по нефимоне събирает игуменъ всѣх въ учиненом нѣкоемъ притворѣ. И събравшимся имъ, первѣе творит учение духовно новоначалникомъ и прочим простымъ братиямъ и, научивъ ихъ довольно, отпущаеть когождо въ келию его съ млъчаниемъ многым и безмлъвиемъ. Оставшеи же у него священници и диакони, научени бывше и они доволно от него, повелѣваеми бывають открыти кождо ему, аще в чем видѣ нѣкоего съгрѣшивша: или въ словѣ, или въ смѣсѣ бесчинномъ, или яростию, или инымъ кыимъ сицевымъ прегрѣшениемъ. И открывшим ему съгрѣшенная имъ по всей седмици, сицевою епитемиею и исправляеть ихъ: повелѣваеть имъ приклонитися на колѣнех на землю и правое плечо свое обнажити. И повелѣное абие сътворшимъ, инокъ единъ, повелѣвшу игумену, имѣя въ деснѣй руцѣ прутие строгано, въ образѣ вѣника, ходить по ряду, бия ихъ по нагу плѣча, глаголющих 50 псалом. И сице отпущаются съ благословениемъ въ своя ихъ келия.

Познавше убо, како и откуду даются имъ вседневныи колачи, нынѣ же услышим, откуду прибываеть и прочая потребная брашна по божию промыслу. Градовом жителие от многаго

целый калач, и рядом нож, и ложка, и чарка пустая. И никто не смеет прежде игумена взять себе свой хлеб или, разрезав его, попробовать. Тогда два юных инока входят, и каждый из них несет на тонкой дощечке приготовленное для братии кушанье в чашках оловянных, и, начав с последних, протягивают инокам эти дощечки с чашками, и каждый своей рукой берет чашку, а после всех уже и игумен берет чашку. Но еще не смеют они коснуться хлеба, пока назначенный инок не начнет читать положенное чтение. Когда же он начнет, то игумен ударяет трижды в висящий перед ним колокольчик. Тогда сам настоятель берет положенный перед ним калач, также и остальные. Когда они едят, входит виночерпий и, начав с последнего, наполняет также вином по порядку чарки их. И если другое какое кушанье будет принесено, и его прислуживающий предлагает, начиная с последних вплоть до игумена. После еды они встают и начинают петь благодарственные молитвы, и с пением выходят из трапезной попарно и благочинно и, войдя в церковь, здесь заканчивают благодарственные песни.

Услышим и о другом их богоугодном и спасительном установлении, которое они придумали для полного искоренения всяких дурных и плохих своих привычек. Приказание дается игуменом имеющимся в обители священникам и дьяконам наблюдать друг за другом в течение всей недели, когда и в чем кто согрешит словом или другим каким-нибудь бесчинием, и о таком прегрешении извещать игумена. Вечером же каждую субботу после мефимона собирает игумен всех в назначенном для этого помещении. И когда все соберутся, то сперва игумен читает поучение духовное послушникам и прочим простым братьям и, поучив их достаточно, отпускает каждого в его келью, где тот пребывает в молчании великом и безмолвии. Оставшимся же при нем священникам и дьяконам, когда они также будут достаточно им наставлены, игумен повелевает, чтобы каждый из них открыл ему, кого в чем он видел согрешившим: или словом, или неприличным смехом, или гневом, или другим каким-нибудь подобным прегрешением. И когда они откроют ему, в чем кто согрешил в течение всей недели, такой епитимией он исправляет их: повелевает им опуститься на землю на колени и правое плечо обнажить. И когда они повеление исполнят, один из иноков, по приказанию игумена, держа в правой руке очищенные прутья, в виде веника, ходит и по очереди бьет их по обнаженному плечу, причем те читают пятидесятый псалом. После этого бывают отпущены с благословением в свои кельи.

Узнав, каким образом и откуда подается им ежедневно хлеб, услышим теперь и то, откуда получают они и остальную необходимую пищу по промыслу божьему. Жители городов

их его же имут к нимъ благоговѣиньства и любви за богоугодное пребывание и жительство ихъ — овъ убо бочку вина, овъ же елѣа, овъ же рыбы, овъ же сыры и яйця посылають имъ. Инъ же нѣкый, въ нужу нѣкую и бѣду пад, приносить имъ кормъ, моливъ игумена, да велит сущимъ подъ рукою его братиямъ помолитися господеви о немъ, да избавить его господь от яже чает на себѣ скорби. И въ время обѣда игуменъ глаголеть въ услышание всѣм: «Питавый нас днесь молит вас молитися богу, яко да избавить и господь от нужди его и печали, ея же чаетъ на себе. Помолитеся убо о немъ прилѣжно, *кождо* въ кѣлии своей!» И преподобными молитвами ихъ избывъ онъ печали, ея же чаялъ на себе, пакы обилно прилагаеть имъ яже на потребу.

Предобрѣ убо и премудрѣ обѣщалъ священным своимъ ученикомъ человеколюбивый, рекъ: «Взыскуйте преже царствия божия и правды его, и сия вся приложатся вамъ». Сего ради и тии, поне же царствие божие, сирѣчь спасение свое и ближних своихъ, прилѣжно и яко же богоугодно взыскують учении всякыми и частыми, яже от божественых Писаний, себе же и послушающая ихъ спасають, въ лѣпоту и правду и человеколюбивый богъ спасаемых изобилуеть яже къ житию потребная, споспѣшьствующим ему въ спасение многых, «царствие божие» от него приточнѣ нарицаемо. Аще убо «наслѣдие» дасться ему от Отца сущаа вездѣ языкы и «удръжание конци земли», яко же писано есть въ второмъ псалмѣ; и въ ином псалмѣ: «Въцарися богъ надъ языкы» — како же инако царствовалъ, а не точию вѣрою и обращениемъ еже к нему? Акы бо съдѣтель и промысленикъ всѣх царь есть выну; приемлет же царствие от Отца и яко человек, яко же самъ глаголеть о себѣ въ втором псалмѣ: «Азъ же поставленъ есмь царь от него». Блажени убо въистину, елици възыскують растити выну ему толь прежелаемо ему царствие правдою его, сирѣчь прилѣжнымъ дѣланиемъ святых его заповѣдей, тружающеся беспрестани въ поучении и прочитании богодухновеных Писаней его, их же тайную силу съ усръдиемъ всякым простым людемъ изъясняюще и учение всяческая от себе примышляюще, плодоносять выну владыцѣ своему душя словесныя, уловлени дотолѣ от диавола. И сего ради всяко услышят от него сие: «Благодать вамъ, раби добри и вѣрнии! Въ малѣ явистеся вѣрни, надо многымъ поставлю вас: внидѣте въ радость господа своего». Толика убо и о семъ довлѣють въ славу господа нашего Исуса Христа и на ползу, вкупѣ и ревность божественую, тѣмъ, иже благодарствено слушают повѣсти яже о благовѣрии. Нынѣ же ину нѣкую услышим подобнѣ

по причине великого своего к ним благоговения и любви из-за богоугодного существования и жизни этих монахов присылают им — кто бочку вина, кто масла, кто рыбы, а кто сыр и яйца. Иной кто-нибудь, в несчастье каком-нибудь или беде находящийся, приносит им пищу, прося игумена, чтобы тот велел находящимся под его управлением братьям помолиться господу о нем, чтобы его избавил господь от ожидаемой им скорби. И во время обеда игумен говорит во всеуслышание: «Тот, кто сегодня кормил нас, умоляет вас помолиться богу, чтобы его избавил господь от несчастья и печали, которую он ожидает. Помолитесь же о нем прилежно, каждый в келье своей!» Так благодаря преподобным молитвам их избавившись от печали, которую он ожидал, человек опять в изобилии дает им все необходимое.

В доброте своей и премудрости обещал священным своим ученикам человеколюбивый господь, сказав: «Ищите прежде царства божия и правды его, и это все приложится вам». Поэтому и они, поскольку они царство божие, то есть спасение свое и ближних своих, прилежно и богоугодно ищут поучениями различными и частыми из божественных писаний, себя и слушающих их спасают, достойно и праведно, в свою очередь, человеколюбивый бог спасающимся дает в изобилии все необходимое для жизни, содействующим ему в спасении многих, а это спасение он «царством божиим» иносказательно называет. Если даны ему Отцом живущие везде народы в «наследие и владение пределы земли», как написано во втором псалме; и в другом псалме: «Воцарился бог над народами» — как бы он иначе царствовал, если не посредством веры в него и обращения к нему? Ибо как создатель и попечитель всех царствует он всегда; получает же царство от Отца и как человек, как сам говорит о себе во втором псалме: «Я поставлен царем от него». Итак, блаженны воистину те, которые заботятся, чтобы столь желанное богу царство возрастало постоянно правдой его, то есть прилежным исполнением святых его заповедей, которые трудятся непрестанно в изучении и чтении боговдохновенных писаний его, которые, потаенный смысл их с усердием всяким простым людям объясняя и поучения всяческие от себя добавляя, приносят всегда, как плоды, владыке своему души разумные, до этого уловленные от дьявола. За это они несомненно услышат от него вот что: «Хорошо, рабы добрые и верные. В малом были вы верны, над многим поставлю вас: войдите в радость господина своего». Сказанного здесь об этом достаточно для славы господа нашего Иисуса Христа и для пользы, вместе и для возбуждения ревности божественной у тех, которые с благодарностью слушают повести о благочестии. Теперь же прислушаемся к некоей другой также

душеполезную повѣсть, достойну памяти, подражаниа, аще убо поистинѣ желаемъ благоугодити господу нашему.

Флоренция град есть прекраснѣйшы и предобрѣйши сущих въ Итталии градовъ, их же азъ видѣх. В том градѣ манастырь есть, мниховъ отчина, глаголемых по-латынскы предикаторовъ, еже есть божиих проповѣдниковъ. Храм же священыя сея обители святѣйшаго апостола и евангелиста Марка получивъ призирателя и предстателя. В сей обители игуменъ бысть нѣкый священый инокъ Иеронимъ званиемъ, латынинъ и родом и учением, преполонъ всякыя премудрости и разума богодухновеныхъ писаний и внѣшняго наказаниа, сирѣчь философии, подвижникъ презѣленъ и божественою ревностию доволно украшаем. Сей, премногый разумом богодухновеныхъ писаней и болии — божественою ревностию, уразумѣвъ граду сему двѣма богомръзкым грѣхомъ злѣйше порабощену сущу, сирѣчь богомръзкымъ содомитскым безакониемъ и безбожнаго лихоимания и безчеловеческымъ рѣзоиманиемъ, ревностию божиею разжежеся, съвѣтъ совѣтовавъ добръ и богоугоденъ: сирѣчь учителнымъ словомъ еже от божественых писаней пособити граду оному и истребити от него в конець нечестия сия. И сие съвѣтовавъ, начятъ учити въ церкви люди божия всячьскыми премудрыми учении и изъяснѣнии книжными, въ храмѣ святого Марка евангелиста събираемымъ к нему часто многымъ слышателем благородным и пръвымъ жителемъ града того. И възлюбленъ бывъ от всего града, помолишя его в той самой съборной церкви прешедшу учити ихъ божию слову и закону. И онъ, възлюбивъ ихъ съвѣтъ и изволение, съ усръдиемъ подъятъ иже по бозѣ сицевъ подвигъ. И по вся недели, и вся нарочиты праздникы, и по вся дни всея святыя четыредесятници събираяся въ соборную церковь, предлагаше имъ учителное слово от высокаго сѣдалища, стоя на два часа, есть егда и множае простирая поучение. И толико възможе слово его, яко болшая часть града, възлюбивши крѣпкая и спасителная учения его, отступити съвръшено злобы и лукавьства и възлюбити вмѣсто всякого блуда, и студодѣяниа, и нечистоты плотскыя всякое цѣломудрие и чистоту, неправеднаго же, и лихоимца и рѣзоимца немилосерда видѣти бѣ абие праведнѣйша, и милостива, и человеколюбца бывша. И нѣкымъ от сицевых подражающимъ Закхѣя, началника мытаремъ, иже въ Евангелии, злѣ и неправеднѣ събрана бывша ими имѣния расточяющим добрѣ сущим в нужах руками учителя своего. И да не вся по ряду исправления его глаголя, стужаю прочитающим списания сия — множае града

душеполезной повести, достойной памяти, подражания, если действительно желаем угодить господу нашему.

Флоренция — город прекраснейший и лучший из находящихся в Италии городов, которые я сам видел. В том городе есть монастырь, где живут монахи, называемые по-латински предикаторы, то есть божьи проповедники. У храма же священной этой обители святейший апостол и евангелист Марк является покровителем и предстателем перед господом. В этой обители игуменом был некий священноинок по имени Иероним, латинянин по происхождению и по вере, исполненный всякой премудрости и понимания боговдохновенных писаний и внешней науки, то есть философии, подвижник великий и обильно украшенный божественной ревностью. Этот игумен, движимый великим пониманием боговдохновенных писаний, и еще более — божественной ревностью, поняв, что город Флоренция двумя богомерзкими грехами сильно порабощен, то есть богомерзким беззаконием содомитов и безбожным лихоимством и бесчеловечным ростовщичеством, божественной ревностью разжегся и пришел к следующему доброму и богоугодному решению: поучительным словом из божественных писаний помочь городу тому и полностью истребить эти нечестия. Приняв такое решение, он начал учить в церкви людей божьих всякими премудрыми поучениями и разъяснением книг, а в храм святого Марка-евангелиста собиралось к нему часто множество слушателей из числа благородных и первых жителей города того. Его полюбил весь город, и упрашивали его, чтобы он в самую соборную церковь пришел и стал учить их божьему слову и закону. И он, согласившись с их решением и желанием, с усердием предпринял этот подвиг из любви к богу. И каждое воскресенье, и во все большие праздники, и каждый день на протяжении всей святой четыредесятницы, приходя в соборную церковь, он обращался к народу с поучительным словом с высокой кафедры, стоя по два часа, а иногда и дольше продолжалось поучение. И такое действие произвела проповедь его, что большая часть города, полюбив твердые и спасительные поучения его, отказалась совершенно от злобы и лукавства и полюбила вместо всякого блуда, и постыдных дел, и плотской нечистоты всяческое целомудрие и чистоту, а неправедный, и лихоимец, и ростовщик сделались все праведнейшими, и милостивыми, и человеколюбивыми. А некоторые из них, подражая Закхею, начальнику мытарей, упоминаемому в Евангелии, зло и неправедно собранные ими имения добровольно раздавали нуждающимся руками учителя своего. Скажу попросту, чтобы, говоря обо всех по порядку его деяниях, не наскучить читателям рассказа этого — большая часть города

того преложишяся от всякыя злобы ихъ въ всякый образ добродѣтели достохвалныя.

Едино же нѣкое исправление похвално, сдѣяно бывше единою женою убогою, повѣмъ любителем добродѣтелей, из него же и им же возмогуть разумѣти силу богодухновеныхъ учений мужа оного. Сынъ убогыя оноя вдовици, обрѣтъ на улици повръжену мошну камчату, в ней же бяше златиць 500, отнесе къ матери своей. И она, видѣвши, не възрадовалася о семъ, яко таковым обрѣтениемъ избыти хочет послѣдняго убожества своего, ниже съкрыла у себе, но абие отнесла ю къ священному учителю граду и рече: «Се, преподобнѣйше отче и учителю, вижды: мошну сию найде сынъ мой повръжену на улицѣ. Възми ю и, яко же вѣсть преподобие твое, да обрящетъ потерявшаго ея, и отдажь ему свое, да не скръбь имѣетъ неутѣшимую человѣкъ о семъ». И учитель, удивився правдолюбному норову вдовици и благословивъ ея, отпустилъ. Въ единъ же день, учя въ церкви, по скончянии учения възопи: «Аще кто погубилъ имѣния, да станет въ среди и да глаголеть количество погубленаго имѣния, и качество мошны, и день, в он же погубилъ имѣние — и възмет свое». И представъ погубивый имѣние и сказавъ учителю и день, и число, и образ мошны. «Се имаши,— рече,— твое, о юноше, и убогую сию вдовицу, яко же произволяеши, утѣши, поне же избавила тебе многыя, ея же имѣлъ еси, скръби». И той, иземъ 100 златиц, далъ ей съ всякою радостию. Колико похвалнѣйши вдова сия паче хвалимыя въ Евангелии двух ради лѣптъ, их же връгла въ даръ божий! Поне же она убо въ своих си и малых показала боголюбное свое, сия же въ чюжихъ и многых показала свое правдолюбное и человеколюбное.

Имамъ убо и ина нѣкая сицева достопамятна исправления богоугоднаго оного учения повѣдати вамъ, но да не сытостию списаниа сего стужаю ушесемъ вашимъ, волею сих миную, нынѣ же къ концу пятолѣтных учений его обращу стремление словесное. Поне же убо полъграда добрѣ, яко же богу угодно, исправися имъ, а другая половина пребываше не точию преслушая и противляяся божественым оного поучениемъ, но и враждоваше ему толико, яко замазати брусокъ человечьскым калом, на нем же обыче опиратися руками, стоя и изливая людемъ струя учениемъ. Он же, Спасову кротость и длъготерпѣние къ всѣмъ подражая, вся тръпяше доблевьственѣ, многых исправление жадая. Сего ради ни самѣхъ, иже въ властѣх церковных суть, а не апостолоподобнѣ живуть и о паствѣ спаса Христа не пекутся, яко же лѣпо,— ниже тѣхъ

превратилась из последователей великой злобы в настоящий образец достохвальной добродетели.

Об одном только поступке похвальном, совершенном одной женщиной бедной, расскажу любителям добродетели, из которого они смогут понять силу боговдохновенных поучений мужа того. Сын бедной этой вдовы, найдя на улице потерянный кошелек из камки, в котором было пятьсот золотых монет, принес его матери своей. Но она, увидев кошелек, не обрадовалась тому, что такой находкой она сможет избавиться от крайней своей нищеты, и не скрыла находки у себя, но тотчас отнесла ее священному учителю города и сказала: «Вот, преподобнейший отец и учитель, смотри: кошелек этот потерянный нашел сын мой на улице. Возьми его и, как знает преподобие твое, отыщи потерявшего кошелек и отдай ему его, чтобы не скорбел неутешно человек об этом». Учитель, подивившись правдолюбивому нраву вдовы, благословив, отпустил ее. Однажды, когда учил в церкви, он возгласил, окончив поучение: «Если кто потерял деньги, пусть выйдет на середину и пусть скажет о количестве потерянных денег, и приметы кошелька, и день, когда он потерял деньги — и возьмет свое». Тогда предстал потерявший деньги и сказал учителю и день, и количество денег, и приметы кошелька. «Вот тебе,— сказал учитель,— твое, о юноша, а убогую эту вдову, как хочешь, утешь, ибо она избавила тебя от большой печали, которую ты испытывал». Тот, вынув сто золотых монет, отдал ей с большой радостью. Насколько более заслуживает похвалы вдова эта в сравнении с той, которая восхваляема в Евангелии за две лепты, которые она положила в дар богу! Потому что та в принадлежавшем ей и в малом проявила свою набожность, а эта в чужом и значительном имуществе проявила свою правдивость и человеколюбие.

Мог бы я и другие некоторые подобные достопамятные следствия богоугодного учения того мужа поведать вам, но чтобы пространностью рассказа этого писания не пресытить слух ваш, добровольно опускаю их и к концу пятилетнего учения его обращу течение словесное. Итак, полгорода добрым образом, как богу угодно, исправилось благодаря ему, другая же половина не только не слушалась его и противилась его божественным поучениям, но и была враждебна к нему настолько, что они замазали человеческим калом перила, на которые он привык опираться руками, стоя и изливая людям струи поучений. Он же, подражая кротости и долготерпению ко всем Спасителя, все терпел мужественно, желая исправления многих. Поэтому он и тех, которые находятся у власти церковной, но живут не по-апостольски и о пастве спасителя Христа не пекутся, как подобает,— даже тех

хваляше, но без страха обличаше прегрѣшения ихъ и глаголаше часто: «Аще бы мы жительствовали достойно Евангелию спаса Христа, вся убо всяко иновѣрныя языкы обратилися бы къ господу, зряще наше равноаггельно житие, и было убо бы намъ сие въ спасение велико и наслажение вѣчных благъ. Нынѣ же, супротивно евангельскых заповѣдей живуще, и ниже себе исправляемъ, ниже иныхъ къ благочестию руководити печемся — что ино слышати чаемъ от праведнаго судии развѣ сего: «Горе вамъ, книжници и фарисее, лицемѣри, яко затворяете царство небесное пред человекы; сами не входите и хотящая внити възбраняете имъ». Сия глаголя не обинуяся и еще же жесточайшими сих словесы зазирая удивляемому у них папѣ, и сущимъ о немъ кардиналем, и прочему причту ихъ, болшыя ненависти и вражды вину далъ на себе възненавидѣвшимъ изначала священных его учений. Еретика бо его прочее, и хульника, и лестьца нарицаху акы отвръзша уста своя на священнаго ихъ папу и всея церкви римьскыя. Доиде же и до Рима сицевый о немъ слухъ и папу и сущаго о немъ причта зѣло смутилъ, яко и съборную ихъ заповѣдь послати ему, заповѣдующу ему не учити люди господня, уподобившеся глаголющимъ въ «Дѣяниихъ святых апостолъ»: «Но, да не на множае распрострется въ людехъ, прѣщениемъ запрѣтим имъ не глаголати к тому о имени семъ ни единому от человекъ». Такова убо они совѣтоваша и тако ему заповѣдаша, приложивше въ соборномъ ихъ писании, яко аще не престаетъ прочее, и проклятъ будеть от них акы еретикъ. Онъ же не точию не послушалъ безаконый ихъ съвѣтъ сицевый, но наипаче разжежеся божественою ревностию и съборное ихъ послание неправедно и богу неугодно обличаше акы повелѣвающе ему не учити в церкви вѣрных. И сего ради множае пребываше, обличяя ихъ беззакония, уже бо, яко же лѣпо есть мыслити мнѣ, судив себѣ и умрети за благочестие и божию славу, аще потребно будет. В них же бо аще възгорится огнь ревности, яже по бозѣ, не точию имѣний и стяжаний, но и самое житие презрѣти творить. И свидѣтель неотложенъ — самъ господь, глаголя: «Желаниемъ въжделѣхъ сию пасху ясти с вами». Сие же глагола елма хотяще вкусити яко человекъ смерти за славу бога и отца своего и за человечьское спасение. И самъ Христовъ теплѣйший рачитель и ревнитель Павелъ глаголя: «Желаю разрѣшитися и съ Христомъ быти»; и пакы: «Мнѣ же еже жити — Христос есть, и еже умрети — приобрѣтение». Елма же иже о папѣ не престааху претяще ему и всякымъ образом оттръзающе учителнаго сѣдалища, такожде и онъ пребываше не послушая ихъ и неправдования ихъ обличая, смерти его предати съвѣщашя, еже и сътворишя

он не похвалял, но безбоязненно обличал прегрешения их и часто говорил: «Если бы мы жили согласно Евангелию спасителя Христа, несомненно все иноверные народы обратились бы к господу, видя нашу равноангельскую жизнь, и это много послужило бы нам ко спасению и наслаждению вечными благами. Теперь же, живя вопреки евангельским заповедям, мы ни себя не исправляем, ни других не стараемся привести к благочестию — что другое мы надеемся услышать от праведного судьи, кроме этого: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете царство небесное человекам; сами не входите и хотящих войти не допускаете». Говоря это без стеснения и еще более жестокими словами осуждая почитаемого у них папу, и состоящих при нем кардиналов, и прочий их клир, он подал повод к еще большей к нему ненависти со стороны возненавидевших изначально священные его поучения. Они называли его даже еретиком, и хулителем, и обманщиком, поскольку он отверз уста свои на священного их папу и всю церковь римскую. Дошел и до Рима такой слух о нем и сильно смутил папу и состоящий при нем клир, так что они послали ему соборное запрещение, запрещающее ему учить людей господних, и уподобились говорящим в «Деяниях святых апостолов»: «Но, чтобы более не разгласилось это в народе, с угрозой запретим им, чтобы не говорили об имени сем никому из людей». Таким образом они решили и так ему запретили, прибавив в соборном своем писании, что если он не прекратит впредь так поступать, то будет проклят ими как еретик. Он же не только не послушался такого беззаконного их решения, но еще более разжегся божественной ревностью и соборное их послание называл неправедным и неугодным богу как повелевающее ему не учить в церкви верующих. Поэтому он еще более стал обличать их беззакония, ибо, как я не без основания догадываюсь, он решил про себя и умереть за благочестие и божью славу, если это будет необходимо. Ибо в ком возгорится огонь божественной ревности, того он не только богатства и имения, но и саму жизнь заставляет презирать. И свидетель тому непреложный — сам господь, говорящий: «Очень желал я есть с вами сию пасху». Это он сказал, так как хотел принять как человек смерть во славу бога и отца своего и ради человеческого спасения. И сам страстный последователь и пособник Христов Павел говорит: «Имею желание разрешиться и быть со Христом»; и еще: «Ибо для меня жизнь — Христос и смерть — приобретение». Поскольку же приверженцы папы не переставали грозить ему и всяким образом отрывать его от проповеднической кафедры, а он, со своей стороны, продолжал не подчиняться им и неправды их обличать, то они решили смерти предать его, что и исполнили

тѣмъ образом: избравше нѣкоего зенерала именемъ Иакымъ, зѣлнаго по ихъ лукавому съвѣту, послаша и, въоруживше его областию папиною низложити его от власти игуменскыя и, испытавшу его, смертию осудити яже огнемъ акы непокорива, и досадителя, и клеветника апостольскыя римскыя церкви. Пришед же онъ въ град Флоренцискый и показав болшимъ градоначалником грамоты папины, поставилъ его на судилище и мучителскы испытааше его. И оному съ дръзновениемъ отвѣщающу противу всѣх лукавьствъ неправеднаго испытателя, и судии не могущу обвинити его, свѣдѣтели лживи от части безаконных и непокоршихся учениомъ его въсташя на оного преподобнаго и неповиннаго казателя града ихъ, носяще на нь тяжчайшаихъ и неправедных оглаголаний. Им же повинувшеся, неправеднии онии судии сугубою казнию осудишя его и ины два священныя мужа, спослѣшникы его: на древѣ повѣсивше, та же огнь възгнѣтивше под нимъ, съжгощя ихъ.

Таковъ конець житию преподобныхъ онѣхъ триехъ инокъ и таково им възмездие о подвизѣх яже за благочестие от непреподобнѣйшаго ихъ папы — Александръ тогда бѣ, Александръ, иже от Испании, иже всякымъ неправдованиемъ и злобою превзыде всякого законопреступника. Аз же толико совѣтенъ бывати неправденым онѣмъ судиямъ отстою, яко и прикладовалъ бы убо ихъ с радостию древнимъ защитителемъ благочестию, аще не бышя латыня вѣрою: ту же бо древнимъ ревность теплѣйшу за славу спаса Христа и за спасение и исправление вѣрных позналъ есмь въ преподобных онѣхъ иноцѣхъ,— не от иного слышавъ, но самъ ихъ видѣвъ и въ учениих ихъ многажды прилучився. Не точию же ту же древним ревность за благочестие познах в них, но еще и ту же имъ премудрость, и разумъ, и искуство богодухновеныхъ писаний и внѣшних познахъ в нихъ, и множайше инѣх — въ Иеронимѣ, иже на два часа, есть когда и болши, стоя на сѣдалищи учителном, видяшеся изливая имъ струя учителна преобилно,— не книгу дръжа и приемля оттуду свѣдѣтельства, показателна своихъ словесъ, но от скровища великыя его памяти, в ней же съкровенъ былъ всякъ богомудренъ разумъ искуства святых писаний.

Сия же пишу, не яко да покажу латынскую вѣру чисту, съвръшену и прямоходящу въ всѣх,— да не будеть на мнѣ таково безумие! — но да яко покажу православным, яко и не у правомудреных латынѣхъ есть попечение и прилѣжание евангельскых спасителных заповѣдей и ревность за вѣру спаса Христа, аще и не по съвръшеному разуму, яко же глаголеть божественый Павелъ апостолъ о непокоривых иудѣех:

следующим образом: избрав некоего генерала, по имени Иоаким, рьяного в исполнении их лукавого решения, послали его, уполномочив властью папы лишить проповедника власти игуменской и, допросив его, предать его смерти через сожжение как непокорного, и противника, и клеветника апостольской римской церкви. Этот Иоаким, прибыв в город Флоренцию и показав высшему начальству города грамоты папы, вызвал проповедника в суд и подверг его мучительным пыткам. Когда тот дерзновенно отвечал на все ухищрения своего неправедного следователя, так что судья не мог признать его виновным, свидетели лживые из числа беззаконников и не покорившихся его учению выступили против этого преподобного и невинного наставника города их, высказывая против него самые тяжкие и неправедные обвинения. На основании этих обвинений неправедные те судьи к двойной казни присудили его и еще двух священных мужей, учеников его: на виселице повесив, разожгли огонь под ней и сожгли их.

Таков был конец жизни этих трех преподобных иноков и такое получили они воздаяние за подвиги во имя благочестия от недостойнейшего их папы — Александр тогда был им, Александр, родом из Испании, который всякими неправдами и злобой превзошел всех законопреступников. Я же настолько далек от согласия с неправедными теми судьями, что с радостью сравнил бы погибших иноков с древними защитниками благочестия, если бы они не были верой латинянами, ибо подобную древним мученикам горячую ревность за славу спасителя Христа и за спасение и исправление верных усмотрел я в преподобных тех иноках,— не от другого когонибудь слышал, но сам их видел и на поучениях их многократно присутствовал. Не только подобную древним ревность за благочестие я усмотрел в них, но еще такую же премудрость, и разум, и искусство в боговдохновенных и внешних писаниях я усмотрел в них, и более других — в Корониме, который по два часа, а иногда и более, стоя на кафедре учительской, обильно изливал слушателям струи учения, — не книгу держа в руках и черпая оттуда свидетельства, подтверждающие его слова, но заимствуя их из сокровищницы своей великой памяти, в которой было сокрыто всякое богомудрое понимание искусства святых писаний.

Я это пишу не для того, чтобы показать латинскую веру чистой, совершенной и правильной во всем,— да не будет во мне такого безумия! — но чтобы показать православным, что и у неправильно мудрствующих латинян есть попечение и прилежание о евангельских спасительных заповедях и ревность за веру спасителя Христа, хотя и не до конца осмысленные, как говорит божественный Павел-апостол о непокорных иудеях:

«Свѣдѣтельствую бо имъ, яко божию ревность имуть, а не по съвръшеному разуму». Сице и латыне, аще и въ многыхъ съблазнилися, чюжа нѣкая и странна учения приводяще, от сущаго в нихъ многоученаго еллиньскаго наказания прелщаеми, но и не до конца отпадошя вѣры, и надежы, и любви яже въ спаса Христа, его же ради къ святымъ его заповѣдемъ уставляют прилѣжно иночьское ихъ пребывание сущии у них мнихи, их же единомудрено, и братолюбно, и нестяжателно, и млъчаливо, и беспечално, и въстанливо къ спасению многых подобаеть и намъ подражати, да не обрящемся ихъ вгории. Сие же глаголю елико въ прилѣжном дѣлании евангельскыхъ заповѣдей, зане яко же ихъ не съвръшает прилѣжно дѣлание заповѣдей Спасовыхъ не отступающих своих си ересей, сице ниже нас съвръшаеть едина православная вѣра, аще не пристяжемъ и евангельскых заповѣдей прилѣжно дѣлание. Самъ бо тъй господь въпиеть къ преступающим ихъ: «Что ми глаголете: «Господи! Господи!» и не творите, яже азъ повелѣваю вам?», сирѣчь молитвы чясты и длъгы приносите мнѣ, моя жъ заповѣди презираете и не исплъняете ихъ дѣломъ, яко же азъ уставихъ я. И инде той же господь: «Всякъ слышай словеса моя сия и не творит я, уподобится мужу бую», и прочая. Тоея же ради вины и пять оны девы буи нарекошяся и внѣ чрътога небеснаго затворишася. Такожде и въшедый въ мысленыя бракы не въ одежу брака, связанъ по руцѣ и по нозѣ, изринется и въвръжется въ тму кромѣшную. Такожде и хвалящеися сътворшии въ имя господне силы многыя, и пророчьствовашя, и бѣсы изгнашя, не познаваются тогда от праведнаго судии и слышатъ от него: «Отступите от мене, дѣлателие беззаконию; аминь глаголю вамъ: николи же познахъ васъ». И аще пророчьствоваху о имени господни, и бѣсы изгоняху от человекъ, и силы многы творяху, чесо ради не познаваеть ихъ, и отрѣваетъ, и «дѣлателя беззаконию» нарицает? Отвѣтъ въпросу тому: поне же аще и чюдодѣйствоваху сицевии по нѣкоему неявленому строению божия силы, но, яко же видятся, не имѣли богодарованный даръ съвръшенныя любви яже къ вышнему и ближнему ихъ, ей же съпряжена есть боголѣпная и боготворная милость, яже къ всѣм требующимъ милости и помощи. И свѣдѣтель неложенъ — блаженый апостолъ Павелъ, въпия: «Аще и предамъ тѣло мое, да съжгут е, любве же не имам, нѣсть ми полза ни едина». Елма убо они таковую боголѣпную и боготворную любовь не стяжашя и съпряжену ей милость, сего ради не познаваются от милостиваго бога и яко «дѣлатели беззаконию» отрѣваеми суть. «Суд бо без милости не сътворшим милость»,— глаголеть

«Ибо свидетельствую им, что имеют ревность по боге, но не по рассуждению». Так и латиняне, хотя и во многом соблазнились, к ошибочным некоторым и странным учениям обращаясь, прельщенные присущим им многознанием эллинских наук, но не окончательно отпали от веры, и надежды, и любви в спасителя Христа, ради которого их монахи по святым его заповедям прилежно устраивают свою иноческую жизнь, так что их единомыслию, и братолюбию, и нестяжательности, и безмолвию, и умиротворению, и заботе о спасении многих следует и нам подражать, чтобы не оказаться хуже их. Это я говорю относительно прилежного исполнения евангельских заповедей, ибо как их не делает совершенными прилежное исполнение заповедей Спасителя, пока они не откажутся от своих ересей, так и нас не делает совершенными одна православная вера, если не дополняем ее прилежным исполнением евангельских заповедей. Ибо сам господь взывает к преступающим их: «Что вы зовете меня: «Господи! Господи!» и не делаете того, что я повелеваю вам?», то есть молитвы частые и продолжительные приносите мне, а мои заповеди презираете и не исполняете их на деле, как я установил их. И в другом месте господь говорит: «Всякий, кто слушает сии слова мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному», и прочее. По этой же причине и те пять дев названы неразумными и не были впущены в небесный чертог. Также и пришедший на мысленный брачный пир не в брачной одежде, связанный по рукам и по ногам, будет изгнан и ввержен во тьму кромешную. Также и хвалящиеся тем, что они совершили во имя господа чудеса многие, и пророчествовали, и бесов изгнали, не будут признаны тогда праведным судьей и услышат от него: «Отойдите от меня, делатели неправды; аминь говорю вам: не знаю вас, откуда вы». Если же они пророчествовали во имя господа, и бесов изгоняли из людей, и многие чудеса творили, то почему он не признает их, и отгоняет, и «делателями неправды» называет? Ответ на вопрос этот: потому что хотя они и творили чудеса по какому-то неведомому действию божьей силы, но, как кажется, они не имели дарованный богом дар совершенной любви к всевышнему и к ближним своим, с которой соединена богом украшенная и богом созданная милость ко всем нуждающимся в милости и помощи. Неложный свидетель этому — блаженный апостол Павел, взывающий: «И если я отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, то нет мне в том никакой пользы». Поскольку же они такую богом украшенную и богом созданную любовь и соединенную с ней милость не имели, поэтому не признаются они милостивым богом и как «делатели неправды» отгоняются им. «Ибо суд без милости не оказавшим милости»,— говорит

божественое слово. Не приимаеть внутрь себе божественый рай *съкрывающих* съ всякым лихоиманиемъ и безчеловечиемъ себѣ на земли съкровища злата и сребра, но отрѣваеть их, глаголя: «Вонъ, пси, и чародѣя, и блудодѣя, и убийци, и идолослужители, и всякъ, иже любить и творит лжу». «Блаженъ мужь,— рече,— разумѣваяй на нища и убога», сирѣчь милуяй и щедря его; а оскръбляяй его, и обидя, и снѣдаа безпрестани вселѣтными истязании ростовъ — проклят от бога есть, и отриновенъ, и въ огнь негасимый отсылаемъ, и съ нищененавидцом богатом съжигаемъ въ вѣкы вѣком. Богу нашему слава, и дръжава, и велелѣпие въ бесконечныя вѣкы, аминь.

божественное слово. Не принимает в себя божественный рай скрывающих себе на земле со всяким лихоимством и бесчеловечием сокровища золота и серебра, но отгоняет их, говоря: «Вон, псы, и чародеи, и блудники, и убийцы, и идолослужители, и всякий, кто любит неправду и совершает ложь». «Блажен, кто,— как сказано,— помышляет о нищем и бедном», то есть милующий и щедро подающий ему; а оскорбляющий его, и обижающий, и угнетающий его непрестанно ежегодным требованием долгового роста — проклят от бога, и отвержен, и в неугасимый огонь отсылается, и с ненавидящим нищих богачом сжигается на веки вечные. Богу нашему слава, и владычество, и благолепие на бесконечные века, аминь.

СОЧИНЕНИЯ
ФЕДОРА ИВАНОВИЧА КАРПОВА

I
ПЕРЕПИСКА ФЕДОРА КАРПОВА С МАКСИМОМ ГРЕКОМ

ТОГО ЖЕ К ФЕОДОРУ ИВАНОВИЧЮ КАРПОВУ

Слышах от нѣких, яко и твоя свѣтлость съотведеся Николаевым и Власиевым невѣдениемъ, и дивишися, о нихь же писах к Николаю о безначалном и невиновном Отци, яко безначаленъ и безвиновенъ есть, рекши ниже от инаго, ниже от себе бытие имѣя, и яко укаряеши мнѣ о сем, аки безмѣстна мудръствующу и странна церковнаго предания. О нем же не мнѣе вас чюжуся и азъ, яко в сицевом възрастѣ и в толиком искусствѣ Писаней сицеваго догма избѣже вас и яко «в нощи до сего обходите, стѣну осѣзающе» по притчи. Како убо о прочих съгнутаго и непостижимаго богословиа глаголати или слышати възможете, аще сицевыа догмы, всѣми священными богословци проповѣдуемыа и исповѣдуемыа, неразумнѣ ся имѣеге? Да же убо уразумѣите, яко не Максимова догма есть, но истинныи отецъ, слышите разумнѣ великаго и небомудренаго въистину учителя Григориа Богослова, како явьственѣ сие исповѣдует в нѣкоем «Словѣ» своем, в нем же показует, яковому быти подобает правѣ богословьствовати хотящему, и яко не всякому сие есть, ниже всегда, ниже ко всѣм, ниже о всѣх, но токмо достигшаго въ крайнюю чистоту и добродѣтелное совершение заповѣдей дѣланиемъ. Имѣет же ся сице священный оного глас: «Безначаленъ убо Отецъ, не отинуди бо ему, ниже от себе самого еже быти». Что видится вам о семъ священном гласѣ? Видѣсте ли, како Отецъ сей разумѣет безначалное отчее, зане рече «ниже от себе самого, ниже от инаго имать еже быти»? Аще бо речем «от себе

СОЧИНЕНИЯ ФЕДОРА ИВАНОВИЧА КАРПОВА

I

ПЕРЕПИСКА ФЕДОРА КАРПОВА С МАКСИМОМ ГРЕКОМ

ТОГО ЖЕ ФЕДОРУ ИВАНОВИЧУ КАРПОВУ

Услышал я от некоторых людей, что и твоя светлость смутилась из-за неосведомленности Николая и Власия, и ты удивляешься тому, что я писал Николаю о безначальном и беспричинном боге Отце, что он безначален и беспричинен, то есть ни от кого-нибудь другого, ни от себя самого не имеет бытия, и что ты укоряешь меня за это, как будто я неподобающе мудрствую и несогласно с церковным преданием. А я не менее вас удивляюсь тому, что, хотя вы достигли такого возраста и столь искушены в божественных писаниях, такая догма ускользнула от вас и что вы, по притче, «в ночи до сих пор ходите, осязая стену». Как вы о других тонкостях сокровенного и непостижимого богословия говорить или слышать сможете, если такую догму, всеми священными богословами проповедуемую и исповедуемую, не понимаете? А чтобы вы уразумели, что это не Максимова догма, но истинных святых отцов, послушайте внимательно великого и мудрейшего поистине учителя Григория Богослова, как он ясно это исповедует в одном из «Слов» своих, в котором показывает, каким должен быть желающий правильно богословствовать, и что не всякому это под силу, и не всегда, и не перед всеми, и не о всех вещах, но это может делать только достигший благодаря следованию заповедям предельной чистоты и совершенства в добродетелях. Священное же его изречение таково: «Безначален Отец, ибо ни от кого другого он, ни от себя самого не имеет бытия». Что вы думаете об этом священном изречении? Увидели ли, как Отец этот понимает безначальность бога Отца, ибо говорит: «Ни от себя самого, ни от кого другого не имеет бытия»? Ведь если мы скажем «от себя

имѣти еже быти», уже исповѣдахом самого себе виновну и началу бывшу. И аще сие речем, како безначален пребудетъ, иже начало не имый? Аще же, любопряся, речеши, како убо бѣ Отецъ, аще ниже от себе бытие имѣ, реку ти, яко же неизреченно есть Сыновнее рожение и Духа происхожение — сице и Отче безначалие и невиновное. Довлѣет вам, аще православнѣ есте, вѣдати со всѣми святыми отци, яко безначаленъ есть, аки ни от себе, ни от инаго еже быти имѣя. А еже како не взыскуй, ниже възможеши николи же сие достигнути, аще и серафим будеши. Престаните убо хулящена бога, в них же не вѣсте, и нас укаряюще неправеднѣ, наипаче же и иных научите, да не хулным именем оболгают нас, от вас бо и сие на нас изгласися.

ПОСЛАНИЕ ФЕОДОРА КАРПОВА КЪ СТАРЦУ МАКСИМУ СВЯТОГОРСКОМУ

Господину Максиму *иноку* Феодоръ Ивановъ сынъ Карповъ челом бьет.

Не подобаше было тебѣ, о философе, преже суда осудити и преже слышаниа из наших устъ корити нас, поминаа Спаса нашего евангельскаа сказаниа: «Еже слышу,— рече,— сужу, и суд мой праведенъ есть». Не преже сужу,— рече,— донде же слышу, или аще лѣ тъ есть кому на неповинных суд износити судиты? Мене же преже, даже не глаголати ми, «престаните,— глаголешь,— укаряа нас» писал еси. Аз же скажу не обинуася, не мнѣнию послѣдуа, но истиннѣ повинуася — яков же есмь, таковъ и явитися восхощу, не *притворю* к себѣ лицемѣрнаго образа. Преже малых дней, стоащу ми въ церкви святого Николы на мѣстѣ стоаниа моего, внезапу приде священникъ тоа церкви ко мнѣ и глагола ми: «Вѣси ли, какова посланиа послал Максим к Николаю?» Азъ же рѣх: «Ни». И подаде ми бумажку, в ней же написано: «Вѣруй просто и неиспытно въ единого бога, въ трех испостасех или лицех познаваема, сирѣчь Отца нерожена и безначална, ниже от себе, ниже от инаго бытие имущаго». Азъ же вопросих его: «Что суть сиа, и о чем блазнишися?» Он же отвѣща: «Како пишет: «Ниже от себе, ниже от инаго бытие имущаго»?» Аз же рѣх ему: «Престани, Стефане,— сие бо имя ему,— не можеши ты одолѣти словом ему. Вѣм азъ Максима: не пишет без свѣдѣтельства, от святого Писаниа заимствуа, *раздавает* нам». И таким словом утолих того надмение. Послѣди, бумажку ону в руку имѣа, идох на великого князя дворъ и там по случаю обрѣтох Власиа толмача и бумажку ону ему явих. Он же рече ми: «Иди, посоветуй с ним самъ, да и бумажку, ю же в руку имѣеши, ему

он имеет бытие», мы уже исповедали тем самым, что он сам себе был причиной и началом. И если мы это скажем, как безначальным останется он, начала не имеющий? Если же ты, упорствуя, скажешь, как же он был Отцом, если и от себя не имел бытия, я скажу тебе, что, как несказанны рождение Сына и происхождение святого Духа — так и Отца безначальность и беспричинность. Подобает вам, если вы православные, знать вместе со всеми святыми отцами, что бог Отец безначален, потому что ни от себя, ни от кого другого не происходит. А этого, как ни пытайся, не сможешь никогда понять, даже если будешь серафимом. Перестаньте же хулить бога в том, чего не знаете, и нас укорять несправедливо, в особенности же других научите, чтобы дурным словом не поминали нас, ведь сказанное про нас от вас распространилось.

ПОСЛАНИЕ ФЕДОРА КАРПОВА СТАРЦУ МАКСИМУ СВЯТОГОРСКОМУ

Господину Максиму иноку Федор Иванов сын Карпов челом бьет.

Не пристало тебе, философу, до суда осудить нас и до того, как услышишь, что я скажу, укорять нас, помня Спасителя нашего евангельское изречение: «Как слышу,—сказал он,— так и сужу, и суд мой праведен». Не прежде сужу,— сказал он,— чем услышу, или же судить — значит неповинным осуждение произносить? Мне же еще до того, как я начал говорить, «перестаньте,— ты говоришь,— укорять нас». А я скажу без боязни, не слухам внимая, но истине повинуясь — каков я есть, таким и казаться хочу, не прикроюсь лицемерной маской. Несколько дней назад, когда я стоял в церкви святого Николы на обычном месте, внезапно подошел священник той церкви ко мне и сказал мне: «Знаешь ли, какое послание послал Максим Николаю?» Я же сказал: «Нет». И дал он мне бумажку, а в ней написано: «Веруй просто и не допытываясь в единого бога, в трех ипостасях или лицах известного, то есть Отца нерожденного и безначального, ни от себя, ни от кого другого бытия не имеющего». Я же спросил его: «Что это такое и что тебя смущает?» Он же ответил: «Как это он пишет: «Ни от себя, ни от кого другого бытия не имеющего»?» Я же сказал ему: «Перестань, Стефан,— ведь таково имя его,— тебе не одолеть словом его. Я знаю Максима: он не пишет без оснований, от священного Писания заимствуя, раздает нам». И такими словами я усмирил его высокомерие. Затем, с бумажкой этой в руках, я пошел на двор великого князя и там случайно встретил Власия-толмача и бумажку эту ему показал. Он же сказал мне: «Иди, посоветуйся с ним сам, да и бумажку, которая у тебя в руках, ему

яви. Мнит ми ся,— рече,— о конечном непостиженьствѣ то онъ писал». Аз же рѣх: «Что ради его же тружаю аз давшаго ради бумажку попа. Яко по игрѣ,— при им глаголю,— с тобою рѣх, иже хощет с Максимом о богословии стязатися». Боле не глаголах ничто же. И нынѣ бога поставляю на свою душу, яко ниже преже сего, в мимошедших, ниже нынѣ, в настоящих, глаголах о тебѣ зло или кое невѣрствие бы о тебѣ имѣл. Аще будет тебѣ имовѣрно или ни — сам вѣси. Но философское писание нас учитъ, болѣ нас сам вѣси: «Не вся,— глаголютъ,— творим, елико можем, ниже всему вѣрим, елико слышим, ниже вся глаголемъ, елико познаем», прочее же сам не невѣси.

Здравъ буди въ спасении, аще и нам поздравлениа не писал еси.

* * *

Господину Феодору Ивановичу Карпову Максим инокъ радоватися о Христѣ.

О любви убо твоей яже к нам и благом устроени, яже изначала показал еси и еще являеши, яко же честными твоими грамотами утвержаеши, иже любви источникъ, отець щедротам и всякого утѣшениа да въздаритъ обилнѣ свѣтлость твою и в настоящем и в будущем и да соблюдаетъ ю вседомно въ всяком здравии душа же и тѣла и во мнимом житиа сего благоденьствии. А о еже к нам писменми дерзновении, яко непостыдно отвѣтъ сотворяеши, азъ и хвалю, и дивлюся тому, и приемлю еже со истинною благосмѣльство, яко и Писателное оно слово, глаголющее: «Праведенъ яко же левъ дерзает». Самѣми вещьми истиньствующе е показалъ еси. Азъ же не токмо не ухапляюся предносимыми въ образѣ отвѣта твоего премудраго разума обличенми, но и благодать наипаче вѣмъ тебѣ благаго ради совѣта. Его же ни сам не невѣдах преже, обаче достовѣрию възвѣстившаго ми повинувся, побѣжахся и сам аки человекъ забвению, и невѣжеством съживя, побѣжением общим и не необычным человеком. И что дивно, аще и мнѣ, человеку общему, инако сущу и безчислеными страстьми порабощену, случися сицевое, идѣ же слышим и во всякой святыни пожившим от единого слуха случшееся, Иоану, глаголю, Златому языком и дивному Епифанию, ихъ же къ другъ другу писаниа и ты вѣси. Прости убо дружебнѣ человеческое что пострадавша мене и въ прочее съ дерзновениемъ и писуй ко мнѣ и повелѣвай, о них же требуеши. Имѣти бо будеши мене послушающа во всѣх.

покажи. Кажется мне,— сказал он,— о совершенной непознаваемости бога это он писал». Я же возразил: «Зачем я буду утруждать его из-за попа, давшего бумажку. Забавы ради,— говорю ему,— тебе сказал о попе, который хочет с Максимом о богословии спорить». Больше я не говорил ничего. И сейчас бога призываю в свидетели моей душе, что ни раньше, в минувшее время, ни сейчас, в настоящее время, я не говорил о тебе зла или какого-то недоверия к тебе не питал. Покажется это тебе убедительным или нет — как знаешь. Но философское сочинение нас учит, ты и сам лучше нас знаешь: «Не все,— говорят,— делаем, что можем, и не всему верим, что слышим, и не все говорим, что узнаем», а остальное тебе небезызвестно.

Будь здоров для спасения, хотя ты нам здоровья и не пожелал в своем письме.

* * *

Господину Федору Ивановичу Карпову Максим-инок желает радоваться ради Христа.

За любовь твою к нам и доброе расположение, которые ты с самого начала показал и еще показываешь, как ты в честных твоих посланиях утверждаешь, пусть любви источник, отец щедрот и всякого утешения воздаст сторицей светлости твоей и в настоящей жизни и в будущей, и пусть он сохраняет тебя со всей твоей семьей во всяческом здоровье души и тела во мнимом благоденствии этой жизни. А за смелость твоего письма к нам, что ты не стыдясь отвечаешь, я и хвалю тебя, и удивляюсь этому, и принимаю истинную смелость во имя блага, как слово священного Писания говорит: «Праведник как лев смел». Самими делами ты показал истинность этого слова. Я же не только не оскорбляюсь имеющимися в ответе твоем твоего премудрого разума обличениями, но, напротив, благодарю тебя за добрый совет. Хотя я и сам не был в неведении доселе, но надежности сообщившего мне про тебя доверился, и как всякий человек я страдаю забывчивостью и неведением страдаю, недостатком общим и неудивительным среди людей. И что удивительного, если со мной, человеком заурядным, а иногда бесчисленными страстями порабощенным, случилось такое несчастье, когда мы знаем, что случилось из-за доверия слухам с людьми, во всякой святости жившими, Иоанна я имею в виду Златоуста и дивного Епифания, послания которых друг к другу ты и сам знаешь. Прости же меня по-дружески за то, что я как человек погрешил и в будущем смело пиши мне и требуй то, что тебе нужно. Я буду тебя слушать во всем.

Здравьствуй о господѣ и нас поминай бестрастнѣ и без сумнѣниа всякого. А священника того исправити не лѣнися, чтобы, отложивъ всяко прѣние, послѣдовал простѣ, неиспытнѣ глаголемым от святых отецъ, еже бо како и когда о божествѣ не вмѣстится, его же ради и безначаленъ, и непостижим, и неизреченenъ глаголется, иже въ троици прославляемый богъ, тому слава въ вѣки, аминь.

А философом бога ради не зови мене. Азъ инокъ есмь, паче всѣх невѣжа.

Будь здоров ради господа и нас вспоминай без горечи и без сомнения всякого. А священника того исправлять не ленись, чтобы он, оставив всякие споры, принимал просто, без обсуждения сказанное святыми отцами о том, что никак и никогда о божестве нельзя уразуметь, из-за чего он безначальным, и непостижимым, и несказанным называется, в трех лицах прославляемый бог, которому слава вовеки, аминь.

А философом ради бога не называй меня. Я инок, больше всех невежа.

II
ПОСЛАНИЯ ФЕДОРА КАРПОВА

ПОСЛАНИЕ МАКСИМУ ГРЕКУ О ТРЕТЬЕЙ КНИГЕ ЕЗДРЫ

Послание Феодора Карпова, на Москвѣ былъ бояринъ

Возлюбленному о Христѣ и пречестнѣйшему господину иноку Максиму, иже от Вадопетя, Феодоръ Ивановъ сынъ Карповь челомъ.

Мнит ми ся, отче, подобаетъ недомысляющемуся не стыдѣтися, о них же не домыслися, но исповѣдати неразумие свое мудрѣйшим. Аз бо ничто же непщую безмѣстно или внѣ разума мудрѣйших вопрашати, да в добръ совѣтъ введуть, и неразумие на разумъ преложатъ, и томящуюся мысль добрѣ упокоятъ. Сице бо и врачеве творятъ о болѣзни неспящаго и многомыслие о смерти имѣюща, нѣкоторымъ зелиемъ успѣваютъ и многомыслие смертное соотъемлютъ. Азъ же нынѣ изнемогаю умом, во глубину впад сомнѣния, прошу и мил ся дѣю, да мнѣ нѣкая целебнаа присыплеши и мысль мою упокоиши. Аще и стужати тебѣ срамляюся, молчати же утѣсневаюся: не премолчитъ бо во мнѣ многопутный мой помыслъ, хощетъ вѣдати, ему же нѣсть господинъ, и тщится найти, его же нѣсть изгубилъ, мыслитъ чести, его же нѣсть училъ, хощетъ победити, ему же нѣсть побѣдимъ. Аще силна тя и богата сотвори богъ, ими же благодѣтельствуется душа,— давай просящему, «весь день,— рече,— милуя и взаимъ дая» слово, и приемля люботрудне заимство с лихвою. Толковая подаяниа, сладце подаваема просящему, любовь многая глаголется; а идѣ же бо любовь многая — сия мати благыхъ и источникъ есть, сия браней отъятие, любопрѣния исчезновение. Тѣм же и пророкъ глаголетъ: «Яко тамо заповѣда господь и животъ до вѣка». Яко же бо расколъ смерти безвременныя содѣловаетъ, сице и любовь единомыслие благая, живота съ безбоязньствомъ всякимъ и опасениемъ подаетъ,

II
ПОСЛАНИЯ ФЕДОРА КАРПОВА

ПОСЛАНИЕ МАКСИМУ ГРЕКУ О ТРЕТЬЕЙ КНИГЕ ЕЗДРЫ

Послание Федора Карпова, в Москве бывшего боярином

Возлюбленному во Христе и честнейшему господину Максиму, иноку Ватопедского монастыря, Федор Иванов сын Карпов бьет челом.

Кажется мне, отче, что не следует непонимающему стыдиться того, чего он не понимает, но рассказывать о незнании своем знающим людям. Ибо я не вижу ничего предосудительного или противного разуму в том, чтобы более мудрых спрашивать, чтобы они добрый совет дали, и незнание в знание обратили, и томящуюся мысль вполне успокоили. Ведь так и врачи поступают с болезнью человека, не спящего и много о смерти думающего определенным снадобьем они усыпляют его и тем мысли о смерти удаляют. Я же теперь изнемогаю умом, в глубину впал сомнения, прошу и умоляю, чтобы ты мне что-нибудь целебное насыпал и мысль мою успокоил. Хотя я и досаждать тебе стесняюсь, но молчать не в силах: ведь не молчит во мне смущенная моя мысль, хочет знать то, над чем она не властна, и пытается найти то, чего не теряла, стремится прочесть то, чего не изучила, хочет победить непобедимое. Если тебя сотворил бог сильным и богатым в том, что существует на благо души,— давай просящему, «всякий день,— как сказано,— милуя и взаймы давая» слово, и всегда получая отданное с лихвой. Разумное подаяние, с радостью подаваемое просящему, любовью великой называется; а любовь великая — это мать добрых вещей и источник их, это вражды прекращение, раздоров исчезновение. Поэтому и пророк говорит: «Ибо там заповедал господь жизнь вечную». Ведь как раздор является причиной смерти преждевременной, так любовь доброе единомыслие, жизнь совершенно безбоязненную и спокойную приносит

но и небесная благая ти даруетъ. И о семъ убо довлѣетъ нами реченая, и паки довлѣетъ, да не ушеся твоя честная многорѣчиемъ грубымъ поврежу. О той убо главизне нынѣ восприимется, о ней же слово есть, и что нашего настоящего прошениа разумъ предъидый скажетъ. Ездръ убо пишетъ в Третией своей книзе: «В третий день,— рече,— повелѣлъ есть господь водамъ совокупитися в седьмую часть земли, шесть бо частей осушилъ есть ей». Первое мое вопрошение: божественная бо Писания бесчисленныа воды глаголетъ под землею в безднахъ и на земли, в моряхъ, и езерахъ, и рекахъ, тако и превыспрь на тверди. И сия убо о сихъ аще благо есть тако разумѣти намъ?

И паки той же Ездра в той же Третией своей книзе пишет: «В пятый день реклъ еси седмой части, гдѣ бысть вода собрана, да сотворитъ животная, и лѣтящаа, и рыбы, и тако сотворишася. Вода нѣма и бездушна, иже божиимъ мановениемъ повелѣваема, животная сотворяше, да от сего дивная твоя рожения провещаютъ. И тогда сохранилъ еси двѣ души: имя единой назвалъ еси Енохъ, и имя второй назвалъ еси Елевиафантъ. И разлучилъ еси ихъ другъ от друга, не бо можаше седьмая часть, гдѣ бысть вода собрана, прияти ею. И далъ еси Еноху едину часть, иже осушена есть в третий день, да обитает в ней, гдѣ суть горъ тысяща. Елевиафанту же далъ еси седмую часть мокра, и держалъ еси ея, да будетъ в пожрение которыхъ хощеши и коли хощеши. В шестый день повелѣлъ еси земли, да сотворитъ пред тобою скоты, и звѣри, и гады, и на тѣхъ Адама, котораго поставилъ еси князя на всѣхъ сотворениихъ, иже сотворилъ еси, и от него изведемся мы вси». О томъ, отче, молю твою честность разрѣшити сия: о водѣ, и о земли, и о Еносѣ, и о Елевиафанте, и аще вочтенъ есть Ездра во пророкы — пишетъ бо о Христѣ прямо нѣкако, не образы, ниже гаданиемъ, но прямо изъявляетъ. По сихъ, честный отче, глаголю честности твоей благодарения бесконечная за труд твой; за все мя святыми писанми посѣщаеши и кручину мою облегчеваеши. В настоящихъ сия доволна суть.

Возмогай о Христѣ и Феодора, друга своего, яко же обычествовалъ еси, люби. И нѣкогда, во благополучно время, о тѣхъ вопросѣх моихъ ко мнѣ отпиши.

ПОСЛАНИЕ МИТРОПОЛИТУ ДАНИИЛУ

Высокиа книжности разуму уроженному святѣйшему господину Данилу, митрополиту всеа Руси, рабъ святыни твоеа Феодорець Ивановъ сынъ Карповъ челомъ *биет*.

Право убо и достойно есть естеству и Писанию повелѣвающу, такова престола отца и добрѣ прилежаща учительству

и, кроме того, небесные блага тебе дарует. Но об этом достаточно нами сказано и потому еще достаточно, чтобы твои уши честные я многословием грубым не повредил. Итак, теперь к тому предмету обратимся, ради которого я пишу и который объяснит смысл нашей предшествующей просьбы. Пишет Ездра в Третьей своей книге: «В третий день,— говорит он,— повелел господь водам собраться на седьмой части земли, а шесть частей осушил». Первый мой вопрос: божественное Писание о бесчисленных водах говорит под землей в безднах и на земле, в морях, и озерах, и реках, также и на тверди небесной. Так ли об этом следует нам понимать?

И вновь тот же Ездра в той же Третьей своей книге пишет: «В пятый день сказал седьмой части, в которой была собрана вода, чтобы она произвела животных, и летающих, и рыб, что и сделалось. Вода немая и бездушная, по божьему мановению, животных произвела, чтобы все роды возвещали дивные дела твои. Тогда ты сохранил двух животных: одно ты назвал Енохом, а другое ты назвал Левиафаном. И ты отделил их друг от друга, потому что седьмая часть, где была собрана вода, не могла принять их. Еноху ты дал одну часть из земли, осушенной в третий день, да обитает в ней, в которой тысяча гор. Левиафану же дал седьмую часть водяную, и сохранил его, чтобы он был пищею тем, кому ты хочешь и когда хочешь. В шестой день повелел ты земле произвести перед тобой скотов, и зверей, и пресмыкающихся, и над ними Адама, которого поставил властелином над всеми сотворенными, которых ты сотворил, и от него происходим мы все». Относительно этого, отче, умоляю твою честность объяснить вот что: о воде, и о земле, и о Енохе, и о Левиафане, и причислен ли Ездра к пророкам — ведь он пишет о Христе довольно ясно, не образно и не загадками, но прямо сообщает? За сим, честной отче, приношу честности твоей благодарность бесконечную за заботу твою; все время ты меня со святыми писаниями посещаешь и печаль мою утоляешь. На сей раз этого достаточно.

Будь здоров, ради Христа, и Федора, друга своего, как и до сих пор, люби. И когда-нибудь, в подходящее время, об этих вопросах моих мне напиши.

ПОСЛАНИЕ МИТРОПОЛИТУ ДАНИИЛУ

От рождения наделенному пониманием высокой книжности святейшему господину Даниилу, митрополиту всея Руси, раб святыни твоей Феодорец Иванов сын Карпов челом бьет.

Ведь это правильно и достойно по природе, и Писание повелевает к отцу такого престола, весьма усердному в поучениях,

в сугубей чести и в бесчисленом хвалении имѣти подобаеть, наипаче разумнихъ, ученыхъ и мудрыхъ. Сего ради не оскудѣеть отвнутрь сердца моего любовь, ниже от арганъ гласа хвала, ниже от помысла честь величества твоего, но всегда честь, и имя твое, и хвалы прибыти желаю, донеле вещей естество в сѣмъ вѣцѣ пребудеть, от коих убо всѣхъ, яко же от словесъ епистолии твоей пресвѣтлѣйшей, научяюся. Пространѣе и полнѣе во иное время благополучное слово, изрядно тебѣ и твоимъ добродѣтелемъ, пригодно сотворимъ. Но нынѣ же, в настоящихъ, первая вина, еже запинаеть писати многаа — зане великими скорбьми одрьжимъ есмь. Увы, нынѣ нѣсть мнѣ время епистолей слагати, но время належит рыданию, не бо плачевнаа книга Иеремѣина толикихъ рыданий исполнена быти можеть, елико моа худая епистолиа. Втораа вина есть: аще хощеши, рече, иного да млъчить — первие самъ умлъчи, и яз нынѣ о тѣх, яже умыслихъ, млъчание устом моимъ налагаю.

Нынѣ убо что отвѣщаю тебѣ, и како пресвѣтлѣйшей епистолии твоей конець наложити возмогу, како бо возможно есть мнѣ, несвершеному, *о* свершенных и выших вещех свершенѣйшему тебѣ отвѣщати? Свѣтлѣйшая бо твоа епистолиа пользовати мнѣ тебя пишеть, но како солнце, небесный свѣт, просить блистаниа от мирскиа вещи, море, водамъ мати, желаеть рѣчныа капли? Елико звѣзды отстоятъ от земли, и елико запад от въстока, и свѣтъ от тмы, и сладкое от горкаго, и бѣлость от черности, толико исповѣдую моему несвершению отстоати от твоего съвръшениа. Что убо напишу или что тебѣ подати — не вѣм. Обаче да не безблагодаренъ твоимъ благодѣяниемъ обрящуся, да не глухъ противу честных писаний твоихъ буду, пакы перо на похвалу обращу, добродѣтели зерцало именуа тебя, и поучениа златаго сладчайши арганъ написую тебѣ, славнѣйша свѣта учителю! Не сумнюся убо и звѣздою свѣтлою нарищи тебе, от нея же лучи злаго слуха не исходят. Ты свѣтилникъ горящъ, иже тмы омрачениа не вѣсть; ты благовонный цвѣтъ добродѣтели, иже смрада оклеветателнаго гнушается; ты бисер всѣхъ благыхъ, ты свѣт учителемъ, ты — уста Христова, ты глас небесный, ты книжник живота, иже о мнѣ, мнѣ и не хотящу, славиши мя честию, ей же убо не достоин есмь; вездѣ о мнѣ проповѣдаеши, и, писании твоими угоднѣйшими мене чествуа, поздравляеши, в нихъ же пакы ты, славны православныа церкви свѣт, солнца яснѣе, мой темный умъ, мракомъ невѣдѣниа омраченъ, къ осианию вѣчнаго свѣта призываеши, она и вышняа лѣпота человѣческие жизни, свѣтомъ премудрости просвѣщеная, путь нравомъ, писаниа таиньствомъ,

с особым почтением относиться и бесчисленные хвалы воздавать ему, который больше разумных, ученых и мудрых людей. Поэтому не истощится в сердце моем любовь, и голос мой не устанет от похвалы, и помыслы мои от почитания величия твоего, но всегда честь, и известность твою, и похвалы пополнить хочу, пока природа вещей в этой жизни останется неизменной, так что я добродетелями всеми твоими, как и словами послания твоего светлейшего, поучаюсь. Более пространное и полное, хорошее слово, приличествующее тебе и твоим добродетелям, мы в другое время должным образом составим. Теперь же, в настоящее время, первая причина, которая препятствует мне написать многое — великая скорбь, в которой я ныне пребываю. Увы, сейчас время, не подходящее для написания посланий, но время для рыдания, ведь печальная книга Иеремии такими рыданиями не может быть наполнена, как мое дурное послание. Вторая причина такова: если хочешь, сказано, чтобы другой молчал — сначала сам замолчи, и я теперь о тех вещах, о которых задумал писать, молчание на уста свои налагаю.

Теперь же что я отвечу тебе и как смогу на светлейшее послание твое дать достойный ответ, как можно мне, несовершенному, о совершенных и возвышенных вещах отвечать тебе, совершенному? В светлейшем твоем послании ты просишь меня лечить тебя, но как может солнце, небесный свет, просить яркости у земных вещей, море, мать вод, желать речной капли? Насколько звезды отстоят от земли, и насколько запад от востока, и свет отличен от тьмы, и сладкое от горького, и белый цвет от черного, настолько, я считаю, мое несовершенство далеко отстоит от твоего совершенства. Что напишу и что тебе подам — не знаю. Но чтобы не остаться неблагодарным к твоим благодеяниям, чтобы не быть глухим к твоим истинным посланиям, я вновь перо на похвалу обращу, добродетели зеркалом тебя именуя, и напишу, что ты золотого поучения прекрасный инструмент, учитель, более света славный! Не усомнюсь и звездой светлой назвать тебя, от которой лучи дурные не исходят. Ты светильник горящий, который не омрачается; ты благовонный цветок добродетели, который смрада клеветы гнушается; ты жемчуг среди всех благ, ты свет среди учителей, ты — уста Христовы, ты глас небесный, ты проповедник жизни, даже вопреки моему желанию оказывающий мне честь, которой я не достоин; везде обо мне говоришь, и твоими замечательнейшими посланиями меня чествуешь и поздравляешь, в которых ты опять же, славный свет православной церкви, солнца яснее, мой темный ум, мраком неведения омраченный, к сиянию вечного света призываешь, ты — высшая красота человеческой жизни, светом премудрости просвещенная, путеводитель нравов, описание таинств,

правила живота, свѣтилникъ блудящимъ ногам моимъ на рѣкахъ Вавилонскихъ. Что въздамъ попечению твоему, имъ же по вся дни о спасении душъ нашихъ печешися, святаго учениа *настоанием,* и святѣйшаго живота прежнихъ отецъ образомъ, и данною ко мнѣ епистолии твоей изобилиемъ? Ино не имам ничто, токмо благодарение и къ богу молитвы обильними слезами въздати. Лѣпо есть и на всяко время на всякомъ мѣсте от всего сердца, целым умомъ, всѣми силами моими, свершеннымъ желаниемъ, дѣломъ и словом въ всемъ животѣ моемъ тебе возлюблю. И не язъ токмо, но и вси вѣрнии, правии сердцемъ, възлюбят и восхвалят тя, почтят и прославят тя купно со мною, иже тебя въчтена на святительство и наказана по *отечьскаго* закона и истиннѣ, аки отца чествують, и тебе, всякою премудростию опасному вѣдѣниемъ наученому и учениа исполнену, аки вожу послѣдуютъ, жизнь, в ней же славятся блаженныхъ души неложно, *наслѣдятъ.* Твое бо учение свѣтлое темнаго Феодора просвѣщает, и по сихъ многая благодарениа воздаю тебе за твоа благодѣаниа, да безблагодарьствиа порокъ убѣжати возъмогу. Безъблагодарство бо врагъ есть души, испражнение добродѣтелемъ, силам душевнымъ разсточение, добродѣйством пагуба и вѣтръ жгомы, изсушаа источникъ милости, росу благоутробиа и потокъ благодати смущая. Сеа ради вины прилѣженъ бѣхъ и прилѣжнѣе буду повелѣниемъ твоимъ всегда повиноватися и благодарение от себе благотворящимъ воздати, поне бо и звѣрие порокъ безъблагодарства бежати видимъ и спричастимые пищи хранити память. Азъ бо желаю, дабы писанейцо сие неученное твоимъ ученнымъ ушесем тако бы сладко было, яко же устомъ моимъ сладка твоа рыбица, туне поданная.

По предиреченных же веледушна мя твориши к терпѣнию даже до конца, свѣтлѣйшими епистолии твоей *совѣщании* во скорбѣхъ и противствѣх моихъ. Но зане человѣци в сем мирѣ, скорбемъ подлежащие, *въ разнныхъ* чинѣхъ плавають, сего ради за провожение долгаго времени в настоящихъ такоже умыслихъ нѣчто тобѣ от малыхъ написати. И за разумъ тѣх спригодно то видяшеся послѣдующи сподвигнути слово: или дѣло народное, или царьство, или владычьство къ своей вѣчности паче приемлет правду или тръпѣние? Аще речемъ, яко тръпѣние паче есть потребно к соблюдению владычества или царства, тогда вотще сложены суть законы. Тогда обычаи святые и благые уставы разърушени и въ царствехъ, в начальствех, во градѣхъ, сожительство человѣкъ живеть безъ чину, или, аще к тому всемогий богъ безвѣстнаа и тайная премудрости своеа открылъ кому, или вселичнѣ мудростию

правила жизни, светильник для меня, ноги которого заблудились на реках Вавилонских. Как отвечу на заботу твою, с которой ты во все дни о спасении душ наших печешься, в святом учении наставлением, и святейшей жизни прежних отцов примером, и полученного мной послания твоего богатством? Я не могу воздать тебе ничем, кроме благодарности и к богу молитвами с обильными слезами. Подобает, чтобы во всякое время на всяком месте всем сердцем, всей душой, всеми силами моими, чистосердечным желанием, делом и словом на протяжении всей жизни моей я возлюбил тебя. И не я только, но и все правоверные, праведные сердцем, полюбят и восхвалят тебя, почтят и прославят тебя вместе со мной, те, которые любят тебя, поставленного владыкой и наученного в святоотеческом законе и истине, как отца чествуют, и за тобой, искушенным во всякой премудрости основательных знаний и преисполненным учения, как за главой пойдут, жизнь, в которой прославляются блаженных души неложно, унаследуют. Ибо твое учение светлое темного Федора просвещает, и поэтому я великую благодарность воздаю тебе за твои благодеяния, чтобы избежать порока неблагодарности. Ведь неблагодарность — враг души, исчезновение добродетелей, сил душевных истощение, добродетелям конец и ветер жгучий, иссушающий источник милости, росу милосердия и поток благодати смущающий. По этой причине я прилежно повиновался и еще прилежнее буду всегда повиноваться повелениям твоим и благодарность свою делающим благо воздавать, потому что и звери, как мы видим, избегают порока неблагодарности и о данной им пище хранят воспоминание. Ведь я желаю, чтобы сочиненьице это неученое для твоих ученых ушей столь же приятно было бы, как для уст моих была приятна твоя рыбица, даром мне данная.

Своими словами ты призываешь меня быть до конца стойким в терпении, в печалях и несчастьях моих, яснейшими советами послания твоего. Но поскольку люди, скорбям подверженные, в этом мире плавают, будучи в разном положении, поэтому для времяпрепровождения я сейчас также решил нечто краткое тебе написать. И для понимания этих вещей ты правильно, как мне кажется, поставил следующий вопрос: для устойчивости дела народного, или царства, или власти важнее правда или терпение? Если мы скажем, что терпение важнее для сохранения власти или царства, тогда напрасно составлены законы. Тогда обычаи священные и хорошие установления будут разрушены и в царствах, и в правительстве, и в городах, общество человеческое придет в беспорядок, а если ко всему прочему всемогущий бог неизвестные и тайные премудрости свои открыл кому-нибудь, или всячески мудростью

упрѣмудрилъ, или думою укрѣпилъ, или ратнымъ духомъ въоружил, вся сиа Духу наплъняти мнимъ о блазѣмъ. Кто можеть противитися богу — помилованныхъ от бога нищетою или несмотрениемъ казнити, и гдѣ паки положимъ святого апостола Павла поучениа: «Кто,— рече,— воиньствуеть своими оброки коли?» Сирѣчь да царю въиньствуеть, а своими оброки довлится, а не царскими. И паки святый апостолъ Ияковъ глаголеть: «Се мзда,— рече,— дѣлателей, дѣлавших нивы ваша, лишена от васъ, въпиетъ; и вопиениа жавшихъ въ уши господа Саваофа внидоша». И аще нивы жавших и дѣлавшихъ тацѣхъ кричаниа въ уши господа Саваофа внидоша, мъзды не взявших, колицѣ ми мниши болши быти великы труды подъемлющихъ за царя и за царство, и крови проливающи, и самую душу полагающе, и мъзду малу приемлюще. Аще бо под тръпѣниемъ жити уставиши, тогда нѣсть треба царьству или владычьству правители и князи; престанет убо начальство, владычьство и господьство, и живется безъ чину; с молвою силный погнѣтет безсилнаго, да тръпѣние имать. Ниже треба будеть судей въ царствѣ имѣти, иже коемуждо правду учинят, зане тръпѣние вся исполънитъ, иде же въ тръпѣнии жити *будуть*.

Аще же речемъ, яко правда есть потребна во всякомъ градскомъ дѣле и царствѣ къ прибытию царства, по ней же единому комуждо еже свое есть въздается, свято и праведно живется, тогда хвала трпѣниа погибнеть. Внегда глаголется «въ тръпѣнии вашемъ стяжете душа ваша» — къ разрѣшению сеа рѣчи вѣдомо есть, яко ин есть судъ въ духовныхъ лицехъ, а инъ въ мирьском начальствѣ. Всѣмъ бо христовѣрнымъ имѣемо есть терпѣние такоже под заповѣдию и евангельскимъ совѣтомъ — овѣмъ болѣ, овѣмъ менши по разчинию лицъ, и дѣла, и времени. В монастырѣхъ бо от братии никогда подобаеть оскудѣти тръпѣнию, в мирском же начальствѣ истязуют многа бо подовластныхъ: овогда убо слугъ, иногда оружии, другойци коней, иногда одежъ красныхъ, иногда ина, коя състоятся сребромъ, пѣнязьми. И аще реку: аз тръплю, не имѣя же предреченныхъ, въ что вмѣнится мое тръпѣние? Развѣ оставится от отечьства, изгонится от службы честны, причтется нищъ ко службѣ непотребнѣ и нѣ како по его отечьству, къ тому же и домовная потреба много стужит, зане тръпѣнием отягчени зѣльнымъ таци. Дѣло народное въ градѣхъ и царствѣхъ погибнет длъгодушьствомъ тръпѣниа, долготръпѣние в людехъ безъ правды и закона общества добро разърушает и дѣло народное ни во что низводитъ, злыа нравы въ царствѣхъ вводить и творитъ людей государемъ непослушныхъ за нищету. Сего ради всякъ градъ и всяко царьство,

умудрил его, или в мыслях укрепил, или боевым духом вооружил, окажется, что все это святой Дух совершил понапрасну. Кто может противиться богу — помилованных богом нищетой или невниманием наказывать, и как мы опять-таки поймем святого апостола Павла поучения: «Какой воин,— сказал он,— служит когда-либо на своем содержании?» То есть за царя воюет, а своим содержанием удовлетворяется, а не царским. И опять же святой апостол Иаков говорит: «Вот плата,— сказал он,— работников, работавших на полях ваших, удержанная вами, вопиет; и вопли жнецов дошли до слуха господа Саваофа». И если крик жавших и обрабатывавших поля, не получивших платы, до слуха господа Саваофа дошел, насколько, скажи мне, важнее те, кто великие труды совершает для царя и для царства, и кровь проливая, и самую душу отдавая, и плату малую получая. Ведь если ты установишь, чтобы с терпением жили, тогда не нужны для царства или власти правители и князья; итак, упразднится начальство, власть и господство, и будет жизнь беспорядочной; в буйстве сильный будет угнетать бессильного, пусть он терпит. И не нужны будут судьи в царстве, которые правду блюдут, потому что все разрешит терпение там, где в терпении жить будут.

Если же мы скажем, что правда необходима во всяком государственном деле и царстве к укреплению царства, согласно которой каждому человеку причитается заслуженное им, свято и праведно живется, тогда похвала терпения будет не нужна. Когда говорится «терпением вашим спасайте души ваши»— для понимания этих слов нужно знать, что духовные лица судятся так, а живущие в миру иначе. Ибо всем христианам должно быть присуще терпение и по мирскому правилу и по евангельскому учению — одним более, другим менее в зависимости от лиц, и обстоятельств, и времени. Среди монастырских братьев никогда не должно оскудеть терпение, а в мирской жизни требуется многое от подданных: иногда слуги, иногда оружие, в другой раз кони, иногда одежды красивые, иногда другие вещи, которые приобретаются за серебро, за деньги. И если я скажу: я терплю, не имея указанных вещей, к чему приведет мое терпение? Но будет лишен такой человек вотчины, будет изгнан со службы честной, будет послан нищим на службу негодную и не подобающую его происхождению, к тому же и домашние дела сильно досаждают, потому что великим терпением обременены люди. Дело народное в городах и царствах погибнет из-за излишнего терпения, долготерпение среди людей без правды и закона общество достойное разрушает и дело народное сводит на нет, дурные нравы в царствах вводит и делает людей непослушными государям из-за нищеты. Поэтому всякий город и всякое царство,

по Аристотелю, управлятися имать от начальникъ въ правдѣ и изъвѣстными законы праведными, а не тръпѣниемъ. Зане мы, человеци, иже естьмя в семъ мори велицемъ, в нем же бури бѣдны, требу имамы жити под цари, иже нас въ царьствѣхъ и градехъ своихъ по коегождо сподоблению праведнѣ пасуть, неповинных защищають, вредимыхъ разърѣшають, вредящих и озлобляющихъ казнят, неисцѣлныхъ же весма от среды благыхъ возъмутъ. Тѣм же въ всякомъ языцѣ и людехъ треба есть быти царем и началникомъ, иже подобають имѣти подобие гуслей игреца Давида в себѣ. Яко же бо гусленикъ струны блядущие соединяеть къ согласию и къ соединению сладкости бряцаниа, касая, приводитъ, тако начальникъ всякаго самодръжства блудящихъ и врежающихъ грѣшникъ понудити имать на согласие благых грозою закона и правды, а добрыхъ подвластныхъ беречи своимъ жалованием и уроженною милостью и раздражати къ добродѣтелемъ и добрымъ дѣломъ мъздами, и сладкими и благыми словесы, умягченными вѣщании, злых же казньми полутшати, и прещении обличати, и от лихости на добро царскыми воспоминании приводити, ненасыщаемыхъ же и злых, иже лечьбы полутшениа приняти не хотятъ ниже бога любити, отнюдь истребити. Яко же полнѣе философъ нравоучителны Аристотель бесѣдуетъ во своей 10 книзѣ нравъ. Сиа же вся аще начальникъ не сотворит ниже прилѣженъ въ попечении своихъ подвластных будеть, но неповинных от силныхъ погнестися попустит, тогда грехи и насильства погнетающих своа творитъ и за тая отвѣтъ въздати велиему Судыи долженъ, да аще в сих себе еще не полутшаеть, тогда за тѣхъ казнится, яко же и про своа грехи, по глаголу апостола Павла къ *римълянам,* I глава: «Достойни суть смерти не токмо творящии, но и иже попускають творящимъ». И «кровъ его от руку твоею взыщу»,— глаголет господь въ Езекииле, 33 глава.

Но увы, ужо в нынѣшные времена мнози началники на своихъ подвластныхъ и сирыхъ не призирають, но их под невѣрными приказъщики погнетатися попускають, о стражбѣ должной стада порученнаго не радяще, под тяжкою работою терпѣниа жити своихъ попускають, и не расматряють, яко человечьский род немощенъ есть и паче похотѣнию последуеть чювственому, неже правому словества суду. Сего ради нужа бѣ человѣкомъ во вся времяна под законы жити: первое, въ время естества, под закономъ естественымъ; второе, во время закона, под закономъ Моисѣйским; третьее, и нынѣ, во время благодати, под закономъ Христовымъ. Зане въ всяко время от пръваго зла Каинова дажъ до послѣдняго зла человеци

по Аристотелю, управляться должно начальниками по правде и определенными законами справедливыми, а не терпением. Потому что мы, люди, находящиеся в этом море великом, в котором бури губительны, нуждаемся во власти царей, которые нас в царствах и городах своих по достоинству каждого справедливо пасут, невинных защищают, страдающих освобождают, вредящих и угнетающих наказывают, а совершенно неизлечимых людей из общества хороших удаляют. Поэтому всяким странам и народам необходимы цари и начальники, которые должны быть наподобие гуслей музыканта Давида. Ведь как гусляр струны расстроенные приводит в согласие и стройные приятные созвучия, бряцая, извлекает из них, так глава всякого царства непослушных и зловредных грешников понуждать должен к согласию с добрыми людьми грозой закона и правды, а добрых подданных беречь своим жалованьем и положенной им милостью и побуждать к добродетелям и добрым делам дарами, и сладостными и добрыми словами, утешительными речами, злых же наказаниями делать лучше, и угрозами обличать, и от порока к добру царскими напоминаниями приводить, а ненасытных и злых, которые при лечении не хотят становиться лучше и бога любить, совершенно истребить. Как об этом пространнее философ нравоучающий Аристотель говорит в своей десятой книге о нравах. Если же все это начальник не выполнит и не будет прилежно заботиться о своих подданных, но допустит угнетение неповинных сильными, тогда грехи и насилия угнетающего на него ложатся, и за них ответ должен он будет дать великому Судье, и если при этом сам не делается лучше, тогда за грехи тех наказывается, как и за свои, по словам апостола Павла к римлянам, первая глава: «Достойны смерти не только делающие, но и попустительствующие делающим». И «кровь его от руки твоей взыщу»,— говорит господь в Книге Иезекииля, тридцать третья глава.

Но увы, уже в нынешние времена многие начальники о своих подданных и сиротах не пекутся, но допускают их угнетение лживыми наместниками, об охране должной порученного им стада не заботясь, под тяжким бременем терпения жить своих подданных оставляют и не учитывают, что человеческий род немощен и скорее поддается влечению чувственному, нежели правому суду разума. Поэтому должны были люди во все времена под властью закона жить: в первый период, во времена естественной жизни, под законом естественным; во второй период, во времена закона, под законом Моисея; в третий, и теперь, во времена благодати, под законом Христовым. Ибо во все времена от первого злодеяния Каина вплоть до последнего злодеяния злые люди

в семъ смертномъ мирѣ всегда будуть злии меж добрыхъ смѣшны, и всегда добрии постражуть спротивъства от злыхъ. Сего ради закономъ быти нужа бѣ, да тѣхъ страхом человеческая дерзость запрѣтится, и опасно будеть межъ неключимыхъ неповинство. Того ради даны законы, да не кто силнѣ вся възможеть. Тако же здѣ вѣдати имаши, яко всѣми ужо мною реченными не мню изпразнити хвалу тръпѣниа ниже отрицаю тръпѣние быти добродѣтель евангельскую и свершенных и святыхъ человекъ, коею равнодушьствомъ подъемлются спротивнаа, побѣжаем противоположнаа ею же, скарѣдства отрѣваемъ. Терпѣние бо свершенным *изначалнѣ* апостоломъ, иже есть проповѣдникомъ, есть потребна, тѣм бо сподобляются сожребиа аггельскаго, зане тръпѣниемъ искушаются избраннии, и аки злато в горнилѣ, очищено седмерицею, преже даже в радости небесныя сподобятся въвестися. Иже убо возжелает въистину терпелив быти, треба есть ему мысль горделивую оставити, Христу послѣдовати и от мира сего плыти ко пристанищу пустынному; а иже въ буряхъ и волнениихъ сего мира съблюсти возможеть, далече блаженнѣе будеть. От сихъ ужо уразумѣлъ еси, яко тръпѣниа не отвръгох, но показахъ токмо, коль потребна суть во всякомъ гражаньствѣ правда и законы ко исправлению неустроиныхъ, по глаголу Павла апостола къ фесалоникѣемъ, 5, егда глаголеть: «Молим же вы, братие, обличайте неустроиныхъ, утѣшайте малодушъных, приемлите немощныхъ, терпеливи будете къ всѣм». И сиа вся бывають правдою, и милостью, и истинною. Ради милости бо предстатель и князь от подвластных велми любится, а истинны ради боится. Милость бо безъ справды малодушьство есть, а правда безъ милости мучительство есть, и сиа два разрушають царьство и всяко градосожительство. Но милость правдою пострекаема, а правда милостью укрощаема сохраняють царя царство въ многоденьствѣ.

О семъ, владыко, прѣти и моли, да богу поспѣшъствующу, сиа исправятся. По апостолу «яко дние злие суть» мню, конци вѣкъ достигоша. Сиа прочетши, и добрѣ уразумѣвъ, доволнѣ отвѣщано быти узриши. Множайша тебѣ о семъ существѣ сложил бы, аще бы любезное и плодовитое было лѣто, в нем же въ птичьихъ пѣснехъ писати услажаеть писца. Нынѣ же врази животу — мраз, студен снѣгъ и дымъ разумъ смущають, перъсты стѣсняють, очи слезити понужають, чернило мрълзнеть, харатью сажею опорочают, коя вся писцу спротивна быти видятся. И аще здѣ могу сей епистолии конець правымъ чиномъ наложити, обаче зане мужъ еси желаниа и попеченнѣ вся испытуа, боюся, да не како мене скупа отвѣщателя къ вопрошению твоему назовеши. Зане убо сиа доволна видятся, и аще реку множайша, тогда нѣчто тая языческая

в этом бренном мире всегда будут с добрыми смешаны, и всегда добрые будут страдать от преступлений злых. Потому законы были нужны, чтобы страхом перед ними человеческая дерзость обуздалась и чтобы спокойно существовала между негодными невинность. Для того даны законы, чтобы не было так, что кто сильный — все может. Итак, теперь ты можешь понять, что всем сказанным мной я не хочу умалить терпение и не отрицаю, что терпение — добродетель евангельская и совершенных и святых людей, равнодушие к которой порождает вредные побуждения, а ею мы побеждаем противоположные устремления, пороки прогоняем. Ведь терпение изначально совершенным апостолам, то есть проповедникам, необходимо, так как благодаря ему они удостаиваются удела ангельского, потому что терпением проверяются избранные, как золото в горниле, очищенное семь раз, прежде чем радости небесной удостоятся. Тот, кто пожелает поистине терпеливым быть, тому необходимо мысли гордые оставить, за Христом последовать и от мира этого плыть к пристани пустынной; а кто в бурях и волнениях этого мира сможет сохранить терпение, много блаженнее будет. Из этих слов ты уже понял, что я терпения не отверг, но показал только, насколько необходимы во всяком государстве правда и законы для исправления бесчинных, по словам Павла-апостола к фессалоникийцам, пятая глава, когда он говорит: «Умоляем также вас, братия, вразумляйте бесчинных, утешайте малодушных, поддерживайте слабых, будьте терпеливы ко всем». И это все делается правдой, и милостью, и истиной. Из-за милости ведь предводитель и князь подданными весьма любим, а из-за истины его боятся. Ибо милость без правды есть малодушество, а правда без милости есть мучительство, и оба они разрушают царство и всякое общежитие. Но милость, правдой поддерживаемая, а правда, милостью укрощаемая, сохраняют царю царство на многие дни.

Об этом, владыка, наставляй и моли, чтобы с божьей помощью так устроилось. Я по апостолу думаю, что «дни лукавые настали», конца света достигли. Прочтя это и хорошо уразумев, ты увидишь, что я достаточно полно ответил. Я бы и больше тебе об этом предмете написал, если бы хорошее и плодородное было лето, когда песни птиц услаждают писца за письмом. Сейчас же враги жизни — мороз, холодный снег и дым разум смущают, пальцы сводят, глаза слезиться заставляют, чернила замерзать, бумагу сажей засыпают, и все это, как кажется, мешает писцу. И хотя здесь я могу должным образом окончить это послание, но поскольку ты муж желаний и усердно все постигаешь, боюсь, что ты мой ответ на вопрос твой скупым назовешь. Поскольку это достаточным кажется, и если я скажу больше, тогда это чем-то языческим

и чюжа быти речеши, вѣмъ, что сътворю: сиа предрекши, нѣкаа тебѣ новаа составлю.

Благословеснѣйший евангелистъ Иоаннъ «весь миръ во злѣ лежати» пишеть.

Златыа вѣки суть въистинну нынѣ: много златомъ
Приходит санъ, златомъ съвѣтуется любовь.
Въ ценѣ цена нынѣ есть, даеть кенсон саны,
Кенсон дружбы, убогий вездѣ лежитъ празденъ.

Такъже и Петръ, апостольский началникъ, днесь аще съ *теологиею* и разныхъ силъ с чюдесы приидеть, аще ничего не принесетъ, дверемъ затворенымъ, извержется вонъ. Никоторый порокъ не скуденъ и грѣхъ похотный, от него же дѣло опщее человеческое падаеть. Много нынѣ в мирѣ в наши времяна льстей и лукавьствы; нынѣ кто вредил перваго, хощеть мощи вредити и втораго; нынѣ умъ строптивы злыхъ не поучается ползу чинити, но и не боиться беспамятенъ взятаго быти добра; въздати радуется человекъ лукавый за медъ яд, за плод пеню, за благость лесть. Нынѣ брани вездѣ:

Нынѣ живутъ от похищениа; нѣсть гостиникъ от гостя безъ боязни.
Нѣсть тесть от зятя; и братская убо любовь редка есть.

Належитъ пагуба: вземляй ризу, хощеть взяти и срачицу; украдый овцу, мыслит отвести и корову, ниже в томъ конець поставляет, но аще можетъ, все прилежитъ ближняго похитити, ниже в томъ почиет, донелѣ последи того же ближняго своего от сего житьа отовлечеть. Годѣ ужо да почиетъ трость, путь злыхъ пиша в сом бѣдномъ животѣ, о нем же ко мнѣ гаданиемъ писалъ еси възвещати. От сихъ бо цѣло уразумѣлъ еси, коль вредными и неугодными стезями хромыми ногами, слепыма очима она земная власть и все естество человечьское ходить нынѣ.

По сих по чину да господь богъ вся твоа и тебя добрѣ въ благодати своей устроить, душу твою святую къ славѣ да сохранит, тѣло упасеть, умъ в земныхъ дѣйствуемыхъ да исправитъ, разумъ и внутреняго твоего человека къ зрѣнию *божественаго Писания* да воставитъ, да сконьчавъ настоящихъ мирскихъ лѣтъ число, взыти въ обою человеку възможеши ко обѣтованной землѣ живыхъ, в ней же часы не начинаюгь дней, восхода и захода не имѣютъ, годоваго предѣла не стяжут, старость младеньства не пременяеть, немощъ здравиа не озлобляеть, смерть живота не скончеваеть; времена несчастиа тамо не чаются, тамо вся красна, ничто неблаго, вся добра, ничто спротивно, нѣсть труда телеснаго или мысленаго, но всегда бес конца тихий покой, никоего неразумиа, но всевѣчна премудрость. Благочестенъ онъ,

и чуждым ты назовешь, я знаю, что сделаю: это закончив, нечто тебе новое напишу.

Благословеснейший евангелист Иоанн пишет, что «весь мир во зле лежит».

Истинно, век наш есть век золотой! Покупается ныне
Золотом — почесть и власть, золотом — нежная страсть.
Деньги ныне в цене: почет достается за деньги,
Дружба за деньги; бедняк людям не нужен нигде.

Даже если Петр, начальник апостолов, сегодня с теологией и с чудесами разных сил придет, если он ничего не принесет, то двери будут закрыты, а он изгнан. Никакой порок не оскудевает и грех похоти, от которого общее человеческое дело приходит в упадок. Много сейчас в мире в наши времена лести и лукавства; сейчас кто навредил одному, хочет суметь навредить и другому; сейчас ум строптивый злых не научается пользу приносить, но зато не боится забыть о полученном им добре; отплатить старается человек лукавый за мед ядом, за плод штрафом, за благо обманом. Сейчас брани везде:

Люди живут грабежом; в хозяине гость не уверен,
В зяте — тесть; редка приязнь и меж братьями стала.

Угрожает гибель: берущий платье, хочет взять и рубашку; укравший овцу, замышляет увести и корову, и на этом не останавливается, но если может, все старается у ближнего похитить, и на этом не успокоится, пока наконец ближнего своего не лишит жизни. Пора уже, чтобы отдохнуло перо, дела злых описывая в этой несчастной жизни, о которых ты меня загадочно просил сообщить. Ибо теперь ты до конца уразумел, сколь вредными и дурными путями с хромыми ногами, со слепыми глазами эта земная власть и вся природа человеческая ходит теперь.

Итак, да устроит, как подобает, господь бог все твои дела и тебя самого хорошо по благодати своей, да сохранит душу твою святую для славы, тело спасет, ум в земных деяниях исправит, разум и внутренние твои помыслы к пониманию божественного Писания да воздвигнет, чтобы, исчерпав число лет в этой мирской жизни, ты телом и духом мог достигнуть обетованной земли живых, в которой часы не начинают дней, дни восхода и захода не имеют, не достигают пределов года, старостью младенчество не сменяется, немощь здоровья не разрушает, смерть жизни не оканчивает; времена несчастий там не ожидаются, там все прекрасно, нет ничего дурного, все доброе, ничего враждебного, нет трудов телесных или мысленных, но всегда без конца тихий покой, ничего неразумного, но вечная премудрость. Благочестив тот,

кой къ толь благочестну отечеству направляеть шествие свое от младеньства под благим игомъ и легкимъ бременемъ господа нашего Исуса Христа, ему же слава всегда, нынѣ, присно и в вѣки вѣкомъ, аминь.

ПОСЛАНИЕ ИНОКУ ФИЛОФЕЮ

Послание Феодора Карпова

Многоученному и о словесех тщалевейшему господину Филофѣю иноку Феодор Иванов сын Карповъ радоватися о господѣ и благоимѣтися во всѣх.

Восприах твое писанейце июля въ 29 от имя рек, прочтох и разумѣх добре. Уподобляет бо тебе наученному мужу, износящему новоя и ветхая от сокровищ своих, по еуангельской истории. Омировым бо словомъ и риторским разумом пригодне сложени, не варварски же, ни невѣжески, но грамотически умѣтельне сложена. Похваляю, яко разум божественных и человеческих умѣюща. И аще *подѣлие,* поучение твоего разума, о иноче, такова суть добра и услажденна — мощи веселити прочитающаго разума, какова убо будет, *яже* не спѣшне и просте, но со тщанием попеченым и зрѣнием протяженнейшим сложима от тебе писание. И паки мнѣ пиши, и от нас приимеши подобная.

Возмогай и паки возмогай.

кто к столь благочестивому отечеству направляет путь свой с младенчества под благим ярмом и легким бременем господа нашего Иисуса Христа, которому слава всегда, ныне, присно и на веки вечные, аминь.

ПОСЛАНИЕ ИНОКУ ФИЛОФЕЮ

Послание Федора Карпова

Многоученому и в словах искуснейшему господину Филофею-иноку Федор Иванов сын Карпов желает радоваться ради господа и быть благополучным во всем.

Получил я твое письмецо 29 июля от такого-то человека, прочитал его и хорошо понял. Оно дает возможность сравнить тебя с ученым мужем, извлекающим новые и древние вещи из сокровищниц своих, по евангельскому рассказу. Ведь твое письмо Гомеровым слогом и по правилам риторики удачно составлено, а не варварски, или неграмотно, но с грамматическим искусством составлено. Хвалю тебя за то, что ты смысл божественных и человеческих вещей понял. И если уж пустячок, поучение твоего разума, о инок, столь хорошо и сладостно,— может обрадовать разум читающего,— каковы же будут твои сочинения, которые ты не спеша и попросту, но с особенной тщательностью и хорошо обдумав, сложишь. Пиши мне еще, и от меня получишь то же.

Будь здоров и вновь будь здоров.

ПОУЧЕНИЕ ДАНИИЛА, МИТРОПОЛИТА ВСЕЯ РУСИ

Подобает нам преже всего, о благоразумная чада, възлюбити внимание и брежение о себѣ кождо нас и всяко попечение и любомудрие състрояти и о душах наших. Видите ли, како скоро мимо текут дние лѣт наших? Яко конь скоро мимо течет, и яко птица по воздуху сокро мимо летит, тако и дние наши, и часы, и часци скоро мимо текут. Якоже бо в мимотечении здѣ есмы в настоящем сем житии и якоже в гостех пребываем; нѣсть бо прочно нам сие житие, ни бо здѣ есть нам жити. Но иже сего ради приведе нас господь богъ в настоящее сие житие, да не настоящему внимаем и мимотекущая прочим, но да вся к будущему животу промышляем и готовимъ.

Не сие бо есть отечьство наше, но преселение и паче, истинно рещи, изгнание. Ибо во изгнании здѣ есмы вси человѣцы, якоже писано есть, яко пришелци есмы здѣ и преселници. Взыщем отечьства нашего и не усвоимъ себѣ ниже прочимъ мимотекущаго сего житиа. Нѣесть бо прочно, и усвоенно, и постоянно никому — же от нас, якоже и прежде написася, яко гостей приятъ нас и скоро яко гостей отпустить нас на оно житие, и ничтоже намъ на путь дасть, аще не сами себѣ предуготовимъ благыхъ дѣлъ.

Сего ради трезвитися намъ подобаеть и готовымы быти на всякъ день и час, и разсмотряти себѣ, аще в чесомъ съгрѣшихомъ, или в дѣлѣ, или въ словѣ, или в помышлении, или въ зрѣнии, или въ осужении, или в гордости, или въ щаплении. И в чесом аще будет изыскати себе, всегда подобает и о случающихся винах каатися, и рыдати, и плакати, да простит нам господь-богъ съгрѣшениа наша и да помилует нас в сем вѣцѣ и в будущем. Понеже истязани и испытани будем о всякых

ПОУЧЕНИЕ ДАНИИЛА, МИТРОПОЛИТА ВСЕЯ РУСИ

Подобает нам прежде всего, о благоразумные чада, возлюбить каждому из нас внимание и заботу о себе и осуществлять всячески искусное попечение о душах наших. Видите, как быстро идут дни жизни нашей? Как быстро бежит конь, и как птица по воздуху быстро летит,— так и дни наши, и часы, и минуты проходят быстро. Ибо не вечны мы здесь, в настоящей жизни, и как бы в гостях пребываем; непостоянно это житие, и не здесь уготовано нам жить. Но того ради привел нас господь бог в настоящую жизнь, чтобы мы не настоящему внимали и не о преходящем заботились, но чтобы все к будущей жизни промышляли и готовили.

Здесь не отечество наше, но временное пребывание и, больше того, если истинно говорить — изгнание. Ибо в изгнании мы здесь, все люди, как сказано: здесь пришлецы мы и странники. Взыщем же отечества нашего и не приобщим ни себя, ни других быстротекущей сей жизни. Ибо не вечна она, не постоянна и не надежна ни для кого из нас, как и прежде было сказано, как гостей принимает нас, и скоро, как гостей, отпускает на будущее житие, и ничего не дает нам в путь, если сами не уготовим себе благих дел.

Потому подобает нам пребывать в трезвости, и быть готовыми всякий день и час, и смотреть на себя, не согрешили ли в чем,— в деле, слове ли, в помышлении ли, или в зрении, в осуждении, в гордости, в величании. И в чем если случится изобличить себя, всегда подобает о случившихся винах каяться, и рыдать, и плакать, да простит нам господь бог согрешения наши и помилует нас в сем веке и в будущем. Ибо к истязанию и испытанию приведены будем о всяких

вещех, вси человѣци: и пастыри, и учители, и прочий священничьский причетъ, и мужи, и жены, и юнии, и старци, раби и свободнии, и воини и купци, и художници и земледѣльци. Но и царие, и князи, и вси, иже в велицѣй славѣ сущии, ни откуду помощи не обрящут, развѣ точию от добрых дѣлъ. Ино бо нѣкое нас отсюду приимет живота устроение, и судищу предстанем Страшному, подобает нам предстати пред судищем Христовымъ, да приимет кождо, яже с тѣлом сьдѣла, или благо, или зло.

Сего ради незабытно и нелѣностно шествуем настоящий сей наш путь и подвигъ и имѣим в себѣ всегда страх божий и страшный онъ день суда Христова, да благочестно и любодобродѣтелно житие поживем на земли сей божией.

Кая убо нам спасениа надежда будеть, егда на земли живуще божией, небрежениа мудръствуем? Кая нам полза срамно и зазарно житие имѣти? Тѣм же, паче всего внимание имѣемъ о себѣ. И паче же освященнымъ богови отвсюду подобаеть стяжати опасное внимание и брежение и въ одеждахъ, и въ обущах, и въ образе, и въ зрѣнии, и в хожении и на пути, и на торжищи, и в дому, и вѣщающу, и молчащу, и обѣдающю, и въ всѣхъ просто благостройное и полезное. Богъ бо, рече, на сердце зрить, человѣк же — на лице; и сердечная убо умышления знаема суть богу, человѣци же от сущих внѣ знаменують внутренняа и не явленая: аще убо узрят кого не во благообразии суща, или в дѣлех, или въ словесѣхъ зазрять, и тако отвнѣ сущаго безчиннаго шатания судят и яже внутрь. И соблазнъ и предкновение бывает многым.

Сего ради глаголеть великий апостолъ Павелъ: «Непредкновенни бывайте июдѣемь, и еллином, и церкви божией». Но и въ священных правилех написаша святии апостоли и о епископѣх, и о причетницех, и о простых человѣцех, еже яко не смѣхотворное и не безчинное житие имѣти нам. Такоже по святых апостолех пастыри, и учители, и преподобнии и богоносний отци наши укрѣпиша, и уставиша, и въ священныа правила положиша на память и на утвержение послѣднему роду. Велико бо прочитающим священная правила и прочаа божественаа писания приобрѣтение и полза бывает. И кто разумѣвая сих, той *утружаяся,* и подвизаяся, и поты проливая, искый уразумѣти любомудрие сих и волю божию, и отбѣгая, яко от змия, от срамасловия, и суесловия, и собраниа бесѣд душавредящих, точию приемля заповѣди господня и предания и учениа святых апостолъ и преподобных и богоносных отецъ наших, и в сицевых играет и утѣшается, и радуеться душа их. Неже скомрахи, и плясци, и шахматы и тавлѣеми, их же отрекоша святии апостоли и святии отцы.

вещах, все люди: и пастыри, и учители, и весь священнический причт, и мужи, и жены, и юные, и старцы, рабы и свободные, воины и купцы, ремесленники и земледельцы. Также цари, и князья, и все, пребывающие в великой славе, ниоткуда не получат помощи, кроме как только от добрых дел. Ибо когда неведомая кончина возьмет нас из сей жизни и предстанем мы суду Страшному, подобает нам предстать пред судом Христовым, дабы каждой душе принять за то, что соделала вместе с телом — благого или злого.

Потому, помня об этом и не предаваясь лености, будем шествовать дорогой этой и подвижническим путем и, имея всегда в себе страх божий и память о страшном том дне суда Христова, честно и добродетельно кончим жизнь на этой земле божией.

Как же будет нам дана надежда спасения, когда, живя на земле божией, упражняемся в небрежении? Что за польза нам иметь позорное и постыдное житие? Потому всего больше надлежит подумать о себе. И особенно тем, кто посвящен богу, подобает во всем прилежание и попечение блюсти: и в одеждах, и в обуви, и в обличье и внешнем виде, во время хождения по улице, в торгу, и в доме, и за разговором, и в молчании, и во время обеда — во всем стремиться к простоте, благоустроению и пользе. Ибо сказано: бог на сердце зрит, человек же — на лицо; только богу известны сердечные помышления, люди же судят по внешнему о внутреннем и сокровенном: если приметят кого не в благообразии пребывающим, в деле или в словах кого в чем осудят, то так по внешнему бесчинному шатанию начинают судить и о том, что внутри. И так соблазн и преткновение бывает многим.

Потому и глаголет великий апостол Павел: «Не подавайте соблазна ни иудеям, ни эллинам, ни церкви божией». И в священных правилах написали святые апостолы о епископах, и о причетниках, и о простых людях, дабы не смехотворное и бесчинное житие иметь им. То же самое вслед за святыми апостолами пастыри, учители и преподобные и богоносные отцы наши утвердили, и установили, и в святые правила положили на память и на утверждение последнему роду. Великая польза и приобретение бывает чтущим священные правила и прочие божественные писания. Кто разумеет их и, принимая труды и подвиги и поты проливая, ищет проникнуть в мудрость их и волю божию, и, бегая как от змея от срамословия и суесловия, и от сборищ словесных, губящих душу, приемлет одни заповеди господни, предания и учение святых апостолов и преподобных и богоносных отцов наших, тот радуется и утешается ими, и радуется душа их. Не то что скоморохи, и плясуны, и игральщики в шахматы и шашки, которых предали отрешению святые апостолы и святые отцы,

Нынѣ же суть нѣции от священных, яже суть сии пресвитери, и диякони, и подъдиакони, и чтецы, и пѣвци, глумятся и играют в гусли, въ домры, въ смыки, к сему жь и зернию, и шахматы, и тавлѣеми, и в пѣснех бесовьских, и в безмѣрном и премногом пианствѣ, и въсякое плотское мудрование и наслажение паче духовных любяще, и тако себѣ и иным велик вред бывающе.

И мы отнынѣ наказуемь и святыми писанми воспоминаемь, еже не быти таковому безчинному обычаю, всякого студа, и срама, и зазрѣния исполненому. И наипаче же — во священнѣм сем дому пречистые богородици, великиа и святѣйшиа митрополии всеа Руси, не глумитися, ни играти ни презвитером, ни диаконом, ни поддиакономъ, ни чтецем, ни певцем, ни свѣщеносцем, ни пономарем, ни сторожемь и всѣм прочим простым человѣкомъ въ святѣмь сем мѣсте пречистыя богородици и великих чюдотворцевь Петра и Алексѣя. Подобает бо живущим во священнѣм семь дому образ благъ быти всѣм человѣком.

Святии же апостоли и богоноснии отци заповѣдаша житие незазорно, и добродѣтелно, и благочестно имѣти всѣм человѣком: и епископом, и пресвитером, и прочему священному причту, такоже и мирскым человеком. Якоже глаголеть святых апостолъ правило 42: «Епископъ, или презвитеръ, или диаконъ, в зернехъ упражьняяся или въ пианствѣ, или да престанет, или да извержется». Тѣх же правило 43: «Иподиякон, или пѣвець, или чтець, таковая же творя, или да престанет, или да отлучится. Такоже и простый человѣкъ». Толкование Ивана Зонораса: «Епископом и клирикомъ всѣм утѣшение всѣх къ добродѣтели быти подобает и прьвообразное и раздражение къ благодѣанию. Понеже и от сих есть нѣким уклонятися от добраго, или шахматы и зернию играти, или упиватися, повелевает правило престати таковым, или убо епископом, и презвитером, и диаконом или изверзатися, и иподияконом же, и чтецем, и певцем, аще ли же не престанут, отлучатися. Такоже и мирьскым человѣком, шахматы и пианьствы упражняющемся. «Не пити бо вина въ пианьствѣ»,— рече Писание. И паки: «Не упивайтеся вином, в нем же есть блуд».

Но ни же корчемническому предстати дѣланию клирикъ попущенъ есть, по девятому правилу иже въ Трулѣ събора. Правило 9 шестаго собора иже въ Трулѣ: «Не достоит причетником корчемнаго храма имѣти. Аще бо возбранено есть причетником въ корчемницу входити, множае паче, еже иным въ корчемницѣ служити, и яже нелѣпо есть ему дѣйствовати. Аще же таковое что содѣлаеть, или престанет, или да извержется». Того же собора правило 50: «Ни единому от всѣх,

Ныне же некие из духовного сана — пресвитеры, и диаконы, и поддиаконы, и чтецы, и певцы, глумятся и играют на гуслях, на домрах, смычками, и даже в кости, и в шахматы, и в шашки, и в песнях бесовских, и в безмерном и премногом пьянстве обретаются, и всякое плотское ухищрение и наслаждение больше духовного любят, и так себе и другим великий вред приносят.

И мы отныне наказываем и святыми писаниями подкрепляем, чтоб не бывать таковому бесчинному обычаю, всяческого стыда, и срама, и осуждения исполненному. И наипервее всего — во священном сем доме пречистой богородицы, в великой и святейшей митрополии всея Руси, ни глумиться, ни играть в сем святом месте пречистой богородицы и великих чудотворцев Петра и Алексея ни пресвитерам, ни диаконам, ни поддиаконам, ни чтецам, ни певцам, ни свещеносцам, ни пономарям, ни сторожам, ни всем прочим простым людям. Подобает живущим в священном сем дому быть добрым примером всем людям.

А святые апостолы и богоносные отцы заповедали иметь жизнь непостыдную, и добродетельную, и благочестивую всем людям: и епископам, и пресвитерам, и прочему священному причту, также и мирским людям. Как гласит сорок второе правило святых апостолов: «Епископ, или пресвитер, или дьякон, обретающийся в пьянстве или в кости играющий, либо да перестанет такое творить, либо да отлучен будет». Оттуда же правило сорок третье: «Иподиакон, или певец, или чтец, таковое же творящий, либо да перестанет это творить, либо да отлучен будет. Так же и простой человек». Толкование Иоанна Зонары: «Епископам и клирикам всем подобает быть для всех утешением в добродетели и примером и побудителем к добрым делам. Так как и из них некие уклоняются от добра, в шахматы и кости играют или упиваются, повелевает правило таковым перестать это творить или же: епископам, пресвитерам и диаконам совлачаться сана, а иподиаконам, чтецам и певцам, если не перестанут это творить, подвергнуться отлучению. То же и мирским людям, в шахматах и пьянстве упражняющимся. «Не подобает пить вина до опьянения»,— повелевает Писание. И снова: «Не упивайтесь вином, ибо в этом блуд».

И корчемному делу не попущено предаваться клирику по девятому правилу Трульского собора. Правило девятое Шестого собора в Труле: «Не достойно причту в корчемных домах обретаться. Если же возбранено причту входить в корчму, то, тем более, служить иным в корчмах — это то, что вовсе непристойно ему. Если же кто что-либо подобное соделает, пусть или прекратит это творить, либо совлачится сана». Того же собора правило пятидесятое: «Никому,—

или от клирикъ, или от простых человѣковъ играти зернью. Отселѣ аще кто явится таковаа содѣвая, аще клирик, да отверженъ будет, аще ли простый человѣкъ, да отлучится».

Того же правило 51: «Отнуду отмѣтает святый сей соборъ вселенскый глаголемыа глумотворци и позорища их. Такоже и ловления, и позорования, и плясания ни в домѣх, ни на торжищах не творити. Аще ли кто сия презрит и к нѣкоему от заповѣданых сих себе вдасть, аще ли клирикѣ, да отверженъ будет, аще ли простый человѣкъ, да отлучится».

Того же правило 61: «Иже волъхвом себѣ предающе или глаголемым сотником, или иным нѣким таковым, да от тѣх навыкнут, аще что им открыти хотят, по преже уставленым о них от святых отець, да повинуется епитемии на шесть лѣт». Тацѣм же запрещением покорити подобает и водящих медвѣди или иныя нѣкиа таковыя животныя на играние и вред простѣйшим, и случай, и получение, и рожение по звѣздословию и таковых нѣкых глаголъ смущение по прелестным бледением глашающих, и глаголемых облакопрогонников, и чаровников, и наузников, и волшебниковъ. Пребывающих же въ тѣх, и непремѣняемых, и не отбѣгающих от пагубныхъ тѣх еллинских обычаевъ весма отмѣтати от церкви повелеваем, якоже и священнии канони повелѣвають, Кое общение свѣту со тмою, якоже рече апостолъ, или кое сложение в церкви божии с кумиры, или кая часть вѣрному с невѣрным, или кое съгласие Христови съ диаволом?!

Того же правило 62: «Также глаголемыя каланды, или глаголемыя вота и нареченныя врумахия, и въ перьвый день марта месяца совершаемое торжество отнудь от вѣрных гражениствъ отъяти хотящим. Такоже и женская пред людми плясания, яко нечестивыа и мног вред и пагубу творити могуща, такоже и именем от еллин ложное именных боговъ или от мужей или от жен бывающая плясаниа и празднования по нѣкакому древнему обычею и чюжему христианского житиа отмѣтаем, заповѣдающе и никоему же мужеви в женскую одежю облачитися, ни женѣ в мужския достойно, но ни же въ обличия игрецев и ликовствеников или козлогласования ходити, ни сквернаго Диониса имени, грозны топчюще в точилех, призывати, ниже вина льюще в делви, смѣх подвизати, невѣжествия образом или суетою бѣсовския льсти дѣющихъ. Отселѣ убо начинающих что преже реченных творити, в разумѣ тѣх бывших, аще ли клирици суть, отврещи повелѣваемъ, аще ли простци — отлучатися».

Того же Шестаго собора правило 24: «Да нелѣть будет кому, во священническом причатаемых чину или мниху, на уристание конное ходити или бѣсовских игрищь наслажатися. Но аще кто клирик на бракы званъ будет, егда

ни клирику, ни простому человеку,— не играть в кости. Если же кто будет таковое делать, то, если он клирик, да извержен будет, если же простой человек, да будет отлучен».

Того же собора правило пятьдесят первое: «Полностью отметает святой сей собор вселенский тех, кто именуется лицедеями, и зрелища их. Также ни игрищ, ни зрелищ, ни плясок ни в домах, ни на торжищах не творить. Если же кто этим пренебрежет и к чему-либо из таковых запретов себя обратит, то, если он клирик, да отвержен будет, если же простой человек, да будет отлучен».

Того же собора правило шестьдесят первое: «Кто предает себя колдунам или так называемым колдуньим сотникам, или иным, подобным таковым, чтобы от них узнать о том, что они откроют, по прежним установлениям о них святых отцов, да будет повинен епитимии на шесть лет». Под таковой же приговор подобает подвести и водящих медведей и прочих подобных животных на забаву и вред неискушенным, и предсказывающих по звездам, смущая разными прельстительными словами, случаи, приобретения и рождения, и так называемых облакопрогонников, и чародеев, и наузников, и волхвов. Всех, пребывающих в том, и не отстающих, и не отбегающих от пагубных тех эллинских обычаев, отметать от церкви повелеваем, как и священные каноны повелевают. Что за общение свету со тьмой, как сказал апостол, или же что за соединение божией церкви с кумирами, или же что общего верному с неверным, или же что за согласие Христу с диаволом?!

Того же собора правило шестьдесят второе: «Также от так называемых календ, или вот, или врумалий и от в первый день марта месяца совершаемого торжества отвратить желаем верных горожан. И женских пред людьми плясаний как нечестивых и многий вред и пагубу творить могущих, и плясаний мужчин и женщин во имя ложноименных эллинских богов и празднеств, творимых по некоторому древнему и чуждому христианству обычаю, отметаемся, запрещая женам в мужскую, а мужам в женскую одежду облачаться, ни в личинах игрецов, забавников и козлогласовников не ходить, ни скверного Диониса имени, топча виноград в точиле, не призывать, не смеяться по образу невежества или в суете бесовской лести, разливая вино по бочкам. Того, кто в здравом уме начнет творить что-либо из перечисленного, если он клирик — отвергнуть, если же простец — отлучить повелеваем».

Того же Шестого собора правило двадцать четвертое: «Не следует никому из причитаемых к духовному чину и монахам на конское ристалище ходить или бесовскими играми наслаждаться. Но если кто из клириков на брак зван будет, то, когда

прелестныа и введутся, да востанет и абие да отходит. Сице отческому и учительскому нам повелѣвающу. Аще же кто в сем обличен будет, да или престанет, или да извержется».

Или въ Лаодикии собора правило 53: «Яко не подобает христианом, позваном бывшемъ на брак, плескати или плясати, но честно съ говѣнием вечеряти или обѣдати, якоже лѣпо есть христианом». Того же собора правило 54, яко: «Не подобает священником или клириком нѣких видѣний позоровати на брацѣх и на вечерях, но преже входа игрѣцов въстати им и отходити».

Иже въ Карфагени собора от иже на конци правила пятагонадесять, яко: «Чадом священническим позорищь мирьскых не творити, ниже позорствовати. Сие же и всѣм християном всегда проповѣдано есть, да от таковых удаляются, и идѣже хулениа суть, не преступати».

Сия убо тако глаголют священная правила. Подобно же сим и святый Ефрем глаголеть, яко не подобает играти и глумитися, якоже и священная правила глаголют, яко ходяй на игрище со идолослужители имат часть. Якоже и великий апостолъ глаголеть: «Вѣсте ли, братия моа любимая, како возвращаетеся въспять и пакы печетеся творити языческая? Всяк бо пекийся плотскыми, глумяся, не Христа ли совлекся есть, яко не чая слова воздати въ день судный. Якоже глаголеть господь божествеными своими усты, яко и о празднѣ словеси слово въздадят человѣцы въ день он. Да аще о словсѣх сицева суть неослабна, то о дѣлѣх убо како сия будут?» И паки той же рече: «Христу зовущу пророки, и апостолы, и евангелисты, и от многих людий мало приходят. Егда же диавол позовет гусльми, и плясци, и пѣсньми неприазнеными, тогда мнози събираются на то. Человѣколюбец же богъ призывает нас и глаголеть: «Приидѣте ко мнѣ вси», то нѣсть никтоже грядый, никтоже подвизаяся и тщася. А ненавидяй человѣковъ диавол аще наречетъ соборъ каковъ, то мнози стекутся. Егда же заповѣстъся постъ или бдѣние, то вси ужаснуться и отпадутъ, и вси яко мертви будуть. И аще нарекутся пирове, или вечеря, или гусли, или свирѣли, или пѣсни неприазненныя, то вси готови будут, и убудятся и потекут, друг друга зовый, и стекутся на злый той путь, и борются на злѣм том собрании, не якоже християном подобает, но якоже поганым». И паки рече: «Проповѣдало ти ся есть, брате, от апостола вся в славу божию творити». Да въ плясании ли есть слава божиа, яже ты поганскими дѣлы диаволу угажаеши, а человѣколюбца бога не чтеши? Заповѣдало ти ся есть безпрестани бога молити, а ты

начнутся соблазны и искушения, пусть встанет и сразу же уходит. Так учители и отцы нам повелевают. Если же кто в том будет изобличен, то пусть или перестанет это творить, или да будет лишен сана».

Или вот Лаодикийского собора правило пятьдесят третье: «Не подобает христианам, будучи позванным на брак, плясать и и плескать в ладони, но достойно и благочестиво ужинать или обедать, как и пристало христианам». Того же собора правило пятьдесят четвертое о том, что «не подобает священникам или клирикам взирать на некие зрелища на браках и во время званых обедов, но прежде входа лицедеев следует им встать и уйти».

Из окончания пятнадцатого правила Карфагенского собора: о том, что «чадам священническим в зрелищах мирских не участвовать, не взирать на них. То же всегда проповедуется и всем христианам, чтобы от таковых удалялись и туда, где хуление есть, не приступали».

Так говорят священные правила. Подобно же им и святой Ефрем глаголет, что не подобает участвовать в игрищах и глумлениях, как и святые правила возвещают о том, что ходящий на игрища к идолослужителям приобщается. Так и великий апостол глаголет: «Ведомо ли вам, братия моя любимая, что возвращаетесь вспять и снова хотите действовать по-язычески? Ибо всякий, пекущийся о плотском, глумясь, не Христа ли совлекся, будто не верит слову о воздаянии в день оный. Ибо, как глаголет господь божественными своими устами, и о праздном слове воздадут люди ответ в день этот. Если же за слова придется держать столь грозный ответ, то каков же будет ответ о делах?» И еще он же сказал: «Когда зовет Христос через пророков, апостолов и евангелистов, то от многих людей мало приходит. Когда же позовет дьявол гуслями, и плясанием, и непристойными песнями, тогда многие на то собираются. Человеколюбец же бог призывает нас и говорит: «Приидите ко мне все», и нет никого идущего, никого устремляющегося и подвизающегося. А если ненавидящий человека дьявол позовет на какое сборище, то многие стекутся. Когда же по заповедям предписывается пост или бдение, то все ужаснутся и отойдут, и будто мертвые будут. А если объявятся пиры и застолья, или гусли, или свирели, или непристойные песни, то все окажутся готовы, и, проснувшись, устремятся, призывая друг друга, и потекут злым тем путем, и возликуют на злом том сборище, не так, как христианам подобает, но как поганым». И еще сказано: «Проповедано тебе, брат, апостолом все во славу божию творить». Так в плясании ли есть слава божия,— погаными ты делами дьяволу угождаешь, человеколюбца-бога не почитаешь. Следует тебе непрестанно молиться богу, а ты

безпрестани смѣешися и играеши. Аще ли хощеши разумѣти, яко бѣсовскаа есть служба игра, послушай апостола, глаголюща: «Не будите бѣсом служители, писано бо есть яко сѣдоша людие ясти и пити, и въсташа играти, и прогнѣваша бога, и погибе их в том гресѣ двѣ тмѣ и три *тысящи*. Блюдися и ты, не люби игры, да не обрящешися тамо с бѣсовскыми слугами. Каждо бо свое бремя понесет и пожнет, еже всѣял. Блюдися убо, и еда здѣ насѣеши трьние смѣхом и глумлением, а тамо жнеши слезы и рыдание».

Подобно же сему и великий Иоанн Златоуст глаголет: «Всяка убо лютость и студодѣание ото играния и глумления бывает, в душах слышащих изливаема, и едино тщание есть всякое же цѣломудрие от основания исторгнути и посрамити естество, исполнити лукаваго бѣса вожделѣния. Ибо и глаголы студныя тамо, и образы студнѣйшая, и постригание таково, и хожение таково, и одежа, и глас, и удовъ сломление, и очесъ развращение, и свирѣли, и сопѣли, и творениа, и вины, и вся просте послѣдняго студадѣяния полна. Когда убо истрезвишися, рци ми, толико неудержание тебѣ блуждениа изливающу диаволу, толики неудержания чаши растворяющу?»

И паки той же рече: «Да таковыми питаем слышанми, когда иже о цѣломудрии потов принести приимеши, помалу розливаяся от смѣха, и пѣсней, и студных глаголъ сих. Ибо доволно от всѣх сих чествующѣ душѣ возмощи быти честнѣ и целомудреннѣ. А не убо в таковых пѣснех обращаемъ, не вѣсте ли, яко къ злобѣ уклонительнѣйше имѣем. Егда убо и художество сие сотворим и дѣло, когда избежим пещи оноа огненыа? Не слышал ли еси, что рече Павелъ? Радуйтеся о господѣ. Не рече: о диаволѣ. Когда убо услышати возможеши Павла, когда чувство приати прегрѣшенных, пианствуя присно и непрестанно от зрѣния оного?» И сиа убо священный Златаустъ, и святый Ефрем, и друзии мнози от таковых рѣша. Но и священная правила возбраняют сему бывати, якоже вмале и напреди изъявлено бысть, яко священников убо и елици въ причтѣ примѣшени суть, запрещают и измѣтают, простых же человѣковъ от причащения отлучают.

Сего ради молю вас, не любите скврьннословия, и играния, и глумления, и отступайте от бесѣд душетлѣнных, и всяким хранением соблюдайте своя сердца от нечистых и скврьных помыслов. И сохраняйте свои очи от зрѣния неполезнаго и от слышания душевреднаго. И бѣгайте, яко от змия, от щапления, и гордости, и зависти, и пианства. Много бо нам предлежит страха и боязни в настоящем сем житии, и вниманию и трезвѣнию всегдашнему потреба. Тѣмъже

беспрестанно смеешься и играешь. Если хочешь разуметь, что бесовское это дело — игра, послушай апостола, говорящего: «Не будьте служителями бесам, ибо было уже написано о том, как сели люди есть и пить и встали играть, и прогневили бога, и погибло их в том грехе двадцать три тысячи. Опасайся и ты, не люби игрищ, да не окажешься там с бесовскими слугами. Ибо каждый понесет свое бремя и пожнет то, что посеял. Итак, соблюдай себя, ибо если здесь посеешь плевелы смехом и глумлением, то там пожнешь слезы и рыдание».

Подобно сему и великий Иоанн Златоуст глаголет: «Всякая лютость и постыдные дела, проникающие в души слушающих, от играния и глумления бывают, единственная их забота — исторгнуть всякое целомудрие до основания и посрамить естество, исполнив его вожделением лукавого беса. Ибо там и слова постыдные и дела постыднейшие, и таковые же прически, и таковые же походки, и одежды, и возгласы, и виляние членов, и очей развращение, и свирели, и сопели, и деяния, и проступки, и, попросту, все исполненное конечного стыда. Когда протрезвишься, скажи мне, таково ли тяжело было тебе удержаться от изливающего блудодеяние дьявола, подносящего таковую невоздержания чашу!»

И еще он же сказал: «Будем же прибегать к слушанию таковых словес, в поте лица стяжая целомудрие, понемногу уклоняясь от смеха, и песней, и постыдных сих словес. Ибо вполне может душа, обогащаясь так, стать честной и целомудренной. А если в таковых песнях обретаемся, не ведаете ли, что наиболее к злобе уклоняемся. Ибо когда сотворяем таковое художество и дело, разве сможем избежать печи оной огненной? Не слышал ли, что сказал Павел? «Радуйтесь,— сказал,— о господе». Не сказал: о дьяволе. Когда же сможешь услышать Павла, когда придешь в сознание своих прегрешений, пьянствуя вечно и непрестанно от созерцания оного дьявола». Так святой Златоуст, и святой Ефрем, и другие многие из таковых сказали. И священные правила возбраняют подобному бывать, что кратко и выше показано было, как священников и тех, кто причислен к причту, они извергают и полагают под запрещение, а простых людей отлучают от причащения.

Всего ради этого молю вас, не любите сквернословия, игрищ и глумления, отступайте от бесед, растлевающих душу, и соблюдайте сердца свои всячески от нечистых и скверных помыслов. Храните очи свои от пагубных зрелищ и берегитесь слушания всего, что вредит душе. И как от змея бегайте от величания, и гордости, и зависти, и пьянства. Ибо много нам суждено страха и боязни в настоящем сем житии, и потому всегда есть нужда ко бдению и трезвости. Потому

внимайте и трезвитеся, и многа смирения и воздержания во всем имѣйте, и накико же отступайте от учения божествѐнаго Писания, но всегда поучайтеся божественым Писанием, прочитайте, пойте, молитве прилѣжно внимайте, рукодѣлствуйте, плетениа суетная от помысловъ отсецайте, в забытие и плѣнение скверная и тщеславная не уклоняйтеся, от собраниа церковнаго не отлучайтеся, нищим давайте, о раи и царствии небеснѣм бесѣдуйте, смерть въспоминайте, всекрасную же и премудрую простоту, и кротость, и смирение паче всего съблюдайте, да избавит нас господь богъ от сѣтей вражиих и от всякаго плотскаго мудрованиа, и от прочих злокозненых человѣкъ, помилует и спасеть нас молитвами преславныя и пречистыя богородица и всѣх святыхъ. Аминь.

бдите и будьте трезвы, и много смирения и воздержания во всем имейте, и никто да не отступит из вас от учения божественного Писания, но всегда поучайтесь божественным Писанием, читайте, пойте, молитве прилежно внимайте, рукодельствуйте, суетные помышления из ума исторгайте, в мечтания и плен скверных и тщеславных помыслов не уклоняйтесь, от общения церковного не отлучайтесь, нищим давайте, о рае и царствии небесном беседуйте, помните о смерти, всекрасную и премудрую простоту, кротость и смирение больше всего соблюдайте, да избавит нас господь бог от сетей вражиих, и от всякого плотского мудрования, и от злокозненных людей, да помилует и спасет нас молитвами преславной и пречистой богородицы и всех святых. Аминь.

ТАЙНАЯ ТАЙНЫХ

Рече Патрекий списатель: «Господи направи тя, царю благовѣрный, и укрѣпи тя хранити законъ и съблюсти народ и вѣщи главизнъ сихъ! Се рабъ твой приступилъ к заповѣди твоей о списании книги сея, нарицаема «Тайная Тайных», сложенаа философомъ великим и преподобным Аристотелис ученику своему — царю великому Александру, сыну Нектанавову, нарицаему Рогатымъ». А сей времени стараго своего немощенъ сый ходити с ним по войнам. Царь же Александръ поставилъ его правителемь правомудриа его ради и премудрости божественыа, и сего ради приличенъ есть въ пророкы непосланныа и законоучителеве. Обрѣтено же въ книгах еллиньских, иже господь рече му: «Близь еси нарещися аггелом, нежели нарещися мудрым в премудростех безчисленыхъ». И разнятся мнози о смерти его: иныа рекут, иже възнесен бысть по чину Илиину на колесницах, друзии же рекут, иже умерлъ по обычаю всея земли. Поставилъ Александра благодумиемь своимъ, иже владѣл всею вселеною, прешед вдоль же и поперекъ; и приступиша к послушеньству его вси арапове и фрягове.

Александръ же не преступилъ заповѣди его а невѣдомаа пыталъ епистолию своею: «Вѣдай, учителю преподобный и правителю вѣрный, иже добылъ есми землю Перскую, и обрѣтох люди велми мудры, но владѣютъ государемъ своимъ. Но боюся их царства ради. А приводит ми мысль моя побити всѣх, и пытаю рады твоея о семь».

ТАЙНАЯ ТАЙНЫХ

Сказал Патрикий-переводчик: «Господь да направит тебя, царь благоверный, и укрепит тебя, чтобы ты хранил закон и оберегал народ и сказанное в главах этих! Вот раб твой приступил к выполнению приказа твоего о переписке книги этой, называемой «Тайная тайных», составленной философом великим и преподобным Аристотелем для ученика своего — великого царя Александра, сына Нектанава, прозванного Рогатым». Аристотель из-за старости своей не мог сопровождать его в войнах. И царь Александр поставил его правителем из-за его правомудрия и премудрости божественной, за что философа причисляют к пророкам, хотя он не был послан богом и не был законодателем. Найдено в книгах эллинских, что господь сказал ему: «Ты скорее можешь быть назван ангелом, чем называться только умудренным в премудростях бесчисленных». И разнятся сообщения о смерти его: иные говорят, что он вознесся, подобно Илье, на колесницах, другие же говорят, что он умер, как и все смертные. Он научил мудрости своей Александра, который владел всей вселенной, пройдя ее вдоль и поперек; и стали повиноваться ему все арабы и фряги.

Александр же следовал заповеди своего учителя и о неизвестных вещах спрашивал в послании своем: «Знай, учитель преподобный и правитель верный, что я завоевал землю Персидскую и нашел там очень мудрых людей, но они властвуют над государем своим. А я боюсь их из-за своего царства. И приходит мне мысль убить всех, и спрашиваю совета твоего об этом».

Отписалъ же есмо: «Александре, аще приводит мысль твоя побити и всѣх а может ти ся то стати царства ради, но не можеши побити землю ихъ, ни пременити вѣтръ их и воду их. Но лѣпѣи сего царствуй над ними, чествуя их по добротѣ их, зань же уставнаа доброта пробавит царство, а лютование супостатно сему. Не есть бо истинно купление купити животы, иже по сему отбѣгают рабы и рабыни; но истинно купление ти купити душу, зань же по них идуть животы. А ближе ти купити сладостию своею свободных а на векы вѣчныа, нижели неволных за сребро свое а не вѣчно. А вѣдай, Александре: иже народ возмогут ли рещи, могуть и учинити. А про то отвѣди слово, да отидет дѣло». А заповѣдию сею преступили персове к послушенству Александрову.

Рече *Патрикей:* «Не оставих жадного храму философьского, *не* расмотревъ его, а ни жадного фарисея, не говоривши с ними о неведомых своих. По сем же приидох ко храму Солнечному, устроенъ великим Ромасом, в нем же обретох фарисея мудраго и переидох его мудростью, *иже* дал ми чести книги храма сего. Но там обретох книгу сию, писану златом. И *пристах* к ней перекладати ея изь языка греческа н-арапьскый любви ради государя своего».

Рек Аристотель: «Видех листъ сей честнаго, и любимаго, и мудрого царя, Александра справедливаго. Господь милосердием своим направи тя на истинну, да избави тя ереси плотьския, им же достанеши исполнения душевного и телесного. Но что пишешь ми исперва, жалуючи вельми о разлучении нашем, иже нѣт мѣне у поседении твоем, а просишь мя, *дабых* ти написал по ряду, дабы было со всим делом твоим яко веси и мера, дабы се было тобѣ на мое место. Но *мню,* иже ведаешь, иже что есми не подле тебѣ, не того дѣля абых то тобѣ *ненавидѣлъ,* но про то же не могу старости моея ради. Ведаю же — хотение твое не местится в живыя, а о всем подолгу мертвых. Но толико повиненъ есми исполнити просбу твою по достоянию, дабы не просилъ еси мене боле сего. Зан же дал ти богъ мудрость и благодарилъ тя духом радным и храбрым, сего ради смотри много веленью моему, да достанешь потребъ своих. Но воистинну знаменовахом тайны *разверзениемъ печатѣй, притчами, дабы не впала* книга наша сия в руку недостойных, да внегда изведають то, что им богъ не судилъ вѣдати. Но бых я то разорилъ завѣт того, хто же мне тое отокрыл. А тако же тя априсягаю, и яко и мене априсягали о сию вѣщь. А хто, уведавъ сию вещь тайную,

Он же ответил так: «Александр, хотя и приходит тебе мысль их всех убить и ты можешь это совершить для блага царства, но ты не можешь уничтожить землю их или переменить ветер их и воду их. Лучше царствуй над ними, делая им добро, так как согласная с законом доброта укрепит царство, а жестокость повредит этому. Ибо не есть настоящее приобретение — купить тело человека, и поэтому убегают рабы и рабыни; но настоящее приобретение — купить душу, потому что за ней идет тело. Лучше тебе купить добротой своей свободных и на веки вечные, чем купить невольников за серебро свое и не навечно. Знай, Александр: то, о чем народ сможет говорить, он сможет и совершить. Поэтому постарайся пресечь разговоры, чтобы предупредить поступки». И благодаря наставлению этому обратились персы к повиновению Александру.

Сказал Патрикий: «Не оставил я ни одного храма философского, не проверив его, и ни одного фарисея, не поговорив с ним о неизвестных мне вещах. После этого я пришел к храму Солнца, построенному великим Ромасом, а в нем нашел фарисея мудрого и превзошел его мудростью, так что он дал мне читать книги храма этого. И там я нашел книгу эту, написанную золотом. И я приступил к переводу ее с языка греческого на арабский из-за любви к государю своему».

Сказал Аристотель: «Посмотрел я письмо это честного, и любимого, и мудрого царя, Александра справедливого. Господь в милосердии своем пусть направит тебя к истине, да избавит он тебя от греха плотского, благодаря чему ты достигнешь совершенства душевного и телесного. Ты пишешь мне вначале, сожалея очень о разлуке нашей, что нет меня рядом с тобой, и просишь меня тебе написать по порядку, чтобы были во всех делах твоих как бы равновесие и мера, чтобы это было тебе вместо меня. Но думаю, ты понимаешь, что я не подле тебя не потому, что я тебя не люблю, но потому, что не могу из-за своей старости. Я знаю — то, что ты хочешь, не могут вместить живые, а тем более мертвые. Но я обязан только исполнить просьбу твою по достоинству, чтобы ты не просил меня больше об этом. Так как дал тебе бог мудрость и наделил тебя духом рассудительным и храбрым, внимательно присмотрись к наставлению моему, чтобы достичь осуществления желаний своих. Поистине мы указали на тайны, приоткрыв печати, притчами, чтобы осталась недоступна книга наша эта, оказавшись в руках недостойных, чтобы они не узнали того, чего им бог не судил знать. А я бы тогда нарушил запрещение того, кто мне это открыл. Поэтому я и с тебя беру клятву, как и меня заставили поклясться в том, что я сохраню секрет. А кто, узнав эту вещь тайную,

открыеть недостойным, ущепень есть сего свѣта *и оного.* Господи силам, уховай нас от сего, аминь.

По сем поминаю ти напред всего, чим коли есми тебе тешивал, иже не убечи жадному царю 2 вещь: 1 — *крѣпость* душевную, и не исповесться ему сей, но обема. Зан же, свед сия, и крепится государь рабу, а *измѣною* сих изьсилееть рабъ государя. Но искажю ти, чим собе ты обе речи изведешь. Ино *извод* сему 2 вещы: 1 — нутреняя, 2 — наверхнея. Наверхнея же — имения, оно же подпора тѣлу человеческому привѣзати душю водейством, ею же приставають к тобѣ народ, видячи справедливость и милосердие до себе. Нутреняя же — миловати и чествовати каждого мудрого шляхетного, иже их господь знаменовалъ милосердием своим, открывая имъ *тайницы* свои. А не будешь ли мил сим написанным — не будешь милъ ничим иным. А про то жь даю ти тайну сию, иже исперва мышленыя мнится яко бы накозание, а *нутрь ея* — исполнение царское. Господи, помози руце твои чествовати премудрость и превозносити мудрых, аминь».

КНИГА СИЯ ОСМЪ ГЛАВИЗЕНЬ:

1. У колку члонковъ обычай царский.

2. Которыми обычаи вести ся ему пред народомъ, чтобы вложили надею свою в него, хваля житие его.

3. Которым обычаем водити ему шляхотных народи.

4. В которой мере учити ему правителя государьству своему, а через него вси свои урядники.

5. О грядущих на путь, о потребных его, и о посланных от него, и о поведених в посольствѣ своем.

6. О повѣдании воином и гетманом.

7. О поведании воевном, имети того часу мысль особную: и како раставляти полкы, и стеречися, часы пригодные сему, и время годное выходити на то, и с ким ся бити или с ким ся не бити, и о премудрости парсунной, и како подобаеть водити животъ, дабы захованъ въ здравьи.

8. О камени, и зелияхъ, и животинах, их же подобаеть царю имети а без того ни изведеть себе ничего доброго, а ни заховаеть свой живот во здравии, а ни усидеет во царствии своем. И ся главизна последняя, яко бы исполнение поведанию царскому.

откроет ее недостойным, тот будет лишен этого света и будущего. Господь всесильный, сохрани нас от этого, аминь.

После этого напоминаю тебе прежде всего то, чему я некогда тебя учил, что не обойтись ни одному царю без двух вещей: из них первая — кротость душевная, и не достаточно ему одной, но нужны обе. Потому что, зная эти вещи, противостоит государь рабу, а если он изменит им, то пересилит раб государя. Но скажу тебе, как тебе обеих вещей достичь. Так вот, к достижению их ведут два пути: первый — внутренний, второй — внешний. Внешний же — богатство, которое помогает телу человеческому привязать душу к себе, также благодаря богатству подчиняется тебе народ, видя справедливость и милосердие по отношению к себе. Внутренний же — в том, чтобы расточать милости и почести каждому мудрому и благородному, которого господь отметил милосердием своим, открывая им тайны свои. Если не будешь любезен им, следуя написанному, значит, не будешь любезен ничем другим. А потому даю тебе тайну эту, которая сначала кажется как будто вымышленным наставлением, а суть ее — утверждение царское. Господи, помоги рукам твоим почитать премудрость и превозносить мудрых, аминь».

В ЭТОЙ КНИГЕ ВОСЕМЬ ГЛАВ:

1. Из чего состоит поведение царское.
2. Каким образом ему вести себя перед народом, чтобы возложили надежду свою на него, прославляя жизнь его.
3. Каким образом руководить ему благородными людьми.
4. Какими способами учить ему правителя государства своего, а с его помощью всех своих урядников.
5. Об отправляющихся в путь, о необходимых им вещах, и о послах его, и как они должны вести себя во время посольства.
6. Об управлении воинами и гетманами.
7. О деле военном знать, что в это время необходимо: и как расставлять полки, и как обороняться, и о времени подходящем для этого, и о времени подходящем для выступления, с кем биться и с кем не биться, и о науке физиогномике, и какую следует вести жизнь, чтобы сохранить здоровье.
8. О камнях, и зельях, и животных, которые необходимы царю и без которых он не достигнет ничего хорошего, и не сохранит здоровья своего, и не усидит на троне своем. И эта глава последняя, как бы завершающая наставление для царя.

ГЛАВИЗНА 1. ИМАТЬ ВРАТА ЧЕТВЕРА: 1. О ЩЕДРОСТИ; 2. О ХРАБРОСТИ; 3. О МИЛОСЕРДИИ; 4. О ДОБРЕ И ЗЛЕ

Врата 1-е. Царь щедръ собе и людем; или скупъ собе и людемъ; царь щедръ собѣ, а скупъ людем; *или скупъ собѣ, а щедръ людем.* Рекут же римляни: «Нету ганбы царю, бывшю скупу до себе, а щедръ до людей». Рекут же персове: «Иже царь щедрый до себе и до людей, сей есть исполненъ чином своим», а сознавають вси. И иже щедръ до собѣ, а скупъ до людей — и се есть ганба и шкода царству. А о четвертой не пытай: подобаеть убо нам неходя исполнити вещь сию. Но преже *исказати,* что то щедрость.

Александръ, вѣдай, иже скупый добрым человеком не можеть быти а ни *законным,* а ни тако же стравца *остати* вечне при своей чти. А всякий обычай — середина их выбрана исполнению, оба конца не годна суть; а о всем царству подобаеть мерьность, а без него не пробавится. Смышление же о щедрости трудно есть, а о скупости легко есть. Щедрость истинная, дабы давалъ по часу потребу, и достойному, по силѣ, иначе же есть щедрость на первый конець. Стравца подобенъ есть некоему, лиющю воду слану в море или да помогати врагу своему до себе. Щедрый поспешень есть во всих делех своих, а не тот, который скарбъ царский теряеть, *даваа, не смотря* последняя своя. А скупость же вселично слава злая, не пристойная государьству. Аще бы се побачил на себе *царь* некий, *но* подал бы царство свое некоему слузѣ своему надежному, а сам бы вѣдалъ о вѣнци и престолѣ.

Александре, реку ти, иже всякъ царь, что даетъ не по собѣ, разрушаетъ собе. А хто накладаетъ на свое царство бремя не по силѣ, сей погубит и погибнет. Зань же одеръжание щедрости — коли не посягнет за чюжее. Тако видѣх слово великаго Ромаса, иже рекъ: «Исполнение царю, и закону его, и доброму его, коли не посягнет за чюжее».

Александре, вѣдай, иже ничемь не оскудѣло царьство навышьшее и старое, ниже много давали, а мало клали, но посягли за народское, и разсыпали ихъ — а симь погибло и доселѣ. Се есть прирожено въ обычай — иже имѣнием пробавится душа живаа. Оно же яко часть от нея, всячьство убо съставится частми своими. Истиннаа щедрость такеже, дабы оставлялъ захотѣниа неподобныи, а не доискивал бы ся тайниць тщеславных, а не выкоривал бы, давь кому, яко же съ оружиемъ. Полному преподобнаго приими наказание, и чествовати честнаго

ГЛАВА ПЕРВАЯ СОСТОИТ ИЗ ЧЕТЫРЕХ ВОРОТ: 1. О ЩЕДРОСТИ; 2. О ХРАБРОСТИ; 3. О МИЛОСЕРДИИ; 4. О ДОБРЕ И ЗЛЕ

Ворота 1-е. Царь щедр к себе и людям; или скуп к себе и людям; царь щедр к себе, а скуп к людям; или скуп к себе, а щедр к людям. Говорят и римляне: «Не стыдно царю быть скупым к себе, а щедрым к людям». Говорят и персы: «Царь, который щедр к себе и к людям, тот выполняет призвание свое», и с этим соглашаются все. А когда царь щедр к себе, а скуп к людям — это стыд и вред царству. А о четвертом случае не спрашивай: ибо подобает нам и нехотя следовать этому. Но сначала нужно сказать, что такое щедрость.

Александр, знай, что скупой не может быть добрым человеком и соблюдающим законы, также как расточитель не может сохранить навсегда свою честь. Во всяком деле середины нужно придерживаться, обе крайности пагубны; и во всех царских делах следует соблюдать умеренность, а иначе царство не сможет процветать. Определить щедрость трудно, а скупость легко. Щедрость истинная в том, чтобы давать вовремя необходимое, и достойному, и в меру возможностей, иначе же щедрость переходит границы. Расточитель подобен тому, кто льет воду соленую в море или помогает врагу своему против себя самого. Щедрый тот, кто расторопен во всех делах своих, а не тот, который богатство царское теряет, раздавая его, не думая о будущем своем. А скупость вообще слава недобрая, не достойная государя. Если знает это за собой царь какой-нибудь, лучше пусть поручит царство свое какому-нибудь слуге своему надежному, а сам занимается венцом и престолом.

Александр, говорю тебе, что всякий царь, который раздает не в меру своих возможностей, разрушает свое царство. А кто налагает на свое царство бремя непосильное, тот погубит его и погибнет сам. Ибо основа щедрости — не покушаться на чужое. Так я видел слово великого Ромаса, который сказал: «Совершенства достиг царь, и закон его, и добродетель его, если он не посягает на чужое».

Александр, знай, что оскудело царство великое и старое только потому, что цари много давали, а мало вкладывали в казну, и они посягнули на народное добро, и народ сокрушил их — так погибло царство навсегда. Это естественное правило — имение поддерживает душу живую. Оно как бы часть ее, а целое состоит из частей своих. Истинная щедрость также в том, чтобы отказываться от желаний непотребных, и не допытываться тайн из тщеславия, и не требовать назад с оружием того, что кому-либо дал. Полностью следует преподобного выслушать поучение, воздать честь

и примолвити, и сѣдѣние смиренаго, а небрещи о надѣжи неразумнаго.

Александре, много часовъ глаголах ти; всели слово се въ душю твою, да будеши безпечаленъ. Аще бых ти не реклъ толико се, досыти бы еси моглъ имѣти на семь о повѣдении житѣйскомь и духовномь. Вѣдай, иже умъ — то есть верхъ всякому смыслу, им же спасется душа и изъяснится тайна, и отдалишь врагы житѣйския и духовныя, приближишь же любимых. Он же похвалимь корень и основание твердости всемъ хотящимъ. А начало ему приступати к розмышлению. Приступивый же к нему посрединѣ — блаженъ есть, а в конець убо послѣдний — богу супостатенъ есть. Сему бо размышлѣние пытаниемь есть. А государьство не обретается собою, но размышлѣниемь; а про то же верхъ властельства умова — размышлѣние. А государьство ражает любовь к размышлѣнию. Да аще будут искати размышлѣние в концы послѣднем, родитъ ревнование, а ревность ражаетъ ложь, а ложь ражает невѣжество, оно же давание. А се же родит ненависть, а ненависть родитъ несправедливость, а то родит неволю, а неволя родит враждование, а се родить прю, а пря родит войну, а война преступит законъ и оскудит вселеную. А симъ премѣнится прирожение, да родится оно злое же нѣтовство погибелию доброго, оно же естьство, зане же зло, не идетъ с небеси толико по дѣйству нашему. Да аще же переможет разумъ спирание, родится из него вѣрность, а се родит смѣрение, а из сего родится гроза, а из грозы справедливость, а се из сего съединачение, а се родить честь, а честь родит пристатие, а пристатие родит кладение живота подлѣ живота, а симь усилѣет царьство и законъ, и наполнятся съкровища истинны. И се изъяснится — искати господьства посредине блажено и благословено есть.

Александре, брежися велми попустити скотство над владычествомь, да возвеселишь тлимое над вѣчнымъ, хота за тѣмь, что ся хощет — а то грѣх превеликий.

ГЛАВИЗНА 2. КОТОРЫМИ ОБЫЧАИ ВѢСТИ СЯ ЦАРЮ, КОТОРЫМИ ОБЫЧАИ ВѢСТИ СЯ ЕМУ ПРЕД НАРОДОМЪ И СЛУГАМИ И ЧЕМ ЖЕ ВЪОСОБИТ СЯ ОТ НИХ. ЗАНЕ ЖЕ, КОГДА БУДЕТЪ ИМѢТИ МУДРОСТЬ ОСОБНУЮ И СМЫСЛЪ ХЫТРЫЙ, И ПРИСТАНУТ К НЕМУ И ПОЛОЖАТ НАДѢЖУ СВОЮ НА НЕГО

Александре, всякий царь покаряетъ царство свое истинѣ закона своего, достоить ему царствовати; а который покаряеть закон царства ради, побиеть его законъ. Азъ же реку тобѣ,

и поддержать честного, и сидеть со смиренным, и не обращать внимания на желания неразумного.

Александр, много часов наставлял я тебя; впитай слова эти в душу свою, и тогда не будешь знать печали. Даже если бы я тебе сказал только это, ты бы уже достаточно знал из этого о вещах мирских и духовных. Знай, что ум — верх всякого понимания, с его помощью спасется душа и познается тайна, и ты удалишь врагов мирских и духовных, а приблизишь заслуживающих любви. Ум — корень похвальных вещей и твердое основание для всего желаемого. А начало его в стремлении к славе. Тот, кто стремится к ней по-настоящему — тот блажен, а кто в последнюю очередь — тот богу противен. Ибо слава трудами достигается. К власти следует стремиться не ради нее самой, но ради славы; и поэтому вершина власти ума — слава. И власть рождает любовь к славе. А если цари будут искать славу в последнюю очередь, то родится зависть, а зависть рождает ложь, а ложь рождает заблуждение, оно же клевету. А это породит ненависть, а ненависть породит несправедливость, а она породит насилие, а насилие породит вражду, а та породит распри, а распри породят войну, а война нарушит закон и опустошит вселенную. Так изменится природа, и родится злой хаос с гибелью всего доброго, который, поскольку он злой, приходит с неба только в результате поступков наших. Если же пересилит разум страсть к распрям, то родится из него верность, а та породит покорность, а из нее родится боязнь, а из боязни справедливость, а вот из нее единство, а оно породит честь, а честь породит привязанность, а привязанность породит готовность отдать жизнь за других, а этим усиливается царство и закон, и приумножатся сокровища истинные. Так становится ясным, что искать власти по-настоящему достойно похвалы и благословения.

Александр, весьма остерегайся дать животным страстям одержать верх над царской властью, чтобы не дать превосходство тленному над вечным, следуя тому, что тебе хочется — ведь это величайший грех.

ГЛАВА ВТОРАЯ. О ТОМ, КАК ВЕСТИ СЕБЯ ЦАРЮ, КАКИМ ОБРАЗОМ ВЕСТИ СЕБЯ ЕМУ ПЕРЕД НАРОДОМ И СЛУГАМИ И КАК ВЫДЕЛИТЬСЯ ЕМУ СРЕДИ НИХ. ИБО, КОГДА ОН БУДЕТ ЗНАТЬ НАУКУ ОСОБЕННУЮ И ЕЕ СМЫСЛ ПРЕМУДРЫЙ, ЛЮДИ СТАНУТ ПОВИНОВАТЬСЯ ЕМУ И ВОЗЛОЖАТ НАДЕЖДУ СВОЮ НА НЕГО

Александр, всякий царь, который подчиняет царство свое истине закона своего, достоин царствовать; а тот, который подчиняет закон царству, убьет закон. Я скажу тебе, как

яко же рекли преподобнии, их же наслѣдуем, иже народ ропщут на бога, не вѣдаа мѣры дѣломъ своимъ — а онъ что виненъ? — зане же повѣдениемь непомѣрным выходят ис-воеа планиты. А про то же реку, дабы еси имѣлъ мѣру и вагу дѣломъ своимъ а чествовал бы еси вси вѣтви закона своего. А не отпускай ничего заповѣдей закона, дабы видѣлъ весь народ вѣрование твое. А о всемь иже бы еси вѣрилъ присерьднѣ, зане же увидят ли, иже мысль твоя не единака с дѣли твоими, не похвалят житиа твоего. А про то же не опускайся ни единыа рѣчи законныи, хотя бы еси на то наложил добытку много. А тѣмь будешь любъ богу и слугамъ своимъ.

Александре, вѣдай, иже ни зведешь собѣ того нижели величаа, повышаа учителевъ законных и учителевъ судовых. Да буди честенъ смирениемь без гордости и пространенъ мыслию: досмотряй исполна, давѣдываючися конца, и буди милосердивъ. А не свершай гнѣва своего ниже думою болярь своих, зане же симъ въимешь захотѣние свое и усилѣет разум твой. А обыскавь путь правый, и чини без мѣдлѣниа. А не буди бестуж лицемь и срамя люди. А носи порты, иже мило зрѣти на них, сими бо збудишь душю в собѣ, а будеши знаменит в людех. И такоже подобает ти, дабы былъ еси слова чистаго и тихаго, а глас бы его тлъстъ, зань же тлъстина гласа его страшит народы и грозно имъ. Про то же мало бы говорилъ тѣмъ гласом толъстымъ, но ли к потребѣ великой, да уложат в него народ надѣжду свою.

Такоже мало бы сѣдѣлъ со всѣми слугами, по опщиньству разговариваючи и дворячи, да не бы видѣлся легокъ въ очию их, а о всем не годится с черьнью. Яко же рекут индѣяне: «Когда указуется царь народу за плохо, малит честь свою и безчествуетъ дѣла своя». А про то же не указал бы ся имъ нижели изрѣдка, въ время воевное или съ сооруженными, ⟨...⟩ да в праздникъ великий на году единова. А тогда бы указался народу всему, и стал бы пред ними нѣкоторой рѣчникъ от думець его, наученый закону и мудрости, и реклъ бы имъ, иже государь мой такъ глаголет: «Благодарю бога, иже есте приступили к послушеньству моему. И азъ вамъ обѣщаюся такоже стояти при вас животом своим и имѣниемъ отца своего. А молю вас над тѣмь, дабы есте были покорни закону, и слѣдовали правдивость, и понижали похлѣбъство. А естли то сами не можете, скажите мнѣ, и азъ допомогу по силѣ своей. А которая вам тягость от мене видится, сповѣдайте мнѣ: рад язъ хочю полегчити. Ибо не хочю

сказали преподобные, наследниками которых мы являемся, что народ ропщет на бога, не зная меры делам своим — а бог в чем виновен? — потому что люди из-за поведения высокомерного преступают путь, указанный их планетой. А потому скажу, чтобы ты имел меру и твердость в делах своих и чтил бы все положения закона своего. И не пренебрегай никаким словом закона, чтобы видел весь народ твое повиновение закону. Все законы ты должен соблюдать усердно, потому что если люди увидят, что требования твои не соответствуют делам твоим, то не похвалят жития твоего. А поэтому не нарушай ни одно из положений закона, даже если бы ты получил благодаря этому прибыль большую. Так ты будешь любезен богу и слугам твоим.

Александр, знай, что ты достигнешь только величия, возвышая учителей закона и судей. Будь честен в смирении, не проявляй гордости и будь терпим; рассматривай все, предвидя будущее, и будь милосердным. И не давай выхода гневу своему, не посоветовавшись с боярами своими, так как иначе одолеет тебя желание твое и пересилит оно разум твой. А отыскав решение правильное, действуй без промедления. Не будь высокомерен и не оскорбляй людей. Носи одежды, на которые приятно смотреть, ибо так ты души человеческие к себе привлечешь и будешь знаменит в людях. Также подобает, чтобы речь твоя была ясная и спокойная, а голос был бы сильный, так как сила голоса устрашает народы и вызывает у них боязнь. Поэтому следует тебе редко говорить тем голосом сильным, только по великой необходимости, чтобы связывал с твоим голосом народ надежды свои.

Также следует тебе редко общаться со всеми слугами, на равных разговаривая и шутя с ними, чтобы ты не казался доступным в их глазах, а особенно не годится общаться с чернью. Как говорят индийцы: «Когда показывается царь народу запросто, он умаляет честь свою и лишается почтения к делам своим». А поэтому следует царю показываться перед народом только изредка, в военное время или с войсками⟨...⟩, да во время праздника великого раз в год. А тогда он должен появиться перед народом всем, и следует, чтобы встал перед людьми какой-нибудь глашатай из приближенных его, знающий закон и науки, и сказал бы им, что государь его так говорит: «Благодарю бога, что вы обратились к моему повиновению. И я обещаю вам также отдать за вас жизнь свою и владения отца своего. А прошу вас взамен, чтобы вы были покорны закону, и были правдивы, и уклонялись от лести. А если вы чего-нибудь сами не можете сделать, скажите мне, и я помогу в меру сил своих. А если вам кажется, что я наложил на вас тяжелое бремя, скажите мне: я буду рад облегчить его. Ибо я не хочу

службы вашея с *плачемъ,* но с радостию, яко же есми повиненъ величати добродѣевъ а убивати злодѣевъ, зань же симь нарицаюся слуга божий и его меченосець. А который чюется прѣступивъ пред мною, покайся от сѣх мѣстъ, и азъ его прииму по пръвому; а старѣйшаго молѣние исполню. А хочю терпѣти с вами зло и добро в той мѣрѣ». А симь възвеселятся мужеве, и разговорят с женами и с дѣтми своими о семъ, да възрастят младенець своих за любовь твою, и жена нѣкоими дѣлы научит сына своего любви твоей. А о сѣмъ положат главы своя за тѣбе, да отстоишься государемь вѣрнымъ, ты и дѣти твои памятию любвѣ оной.

Александре, не премѣняй обычаа земьскаго людскых словъ ради, а над всѣмь своего обычая. Да буди прилѣженъ думати, а сяк бы полегчити всякы дани и мыта гостемь своимь, зан же аще ся уймешь непотребнаго, достанешь потребнаго повышение, и богатьство царево земли его пространячи народу, не стискаючи их. А хотя бы еси имѣлъ полны съкровища злата, а не будешь ли имѣти славы добрыа от народа, то все ни за что. А славою доброю полнишь землю свою всѣми землями, зань же вси рѣчи драгии изъ своихъ земль повезуть въ твою, да наполнится народ всѣх потрѣбных своих. А симь будут ти покорни, и възхотят тя чюжии государевати над собою, зань же они холопиа справедливости. А симь повѣдишь всѣхъ неприателей своих. Яко же рече мудрый царю своему: «Аще бы намь богъ нашь възрастилъ от земля вси потребы наши, а не превратилъ сердца своего к намъ, се указалъ намъ, иже что възрастил от земля, то не насъ ради, но скота ради». А про то же отчайся малаго, оно же видится велико с первамышлениа, да достанешь малаго с первомышлениа многаго въ умозрѣнии. А буди памятливъ и сладокъ приставающим к тобѣ и не въсклоняйся къ обычаемь скотским или волчьим — урвати что обрѣтши, искати не потерявьши. Се есть въистину не имущи милосердиа, хотя над тѣмъ, с каго сможешь. Имѣй милосердие, да не отдалишься от добьрыа славы своеа. А не влѣгай в похотѣние свое ѣствою, и питиемь, и мужьствомъ, и спаниемъ. Мужество бо свиньство есть, а лѣность преступаеть славу свѣта сего и онаго. Скотство бо погубляет душю, и зашкодит плоти, и убавит дней живота, и дасть женам владѣти над собою.

Александре, не отпускай милостных друговъ своих, лепших столечниковъ своих. Чтобы еси потешался с ними ествою и питием, а не умноживай сего дабы се трижды или четырижды в году. По сем же достойно тобѣ чествовати каждого тым, кто чего достоин,

вашей службы с плачем, но с радостию, потому что я должен возвышать делающих добро и убивать злодеев, ведь поэтому я называюсь слугой божьим и его меченосцем. А кому кажется, что он провинился передо мною, пусть покается сразу же, и я приму его по-прежнему; и старейшего просьбу исполню. Хочу я разделять с вами зло и добро в равной мере». Благодаря этому возрадуются люди, и расскажут женам и детям своим об этом, и воспитают в младенцах своих любовь к тебе, и женщина во всех делах привьет сыну своему любовь к тебе. Благодаря этому люди положат головы свои за тебя и останутся верными государю своему, тебе и детям твоим, помня о любви той.

Александр, не изменяй обычаев земли, а особенно своих привычек, из-за людской молвы. Усердно думай о том, как облегчить всякие налоги и пошлины приезжающим к тебе купцам, потому что если ты воздержишься от незаконных поборов, то достигнешь увеличения законных, если богатство царское будешь раздавать народу своей земли, а не притеснять его. И даже если твои сокровищницы будут наполнены золотом, а ты не будешь иметь доброй славы у народа, то все это ничего не значит. А благодаря славе доброй ты наполнишь землю свою товарами из всех земель, так как все купцы вещи дорогие из своих земель повезут в твою, и приобретет народ все необходимое себе. И благодаря этому будут люди тебе покорны, и чужестранцы захотят, чтобы ты правил ими, потому что они холопы справедливости. Так ты победишь всех неприятелей своих. Как сказал мудрец царю своему: «Если бы наш бог произвел для нас из земли все необходимое нам, но не обратил сердца своего к нам, этим он указал бы нам, что он произвел все это из земли не для нас, но для скота». Поэтому ожидай малого от того, что кажется на первый взгляд великим, и ты достигнешь многого в умозрении от кажущегося малым на первый взгляд. Будь внимателен и милостив к тем, кто привязан к тебе, и не поддавайся привычкам звериным или волчьим — захватывать все, что найдешь, искать то, чего не потерял. Тот воистину не имеет милосердия, кто требует от того, от кого может взять. Будь милосерден, чтобы не потерять добрую славу свою. Не позволяй овладевать собой влечениям к еде, и питью, и разврату, и ко сну. Ибо разврат — это свинство, а лень лишает славы в этом свете и в будущем. Ибо животные страсти губят душу, и вредят плоти, и сокращают дни жизни, и позволяют женщинам властвовать над человеком.

Александр, не удаляйся от хороших друзей своих, лучших столечников своих. Должно тебе веселиться с ними за едой и питьем, но не чаще, чем три или четыре раза в год. А также следует тебе воздавать честь каждому сообразно с его заслугами,

а садити кождого по достоянию, и ставити каждого в полъку по достоянию, и примовлятися им, и хвалити их пред ними по достоянию и заочне, и примиряти их, колко мога; зан же сим положится голова подле головы, и привитяжишь неприятели свои. Довати по достоянию портъ, да аще изъ своего плеча — се будеть даръ лепший и ласка яснѣйшая. А довай сребро, едином оделяй всих.

Особление же царское уменшати дворъки и смехи, зан же умножением смеховъ уменьшаеть грозу свою, а честь царская подлуг грозы его. И такоже бы водилися всякии, седящии во беседе его. А коли бы увиделъ некоего безъществующа их, вложилъ бы его в вину. А будет ли близъскых ко царю, подобаеть отдалити его от беседы царское, донде же увоимется легоглавья его. А будет ли делати се нароком, нечестуя царя или беседу его, подобаеть отдалити его удалением великим после казни. А будеть витяжь или воинъ изборный, достоинъ смерти. Яко же рекуть арапове: «Нѣсть бо меж тым, что царствуеть царь над людми или царствують люди над ним — крѣпость или слабость есть». Тако же Сакулевкуасу главизна о той вещи: «Налепший царь подобенъ орлу, а около его все стервище, а напущи царь что подобенъ ко стерву, а около его орлы».

Александръ, не приступають к послушенству царскому, нижели четырма вещьми: 1. Крѣпяй законъ; 2. Любовъю твоею до них; 3. Пытанием; 4. Грозою. А унятием кривды от них изведши им вси четыри предреченных. А смѣют ли говорить о тобе лихо, смеють учинити; а про то же не дай о собѣ говорити, да не даси и учинити. А иначе не отведешь дела их, нижели слово отведъ. А ведай, иже гроза умная влечется за справедливостью. Яко же рекуть фарисеи арапьскии: «*Подобаетъ* царю облечи души слуг своих в грозу, нижели телеса в железа», зан же сим притяжит неприятели свои. Он бо есть подобенъ дождю, его посылаеть богъ на жизнь земленым, и потреть корабли и порушаеть будование, и по нем снидуть молния, громы, и поплавить житья, и погубить люди и животину, и поставить футрун на мори, и умножится злости людемъ. А ужды не воимутся люди просити его у бога, им же пробавятся вся цветущая на потребу им и скоту их. И хвалять бога за сие милосердие его, а недбають о некоторой лихоты, иже пригодятся им.

Зло и добро речется на четверо: 1. Добро вселично; 2. Лихо вселично; 3. Мало зла а много добра; 4. Мало добра а много зла. 1-е бо — нѣсть никто, развеи бога; 2-е бо —

и сажать каждого по достоинству, и ставить каждого в войске по достоинству, и помогать им, и хвалить их по достоинству в лицо и заочно, и мирить их, насколько можно; и благодаря этому они положат за тебя свои головы, и ты победишь неприятелей своих. Дари им одежды по достоинству, а если со своего плеча — это будет для них дар лучший и очевиднейшее проявление милости. И раздавай серебро, одинаково наделяя всех.

Должно царю сдерживать шутки и смех, так как с умножением смеха уменьшается страх перед царем, а уважение к царю соответствует страху перед ним. Следует также, чтобы были сдержанны все, сидящие за столом его. А если он увидит кого-нибудь из них, кто не соблюдает почтение, должно того наказать. А если он будет из близких к царю, следует удалить его от стола царского, пока не пройдет легкомыслие его. А если будет делать это нарочно, не проявляя почтения к царю и застолью его, следует, наказав его, изгнать в далекое изгнание. А если это будет витязь или воин выдающийся, он достоин смерти. Как говорят арабы: «Разница между царем, который сам царствует над людьми, и тем, над которым царствуют люди,— только в его строгости или слабости». Также у Сакулевкуса есть глава об этом: «Лучший царь подобен орлу, а около него одна падаль, а худший царь подобен падали, а около него орлы».

Александр, люди начинают повиноваться царю только вследствие четырех вещей: первая — если он соблюдает закон; вторая — из-за любви твоей к ним; третья — из-за нужды; четвертая — из страха. Удалив неправду их, ты утвердишь среди них все четыре названные вещи. Если народ посмеет говорить о тебе плохо, он посмеет и совершить это; потому не давай говорить о себе плохо, чтобы не дать и совершить то. Не пресечешь дела их, иначе как пресекши их слова. Знай, что внушение страха разумное следует за справедливостью. Как говорят фарисеи арабские: «Лучше царю одеть души слуг своих в страх, чем их тела в оковы», так как благодаря этому царь овладеет неприятелями своими. Ибо царь подобен дождю, который посылает бог для жизни всего земного, но который также сокрушает корабли и разрушает здания, а за ним следуют молнии, гром; и он затопляет жилища, и губит людей и животных, и разыграется буря на море, и много принесет несчастий людям. Но никогда не перестанут люди просить у бога дождя, благодаря которому умножается все растущее для потребностей их и скота их. И они хвалят бога за это милосердие его, невзирая на те несчастья, которые случились с ними.

Соотношение зла и добра разделяется на четыре рода: первый — добро совершенное; второй — зло совершенное; третий — мало зла и много добра; четвертый — мало добра и много зла. Из них первый — не кто иной, как бог; второй —

и не сотворено, и нѣсть *его;* 3-е бо — добро его; 4-е — зло есть. Про то же *дѣлай* дѣло свое, дабы мало зла, а много дабра.

Александръ, досмотри нищых града своего и дари их во прискорбный час их, да тии будут въ твой скорбный час *пристанны.* А сим *съхранишь* закон свой и *пробавишь* царство свое. Александръ, умноживай скарбы житные подлуг людей своих в каждом городе. А что им поможеть мура каменная и зброя железная, не будет ли им поживления? И *розмѣрь* вежи и град подлуг бояръ своих народа, а всегда въоружай грады свои яко бы во облажении. Да аще будеть время *гладное,* но сим пробавиши царство свое.

Вторник. Александръ, остерегайся в речех своих; дабы еси не говорилъ ни о ком ничого лихого, нижели *пред* тым, кому доверишь у своей чести. А зълюбуй всякому смиренному миръ и ласку свою, и повышай тых, которыи любять правду. Зан же по тому отступять нечестивыи злодеи, надѣющися помосты твоея на собе, да будуть творити, еже имаеши очи на делех их.

Александръ, наболши и то тобѣ заказываю и много тя поучах в том, иже послушеством твоим накозанию исполняются вѣщи *твоя.* А про то же уимайся проливати крови, зан же се есть вина, достойна господеви, ведящему тайну, а ты будешь чинити подлуг рвения ока твоего. А про то стережися о сем велми. Рек Ромас великий: «Аще сотвореный и убиеть иного по образу своему и по подобию, закричать аггели превышнии пред богом и рекут: «Рабъ твой тот и тот призываеть». Аще же будеть забитие крови ради иных, отвѣщаеть им богъ: «Раба убилъ, посему убит». Аще же и зависти человеческыя *ради* или мысли лъживыя, отвѣщаеть им господь: «Кленуся престолом моим, иже не оставлю крови раба моего». И не отступають аггели у каждо время молитвеное, донде же помстится кровъ его. Аще же умреть внезапу, вѣдай, иже се вины ради оноя». Александръ, досыть тобѣ, паче и всих винъ — долго седение нятцом твоим. И досмотряй о нереченном во книзе сей и о повѣдании земли своей — сие есть во книгах, сложеных о сем; и *обретѣшь* правило дѣлом своим.

Александръ, землян своих, кто что имаеть, досмотряй, а чим тобѣ служить; изведаешь правосердие их до себе, и како терпить кождый тебе ради. Аще бо наложиши на мало многое — царству своему шкодить. А про то же обживали *государи*

и не сотворено, и нет его; третий — добро его; четвертый — зло. Поэтому делай так дело свое, чтобы в нем было мало зла, а много добра.

Александр, блюди нищих города своего и одаривай их в тяжелый для них час, и они будут в тяжелый для тебя час твоей опорой. Так ты сохранишь закон свой и укрепишь царство свое. Александр, увеличивай запасы зерна по числу людей своих в каждом городе. Помогут ли им стена каменная и оружие железное, если не будет у них пропитания? И распредели башни и стену по числу народа у бояр своих, и всегда укрепляй города свои, как будто они в осаде. Если и наступит голодное время, укреплено будет царство твое.

Вторник. Александр, будь осторожен в речах своих; не должно тебе говорить ни о ком ничего плохого, кроме как в присутствии того, честности которого ты доверяешь. И выказывай каждому смиренному мир и милость свою, и возвышай тех, которые любят правду. Ибо благодаря этому откажутся от своих замыслов нечестивые злодеи, предвидя месть твою, и будут знать, что ты следишь за поступками их.

Александр, в первую очередь говорю тебе и многократно учил тебя тому, что, если только ты будешь следовать правилам, ты достигнешь цели своей. Потому избегай проливать кровь, ибо это наказание, находящееся во власти господа, знающего тайное, а ты будешь делать, лишь насколько видит глаз твой. Поэтому остерегайся этого весьма. Сказал Ромас великий: «Если сотворенный богом убьет другого, как он по образу своему и подобию, возопят ангелы вышние пред богом и скажут: «Раб твой такой-то и такой-то призывает тебя». Если он был убит, так как сам пролил кровь других, отвечает им бог: «Ты раба убил, а потому сам убит». Если он был убит вследствие зависти человеческой или намерения дурного, отвечает им господь: «Клянусь престолом моим, что не оставлю без отмщения крови раба моего». И не перестанут ангелы взывать к нему каждый раз во время молитвы, пока не отомстится кровь того. Так что если он умрет внезапно, знай, что это в наказание за его проступок». Александр, достаточно тебе знать, что тяжелее всех наказаний — продолжительная служба в невольниках твоих. И обдумывай сказанное в книге этой и об управлении землей своей — все это есть в книгах, написанных об этом; и найдешь правила для дел своих.

Александр, о землевладельцах своих узнавай, кто чем владеет и чем тебе служит; так ты узнаешь их преданность тебе и чем каждый перед тобой расплачивается. Ибо если ты обложишь малоимущих многими налогами — это царству твоему повредит. Поэтому следует знакомиться государям

святии имения своя, дабы ведали, како накласти бремена своя на волости земляныи.

Александръ, не изведеши никакого полепшения собѣ и земли своей, не имеючи образа ея со всими реками, и полями, и болоты, вдолжь и поперекъ ведая меру ея. И такоже кождому властителю своему, даючи власть, дай же ему образець ея, переписаных людей ея, да ти дасть цѣло, каково взял. Аще которого сказил — дополнить собою, а вси суды свои переписуя, да положить перед тобою. Аще же будеть правъ, посади его на другий год; аще же сказил ти, полни шкоду свою. Сим бо уведешь в любовъ свою всих, любящих правду, и наполнишь землю свою народомъ и товаром.

Александръ, води ся з наменшим врагом своим, яко з наболшим. Да не будеть мал во очию твоих жадный человекъ, зан же будеть иногды болѣзнь мала и будеть великою, иже трудно излечити ея. Александръ, стережися изменити присяги своея да *искривити* завѣтъ свой, зан же по сему наречешися благовѣрный и законный. Да не буди се легко во очию твоих. А не простирай правици своея на слюбъ, нолны изведавши достаточно конець дела того. Александръ, ведаешь, иже одесную и олевую тебѣ духовныи, и все, что сотвориши и речеши, увѣдаеть сотворитель твой. Александръ, а хто же тя нудить преступати, не дай ему; хотя бы еси прииялъ много добра таимаго — не стоить *за мало* непорухомого. Ижь ти *кленуся* живым богом, иже не оскуде злость *Ни-невгии,* толко за кривую присягу. Александръ, не бойся вещи минувших, или кровавых, или властных, зан же есть обычай женьский и легкоумный. Но указуй тым ласку свою и привчай лицом добрым — повышишь дѣла своя, избудутся злости твоя.

Александръ, не речеши тако, о чем рекъ не так, *а ни не тако,* о чем еси рек тако, ниже ли приведет тя к сему неволя великая. А про то же чини дѣла свои с росмотром, и пытая рады в достойных ея, да будеши беспечален славы своея, именью своему. Зан же человечество присловѣ: *измѣшенъ бо* словом, измешень человечеством — а ведай конець сего. Александръ, не доверяй жонкам постели своея, нижели искушенную в собѣ и вѣрну животу своему. ⟨...⟩ Зан же еси божий даръ народу, и пастырь телесный, и заграда свѣтская. И стережися окорму смертного, зан же сим побитии некоторыи

святым с владениями своими, чтобы они знали, какими им обложить налогами волости своей земли.

Александр, ты не принесешь никакого добра себе и земле своей, не имея изображения ее со всеми ее реками, и полями, и болотами, не зная вдоль и поперек размеры ее. Также каждому властителю своему, давая ему волость, дай ему также изображение ее и перепись людей этой волости, чтобы он вернул тебе все целым, как и взял. Если он что-либо испортил — пусть восполнит сам и, все приговоры свои перечислив, пусть положит перед тобой. Если он будет во всем прав, посади его на другой год; если же он навредил тебе, восполни нанесенный тебе урон. Так ты возбудишь любовь к себе во всех, любящих правду, и наполнишь землю свою людьми и товаром.

Александр, веди себя с самым малым врагом своим, как с самым большим. Пусть не будет малым в глазах твоих ни один человек, так как бывает иногда, что болезнь малая становится великой, так что трудно излечить ее. Александр, остерегайся нарушить клятву свою и изменить договору своему, ибо только тогда будешь ты называться благоверным и следующим закону. И ты не должен относиться к этому легкомысленно. Не простирай десницы своей, чтобы заключить соглашение, пока не выяснишь достаточно, чем кончится дело то. Александр, ты знаешь, что справа и слева от тебя одушевленные твари, и все, что ты сделаешь и скажешь, узнает творец твой. Александр, если кто-нибудь будет принуждать тебя нарушить клятву, не поддавайся ему; хотя бы ты получил за это много добра тайного — не стоит оно ничуть ненарушенного слова. Клянусь тебе живым богом, что ждало возмездие Неневию только из-за нарушения клятвы. Александр, не бойся дел минувших, или кровавых, или жестоких, потому что это свойственно женщинам и легкомысленным людям. Но проявляй к ним милость свою и встречай их с лицом приветливым — так улучшатся дела твои, изгладятся в памяти злодеяния твои.

Александр, не говори «да» о том, о чем ты раньше говорил «нет», и не говори «нет», о чем ты говорил «да», если не понуждает тебя к этому необходимость великая. Поэтому совершай дела свои осмотрительно, спрашивая совета у достойных людей, и тогда ты не будешь знать печали в славе своей, во владениях своих. Потому что человеческое изречение гласит: если ты непостоянен в словах, значит, непостоянен и в жизни — а результат этого ты знаешь. Александр, не доверяй женщинам в постели своей, только лишь проверенной и преданной твоей жизни. ⟨...⟩ Ибо ты есть божий дар народу, и пастырь их плоти, и их защита в миру. Остерегайся отравы смертельной, ибо так погибли некоторые

цари прежнии. А ни доверяй единому человекому лечити сѣбе, зан же человекъ единъ борздо дасться подмолвити о твое здаровье. А может ли ся стати, дабы лекарьство твое десятма человекы — ино то лепши. А не поживай лекарьство, но бравъ их вomecto. А ни чинил бы того, но вѣдая прирожение твое и того зелиа, чего имаешь поживати, и *замѣсъ* оного зелия, и вагу его. А пометаешь о цари индейском, коли пустилъ к тобѣ поминокъ великий 〈...〉 — девку красную, накормлену ядом смертным, иже превратилося прирожения ея яко *скорпийное*. А коли бых не познал ея и стрягох тя — потому что есми видѣлъ у мудреца земли тоя и повѣдания их, — уморила бы тя, как бы еси ея обнялъ.

Александръ, соблюдай душю сию честную, аггельственую, зан же она есть благодать тобѣ сотворителем твоим по милосердию его. А не буди от тых глупых, что верують словом, а посему мнят ся правовернии; а не уразднишся от них нижели мудрых, беседуя с ними. Александръ, *но может* ли ти ся стати, иже бы еси не въсталъ, ни селъ, ни елъ, ни пилъ а ни починалъ жадного дѣла; нижели подлуг чтения звезднаго достойно тобѣ чинити. Про то же не сотворилъ богъ ничего, нижели на потребу. И по сему позналъ преподобный Платон складати цвѣт цвѣту, облакати ся в них и всякии взоры. А не протився словом глупым, иже вѣрять, иже мудрость звѣздная невозможно умети ея. И говорять такъже, иже *вѣдание мудрости сей спервословиа* бывало пророчества ради бога. Также не верь, иже мудрость сяа поддана всякому, хто ся к ней притирает. Азъ же реку, иже вѣдати о премудрости сей годится. Зан же человекъ не избудется приключения искръ их, повѣдая путь ея — яко же избуваеть студени, вѣдая путь солнечный, и приспееть собѣ древо и одежи земные, а про лѣто речей хладных и прохлади жита — и также, коли вьзвѣдают приключенныя преже прихода их, могут помочи собѣ, помолився богу; и покаются постом и молитвою, и богъ змилуется над ними.

Александръ, чествуй правителя своего болеи *себе*, и думай с ним о мале и о мнозе, и сади его подле себѣ, зан же се есть красота предо всими, и потеха твоя, коли еси с ним наедине. Он же покрываеть омилыи твои и говорит добро о тобѣ. И зри на игру шаховую и поведанье ферьзное с пешками, егда ся сьимают с нею и раставаются от нея. И се есть притча подобна вещи сей: *не вѣрь, дабы* могло царство се стоятися без правителя, зане же се есть ложь. А порсуна правителя твоего будет ти написано во главизне четвертой.

из прежних царей. И не доверяй одному человеку лечить себя, так как одного человека можно легко подговорить, и он повредит твоему здоровью. А если можно сделать так, чтобы лечили тебя десять человек — это самое лучшее. И принимай лекарство, только собрав вместе всех врачей. И тебе должно принимать его, только зная особенности своей натуры и особенности того зелья, которое собираешься принимать, и состав этого зелья, и значение его. Помнишь о царе индийском, когда он послал тебе подарок великий⟨...⟩— девушку красивую, накормленную ядом смертельным, так что превратилось тело ее как бы в тело скорпиона. Если бы я не узнал ее и не остерег тебя (потому что я видел ее у мудреца той земли и знал обычаи их), то она уморила бы тебя, как только бы ты ее обнял.

Александр, сохраняй душу свою чистой, ангельской, так как она как благодать дана тебе творцом твоим по милосердию его. Не будь в числе тех глупцов, которые верят на словах и поэтому считают себя правоверными; ты будешь отличен от них, только если будешь с мудрыми, беседуя с ними. Александр, если это возможно, тебе не следует ни вставать, ни садиться, ни есть, ни пить и не начинать никакого дела; но только сообразуясь со звездами следует тебе это делать. Потому что не создал бог ничего впустую. Благодаря этому научился преподобный Платон соединять цвет с цветом, облачаться в них и во всякие образы. Не возражай на слова глупых людей, которые считают, что премудрости звездной невозможно научиться. Они говорят также, что знание премудрости этой с самого начала было следствием пророчества бога. Также не верь, что премудрость эта доступна всякому, кто к ней стремится. Я скажу тебе, что о премудрости этой следует знать. Хотя человек не спасется от воздействия сияния звезд, зная движение их — как он спасается от холода, зная движение солнца, и приготовит себе дрова и одежды зимние, а для лета приготовит легкие вещи и прохладные жилища — точно так же, если люди узнают, что с ними будет, заранее, они смогут помочь себе, помолившись богу; они покаются постом и молитвой, и бог смилуется над ними.

Александр, воздавай честь правителю своему более, чем себе, и советуйся с ним о малом деле и о большом, и сажай его возле себя, так как он является украшением твоим перед всеми, и в радость тебе, если ты находишься в его обществе. Он же будет покрывать проступки твои и говорить добро о тебе. Посмотри на игру в шахматы и взаимоотношения ферзя с пешками, когда они встречаются с ним и расстаются с ним. И это сравнение показывает вот что: не верь, чтобы могло царство существовать без правителя, так как это ложь. А о личности правителя твоего будет тебе написано в главе четвертой.

ГЛАВИЗНА ТРЕТЬЯА. О ПАРСУНѢ И О СПРАВЕДЛИВОСТИ РЕЧИ

Александръ, ведай, иже справедливость — прообразование честнейшие от прообразованиих божиих. И царство, кому его богъ далъ от рабовъ своих и поставилъ *его* владѣти над *ними*, и над пенязми их и надо всими делы их — и онъ им аки наместник божий и правитель царству его; а про то же уподоблься ему всими дѣлы своими духовными и светскими, ею же будеши близокъ. А милуя ея, наречешися и милостникъ божий и правитель царству его. А про то же уподобляйся ему, он же есть милостив и милосердъ. И славы его, имень его боле, нижели человекъ можеть роскозати их.

Александръ, супостатно справедливости кривда, а правдѣ ложь; правдою образуется справедливость, и существо едино. А правдою стали небеса над землею, и правдою посла богъ пророци честнии, и правдою порсуна *умова*, богом данная любимым его, и ею же вселилася земля и наставилися царства, и приступили слуги к послушенству государевъ своих; ею же тешатся бедники, и приближаются далекии, и умирають народы от всякия кривды, и ею же *защищаются* цари от всякия зрады, *и она* прибежище их без времени. По сем же рекли индеяне, иже «справедливость царева помощна народу времени доброго». И такоже рекли: «Царь справедливый и пожиточней земли своей и *дожду* померного». Обретено вырыто на камени языком еллиньскым, иже «царь, справедливость — братие, невозможно единому без другаго». Избранныи же народи разноенны суть, и правда ведется межи сими единолично. *Обще тому же* народу же достоит имеючи праву вагу, и мѣру, и правый товаръ — не фалшивый, и правый суд. Избранныи же сверху того хотять вселити его правоверие во душю свою наукою и воособлением от пути свѣтскых. А про то же хочю ти написати два круги — *единъ* свѣтский, а другий духовный, а почнути свѣтский свѣтом, а духовный душею. А каждый от них осми частей, а ими тобѣ завѣзую вси обыходы достатия их. А бых ти написал толко два тыи круги, досыть еси мѣлъ на том, зан же невозможно царю извѣсти свѣтьская, не извѣд духовная — но ли беседою мудрою. А без того не можеть ему ни планета *его*. А все, что поминано во книзе сей издолга,— завезуется вократце во крузех сих, аминь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. О ЛИЦЕ И О СПРАВЕДЛИВОСТИ ДЕЛ

Александр, знай, что справедливость — свойство, замечательнейшее из свойств божьих. И кому из рабов своих бог дал царство и кого он поставил править людьми и деньгами их и всеми делами их — тот для них как наместник божий и правитель царства его; и поэтому будь подобен ему во всех делах своих духовных и мирских, и будешь в них близок богу. И если будешь милостиво относиться к людям, будешь в милости у бога и правителем царства его. Поэтому будь подобен ему, который милостив и милосерден. А славы у него и имен больше, чем человек может перечислить.

Александр, противостоит справедливости обман, а правде ложь; правдой держится справедливость, и суть их едина. Правдой утвердились небеса над землей, и по правде послал бог пророков честных, и правда — это образ ума, который бог дал возлюбленным своим, и благодаря ей населилась земля и образовались царства, и пришли слуги к повиновению государям своим; правдой утешаются те, кто в беде, и приближаются те, кто удалены, а от всякой лжи гибнут народы, правдой же защищаются цари от всякой измены, и она является прибежищем для них навеки. Поэтому сказали индийцы: «Справедливость царская важнее народу, чем погода хорошая». И еще они сказали: «Царь справедливый ценнее для земли своей дождя своевременного». Была найдена надпись на камне на языке эллинском: «Царь и справедливость — братья, невозможно одному без другого». Разные народы отличны друг от друга, и правда их соответствует их особенностям. А для того чтобы правда была общей, каждому народу следует иметь правильные весы, и измерения, и хороший товар — не фальшивый, и справедливый суд. Избранные же сверх того хотят вселить правоверие в душу свою наукой и отказом от занятий мирских. А поэтому я хочу тебе нарисовать два круга — один мирской, а другой духовный, так что мирской начнется миром, а духовный душой. Каждый из них состоит из восьми частей, и этими частями я тебе покажу все пути достижения их. Если бы я тебе нарисовал только эти два круга, ты бы достаточно знал об этом, так как невозможно царю узнать мирские вещи, не узнав духовные — только в беседе с мудрым он может достичь этого. А без этого не поможет ему даже его планета. И все, о чем сказано в книге этой пространно,— заключено вкратце в кругах этих, аминь.

ГЛАВИЗНА ЧЕТВЕРТАЯ. О ПРАВИТЕЛИ, И О ПИСАРИ, И О ПЕЧАТНИКУ, И О ГРАДОДРЪЖЦЫ, И О ТЫХ, ЗБИРАЮТЬ ДАНЕ СЕГО, И О ВИТЕЗЕХ, И О ЗАКАСЦЕХ, И О ПЕЧАТНИКОХ

Александръ, чти книгу сию многажды зѣло велми, сим бо да разумееши е. И зан же вложилъ есми в ню премудрость философии и поставих ти исполнение человеческое — что то есть ум, и как призыван в тело сие тлиемое, и благодарил им рабы свои достойно, чим же приближаются к нему — а то тобѣ потребно вѣдати, господи дай ти то. Александръ, ведай, иже преже сего всего сотворил богъ самовласть духовную, и наполнейшую, и наподробнейшую, и вообразовал в ню все естество, и нарек ея ум. Ис тое же ся самоти создал самовластную подданную ей, нарицаемая душа. А привязал ея мудростию своею во плоть чювъствену. И поставил плоть, аки землю, и умъ, яко царя, а душа — аки правитель ездить по земли и смышляеть о поведании ея. И поставил ум *в* месте навышшем и начестнейшем, *оно* же глава. Да аще приключится пагуба души, погибнеть разум и плоть; исполнением душевным исполнится умъ и плоть до времени, богом суженого.

Александръ, да разумей слово сие и помышляй и о сем, дабы еси уподоблялъся сотворителю своему всими вѣщми своими, да был бы и справитель твой исполненъ духовными и свѣтскими. И думай с ним о мале и о мнозе, и приступай к думе его; коли напротивъ хотения твоего — а се есть рада правая. Яко же рек Ромос, коли пытали его, чему то рада дружня лепши своей; и реклъ: «Про то иже дума другова не облечена и-захотений». А то по правдѣ. А коли не исправится ти дума его, не спеши чинити ей и мысль о ней день и ночь. Ниже ли боятися полишити тую речь, не кончавши — но поспешай тогды. С покушением же и досмотрением изъяснится обход правителя твоего, и подлуг ласки его и *печалованиа* его о царствии его — тако будеть и дума его. А не смотри на лета его, но дсмотряй правоумья и сооружения его и поведенья его, хотя паки *вещь* ся, обыход ея, по рожеству планеты его, зан же иногды родится не в которую планиту, иже не прииметь дѣла ни наукы, что пративно планите его. Хотя бы его нужею выводили ис того дѣла, но преможеть его искра превышная.

Яко же пригодилося некоторым звѣздочетником идучи чресъ некоторый град, и стали не в которого ткача. И родился ему сынъ тое ночи; и считали рожество его и сказали им, иже дитя то будет мудро и остроумно, и маеть *думу* глубоку о вещех

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. О ПРАВИТЕЛЕ, И О ПИСАРЕ, И О ПЕЧАТНИКЕ, И О ГРАДОНАЧАЛЬНИКЕ, И О ТЕХ, КОТОРЫЕ СОБИРАЮТ ЕГО ДАНЬ, И О ВИТЯЗЯХ, И О ЗАКАЗЧИКАХ, И О ПЕЧАТНИКАХ

Александр, читай книгу эту очень много раз, чтобы понять ее. Так как я собрал в ней премудрость философии и объяснил тебе природу человеческую — что такое ум, и как он связан с телом этим тленным, и как наградил им бог рабов своих достойно, благодаря чему они приближаются к нему — поэтому все это тебе необходимо знать, дай тебе это господь. Александр, знай, что прежде всего другого сотворил бог сущность духовную, и совершеннейшую, и основательнейшую, и создал в соответствии с ней всю природу, и назвал ее умом. А из этой сущности он создал самовластную подданную ее, называемую душой. И связал ее по мудрости своей с плотью чувственной. И сделал он плоть, как землю, и ум, как царя, а душа — как правитель ездит по земле и заботится о состоянии ее. И поставил он ум на высшем и почетнейшем месте, которое есть голова. И если постигнет гибель душу, то погибнет разум и плоть; а при благополучии души будет благополучен ум и плоть до времени, богом назначенного.

Александр, пойми поучение это и помышляй о том, как бы тебе уподобиться творцу своему во всех делах своих, чтобы был и твой правитель осведомлен в духовных и мирских делах. И советуйся с ним о малых вещах и о больших, и обращайся за советом к нему; а если он противоречит желанию твоему — значит, это правый совет. Так сказал Ромас, когда спросили его, почему совет друга лучше своего собственного; он сказал: «Потому что совет друга не порожден пристрастиями». И это правда. А если не понравится тебе совет его, то не спеши осуществлять его и думай о нем день и ночь. А если ты боишься, что из-за промедления это дело не осуществится — тогда спеши с ним. После проверки и наблюдения определится нрав правителя твоего, и насколько он предан тебе и заботится о царстве твоем — в соответствии с этим будет и совет его. Не смотри на возраст его, но замечай правильность дел его и поведения его, хотя эти вещи, осуществление их, зависят также от планеты, под которой он родился, так как иногда человек родится под такой планетой, что он не понимает ни дела, ни науки, которые противоречат планете его. Даже если бы его силой принуждали к этому делу, все же одержит верх сияние свыше.

Так, случилось неким звездочетам проходить через некий город, и остановились они у одного ткача. И родился у ткача сын в ту ночь; и высчитали они соединение звезд, под которыми он родился, и сказали им звезды, что дитя это будет мудрым и сообразительным, и будет советником хорошим в делах

царских, достоинъ правительства. И дивилися ему, и не козали отцу его о том ничого. А коли уже возрасте отрок той, и пристали родители его учити реместву своему, и не восхотело прироженье его приняти ничого того; и ни нудили его велми и отреклися его. И пошед от них, и учился мудростем и философии свѣтьской, и был справителем у некоторого царя. И противъ сего о дивного прирожения дѣля звѣзднаго — что ся пригодило при роженью сына царя индейского. Иже было подлуг планеты его быти ему кузнецом, и *утоили сие* у царя. А коли возрасте царевичь, и печалися царь, и нудили его учитися премудрости духовной и светьской. И не склонилъ сердца своего к сему, толко реместву кузнеческому. И было жаль царю сего вельми и собрал звѣздочетниковъ, иже были во времени его, и сказали вси, иже исъкра звѣзды его привела его.

Александръ, не *попережай* ничим, нижели испытавъ рады правителя своего. А не отступили прежнии от того слова, иже ради — верхъ накозанию. И во поидани перьском писано, иже некоторый царь думалъ с правителем своим в тайне великой, иже на немъ столпъ царьства его. *И рече единъ от правитель его:* «Не подобаеть царю, дабы думалъ с каждым *от* нас о головной думе своей, нежели с каждым от нас особно». Зан же чим будеть тайна покрыта, будеть дума царева славна, и беспечална, и уготована ко исполненью; и менши переказу в ней, и зависти нашей межи собою. Яко же рек премудрый: «То есть тайна, что межи двема, а что межи трема — то несть тайна».

Александръ царь, про то же достовай тайницю неприятеля своего всею силою своею. А то собѣ не звѣдеть, но ли *намъздяючи старѣйших,* что въ его домѣ, имеючи купцовъ розных языковъ, что ездять вь его землю: зан же сим одолееть несилный силнаго. Рек *Ватисто* еллин: «Пребываеть царю силы думою правителевъ его, яко прибываеть море реками, что теку в него. Достанеть хитростию и думою болши, ниже силою и витезми». И укозал единъ от царей перьских сыну своему, здовая ему царство свое за живота, и реклъ ему: «Подобает тобѣ родитися, зан же *ты одинъ* в людех. Радися с тым, кто в чем бывалъ, и смиренъ, и свершенъ умом своим и повѣденьем своим, и любить тебѣ сердцем своим, и поставный словом своим, и говорить о твоей чти за очима, и пространенъ мыслию, не досветчень в недоверяи царству достойному и законному. Но скажет ти неведомое твое, не допустит ти с неприятелем твоим клопота, чтобы не утешилъ его, а ни врагу твоему на тя шоптания, чтобы не отвел его».

царских, и станет правителем. И удивились они, но не сказали отцу его об этом ничего. А когда уже вырос отрок этот, и начали родители учить его ремеслу своему, то не захотела природа его принять этого; они не принуждали его очень к этому и отреклись от него. Он ушел от них, и обучался наукам и философии мирской, и стал правителем у одного царя. А вот обратный случай этому удивительному проявлению влияния звезд на природу человека — то, что случилось при рождении сына царя индийского. Было установлено по планете его, что будет он кузнецом, и утаили это от царя. А когда вырос царевич, озаботился царь, и стали принуждать царевича учиться науке духовной и мирской. Но не склонилось сердце его к этому, стремился он только к ремеслу кузнечному. Царь очень сожалел об этом и собрал звездочетов, которые были во времена те, и они сказали все, что сияние звезды его привело царевича к этому.

Александр, не спеши что-либо делать, не посоветовавшись с правителем своим. Не переставали древние повторять, что совет — это в деле главное. И в предании персидском написано о том, что некий царь советовался с правителем своим в тайне великой и думал, что этот правитель — столп царства его. И сказал один из правителей его: «Не подобает царю советоваться только с одним из нас о главной задаче своей, но должен он советоваться с каждым из нас в отдельности». Потому что так будет тайна сокрыта, будет решение царское славным, и твердым, и готовым к воплощению; и меньше будет толков о тайне, а мы будем меньше завидовать друг другу. Как сказал мудрец: «Тайна — это то, что между двумя, а что между тремя — то не тайна».

Александр-царь, поэтому старайся узнать секреты неприятеля своего всеми силами. А иначе того не достигнуть, кроме как подкупая самых важных из тех, кто в его доме, имея купцов из разных народов, которые ездят в его землю: ибо так одолеет несильный сильного. Сказал Ватисто-эллин: «Прибавляется у царя силы с советами правителей его, как наполняется море реками, которые текут в него. Он достигнет хитростью и советами больше, чем силой и витязями». И оставил наказ один из царей персидских сыну своему, передавая ему царство свое еще при жизни, и сказал ему: «Следует тебе советоваться, потому что ты один среди людей. Советуйся с тем, кто опытен, и смирен, и лучший по уму своему и поведению своему, и который любит тебя в сердце своем, и выдающийся в речах своих, и говорит о твоей чести за глаза, и широк в мыслях, не уличен в небрежении к царству достойному и справедливому. Он скажет тебе неизвестное для тебя, не даст тебе вступить в спор с неприятелем твоим, не успокоив его, и не даст врагу твоему клеветать на тебя, не возразив ему».

А не въимайся царства своего деля, дабы еси не приклал думы своея к думе иного, будет ли дума твоя урядна. Но сим научайся прикладати думу свою со иною думою, аще пременится от думы иного — *досмотряй ей.* Будет ли урядна — приими ея, а будет ли неурядна — приостави ея. И так же искуси правителя своего — указываючи ему потребу свою до скаръбных речей. Радит ли тобѣ выдовати что во скарбех, буди се легко во очи твоих, зан же любить с природжения прятати скарбъ. Аще же ти радить взяти товаръ народовъ, вѣдай, иже злонравенъ есть и отстудить тя всим, а в том пагуба царству. А стравит ли того, что добыл у тебе, накладаючи на полепшение твое, вѣдай, *иже* дасть и живот свой за тебѣ. А налепший правитель — что приступаеть к послушанию твоему, а любить здравье твое, а *не* похлебуеть тобѣ, и мерзокъ *имать* свѣт сей, и ласкы для твоея даеть живот свой, и все, что имаеть, наполнити волю твою.

И были бы в нѣм нрави сии: 1. Дабы был цѣлъ уды своими, угоден к тым дѣлом, что надобе ему до них. 2. Чтобы был розумен и мудръ, доведаяся борзо, что ему укажеть, помятлив ⟨...⟩, росторопенъ, послушенъ, побачить тую речь, что конець ей. 3. Чтобы был добровиденъ, праводейственъ а не бы был *бестужь* лицом. 4. Чтобы был приветенъ, доброго языка, чистого, сказати похотение свое словы краткими. 5. Чтобы был хорошим одеянием, быстръ во всих премудростех, а надо всим во премудрости численой, зан же она настряеть разумъ и полепшаеть, яко соль и перець, ины что полѣпшаеть еству. 6. Дабы был верен словом своим и любить правду, даеть и берет ценою, и мерою, и вагою и прославленъ добром. 7. Чтобы не был опой, ни ожиря, ни поробник, и отдаляет кохание и маниячество. 8. Дабы был щедръ, и промышленъ, и любит честь, и *низкого* духу. 9. Чтобы *были* пенязи и вси речи светскии легьки очию его; не клял бы мысли свои толко в тое, что честь царю, и прилюблял бы его людем. 10. *Чтобы любилъ* справедливых, и омерзял кривду, и сознавая правду праведному, и милостивъ покривденому и пообиденому, а не брал бы мзды ни на кривду, ни на правду, а не премолвил бы жадный человекъ на то; а не имелъ бы дружбы со лживыми,— ни со лживыми, ни со обидолюбци. 11. Чтобы крѣпился дѣлы своими и в том, что положил в *думѣ своей,* и дал бы живот свой на то; а не был бы мякосердъ, но храбръ и помятливъ во войнах. 12. Чтобы был скорописець, и не *шепетливъ,* и ведал бы накозание преже дней иных,

Не возносись из-за царства своего, но должно тебе сравнить мысль свою с мыслью другого, чтобы узнать, правильно ли твое мнение. Так учись сравнивать мысль свою с другой мыслью, и если изменится она от мысли другого — проверь свою. И если мысль другого будет согласна с твоей — прими ее, а если не будет согласна — оставь ее. Таким образом испытай правителя своего — указав ему, что тебе необходимы денежные траты. Если он посоветует тебе тратить то, что в казне, не доверяй ему, ибо это значит, что он любит по природе своей прятать деньги. Если же он посоветует тебе взять имущество у народа, знай, что он злонравен и оттолкнет от тебя всех, а в этом гибель царства. А если он истратит то, что получил от тебя, отдавая это для блага твоего, знай, что он отдаст и жизнь свою за тебя. Наилучший правитель — кто обратился в повиновение тебе, и заботится о здоровье твоем, и не льстит тебе, и презирает свет этот, и ради милости твоей отдает жизнь свою, и все, что имеет, чтобы исполнить волю твою.

И чтобы отличался он следующими качествами: 1. Чтобы были полноценны все члены его, чтобы он был пригоден к тем делам, которые на него возложены. 2. Чтобы он был разумен и мудр, понимая быстро то, что ему скажут, с хорошей памятью⟨...⟩, расторопен, послушен, чтобы понимал смысл каждого дела. 3. Чтобы он был приятной наружности, правдив и был бы благолепен лицом. 4. Чтобы он был приветлив, умел бы хорошо и отчетливо говорить, желание свое выразить в кратких словах. 5. Чтобы он был хорошо одет, сообразителен во всех науках, и прежде всего в науке чисел, так как она делает острым и улучшает ум, как соль и перец и другие пряности улучшают еду. 6. Чтобы он был верен слову своему и любил правду, чтобы давал и брал по справедливой цене, и мере, и весу и чтобы он был прославлен добрыми делами. 7. Чтобы он не был пьяницей, и обжорой, и блудником, и чтобы он избегал любовных утех и безумства. 8. Чтобы он был щедрым, и заботливым, и любил бы почет, но был бы кроток духом. 9. Чтобы были деньги и все вещи мирские ничем в глазах его; чтобы он направлял мысли свои только на то, что делает честь царю, и возбуждал любовь к нему в людях. 10. Чтобы он любил справедливых, и ненавидел ложь, и воздавал правду праведному, и был милостив к оболганному и обиженному, и чтобы он не брал взяток ни за ложь, ни за правду, чтобы ни один человек не мог склонить его к этому; и чтобы он не водил дружбы со лживыми людьми,— ни со лживыми, ни с любящими обидеть других. 11. Чтобы он был тверд в делах своих и в том, что решил в мыслях своих, и отдал бы жизнь свою за это; и не был бы изнеженным, но храбрым и сообразительным в войнах. 12. Чтобы он быстро писал, и не шепелявил, и чтобы он знал события прежних дней,

и поведания царская, и обычеи иного закону, и повѣдания витяжьская, и местьца *слуг твоих;* и чтобы был роду того, чтобы племя его были правительми или столечники; и бывал в безвременьи или в чюжих землях. И такого же подымай в такую честь, и онъ вси дни свои будеть покорен тобѣ, и потоить тайны твои, и не восхочеть тобѣ жадного лиха, про то же распометается на урожение свое, и на очество свое, и на тыи речи предреченныи и воимется от сего. 13. Дабы не был рад говорити о безлепици, и пересмешливъ, и соромотя люди, оманывая люди и скрадя разумь их. 14. Чтобы был не кушал вина, нижели з лекарьскими речми нужею в немощи, и не любил бы *лѣнивьства* и глупости. И печалил бы ся день и ночь привечати люди и полегчати мыслей оных; дабы дом его отворень всякому пришелцу и отшелцю, чего надобе сем; и да разумеють речи их, и послушаеть дѣла их, и тѣшить трудниковъ их, и подоимаеть бремя их; дабы был набоженъ, веруя речи божии. А не вставляй правителя, нижели кто вѣсть вѣру твою и дръжить обычай закона твоего.

А вѣдай, иже сынъ человеческъ честенъ у бога изо всего свѣта нижняго, а сотворение лепшаго не будеть, пущи его ради. Мы же сами второмышлением искрам небесным, а с них ставятся обычаи и *прироженига* замесу нашему телесному, зане же они привод, а мы приведени от них. Человекъ же первый всим живым честью, а последний всим замесом своим; а часом сотворенъ, а часом гинет. А про то жь несть того обычая *въ* каждом живом, чтобы не было в человецех. Храбръ како левъ, боязнивь яко заець, щедръ яко куръ, скупъ яко песъ, гневливъ какъ воронъ, бегаеть людей как рысь, приставаеть к ним яко голубъ, збойливъ яко лисица, простъ яко овца, борздъ яко елень, амешкаеть яко медведь, лепъ яко слонъ, уничижается яко оселъ, разбойникъ яко ногъ, гордъ яко пава, блудить яко струцел, упрям яко синица, трьпяще яко свиния, смутенъ яко зелюля, хробрует яко конь, ховается яко мышь, очютливъ яко пчела, тужить яко поук, смиренъ яко мрравей, мьститъ и враждуеть яко верблуд, повадливъ яко мескъ, нем яко рыба, пищить яко соловей. А наболшии *остерегаю* тя, дабы ся еси не стужал ни жадному человеку на свѣте. Зан же глава умова — познати истиннаго бога, а потом — любити рада по чину добра и лиха.

И такоже заказую тобѣ, чтобы не был правитель твой велми бѣлъ а око *зѣкро,* или чернъ а око *зекро,* или страховиден. Александръ,варуй ставляти правителем некоего племенника своего или ровню своего во очине. А служит ти,

и деяния царские, и обычаи других народов, и дела витязей, и места слуг твоих; и чтобы он был из такого рода, чтобы предки его были правителями или столечниками; и чтобы он прошел испытание в тяжелые времена или побывал в чужих землях. Вот такого возвышай и воздавай ему честь, и он всю жизнь свою будет покорен тебе, и сохранит тайны твои, и не помыслит против тебя никакого зла, потому что вспомнит о происхождении своем, и о роде своем, и обо всем сказанном, и воздержится от этого. 13. Чтобы он не любил говорить о пустяках, не был бы насмешлив, не оскорблял бы людей, обманывая и смущая разум их. 14. Чтобы он не вкушал вина, кроме как по указанию врача по необходимости во время болезни, и не предавался бы лени и глупостям. И чтобы он был готов днем и ночью принимать людей и облегчать нужды их; чтобы дом его был открыт всякому приходящему и уходящему для всего, что нужно им; и чтобы он разбирал просьбы их, и выслушивал дела их, и помогал их подвластным, и разделял бремя их; чтобы он был набожен и верил в слова божьи. Ставь правителем только того, кто разделяет веру твою и придерживается правил закона твоего.

Знай, что сын человеческий в наибольшей чести у бога во всем свете, и поэтому создания лучшего не будет, величайшего. Мы же сами являемся отражением небесных звезд, и ими определяются особенности и свойства строения нашего тела, так как звезды являются двигателем, а мы движимы ими. Человек первый среди всех живых существ по чести, а последний среди всех по времени сотворения; в один час он сотворен, в один час и погибнет. И поэтому нет такой особенности в любом из живых существ, которой не было бы в людях. Он храбр как лев, боязлив как заяц, щедр как петух, скуп как пес, гневлив как ворон, бегает от людей как рысь, привязан к ним как голубь, драчлив как лисица, прост как овца, быстр как олень, медлителен как медведь, хорош как слон, унижается как осел, разбойник как гриф, горд как павлин, блудит как страус, упрям как синица, терпелив как свинья, печален как кукушка, храбр как конь, прячется как мышь, бдителен как пчела, скорбит как паук, кроток как муравей, мстителен и зол как верблюд, послушен как мул, нем как рыба, заливается как соловей. А больше всего предостерегаю тебя, чтобы ты не был ненавистен ни одному человеку на свете. Потому что вершина ума — познать истинного бога, а потом — любить совет по правилам добра и зла.

И также предупреждаю тебя, чтобы не был правитель твой слишком бел и с глазами голубыми, или черным и с глазами голубыми, или страшен на вид. Александр, остерегайся ставить правителем какого-нибудь родственника своего или равного тебе по происхождению. А если они служат тебе,

а ни доверяй им ни в чем от дѣл своих и стережися их, яко скоръпий индейских, что забиваюць посмотром своим. И наболши что к тобѣ будуть близки, болши ти будуть шкодити. Зан же ревность их до *тебе* болши чюжих, зан же вси мнятся такии же, яко ты, а не верят, иже царство ти богом данно; а про то же не досыть им, али же имуть душю твою. А помятуй ся вельми зѣло. Александръ, вѣдай, иже се привязано во прирожении, досвѣтчено парсуною и покушением с перводеяния мужми праведными. А се было в начале миротворение, иже завистию убил Каин Авеля, брата своего.

О писарех и о печатникох рек. Александръ, достоить тобѣ выбрати собѣ писаря писати листы свои таких, иже образують умыслъ твой и сознавають болши иных о доброумъи твоем и расправности умысла твоего всякому досмотряющему в ню; иже не увидишь по них жадного ущепления о расказу умысла твоего. И да недосвечный в посягнении за чюжее. Зан же *ими* закрыта будеть тайна твоя, а сим усилееть царство. А не имущы тайници — не имущи силы, ни чести. Зан же слово исходить з умысла, а говорение его — се есть телествие оного слова, а писмо — образъ его. Яко же красну словесну быти добровидну, тако же подобаеть тобѣ, чтобы еси выбрал от писаревъ, хто бы сказал вещь твою исполна словы красными, писмом хорошим. А про то же писарьство — и краса твоя. А не хваливалися цари прежнии, ниже писарми своими, а не уступали на степень честный и превышни толко ими. А про то же как коли он толкуеть умыслъ твой, и смышляеть о тайнах твоих, и прославляеть честь твою по всих беседах действы своими, а тако же прислухаеть тобѣ чествовати его явно во всих делех подлуг службы его и смыслу его, не толко руки его дела.

О печатнику его. Александръ, *вѣдай,* иже печатникъ — скарбник чести твоей и *первой по* правители. Про то же выбери собѣ носити печать свою мужа, имуща в собѣ духъ радный и храбрый, и не было бы подобия лихого парсуною, яко же ти напишю. И был бы достоинъ стати на спици, и полкъ расправити, и посольство, и знал бы суд судити, и такий же законникъ, как и ты. Был бы совершенъ сими обычаи, еже ти напишю: 1. Дабы был человекъ, ученый писму своему, и вѣрил святому Писму по достоянию. 2. Дабы не был упрям и любяй прю, срамота людемъ. 3. Дабы был веренъ словом своим и заховал тайну братьи своей, опроче твоея шкоды, а о всем — твою тайну. 4. Дабы был промышленъ знати *хитрости* печатныя вселично и хитрости писменныя,

то не доверяй им ни в каких делах твоих и остерегайся их как скорпионов индийских, которые убивают взглядом своим. И чем ближе они к тебе будут, тем больше тебе будут вредить. Ибо зависть их к тебе больше, чем у чужих, так как все они считают себя такими же, как ты, и не верят, что царство тебе богом дано; а поэтому они не удовлетворятся, пока не погубят жизнь твою. Остерегайся их весьма. Александр, знай, что это установлено природой, проверено с давних времен примером и опытом мужей праведных. Так было в начале сотворения мира, когда из зависти убил Каин Авеля, брата своего.

О писарях и печатниках сказал. Александр, следует тебе выбрать себе писарей, чтобы писать письма твои, таких, которые воплотят мысль твою и покажут лучше других разум твой и намерения твои всякому, читающему эти письма; так что ты не увидишь никакого искажения в пересказе мысли твоей. И чтобы он не был замечен в посягательстве на чужое. Ибо благодаря писарям будет сокрыта тайна твоя, и этим усилится царство. А не имеющие тайны — не имеют ни силы, ни чести. Ибо слово происходит от мысли, а произнесение его — это телесная оболочка того слова, а письмо — изображение его. Как красноречивому нужно иметь привлекательную внешность, так следует и тебе выбрать из писарей такого, кто бы выразил дело твое полностью в словах красивых, почерком хорошим. А поэтому писари — это украшение твое. Цари прежние не хвалились ничем другим, — только писарями своими и достигали положения почетного и самого высокого только благодаря им. Поэтому в зависимости от того, как он толкует мысль твою, и заботится о тайнах твоих, и прославляет честь твою во всех беседах действиями своими, так следует и тебе воздавать честь ему явно во всем в соответствии со службой его и разумом его, а не только за искусство руки его.

О печатнике его. Александр, знай, что печатник — хранитель чести твоей и первый после правителя. Поэтому выбери себе в хранители печати человека, наделенного духом разумным и храбрым, и чтобы он не был похож на злых людей, как я тебе напишу. Чтобы он мог встать во главе, и войско снарядить, и посольство, и умел бы суд править, и знал бы законы так же, как и ты. Чтобы был он наделен такими свойствами, о которых я тебе напишу: 1. Чтобы он был человеком, обученным грамоте, и верил бы в священное Писание, как полагается. 2. Чтобы он не был упрямым и любящим распри, не оскорблял бы людей. 3. Чтобы он был верен слову своему и сохранял бы тайну друзей своих, если она не принесет тебе вреда, а более всего — твою тайну. 4. Чтобы он был искушен во всех подделках печатей и подделках почерка,

и впадныи, и гретыи, и *парсуну* листовую по достоинъству всякого человека, и давати записы земскиия по достоянию, и знати порсуну жадную, кому то он даеть записъ. 5. Дабы не был опой ни поробник, сими же прельщаются вси силни и мудрыи. 6. Дабы миловалъ честь градскую вышши сребра и злата а не брал бы мъзды. 7. Дабы был покорен и справедливости и дапомагатель сиротам и вдовам и боронил их от обиды. 8. Дабы был пиленъ приказанию твоему, и честь поведанием одеяния своего, и згоде братьи своей всей; зане же онъ яко бы часть сердца твоего, и честь твоя при чести его. Про то же постави доброту свою при добротѣ его а милующих тебе милуй по достоянию их чести своея ради. А может ли быти, дабы был *правитель* твой то и печатникъ твой, и писарь твой — ино то и налепшии, и тайна твоя безпечалней.

О градодръжцы. Александръ, достойно ти вѣдати, городы свои держати тому, кто исполненъ всим тым, чим печатникъ твой. А на то чтобы вѣдалъ, колко людей прислухаеть к городу тому, и чим ся имають покормити до году, и как переживають во облежании, крепити город твой вежами, и горами, и мурою, и всякою обороною *градскою,* и ведати сооружение города твоего в мирный час, яко и не в мирный; и бывал бы по чюжим землям. И прироженець бы земли твоея или от неприятельския земли и неприяеть неприятелю твоему, яко же ты сам. И судить *суды* свои изс книгъ а кладеть пред тобою; а не прославленъ во кривде и во обиде и не позсягнеть за чюжее.

О моршалку его. Александръ, выбери собѣ на моршальство воина и храбра, и добровидна, и приветлива воиномъ твоим — зан же они милостники твои. Про то же бы не простирал рукы своея ни на кого же от них, а не был бы гордъ никоторому им, ни соромотил бы их и ни словом, и росправлял бы судьбы их, не допуская до тебе, и далил бы ся ганбы их, и был бы ездокъ по чюжим землям, и видал обычаи царьскыи, и был бы роду подобного его; и смел бы главу свою положити о чести государя своего. И уряденъ порты своими, и богобоенъ, не обидяй сироты и вдовъ, и достоинъ в посольствѣ да таких, яко государь его.

О тых, кто перечитаеть народы и расмотряеть обиды народовъ. Александръ, подобаеть тобе на каждый год вѣдати, абы тобѣ каждый человекъ давал головщину

связанных и с затертостями, и с нагреванием, и знал бы особенности почерка всякого человека, чтобы он мог выдавать записи земские, как положено, и знал бы личность каждого, кому он выдает запись. 5. Чтобы он не был пьяницей и блудником, из-за чего совращаются даже сильные и мудрые люди. 6. Чтобы он предпочитал честь города серебру и золоту и не брал бы взяток. 7. Чтобы он был послушен голосу справедливости и был помощником для сирот и вдов и чтобы охранял их от обиды. 8. Чтобы он был послушен приказанию твоему, и делал своим поведением честь одежде своей, и был угоден товарищам своим всем; так как он как бы часть сердца твоего, и честь твоя зависит от чести его. Поэтому поставь доброту свою рядом с добротой его и любящих тебя люби по их достоинству для своей же чести. А если возможно, чтобы правитель твой был и печатником твоим, и писарем твоим — это лучше всего, и тайна твоя в наибольшей сохранности.

О градоначальнике. Александр, следует тебе знать, что городами твоими должен управлять тот, кто отличается всеми теми качествами, что и печатник твой. А сверх того, чтобы он знал, сколько людей живет в городе этом, и что у них есть, чтобы прокормиться в течение года, и как они переносят осаду, как укрепить город твой башнями, и валами, и стеной, и всякими городскими оборонительными сооружениями, и чтобы заботился об укреплении города твоего в мирное время так, как и в немирное; и чтобы он бывал в чужих землях. Будь он уроженец земли твоей или происходит из неприятельской земли, он должен быть непримирим к неприятелю твоему, как ты сам. И чтобы он правил суд свой по книгам и отчитывался перед тобой; и чтобы он не снискал себе славы ложью и обидами и не покушался на чужое.

О маршалке его. Александр, выбери себе на маршальство воина и храброго, и приятной наружности, и приветливого к воинам твоим — ведь они любимцы твои. Поэтому следует, чтобы он не поднимал руки своей ни на кого из них, и не был бы высокомерен ни с кем из них, не оскорблял бы их ни одним словом, и распоряжался бы судьбами их, не обращаясь к тебе, и воздерживался бы от хуления их, и бывал бы в чужих землях, и знал бы обычаи в разных царствах, и принадлежал бы к роду, достойному его сана; и готов был бы голову свою положить за честь государя своего. Чтобы он был красиво одет, и богобоязнен, не обижал сирот и вдов, и достоин участвовать в посольстве к таким же особам, как государь его.

О тех, кто ведет перепись населения и рассматривает обиды населения. Александр, необходимо тебе каждый год быть уверенным в том, что каждый человек

от себѣ и от слуг своих: пенезь наболший от себѣ, а от жонокъ и от детей — пенязь наменший, дабы еси ведал, колко воиновъ имаешь в своей земъли, и колко людей посполитых, и колко богатых, и колко убогих — чим кто тобѣ достоинъ служити. А не дѣлай сего дѣла ниже людьми, вѣрными до себѣ, и пременяй на кождый год иных бо всих тых, *кто* серебро твое выбираеть. Зан же сим отведешь ревнование от слуг своих, изведаешь кождого, вѣрного до себѣ. И тако жь не можешь владѣти ими, нижли имети каждому заказу другого такова, а сим не будешь знанъ никоторым слугам своим. Александръ, подобаеть ти *имѣти* особных своих мастеровъ, что умеють направити каждую изброю; и всим умножити пушечниковъ и всяких стрелцовъ.

Кто збираеть дань. Александръ, ведаешь, иже народ — скарбъ твой певьный, иже погибель твоя погибелью их, царство твое ими *пробавишь*. Про то же мни собе их яко сад, а товаръ их яко насеяние и корень того саду. А сказиш ли корень и *сѣмя* — чим поставишь существо *породу* и по подобию? Но яко же милуешь царство свое, так милуй честь их и *отимай* речи, которыи иже *не* заживают им. А был бы тот *зьбиратель* твой искусен в вещехъ, и богат, и не драчливъ, дабы брал овощь, а не уломил бы вѣтки и не усушил бы кореня. И *был* бы добронравенъ, и смиренъ, не гневливъ; а не будет ли сяковъ, отженеть от тебѣ народ, а сим сказить умыслъ царский. И также не приставляй многих брати сребро свое, да не будешь шкоденъ.

ГЛАВИЗНА ПЯТАЯ. *О* ПУТИ ЕГО, И О ТЫХ, ЧТО НА ПУТЬ ХОДЯТЬ ОТ НЕГО И В ПОСОЛЬСТВЕ ОТ НЕГО, И О ПОВЕДАНИИ ПОСОЛЬСТВИЯ ЕГО

Александръ, подобает ти имети зерцало дорожное, и образ мира сего, и обычаи земскии; сим уведаешь, како имаеш ся сооружати путьми своими. Вѣдай — наразумит тя господь — *иже* посланный сведетельствуеть народу послателеву *на разумъ послателевъ*. Посланный бо — око послателево, чего сам не дозрить, а ухо слышить, чего послатель не слышить, и язык его заочный. Вѣрен приятелю своему, и любить тебѣ, далается всякое речи ганебное, и не *опой. Такова шли* ⟨...⟩ и приказуй ему речи свои, да ведавъ поведание твое во оной вѣщи. А не приказуй ему о небывшей, зане же можеть пременитися воля твоя в тое, что лепшии хотелъ его тогды. А не будет ли свершенъ оным предреченым, но дсыть нам,

платит тебе головщину за себя и за слуг своих: плату большую за себя, а за жен и за детей — плату меньшую, чтобы ты знал, сколько воинов у тебя есть в твоей стране, и сколько людей простых, и сколько богатых, и сколько бедных — чем каждый из них должен тебе служить. Доверяй это дело только людям, верным тебе, и заменяй каждый год иными всех тех, кто деньги твои собирает. Потому что благодаря этому ты избавишься от зависти среди слуг твоих, узнаешь каждого, кто верен тебе. Ты сможешь управлять ими, только имея для каждой должности заместителя, и таким образом ты не будешь известен ни одному из слуг своих. Александр, следует тебе иметь при себе специальных мастеров, которые умеют починить любой вид оружия, и всячески увеличивать количество пушкарей и всяких лучников.

О тех, которые собирают дань. Александр, ты уже знаешь, что народ — сокровище твое верное, что гибель твоя неизбежна с гибелью их, а царство твое благодаря им укрепишь. Поэтому считай их своим садом, а добро их как бы семенами и корнем того сада. Если ты испортишь корень и семя — как ты восстановишь должным образом особенности их породы. Но как ты любишь царство свое, так люби честь их и удаляй те вещи, которые не приносят им пользы. Следует, чтобы был твой сборщик дани осведомлен в делах, и богат, и не драчлив, чтобы он срывал плод, не сломав ветки и не засушив корня. И чтобы он был доброго нрава, и смиренным, не гневлив; а если он не будет таким, то оттолкнет от тебя народ и таким образом исказит замысел царский. Также не поручай многим людям собирать деньги твои, чтобы тебе не быть в убытке.

ГЛАВА ПЯТАЯ. О ПОХОДАХ ЕГО И О ТЕХ, КОГО ОН В ПОХОД ПОСЫЛАЕТ И В ПОСОЛЬСТВО, И КАК ОНИ ПРАВЯТ ПОСОЛЬСТВО ЕГО

Александр, следует тебе иметь зеркало дорог, и изображение мира этого, и описание обычаев в разных землях: тогда ты узнаешь, как тебе дóлжно готовить походы свои. Знай — пусть вразумит тебя господь,— что посол показывает народу, к которому он послан, разум пославшего его. Ибо посол — это глаз пославшего в том, чего сам он не увидит, и ухо посла услышит то, чего пославший его не слышит, и это язык его заочный. Он должен быть верен в дружбе, и любить тебя, избегать всех вещей предосудительных, и не быть пьяницей. Такого посылай и давай ему указания о деле своем, чтобы он знал отношение твое к этому делу. Но не давай ему указаний о том, чего еще нет, так как может измениться твое отношение к тому, что ты считал тогда лучшим. А если он не будет отвечать названным требованиям, достаточно нам и того,

чтобы был веренъ, да не приложил бы ни унял бы слово твоего, и мало бы говорил в поведаньях твоих, и остерегал бы ся опойства, и всего похлебьства, и говоренья с недостаточным. А да разумел бы, что *слишит,* и умел бы отповедати на то. А не будет ли сяковъ, ино толко бы веренъ былъ и донеслъ бы листы твои, да кого посылаешь его, и чтобы принеслъ тобѣ отвѣт вѣрный.

Александръ, побачиш ли на своем посланнику, иже сребролюбець и мздоимець, не шли его, зан же можеть соблазнитися, и взяти даръ великий, и стратить тобѣ много велми. Яко же чинили персове, иже пред каждого посла приносили вино и, подпоивши, приносили перед него сребро и злато и ведали, иже тайница государя его открыта. А захотел ли у них нечего, и присылали ему жонкы красныи, дабы ся открыла тайница его. И также написуй посольство посланнику своему, и вси обыходы его тамашнии, колько можешь, а слово присланных до тебѣ а также *написуй.* Отпускаючи их от себѣ, посади, и учестуй по достоянию, и пытай, чтобы ся роспометал во всѣм посольствѣ своем. Но будет ли пременяти умыслъ оных речей своих, вѣдай, *иже* дума государя его несовершена. Не довай ему много быти у себѣ, дабы не вѣдал обыходовъ твоих. А не может ли ся стати тобѣ, чтобы еси борзо отпустил, но замышляй на него пиры пирити, дабы утаена тайна твоя от него. Не укладай надеи своея на слово, изменяющих слово твое, и мздоимцовъ, зане же сими изменяются умыслы твои. Александръ, остерегайся посылати правителя своего а не отдаляй его от своих очей; и зан же се искажение *царьству* твоему.

О ПОВЕДАНИИ СЛУГ СВОИХ, И БОЯРЪ, И ВИТЯЗЕЙ. ГЛАВИЗНА 6, ПЯТОК

Александръ, досмотряй кождого слугу своего, какова пильность его до тебѣ, и мужность его межи братьи своей, и ревность обыхода его и з дховными людьми, и свѣтьскими. И на сякова надейся, иже дасть живот свой за тебѣ. Не приими к службе своей *близко* и *в раду* свою *чюжеземцовъ,* ножели извѣстных тобѣ; а варуйся приимати милостника неприятеля твоего, и заговариваеть за него или ведет ся обычаими земли неприятеля твоего. Александръ, не уймешь от лихих дѣлъ слуг своих, нижели урядивши обход их питьем и ядением; и потешайся с ними ⟨...⟩ стрелбою и речми витязскими одинъ день в недели, абы еси *видѣлъ,* кождого году как во своем деле.

чтобы посол был человеком верным, и не прибавил бы и не убавил ничего из слов твоих, и мало бы говорил о делах твоих, и остерегался бы пьянства, и всякой лести, и разговора с человеком, не наделенным полномочиями. И чтобы он понимал то, что слышит, и умел бы ответить на это. А если не будет такого человека, то только бы верен был и донес бы послания твои тому, к кому ты его посылаешь, и чтобы принес тебе ответ верный.

Александр, если ты увидишь, что твой посол сребролюбец и взяточник, не посылай его, так как он может впасть в соблазн, и взять дар великий, и принести тебе очень большой убыток. Как делали персы, которые каждому послу приносили вина и, напоив его, приносили ему серебро и золото и знали тогда, что тайна государя его будет им открыта. А если он отказывался от всего, они присылали к нему женщин красивых, чтобы обнаружилась тайна его. Дай также письменный наказ о посольстве послу своему и напиши ему обо всех действиях его тамошних, насколько можешь, а слова присланных к тебе также записывай. Отпуская чужих послов от себя, посади их, и воздай честь им по заслугам, и спроси, помнят ли они обо всем посольстве своем. Если посол будет изменять смысл прежних речей своих, то знай, что мысли государя его непрочны. Не позволяй ему долго оставаться у тебя, чтобы он не знал о делах твоих. Но если ты не можешь его быстро отпустить, устраивай для него пиры, чтобы утаить тайну свою от него. Не возлагай надежды на слово тех, кто изменяет слова твои, и на речи мздоимцев, так как из-за них нарушаются планы твои. Александр, остерегайся отправлять в посольство правителя своего и не удаляй его от своих глаз; ибо это приносит вред царству твоему.

ОБ УПРАВЛЕНИИ СЛУГАМИ СВОИМИ, И БОЯРАМИ, И ВИТЯЗЯМИ. ГЛАВА ШЕСТАЯ. ПЯТНИЦА

Александр, проверяй каждого слугу своего, каково прилежание его в службе тебе, и мужество его по сравнению с соратниками его, и обходительность его в обращении и с духовными людьми, и с мирскими. И на такого полагайся, который отдаст жизнь свою за тебя. Не приближай к себе по службе и не принимай в совет свой чужестранцев, за исключением известных тебе; и остерегайся принимать на службу человека, близкого неприятелю твоему, который говорит в его пользу или ведет себя согласно обычаям земли неприятеля твоего. Александр, не отучишь от злых дел слуг своих иначе, кроме как обеспечив жизнь их питьем и едой; и развлекайся с ними〈...〉 стрельбой и потехами воинскими один день в неделю, чтобы ты видел, каков каждый из них в своем деле.

А онъ будет приучен служити тобѣ тымъ, чим же имаешь витяжити неприятеля своего: а того жадай на них, не иного болшии. А не смотри на отчину их, но на дела их. А повышай ласкою своею к лепшим межи ими, зан же приведешь их к тому, же поидуть из далекия земли навыкати, чим бы имели налепшии послужити тобѣ. А варуйся зле велми *платити* службу их: и указатися смутен, видяще шкоду их, и призирати кождого в болезни его, и накладати на него всякими речьми лекарьскими, и делати им честь по животе их по достоянью. А се есть корень ласки твоея — прилюбити к собѣ слуг своих, которыи же, сие видя, и дадуть радостию каждый животъ свой за тебѣ; а сим притяжишь неприятеля своего. Александръ, не давай никакия зброи воином своим, нижели ховай про потребу их в своем скарбѣ; а осмотривай однова на неделю. И дай ея в руки верного, имеюще боловати ея. А суди судом праведным и борони их от каждыя ганбы, яко и сам себѣ, зане же се есть честь твоя.

О боярех его. Александръ, ведай, иже бояре — крѣпость земная и честь царская, и дети их прироженейшии ко службе твоей. Ими же самъ исполнишь *думу* твою и надеженъ еси, коли выедешь из земли своея; и они — мура крѣпкая народу твоему. Про то давай городы твои достойнейшому от них и старейшому службе своей. А не соромоти явно и честуй кождого словом добрым и порты с плечь своих. А варуйся зѣло велми понижати, кого еси повышил, но ли по винам его, повышати не по заслузе его — се есть воистинну глупость и вѣщь та, что отгонить от царей славу их добрую. И такоже *милуй* дети ихъ по достоянию, и приближай и ко службѣ своей и болши чюжеземцов непокушеных. И оставляй каждого на очине своей и на выслужении своем, сим бо умножишь любовъ их до себе, и научить сына своего отець положити главу свою за тебѣ; и не восхотять иного государя над собою, нежели тебѣ и сына твоего, по оной велицей ластѣ твоей. Александръ, вѣдай же кождого боярина своего и печать его; а се подобаеть ти некоих вещей ради, нужных царству твоему. И досмотряй достоиньства каждого человека к службе своей, ни земли его, ни роду его. Яко же рек Ромасъ: «Буди сыном кому хочешь, коли еси мудръ. Зане же нѣсть проку в роду без мудрости и достоиньства своего».

О витязех его. Александръ, витязи — начестнейшии во царстве и укрепителеве земли своей. А про то жь учини собе поведание налепших *о съоружении их,* дабы ти извѣстно

А он будет приучен служить тебе тем, чем ты победишь неприятеля своего: именно этого требуй от них, а не чего-нибудь большего. Не смотри на происхождение их, но на дела их. Возвышай милостью своей лучших из них, ибо так ты достигнешь того, что придут из далекой страны и будут стараться, как бы лучше послужить тебе. Остерегайся слишком плохо оплачивать службу: тебе следует выказать сочувствие, увидев убытки их, и заботиться о каждом во время болезни его, и обеспечивать его всякими снадобьями, и оказывать им честь после смерти сообразно их заслугам. В этом цель твоей милости — заставить любить себя слуг своих, которые, видя это, отдадут с радостью жизнь свою за тебя; так ты овладеешь неприятелем своим. Александр, не давай никакого вооружения воинам своим, но лучше храни оружие для их нужд в своей оружейнице и производи смотр раз в неделю. Поручи свою армию верному человеку, умеющему угождать ей. Суди их судом праведным и защищай их от всякой хулы, как самого себя, ибо в них честь твоя.

О боярах его. Александр, знай, что бояре — укрепление земли и честь царя, а дети их от рождения находятся на службе твоей. С их помощью ты выполнишь замысел свой и будешь спокоен, если выезжаешь из земли своей; они — стена крепкая для народа твоего. Поэтому отдавай города свои достойнейшему из них и тому, который дольше служит тебе. Не оскорбляй их явно и воздавай честь каждому словом добрым и одеждой с плеч своих. Остерегайся весьма понижать того, кого ты возвысил, но только за провинность его, или возвышать кого-нибудь не по заслугам его — это воистину глупость и та причина, которая лишает царей славы их доброй. А также милостив будь к детям их соразмерно их заслугам, и приближай их к себе по службе больше, чем чужеземцев неопытных. И оставляй за каждым родовые владения его и выслуженные поместья его, так ты умножишь их любовь к себе, и научит сына своего отец положить голову свою за тебя; и они не захотят другого государя над собой, кроме тебя и сына твоего, из-за такой великой милости твоей. Александр, знай каждого боярина своего и печать его; это нужно тебе для некоторых вещей, необходимых царству твоему. И суди о достоинствах каждого человека по службе его, а не по владениям его или роду его. Как сказал Ромас: «Будь сыном кого угодно, если ты мудр. Ибо нет проку в происхождении без мудрости и достоинств своих собственных».

О витязях его. Александр, витязи — наиважнейшие в царстве люди и опора земли своей. Поэтому создай себе устройство лучшее в порядке подчинения их, чтобы тебе было известно

о далеком от них и о близком от них. И сим будешь беспечален, кого от них посылати и на каго наложити полкъ свой, но постави собѣ числом которым хочешь. Иже наменший во царех — четвертый, зан же страны свѣта сего четыре; и перед и зад, правая и левая; по сему же восток, запод, полдне, полнощь. И всякий царь не обладаеть вѣчно то на четверти. А восхочешь болши — но до десяти, зан же десятма наполняются четыре оно жь: единъ, и два, и три, и четыри. А наменший царь на десяти столечниковъ, а под каждым столечникомъ десять бояръ, а под каждым бояриной десять урядников, але будеть тисяча; и будеть под каждым десять головъ, а се будеть тисячь десять. А коли будешь потребенъ до тисячи, повели одному столечнику — да призоветь бояръ своих, а бояре урядниковъ своих; да изведешь волю свою вократцѣ. И так же, будешь ли потребенъ до ста или до десятка, указуй тым, кто над тыми; да будет ти легко водити их, зан же каждый укажеть тому, кто под ним. А постави правителя над витези человека мудра, и верна, и не горда, и терпяча, и россудна, и знающа порсуны, знающа повѣдания витязьска, и чѣм даровати кождого витязя. Сим бо направи дела их, да будеть каждый иметь смыслъ, как ти послужилъ, а не довай малому великого дару, а великому малого дару. А иже честуй златом и камением драгим не иных слуг своих, толко правителя своего, а заховай их во чести земской и дворьской болши иных слугъ своих и проче правителя своего. А всѣ, что писано чинити слузе, *чини имъ* и привитай их словом добрым. А который ся во чти не поведеть — карай его тайно, а не оставит *ли* лихого обычая — и скази его явно пред братиею его, а не оставит и — *пусти* его прочь. А подобаеть им, дабы тя чествовали и боялися болши иных слуг твоих. А *не* приступали бы к тобѣ близко, как приидуть пред тебе. Не умноживай говорити с ними явно, а о всем потай, а ни с жадным честником, или гостем, или з незнакомым, зане же се приведеть тя страсти царство свое, яко же сталося Тамостиосу царю и иным прежним царем.

Научи их приносити прошения своя на писанных листех, а присылали бы до тебе людьми, достойными дела сего. И всякий листъ прочти его пред правителем своим и гетманом своим, будет ли о воевном деле. А будет ли годно

о тех из них, кто далеко, и о тех из них, кто близко. Так ты не будешь иметь забот о том, кого из них послать и кому поручить войско свое, так что ты сможешь собрать количество их, которое тебе нужно. Наименьшее количество начальников — четыре, потому что сторон света этого четыре; передняя и задняя, правая и левая; подобным образом восток, запад, юг, север. И пусть каждый начальник не обладает вечно своей четвертью. А если захочешь больше частей — увеличь их до десяти, потому что в десяти содержатся четыре следующие части: один, и два, и три, и четыре. Под каждым начальником по десять столечников, а под каждым столечником десять бояр, а под каждым бояриным десять урядников, чтобы их было тысяча; а под каждым урядником будет десять человек, и таким образом получится десять тысяч. А если тебе потребуется тысяча человек, прикажи одному столечнику призвать бояр своих, а боярам урядников своих; так ты сможешь осуществить желание свое быстро. Таким же образом, если тебе будет нужно сто или десять человек, приказывай тем, кто над ними; чтобы было тебе легко управлять ими, потому что каждый будет приказывать тому, кто под его началом. А военачальником над витязями поставь человека мудрого, и верного, и не гордого, и терпеливого, и рассудительного, и знающего нрав подчиненных, знающего искусство воинское и как награждать каждого витязя. Так устрой дела эти, чтобы каждый понимал, как ему служить тебе, а не делай малому чином великого подарка, а великому малого подарка. А золотом и драгоценными камнями воздавай честь не другим слугам своим, но только военачальнику своему, и оказывай честь земельными пожалованиями и при дворе больше, чем другим слугам своим, и больше, чем правителю своему. Относись к ним так, как написано о твоем отношении к слуге, и встречай их словом добрым. А который не будет достоин чести — наказывай его тайно, а если он не откажется от дурного поведения — тогда образумь его в присутствии соратников его, а если он вновь не откажется от этого — прогони его прочь. И следует, чтобы они тебя почитали и боялись больше других слуг твоих. И не следует, чтобы они близко допускались к тебе, когда придут к тебе. Не говори с ними долго в присутствии других, но обо всем втайне, и не говори в присутствии никакого сановника, или гостя, или незнакомого человека, ибо это приведет к тому, что ты погубишь царство свое, как случилось с Тамостиосом-царем и другими древними царями.

Научи их приносить прошения свои в виде грамот, и чтобы они присылали их к тебе с людьми, достойными этого дела. И всякую грамоту прочти перед военачальником своим и гетманом своим, если речь идет о военном деле. А если нужно будет

досмотрети его и наказати на то, и ты *откажи* и напиши его на другой стороне того же листа, что пустил к тобе слуга твой; и весь род его будѣть ти служити всим сердцем своим. А еже не годно писати, откозуй словы добрыми. И бывай веселъ с ними во зьстатии и в беседе гостиной, зан же они *весели* симь и честуются тым. Умножится любовъ их к тобѣ и к дѣтем твоим.

ГЛАВИЗНА 7. О ПОВЕДАНИИ ВОЕВНОМ, И О ОБРАЗЕХ ПОЛКОМ, И О СТОРОЖЕХ; КАК ПОДОБАЕТ РОСПРАВИТИ ВОЙСКО, С КИМ СЯ БИТИ И С КИМ СЯ НЕ БИТИ; И О ПРЕМУДРОСТИ ПАРСУННОЙ; КАКО ЗАХОВАТИ ЦАРЮ ЖИВОТ СВОЙ ПИТИЕМ, И ЯДЕНИЕМ, И СПАНИЕМ, И ПОРТЫ. СУББОТА

Александръ, не вымыкайся в лихое место на войне и прилепися в наболших от беседы своея. И был бы полкъ твой сооружение всих полковъ людми, и нарядом, и местом лѣпши первого полку, и людьми искушеными, и непробегивалыми, и бывалыми в далеких землях. Про то же посылай прироженцы земли своей в далекии земли, дабы ти приносили поведание воевное, и обычаи царскии поистинне, и *вѣдали* бы вси притчи воевные. И вси потребы пеших, и конных, и стурмных, и всяких заховай во чести витязьской предреченной. А который тобѣ принесеть писмо неправое или о поведании земли твоей, или о поведании тебе самого — отдаль его от земли своей. Сим бо накажеши слуги свои, и искрѣпешь правдолюбцевъ, и обратишь грѣшных во спасение.

Александръ, буди не знаком всим, что у войне твоей. А буди вбран в доспех тайный; а может ли ти ся стати тобѣ, чтобы еси *спалъ* убранъ — чини ти тое. А *не* чини так, как чинивали цари глупыи, что указывали ся на войне. И се азъ присегаю тобе: иже николи не минеть видевшеся царю со царем, дабы не мыслилъ о соблажнении его. А се обретено Писмом в начале свѣта, о *дѣлѣ* Каинове со Авелем, братом своим. Зан же зависть и любовъ свѣта сего приведеть к сему, что есть власть; по прироженню свѣта сего подобаеть варити его. И ведай, иже война тѣлом и душею, *сложени* со дву привращеных и уставляющих друг на друга. Душа же их тожде надеется каждый привитяжить, тело же *их съоружение* обоих полковъ, *сей* сопротиву сего; а коли бы не мелъ надежи взыскати, разошла бы ся та война; прок же ей, егда одолееть супостата своего. А про то жь умыслъ свой положи скрѣпити сердце воиновъ твоих;

рассмотреть прошение или отдать приказ об этом, ты дай ответ и напиши его на другой стороне той же грамоты, которую принес тебе слуга твой; и весь род просителя будет тебе служить от всего сердца своего. А о чем не следует писать, откажи в мягких выражениях. И будь весел с ними при встрече и в разговоре застольном, потому что они будут веселы благодаря этому и будут гордиться этим. Умножится любовь их к тебе и к детям твоим.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. О ДЕЛЕ ВОЕННОМ, И ОБ УСТРОЕНИИ ПОЛКОВ, И О СТОРОЖЕВЫХ ПОСТАХ; КАК СЛЕДУЕТ РАССТАВИТЬ ВОЙСКО, С КЕМ БИТЬСЯ И С КЕМ НЕ БИТЬСЯ; И О НАУКЕ ФИЗИОГНОМИКЕ; КАК СОХРАНИТЬ ЦАРЮ ЖИЗНЬ СВОЮ В ПИТЬЕ, И В ЕДЕ, И ВО СНЕ, И В ОДЕЖДЕ. СУББОТА

Александр, не выходи на опасное место во время войны и держись близко от главных людей из совета своего. И следует, чтобы твой полк обеспечен был лучше всех полков людьми, и орудиями, и находился на месте лучшем, чем первый полк, и чтобы в нем были люди опытные, и не обращающиеся в бегство, и побывавшие в далеких землях. Поэтому посылай уроженцев земли своей в далекие земли, чтобы они тебе приносили знания военные и обычаи царей доподлинно и знали бы все уловки военные. А все нужды пеших воинов, и всадников, и идущих на приступ, и других удовлетворяй согласно чести воинской, прежде названной. А того, кто принесет тебе жалобу несправедливую или об устройстве земли твоей, или о твоем собственном поведении — удали его из земли своей. Так ты научишь слуг своих, и укрепишь любящих правду, и обратишь грешников ко спасению.

Александр, пусть тебя не знают все, кто участвует в войне твоей. И будь покрыт доспехами под одеждой; а если ты можешь спать вооруженным — делай так. Не делай так, как делали цари глупые, которые обнаруживали себя во время войны. Я клянусь тебе: никогда не будет так, чтобы царь, увидевшись с царем, не думал о вреде его. Ведь сообщается в Писании о начале света, о преступлении Каина против Авеля, брата его. Потому что зависть и любовь к этому свету приводит к тому, что является властью; по природе света сего следует остерегаться этого. Знай, что война подобна телу и душе, которые состоят из двух противоположностей, восстающих друг на друга. В душе каждая из противоположностей также надеется победить другую, тело же состоит из двух врагов, из которых один вооружен против другого; а если бы у одного из них не было надежды победить, прекратилась бы эта война; смысл ее в том, чтобы победить врага своего. Потому пусть будет целью твоей укрепить сердца воинов твоих;

и слюбуй имъ, иже ты изыщешь; и кажи им, иже имаешь доводне се; и умножи им оружие, иже биеть здалека, яко ти напишю. И стал бы законоучитель твой и рек бы им твоим словом — а сам бы стоял тут же во смирении великом,— жалуючи со слезами о кривду супостата своего и *обѣщающи* им кождому ласку свою лепшии первое и кождому помнити доброту его и чистое сердце его. И слюбуй им, иже *заховаешь* их вѣчными слугами, и оболши им дару своего, и учинишь из селянина боярина, а з боярина витязя. И скажи им, иже писмо и поведание земское *пишет* о тых, хто покинеть государя своего на поли — ущепенъ чти и *вѣры*. А законникъ твой указывал им *долже* сего поучением законным, и поститися, молити бога боязнию и з смирением, зан же сим избудуть скорби и печалий, *находащих* на них.

Александръ, не бийся, нижели в поли или в месте высоком. А будет ли воеватися с тыми, кто выйдеть к тобѣ на полѣ, но заставляйся щиты надежными и сторожою певною въ дни и в ночи, дабы на нашелъ враг твой внезапу да превитяжить тя. А не ставляй шатра своего нижели в месте надежном, яко бы гора и подобно мѣсто, и близко воды. И умноживай корму дорожного и дровъ, хотя ти не нужно надобѣ.

Александръ, приучи кони свои гласу пушечному и зверем диким, дабы ся не бояли ничого, сим бо привитяжьшь неприятеля своего. Каждый бо копейникъ твой имѣл пищаль у копья, дабы на *сустрѣчении* и огромили кони неприятеля твоего и скрепя сердце воином твоим. Дабы были витязи твои разноличнии: иный бы стрелець, а иный копейникъ. А коли пустишь полкъ на них, то шли с ними слоны и туры, иже в них стрелцы великии и пушечники; внегда будеть им страх, да окрепится сердце их с ними. И раздра войско свое числом подлуг неприятеля своего, и ставляй одесную людей воевных неотступных, и олевую — пушечников, и пищалниковъ, и стрелцовъ огненых, и образовъ страшных, яко учинил есми тобѣ, коли еси бился со индеяны. Иже слуху оного страшного ужаснулося сердце их, и замешалися кони их — а то все сосудми оными предречеными. Подобаеть же тобѣ, дабы еси приразил их и вѣдалъ сооружение оных людей и пушок оных — се будут боятися тебѣ, зане же коли познають на тобѣ, и делати дело свое с умыслом налепшим. И росмотривай народу неприятеля своего; а место, которое хворейшее, оттуль починай бити его. И поведися статком, коли расправляешь войну; а сам убранъ, а около тебѣ люди

и обещай им, что ты достигнешь победы; и покажи им, что ты имеешь в доказательство этого; и умножь у них оружие, которое бьет издалека, о котором я тебе напишу. Следует, чтобы встал законоучитель твой и произнес речь от твоего имени (а ты бы стоял здесь же в смирении великом), негодуя со слезами о неправде врага твоего, и обещая каждому из них милость твою больше прежней, и каждому обещая помнить доброту его и чистое сердце его. И обещай им, что сделаешь их вечными слугами своими, и увеличь им дары свои, и обещай сделать поселянина боярином, а боярина витязем. И скажи им, что правило и заповедь государственная гласит, что те, кто покинет государя своего на поле брани — лишены чести и доверия. Следует, чтобы законник твой рассказывал им пространно об этом в поучении должном и что нужно поститься, молить бога со страхом и со смирением, потому что так они избавятся от скорби и печалей, которые их ожидают.

Александр, не вступай в битву, если не находишься в поле или на месте высоком. А если придется сражаться с теми, кто выйдет против тебя на поле, защищайся заслонами надежными и выставляй сторожей верных днем и ночью, чтобы не напал враг твой внезапно и не победил тебя. Раскидывай шатер свой только в месте надежном, например на горе или подобном месте, и близко от воды. И запасайся снедью на дорогу и дровами, даже если у тебя нет нужды в них.

Александр, приучи коней своих к пушечной стрельбе и к зверям диким, чтобы они не боялись ничего, ибо так ты победишь неприятеля своего. У каждого копейщика твоего, кроме копья, должна быть пищаль, чтобы при столкновении они оглушили коней неприятеля твоего и укрепили сердца воинов твоих. Следует, чтобы у тебя были воины различные: чтобы один был лучник, а другой копейщик. А когда ты пошлешь полк на неприятеля, посылай вместе с ним слонов и туры, а в них чтобы были лучники меткие и пушкари; если страх охватит воинов, пусть укрепится сердце их такой поддержкой. И разделив войско свое сообразно числу неприятеля своего, ставь справа людей в битве твердых, а слева — пушкарей, и пищальников, и стрельцов огненных, и орудия страшные, которые я сделал тебе, когда ты бился с индийцами. От этого звука страшного ужасом были охвачены сердца их, и смешались кони их — и все это благодаря сосудам этим самым. Необходимо, чтобы ты заботился о воинах и знал состояние своих людей и пушек их — тогда они будут бояться тебя, если узнают, что ты наблюдаешь за ними, и будут делать дело свое с большим старанием. И присматривайся к людям неприятеля своего; и с того места, которое у него слабейшее, начинай нападение на него. Действуй уверенно, когда разворачиваешь войско; а сам будь вооружен, и чтобы около тебя были люди

храбрыи и вѣрныи. И ставляй сторожовъ бывалых во всем. А николи не видали несмо, коли которую рать биють с одного конца, дабы сердца не ужаснулося другого конца. И ставляй подсаду многую со огнем и гласы страшными, занъ же се крѣпость великая твоим воинномъ и страна великая войне, зан же ужасиши сердце супостата твоего. И чини сосуды страшающи конем своим, им же замешаешь кони неприятелей своих. И умножишь собѣ вельблудовъ про беремена путнныи и про страх коньский.

О войне. Аще же воеватся будешь с городом, учини собѣ пороковъ много великих и накидай онъ град огню, и камения, и запаху лихого; сим же порушаешь муръ их и пременишь вѣтры их. И учини собѣ судно рушати *муръ*; а стреляти ⟨...⟩ стрелами, мажючи ядом; поставъ лук коловоротный на них, зан же сим ужасають сердце будущих во твержах великих. А в ночи преступ *тых,* которыи не умеють битися, и всѣх грецовъ своих докучати им и мешати сонъ их. А остерегайся всякиа притча ночныя, а *не* ставляй гетманом и спичником мяккосердых. А можешь — чинити вся гдѣ твоя хитростьми, зан же корень поведеный военного хитрования. И положи битву конець всимъ дѣлом, яко индеяне хитры, а не злосердыи туркове, сердыи и глупыи. А про то же достойно воеватися с каждыми людьми, как ся *годит* с ними. А не отпускай малой речи одновъ будеть велика, але розмысль о ней преже прихода ей до тебѣ.

Числа имений. Вѣдай, Александръ, иже тая тайница, иже ти есмь казывал, коли еси раживался противъ неприятеля своего и коли еси посылалъ некоторого слугу своего. И се есть тайница божья, ею же помиловалъ нас; азъ же искусих его, обретох помочь его и бых *корыстенъ* в нѣм. А ты дапытывался его на мнѣ, я таивал его на мнѣ от тѣбе а указывал есми тобѣ помочь его. А нынѣ открываю ти ея над тым, абы еси никого не вчил; но не выходи сам противъ неприятеля своего, не ведавъ числом, иже одолеешь его. А не будет ли число твое, яко их, и ты пошли слугу своего, счетьшы имя его, дабы число его вышши неприятеля твоего. Но первого чти имя свое а мечи по довати, а что ся останеть от имении твоего или сама девять — ховай его. И тако же сочти имя супостата своего и мечи по девяти, по девяти,

храбрые и верные. И выставляй сторожей опытных во всем. Я никогда не видел, чтобы когда какое-нибудь войско терпит поражение с одной стороны, чтобы сердца врагов не были охвачены ужасом и с другой. Устраивай засаду большую с огнем и звуками страшными, ибо это подмога великая твоим воинам и дело важное в войне, потому что так ты вселишь ужас в сердце врага твоего. И укрепляй сосуды устрашающие на конях своих, которыми ты приведешь в смятение коней неприятелей своих. И увеличь в войске своем количество верблюдов для переноса тяжестей в пути и для устрашения вражеских коней.

О войне. Если же ты воевать будешь против города, приготовь себе пороки многие и великие и набросай в этот город огня, и камней, и запаха удушливого; так ты разрушишь стену их и испортишь воздух им. И создай себе орудие, чтобы разрушить стену; а стрелять ⟨...⟩ следует стрелами, намазав их ядом; направь лук коловоротный на них, потому что это вселяет ужас в сердца находящихся в крепостях великих. А ночью поставь тех, которые не умеют сражаться, и всех музыкантов своих, чтобы они докучали им и мешали сну их. Остерегайся всяких уловок ночных и не делай гетманом и копейщиком робких людей. А если можешь — добивайся всех своих целей хитростями, потому что хитрости — основа военного дела. Считай битву крайним выходом при решении всех дел, как индийцы хитрые, а не злые турки, сердитые и глупые. Поэтому следует воевать с каждым народом по-разному, в соответствии с его особенностями. Не допускай, чтобы малая вещь снова стала великой, но подумай о ней, прежде чем она коснется тебя.

Вычисление имен. Знай, Александр, что это та тайна, о которой я тебе говорил, когда ты снаряжался против неприятеля своего и когда ты посылал против него одного из слуг своих. Это тайна божья, которую он даровал нам; а я испытал эту тайну, обнаружил, в чем ее помощь, и извлек пользу из нее. Ты допытывался у меня о ней, а я скрывал ее от тебя и давал тебе только извлечь выгоду из нее. А теперь я открываю тебе ее с тем, чтобы ты ее никому не обнаруживал; но ты сам не выходи на битву против неприятеля своего, не вычислив, что ты одолеешь его. Если не будет число твое таким, как число неприятеля, то пошли слугу своего, сосчитав имя его, чтобы полученное число было больше числа имени неприятеля твоего. Сначала сосчитай имя свое и вычитай из полученного числа по девять, а то, что останется от имени твоего или само число девять — храни это. Таким же образом сосчитай имя противника твоего и вычитай из полученного по девять,

и останок храни, донде же досмотришь у «вратех», еже ти напишю, числом. А коли обретѣшь, вѣри мнѣ, иже истинно есть помочью божиею.

ВРАТА ПЕРВАЯ. О ПРЕМУДРОСТИ ПОРСУННОЙ. НЕДЕЛЯ

Александръ, ведай, иже мудрость сяя нужная царю болшии, нижели иному человеку. Зан же ему человекъ яко же посудия *каждое* ⟨...⟩мастеру своему; а не будет ли мастеръ знати посудия своего велми гораздо, и не зведеть дѣла своего достаточного. И тако же вѣдаешь, иже прироҗение мудро есть, *непраздноденствяно,* но действо его со многим добром а с *малымь* лихом. А про то же неверность *нашу чинило* нам, посли то всим многим человеком, иже ходять, а лица их закрыты. Аще коли рознимся портьми, Александръ, обрести истинну легко есть страною возможною и достойно, и тяжко есть страною невозможною и недостойно. А ближний разумному тишится разумом, он же есть благодать божия и знамение милосердия его над ними. А про то же вѣдай, иже мати детяти аки горнець вариву. *Слианиа* же пременяються по рожеству, прирожения же применяются по замесу.

О белости. Бѣлость же безмѣрная со очима *зѣкрыма* и быстрыми без меры — сказание безтужьство, прельщению, и прелюбодеяния, и легоглавия; а зри на люди немецькия, имущи сотворения сякая, коль дурны и безстужы. А про то же стережися всякого, имущи око *зѣкро,* а сам презлишь *бѣлъ.* А будет ли еще к сему еще широкочел, и *скудобород,* и влас главы его густъ, стережися его, яко скорпеевъ индейскых, *иже забивают* позрением своим.

И та же есть въ очию знамение — можешь не омылитися ими и увѣдаешь доброволие и гнѣв каждого человека, смотрячи на очи его. А нагоршии очи, что походило на *зѣкрость* ферзину. А еже очи его велики и вылезли — сей есть ревнивъ, и ленивъ, и бестуж, и неверенъ; а будет ли еще сини — *онъ* будеть еще напущый; а не можеть быти, чтобы око его не было зло. А еже очи его середнии, и мало глубоки, и *сурмисты* или черныи — се есть расторопотный и разумный, друголюбовый. А будет ли яко осокою прорезаны — се есть прелестникъ. А будет ли подобни к очима животным, и станут *яко* бы стрелы, и мало подвизаются, и мало зрачнии — сей есть глупъ и грубого прирожения. А хто двизает зраком чисто своим — се есть фалчивый и хитрый тать; а будут ли к *сему* фворы — но се есть крѣпокъ и не щадить живота своего. А будет ли около ей тычки — сей есть потаенъ и вѣдаеть много.

а остаток сохрани, пока не посмотришь числа во «вратах», которые я тебе напишу. А что найдешь, поверь мне, это истинно с помощью божьей.

ВОРОТА ПЕРВЫЕ. О НАУКЕ ФИЗИОГНОМИКЕ. ВОСКРЕСЕНЬЕ

Александр, знай, что наука эта нужна царю больше, чем другому человеку. Ибо для царя человек то же, что орудие всякое 〈...〉 для его мастера; если не будет мастер знать орудия своего очень хорошо, то не сможет делать работу свою должным образом. Ты уже знаешь, что природа мудра, действия ее не бессмысленны, а в действиях ее много добра и мало зла. Поэтому природа различия между нами установила, соответствующие каждому из людей, которые ходят, а лица их закрыты. Хотя мы различаемся одеждой, Александр, обрести истину легко и достойно способом доступным, а трудно и недостойно способом недоступным. Человек, близкий к разумному, пользуется его разумом, который является благодатью божьей и знаком милосердия его к людям. Поэтому знай, что чрево матери для ребенка то же, что горшок для варева. Характеры различаются в зависимости от рождения, а природа человеческая в зависимости от состава.

О белизне. Белизна чрезмерная в сочетании с глазами голубыми и чрезмерно быстрыми — признак бесстыдства, коварства, и похотливости, и легкомыслия; посмотри на людей немецких, имеющих особенности эти, насколько они дурны и бесстыдны. А поэтому остерегайся всякого, у кого глаза голубые, а сам он слишком белый. Если же у него к тому же широкий лоб, и жидкая борода, и волосы на голове у него будут густыми, остерегайся его, как скорпионов индийских, которые убивают взглядом своим.

Также есть в глазах свои приметы — по ним ты не можешь ошибиться и узнаешь доброту и гнев каждого человека, смотря на глаза его. Худшие глаза те, цвет которых похож на голубизну бирюзы. У кого глаза большие и вылезли из орбит — тот завистлив, и ленив, и бесстыден, и лжив; а если к тому же они синие — этот еще хуже; и не может быть, чтобы глаз его не был злым. У кого глаза средние, и неглубоко посажены, и сурмистые или черные — тот расторопный и разумный, дружелюбный. У кого будут глаза как будто осокой прорезаны — тот обманщик. У кого они будут похожи на глаза животных, и остановятся как стрелы, и малоподвижные, и подслеповатые — тот глуп и груб по природе. У кого глаза быстро бегают — тот лживый и хитрый обманщик; а если к тому же они будут больными — тот выносливый и не щадит жизни своей. У кого около глаз точки — тот скрытен и знает много.

Александръ, коли увидишь человека, что смотрить на тебѣ много, а коли поглянешь на него, зазрится, и зардится, и засоромится, будеть яко бы веселъ, и навертятся ему очию слезы — вѣдай, яко боится тебѣ. Над всим будет ли во очию его знамение добра предреченная, а посмотришь на него, и онъ на тебѣ бестыдно и без боязни — сесь держить тя за мало и ревнуеть тобѣ,— не верь ему. Александръ, стережися *недородковъ,* яко же стережишися неприятеля своего.

О власех. Власы грубые — указание на крѣпость мозгову, сердечную. И влас мяккый указуеть мягко сердцо, и стюдень мозгову, и малоумие. И множество влас на плечех и на шии указуеть на скотство и глупостенъ; а также мнози власы на сердцы и на чреве указуеть прирожение скотьское и малолюбие до правды, а многолюбие до кривды. *Смядость* преизлишняя — указъ на глупость и многий гнѣвъ скорый; власы же и смядыи — указ на разум и правдолюбие, межи сими двѣма.

О бровех. Аще влас их густъ — указъ их на леность и грубое говорение. А коли будеть бровъ уподоблятися белости и тонка — се указуеть на гордость. Бров же померная и черна — се есть ростропотенъ и разуменъ.

О ноздрѣх. Ноздри же тонъкии — указъ на мягкосердие. Долгии же близу устъ — указъ на кротость сердечну. Долгии же простыи — указъ на нещажение. Надутьеи же — указъ на гнѣв и упрямство. Толстыи же посередине — а право сей указ есть на поставность и неисправедливость. А налепшии — ино что не испрямо долгъи толстиною середнею — и *доброуменъ.*

О челе. Чело гладкое, не видѣти жилъ его — указъ на сваръ и клопотание. Чело же середнейшое шириною и выпукнением, и жилы его знати — се есть вѣрный, и друголюбивый, и растропотный, и остроумный.

О устех. Уста широкая — указь на крѣпость сердечную и много ядения. Губы же толстыя — указь на гнѣв и глупость. Среднии же, черлены велми — указъ на правосердие.

Зубы же выпуклы и частыи — указ на твердость, и хитрование, и *невѣрность.* Зубы же правыи и редкии — указъ на разум и вѣрность.

О лицѣ. Лицо много мясом надутыи челюсти — сей есть глупъ, грубого прирожения. Лицо же худое, желтое — сей есть злый

Александр, если увидишь человека, который смотрит на тебя часто, а если ты взглянешь на него, засмущается, и покраснеет, и застыдится, сделает вид, что он весел, и накатятся ему на глаза слезы — знай, что он боится тебя. Но даже при наличии в глазах его перечисленных добрых признаков, если, когда ты посмотришь на него, он на тебя взглянет бесстыдно и без боязни — этот мало уважает тебя и завидует тебе,— не доверяй ему. Александр, остерегайся уродов, как ты остерегаешься неприятеля своего.

О волосах. Волосы жесткие — признак твердости ума и сердца. Волосы мягкие указывают на мягкое сердце, и холодность ума, и малоумие. Множество волос на плечах и на шее указывает на скотство, и такой человек глуп; также обильные волосы напротив сердца и на животе указывают на натуру животную и нелюбовь к правде, а любовь ко лжи. Смуглость чрезмерная — признак глупости и великого и скорого гнева; а если и волосы черные — это признак разума и правдолюбия, одного из двух.

О бровях. Если волос их густой — это признак лени и резкой речи. А если будет бровь, близкая к белому цвету и тонкая — это указывает на гордость. У кого бровь средняя и черная — тот расторопен и разумен.

О ноздрях. Ноздри тонкие — признак мягкосердия. Длинные ноздри до губ — признак кротости сердечной. Просто длинные — признак беспощадности. Раздутые ноздри — признак гнева и упрямства. Ноздри, толстые посередине,— это верный признак твердости и несправедливости. А лучше всего — когда ноздри не слишком длинные и толщины средней — такой человек разумен.

О лбе. Лоб гладкий, не видно вен на нем — признак сварливости и суетливости. Лоб средний по ширине и выпуклости, и вены на нем видны — такой человек верный, и любящий друзей, и расторопный, и разумный.

О рте. Рот широкий — признак твердости сердца и пристрастия к еде. Губы толстые — признак гнева и глупости. Средние же, красные весьма — признак справедливости.

Зубы выпуклые и частые — признак твердости, и хитрости, и неверности. Зубы же прямые и редкие — признак разума и верности.

О лице. У кого лицо с очень мясистыми челюстями — тот глуп, груб по природе. У кого лицо худое, желтое — тот злой

и прелесник, недоброхотен. Долголикий же человекъ — безъстужий. И выпуклыи же голубцы и надутыи жилы — сей есть гнѣвлив.

О ушию. Ухо великое — сей есть грубно тяжекъ мыслию. Ухо малое — глупъ и чюжелюбець.

О гласѣ. Глас толъстъ — се есть крѣпкосердый. Говоръ же померный, борзостию и толстиною,— сей есть разуменъ. Говоръ же борзый, а наипущее — коли еще тонок к тому — сей есть безъстужь и дуренъ. Глас же грубый и толстый — се есть гнѣвливъ и злонравенъ. Глас же смутный и гидкый — сей есть ревникъ и хитрован. Глас же гладкий — се есть легкоуменъ и гордъ; вертький — сей есть поставный и збойливъ. Хто же ростропотенъ в седении своем, и слово его сполно, подвизаеть рукою своею, говорячи, в час подобный — сей есть полонъ в разуме *своемь* и веренъ в делѣх своих.

О шии. Шия долгая и тонка — сей есть легоглавый и мягкосердый; а будет ли к сему и глава мала — сей есть напущий. Толстая шия — знамя ожирно или опоево и неглубокоумного.

О чреве и о персех. Чрево велико — се есть глупость, ожиря, мягкосердый. Тонкое же чрево и тесныи груди — указъ на добрый розум и добрую раду.

О плечех и хребте. Широкии плеча и широкий хребет указують крѣпость сердечную и легкоумие. Хребет нахилый и грубый указуеть на злонравие, прямый и хороший — знамя добро есть. Выпукнении верху плечное указует злосердие и злопомнение.

Мышки долгия, ажилъ досягнеть дланию до колена, указуеть на щедрость, и учтивость, и добродушие; короткии же — се есть *любитель* сваръ и мягкосердъ.

Длань долгая с палцими долгими — указъ на чистое мастеръство рукоделное и смышлениа царская.

Стегна и голении много мясо стегонное — указъ на худосильство и слабость. Толстина же голенная и лыточная знаменуеть на твердость ножную и силу животную.

Нога грубая мясом указуеть глуповъство и кривдолюбие, малая же и мягкая — указъ на збродню.

Тонкая же и *малая* пѣта — указъ на злосердие, толстая пѣта — указ крѣпкосердие. Ступни широкии и тихии — се есть полонъ дѣлы, словы своими, обзирается на последняя и мягкосердъ.

и обманщик, недоброжелателен. Длиннолицый человек — бесстыдный. У кого выпуклые виски и вздувшиеся вены — тот гневлив.

О б у ш а х. У кого ухо большое — тот груб и тугодум. Если ухо маленькое — глуп и любит чужое.

О г о л о с е. У кого голос низкий — тот тверд сердцем. У кого голос умеренный, по скорости и высоте,— тот разумен. У кого голос быстрый, а что еще хуже — если он к тому же высокий — тот бесстыден и плох. А у кого голос грубый и низкий — тот гневлив и злонравен. У кого голос неясный и гадкий — тот ревнив и хитроват. А у кого голос ровный — тот легкомыслен и горд; если изменяющийся — тот тверд и драчлив. Кто спокоен на месте своем, и речь его последовательна, говоря, двигает рукой своей в подходящее время — тот преисполнен разума и верен в делах своих.

О ш е е. У кого шея длинная и тонкая — тот легкомысленный и мягкосердечный; а если к тому же у него будет голова маленькая — этот еще хуже. Толстая шея — признак обжоры или пьяницы и человека недалекого ума.

О ж и в о т е и о г р у д и. Живот большой — признак глупости, такой человек обжора, мягкосердечный. Маленький же живот и узкая грудь — признак хорошего ума и доброго совета.

О п л е ч а х и с п и н е. Широкие плечи и широкая спина указывают на твердость сердца и сообразительность. Спина слабая и грубая указывает на злонравие, прямая и хорошая — признак добрый. Приподнятые плечи указывают на злосердечность и злопамятность.

Руки длинные, так что ладони достают до колена, указывают на щедрость, и учтивость, и добродушие; а у кого они короткие — тот любитель ссор и мягкосердечен.

Ладонь длинная с пальцами длинными — признак высокого мастерства рукодельного и понимания царских дел.

На бедрах и голенях много мяса — признак немощи и слабости. Толщина голеней и лодыжек указывает на твердость ног и жизненную силу.

Нога грубая и мясистая указывает на глупость и лживость, маленькая же и нежная нога — признак злодейства.

Тонкая и маленькая пятка — признак злосердечности, толстая пятка — признак твердости сердца. У кого шаги широкие и тихие — тот благополучен в делах и словах своих, предвидит будущее и мягкосердечен.

Образ же доброго прироженья. Тѣло его мягко и *сыровьствяно*, среднее межи тонким и толстым, межи долгим и коротким; бѣл с румяностию или смядостию; тонок лицом; власы середнии межи голыми и мохнатыми, русовлас; ровенъ главою в колчевъстве, ровенъ шиею, тонокъ плечима, не грубъ мясом по *животу* и стегнах; глас его чистъ, не сипав, межи толстым и тонким; длани его прямы, палцы его долгы, погнулися *на* тонкость; слова его малы, а много вяжють; а мало смеется, в час потребный; и прироженіе его склонено в кручину черную и черленую; и посмотръ его весел; и не старуеть над тобою вещми неподобными ему. Сей воистинну наразумнѣйший, что сотворил богъ. Сякого или близка к сему ищи, да будешь поспешенъ. Яко же вѣдаешь, иже государь болши ему потребенъ до людей, нижели людем до него. И про то да разумей знаменъ сих предреченых и углуби разумъ свой приподобный и полный во мудрость сию, да будеши беспечаленъ в делехъ своих помощиею божиею.

Признаки хорошей натуры. Тело мягкое и нежное, среднее между тонким и толстым, между длинным и коротким; белый и румяный или смуглый; тонок лицом; волосы средние между прямыми и завивающимися, русые волосы; с ровной и правильной формой головы, прямой шеей, с худыми плечами, не толст в животе и бедрах; голос его чистый, не сиплый, средний между низким и высоким; ладони его прямые, пальцы его длинные, скорее тонкие; слова его немногочисленны, но весьма вески; он мало смеется, лишь в подходящее время; в природе его преобладает желчь черная и красная; а взгляд его весел; и не превозносится над тобой в вещах, не приличествующих ему. Это поистине самый разумный из всех, кого сотворил бог. Такого или близкого к такому ищи, и будешь благополучен. Ты уже знаешь, что государь больше нужен людям, чем люди ему. Поэтому пойми эти отмеченные признаки и углубись всем разумом своим преподобным в науку эту, и не будет печали в делах твоих с помощью божьей.

СКАЗАНИЕ ОБ АРИСТОТЕЛЕ

СКАЗАНИЕ О ЕЛЛИНСКОМ ФИЛОСОФЕ, О ПРЕМУДРОМ АРИСТОТЕЛЕ

При Аминфе, царе макидонстем, бысть еллинский философ Аристотель премудрый, учитель Александра, царя макидонскаго. Ученик же бѣ Платона, философа еллинскаго; иже всѣх превзыде в научении платонских учениковъ премудростию, и разумом, и всякими философскими и *риторьскими* учении и наказании. Любим же бѣ и знаем Аминфием царем для премудрости и разума его. Бѣ же се Аристотель премудрый от страны Стачеритския, отца же богата и славна мужа именемъ Ничемача. Образ же имѣл возраста своего средний, глава его невелика, глас его тонокъ, очи малы, ноги тонки; а ходилъ в разноцвѣтном и хорошом одѣянии. А перьстней и чепей золотых охочь был носити.

А говорил и писалъ въ книгах своих сице: «Неусыпно естество божие, бытие не имущи начала, от него же все крѣпъкое существится словом», и прочая. И ины многыя мудрости написал и о немощах нутренних изъявил.

А самъ умывался в суднѣ маслом древяным теплым. А какъ ложился на одрѣ постеля своея спати, и онъ держалъ в руцѣ своей яблоко меденое, а подъ яблоком у постели своей ставил умывалницу великую, мѣдяную же, того ради, да егда уснетъ сном глубоким, и послабѣетъ крѣпость плоти его, и выпадет то яблоко мѣденое из руки его и падет во умывалницу. И учинится стукъ и зукъ от обоих сих, и разшумит его от сна глубокаго, и будет яко не хотяй сна. И то была мѣра времени сна его.

Нѣкогда же убо премудрый Аристотель вопросим бысть о философии и о свободных мудростех. Он же о философии отвѣща: «Могу живущи то здѣлати без велѣния, что иный толь

СКАЗАНИЕ ОБ АРИСТОТЕЛЕ

СКАЗАНИЕ ОБ ЭЛЛИНСКОМ ФИЛОСОФЕ, О ПРЕМУДРОМ АРИСТОТЕЛЕ

При Аминте, царе македонском, жил эллинский философ Аристотель премудрый, учитель Александра, царя македонского. А учеником он был Платона, философа эллинского; и он превзошел в обучении всех учеников Платона премудростью, и разумом, и во всяких философских и риторических науках и знаниях. Его любил и знал Аминт-царь из-за премудрости и разума его. Этот Аристотель происходил из места Стагира, а отец его был богатым и славным мужем по имени Никомах. Роста он был среднего, голова у него была небольшой, голос высокий, глаза маленькие, ноги худые; а носил он разноцветную и хорошую одежду. Любил он носить перстни и цепи золотые.

Он говорил и писал в книгах своих так: «Бесконечно существо божье, бытие которого не имеет начала, а силой слова его все крепкое происходит», и прочее. И другие многие мудрые вещи он написал и о недугах внутренних разъяснил.

А мылся он в сосуде с маслом оливковым теплым. А когда он ложился в постель свою спать, то держал в руке своей яблоко медное, а под яблоком у постели своей ставил умывальник большой, также медный, для того чтобы, когда он заснет сном глубоким и ослабеет напряжение тела его, тогда выпало яблоко медное из руки его и упало в умывальник. И раздастся стук и звон от них, и это пробудит его от сна глубокого, так что он уже не будет хотеть спать. Это была мера для сна у него.

Однажды премудрого Аристотеля спросили о философии и о свободных мудростях. Он же о философии ответил: «Благодаря ей я могу в жизни то сделать без повеления, что другой

не сотворит по закону и с понуждением». А о свободных мудростех рече: «Корени свободных мудростей и горки суть, но плоды их велми сладки». И паки вопросим бысть от любопремудрых: «Что,— рече,— польза человеку тому, иже вмѣсто истинны и лжу глаголет?» — он же тако к ним отвѣщал: «Егда тот человекъ и правду скажет, и онъ не вѣренъ будетъ».

А о дружбе рече, еже убо едино души во многих телесех живление бывает. К нему же паки рѣша: «Како бывают совѣты и бесѣды ученому человеку с неученым?» Он же к ним отвѣщалъ: «Яко же и мертвый не требует от живаго ничто же, тако и неученый человекъ не приобщается совѣту ученаго человека ничим же. Учение бо,— рече,— во обители угодно и во обиде помочно».

Нѣкий человекъ брань износя и хулы глаголаше ко Аристотелю. И отшед, и абие возвращся и рече: «Не в досаду ли ти есть о семъ, еже ти пред очима брань и хулу изнесох?» Аристотел же к нему отвѣщал: «А язъ на тобя в тое пору не възглянулъ». И паки той же человекъ рече Аристотелю: «Слышах,— рече,— другаго человека, иже за очи велию ти брань творит и хулы тебѣ глаголет». Он же к нему отвѣщал: «Человече, егда от него прочь отиду, вели ему и бити меня».

не сделает даже по закону и по принуждению». А о свободных мудростях сказал: «Корни свободных мудростей хотя и горьки, но плоды их весьма сладки». И также когда его спросили любознательные: «Какая,— спросили они,— польза человеку в том, что он вместо истины ложь говорит?» — он так им ответил: «Когда такой человек правду скажет, и тогда ему не поверят».

А о дружбе он сказал, что это одна душа, во многих телах живущая. Его вновь спросили: «Как происходит общение и разговор ученого человека с неученым?» Он же им ответил: «Как мертвый не получит от живого ничего, так и неученый человек не поймет ничего в рассуждении ученого человека. Ибо наука,— сказал он,— в жизни приятна и в обиде помогает».

Один человек бранью осыпал и хулы возводил на Аристотеля. Он ушел, но затем вновь возвратился и спросил: «Не досадно ли тебе то, что я тебя в глаза бранил и хулил?» Аристотель же ему ответил: «А я на тебя тогда не смотрел». И опять тот же человек сказал Аристотелю: «Слышал я,— сказал он,—как другой человек за глаза великой бранью тебя осыпает и хулы на тебя изрекает». А тот ему ответил: «О человек, когда я от него прочь уйду, пусть он хоть бьет меня».

СОЧИНЕНИЯ ИВАНА СЕМЕНОВИЧА ПЕРЕСВЕТОВА

МАЛАЯ ЧЕЛОБИТНАЯ

Государю благовѣрному царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии бьет челом холоп твой государевъ Ивашко, Семенов сынъ, Пересвѣтов, чтобы еси, государь, пожаловал холопа своего, велѣлъ службишко моего посмотрити.

Коли есми выехал на *твое* государево имя и вывез есми образецъ тое службы к тебѣ государю, и тот образецъ службы моей пред тобою пред государем клали. И ты, государь, образецъ службы моей смотрил и Михайлу Юрьевичу меня, холопа своего, приказал и образцы службы моей Михайлу же дал. И Михайло Юрьевич образцы посмотрив и тебѣ, государю, службу мою похвалил и обо мнѣ тебѣ, государю, печаловался.

Дѣлати было, государь, мнѣ щиты гусарския добраго мужа косая сажень, с клеем и с кожею сырицею, и с ыскрами, и с рожны желѣзными,— а тѣ, государь, щиты макидонсково оброзца. А дѣлати их в ветляном древе, легко, добрѣ и крѣпко: один человѣкъ с щитом, гдѣ хощет, тут течет и на конѣ мчит. И тѣ щиты в поле заборона: из ближняго мѣста стрела неймет, а пищаль из дальные цѣли неймет ручныя. А из-за тѣхъ щитов в поле с недругом добро битися огненною стрельбою из пищалей и из затинных, з города. И приказал был еси государь Михайлу Юрьевичу мнѣ дати плотников к тому дѣлу и иных мастеровъ, которые мнѣ было надобеть к тому дѣлу. Да из-за тѣхъ же государь щитов на *Волге* не похочет с недруг воинством своим *берега* дати, ино мочно, государь, у него твоим воинником из-за тѣхъ щитов берег взяти,

СОЧИНЕНИЯ ИВАНА СЕМЕНОВИЧА ПЕРЕСВЕТОВА

МАЛАЯ ЧЕЛОБИТНАЯ

Государю благоверному царю и великому князю всея Руси Ивану Васильевичу бьет челом государев холоп Ивашка, сын Семена, Пересветов, чтобы ты, государь, пожаловал своего холопа и велел оценить мое уменье.

Когда я прибыл в твое распоряжение, я привез образчик этого уменья тебе, государь, и этот образчик моего уменья тебе, государь, представляли. И ты, государь, осмотрел образчик моего уменья и определил меня, твоего холопа, к Михаилу Юрьевичу и Михаилу же передал образчики моего уменья. А Михаил Юрьевич осмотрел образчики и похвалил перед тобой, государь, мое уменье и ходатайствовал за меня перед тобой, государь.

Взялся я, государь, изготавливать гусарские щиты в косую сажень крупного человека, с клеем, сыромятной кожей, каменьями и железными остриями,— это щиты, государь, по македонскому образцу. И если изготавливать их из древесины ветлы, то будет легко, надежно и крепко: с таким щитом и один человек может передвигаться как угодно или скакать на коне. А в поле эти щиты — защита: с близкого расстояния не возьмет стрела, а с дальнего боя не возьмет ручная пищаль. И в поле из-за этих щитов удобно вести огневую перестрелку с неприятелем из пищалей и из затинных пищалей, как из крепости. И ты, государь, приказал было Михаилу Юрьевичу для этого производства дать мне плотников и других мастеров, которые были нужны мне для этого производства. К тому же, государь, с этими щитами на Волге, где неприятель не пожелает подпустить к берегу своими войсками, так твои воины, государь, смогут отбить у него берег.

И Михайлу Юрьевича борзо в животѣ не стало, и вскоре преставися. И та, государь, служба моя задлялося. И тебе, государю, надобе ли службишко мое?

А выезду, государь, моему 11 лѣтъ, а яз тебя, государя благовѣрнаго, доступити не могу. А яз тебѣ, государю, говорю надобя для твоего царскаго воинства мудрого, чтобы моя служба не мерла за мною, а тебѣ, государю, надобеть вскоре на недрузи твои. А велѣл бы еси, государь, дѣлати щиты на триста человѣкъ, да велѣлъ бы еси, государь, на триста коней юнодцких дѣлати щиты же, которые горазди смертною игрою играти противу недруга за християнскую вѣру и за тебя, государя, великого царя.

Служил есми, государь, у угорского короля Вьянуша на Гусины граде службу дворянскую на шесть коней, а имал есми, государь, на всякой конь по семи золотыхъ на двенатцать недѣль. А был есми, государь, там три годы в полку с Федриком с Сопѣжничиком, было, государь, насъ дворян триста королевских, короля полскаго, а ездили есми с королевского вѣдомо к угорскому королю. А яз, государь, тѣ щиты видел там гусарския с оброзца с макидонсково.

Да служилъ есми, государю, четцкому королю Фодыналу дворянскую службу на семи коней, а имал есми, государь, на всякой конь по семи золотых на двенатцать недѣль. Было нас, государь, полсково короля пять сот, а был у нас гетман Андрѣй Точинской, староста былъ бѣлской. Служили есми, государь, у чатцково короля три годы с вѣдомо полского короля, коли грамоты его с нами были. И оставя яз там дворянскую службу, и выехал есми на твое государево имя, слышавши от многих мудрецов, что быти тебѣ, государю, великому царю по небесному знамению. И ты было, государь, своим царским жалованьем — помѣстьем пожаловал меня, холопа своего, гораздо. А с собою есми собинки вывез гораздо же.

И твое государь жалованье — помѣстье от великих людей от обиды нарядили пусто, а яз тебя, государя благовѣрнаго царя, доступити не могу, пожаловатися на них. Да и собинку есми, государь, изтерял, которую с собою вывез из королевствъ: в моих обидах и в волокитах вся пропала. Службу твою государеву служу: с Москвы на службу, а с службы к Москве, а в помѣстье, государь, в твоем жалова*нь*е, не дадут жити ни часу недруги. Нас, государь, приезжих людей не любят. И нынѣ, государь, от обидъ и от волокит наг и бос, и пѣшь. Служил есми, государь, трем королем, а такия обиды ни в котором королевстве не видал. Что есми с собою собинки ни вывез, то все здѣ потерял в обидах, в во*ло*китах. С Москвы на службу,

Но скоро не стало в живых Михаила Юрьевича, он внезапно скончался. И уменье это мое, государь, пропадает. Не нужно ли тебе, государь, уменьице мое?

А с прибытья моего, государь, одиннадцать лет, а я к тебе, благоверный государь, доступа не имею. Я же тебе, государь, о себе говорю ради царского твоего воинственного духа, чтобы уменье мое не пропало втуне у меня, ведь тебе скоро, государь, на твоих неприятелей понадобится. Вот велел бы ты, государь, изготовить щиты для трехсот человек и велел бы ты, государь, на триста коней богатырских изготовить щиты,— для тех, кто горазд вести смертную игру с твоими неприятелями за веру христианскую и за тебя, государь великий царь.

Служил я, государь, у венгерского короля Яноша в городе Гусине рыцарскую службу с шестью всадниками, а на всякого получал, государь, по семи золотых на двенадцать недель. А пробыл я там, государь, три года в полку Фредерика Сапежича: было нас, государь, триста королевских рыцарей польского короля, и с королевского ведома ездили мы к венгерскому королю. Там вот, государь, и видел я эти щиты гусарские по македонскому образцу.

Служил я также, государь, чешскому королю Фердинанду тоже рыцарскую службу с семью всадниками и получал на всякого по семи золотых на двенадцать недель. Было нас, государь, пять сотен от польского короля, а гетманом у нас был Андрей Точинский, староста бельский. Служили мы, государь, у чешского короля тоже три года с ведома польского короля, ведь были у нас его грамоты. Но, оставив там рыцарскую службу, прибыл я в твое распоряжение, потому что слышал от многих мудрецов, что быть тебе, государь, по небесному знаменью, великим царем. И пожаловал ты было меня, холопа своего, богато царским своим пожалованьем — поместьем. Да и добра с собой привез я порядочно.

Но пожалованное тобой, государь, поместье опустошили притеснениями сильные люди, а я к тебе, государь, благоверному царю, подступиться не могу, пожаловаться на них. Да и добро, государь, я растратил, что с собою привез из королевств: все пропало за притеснениями и судебными волокитами. Служу я твою государеву службу: из Москвы — на службу, а со службы — в Москву, а в пожалованном тобой, государь, поместье враги и часу не дают пожить. Не любят, государь, нас, людей приезжих. И вот, государь, от притеснений и судебных волокит наг я, бос и пеш. Служил я, государь, трем королям, а таких притеснений ни в одном королевстве не видал. Что было с собой привез я добра, все здесь потратил за притеснениями и волокитами. Из Москвы на службу, со службы

а с службы к Москвѣ, а тебя, государя благовѣрнаго царя, доступити не мочно.

Умилосердися, государь благовѣрный царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии, обыщи своим царьским обыском и оборони от насильных людей, чтобы холоп твой государевъ до конца не погиб и службы твоей царские не остал. А яз, холоп государевъ, слышачи про твое мудрое воинство и счасливое, ехал к тѣбе государю нароком для твоей мудрости, оставивше королевския службы богатыя.

в Москву, а к тебе, государь, благоверному царю, подступиться невозможно.

Государь благоверный царь и великий князь всея Руси, Иван Васильевич, смилуйся, расследуй своим царским следствием и защити от насильников, чтоб не погиб окончательно холоп твой и службу твою не забросил. Ведь я, твой государев холоп, услышав о твоем воинственном духе и счастье, оставил доходную службу у королей и только ради этого твоего духа к тебе, государь, приехал.

БОЛЬШАЯ ЧЕЛОБИТНАЯ

Мудрость греческих философов и латынских дохтуровъ и Петра, волоского воеводы. А вывез сия рѣчи и дѣла царьския изо многихъ королевствъ ко благовѣрному царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии Иван, Семенов сынъ, Пересвѣтов.

Аще кто хощет при помощи божии вѣдати, котораго царя мудрости его прирожденныя воинская оминет и приидет на него великая *кротость,* то и есть уловление врагов его: не будет царь мыслити о воинствѣ, ни о управѣ во царствѣ своем, и будет веселитися с тѣми, которыя ему сердце разжигают вражбами и многими прелѣстными путми. А на воинники свои великие кручины напустит и на все царство свое неутолимыя бѣды великия от велможъ своих. Да ничто же ему не будет мило, *ни*которая мудрость воинская, ни жития царства того. Или которыя мудрости воинския будут доходити до него или от его прирожденной мудрости царской, и учнет ставити их ни за что.

И так рече Петръ, волоский воевода: «Да естьли хотѣти царской мудрости отвѣдати о воинствѣ и о уставе жития царьского, ино прочести взятие греческое до конца, и не пощадити себя ни в чем, да тамо найдет всю помощь божию. Богъ помогает не ленивым, но кто труды приимает и бога на помощь призывает, да кто правду любит и праведный суд судит. Правда — богу сердечная радость, а царю великая мудрость».

Примѣтил ли еси, государь, Петра, волосково воеводу? Был тебѣ, государю, великий доброхот и царьству твоему. А яз, государь, слышав потому тѣ рѣчи ево и, переписав,

БОЛЬШАЯ ЧЕЛОБИТНАЯ

Премудрости греческих философов, латинских докторов и Петра, молдавского воеводы. А привез эти изречения и царские бумаги из многих королевств благоверному царю и великому князю всея Руси Иван, сын Семена, Пересветов.

Пусть, с божьей помощью, всякий, кто хочет, знает, что когда пропадает у царя врожденная воинская доблесть и сходит на него великая кротость, это и есть происки врагов его: не будет царь помышлять ни о военном деле, ни об управлении царством своим, а станет веселиться с теми, кто распаляет ему сердце гаданиями и путями различных соблазнов. И напустит он великую печаль на своих воинов, на все свое царство великие неутолимые беды от своих вельмож. И все будет ему немило, ни воинская доблесть, ни существование всего царства. А если будет добиваться доступа к нему кто-либо из умудренных в делах войны или собственная его врожденная царская доблесть, то поставит он их ни во что.

А Петр, молдавский воевода, так сказал: «Если желаете узнать о царской умудренности в военном деле и о правилах царской жизни, то прочтите о полном порабощении греков и не пожалейте себя при этом,— там-то и найдете божью помощь. Бог помогает не ленивым, а тем, кто трудится и бога призывает в помощь, тем, кто любит правду и судит праведным судом. Правда — сердечная радость богу, для царя же — великая мудрость».

Приметил ли ты, государь, Петра, молдавского воеводу? Был он тебе, государь, и царству твоему большой доброжелатель. А я, государь, слышал эти его изречения и потому, записав,

вывес тебѣ, государю, служачи тебѣ, государю. И как полюбится тебѣ, государю, службишко мое, холопа твоего?

И тако говорит Петръ, волоский воевода: «Ленилися греки за християнскую вѣру крѣпко стояти против невѣрных, и онѣ нынѣ неволею бусурманскую вѣру берегут от находа. Царь турский у греков и у сербовъ дѣти отнимает седми лѣтъ на воинскую науку, и во свою вѣру приводит ихъ, и они же з детми своими разстоваючися великим плачем плачутся, да никто же себѣ не пособит».

Государю благовѣрному царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии бьет челом холоп твой государевъ, выежжей из Литвы Ивашко, Семенов сынъ, Пересвѣтов. И вывез есми, государь, тебѣ рѣчи, государю, изо многих королествъ *и* от Петра, волоского воеводы, и дѣла твоя царьския. И тѣ, государь, рѣчи и дѣла легли в казнѣ твоей государеве, а меня, холопа своего, за тѣ рѣчи и дѣла вѣлѣлъ горазда пожаловати. А тѣ, государь, рѣчи и дѣла и до сѣхъ мѣстъ пред тобою государемъ не бывали. Ино, государь, противен пред тобою, государемъ, а дѣла твои, государь, у меня службы моей.

А в тѣхъ, государь, королевствахъ твоему царскому прирожению и небесному знамению велми дивилися, и восхвалили, и славили мудрыя люди, философи греческия и дохтуры латынския, и рькли про тѣ рѣчи: «Годится такову царю воинску от бога мудрому прироженному таковыя рѣчи златом росписати про себя на многие лѣта держати, и после себя иному царю оставити таковыя дѣла и славу свою царьскую». А яз, государь, тѣ рѣчи и дѣла достал в королевствах в мудрыхъ людех. Как тебѣ, государю, полюбится службишко мое, холопа твоего?

А яз, государь, выѣхал с тѣми рѣчми из Литвы,— уже тому 11 лѣтъ минула,— служачи тебѣ, государю благовѣрному, царю великому вѣрному, поминая своих пращур и прадѣд, как служили вѣрно государем, рускимъ великим князем, твоим пращуром: Пересвѣт и Ослябя в чернцѣхъ и в скимехъ со благословением Сергия-чюдотворца на Донском побоище при великом князе Дмитрее Ивановиче за вѣру християнскую и за святыя церкви, и за честь цареву пострадали, главы своя положили. А яз, холопъ твой, на то же выехал на твое царьское имя, во всем тебѣ, государю, вѣрно служити, сколко богъ поможетъ.

Пишут о тебѣ, государе, мудрые философи греческия и дохтуры латынския, о благовѣрном великом царѣ, что будет о тебѣ, государе, слава велия во вѣки, яко о цесарѣ Августе и о царѣ Александре Макидонстем, и тако же и о тебѣ, государе, тѣ мудрые философи пишут и о твоем государеве воинстве, и о мудрости твоей. Да и то начитают в мудрых книгах

привез к тебе, государь, чтобы тебе оказать услугу. Как понравится тебе, государь, услуга моя, твоего холопа?

Так говорит Петр, молдавский воевода: «Поленились греки твердо стать против неверных за веру христианскую, а теперь вот они поневоле оберегают от нападений веру мусульманскую. Отнимает у греков и сербов турецкий царь семилетних детей для военной выучки и обращает их в свою веру, а они, расставаясь с детьми своими, плачем великим плачут, да нечем помочь себе».

Государю благоверному царю и великому князю всея Руси Ивану Васильевичу бьет челом холоп твой государев, приехавший из Литвы, Ивашка, сын Семена, Пересветов. Привез я тебе, государь, из многих королевств изречения, а также и Петра, воеводы молдавского, и бумаги, касающиеся твоего царства. Изречения эти и бумаги положены, государь, в твоей государевой казне, а меня, твоего холопа, велел ты, государь, за эти бумаги и изречения хорошо наградить. Но изречения эти и бумаги до сих пор, государь, к тебе не поступали. Так что, государь, это копия перед тобой, государь, а бумаги твои, государь, у меня по службе моей.

Ведь в тех королевствах, государь, мудрые люди, греческие философы и латинские докторы, очень удивлялись небесным знаменьям и царственному твоему предназначению, восхвалили и прославили и сказали об этих изречениях: «Нужно, чтобы такой доблестный царь, с мудростью, дарованной от бога, речи эти расписал золотом и держал у себя многие лета, а по себе другому царю оставил эти бумаги и царскую свою славу». Я же, государь, достал эти изречения в королевствах у мудрых людей. Как понравится тебе, государь, услуга моя, твоего холопа?

А я, государь, прибыл с этими изречениями из Литвы — уже исполнилось этому одиннадцать лет,— чтобы служить тебе, государь, благоверному и верному великому царю, памятуя о своих предках и прадедах, как служили они верою великим государям князьям русским, твоим предкам: Пересвет и Ослябя, в чернецах и схиме, по благословению Сергия-чудотворца при князе великом Дмитрии Ивановиче приняли страдания на Донском побоище и головы свои сложили за веру христианскую, святые церкви, за честь государя. И я, холоп твой, для того же прибыл в твое распоряжение, чтобы с божьей помощью во всем, государь, служить тебе верно.

Пишут о тебе, государь, о благоверном великом царе, мудрые греческие философы и латинские докторы, что будет о тебе, государь, великая слава вовеки — как о цезаре Августе или о царе Александре Македонском. Так и о тебе, государь, пишут мудрые эти философы, и о твоем государевом войске, и о мудрости твоей. И с того начинают в своих мудрых книгах,

своих, яко введешь правду великую во царьство свое и утѣшишь бога сердечною радостию. И тако начитаютъ мудрые философи, что не будет таковые правды под всею подсолничною: яко в твоем царьстве государеве от твоей мудрости великой грозы царьской лукавые судьи яко от сна возбудятся, да и посрамятся от дѣлъ своихъ лукавых, да будут сами о себѣ дивитися, что собирали безчисленно. Ино тако пишут о тебѣ благовѣрном царѣ: ты, государь грозный и мудрый, грѣшныхъ на покаяние приведешь и правду во царьство свое введешь, богу сердечную радость воздашь.

Ко Августу кесарю во убогом образе прииде нищий. Пришед воинникъ и принес великия мудрости, и он его про то пожаловал, *держал его* блиско себя и род его. А ко царю Александру Макидонскому пришед воинник во убогомъ же образе с великою мудростию воинъскою. От богатых мудрость воинская не почитается николи же. Хотя и богатырь обогатѣетъ, и обленивеетъ. Богатый любитъ упокой, а воинника всегда чредити яко сокола, сердце ему веселити, ни в чемъ кручины на него не напускати.

А яз, холопъ твой, Ивашко Пересвѣтов, одиннатцать лѣтъ минуло, не могу доступити тебя, государя благовѣрного царя великого князя. Кому ни подамъ память, и онѣ до тебя, государя, велможи твои, не донесутъ. А на приѣзде, государь, приказал еси меня, холопа своего, боярину своему Михайлу Юрьевичю во всем. И вскоре, государь, после твоего государева приказу Михайло Юрьевич преставился, а яз, государь, без приказу и по ся мѣста живу, до тебя, государя, доступити не могу, побити челомъ о приказе. А приѣзжему, государь, человѣку без приказу и без береженья пробыти не мочно в твоем государеве царьстве. И доступил есми тебя, государя, у празника в церкве на Рожество пречистыя Богородицы, и подал есми тебѣ, государю, две книжки с твоими речми царьскими, что есми вывез из ыных королевствъ, служачи тебѣ, государю благовѣрному царю и великому князю. И ты, государь, меня, холопа своего, не приказал никому. И будетъ тебѣ, государю великому царю, не полюбится службишко мое и рѣчи, что яз тебѣ вывез из ыных земель и королевствъ, слышавъ от многихъ мудрыхъ людей и дохтуров и философов про твое царьское мудрое прироженние, и так пишут о тебѣ о великом царѣ по небесному знамению о твоем царьстве и о мудром воинстве беречи вѣры християнския *и* умножати, и невѣрных в вѣру приводити, и славу божию возвышати, и правду во царьство свое ввести, богу сердечную радость ввезсти, и ты, государь, тѣ книшки обе вели отдать назад. Да и сию книжку прочетши вели мнѣ же отдати, и только тебѣ не полюбится, благовѣрному царю,

какую великую справедливость введешь ты в своем царстве и утешишь бога сердечной радостью. И так начинают мудрые философы, что такой справедливости, как в твоем царстве-государстве, не будет во всей вселенной: от великой грозы твоей мудрости как от сна проснутся царские лукавые судьи, чтобы устыдиться своих лукавых дел, и сами на себя будут удивляться, что обирали без счета. Так вот пишут о тебе, о благоверном царе. Ты, грозный и мудрый государь, приведешь к покаянию грешников, введешь в свое царство справедливость, а богу воздашь сердечную радость.

К цезарю Августу пришел воин, нищий обликом, и принес великие изобретения, и тот его за это наградил, приблизил к себе его и род его. И к царю Александру Македонскому пришел воин, тоже нищий обликом, с великим военным изобретением. Богачи ничуть не почитают воинские таланты. Пусть даже богатырь разбогатеет, и тот обленится. Богач любит покой, а воина всегда нужно кормить как сокола, сердце ему веселить, никакой печали к нему не допускать.

А я вот, холоп твой, Ивашка Пересветов, одиннадцать лет прошло, как пробиться к тебе не могу, государю благоверному царю и великому князю. Кому ни подам записку, а они, вельможи твои, до тебя, государь, не донесут. По прибытии вполне определил ты, государь, меня, своего холопа, к своему боярину Михаилу Юрьевичу. Но Михаил Юрьевич, государь, скончался вскоре после твоего государева определения, и я, государь, без определения до сих пор живу, к тебе, государь, пробиться не могу, чтобы бить челом об определении. Ведь приезжему человеку, государь, без определения и поддержки нельзя прожить в твоем царстве-государстве. А на праздник в церкви Рождества пречистой богородицы пробился я к тебе, государь, и поднес тебе, государь, две тетради с царскими о тебе изречениями, это которые привез из других королевств, чтобы услужить тебе, государь, благоверному царю и великому князю. Но ты, государь, не определил ни к кому меня, холопа своего. И уже если тебе, государь, великому царю, не понравится услуга моя и изречения, что привез я из иных земель и королевств, прослышав от многих мудрых людей, докторов и философов, про мудрое твое и царственное предназначение, как пишут о тебе, великом царе, по небесным знаменьям о твоей царской и военной мудрости, что беречь и умножать тебе веру христианскую, иноверцев в веру обращать, славу божию возвышать, справедливость в царство свое вводить, а богу радость сердечную воздавать,— так ты обе эти тетради вели отдать мне назад, государь. Да и эту тетрадь, как прочтешь, тоже вели мне отдать, коли не понравится тебе, благоверному царю.

Ѣхал есми, государь, из Югор на Волоскую землю и был есми пять мѣсець у Петра, волоского воеводы, в Сочаеве. И он про тебя, государя благовѣрного царя, и про твое царьство говорит на всяк день, и у бога просит во умножение вѣры християнские. И онъ говорит: «Такова была вѣра греческая силна и мы ся ею хвалилися, а ныне рускимъ царьством хвалимся». Да говоритъ так: «Боже, поблюди еѣ от невѣрныхъ и от ереси вражия». Да того не хвалит, что крестъ целуютъ, да изменяют, то есть велия ересь, что за вѣру християнскую не стоятъ, а государю вѣрно не служат. Да и того не хвалит, что усобную войну на царство свое напускаетъ, дает городы и волости держати вельможам своимъ, и вельможи от слез и от крови рода християнского богатѣют нечистым собраньем, и как сьѣдут с кормленей и с волостей, а в обидах присужают имъ поле, и в том на обе страны много греха сотворяют. Крестъ целуют на виновате оба исца,— истецъ и отвѣтчик: один приложивши ищет в своей обиде, а другой всего запирается, и в том оба ихъ во гресѣ погибают, и в великую ересь впадают, и на бога хулу кладут, и не крѣпко крестъное целованье держат, тѣмъ бога всѣмъ гнѣвят. Чѣмъ вѣра християнская украшена, а они того крѣпко не держат.

Тако говоритъ Петръ, волоский воевода, про первого царя турского Махмет-салтана: «Невѣрный царь, да богу угодно учинил: великую мудрость. и правду во царьство свое ввел, по всему царьству своему розослал вѣрныя своя судьи, и пооброчивши их ис казны своим жалованьемъ, чѣмъ им мочно прожити з году на год. А судъ дал полатный во всем царство свое судити без противня, а присуд велѣл имати на себя в казну, чтоб не искушалися и в грѣхъ не впадали, бога не разгневили. Да какова вельможу пожалует за ево вѣрную службу каким городом или волостью, и онъ пошлет к судьямъ своим и велит по доходному списку выдати ис казны вдруг. А просудится судья, ино им пишется такова смерть по уставу Махметеву: возведет его высоко, да бьет его взашей надол, да речет тако: «Не умѣлъ еси в доброй славе жити, а вѣрно государю служити». А иныхъ живых одираютъ, да речет тако: «Обростешь тѣлом, отдастъ ти ся вина та». По уставу Махметеву с великою грозною мудростию а нынешнии цари живут. А виноватому смерти розписаны, а нашедши виноватого не пощадити лутчаго, а казнят ихъ по дѣлу дѣл ихъ. Да рекут тако: «От бога написано: комуждо по дѣломъ его».

А тако говорит Петръ, волоский воевода: «Знаменуется в мудрых книгах, пишут философи и дохтуры о благовѣрном великом царѣ руском и великом князе Иване Васильевиче всеа Русии,

Ехал я, государь, из Венгрии через Молдавию и пять месяцев пробыл у Петра, молдавского воеводы, в Сочаве. А он о тебе, государь, благоверном царе, и о твоем царстве всякий день говорит и у бога просит об укреплении христианской веры. Так вот он говорит: «Так была греческая вера крепка, что мы ею похвалялись, а теперь русским царством похваляемся». И так он говорит: «Боже, сохрани ее от неверных и от ересей враждебных». И того он не одобряет, когда крест целуют, а изменяют: это вот великая ересь, когда за веру христианскую не стоят и государю верой не служат. И того он не одобряет, когда впускают в царство свое усобицы, дают города и области в управление своим вельможам, а вельможи на слезах и крови рода христианского богатеют от бесчестных поборов, а как оставят кормление с волостей, то при несправедливостях решают споры полем. И тут на обе стороны много ложится греха. Крест целуют в оправдание оба тяжущихся — истец и ответчик: один, приложившись, предъявляет иск за свой ущерб, а другой — от всего отказывается, и тут оба гибнут в грехе, и впадают в великую ересь, и бога хулой осыпают, и крестное целование не держат крепко, тем и бога гневят. Ведь того они не держат крепко, чем вера христианская украшена.

Вот что говорит Петр, молдавский воевода, о первом турецком царе султане Магомете: «Хоть неправославный царь, а устроил то, что угодно богу: в царстве своем ввел великую мудрость и справедливость, по всему царству своему разослал верных себе судей, обеспечив их из казны жалованьем, на какое можно прожить в течение года. Суд же он устроил гласный, чтобы судить по всему царству без пошлины, а судебные расходы велел собирать в казну на свое имя, чтобы судьи не соблазнялись, не впадали в грех и бога не гневили. А если наградит он какого вельможу за верную службу городом или областью, то пошлет к своим судьям и велит выплатить тому по доходной росписи единовременно из казны. И если провинится судья, то по закону Магомета такая предписана смерть: возведут его на высокое место и спихнут взашей вниз и так скажут: «Не сумел с доброй славой прожить и верно государю служить». А других живьем обдирают и так говорят: «Нарастет мясо, простится вина». И нынешние цари живут по закону Магометову с великой и грозной мудростью. А провинившемуся смерть предписана, а как найдут провинившегося, не помилуют и лучшего, но казнят по заслугам дел его. И так говорят: «Писано от бога: каждому по делам его».

Так говорит Петр, молдавский воевода: «Обозначено в мудрых книгах, пишут философы и докторы о благоверном великом царе русском и великом князе всея Руси Иване Васильевиче,

что будет у него во царьстве таковая великая мудрость и правда неправедным судьямъ от его мудрости великия, от бога прироженныя».

А тако говорит Петръ, волоский воевода, про руское царьство, что: «Вельможи руского царя сами богатѣют а ленивеют, а царьство оскужают его. И тѣм ему слуги называются, что цвѣтно и конно и людно выезжают на службу его, а крѣпко за вѣру християнскую не стоят и люто против недруга смертною игрою не играют, тѣм богу лгут и государю».

Ино тако говорит Петръ, волоский воевода: «Что ихъ много, коли у нихъ сердца доброго нѣту и смерти боятся, не хотят умрети. Всегда богатые о войне не мыслят, а мыслят о упокое. Хотя и богатырь обогатѣет, и онъ обленивеетъ».

Тако говорит Петръ, волоский воевода: «Воинника держати, как сокола чредити: и всегда серца имъ веселити, а ни в чем на него кручины не напускати».

Ино тако говорит Петръ, волоский воевода: «Таковому силному государю годится со всего царьства своего доходы себѣ в казну имати, и из казны своея воинником сердца веселити, ино казнѣ ево конца не будет. Который воинникъ лют будет против недруга государева смертною игрою играти и крѣпко будет за вѣру християнскую стояти, ино таковым воинником имяна возвышати и серца имъ веселити, и жалованья имъ из казны своея государевы прибавливати, и иным воинником серца возвращати, и к себѣ ихъ блиско припущати, и во всем имъ вѣрити и жаловати ихъ, послушати во всем и любити ихъ, аки отцу детей своих, и быти до них щедру. Щедрая рука николи же не оскудевает и славу царю собирает. Что государю щедрость к воинником, то его и мудрость».

А про тебя, про государя, про великого царя благовѣрного говорит Петръ, волоский воевода: «Таковому государю годится держати дватцать тысячь юнаков храбрых со огненною стрельбою гораздо ученою и стрельбы поляницъ со украины на поле при крепостехъ от недруга, от крымского царя, и оброчивши их из казны своим жалованьемъ государевым годовым. И онѣ навыкнут в поле жити и от недруга, от крымского царя, воевати. Ино та ему дватцать тысечь лутчи будет ста тысящ, а украины его будут всѣмъ богаты и не оскужены от недругов. А мочно ему таковому сильному царю то все учинити».

Тако говоритъ Петръ волоский воевода, про Греческое царьство: «Велможи греческия при царе Констянтине Ивановиче царьством обладали и крестное целование ни во что же ставили, и изменяли, и царьство измытарили своими неправедными суды, от слез и от крови християнския богатѣли и богатство свое наполнили нечистым собранием. А сами

что будет в его царстве такая великая мудрость, а судьям неправедным — истина от его великой мудрости, дарованной богом».

Так говорит Петр, молдавский воевода, про русское царство, что: «Сами вельможи русского царя богатеют и в лени пребывают, а царство его в скудость приводят. Потому называются они слугами его, что прибывают на службу к нему в нарядах, на конях и с людьми, но за веру христианскую некрепко стоят и без отваги с врагом смертную игру ведут, так что богу лгут и государю».

И так еще говорит Петр, молдавский воевода: «Что из того, что их много, раз нет у них верного сердца, а смерти боятся и умирать не хотят. Богач никогда не мечтает о войне, а о покое мечтает. Пусть хоть богатырь разбогатеет, и тот обленится».

Так говорит Петр, молдавский воевода: «Воина содержать, что сокола кормить: всегда ему сердце веселить, никакой печали к нему не подпускать».

И так еще говорит Петр, молдавский воевода: «Нужно, чтобы столь могущественный государь со всего царства доходы брал себе в казну и из казны своей воинам сердце веселил, тогда казне его конца не будет. Кто из воинов отважно будет вести смертную игру с врагом государевым и крепко стоять за веру христианскую, то таковому воину и честь воздавать, и сердце веселить, и жалованье прибавлять из государевой казны, и к таким воинам — сердце обращать, к себе их приближать, верить им во всем, просьбы их выслушивать обо всем, любить, как отец детей своих, и быть к ним щедрым. Щедрая рука вовек не оскудевает, а славу царю созидает. Какова щедрость государя к воинам, такова и мудрость его».

А о тебе, государь, о великом благоверном царе, говорит Петр, молдавский воевода: «Нужно, чтобы такой государь держал против врага, крымского хана, двадцать тысяч храбрых витязей с огнестрельным, хорошо подготовленным оружием и огневые заставы на границах степи и обеспечивал их ежегодно из казны государевым жалованьем. И приспособятся они в степи жить и защищать его от врага, крымского хана. И эти двадцать тысяч будут тогда для него лучше, чем сто тысяч. И приграничные области все богаты будут и не в разоренье от врага. Есть у него, у столь сильного царя, возможность все это устроить».

Так говорит Петр, молдавский воевода, о греческом царстве: «При царе Константине Ивановиче управляли царством греческие вельможи. Крестное целованье они ставили ни во что, совершали измены, несправедливыми судами своими обобрали они царство, богатели на слезах и крови христиан, пополняли богатство свое бесчестным стяжаньем. Сами они

обленивели, за вѣру християнскую крѣпко не стояли и царя укротили от воинства своими вражбами, и прелестными путми, и ерестными чародѣйствы. И тѣмъ царьство Греческое, и вѣру християнскую, и красоту церковную выдали иноплемянником турскимъ на поругание. А нынѣ сами греки за свою гордость, и за беззаконие, и за ленивство свое вѣру християнскую у царя у т*у*рсково откупают: и великие оброки даютъ царю турскому, а сами в неволе у царя у т*у*рсково за свою гордость и за ленивство живут. Греки и сербы наймуются овецъ пасти и верблюдов у турского царя, и лутчие греки, и они торгуютъ».

Говорит Петръ, волоский воевода, с великими слезами про ту вѣру християнскую руского царьства. И просят у бога всѣ, государь, во умножение вѣры християнския от восточнаго царьства, от рускаго царя благовѣрнаго и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии. Тѣмъ царьством руским ныне и хвалимся вся греческая вѣра, и надѣются от бога великого милосердия и помощи божии свободити руским царемъ от насильства турскаго царя-иноплемянника.

И говорит Петръ, волоский воевода: «Таковое силное, и славное, и всѣмъ богатое то царьство Московское! Есть ли в том царьстве правда?» Ино у него служит москвитинъ Васка Мерцалов, и он того спрашивал: «Ты гораздо знаешь про то царьство Московское, скажи ми подлинно!» И он стал сказывати Петру, волоскому воеводе: «Вѣра, государь, християнская добра, всѣмъ сполна и красота церковная велика, а правды нѣту». Ктому Петръ волоский воевода заплакал и рекъ тако: «Коли правды нѣтъ, ино *то* и всего нѣту».

Тако говорит Петръ, волоский воевода: «Истинная правда Христос есть, сияет на всѣ небесныя высоты и на земныя ширины, на преисподния глубины многочисленно светлѣе солнца. Всѣ ему колѣна поклонилися небесныя и земныя, и преисподния, и всѣ его святое имя восхвалили и прославили, яко святъ господь богъ нашь, силен и крѣпок, и безсмертенъ, и велик богъ християнский, и чюдна дѣла его, долготерпелив и многомилостивъ. И в котором царьстве правда, в том царстве и богъ пребывает и гнѣвъ божий не воздвизается на то царьство. Нѣтъ сильнее правды в божественном Писании. Правда богу сердечная радость, а царю великая мудрость и сила. Помилуй, господь, вѣры християнския тоя от неправды. Тако боролся диявол всѣми неправдами з грѣки, не любячи вѣры християнския, для тово что вѣра християнская богу люба; всѣхъ вѣръ лутчи, богъ ее любит, и диявол изборол всякою неправдою. Ино нынѣ на то надѣются, что пишут мудрыя философи и дохтуры о благовѣрном царѣ и великом князе Иване Васильевиче всеа Русии, что он будет мудръ и введет правду во свое царство».

обленились и не стояли крепко за веру христианскую и в царе укротили воинственность ворожбой, путями соблазна, еретическим чародейством. Таким образом отдали они иноплеменникам — туркам на поругание и греческое царство, и веру христианскую, и красоту церковную. А теперь сами же греки за гордость свою, за беззаконие, за свою лень откупают у турецкого царя веру христианскую: большой оброк платят они турецкому царю, а сами — за гордыню свою и за лень — в неволе живут у турецкого царя. Нанимаются греки и сербы пасти овец и верблюдов у турецкого царя, а знатные греки занимаются торговлей».

С великим чувством говорит Петр, молдавский воевода, о вере христианской царства русского. И все просят бога, государь, чтобы царство восточное и русский царь — благоверный и великий князь всея Руси Иван Васильевич — укрепили христианскую веру. Вся греческая вера гордится теперь этим русским царством, ожидая от бога великого милосердия и помощи божьей, чтобы освободиться с помощью русского царя от насилий турецкого царя-иноплеменника.

И говорит Петр, молдавский воевода: «Сильно и прославленно и всем богато это царство Московское! А есть ли в этом царстве правда?» А служит у него москвитянин Васька Мерцалов, и он спросил того: «Все ты знаешь о царстве том Московском, скажи мне истинно!» И стал тот говорить Петру, молдавскому воеводе: «Вера, государь, христианская добра, во всем совершенна, и красота церковная велика, а правды нет». Тогда Петр, молдавский воевода, заплакал и так сказал: «Коли правды нет, ничего нет».

И так еще говорит Петр, молдавский воевода: «Христос есть истинная правда, ярче солнца освещает он всю небесную высоту и земную ширину и бессчетные глубины преисподние. Поклонились ему все племена небесные, земные и преисподние, все восхвалили и восславили имя его святое, ибо свят господь наш бог, силен и крепок, и бессмертен, велик христианский бог, и чудесны дела его, долготерпелив и многомилостив. В каком царстве правда, там и бог пребывает, и не поднимется божий гнев на это царство. Ничего нет сильнее правды в божественном Писании. Богу правда — сердечная радость, а царю — великая мудрость и сила. Помилуй, господи, веру эту христианскую от их неправды. Так всею неправдою боролся с греками дьявол, ненавидя христианскую веру, потому что вера христианская богу любезна; больше других вер любит ее бог, а дьявол одолел всякой неправдой. Теперь только на то я надеюсь, что пишут мудрые философы и докторы о благоверном царе и великом князе всея Руси Иване Васильевиче, что будет он мудр и введет правду в свое царство».

И тако говорит Петръ, волоский воевода, и просит у бога милости моляся: «Боже, дай милосердие свое великое, чтобы та его мудрость не обинулася благовѣрнаго и великого царя, и толко бы по нашимъ грѣхом да не то царство руское осталося, и просияло вѣрою християнскою волное царство, и нам было нѣчим говорити греческой вѣре, яко жидом и ормяном нѣчим говорити, что нѣтъ у них волнаго царя и царства волнаго. А мы тѣмъ царством християнским руским греческой вѣре хвалимся». И тако говорит Петръ, волоский воевода: «Поблюди его, господи, многолѣтно и на умножение вѣры християнской».

Да о том добрѣ дивится Петръ, волоский воевода, и говорит так: «Великий государь, силный царь благовѣрный такия великия досады терпитъ от своего недруга от казанскаго царя. Тот ему пущей недруг, казанской царь, не надобет ему тако много терпѣти. Так был Магмет-царь, салтан турской, к Царюграду дань давал, з благовѣрным царемъ жил в велии смирении и безбранно, а отецъ его был разбойник на море и турскую землю осилел и засѣлъ, и потом грѣх ради наших Магмет-салтан, турской царь, разбойнический род, асилел, Царьград взял и благовѣрнаго царя Констянтина потребил, и красоту церьковную обезчестил, и звон церковный поотнимал, и кресты с церквей поснимал, и образы чудотворные из церквей нечестно выносил, и в церквах мизгити подѣлал на свои скверныя молитвы».

И Петръ, волоский воевода, говорит и бога молит: «Боже, поблюди и буди милостивъ над руским царем благовѣрным и великом княземъ Иваном Васильевичем всеа Русии, и над царством его, да не уловили бы его тако же велможи его враждбою от ереси своей и лукавъством своим, да не укротили бы его от воинства, бояйся смерти, чтобы имъ, богатым, не умирати. Яко же благовѣрнаго царя Констянтина Ивановича Царяграда велможи укротили от воинства враждбою ереси своея и ленивства ради лукавством своимъ, и онѣ царство вѣрное потеряли, царя благовѣрнаго потребили иноплемяннническим мечем. Давно то не хвалят мудрыя философи, что которые велможеством к царю приближаются не от воинския выслуги и не от иныя которыя мудрости, ино про тѣ мудрыя философи говорят тако: «То есть чародѣи и еретики, у царя счастие отнимают и мудрость царьскую, и к себѣ царьское сердце зажигают ересью и чародѣйствомъ, и воинство кротят». *И* то говорит Петръ, волоский воевода: «Таковыхъ годится огнем жещи и иные лютые имъ смерти предавати, чтобы лиха не множилося. Без лица имъ вина, что воинство у царя кротят и мысль царьскую отнимают. А царю без воинства не мочно быти: ангели божии,

И так еще говорит Петр, молдавский воевода, и просит милости у бога с молитвой: «Боже, дай милосердие свое великое, чтобы эта мудрость не покинула великого благоверного царя, и только бы, вопреки грехам нашим, устояло русское царство и просветилось верой христианской независимое царство, а нам не приходилось бы говорить греческой вере, как иудеям или армянам приходится говорить, что нет у них независимого царя и независимого царства. Мы же царством этим русским и христианским перед греческою верою гордимся». И так говорит Петр, молдавский воевода: «Сохрани его, господи, на многие лета и на укрепление веры христианской».

И вот чему сильно удивляется Петр, молдавский воевода, и так говорит: «Великий государь, сильный и благоверный царь, столь большие терпит обиды от врага своего, царя казанского. Это ему самый злой враг, царь казанский, не надо ему столько терпеть. Так и царь Магомет, турецкий султан, платил дань Царьграду, с благоверным царем жил в полном мире без войн, но отец его был морской разбойник и землю Турецкую одолел и захватил, а после за грехи наши султан Магомет, царь турецкий, разбойничьего рода, накопил силы и занял Царьград, благоверного царя Константина погубил и красоту церквей обесчестил: истребил церковный звон, снял кресты с церквей, и с позором вынес он из церквей чудотворные иконы, а в церквах устроил мечети для своих скверных молитв».

Так говорит Петр, молдавский воевода, и молит бога: «Боже, сохрани и милостив будь к благоверному русскому царю великому князю всея Руси Ивану Васильевичу и к царству его, чтобы не уловили и его также вельможи еретической своей ворожбой и своим коварством, чтобы не укротили его воинственный дух, боясь смерти, чтобы им, богачам, не погибать. Вот ведь благоверного царя царьградского Константина Ивановича укротили вельможи воинственный дух еретической своей ворожбой и коварством от лени, так что потеряли они православное царство и царя благоверного сгубили мечом иноплеменника. Издавна не одобряют того мудрые философы, что иные становятся вельможами при царе не по своим военным заслугам, не по другим каким дарованьям, так что про таких так говорят мудрые философы: «Это чародеи и еретики, удачу отнимают у царя и царскую мудрость, ересью и чародейством распаляют на свою пользу царское сердце, а воинский дух укрощают». И еще говорит Петр, молдавский воевода: «Таких надо в огне сжигать и другим лютым смертям предавать, чтобы не умножались беды. Без меры их вина, что воинский дух царя укрощают и замыслы царские пресекают. А царю нельзя быть без воинского духа: ангелы божьи

небесныя силы, и тѣ ни на един час пламенного оружия из рукъ своих не выпущают, стрегут рода християнского от Адама и до сего часа, да и тѣ службою своею не скучают. А царю как без воинъства быти? Воинником царь силенъ и славен. Царю быти благодатию божиею и мудростию великою на царьстве своем, а до воинников быти аки отцу до детей своих щедру. Что царьская щедрость до воинников, то его и мудрость. Щедрая рука николи же не оскужает и славу себѣ великую збирает».

Да то говорит Петръ, волоский воевода: «У благовѣрного царя Констянтина во Царѣграде воинники оскужали и нищили, а мытари богатѣли. А иные воинники, видячи тот непризор благовѣрного царя к воинству, и онѣ оставивши воинство да на мытарствах прелщалися, и царьство Констянтиново оскужали и казну цареву. А сами мытари богатѣли: пошлют его гдѣ собрати царьския казны, ино на царя гдѣ взяти десять рублев, и онѣ на царя десять рублев возмутъ, а на себя по сту рублевъ. А хто их посылают, велможи царьския, и тѣ с ними, мытари, делилися, а царьство благовѣрного царя Констянтина оскужали и казну цареву, а сами богатѣли от крови от слез рода християнского. А велможи друг о друге печаловалися царю Констянтину о кормлениях, и о градѣхъ, и о намѣстничествѣ, яко голодны пси, хистятся на кровь и на слезы рода християнского. А царь все ихъ волю творилъ, во всемъ им сердце веселил и усобную войну на царство свое напущал велможъ своих, и всѣмъ бога разгнѣвилъ».

Да тако рек Петръ, волоский воевода: «Суд был греческой неправеден, купля их была нечиста: купец не умѣл товару своему цены уставити. Первое душу продастъ, то же и товаръ продастъ. Нечисто собрание их было. А велможи царьския на градѣхъ и на волостях домышлялися лукавством своим, дияволским прелщением: мертвых новопогребеных из гробов вынимали, да тѣ гробы порожни загребали, а того мертвеца рогатиною исколовши или саблею изсѣкши, да кровью вымажут, да богатому человѣку в дом подкинут. Да изца ему ябедника поставят, которой бога не боится, да осудивши его неправеднымъ судом, да подворье его и богатество все разграбят. Нечисто богатѣли дияволским прелщением, а царьския грозы к ним не было. Всѣмъ бога разгнѣвили. Ино про то господь богъ разгнѣвася на них неутолимым гнѣвом своим святымъ, посла на них плѣнъ иноплемянника Магметя салтана, турского царя, Амуратова сына от ниского колѣна разбойническаго роду, и Магмет-салтан потребивши Царьград и царя Констянтина вземши вѣру християнскую себѣ в мочь богомъ выдана грѣхъ ради для их гордости, что они мир отбивали от царя

небесные силы, и те ни на один миг не выпускают из рук своих пламенное оружие, от Адама и доныне охраняют род христианский,— и те службой своей не томятся. А царю как без воинского духа быть? Воином силен и славен царь. Царь на престоле своем — благодать божья и мудрость великая, а к воинам своим щедр, как отец к детям. Какова щедрость царя к воинам, такова и мудрость его. Щедрая рука никогда не оскудевает, а славу себе великую приобретает».

И так еще говорит Петр, молдавский воевода: «У благоверного царя Константина беднели и нищали воины, а богатели сборщики налогов. И иные из воинов, видя это пренебрежение к воинству благоверного царя, оставляли военное дело и прельщались сбором налогов, разоряли царство царя Константина и царскую казну. Но сами сборщики богатели: пошлют его куда собирать в царскую казну, и где бы взять в пользу царя десять рублей, возьмет десять рублей в пользу царя, а сто рублей в свою пользу. А с теми, кто посылал их, с вельможами царскими, сборщики эти делились и разоряли царство благоверного царя Константина и царскую казну, и сами богатели на крови и слезах рода христианского. А вельможи друг перед другом выпрашивали у царя Константина кормления, города и наместничества, бросаясь, как голодные псы, на кровь и на слезы рода христианского. А царь во всем исполнял их волю, во всем веселил им сердце, так что впустил в свое царство междуусобную войну своих вельмож и во всем прогневил бога».

И так еще сказал Петр, молдавский воевода: «Суд был у греков неправедный, торговля у них была бесчестная: не мог купец товару своему назначить цену. Вперед душу свою продаст, потом и товар продаст. Бесчестно совершалось у них приобретение. А царские вельможи благодаря своему коварству и дьявольскому соблазну додумывались до того, что выкапывали только что захороненных покойников из могил, пустые могилы засыпали, а покойника, исколов рогатиной или изрубив саблей и измазав кровью, подбрасывали в дом богача. Потом выставят истца-клеветника, который бога не боится, и, осудив неправедным судом, разграбят двор его и все богатство. По дьявольскому соблазну бесчестно они богатели, а царской власти над ними не было. Во всем гневили они бога. Потому разгневался на них за это господь бог неутолимым и святым своим гневом, предал их в рабство иноплеменнику, турецкому царю султану Магомету, сыну Амурата, низкого разбойничьего рода, так что истребил султан Магомет Царьград и царя Константина и покорил своей власти веру христианскую, преданную богом за грехи и за гордыню их, потому что отстраняли они от царя мир,

жалобников к царю не припущали. А управы во царстве Констянтинове никому не было от велмож Констянтиновых. А они, велможи, сами обиду во царстве дѣлали и царство оскужали. То они не мир от царя отбивали и не жалобников, отбивали онѣ от царя божие милосердие, да и отбили».

И тако рек Петръ, волоский воевода, со слезами радѣючи вѣре християнской: «По грѣхом по нашим сталося, что впали есми невѣрному в неволю иноплемяннику для беззакония великого греческаго, что греки тмы для да свѣтъ оставили, во всем вь ересь впали, бога разгнѣвили неутолимым гнѣвом. И невѣрный иноплемянник, да познал силу божию: Магмет-салтан, турской царь, взявши Царьград, да уставил правду и праведный суд, что богъ любит, во всемъ царстве своем, и утѣшил бога сердечною радостию. За то ему богъ помогает: многия царства обладал божиею помощию. А онъ великую правду во царство свое ввел и купцемъ куплю уставил купити и продати однѣм словом хотя на тысящу рублевъ. Да тако рек: «Дѣлайте правду во царстве моем богоданном. Видите вы то, иже богъ любит правду, а за неправду гнѣвается неутолимым гнѣвом своим: како есть мнѣ, малому царю, выдал богъ великого царя. Держитеся заповеди божии и наживайте в поте лица своего. Яко же отцу нашему первому приказал богъ Адаму, создав его и дав ему всю землю в мочь, и велѣлъ дѣлати землю и в поте лица ясти хлѣбъ, и Адам заповедь божию исполнил, и нам тако же годится во всем бога послушати, правдою сердечною ему радость воздати».

И тако рек Петръ, волоский воевода: «Богъ не вѣру любит, правду. Истинная правда — Христосъ, богъ нашь, сынъ божий возлюбленный, в Троице едине божествѣ неразделимый, едино божество и сила. Да оставил нам Евангилие — правду, любячи вѣру християнскую надо всѣми вѣрами, указал путь царства небеснаго. Греки Евангилие чли, а иныя слушали, а воли божии не творили, на бога хулу положили, вь ересь впали. И во всемъ диявол прелстил велмож Констянтиновы, всю его волю диялскую творили и бога прогнѣвали. И сами прелщалися, и царство Констянтиново все на прелщение привели, и потеряли вѣру християнскую. Тѣ же прелесники дияволскую волю творили. Коли Адама господь богъ из рая выгнал, а онъ заповедь божию преступил и тогда диявол его искусил и запись на него взял, — и Адам было во вѣки погинул. И господь богъ милосердие свое учинил волною страстию своею святою и Адама возвел изо ада, и рукописание растерзалъ. И един богъ над всѣмъ свѣтом. То есть которыи записываются в работу во вѣки, прелщают, дияволу угожают, и которые прелщаются для

не подпускали к нему жалобщиков. И никто не видел справедливости от вельмож в царстве Константина. Но сами они, вельможи, чинили в царстве притеснения и разоряли царство. Так что они не мир от царя отстраняли и не жалобщиков, отстраняли они от царя милосердие божие, да и отстранили».

И так еще со слезами сказал Петр, молдавский воевода, радея о вере христианской: «И стало так по грехам нашим, что попали мы в рабство иноплеменнику за великое беззаконие греков, потому что оставили греки свет ради тьмы, впали в ересь во всем и прогневили бога гневом неутолимым. А вот нехристь-иноплеменник, тот осознал божью силу: султан Магомет, турецкий царь, захватив Царьград, во всем своем царстве установил справедливость и справедливый суд, какой любит бог, и утешил бога сердечной радостью. И за это помогает ему бог: многими царствами завладел он с божьей помощью. И вот он великую справедливость установил в своем царстве и снабдил уставом купеческий торг, так что только на слово можно и купить, и продать хоть на тысячу рублей. И так он сказал: «Творите правду в моем, богом данном, царстве. Глядите же, как бог любит правду, а за неправду гневается неутолимым гневом: ведь мне, невеликому царю, выдал бог великого царя. Держитесь заповеди божьей, наживайтесь в поте лица своего. Как наказал бог нашему праотцу Адаму, когда создал его и дал ему во власть всю землю и велел обрабатывать землю и в поте лица своего есть хлеб, а Адам заповедь божью исполнил, так и нам также нужно во всем слушаться бога и правдою воздать ему сердечную радость».

И так еще сказал Петр, молдавский воевода: «Не веру любит бог, правду. Истинная правда — Христос, бог наш, сын бога возлюбленный, нераздельный в божестве единой Троицы, едино божество и сила. И оставил он нам Евангелие — правду, а любя веру христианскую больше всех других вер, указал путь в царство небесное. А греки читали Евангелие, иные же слушали, но божьей воли не исполняли, возвели хулу на бога и впали в ересь. Соблазнил дьявол вельмож Константина, исполнили они целиком дьявольскую волю, а бога прогневили. Сами соблазнились и царство Константина на соблазн навели, а веру христианскую потеряли. Они же, прельстители, дьявольскую волю исполняли. Когда господь бог изгнал Адама из рая — ведь он заповедь божью нарушил, а дьявол тогда подверг его искушению и расписку с него взял,— то навеки было погиб Адам. Но проявил свое милосердие господь бог своими добровольными страданиями, извел Адама из ада и расписку разорвал. Над всем миром один бог. А есть такие, кто расписывается в рабстве навеки тем, что прельщают и дьяволу угождают, и такие, кто прельщается на

свѣтлые ризы да во вѣки записываются в работу,— тѣмъ оба погибают во вѣки».

И тако рек Петръ, волоский воевода: «Которая земля порабощена, в той землѣ все зло сотворяются: татба, и разбой, и обида, и всему царьству великое оскужение, всѣмъ бога гнѣвят, дияволу угожают. Ино у благовѣрнаго царя Констянтина велможи его всѣмъ тѣмъ беззаконием исполнилися и бога разгнѣвили, ино у нихъ живыи мертвым завидовали, а волные порабощенным от велмож Констянтиновых. А благовѣрнаго царя Констянтина осѣтили кудесы и уловили вражбами, и мудрость воинскую отлучили, и богатырство ево укротили, и меч царской воинской отъпустили, и учинили в беспутном его житие. Имянем было царьским немочно никому прожити, ни главы из дому выклонити, ни версты переѣхати от обиды от велмож его: все царство заложилося за велмож его и слыли ихъ имянем для прожитку, ждучи мудрости царьския, и не дождалися. А того греки забыли, знамение господь богъ показал над фараоном, царем египетским, что морем потопил его и со всѣми велможи его для того, что он было поработил израилтян. Ино то есть знамение великое от бога: гордости не любит господь и порабощения. А греки за то же погибли — за гордость и за порабощение. А израилтян умножилося и загордѣли, и бога забыли, и погинули в неволю, и в разсѣянии бысть, и царства волнаго нѣсть им. И не познали сына божия Христа, царя небеснаго, и сердце ихъ окаменело з гордости».

И тако рек Петръ, волоский воевода: «Видячи, да погибают, иже гордым господь богъ противляется и неутолимый на них гнѣвъ пущает за неправду их. А правду господь любит, силнѣе всего правда. Турской царь Магмет-салтан правду великую во царство свое ввел, хотя иноплемянникъ да сердечную радость богу воздал. Аще бы к той правдѣ вѣра християнская, ино бы с ними ангели бесѣдовали».

Да тако рек Петръ, волоский воевода, про Казанское царство: «Естьли хотѣлъ, взем бога на помощь, Казанского царства добыти, ино себя не пощадити ни в чемъ, послати войско на Казань, возрастивши им сердца воинником своим царьским жалованьемъ и алафою, и привѣтом добрым, а иныя воинники удалыя послати на улусы казанския, да велѣти улусы жечи, а людей сѣчи и пленити, так богъ помилует и помощь свою святую дает. Аще возмет ихъ, да крестит, то и крѣпко будет». Да слышал есми про ту землицу, про Казанское царьство у многих воинников, которые в том царстве в Казанском были, что про нее говорят, применяют ее под райской землѣ угодием великимъ. Да тому велми дивимся, что

блистательные одеяния и тоже расписывается в рабстве навеки,— и те и другие гибнут навеки».

И так еще сказал Петр, молдавский воевода: «Если какая земля находится в порабощении, все зло творится в этой земле: воровство, разбой, притеснения, великое разоренье всему царству, во всем там гневят бога, а угождают дьяволу. Так и у царя благоверного Константина наполнились вельможи всеми этими беззакониями и прогневили бога, так что из-за вельмож Константина живые у них завидовали мертвым, а свободные — рабам этих вельмож. А благоверного царя Константина опутали колдовством и изловили ворожбой, воинского духа его лишили и богатырскую силу его укротили, заставили выпустить царский воинский меч, а жизнь его сделали беспутной. Из-за утеснений вельмож царским именем никому нельзя было прожить, даже носа из дому высунуть или версты проехать: все царство пошло к вельможам его в закладники, чтобы выжить, их именами звались, ожидая царской мудрости, да не дождались. А забыли про то греки, что показал господь бог знамение на фараоне, египетском царе, когда его и вельмож его утопил в море за то, что обратил он в рабство израильтян. Так что великое это знаменье от бога: не любит господь гордыни и рабства. За это же и греки погибли: за гордыню и рабство. А израильтяне усилились и возгордились, забыли бога и погибли в неволе и рассеянии, нет у них независимого царства. И сына божия — Христа, царя небесного, не признали они, так окаменело в гордыне их сердце».

И так еще сказал Петр, молдавский воевода: «Видим мы, как они гибнут, ибо враждебен господь бог гордым, обращает на них за неправду неутолимый гнев. А правду любит господь, правда сильнее всего. Турецкий царь султан Магомет великую правду ввел в царстве своем, хоть иноплеменник, а доставил богу сердечную радость. Вот если б к той правде да вера христианская, то бы и ангелы с ними в общении пребывали».

А о Казанском царстве так сказал Петр, молдавский воевода: «Если хотеть с божьей помощью добыть Казанское царство, нужно без снисхождения к себе послать к Казани войска, ободрив сердца им, воинам, царским жалованьем, дарами и доброй заботой, а других удалых воинов послать в казанские улусы с приказом улусы жечь, а людей рубить и в плен брать, тогда смилуется бог и подаст свою святую помощь. А как захватит их, пусть крестит: это надежно. А слыхивал я про эту землицу, про царство Казанское, от многих воинов, которые в этом Казанском царстве бывали, что говорят они про нее и сравнивают ее с райской землей по большому плодородию. И мы сильно удивляемся тому, что

та земля не велика и угодна велми у таково у великово у силново царя под пазухою в недружбе, а онъ ей долго терпит и кручину от них великую примает. Хотя бы та землица и в дружбе была, ино бы ей не мочно терпѣть за такое угодье.

Государь, благовѣрный царь и великий князь Иванъ Васильевич всеа Русии! Был есми в Сочаеве у Петра, волосково воеводы, пять мѣсяць холоп твой Ивашко, Семенов сынъ, Пересвѣтов и видел есми мудрость великую. И тѣ рѣчи говорит от научения вѣры мудрости философьския, занеже государь сам Петръ ученый философъ и дохтур мудрый. Служили ему многия люди философи мудрыя и говорили про твое царское прирожение по небесному знамению, что быти тебѣ государю великому и покорит ти богъ недруги твои тебѣ, государю. Божиею помощию, дочлися в книгахъ, что обладати тебѣ многии царства.

Толко, государь, то начитают в своих мудрыхъ книгах в видоцѣях, что будет на тебя на государя уловление, яко на царя на Констянтина царяградскаго от вражбы и от кудес, то знаменуется у них укрочение воинству твоему мудрому. Будут доходити велможи твои любви твоея царския с вражбами, и с кудесы, и с прелестными путми ни по роду, ни по вотчине, ни по воинству, ни по мудрости, которая бы мудрость пригодилося тебѣ, государю, и славе твоей царьской, и в твоем царстве государеве. И то они начитают, что тѣми кудесы и вражбамы твою мудрость, от бога прироженную, и счастье отнимают, и воинство кротят, к чему тебя, благовѣрнаго царя, богъ природил, а велможи твои к собѣ сердце твое разжигают и великую любовь, и не мошно от них часу отбыти. И видел есми государь, что Петръ, волоский воевода, стал пред образом пречистые владычицы Богородицы молитися со слезами о твоем многолѣтном здравии, чтобы свершил господь богъ твое царское прирожение к воинству счасливое во умножение вѣры християнской, во исполнение правды в твоем царьстве, как ихъ имъ книги указывают о твоем царском прирожении по небесному знамению, и от ловления вражбы, а твоихъ велмож и от кудесов всякихъ богъ избавит своею святою великою милостию, чтобы его не оминуло царьское от бога мудрое прирожение и счастливому к воинъству, к чему ево бог природил. Тако рек Петръ, волоской воевода: «Толко его богъ соблюдет от того уловления велмож его, ино таковаго под всею подсолничною не будетъ мудраго воина и счастливаго к воинству. Введет во царьство свое великую правду и утѣшит бога сердечною радостию, и за то ему господь богъ многия царства покорит».

столь небольшая и очень плодородная земля, почти за пазухой у такого великого и сильного царя, а не усмирена, и он все это терпит, а ему от них большие неудобства. А хоть бы такая землица и смирилась, все равно за ее плодородие нельзя было бы так оставить».

Государь благоверный царь и великий князь всея Руси Иван Васильевич! Был я, холоп твой, Ивашка, сын Семена, Пересветов, в Сочаве у Петра, молдавского воеводы, пять месяцев и насмотрелся я на великую мудрость. Изречения эти произносит он от наставлений веры и от философской мудрости, потому как, государь, Петр и сам ученый философ и мудрый доктор. А ему служили многие люди, мудрые философы, и прорекли они по небесным знаменьям про царственное твое предназначение, что будешь ты великим государем, и тебе, государь, бог покорит врагов твоих. Вычитали они с божьей помощью в книгах, что будешь ты владеть многими царствами.

Однако, государь, прочитывают они в своих мудрых книгах и гороскопах, что будут тебя, государь, уловлять ворожбой и колдовством, как царьградского царя Константина, обозначено у них и укрощение воинского твоего духа. Будут добиваться твои вельможи твоей царской любви ворожбой, колдовством и путями соблазна, но ни родом, ни происхождением, ни воинским духом, ни мудростью, а мудрость бы эта понадобилась тебе, царю, и твоей славе царской в твоем царстве-государстве. Прочитывают они и то, что этим колдовством и ворожбой лишают тебя твоей мудрости, богом данной, и удачи, укрощают дух твой воинский, для чего тебя, благоверного царя, создал бог, а вельможи твои к себе склоняют твое сердце великой любовью, так что без них не можешь ты и часа быть. И видел я, государь, что Петр, молдавский воевода, встал перед образом пречистой владычицы нашей богородицы со слезами помолиться о многолетнем здравии твоем, чтобы исполнил господь бог твое царское счастливое и мудрое предназначение к воинским делам для укрепления христианской веры, для наполнения правдой твоего царства, как указывают им по небесным знакам их книги о царском твоем предназначении, чтобы избавил тебя бог своей святой и великой милостью от вражеских уловок твоих вельмож и от всякого колдовства, чтобы не покинуло тебя мудрое от бога царское предназначение к удачным военным делам, на что создал тебя бог. Так сказал Петр, молдавский воевода: «Если только сохранит его бог от уловок вельмож его, по всей вселенной не будет такого мудрого воина и счастливого в военных делах. Тогда введет он в царстве своем великую справедливость и утешит бога сердечной радостью, а за это господь бог подчинит ему многие царства».

А меня, холопа твоего, Ивашка, Семенова сына, Пересвѣтова унимал у себя служити Петръ волоский воевода, а яз, холопъ твой государевъ, слышачи таковыя рѣчи мудрыхъ людей и у великихъ многихъ дохтуровъ и философовъ про тебя, великого государя, и про твое царьское от бога мудрое прирожение и счастливое к воинству и, оставивши службы богатыя и безкручинныя, аз выехал к тебѣ, государю благовѣрному царю, служити с тѣми речми и з дѣлы с воинскими. Как тебѣ государю полюбится службишко мое холопа твоего?

И меня, холопа твоего, Ивашку, сына Семена, Пересветова, удерживал у себя на службе Петр, молдавский воевода, но я, твой государев холоп, услышав такие изречения мудрых людей и многих великих докторов и философов о тебе, великом государе, о твоем царственном и мудром божественном предназначении и удаче в военных делах, оставил доходную и беспечальную службу и прибыл к тебе, государь благоверный царь, послужить теми изречениями и военными бумагами. Как тебе, государь, нравится услуга моя, твоего холопа?

СОЧИНЕНИЯ ЕРМОЛАЯ-ЕРАЗМА

ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ МУРОМСКИХ

ПОВЕСТЬ ОТ ЖИТИЯ СВЯТЫХ НОВЫХ ЧЮДОТВОРЕЦ МУРОМСКИХ, БЛАГОВѢРНАГО, И ПРЕПОДОБНАГО, И ДОСТОХВАЛНАГО КНЯЗЯ ПЕТРА, НАРЕЧЕННАГО ВО ИНОЧЕСКОМ ЧИНУ ДАВИДА, И СУПРУГИ ЕГО, БЛАГОВѢРНЫЯ, И ПРЕПОДОБНЫЯ, И ДОСТОХВАЛНЫЯ КНЯГИНИ ФЕВРОНИИ, НАРЕЧЕННЫЯ ВО ИНОЧЕСКОМ ЧИНУ ЕУФРОСИНИИ. БЛАГОСЛОВИ, ОТЧЕ

Богу Отцу, и присносущному слову божию Сыну, и пресвятому и животворящему Духу, единому божию естеству безначалному, купно в Троицы воспеваемому, и хвалимому, и славимому, и почитаемому, и превозносимому, и исповѣдуемому, и вѣруемому, и благодаримому, содѣтелю и творцу невидимому и неописанному, искони самосилно обычною си премудростию свершающему, и строящему всяческая, и просвѣщающему, и прославляющему, еже хотящу, своим самовластиемъ. Яко же бо исперва сотвори на небеси аггелы своя, духы и слуги своя, огнь палящъ, умнии чинове, бестелесная воинества, их же неисповѣдимо величество есть, тако и вся невидимая сотвори, о них же недостижно есть уму человеческу. Видимая же небесная стихия сотвори: солнце, и луну, и звѣзды. И на земли же древле созда человека по своему образу и от своего трисолнечьнаго божества подобие тричислено дарова ему: умъ, и слово, и духъ животен. И пребывает в человецех умъ, яко отецъ слову; слово же исходит от него, яко сынъ посылаемо; на нем же почиет духъ, яко у коегождо человека изо устъ слово без духа исходити не может, но духъ с словом исходит, ум же началствует. И да не продолжим слова в твари человечестей, но на предлежащее возвратимся.

Богъ же безначалный, создав человека, почти и, надо всѣм земным существом царем постави и, любя же в человечестем роде вся праведники, грѣшныя же милуя, хотя бо всѣх спасти и в разум истинный привести. Егда же благоволением Отчим и своим хотѣнием и споспѣшеством святаго Духа единый от Троица сынъ божий, не ин ни инак, но той же богъ

СОЧИНЕНИЯ ЕРМОЛАЯ-ЕРАЗМА

ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ МУРОМСКИХ

ПОВЕСТЬ О ЖИТИИ НОВЫХ МУРОМСКИХ СВЯТЫХ ЧУДОТВОРЦЕВ, БЛАГОВЕРНОГО, И ПРЕПОДОБНОГО, И ДОСТОЙНОГО ПОХВАЛЫ КНЯЗЯ ПЕТРА, НАЗВАННОГО ВО ИНОЧЕСТВЕ ДАВИДОМ, И СУПРУГИ ЕГО, БЛАГОВЕРНОЙ, И ПРЕПОДОБНОЙ, И ДОСТОЙНОЙ ПОХВАЛЫ КНЯГИНИ ФЕВРОНИИ, НАЗВАННОЙ ВО ИНОЧЕСТВЕ ЕФРОСИНИЕЙ. БЛАГОСЛОВИ, ОТЧЕ

Слава богу Отцу, и вечно сущему слову божию Сыну, и пресвятому и животворящему Духу, единому и безначальному божию естеству, воедино в Троице воспеваемому, и восхваляемому, и прославляемому, и почитаемому, и превозносимому, и исповедуемому, в которого веруем и которого благодарим, создателю и творцу невидимому и неописанному, изначала по своей воле своею премудростию все свершающему, и создающему, и просвещающему, и прославляющему тех, кого изберет по своей воле. Прежде всего сотворил он ангелов своих на небесах, духов и слуг своих, огонь палящий, чины ангельские, бестелесное воинство, силу которого нельзя описать, все сие невидимым для нас сотворил, так что непостижимо это уму человеческому. Сотворил и видимые небесные стихии: солнце, и луну, и звезды. На земле же издревле создал человека по своему образу и, подобно своему трехсолнечному божеству, три качества даровал ему: разум, речь и душу. И разум человека является словно отцом слов его; слово же исходит от ума, как посылаемый отцом сын; на слове же почиет дух, потому что уста каждого человека слов без духа произнести не смогут, но слово с духом исходит, а разум руководит. Да закончим слово о сути человеческой и возвратимся к тому, о чем начали речь.

Бог же, не имеющий начала, создав человека, оказал почет ему — над всем, что существует на земле, поставил царем и, любя в человеческом роде всех праведников, грешников же прощая, захотел всех спасти и привести в истинный разум. С Отчего благословения, по своей воле и с помощью святого Духа единый от Троицы — сын божий не кто иной, как бог —

слово сынъ отчь, благоволи родитися на земли плотию от пречистыя девица Мария, и бысть человекъ, еже не бѣ не преложив божества; еже бѣ на земли ходя, никако же отчих нѣдръ отлучися. И во страсть его божественое его естество безстрастно пребысть. Безстрастие же его неизреченно есть, и невозможно есть никакою притчею сказати, ни мощно к чесому приложити, занеже все тварь его есть; в твари же его разумѣваем безстрастие, ибо аще какову древу стоящу на земли, солнцу же с небеси сияющу на нь, в ту же годину древу тому, аще ключится посекаему быти и сим страдати, ифиръ же солнечный от древа того не отступит, ниже спосѣкается з древом, ни стражет.

Глаголем же убо о солнце и о древѣ, понеже тварь его есть; зижител же и содѣтель неизглаголим есть. Сей бо пострада за ны плотию, грѣхи наша на крестѣ пригвозди, искупив ны миродержителя лестца ценою кровию своею честною. О сем бо рече сосуд избранный Павел: «Не будите раби человеком, куплени бо есте ценою». По распятии же господь наш Исус Христосъ тридневно воскресе, и в четыредесятный день вознесеся на небеса, и сѣде одесную отца, и в пятидесятный день ото Отца послав Духъ святый на святыя своя ученики и апостолы. Они же всю вселенную просвѣтиша вѣрою, святым крещением.

И елицы во Христа крестишася, во Христа облекошася. Аще ли же во Христа облекошася, да не отступают от заповѣдей его, не яко же лестцы и блазнители по крещении оставльше заповѣди божия и лстяще ся мира сего красотами, но яко же святии пророцы и апостоли, тако же и мученицы и вси святии, Христа ради страдавше в скорбех, в бедах, в теснотах, в ранах, в темницах, в нестроениих, в трудѣх, во бдѣниих, в пощениих, в чищениих, в разумѣ, в долготерпѣнии, во благости, в дусѣ святѣ, в любви нелицемѣрне, в словеси истиннѣ, в силѣ божии,— иже свѣдоми суть Единому, вѣдущему тайны сердечныя. Ими же землю просвѣтил есть, яко же небо звѣздами украси, и почтив их чюдотворенми, овых убо молитвъ ради и покаяния и трудов, овых же мужества ради и смирения, яко же сих святых прослави, о них же нам слово предлежит.

I

Се убо в в Русийстей земли град, нарицаемый Муром. В нем же бѣ самодержьствуяи благовѣрный князь, яко повѣдаху, именем Павел. Искони же ненавидяи добра роду человечю дьявол всели неприязненаго летящаго змия к женѣ князя того на блуд. И являшеся ей своими мечты, яко же бяше и естеством; приходящим же людем являшеся, яко же

слово, сын отца, соблаговолил родиться во плоти на земле от пречистой девы Марии и стал человеком, не потеряв божества своего; и, хотя по земле ходил, он отчих недр не отлучился. И когда принял мучение, то божественная сущность его не подверглась страданиям. И бесстрастие это его невозможно определить, и никаким иносказанием не выразишь этого, ни с чем не сравнишь, потому что всё создано им самим; и в творениях его есть бесстрастие — ведь вот, если дерево стоит на земле и солнце озаряет его и в это время окажется, что дерево то начнут срубать, и в этом заключается его страдание, то эфир солнечный, заключенный в нем, из него не исчезнет, тем более не погибнет с деревом, не страдает. Говорим же о солнце и о дереве потому, что это им сотворено, создатель же и творец этого человеческими словами определен быть не может. Он ведь плотью пострадал за нас, грехи наши к кресту пригвоздив, искупив нас у дьявола ценою крови своей честной. Об этом так сказал избранник божий Павел: «Не будете рабами людей, ибо искуплены дорогой ценой». А после распятия, через три дня, господь наш Иисус Христос воскрес, и на сороковой день вознесся на небо и сел одесную Отца, и на пятидесятый день волею Отца ниспослал дух святой на святых своих учеников и апостолов. Они же всю вселенную просветили верою, святым крещением.

И те, кто во имя Христа крестились, должны Христу служить. А если служат Христу, пусть не отступают от заповедей его и живут не так, как обманщики и лжецы, после крещения забывшие заповеди божии и прельстившиеся соблазнами мира сего, но как жили святые пророки и апостолы, а также мученики и все святые, ради Христа страдавшие, перенося скорби, и беды, и притеснения, и раны, находясь в темницах, неустроенные в жизни, в трудах, в бдениях, в постах, в покаянии, в размышлениях, в долготерпении, в благости, пребывая в духе святом, в нелицемерной любви, в словах правды, в силе божьей — все они известны Единому, который знает все тайны сердечные. Ими господь землю просветил и украсил ее, как небо звездами, почтил их даром чудотворения — одних ради молитв, и покаяния, и трудов их, других же — твердости их ради и смирения, как и тех святых прославил, о которых будет наша повесть.

I

Есть в Русской земле город, называемый Муромом. Правил в нем когда-то благоверный князь по имени Павел. Дьявол же, искони ненавидящий род человеческий, сделал так, что злой на самом деле, а приходящим людям представлялось, будто крылатый змей стал летать к жене того князя на блуд. И, волшебством своим, перед ней он являлся таким, каким был

князь сам сѣдяше с женою своею. Тѣми же мечты многа времена преидоша. Жена же сего не таяше, но повѣдаше князю, мужеви своему, вся ключшаяся ей. Змий же неприязнивый осили над нею.

Князь же мысляше, что змиеви сотворити, но недоумѣяшеся. И рече женѣ си: «Мыслю жено, но недоумѣюся, что сотворити неприязни тому? Смерти убо не вѣм, каку нанесу на нь? Аще убо глаголеть к тебѣ какова словеса, да воспросиши и с лестию и о сем: вѣст ли сей неприязнивым духом своим, от чего ему смерть хощет быти? Аще ли увѣси и нам повѣдаеши, свободишися не токмо в нынешнем вѣце злаго его дыханиа и сипѣния и всего скарядия, еже смрадно есть глаголати, но и в будущий вѣк нелицемѣрнаго судию Христа милостива себѣ сотвориши». Жена же мужа своего глаголъ в сердци си твердо приимши, умысли во умѣ своем: «Добро тако быти».

Во един же от дний неприязнивому тому змию пришедшу к ней, она же, добру память при сердцы имѣя, глаголъ с лестию предлагает к неприязни той, глаголя многи иныя рѣчи, и по сих с почтением воспросив его, хваля, рече бо, яко: «Много вѣси, и вѣси ли кончину си, какова будет и от чего?» Он же, неприязнивый прелестник, прелщен добрым прелщением от вѣрныя жены, яко непщева тайну к ней изрещи, глаголя: «Смерть моя есть от Петрова плеча, от Агрикова же меча». Жена же, слышав таковую рѣчь, в сердцы си твердо сохрани и по отшествии неприязниваго того повѣда князю, мужеви своему, яко же реклъ есть змий. Князь же, то слышав, недоумѣяшеся,— что есть смерть от Петрова плеча и от Агрикова меча?

Имѣяше же у себе приснаго брата, именем князя Петра. Во един же от дний призвав его к себѣ и нача ему повѣдати змиевы рѣчи, яко же реклъ есть женѣ его. Князь же Петръ, слышав от брата своего, яко змий нарече тезоименита ему исходатая смерти своей, нача мыслити не сумняся мужествене, како бы убити змиа. Но и еще бяше в нем мысль, яко не вѣдыи Агрикова меча.

Имѣяше же обычай ходити по церквам уединяяся. Бѣ же внѣ града церковь в женстем монастыри Воздвижение честнаго и животворящаго креста. И прииде к ней един помолитися. Яви же ся ему отроча, глаголя: «Княже! Хощеши ли, да покажу ти Агриков мечь?» Он же, хотя желание свое исполнити, рече: «Да вижу, гдѣ есть!» Рече же отроча: «Иди вслѣд мене». И показа ему во олтарной стенѣ межу керемидома скважню, в ней же лежаше мечь. Благовѣрный же князь Петръ взем меч той, прииде и повѣда брату своему. И от того дни искаше подобна времени да убиет змия.

это сам князь сидит со своей женой. Долго продолжалось такое наваждение. Жена же этого не скрывала и рассказала о всем, что с ней произошло, князю, мужу своему. А злой змей силой овладел ею.

Князь стал думать, как поступить со змеем, но был в недоумении. И вот говорит жене: «Раздумываю, жена, но не могу придумать, чем одолеть этого злодея? Не знаю — как убить его? Когда станет он говорить с тобой, спроси, обольщая его, вот о чем: ведает ли этот злодей сам — от чего ему смерть должна приключиться? Если узнаешь об этом и нам поведаешь, то освободишься не только в этой жизни от злосмрадного дыхания и шипения его и всего этого бесстыдства, о чем даже говорить срамно, но и в будущей жизни нелицемерного судью, Христа, тем умилостивишь». Слова мужа своего жена накрепко запечатлела в сердце своем, и решила она: «Обязательно сделаю так».

И вот однажды, когда пришел к ней этот злой змей, она, крепко храня в сердце слова мужа, обращается к этому злодею с льстивыми речами, говоря о том и о другом, а под конец с почтением, восхваляя его, спрашивает: «Много всего ты знаешь, а знаешь ли про смерть свою — какой она будет и от чего?» Он же, злой обманщик, обманут был простительным обманом верной жены, ибо, пренебрегши тем, что тайну ей открывает, сказал: «Смерть мне суждена от Петрова плеча и от Агрикова меча». Жена же, услыхав эти слова, накрепко запомнила их в сердце своем и, когда этот злодей ушел, поведала князю, мужу своему, о том, что сказал ей змей. Князь же, услыхав это, недоумевал — что значит: смерть от Петрова плеча и от Агрикова меча?

А у князя был родной брат по имени Петр. Как-то Павел позвал его к себе и стал говорить ему о словах змея, которые тот сказал жене его. Князь же Петр, услыхав от брата своего, что змей назвал того, от чьей руки ему надлежит умереть, его именем, стал думать, без колебаний и сомнений, как убить змея. Только одно смущало его — не ведал он ничего об Агриковом мече.

Было у Петра в обычае ходить в одиночестве по церквам. А за городом стояла в женском монастыре церковь Воздвижения честного и животворящего креста. Пришел он в нее один помолиться. И вот явился ему отрок, говоря: «Княже! Хочешь, я покажу тебе Агриков меч?» Он же, стремясь исполнить задуманное, ответил: «Да увижу, где он!» Отрок же сказал: «Иди вслед за мной». И показал князю в алтарной стене меж плитами щель, а в ней лежит меч. Тогда благоверный князь Петр взял тот меч, пошел к брату и поведал ему о всем. И с того дня стал искать подходящего случая, чтобы убить змея.

По вся же дни ходя к брату своему и к сносѣ своей на поклонение. Ключи же ся ему прийти в храмину к брату своему и том же часѣ шед к сносѣ своей во ину храмину и видѣ у нея сидяща брата своего. И паки пошед от нея, встрѣти нѣкоего от предстоящих брату его и рече ему: «Изыдох убо от брата моего к сносѣ моей, брат же мой оста в своем храму, мнѣ же, не коснѣвшу никамо же, вскоре пришедшу в храмину к сносѣ моей, и не свѣм и чюжуся, како брат мой напреди мене обрѣтеся в храминѣ у снохи моея?» Той же человекъ рече ему: «Никако же, господи, по твоем отшествии не изыде брат твой из своея храмины!» Он же разумѣ быти пронырьство лукаваго змия. И прииде к брату и рече ему: «Когда убо сѣмо прииде? Аз бо от тебе из сея храмины изыдох, и нигдѣ же ничесо же помедлив, приидох к женѣ твоей в храмину, и видѣх тя с нею сидяща, и чюдяхся, како напред мене обрѣтеся. Приидох же паки, ничто же нигдѣ паки помедлив, ты же, не вѣм, како мя предтече и напред мене здѣ обрѣтеся?» Он же рече: «Никако же, брате, ис храма сего по твоем отшествии не изыдох и у жены своея никако же бѣх». Князь же Петръ рече: «Се есть, брате, пронырьство лукаваго змия, да тобою ми ся кажет, аще не бых хотѣл убити его, яко непщуя тебе своего брата. Нынѣ убо, брате, отсюду никако же иди, аз же тамо иду братися со змием, да нѣкли божиею помощию убиен да будет лукавый сей змий».

И взем мечь, нарицаемый Агриков, и прииде в храмину к сносѣ своей, и видѣ змия зраком аки брата си, и твердо увѣрися, яко нѣсть брат его, но прелестный змий, и удари его мечем. Змий же явися, яков же бяше и естеством, и нача трепетатися, и бысть мертвъ, и окропи блаженнаго князя Петра кровию своею. Он же от неприязнивыя тоя крови острупѣ, и язвы быша, и прииде на нь болѣзнь тяжка зело. И искаше в своем одержании ото мног врачев исцелениа, и ни от единого получи.

II

Слыша же яко мнози суть врачеве в предѣлех Рязаньския земли, и повелѣ себе тамо повести, не бѣ бо сам мощен на кони сидѣти от великия болѣзни. Привезен же бысть в предѣлы Рязаньския земли и посла синклит свой весь искати врачев.

Един же от предстоящих ему юноша уклонися в весь, нарицающуся Ласково. И прииде к нѣкоего дому вратом и не видѣ никого же. И вниде в дом и не бѣ, кто бы его чюлъ. И вниде в храмину и зря видѣние чюдно: сидяше бо едина девица, ткаше красна, пред нею же скача заец.

Каждый день Петр ходил к брату своему и к снохе своей, чтобы отдать поклон им. Раз случилось ему прийти в покои к брату своему, и сразу же от него пошел он к снохе своей, в другие покои, и увидел, что брат его у нее сидит. И, пойдя от нее назад, встретил он одного из слуг брата своего и сказал ему: «Вышел я от брата моего к снохе моей, а брат мой остался в своих покоях, и я, нигде не задерживаясь, быстро пришел в покои к снохе моей и не понимаю и удивляюсь, каким образом брат мой очутился раньше меня в покоях снохи моей?» Тот же человек сказал ему: «Господин, никуда после твоего ухода не выходил твой брат из покоев своих!» Тогда Петр уразумел, что это козни лукавого змея. И пришел он к брату и сказал ему: «Когда это ты сюда пришел? Ведь я, когда от тебя из этих покоев ушел и, нигде не задерживаясь, пришел в покои к жене твоей, то увидел тебя сидящим с нею и сильно удивился, как ты пришел раньше меня. И вот снова сюда пришел, нигде не задерживаясь, ты же, не понимаю как, меня опередил и раньше меня здесь оказался?» Павел же ответил: «Никуда я, брат, из покоев этих, после того как ты ушел, не выходил и у жены своей не был». Тогда князь Петр сказал: «Это, брат, козни лукавого змея — тобою мне является, чтобы я не решился убить его, думая, что это ты — мой брат. Сейчас, брат, отсюда никуда не выходи, я же пойду туда биться со змеем, надеюсь, что с божьей помощью будет убит лукавый этот змей».

И, взяв меч, называемый Агриковым, пришел он в покои к снохе своей и увидел змея в образе брата своего, но, твердо уверившись в том, что не брат это его, а коварный змей, ударил его мечом. Змей же, обратившись в свое естественное обличье, затрепетал и умер, и обрызгал он блаженного князя Петра своей кровью. Петр же от зловредной той крови покрылся струпьями, и появились на теле его язвы, и охватила его тяжкая болезнь. И пытался он у многих врачей во владениях своих найти исцеление, но ни один не вылечил его.

II

Прослышал Петр, что в Рязанской земле много врачей, и велел везти себя туда — из-за тяжкой болезни сам он сидеть на коне не мог. И когда привезли его в Рязанскую землю, то послал он всех приближенных своих искать врачей.

Один из княжеских отроков забрел в село, называемое Ласково. Пришел он к воротам одного дома и никого не увидел. И зашел в дом, но никто не вышел ему навстречу. Тогда вошел он в горницу и увидел удивительное зрелище: за ткацким станом сидела в одиночестве девушка и ткала холст, а перед нею скакал заяц.

И глаголя девица: «Нелѣпо есть быти дому безо ушию и храму безо очию!» Юноша же той не внят во умъ глаголъ тѣх, рече к девице: «Гдѣ есть человекъ мужеска полу, иже здѣ живет?» Она же рече: «Отецъ и мати моя поидоша взаем плакати. Брат же мой иде чрез ноги в нави зрѣти».

Юноша же той не разумѣ глаголъ ея, дивляшеся, зря и слыша вещъ подобну чюдеси, и глагола к девицы: «Внидох к тебѣ, зря тя дѣлающу, и видѣх заец пред тобою скача, и слышу ото устну твоею глаголы странны нѣкаки, и сего не вѣм, что глаголеши. Первие бо рече: нелѣпо есть быти дому безо ушию и храму безо очию. Про отца же твоего и матерь рече, яко идоша взаим плакати, брата же своего глаголя «чрез ноги в нави зрѣти». И ни единого слова от тебе разумѣх!»

Она же глагола ему: «Сего ли не разумѣеши! Прииде в дом сий и в храмину мою вниде и видѣв мя сидящу в простотѣ. Аще бы был в дому наю пес и чюв тя к дому приходяща, лаял бы на тя: се бо есть дому уши. И аще бы было в храминѣ моей отроча и видѣв тя к храминѣ приходяща, сказало бы ми: се бо есть храму очи. А еже сказах ти про отца и матерь и про брата, яко отецъ мой и мати моя идоша взаем плакати — шли бо суть на погребение мертваго и тамо плачют. Егда же по них смерть приидет, инии по них учнут плакати: се есть заимованный плач. Про брата же ти глаголах, яко отецъ мой и брат древолазцы суть, в лѣсе бо мед от древия въземлют. Брат же мой нынѣ на таково дѣло иде, и яко же лѣсти на древо в высоту, чрез ноги зрѣти к земли, мысля, абы не урватися с высоты. Аще ли кто урвется, сей живота гонзнет. Сего ради рѣх, яко иде чрез ноги в нави зрѣти».

Глагола ей юноша: «Вижу тя, девице, мудру сущу. Повѣжь ми имя свое». Она же рече: «Имя ми есть Феврония». Той же юноша рече к ней: «Аз есмь муромскаго князя Петра, служаи ему. Князь же мой имѣя болѣзнь тяжку и язвы. Острупленну бо бывшу ему от крови непризниваго летящаго змия, его же есть убил своею рукою. И в своем одержании искаше исцеления ото мног врачев и ни от единого получи. Сего ради сѣмо повелѣ себе привести, яко слыша здѣ мнози врачеве. Но мы не вѣмы, како именуются, ни жилищ их вѣмы, да того ради вопрашаем о нею». Она же рече: «Аще бы кто требовал князя твоего себѣ, мог бы уврачевати и». Юноша же рече: «Что убо глаголеши, еже кому требовати князя моего себѣ! Аще кто уврачюет и, князь мой дасть ему имѣние много. Но скажи ми имя врача того, кто есть и камо есть жилище его?» Она же рече: «Да приведеши князя твоего сѣмо. Аще будет мяхкосердъ и смирен во отвѣтех, да будет здрав!»

И сказала девушка: «Плохо, когда дом без ушей, а горница без очей!» Юноша же, не поняв этих слов, спросил девушку: «Где хозяин этого дома?» На это она ответила: «Отец и мать мои пошли взаймы плакать, брат же мой пошел сквозь ноги смерти в глаза глядеть».

Юноша же не понимал слов девушки, дивился, видя и слыша подобные чудеса, и спросил у девушки: «Вошел я к тебе и увидел, что ты ткешь, а перед тобой заяц скачет, и услыхал я из уст твоих какие-то странные речи и не могу уразуметь, что ты говоришь. Сперва ты сказала: плохо, когда дом без ушей, а горница без очей. Про отца же и мать сказала, что они пошли взаймы плакать, про брата же сказала — «сквозь ноги смерти в глаза смотрит». И ни единого слова твоего я не понял!»

Она же сказала ему: «И этого-то понять не можешь! Пришел ты в дом этот, и в горницу мою вошел, и застал меня в неприбранном виде. Если бы был в нашем доме пес, то учуял бы, что ты к дому подходишь, и стал бы лаять на тебя: это — уши дома. А если бы был в горнице моей ребенок, то, увидя, что идешь в горницу, сказал бы мне об этом: это — очи дома. А то, что я сказала тебе про отца и мать и про брата, что отец мой и мать пошли взаймы плакать — это пошли они на похороны и там оплакивают покойника. А когда за ними смерть придет, то другие их будут оплакивать: это — плач взаймы. Про брата же тебе так сказала потому, что отец мой и брат — древолазы, в лесу по деревьям мед собирают. И сегодня брат мой пошел бортничать, и когда он полезет вверх на дерево, то будет смотреть сквозь ноги на землю, чтобы не сорваться с высоты. Если кто сорвется, тот ведь с жизнью расстанется. Поэтому я и сказала, что он пошел сквозь ноги смерти в глаза глядеть».

Говорит ей юноша: «Вижу, девушка, что ты мудра. Назови мне имя свое». Она ответила: «Зовут меня Феврония». И тот юноша сказал ей: «Я слуга муромского князя Петра. Князь же мой тяжело болен, в язвах. Покрылся он струпьями от крови злого летучего змея, которого он убил своею рукою. В своем княжестве искал он исцеления у многих врачей, но никто не смог вылечить его. Поэтому повелел он сюда себя привезти, так как слыхал, что здесь много врачей. Но мы не знаем ни имен их, ни где они живут, поэтому и расспрашиваем о них». На это она ответила: «Если бы кто-нибудь потребовал твоего князя себе, тот мог бы вылечить его». Юноша же сказал: «Что это ты говоришь — кто может требовать моего князя себе! Если кто вылечит его, того князь богато наградит. Но назови мне имя врача того, кто он и где дом его». Она же ответила: «Приведи князя твоего сюда. Если будет он чистосердечным и смиренным в словах своих, то будет здоров!»

Юноша же скоро возвратися ко князю своему и повѣда ему все подробну, еже видѣ и еже слыша. Благовѣрный же князь Петръ рече: «Да везете мя, гдѣ есть девица». И привезоша и в дом той, в нем же бѣ девица. И посла к ней ото отрок своих глаголя: «Повѣж ми, девице, кто есть хотя мя увpачевати? Да уврачюет мя и возмет имѣние много». Она же не обинуяся рече: «Аз есмь хотя и врачевати, но имѣния не требую от него прияти. Имам же к нему слово таково: аще бо не имам быти супруга ему, не требе ми есть врачевати его». И пришед человекъ той, повѣда князю своему, яко же рече девица.

Князь же Петръ, яко не брегий словеси ея, и помысли: «Како князю сущу древолазца дщи пояти себѣ жену!» И послав к ней, рече: «Рцыте ей, что есть врачевство ея, да врачюет. Аще ли уврачюет, имам пояти ю себѣ женѣ». Пришедше же рѣша ей слово то. Она же взем сосудец мал, почерпе кисляжди своея, и дуну на ня, и рек: «Да учредят князю вашему баню, и да помазует сим по телу своему, идѣже суть струпы и язвы. И един струп да оставит не помазан. И будет здравъ!»

И принесоша к нему таково помазание. И повелѣ учредити баню. Девицю же хотя во отвѣтех искусити, аще мудра есть, яко же слыша о глаголѣх ея от юноши своего. Посла к ней съ единым от слуг своих едино повѣсмо лну, рек, яко: «Си девица хощет ми супруга быти мудрости ради. Аще мудра есть, да в сием лну учинит мнѣ срачицу, и порты, и убрусецъ в ту годину, в ню же аз в бани пребуду». Слуга же принесе к ней повѣсмо лну и дасть ей и княже слово сказа. Она же рече слузѣ: «Взыди на пещъ нашу и, снем з гряд полѣнце, снеси сѣмо». Он же, послушав ея, снесе полѣнце. Она же, отмѣрив пядию, рече: «Отсеки сие от полѣнца сего». Он же отсече. Она же глагола: «Возми сий утинок полѣнца сего, и шед даждь князю своему от мене, и рцы ему: в кий час се повѣсмо аз очешу, а князь твой да приготовит ми в сем утинце станъ и все строение, ким сотчется полотно его». Слуга же принесе ко князю своему утинок полѣнца и рѣчь девичю сказа. Князь же рече: «Шед рцы девицы, яко невозможно есть в таковѣ мале древцѣ и в таку малу годину сицева строения сотворити!» Слуга же пришед, сказа ей княжю рѣчь. Девица же отрече: «А се ли возможно есть, человеку мужеска возрасту вь едином повѣсме лну в малу годину, в ню же пребудет в бани, сотворити срачицу, и порты, и убрусецъ?» Слуга же отоиде и сказа князю. Князь же дивлеся отвѣту ея.

И по времени князь Петръ иде в баню мытися и повелѣнием девица помазанием помазая язвы и струпы своя. И един струп

Юноша быстро возвратился к князю своему и подробно рассказал ему о всем, что видел и что слышал. Благоверный же князь Петр повелел: «Везите меня туда, где эта девица». И привезли его в тот дом, где жила девушка. И послал он одного из слуг своих, чтобы тот спросил: «Скажи мне, девица, кто хочет меня вылечить? Пусть вылечит и получит богатую награду». Она же без обиняков ответила: «Я хочу его вылечить, но награды никакой от него не требую. Вот к нему слово мое: если я не стану супругой ему, то не подобает мне и лечить его». И вернулся человек тот и передал князю своему, что сказала ему девушка.

Князь же Петр с пренебрежением отнесся к словам ее и подумал: «Ну как это можно — князю дочь древолаза взять себе в жены!» И послал к ней, молвив: «Скажите ей — пусть лечит как умеет. Если вылечит, возьму ее себе в жены». Пришли к ней и передали эти слова. Она же, взяв небольшую плошку, зачерпнула ею хлебной закваски, дунула на нее и сказала: «Пусть истопят князю вашему баню, и пусть он помажет этим все тело свое, где есть струпья и язвы. А один струп пусть оставит непомазанным. И будет здоров!»

И принесли князю эту мазь; и велел он истопить баню. Девушку же он захотел испытать в ответах — так ли она мудра, как он слыхал о речах ее от отрока своего. Послал он к ней с одним из своих слуг небольшой пучок льна, говоря так: «Эта девица хочет стать моей супругой ради мудрости своей. Если она так мудра, пусть из этого льна сделает мне сорочку, и одежду, и платок за то время, пока я в бане буду». Слуга принес Февронии пучок льна и, вручив его ей, передал княжеский наказ. Она же сказала слуге: «Влезь на нашу печь и, сняв с грядки поленце, принеси сюда». Он, послушав ее, принес поленце. Тогда она, отмерив пядью, сказала: «Отруби вот это от поленца». Он отрубил. Она говорит ему: «Возьми этот обрубок поленца, пойди и дай своему князю от меня и скажи ему: за то время, пока я очешу этот пучок льна, пусть князь твой смастерит из этого обрубка ткацкий стан и всю остальную снасть, на чем будет ткаться полотно для него». Слуга принес к своему князю обрубок поленца и передал слова девушки. Князь же говорит: «Пойди скажи девушке, что невозможно из такой маленькой чурочки за такое малое время смастерить то, чего она просит!» Слуга пришел и передал ей слова князя. Девушка же на это ответила: «А это разве возможно — взрослому мужчине из одного пучка льна, за то малое время, пока он будет в бане мыться, сделать сорочку, и платье, и платок?» Слуга ушел и передал эти слова князю. Князь же подивился ответу ее.

Потом князь Петр пошел в баню мыться и, как наказывала девушка, мазью помазал язвы и струпы свои. А один струп

остави не помазанъ по повелѣнию девицы. Изыде же из бани, ничто же болѣзни чюяше. На утрии же узрѣв си все тѣло здраво и гладко, развие единого струпа, еже бѣ не помазал по повелѣнию девичю. И дивляшеся скорому исцелению. Но не восхотѣ пояти ю жену себѣ отечества ея ради и послав к ней дары. Она же не прият.

Князь же Петръ поѣхав во отчину свою, град Муром, здравствуяи. На нем же бѣ един струп, еже бѣ не помазан повелѣнием девичим. И от того струпа начаша многи струпы расходитися на тѣле его от перваго дни, в онь же поѣхав во отчину свою. И бысть паки весь оструплен многими струпы и язвами, яко же и первие.

И паки возвратися на готовое исцеление к девицы. И яко же приспѣ в дом ея, с студом посла к ней, прося врачевания. Она же, нимало гнѣву подержав, рече: «Аще будет ми супружник, да будет уврачеван». Он же с твердостию слово дасть ей, яко имат пояти ю жену себѣ. Сия же паки, яко и преже, то же врачевание даст ему, еже предписах. Он же вскоре исцѣление получив, поят ю жену себѣ. Такою же виною бысть Феврония княгини.

Приидоста же во отчину свою, град Муром, и живяста во всяком благочестии, ничто же от божиих заповѣдей оставляюще.

III

По мале же дний предреченный князь Павел отходит жития сего. Благовѣрный же князь Петръ по брате своем един самодержец бывает граду своему.

Княгини же его Февронии боляре его не любяху жен ради своих, яко бысть княгини не отечества ради ея; богу же прославляющу ю добраго ради житиа ея.

Нѣкогда бо нѣкто от предстоящих ей прииде ко благовѣрному князю Петрови навадити на ню, яко: «От коегождо,— рече,— стола своего без чину исходит: внегда бо встати ей, взимает в руку свою крохи, яко гладна!» Благовѣрный же князь Петръ, хотя ю искусити, повелѣ да обѣдует с ним за единым столом. И яко убо скончавшуся обѣду, она же, яко же обычай имѣяше, взем от стола крохи в руку свою. Князь же Петръ приим ю за руку и, развед, видѣ ливан добровонный и фимиян. И от того дни остави ю к тому не искушати.

И по мнозе же времени приидоша к нему сь яростию боляре его, ркуще: «Хощем вси, княже, праведно служити тебѣ и самодержцем имѣти тя, но княгини Февронии не хощем, да господьствует женами нашими. Аще хощеши самодержцем быти, да будет ти ина княгини. Феврония же,

оставил непомазанным, как девушка велела. И когда вышел из бани, то уже не чувствовал никакой болезни. Наутро же глядит — все тело его здорово и чисто, только один струп остался, который он не помазал, как наказывала девушка. И дивился он столь быстрому исцелению. Но не захотел он взять ее в жены из-за происхождения ее, а послал ей дары. Она же не приняла.

Князь Петр поехал в вотчину свою, город Муром, выздоровевшим. Лишь оставался на нем один струп, который был не помазан по повелению девушки. И от того струпа пошли новые струпья по всему телу с того дня, как поехал он в вотчину свою. И снова покрылся он весь струпьями и язвами, как и в первый раз.

И опять возвратился князь на испытанное лечение к девушке. И когда пришел к дому ее, то со стыдом послал к ней, прося исцеления. Она же, нимало не гневаясь, сказала: «Если станет мне супругом, то исцелится». Он же твердое слово дал ей, что возьмет ее в жены. И она снова, как и прежде, то же самое лечение определила ему, о каком я уже писал раньше. Он же, быстро исцелившись, взял ее себе в жены. Таким-то вот образом стала Феврония княгиней.

И прибыли они в вотчину свою, город Муром, и начали жить благочестиво, ни в чем не преступая божии заповеди.

III

По прошествии недолгого времени князь Павел скончался. Благоверный же князь Петр после брата своего стал самодержцем в городе своем.

Бояре, по наущению жен своих, не любили княгиню Февронию, потому что стала она княгиней не по происхождению своему; бог же прославил ее ради доброго ее жития.

Однажды кто-то из прислуживающих ей пришел к благоверному князю Петру и наговорил на нее: «Каждый раз,— говорил он,— окончив трапезу, не по чину из-за стола выходит: перед тем как встать, собирает в руку крошки, будто голодная!» И вот благоверный князь Петр, желая ее испытать, повелел, чтобы она пообедала с ним за одним столом. И когда кончился обед, она, по обычаю своему, собрала крошки в руку свою. Тогда князь Петр взял Февронию за руку и, разжав ее, увидел ладан благоухающий и фимиам. И с того дня он ее больше никогда не испытывал.

Минуло немалое время, и вот однажды пришли к князю бояре его во гневе и говорят: «Княже, готовы мы все верно служить тебе и тебя самодержцем иметь, но не хотим, чтобы княгиня Феврония повелевала женами нашими. Если хочешь оставаться самодержцем, пусть будет у тебя другая княгиня. Феврония же,

взем богатество доволно себѣ, отоидет, амо же хощет!» Блаженный же Петръ, яко же бѣ ему обычей, ни о чесом же ярости имѣя, со смирением отвеща: «Да глаголита к Февронии, и яко же рчет, тогда слышим».

Они же, неистовии, наполнившеся безстудия, умыслиша, да учредят пиръ. И сотвориша, и егда же быша весели, начаша простирати безстудныя своя гласы, аки пси лающе, отнемлюще у святыя божий даръ, его же ей богъ и по смерти неразлучна обещал есть. И глаголаху: «Госпоже княгини Феврония! Весь град и боляре глаголють тебѣ: дай же нам, его же мы у тебе просим!» Она же рече: «Да возмета, его же просита!» Они же, яко единеми усты, ркоша: «Мы убо, госпоже, вси князя Петра хощем, да самодержьствует над нами. Тебе же жены наши не хотяхут, яко господьствуеши над ними. Взем богатество доволно себѣ, отоидеши, амо же хощеши!» Она же рече: «Обещахся вам, яко елика аще просите — примете. Аз же вам глаголю: дадите мнѣ его же, аще аз воспрошу у ваю». Они же, злии, ради быша, не вѣдуще будущаго, и глаголаша с клятвою, яко: «Аще рчеши, единою без прекословия возмеши». Она же рече: «Ничто же ино прошу, токмо супруга моего, князя Петра!». Рѣша же они: «Аще сам восхощет, ни о том тебѣ глаголем». Враг бо наполни их мыслей, яко аще не будет князь Петръ, да поставят себѣ инаго самодержьцем: киииждо бо от боляръ во умѣ своем держаше, яко сам хощет самодержец быти.

Блаженный же князь Петръ не возлюби временнаго самодержавьства, кромѣ божиих заповѣдей, но по заповѣдем его шествуя, держашеся сих, яко же богогласный Матфѣй в своем благовѣстии вещает. Рече бо, яко иже аще пустит жену свою, развие словеси прелюбодѣйнаго, и оженится иною, прелюбы творит. Сей же блаженный князь по Еуангеллию сотвори: одержание свое, яко уметы вмени, да заповѣди божия не разрушит.

Они же, злочестивии боляря, даша им суды на рецѣ — бяше бо под градом тѣм река, глаголемая Ока. Они же пловуще по рецѣ в судѣх. Нѣкто же бѣ человекъ у блаженныя княгини Февронии в судне, его же и жена в том же судне бысть. Той же человекъ, приим помыслъ от лукаваго бѣса, возрѣв на святую с помыслом. Она же, разумѣв злый помыслъ его вскоре, обличи и, рече ему: «Почерпи убо воды из реки сия с сю страну судна сего». Он же почерпе. И повелѣ ему испити. Он же пит. Рече же паки она: «Почерпи убо воды з другую страну судна сего». Он же почерпе. И повѣле ему паки испити. Он же питъ. Она же рече: «Равна ли убо си вода есть, или едина слажеши?» Он же рече: «Едина есть, госпоже, вода». Паки же она рече сице: «И едино естество женско есть. Почто убо,

взяв богатства, сколько пожелает, пусть уходит куда захочет!» Блаженный же Петр, в обычае которого было ни на что не гневаться, с кротостью ответил: «Скажите об этом Февронии, послушаем, что она скажет».

Неистовые же бояре, потеряв стыд, задумали устроить пир. Стали пировать, и вот, когда опьянели, начали вести свои бесстыдные речи, словно псы лающие, отрицая божий дар святой Февронии исцелять, которым бог наградил ее и по смерти. И говорят они: «Госпожа княгиня Феврония! Весь город и бояре просят у тебя: дай нам, кого мы у тебя попросим!» Она же в ответ: «Возьмите, кого просите!» Они же, как едиными устами, промолвили: «Мы, госпожа, все хотим, чтобы князь Петр властвовал над нами, а жены наши не хотят, чтобы ты господствовала над ними. Взяв сколько тебе нужно богатств, уходи куда пожелаешь!» Тогда она сказала: «Обещала я вам, что, чего ни попросите — получите. Теперь я вам говорю: обещайте мне дать, кого я попрошу у вас». Они же, злодеи, обрадовались, не зная, что их ждет, и поклялись: «Что ни назовешь, то сразу беспрекословно получишь». Тогда она говорит: «Ничего иного не прошу, только супруга моего, князя Петра!» Они же ответили: «Если сам захочет, ни слова тебе не скажем». Враг помутил их разум — каждый подумал, что, если не будет князя Петра, придется ставить другого самодержца: а ведь в душе каждый из бояр надеялся самодержцем стать.

Блаженный же князь Петр не захотел нарушить божиих заповедей ради царствования в жизни этой, он по божьим заповедям жил, соблюдая их, как богогласный Матфей в своем Благовествовании вещает. Ведь сказано, что если кто прогонит жену свою, не обвиненную в прелюбодеянии, и женится на другой, тот сам прелюбодействует. Сей же блаженный князь по Евангелию поступил: пренебрег княжением своим, чтобы заповеди божьей не нарушить.

Злочестивые же бояре эти приготовили для них суда на реке — под этим городом протекает река, называемая Окой. И вот поплыли они по реке в судах. В одном судне с Февронией плыл некий человек, жена которого была на этом же судне. И человек этот, искушаемый лукавым бесом, посмотрел на святую с помыслом. Она же, сразу угадав его дурные мысли, обличила его, сказав ему: «Зачерпни воды из реки сей с этой стороны судна сего». Он почерпнул. И повелела ему испить. Он выпил. Тогда сказала она снова: «Теперь зачерпни воды с другой стороны судна сего». Он почерпнул. И повелела ему снова испить. Он выпил. Тогда она спросила: «Одинакова вода или одна слаще другой?» Он же ответил: «Одинаковая, госпожа, вода». После этого она промолвила: «Так и естество женское одинаково. Почему же ты,

свою жену оставя, чюжиа мыслиши? Той же человекъ, уведѣ, яко в ней есть прозрѣния даръ, боояся к тому таковая помышляти.

Вечеру же приспѣвшу, начаша ставитися на брезѣ. Блаженный же князь Петръ яко помышляти начат: «Како будетъ, понеже волею самодержьства гонзнув?» Предивная же Феврониа глагола ему: «Не скорби, княже, милостивый богъ, творец и промысленик всему, не оставит нас в низшетѣ быти!»

На брезе же том блаженному князю Петру на вечерю его ядь готовляху. И потче поваръ его древца малы, на них же котлы висяху. По вечери же святая княгини Феврониа, ходящи по брегу и видѣвши древца тыя, благослови, рекши: «Да будут сия на утрии древие велико, имущи вѣтви и листвие». Еже и бысть: вставши бо утре, обретоша тыя древца велико древие имуще вѣтви и листвие.

И яко уже хотяху людие их рухло вметати в суды со брега, приидоша же велможа от града Мурома, ркуще: «Господи княже! От всѣх велмож и ото всего града приидохом к тебѣ, да не оставиши нас сирых, но возвратишися на свое отечествие. Мнози бо велможа во градѣ погибоша от меча. Кииждо их хотя державствовати, сами ся изгубиша. А оставшии вси со всѣм народом молят тя, глаголюще: господи княже, аще и прогнѣвахом тя и раздражихом тя, не хотяще, да княгини Феврония господьствует женами нашими, нынѣ же, со всѣми домы своими, раби ваю есмы, и хощем, и любим, и молим, да не оставита нас, раб своих!»

Блаженный же князь Петръ и блаженная княгини Феврония возвратишася во град свой. И бѣху державствующе во градѣ том, ходяще во всѣх заповѣдех и оправданиих господних бес порока, в молбах непрестанных и милостынях и ко всѣм людем, под ихъ властию сущим, аки чадолюбивии отецъ и мати. Бѣста бо ко всѣм любовь равну имуще, не любяще гордости, ни грабления, ни богатества тлѣннаго щадяще, но в богъ богатѣюще. Бѣста бо своему граду истинна пастыря, а не яко наимника. Град бо свой истинною и кротостию, а не яростию правяще. Странныя приемлюще, алчьныя насыщающе, нагия одевающе, бѣдныя от напасти избавляюще.

IV

Егда же приспѣ благочестное преставление ею, умолиша бога, да во един час будет преставление ею. И совѣт сотворше, да будут положена оба вь едином гробѣ, и повелѣша учредити себѣ вь едином камени два гроба, едину токмо преграду имущи межу собою. Сами же вь едино время облекошася

позабыв про свою жену, о чужой помышляешь?» И человек этот, поняв, что она обладает даром прозорливости, не посмел больше предаваться таким мыслям.

Когда приспел вечер, пристали они к берегу и начали устраиваться на ночлег. Блаженный же князь Петр задумался: «Что теперь будет, коль скоро я по своей воле от княженья отказался?» Предивная же Феврония говорит ему: «Не скорби, княже, милостивый бог, творец и заступник всех, не оставит нас в беде!»

На берегу тем временем на ужин князю Петру готовили еду. И повар его обрубил маленькие деревца, чтобы повесить на них котлы. А когда закончился ужин, святая княгиня Феврония, ходившая по берегу и увидевшая обрубки эти, благословила их, сказав: «Да будут они утром большими деревьями с ветвями и листвой». Так и было: встали утром и нашли вместо обрубков большие деревья с ветвями и листвой.

И вот когда люди собрались грузить с берега на суда пожитки, то пришли вельможи из города Мурома, говоря: «Господин наш князь! От всех вельмож и от жителей всего города пришли мы к тебе, не оставь нас, сирот твоих, вернись на свое княжение. Ведь много вельмож погибло в городе от меча. Каждый из них хотел властвовать, и в распре друг друга перебили. И все уцелевшие вместе со всем народом молят тебя: господин наш князь, хотя и прогневали и обидели мы тебя тем, что не захотели, чтобы княгиня Феврония повелевала женами нашими, но теперь, со всеми домочадцами своими, мы рабы ваши и хотим, чтобы были вы, и любим вас, и молим, чтобы не оставили вы нас, рабов своих!»

Блаженный князь Петр и блаженная княгиня Феврония возвратились в город свой. И правили они в городе том, соблюдая все заповеди и наставления господние безупречно, молясь беспрестанно и милостыню творя всем людям, находившимся под их властью, как чадолюбивые отец и мать. Ко всем питали они равную любовь, не любили жестокости и стяжательства, не жалели тленного богатства, но богатели божьим богатством. И были они для своего города истинными пастырями, а не как наемниками. А городом своим управляли со справедливостью и кротостью, а не с яростью. Странников принимали, голодных насыщали, нагих одевали, бедных от напастей избавляли.

IV

Когда приспело время благочестивого преставления их, умолили они бога, чтобы в одно время умереть им. И завещали, чтобы их обоих положили в одну гробницу, и велели сделать из одного камня два гроба, имеющих меж собою тонкую перегородку. В одно время приняли они монашество и облачились

во нишеския ризы. И наречен бысть блаженный князь Петръ во иноческом чину Давидъ, преподобная же Феврония наречена бысть во иноческом чину Еуфросиния.

В то же время проподобная и блаженная Феврония, нареченная Еуфросиниа, во храм пречистыя соборныя церкви своима рукама шияше воздух, на нем же бѣ лики святых. Преподобный же и блаженный князь Петръ, нареченный Давидъ, прислав к ней, глаголя: «О сестро Еуфросиния! Хощу уже отоитти от тѣла, но жду тебе, яко да купно отоидем». Она же отрече: «Пожди, господине, яко дошию воздух во святую церковь». Он же вторицею послав к ней, глаголя: «Уже бо мало пожду тебе». И яко же третицею присла, глаголя: «Уже хощу преставитися и не жду тебе!» Она же остаточное дѣло воздуха того святаго шияше, уже бо единого святаго риз еще не шив, лице же нашив; и преста, и вотче иглу свою в воздух, и превертѣ нитью, ею же шияше. И послав ко блаженному Петру, нареченному Давиду, о преставлении купнѣм. И, помолився, предаста святая своя душа в руцѣ божии месяца июня в два десять пятый день.

По преставлении же ею хотѣста людие, яко да положен будет блаженный князь Петръ внутрь града, у соборныя церкви пречистыя Богородицы, Феврония же внѣ града в женстем манастыри, у церкви Воздвижения честнаго и животворящаго креста, ркуще, яко во мнишестем образѣ неугодно есть положити святых вь едином гробѣ. И учредиша им гроби особны и вложиша телеса их в ня: святаго Петра, нареченнаго Давида, тѣло вложиша во особный гроб и поставиша внутрь града в церкви святыя Богородицы до утриа, святыя же Февронии, нареченныя Еуфросинии, тѣло вложиша во особный гроб и поставиша внѣ града в церкви Воздвижения честнаго и животворящаго креста. Общий же гроб, его же сами повелѣша истесати себѣ вь едином камени, оста тощ в том же храмѣ Пречистыя соборныя церкви, иже внутрь града. На утрии же, вставше, людие обрѣтоша гроби их особныя тщи, в ня же их вложиста. Святая же телеса их обретоста внутрь града в соборней церкви пречистыя Богородицы вь едином гробѣ, его же сами себѣ повелѣша сотворити. Людие же неразумнии, яко же в животѣ о них мятущеся, тако и по честнѣм ею преставлении: паки преложиша я во особныя гробы и паки разнесоша. И паки же на утрии обрѣтошася святии вь едином гробѣ. И к тому не смѣяху прикоснутися святѣм их телесем и положиша я во едином гробѣ, в нем же сами повелѣста, у сооборныя церкви Рождества пресвятыя богородица внутрь града, еже есть дал богъ на просвѣщение и на спасение граду тому: иже бо с вѣрою припищуще к раце мощей ихъ, неоскудно исцеление приемлют.

в иноческие одежды. И назван был в иноческом чину блаженный князь Петр Давидом, а преподобная Феврония в иноческом чину была названа Ефросинией.

В то время, когда преподобная и блаженная Феврония, нареченная Ефросинией, вышивала лики святых на воздухе для соборного храма пречистой Богородицы, преподобный и блаженный князь Петр, нареченный Давидом, послал к ней сказать: «О сестра Ефросиния! Пришло время кончины, но жду тебя, чтобы вместе отойти к богу». Она же ответила: «Подожди, господин, пока дошью воздух во святую церковь». Он во второй раз послал сказать: «Недолго могу ждать тебя». И в третий раз прислал сказать: «Уже умираю и не могу больше ждать!» Она же в это время заканчивала вышивание того святого воздуха: только у одного святого мантию еще не докончила, а лицо уже вышила; и остановилась, и воткнула иглу свою в воздух, и замотала вокруг нее нитку, которой вышивала. И послала сказать блаженному Петру, нареченному Давидом, что умирает вместе с ним. И, помолившись, отдали они оба святые свои души в руки божии в двадцать пятый день месяца июня.

После преставления их решили люди тело блаженного князя Петра похоронить в городе, у соборной церкви пречистой Богородицы, Февронию же похоронить в загородном женском монастыре, у церкви Воздвижения честного и животворящего креста, говоря, что так как они стали иноками, нельзя положить их в один гроб. И сделали им отдельные гробы, в которые положили тела их: тело святого Петра, нареченного Давидом, положили в его гроб и поставили до утра в городской церкви святой Богородицы, а тело святой Февронии, нареченной Ефросинией, положили в ее гроб и поставили в загородной церкви Воздвижения честного и животворящего креста. Общий же их гроб, который они сами повелели высечь себе из одного камня, остался пустым в том же городском соборном храме пречистой Богородицы. Но на другой день утром люди увидели, что отдельные гробы, в которые они их положили, пусты, а святые тела их нашли в городской соборной церкви пречистой Богородицы в общем их гробе, который они велели сделать для себя еще при жизни. Неразумные же люди как при жизни, так и после честного преставления Петра и Февронии пытались разлучить их: опять переложили их в отдельные гробы и снова разъединили. И снова утром оказались святые в едином гробе. И после этого уже не смели трогать их святые тела и погребли их возле городской соборной церкви Рождества святой богородицы, как повелели они сами — в едином гробе, который бог даровал на просвещение и на спасение города того: припадающие с верой к раке с мощами их щедро обретают исцеление.

Мы же по силе нашей да приложим хваление има.

Радуйся, Петре, яко дана ти бысть от бога власть убити летящаго свирѣпаго змия! Радуйся, Февроние, яко в женстей главѣ святых муж мудрость имѣла еси! Радуйся, Петре, яко струпы и язвы на теле своем нося, доблествене скорби претерпѣл еси! Радуйся, Февроние, яко от бога имѣла еси даръ в девьственней юности недуги целити! Радуйся, славный Петре, яко заповѣди ради божия самодержьства волею отступи, еже не остати супруги своея! Радуйся, дивная Февроние, яко твоим благословением во едину нощь малое древие велико возрасте и изнесоша вѣтви и листвие! Радуйтася, честная главо, яко во одержании ваю в смирении, и молитвах, и в милостыни без гордости пожиста; тѣм же и Христосъ дасть вам благодать, яко и по смерти телеса ваю неразлучно во гробѣ лежаще, духом же предстоита владыце Христу! Радуйтася, преподобная и преблаженная, яко и по смерти исцеление с вѣрою к вам приходящим невидимо подаете!

Но молим вы, о преблаженная супруга, да помолитеся о нас, творящих вѣрою память вашу!

Да помянете же и мене прегрѣшнаго, списавшаго сие, елико слышах, невѣдыи, аще инии суть написали, вѣдуще выше мене. Аще убо грѣшен есмь и груб, но на божию благодать и на щедроты его уповая и на ваше моление ко Христу надѣяся, трудихся мыслми. Хотя вы на земли хвалами почтити, и не у хвалы коснухся. Хотѣх вама ради вашего смиреннаго самодержьства и преподобьства по преставлении вашем венца плести, и не уплетения коснухся. Прославлени бо есте и венчани на небесѣх истинными нетлѣнными венцы ото общаго всѣхъ владыки Христа. Ему же подобает со безначалным его Отцем купно и с пресвятымъ, благим и животворящим духом всяка слава, честь и поклонение нынѣ и присно и въ вѣки вѣкомъ. Аминь.

Мы же по силе нашей да воздадим похвалу им.

Радуйся, Петр, ибо дана тебе была от бога сила убить летающего свирепого змея! Радуйся, Феврония, ибо в женской голове твоей мудрость святых мужей заключалась! Радуйся, Петр, ибо, струпья и язвы нося на теле своем, мужественно все мучения претерпел! Радуйся, Феврония, ибо уже в девичестве владела данным тебе от бога даром исцелять недуги! Радуйся, прославленный Петр, ибо, ради заповеди божьей не оставлять супруги своей, добровольно отрекся от власти! Радуйся, дивная Феврония, ибо по твоему благословению за одну ночь маленькие деревца выросли большими и покрытыми ветвями и листьями! Радуйтесь, честные предводители, ибо в княжении своем со смирением, в молитвах, творя милостыню, не возносясь прожили; за это и Христос осенил вас своей благодатью, так что и после смерти тела ваши неразлучно в одной гробнице лежат, а духом предстоите вы перед владыкой Христом! Радуйтесь, преподобные и преблаженные, ибо и после смерти незримо исцеляете тех, кто с верой к вам приходит!

Мы же молим вас, о преблаженные супруги, да помолитесь и о нас, с верою чтущих вашу память!

Помяните же и меня, прегрешного, написавшего все то, что я слышал о вас, не ведая — писали о вас другие, сведущие более меня, или нет. Хотя и грешен я, и невежда, но на божию благодать и на щедроты его уповая и на ваши молитвы к Христу надеясь, работал я над трудом своим. Желая вам на земле хвалу воздать, настоящей хвалы еще и не коснулся. Хотел вам ради вашего кроткого правления и праведной жизни сплести венки похвальные после преставления вашего, но по-настоящему еще и не коснулся этого. Ибо прославлены и увенчаны вы на небесах истинными нетленными венками общим владыкой всех Христом. Ему же подобает вместе с безначальным его Отцом и с пресвятым, благим и животворящим Духом всякая слава, честь и поклонение ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

ПОВЕСТЬ О РЯЗАНСКОМ ЕПИСКОПЕ ВАСИЛИИ

О ГРАДѢ МУРАМѢ И О ЕПИСКОПЬИ ЕГО, КАКО ПРЕИДЕ НА РЯЗАНЬ

Слышах убо нѣкиа глаголющих древняя сказания о градѣ Мурамѣ, яко в прежняя лѣта бысть создан не на том мѣсте, идѣже нынѣ есть, но бѣяше нѣгдѣ в той же области, отстояние же имѣя немало от нынѣшняго града. Сказание же о нем, яко преславен град бяше в Росийстей земли во дни древняя. Многим же лѣтом прешедшим разорися нѣкако и запустѣ, и потом по многих лѣтех пренесен бысть на ино мѣсто вскраи тоя же области и ту поставлен бысть, идѣже и нынѣ есть.

Егда же бысть в Киеве и во всей Русии держава превеликаго князя и святаго равна апостолом Владимира, и внегда ему дѣти своя раздѣлити во одержание градов, предасть сынови своему, рку же святому Борису, в Росийстей земли град Росьтов, и сынови же своему, рку же святому Глѣбу, град Мурам. Ис тѣх градов бысть по Христѣ и страдание ею, и якоже святыня ею познана бысть от вѣрных и прославися во святых церквах. И бѣяху в тѣх градѣх одержания их епископи, и нарицахуся тии епископи домовнии святых страстотерпец Бориса и Глѣба. Потом же два князи от тогова же сродства святаго превеликаго князя Владимира, присная суще себѣ братиа, начаша державствовати: вящешии во градѣ Мурамѣ, мнии же в Рязани.

Нѣ в колика же времена бысть во градѣ Мурамѣ епископъ праведенъ, именем Василие. Сего же добляго житиа не терпя враг, иже древний душам разбойник, нача на нь спону творити, яко да прилична его блудному дѣлу сотворить. И воображаяся в девицу, и показуя себе из храмины епископа

ПОВЕСТЬ О РЯЗАНСКОМ ЕПИСКОПЕ ВАСИЛИИ

О ГОРОДЕ МУРОМЕ И О ЕПИСКОПИИ ЕГО, КАК ПЕРЕШЛА ОНА В РЯЗАНЬ

Слышал я от неких, рассказывавших древние сказания о городе Муроме, что в стародавние времена был он основан не там, где ныне стоит, но находился в ином месте в той же области, на расстоянии от нынешнего города немалом. Сказание же о нем говорит, что был это преславный город в Российской земле в древние времена. По прошествии же многих лет пришел он в разорение и запустение, потом минуло еще много времени и был он перенесен на иное место, на окраину той же области, и поставлен там, где и ныне стоит.

Во времена правления в Киеве и во всей Русской земле превеликого, святого и равноапостольного князя Владимира, когда пришло ему время разделить между детьми своими города — кому каким владеть, то одному из сыновей своих, святому Борису, передал он город в Российской земле Ростов, а другому сыну, святому Глебу,— город Муром. Из этих городов и пошли они на страдание ради Христа, и святость их познана была праведными людьми, и стали прославляться они во святых церквах. И в тех городах, где княжили они, были поставлены епископы, и назывались те епископы местными епископами святых страстотерпцев Бориса и Глеба. Со временем два князя, родные братья, из того же рода святого превеликого князя Владимира начали управлять городами: старший — городом Муромом, младший же — Рязанью.

В некие времена был в городе Муроме епископом праведный Василий. Дьявол же, древний погубитель душ человеческих, не в силах терпеть праведной жизни этого епископа, начал ему вредить так, чтобы представить его блудником. И вот, преображаясь в девицу, показывался он из дома епископа —

овогда во оконце его, иногда же преход творя из храмины его. Видѣвши же се мног народ соблазнися, тако же и велможа. И приидоша кь епископу в домъ, да сея ради вины изгонят ись епископии.

Епископъ же примъ икону образа божиа превѣчнаго младенца и Богородична, на ню же имѣяше надежу о всяцем спасении своем, и пойде из епископии. Проводиша же его до реки, нарицаемыя Оки, и хотяху дати ему отплути судно мало. Сий же, стоя на брезѣ, снем мантию и, простре на воду и вступи на ню, нося божий и богородичный образы, и абие духом бурным несен бысть со образы противу струям, отнюду же река течаше. Повѣдаху же, яко бысть се в третий час дне, и того же дни в девятый час примчан бысть в мѣсто, еже нынѣ зовомо Старая Рязань; ту бо тогда пребываху и князи рязанстии. Князь же рязанский Олег срѣте и со кресты; и тако пребысть мурамская епископья в Рязани; нарицает же ся и по днесь Борисоглѣбская.

По сих же паки прият бысть Мурам от рязанских епископов. Сами же к тому в Мурам не возвратишася и нарицахуся епископи преже рязанстии и потом мурамстии. Егда же посѣщениа ради во град Мурам епископи приход творяху, тогда нарицахуся преже мурамстии и потом рязанстии. Чюдесная же та икона, иже епископа пренесе, и донынѣ в Рязани есть. Он бо вѣрою упова на ню, сия же милостию удиви, хотя явити без порока своего раба, и вь едину шесть часовъ премча вверхъ по рецѣ множае двусот поприщъ.

О пречистая божиа мати, кий языкъ исповѣсть твоя чюдеса или кий смыслъ по достоянию похвалит твоя благодѣяниа, како молиши Сына си со Отцем и со святым Духом о наших согрѣшениихъ! Се бо слыша — не самого зрака твоего, но образа написаннаго каки силы сотвори, ужасает ми ся ум! Хотѣх бо распространити и не свѣм, како написати, понеже оттуду уже многа лѣта преидоша, и аз о сем не добре сведѣ и боюся, да не явлюся о сем глаголяи ложь. Яко же слышах, тако и написах; аще же нѣчто и не до конца сведѣ написах, но имѣя в помощь исправляющу владычицу всѣх — богоматерь. Ея же достоит всему християнству без престани молити, да избавит ны от навѣт вражиих всегда, нынѣ и присно и в вѣки вѣком. Аминь.

то выглядывал в окно, то выходил из епископского дома. Видя такое, многие жители города и городские вельможи впали в обман — поверили этому. И вот пришли в дом епископа, чтобы ради вины такой прогнать его из епископии.

Тогда епископ взял икону с изображением предвечного младенца Христа с богородицей,— на икону же эту имел он великую надежду о спасении своем,— и пошел с епископского двора. Его проводили до реки Оки и хотели дать ему небольшую ладью, чтобы он мог уплыть. Он же, стоя на берегу, снял мантию и, разостлав ее по воде, встал на нее, держа в руках образ с Христом и богородицей, и сразу же бурным порывом ветра понесло его против течения, вверх по реке. Рассказывают, что случилось это на третьем часу дня, а в девятом часу того же дня примчало его в то место, которое ныне зовется Старой Рязанью, тогда ведь здесь жили рязанские князья. Князь же рязанский Олег встретил его с крестами; так и перешла в Рязань муромская епископия; и до сих пор называется она Борисоглебской.

После этого Муром стал входить в епархию рязанских епископов. И епископы с тех пор в Муром больше не возвратились и стали именоваться епископами, на первом месте — рязанскими, а на втором — муромскими. Когда же епископы посещали город Муром, то именовались на первом месте — муромскими, а на втором — рязанскими. Чудесная же та икона, которая епископа Василия перенесла, и доныне находится в Рязани. Он с верою уповал на нее, она же милостью своей прославила его, желая показать беспорочность своего раба, и всего за шесть часов домчала его вверх по реке на расстояние, большее двухсот поприщ.

О пречистая божия мать, какой язык расскажет о твоих чудесах или какой ум по достоинству восхвалит твои благодеяния, когда ты молишь Сына с Отцом и со святым Духом о наших согрешениях! Слыша о том, что не ты сама, а написанный образ твой такие чудеса свершил, поражаюсь я в уме своем! Хотел бы подробнее о всем рассказать, но не знаю, что писать, ибо с тех пор прошло много лет, и многое мне осталось неизвестным, и я боюсь, чтобы, рассказывая об этом, не оказаться мне лжецом. Как слышал, так и написал; если же о чем-то, и не до конца разузнав, написал, то уповаю на милостивую помощь владычицы всех — богоматери. Ее же следует всем христианам молить, чтобы избавила нас от наветов вражьих всегда, ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

ПРАВИТЕЛЬНИЦА

АЩЕ ВОСХОТЯТ ЦАРЕМ ПРАВИТЕЛНИЦА И ЗЕМЛЕМѢРИЕ

Премудрость Соломоня глаголеть: «Слышите убо, царие, и разумѣйте, и навыкните, судиа концем земли, внушите, держащии множества и гордящеся о народех языческих, яко дася от господа держава вам и сила от вышняго». Аще же убо вѣрных царь в нынешнее время испытоваем, во всѣх языцех кромѣ русийскаго языка не вѣмы правовѣрствующа царя. Аще же убо вѣрою прав есть, достоит ему нелѣностно снискати, разсмотряя, яже к благополучению всѣм сущим под ним, не едиными велможи еже о управлении пещись, но и до послѣдних. Велможа бо суть потребни, но ни от коих же своих трудов доволствующе. В начале же всего потребни суть ратаеве; от их бо трудов есть хлѣб, от сего же всѣх благих главизна — богови в службу безкровная жертва хлѣб приносится и в тѣло Христово претворяется. Потом же и вся земля от царя и до простых людей тѣх труды питаема. Сии же всегда в волнениих скорбных пребывающе, еже не единаго ярма тяготу всегда носяще. Подобно бы убо в лѣте един тяжателный ярем носити сим, яко бы всяка тварь — и птицы, и звѣрие, и скоти — единою лѣтом изнемогают линством. Ратаеве же безпрестани различныя работныя ига подъемлют: овогда бо оброки дающе сребром, овогда же ямская собраниа, овогда же ина. Елицы, иже от даропитателных сих ради царских собраний к ним послани бывают, и си убо подлѣ царскаго уставлениа и себѣ с них многа збирают, еще же сих ради посланий, яжьдения ради коней, вь ямская расточения много сребра разходящеся. Многа же и ина ратаем обида от сего, еже царския землемѣрителнии писарие яздяху сь южем дѣлом мѣрном, отдѣляюще царевым воином землю,

ПРАВИТЕЛЬНИЦА

НАСТАВЛЕНИЕ В ЗЕМЛЕМЕРИИ ЦАРЯМ ЕСЛИ ИМ УГОДНО

Гласит Соломонова премудрость: «Услышьте, цари, и поймите, научитесь, судьи земных пределов, внемлите, управляющие множеством и кичащиеся толпами народов, что от господа дана вам власть и сила от вышнего». Если же поищем мы теперь благоверного царя, ни у одного народа, кроме русского народа, не увидим царя православного. И уж если справедлив он по вере, то стоит ему без устали стараться, принимая во внимание то, что к благополучию подданных, заботиться в делах управления не только о вельможах, но и о самых последних. Необходимы вельможи, но вовсе не трудом своим снабжаются они. Необходимы прежде всего земледельцы: от их трудов хлеб, а от него начало всех благ — хлеб на литургии в бескровную жертву приносится богу и в тело Христово обращается. И вся земля потом от царя и до простых людей питается от их трудов. А они всегда пребывают в скорбных волнениях, ибо всегда несут тяжесть не одного бремени. Следовало бы им одно тяглое бремя нести в году, как и всякое животное — и птицы, и звери, и скоты — однажды в год мучается линькой. А земледельцы постоянно поднимают гнет разных работ: то платя оброк деньгами, то ямские поборы, то еще какие. Те, кто из дармоедов направлены бывают к ним за царскими поборами, и те еще много себе с них берут, кроме назначенного для царя, да из-за этих направлений, из-за корма лошадям, ямских издержек много к тому же расходуется денег. Много и других обид земледельцам от того, что царские писари-землемеры ездили с землемерной цепью, наделяя царских воинов землей

и мѣру земли вразнь всяку четверть полагающе, и сим много медляще, изъядаху много брашна у ратаев.

И многа убо царства прочтохом, и сего обычая не видѣхом. Видѣхом же се: егда бѣ Иосиф вь Египте, строяше все Фараона-царя бытие, и во время гладу предержа неизглаголанное множество пшениц. От его же руку египтяня вси взимающе пшеница, сокровища своя вся издаяху ему, и уже никому же не имѣющу, что дати, и Иосиф даяше им пшеницу и таку дань возлагаше на них, яко егда приидет жатва, да приимет кождо жит своих четыре части, пятая же часть жит их да будет царю Фараону. И емляше у жнущих жита пятую часть, кромѣ же сего ничесо же не имаше. И после же сего, во всѣх языцех кийждо человекъ своему цареви или властелем воздает урок от приплодов своея земля: идѣже бо ражается злато и сребро, ту и воздают злато и сребро, а идѣже плодятся множество великих скот, ту и воздают скоти, а идѣже плодятся звѣрие, ту и воздают звѣрие. Здѣ же в Русийстей земли ни злато, ни сребро не ражается, ни велицыи скоти, но благоволением божиим всего дражайши ражаются жита на прекормление человеком. Достоит убо и дань у ратаев царем и велможам всѣм имати от жит притяжаниа их пятая часть, яко же Иосиф вь Египте учреди. Иосиф бо, пишется, продан бысть в Египет на тридесять сребреник во образ господень. Како же правовѣрным царем и велможам их не достоит сему ревновати, еже в своих селех и весех имати от притяжаниа жит у ратаев житом пятую чясть, кромѣ же сего ничесо же, злата же и сребра ратаеве недоумѣюще, откуду притяжати? Аще же гладни лѣта, тогда убо мнози мучими суть, их же и видѣхом. Како бо о сем мучению достойни, яко лѣто мала притяжаниа сподоблыше? Ратаеве же мучими сребра ради, еже в царску взимается власть и дается в раздаяние велможам и воином на богатество, а не нужда ради. Нужда бо ради кийждо от велмож своя ратая имут и сими доволни будут, пятую часть у коегождо ратая приемлюще и цареви от сего служаще. Их же ратаем ничто же инаго никому же не достоит подаяти, ни ямскаго собраниа своих ради велмож или воиновъ.

Ямская бо правлениа вся подробну достоит устраяти от града по расписанию и до другаго града. Сим, елицыи во градѣх купующе и продающе и прикупы богатѣюще, достоит сим сий ярем межу всѣх градов носити, понеже суть стяжатели многа прибытка. Кромѣ же сего ярму ничесом же никиих улишений да не сподобятся, но во вся грады безо всяких воздаяний купующе и продающе, и сего ради нарицаемая ямская правлениа от града до града по написанию исправляти сим достоит. Се убо всякого мятежа в земных умалится: писарем умаление, зборы престанут, мзды неправедныя отлучатся.

и всякую четверть полагая по отдельности мерой земли, сильно этим затягивая, проедали много съестного у земледельцев. О многих царствах мы читали, но такого обыкновения не видели. А видели вот что: когда Иосиф был в Египте, ведя хозяйство Фараона-царя, то во время голода придержал несказанное множество пшеницы. Принимая из рук его пшеницу, египтяне отдали ему все свои сокровища, а когда не осталось ни у кого что дать, то давал им Иосиф пшеницу и возложил на них такую дань, чтобы, когда будет урожай, каждый взял себе четыре части своего хлеба, а пятая часть их хлеба пошла Фараону-царю. И брал он у жнущих пятую часть урожая, но сверх этого ничего не брал. И, наконец, у всех народов каждый человек отдает своему царю или владыкам часть плодов своей земли: где родится золото и серебро, там золото и серебро и дают, а где во множестве плодится многочисленный скот, там скот и дают, а где водятся дикие звери, там зверей и дают. Здесь же в Русской земле не родится ни золото, ни серебро, ни многочисленный скот, но божьим благословением лучше всего родится хлеб на пропитание людям. Так и нужно, чтобы цари и вельможи в дань с земледельцев брали пятую часть от их хлеба, как положил Иосиф в Египте. Ведь написано, что Иосиф как прообраз господа продан был в Египет за тридцать серебреников. Разве же не стоит подражать этому православным царям и вельможам, чтобы в селах своих и деревнях брать с земледельцев от собственного их хлеба пятую часть хлебом же, а сверх того ничего, поскольку невдомек земледельцам, где приобрести золото и серебро? Если же голодные годы, тогда многих мучают, как мы знаем. Разве же заслужили они муку за то, что год доставил малый прибыток? Земледельцев мучают из-за денег, которые поступают в царское распоряжение и даются на раздачу для обогащения вельможам и воинам, а не для необходимости. Для необходимости каждый из вельмож пусть имеет своих земледельцев и довольствуется ими, взимая пятую часть с каждого земледельца и исполняя за это царскую службу. И их земледельцы ради своих вельмож или воинов не должны ничего никому давать, как и ямского сбора.

Нужно тщательно наладить все ямское устройство по росписи от одного города до другого. Те, кто покупает и продает в городах и богатеет от прибыли, те должны взять на себя бремя связей между городами, потому что они собиратели больших доходов. Кроме же этого бремени, пусть не подвергаются они другим повинностям, но, безо всяких пошлин ведя куплю и продажу по городам, пусть поэтому обеспечивают так называемое ямское устройство по росписи от города до города. Так и уменьшится в областях всякое недовольство: уменьшится писарей, отменятся поборы, прекратятся бесчестные прибытки,

А еже землмѣрителнии писарие четвертию мѣряюще и ратаем многу скорбь ото объяданиа приносяще, о сем убо тако достоит разумѣти: скорости ради мѣрныя и вражды и тяжеб межных мѣряти достоит и отделяти поприщми. Вѣмы бо, яко четверогранное поприще и в долготу и въпреки по обѣма концема 1000 сажен мужескъ имат в себѣ ржаных сѣмен в сѣяниа осмь сот тридесят три четверти с третию, в три же поля раздѣлениа ради житнаго поприще таково наричется 278 четвертей без полуосмины в поле, а в дву полех — по толицѣй же мѣре.

Се убо поприще удоб ест дати за 250 четвертей в поле и в дву тако же, понеже 28 четвертей без полуосмин излишняго к коемуждо полю за сено и за лес достоит дати. Излишняя же та, аще будет земли чисты, се и лѣпши есть: с сего бо приим хлѣб и продав, и купует сѣно и лѣс. И тою мѣрою землемѣрителнии писарие скорѣе поспѣет четвертныя мѣры в десятеро: киими денми нынѣ град описовати, тѣми денми возмогут десят град описоватися, понеже четвертинная мѣра — в частости мешкано, сия же поприщми вдруг все около оградит. Сего ради и о землях тяжа не имат быти: аще бо кто хощет прекривити, и убо мѣра его обличит, яко излишняя чюжая восхити; и у коего же отъято, тако же мѣра обличит, яко обиден есть.

Тако убо удобно есть царем повелевати землемѣрие учрежати поприщми, а не четвертми. Аще убо сам царь во всѣх своих градѣх елико восхощет себѣ поприщ своея ради потребы прияти, и аще гдѣ будет в долготу и в преки четверогранно по обѣма концема десять поприщъ, ту есть по сему счетованию 25 000 четвертей в поле, а в дву полех по толицѣй же мѣре, да кромѣ того за сено и за лес 2775 четвертей в поле, а в дву полех по толицѣй же мѣре, и повелитъ на себе житных плодов на лѣто пятую часть отделити, а богъ дастъ аще в земли родит зерно пять зерен, и вь едином градѣ будет его ржы 25 000 четвертей, а яри вдвое того. Аще убо во 100 градѣх поселику, и вь едино лѣто будет ржи 2000 тысящ и 500000 четвертей ржи, да яри того вдвое. Есть бо что из сего и продаяти на собрание сребра, а ни един ратай не будет слезен и мучен в недостатцѣх, еже имати у них з земли хлѣб, с лесов же звѣрие и мед, с рѣк же рыбы и боброве. Аще ли же гдѣ лѣс вполится, удобно есть медвеннии и звѣриныя уроки отставляти, понеже уже хлѣбом дадут с того пятую часть.

Такожде же убо достоит и боляром и воином даяти поприщми, а не четвертми, комуждо по его достоинству. Аще убо есть от боляръ совершенне, кому 1000 четвертей достоит прияти,

А что писари-землемеры меряют четвертями и земледельцев объедают и великую скорбь им причиняют, об этом вот что нужно знать: ради быстроты в землемерии, из-за межевых тяжеб и вражды, нужно мерить и наделять в поприщах. Мы имеем в виду, что квадратное поприще — в длину и в ширину по обеим сторонам в тысячу саженей мужских — нуждается для своего засева в восьмистах тридцати трех четвертях с третью ржаных семян, при трехпольном севоразделе таким поприщем назовется поле в двести семьдесят восемь четвертей без полуосьмины, по этой же мере — и два поля.

Это вот поприще удобно дать за поле в двести пятьдесят четвертей или два таких же, поскольку излишек в двадцать восемь четвертей без полуосьмины следует прибавить к каждому полю вместо сенокосных и лесных угодий. Если земли будут чистые, это и лучше, что такой излишек: сняв с него хлеб и продав, купят и сено, и лес. С такой мерой писари-землемеры вдесятеро быстрее управятся, чем с четвертинной мерой: за те дни, что теперь один город обмеряют, за те же дни смогут десять городов обмерить, потому что четвертинная мера — задержка в скорости, а поприщами сразу все вокруг обмерят. Потому не будет и тяжб о землях: если кто захочет покривить, то обличит его мера, что захватил лишнее и чужое; у кого же будет отнято, мера также обличит, что он обижен.

Так что уместно, чтобы повелели цари учредить обмер земель поприщами, а не четвертями. Если же сам царь во всех городах своих для своих потребностей захочет взять себе сколько-то поприщ и если окажется где в длину и ширину с обеих сторон квадрата по десять поприщ, то и будет по этому счету поле в двадцать пять тысяч четвертей или же два поля такого размера, а кроме того, поле в две тысячи семьсот семьдесят пять четвертей за сено и лес или же два поля такого размера, тогда велит он ежегодно пятую часть хлебного приплода отделять себе, и если даст бог и родится в земле из зерна пять зерен, то в одном только городе окажется у него двадцать пять тысяч четвертей ржи, а ярового вдвое больше. И если в ста городах будет постольку, то за один год ржи будет два миллиона пятьсот тысяч четвертей, а ярового вдвое больше. Будет из этого и что продать для скопления денег, и ни один земледелец не будет в слезах и мучениях из-за недоимок, как бывает, когда с земли берут хлеб, с леса зверей и мед, с рек рыбу и бобров. Если же в наделе будет лес, нужно отменить налог медом и зверьми, потому что дадут за это пятую часть хлебом.

Точно так и боярам и воинам нужно давать каждому по его положению поприщами, а не четвертями. Если кто боярского достоинства и заслуживает получить тысячу четвертей,

сему убо в долготу два поприща и в преки два поприща, четверогранно по обьма концема, удобь есть дати по сему счетованию за тысящу четвертий в поле, а в дву полех по толицѣй же мѣре кромѣ *того,* еже ему будет за сѣно и за лѣс по 111 четвертей в поле. Аще же мнии сего, кому от воевод достоит 750 четвертей прияти, сему убо в долготу два поприща, а в преки полтора поприща по обьма концема удобь есть дати по сему счетованию за 750 четвертей в поле, а в дву полех по толицѣй же мѣре кромѣ того, еже ему будет за сѣно и за лес по 83 четверти в поле. Аще ли же кому от воин достоит прияти 500 четвертей, сему убо в долготу два поприща, а в преки едино поприще по обьма концема удобь есть дати по сему счетованию за 500 четвертей в поле, а в дву полех по толицѣй же мѣре кромѣ того, еже ему будет за сѣно и за лес, по 55 четвертей с осминою в поле. Аще ли же кому достоит прияти 400 без два десяти и пяти четвертей, сему убо в долготу полтора поприща, а в преки едино поприще по обьма концема удобь есть дати по сему счетованию за 400 без 25 четверти в поле, а в дву полех по толицѣй же мѣре кромѣ того, еже ему будет за сѣно и за лѣс по 41 четверти с осминою в поле. Аще ли же кому достоит прияти пол — 300 четвертей, сему убо в долготу и в преки четверогранно поприще по обьма концема удобь есть дати по сему счетованию за пол — 300 четвертей в поле, а в дву полех по толицѣй же мѣре кромѣ того, еже ему будет за сѣно и за лес по 28 четвертей без полуосмины в поле. Аще же кому достоит прияти 125 четвертей, сему убо поприще в долготу, и в преки полпоприща по обьма концема удобь есть дати по сему счетованию за 125 четвертей в поле, а в дву полех по толицѣй же мѣре кромѣ того, еже ему будет за сѣно и за лѣс по 14 четвертей в поле. Аще же будет гдѣ поприще по поприщу землею неравно, есть бо тако и людие: суть вь едином удобствии, сирѣчь равенствѣ, имут же нѣкая отстояния, межю себе суще неравна, по человеку убо разсмотряяи, и поприща раздѣляет лучешим лучешая.

Приемляй же землю болярин или воевода или воин имат своих ратаев довολство по своему достоинству. Аще убо пятую часть жит взимая, и сѣмен же убо не вдает ратаем. Аще же благоволит богъ, в земли едино зерно родит пять, и комуждо убо вдано есть поприще едино, сий с того возмет у своих ратаев пятыя части пол — 300 четвертей ржи, да яри того вдвое, и сим убо доволен будет.

Не достоит бо никому же боляром, и воеводам, и воином, своя ратаи имуще, со инѣх же сребро имати. Аще бо кто предо инѣми воины и велик есть, то по достоянию его болши есть земли дано ему, и тако ратаев своих предо инѣми воины болши стяжет, оваго вдвое, а инаго втрое, инѣх же вседмеро

тому нужно дать по этому счету за тысячу четвертей квадратное поле в длину два поприща и поперек два поприща с обеих сторон или же два поля такого размера кроме того, что за сено и лес будет ему поле в сто одиннадцать четвертей. Если же кто из воевод, кто поменьше, заслуживает получить семьсот пятьдесят четвертей, тому нужно дать по этому счету за семьсот пятьдесят четвертей поле длиною два поприща и поперек полтора поприща с обеих сторон или же два поля такого размера кроме того, что за сено и лес будет ему поле в восемьдесят три четверти. Если же кто из воинов заслуживает получить пятьсот четвертей, тому нужно дать по этому счету за пятьсот четвертей поле длиною два поприща и поперек одно поприще с обеих сторон или же два поля такого размера кроме того, что за сено и лес будет ему поле в пятьдесят пять четвертей с осьминою. Если же кто заслуживает получить четыреста без двадцати пяти четвертей, тому нужно дать по этому счету за четыреста без двадцати пяти четвертей поле длиною полтора поприща и поперек одно поприще с обеих сторон или же два поля такого размера кроме того, что за сено и лес будет ему поле в сорок одну четверть с осьминой. Если же кто заслуживает получить двести пятьдесят четвертей, тому нужно дать по этому счету за двести пятьдесят четвертей квадратное поле поприще в длину и поперек с обеих сторон или же два поля такого размера кроме того, что за сено и лес будет ему поле в двадцать восемь четвертей без полуосьмины. Если же кто заслуживает получить сто двадцать пять четвертей, тому нужно дать по этому счету за сто двадцать пять четвертей поле длиною поприще и поперек полпоприща с обеих сторон или же два поля такого размера кроме того, что за сено и лес будет ему поле в четырнадцать четвертей. Если же будет где поприще поприщу неравно землею, такое есть и среди людей: бывают одного достоинства, то есть равные, или же имеют некоторые отличия, оказываясь неравны друг другу, так что оценивай по человеку, чтобы лучших наделять лучшими поприщами.

Боярин, воевода или воин, имеющий землю, по своему достоинству имеет достаточно и своих земледельцев. Взимающий пятую часть урожая уже не дает земледельцам семян. Если благоволит бог и одно зерно родит в земле пять, то тот, кому дано одно поприще, получит с него от своих земледельцев в качестве пятой части двести пятьдесят четвертей ржи, а ярового вдвое больше, и этого будет ему достаточно.

Не следует никому из бояр, воевод или воинов, имеющих своих земледельцев, с других собирать деньги. Ведь если кто велик перед другими воинами, то по своему достоинству получает больше земли, так что и земледельцев приобретает больше, чем другой, вдвое или же втрое, или же всемеро

и воосмеро. Сей тако велик есть, аще и воеводствовати удобен, но неудобь же есть ему предо инѣми воины яко государем быти. Се бо есть излишнее и богатество и гордость, еже с своих ратаев удобная довольствиа взимая, к сему же и с чюжих сребро взимати. Аще же убо кому на потребу удобно будет сребро, имат кийждо излишняя жита своя и си продая градцким жителем и елицы и хлѣб купуют, сим на свою потребу сребро притяжет. Како бо у ратаев сребра хотѣти и сего ради их, яко же видим, муками томити? Сии бо сребра не назидаху, но хлѣб назидаху. Сего ради у них хлѣб достоит приимати по Иосифа Прекраснаго уставу пятую часть, тако же и сѣна и дров пятую часть достоит приимати.

Противу же ратным исходити достоит тако. Иже имат царскаго даяниа во одержании земли в долготу и во преки четверогранно поприще, сему подобает быти самому и с ним слузѣ во бронях. А прочим по тому же счетованию. Аще ли же царь восхощет, дабы воинство его противу ратным во един день собиралося, подобно есть ему повелѣти всѣм воином не жити в селех и в весех, но во градѣх, яко да уставленное свое приемлют — хлѣб, и сѣно, и дрова — у ратаев своих, сами же жительствуют во градѣх. Сего ради яко единa царева грамота о воинствѣ приидет к ним, единаго часа вси, слышав, усрамятся друг друга отлучитися, но единомысленно и во единъ день вси грядут на порученную им службу.

Аще ли же сам царь восхощет, дабы ему за всю землю не отвещати, яко же коемуждо человѣку за свой дом? Рече бо господь: «Ему же дано боле, и взищется боле от него, и ему же дано множайше, множайше и просят от него». Глаголет же и апостолъ к галатом, яко блудницы и прелюбодѣйцы и пьяницы царствиа божиа не наслѣдят. Здѣ же видим, яко во градѣ, нарицаемем Пскове, и во всѣх градѣх русийских — корчемницы. В корчемницах бо пьяницы без блудниц никако же бывают. Аще же не будут изведени корчемница — си есть вѣдомо, еже есть и пьянство и блуд хластым и прелюбодѣйство женатым,— отвѣт же будет о сем иже сим богатѣющим.

Но, господи, умилосердися, даждь цареви нашему в разумѣние, еже сиа извести и не едино се, но и всяко пьянственное питие. Аще убо в земли нашей не будет пьянства, не будет и мужатицам блуда, не будет и душегубства, кромѣ разбою. Разбой бо аще и умыслит кто злодѣй, и овогда получит, овогда же презорства ради и не получит. Сия же напасть не мысля погубляет и презорства не помнит. Аще бо в земных обычаех снидутся ко пьянственому питию мужи и жены, приидут же ту нѣцыи кощунницы, имуще гусли и скрыпѣли, и сопѣли, и бубны, и иная бесовскиа игры, и пред мужатицами сиа играюще, бесяся и скача и скверныя пѣсни припѣвая. Сия же жена уже сидяше от пьянства яко обуморена,

и восьмеро. Пусть он так велик, что достоин быть воеводой, но не следует все же ему быть чуть ли не государем рядом с другими воинами. В этом излишнее богатство и гордыня, чтобы, собирая со своих земледельцев достаточный доход, к тому же и с чужих взимать деньги. Ведь если кому нужны деньги на расходы, то имеет он у себя излишек хлеба, продав который городским жителям и тем, кто покупает хлеб, добудет деньги на свои потребности. Как можно хотеть от земледельцев денег и ради этого подвергать их мукам, как нам случается видеть? Они ведь деньги не создали, но хлеб создали. Поэтому нужно брать с них хлеба по правилу Иосифа Прекрасного пятую часть, также нужно брать пятую часть сена и дров.

А на ополчение нужно так являться. Кто имеет царскую дачу на пользование землей в длину и поперек квадратное поприще, тот должен явиться со слугой в полном вооружении. И другим по такому же расчету. Если же царь пожелает, чтоб его войско собралось на ополчение за один день, должен он велеть всем воинам жить не в селах и деревнях, но в городах, чтобы положенное им — хлеб, сено и дрова — получали от своих земледельцев, а сами жили в городах. Поэтому как только поступит к ним царская грамота о военных сборах, тотчас все, узнав, постыдятся друг от друга отстать, но единодушно за один день явятся на назначенную им службу.

Разве же захочет сам царь, чтоб не отвечать ему за всю землю, как всякому человеку за свой дом? Ведь сказал господь: «Кому больше дано, с того больше и взыщется, а кому дано особенно много, с того особенно много и спросят». И апостол говорит галатам, что блудники и прелюбодеи и пьяницы не удостоятся царства божия. Мы же тут видим, что в городе по названию Псков и во всех городах русских — корчмы. А пьяницы в корчмах без блудниц никогда не бывают. Если же не будут уничтожены корчмы, а это есть, как известно, пьянство, распутство холостых, прелюбодеяния женатых, отвечать за это будут те, кто обогащается на этом.

Но смилуйся, господи, и вразуми нашего царя уничтожить это, и не только это, но и всякое хмельное питье. Ведь если в земле нашей не будет пьянства, не будут блудить замужние, не будет и убийств, помимо разбоя. Но если какой злодей и замыслит разбойное дело, один раз исполнит, другой раз из осторожности не исполнит. А эта напасть губит не желая и осторожности не знает. Как сойдутся по нашему обычаю на хмельное питье мужчины и женщины, тут же приходят скоморохи, берут гусли и скрипки, и дудки, и бубны, и другие бесовские инструменты, играют на них перед замужними женщинами, бесятся, прыгают, поют непристойные песни. А жена эта уже сидит от хмеля как в обмороке,

крѣпость бо трезвеная изсяче, и бысть ей желѣние сатанинскому игранию, мужеви же ея такоже ослабѣвшу и на иныя жены умом разслабѣвшу, и бывши сѣмо и овамо очима соглядание и помизание и кийждо муж чюжей женѣ питие даяше с лобзанием, и ту будуще и рукам приятие и рѣчем злотайным сплетение и связь дияволь. Преже бо убо единаго искуса жена срам имат, егда же во искусѣ, уже к тому сраму не имат, обыкши в том, блудница бывает. Первое бо всякой блуднице навѣт дьяволь бывает в бесѣдах пьянственых.

Душегубство же такоже во пьянствѣ. Преже бо пришед в пиршество, восхощет всяк сидѣти в высочайшем мѣсте, и егда не получит, и трезвъ молчит, но возненавидит брата своего, в честнѣ мѣсте пред собою сѣдяща, и преже положит на нь в сердцы си гнѣв. И яко от пьянства изступлен ума бывает, учнет мыслити срамотити и, меща на нь злыя рѣчи, и аще сей претерпит, он же паки з досажением. И той убо такоже от пьянства не умолчит, и бывает брань, и потом един единаго ножем закалает. Гдѣ бо есть слышано инако ножеваго убийства, яко еже во пьянственных бесѣдах и играх, паче же о праздницѣх, елицы пьянством празднуют? Сиа бо двѣ радости бесовскиа: мужатицам начинание блуда и душегубство от пьянственых бесѣд.

Аще же кто любяи пьянство и сиа блядословит, аще не будет хмелю, то опрѣсноцы служити,— таковый себѣ помогает, абы всегда ему кваситися хмелем. Тѣсту же квас есть не от хмелю, но от дрождий всяких, а цыи и безхмелни суть, яко бо о служебнем хлѣбе Писание сего не глаголет, еже бы преквасно, но дабы квасено.

Святым бо апостолом Петром Марко евангелист поставлен бысть во Александрѣи епископом, и от Марка и поднесь александрѣйстии патриарси паствою не бѣша опустѣли николи же, но, друг по друзѣ приемлюще, служаху квасеным хлѣбом от виноградных дрождий: тамо бо нѣсть хмелю, но может тѣсто кваситися и безхмельными дрождиями. Аще же богъ благоволит, благочестивому цареви достоит по всѣм градом русийским к правителем наказати, абы строениа хмелеваго заповѣдовали строити, сим бо душегубству, и блуду, и пьянству упражнение. Еще же душегубства ради да заповѣдавают во всѣх странах ковачем, абы ножеве ковали притупо без концев, и от сего бо душегубству упражнение, цареви же за се отдание согрѣшением и воздание будущих некончаемых благ от господа бога и спаса нашего Исуса Христа в вѣки вѣком, аминь.

трезвая твердость пропадает, и приходит ей охота к сатанинской игре, так же притом и муж ее распустился и за другими женщинами в мечтах пустился, и взгляды туда и сюда устремляются, и каждый муж чужой жене питье подносит с поцелуем, и тут случается прикосновенье руками и сплетение речей потаенных и дьявольские связи. Ведь женщина испытывает стыд, прежде чем однажды не вкусит, когда же вкусит, больше уже не знает стыда и, привыкнув к этому, становится блудницей. Всякой блуднице впервые дьявольское искушение случается на пьяных сборищах.

И смертоубийство тоже в опьянении. Придя на пир, всякий хочет прежде всего занять почетное место, и если не выйдет это, то, будучи еще трезвым, молчит, но начинает ненавидеть брата своего, сидящего на более почетном месте, и тут уж затаит гнев на него в своем сердце. А когда в опьяненье уже потеряет разум, начинает злоумышлять и оскорблять того, осыпая злобными словами, и если тот стерпит, этот снова пристает. Но тот в опьяненье тоже не смолчит, тогда случится драка, и один другого ножом заколет. Разве бывает слышно о ножевых убийствах, кроме как в пьяных обществах и игрищах, особенно по праздникам, которые празднуют в пьянстве? Вот две радости дьяволу: в пьяных обществах начало разврата замужним и смертоубийства.

Если же кто из любителей пьянства болтает, что если не будет хмеля, то придется с опресноками служить, такой о себе старается, чтобы самому всегда хмелем заквраситься. Тесто квасится не от хмеля, а от всяких дрожжей, а те бывают и нехмельные, ведь не говорит Писание о хлебе, употребляемом на службе, чтоб он перебродил.

Святой апостол Петр поставил в Александрии епископом евангелиста Марка, а от Марка и до сего дня ничуть не обеднели александрийские патриархи паствою, но, наследуя друг другу, служили хлебом, квашенным виноградными дрожжами: нет в них хмеля, и тесто может кваситься нехмельными дрожжами. Если благоволит бог, следует, чтобы благочестивый царь наказал правителям всех русских городов, чтоб запрещали делать хмельные изделия, от этого упразднится смертоубийство, блуд, пьянство. А еще бы из-за смертоубийств наказать во всех областях кузнецам, чтоб ковали ножи с тупыми концами, и от этого упразднится смертоубийство. Царю же за это простятся грехи и воздадутся в будущем бесконечные блага от господа бога и спасителя нашего Иисуса Христа во веки веков, аминь.

КОММЕНТАРИИ

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

БАН — Библиотека АН СССР, Ленинград
ГБЛ — Государственная библиотека им. В. И. Ленина, Москва
ГИМ — Государственный Исторический музей, Москва
ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
ЦГАДА — Государственный архив древних актов, Москва

ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ, ЦАРЕВИЧЕ ОРДЫНСКОМ

(Стр. 20)

«Повесть о Петре, царевиче ордынском» была написана в Ростовской земле, имевшей в XIV—XV вв. свою богатую литературную среду. Датировка повести колеблется в пределах от середины XIV в. до конца XV в., причем и в том и другом случае время создания ее определяется исторической и политической обстановкой Ростовского княжества, нашедшей отражение в самой повести.

В основу повести положена легенда об ордынце — основателе монастыря или церкви. По мнению М. О. Скрипиля («Повесть о Петре, царевиче ордынском». — В кн.: Русские повести XV—XVI веков. М. — Л., 1958, с. 430—432), этот тип легенды в сложившемся виде начал бытовать на Руси с XV в. При написании второй части «Повести», как полагает М. О. Скрипиль, были использованы летописные записи, ведшиеся при Петровском монастыре.

Литературный талант автора «Повести» проявился прежде всего в том, что он сумел органично объединить названные источники. Последовательность изложения легенды автором «Повести» тесно связана с достоверными фактами из истории Ростовского княжества в пределах от 50-х гг. XIII в. до 20-х гг. XIV в. Следует отметить, что в исторических документах не упоминается ни имя самого Петра, ни его потомков.

Симпатии автора на протяжении всей «Повести» явно на стороне Петра и его рода. Произведение было написано не только для прославления Петровского монастыря и его основателя, но и с целью утвердить права на земельные угодья потомков Петра и монастыря. К ростовским князьям автор «Повести» относится с пренебрежением. Это позволяет считать, что произведение было написано в то время, когда ростовские князья теряли свою власть и авторитет, а Москва все больше и больше овладевала ростовскими землями.

В «Повести» ни разу ни один ростовский князь не назван по имени. По летописям и документальным материалам хорошо известен князь Борис Васильевич, который при епископе Кирилле (после 1237 г.) стал ростовским

князем и скончался в 1278 г.; известны имена его внуков и правнуков, о которых говорится во второй части произведения. Возможно, это тоже своего рода выражение пренебрежительного отношения автора к ростовским князьям. Напротив, ростовским владыкам в «Повести» оказывается большое внимание. Упоминание их имен и позволяет связывать описываемые события с конкретной исторической обстановкой. В произведении также названы по именам внуки и правнуки Петра, однако достоверность этого нельзя проверить. При сопоставлении описываемых в «Повести» взаимоотношений между князьями и потомками Петра с датами жизни упомянутых в «Повести» исторически достоверных лиц легко устанавливаются хронологические несовпадения. Поэтому надо признать, что автор памятника пользовался письменными источниками, повествующими о церковной жизни Ростовской епархии в XIII—XIV вв., и совершенно вольно, не обращаясь к документальным материалам, передавал историю династии ростовских князей.

Наблюдения над содержанием «Повести» позволяют считать, что автор ее был близок к церковной среде, и вполне вероятно, что он был иноком Петровского монастыря. Этот наделенный литературным талантом человек был также и хорошо образован,— он легко и свободно включает в свой текст цитаты и приводит аналогии из книг Священного писания.

Текст «Повести» публикуется по списку: *ГПБ,* Софийское собрание, № 1364, изданному в кн.: Русские повести XV—XVI вв. М. — Л., 1958, с. 98—105; исправления внесены по списку: *ГПБ,* Соловецкое собрание, № 854/964.

Стр. 20. *...царя Берки...* — Хан Золотой Орды в 1255—1266 гг. Берке — внук Чингисхана, третий сын Джучи, брат Батыя. При Берке в 1257 г. была проведена перепись населения на Руси для сбора дани и введена система баскачества: баскаки, чиновники хана, находились с вооруженными отрядами в различных населенных пунктах и ведали сбором дани и учетом населения, следили за исполнением ханских предписаний. От переписи и взимания налогов было освобождено духовенство и монастыри.

Ростовъ. — Ростов Великий, один из древнейших городов Руси, назван в самом начале «Повести временных лет» среди таких городов, как Новгород, Изборск, Полоцк. Расположен на берегу озера Неро (в древних источниках озеро называется Ростовским).

...епископу ростовьскому Кирилу... — Епископом Ростова Кирилл был с 1231 по 1261 г. (В 1261 г. по старости и болезни оставил епископию, умер в 1262 г.) Время епископства Кирилла пришлось на наиболее трагические годы истории Руси — при нем произошло монголо-татарское нашествие и установление монголо-татарского ига. О поездках Кирилла в Орду летописи ничего не сообщают, но, вероятнее всего, ему приходилось там бывать неоднократно: ростовский князь Борис Василькович, на время княжения которого (с начала 40-х гг. XIII в. по 1277 г.) приходится почти весь период епископства Кирилла, очень много раз ездил в Орду.

...дом святыа Богородица — Успенский кафедральный собор Ростова. Был заложен в 1161—1162 гг. Андреем Боголюбским. Это первое каменное сооружение Ростова обвалилось в 1204 г. В 1213 г. было заложено новое

здание Успенского собора, строительство которого завершилось в 1231 г., но и этот собор во время большого пожара 1408 г. разрушился. Здание Успенского собора, сохранившееся до настоящего времени,— постройка XVI в.

...о святѣм Леонтии. — В «Киево-Печерском патерике», в «Послании епископа владимирского Симона к Поликарпу», говорится, что многие монахи — постриженники Печерского монастыря — стали епископами и проповедовали христианство в Русских землях. Первым среди них назван Леонтий, епископ ростовский, и о нем здесь сказано, что «его, после многих мучений, убили неверные» (см.: Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980, с. 483). Однако в «Житии» Леонтия о его мученической кончине ничего не говорится. Согласно «Житию», он, после своей проповеднической деятельности, мирно скончался в Ростове. Сведения «Жития» могут быть и недостоверными: оно было написано значительно позже времени жизни Леонтия, и в основе его лежат легендарные предания. В «Повести о Петре, царевиче ордынском» известия о Леонтии явно заимствованы из «Жития». Леонтий был епископом в Ростове с середины до 70-х годов XI в. Мощи его были открыты в ростовской церкви Иоанна Богослова в 1164 г., в 1230 г. были перенесены в Успенский собор.

Стр. 22. *...древний Аврамъ* — ветхозаветный патриарх Авраам, мифический родоначальник израильских племен.

И утаився всѣх, акы древний Мелхиседекъ... — Мельхиседек — легендарный библейский персонаж. В апокрифических сказаниях о Мельхиседеке рассказывается, что, посланный отцом Мелхилом, царем Палестинской земли, за «волами и овцами» в стадо, чтобы принести их в жертву кумирам, Мельхиседек посмотрел на небо и уверовал в бога «всевышнего». Бежав от гнева отца на Фаворскую гору, Мельхиседек прожил там в одиночестве много лет, молясь богу, и бог нарек его своим иереем «вовеки».

...царю Беркѣ умрьшу... крести сего отрока святый владыка... — На самом деле епископ Кирилл умер на четыре года раньше хана Берке.

...святый владыка Игнатий. — Обязанности ростовского епископа Игнатий начал выполнять в 1261 г., когда заболел Кирилл, а официально был поставлен епископом Ростова в 1262 г., после его смерти; занимал епископскую кафедру по 1288 г. Летописи под 1280 г. сообщают, что «того же лета епископ Игнатий покры церковь Ростовьскую оловом и дно ея мрамором красным» (см.: Московский летописный свод конца XV века. — *ПСРЛ*, т. XXV. М. — Л., 1949, с. 152).

Стр. 24. *Аки древний Еустафий Плакыда.* — Широкой популярностью в Древней Руси пользовалось «Сказание об Евстафии Плакиде» — житие-мартирий. Герой этого произведения, переведенного с греческого еще в эпоху Киевской Руси, воевода времен Траяна (римский император, правивший с 98 по 117 г.), очень богатый, хотя и был язычником, «но украшал себя праведными делами, кормил голодных, поил жаждущих, одевал нагих, помогал бедствующим, освобождал из темниц и вообще стремился помочь всем людям». Во время охоты Евстафия увлек погоней за собой

чудесный олень, который оказался посланцем Иисуса Христа. После этого Евстафий стал христианином. Он и его семья претерпели всевозможные несчастия, и в конце, когда все, казалось, завершилось благополучно, за отказ вернуться в язычество Евстафий, его жена и двое их сыновей были подвергнуты жестоким истязаниям и умерли мученической смертью. «Сказание об Евстафии Плакиде» опубликовано в кн.: Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980, с. 226—245.

Стр. 26. *Призва князя...* — Сказать, какой имеется в виду конкретный ростовский князь, в данном случае весьма трудно. Епископскую кафедру Игнатий занял во время княжения Бориса Васильковича и был при нем епископом в течение пятнадцати лет (до 1277 г.), после смерти Бориса Васильковича в течение одного года в Ростове княжил его брат Глеб Василькович (ум. в 1278 г.). Затем на ростовском столе (некоторое время одновременно) княжили сыновья Бориса Васильковича — Дмитрий Борисович (ум. в 1294 г.) и Константин Борисович (ум. в 1307 г.). Сведения о том, что через несколько дней после смерти епископа Игнатия умер князь, с которым Петр побратался, невозможно соотнести ни с одним из названных выше ростовских князей, так как Игнатий умер в 1288 г.

Стр. 28. *...яко при Ильи бысть: горьсть мукы не оскудѣеть...* — Имеется в виду библейский эпизод. Во время великого голода Илью-пророка по божьему повелению должна была кормить вдова. Придя в Сарепту Сидонскую, Илья попросил у встретившейся ему женщины дать ему напиться воды и накормить его. Эта женщина — вдова — ответила: «У меня ничего нет печеного, а только есть горсть муки в кадке и немного масла в кувшине; и вот я наберу полена два дров, и пойду приготовлю это для себя и для сына моего; съедим это и умрем». На это Илья сказал женщине: «...говорит господь, бог израилев: мука в кадке не истощится, и масло в кувшине не убудет до того дня, когда господь даст дождь на землю...» (Третья Книга Царств, глава 17).

Стр. 30. *И от того дне уставися монастырь сей.* — Ростовский Петровский монастырь, что на Поле, находился на берегу озера Неро в трех верстах к северо-востоку от Ростова. Согласно «Повести», он был основан в XIII в. при епископе Игнатии. Исторические документы о монастыре сохранились только начиная со второй половины XVII в. Известно, что в монастыре в 1684 г. вместо деревянной была выстроена каменная церковь Петра и Павла. Летописи сохранили известие о существовании в Ростове Петровского монастыря еще в начале XIII в.: ростовский епископ Пахомий, умерший в 1216 г., до поставления в епископы (в 1214 г.) был тринадцать лет игуменом Петровского монастыря. По всей видимости, летописные известия относятся к другому Петровскому монастырю, более древнему. В. В. Зверинский (в кн.: Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, т. III. СПб., 1897, с. 125) считает, что второй (древнейший) ростовский Петровский монастырь находился не на восточной, а на западной окраине г. Ростова, недалеко от Спасо-Яковлевского монастыря, на улице Петровской.

Стр. 34. *Ахмыл* — посол золотоордынского хана Узбека. В 1322 г., как сообщают летописи, он с большим воинским отрядом, сопровождая возвращавшегося из Орды московского князя Ивана Даниловича Калиту, пришел на Русь: «...и много зла учиниша Низовским градом, и Ярославль взяша и сожгоша, и много полона безчислено взят» (Никоновская летопись. — *ПСРЛ*, т. X. СПб, 1885, с. 188).

...владыка побеже Прохоръ. — Прохор был епископом ростовским с 1311 по 1328 г.

ПОВЕСТЬ О ЦАРИЦЕ ДИНАРЕ
(Стр. 38)

«Повесть о царице Динаре» была создана, по-видимому, в начале — первой половине XVI в. (в конце XV в. начались дипломатические отношения Московской Руси с Грузией; древнейшие списки «Повести» датируются второй четвертью XVI в.). Исторический прототип царицы Динары — знаменитая грузинская царица Тамара, правившая Грузией в конце XII— начале XIII вв. (1184—1212 гг.). Материалы грузинской летописи «Картлис Цховреба» и народных грузинских преданий, рассказывающие о царице Тамаре, содержат много общего с русской «Повестью о царице Динаре»: Тамара наследовала престол своего отца, Георгия III, еще до замужества; ее царствование прославилось блестящими победами над турками (в Шамхорской битве 1205 г. грузины первые напали на войска оскорбившего царицу алеппского султана Нукардина и разбили его), богатейшими пожертвованиями в христианские храмы, и др. (подробный анализ этих исторических соответствий см. в исследовании: Сперанский М. Н. Повесть о Динаре в русской письменности. — Известия ОРЯС АН СССР, т. XXXI. Л., 1926, с. 43—92). Рассказы о царице Тамаре, принесенные в Московскую Русь грузинскими дипломатами или афонскими монахами (на Афоне находится крупнейший грузинский монастырь — Иверский, где имя царицы Тамары, создавшей могучее грузинское государство, высоко чтилось), контаминировались с известиями о другой грузинской царице — Динаре, утвердившей православие в западной Грузии (X в.). Характер сведений о царице Тамаре (Динаре), обработанных русским книжником в начале — первой половине XVI в., отвечал насущным задачам государственного строительства Московской Руси: они содержали идею сильной царской власти, пекущейся о нуждах государства, идею подчиненности (политической и нравственной) боярства авторитету царицы (царя), христианскую идею божественного промысла и покровительства богородицы Иверии (Грузии) и Русской земле; особенно актуальной — для начала — первой половины XVI в. — была идея борьбы православных государств с «агарянами» (татарами, персами, турками) — восточными народами, угрожавшими государственной независимости Руси и Грузии. Идейная близость легенд о царице Тамаре и политической мысли Московской Руси начала — первой половины XVI в. послужила причиной создания русской повести. Повесть о грузинской

царице Динаре была весьма популярной в официальной культуре Московской Руси второй половины — конца XVI в. Меньшая Золотая палата в Кремлевском дворце была украшена стенной живописью на сюжет этой «Повести» (см.: Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Изд. 3-е. М., 1895, с. 178); в тексте третьей редакции «Казанской истории», созданной в 1592—1617 гг., был использован фрагмент «Повести»: речь Динары к вельможам, содержащая ее призыв «ускорить» на борьбу с персами, вошла в состав речи Ивана Грозного к боярам перед походом на Казань, и др.

«Повесть о царице Динаре» пользовалась большой популярностью в Московской Руси XVI—XVII вв., она включалась и в сборники житийного характера, повествующие о чудесах богородицы, и в сборники исторического и воинского содержания, часто сопровождала текст «Русского хронографа». Известны разные виды текста «Повести», использовавшие традиции житий, воинского повествования и торжественной ораторской прозы. Попытки точного исторического комментирования текста «Повести» вряд ли возможны, так как, во-первых, основой ее сюжета являются легендарные сведения, а во-вторых, московский книжник воспринимал «царство» царевны Динары, победившей грозного персидского царя, наследника самого Навуходоносора, как некую желанную утопическую ситуацию — ситуацию полной победы над агарянами и достижения длительного мира. Характер политической утопии, присущий «Повести», позволил сохраниться в ее тексте утверждениям о «нераздельности» «доныне» Иверского царства и о его полной политической самостоятельности («ниским же обладаеми»).

Текст «Повести» издается по не издававшемуся ранее списку конца XVI в.: *ГПБ*, Соловецкое собрание, № 51/1510, лл. 517 об. — 522, с исправлениями по списку третьей четверти XVI в.: *ГБЛ*, ф. 113, № 627, лл. 58 об. — 66.

Стр. 38. *Александру Мелеку...* — «Александр Мелек» значит «Александр царь»; Мелек (Мелех) — слово восточного (тюркского) происхождения, обозначающее царское достоинство. Правителя с таким титулованием грузинская летопись и народные предания не знают, хотя Александр — имя нескольких древних имеретинских царей; автор «Повести» считает, по-видимому, отцом легендарной Динары Александра I (1413—1442), при котором средневековая Грузия была сильным, объединенным государством.

Царство царици Динары. — Эта фраза — заглавие части «Повести» в той ее разновидности текста, которая читается в рукописях «Хронографа», где изложение исторических событий расположено по «царствам» византийских императоров.

Стр. 40. *И ты како имаши часть въ жребии богоматере?* — По средневековой легенде Грузия (Иверия) досталась — по жребию — для проповеди христианства самой богоматери.

Въспомяните Девору и Гедеона, како побѣдиша множество вои мадиамляны! — Библейская история побед пророчицы Деворы и Гедеона над царем Ханаана и мадианитянами (Книга Судей, IV—VIII) была популярна

в средневековье как образ-символ победы над иноверными, одержанной с помощью небесной силы. Гедеона вспоминала в своей речи царица Тамара накануне Шамхорской битвы; роспись на сюжет победы Гедеона находилась в Золотой палате Кремлевского дворца (1547—1552 гг.).

Стр. 42. *...и азъ иду, девица... и препояшу чресла своя оружиемъ, и возложю броня и шлемъ на женьскую главу, и восприиму копие в девичю длань...* — Близкая параллель к этикетному описанию воинского убранства Динары — идеальной царицы-воительницы — есть в грузинской хороводной песне: «Пришла царица, на голове у нее шлем, в ушах серьги... одета она в кольчугу, под нею — атлас, закована в латы, сидит она на коне песочного цвета с золотым седлом и золотой уздой» (Сперанский, с. 56).

...и поиде самодержателница к Тевризи в Шарбеньский монастырь... — Географические указания «Повести» основаны на вымышленных представлениях: Тевризи — ниже назван «перским градом» (действительно, известен Тебриз — столица южного Азербайджана, входившего в состав Персии), однако царица идет туда молиться в монастырь; в названии монастыря — *Шарбеньский,* — по-видимому, отразились сведения о знаменитом Шатберском монастыре в Сванетии, крупном культурном и общественном центре средневековой Грузии.

...пѣша и необувеныма ногама по острому камению... — По народным грузинским преданиям, царица Тамара, чье блестящее правление послужило исторической основой легенды о царице Динаре, после речи к вельможам, «снявши обувь с ног своих, пошла босыми ногами в церковь Матери Божией в Метекхни» (Сперанский, с. 57).

Стр. 44. *...дамъ, госпоже, в домы твоя...* — Культ богородицы в средневековой Грузии характеризовался обильными пожертвованиями в храмы. Богатства, пожертвованные царицей Тамарой не только храмам Грузии, но и монастырям Афона после ее победы над турками в знаменитой Шамхорской битве (1205 г.), послужившей прообразом победоносной битвы царицы Динары с персами, были так велики, что византийский император Алексей Ангел грабил монахов в Константинополе, разносивших дары грузинской царицы.

...и отъятъ главу его Динара царица... и несе ю въ град Тевриз перский... и взя вся сокровища предних царей... и блюдо, с него же, глаголють, Навходоносоръ царь яде... — О походе царицы Тамары на персидский город Тебриз история умалчивает; *Навходоносоръ* — вавилонский царь Навуходоносор II (604—592 гг. до н. э.), обычно выступал в средневековых исторических представлениях (согласно библейскому тексту) как символ неограниченной царской власти и гордыни; в «Повести» — один из предшественников врага Динары — «перскаго царя». Упоминание о принадлежности блюда самому Навуходоносору увеличивает ценность военной добычи Динары.

Шамахи — Шемаха, город в северном Азербайджане, столица Ширвана (вассальное владение Грузии в XII в.).

Стр. 46. *...и повсегда пречистые заступлениемъ пребывают, никим же обладаеми* (ниже в других списках добавлено: «Дажь до днесь нераздѣлно дръ-

жавьство Иверьское пребывает»). — Последний раз средневековая Грузия была ненадолго объединена в XV в. при сыне Георгия VII Александре I, временно освободившем страну от власти мусульманских соседей. Однако эти указания «Повести» не могут быть использованы для прямой ее датировки, так как время благоденствия Иверии после победы Динары над персами не является историческим фактом: это время утопического благоденствия страны, победившей неверных.

И правяше власть свою 38 лѣт и шесть месяць. — Не исключено, что это обозначение периода спокойного правления Динары возникло в подражание Библии: и Девора, и Гедеон имели — после победы — «сорок лет покоя».

И погребена бысть в Шарбенскомъ монастыри. — Эти сведения также легендарны; место погребения царицы Тамары неизвестно; историческая царица Динара (X в.) была погребена в Имеретии, дипломатические документы середины XVII в. упоминают о реликварии с волосами «Динары-царевны», находящемся в храме села Таткрели (Гамкрели? — Статейный список посольства Никифора Толчанова к имеретинскому царю Александру в октябре 1650 г.).

Глаголет же ся о них, яко быти от рода Давыдова, царя еврѣйскаго... — Легенда о происхождении иверских царей от библейского царя Давида — типичная средневековая легенда о священном происхождении царской власти; она была отражена в византийской историографии, в частности, в известном сочинении Константина Порфирородного «Об управлении империей» (952 г.) и в титуловании грузинских царей.

ПОВЕСТЬ О СТАРЦЕ, ПРОСИВШЕМ ЦАРСКУЮ ДОЧЬ СЕБЕ В ЖЕНЫ

(Стр. 48)

«Повесть о старце...» — оригинальное русское сочинение, по-видимому, второй половины — конца XV в., использовавшее популярный — и древний — мотив мировой литературы о заключенном и освобожденном бесе. Этот мотив встречается в индийских сказках о Викрамадитье, монгольских сказках, в западноевропейских легендах о Виргилии и Парацельсе; русскому читателю XV в. он был хорошо знаком из пересказов легенд о царе Соломоне и из повестей «Скитского патерика», он отразился также в византийских житиях святых Марины, Конона Исаврийского, вошел в русские повести об Авраамии Ростовском, Иоанне Новгородском и др. Дидактическое задание «Повести»-притчи — подтвердить сюжетным рассказом истинность евангельского текста («проверяются» строки Евангелия от Матфея, 7, 7) — сближает «Повесть» с патериковым повествованием, однако сюжет религиозной легенды испытал в русской повести сильное влияние сказки: здесь появляется дополнительный сказочный мотив испытания жениха — посылки его за драгоценным самоцветом и мотив состязания героев в мудрости (старец, вновь заключая беса в сосуд,

прибегает к хитрости и обману, подобно героям легенд о Виргилии и Парацельсе). Фольклорные связи «Повести» проявляются и в художественной разработке мотивов: в описании добывания драгоценного камня (он извлекается со дна моря) и раздумий царя (только «наутрие» обещает он дать ответ старцу) и в композиции — в троичности испытания героев (испытывается мудрость и аскетизм старца, благочестие и смирение царя, хитрость беса, оказавшаяся легко преодолимой). В многочисленных последующих переделках «Повести» (XVI и XVII вв.) в ее содержании усиливается назидательный дидактический элемент, безымянные герои получают имена, и памятник ранней русской беллетристики, полуфольклорный в своей основе, приобретает черты псевдоисторической «душеполезной» повести.

Текст «Повести» издается по древнейшему списку первой трети XVI в. — *ГПБ,* Софийское собрание, № 1478, лл. 161—164 об.

ПОВЕСТЬ О ЛУКЕ КОЛОЧСКОМ

(Стр. 52)

«Повесть о Луке Колочском» — один из памятников литературы XV—XVI вв., который, видимо, возник в Северо-Восточной Руси. В основе сюжета лежит традиционный для древнерусской литературы сюжет о явлении чудотворной иконы и рассказ об основании Колочского монастыря. Но оригинальность памятнику придает изобилующее беллетристическими элементами занимательное повествование о неправедной жизни простого селянина Луки, разбогатевшего за счет иконы. Конфликт «Повести» строится на взаимоотношениях удельного князя Андрея Дмитриевича Можайского и земледельца; это обстоятельство позволяет поставить вопрос об особом идейном ее звучании, отразившем одну из актуальных проблем своего времени — учение о пределах царской власти.

«Повесть» дошла в составе целого ряда русских летописей XVI—XVII вв., «Степенной книги», сборников XVI—XX вв. Сюжет «Повести» был использован общерусскими летописями XV в. и связан с удельной борьбой великокняжеского дома.

В начале XIV в. Можайск входил во владения московских князей и передавался старшему сыну, после Дмитрия Донского стал центром самостоятельного удела. В Можайске в начале XV в. чеканилась своя монета, можайские князья выплачивали большую дань Орде, можайские купцы торговали с западными странами и с Кафой (Феодосией). Все это — показатели экономической и политической мощи Можайского княжества. Упоминаемый в «Повести» Андрей Дмитриевич Можайский, третий младший сын великого московского князя Дмитрия Ивановича Донского, получил в удел Можайск, один из первых «примыслов» московских князей.

После смерти Андрея Дмитриевича Можайск переходит к его старшему сыну Ивану Андреевичу, который в период феодальной войны выступил на

стороне Дмитрия Шемяки против великого московского князя Василия Темного. В 1447 г. Можайск остался одним из последних оплотов антимосковской группировки. В 1454 г. великий князь взял Можайск, а Иван Андреевич бежал в Литву. В последней четверти XV в. центр удельной борьбы перемещается на северо-восток, усиливается идеологическая борьба, в которой оказались замешанными митрополит Геронтий, младший сын Андрея Дмитриевича Михаил Верейский, монахи Кирилло-Белозерского монастыря.

В период феодальной войны сказания о чудесах приобретали усиленное идеологическое звучание, защищали права удельных княжат от наступающей централизующей власти московских князей. «Повесть о Луке Колочском» была использована разными политическими силами в этой борьбе.

Летописные материалы XVI в. свидетельствуют о новом этапе литературной истории «Повести о Луке Колочском», когда с ослаблением идеологической борьбы великокняжеского дома «Повесть» могла войти в состав официальных летописных сводов, таких, как Никоновский, и «Степенную книгу», которые призваны были прославлять предков великих князей и выписывать родословную великого московского князя. Списки памятника дают несколько редакций, появление которых обусловлено определенными изменениями в общественно-политической и историко-культурной жизни московского государства.

«Повесть о Луке Колочском» была издана по списку второй половины XVII в. М. О. Скрипилем в сборнике «Русские повести XV—XVI веков», Л., 1958. Повесть вошла в издание Никоновской летописи: *ПСРЛ,* т. XI, М., 1965, с. 221—223; Мазуринского летописца, *ПСРЛ,* т. XXXI. М., 1968, с. 99—100; «Книги Степенной царского родословия», *ПСРЛ,* т. XXI, ч. 2, СПб., 1908, с. 446—448.

Текст «Повести о Луке Колочском» публикуется по списку: *ЦГАДА,* ф. 181 (МГАМИД), № 11, «Летописец русский», вторая половина XVI в., лл. 222 об. — 225 об. Исправления делаются по Никоновсиой летописи.

Стр. 52. *Того же лѣта...* — События, о которых повествуется в произведении, произошли в 1413 г., под этим годом памятник помещен среди прочих общерусских известий в летописи. Празднование Колочской иконы приурочено ко дню памяти князя Андрея Дмитриевича — 9 июля. Под этой датой читается «Повесть» в «Степенной книге» и рукописных сборниках.

...во отчине князя Ондрея Дмитрѣевича... — А. Д. Можайский, получил в наследство Можайск, Верею, Белоозеро.

...явися знамѣние в Колочи. — Колочь, приток реки Москвы; поселение на берегу этой речки.

...обрете икону пречистыя Богородицы... — Икона Колочской божьей матери представляла собою икону-складень. В настоящее время находится в Государственной Третьяковской галерее.

ПОВЕСТЬ О ТИМОФЕЕ ВЛАДИМИРСКОМ
(Стр. 58)

«Повесть о Тимофее Владимирском» относится к оригинальным русским повестям о «великих грешниках» и датируется концом XV — началом XVI вв. История «великого грешника» — владимирского священника Тимофея, согрешившего во время исповеди, бежавшего в Орду, принявшего мусульманство и ставшего воеводой казанского царя,— разворачивается на фоне описания острых столкновений Москвы и Казани накануне окончательного падения татарского ига в 1480 г. Тимофей тридцать лет служит казанскому царю, часто и безжалостно проливая кровь невинных русских людей; финальное действие «Повести» приурочено ко времени княжения Ивана III и деятельности митрополита Филиппа, то есть к периоду между 1464 и 1473 гг. Таким образом, этическая проблематика «Повести» полностью сливается в тексте с общественно-политической: «Повесть» четко противопоставляет добро и зло, злодейство и раскаяние, Русь и Орду (Казань). Фигура Тимофея в развитии сюжета повести все время как бы пересекает — в полном соответствии с агиографическим каноном изображения человека — полосы света и тьмы, и в конце — самоуничтожается в нравственном катаклизме. Необычность «Повести» (при сопоставлении с другими агиографическими повествованиями о грешниках) — в крайней экзальтации ее главного героя, напоминающей о принципах описания человека в литературе XVII в. Кроме повышенного внимания к описанию душевных переживаний героя, «Повесть о Тимофее Владимирском» сближается с повестями XVII в., в частности, с «Повестью о Горе-Злочастии», изображением «механизма» духовного перерождения грешника; и в том, и в другом произведении прозрение героя наступает после пения: в «Повести о Горе-Злочастии» — после песни «доброго молодца» о матери, в «Повести о Тимофее» — после пения Тимофеем «красного стиха любимого» богородице. Повесть была популярным чтением в Московской Руси XVII в., все старшие списки «Повести» — списки XVII в.

Текст «Повести» издается по полному списку XVIII в.: *ГПБ*, Q. XVII. 199, лл. 187—191 с исправлениями по рукописи конца XVII в.: *ГИМ*, Барсовское собрание, № 2134, лл. 215 об. — 226 об.

Стр. 58. *...в княжение государя и великаго князя Ивана Васильевича московского и всея Русии, и при митрополите Филиппе.* — Иван III княжил в 1462—1505 гг. Филипп был московским митрополитом в 1464—1473 гг.; финальное действие «Повести» отнесено, таким образом, к 60-м — самому началу 70-х гг. XV в., «падение» Тимофея — к 1430—1440-м гг.

...прииде на исповѣдание грѣховъ своих девица нѣкая... — Тема искушения духовного лица во время исповеди — книжного происхождения (ср. «Пролог», 27 октября).

...бѣжа... в поганую землю татарскую, в Казань. И тако в Орду прибѣжавъ... — Казанское царство возникло во второй четверти XV в., когда из Золотой Орды был изгнан хан Улу Мухаммед, обосновавшийся в Казани;

сын его Мамутек сделал Казань столицей нового ханства в 1445 г.; в 1487 г. в Казань вошли войска Ивана III, в 1552 г., после победы Ивана Грозного, была присоединена к московскому государству.

РАЗГОВОР ДУШИ И ПЛОТИ

(Стр. 68)

«Диоптра, или Душезрительное зерцало» — произведение византийского писателя-монаха XI в. Филиппа Монотропа, «Пустынника», или — можно перевести — «Уединенника». В XIV в. оно было переведено на славянский язык, попало на Русь и по крайней мере в течение трехсот лет пользовалось здесь большой популярностью.

«Диоптра» в целом представляет собой композицию из сравнительно небольшого «Плача», горестного обращения к самому себе («Плачеве и рыдания инока грешна и странна, ими же спирашася к души своей») и пространного «Диалога», разговора Души-госпожи и служанки-Плоти. «Диалог» разделен на четыре части, «слова» (первое «слово» представляет собой «Плач», так что в «Диоптре» всего пять «слов»). Композиции предпосланы три предисловия — знаменитого византийского писателя и деятеля XI в. Михаила Пселла, некоего Константина Ивеста и самого автора,— сопровождают ее авторское послесловие и несколько добавочных статей. «Плач» датирован автором 12 мая 1095 г., «Диалог» — 1097 г.

В заключительном «Оглаголании, яже к любозазорным» Филипп сообщает, что написал «Диоптру», будучи понуждаем своим духовным отцом Каллиником, жителем Смоленских стран, или пределов. Некоторые ученые считают вероятным, что имеется в виду русская Смоленщина, другие полагают, что речь идет о балканском г. Смолян или вообще о месте расселения славянского племени смолян в Македонии.

По содержанию в значительной мере «Диоптра» представляет собой собрание всевозможных сведений о человеке, почерпнутых из античной и раннесредневековой литературы. Для нее характерно соседство свидетельств из Священного писания и из произведений отцов церкви со ссылками на Платона, Аристотеля, Гиппократа, Галена, Плотина и других языческих мыслителей. В XI в., когда жил Филипп, Византия переживала своего рода «возрождение» — усиление интереса к античной культуре. Сам широко образованный, будучи озабочен нравственным и культурным просвещением своих читателей, Филипп определяет свою задачу как вторично-литературную — приведение трудных для восприятия речей «в удобь приятен вид». Жанр «Зерцала», наглядного беллетризованного учебника, к которому он прибег, подсказан ему был, возможно, появившимся в XI в. под названием «Стефанит и Ихнилат» греческим переводом индийской «Калилы и Димны». Но если «Калила и Димна» была создана как учебник государственной мудрости, «зерцало царей», то «Диоптра» написана как «душезрительное зерцало» — занимательный учебник человековедения, самопознания. Диалог, который в «Диоптре» ведут Душа и Плоть,

похож на беседу мудрого и просвещенного советника (Плоть) с простодушным и эмоциональным правителем (Душа); как литературный прием это то же, что «рамочный» или «стержневой» диалог «Калилы и Димны» или «Тысячи и одной ночи», позволяющий объединить большой ряд основных «элементов» произведения. Диалог начинает Душа, уже многие «лета и времена» сопряженная с Плотью, но никогда прежде не спрашивавшая ее ни о чем «полезном», теперь же осознавшая свое «коснение» и захотевшая послушать «словеса наказательная». Плоть охотно откликается и на краткие вопросы своей госпожи дает пространные эрудированные ответы. У какой-то части современников «Диоптра» явно вызвала недоумение своей литературной формой, о чем мы можем судить по тому, что Михаил Пселл в своем предисловии обороняет ее от нападок тех, кто считает использованный Филиппом Пустынником литературный прием диалога чуждым как Ветхому, так и Новому заветам и потому недопустимым. Критика шла, видимо, из ученых консервативных кругов: в кратком стихотворном предисловии, написанном явно уже после обнародования «Диоптры» (очевидно, в момент создания последнего, наиболее полного вида композиции — того, в каком «Диоптра» перешла к славянам), автор заявляет, что писал «к ненаученым», к таким же «невежам, яко же и аз... а не убо к разумным, ни же к словесным, ни к ветиям премудрым, ни же к учителем». У исследователей XIX—XX в., в отличие от их предшественников XI в., «Диоптра» вызывает удивление уже не своей формой, а содержанием — и тем, что не Душа учит Плоть, а Плоть — Душу, и тем, чему она ее учит: в ее поучениях находят материализм и противоречие церковной догматике. Дело тут, очевидно, в недостаточной изученности «канонических», общепринятых византийско-славянских средневековых представлений о человеке. Человек определяется в «Диоптре» как «животное смешанное»: существо вещественное и невещественное, словесное и бессловесное, видимое и невидимое, наделенное — подобно животным — способностью желать и впадать в ярость, но в то же время — властью над собой, свободой воли. Душа, будучи невидимой, может быть познана только через деятельность, а возможность деятельности она имеет, лишь обладая телом. Тело, Плоть — орудие деятельности Души, ее «служанка»; за прегрешения, совершенные с помощью плоти, ответственна не сама Плоть, но ее госпожа — Душа. Самые ценные органы Плоти — сердце и мозг. Противоположность добра и зла не имеет отношения к различию невидимой, умопостигаемой, и видимой, материальной, сфер бытия — та и другая произведения одного благого Творца; следуя за Дионисием Ареопагитом и Григорием Нисским, Филипп Пустынник сравнивает зло с темнотой, не имеющей собственного бытия, но являющейся отсутствием света.

Всего насчитывается более пятидесяти греческих и около ста шестидесяти славянских, в подавляющем большинстве русских, списков «Диоптры». Ни одно другое произведение, входившее в состав литературы Древней Руси, ни переводное, ни оригинальное, не давало такого количества знаний о человеке, как «Диоптра» (уступающим ей по количеству и объему сведений, но все-таки сопоставимым с ней, из предшествующих ей на Руси

сочинений, касающихся вопросов антропологии с «естественнонаучной» точки зрения, кажется лишь «Шестоднев» Иоанна, экзарха Болгарского).

По-гречески «Диоптра» написана восьмистопным ямбом, как сказано в славянском переводе, «градскими», то есть «политическими» стихами. Первое «слово», «Плач», содержит около трехсот семидесяти стихов, остальные четыре «слова», составляющие «Диалог», больше тысячи стихов каждое.

Попадающиеся в тексте цитаты из Священного писания не буквально точны именно потому, что они обращены Филиппом в стихи. Но не весь текст «Диоптры» в оригинале состоит из восьмистопных ямбов. В некоторых вставных кусках, взятых из чужих произведений, сохранена их первоначальная ритмическая организация. Так, большой отрывок из сочинения Иоанна Дамаскина, который в публикуемом «слове» цитирует Плоть, написан так называемым «александрийским» стихом, то есть шестистопным ямбом (и Плоть, сама говорящая стихами, перед началом цитации отмечает, что это стихи, не указывая только их размера).

Находящиеся же в заключительной части публикуемого «слова» пространные философские вопросы Григория Нисского и еще более пространные ответы ему Макрины оставлены прозаическими — как бы в ответ на просьбу Души не перелагать их в стихи, а привести «именно такими, каковы они и суть».

Славянский перевод «Диоптры» пословен и, как представляется, весь прозаический. Ритмическая природа соответствующих частей оригинала все же, видимо, отчасти в нем отражается — в свойственном стихам несколько неестественном — по сравнению с прозой — порядке слов, в смысловых вариациях, в синонимических повторениях, в ритме синтаксических конструкций, размер которых часто определяется размером стиха и т. п. При его переводе на современный язык использован и греческий оригинал,— когда это было необходимо для прояснения темных мест славянского текста и восполнения некоторых вредящих смыслу речи пропусков.

Славянский перевод «Диоптры» был сделан не позже третьей четверти XIV в. на Балканах, на Афоне или в Болгарии (в монастыре Григория Синаита в Парории) в среде монахов-исихастов. Очевидно, именно интерес к человеческой личности, возбужденный на Балканах в середине XIV в. «исихастскими» спорами о возможностях человека, ввел «Диоптру» в славянские литературы. Старейшие русские списки «Диоптры» относятся к концу XIV в. «Диоптра» активно распространялась и использовалась на Руси во второй половине XV в.; на нее ссылались и приводили из нее выдержки, чтобы доказать несостоятельность распространившихся было мнений о наступлении конца света по истечении седьмой тысячи лет «от сотворения мира», то есть в 1492 г. Переписывали «Диоптру» на Руси по XIX в. включительно. Славянский ее перевод не издан.

Для данной публикации избрано третье «слово» «Диоптры», как наиболее «естественнонаучное» из всех (но при этом не менее литературное, чем остальные). В основу публикации положен список *ГПБ*, F. I. 43, конца XIV или начала XV в., происходящий из Кирилло-Белозерского монастыря, лл. 30—61. Так как в этом списке между лл. 34 и 35 недостает четырех листов (двух центральных двойных листов пятой тетради), для восста-

новления пропущенной части текста использован список *ГИМ*, Музейское собрание, № 3759, XIV в., лл. 67 об. — 73 (от слов: «...сьздана бысть, о рабыне? И како бесьмертное мрьтвеному сьпрежено бысть?» до слов: «...облѣчеть навѣтника и страстнаго оного и ижденеть его далече от полаты вь пусто и невьселено...»). С помощью этого вспомогательного списка, а также другого, *ГИМ*, Чудовское собрание, № 15, XIV в., выправлены также некоторые мелкие дефекты Кирилло-Белозерского, основного для данного издания, списка (правка и мелкие вставки пропущенного выделены курсивом).

Стр. 72. *...конь сверѣпъ, его же глаголють Етиарь...* — В греческом оригинале его имя — Сиртиарий.

Стр. 100. *...яко же рече Пѣснопѣвець...* — Имеется в виду библейский царь Давид, автор большей части Псалтири.

Стр. 110. *...слова конець...* — По-видимому, ошибка переводчика: в оригинале — toú chrónou péras — «в конце времени», что и передано в переводе.

Стр. 120. *...разумѣваемъ по Писанию...* — Ошибка либо славянина-переводчика, либо его предшественника писца-грека: слова katà morphḗn — *по форме* — приняты за katà graphén — «по Писанию». Исправляем ошибку в переводе на современный язык.

...и от садукей горѣй. — Имеются в виду саддукеи, упоминаемые в Евангелии от Матфея и в Деяниях апостолов. От членов других религиозных группировок Иудеи II в. до н. э. — I в. н. э. саддукеи отличались, в частности, неверием в воскресение мертвых.

Стр. 122. *Григория Ниськаго вопрос от Макрииних.* — Григорий Нисский — богослов и писатель IV в., младший брат Василия Великого, епископ г. Ниссы в Малой Азии, автор большого ряда разного рода литературных произведений; умер в 394 г. Приведенные в этом заглавии слова имеют в виду его старшую сестру Макрину, бывшую главой общины монахинь. После многих лет разлуки Григорий посетил ее, когда она была уже близка к смерти. Состоявшийся между ними тогда разговор был описан Григорием в «Послании к монаху Олимпию» и в трактате «О душе и о воскресении», а затем использован Филиппом Пустынником в «Диоптре».

СТЕФАНИТ И ИХНИЛАТ

(Стр. 152)

«Стефанит и Ихнилат» — греко-славянская версия всемирно известного памятника, возникшего в глубокой древности в Индии и получившего известность под названием «Панчатантра», потом он был переработан в персидско-арабский вариант под названием «Калила и Димна», с которого был сделан в XI в. греческий перевод (вернее, переработка) под названием «Стефанит и Ихнилат». Это цикл басен и поучительных повестей, построенный по форме бесед царя и философа: философ рассказывает царю занимательные истории, преимущественно о животных, вкла-

дывая в них поучения. Занимательность сюжета и дидактичность обеспечили памятнику широчайшую популярность.

Славянский перевод был осуществлен, по-видимому, в XIII—XIV вв. в одном из славянских монастырей на Афоне. Существует три редакции славянского текста — сербская, болгарская и болгаро-русская. Редакции различаются по составу, все они в разной степени дефектны (то есть в них есть утраты по сравнению с греческим оригиналом), но они восходят к одному протографу; общие для всех редакций ошибки перевода показывают, что перевод был один. Ряд языковых данных (мы стараемся в комментарии обращать внимание читателя на такие случаи) позволяет считать, что перевод был сделан на болгарский извод церковно-славянского языка, хотя в сохранившихся рукописях сербская редакция представлена значительно более полным текстом.

Текст, который был распространен в русских рукописях (одна из них издается в данном томе), относится к болгаро-русской редакции, отличающейся следующими особенностями: она состоит из семи глав и обрывается на полуслове в середине притчи «О семи снах индийского царя» (см. комм. к с. 220). Кроме того, в ней произошло слияние двух притч — «О пификах и о светляке» и «О лукавом и о препростом» — в одну притчу «О двух друзьях» (см. комм. к с. 180).

Рукописная традиция болгаро-русской версии богата и разнообразна. Рукописи представляют несколько вариантов текста, и различия этих вариантов формируются в двух планах: во-первых, текстовые разночтения, во-вторых, интерполяции (т. е. позднейшие вставки и изменения; см. ниже). Разночтения в рукописях очень важны — они дают нам возможность судить о том, как древнерусские книжники воспринимали этот чужеродный и иногда непонятный для них текст. На местах ошибок, возникающих при переводе с греческого, в рукописях возникали узлы разночтений — переписчики, чувствуя шероховатость в тексте, пытались исправлять текст по своему разумению (без сверки с греческим оригиналом), а иногда появлялись глоссы на полях, поясняющие текст. Поэтому, чтобы понять восприятие текста средневековым читателем, необходимо изучать его по совокупности рукописей.

Отличительной чертой болгаро-русской редакции является наличие в ней интерполяций — вставок нравоучительного характера. По составу этих вставок мы можем делить рукописи на группы и подгруппы; есть группы, в которых интерполяции вовсе отсутствуют. Интерполяции появились в рукописях болгаро-русской редакции, возможно, сразу же при составлении редакции — во всяком случае, самые ранние рукописи уже содержат интерполяции. Изъятие интерполяций из текста было результатом вторичного редактирования. В двух рукописях XV в. (Синодальной и Рогожской) интерполяции отмечены глоссами на полях «иного-сущее», а в Синодальной рукописи они, кроме того, вычеркнуты. Есть еще рукопись XV в.,— Троицкая, текст которой представляет особую редакцию: все интерполяции выброшены, текст сокращен, ему придан наиболее «беллетристический» вид. В рукописях других групп тоже есть интерполяции — они иные, чем в Синодальной группе, и зачастую не воспринимаются как

интерполяции, но характер их такой же. Во многих же рукописях XVII—XVIII в. интерполяции изъяты совсем и памятнику возвращена его басенная сущность.

Наличие и отсутствие интерполяций связано с литературной средой и с литературной обстановкой, в которой существовал текст.

Получив в свои руки восточный басенный цикл, содержащий много афоризмов и нравоучительных сентенций, славянский переводчик — афонский монах — возможно, не придал значения басенному («беллетристическому») характеру памятника, а воспринял только его нравоучительную афористичность. Он усилил дидактическую сторону памятника, добавив туда еще ряд цитат, выдержек из святоотеческих книг. В средневековой письменности имели большое распространение сборники афоризмов (такие, как «Пчела») и особенно нравственно-учительные сочинения, такие, как «Лествица» Иоанна Синаита или поучения аввы Дорофея. Эти памятники и были источником нового интерполирования. Получается, что для составителя болгаро-русской редакции «Стефанит и Ихнилат» был не столько книгой басен (басни как жанр были ему, видимо, чужды), сколько своего рода «Пчелой», сборником афоризмов, который, следуя традиции, можно дополнять новыми по своему выбору и вкусу. Этим, по-видимому, и объясняется то пренебрежение к сюжету, с которым интерполяции вносятся в текст — они часто прерывают фразу посередине, иногда полностью не соответствуют по смыслу тому, о чем рассказывается в тексте, иногда просто выглядят странно в данном контексте. Для книжника XV в. литературные особенности «Стефанита и Ихнилата» были чужды — этот памятник обладает чертами литературы Нового времени (неоднозначность героев — злодей говорит умные и благочестивые вещи и подчас вызывает сочувствие; основные моральные установки недостаточно четко выражены, читателю приходится самому оценивать этическую сторону происходящего — в то время как в привычной для него средневековой литературе все было четко, положительный герой говорил и делал все прекрасное, отрицательный — был резко черным; автор же четко и однозначно выражал «мораль притчи»), в нем есть увлекательный сюжет, за которым нужно следить, и даже своеобразный юмор. Все это, по-видимому, было чуждо и книжнику, и читателю.

В XVII в. положение изменилось, возникла другая литературная ситуация, развились жанры демократических повестей, были сделаны новые переводы («Басни Эзопа», «Зрелище жития человеческого» и др.), и «Стефанит и Ихнилат» попал на свое место, его повествовательная природа ярко проявилась и закрепилась в рукописной традиции. Памятник стал переписываться вместе с другими повествовательными произведениями; сам он тоже стал меняться за счет распространения бытовых подробностей, увеличения деталей сюжетного повествования, интерполяции стали исчезать, начали появляться новые притчи из других источников. При этом книжная лексика частично заменилась на более понятную и даже бытовую.

В настоящем издании мы представляем читателю основное ядро памятника по старейшей из сохранившихся рукописей болгаро-русской редакции (ин-

терполяции опускаются). Читатель увидит образец одного из самых ранних беллетристических произведений славянской письменности (хотя и не воспринятого как таковое в XV в.), не забывая при этом, что это один из «бродячих сюжетов» — то есть произведение, которое появилось у славян, обойдя до того полмира и принося с собой следы чужих культур и общечеловеческую мудрость.

Текст издается по рукописи XV в.: *ГИМ,* Синодальное собрание, 367, лл. 493—548. Необходимые исправления сделаны по рукописи XVII в.: *ГБЛ,* собрание Тихонравова, 249 (Т), собрание Толстого: *ГПБ,* Q. XV, 2 (Толст.) и по греческому тексту.

Интерполяции, содержащиеся в Синодальном списке по сравнению с греческим текстом, исключаются; места интерполяций отмечены ⟨...⟩.

Стр. 152. *Списание Сифа Антиоха...* — Автором «Стефанита и Ихнилата» назван Сиф Антиох. Это имя — Симеон Сиф — встречается в греческих рукописях. Сиф был протовестиарием (придворный чин) антиохийского дворца, отсюда в славянских текстах появилось второе имя — Антиох. В некоторых славянских рукописях он назван просто Антиох, с прозванием Великий.

Иоанн Дамаскин — церковный деятель, знаменитый византийский поэт, гимнограф и литургист VIII в., по происхождению сириец. В традиции древнеславянской письменности было приписывать известным писателям (таким, как Иоанн Златоуст или Иоанн Дамаскин) произведения, авторство которых не было известно или не было достаточно представительно.

...о звѣрех... — Греческое слово ho thōs (шакал) славянский переводчик не смог перевести, потому что в славянских языках слова «шакал» не было (оно попало в наш язык только в XIX в. через французский язык из персидского). Переводчику пришлось использовать слово «звѣрь» или словосочетание «некий звѣрь». Но если главные герои (шакалы) имеют собственные имена и автор может их во всех случаях называть этими именами, не объясняя, кто они такие, то в других притчах, где это слово является нарицательным (в притче «О льве и верблюде», а также в не вошедшей в данную версию притчи «О шакале-постнике»), переводчику приходилось выходить из положения, прибавляя дополнительные описания. Древнерусские переписчики повести чувствовали этот недостаток перевода, и в некоторых списках появились глоссы на полях, конкретизирующие и поясняющие словосочетание «некий звѣрь» — «соболь и горностай», «медведь и соболь», «медведь и горностай».

Стефанит и Ихнилат — в древнеиндийской версии памятника «Панчатантре» имена главных героев иные — Каратака («Темно-красный») и Даманака («Усмиритель»); эти имена при переводе на персидский и арабский превратились в «Калила» и «Димна». При переводе памятника с арабского на греческий в результате ложной этимологизации они превратились в «Стефанит и Ихнилат» — переводчик связал слово «Калила» с iklil («диадема») и перевел «увенчанный» (Stephanítēs), а слово «Димна» — с diman («следы кочевья») и перевел «выслеживающий» Ichnēlátēs.

Такая интерпретация в какой-то мере подтверждалась этической нагрузкой персонажей, из которых один — благородный и благоразумный, а другой — лукавый интриган.

Стр. 154. *Якоже сопусы разсыпаються...* — Греческое слово «hoi sōlḗnes» (трубы) передано в славянском тексте словом «сопусы» или «сапосы». Это не понятое переводчиком слово дает в славянских рукописях разночтения и искажения — «супостаты», «сапози», «соль». В некоторых рукописях дается верный перевод — «трубы».

Немьного еже посредѣ... — Этим выражением в славянском переводе передано греческое ou polú tó en mésō («через некоторое время, вскоре»); оно было недостаточно ясно для русского читателя. Рукописи дают разные варианты осмысления этого места — «немного еже последи», «немного еже пострада», «немного еже по страде», «немного еже по страде своей» и даже «немного еже по траве». В некоторых случаях встречается другой перевод (правильный по смыслу): «не по мнозе же времени».

Обои различнии мудроумнии обычаи... — Слово «обычаи» (в Т — *обычаем*) в данном контексте не имеет смысла, тем более что оно появилось на месте греческого plḗn («но, однако, разве что»); другие рукописи дают правильное чтение «обаче»; но надо полагать, что писцы исправили ошибку перевода по смыслу, а не в результате сверки с греческим текстом.

Катадневную пищу — то есть ежедневную пищу. Прилагательное искусственно образовано с помощью греческой приставки katá — «еже-», «каждо-».

...пификово... — Для обозначения обезьяны в славянских языках существовало несколько слов — пифик, опыния (опыня), опиица (опица), обезьяна (обозиана), трепясток и позднее (с XV в.) — мартышка; все они соответствуют греческому ho píthēkos. Слово «пифик», заимствованное из греческого языка, встречается в памятниках редко и, видимо, требует объяснения. В рукописях иногда встречаются глоссы на полях, объясняющие, что пифик — это обезьяна.

...съключися древо... — В рукописи на полях приписано «сътупися».

Стр. 156. *...яко всякъ жало имать.* — Неудачный перевод: в греческом тексте стоит métron — «мера», славянский переводчик прочитал kéntron — «жало».

...и тѣм же лобзаим наше число. — Славянское *лобъзати* значит «приветствовать». Слово «число» в данном случае не совсем удачно передает греческое métron — «мера».

Подобит бо ся лозѣ... — В рукописи: «Подобит бо ся зѣло древесем». В данном случае переписчиком Синодального списка допущена ошибка (метатеза — вместо «лозѣ» — «зѣло»). Кроме того, слово «древесем» лишнее (в Т его нет) — оно написано на верхнем поле со знаком вноски в текст. Некоторые рукописи дают правильное чтение; например, рукопись Толст. — «подобит бо ся лозѣ, та бо не болшим древесем, но ближним приплетается».

Глаголет бо ся, яко отрок нѣкый... — Притча об отроке появилась в славянском переводе случайно (в греческом тексте ее нет) в результате ошибки перевода. Переводчик перепутал похожие по написанию слова pás (всякий) и paîs (отрок) и вынужден был прибавить к выпадающему из

контекста слову «отрок» (вместо «всякий») несколько фраз, чтобы получилась еще одна маленькая притча.

Стр. 158. *Подобенъ есть царь горѣ бреговитѣй... бѣдно.* — В славянском переводе опущены слова о том, что на этой изобильной горе водятся львы и другие дикие звери, поэтому-то пребывание на ней и бедственно.

Стр. 160. *...фалкон...* — Для передачи греческого слова hiéraks (коршун, ястреб) славянский переводчик воспользовался новогреческим словом phálkōn. Это слово в славянских языках встречается редко, оно было мало известно переписчикам (поэтому в разных списках это слово написано по-разному: фалкон, факон, алфакон, афокон, аволкон, жалкон и др.). В одном из списков есть глосса к слову «фалкон» — кречет. Неясно, почему переводчик употребил малоизвестное заимствованное слово вместо славянского, тем более что в других случаях слово hiéraks он переводит и словом «крагуй», и словом «орел». Однако это обстоятельство для нас небезынтересно — оно косвенно подтверждает мнение, что переводчиком был человек, постоянно пользовавшийся новогреческим языком (вероятно, афонский монах).

Съвѣтова убо Левъ сумнѣние свое утаити ему... — Переводя это место греческого текста, славянский переводчик допустил обычное для древнерусских книжников смешение двух греческих глаголов boúlomai и bouleúō («хотеть» и «советовать») и перевел вместо «хотел» — «советовал». Нарушение смысла чувствовали переписчики и пытались это место исправить (без обращения к греческому тексту), поэтому почти все списки дают в этом месте разночтения: «Советова убо Лев наедине с Ихнилатом и хоте от него утаити сомнение свое и страх», «Но советова Лев мне убо сомнение и страх свой утаити ему», «Советова же Лев о сумнении своем и ужасе, еже бы како рещи», «Советова же Лев сам о сумнении своем и ужасе и страсе, еже бы како утаити ему и рещи».

Стр. 164. *...нѣкоему другу своему звѣрю...* — См. комм. к с. 152.

Жеравъв. — В греческом тексте главным героем этой притчи является лебедь ho kúknos. Почему славянский переводчик заменил лебедя журавлем? Оба слова, несомненно, были ему хорошо известны, и обе птицы тоже. Мы предполагаем, что такая замена связана с художественно-эмоциональной нагрузкой слова «лебедь» в славянском фольклоре; ощущалось, что этот образ, используемый для поэтическо-метафорических целей, «не звучал» в рассказе о коварстве и жестокости.

...обрѣте ежа въ своей скръби. — Еж как действующее лицо притчи о журавле и рыбах — недоразумение; в греческом тексте действует рак (ho karkin).

И како не скорбя... — грамматический болгаризм; должно быть *скорблю* (1-е лицо, ед. число) в значении «буду скорбеть».

Стр. 166. *...и рече к ловцем...* — Славянский переводчик вместо греческого thḗrion — «зверь» прочитал thēreutḗs — «охотник».

Онъ же рече: «Ибо ты и аз...» — Слова «он же рече» попали в перевод по ошибке; в греческом тексте их нет. Последующие слова также произносит Стефанит.

Стр. 170. *...на тя лукавьствует...* — В рукописи после этих слов добавлено «получил есть». В Толст. «толико лукавьства поучился есть».

Ψсира корида и пилое. — Заголовок к притче о кориде (о воши) и о блохе дан в Синодальном списке греческими словами в славянской транскрипции. Слово «псира» (и, видимо, «пилое» или «пилос» тоже) является передачей греческого слова «he psúlla» — «блоха». Слово «корида» восходит к новогреческому «kóriksa» (клоп). Однако в греческом тексте здесь фигурирует не клоп, а вошь (греч. phtheír); в этом смысле текст Синодального списка соответствует греческому оригиналу, ибо слово «корида» там только в заголовке и в глоссе, а в тексте — «вошка». В других же рукописях «корида» (иногда встречается глосса — «вошь»), и в заголовках эта притча обычно называется «О кориде и о блохе». Это слово было малопонятно (поэтому и появляются глоссы), но почему-то не было заменено славянским словом «клоп». Оно, по-видимому, было внесено славянским переводчиком, пользовавшимся в повседневной жизни новогреческим языком (он перевел греческое слово новогреческим — и это слово не было достаточно понятно последующим переписчикам памятника).

...еже и вошка... — На верхнем поле со знаком вноса сделана глосса к слову «вошка» — «корида». Этим словом в славянских рукописях (кроме Синодальной группы) обозначается персонаж этой притчи (вошь). В Синодальном списке слово «корида» встречается только в этой глоссе и в заголовке.

Стр. 172. *...явѣ мучат явѣ согрѣшающаго* — исправлено по Толст.; в рукописи второе «явѣ» пропущено.

...видя его совѣсть... — грамматический болгаризм; должно быть *вижду*. Ср. выше, комм. к с. 164.

...срам велий... — исправлено по Т; в рукописи «срам велий и невси». В других рукописях здесь «срам велий и ненависть».

Стр. 176. *Мудрый бо... ниизложит их.* — Явно испорченное место. Возможно и другое понимание: «Мудрые мужи не покорятся, пока (враг) не разобьет их».

Стр. 178. *...лиинаковии очи...* — Этому словосочетанию соответствует в греческом тексте «nukterídōn ómmata», то есть «глаза нетопыря, летучей мыши». В данном случае мы имеем дело с южнославянским значением слова «лилек» — нетопырь, так что это словоупотребление — след южнославянского (болгарского) оригинала (в болгарском языке «лилек-нетопырь» обычно, а в сербском — встречается только в некоторых диалектах).

...исплънен же внутрь ядовитых звѣрей... — Словосочетание «ядовитый зверь» здесь соответствует греческому «korkodeílos», но почему-то слово «крокодил» не было употреблено, хотя крокодил был известен славянскому книжнику по «Физиологу» и другим памятникам.

Стр. 180. *Глаголеть бо ся, яко нѣции пифици в нѣкоей горѣ пребываху в зимно время престуденно и обрѣтоша...* — Это все, что осталось от притчи о пификах и светлячке, наличествующей в греческом тексте и в сербской редакции. Можно предполагать, что эта притча была «утеряна» составителем болгаро-русской редакции то ли в результате утраты листа в оригинале, то ли в результате механического пропуска при переписывании — после слова «обрѣтоша» он «перескочил» на следующую притчу — «О лукавом и препростом», которые «обрѣтоша сокровище злата».

В результате такого «объединения» получилось, что герои притчи «О лукавом и препростом» — пифики (см. комм. к с. 154).

Стр. 182. *...укълоснувши непрьтка...* — В Синодальном списке слово «непрьтка» вычеркнуто, как непонятное (в других рукописях его вообще нет). Однако оно необходимо по смыслу. Это лексический болгаризм, обозначающий змею.

Стр. 188. *Да трьпя, дондеже видя, что хощет быти.* — Грамматический болгаризм. В Т и др. — «да терплю, дондеже вижю, что хощет быти».

...другаа жена и рече: «Не стыдиши ли ся...» — Здесь путаница в славянском тексте — эти слова произносит женщина, нашедшая лоскут.

Стр. 194. *Мудраго бо мужа добродетѣли телчи уподобися благоуханию, иже наречется греческым языком мосхос...* — В греческом языке слово «móschos» означает «теленок, бычок» и «мускус».

Стр. 198. *...съложи ми ся крѣпость...* — Исправлено; в рукописи *вложи;* в Толст. *отломися.* В этой притче, несомненно, остались следы каких-то восточных (индийских) преданий о магической силе золота (и о мыши, хранительнице золота), иначе трудно понять, почему мышь обессилела, лишившись золота.

Стр. 200. *Никтоже мудрому пособьствует, точию пакы мудръ, якоже и елефанта падшася не въздвижет инъ никтоже, точию пакы елефантъ.* — Это сравнение основано на средневековых представлениях о слонах (изложенных в «Физиологе») — ноги слонов без коленей, слон не может встать без чужой помощи, спит он стоя, прислонившись к дереву, а если он случайно упадет, то помочь ему встать должны другие слоны.

Стр. 202. *Судя убо нынѣ быти полезно...* — Грамматический болгаризм; должно быть *сужду.* Ср. выше, комм. к с. 164, 172.

Стр. 216. *Невѣстка.* — Это слово чрезвычайно любопытно тем, что оно дает своеобразную полисемию, приводящую к путанице именно потому, что та же полисемия существует и в других языках. В притче о ласке, загрызшей змею и спасшей ребенка, в славянских текстах употреблено слово «невѣстка», а в греческом «nūmphē». Основное значение этого слова — «невестка». Однако есть и другое значение, редко встречающееся,— ласка, горностай. Подобное соотношение и в турецком: «gelin» — «невестка», и «gelincik» — «ласка, хорек»; нечто подобное есть и в арабском. Переводчик итальянской версии сделал основанную на том же совпадении корней ошибку перевода — вместо «donnola» написал «doncella». Слово «невестка» в значении «ласка» болгарское (оно зафиксировано в большинстве болгарских словарей). Слово «ласка» (точнее «ласица»), напротив, хорошо известно и сомнений не вызывает. Русские переписчики не поняли, что в притче о невестке идет речь о зверюшке. Поэтому в списках часто появляется к слову «невестка» приложение — «жена брата его»; в повествование вводятся также дополнительные детали, например, что она растерзала змею своими руками. Однако недоразумение, случившееся при переводе этой притчи, дает себя чувствовать — странно звучит, что женщина, убивая змею, «окровавилась змииною кровию» настолько, что ее можно было на этом основании обвинить в том, что она младенца «снела».

Стр. 220. *...яже вѣнець вземши...* — На этом месте обрывается текст болгаро-русской редакции; продолжение читаем в сербской редакции: жена царя, пожалев, что неудачно выбрала венец, а не багряницу, с досады высыпала царю на голову блюдо риса, и за это царь велел ее казнить; мудрый первосоветник, зная, что царь потом пожалеет, что в гневе погубил самую достойную из своих жен, спрятал ее и, беседуя с царем, вызвал в нем раскаяние и сожаление; таким образом, царица была спасена, царь счастлив, а первосоветник вознагражден. Далее в сербской редакции идут притчи о пситаке (попугае), о добродетельном шакале и о мышином царе.

После слов «венец вземше» в Синодальном списке помещена приписка, начинающаяся словами «некоторым списателем мудрая сия притча не дописана...» и сообщающая дату написания Синодального списка — 6987 (1479) г. Подробнее об этой приписке и связанными с нею возможностями датировки памятника см. в статье: О. П. Лихачева. О некоторых особенностях Синодального списка древнерусской переводной повести «Стефанит и Ихнилат». — «Археографический ежегодник», 1972; М., 1974, с. 110—113.

Триас и агиа, докса си! — Греческое молитвословие (Троица святая, слава тебе!), написанное славянскими буквами.

ИЗ «ТРОЯНСКОЙ ИСТОРИИ»

(Стр. 222)

Древнерусская литература знает несколько произведений на сюжет знаменитого Троянского эпоса. О Троянской войне рассказывалось в пятой книге византийской «Хроники Иоанна Малалы», в славянском переводе вошедшей в древнерусские хронографические своды, в «Хронике Константина Манассии» (см. ниже, с. 693), в польской хронике Мартина Бельского, также известной в русском переводе и использованной при составлении «Русского хронографа» в его редакции XVII в. Но наиболее обстоятельно с сюжетом Троянского эпоса древнерусский читатель мог познакомиться через перевод латинского романа XIII в. — романа «Historia destructionis Troiae» («История разрушения Трои») мессинского судьи Гвидо де Колумна.

Роман Гвидо, как и его непосредственный источник — французская поэма Бенуа де Сент-Мора «Роман о Трое», восходят не к гомеровскому эпосу и не к греческим поэмам VII—VI вв. до н. э., разрабатывавшим сюжеты троянского цикла (так называемым «киклическим»), а к поздним переложениям античных мифологических сюжетов, приписываемым, однако, предшественникам Гомера — мнимым участникам Троянской войны Дарету Фригийцу и Диктису Критянину. В действительности же «Дневник Троянской войны» Диктиса создан не ранее III в. н. э., а «История падения Трои» Дареса — в конце V — начале VI в. Под пером немецких, французских и итальянских средневековых авторов история Троянской войны превратилась в типичный рыцарский роман, в котором не менее

значительное место, чем описание военных перипетий, занимают романические сюжеты: рассказ о любви Медеи и Язона, Париса и Елены, Троила и Брисеиды, Ахиллеса и юной дочери Приама Поликсены.

Роман Гвидо де Колумна был несколько раз издан в конце XV в. в Болонье, Страсбурге, Париже. Одно из этих изданий, видимо страсбургское, и послужило оригиналом для древнерусского перевода, осуществленного скорее всего в начале XVI в. На его основе позднее возникли сокращенные переделки романа, сохранившиеся во многих списках XVII в., свидетельствующие о неослабном интересе к этому сюжету древнерусских читателей (см.: Троянские сказания. Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI—XVII вв. Подг. текста и статьи О. В. Творогова. Комментарий М. Н. Ботвинника и О. В. Творогова. Л., 1972. Серия «Литературные памятники»).

Полный текст перевода романа Гвидо сохранился в нескольких списках XVI—XVII вв. К сожалению, все они дефектны, за исключением списка XVII в., по которому и публикуется текст.

Существование на Руси в XVI в. полного перевода западноевропейского рыцарского романа, в котором значительное место занимает столь не обычная для древнерусской литературы того времени тема любви, романа, знакомящего древнерусского читателя с обширным кругом преданий и мифов (о походе аргонавтов, о первом разрушении Трои Язоном и Геркулесом, о истории Париса, Троянской войне, странствиях Одиссея и т. д.),— интереснейший факт истории русской культуры. Примечательно, что почти полный текст «Троянской истории» был включен в Лицевой свод, монументальное многотомное изложение всемирной и русской истории, созданное по инициативе Ивана Грозного во второй половине XVI в. Роман привлек к себе внимание царя: обличая Андрея Курбского, он сравнивает его с персонажами «Троянской истории» — Энеем и Антенором.

Мы не имеем возможности познакомить читателя с полным текстом романа — он слишком велик. Публикуется один фрагмент его — первая, вторая и часть третьей книги (всего роман состоит из 35 книг), в котором повествуется о походе аргонавтов и добывании золотого руна.

При обращении к древнерусскому переводу романа мы встречаемся с немалыми трудностями, текст его местами крайне сложен для понимания. Переводчик был, вероятно, недостаточно опытен, он переводил довольно сложный и не всегда понятный ему латинский текст механически, следуя оригиналу даже в порядке слов, но при этом не всегда находил им точные русские соответствия. Поэтому при переводе на современный русский язык мы постоянно обращались к латинскому оригиналу и на его основе «проясняли» или даже исправляли непонятный текст древнерусского списка.

Для удобства читателей имена персонажей в переводе унифицированы и приводятся в традиционных написаниях: Язон, Эсон, Медея, Пелей и т. д.

В основу публикации положен список *ГИМ*, собр. Уварова № 525, XVII в. Наиболее явные и грубые описки исправлены по смыслу. Все исправления выделены курсивом.

Стр. 222. *...о Пелеи, царѣ тефсалийскомъ...* — У Гвидо ошибочно слиты в одно лицо царь Фтии (в Фессалии, области в северной части античной Греции) Пелей, муж морской богини Фетиды, отец знаменитого мифического героя Ахилла, и Пелий, правитель Иолка (также в Фессалии), брат Эсона, дядя Язона.

...Великую Гресию, сирѣчь Италию... — Великой Грецией именовались греческие колонии в Сицилии и Южной Италии.

...апрузинян быти рекоша, языкъ нѣкий, иже на границах царства Киликийскаго живяше. Сего ради страна та Апрузия наречеся... — Апрузия — область на юге Апеннинского полуострова. Слова «царства Киликийского» переводим как «царства Сицилийского» в соответствии с латинским оригиналом. Киликия — область на юго-востоке полуострова Малая Азия — упомянута в древнерусском тексте ошибочно.

Яко же о них свидѣтелствуетъ Овидѣй Моненисъ... — В VII книге «Метаморфоз», поэмы древнеримского поэта Овидия (43 до н. э. — 17 н. э.), упоминается миф, согласно которому мирмидоняне — это лесные муравьи, превращенные в людей по просьбе царя Эака. Эпитету (прозвищу?) «Моненисъ» в латинском оригинале соответствия нет.

Стр. 224. *...глаголетъ той же предреченный Овидий... хитростною силою Медеи...* — В той же книге «Метаморфоз» содержится рассказ о том, как Медея, дочь царя Ээта, обладавшая даром волшебства, вернула старцу Эсону облик зрелого мужа.

...в нѣкоем островѣ, глаголемомъ Колкосѣ... — Согласно античным мифам, золотое руно находилось в Колхиде, стране на восточном побережье Черного моря. Однако у Гвидо «Колкос» почему-то считается островом.

...златоруннаго овна... — Согласно античным мифам, златорунный овен, на котором Фрикс, спасаясь от преследования мачехи, переплыл море, был принесен им в жертву, и у царя Колхиды Ээта хранилось лишь золотое руно. Его охранял Дракон (в древнерусском переводе — «змей») и медноногие быки, изрыгающие пламя. В древнерусском тексте имя колхидского царя соответствует латинскому написанию Oetes.

Стр. 228. *...мнози честнороднии многою храбростию красновидны...* — В походе аргонавтов участвовали Орфей, Геркулес, Кастор, Полидевк (Поллукс), Тесей и другие герои.

Еркулесъ — Геркулес, сын Зевса и Алкмены, жены царя Амфитриона,— популярнейший герой Древней Греции.

Стр. 230. *...сокруши Антефыума* — богатыря Антея Геркулес (Геракл) задушил, лишь оторвав от земли: Антей был сыном Геи,— а она представлялась древним грекам олицетворением земли. Поэтому Антей, прикасаясь к земле, черпал новые силы.

...стража их, пса триглавнаго... — Имеется в виду двенадцатый подвиг Геракла, когда герой привел связанным к царю Ерисфею трехголового пса Кербера (Цербера), охранявшего врата ада. На том месте, где на землю падала ядовитая слюна из пасти Кербера, вырастала ядовитая трава.

...столпы Еркулови... — Геркулесовыми столпами называли в древности скалы на противоположных берегах Гибралтарского пролива. В средне-

вековых легендах об Александре Македонском утверждалось, что он дошел со своим войском до этих мест.

Ангвин — то есть созвездие Дракона.

...Овидий во второй книзѣ... Аркада... — Во второй книге «Метаморфоз» излагается миф о нимфе Каллисто, возлюбленной Зевса, обращенной Герой в медведицу. По некоторым мифам, ее хотел убить на охоте сын Аркад. Впоследствии Каллисто и Аркад были обращены Зевсом в созвездия. Древнерусский книжник ошибочно принял Каллисто за мужчину («Калистона и Аркада, сына его»).

Юнонъ — Юнона, в древнеримской мифологии — супруга Юпитера; в греческой мифологии им соответствуют Зевс и Гера.

Стр. 232. *Симеоста* — Симоэнт, приток реки Скамандр, протекавшей в окрестностях Трои.

...от Енея сирѣчь и Аскания, рожденнаго его, глаголемаго Юлия. — Согласно легендам, Эней — один из троянцев, после разрушения Трои и долгих скитаний пристал к италийским берегам и основал здесь город Лавинию. Ему наследовал его сын — Асканий-Юлий. К числу их потомков легенда относила и царя Альба-Лонги Неметора, деда Ромула и Рема, основателей Рима. Таким образом, происхождение Рима и Римского государства связывается с именем троянца Энея.

Стр. 234. *...близ Рима великъ сооружи град...* — В латинском оригинале juxta Renum — то есть близ, подле Рейна.

Антенор — троянский вельможа; вместе с Энеем он способствовал победе греков и взятию Трои. После ее разрушения он покинул город и, согласно легенде, основал Венецию.

...от царя Сикаона пришедшаго в Киликию... — Здесь Киликией в древнерусском тексте названа Сицилия. При этом в географических рассуждениях Гвидо остров Сицилия смешивается с Сицилийским королевством, существовавшим до 1282 г. и распространявшим свою власть как на остров, так и на южную часть Апеннинского полуострова.

Диомедесъ — Диомед, аргосский царь, на стороне греков участвовавший в Троянской войне. Он ранил в бою Афродиту и был обречен ею на скитания. По одному из мифов, он основал ряд городов в Калабрии (на юге Италии). Спутники его были обращены Цирцеей, дочерью Гелиоса, в птиц.

Исидор. — Видимо, имеется в виду Исидор Севильский (560—636), ученый-энциклопедист, в книге которого — «Этимологии» — содержалось много ссылок на античных авторов и фрагментов из их сочинений.

Стр. 240. *...египтянинъ Птоломей.* — Птолемей (ок. 90 — ок. 160), греческий астроном, живший в Александрии, в Египте, создатель геоцентрической системы мира.

...егда луна обращается... — В древнерусском точный перевод латинского cum luna se volvit. Неясно, однако, имеется ли в виду новолунье, когда луна как бы «отворачивается», или же лунное затмение. Мы приняли первый вариант.

Стр. 242. *Дионисий Ареопагитский.* — Легендарный афинский ученый-философ, ученик апостола Павла. В средневековье распространялись сочинения псевдо-Дионисия Ареопагита, автора V в. н. э.

...в Гаваонѣ... — Имеется в виду библейский рассказ, как по молитве Иисуса Навина во время битвы его с амморейским царем близ Гаваона бог остановил движение солнца.

Стр. 248. *...пиша перстомъ на шиде червленымъ вином сице...* — В латинском оригинале этих слов нет: Медея не пишет, а говорит Язону. Здесь вставка из другого произведения о Троянской войне — «Повести о создании и попленении Тройском...».

Стр. 258. *Сей камень мудрыя асхате нарицают... И сего Енея носивша Виргилий пишетъ...* — В поэме древнеримского поэта Вергилия (70—19 до н. э.) «Энеида» рассказывалось о спутнике Энея Ахаве. Здесь его имя превратилось в название камня-талисмана.

ИЗ «ХРОНИКИ КОНСТАНТИНА МАНАССИИ»

(Стр. 268)

Распространенным жанром древнерусской литературы являлись переведенные или составленные на Руси хроники и хронографы, в которых излагалась всемирная история: повествование о сотворении мира и библейских временах, о странах Востока, о походах Александра Македонского, история Рима и Византии; в поздних хрониках XVI—XVII вв. содержалось также изложение истории Руси и славянских государств.

Стихотворная хроника, написанная в XII в. византийским поэтом Константином Манасси (Манассией), была в XIV в. переведена на болгарский язык. Этот болгарский перевод не позднее начала XVI в. стал известен на Руси. Здесь он подвергся небольшой языковой правке (преимущественно орфографической) и был широко использован при составлении новой хронографической компиляции — «Русского хронографа». Русская версия болгарского перевода «Хроники» дошла до нас в трех списках XVII в.

В данной публикации приводятся шесть фрагментов из этой версии «Хроники».

Первый фрагмент содержит рассказ о творении мира: скупой библейский рассказ (Книга Бытия, 1, 1) хронист пытается превратить в страстный панегирик красоте и богатству мироздания. Второй фрагмент содержит рассказ о Троянской войне. Автор обращается к осведомленному читателю (каким и был византийский читатель XII в.), поэтому в ряде случаев он опускает важные сюжетные подробности, не называет имен персонажей или, напротив, упоминает того или иного героя без каких-либо пояснений. Эта глава «Хроники» была использована древнерусским книжником при составлении «Повести о создании и попленении Тройском...», вошедшей в состав «Русского хронографа» и переписывавшейся в сборниках. Четыре остальные фрагмента повествуют о истории Византии. Хронист озабочен созданием увлекательного и динамичного повествования. Он весьма экспрессивен: то с восхищением, то с неприязнью оценивает поступки и характеры своих героев, демонстрирует свое литературное мастерство, прибегая к ярким сравнениям, широко употребляя неологизмы, созданные по архаичным моделям гомеровского эпоса, прибегает к реми-

нисценциям из античной мифологии. Следует учитывать при этом, что характеристики, даваемые хронистом историческим деятелям, крайне субъективны и неточны. Его труд интересен не как исторический источник, а как широко известный и популярный на Руси литературный памятник, недаром стилю и манере изложения Манасси подражали русские писатели XVI—XVII вв.

Первый фрагмент из «Хроники» воспроизводится по списку *ЛОИИ,* фонд 11, № 140, остальные четыре по списку *ГПБ,* Софийское собрание, № 1497. Исправления вносятся по фототипическому изданию (Летописта на Константин Манаси. София, 1963) болгарского перевода из библиотеки Ватикана (Slav, II), как наиболее близкому к протографу русских списков, а в первом фрагменте по Синодальному списку болгарского перевода (*ГИМ,* Синодальное собрание, № 38), так как в Ватиканском списке этот текст отсутствует. При цитировании Ватиканского списка (из которого восполняются пропуски Софийского списка) при замене букв «юс большой» и «юс малый» буквами *ю, у* и *а* последние выставляются в соответствии с нормами древнерусской орфографии, игнорируя их смешение, характерное для среднеболгарской орфографии XIV в.

Текст «Хроники» весьма труден для понимания, поэтому при переводе на современный русский язык допускалась в необходимых случаях корректировка по греческому оригиналу. Для удобства читателей в переводе имена исторических лиц и мифологических персонажей приводятся в традиционной форме.

Стр. 272. *Крон бяше мудръ... Ермие сияше...* — Перечисляются планеты: Сатурн, Юпитер, Марс, Венера и Меркурий.

Денница — планета Венера.

Стр. 274. *Стремозубые* — буквально: «с выступающими вперед, выдающимися наружу зубами».

Давыду же обладующу еще иноплеменными... — По средневековым представлениям, Троянская война происходила во времена царя Давида (1004—965 до н. э.).

...якоже писавшими прежде пишетца о ней... — Имеются в виду авторитетные в средневековье сочинения мнимых участников Троянской войны — Дарета Фригийца и Диктиса Критянина.

Стр. 276. *Александръ* — имя, данное Парису при рождении.

Зде твоа игра, мучителю всѣхъ, рекь. — В славянском переводе слово «рек» стоит вместо имени бога любви Эроса (так в греческом оригинале «Хроники»).

Кановикъ — Каноб, город в устье западного рукава Нила со знаменитым храмом Сераписа.

Стр. 278. *...Протевсъ, царь египетский...* — Существовала легенда, согласно которой Елена во время Троянской войны находилась не в Трое, а в Египте, у царя Протея.

...Феталие и от Архие... — Фессалия — область в Северной Греции; Ахайа — северная часть полуострова Пелопонес.

Родь, Ифакь, Скирь и Салам — острова в Эгейском море.

Ефиянин же Ахиллей... — Вероятно, здесь искаженное определение «фтиянин»: Ахиллес происходил из царства Фтии на юге Фессалии.

...царя поставиша... — Говорится о предводителе греческого войска под Троей микенском царе Агамемноне.

Стр. 280. *...кари, ликиани, миси, и меони, и фриги...* — народы, обитавшие в западной части полуострова Малая Азия.

Нисиотянин Дисев... — «Нисиотенин» — грецизм, означающий «островитянин»: Одиссей был царем острова Итаки. Согласно некоторым мифам, Одиссей ненавидел Паламеда, сына евбейского царя Навплия, за то, что тот разоблачил его мнимое безумие, симулируя которое, Одиссей рассчитывал уклониться от участия в Троянской войне.

И убо провидѣ гладни огненосий лук... — Место испорчено; принимается во внимание греческий текст.

Хощеши ли,— рече,— о царю... — Перевод сделан в соответствии с греческим оригиналом; вместо «хощеши ли» следовало бы перевести «хощет».

Стр. 282. *...а еллином поручи, да оставят братися и способствовати им.* — Перевод сделан с учетом греческого текста: речь идет о том, что Ахиллес, возмущенный убийством Паламеда, отказывается вместе со своими воинами-мирмидонянами помогать остальным грекам («эллинам»). В «Илиаде» это решение Ахиллеса вызвано его ссорой с Агамемноном из-за пленницы Брисеиды.

Мемнон. — Об участии в Троянской войне эфиопского царя Мемнона упоминают лишь послегомеровские мифы.

Стр. 284. *...Ахилей видѣ Поликсению.* — Рассказ о любви Ахиллеса к юной дочери Приама Поликсене встречается у Дарета, который заимствовал его из поздних греческих мифов. В трагедии Еврипида «Гекуба» говорится, что Поликсена была принесена в жертву тени Ахиллеса. См. также «Метаморфозы» Овидия (кн. XIII, 439—504), где описана скорбь Гекубы после заклания Поликсены.

...Диифов убоприснѣе любляше Пилея, филея... избеже з Диифовомъ. — Текст испорчен. Греческое слово «филес» («любимого, милого») не переведено. Убийцей Ахиллеса античная традиция называет обычно Париса, реже — его брата Гелена.

...диоген Еа Теламонянин. — Славянский переводчик сохранил греческое слово «диоген» («божественный» — эпитет Эанта), видимо, приняв его за личное имя.

...Пира Ахилеова, новаго Птоломѣя, сущаго от Диидамие. — Пирр Неоптолем (это имя ошибочно переведено как «Новый Птоломей») — сын Ахиллеса и Деидамии, дочери царя Ликомеда, у которого воспитывался юный Ахиллес.

...скамандрови струя... — Скамандр — река, протекавшая в окрестностях Трои.

...Тенедский остров. — Остров Тенедос у побережья Малой Азии, недалеко от Трои.

Стр. 286. *Обретает и сродника сии... нареченную обручницу.* — Речь идет о судьбе брата Менелая — Агамемнона. Он был убит своей женой Клитемнестрой и ее любовником Эгистом. Сын Агамемнона Орест отомстил за

отца, убив мать и Эгиста. Слово «растаявша» — неудачный перевод греческой глагольной формы со значением «убившего».

...Феодосѣе посаждаетца, егоже царь Аркадие зачат от Евдоксии. — Феодосий II, восточноримский (византийский) император (408—450), сын императора Аркадия (395—408).

Валентияну — Валентиниану III, императору Западной Римской империи (425—455).

...на извещение быти ему хотению. — Текст испорчен. При переводе учтен греческий оригинал.

Стр. 288. *...Гизериху уандалскому ризѣ...* — Гейзерих, король вандалов. В 455 г. он захватил Рим, убил Валентиниана и пленил его семью.

...Максимъ... сынъ его Ромил... — Перечисляются последние императоры Западной Римской империи: Петроний Максим (455), Авит (455—456), Майориан (457—461), Олибрий (472), Глицерий (473—474), Непот (474—475) и Ромул Августул (475—476). В 476 г. вождь германского племени скиров Одоакр сверг Ромула Августула. Государство Одоакра просуществовало до 493 г., когда Италия была завоевана остготами.

...Ромила имѣв в начале... — Вспоминается Ромул — первый римский царь, согласно легендарному повествованию об основании Рима.

И сиа убо приключишася... солнца бесчисльнаа да исьчтет! — В греческом оригинале читается похвала императору Мануилу Комнину (1143—1180), при правлении которого Константин Манассия написал свою «Хронику». Болгарский переводчик добавил слова «новий Цариград», имея в виду, возможно, столицу Болгарского царства Тырново, а вместо имени Мануила вставил слова «корене суще Иоанна... великаго царя болгаром», обращенные к вероятному заказчику перевода — болгарскому царю Ивану Александру (1331—1371), которого хронист называет потомком Ивана Асеня. Скорее всего, имеется в виду Иван II Асень (1218—1241), хотя в действительности Иван Александр принадлежал к другому роду (Шишмановичей).

Новому Феодосию... — Феодосием Новым или Малым именовали этого императора в отличие от Феодосия Великого (379—395).

...князя перскаго Издигерда... — Аркадий в своем завещании поручил персидскому царю Йездегеду I (399—420) оказывать помощь юному Феодосию.

...от страха варварова... — Византийцы противопоставляли римлян и греков («ромеев») всем иным народам, которых презрительно именовали варварами.

Стр. 290. *Бѣше же сестра сему Феодосию... Пулхѣриа...* — Следующая далее восторженная характеристика Пульхерии далеко не соответствует действительности: она была религиозной фанатичкой, деятельной интриганкой, окружившей себя евнухами и продажными сановниками, открыто враждовала с императрицей Евдоксией и т. д.

Стр. 292. *...яблока, еже принесе на зло нѣкто... Фетида и Пилея.* — Речь идет о известном мифе: богиня Эрида подбросила яблоко с надписью «Прекраснейшей» в сад во время брачного пира у Фетиды и Пелея. Это вызвало соперничество и ссору нашедших яблоко богинь, а в конечном счете привело к Троянской войне.

Стр. 294. *...чрьвеними шарми сию назнаменоваше...* — Византийские императоры подписывали документы пурпурными чернилами.

Декиа. — При римском императоре Деции (249—251) были ожесточенные гонения на христиан.

...града Ефескаго... — Ефес — город на западном берегу Малой Азии, южнее современного г. Измир.

Стр. 296. *...от Хрисафиа прѣльщен быв...* — Хрисафий — евнух, руководивший финансами, один из влиятельнейших людей в империи. Между ним и Пульхерией шла ожесточенная борьба по религиозно-догматическим и политическим мотивам. В 450 г. Хрисафий был удален в изгнание. В том же году умер и Феодосий, и на престол была возведена пятидесятидвухлетняя Пульхерия.

Сия убо царь к Роману творяше... — Константин Багрянородный стал императором в 913 г., в восьмилетнем возрасте. В ходе дворцовых интриг выдвинулся друнгарий (командующий) флота Роман Лакапин. В 919 г. он женил Константина на своей дочери Елене, получил титул кесаря, а в 920 г. был объявлен соправителем Константина.

...ибо дѣти своа и Христофорова сына... царя самовластны. — В 921—924 гг. соправителями императора были провозглашены сыновья Романа — Христофор, Стефан и Константин, а если верить «Хронике» — и сын Христофора.

...на прѣстолех. — Далее в рукописи читается приписка (в других списках она находится не в тексте, а на поле), сообщающая, что при Романе болгарский царь Симеон (893—927) дошел до стен Константинополя и захватил Одрин (Адрианополь) (имеется в виду поход 914 г.).

...яко приповѣсти земленые прича... муже зубонасаждени... — Имеется в виду миф о Язоне, посеявшем зубы дракона, из которых выросли вооруженные воины. Миф этот излагается в «Троянской истории» (см. выше, с. 258—265).

...стѣну Семирамидѣ... — С именем Семирамиды (Шеммурамат), ассирийской царицы (810—806 до н. э.), в античности связывались представления о диковинных архитектурных сооружениях, например, о висячих садах в Вавилоне, в действительности сооруженных в VI в. до н. э.

...столпъ... Халански. — Согласно библейской легенде — гигантская башня (то же, что Вавилонская башня).

...прьвосъвѣтники приемъ мужа добронравны... — В греческом тексте далее следует сравнение со спутником Геракла Иолаем и спутником Тезея Перифеем.

Роман... от сынов своих изврьжен бысть... — В декабре 944 г. Роман был низложен Стефаном и Константином и сослан на остров Прота, где спустя 4 года умер.

Стр. 298. *...заходя старородный Крон...* — В греческом тексте говорится о Кроносе, поверженном его сыном — Зевсом.

Таже чада Романова... царь Констянтин, измѣтну их... — Сыновья Романа были низложены и сосланы в январе 945 г., однако инициатором расправы был не сам император, а поддерживавшая его дворцовая партия.

Константин сторонился политики, занятый научным и литературным трудом: ему принадлежат книги «О фемах» (о географии страны), «О церемониях византийского двора», «Об управлении империей».

Варду Фоку — Варда Фока до 954 г. являлся доместиком схол Востока — главнокомандующим войсками восточной части империи.

Василиа — Василий, побочный сын императора Романа I Лакапина от рабыни скифянки, евнух. Он был паракимоменом (начальником службы личных покоев императора). При Константине VII он был влиятельнейшим лицом в гражданском управлении империи. Отстраненный в начале царствования Романа II, он вновь вышел на политическую арену при Никифоре Фоке и Цимисхии.

Никифора Фоку — сына Варды Фоки, с 954 г. доместика схол Востока, будущего императора.

...чадо Василиа, великаго в побѣдах... — будущего императора Василия II (976—1025).

Романа — Романа II, императора (959—963).

Крит. — Остров Крит был отвоеван у арабов Никифором Фокой в 961 г.

Тѣмь и исполняет море... яко младенца, объят. — В Софийском списке эта фраза ошибочно разрезана вставкой, в которой сообщается о смерти болгарского царя Петра (927—969) и возвращении из Константинополя его сыновей — Бориса и Романа, находившихся там в качестве заложников.

...град Антиохов... — Антиохия, в античности и средневековье один из крупнейших городов Ближнего Востока (ныне Антакья в северной части Сирии). Антиохия была взята войсками Никифора Фоки в 969 г.

Стр. 300. *...женѣ своей Феофанѣ...* — Роман II был женат на дочери владельца харчевни Анастасии, принявшей затем имя Феофано. Она отличалась необычайной красотой.

...нѣкый скопец... — евнух Иосиф Вринга, ставший паракимоменом после устранения Василия (см. выше примеч. к с. 298).

...кь Цимисхиу... — Иоанн Цимисхий, будущий император (969—976), в описываемое время — полководец, сподвижник Никифора Фоки.

Стр. 302. *Тогда Фока... издалеча обнажаше.* — Эта фраза после слов «имѣша бо» разрезана вставкой, в которой сообщается о походе русских войск, предводительствуемых Святославом, на Болгарию. Конец фразы недостаточно ясен.

Убоявшеся его арави... Киликѣя усумнѣся, и Финикиа повинуся... — Речь идет о победах, одержанных императором Никифором Фокой в 969 г., когда была завоевана Киликия (область на крайнем юго-востоке полуострова Малая Азия), северные районы Сирии и Месопотамии.

Толико бо душевною печашеся... яко на... — Этот фрагмент воспроизводится по Ватиканскому списку, так как в Софийском списке пропуск. По той же причине из Ватиканского списка добавлены также фрагменты: «явлѣашеся и злообразно... и вьси рыдааху», «не възревновавъ великому Василиу... повелѣ продающимъ», «видѣти вь царскыихъ дворохъ... копааше злокъзньные», «всякымъ сладкодушиемъ... съ многыми отаи оружносци» и «божествнаа ... вепля плачевныя».

Стр. 304. *...от ревинфа листъ...* — Здесь и далее («от слanутка») упоминается растение, названное в греческом тексте теребинт. В Болгарии оно именуется «овечий горох». Деревья и кустарники семейства теребинтовых распространены в южной Европе.

...кобля... — Кобл — византийская мера сыпучих тел (медимн).

Сице Фока худолѣпне о вещи радлше... — Во время голода 965—969 гг. император и его брат Лев Фока продавали хлеб из государственных житниц по спекулятивным ценам.

...великому Василиу... царе от Македония... — Автор вспоминает императора Василия Македонянина (867—886).

...Давыдъ медовный... — Имеется в виду Псалтирь, составление которой приписывалось библейскому царю Давиду.

Стр. 306. *...Сапсона Далида...* — Имеется в виду библейский рассказ (Книга Судей, XVI, 4—30), как филистимлянка Далида обрезала волосы, в которых заключалась сила героя, влюбленному в нее израильскому богатырю Самсону, тем самым приведя его к гибели.

Тиндарида — дочь Тиндарея Клитемнестра. См. примеч. к с. 286.

...царя Констянтина, брата Василию. — После смерти императора Василия II Болгаробойцы (рассказ о его правлении мы опустили) на престол взошел его шестидесятипятилетний брат Константин (1025—1028) — жестокий, распутный и трусливый.

О двою же колебля житие дщерю. — У Константина было три дочери: Евдокия, ставшая монашенкой, Зоя (последовательно бывшая замужем за тремя императорами — Романом III, Михаилом IV и Константином IX — преемником ее отца) и Феодора. Здесь речь идет о Зое и Феодоре.

Царство Рамана Аргиропула. — Роман III Аргир, византийский император (1028—1034), в прошлом эпарх (префект Константинополя), стал мужем дочери Константина VIII — Зои и тем получил право на престол.

Стр. 308. *Перивлептъ* — монастырь Богородицы в Константинополе.

Михаил, родом от Пефлагон. — Будущий византийский император Михаил IV (1034—1041) происходил из незнатной семьи из Пафлагонии, области на северном побережье Малой Азии.

...недугом лютом, якоже Саулъ... — Михаил был эпилептиком. Он сравнивается с Саулом, основателем израильско-иудейского царства (конец II в. до н. э.).

...и множае прилежаше, еже от сих здравию... — Текст неясен, и перевод его предположителен.

Бяху же ему единокровницы... сиречь братиа... — У Михаила было четыре брата: Иоанн, Никита, Константин и Георгий. Все они, кроме Никиты, были евнухами. Старший — Иоанн был при Романе III препозитом (евнух, ведающий церемониями императорских приемов), а с 1033—1034 гг. также смотрителем сиротского приюта, за что получил прозвище Орфанотроф («кормилец сирот»). Здесь же он именуется попечителем гирокомства, то есть «пекущимся о старцах».

Стр. 310. *...присьненика сътворити братова си сына...* — Славянский переводчик ошибся: речь идет о сыне сестры (а не брата) Михаила — Михаиле

Калафате, будущем императоре (1041—1042), усыновленном Зоей. Описание его царствования мы опускаем.

...Констянтина Мономаха. — Константин Мономах — византийский император (1042—1055). На его дочери был женат сын Ярослава Мудрого, черниговский и киевский князь Всеволод.

...скодѣлю ее инако прѣврьгъшуся... — Имеется в виду остракизм — обычай некоторых полисов античной Греции. На глиняных черепках (остаконах) члены народного собрания писали имя того, кого, по их мнению, следовало изгнать из страны.

...златопроходный Пактолос — Пактол, золотоносная река в Лидии (древнем малоазийском государстве).

Стр. 312. *...яко не вь тренныя проходи въ обидимые.* — Текст, видимо, испорчен (в старейшем славянском списке «Хроники» — «въ нетренныя проходы», греческий текст также неясен).

Ксерьксь. — Персидский царь Ксеркс (486—465 до н. э.). Смысл образа не ясен.

...упокоая свои недужнѣи нозѣ. — Константин болел подагрой.

Манияк — Георгий Маниак, византийский феодал и полководец, поднявший в 1043 г. мятеж против императора. Он был гигантского роста и отличался огромной силой. По словам современника, византийского государственного деятеля и историка Михаила Пселла, «окружающие смотрели на него снизу вверх, как на холм или горную вершину ... голосом обладал громовым, руками мог сотрясти стены и разнести медные ворота».

Капаневь — Капаней, один из участников похода семерых против Фив в античном греческом мифе.

...гордяся, яко Антѣй. — Согласно мифу, Антей — великан, сын Посейдона и Геи, считавшийся непобедимым, пока его не одолел Геракл.

...ни каркиновѣх устъ... — В греческом оригинале «каминустома» — то есть «огненной пасти». Возможно, однако, что чтение было испорчено в греческом списке — оригинале славянского перевода: «каркина» по-гречески «рак».

Минда — Мидаса — легендарного фригийского царя? Но в этом случае образ не ясен.

Торник — Лев Торник, предводитель мятежа против Константина в 1047 г.

...Даниил провидѣ древле... съкрушает зубы. — Имеется в виду один из вещих снов библейского пророка Даниила. Характеристика зверя представляет собой слегка измененную цитату из описания видения (Книга пророка Даниила, гл. VII), однако там четыре зверя — это символы четырех царств.

Стр. 314. *Феодоры* — Феодора, сестра Зои, царствовала в 1042 г. совместно с ней, а одна в 1055—1056 гг. Фактически же императором был Михаил Старик (или Стратиотик, так как он являлся хранителем казны стратиотов — зажиточных воинов-феодалов).

Комнинь — Исаак Комнин, полководец. В 1057 г. он поднял мятеж, сверг Михаила Стратиотика и стал императором (1057—1059).

Дуку Констянтина — будущего императора (1059—1067).

ПОСЛАНИЕ ИГУМЕНА ПАМФИЛА

(Стр. 318)

Послание игумена Памфила — единственное произведение древнерусской литературы, живо и эмоционально рисующее народные обряды в день Ивана Купалы. Это был древний языческий праздник в ночь с 23 на 24 июня, приуроченный к дню высшего солнцестояния, он носил веселый и разгульный характер. В ночь на Ивана Купалу добывали «живой» огонь, жгли костры и прыгали через них, сжигали или топили соломенных кукол, изображавших древних божеств (Купалу, Марену), водили хороводы, собирали травы и цветы,— сорванные в ночь на Ивана Купалу, они считались особо целебными и чудодейственными.

С древним языческим праздником совпал один из основных христианских праздников — день Рождества Иоанна Предтечи (Иоанна Крестителя), отмечаемый 24 июня. Купальские игрища противоречили христианским обрядам и морали; церковь, вероятно, пыталась бороться с языческими обычаями и верованиями, но они продолжали жить. Об этом свидетельствует и «Послание игумена псковского Елеазаровского монастыря Памфила», написанное в самом начале XVI в. Возмущенный тем, что день Рождества Иоанна Предтечи все еще проводится в «бесовских игрищах», Памфил пишет в Псков наместнику великого князя и вменяет ему в обязанность искоренять остатки язычества.

Известны две редакции «Послания» — Краткая (встречается в сборниках) и Летописная (читается в Псковской первой летописи под 1505 г.), обе они принадлежат Памфилу. Первым появилось послание в Краткой редакции, но оно не достигло цели: псковские наместники не проявили усердия в борьбе с остатками язычества. И Памфил вторично отправляет в Псков послание на ту же тему, позаботившись о том, чтобы оно звучало более убедительно и грозно. В новой редакции послания он почти дословно повторяет описание купальских обрядов, но говоря об ответственности наместников за жизнь и нравы города, о тяжких последствиях и наказании за идолослужение, Памфил обращается к Священному писанию; примеры и цитаты придают его словам весомость, обоснованность. Краткая редакция «Послания», по сравнению с Летописной, производит более непосредственное и живое впечатление, хотя и в ней Памфил ведет речь в согласии с литературными канонами и законами риторики. Свободное владение разными манерами повествования и риторическими приемами характеризует его как искусного и опытного стилиста.

Публикуется текст «Послания» в Краткой редакции по списку XVI в. — *ГПБ,* Q.XVII.50, лл. 170—172 об.

Стр. 318. *От Панфилиа, игумена Елизаровы пустыни...* — Елеазаровский монастырь находился в 25 верстах от Пскова на реке Толве. Он был основан в середине XV в. и получил свое название по имени основателя — монаха Ефросина, который в миру носил имя Елеазар.

...изо обители пречистыя богоматере честнаго ея Рожества и Трех святитиель — Василья, и Григорья, и Ивана Златаустаго... — Главным храмом монастыря была соборная церковь во имя трех святителей — Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста, поэтому монастырь назывался Елеазаровский Трехсвятительский. В церкви Трех святителей был придел во имя Рождества богородицы.

...богомолець государей наших великых князей и царей и всея Русии... — Форма множественного числа свидетельствует о том, что «Послание» написано в последние годы царствования Ивана III (1502—1505 гг.), когда его сын Василий Иванович был объявлен соправителем отца с титулом великого князя.

...мало не весь град възмятеца и възбѣсица... плесканием и плясанием. — Слово «плескание» употребляется в древнерусском языке в значении «рукоплескание», «торжество», «радость». Оно обозначает также игрища эротического характера в языческих обрядах. Контекст, в котором встречается это слово в «Послании», позволяет предположить, что и Памфил имел в виду действия, носящие чувственный, страстный характер. Это значение более определенно проявляется в другой фразе «Послания»: «Женам же и дѣвам плескание и плясание...»

ЗАВЕЩАНИЕ НИЛА СОРСКОГО

(Стр. 322)

Нил Сорский — русский церковный и общественный деятель второй половины XV — начала XVI в., автор ряда сочинений («Предания», «Устава», четырех «Посланий», двух молитв и «Завещания»), редактор и переписчик книг. Родился в Москве около 1433 г. в семье Майковых, принял монашеский постриг в Кирилло-Белозерском монастыре, путешествовал на Балканы — на Афон и в подвластный туркам Константинополь. По возвращении на Русь ушел из монастыря и километрах в двадцати от него основал свой скит на лесной речке Соре. Прославился в качестве заволжского (по отношению к Москве) «старца», идеолога нестяжательной, наполненной умственной работой жизни в лесной «пустыни» с небольшим количеством учеников. В 1503 г. на соборе в Москве выступил против ставшего традиционным монастырского владения селами и таким образом стал начинателем движения «нестяжателей», противников «иосифлян» (последователей Иосифа Волоцкого). Умер 7 мая 1508 г. Завещание хорошо характеризует его как человека, избегавшего мирской славы и заботившегося о судьбе книг — как тех, которые писал он сам, так и тех, которыми он пользовался. Печатается оно по рукописи *ГБЛ*, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 188. Сборник, XVI в., лл. 18—19.

Стр. 322. *...великий Арсений...* — Знатный и образованный римлянин, воспитатель детей константинопольского императора Феодосия, Аркадия и Гонория, удалившийся в скит в Египте, долго безмолвствовавший и завещав-

ший ученикам не воздавать чести его телу и памяти, а молиться о его душе; жил в 354—449(450) гг.

...что писал есми сам книжки... — Из написанных собственноручно Нилом Сорским книг нам сейчас известны три тома составленного им и отредактированного «Соборника», содержащего переводные с греческого языка жития святых, расположенные по дням празднования (начиная с сентября и кончая августом), а кроме того (в одной рукописи),— выписки из сочинений византийских писателей-аскетов, конец скитского устава и начало его собственного «Предания» и (в другой рукописи) сделанный при его значительном участии древнейший из сохранившихся список антиеретического «Просветителя» Иосифа Волоцкого.

СЛОВО ОБ ОСУЖДЕНИИ ЕРЕТИКОВ ИОСИФА ВОЛОЦКОГО

(Стр. 324)

«Слово об осуждении еретиков» было написано уже после составления краткой редакции основного противоеретического сочинения Иосифа Волоцкого — «Просветителя» и после расправы его над еретиками в 1504 г. «Слово об осуждении еретиков», написанное, по всей видимости, самим Иосифом Волоцким, было затем включено во вторую, пространную редакцию «Просветителя», составленную в 1510—1511 гг. в качестве его тринадцатого «слова».

Один из самых ярких памятников религиозной нетерпимости господствующей церкви начала XVI в., «Слово об осуждении еретиков» было, очевидно, ответом на довольно широко распространенное в русском обществе того времени отрицательное отношение к массовым казням еретиков. До XVI в. казни еретиков на Руси были довольно редким явлением; до этого времени не существовало и достаточно разработанной системы инквизиционных процессов (недаром предшественнику Иосифа — Геннадию Новгородскому — приходилось в этом вопросе сослаться на опыт «шпанского» (испанского) короля). Сам Иосиф Волоцкий писал в шестнадцатом «слове» «Просветителя», что после того как еретиков осудили «на смерть, то християне православнии скорбятъ и тужатъ, и помощи руку подавають, и глаголють, яко подобает сих сподобити милости». В полемику эту включился и виднейший публицист нестяжательского направления — Вассиан Патрикеев, разобравший в своем «Ответе кирилловских старцев» (см. ниже, с. 711) многие из примеров религиозной нетерпимости, на которые ссылался в «Слове» Иосиф Волоцкий.

При включении в пространную редакцию «Просветителя» в «Слово» был вставлен ряд дополнительных примеров наказания еретиков и иноверцев из Библии и церковной практики.

«Слово об осуждении еретиков» публикуется по списку: *ГПБ,* F. I. 229, лл. 259—280, для исправлений привлекается список *ГБЛ,* ф. 247 (Рогожское собрание), № 530.

В списке F. I. 229 «Слово об осуждении еретиков» помечено как «Слово

10» — это связано с тем, что ему предшествует особая редакция «Просветителя», состоящая из девяти «слов» (точнее, из десяти «слов», но десятое и девятое «слова» слиты воедино). В списке *ГБЛ*, ф. 247, № 530, пометы «Слово 10» нет; мы опускаем ее при публикации.

Стр. 324. *Алексѣй протопоп, и Денис поп, и Феодоръ Курицынъ... глаголаху, яко не подобает осужати не еретика...* — Новгородский еретик Алексей умер еще до Первого из двух московских соборов на еретиков — в 1490 г.; его сотоварищ Денис был осужден собором в 1490 г. и умер вскоре после него — от пыток и истязаний. «Начальник» московских еретиков Федор Курицын (см. о нем: Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. М., 1982, с. 538—539) занимал видное место при дворе Ивана III и вел внешнеполитические дела вплоть до 1500 г.; после этого упоминания о нем прекращаются, и он не фигурирует даже во время Второго собора на еретиков 1504 г., осудившего на сожжение его брата Ивана Волка. В 1504—1511 гг., когда было написано «Слово об осуждении еретиков», никто из этих трех лиц уже не мог ничего «глаголать» — приписывание им слов: «яко не подобает осужати» еретиков,— является поэтому явно анахроническим и абсурдным (умершие еретики проповедуют терпимость по отношению к самим себе!). Введение обычной для «Просветителя» формулы против Алексея, Дениса и Федора Курицына было связано с включением этого памятника в пространную редакцию «Просветителя».

...святаго Иоана Златаустаго — Иоанн Златоуст (вторая половина IV — начало V в.), антиохийский иерарх, впоследствии патриарх константинопольский, крупнейший византийский оратор и писатель. Сперва Иосиф приводит ссылки на Иоанна Златоуста, Василия Великого, Афанасия и Никона, как бы подтверждающие тезис его оппонентов («не осуждайте»), но затем цитатами из Златоуста показывает, что активных «хулителей небесного отца» следует «заушать» (бить).

Стр. 326. *Великий Василие* — Василий Великий (IV в.), архиепископ кесарийский, выдающийся византийский церковный писатель.

...божественный Афонасие Великий... — Афанасий (IV в.), архиепископ александрийский, византийский церковный писатель.

...преподобный отець нашь Никонъ во своей велицей книзе, въ тридесять и девятомъ словѣ... — Никон Черногорец (XI в.), автор двух собраний церковных и монастырских правил — «Пандекта» и «Тактикона».

Стр. 326—328. *«Понеже о хулении намъ слово бысть... душу свою положи».* — Этот отрывок взят из «Конца Слова Иоанна Златоуста о еретиках, иже в Антиохии...», помещенного в том же сборнике F. I. 229 (лл. 19 об. — 20), что и «Слово об осуждении еретиков».

Стр. 328. *«Иже нѣсть со мною, на мя есть».* — Златоуст здесь цитировал Евангелие от Матфея (12, 30).

Симон волхвъ. — Примеры из апостолов также приводились Иосифом в доказательство допустимости казни «нечестивых». О столкновении апостолов Петра и Иоанна с Симоном-волхвом повествуется в «Деяниях апосто-

лов» (глава 8); однако рассказ о гибели Симона восходит к более позднему памятнику — «Псевдо-Клементинам» (II в. н. э.).

Иоан Богословъ... Кунопъ... — Рассказ о волхве Кунопе, состязавшемся в могуществе с Иоанном Богословом (на острове Патоме) и низвергнутом по молитве Иоанна «в бездны морьскаа», содержится в апокрифическом житии Иоанна, приписываемом его ученику Прохору и внесенном в Минеи-Четьи (26 сентября).

Стр. 330. *...святый апостолъ Филипъ...* — Согласно апокрифическому рассказу, апостол Филипп спорил в Афинах с философами, которые призвали на помощь иерусалимского первосвященника Ананию; враги пытались схватить Филиппа, но внезапно ослепли.

...апостолъ Павел... Еллима волхва... — Рассказ об ослеплении апостолом Павлом Елимы-волхва, пытавшегося отвратить от веры римского «анфипата» (проконсула), содержится в «Деяниях апостолов» (гл. 13).

Ариане — сторонники александрийского священника Ария, не признававшие догмата о троице; учение ариан было отвергнуто Константинопольским собором в 381 г., незадолго до избрания Иоанна Златоуста константинопольским патриархом.

Поръфирие, епископъ газский — ревностный гонитель язычества и ересей (V в.).

Лев, епископъ катаньский, Лиодора еретика... осуди на смерть. — Рассказ о Льве Катанском (VIII в.), чьей молитвой был сожжен волхв Лиодор, содержится в Минеях-Четьих (20 февраля).

Феодоръ, едесскый епископъ — византийский церковный деятель IV в.

Стр. 332. *Глаголеть убо верховный апостолъ Петръ...* — Далее цитируется Первое послание Петра, 2, 13—15.

...и Павел глаголет... — Далее цитируется Послание Павла к римлянам, 13, 3—4.

Григорие, акраганский епископъ — церковный деятель VI в., епископ Агригента (в Сицилии).

Стр. 334. *...о невѣрных и о еретицех...* — Стремясь обосновать необходимость массовых казней еретиков, Иосиф Волоцкий энергично возражал своим оппонентам (реальным и возможным), которые, ссылаясь на христианскую литературу, утверждали, что покаявшихся еретиков следует прощать. В «Послании о соблюдении соборного приговора» 1504 года, написанном одновременно со «Словом о наказании еретиков», он объяснял, что правило о прощении покаявшихся «писано о еретицех, а не о отступницех, иже Христа отвергъшися... А о нынешних еретицех да будет вам ведомо, яко вси отвергошась Христа». Включая в «Послание о соблюдении соборного приговора» ранние сообщения Геннадия о еретиках (см.: Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в.), Иосиф систематически заменял обвинения в «ереси» обвинениями в отступничестве — «жидовстве». В отличие от еретиков отступники, даже раскаявшись, не подлежали прощению.

«Номоканонъ» книга — так назывались византийские канонические сборники, включавшие решения вселенских соборов и императорские установления, оказавшие влияние на древнерусскую «Кормчую» XI—XII вв.

Стр. 336. *...праведный Ное судилъ Хама ругателя...* — Примеры из Ветхого завета также должны были подтвердить допустимость наказания за «смертные грехи». Рассказ о Ное, проклявшем своего сына Хама и его потомство за оскорбление отца, содержится в первой библейской Книге — Бытие.

И Моисей же поклонившихся тельцу три тысящи повелѣ мечемъ исъсѣщи... — Согласно библейской Книге Исхода, Моисей приказал иудеям, поклонившимся золотому тельцу, убивать друг друга, и погибло три тысячи человек.

Исус Наввинъ Ахара крадбы ради... потъреби... — В библейской Книге Иисуса Навина рассказывается, как Иисус Навин, преемник Моисея, приказал побить камнями Ахана (или Ахара), утаившего часть военной добычи.

Финеес же блуда ради Замврия погуби... — Согласно библейской Книге Чисел, Финеес, сын Елеазара, убил израильтянина Замврия (Зимри), взявшего в жены мадианитянку, и этим отвратил гнев бога против Израиля.

...и Самоилъ Агага царя предъ господемъ уби... — Рассказ об убийстве пленного царя амаликитян Агага содержится в Первой Книге Царств.

...Илия же ложныя пророки... искла... — О посрамлении Илией жрецов языческого бога Ваала и заклании их рассказывается в библейской Третьей Книге Царств.

Елисей же осуди Гиезию. — Согласно библейской Четвертой Книге Царств, пророк Елисей исцелил от проказы сирийского военачальника Неемана и отказался взять за это вознаграждение, но слуга Елисея Гиезий обманом выманил у Неемана вознаграждение, за что Елисей поразил его проказой.

Данилъ же, осудя блудъныя старца... — Согласно апокрифическому рассказу, примыкающему к библейской Книге Даниила, пророк Даниил уличил старцев, оклеветавших молодую женщину Сусанну, и они были сожжены посланным с неба огнем.

...апостол Петръ... Ананию со женою его... осудивъ... — Согласно «Деяниям апостолов», Анания и его жена, отдав свое имущество апостолам, часть утаили и за свой обман были наказаны внезапной смертью.

...Павел Алексаньдра-ковача, Именея же и Филита предастъ сатанѣ... — В Первом и Втором посланиях Тимофею Павел упоминает об Именее и Филите, которые богохульствовали, за что он предал их сатане, и меднике Александре, сделавшем ему много зла.

Стр. 338. *Пощадѣ ... Агага царя...* — Рассказ о том, как царь Саул, вопреки божьему повелению, пощадил царя Агага, предшествует в Первой Книге Царств рассказу об убийстве Агага пророком Самуилом.

...царя асирийска Адера емъ Ахав... — Об израильском царе Ахаве повествуется в Третьей Книге Царств (глава 20), но сирийский царь, которого пощадил Ахав, именуется Венададом (идумейский царь Адер, противник Соломона, упоминается в главе 11 Третьей Книги Царств).

Подобно же сему пророкъ нѣкий... — Рассказ о пророке, приказывавшем бить себя во имя господа, читается в Библии там же, где рассказ о царе Ахаве; пророк угрожает Ахаву за то, что он отпустил царя Венадада.

...отцы святаго вселенъскаго Шестаго собора, глаголюще... царю Иустияну... — Шестой вселенский собор заседал в Константинополе в 680—681 гг.; при Юстиниане II (685—695 гг.) заседал так называемый Пятошестой Трулльский собор, закрепивший решения Пятого и Шестого соборов.

...святии отцы, иже во Иерусалимѣ... иже многосложный свитокъ написаша к Феофилу, греческому царю... — «Многосложный свиток», посланный патриархами императору-иконоборцу Феофилу (829—842), был популярен в древнерусской письменности; в XVII в. он был даже издан в составе печатного «Соборника» (1642 г.).

Стр. 340. *Яко же первый начатокъ християном православнымъ... Костянътинъ праведный...* — Далее составитель «Слова», доказывая допустимость и необходимость осуждения и казней еретиков, перечисляет решения семи вселенских соборов: Первого (Никейского) 325 г. при императоре Константине I, Второго 381 г. при Феодосии I, Третьего 431 г. при Феодосии II Малом, Четвертого 451 г. при Маркиане, Пятого 553 г. при Юстиниане I, Шестого 680—681 гг. при Константине IV (внуке императора Ираклия), Седьмого 787 г. при Константине VI и его матери Ирине. Предметами споров и обличений были в основном вопросы о божественной и человеческой сущности Христа и о троице: среди осужденных и посмертно проклятых на соборе еретиков были Арий (автор «Слова» специально отметил, что имя его «соименно гневу» — оно означает по-гречески «воинственный, боевой, бранный»), Македоний, Евномий, Несторий и «несториане», их фанатичные противники — Евтихий и Диоскор, последователи известного философа Оригена Дидим и Евагрий и другие. На Седьмом соборе было восстановлено почитание икон, отмененное в середине VIII в., и осуждены иконоборцы. Ереси, осужденные на семи соборах, представляли особый интерес для читателей «Слова», ибо имели ряд черт сходства с воззрениями, приписывавшимися (а частью и действительно присущими) русским еретикам конца XV в. Если ссылки автора «Слова» на пророков и апостолов, казнивших грешников и отступников с помощью чудес, не убеждали современников и вызывали с их стороны иронический совет Иосифу Волоцкому сотворить такие же чудеса (см. «Ответ кирилловских старцев» — в наст. томе с. 358), то примеры нетерпимости византийской церкви звучали более убедительно и не вызвали развернутого ответа со стороны противников Иосифа.

Илия два пятьдесятника... сожженымъ быти сотвори... — Согласно Четвертой Книге Царств, Илия-пророк сжег небесным огнем двух пятидесятников с их людьми, посланных царем Охозией, обратившимся к аккаронскому божеству Веельзевулу.

Июда Маккавей... люди отступившая... повелѣ вся мечемъ изсѣщи... — О войнах, которые вел вождь народного восстания во II в. до н. э. в Иудее против власти Селевкидов Иуда Маккавей и его братья, рассказывают неканонические Маккавейские, или Асмонейские, книги Библии, а также «Иудейская война» Иосифа Флавия, переведенная на древнерусский язык в XI—XII вв.

...благочестивый царь Иосѣя... — Согласно Четвертой Книге Царств, царь Иосия разрушил все жертвенники языческих богов, уничтожил прах людей, погребенных по языческому обряду, и истребил жрецов.

Стр. 342. *...царие и святителие еретики же и отступники в заточение посылаху и казнемъ лютымъ предаваху.* — Примеры, приводимые в «Слове», должны были доказать, что цари и видные деятели греко-православной церкви участвовали в осуждении и наказании еретиков. В качестве примеров, кроме уже названных в предшествующем тексте, приводились императоры Юстин II и Тиберий II (VI в.), императрица Феодора и сын ее Михаил (IX в.), иерархи: Александр, епископ константинопольский, участник Первого вселенского собора (IV в.), Епифаний, епископ кипрский (I — начало V в.), Евтихий, патриарх константинопольский (VI в.), Мефодий, патриарх константинопольский (IX в.). Среди еретиков упоминались Аэций, сторонник арианства (IV в.), епарх Адд (Аддус) и воевода Елевфирий Самчий, сторонники «нетленно-мнимой» ереси (VI в.), константинопольский патриарх Анний, упоминавшиеся и в других сочинениях Иосифа.

Стр. 346. *...ащє не подобаше инокомъ осужати ни еретика, ниже отступника, то како великий Анътоний осужаше их?* — Продолжая доказывать, что святители православной церкви не отличались терпимостью, автор называет следующие имена: Антоний Великий (Фивский), основоположник монашества (III — IV вв.), Пафнутий Исповедник (IV в.), Пахомий Великий (IV в.), Макарий Египетский (IV в.), Ефрем Сирин (IV в.), Исаакий Далматский (IV в.), Евфимий Великий (IV в.), Савва Освященный (конец IV — начало V вв.), Феодосий Великий, основатель монашеского общежития (V в.), мученица Феодосия Цареградская (VIII в.), обличитель иконоборчества Феофан Исповедник (VIII—IX вв.), и др.; среди еретиков, которых они осуждали, упоминаются, помимо уже названных, также Мелетий (IV в.), Аполинарий (IV в.), император Валент (IV в.), Севир (конец V — начало VI вв.).

ПОСЛАНИЕ ИОСИФА ВОЛОЦКОГО КНЯГИНЕ ГОЛЕНИНОЙ

(Стр. 350)

Послание известного церковного деятеля конца XV — начала XVI в. игумена Волоколамского монастыря Иосифа княгине Голениной написано между 1505 и 1513 гг. — судя по тому, что здесь говорится о вкладах за поминание князя Ивана Борисовича Рузского, умершего в 1503 г., и архиепископа Геннадия, умершего в 1505 г., но не упоминается о смерти князя Федора Борисовича Волоцкого в 1513 г., хотя после смерти этот князь (несмотря на его ссоры с Иосифом) был включен в вечное поминание в монастыре. Таким образом, это послание было написано уже после победы Иосифа Волоцкого в 1502—1504 гг. над новгородско-московскими еретиками, с которыми он боролся более четверти века, но, по

всей видимости, раньше его предсмертной полемики с нестяжателями и их идеологом Вассианом Патрикеевым о монастырском землевладении (см. ниже с. 711).

Только один мотив противоеретической полемики конца XV в. отразился в послании Голениной — вопрос о божьем промысле, о совместимости всемогущества и всеблагости божией, о том, почему «человеки овы милуемы, овы мучимы, овы веселящеся в богатьстве, иныя же нищете стражуща, овы в старости живуща, иныя же в юности умирающая». В послании Голениной Иосиф предлагает объяснение такому разнообразию человеческих судеб, заявив, что те, которые «младенци сущи умроша, яко чисти и непорочны, животу вѣчному сподобятся». Однако к спору с Голениной этот аргумент прямого отношения не имел, так как ее дети умерли не во младенчестве. Иосиф объяснил поэтому, что те, кто умирают юными, но совершенными возрастом, «сего ради прежде времени умирают, понѣже вѣдущу богу, яко хотяху житием злым и лукавым жити и сосуда лукаваго быти». Именно для того бог, по словам Иосифа, и забирает будущих грешников к себе, чтобы их родители вразумились и отдали предназначенные для детей «стяжания и имения» через посредство «божественной церкви» нищим и убогим и тем обеспечили умершим детям и себе царствие небесное.

Но это рассуждение — единственный раздел послания, посвященный общим, философским вопросам. В остальном, доказывая Голениной необходимость щедрых и обильных даров монастырю, Иосиф не прибегает, как в более поздней полемике с нестяжателями, к аргументам абстрактно-теоретического характера («стяжания церковная — божья суть стяжания»), а прямо исходит из принципа платности всякой церковной службы: «Даром священник ни одное обѣдни, ни понафиды не служитъ». Отсюда и стиль послания — деловой, конкретно-практический, отсюда и элементы просторечия в послании.

Послание Голениной печатается по списку: *ГПБ,* Q. XVII.64, сборнику середины XVI в., принадлежавшему бывшему волоколамскому игумену (потом архимандриту Новоспасскому и архиепископу Сарскому) Нифонту Кормилицыну и содержащему целый ряд посланий Иосифа Волоцкого. Для исправлений привлекался список середины XVI в., составленный учеником волоколамского старца Фотия Вассианом Кошкой: *ГИМ,* Синодальное собрание, 927.

Стр. 350. *Послание к нѣкоей княгинѣ вдовѣ...* — Адресатом послания была княгиня Мария Голенина, вдова князя Андрея Федоровича Голенина-Ростовского, потомка удельных князей ростовских, умершего до 1482 г.

...сорокоустъ... — «Сорокоустом» обычно именуется заупокойная служба в течение сорока дней после смерти поминаемого лица, но в данном случае (как и в некоторых других памятниках XVI в.) имеется в виду заупокойная служба вообще — по уже давно умершим людям.

...грѣшный чернец... — Далее в обоих сохранившихся списках послания пробел для имени, но в сборнике Q.XVII.64 на полях сделана киноварная

приписка: «И ино послание Иосифово...»; следовательно, автор этого, как и других посланий сборника,— Иосиф Волоцкий.

...*пророком Иереміем...* — Текст ветхозаветной Книги Пророка Иеремии (2, 30; 5, 3) цитируется Иосифом Волоцким неточно.

Стр. 352. *Понафида* — панихида, церковное богослужение с молитвами за умерших.

...*девяти литѣй...* — Лития (греч. — усердная молитва) — особое моление об умершем.

...*в синанику...* — Синаник — синодик, список умерших для церковного поминовения, читавшийся в церкви в первое воскресенье Великого поста.

...*над проскурами...* — Проскуры — просфоры, особый хлеб, употребляемый при причащении.

...*на господскии праздьники...* — Праздники в честь богородицы и Христа (Рождество, Сретенье и др.).

...*строевъ, которых в монастыри погрѣбают...* — «Строями» или «строителями» в монастырях называли их начальников при создании монастыря (до назначения игумена) или лиц, возглавлявших скиты и пустыни, где не было игумена.

...*кануном...* — Канун — здесь: еда, приготовленная для поминания усопшего.

Стр. 354. *По князе Борисе...* — Князь Борис Васильевич Волоцкий (умер в 1494 г.), брат Ивана III, принявший в 1479 г. Иосифа Волоцкого (ушедшего из Пафнутьева Боровского монастыря после конфликта с великим князем) под свое покровительство и давший Иосифу возможность основать Волоколамский монастырь.

...*по княгинѣ Улиянѣ...* — Ульяна, вдова Бориса Волоцкого, умерла в 1503 г.

...*по князи по Иванѣ...* — Иван Борисович, сын Бориса Волоцкого, князь рузский, умер в 1503 г. Иосиф Волоцкий присутствовал при кончине Ивана Борисовича в Волоколамском монастыре и участвовал в составлении его завещания, по которому Руза переходила к великому князю (а не к брату Ивана — Федору Борисовичу).

Иванъ Васильевич Хованьской — боярин волоцких князей, князь, троюродный брат известного церковного деятеля Василия-Вассиана Патрикеева.

...*владыка новогородской Генадей...* — Геннадий Новгородский, соратник Иосифа Волоцкого по борьбе с еретиками, был лишен сана (за «мздоимство») в 1504 г. и умер в 1505 г.

Григорей Собакинъ... — Григорий Семенович Собакин, в иночестве Герасим, служилый человек («сын боярский»).

...*у Михаила у Коровы... да у Никиты у Коньстентинова...* — Речь идет о Михаиле Глебовиче Корове-Кутузове и Никите Константиновиче Кутузове, вотчинниках, продававших и даривших земли Волоколамскому монастырю.

...*князь Семен Ивановичь Бѣлской...* — крупный западнорусский феодал, «перешедший» к Ивану III от литовского великого князя (со своими владениями — Черниговом, Гомелем и Стародубом) в 1499 г.

ОТВЕТ КИРИЛЛОВСКИХ СТАРЦЕВ НА ПОСЛАНИЕ ИОСИФА ВОЛОЦКОГО ОБ ОСУЖДЕНИИ ЕРЕТИКОВ

(Стр. 358)

В конце XV — начале XVI в. в русской церкви существовали два идеологических течения — иосифлянство и нестяжательство. Иосифляне выражали интересы крупных церковных феодалов, отстаивавших неприкосновенность церковного землевладения и призывавших к расправе с еретиками путем их физического уничтожения. Нестяжатели выдвигали программу ликвидации монастырских вотчин и были противниками смертных казней еретиков. Сторонниками нестяжательства являлась часть духовенства, стремившаяся к укреплению церкви путем искоренения ее недостатков, а также светские феодалы, заинтересованные в ликвидации монастырского землевладения. Особое распространение нестяжательство получило на русском Севере, в частности, в Кирилло-Белозерском монастыре.

После Нила Сорского главой нестяжателей стал Вассиан Патрикеев, бывший князь Василий Иванович Патрикеев, подвергнувшийся в 1499 г. опале и после пострижения в монахи сосланный в Кирилло-Белозерский монастырь. Вассиан Патрикеев написал ряд публицистических произведений, направленных против иосифлян, в которых бичевал недостойный образ жизни монахов, владевших вотчинами и эксплуатировавших труд крестьян. В полемике против иосифлян Вассиан опирался на Священное писание, главным образом на Евангелие с его проповедями. Для писательской манеры Вассиана характерна острая полемичность, глубокая эмоциональность и едкая ирония, которой он разил своих противников.

Ранним памятником полемики нестяжателей с иосифлянами является «Ответ кирилловских старцев». Он написан от имени старцев Кирилло-Белозерского монастыря, а также всех заволжских старцев (то есть находившихся в монастырях, расположенных к северу от Волги), в ответ на «Послание Иосифа Волоцкого» наследнику престола великому князю Василию Ивановичу, в котором Иосиф требовал беспощадного истребления всех еретиков. «Послание Иосифа Волоцкого» Василию Ивановичу не сохранилось, но из краткого изложения его содержания, включенного в «Ответ кирилловских старцев», нам известна аргументация, приводимая автором в доказательство необходимости смертных казней еретиков. Эта аргументация совпадала с той, которую Иосиф Волоцкий развивал в своем другом произведении, дошедшем до наших дней,— «Слове об осуждении еретиков». Инквизиторской доктрине Иосифа Волоцкого, требовавшего предания смерти всех еретиков, кирилловские старцы противопоставляли свою позицию, согласно которой еретиков покаявшихся следовало прощать и принимать в лоно церкви, а непокаявшихся — заточать, но не предавать смертной казни.

«Ответ кирилловских старцев» написан как произведение, принадлежащее коллективному автору. Однако идейное содержание памятника, используемая в нем аргументация и ядовитая ирония (язвительный вопрос к Иосифу: почему он не последовал примеру епископа Льва Катанского) дают основание думать, что автором «Ответа» был Вассиан Патрикеев. Предположительная датировка «Ответа» — самый конец 1504 г., когда церковный собор, судивший еретиков, уже вынес им приговор, включающий смертные казни, но приговор еще не был приведен в исполнение.

Текст «Ответа кирилловских старцев» издается по списку: *ГПБ*, Софийское собрание, № 1489 второй половины XVI в.; дополнения и исправления сделаны по списку: *ГИМ*, Синодальное собрание, № 738 начала XVII в.

Стр. 358. *...старца Иосифа, иже на Волоце...* — См. комм. к с. 350.

...своего ему монастыря... — текст испорчен.

...о Кассиане архимандрите Юрьевском... — Кассиан, архимандрит Юрьевского монастыря в Новгороде, один из видных еретиков; собором 1504 г. был приговорен к сожжению.

...самодръжцу Рускыа земли, государю, великому князю Василью Ивановичю... — Василий Иванович, сын Ивана III и наследник престола, в последние годы жизни отца носил титул великого князя: так, в договорах Новгорода и Пскова с Ливонией 1503 г. он именуется «великим князем... царем всея Руси»; не исключено, что в последние годы жизни Ивана III Василий Иванович являлся его соправителем. Обращение Иосифа Волоцкого с просьбой об искоренении ереси не к Ивану III, а к его сыну могло быть вызвано тем, что Иван III в недавнем прошлом покровительствовал еретикам, поддерживал контакты с нестяжателями и пытался провести на соборе 1503 г. секуляризацию церковных земель. Василий же Иванович не проявлял никаких шатаний и вместе со своей матерью, великой княгиней Софьей, был близок к иосифлянам.

...Моисѣй скрижали руками разбил... — В Библии рассказывается, что пророк Моисей, разгневавшись на израильтян, поклонявшихся тельцу, разбил скрижали — каменные доски с вырезанными на них письменами бога (Исход, 32, 19).

...Илиа пророкъ четыреста жрець закла... — См. комм. к с. 340.

...и Финеос... прободе... — См. комм. к с. 336.

...апостолъ Петръ... разби... — См. комм. к с. 328.

...при Неронѣ цари... — Нерон, римский император (54—68).

...Левъ епископъ катаньский... — См. комм. к с. 330.

Но егда богъ хотѣ... Моисѣа ради. — Согласно Библии, бог, по просьбе Моисея, простил израильтян, отступивших от него и поклонявшихся тельцу (Исход, 32, 8—14).

Стр. 360. *...Авдѣй пророкъ...* — Данного эпизода о пророке Авдии в Библии нет.

И егда приведоша к нему жену... руку жидовъскую. — Приведен эпизод из Евангелия о спасении Христом блудницы, которую толпа хотела забить камнями (Евангелие от Иоанна, 8, 3—11).

Аще же ты повелеваеши брата брату согрѣшивъша убити, то вскорѣ и суботство будеть, и вся Ветхаго закона ихъ же богъ ненавидить. — Здесь содержится намек на ветхозаветный кодекс — «око за око, зуб за зуб» (Левит — 24, 20), отвергаемый Новым заветом («Вы слышали, что сказано: «око за око, и зуб за зуб». А я говорю вам: не противься злому...» — Евангелие от Матфея, 5, 38—39).

...понеже прозвася... сыном божиим... — Неточное изложение дополнительных сведений (имеющихся у церковных писателей II—III вв. Иринея и Ипполита) о Симоне-волхве, который выдавал себя за верховного бога, объединяющего в своем лице «отца», «сына» и «святого духа».

...разбойника, исповѣданиемъ спасена... — В Евангелии рассказывается, что один из двух разбойников, распятых вместе с Христом, раскаялся в своих грехах и был прощен Христом (Евангелие от Луки, 23, 40—43).

...мытаря милостынею очищена... — Имеется в виду евангельский рассказ о начальнике мытарей (сборщиков податей) Закхее, который был прощен Христом, после того как решил раздать половину своего имущества нуждающимся (Евангелие от Луки, 19, 2—10).

...от трех отрок... — Имеется в виду библейский рассказ о том, как три отрока, отказавшиеся поклоняться в Вавилоне золотому истукану, были брошены в печь, в которой пылал огонь, и остались невредимы (Книга пророка Даниила, 3).

Стр. 362. *...яко же сквернаго оного Манасию... и поживе прочая лѣта в покаании...* — Согласно Библии, царь Иудеи Манассия восстановил поклонение языческим богам, но, когда был разбит ассирийцами и, закованный в кандалы, увезен в Вавилон, раскаялся, был прощен богом и по возвращении в Иерусалим постарался загладить свое отступничество (Вторая Книга Паралипоменон, 33).

...апостолу Петру въпрошшу... прости его... — Эпизод из Евангелия (от Матфея, 18, 21—22).

ПОВЕСТЬ О ПСКОВСКОМ ВЗЯТИИ

(Стр. 364)

Политика централизации русского государства, проводимая московскими князьями в XV—XVI вв., затронула и Псковскую землю. Подчинение Пскова Москве было длительным процессом. Псковское вече, орган политического самоуправления, фактически уже давно потеряло свои права и значение, выполняя волю московских властей, псковским князем, избираемым на вече, был наместник великого князя. Самостоятельность Пскова была относительной. В 1510 г. Псков окончательно потерял ее. Было упразднено псковское вече, снят и увезен в Москву вечевой колокол, символ былой воли и самостоятельности, Псков подчинился власти великого князя московского.

Исторические события 1510 г. по-разному освещены в источниках. Существует московская «Повесть о псковском взятии», дающая деловое, под-

робное, документальное описание событий 1510 г. с московских позиций; она расходится в оценке взятия Пскова с псковскими произведениями. Псковские авторы не были единодушны в восприятии и оценке действий московских властей. Автор летописной статьи о событиях 1510 г. в Псковской третьей летописи, оппозиционно настроенный к московскому князю, с гневом и горечью пишет о коварстве Василия III и его нововведениях в Пскове, сравнивает московского князя с антихристом.

Иной была позиция автора «Повести о псковском взятии», включенной в состав Псковской первой летописи. Он признает закономерность присоединения Пскова к Москве, считает Псков старинной вотчиной великих князей и говорит о том, что псковичи издавна клялись великим князьям быть покорными их воле. И в то же время автор «Повести» сожалеет о былой псковской воле и не может без скорби и грусти писать о конце «славы псковской». В рассказе о самых драматических эпизодах взятия Пскова (арест псковских послов в Новгороде; вече, где дьяк излагает псковичам требования великого князя, ответная речь псковичей, снятие вечевого колокола, приезд великого князя, разорение города и выселение трехсот семей) его речь полна истинного лиризма.

Псковская «Повесть о псковском взятии» продолжает лучшие традиции псковской литературы. Ее стиль характеризуется летописной неторопливостью, обстоятельностью, простотой, искренностью тона, пословичной емкостью отдельных выражений, отсутствием пышной риторики, словесной вычурности. Автор повести обнаруживает знание многих произведений древнерусской литературы, он органично вплетает в свое повествование цитаты из «Девгениева деяния», проповедей Серапиона, Библии.

Текст «Повести о псковском взятии» публикуется по Погодинскому списку Псковской первой летописи — *ГПБ*, собр. Погодина 1404-а, вторая половина XVI в., лл. 659 об. — 664.

Стр. 364. *В лѣто 7018, месяца октября въ 26... князь великий Василей Ивановичь приехал въ свою отчину...* — В московских источниках дается иная дата приезда Василия III в Новгород — 23 сентября. Василий Иванович, сын Ивана III и Софии Палеолог, великий князь московский с 1505 по 1533 гг.

...*з своим братом, удѣлным со князем Ондрѣем...* — Андрей Иванович, младший из сыновей Ивана III, удельный князь старицкий.

...*а от нашего князя Ивана Михайловича Репни...* — Князь Иван Михайлович Репня-Оболенский, известный воевода времени правления Ивана III и Василия III. Во главе московского войска ходил против ордынского хана в 1491 г.; командовал передовым полком в походе против шведов 1496 г.; был воеводою в русско-литовской войне; ходил под Казань. С 1509 по 1510 гг. — наместник великого князя в Пскове. Псковичи прозвали его «Найденом», так как он приехал к ним не «по старине», без их согласия и приглашения; они встретили его враждебно и жаловались на князя, «лютого до людей», Василию III. Политика, проводимая в Пскове И. М. Репней, послужила непосредственным поводом для вмешательства великого князя в дела Пскова. И. М. Репня был отозван великим кня-

зем, но судя по тому, что он не лишился доверия Василия III (вместе с Василием III он ходил в большом полку к Смоленску в 1513 г.), последний не был в гневе на своего наместника за его действия в Пскове.

Стр. 366. *...а не учал добра хотѣть святей Троицы...* — Патрональной святыней Пскова, его главным храмом был Троицкий собор (XVI—XVII вв.). Псков назывался «Домом святой Троицы». «Святая Троица», «Дом святой Троицы» были синонимами Пскова.

Стр. 368. *...и стал у Веряжи...* — Река Веряжа, западный приток озера Ильмень.

И посла князь великий своего дьяка Третьяка Долматова... — Дьяк Василий Третьяк Долматов пользовался особым доверием Ивана III и Василия III. Во время нашествия татар в 1480 г. он хранил казну великого князя, приводил к присяге Ивану III жителей Твери, выполнял посольские поручения в Литве и Дании, участвовал в составлении целого ряда правовых актов. Не случайно именно ему, опытному дипломату и политику, Василий III поручил передать псковичам свои требования и снять вечевой колокол.

Стр. 370. *...спустиша вечной колокол святыя живоначальныя Троица... и повезоша его на Снетогорской двор к Ивану Богослову...* — Псковский вечевой колокол находился на колокольне Троицкого собора. После снятия его вывезли из Кремля на подворье Снетогорского монастыря, которое находилось в Среднем городе, у Довмонтовой стены, при спуске к реке Пскове. На подворье стояла церковь Иоанна Богослова (XIV—XV вв.).

...приехаша воеводы великого князя с силою: князь Петръ Великой, Иван Васильевич Хабар, Иван Андрѣевич Челяднин... — Политику великого князя в Пскове осуществляли наиболее близкие к Василию III бояре и воеводы (И. М. Репня, дьяк Третьяк Долматов). Иван Андреевич Челяднин и Иван Васильевич Образцов Хабар-Симский были воеводами в русско-литовской войне 1507—1508, 1512—1522 гг., участвовали в походах против крымских и казанских татар, возглавляли русские посольства. И. В. Хабар-Симский прославился тем, что в 1521 г. отнял у Махмет-Гирея грамоту московских бояр, обязавшихся платить дань татарам, и разогнал его войско. Василий III повелел описать эти события в разрядных книгах «на память векам». Князь Петр Васильевич Шестунов занимал придворную должность окольничьего великого князя. Он был псковским наместником в 1507—1509 гг., то есть до И. М. Репни, затем отозван великим князем в Москву. Вновь назначен псковским наместником в 1511 г. Псковичи, как сообщают летописи, встретили его с радостью.

Поѣхаша... на Дубровно стречати государя великого князя. — Дубровно — село в 24 верстах от Порхова на границе новгородских и псковских земель по дороге из Пскова в Новгород.

...приехал владыка коломеньской Васьян Кривой... — В 1510 г. коломенским епископом был Митрофан. Московские источники верно передают имя епископа, сопровождающего Василия III,— Вассиан Топорков.

...и хотяше великого князя встрѣтити... у Образа святого в Поли... — Спасский Нерукотворного образа с Поля монастырь находился приблизительно в трех километрах на юг от Пскова.

...и срѣтиша его... на Торгу, где нынѣ площадь; а самъ князь великий слѣз с коня во всемилостиваго Спаса... — Старый торг в Пскове находился в Среднем городе, сразу же за Довмонтовой стеной, после перенесения торга на новое место здесь образовалась площадь. Церковь Всемилостивого Спаса на Торгу построена в 1435 г., находилась недалеко от ныне сохранившейся церкви Михаила Архангела.

Стр. 372. *...и житьим людем...* — «Житии люди» — землевладельцы менее высокого ранга, чем бояре, представители городского патрициата.

...придоша въ гридню... — гридница; здесь — помещение, в котором происходил княжеский суд.

Стр. 374. *...и посади намѣстники на Пскове: Григорья Федоровича да Ивана Ондрѣевича Челяднина, и дьяком Мисюра Мунохина, и другим дьяком ямским Ондрѣя Волосатого...* — Так же как и И. А. Челяднин (см. выше), Григорий Федорович Челяднин был одним из верных сподвижников Василия III, долгое время был окольничьим великого князя, стоял во главе русского войска в походах против шведов и Литвы, возглавлял посольство в Литву. Мисюрь Мунехин занимал должность дьяка при псковском наместнике с 1510 по 1528 г., он ведал административными, политическими и военными делами Пскова. Это был образованный человек своего времени, путешествовавший на Восток, интересовавшийся астрологией, состоявший в переписке с известными деятелями XVI в. — старцем Филофеем, Николаем Булевым, Дмитрием Герасимовым. Функции другого дьяка, Андрея Волосатого, заключались в том, чтобы писать «полные грамоты и докладные».

Тиун — здесь: лицо, занимавшееся первичным разбором судебных дел.

...и даша мѣсто, гдѣ торгъ ставити новой, вонъ стены, противу Лужьских ворот, за рвом, на Юшкове огороде Носохина да на Григорьеве посадникове садники Кротова. — Новый торг расположился за Средней стеной, в Окольном городе, напротив Лужских (Сергиевских) ворот, на месте между нынешними улицами Некрасова и Гоголя. Он занимал земли тех псковичей, которых Василий III выслал из Пскова, среди них бывший посадник Григорий Кротов.

Да и церковь постави князь великий святую Оксенью... — Церковь Ксении, заложенная Василием III, сгорела в 1590 г.; она находилась недалеко от Нового торга.

...а оставил здѣсь... пищальников новгородцких 500... — Пищальники — воины, вооруженные огнестрельным оружием — пищалями.

ИЗ ХРОНОГРАФА 1512 ГОДА

(Стр. 376)

В первой четверти XVI в., как полагают, в расположенном близ Москвы Иосифо-Волоколамском монастыре был составлен грандиозный свод по всемирной истории, так называемый «Русский хронограф». Из текста явствует, что известная нам его редакция была составлена в 1512 г. В отличие от предшествующих ему исторических сводов, например, от «Ле-

тописца Еллинского и Римского», в «Русский хронограф» наряду с изложением библейской истории, рассказами о наиболее знаменитых царях Вавилона и Персии, повествованием о Троянской войне и походах Александра Македонского, подробным описанием истории Рима и Византии вошло также изложение истории Руси и южнославянских государств — Болгарии и Сербии. «Русский хронограф», таким образом, включил сведения об истории основных стран Средиземноморья, Ближнего Востока, Балканского полуострова и Руси от «сотворения мира» и до середины XV века: в последней, 208 главе «Хронографа» рассказывалось о взятии турками Константинополя в 1453 г.

«Хронограф» очень велик по объему — обычно рукописи его представляют собой книги большого формата, насчитывающие 400—500 листов. И тем не менее можно поражаться редакторскому мастерству составителя «Хронографа», сумевшего не только поместить в нем огромное количество сведений, но и представить многовековую историю ряда стран в виде непрерывного литературного повествования. В отличие от летописи рассказ в «Хронографе» ведется не по годам (за исключением глав, излагающих события русской истории), а по «царствованиям». И каждая глава или статья «Хронографа» представляет собой как бы небольшой сюжетный рассказ, главным героем которого выступает тот или иной правитель, повествуется о примечательных чертах его характера, о наиболее важных или просто любопытных событиях его царствования.

Составитель «Хронографа» искусно переработал свои многочисленные и обширные по объему источники — библейские книги, «Летописец Еллинский и Римский» (хронографический свод, в свою очередь основанный на многочисленных источниках), византийскую «Хронику» Константина Манассии, русскую летопись, жизнеописания сербских королей и князей. Он сокращал, пересказывал их, упрощая при этом лексику и синтаксическую структуру, но сохраняя литературные достоинства оригиналов — их образность и эмоциональность. Именно поэтому язык хронографического повествования приобрел большую популярность у древнерусских книжников, охотно подражавших ему в своих оригинальных произведениях вплоть до начала XVII в. Фрагменты из «Хронографа» были включены в самый авторитетный летописный свод XVI в. — Никоновскую летопись и в многотомный летописно-хронографический Лицевой (то есть иллюстрированный) свод. Сам «Хронограф» в своих нескольких редакциях XVI—XVII вв. усердно переписывался. До нас дошло несколько сотен его списков.

Для данной публикации избраны фрагменты из 197, 198, 201—204 и 206-й глав «Хронографа», в которых повествуется о истории Сербии с конца XIII и до середины XV в. Это было тяжелое время для сербского народа: страну раздирали междоусобицы, она познала горечь военных поражений, тщетность попыток противостоять турецкой экспансии. Несмотря на героизм и государственную мудрость таких деятелей сербской истории, как Стефан Дечанский, Стефан Лазаревич, Георгий Бранкович, несмотря на героическое сопротивление народа, Сербия в 1459 г. полностью оказалась под турецким господством. Шестью годами ранее

турки захватили Константинополь, и прекратила свое существование когда-то могущественная Византийская империя (древнерусская повесть о взятии Константинополя опубликована в кн.: Памятники литературы Древней Руси. XV в. М., 1982, с. 216).

Источниками рассказа о сербской истории в составе «Хронографа» были в основном два сербских жизнеописания: «Житие краля Стефана Дечанского», написанное в начале XV в. выдающимся болгарским писателем Григорием Цамблаком, и «Житие деспота Стефана Лазаревича», написанное в 30-х гг. XV в. другим болгарским писателем — Константином Костенечским, учеником крупного деятеля болгарской культуры Евфимия Тырновского. Оба жития едва ли укладывались в рамки агиографического канона: хотя в них и говорится о благочестии, нищелюбии и «мнихолюбии» сербского краля и деспота, основное внимание этих обширных произведений уделено сложной политической жизни Сербии, описанию борьбы сербского народа против турецкой экспансии. Поэтому оба жития являются ценнейшими историческими источниками.

В основу публикации положен один из старших и лучших списков «Хронографа» — рукопись *ГПБ*, собр. Вяземского, F.XCVII, 1538 г. Исправления сделаны на основе других списков памятника. Публикация соответствует тексту, находящемуся в издании «Русского хронографа» (*ПСРЛ*, т. XXII, ч. I. СПб., 1911) на с. 403—408, 410—411, 417—422, 426—429, 434—435.

Стр. 376. *...Андроника Палеолога...* — Андроника II Палеолога, византийского императора (1282—1328).

Милутинъ — сербский краль Стефан Урош II Милутин, сын Уроша I, внук Стефана Первовенчанного.

Святый Симионъ ... храпавы краль. — Перечисляются сербские великие жупаны и крали: Стефан Неманя (1168/70 — 1196), в монашестве Симеон, его сын Стефан Первовенчанный (1196—1227, с 1217 — краль), Стефан Урош I (1243—1276).

...ражаеть убо сей Стефана... — будущего краля Стефана Дечанского (1321—1331).

...Милутинъ краль приобщаеться второму браку... — Милутин был женат четырежды: на дочери византийского севастократора (высокопоставленного чиновника императорского двора) Елене, на дочери венгерского короля Стефана V Елизавете, на дочери болгарского царя Георгия I Тертерия Анне и (с 1229 г.) на Симониде, дочери Андроника II. Константин был сыном Милутина от Анны, а не от Симониды.

...святаго Николы... — Николай, архиепископ города Мир в Ликии (области на юге полуострова Малая Азия) в IV в., один из наиболее чтимых христианской православной церковью святых (Никола Мирликийский).

...Душмана нарицаемъ, другий же Душана Стефанъ. — Стефан Душан был преемником Стефана Дечанского на сербском престоле (1331—1355, с 1345 — царь).

Стр. 378. *...обители Вседръжителевѣ.* — Видимо, речь идет о константинопольском монастыре Пантократора.

...патриархъ Афанасие дивный соборъ състави... иже Ариева мысляща и Македониева... — Афанасий — константинопольский патриарх в 1289—1293 и 1303—1309 гг. Церковные соборы, осудившие Варлаама и его ученика Григория Акиндина (ум. 1349), происходили, однако, не при нем, а значительно позднее — в 1341 и 1351 гг. Варлаам — греческий монах из Калабрии, примыкавший к кругам итальянских гуманистов (у него учился греческому языку Петрарка), в 1328 г. приехал в Византию. Он выступил против учения исихастов, утверждавших, что познание бога и единение с ним не требует богословских знаний. Осужденный на соборе 1341 г., он вернулся в Италию и умер там в 1348 г. Арий и Македоний — основоположники еретических, с точки зрения ортодоксальной церкви, учений (IV в.).

Стр. 380. *...зряше якоже и преже.* — Прозрение ослепленного Стефана вызывало недоумение уже у современников событий. Предполагали, что палач был подкуплен, ослепление было мнимым, но Стефан скрывал это от окружающих.

...вторѣмъ Иовѣ... — Иов — библейский персонаж, праведник, подвергшийся тяжким испытаниям судьбы.

Стр. 382. *...Баньско убо мѣсто именуемо...* — Баньский монастырь, упоминаемый в источниках со второй половины XIII в. В 1313—1318 гг. Милутин построил в нем церковь святого Стефана. Расположен севернее г. Косовска-Митровица (Югославия).

Коньстянтинъ же, иже того брат ото иныя матери... — Константин был сыном Анны, а не Симониды (см. комм. к с. 376). В союзе с Константином против Стефана выступил его племянник Владислав.

...азъ есмь Каин-братоубица, но Иосифу друг-братолюбець... — Имеются в виду библейские легенды: о Каине, убившем своего брата Авеля, и о Иосифе, которого хотели убить, а затем продали в рабство родные братья. Впоследствии, когда Иосиф достиг могущества и власти, он не стал, однако, мстить братьям. Он обратился к ним со словами (Книга Бытие, L, 19—20), которые почти дословно повторяет Стефан: «Не бойся, божий бо есмь азъ! ... о мнѣ благая...»

Восхотѣ же обитель тѣмъ създати... — Стефан построил в начале XIII в. монастырь в Дечанах (в области Метохия, близ города Печ).

Стр. 384. *...бысть въ болгарех царь Михаилъ.* — В 1323 г. болгарским царем стал Михаил Шишманович, женатый на сестре Стефана Дечанского Анне. Византийский император Андроник III Палеолог (1328—1341) выступил в союзе с Михаилом против Сербии. В 1330 г. в битве под Вельбуждом (западнее современного города Кюстендил в западной Болгарии) болгарские войска были разбиты, а Михаил убит.

Сих всѣх истязати имать богъ от тебе. — Текст неясен и поэтому оставлен без перевода.

...Александра, того нетия, царя поставльше... — После победы под Вельбуждом Стефан восстановил на престоле свою сестру Анну и ее сына Ивана Стефана, но в 1331 г. власть захватил племянник Михаила — Иван-Александр, царствовавший до 1371 г.

Стр. 386. *...отца ять ... горчайшей смерти осужаеть.* — Стефан Дечанский был свергнут с престола своим сыном и спустя два года был убит (удушен) в г. Звечане.

Стр. 390. *...Андроницѣ и при сыне его Иване...* — византийских императорах Андронике III Палеологе (1328—1341) и Иоанне V Палеологе (1341—1391).

...деспот бысть... — Деспот — титул, дававшийся в Византии правителям областей.

Урошь — последний царь из династии Неманичей (1355—1371).

...краль в сербех Волкошинъ, да брат его деспот Углешь. — Стефан Душан разделил страну на шестнадцать областей, раздав их в управление своим родственникам и вельможам. Македонские земли получил Вукашин, объявивший себя в 1366 г. кралем. Земли Вукашина и его брата Углеши фактически отделились от Сербии.

...сего ради не изгнаша, но сами от них убиени быша... — В 1371 г. в битве на реке Марица близ Черномена (к западу от г. Эдирне в современной Турции) Вукашин потерпел поражение и был убит.

Стр. 392. *...великаго князя Лазаря...* — Князь Лазарь (1371—1389), сын Ирибаца Хребельяновича, придворного Душана. Жена Лазаря Милица происходила из рода Неманичей, ее предок Вукан был сыном Стефана Неманича, братом Стефана Первовенчанного. После смерти Уроша Лазарь правил его уделом, пытался вновь объединить Сербию. В 1389 г. потерпел поражение от турок в битве на Косовом поле, попал в плен и был казнен.

...царь... Хиридань... — История Хиридана — родоначальника турок-османов,— видимо, легендарна.

Арканъ — Урхан, османский властитель (1326—1362).

Стр. 394. *Сулимень* — Сулейман, сын Урхана, османский эмир. В 1352 г. он захватил крепость Цимпе на европейском берегу пролива Дарданеллы, на Галлипольском полуострове — этим было положено начало вторжению турок в Европу.

...при цари гречестем Андроницѣ, имущу рать со братомъ своим. — После смерти Андроника III власть перешла к его сыну Иоанну V. Однако регент Иоанна — Иоанн Кантакузин объявил себя императором и фактически правил страной в 1347—1354 гг. После свержения Иоанн постригся в монахи и умер в 1383 г.

Амурат — османский султан Мурад I (1362—1389). При нем турки подчинили себе обширные районы с городами Адрианополь (Эдирне), Филиппополь (Пловдив), София, Шумен, Ниш. Мурад был убит в Косовской битве сербским воином Милошем Обиличем, проникшим в его палатку. Однако благодаря решительности сына Мурада — Баязида (султан в 1389—1402 гг.) битва была выиграна, и Сербия стала вассалом турок.

Равница — Раваница — монастырь в долине реки Ресавы, правого притока Моравы. В 1391 г. туда было перенесено тело князя Лазаря.

...Громъ нареченый по своему их языку... — Баязида именовали «Ыылдырым», что значит «молния».

...князь великий Стефанъ... — Стефан Лазаревич, сербский князь (1389—1427, с 1402 — деспот).

Стр. 396. *...покори царя Срацимира болгарьскаго...* — В 1393 г. турки захватили Тырново, столицу одноименного царства. Видинское царство просуществовало еще три года, но в 1396 г. после битвы при Никополе Видин был захвачен, царь Иван Срацимир взят в плен, и Болгарское государство прекратило свое существование.

Стр. 396. *Селунь* — Фессалоника (ныне Салоники в Греции) была захвачена турками в 1394 г.

...дщерь ея Оливеру въ жену... — Дочь Лазаря стала женой Баязида, а сама Сербия вассалом турок: Стефан Лазаревич и брат его Вук были обязаны являться со своими воинами на службу к султану.

...умышляеть брань на угры и волохи. — Битва с валашским господарем Мирчем произошла в 1395 г.

Краль Марко — сын краля Вукашина, владетель удела со столицей в г. Прилеп. Марко погиб в 1395 г. Его эпический двойник — Марко Королевич — популярнейший герой сербского героического эпоса.

...приходит и на царствующий град. — Турки опустошили в 1394 г. окрестности Константинополя и в течение семи лет блокировали город.

Слышав же царь угорьский... борет Никополь. — Германский император, а с 1387 г. и венгерский король Сигизмунд Люксембург в 1396 г., собрав войско из венгерских, чешских, немецких, польских и французских рыцарей, двинулся против турок. Распри среди участников похода и ошибки в руководстве сражением дали возможность туркам одержать под Никополем полную победу: десять тысяч рыцарей попало в плен, а Сигизмунд едва спаеся бегством. Баязид вторгся в Венгрию и подверг ее разорению.

Стр. 398. *Мануилъ.* — Сын Иоанна Палеолога Мануил (1391—1425) пытался найти союзников в борьбе против турок в Европе. Покинув в 1399 г. Константинополь, он посетил Венецию, Милан, Флоренцию, Париж, Лондон. Его встречали с почетом, но реальной военной поддержки Мануил не получил.

...перскый царь Темирь... — Тимур родился в 1336 г. в селении близ г. Шахрисабз (ныне в Кашкадарьинской обл. Узбекской ССР). Став эмиром Мавераннахра — среднеазиатского государства со столицей в Самарканде, Тимур совершил ряд победоносных походов, в результате которых создал огромное государство, включавшее Хорезм, Хорасан, Иран, Закавказье.

...вшедъ в Персиду... — Речь идет о походе Тимура в 1381 г.

Елладу. — Что имеется в виду — неясно. Разумеется — не Греция. Может быть, речь идет о державе Александра Македонского, владения которого в Азии простирались на все те земли, которые завоевал Тимур?

...фараона... — Вспоминается библейская легенда о фараоне, который, разгневавшись на евреев, покидавших Египет, стал преследовать их и погубил свое войско в Чермном (Красном) море.

Стр. 400. *И сражению бывшу, побѣжаеть Темирь...* — В битве при Анкире (Анкаре) в 1402 г. османское войско было разгромлено, а султан Баязид взят в плен.

...стѣну Дамаска низложи... — Дамаск был взят и сожжен Тимуром в 1401 г.

Стр. 402. *...приятъ же и Асирию и Вавилоньское царьство...* — приводятся названия древних государств, располагавшихся на территории Ирана. Во времена Тимура там было государство сербедаров, завоеванное им в 1380—1383 гг.

...и Севастию... и Крим... — Перечисляются города и страны, в разное время завоеванные Тимуром: Севастия — город на северо-востоке Малой Азии, Синяя (Белая) Орда — объединение тюрко-монгольских племен на территории к востоку от Аральского моря, город Сарай-Бату (к востоку от нижнего течения Волги) — в прошлом центр Золотой Орды, разрушенный Тимуром в 1395 г., Чегатайский улус, территория юго-восточнее озера Балхаш, город Тевриз в Иранском Азербайджане, Горзустан — видимо, Грузия, гурзи — грузины; обезы — абхазцы; Шамахия — город Шемаха на территории современной Азербайджанской ССР.

И пришедъ в Великую Орду и царя Тахтамыша, побѣдивъ, прогна. — Тимур совершил несколько походов против Тохтамыша: в 1391 г. из Ташкента через северный Казахстан в Западную Сибирь и оттуда на запад, к Волге. Решающая битва произошла в местности Кондурча (в долине одноименной речки, в современной Куйбышевской обл.) и закончилась разгромом Тохтамыша. Второй поход Тимур совершил в 1395 г. через Закавказье. В долине Терека в решающей битве он разгромил Тохтамыша, затем, преследуя его, двинулся в области нижней Волги, оттуда повернул на запад к Днепру, а оттуда на северо-восток в Рязанскую землю. На обратном пути Тимур прошел Нижнее Поволжье, Кубань, Дагестан и напоследок разгромил Астрахань и Сарай-Берке.

И прииде близ предѣлъ Рязаньскиа земли... — Вторгшись в 1395 г. в Рязанскую землю и захватив г. Елец, Тимур двинулся к Москве. На берегах Оки его встретило русское войско под предводительством великого князя московского Василия I Дмитриевича (1371—1425 гг.). Тимур по каким-то причинам не вступил в битву и повернул назад. Русские летописцы объясняли уход Тимура заступничеством почитаемой на Руси иконы владимирской Божьей матери, доставленной в XII в. из Константинополя вместе с другой иконой богородицы — «Пирогощей». Ее название, как полагает Д. С. Лихачев, восходит к греческому «пюрготис» — «башенная» (богоматерь на ней изображена была в окружении семибашенного Влахернского — в Константинополе — монастыря). Об этих событиях см. также «Повесть о Темир-Аксаке» (Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века. М., 1981).

Шарухъ — Шахрух — сын (а не внук) Тимура, после смерти его глава государства (со столицей в Герате, городе на западе Афганистана), в 1409—1447 гг.

Стр. 404. *Мусульманъ* — Сулейман, старший сын Баязита, правивший после пленения отца Тимуром в его европейских владениях. Находился в дружеских отношениях с Византией.

Мисиа — Муса, сын Баязита. Враждовал с братьями, в 1411 г. одержал победу над Сулейманом. Убит в 1413 г.

Махамет — Мехмед I, османский султан (1402—1421). В первые годы правления замирял сельджукских эмиров, освободившихся от османской зависимости после разгрома Баязита Тимуром. В 1413 г., разгромив своего брата Мусу, стал единовластным правителем.

...Василию Димитреевичю, прося у него за себе тщерь Анну... — Автор ошибается: дочь Василия Анна была выдана замуж за сына Мануила — Иоанна VIII Палеолога.

...Калуяна... Фому... — Перечисляются сыновья Мануила от Елены Драгаш (из рода сербских князей Драгашей): Иоанн VIII (или Калуян) — император в 1425—1448 гг., Андроник — деспот (правитель) Фессалоники, Федор и Фома — деспоты Мореи, Константин VIII — император в 1449—1453 гг., Димитрий. Дочь Фомы была женой Ивана III, великого князя московского.

Стр. 406. *...Новоброд, град сребреный...* — Ново-Брдо, город, известный своими серебряными рудниками. Расположен на территории автономного края Косово (Югославия).

...свободися Серпьскаа земля... — Фактически после Косовской битвы Сербия оставалась в вассальной зависимости от турок. Лишь в 1413—1420 гг. Мехмед освободил страну от вассальных повинностей за помощь, оказанную ему в войне с Мусой.

...обрѣте Бѣлъград... — Стефан Лазаревич возвратил Белград Сербии в 1402 г.

...Святыя Горы великую Лавру... — Речь идет об афонских монастырях.

Стр. 410. *...в Филиповѣ градѣ...* — в Филиппополе (Пловдиве), захваченном турками в 1365 г.

...во Андриановѣ градѣ... — Адрианополе. С 1365 г. Адрианополь, переименованный в Эдирне, стал столицей османского султана.

...Больвинь, и Липовець, и Сталакъ, и Коприанъ. — Города в юго-восточной Сербии. Липовец — монастырь, основанный в 1399 г. близ города Алексиница. Сталак расположен в районе слияния Южной и Западной Моравы. Эти города были захвачены турками в 1413 г.

Стр. 412. *Болша* — Балша, один из албанских феодалов.

...нетиа своего Гурга... — Георгия Бранковича, после смерти Стефана ставшего деспотом Сербии (1429—1456).

Амуратъ — Мурад II, турецкий султан (1421—1451).

Крушевець — ныне Крушевац, город близ слияния Западной и Южной Моравы.

Стр. 414. *...с пророком Захариемъ...* — Пересказ фрагмента из библейской Книги пророка Захарии.

...съ Еремиемъ пророком рыдати, яко новаго Сиона... — Переложение фрагмента из библейской книги «Плача Иеремии». Сион — гора в Иерусалиме, на которой располагалась крепость. Название «Сион» в текстах употреблялось как символ могущества Иерусалима.

...послѣдуюощаго ради запустѣниа всея земля Серпъскиа... — Полное подчинение Сербии туркам произошло уже после падения Византии. В 1459 г. она была включена в состав Османской империи.

ВИДЕНИЕ ХУТЫНСКОГО ПОНОМАРЯ ТАРАСИЯ

(Стр. 416)

«Видение хутынского пономаря Тарасия» — одно из «чудес», входящих в распространенную редакцию «Жития Варлаама Хутынского». В основе «чудес» этой редакции «Жития» лежат устные легенды, бытовавшие в Новгороде и связываемые с личностью популярного новгородского святого. Возникали они как рассказы о достопримечательных событиях и уже позже включались в «Житие». За рассказом о видении пономаря Тарасия, которое якобы произошло в 1505 г., стоят реальные события новгородской истории. В 1506—1508 гг. в Новгороде свирепствовала моровая язва. Вот что пишет об этом новгородский летописец: «При великомъ князе Василье Ивановиче всея Руси и при архиепископѣ новгородцкомъ, владыцѣ Серапионѣ, бысть въ Новѣгородѣ моръ велми великъ железою, паде же и людеи безсчислено, и того бысть по три осени. Послѣднюю же осень, лѣта 7016 (1508), паде людей, мала и велика, мужеска полу и женьска, 15 000 душь и 400 безс четырехъ головъ» (Четвертая Новгородская летопись. — *ПСРЛ,* т. IV, ч. I, вып. 2. Л., 1925, с. 460). В том же 1508 г. в Новгороде произошел пожар, про который летописец пишет, что такого страшного пожара еще никогда не бывало. Назвав число сгоревших — 2314, летописец добавляет: «утопшихъ же и згорѣвьшихъ в пепелъ число богъ вѣсть, а горѣло день да нощь да на завътрее до полуденъ» (там же, с. 461). Оба события, хронологически следовавшие одно за другим, объединились в сознании новгородцев в единое бедствие и послужили основой легенды о видении пономаря Тарасия, которая возникла под свежим впечатлением от несчастий, обрушившихся на Новгород. Д. С. Лихачев очень убедительно соотносит время возникновения рассказа о видении хутынского пономаря с постройкой в монастыре в 1515 г. нового храма: «В 1515 г. по повелению московского князя Василия Ивановича в Хутыне на холме был воздвигнут новый Преображенский собор — самый высокий по своим размерам из новгородских церквей. Это был один из немногих поздних новгородских храмов, имевших внутренний ход на кровлю, с которой открывался единственный и неповторимый вид на Новгород: город расстилался на юг от собора, был виден во всех своих деталях, а за городом, как бы нависая над ним, на самом горизонте стояло казавшееся выпуклым Ильмень-озеро. Открывавшаяся с крыши Хутынского собора панорама могла быть поводом к созданию легенды» (Д. С. Лихачев. Новгород Великий. Очерк истории культуры Новгорода XI—XVII вв. М., 1959, с. 90). Изобразительность рассказа о видении пономаря Тарасия нашла отражение в новгородской живописи: до нас дошло семь новгородских икон, посвященных этому сюжету.

Текст «Видения хутынского пономаря Тарасия» публикуется по списку XVII в.: Древлехранилище Института русской литературы АН СССР, собр. Каликина, № 35 (лицевой сборник житий новгородских святых).

Стр. 416. *Пономарь* — церковнослужитель низшего чина, в обязанность которого входило прислуживать в церкви при исполнении различных церковных треб: он зажигал свечи, приготавливал кадила, звонил в колокола. Во второй половине XIX в. должность пономаря была упразднена. Особое положение пономаря в церкви — он связан со всем, что происходит в церкви, а вместе с тем он самый низший церковнослужитель — обусловило то, что полусказочные чудесные истории из церковной жизни, как правило, связываются с образом пономаря. Среди многочисленных поговорок о пономарях бытовала и такая: «Пономари близко святости трутся, а во святых нет их» (см.: В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка).

Варлаам. — В миру Алекса Михайлович, новгородец, основатель Хутынского монастыря, умер в 1192 или 1193 г. Хутынь — местность в десяти километрах на север от Новгорода, вниз по течению Волхова, на правом берегу.

Паникадило — большая люстра или большой подсвечник со свечами в церкви.

Кадило — металлический сосуд, в котором на раскаленных углях курятся ароматические вещества (ладан, фимиам). В древности были двух видов: большие, неподвижно стоявшие или висевшие перед престолом и иконами, и маленькие — ручные, на цепочках.

Стр. 418. *...небесниго мира* — миро — благовонное масло.

Стр. 420. *...Торговая сторона вся погоритъ...* — Часть Новгорода, расположенная по правому берегу Волхова, напротив Софийской стороны. Пожар 1508 г. начался с Торговой стороны: «Мѣсяца августа 20 день... загорѣлося въ Великомъ Новѣгородѣ Торговая сторона въ 11 часъ нощи, и згорѣ вся...» (Четвертая Новгородская летопись, с. 460 указанной выше публикации).

СКАЗАНИЕ О КНЯЗЬЯХ ВЛАДИМИРСКИХ

(Стр. 422)

«Сказание о князьях владимирских» — литературно-публицистический памятник XVI в., использовавшийся в политической борьбе за укрепление авторитета великокняжеской, а затем царской власти. В основе «Сказания» лежит легенда о происхождении русских великих князей от римского императора Августа через легендарного Пруса, который, с одной стороны, состоял в родстве с Августом, с другой — якобы был родственником Рюрика. Вторая легенда, входящая в «Сказание», повествует о приобретении Владимиром Мономахом царских регалий от византийского императора Константина Мономаха. Время появления этих легенд не установлено и о существовании их до начала XVI в. ничего не известно. В 10-х гг. XVI в. (во всяком случае до 1523 г.) легенды были соединены в «Послании» церковно-публицистического писателя Спиридона-Саввы. На основании «Послания» примерно в это же время (не позднее 1527 г.) была составлена первая редакция «Сказания о князьях владимирских». Авторы «Сказания» преследовали цель создать произведение, которое

могло быть использовано в политической практике Русского государства; идеи «Сказания» были использованы в дипломатических спорах при Василии III и Иване IV. Легенда о происхождении русских великих князей от Августа была привлечена составителями Воскресенской летописи, позднее она была помещена как вступительная статья к «Государеву родословцу» 1555 г., включена в «Степенную книгу». Текст «Сказания» был вновь переработан в связи с подготовкой венчания на царство Ивана IV, в результате чего появилась вторая редакция; рассказ о приобретении Владимиром Мономахом царских регалий был использован как вступительная статья к чину венчания Ивана IV на царство в 1547 г.

«Сказание о князьях владимирских» первой редакции, так же как и «Послание» Спиридона-Саввы, сопровождается дополнительной статьей — родословием литовских князей, в основу которого положена легенда о низком происхождении первого князя литовского Гедимина, чем подчеркивалось превосходство русской династии над правителями Литовского княжества. В 10—20-х гг. XVI в., когда велась упорная борьба с Литвой за пограничные земли, вторая часть произведения имела актуальное политическое значение. Однако эта легенда о происхождении литовских князей уже не была включена в великокняжескую Воскресенскую летопись, и Иван Грозный отвергал ее, говоря: «...безлепичники врут, что Витенец служебник был тверских великих князей, а при нем был конюшец Гегиминик» (Послания Ивана Грозного. М. — Л., 1951, с. 260). Поэтому во второй редакции «Сказания о князьях владимирских» родословие литовских князей было исключено.

Текст «Сказания о князьях владимирских» первой редакции издается по списку XVI в., *ГБЛ*, собр. Волоколамского монастыря, № 572, лл. 190—197 об.

Стр. 422. *От история Ханаонава и предѣла рекома Арфаксадова... По отца своего Ноя благословению раздѣлися вся вселенная на три чясти...* — Все начало «Сказания» восходит к библейской книге «Бытие». Текст первой фразы неясен. В виду может иметься и библейское название Палестины — Ханаанская земля и имя собственное Ханаан — младший сын Хама, родоначальник хананеев, пророчески проклятый Ноем как наследник Хама. По библейской легенде, Ной, спасенный богом от потопа, разделил всю землю между тремя сыновьями Симом, Хамом и Иафетом. Поэтому все люди на земле являются их потомками. Арфаксад — согласно библейской генеалогии, третий сын Сима, от него произошли предки евреев.

Извержеся от нерадениа Хамъ от благословениа отца своего Ноя... — Согласно библейской легенде, Ной, выпив вина с возделанного им виноградника, лежал обнаженным в своем шатре. Хам, увидев отца, вышел из шатра и рассказал об этом братьям. Сим и Иафет, взяв одежды, вошли в шатер и, не глядя на отца, покрыли его наготу. В апокрифическом сказании о Ное говорится, что Хам «посмеяся наготе отца своего».

И родишася ему двѣ близняте: первому имя Мерсемъ, второму Хусъ... — Эти имена известны по библейской истории (Книга Бытие, 25, 24). Мер-

сем (Месрем, Месром) и Хус — потомки Хама. Согласно сведениям русских хронографов, заимствованных из «Хроники» Иоанна Малалы, Месрем был внуком Хама и первым правителем Египта.

И воста... Фарисъ в Калаврийских странах и созда град... Арфакса. — Калаврийские страны — Калабрия, область на юге Италии. По библейской истории известен Фарсис — внук Афета, сын Иована. В древнерусском хронографическом своде («Еллинском летописце») упомянут Фарис из племени Афета, но только как основатель Фракии («от него же Фраци»). Название города Арфакса — скорее всего выдумка автора «Сказания о князьях владимирских».

Правнукъ же его именем Гайдуварий... и по семъ Сеостръ. — В одном из древнерусских хронографов (Виленском) о Гайдуварии (Гандуварии) сообщается, что он был индийским астрономом («мудр индианин астроном») и происходил от рода Арфаксада, а не от Фариса, как сообщается в «Сказании о князьях владимирских». В последнем здесь допущена ошибка, которая произошла в результате переработки автором «Сказания» своего источника — «Послания» Спиридона-Саввы. Той же причиной объясняется противоречивость известий и о Сеостре как преемнике Гандувария. Сеостр (Феост, Фест), согласно сведениям древнерусской хронографии, воцарился в Египте после Ермия (Гермеса), который, в свою очередь, правил Египтом после Месрема (Месрома). Та же преемственная связь между правителями Египта передана в «Послании» Спиридона-Саввы.

И от его роду нача царствовати Филиксъ... — В древнерусском хронографическом своде («Еллинском летописце») преемником Феста (Сеостра) на египетском престоле назван Филист. Очевидно, его можно отождествить с названным в «Сказании» Филиксом.

Стр. 424. *...Нактанав влъхвъ, сей роди Александра Макидоньскаго от Алимъпияды, жены Филиповы.* — Нектанав — искаженное имя двух правителей Египта: Нектанеб I (378—360 гг. до н. э.), Нектанеб II (358—341 гг. до н. э.). Олимпиада — дочь эпирского царя Неоптолема, вышла замуж за Филиппа Македонского в 358/57 г. до н. э., была женой Филиппа до 340 г. Филипп — царь (359—336 гг. до н. э.) Древней Македонии, отец Александра Македонского. Версия о том, что Александр Македонский был сыном Олимпиады от Нектанава, явившегося к ней в виде египетского бога Аммона, носит легендарный характер. На Руси эта легенда была известна по рассказу «Александрии» (см.: Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. М., 1982, с. 25—35).

Сей вторый пооблада вселенною лѣт 12, и всѣх лѣт живота его 32... — Время жизни Александра Македонского 356—323 гг. до н. э., поход против персидской державы, которым начинаются войны Александра Македонского, был начат в 334 г. до н. э.

Птоломѣй — один из полководцев Александра Македонского и его телохранитель, правитель Египта с 323 г. до н. э., с 305 по 283 г. до н. э. — царь. Основатель царской династии Птолемеев, правившей Египтом с 305 по 30 г. до н. э. Все четырнадцать царей этой династии носили имя Птолемей.

Виз. — Эпонимом Византии в греческой мифологии был Бизант (Визант), сын Посейдона. В сербской «Александрии» говорится, что у Александра Македонского был воевода Визант и создание города Византия связывается с его именем.

Византия. — Здесь в значении город. Древнегреческий полис Византий был основан задолго до описываемого в «Сказании» времени — в VII в. до н. э., на европейской стороне Босфорского пролива. В 330 г. император Константин перенес в Византий столицу Римской империи, которая получила по его имени название Константинополь. В древнерусских источниках назывался Царьградом.

Птоломѣй же Прокаженный имѣ дщерь премудру именемъ Клеопатру... — Имеется в виду Клеопатра VII (69—30 гг. до н. э.) — последняя царица династии Птолемеев, дочь Птолемея XI, сестра, супруга и соправительница (с 51 г.) Птолемея XII. В 48 г. была изгнана в Сирию, в 47 г. возвратилась в Египет с помощью Юлия Цезаря (от Цезаря у нее был сын Цезарион). После убийства Цезаря, когда восточными областями римской державы стал управлять Марк Антоний, стала его союзницей, а с 37 г. женой. Покончила жизнь самоубийством, когда в Египет вторгся Октавиан (30 г. до н. э.). Согласно преданию, Клеопатра дала ужалить себя змее.

Иулие, кесарь римъский. — Юлий Цезарь (102 или 100—44 гг. до н. э.), великий римский полководец и государственный деятель. Убит заговорщиками.

...посла зятя своего Антонина, стратига римъскаго... — Имеется в виду полководец Антоний Марк, участник галльских походов Юлия Цезаря. Управлять восточными областями римской державы стал уже после убийства Юлия Цезаря (с 42 г. до н. э.). Когда в 30 г. до н. э. в Египет вторглись силы Октавиана, покончил жизнь самоубийством.

...и постави брата своего Августа стратигом... — Август Гай Октавий, римский император (с 27 г. до н. э. — 14 г. н. э.), внучатый племянник Юлия Цезаря, усыновленный им. В 27 г. до н. э. римский Сенат преподнес ему почетное звание Augustus (священный, великий), вошедшее в титулатуру последующих императоров.

Восташа же на Улия ипаты: Врутос, и Помъплий, и Крас... — Во главе заговора против Юлия Цезаря стояли Гай Кассий и Юний Брут (всего в заговоре участвовало более восьмидесяти человек). Помпей Гней и Красс Лициний входили вместе с Юлием Цезарем в так называемый первый триумвират (в 60 г. до н. э.), но оба они умерли до гибели Цезаря.

...и нумеры, и препоситы... — Нумеры — начальники воинских подразделений, препоситы — наместники.

...в порфиру и висонъ... — Порфира — длинная пурпуровая мантия, виссон — тонкая драгоценная ткань; порфира и виссон — принадлежности царского одеяния.

...поясомъ дерьмлидом... — Что значит «дермлидовый», неясно, какой-то драгоценный пояс, как часть царского облачения.

...митру Поря... — Митра — позолоченный головной убор; Пор — правитель одной из областей западной Индии, разбитый Александром Македонским в битве при Гидаспе в 326 г. до н. э.

Стр. 426. *Иродъ Антипатров* — Ирод I Великий, царь Иудеи с 40 до 4 г. до н. э., сын Антипатра, родился в городе Аскалоне, поэтому ниже назван асколонитянином.

Постави брата своего Патрикиа... — В рассказе о разделении вселенной Августом упоминаемые правители не только не состояли в родстве с Августом, но многих из них нельзя связать с историческими лицами. Имя Патрикия известно по «Хронике Георгия Амартола», под этим именем там упоминается пруснийский епископ, действовавший в I веке, во времена правления империей Титом.

...Августалиа, другаго брата своего... — Под этим именем в «Хронике Георгия Амартола» упомянут епарх александрийский, живший в V в.

...Асию же поручи Евлагерду... — Происхождение имени Евлагерда установить не удалось.

...Алирика... постави в поверъшии Истра... — Имя Алирик (Илирик), видимо, происходит от географического названия области Иллирия или Иллирик, расположенной по течению Дуная, в хронографической русской литературе XVI в. Дунай обычно называется Истром.

...Пиона постави во Отоцѣх Златых, иже нынѣ наричются Угрове... — Пионами в Хронографе 1512 г. называется племя угров, это название племени здесь использовано как имя первого правителя угров.

Прус. — Псевдоисторическое (легендарное) лицо; происхождение имени правителя Пруса следует полагать зависящим от названия «Прусская земля». В русской письменности оно впервые появилось при создании «Сказания о князьях владимирских».

Гостомыслъ — полулегендарный первый новгородский князь.

Рюрикъ. — По летописным преданиям, Рюрик, Синеус и Трувор — три брата, предводители варяжских дружин, якобы призванные в Новгород во второй половине IX в. Рюрик стал княжить в Новгороде, Синеус — в Белоозере, Трувор — в Изборске. Вскоре средний и младший братья умерли и Рюрик стал полновластным правителем Новгородской земли. Существует мнение, что имена Синеуса и Трувора появились в результате ошибочного прочтения русским летописцем иноязычного текста, а был один Рюрик, пришедший в землю славян со своим домом (сине-хус) и верной дружиной (тру-вор). Рюрик сначала правил в Ладоге, а в 862 г. захватил власть в Новгороде.

Олегъ — русский князь, ум. в 912 или 922 г. По летописным данным, Рюрик, умирая, передал в 879 г. княжение в Новгороде Олегу и оставил на его попечение своего сына Игоря. Олег завладел Киевом и подчинил своей власти многие племена, успешно воевал с хазарами, совершил поход в Византию, взяв большую дань с Византии и заключив выгодные для Руси договоры.

Володимеръ — Владимир Святославич, великий князь киевский с 980 г., сын Святослава Игоревича, ум. в 1015 г.; ввел христианство на Руси в качестве государственной религии.

Владимир Всеволодич Манамах. — Великий князь киевский с 1113 по 1125 г., прозван Мономахом по имени матери — дочери византийского императора Константина Мономаха. Вел успешные войны с половцами, его княжение ознаменовалось политическим и экономическим усилением Руси.

Всеславъ Игоревич, княз великий, ходил и взял на Коньстянтине градѣ тяжьчайшую дань. — Ошибка автора «Сказания», должно быть Святослав Игоревич, великий князь киевский с 945 по 972 г., воевал с Византией в союзе с болгарами и венграми в 971 г.

Стр. 428. *Всеволод Ярославич* — отец Владимира Мономаха, сын Ярослава Мудрого, великий князь киевский с 1078 по 1093 г.

Тогда бѣ въ Цариградѣ благочестивый царь Констянтинъ Манамах... — Константин Мономах умер, когда Владимиру Мономаху было два года. Война с Русью имела место в 1043 г., результатом союза с Русью, заключенного в 1046—1047 г., и явился брак дочери Константина Мономаха с Всеволодом Ярославичем.

...Неофита митрополита ефесьскаго... — Эфес — древний город на западном побережье Малой Азии (на территории современной Турции), просуществовал до VII в., был значительным религиозным центром, где проходили вселенские соборы. В списке эфесских митрополитов имени Неофита нет.

Стр. 430. *...римъский папа Формос...* — Формоз жил в IX в., папой был с 891 по 896 г. Имя его часто повторяется во многих древнерусских произведениях, направленных против латинян, как основоположника разделения христианской церкви на восточную (православную) и западную (католическую).

...святѣйший патриархъ киръ Иларие... — Кир Ларий (Кир Ларье) — Михаил Керулларий, патриарх константинопольский (1043—1059 гг.). При нем был вселенский собор в 1054 г. по поводу посольства от папы Льва. В Византийской империи православная церковь возглавлялась четырьмя патриархами — константинопольским, александрийским, антиохийским и иерусалимским.

Батый — хан, сын хана Джучи, внук Чингисхана. Возглавлял нашествие монголо-татар на Восточную Европу. После завоевания Руси в 1237—1240 гг. совершил поход на Польшу, Венгрию и Далмацию. Умер в 1255 г.

...князец именемъ Витянецъ... — Витень (Витенис), великий князь литовский с 1293 по 1315 г., брат Гедимина.

Жомоть — Жемайтия, западная часть Литвы.

Гигименикъ — Гедимин (Гедиминас), великий князь литовский с 1316 по 1341 г., на самом деле брат Витеня.

И роди от нея седмь сыновъ... — У Гедимина было семь сыновей: 1) Монивид (князь карачевский и слонимский), 2) Наримунт-Глеб, 3) Ольгерд (великий князь литовский), 4) Евнутий (князь литовский), 5) Кейстут (князь тракайский и жемайтский), 6) Кориат-Михаил (князь новогрудский), 7) Любарт. Названный сыном Гедимина «Скиригайлик» — Скиригайло, на самом деле сын Ольгерда.

Юрий Данилович — князь московский с 1303 по 1325 г. и великий князь владимирский и московский с 1319 по 1322 г. Был убит в Орде сыном Михаила Ярославича Тверского Дмитрием.

Михаил Ярославич — князь тверской с 1285 по 1318 г. и великий князь владимирский и тверской с 1305 по 1318 г. Был убит в Орде.

Михаил Черниговский — черниговский князь Михаил Всеволодович, был убит в Орде в 1246 г. («Сказание об убиении Михаила Черниговского» см.: Памятники литературы Древней Руси. XIII век, М. 1979.)

Стр. 432. *В лето 6859 князь великий Семион Семионович...* — Ошибка автора произведения. Должен быть Семион Иванович и год не 6859 (1351), а 6849 (1341). Семен Иванович Гордый занимал великокняжеский стол с 1341 по 1353 г.

...сынъ его первый Наримантъ. — Наримунт был вторым сыном Гедимина.

...бывшу великому князю Ивану Даниловичю в Ордѣ... — Иван Данилович Калита, брат Юрия Даниловича, великий князь московский с 1326 по 1341 г. В Орде был в 1340 г.

...а Скиригайло з братом своимъ с Кестутьемъ... — Кейстут с братом Ольгердом неожиданно напали на Вильно, где княжил их брат Евнутий. Евнутий бежал сначала в Смоленск, а потом перешел к великому князю в Москву.

И въста Скиригайло на брата своего Кестутия и уби его. — На самом деле в борьбе за великокняжескую власть Кейстут был убит по приказу своего племянника Ягайла — сына Ольгерда.

Сынъ же Кестутевъ Витовтъ... — Витовт был великим князем литовским с 1392 по 1430 г.

...и совокупися любовою з дядею своимъ съ Олгердомъ. — Ольгерд занимал великокняжеский стол Литвы с 1345 по 1377 г. Таким образом, ко времени событий, связанных с Кейстутом и его сыном Витовтом, Ольгерда уже не было в живых.

Князь же великий Семионъ пожаловал Олгерда и братью его, Корияда и иных отпустил... — В 1349 г. Ольгерд послал своих послов во главе с братом Кориатом к хану в Золотую Орду, прося у того помощи для похода против великого князя московского Семена Ивановича Гордого. Хан выдал литовских послов московскому князю. В 1350 г., по просьбе Ольгерда, Семен Иванович литовских послов отпустил в Литву.

И родишася от нея сыновъ седмь... — Ольгерд вторым браком был женат на дочери тверского князя Александра Михайловича Ульяне. От нее у него было семь сыновей.

Стр. 434. *Иаковъ же, сын Олгердовъ... — Ягайло, великий князь литовский...* — Ягайло был великим князем литовским с перерывом с 1377 по 1392 г., с 1392 по 1434 г. был королем польским (под именем Владислава II Ягелло).

...до Фоминьского приложишася к Витовту. — В XIV в. существовало Фоминское княжество, один из уделов московских князей; местонахождение его было в пределах Калужской области.

ПОСЛАНИЯ СТАРЦА ФИЛОФЕЯ

(Стр. 436)

Один из известных публицистов первой половины XVI века, старец и игумен псковского Елеазаровского монастыря Филофей (около 1465—1542 гг.), известен хронографическими трудами, а также несколькими посланиями, идеологически обосновывавшими самодержавную власть московского великого князя уже после окончательного присоединения Пскова к Москве (1510 г.). В послании Василию III Ивановичу, написанном около 1514—1521 гг., изложена самая первая, еще не обработанная в литературном и философском смысле идея «Москва — Третий Рим»; в одном из последних своих произведений, в третьем послании дьяку Михаилу (Мисюрю) Григорьевичу Мунехину (сентябрь 1527 — март 1528 гг.), представлены уже развернутые доказательства в пользу этой, в свое время нашумевшей теории, которую все эти годы Филофей активно разрабатывал и в других своих произведениях.

Послания Филофея — это первый вполне внятный голос современника, публицистически скрепившего церковной властью притязания московских великих князей. Правда, несколько раньше и митрополит Зосима в изложении пасхалии «на осьмую тысящу лет» (1492 г.) несколько туманно говорил о «Третьем Риме», однако в отличие от него Филофей убрал эмоциональную силу эсхатологических, пророчивших конец света, предчувствий Зосимы («Конец света» как раз и ожидался на исходе седьмого тысячелетия с «сотворения мира», то есть в 1492 г.); кроме того, Филофей ослабил антивизантийский дух произведения Зосимы, подчеркивая как раз преемственность российского самодержавия от многовековой византийской государственности. Независимость московских государей от «внешних властей» и мировое значение русского государства — такова основная мысль многих посланий Филофея.

В публикуемых текстах содержится уже почти полный формуляр титулования московского великого князя царем и самодержцем (что необычно для того времени) — это пока еще чисто механическое соединение традиционного в предшествующие столетия наименования владык Золотой Орды (их титул — «царь») и обладающих столь же неограниченной властью византийских императоров («самодержец» — калька с греческого «autokrátōr»). Оба титула «освободились» — один после 1480 г. («стояние на Угре»), а второй еще раньше, после взятия турками-сельджуками Константинополя (1453 г.). Впоследствии в русской государственной практике эти титулы распределились по своей функции, стали отражать разные стороны самодержавной власти. Интересно в посланиях Филофея косвенное признание высших прав российского престола и на решение церковных вопросов, что несколько противоречило основным идеям иосифлянских церковных кругов, претендовавших на самостоятельное значение церкви в самодержавном государстве. По этой причине, по-видимому, распространение идей Филофея в Московской Руси несколько задержалось и достигло полной силы только в эпоху Ивана Грозного. Таким образом,

теория «Москва — Третий Рим» стала оправданием политической линии московского царства на протяжении длительного времени.

Идея богоизбранности народов и преемственности царств в соответствии со средневековыми представлениями о том, что «несть власти, иже не от бога», доказывается здесь многими ссылками на Священное писание, однако многие источники цитат оказываются весьма показательными. Историки полагают, что и основная философско-литературная идея о трех сменах царств восходит к библейской Книге Ездры, переведенной только в самом конце XV в. при дворе новгородского архиепископа Геннадия; таким образом, полагают, что на Руси и сама мысль о преемственности царств, отражающая развитие идеи государственности в сменах ее форм, не могла бы возникнуть ранее этого времени. Однако те же мысли о смене царств и народов на мировом торжище были хорошо известны славянам, в том числе и русским, уже по древнейшим переводам библейской Книги пророка Даниила и по «Слову святого Ипполита об Антихристе» (есть русские списки XII в.). Все дело не столько в появлении ранее неизвестного литературного источника, способствовавшего созданию новых теорий, сколько в социально-экономической обстановке, сложившейся в Московской Руси к началу XVI в. Основываясь на этих идеях, в 1547 г. Иван Грозный и коронуется как «царь всея Руси» — а одно из последних посланий Филофея обращено как раз к молодому Ивану IV.

Помимо последовательного развития общей идеи «Москва — Третий Рим», все послания Филофея содержат актуальные для его времени этические и культурные проблемы. В послании к Василию III речь идет об искажении некоторых привычных форм церковной обрядности (крестного знамения) и об упадке нравов в среде духовенства; в послании дьяку Мунехину — о борьбе с «латынщиной», то есть с папством, которое в это время добивалось унии с православием, стремясь к последовательному подчинению его католичеству. В известном смысле и эта борьба Филофея была прогрессивной в начале XVI в., поскольку приостанавливала духовное и идеологическое воздействие иноземных государств на пока еще только складывавшееся русское централизованное государство. Много внимания в своих посланиях Филофей уделял критике проводников католического влияния на Русь, таких, как лекарь Николай Булев: запрос дьяка Мунехина Филофею, на который и отвечает старец, объясняется как раз беседами Мунехина с лекарем-иноземцем, только что (в 1524 г.) переведшим на русский язык «Альманах» с предсказаниями «Конца света». Филофей активно и последовательно возражает против суеверий и мистики средневековой «науки», хотя, конечно, и делает это вовсе не с позиций науки настоящей.

Во всех своих посланиях Филофей также последовательно полемизирует с теми христианами, которые видели в вероучении не столько религиозную, сколько политическую силу, особенно на западе и на юго-западе России, а также в Новгороде и в Пскове, где сохранялись еще «новоявленные ереси».

Популярность текстов посланий была исключительной, со временем многие из них составили новые, обросшие рассуждениями и цитатами варианты;

не всегда в них указано и авторство Филофея. В нашем издании помещены тексты двух посланий Филофея: 1) «Послание к великому князю Василию», в самой краткой и первоначальной редакции по рукописи начала XVII в.: *ГПБ*, Погодинское собрание, 1620, лл. 223—227; 2) «Послание о неблагоприятных днях и часах» по рукописи первой половины XVI в.: *ГПБ*, Q. XVII. 15, лл. 493—497 об.; сверка с другими списками этих текстов проведена по изданию: Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901. Приложение, с. 37—47, 49—55.

Стр. 436. *...и высокостолнѣйшему государю...* — Намек на самый «высокий» престол московского князя по отношению к удельным «столам», еще сохранявшимся в то время; это своего рода первоначальная, «черновая», формулировка самодержавия.

...иже вмѣсто римския и константинопольския просиавшу. — Общая идея Филофея заключается в установлении последовательности трех величайших христианских государств; сначала римского, затем константинопольского и, наконец,— московского.

...падеся невѣрием аполинариевы ереси... — Аргументация того, почему католичество не имеет морального права на существование — обилие еретиков в Риме; Аполлинарий Младший, епископ лаодикийский в Сирии середины IV в., создал учение, согласно которому совершенный человек и совершенное божество не могут соединиться в одном лице, и Христос, как совершенный человек, должен был быть греховен и потому не мог стать искупителем грехов человеческих; следовательно, только тело и душа у Христа были человеческими, а дух его был продолжением божественного Логоса. Это учение было отвергнуто в 362 г. как еретическое, что подтвердил в своих решениях и Константинопольский собор 381 г. Поклонение богородице, как одна из особенностей католического вероучения, связывается Филофеем с ересью Аполлинария. Оживление интереса к учению Аполлинария было связано в Европе с эпохой Реформации. Католиков обвиняли в аполлинаризме за их учение о причастии кровью и телом Христа, а протестантов — за их учение о соединении божественного и человеческого начал в Христе.

...агаряне внуцы... — По мнению средневековых историков, магометане являются потомками Агари, наложницы патриарха Авраама, которая родила сына Измаила,— отсюда другое именование мусульманских народов Востока: измаильтяне.

...секирами и оскордъми разсѣкоша двери. — В мае 1453 г. войска турок-сельджуков под предводительством Мехмеда II штурмом взяли Константинополь.

...не уповай на злато, и богатство, и славу... — Между прочим, это и намек на реквизиции и контрибуции, наложенные московским правительством на Псков после его присоединения к Москве: «И быша дьяки мудры, а земля пуста, и нача казна великого князя множитися во Псковѣ» (*ПСРЛ*, т. IV, с. 297, запись под 1528 г.).

...и венец царствиа на своей главѣ нося... — Намек на царские регалии Василия III; в соответствии с легендами в «Откровении Мефодия Патарского» (древнерусский перевод известен с XI в.) земное царство символически представляется венцом; впоследствии это преобразовалось в легенду о венце русских государей, шапке Мономаха.

«Богатство, аще течет...» — Здесь и ниже цитаты из библейской Книги Притчей Соломоновых.

«Корень всѣм злым — сребролюбие». — Цитата из Первого послания к Тимофею апостола Павла, 6, 10.

Стр. 438. *...не пологают человецы на себѣ право знамения честнаго креста.* — Намек на распространение ересей в конце XIV — начале XVI в. в Новгороде и Пскове («ересь жидовствующих»); последователи этой ереси следовали «неправому» осенению крестным знамением: «Махающе рукою по лицу своему»,— как отмечает «Стоглав», небрежное перекрещивание только лица, и притом всей рукою, а не установленным числом пальцев.

«Преже писах вам...» — Слова апостола Павла из Второго послания к Коринфянам (2, 4) и других его посланий как напоминание о том, что уже сказано.

...да не вдовьствует святая божиа церкви... — С 1509 по 1526 гг. в Новгороде не было утвержденного архиепископа, многие иерархи церкви в Новгороде и Пскове также отсутствовали.

...еже положиша твои прадѣды, великий Константинъ, и блаженный святый Владимиръ... — Перечисляются: византийский император Константин I (306—337), введший христианство как официальную религию в Византии; Владимир Святославич, введший христианство на Руси (988 г.); киевский князь Ярослав Мудрый (1019—1054), сын Владимира Святославича, известный и строительством монастырей и соборов, созданием первых на Руси книжных центров и книгохранилищ.

...о сем убо святый великий Пятый соборъ страшное запрещение положи. — На Пятом вселенском соборе никаких установлений не принималось, поэтому ссылки церковников на него как на авторитетное подтверждение независимости церкви от государства неправомерно; данное рассуждение актуально для начала XVI в., когда шел острый спор между иосифлянами и нестяжателями о церковном имуществе; в 1504 г. на церковном соборе было принято решение в пользу иосифлян, настаивавших на праве церкви собирать имущество и земли, не контролируемые высшей государственной властью.

...о нем же пророкъ Исаия рыдая глаголаше... — В Библии рассказывается, как бог за великие грехи уничтожил города Содом и Гоморру (Бытие, 19); этот сюжет неоднократно использовался в древнерусской нравоучительной литературе; см. также начало Книги пророка Исайи, известной в переводе на старославянский язык еще в IX в.

«Что ми тукъ жертвъ ваших...» — Тук — жир жертвенных животных.

«Преступаяй от своеа жены...» — Вопрос о содомии (гомосексуализме) довольно часто рассматривался в древнерусской церковной литературе (уже в «Изборнике» Святослава 1073 г.), но особенно остро он встал во времена Филофея, когда ересь жидовствующих распространила этот порок

и среди светских лиц (у еретиков, по предположениям некоторых историков, он выполнял роль ритуального действа).

...но боюся молчати, аки онъ рабъ, сокрывый талантъ. — Филофей не хочет молчать перед лицом высшей власти в годину скорбей для жителей родного города (Пскова); он напоминает евангельскую притчу о том, как раб, получивший талант (меру золота) от своего господина, просто зарыл его в землю, не пустив в дело, за что и был наказан господином.

...яко ж валамово осля безсловесное словеснаго учаше... — В Книге Чисел (гл. 22) рассказывается, что ослица волхва Валаама, по воле бога запретившего Валааму вредить израильтянам, не могла сдвинуться с места, удерживаемая невидимым для Валаама ангелом; в ответ на удары хозяина она заговорила по-человечески.

...яко да премениши скупость на щедроты и немилосердие на милость. — Призыв прекратить преследование псковичей после присоединения города к московскому царству.

Стр. 440. *«Не обидите,— рече господь,— сих менших...»* — Евангелие от Матфея, 18, 10.

...будеши сынъ свѣта и гражанинъ вышняго Иерусалима... — то есть войдешь в царство небесное, в данном случае — за заслуги перед церковью.

...твое христианьское царство инѣм не останется, по великому Богослову...— Это передача слов не Иоанна Богослова, а из Книги пророка Даниила, где речь идет о вечном царстве, которое сменит земные царства.

«Се покой мой в вѣкъ вѣка...» — слова из 131 псалма Давида (стих 14).

Святый Ипполит рече... — Речь идет о толковании святым Ипполитом (конец II — начало III в.) символики библейской Книги пророка Даниила — о Христе и Антихристе, о смене царств; в отличие от библейских и раннесредневековых представлений о смене четырех царств Филофей последовательно указывает, что царств всего три, а четвертого никогда не будет.

Стр. 442. *...господину Михаилу Григорьевичу...* — то есть дьяку Мисюрю Мунехину, представителю великого князя Василия III в Пскове (1510—1528 гг.).

Прислал ты, государь мой, ко мнѣ свою грамоту... — Поводом к написанию послания Филофея послужила «речь» «немчина» Николая Булева (Люева), врача Василия III, получившего большое влияние при дворе (Филофей называл его «прелестником»), относительно ожидаемых в 1524 г. землетрясений и затмений солнца; основные мысли этого труда были изложены в послании Мунехина Филофею.

...а еллинскых борзостей не текох... — то есть не проходил высших ступеней средневековой науки и, в соответствии с общим отношением к ересям XVI в., относился к таким наукам резко отрицательно. В этом послании Филофей представляет целостную систему мироздания в его отношении к нравственному поведению людей и на основе переводной византийской литературы, в том числе и запретной, апокрифической («Шестокрыл» и др.).

А еже писал ты о числах лѣтных... — Речь идет о разных системах летосчисления, которые активно обсуждались с конца XV в. — от «Сотворения

мира» или от «рождества Христова»: впервые второй тип летосчисления был установлен в 525 г., но на Руси вплоть до Петра I предпочтение отдавалось отсчету времени от «Сотворения мира» (согласно условным расчетам церковников, 5508 лет до «рождества Христова»); Филофей считает, что оба типа летосчисления одинаково правомерны, потому что в равной мере условны.

Шестокрыл. — Апокрифическая книга по астрологии, переведенная на славянский язык в XVI в.

Стр. 444. *А што писал о преходных звѣздах, знамение водное наслѣдят...* — Здесь упоминаются писания Николая Булева, согласно которым в 1524 г. все станут очевидцами «не потопу водному, но изменению и преиначению» — не всемирного потопа, но гибели мира; Филофей видит еретическую опасность в учении астрологов.

«Святым духом всяка твар обновляется». — Точно таких слов нет в Писании, ср.: «Он спас нас не по делам праведности, которые бы мы сотворили, а по своей милости, банею возрождения и обновления Святым Духом...» (Послание Павла к Титу, 3, 5); в греческом оригинале «diá loutroú» — не просто «банею», а скорее, «купелью», очищением. Речь идет о том, что в Судный день в горниле святого духа все существа возвратятся в прежнее состояние бессмертия.

...иже рече богъ: «Да будет свѣт»... — Изложения дней творения по Книге Бытия.

...иже к суетѣ ума своего столпъ зиждуще... — Речь идет о постройке Вавилонской башни.

Стр. 446. *Иисус же рече...* — приводятся слова Христа: «Не ваше дело знать времена и сроки, которые Отец положил в своей власти» (Деяния апостолов, 1, 7). Следовательно, люди не должны вмешиваться в естественный ход событий и стараться проникнуть в тайны природы.

Стр. 448. *«Кто дастъ на расхыщение Израиля — не богъ ли, ему же съгрѣшиша?»* — В Книгах пророков Иеремии и Иезекииля несколько раз повторяется угроза бога наказать грешников корня Израилева, но точной цитатой эти слова Филофея не являются.

Девятдесят лѣт, како греческое царство разорися и не созижется... — Если эту цифру понимать буквально, то послание следовало бы датировать 1542 г. (1453+90), то есть годом смерти Филофея; В. Малинин допускал перестановку чисел 70 и 90, возникшую в результате переписывания текстов.

...они предаша православную греческую вѣру в латынство. — Это неверно, потому что после взятия турками Константинополя церковная иерархия продолжала существовать; далее Филофей упоминает мотивы полемических выступлений против папства, начиная со спора об опресноках как одного из исходных расхождений в понимании христианского причастия (восточная церковь использует квашеный хлебец, а западная — пресный, ср. ниже подробные, основанные и на апокрифических источниках, сведения о символической сути подобных расхождений, которым средневековые богословы придавали первостепенное значение); в этой части повествования и далее факты из евангельских текстов не всегда точно переданы,

однако Филофей пытается представить целостную картину возникновения того или иного обряда. В сущности, это расхождение между восточной и западной церквами особенно болезненно воспринималось именно в новгородско-псковских пределах, поскольку незадолго до присоединения к Москве переход в «латынщину» тут был довольно вероятен.

...бѣша с нами в соединении семсотъ лѣт и 70, а егда отпадоша правыа вѣры семсот и 35 лѣт... — А. А. Шахматов видел тут ошибку и число 70 исправлял на 90 (см. выше путаницу или перестановку с числом 90 вместо 70), в таком случае оказывается, что послание написано в 1525 г. (790+735, и выше: 1453+70=1523).

...прелщени Карулом царем и папою Формосом. — Карул — Карл Великий, король франков с 768 г., римский император с 800 по 814 г. Здесь упоминается, по-видимому, в связи с желанием Карла освободиться от верховной власти Византии посредством женитьбы на императрице Ирине; эта попытка Карла объединить обе империи не увенчалась успехом. Формоз — папа римский в 891—896 гг., сторонник верховной власти германских королей, интриган и тонкий политик, которого обвиняли в узурпации папского трона. После смерти Формоза преемник его приговорил к смертной казни, его тело подвергли символической казни и сбросили в Тибр. Обе исторические личности представлены в контексте послания не столько как распространители «ереси», сколько как претенденты на верховную (всемирную) власть светских властей.

...прегыбающе колѣни свои и глаголюще: «Радуйся, царю июдѣйскыи!» — Важное в доказательствах Филофея место: ссылаясь на тексты Евангелия, он ищет символические истоки расхождения между коленопреклонением в западном и восточном ритуале, однако, как и во многих других случаях, эти доказательства носят схоластический характер и не соответствуют текстам; в Евангелии сказано: «...становясь пред ним на колени, насмехались над ним, говоря: «Радуйся, царь иудейский!» (Евангелие от Матфея, 27, 29; в греческом оригинале употреблен глагол títhēmi — «становиться, ставиться», а вовсе не «прегыбающе»).

«В поношение безумному дал мя еси». — В 38 псалме Давида сказано: «...не предавай меня на поругание безумному» (ст. 9).

Приступиша ученици ко Иисусу... — Далее на основе евангелий рассказывается о тайной вечере в принятых для богословской литературы символических толкованиях; многих подробностей, из которых состоит цельный рассказ Филофея, в Евангелии нет, в частности, того, что касается различия между пресным и квашеным хлебом — основе всего рассказа Филофея.

Стр. 452. *...то есть росеское царство...* — Может быть, игра слов: в пророческих книгах говорится о *ромейском* царстве.

«Рим — весь мир». — Точно таких слов в дошедших до нас посланиях апостола Павла нет, однако в средневековой богословской традиции существовало убеждение в том, что победа христианского учения наступила только после обращения «столицы мира» — Рима. В «Деяниях апостолов» (23, 11) именно Павлу предсказано было совершить этот подвиг: «В следующую ночь господь, явившись ему, сказал: дерзай, Павел; ибо как ты свидетельствовал о мне в Иерусалиме, так надлежит тебе свидетельствовать

и в Риме»; говорится и о том, что в конце концов Павел «должен видеть и Рим» (Деяния, 19, 21). По-видимому, легендарное высказывание апостола поддерживалось не только традицией, но и внутренним смыслом афоризма, а также игрой слов (*Рим* в обратном порядке букв — *мир*), тем более что «миръ» — «спокойствие, тишина» и *«міръ»* — «свет, земное общество» еще не различались даже на письме.

По великому же Богослову... — «Откровение» Иоанна Богослова, 12.

«Един день пред господомъ, яко тысяща лѣт...» — слова апостола Петра во Втором послании (3, 8).

Стр. 454. *«Еще единою потрясу...»* — «Ибо так говорит господь Саваоф: еще раз,— и это будет скоро,— я потрясу небо и землю, море и сушу, и потрясу все народы,— и придет Желаемый всеми народами, и наполню дом сей славою, говорит господь Саваоф» (Книга пророка Аггея, 2, 6). Обычный для поучений Филофея намек на хорошо известные места Священного писания, в данном случае — в связи с общим смыслом поучения, связанным с обсуждением конца света, со ссылкой на Провидение.

«В послѣднее врѣмя спасаа...» — соединение некоторых стихов из посланий апостола Петра; упоминание любимого ученика Христа («наперсник») Иоанна и приписываемого ему «Откровения» связано с тем, что этот текст преисполнен пророчеств о «последних временах».

«Приидите, благословеннии...» — Евангелие от Матфея, 25, 34.

СОЧИНЕНИЯ МАКСИМА ГРЕКА

(Стр. 456)

В сочинениях Максима Грека впервые в русской литературе появляется тема предопределения, неумолимого рока. Фатализм, а это не то же, что вера в божественное провидение, несовместим с христианством — это хорошо понимал Максим Грек. Но в особой запальчивости, с которой писатель ополчается на людей, верящих в предопределение, в фатум, слышатся ноты личной обиды и горечи. Это не удивительно: что иное, как неумолимый рок, привело ученика итальянских гуманистов в застенки Иосифо-Волоколамского монастыря?

Удивительна жизнь Максима Грека, начальный период которой благодаря исследованиям И. Денисова мы знаем теперь неплохо. Максим Грек, в миру Михаил Триволис, родился в греческом городе Арте около 1470 г. В 1492 г., подобно многим своим соотечественникам, Михаил отправляется для завершения образования в Италию — во Флоренцию. Здесь он познакомился с гуманистами Анджело Полициано, Марсилио Фичино и другими знаменитостями, которыми была богата Италия эпохи Возрождения. Побывал он также в Болонье, Падуе, Милане; в Венеции Михаил, по его словам, «часто хаживал книжным делом» к известному издателю Альду Мануцию. В 1498 г. он обосновывается в Мирандоле у Джанфранческо Мирандола, племянника знаменитого гуманиста Джованни Пико делла Мирандола. Но из всех впечатлений, вынесенных из Италии, наиболее сильными оказались впечатления от проповедей Иеронима Савонаролы;

влиянием идей Савонаролы объясняется решение Михаила постричься в доминиканском монастыре Сан Марко, который еще был полон воспоминаниями о великом флорентийском реформаторе. В Сан Марко Михаил пробыл недолго — с 1502 по 1504 гг.; неспокойная душа не давала ему долго оставаться на одном месте. Он навсегда покидает Италию с тем, чтобы обосноваться на Афоне, где Михаил под именем Максима постригся в Ватопедском монастыре. Этот момент был переломным в жизни писателя: отныне он отрекается от своих прежних гуманистических увлечений и целиком предается изучению богословия.

Однако покойная жизнь Максима продолжалась недолго: в 1516 г. по запросу великого князя Василия III Максим выезжает в Москву для перевода Толковой Псалтири. Несмотря на многочисленные просьбы ученого переводчика, московские власти так и не отпустили его обратно на Афон, используя для перевода и исправления других книг. Жизнь Максима оказалась навсегда связанной с Россией.

Михаил Триволис становится Максимом Греком, одним из наиболее плодовитых и разносторонних русских писателей XVI в.

В Москве Максим Грек собирает вокруг себя целый кружок образованных русских людей, которые приходили к нему в келью в Чудов монастырь «говаривать с ним книгами». В это время Максим познакомился и сблизился с Вассианом Патрикеевым и примкнул к партии нестяжателей — противников монастырского землевладения. Это предопределило его дальнейшую судьбу. В 1525 г. Максим Грек предстал перед церковным собором, на котором писатель был обвинен в ереси, в сношениях с турецким правительством (в настоящее время доказана полная несостоятельность этого обвинения) и заточен в Иосифо-Волоколамский монастырь. Вторично Максим Грек был вызван на собор 1531 г., на котором ему был предъявлен целый ряд новых обвинений, в частности, в порче богослужебных книг. Писатель был вновь осужден, на этот раз вместе со своим другом Вассианом Патрикеевым, и сослан вторично — в Тверской Отроч монастырь под надзор тамошнему епископу Акакию. Лишь в 1551 г., за пять лет до смерти, по ходатайству игумена Троице-Сергиевой лавры Артемия Максима Грека перевели в лавру. Здесь он умер и был похоронен.

Литературное наследие Максима Грека обширно и многообразно. Несмотря на наличие ряда серьезных работ, посвященных жизни и творчеству писателя, в целом его сочинения и переводы изучены еще очень поверхностно; многие из них до сих пор не издавались, издание других — не отвечает современным научным требованиям. В этой книге публикуются лишь два сочинения Максима Грека. Первое — это послание «о фортунѣ» (адресат его неизвестен), ярко характеризующее общественную атмосферу в Древней Руси XVI в., когда приобрели популярность сомнительные с точки зрения ортодоксального христианства мысли, в том числе астрологические и фаталистические идеи (ср. также публикуемую в данном томе переписку Максима Грека с Федором Карповым). Второе — это знаменитая «Повѣсть страшна и достопамятна», в которой содержится подробный рассказ о деятельности и гибели Иеронима Савонаролы. Точной датировке эти сочинения не поддаются — как и большинство творений Максима

Грека. Сочинения издаются по рукописи: *ГБЛ,* ф. 37, собр. Большакова, № 285, лл. 137 об. — 145 (гл. 55) и лл. 271 об. — 296 (гл. 71), содержащей авторскую правку. Два исправления во втором сочинении («кождо», «съкрывающих» вместо читающихся в рукописи «кожо», «съкрывающим» — лл. 284 об., 296) внесены по рукописи также с авторской правкой *ГБЛ,* ф. 256, собр. Румянцева, № 264, лл. 232, 239.

В переводе и комментарии учтены переводы обоих сочинений в издании: Сочинения преподобного Максима Грека в русском переводе, ч. I—III. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1910—1911, а также отрывки из «Повѣсти страшной и достопамятной» и комментарий к ним в кн.: E. Denissoff. Maxime le Grec et l'Occident. Contribution à l'histoire de la pensée religieuse et philosophique de Michel Trivolis. Paris — Louvain, 1943.

Стр. 456. *Многымъ сущимъ считаемымъ от божественаго апостола свойством и дѣйствомъ неложныя и съвръшеныя любви...* — Вероятно, имеется в виду «Первое соборное послание» Иоанна Богослова (гл. 4).

Съй бо въистину вѣренъ и истиннѣйши другъ... — Представление о том, что основой содержания письма являются заверения в дружбе, сложилось еще в античной эпистолографии. Культ дружбы характерен и для средневековых авторов писем.

...и халдѣйскаго, и латынскаго, бѣсы обрѣтенаго учительства. — Халдеи — здесь имеются в виду вавилонские жрецы. Латинянами, равно как и немцами, Максим Грек называет католиков.

...Николаа Германа... — Николай Булев (Бюлов, ум. в 1548 г.) — придворный врач Василия III, публицист. Его сочинения были посвящены вопросу о соединении католической и православной церквей, а также пропаганде астрологии.

Стр. 458. *Вѣмы бо, яко сицевая прелесть...* — Эта фраза с некоторыми пояснениями заимствована из византийской энциклопедии X в. Лексикона Свиды (см. статью 'Astronomía).

...от Зороастра и Тана... — Заратуштра (Зороастр) — в иранской мифологии пророк и основатель религии зороастризма. В средние века учение Заратуштры связывали с магией, астрологией и алхимией. Остан — персидский маг, упоминаемый целым рядом античных авторов; ему было приписано много сочинений по астрономии и алхимии.

...некый мудрець еллинскый именемъ Кевисъ. — Кебес — ученик Сократа, участник платоновского диалога «Федон». Дальше Максим Грек перефразирует отрывок из диалога «Картина», который приписывался Кебесу (гл. 7).

Стр. 460. *...премудръ нѣкый христианскый философъ...* — Эта и следующая цитаты заимствованы из Лексикона Свиды (см. túchē). Второе изречение принадлежит Прокопию Кесарийскому.

...тихинь и имарменинь... — Греч. he túchē — «случай» (в рукописи глосса: «счастие»), he heimarménē — «судьба, рок».

...от внѣшних всѣхъ философъ... — «Внешними» (eksōterikoi) назывались в средние века светские науки в отличие от теологии.

Епикурово злѣйше учение и сие есть... — Характеристика учения Эпикура заимствована из Лексикона Свиды.

Стр. 462. *...пророчицею Анною...* — Анна, библейский персонаж, жена Елканы и мать пророка Самуила. Отдельные выражения из молитвы Анны действительно повторяются в «Псалтири» царя Давида.

...преже убо Саула, послѣ же Давида помазавъ ихъ на царехъ... — Пророк Самуил помазал на царство первого израильского царя Саула, когда он искал пропавших ослиц своего отца Киса. Царь Давид, младший сын Иессея, также помазанный Самуилом, пас овец.

...како Иосиф блаженый прославися въ Египтѣ... — История Иосифа рассказана в библейской книге Бытие: проданный своими братьями в Египет, Иосиф после ряда испытаний возвысился благодаря правильному истолкованию сновидений египетского фараона.

...како же и Моисей въ толику высоту вънесенъ бысть... — Моисей — библейский герой, согласно преданию, возглавивший исход евреев из Египта, где они пребывали в рабстве. Ему приписываются первые пять книг Библии («Пятикнижие Моисеево»).

...не съ Христомъ събирающе пшеницю чистую... — Намек на известную притчу о сеятеле, который засеял свое поле пшеницей, а враг его посеял между пшеницей плевелы. Когда взошла зелень, появились и плевелы. На предложение рабов выбрать плевелы, сеятель сказал, что вместе с плевелами они могут выбрать пшеницу. То и другое нужно оставить до жатвы, а тогда плевелы сжечь, а пшеницу убрать в житницы (Евангелие от Матфея, 13, 24—30).

Иоаннъ Златоглаголивый — Иоанн (между 344 и 354—407) — греческий отец церкви, за свое красноречие прозванный Златоустом (Хрисостомом).

Стр. 468. *Отвсюду бо западных странъ и сѣверьскых...* — В знаменитый Парижский университет, основанный в 1150 г., студенты действительно стекались из всех стран Европы.

...бысть нѣкый мужь... — Рассказ о парижском докторе Раймонде Днокре, любившем употреблять богохульные слова, Максим Грек заимствовал из жития основателя Картезианского ордена (основан в конце XI в.) епископа Брунона.

Стр. 470. *...строителю обители.* — Строитель — эконом в монастыре.

Стр. 472. *Различни бо иночьстии чинове суть у латынѣх...* — Максиму Греку принадлежит специальное послание о францисканцах и доминиканцах.

Стр. 474. *...епитимиамъ приличным...* — Епитимия — церковное наказание, заключающееся обычно в специальных постах, молитвах и проч.

...народнымъ писаремъ... — В рукописи глосса: «сиречь дьяком».

...яко же овци, не имуще пастыря. — Образ, часто встречающийся в Ветхом и Новом завете. См., например: Книга Чисел, 27, 17; Евангелие от Матфея, 9, 36; Евангелие от Марка, 6, 34; Первое послание апостола Петра, 2, 25, особенно — Книга пророка Иезекииля, 34, 2 и след.

Стр. 478. *...по нефимоне...* — Мефимон — церковная служба, отправляемая после вечери (повечерие).

...новоначалникомъ... — Послушники — живущие в монастыре и готовящиеся принять постриг. В католических странах во времена Максима Грека новициат (послушничество) продолжался год.

Стр. 482. *В том градѣ манастырь есть, мниховъ отчина, глаголемых по-латынскы предикаторовъ...* — Монастырю Сан Марко покровительствовал Козимо Медичи. Он передал монастырь доминиканцам, целиком перестроил его (работы были поручены знаменитому архитектору Микелоццо Микелоцци, который завершил их в 1443 г.) и снабдил богатой библиотекой. В послании о францисканцах и доминиканцах Максим Грек пишет: «Честнѣйших и смирѣнейши норовомъ и чистѣйши житиемъ сут, иже от правила отца ихъ и началника Доминика, иже и предикатори наричются...»

...нѣкый священый инокъ Иеронимъ званиемъ... — Иероним Савонарола (1452—1498), знаменитый флорентийский церковный проповедник, пытался бороться со злоупотреблениями духовенства; был казнен как еретик.

...по вся дни всея святыя четыредесятници... — То есть в течение всего Великого поста.

...подражающимъ Закхѣя, началника мытаремъ, иже въ Евангелии... — Согласно Евангелию, начальник мытарей и богач Закхей, когда к нему в дом вошел Иисус, сказал: «Господи! Половину имения моего я отдам нищим и, если кого чем обидел, воздам вчетверо» (Евангелие от Луки, 19, 2—8).

Стр. 484. *...паче хвалимыя въ Евангелии двух ради лѣптъ, их же връгла въ даръ божий!* — В Евангелии рассказывается, что Иисус смотрел, как народ собирал деньги в сокровищницу храма. «Пришедши же, одна бедная вдова положила две лепты, что составляет кодрант. Подозвав учеников своих, Иисус сказал им: «Истинно говорю вам, что эта бедная вдова положила больше всех, клавших в сокровищницу. Ибо все клали от избытка своего; а она от скудости своей положила все, что имела, все пропитание свое» (Евангелие от Марка, 12, 42—44. Ср. Евангелие от Луки, 21, 2—4). Лепта — мелкая греческая монета.

...къ концу пятолѣтных учений его... — На основании этого свидетельства И. Денисов считает, что Максим Грек слушал проповеди Савонаролы, начиная лишь с 1493 г.

Стр. 486. *...яко и съборную ихъ заповѣдь послати ему...* — Бреве (папское послание), приглашающее Савонаролу в Рим, помечено 21 июля 1495 г. Бреве, запрещающее Савонароле проповедь, послано 8 сентября 1495 г., бреве с отлучением Савонаролы — 13 мая 1497 г.

Стр. 488. *...избравше нѣкоего зенерала именемъ Иакымъ...* — Джиоакимо Турриано, генерал ордена доминиканцев. Наряду с ним в процессе Савонаролы принимал участие Франческо Ромолино, позднее кардинал.

Пришед же онъ въ град Флоренцискый... — Это было 19 мая 1498 г.

Им же повинувшеся, неправеднии онии судии сугубою казнию осудиша его и ины два священныя мужа... — Приговор Савонароле вместе с фра Доменико и фра Сильвестро был вынесен 22 мая 1498 г.; на следующий день они были казнены.

...Александръ тогда бѣ, Александръ, иже от Испании... — Родериго Борджиа, испанец по происхождению, взошедший на папский престол под именем Александра VI (1492—1503 гг.).

Стр. 490. *Тоея же ради вины и пять оны девы буи нарекошася и внѣ чрътога небеснаго затворишася.* — Имеется в виду следующая евангельская

притча. Из десяти дев, которые вышли со светильниками навстречу жениху, пять было мудрых и пять неразумных. Мудрые вместе со светильниками взяли масло, а неразумные нет. У неразумных дев стали гаснуть светильники, и они вынуждены были отправиться покупать масло. Между тем пришел жених, и мудрые девы вошли с ним на брачный пир. Когда вернулись неразумные девы, они не были впущены (Евангелие от Матфея, 25, 1—12).

Такожде и въшедый въ мысленыя бракы не въ одежу брака... — Имеется в виду другая евангельская притча. Царь, устроив для своего сына брачный пир, вошел посмотреть возлежащих и увидел человека, одетого не в брачную одежду. Тогда царь приказал слугам: «Связавши ему руки и ноги, возьмите его и бросьте во тьму кромешную: там будет плач и скрежет зубов» (Евангелие от Матфея, 22, 2—13).

Стр. 492. *...и съ нищененавидцом богатом съжигаемъ...* — Намек на знаменитую притчу о богатом и Лазаре (Евангелие от Луки, 16, 19—31), рассказывающую, что богач попал в ад, так как наслаждался всеми благами при жизни; нищий же Лазарь за свои страдания после смерти был взят «на лоно Авраамово».

СОЧИНЕНИЯ ФЕДОРА ИВАНОВИЧА КАРПОВА

(Стр. 494)

Федор Иванович Карпов — русский дипломат, один из руководителей восточной политики России. Его деятельность приходится на конец XV — первую половину XVI в. (первое упоминание о Карпове относится к 1495 г., когда он был «постельничим» Ивана III во время поездки великого князя в Новгород; к 1545 г. его уже не было в живых). Вместе с тем Федор Карпов — один из наиболее оригинальных и образованных русских публицистов своего времени, с мнением которого считались выдающиеся писатели XVI в.: Максим Грек, Николай Булев, инок Филофей, митрополит Даниил. В его посланиях встречаются имена античных авторов — Гомера и Аристотеля, в послание митрополиту Даниилу включены цитаты из Овидия.

В настоящем издании публикуются все четыре сохранившихся послания Карпова: два — Максиму Греку, одно — митрополиту Даниилу и одно — иноку Филофею. Однако при характеристике его литературной деятельности следует учитывать, что многие сочинения писателя не сохранились. О них мы узнаем из ответных посланий Максима Грека, которые свидетельствуют о разносторонних интересах Карпова: астрология, философия, богословие в равной степени привлекали его внимание. Максим Грек называет писателя «премудрым» и «пречестнейшим»; «разумным мужем» назвал Федора Карпова князь А. М. Курбский.

Переписку с Максимом Греком, включающую два послания Максима и одно послание Карпова, обычно датируют 1518—1519 гг. Это наиболее раннее свидетельство о литературных наклонностях Федора Карпова. Переписка возникла в связи с полемикой между Максимом Греком, афонским

старцем, только что приехавшим в Москву для перевода Толковой Псалтири (см. комм. на с. 740), и Николаем Булевым, уроженцем города Любека, придворным врачом великого князя Василия III. Николай Булев выступил с пропагандой унии православной и католической церквей; Максим Грек был противником унии. В переписке Федора Карпова с Максимом Греком отразилась накаленная атмосфера Москвы в первой четверти XVI в., когда шла ожесточенная полемика между «нестяжателями» и сторонниками монастырского землевладения (см. комм. на с. 711), между защитниками и противниками церковной унии, обсуждался вопрос об истинности астрологических предсказаний (см. комм. на с. 732), допустимости расторжения брака великого князя с бесплодной Соломонией Сабуровой. Эта переписка показывает, как постепенно сгущались тучи над Максимом Греком, который принимал активное участие в обсуждении всех животрепещущих вопросов того времени. Узнав, что одно из его посланий Николаю Булеву вызывает неблагоприятные толки, в том числе со стороны Федора Карпова, Максим Грек отправил Карпову письмо, написанное в резких выражениях, в котором ученый грек возмущается неосведомленностью своего друга в основных богословских вопросах. В ответе на это послание Карпов укоряет Максима за то, что тот решился преждевременно его осуждать; он уверяет, что никогда не говорил ничего дурного о Максиме Греке. На это письмо Максим ответил примирительным посланием, принося извинения за необдуманную резкость.

В примирительном письме Федору Карпову Максим Грек предложил своему другу обращаться к нему с любыми вопросами, волнующими его. Возможно, именно в ответ на это предложение Карпов написал послание, в котором просит истолковать ему непонятные места в Третьей книге Ездры, входящей в состав Библии («Третья книга Ездры», 6, 42, 47—54). Писателя удивляет, что в этой книге (которая православной церковью не признается канонической) имеются несоответствия с другими библейскими текстами. От внимания его не ускользнуло и то, что в Третьей книге Ездры рассеяно много намеков на явление Мессии; две первые и две последние главы этой книги, по мнению ученых, написаны в христианские времена. Послание Федора Карпова свидетельствует о беспокойном и ищущем уме писателя: «Азъ же нынѣ изнемогаю умом, во глубину впад сомнѣния».

Сохранился ответ Максима Грека на это послание, утративший, впрочем, жанровые признаки письма. См.: Сочинения преподобного Максима Грека, ч. 3. Казань, 1862, с. 274—280. По мнению Н. В. Синицыной (Федор Иванович Карпов — дипломат, публицист XVI в. Автореферат канд. дисс. М., 1966), первоначально послание Федора Карпова существовало в рукописях без ответа Максима Грека.

Послание митрополиту Даниилу является наиболее интересным сочинением писателя. Написано оно до 1539 г., когда Даниил был сведен с митрополичьей кафедры. Послание представляет собой ответ на «епистолию» Даниила, в которой митрополит призывал Карпова к терпению. В начале его Карпов воздает должное писательскому таланту и учености своего корреспондента, а затем вступает с ним в спор о целесообразности

терпения. Публицист находит, что терпение хорошо в делах духовных, но если оно станет лозунгом мирского общества, то нарушится система господства и подчинения в стране, не нужны будут правители и судьи, воцарится произвол и анархия. По мнению Федора Карпова, государства должны строиться на началах «правды» и «закона», причем под «правдой» он понимает справедливое управление государством, а под «законом» — нормы человеческого общежития. Послание митрополиту Даниилу свидетельствует о широкой образованности автора. В подтверждение своих слов он ссылается на сочинение Аристотеля «Этика к Никомаху»; вероятно, он знал также аристотелевскую «Политику». Терминология Федора Карпова свидетельствует о том, что он пользовался латинским переводом Аристотеля. Ср.: «дѣло народное» — «res publica», «начальство» — «principatus», «гражданьство» — «civitas». В конечную часть послания вкраплены переводы трех двустиший из произведений Овидия. Подробный разбор послания см.: D. Freydank. Zu Wesen und Begriffsbestimmung des russischen Humanismus. — Zeitschrift für Slawistik, Bd.XIII (1968), № 1.

Краткое послание Филофею, иноку Псковского Елеазарова монастыря и известному писателю XVI в., представляет собой ответ на несохранившееся письмо Филофея; датировке не поддается.

Переписка Федора Карпова с Максимом Греком публикуется по изданию: Н. К. Никольский. Материалы для истории древнерусской духовной письменности. — Христианское чтение, 1909, № 8—9, с. 1122—1125 по списку: *ЦГИА*, ф. 834, оп. 3, № 4025, лл. 123 об. — 126 об. Текст выверен по рукописи. Исправления сделаны по списку: *ГИМ*, Синодальное собрание, № 791, лл. 120 об. — 125. Послание Максиму Греку о Третьей книге Ездры публикуется по списку: *ЦГИА*, ф. 834, оп. 3, № 3990, лл. 223—224 об. Послание митрополиту Даниилу публикуется по изданию: В. Г. Дружинин. Несколько неизвестных литературных памятников из сборника XVI-го века. — Летопись занятий Археографической комиссии, вып. 21. СПб., 1909, с. 106—113 по единственному списку: *ГПБ*, Q. I. 1439, лл. 314—329 (гл. 58). Текст выверен по рукописи. Курсивом выделены конъектуры. Послание иноку Филофею публикуется по изданию: А. А. Зимин. Общественно-политические взгляды Федора Карпова. — *ТОДРЛ*, т. XII. М. — Л., 1956, с. 172—173. Исправления сделаны по списку: *ГБЛ*, ф. 299, собр. Тихонравова, № 380, лл. 124—124 об. Текст выверен по рукописи. Исправления сделаны по списку: *БАН*, Архангельское собрание, Д. 527, лл. 114 об. — 115.

Стр. 494. *...Николаевым и Власиевым невѣдениемъ...* — Антилатинское послание Максима Грека Николаю Булеву, о котором идет речь в переписке, см.: Сочинения преподобного Максима Грека, ч. 1. Казань, 1859, с. 341—346. Влас Игнатов — толмач (переводчик) и дипломат, помогал Максиму Греку в переводе Толковой Псалтири.

...«в нощи до сего обходите, стѣну осѣзающе» по притчи. — Ссылка на библейскую Книгу пророка Исаии: «Осязаем, как слепые, стену и, как без глаз, ходим ощупью; спотыкаемся в полдень, как в сумерки, между живыми — как мертвые» (59, 10).

...Григориа Богослова... — Григорий Назианзин (ок. 330 — ок. 390), греческий отец церкви, за свои познания в теологии прозванный Богословом.

Стр. 496. *...яко же неизреченно есть Сыновнее рожение и Духа происхождение — сице и Отче безначалие и невиновное.* — По христианскому учению бог один, но троичен в лицах, или ипостасях. Отец, Сын и святой Дух — так называются три лица единого в существе своем бога.

Стр. 498. *...аще и нам поздравлениа не писал еси.* — В древности (как и сейчас) письма было принято завершать пожеланием здоровья. В запальчивости Максим Грек опустил в своем первом письме Федору Карпову такое пожелание.

...от единого слуха случшееся, Иоану, глаголю, Златому языком и дивному Епифанию... — О конфликте между «отцом церкви» Иоанном Златоустом (о нем см. коммент. на с. 742) и Епифанием Кипрским (ум. в 403 г.) рассказывается в «Житии Иоанна Златоуста», известном в славянском переводе.

Стр. 502. *...на Москвѣ былъ бояринъ.* — В 1529 г. Федор Карпов получил звание окольничего, в 1537 г. — звание оружничего.

...«весь день,— рече,— милуя, и взаимъ дая»... — Цитата из Псалтири (36, 26).

Стр. 504. *Ездръ.* — Ездра — иудейский священник, согласно Библии вывел из вавилонского плена в Палестину вторую партию иудейских изгнанников; был ревнителем чистой веры. Его деятельность излагается в Первой книге Ездры, входящей в Ветхий завет.

Енохъ. — В эфиопском переводе Третьей книги Ездры (из сохранившихся латинского, эфиопского и арабского переводов) читается «Бегемот». См.: М. Шавров. О Третьей книге Ездры. Опыт исследования о книгах апокрифических. СПб., 1861, с. 147—148.

Елевиафантъ. — Левиафан (букв. «кольцеобразно извивающееся, изгибающееся животное») употребляется в Ветхом завете в нескольких значениях: иногда Левиафан — это небесный дракон, иногда это морской змей, но чаще всего — крокодил.

...мнѣ отпиши. — Далее в рукописях следует текст, объясняющий с помощью числовой символики (в основе число 6) устройство вселенной: «Суть же части ему сице положи: трое и трое же и двое, 6-е едино, яже слагаемыя творятъ 6-е — трое бо и двое, едино сотворяютъ 6-рное чисмя. Да совершениемъ убо чисмянимъ краснѣ и лѣпѣ премудрый хитрецъ всея твари совершеную состави тварь» (Сочинения преподобного Максима Грека, ч. 3. Казань, 1862, с. 277; в рукописи *ЦГИА* текст дефектный). Этот текст, насколько нам известно, не получил убедительной интерпретации, а поэтому не ясна его связь с предшествующим посланием Федора Карпова.

Стр. 506. *...зане великими скорбьми одрьжимъ есмь.* — Указание на несчастья, которые мешают работать автору письма, не следует понимать буквально: это общее место средневековых посланий.

...плачевнаа книга Иеремѣина... — Библейский пророк Иеремия после разрушения Иерусалима вавилонянами остался в городе и оплакивал родное пепелище (Книга Плач Иеремии).

...пользовати мнѣ тебя... — Сравнение письма с лекарством — устойчивый эпистолярный мотив.

Стр. 508. ...*на рѣкахъ Вавилонскихъ.* — Намек на Псалтирь: «При реках Вавилона, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе» (136, 1).

...*сладка твоа рыбица...* — Сравнение письма с пищей относится к числу устойчивых метафор средневековых посланий (ср. выше сравнение с животными, которые не забывают «спричастимые пищи»).

Стр. 510. ...*«въ тръпѣнии вашемъ стяжете душа ваша»...* — Цитата из Евангелия от Луки (21, 19).

Стр. 512. ...*игреца Давида...* — Библейский царь Давид (конец XI в. — ок. 950 г. до н. э.) был искусным музыкантом.

...*философъ нравоучителны Аристотель бесѣдуетъ во своей 10 книзѣ нравъ.* — Имеется в виду посвященное этическим и экономическим проблемам сочинение Аристотеля «Этика к Никомаху».

...*паче похотѣнию последуеть чювственому, неже правому словества суду.* — Д. Фрейданк видит здесь отражение аристотелевской терминологии: похотѣнию — epithumía, чювственому — aisthētikós, словества — logistikón.

...*во время закона...* — Имеется в виду Ветхий завет.

...*от пръваго зла Каинова...* — Каин — библейский персонаж; из зависти убил своего брата Авеля.

Стр. 514. ...*«яко дние злие суть»...* — Цитата из Послания к Ефесянам апостола Павла (5, 16).

...*мужъ еси желаниа...* — Ср. «Книгу пророка Даниила» (9, 23; 10, 11).

...*языческая...* — Можно предположить латинизм: barbaricus — «варварский». Одним из достоинств послания считалась его краткость; Федор Карпов боится растягивать свое письмо, чтобы оно не показалось адресату «варварским» (ср. в послании Филофею: «не варварски же»).

Стр. 516. *Златыа вѣки... любовь.* — Цитата из Овидия («Наука любви», II, 277—278). Перевод М. Л. Гаспарова.

Въ ценѣ... празденъ. — Цитата из Овидия («Фасты», I, 217—218). Перевод Ф. А. Петровского.

...*кенсон...* — Латинское census — «имущественный ценз».

Такъже и Петръ, апостольский началникъ... — Д. Чижевский предположил, что это место восходит к какому-то католическому источнику (представление о Петре как главе апостолов). См.: D. Čiževskij. Aus zwei Welten. 'S-Gravenhage. 1956, S. 124.

...*т е о л о г и е ю...* — В рукописи «тефолопею». Конъектура, предложенная В. Г. Дружининым, небесспорна.

Нынѣ живутъ... редка есть. — Цитата из Овидия («Метаморфозы», I, 144—145). Перевод С. В. Шервинского.

...*вземляй ризу, хощеть взяти и срачицу...* — Ср. Евангелие от Матфея (5, 40) и Евангелие от Луки (6, 29).

...*трость...* — В этом слове видят латинизм: calamus — «перо из тростника».

Стр. 518. ...*под благим игомъ и легкимъ бременемъ...* — Подразумеваются слова Христа: «Ибо иго мое благо, и бремя мое легко» (Евангелие от Матфея, 11, 30).

...*имя рек...* — Распространение посланий в списках обычно сопровождалось удалением из них имен и конкретных реалий.

Уподобляет бо тебе наученному мужу... — Федор Карпов имеет в виду притчу из Евангелия от Матфея (13, 52).

Омировым бо словомъ... — Ссылка на Гомера носит неопределенный характер, его имя используется для определения достоинств послания Филофея.

ПОУЧЕНИЕ ДАНИИЛА, МИТРОПОЛИТА ВСЕЯ РУСИ

(Стр. 520)

Митрополит Даниил (дата рождения неизвестна, годы пребывания на митрополичьей кафедре 1522—1539, умер в 1547 г.) был весьма плодовитым писателем. Его перу принадлежит более десятка слов и посланий. Публикуемое поучение Даниила посвящено нравственной проповеди: содержание поучения — порицание мирских увеселений. Тема эта традиционна для древнерусской литературы и унаследована ею от византийских авторов. Церковь всегда выступала противницей буйных игрищ, «позорищ», кощунственного смеха и изобличала их как явления языческие. Против увеселений, «игр сатанинских», плясок и т. п. писали Иоанн Златоуст, Ефрем Сирин, и на Руси игумен Памфил, Максим Грек, их осуждали Стоглавый собор и «Домострой». Сочинение митрополита Даниила возникло в русле очень развитой и давней традиции и потому оно традиционно как по мыслям, так и по форме их выражения.

«Поучение митрополита Даниила» публикуется по рукописи XVI в., *ГБЛ*, Волоколамское собрание, ф. 113, № 492, лл. 57 об. — 68. Издано: Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко, вып. 4, СПб., 1862, с. 194—204.

Стр. 522. *Священные правила.* — Имеются в виду канонические установления о христианской жизни: так называемые апостольские правила, правила вселенских и поместных соборов; они включены в «Кормчую книгу», представляющую собой свод церковного законодательства.

Стр. 524. *...во священнѣм сем дому пречистые богородици, великиа и святѣйшиа митрополии всеа Руси... въ святѣмь сем мѣсте пречистыя богородици и великих чюдотворцевь Петра и Алексѣя.* — Имеется в виду московский собор Успения богородицы, центр митрополии всея Руси, основанный в 1326 г. и в 70-е гг. XV в. отстроенный заново знаменитым итальянским архитектором Альберти (Аристотелем) Фиораванти. Московские митрополиты Петр (1305—1326 гг.) и Алексей (1354—1378 гг.), канонизированные русской церковью, считались заступниками и покровителями Москвы и главной ее святыни, Успенского собора; именно в Успенском соборе покоятся мощи его основателя, митрополита Петра.

...ни свѣщеносцем... — Свещеносец — одна из низших ступеней церковного клира.

...святых апостолъ правило... — свод преданий и обычаев христианской церкви, ведущих свое начало от древнейшего, «апостольского» ее периода.

...Ивана Занораса... — Иоанн Зонара — византийский хронист (конец XI — середина XII в.), толкователь канонического права.

...собора иже въ Трулѣ... — вселенский собор в Труле (692 г.), кодифицировавший церковное право.

Стр. 526. *Епитемия* (епитимья) — наказание, налагаемое церковью на христианина.

...наузников... — Наузники — чародеи и колдуны, от слова науз (чародейственная навязь, особый род повязок, подвесок, носимых для предохранения от болезней и несчастий).

...каланды, или глаголемыя вота и нареченныя врумахия, и въ перьвый день марта месяца совершаемое торжество... — Воты и врумалии — римские языческие праздники. В Древнем Риме празднества устраивались и в дни календ (первые дни месяца) и в первый день месяца марта. Все эти празднества сохранялись в пережиточном виде и в христианскую эпоху и сопровождались буйным разгулом и безудержным весельем.

...ни скверннаго Диониса имени, грозны топчюще в точилех, призывати... — Один из языческих праздников, врумалии, был посвящен богу виноделия Дионису. Точило — виноградный жом.

Стр. 528. *...въ Лаодикии собора... иже въ Карфагени собора...* — Лаодикийский (364 г.) и Карфагенский (318 г.) соборы — поместные соборы христианской церкви, сформулировавшие правила церковной жизни.

...и святый Ефрем глаголеть... — Ефрем Сирин, раннехристианский (IV в.) писатель, богослов, оратор и поэт, автор многочисленных поучений.

Якоже и великий апостолъ глаголеть... — Имеется в виду апостол Павел.

Стр. 530. *Не слышал ли еси, что рече Павелъ?* — Имеется в виду апостол Павел.

ТАЙНАЯ ТАЙНЫХ

(Стр. 534)

«Тайная Тайных» — древнерусский вариант памятника, пользовавшегося исключительной популярностью во всей средневековой Европе и известного там под заглавием «Secretum Secretorum». Сочинение это восходит в конечном счете к арабскому оригиналу VIII—IX вв. и представляет собой собрание житейских наставлений по различным вопросам — от политики до алхимии, которые будто бы были преподаны Аристотелем его ученику Александру Македонскому. Арабский текст «Secretum Secretorum» известен в двух редакциях — полной и краткой. В отличие от большей части европейских переводов, которые восходят к полной редакции через посредство латинского перевода Филиппа Трипольского, древнерусский вариант наряду с неполным кастильским и еврейским происходит от краткой редакции.

Некоторые особенности древнерусской версии памятника позволяют связать ее с еврейским переводом «Secretum Secretorum», сделанным аль-Харизи в XII—XIII вв. К числу следов еврейского оригинала, сохранившихся в русском тексте, относятся, во-первых, оставшиеся непереведенными еврейские слова; во-вторых, указания при главах на дни недели — характерная черта еврейских текстов (параши-гофтары); наконец, подразделение глав на «врата» (на «врата» делится и «Логика» Моисея бен Маймо-

нида, также переведенная с еврейского). Вместе с тем в древнерусском тексте «Тайной Тайных» имеются отдельные чтения и даже целые разделы, не находящие аналогии в других версиях сочинения. Этим определяется значение русского варианта памятника не только для истории литературы Древней Руси, но и для реконструкции его утраченного оригинала. Точной датировке перевод не поддается. По мнению большинства ученых, он сделан либо в конце XV, либо в начале XVI в.; во всяком случае к середине XVI в. он уже существовал. По мнению некоторых исследователей, именно «Тайная Тайных» называется в «Стоглаве» «Аристотелевыми вратами» и упоминается в числе еретических книг. Идеи, сформулированные в этом произведении, оказали влияние на памятники русской публицистики XVI в. В частности, многие советы политического характера, которые дает Аристотель своему ученику, повторяются в сочинениях Ивана Пересветова («Сказание о Магмете-салтане», «Большая челобитная»). Высказывались предположения о влиянии «Тайной Тайных» на политическую концепцию князя А. М. Курбского. Обнаружено также заимствование из памятника в первом послании Ивана Грозного беглому князю.

Языковые данные свидетельствуют о том, что перевод «Тайной Тайных» осуществлен в Западной Руси. Переводчик, по-видимому, плохо владел языком, на который он переводил весьма сложное сочинение, поэтому в некоторых случаях текст безнадежно испорчен. Ближе всего к протографу перевода стоит список Вильнюсской публичной библиотеки, ОР, № 272 (222), по которому «Тайная Тайных» была опубликована: М. Сперанский. Из истории отреченных книг, IV. Аристотелевы врата, или Тайная Тайных. СПб., 1908 (Памятники древней письменности и искусства, т. 171). Во всех остальных доступных нам списках перевод подвергся более или менее значительной русификации (характерно при этом, что слова западнорусского происхождения переводятся в любом контексте одинаково — это свидетельствует о вторичности русифицированных списков).

Малой изученностью памятника определяются трудности его перевода. Не имея возможности определить место перевода «Тайной Тайных», мы зачастую лишены возможности адекватно понять его политическую терминологию. Поэтому нужно учитывать, что следующие обозначения должностных лиц, которыми оперирует переводчик, оставлены без перевода: правитель (в отличие от правителя над витязями — этот термин переведен словом «военачальник»), урядник, гетман, столечник, витязь, боярин, властитель, писарь, печатник, заказчик, маршалок, законоучитель (вариант: законник); слово «земляне» переведено как «землевладельцы», «градодержец» — «градоначальник»; «царь» в необычном значении подчиненного главе государства условно переведено «начальник».

Вступление, главы 1—6 и начало 7-й (до «врат» 2-х) публикуются по изданию: М. Сперанский. Из истории отреченных книг, IV. Аристотелевы врата, или Тайная Тайных, с. 135—179, по рукописи XVI в. Вильнюсской публичной библиотеки, ОР, № 272 (222), лл. 1—23. При переводе были учтены особенности еврейской версии «Тайной Тайных», наиболее близкой к древнерусскому варианту памятника (M. Gaster. The Hebrew Version

of the «Secretum Secretorum». — The Journal of the Royal Asiatic Society, 1907, October, p. 879—912; 1908, January, p. 111—162). Отсутствующее в Вильнюсской рукописи начало (до слов «преступили персове к послушенству Александрову») и пропуск после л. 2 об. (со слов «некоему слузѣ своему надежному» до слов «Александре, не отпускай») восполнены по рукописи XVI в. Бодлеанской библиотеки Laud. Misc., № 45, с. 1—2, 6—13. По той же рукописи внесены основные исправления. Целый ряд исправлений сделан по рукописи 1685 г., *БАН*, собрание Археографической комиссии, № 97 (229); одно — по рукописи XVII в., *ГБЛ*, ф. 310, собрание Ундольского, № 750, л. 57. Наши конъектуры делятся на две группы: в первую входят чтения, которые, будучи испорчены в Вильнюсском списке, не могут быть исправлены по другим доступным нам рукописям, подвергшимся русификации, так как в них на соответствующем месте стоит русский эквивалент западнорусского слова; во вторую группу входят чтения, испорченные во всех доступных нам списках. За предоставление копии с рукописи Бодлеанской библиотеки и за ценные советы благодарим В. Райэна (Великобритания). В комментариях использованы наблюдения над арабским текстом «Secretum Secretorum» в работе: M. Manzalaoui. The pseudo-Aristotelian Kitāb Sirr al-Asrār. — Oriens, vol. 23—24 (1974).

Стр. 534. *Рече Патрекий списатель...* — В еврейской версии «Тайной Тайных» переводчиком назван его сын, Яхья бен Албатрик, вольноотпущенник халифа аль-Мамуна.

...царю великому Александру, сыну Нектанавову, нарицаему Рогатымъ. — В Романе об Александре Псевдокаллисфена рассказывается, как египетский царь Нектанав обманом овладел Олимпиадой, женой Филиппа Македонского; от их союза родился Александр Македонский. См.: Памятники литературы Древней Руси, вторая половина XV в., М., 1982, с. 28. Предание о двурогом Искандере (Александре) было широко распространено на мусульманском Востоке.

...възнесен бысть по чину Илиину на колесницах... — Согласно Библии, пророк Илия был вознесен на небо в огненной колеснице на огненных конях.

...арапове и фрягове. — В еврейской версии — арабы и варвары.

...рады твоея... — В рукописи глосса: «совѣта твоего».

Стр. 536. *А заповѣдию сею преступили персове к послушенству Александрову.* — Согласно персидской традиции, Александр убил персидских мудрецов.

...ни жадного фарисея... — Слово «фарисей» здесь и далее употребляется в значении философ, мудрец. В этом видят одну из примет еврейского оригинала, с которого сделан древнерусский перевод «Тайной Тайных».

...ко храму Солнечному, устроенъ великим Ромасом... — Обнаружение книг, спрятанных в храмах,— общее место арабской герметической традиции. Вместо Ромаса в еврейской версии здесь и далее стоит Гермес. Гермес Трисмегист (отождествленный с древнегреческим богом) — вымышленный автор теософского учения, излагаемого в так называемых герметических книгах.

Стр. 538. *...2 вещь...* — Вторая вещь в «Тайной Тайных» не названа.

Стр. 540. *Врата 1-е.* — В рукописи глосса: «О щедрости».

...царьство навышьшее и старое... — В еврейской версии названо царство Нигиг. Возможно, имеются в виду восточные гунны.

Стр. 542. *...о повѣдении...* — В рукописи глосса: «сказании».

А начало ему приступати к розмышлению. — В следующем далее рассуждении слово «размышление» переводится словом «слава» в соответствии с еврейской версией.

...а про то же... — В рукописи глосса: «а того ради».

...по дѣйству нашему. — В рукописи глосса: «под мѣру нас».

...достоить... — В рукописи глосса: «подобает».

Стр. 544. *...похлѣбъство...* — В рукописи глосса: «ласкосердъство».

Стр. 546. *...есми повиненъ...* — В рукописи глосса: «должен».

Мужество бо свиньство есть... — У гностиков свинья — символ сладострастия.

Стр. 548. *...арапове...* — В еврейской версии индийцы.

....Сакулевкуасу... — В еврейской версии Асклабиос, то есть Асклепий, бог врачевания в древнегреческой мифологии. «Асклепий» — название одной из герметических книг.

...фарисеи арапьскии... — В еврейской версии это изречение приписано книге индийцев.

Стр. 550. *...землян...* — В рукописи Бодлеанской библиотеки: «боляр».

Стр. 552. *...не имеючи образа ея...* — Первые русские карты относятся к началу XVI в.

...Ниневгии... — В еврейской версии названы другие царства — Атаг, Скир, Ихас (Исм), Имим. Ниневия — древняя столица Ассирии. Согласно Ветхому Завету, пророк Иона проповедовал в Ниневии о наказании, которое постигнет ее жителей за их злодеяния.

Стр. 554. *А пометаешь о цари индейском...* — Непосредственный источник рассказа о губительном подарке индийского царя неизвестен, хотя сам сюжет широко распространен.

И по сему позналъ преподобный Платон складати цвѣт цвѣту, облакати ся в них и всякии взоры. — Рассказ о Платоне маловразумителен здесь, равно как в еврейской и арабской версиях, где он более пространный.

И зри на игру шаховую... — В еврейской версии другая мысль: царю рекомендуется наблюдать за взаимоотношениями между царем и ферзем.

Стр. 556. *А каждый от них осми частей...* — В еврейской версии к этому рассказу приложена диаграмма — круг, разделенный на восемь секторов.

Стр. 558. *Александръ, ведай, иже преже сего всего сотворил богъ самовласть духовную...* — В этом месте видят отражение философии неоплатонизма.

Стр. 560. *...Ватисто-еллин...* — В еврейской версии «Bhts (Bhtm, Krts)».

Стр. 566. *...стережися их, яко скоръпий индейских, что забиваюто посмотром своим.* — В еврейской версии идет речь о змеях. Вероятно, имеется в виду василиск — мифический змей, наделенный способностью убивать не только ядом, но и взглядом. Ср. также эпизод о Горгоне, вставленный в некоторые редакции «Хронографической» и «Сербской» Александрии.

Был бы совершенъ сими обычаи, еже ти напишю... — Перечень качеств, необходимых печатнику, который отсутствует в еврейской версии «Тайной Тайных», построен, по мнению В. Райэна, на основе перечня достоинств правителя.

Дабы был промышленъ... всякого человека... — Перевод предположительный.

Стр. 574. *...надеженъ еси, коли выедешь из земли своея...* — Первым русским царем, побывавшим за пределами своего царства, был Петр I.

Стр. 576. *...яко же сталося Тамостиосу царю...* — В еврейской версии «Tmstis (Atmstis, Tmastius, Tamstius)».

Стр. 580. *Туры* — осадные передвижные сооружения.

...и стрелцовъ огненых... — Огненные стрельцы — войско, вооруженное ручным огнестрельным оружием.

...и образовъ страшных, яко учинил есми тобѣ, коли еси бился со индеяны. — Вероятно, имеется в виду гидравлический орга́н («рог Александра»).

Стр. 582. *Пороки* — камнеметные орудия.

...поставъ лук коловоротный на них... — О коловоротных (натягивавшихся с помощью ворота) самострелах упоминает под 1291 г. Ипатьевская летопись.

...спичником... — Перевод словом «копейщик» предположителен.

Числа имений. — К этому разделу приложена в рукописях таблица для гадания, которая здесь не воспроизводится. По мнению В. Райэна, именно эта таблица названа в «Стоглаве» «Аристотелевыми вратами» (вопрос 17, 22). Правда, М. Н. Сперанский обнаружил другое чисто гадательное сочинение под заглавием «Врата Аристотеля Премудраго», которое, как он считает, и имеется в виду в «Стоглаве». См.: М. Н. Сперанский. «Аристотелевы врата» и «Тайная Тайных». — В кн.: Сб. статей в честь академика А. И. Соболевского. Л., 1928 (Сборник Отделения русского языка и словесности АН, т. 101, № 3).

Стр. 584. *Слиаииа же пременяються по рожеству...* — В термине «слияние» отразилась средневековая теория, восходящая к греческому ученому и врачу Гиппократу (V—IV вв. до н. э.), согласно которой все процессы в человеческом организме определяются соотношением четырех основных жидкостей. Ср. ниже о черной и красной желчи.

...а зри на люди немецькия... — В еврейской версии — народ ашкенац, древнееврейское название немцев (германцев), а также евреев, пользующихся разговорным немецким языком.

...сурмисты... — Сернистое соединение сурьмы использовалось как краситель.

Стр. 590. *...и прирожение его склонено в кручину черную и черленую...* — Желчь черная и красная — по средневековым представлениям, жидкости, которые, наряду с кровью и слизью, определяют особенности каждого человеческого организма. — См.: «О земном устроении». — Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в., М. 1982.

СКАЗАНИЕ ОБ АРИСТОТЕЛЕ

(Стр. 592)

«Сказание о еллинском философе, о премудром Аристотеле» присоединяется во многих списках к «Тайная Тайных». Но если последний памятник восходит к еврейской версии «Secretum Secretorum», то источник «Сказания» иной. Как установил В. Райэн, эта статья представляет собой сильно сокращенный перевод жизнеописания Аристотеля, входящего в знаменитую

книгу Диогена Лаэртского (III в. н. э.) «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» — одну из самых популярных греческих книг и в средние века, и в новое время (см.: В. Райэн. Древнерусский перевод жизнеописания Аристотеля Диогена Лаэртского. — Slavia, roč. 37 (1968), seš. 2, с. 349—355). Вероятно, объединение «Сказания об Аристотеле» с «Тайная Тайных» произошло уже в древнерусской рукописной традиции. «Сказание об Аристотеле» кое в чем пополняло сведения древнерусского читателя о прославленном философе древности: здесь приводятся некоторые данные о его жизни, внешности, а также несколько его афоризмов; наконец, описывается странный прибор, который служил Аристотелю будильником. По наблюдениям В. Райэна, при переводе опускалось все, что могло как-нибудь опорочить Аристотеля. С какого языка сделан перевод, остается неясным. «Сказание о еллинском философе о премудром Аристотеле» публикуется по изданию: М. Сперанский. Из истории отреченных книг, IV. Аристотелевы врата, или Тайная Тайных. СПб., 1908 (Памятники древней письменности и искусства, т. 171), с. 240—241, по рукописи 1640 г. — *ГИМ*, Синодальное собрание, № 723, лл. 129—131. Текст выверен по рукописи.

Стр. 592. *При Аминфе, царе макидонстем...* — Македонский царь Аминта III, отец Филиппа Македонского, правил в 393/392 — 370 гг. до н. э. Диоген Лаэртский пишет, что другом царя Аминта был Никомах, отец Аристотеля, служивший его придворным врачом.

...учитель Александра, царя макидонскаго. — В 343/342 г. Филипп Македонский призвал Аристотеля для обучения своего сына Александра.

...от страны Стачеритския, отца же богата и славна мужа именемъ Ничемача. — Стагир — маленький городок в древней Фракии.

А говорил ...нутренних изъявил. — Этому отрывку нет соответствия в сочинении Диогена Лаэртского.

А самъ умывался в суднѣ маслом древяным теплым... — Диоген Лаэртский говорит, что после купания в масле Аристотель его продавал.

Стр. 594. *...о свободных мудростех...* — В оригинале — об «учении». Насчитывали семь «свободных мудростей»: грамматика, диалектика, риторика, музыка, арифметика, геометрия, астрономия.

СОЧИНЕНИЯ ИВАНА СЕМЕНОВИЧА ПЕРЕСВЕТОВА
(Стр. 596)

Челобитные Ивана Пересветова — выдающиеся публицистические памятники XVI в., дошли до нас только в списках XVII в. (начиная с 30-х г.). Большинство этих списков представляют собой сборники, содержащие целый комплекс сочинений Пересветова. Сборники эти могут быть разбиты на две редакции — Полную и Неполную. Полная редакция включает: «Повесть об основании Царьграда» и «Повесть о взятии Царьграда» Нестора Искандера (см.: Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в.. М., 1982), «Сказание о книгах», «Сказание о Магмете-султане»,

«Первое предсказание философов и докторов», «Малую челобитную», «Второе предсказание философов и докторов», «Сказание о царе Константине», «Концовку»; «Большая челобитная» не занимает в этом комплексе постоянного места, а помещается то в конце, то в начале, то совсем отсутствует. В сокращенном изводе Неполной редакции есть обе челобитные; «Повесть об основании Царьграда» заменена кратким отрывком, «Концовка» также сокращена, отсутствуют «Сказание о книгах» и «Второе предсказание философов и докторов»; в Барсовско-Никоновском изводе той же редакции «Повесть об основании Царьграда» и «Сказание о книгах» читаются, но нет зато обеих челобитных и предсказаний философов; в Хронографическом изводе нет и «Повести об основании Царьграда».

Если текстологические взаимоотношения между этими двумя редакциями установлены достаточно убедительно (ср.: Сочинения И. Пересветова. Подготовил текст А. А. Зимин. М. — Л., 1956, с. 78—120; А. А. Зимин, И. С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958, с. 245—266), то гораздо более сложным представляется вопрос об истории самих сочинений Пересветова — до их объединения в сборники. Были ли эти сборники в том виде, в каком они дошли до нас, созданы самим Пересветовым? Едва ли это так — нам представляется более вероятным, что сборники эти сложились в XVII в. (подобно сборникам, включавшим сочинения Курбского и Грозного). Однако мы не можем с достаточной уверенностью восстановить первоначальный текст обеих челобитных (и особенно — Большой) и публикуем их в том виде, в каком они дошли в сборниках Полной редакции.

Челобитные Пересветова издаются по Олонецкому списку Полной редакции — *БАН* 33. 7. 11 (30-е гг. XVII в.), где они помещены на лл. 225 об. — 252 (Большая челобитная) и лл. 328 об. — 332 об. (Малая челобитная). Исправления даются по Музейному I списку Полной редакции — *ГБЛ*, собр. Музейное № 4469 (30-е гг. XVII в.) лл. 66 об. — 69 об. — Малая челобитная, лл. 83 об. — 100 — Большая челобитная; самое значительное из них — вставка в начале Большой челобитной целого фрагмента — от слов «котораго царя мудрости его прирожденныя воинская оминет» до слов «Да естьли хотѣти царской мудрости отвѣдати о воинстве»; остальные изменения текста отмечены курсивом.

МАЛАЯ ЧЕЛОБИТНАЯ

Стр. 596. *...Ивашко, Семенов сынъ, Пересвѣтов...* — Имя Ивана (Ивашки) Пересветова не фигурирует в других публицистических и исторических памятниках, кроме его челобитных, и в научной литературе высказывались сомнения в реальности этой исторической фигуры (Н. М. Карамзин, А. И. Попов, А. С. Орлов и др.). Однако Пересветов упоминается в важнейшем документальном источнике, относящемся к этому времени — в «Описи царского архива», в одном из ящиков которого находился «черный список Ивашки Пересветова, да Петра Губастого, да иные списки».

Эта запись может быть истолкована по-разному — как указание на то, что в архиве был список (копия) челобитной Пересветова или, что представляется нам более вероятным, как упоминание какого-то следственного дела Пересветова (аналогичное упоминание «списков черных Матвея Башкина» — следственного дела известного еретика XVI в. — содержится в другом ящике той же описи). Если Пересветов (чьи взгляды, высказанные в его сочинениях, во многих отношениях были не ортодоксальными) подвергся репрессиям при Иване Грозном, то это объясняет умолчание о нем в летописях и других источниках.

...образецъ тое службы... — Речь идет, как видно из дальнейшего, скорее всего о щитах, которые делал Пересветов.

...Михайлу Юрьевичу меня, холопа своего, приказал... — Имеется в виду Михаил Юрьевич Захарьин-Юрьев, боярин (из рода Кобылиных-Кошкиных, родич Романовых, дядя будущей царицы Анастасии), игравший видную роль в последние годы Василия III и в первые годы после его смерти. «Приказ» М. Ю. Захарьину взять под свое покровительство Пересветова, естественно, исходит не от Ивана IV, которому в 1538 г. было 8 лет, а от лиц, правивших за него, но, согласно существовавшей тогда официальной терминологии, такое поручение все равно считалось «приказом» государя.

...щиты гусарския... — «Гусарами» назывались легкие дворянские кавалерийские части, существовавшие в то время только в венгерской армии.

...макидонсково оброзца. — Гусарские щиты XVI в. делались по образцу щитов, употреблявшихся в войске Александра Македонского.

...из затинных... — из огнестрельного оружия, установленного в затине, специально укрепленном месте с амбразурами, через которые стреляли.

...на Волге... — Речь идет о войне с Казанским ханством в 40-х гг. XVI в., упоминаемой и в других сочинениях Пересветова.

Стр. 598. *И Михайлу Юрьевича борзо в животѣ не стало...* — М. Ю. Захарьин умер около 1538 г.; смерть его и наступившее в те годы «боярское правление» привели к тому, что предложения Пересветова (организация мастерской щитов) так и не были осуществлены, и он не мог «доступить» Ивана IV.

А выезду, государь, моему 11 лѣтъ... — Если Иван Пересветов приехал на Русь незадолго до 1538 г., то приблизительное время подачи челобитной — 1548—1549 гг.

...у угорского короля Вьянуша на Гусины граде... — «Угорским королем Вьянушем» Пересветов именует трансильванского князя Яна Заполю, избранного в 1526 г. венгерским королем после гибели его предшественника Людовика Ягеллона в битве с турками; Заполя признал вассальную зависимость Венгрии от султана. Соперником Заполи в борьбе за венгерскую корону был брат германского императора чешский король Фердинанд Габсбург; военные действия происходили в 1527—1529 гг. В это время, очевидно, Пересветов и служил Яну Заполе. Какой город Пересветов именует «Гусином», неясно — в Неполной редакции сочинений Пересветова вместо этого читается название «Бузын», напоминающее турецкое наименование Буды (Будапешта) — «Будин».

...с Федриком с Сопѣжничиком... — Имеется в виду Фредерик — Федор Сапега, представитель одного из наиболее могущественных магнатских родов Литвы.

...четцкому королю Фодыналу... — После трех лет службы у турецкого вассала Заполи Пересветов перешел на службу к его сопернику Фердинанду I Габсбургу, воевавшему в 1532—1534 гг. с султаном и Заполей.

...гетман Андрѣй Точинской... — представитель польского магнатского рода Тенчинских, державшегося прогабсбургской ориентации; имя Андрея носили два представителя этого рода — краковский воевода и бельский староста, один из крупнейших сподвижников короля Сигизмунда I, и его племянник. В войне с султаном в 1532 г. участвовал Тенчинский — племянник (хотя нет сведений о том, что он носил звание бельского старосты).

...по небесному знамению. — Пересветов имеет в виду астрологические предсказания — гороскопы, якобы составленные латинскими философами для Ивана IV, о которых он писал также в особых сочинениях (двух «предсказаниях философов и докторов», входящих в состав пересветовского цикла сочинений) и в Большой челобитной.

Служил есми, государь, трем королем... — Имеется в виду, очевидно, польский король Сигизмунд I, венгерский король Ян Заполя и чешско-венгерский король Фердинанд I. В Большой челобитной Пересветов упоминает также свое пребывание при дворе молдавского господаря Петра, но ему он не «служил» (то есть не нес военной службы) и никогда не именовал его королем (а лишь «воеводой»).

БОЛЬШАЯ ЧЕЛОБИТНАЯ

Стр. 602. *Мудрость греческих философов и латынских дохтуровъ...* — Этот заголовок и следующие за ним пять абзацев предшествуют в Большой челобитной обычному началу челобитных (ср. в Малой челобитной). Начиналась ли Большая челобитная с такого вступления уже при ее составлении или оно было к ней добавлено при ее включении в цикл сочинений Пересветова? Текст этих абзацев варьируется в различных редакциях циклов сочинений Пересветова, и даже в публикуемом Олонецком списке второй абзац почти полностью отсутствует (см. выше, с. 756). В Щукинском списке, содержащем одну только Большую челобитную Пересветова, текст начинается так, как принято в челобитных: «Государю благоверному... Ивану Васильевичу... бьет челом холоп твой... Ивашко Семенов сын Пересветов». Однако текст, составляющий в других списках вступление, читается и в этом списке — после основных сведений об авторе и в конце челобитной; можно думать поэтому, что Щукинский список восходил к тексту Неполной редакции, где ссылки на философов и на Петра Волосского составляли органическую часть челобитной.

...Петра, волоского воеводы. — Петр IV Рареш, молдавский государь, занимавший престол в 1527—1538 и 1541—1546 гг. Многочисленные упоминания о Петре Волосском в Большой челобитной казались многим авторам противоречащими тому, что в Малой челобитной о Петре и о пребывании у него Пересветова ничего не говорится; однако это может объ-

ясняться тем, что Пересветов у молдавского господаря не служил, а лишь был у него проездом.

Стр. 604. *...бьет челом холоп твой государевъ...* — Большая челобитная Пересветова по своему характеру резко отличалась от Малой — Пересветов здесь «бил челом» не о своих делах (защита от «насильных людей»), а предлагал широкие государственные реформы.

...вывез есми, государь, тебѣ рѣчи... и дѣла твоя царьския. — Содержание этих «речей» и «дел» 30-х гг. XVI в. (если они реально существовали) определить едва ли возможно. Хотя Иван IV (или, точнее, правившие за малолетнего государя лица) приказал, по словам Пересветова, «гораздо пожаловати» его за эти речи, но сам он их тогда явно читать не мог; обращаясь в конце 40-х гг. уже не к номинальному, а к реальному государю, Пересветов надеялся привлечь его внимание к своим политическим проектам, как-то связывая их с «делами» и «речами» 30-х гг.

...Пересвѣт и Ослябя в чернцѣхъ и в скимехъ со благословением Сергия-чюдотворца на Донском побоище... — Пересветов имеет в виду рассказ «Сказания о Мамаевом побоище» об участии чернецов Пересвета и Осляби по воле Сергия Радонежского в Куликовской битве. Хотя Пересветов был выходцем из Литовской Руси, он, очевидно, возводил свой род к герою Мамаева побоища Пересвету.

Стр. 606. *Ко Августу кесарю... Пришед воинникъ... А ко царю Александру Макидонскому пришед воинник...* — Этот рассказ, возможно, восходит к польскому памятнику конца XV — начала XVI в. «Записки янычара» Константина из Островицы, где также говорится о том, как Александр Македонский пригрел старого солдата-пехотинца и как такую же «ласковость» обнаружил «Юлий, цесарь Римский». Но у Пересветова вместо Юлия Цезаря упоминается его преемник Август и, главное, подчеркивается не только «ласковость» обоих государей, но и их готовность учиться у простого «воинника» «великой мудрости воинской».

...у празника в церкве на Рожество пречистыя Богородицы... — Храмовым праздником в придворной церкви Рождества богородицы был день Рождества богородицы — 8 сентября (в этот день в 1380 г. произошла Куликовская битва, в связи с чем воспоминание Пересветова об ее участнике Пересвете обретало особый смысл). Пересветов, очевидно, говорил с Иваном IV 8 сентября 1548 или 1549 г.

...и ты, государь, тѣ книшки обе вели отдать назад. Да и сию книжку прочетши вели мнѣ же отдати... — Под «сией книжкой» Пересветов, очевидно, имеет в виду Большую челобитную, под «двумя книжками», поданными в день Рождества богородицы,— Малую челобитную и еще какое-то свое сочинение, вероятно, «предсказания философов и докторов» (см. выше, с. 758). Предположения авторов, отождествлявших «книжки», поданные Пересветовым, с дошедшими до нас редакциями сборников сочинений Пересветова (Полной и Неполной), вызывают сомнения — едва ли самим Пересветовым уже были созданы обе редакции, дошедшие до нас в рукописях XVII в. — скорее, эти редакции сформировались уже в последующей традиции.

Стр. 608. *...из Югор на Волоскую землю...* — «Волоской землей» называли на Руси Молдавию. В 30-х гг. Пересветов служил, как мы можем полагать

(см. выше, с. 758), в «Уграх» (Венгрии) чешско-венгерскому королю Фердинанду I; «из Югор» он поехал на «Волоскую землю» (то есть через Молдавию) на Русь, по дороге пробыв некоторое время при дворе молдавского господаря Петра IV.

...в Сочаеве. — Имеется в виду, очевидно, Сочава (Suceava), главный город в Молдавии в XIV—XVI вв. (ныне в Румынии).

...крестъ целуютъ, да изменяют... — Речь идет о праве «перехода» или «отъезда» от одного государя к другому, которым обладали до XVI в. крупные феодалы как на Руси, так и в Польско-Литовском государстве. Московские государи уже с XV в. требовали от русских крупных феодалов «поручных записей» о неотъезде (они охотно принимали, однако, западнорусских феодалов, переходивших из Польско-Литовского государства на Русь).

...усобную войну на царство свое напускаетъ, дает городы и волости держати вельможам своимъ... — Наместническое управление крупных феодалов, получавших города и волости в «кормление», было вплоть до середины XVI в. (реформы Ивана Грозного) важнейшей формой управления на местах. Междоусобные войны были частым явлением в годы «боярского правления» конца 30-х — первой половины 40-х гг.; однако в данном случае Пересветов, очевидно, имеет в виду столкновения между наместниками и управляемыми лицами (см. след. примеч.).

...в обидах присужают имъ поле... — Судебный поединок, которым нередко разрешались спорные дела (в частности, между наместниками и лицами, жаловавшимися на них).

Крестъ целуют на виновате оба исца... — Клятва (крестное целование) была другим, наряду с «полем»-поединком, видом состязательного судебного процесса, которому Пересветов в ряде своих сочинений противопоставлял «обыскание иска» — расследование дела.

...первого царя турского Махмет-салтана... — Ссылки на авторитет турецкого султана Мухамеда II от имени Петра Волосского и от собственного имени содержатся во всех сочинениях Пересветова: Пересветов посвятил ему и особое сочинение — «Сказание о Магмете-салтане». «Мудрому философу» «царю Махмету», завоевавшему Константинополь, автор противопоставлял другого государя, «царя Константина» — последнего византийского императора Константина XI Палеолога. Главными заслугами «Магмета-салтана» Пересветов считал его «грозу», «правду» и покровительство воинам, главным недостатком Константина — «кротость», против которой он предостерегал Ивана IV уже в начале Большой челобитной.

...вѣрныя своя судьи, и пооброчивши их ис казны своим жалованьемъ... — Как и в «Сказании о Магмете-салтане» Пересветов здесь в форме рассказа о реформах турецкого царя предлагает реформы русского суда и управления. Вместо наместничьего суда он предлагал передать судебные функции специально назначенным лицам. В реальной действительности Московской Руси этим лицам соответствовали выборные «излюбленные старосты» и «губные старосты», судившие за крупные уголовные преступления — «душегубство, татьбу и разбой с поличным», а также «данные судьи», судившие в районах, не подведомственных наместникам. Выплата

денежного жалованья была редким явлением в России XVI в. (обычной формой вознаграждения за службу было поместье), но «данным судьям» оно выдавалось. С 1549 г. из ведения наместников были изъяты все дела о помещиках и крестьянах, в 1555—1556 гг. был окончательно установлен институт «излюбленных старост».

Да какова вельможу пожалует за ево вѣрную службу каким городом или волостью, и онъ пошлет к судьямъ своим и велит по доходному списку выдати ис казны вдруг. — Предусмотренный здесь случай «пожалованья» какого-либо «вельможи» «городом или волостью» свидетельствует о том, что, отвергая систему наместничества в принципе, Пересветов допускал отдельные случаи «кормления» для особо «верных» вельмож при условии немедленной выплаты им их «корма» «ис казны» по «доходному списку». Следует отметить, что и в действительности после 1556 г., когда наместничество, по мнению большинства историков, было отменено, имели место его отдельные случаи, причем доходы кормленщиков, как и в проекте Пересветова, определялись полученным ими «доходным списком».

По уставу Махметеву с великою грозною мудростию а нынешнии цари живут. — Речь идет, очевидно, о турецких «царях» — современниках Пересветова (Сулейман II и др.); в середине XVI в. нельзя было еще упоминать русских «царей» во множественном числе, не говоря уже о том, что и Иван IV, по представлениям Пересветова, не следовал «уставу Махметеву».

Стр. 610. *Воинника держати, как сокола чредити...* — Противопоставление «воинников» (служилых людей, дворян) богатым «вельможам» характерно для всех сочинений Пересветова: оно содержится и в «Сказании о Магмете-салтане», соединяясь с другой излюбленной темой автора — о природном равенстве людей («все есмя дети Адамовы») и о недопустимости их «порабощения». В челобитных Пересветова таких прямых выступлений против «порабощения» нет.

...дватцать тысячь юнаков храбрых со огненною стрельбою... — Вопрос о создании постоянного войска (в дополнение к обычному феодальному ополчению) — особенно для защиты южных границ от казанско-крымских набегов — остро стоял в этот период. В середине XVI в. было сформировано стрелецкое войско, получавшее денежное жалованье; однако общие размеры его не достигали десяти тысяч.

...стрельбы поляницъ со украины... — «Поляница» (удалец, богатырь) — слово, встречающееся в былинах и в «Сказании о Мамаевом побоище»; «стрельбы», может быть, означает «стрелковые отряды».

Велможи греческия при царе Констянтине Ивановиче царьством обладали... — Император Константин XI наследовал в 1449 г. своему брату Иоанну VIII, но отцом его был не Иоанн, а Мануил II. Вопрос о причинах гибели «Греческого царства» при Константине XI — одна из основных тем публицистики Пересветова: она подробно разбирается и в «Сказании о Магмете-салтане», и в особом «Сказании о царе Константине». Вопрос этот занимал многих русских публицистов XV—XVI вв. Но если официальная идеология Московской Руси объясняла гибель Византии «отступлением от благочестия» (Флорентийской унией), если Максим Грек

считал главным грехом последних императоров «гордость», «желание чюжого имения» (в частности «имения» «вельмож») и склонность к «ратям» и «воеваниям», то Пересветов осуждал прежде всего уступки царей «вельможам», «кротость» и согласие на порабощение «детей Адамовых».

Стр. 612. *...надѣются... свободити руским царемъ от насильства турскаго царя-иноплемянника.* — Идея освобождения «русским царем» стран «греческой веры» от турецкого ига (в отличие от идеи «изрушения» греческой веры в результате унии) была довольно необычной для русской публицистики XV—XVI вв. — ее высказывал только Максим Грек, в остальном резко расходившийся с Пересветовым. Возможно, что Пересветов излагал в этом случае идеи, действительно воспринятые им от представителей «греческой веры» за рубежом (в частности, в Молдавии).

Вѣра, государь, християнская добра ...а правды нѣту. — Тема «правды», противопоставление «воинников» «вельможам» представляет собой одну из основных тем сочинений Пересветова. Тема эта развивалась также уже в «Сказании о Магмете-салтане». «Правда» у Пересветова неразрывно связана с «грозой» против ее нарушителей. Едва ли трактовку этой темы у Пересветова можно считать ортодоксальной: настаивая на том, что прославляемая им «правда» — «веры красота» и заслуживает почитания с религиозной точки зрения, Пересветов нигде не придает этой формуле обратной силы: «правда» и без «веры» угодна богу (у Магмета-салтана), но «вера» без «правды» (у Константина) ведет лишь к гибели. Далее Пересветов прямо заявляет, что «Богъ не вѣру любит, правду» (с. 618). Характерно в связи с этим, что наиболее опасную мысль об отсутствии «правды» в Московском государстве Пересветов излагает чужими устами: от имени неизвестного «московитина» Васьки Мерцалова, находящегося на службе у молдавского господаря.

Стр. 614. *...великия досады терпитъ от своего недруга от казанскаго царя.* — С 1536 г. происходили постоянные столкновения Русского государства с Крымским ханством, во главе которого стоял Сафа-Гирей, связанный с Крымом и Турцией. В 1546 г. в результате большого похода на Казань Сафа-Гирей был свергнут и на его место посажен московский ставленник Шах-Али (Шигалей). Однако власть Шах-Али оказалась непрочной, и вскоре его снова сменил Сафа-Гирей. В 1547—1548 гг. подготавливался большой поход на Казань; с 1549 г. началась война. Окончательно Казань была присоединена в 1552 г.

...Магмет царь, салтан турской, к Царюграду дань давал... жил в велии смирении и безбранно... — Пересветов излагает историю турецко-византийских отношений перед падением Константинополя неточно и тенденциозно. Мухаммед II вступил на престол в 1451 г. и никакой дани императорам не давал; спустя два года, в 1453 г., он завоевал Константинополь.

...отецъ его... турскую землю осилел и засѣлъ... — Отец Мухаммеда II, Мурад II, завоевал Валахию, значительную часть Греции и Сербии, но «турскую землю» (Анатолию) завоевал не Мурад II, а Мурад I в XIV в.

Стр. 618. *...диявол его искусил и запись на него взял...* — Пересветов излагает легенду о «рукописании Адама», данном дияволу, содержавшуюся в апокрифических памятниках — «Исповедание Евы», «Отреченная книга

бытия», «О море Тивериадском» (легенда эта, возможно, имела в основе богомильские представления о принадлежности дияволу земли). Любопытно, что Максим Грек, высказывания которого в ряде случаев пересекались со взглядами Пересветова, написал особое сочинение «О рукописании греховнем», где осуждал как «безумное мудрословие» утверждение, будто бы Адам дал дияволу «рукописание вечныя работы».

Стр. 620. *...все царство заложилося за велмож его...* — Речь идет о так называемом «закладничестве» — отдаче себя под покровительство крупного светского или церковного феодала, связанной с зависимостью от этого феодала, с целью защититься от «обид» других феодалов и избавиться от налогов (на «закладчиков» распространялся иммунитет их господ).

Стр. 622. *...в своих мудрыхъ книгах в видоцѣях...* — Последнее слово читается по-разному в различных списках сочинений Пересветова: «завидощах», «видощах», «войдоцеях», «видоцесех» и т. д. Несомненно, речь идет об астрономических книгах или таблицах — о чем-то вроде гороскопа.

СОЧИНЕНИЯ ЕРМОЛАЯ-ЕРАЗМА

(Стр. 626)

Ермолай-Еразм — выдающийся русский писатель и публицист. Литературное творчество его относится к 40—60-м гг. XVI в. В 40-е гг. был священником в Пскове, затем служил протопопом дворцового собора Спаса на Бору в Москве. В 60-х годах постригся в монахи под именем Еразма. В своих произведениях называл себя «прегрешным». В настоящее время известно значительное число произведений, принадлежащих этому писателю. «Книга о Троице» и «Зрячая пасхалия» свидетельствуют о его образованности и начитанности в церковно-богословской литературе. Ему принадлежит ряд произведений церковно-назидательного содержания, в которых отразились и его социально-политические воззрения.

Расцвет писательской деятельности Ермолая-Еразма падает на середину века, именно в это время им был написан трактат, известный под названием «Благохотящим царем правительница и землемерис» (в первой редакции озаглавлен — «Аще восхотят царем правительница и землемерие»), который был направлен царю с предложением проведения социальных реформ. В нем изложен проект податных реформ и переустройства поземельного обеспечения военной службы. Автор «Правительницы» безусловно сочувственно относится к крестьянству, как основному создателю благосостояния общества. По его мнению, крестьянство терпит непосильные лишения, более всего притесняемое боярством. Ермолай предложил заменить все виды повинности, лежащие на крестьянстве, натуральной рентой из расчета платежа одной пятой части урожая. Введение такой реформы действительно облегчило бы тяготы крестьянства.

Позиция сочувственного отношения Ермолая к крестьянству тесно связана с идеей гуманности, проводимой им в других произведениях. Сочетание темы милосердия и христианской любви одновременно с осуждением и

неприязненным отношением к вельможам и боярам прослеживается в его сочинениях назидательного содержания.

Эти идеи, глубоко волновавшие Ермолая, нашли свое полное и гармоничное выражение в «Повести о Петре и Февронии». Видимо, в связи с соборами 1547 и 1549 гг. от лица митрополита Макария Ермолаю было сделано предложение написать агиографические сочинения, посвященные муромским святым. Действительно, Петр и Феврония, канонизированные на соборе 1547 г., в заглавии повести названы «новыми чудотворцами». Содержание «Повести о рязанском епископе Василии», написанной тоже Ермолаем, было использовано в житии муромского князя Константина и его сыновей, канонизированных на соборе 1549 г. Источниками для этих двух произведений Ермолая послужили муромские легенды. «Повесть о епископе Василии» написана предельно сжато, сюжет в ней изложен четко, но детали его не разработаны. Совершенства в разработке сюжета (ясность в передаче главной мысли, конкретность деталей, четкость диалогов, имеющих большое значение в развитии сюжета, композиционная завершенность) Ермолай-Еразм достиг в «Повести о Петре и Февронии». Определяющим в разработке сюжета оказалось воздействие устного источника, более всего связанного с жанром новеллистической сказки. На Ермолая-Еразма оказало такое сильное влияние народное предание о муромском князе и его жене, что он, хорошо образованный церковный писатель, перед которым была поставлена цель дать жизнеописание святых, создал произведение, по существу ничего не имеющее общего с житийным жанром. Этот факт выглядит особенно поразительным на фоне той житийной литературы, которая в это же время создавалась в писательском кругу митрополита Макария, к которому, собственно, принадлежал и Ермолай Еразм. «Повесть о Петре и Февронии» резко отличается от житий, написанных в это время и включенных в Великие Минеи-Четьи, она стоит одиноко на их фоне и ничего не имеет общего с их стилем. К ней скорее можно найти параллели в повествовательной литературе второй половины XV в., построенной на новеллистических сюжетах («Повесть о Дмитрии Басарге», «Повесть о Дракуле»).

В «Повести о Петре и Февронии» рассказывается история любви между князем и крестьянкой. Сочувствие автора героине, восхищение ее умом и благородством в трудной борьбе против всесильных бояр и вельмож, не желающих примириться с ее крестьянским происхождением, определили поэтическую настроенность произведения в целом. Идеи гуманности, свойственные творчеству Ермолая-Еразма, нашли наиболее полное и цельное выражение именно в этом произведении. Сюжет «Повести» построен на активных действиях двух противостоящих сторон, и только благодаря личным качествам героини она выходит победительницей. Ум, благородство и кротость помогают Февронии преодолеть все враждебные действия ее сильных противников. В каждой конфликтной ситуации противопоставляется высокое человеческое достоинство крестьянки низкому и корыстному поведению ее высокородных противников. Ермолай-Еразм не был связан с каким-либо реформационно-гуманистическим течением, но высказываемые им мысли в этом произведении о значении ума и о за-

щите человеческого достоинства созвучны с идеями гуманистов. «Повесть о Петре и Февронии» является одним из шедевров древнерусской повествовательной литературы, и имя автора ее должно стоять в ряду самых видных писателей русского средневековья.

Тексты издаются по сборнику — автографу Ермолая-Еразма: *ГПБ*, собр. Соловецкое, № 287/307.

ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ МУРОМСКИХ

Стр. 628. *Се убо в Русийстей земли град, нарицаемый Муром.* — Один из древнейших русских городов, первое упоминание о нем в летописях датировано 862 годом; расположен на левом высоком берегу реки Оки в пределах Владимирской области.

Стр. 628—630. *...самодержьствуяи благовѣрный князь... именем Павел... Имѣяше же у себе приснаго брата, именем князя Петра.* — В научной и краеведческой литературе существует мнение, что под вымышленными именами Петра и Павла следует видеть реальных муромских князей; преимущество отдается двум братьям — Владимиру и Давиду, принявшим княжение в Муроме после отца князя Георгия в 1175 г., в 1203 г. после смерти старшего брата Владимира на княжеском престоле остался Давид, после смерти которого в 1228 г. муромский престол занял его сын Юрий. Это предположение основано только на упоминании в «Повести» о совместном правлении в Муроме двух братьев и на совпадении исторического имени Давид с принятым в схиме именем героя в повести. Некоторые исследователи склонны отождествлять князя Петра повести с князем Петром, родоначальником рода бояр Овцыных, жившим в начале XIV в., имя которого известно только по родословной, составленной не ранее конца XVI в.

Стр. 630. *Смерть моя есть от Петрова плеча, от Агрикова же меча.* — Предложение по своей конструкции близко формуле, употребляемой в народной поэзии (ср.: «Сей мечь моево плеча богатырскова»). Название меча «Агриковым» следует производить от греческого имени Агрика, однако в русском фольклоре известно имя богатыря Агрикана; возможно, в «Повести» произошло замещение былинного имени Агрикан на книжное — Агрика.

Бѣ же внѣ града церковь в женстем монастыри Воздвижение честнаго и животворящаго креста. — Никаких документальных известий о существовании муромского Крестовоздвиженского монастыря не сохранилось. В муромских источниках конца XVI—XVII вв. упоминается деревянная Крестовоздвиженская церковь, которая находилась в черте города на посаде. В краеведческой литературе считается, что в XIII в. на этом месте стоял монастырь, упоминаемый в «Повести».

Стр. 632. *...юноша уклонися в весь, нарицающуся Ласково.* — Деревня Ласково находится в Рязанской области в пяти км от села Солотчи и бывшего Солотчинского монастыря. До настоящего времени там сохраняется предание о том, как крестьянка этой деревни вышла замуж за муромского

князя, однако оно, сохраняя те же имена и географические названия, которые упоминаются в «Повести о Петре и Февронии», имеет свое сюжетное построение, не зависящее от муромской легенды.

Стр. 632—634. *...пред нею же скача заец... и видѣх заец пред тобою скача...* — В славянском песенном и обрядовом фольклоре заяц является одним из атрибутов свадебной и любовной тематики. В фольклорном источнике «Повести» героиня, видимо, как и на свои иносказания, должна была дать пояснение о скачущем зайце. Автор «Повести» включил упоминание о зайце в недоуменную речь посланца от князя, в ответе же Февронии об этом не говорится.

Стр. 636. *...снем з гряд полѣнце...* — Здесь: «грядка» — две жерди над печью, предназначенные для сушки лучины.

Стр. 640. *Блаженный же князь Петръ... державшеся сих, яко же богогласный Матфѣй в своем благовѣстии вещает.* — В Евангелии от Матфея говорится, что Христос в ответ на вопросы фарисеев сказал: «Но я говорю вам: кто разведется с женою своею не за прелюбодеяние и женится на другой, тот прелюбодействует» (Евангелие от Матфея, 19, 9).

Стр. 642. *Бѣста бо своему граду истинна пастыря, а не яко наимника.* — Христос говорит о себе: «Я есмь пастырь добрый: пастырь добрый полагает жизнь свою за овец. А наемник, не пастырь, которому овцы не свои, видит приходящего волка и оставляет овец и бежит, и волк расхищает овец и разгоняет их» (Евангелие от Иоанна, 10, 11—12).

Стр. 644. *...во храм пречистыя соборныя церкви...* — Собор Рождества богородицы — главный муромский храм — был расположен внутри кремля, на Воеводской горе (не сохранился). Мощи святых Петра и Февронии находились в этом соборе, в правом приделе, посвященном Петру и Павлу. В летописях упоминается о том, что в 1449 г. в этом соборе прятали от преследования Дмитрия Шемяки сыновей Василия Темного Ивана и Юрия; в 1552 г. Иван Грозный во время похода на Казань посетил собор, где «поклонялся» «своим сродникам» Петру и Февронии. Собор долгое время был деревянным, точных сведений о том, когда на месте деревянного был отстроен каменный, не сохранилось, во всяком случае, из описей г. Мурома 1624 и 1637 гг. следует, что в XVII в. собор был каменным «о трех верхах с папертми» и построен был «блаженныя памяти государя царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Руси».

...своима рукама шияше воздух... — Воздух — покров для церковных сосудов.

ПОВЕСТЬ О РЯЗАНСКОМ ЕПИСКОПЕ ВАСИЛИИ

Стр. 648. *...равна апостолом Владимира...* — Владимир I Святославич, великий князь киевский (980—1015), назван равноапостольным как «креститель» Руси — при нем в 987—988 г. государственной религией было признано христианство.

...предасть... Борису... град Росьтов и... Глѣбу град Мурам. Ис тѣх градов бысть по Христѣ и страдание ею... — Владимир I при жизни распределил города между сыновьями. После его смерти, в борьбе за великокняжеский

стол в Киеве, Святополком были убиты Борис и Глеб, признанные потом святыми (см.: Сказание о Борисе и Глебе. Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI — начало XII века. М., 1978).

...бысть во градѣ Мурамѣ епископъ праведенъ, именем Василие. — Было два рязанских епископа Василия; о первом известно, что он умер в 1295 г., второй был поставлен в епископы в 1356 г. В церковной и научной литературе существует спор о том, которому из двух епископов посвящена «Повесть». Автор «Повести» в XVI в. основывается только на устном предании, в котором, безусловно, реальные и исторические события XIII—XIV вв. приобрели обобщенный характер. Поэтому попытки решить вопрос о реальном прототипе героя «Повести» лишены смысла. Автор жития муромского князя Константина, включивший в свое произведение, наряду с «Повестью о епископе Василии», известия из летописи 1351 г. о муромском князе Юрии Ярославиче, который якобы поставил в епископы Василия, связал тем самым события повести с именем второго епископа Василия. Однако его повествование оказалось с исторической точки зрения противоречивым — епископ Василий был поставлен на епископию только в 1356 г., а Юрий Ярославич лишился княжения в 1355 г.

Стр. 650. *...в мѣсто, еже нынѣ зовомо Старая Рязань...* — В 1237 г., во время Батыева нашествия, столица Рязанского княжества — город Рязань был разгромлен. В середине XIV в. столица княжества была перенесена в город Переяславль-Рязанский, который в 1778 г. был переименован в Рязань. В настоящее время на месте Старой Рязани, на высоком берегу реки Оки, в пятидесяти км юго-восточнее современного города Рязани, находится городище.

Князь же рязанский Олег... — В истории Рязани было два князя с этим именем: Олег Игоревич, который правил в Рязани в 1252—1258 гг., и Олег Иванович (1350—1402 гг.).

...тако пребысть мурамская епископья в Рязани; нарицает же ся и по днесь Борисоглѣбская. — Рязанская епископия была учреждена в начале XIII в. и находилась всегда в Рязани. Епископской кафедры в Муроме, откуда якобы Василий был изгнан, на самом деле никогда не было. Муром входил в Рязанскую епископию до 1764 г., когда был переведен во владимирскую епархию. Борисо-Глебский собор был выстроен в Старой Рязани еще в XII в. (очевидно, в 1112—1115 гг.), что позднее и послужило отчасти основанием назвать рязанскую епархию — Борисо-Глебской. Ни в одном историческом источнике не упоминается о существовании в самом Муроме Борисо-Глебской церкви. Известен только Борисо-Глебский монастырь, находившийся в семнадцати км от города.

Поприще — мера длины, около 1 км.

ПРАВИТЕЛЬНИЦА

Стр. 652. *Премудрость Соломоня глаголеть: «Слышите убо, царие...* — Цитата из библейской Книги премудрости Соломона, 6, 1—3.

...овогда бо оброки дающе сребром, овогда же ямская собраниа... — К середине XVI в. в России денежный оброк был наиболее обременительной

формой ренты, размеры которой все возрастали. Ямская повинность была основным налогом, который поступал в царскую казну. В Русском государстве существовала ямская повинность тяглового сельского и городского населения по обеспечению перевозок, администрации, послов, государственных грузов. Ямская повинность была в деньгах и в натуральной форме. По мнению Ермолая, ямскую повинность должны нести те городские жители, которые занимаются торговлей.

Стр. 654. *...егда бѣ Иосиф вь Египте, строяше все Фараона-царя бытие... И емляше у жнущих жита пятую часть... Иосиф бо, пишется, продан бысть в Египет на тридесять сребреник во образ господень.* — Иосиф, сын Иакова от Рахили, согласно Библии был продан братьями в рабство за двадцать серебреников (Книга Бытие, 37, 28; Ермолай, видимо, по ошибке назвал тридцать серебреников). В последствии Иосиф по поручению фараона стал фактическим правителем Египта (Книга Бытие, 41). Ермолай, предлагая ввести натуральную ренту для крестьян в одну пятую часть урожая, как на образец ссылается на библейский рассказ об Иосифе.

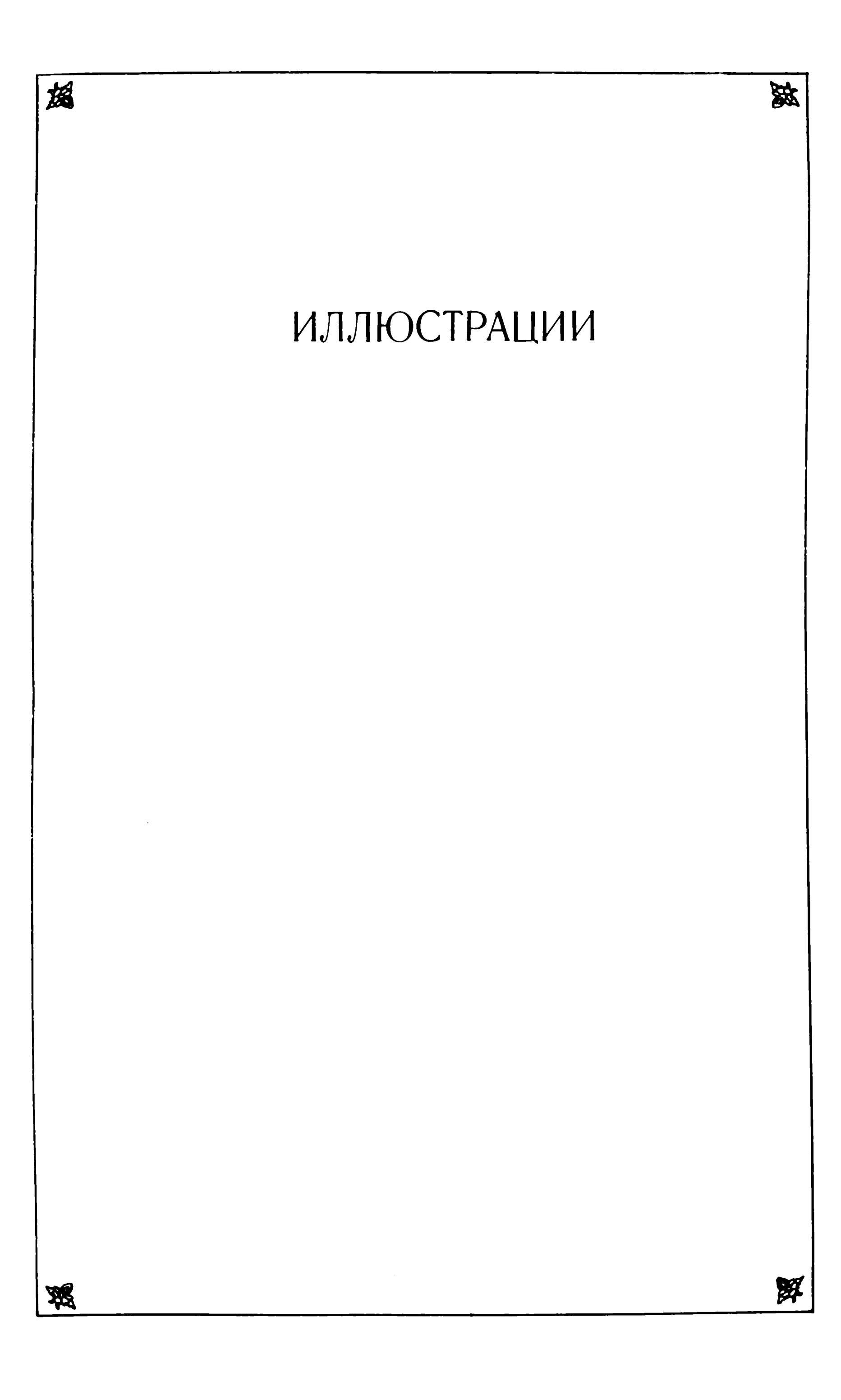
Аще же гладни лѣта, тогда убо мнози мучими суть, их же и видѣхом. — Неурожайными годами на псковщине были 1540, 1544; 1548—1549 гг. был повсеместный недород, и уже в 1547 г. в летописи отмечалось, что «во всех городех Московские земли и в Новгороде хлеба было скудно».

Стр. 656. *...четвертию мѣряюще... скорости ради мѣрныя и вражды и тяжеб межных мѣряти достоит и отделяти поприщми.* — Ермолай вместо четверти как поземельной единицы предлагает более крупную единицу измерения «четверогранное поприще», или квадратную версту.

Стр. 660. *Рече бо господь: «Ему же дано боле, и взищется боле от него, и ему же дано множайше, множайше и просят от него».* — Цитируется текст Евангелия от Луки (12, 48).

Глаголет же и апостолъ к галатом, яко блудницы и прелюбодѣйцы и пьяницы царствиа божиа не наслѣдят. — Послание к Галатам апостола Павла (5, 21), однако приведенный текст у Ермолая ближе цитате из «Первого послания Коринфянам» (6, 10).

Здѣ же видим, яко во градѣ, нарицаемем Пскове, и во всѣх градѣх русийских — корчемницы. — Ермолай как пскович ссылается на пример своего города о вреде существования корчем. В 1547 г. новгородский архиепископ Феодосий написал послание Ивану IV с просьбой о закрытии корчем в Новгороде. В 1550 г. само правительство свидетельствовало о вреде корчем (Памятники русского права, вып. IV. М., 1956, с. 577—578).



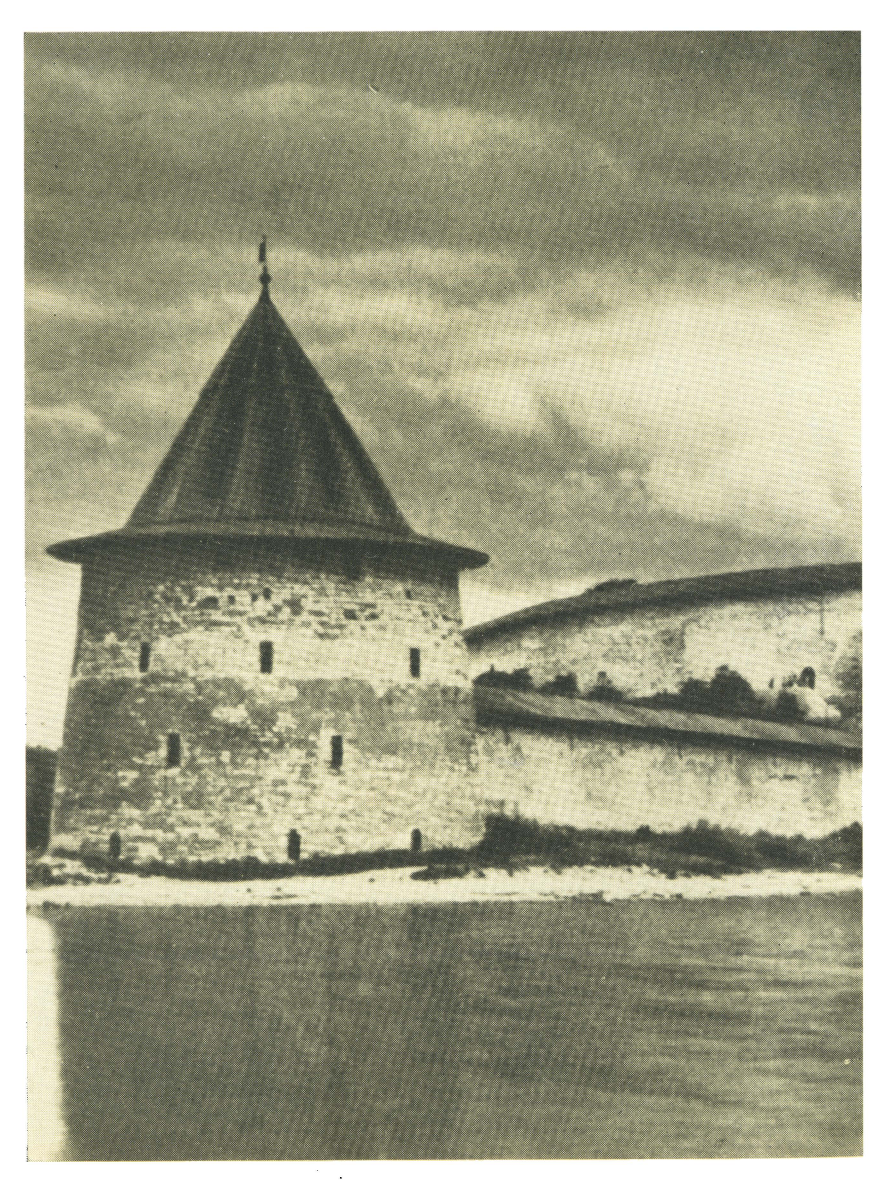
ИЛЛЮСТРАЦИИ

ПОДБОР ИЛЛЮСТРАЦИЙ
О. А. БЕЛОБРОВОЙ

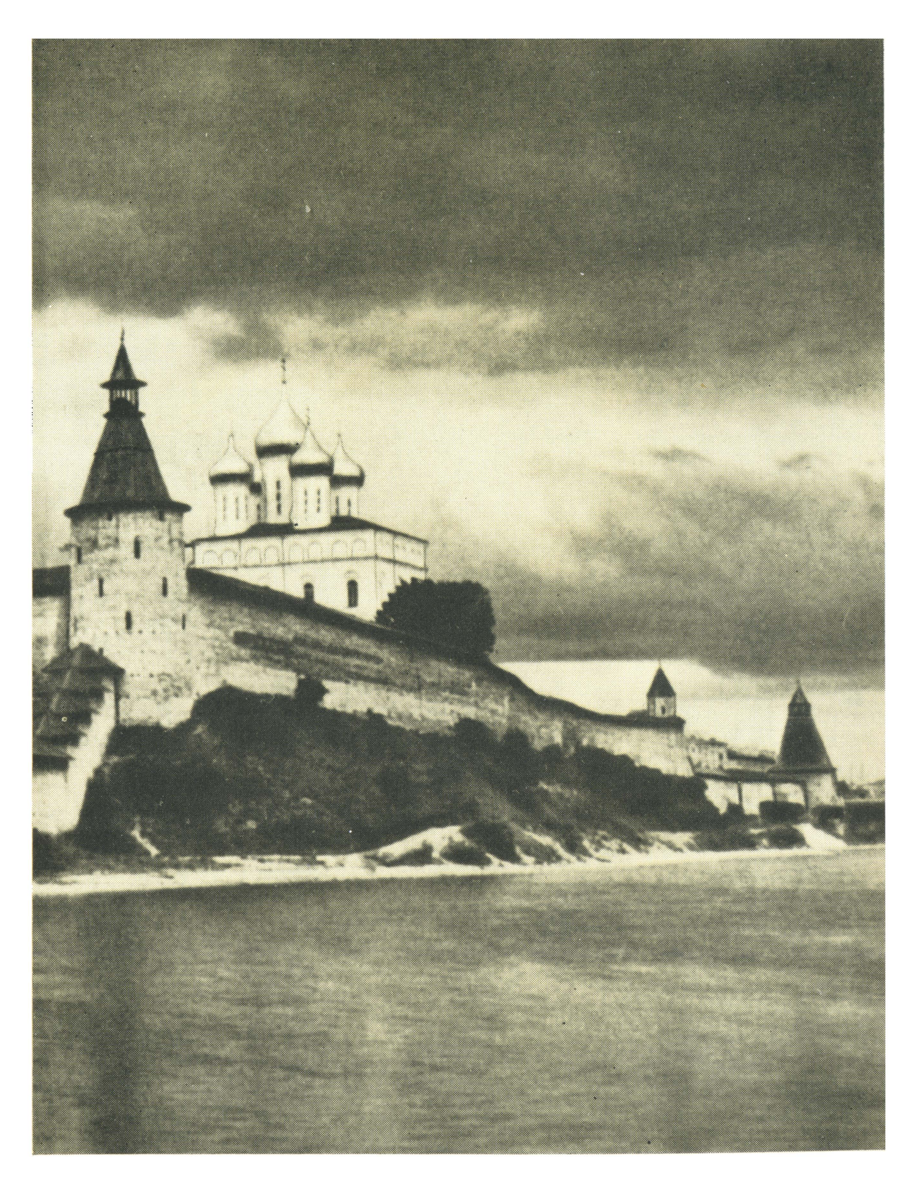
Алевиз Новый. Архангельский собор Московского Кремля.
1505—1508 гг.

Церковь Вознесения в селе Коломенском. 1532 г.

Троицкая башня Московского Кремля.
XVI—XVII вв.



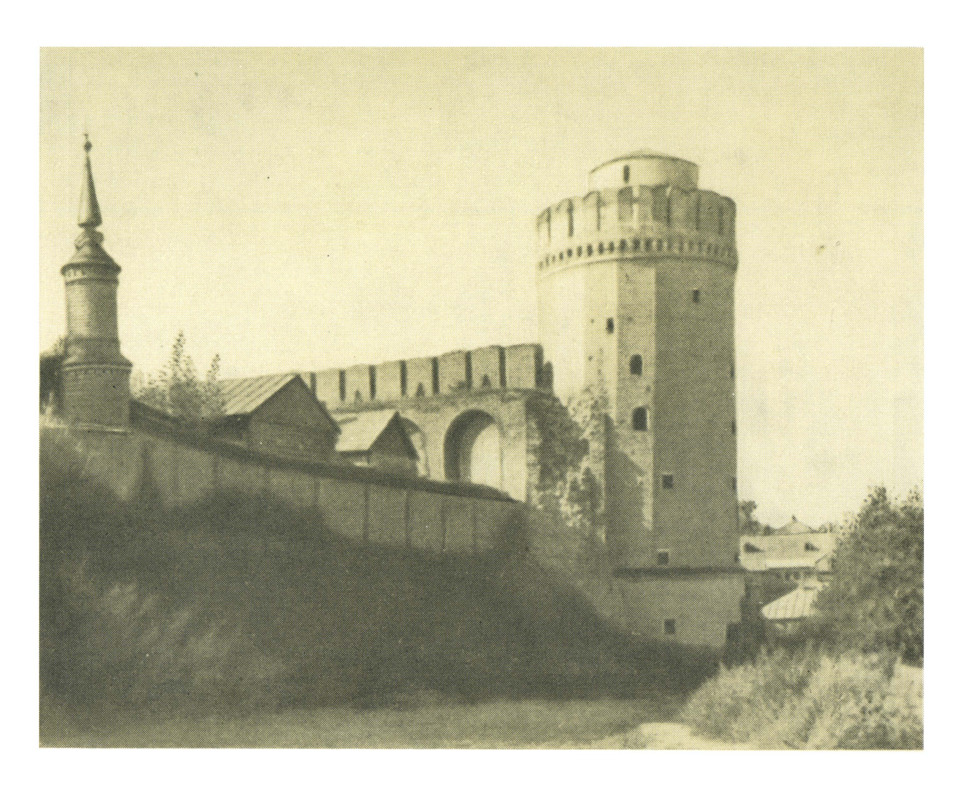
Плоская башня Псковского Кремля. XVI в.



Псковский Кремль. XVI в.

Кирилло-Белозерский монастырь. XVI—XVII вв.

Поваренная башня Кирилло-Белозерского монастыря.
XVI—XVIII вв.

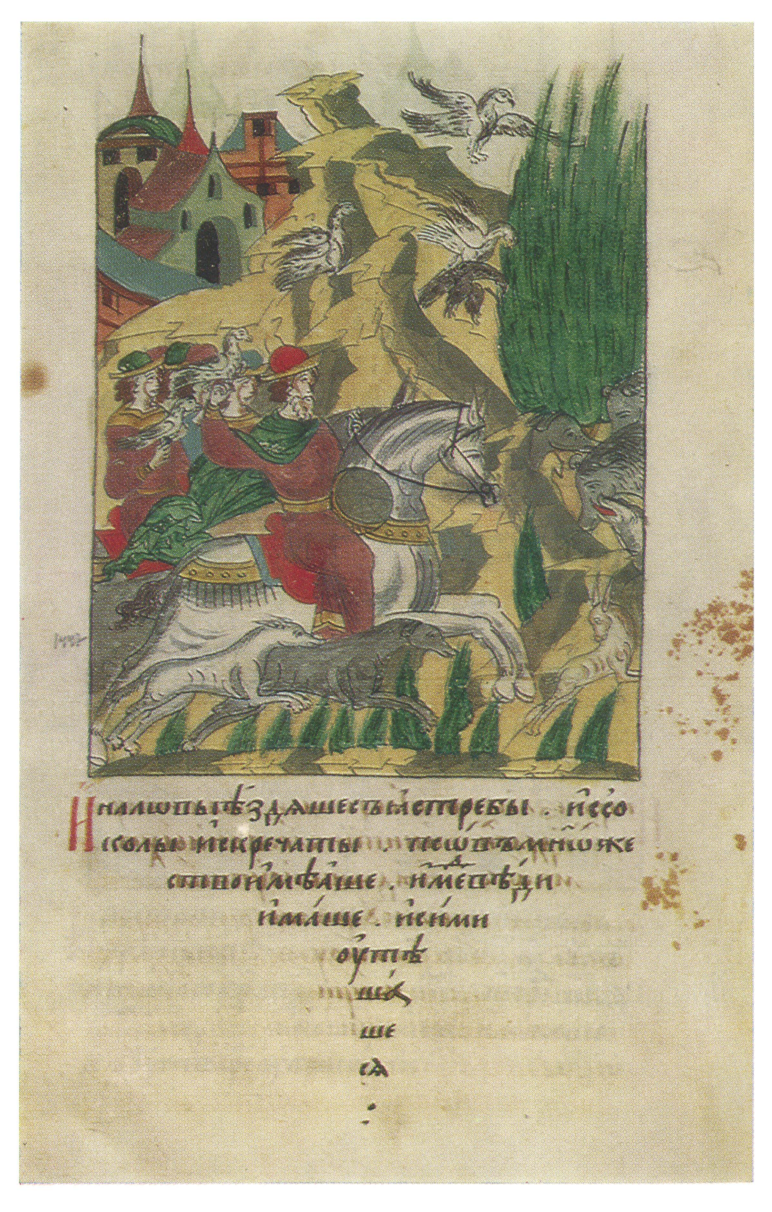


Маринкина башня в Коломне. XVI в.

Петр Ордынский. Роспись Архангельского собора Московского Кремля.

Царица Динара. Икона XVII в. *(ГИМ, Москва).*

Чудо о Новгороде, увиденное хутынским пономарем Тарасием. Фрагмент иконы XVII в. *(ГРМ, Ленинград)*.



Княжеская охота. Миниатюра Лицевого летописного свода XVI в. *(БАН, Ленинград).*

Лука Колочский и медведь. Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в. *(БАН, Ленинград).*

Поход аргонавтов. Битва Язона с драконом.
Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.
(ГИМ, Москва).

Автограф Нила Сорского в рукописи XVI в.
(ГИМ, Москва).

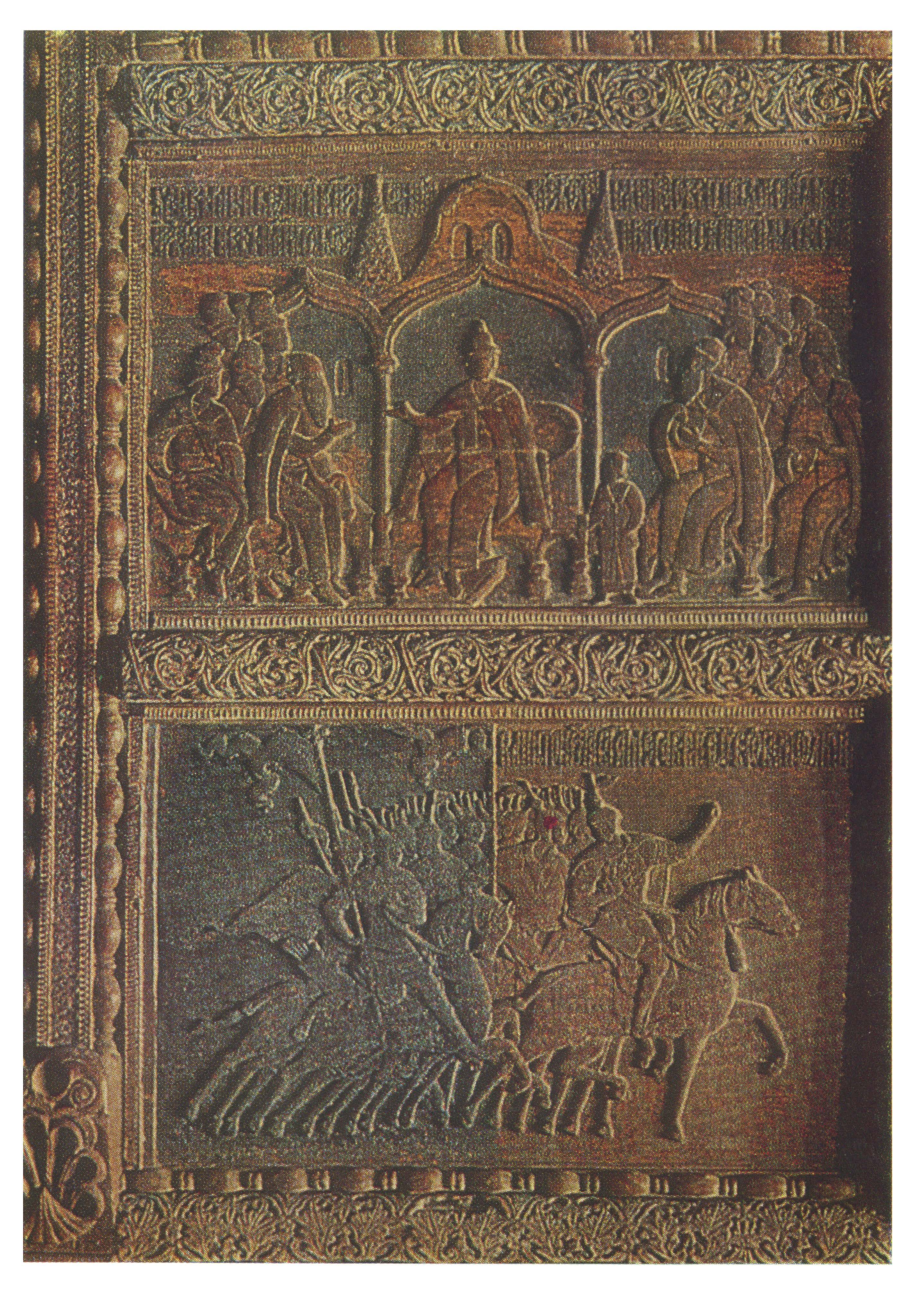
Иосиф Волоцкий. Миниатюра рукописи XVII в.
(ГПБ, Ленинград).

Свадьба сербского краля Милутина и греческой царевны.
Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в. *(БАН, Ленинград).*

Боевое знамя русского войска XVI в. Копия XIX в. *(Гос. Эрмитаж, Ленинград)*.

Воины со стягом. Деталь рельефа
«царского места» Ивана IV Грозного
в Успенском соборе Московского Кремля.

«Царское место» Ивана IV Грозного в Успенском соборе Московского Кремля. 1551 г.



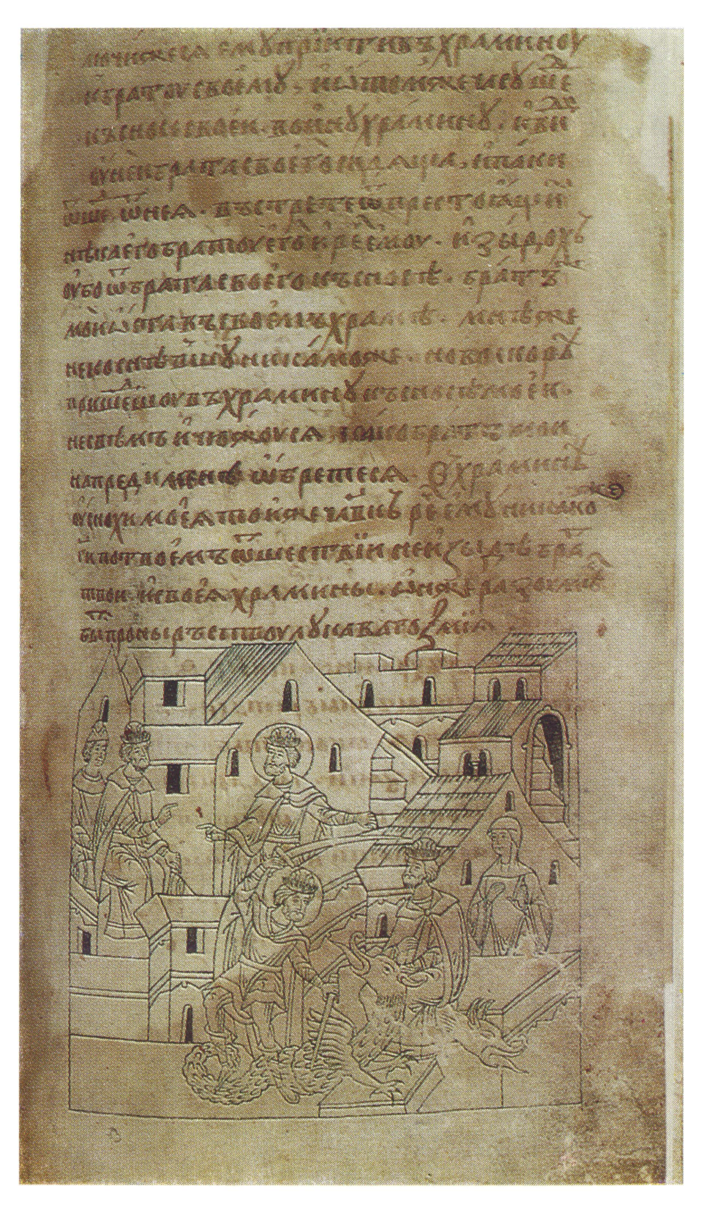
Рельефы «царского места» Ивана IV Грозного в Успенском соборе Московского Кремля. 1551 г.

Рельефы «царского места» Ивана IV Грозного в Успенском соборе Московского Кремля. 1551 г.

Псалтырь 1540 г. Греческий и русский автограф
Максима Грека
(ГПБ, Ленинград).

Максим Грек. Икона XVII в.
(Литературный музей ИРЛИ, Ленинград).

Начало Повести о Василии Рязанском. Автограф Ермолая-Еразма. XVI в. *(ГПБ, Ленинград)*.



Князь Петр убивает змея. Миниатюра рукописи нач. XVII в. *(ГПБ, Ленинград)*.

Феврония за тканьем. Деталь иконы кон. XVI — нач. XVII в.
(Муромский музей).

Щеголь-трубач. Рисунок Василия Кондакова
из Сийского иконописного подлинника. 1666—1690 гг.
(ГПБ, Ленинград).

СОДЕРЖАНИЕ

Д. С. Лихачев. Эпоха решительного подъема общественного значения литературы 5

ЛИТЕРАТУРА ДРЕВНЕЙ РУСИ
КОНЕЦ XV — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVI ВЕКА

Повесть о Петре, царевиче ордынском. *Подготовка текста и комментарии Р. П. Дмитриевой, перевод Л. А. Дмитриева* 20

Повесть о царице Динаре. *Подготовка текста, перевод и комментарии Н. С. Демковой* 38

Повесть о старце, просившем царскую дочь себе в жены. *Подготовка текста, перевод и комментарии Н. С. Демковой* 48

Повесть о Луке Колочском. *Подготовка текста, перевод и комментарии Л. И. Журовой* 52

Повесть о Тимофее Владимирском. *Подготовка текста, перевод и комментарии Н. С. Демковой* 58

Из «Диоптры» Филиппа Пустынника. Разговор души и плоти. *Подготовка текста, перевод и комментарии Г. М. Прохорова* 68

Стефанит и Ихнилат. *Подготовка текста и комментарии О. П. Лихачевой, перевод А. А. Алексеева* 152

Из «Троянской истории». *Подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Творогова* 222

Из «Хроники Константина Манассии». *Подготовка текста М. А. Салминой, перевод и комментарии О. В. Творогова* 268

Послание игумена Памфила. *Подготовка текста, перевод и комментарии В. И. Охотниковой* 318

Завещание Нила Сорского. *Подготовка текста, перевод и комментарии Г. М. Прохорова* 322

Слово об осуждении еретиков Иосифа Волоцкого. *Подготовка текста и комментарии Я. С. Лурье, перевод А. А. Алексеева* 324

Послание Иосифа Волоцкого княгине Голениной. *Подготовка текста, перевод и комментарии Я. С. Лурье* 350

Ответ кирилловских старцев на Послание Иосифа Волоцкого об осуждении еретиков. *Подготовка текста и комментарии Н. А. Казаковой, перевод А. А. Алексеева* 358

Повесть о Псковском взятии. *Подготовка текста, перевод и комментарии В. И. Охотниковой* 364

Из Хронографа 1512 года. *Подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Творогова* 376

Видение хутынского пономаря Тарасия. *Подготовка текста, перевод и комментарии Л. А. Дмитриева* 416

Сказание о князьях владимирских. *Подготовка текста и комментарии Р. П. Дмитриевой, перевод Л. А. Дмитриева* 422
Послания старца Филофея: 1. К великому князю Василию; 2. К Мисюрю Мунехину. *Подготовка текстов, перевод и комментарии В. В. Колесова* 436
Сочинения Максима Грека: 1. Послание о фортуне; 2. Повесть о Савонароле. *Подготовка текстов, перевод и комментарии Д. М. Буланина* 456
Сочинения Федора Ивановича Карпова: I Переписка с Максимом Греком. II Послания Федора Карпова: 1. Максиму Греку; 2. Митрополиту Даниилу; 3. Филофею. *Подготовка текстов, перевод и комментарии Д. М. Буланина* 494
Поучение Даниила, митрополита всея Руси. *Подготовка текста, перевод и комментарии Н. В. Понырко* 520
Тайная Тайных. *Подготовка текста, перевод и комментарии Д. М. Буланина* 534
Сказание об Аристотеле. *Подготовка текста, перевод и комментарии Д. М. Буланина* 592
Сочинения Ивана Семеновича Пересветова: 1. Малая челобитная; 2. Большая челобитная. *Подготовка текстов М. Д. Каган-Тарковской, переводы А. А. Алексеева, комментарии Я. С. Лурье* 596
Сочинения Ермолая-Еразма: 1. Повесть о Петре и Февронии Муромских; 2. Повесть о рязанском епископе Василии; 3. Правительница. *Подготовка текстов и комментарии Р. П. Дмитриевой, переводы: Повести о Петре и Февронии и Повести о епископе Василии Л. А. Дмитриева, Правительницы — А. А. Алексеева* 626

Комментарии 665

На форзаце воспроизведены фрагменты иконы конца XV в. «Апокалипсис» из Успенского собора Московского Кремля.

Памятники литературы Древней Руси. Конец XV — пер-
П15 **вая половина XVI века.** /Вступ. статья Д. С. Лихачева; Сост. и общая редакция Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. — М.: Худож. лит., 1984. — 768 с.

Большое место в шестом выпуске серии «Памятники литературы Древней Руси» занимает публицистика (Послания Филофея, Сочинения Ивана Пересветова, Ермолая-Еразма); широко представлена переводная философская литература, получившая в данный период широкое распространение на Руси и своеобразно видоизменявшаяся применительно к русской действительности, а также исторические произведения (Троянская история, фрагмент из русского «Хронографа» 1512 года и др.).

П $\frac{4702010100\text{-}406}{028(01)\text{-}84}$ **без объявл.**

ББК 84Р1

Р1

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ
КОНЕЦ XV — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVI ВЕКА

Составители
Лев Александрович Дмитриев
Дмитрий Сергеевич Лихачев

Редакторы Ю. Козловский, Е. Малинина

Художественный редактор Г. Масляненко

Технический редактор О. Ярославцева

Корректоры О. Стародубцева, М. Чупрова

ИБ № 3666

Сдано в набор 28.03.83. Подписано к печати 20.12.83. Формат 60×90¹/₁₆.
Бумага типогр. № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая.
Усл.-печ. л. 48,0+альбом=50,0. Усл. кр.-отт. 54,44. Уч.-изд. л. 53,24+альбом=54,78.
Тираж 50 000 экз. Изд. № II-1314. Заказ 870. Цена 4 р. 70 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Художественная литература».
107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени
Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор»
имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

4р.70к.

ПАМЯТНИКИ

ЛИТЕРАТУРЫ

ДРЕВНЕЙ

РУСИ

КОНЕЦ XV –
ПЕРВАЯ
ПОЛОВИНА
XVI
ВЕКА